ПРАВИТЕЛЬСТВО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
АРХАНГЕЛЬСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПЕТР I
У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Материалы
Малого Северного Петровского конгресса
Архангельск, 20–23 апреля 2022 г.

Архангельск
2022

УДК 94(47).05(082)
ББК 63.3(2)511-8Петр I я43
П 30

Составитель: И.М. Гостев
Дизайн, верстка: А.М. Буторин
Тексты публикуются в авторской редакции

П 30 **Петр I у истоков Российской империи :** материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. : [16+]/Правительство Арханг. обл., Арханг. обл. краевед. музей ; сост. И.М. Гостев. – Архангельск: [б. и.], 2022. – 592 с.: ил.

ISBN 978-5-6047778-3-1

В сборнике представлены статьи и доклады участников Малого Северного Петровского конгресса «Петр I у истоков Российской империи», посвященного 350-летию со дня рождения Петра I, состоявшегося 20–23 апреля 2022 года в Архангельске. Материалы охватывают широкую тематику вопросов, связанных с деятельностью Петра I, реализацией его устремлений и сохранением памяти о нем.
Сборник адресован научным работниками, студентам и всем интересующимся отечественной историей.

УДК 94(47).05(082)
ББК 63.3(2)511-8Петр I я43

ISBN 978-5-6047778-3-1

© Коллектив авторов, статьи, 2022
© Гостев И.М., составление, 2022
© ГБУК АО «Арханг. краевед. музей», 2022

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ!

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ СЕВЕРНОГО ПЕТРОВСКОГО КОНГРЕССА!

Благодарю вас за приглашение принять участие в сегодняшнем заседании и, в целом, за то, что вы так деятельно и искренне подходите к празднованию знакового для нашей страны юбилея — 350-летия со дня рождения Петра I. Вообще, Архангельск в последние годы нередко становится одним из центров важных всероссийских историко-просветительских проектов. В 2016 году мне довелось принять участие в памятных мероприятиях по случаю 75-й годовщины прибытия первого союзного северного конвоя «Дервиш». Сохранил об этой поездке, о встречах с жителями Архангельска самые тёплые воспоминания.

Знаю, что для жителей Русского Севера Пётр Великий — не просто историческая фигура, а живой, по-настоящему близкий образ, запечатлевшийся в народной памяти. Молодой царь в первый раз посетил Архангельск в 1693 году. Именно здесь, в столице Поморья, будущий император впервые увидел море. Его просторы произвели на Петра огромное, по-настоящему неизгладимое впечатление. Он днями и неделями ходил под парусом, перенимая великий и вековой опыт местных жителей — русских купцов, иностранных шкиперов, простых моряков-поморов. Это ученье давалось ему нелегко, нередко бывало сопряжено с серьёзным риском для жизни. Архангелогородцам памятен знаменитый Петровский крест, установленный «царём-плотником» в ознаменование чудесного спасения от бури. По легенде, его украшала простая и лаконичная надпись — «крест сей поставил капитан Пётр».

Мысля, в первую очередь, государственными интересами, молодой царь не мог не принять во внимание тот факт, что порт Архангельска был, по своей сути, входом на русский рынок для иноземцев, но не являлся выходом для отечественных купцов на европейские рынки. Ведь собственного флота — ни торгового, ни воен-

ного — наша страна на Белом море не имела. Именно поэтому осенью 1693 года на острове Соломбала вблизи Архангельска по указу Петра закладывается знаменитая Соломбальская верфь. Со стапелей Архангельского адмиралтейства сошли десятки новых кораблей, многие из которых позже стяжали славу в битвах при Гангуте и Гренгаме.

Спустя несколько лет в дельте Северной Двины начали возводиться мощные бастионы Новодвинской крепости. Она по сей день считается одним из лучших образцов отечественной фортификации петровского времени. В 1701 году метким огнём её в ту пору недостроенных батарей была отбита неожиданная атака шведской эскадры. Это сражение стало первой морской победой России в Северной войне. Именно гарнизону Новодвинской крепости удалось сорвать агрессивные планы Швеции — одного из тогдашних лидеров западного мира, стремящегося сдержать развитие России, вытеснить наш народ вглубь континента.

Добавлю, что сегодня Новодвинская крепость является неотъемлемой частью петровского наследия на Русском Севере. Поэтому полностью поддерживаю усилия губернатора Архангельской области Александра Витальевича Цыбульского по восстановлению данного памятника. Это действительно очень важная задача, и Российское историческое общество будет всецело способствовать её решению.

Дорогие друзья!

Хорошо известно, что Новодвинская крепость стала своего рода прототипом Петропавловской крепости. Обеспечение безопасности нашей страны на севере позволило сконцентрировать усилия на балтийском направлении, построить новую столицу — Санкт-Петербург. Экономическое значение архангельского порта в этой связи, безусловно, снизилось. Однако, как свидетельствуют источники, даже многие годы спустя, Пётр I не забывал Русский Север, уделял внимание его защите и развитию.

Сегодня Архангельск продолжает играть ключевую роль в экономическом развитии России. Выгодное географическое положение, качественная инфраструктура и солидный научный и промышленный потенциал делают столицу Поморья одним из центров освоения арктических территорий. Реализация российских проектов в Арктике приобретает сейчас особое значение в контексте обеспечения национальной безопасности страны, защиты её национальных интересов. Речь идёт, в том числе, о развитии Северного морского пути, который является связующим звеном между российским Дальним Востоком и Северо-Западом, между Азией и Европой. Такие проекты имеют, по настоящему, петровский размах, рассчитаны на многие десятилетия вперёд и призваны обеспечить России стратегическое лидерство. Ставя перед собой амбициозные задачи, мы, безусловно, должны опираться на исторический опыт, черпать в нём и уверенность в своих силах, извлекать актуальные и востребованные уроки. Поэтому ещё раз благодарю организаторов Малого Северного Петровского конгресса — руководство региона, отделение Российского исторического общества, Архангельский краеведческий музей, Арктический университет и всех причастных к подготовке этой площадки.

Желаю конгрессу успешной работы, а его участникам — новых идей и всего самого доброго!

С.Е. Нарышкин,
Председатель Российского исторического общества

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КОНГРЕССА!

Хочу вас всех поблагодарить за то, что вы участвуете сегодня в этом важном для Российской Федерации и для Архангельской области мероприятии. Отдельно хочу поблагодарить Сергея Евгеньевича Нарышкина за добрые слова, сказанные им, и особо отметить его вклад в сохранение исторического и культурного наследия петровских времен в Архангельской области.

Сегодня мы даем старт юбилейным мероприятиям, посвященным 350-летию со дня рождения Петра Великого, которые в течение всего года будут проходить в Архангельской области. Жители области и гости нашего региона получат возможность увидеть новые выставочные проекты, принять участие в фестивалях, конкурсах, конференциях, объединенных Петровской тематикой.

Всё, что я скажу, будет где-то пересекаться с выступлением Сергея Евгеньевича, потому что те основные, важные для нас исторические вехи, конечно, не могут быть не отмечены в сегодняшних выступлениях.

Петр I трижды посещал Архангельск: в 1693, 1694 и 1702 годах. Мы с полным правом считаем Архангельск Петровским городом, а Архангельскую область – регионом, который очень тесно связан с жизнью Петра I, и, конечно же, оказавшим серьезное влияние на его формирование и как человека, как личность, и как великого государственного деятеля. Как Петр оказал влияние на развитие Поморья и всего Русского Севера, так, повторюсь, и наш регион, несомненно, повлиял на судьбу Петра.

Здесь, как уже было сказано Сергеем Евгеньевичем, царь впервые увидел настоящее море, побывал в морских плаваниях, здесь он положил начало государ-

ственному отечественному кораблестроению. И я глубоко убежден, что произошло это именно в Архангельской области. Мы находимся в перманентном споре с нашими коллегами из Воронежской области, хотя мне кажется, что этот спор до нас разрешил еще Александр III, который еще в конце XIX века в ответе воронежскому губернатору четко обозначил, что всё-таки в 1693 году военно-морской флот был заложен в Архангельской области, а в 1694 году – совершил первый выход в мировой океан.

Вблизи Архангельска царь основал первую приморскую каменную бастионную крепость России – Новодвинскую крепость, о которой сегодня в своем выступлении довольно подробно сказал Сергей Евгеньевич Нарышкин. Для меня этот проект очень важный, я действительно считаю на сегодняшний день, что мы сильно виноваты перед будущими поколениями в том, что не сумели сохранить Новодвинскую крепость в том виде, в котором она должна быть, и надо эту сложившуюся ситуацию сегодня нам исправлять. Поэтому мы уделяем большое внимание тому, чтобы этот действительно важнейший и с исторической, и с культурной точки зрения объект был возрожден и получил, что называется, новую жизнь: как символ, как памятник и как на самом деле назидание нашим потомкам о том, какими трудами была завоевана и дарована нам независимость, сила и мощь Российского государства и русского флота.

Сегодня Новодвинская крепость в поле нашего пристального внимания: мы ставим перед собой достаточно амбициозную цель по воссозданию её и окружающего ландшафта, и думаю, что у нас общими усилиями всё получится, тем более что уже многие люди даже высокого федерального уровня готовы нас в этом проекте поддерживать.

Из Архангельска началась и военная операция Петра I, получившая название «Осударева дорога». Закончилась она основанием Санкт-Петербурга, что мы тоже считаем, в общем-то, не состоялось бы, не будь Петра в Архангельской области, в Архангельске, и не получил бы он тут то воспитание и ту закалку, которая благодаря Архангельску в нем появилась. Именно тогда и возникла глубокая духовная связь между двумя нашими городами, ранняя история которых переплелась на полях сражения Северной войны.

Архангельский краеведческий музей, где мы сегодня с вами находимся, также хранит большое количество Петровских реликвий. Это – подлинные артефакты, связанные с деятельность великого реформатора. Основанный в 1837 году музей почти два столетия ведет работу по сохранению и приумножению Петровского наследия. Но я говорю о том, что этот музей важен и с историко-культурной точки зрения. Но я думаю, что с учетом того, что музей располагается в здании Гостиных дворов второй половины XVII века вполне возможно, что будущий император именно здесь в свое время, находясь в Архангельске, как минимум, проводил свое свободное время, а может быть, и принимал важнейшие государственные решения. Оттого ответственность и дух нашего конгресса сегодня будут особенно значимы.

Еще раз рад вас всех сегодня приветствовать. Спасибо за то, что участвуете в сегодняшнем мероприятии. Я желаю вам успешной, как принято говорить, плодотворной работы, надеюсь на интересные дискуссии, на поиск и нахождение новых фактов, доселе нам неизвестных.

Желаю вам успехов в работе, спасибо, удачи.

А.В. Цыбульский,
Губернатор Архангельской области

ИСТОРИЯ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

И.М. Гостев

АРХАНГЕЛЬСК ПЕТРА I

Архангельск недаром называют «Первыми воротами государства российского». Здесь слово «Первые» не значит очередность, ведь и кроме него были другие пути из России в европейские страны, был порт Астрахань. Также как Красная площадь была названа не за цвет, а за красоту, название «Первые» значит «Главные». Город фактически был тем фасадом страны, которым она была обращена на Запад. Он был задуман и построен как международный торговый порт. Именно с такой позиции молодой царь Петр Алексеевич относился к Архангельску.

Сюда приходили корабли из Западной Европы, на них прибывали дипломаты, приезжали специалисты разных сфер деятельности, которые стремились применить свои знания и умения на новой для них территории, а возможно и остаться здесь навсегда. Сюда иностранные купцы привозили товары имевшие большой спрос в России, а отсюда россияне экспортировали то, что пользовалось спросом за рубежом. Здесь сложился вожевой промысел, прообраз лоцманской службы, необходимый для безопасной проводки судов и функционирования порта, через который в Россию привозили оружие, стратегические материалы и новые технологии. Таможенные платежи обеспечивали значительный доход в государственную казну. В Архангельске сложилась Немецкая слобода, которая по своим размерам уступала только московской. Город был многонациональным и мультикультурным.

Жизнь на берегах северных рек и морей научила местных жителей судостроению, благо, качественного строевого леса было в избытке. Поморские кочи и лодьи обладали хорошей мореходностью и ледостойкостью, некоторые из них по своим размерам и грузоподъемности превышали многие торговые корабли европейцев, приходившие в Архангельск. Баренцево море, по сути стало внутренним морем – поморы освоили побережье Кольского полуострова, ходили на промысел на Грумант (Шпицберген) и Матку (Новую Землю), освоили морской путь в Сибирь, а, при необходимости, ходили вокруг Скандинавии на Балтику и в Великобританию, однако торговать предпочитали на своей земле.

Развитие внешней торговли неизбежно дало толчок активизации внутренней торговли и промыслов, таких как извозный, бочарный, дрягильный, кожевенный и др. Ярмарки в Холмогорах, а затем и в Архангельске обеспечивали возможность широкого распространения иноземных товаров на российском рынке.

Однако, были у Архангельска и свои недостатки. Среди них: большое удаление от столицы; отсутствие дорожной сети – все коммуникации осуществлялись только по рекам – летом по воде, зимой по льду; сложные климатические условия и, как следствие, короткий период навигации; сложный речной фарватер и отсутствие четкого регламента управления портом. Была проблема с контролем и, в случае опасности, с невозможностью перекрытия судоходного устья, а также входным таможенным контролем, что способствовало контрабанде и ввозу фальшивого серебра. Отдельные проблемы существовали со злоупотреблениями, творимыми некоторыми иностранными купцами, которые приводили к убыткам царской казны и русских торговых людей. Одна часть проблем имела свое решение, для чего была необходима политическая воля, другая часть была данностью, которую невозможно изменить.

О размерах отпускной торговли в Архангельске в допетровские времена можно судить, например, по данным только за один 1653 год: хлеба (рожь, ячмень, пшеница и льняное семя) было продано на 264 400 руб.; мехов на 146 554 руб.; кож на 370 868 руб.; других товаров на сумму более 1 000 000 руб[1].

В Архангельский порт приходили голландские, английские, гамбургские, бременские, датские, шведские, французские, бранденбургские (прусские) корабли. Так, до первого приезда Петра I на север, по данным из дел Посольского приказа известно количество торговых кораблей, приходивших в Архангельск в разные годы[2].

Год	Количество пришедших в Архангельск кораблей	Сборы портовой таможни (за импорт) за отдельные годы
1600	21	
1604	29	
1618	43	
1621	67	20278 руб.
1634	54	
1655	67	51585 руб. 56,5 коп.
1658	80	91742 руб. 34,5 коп.
1668	37	74660 руб. 50,5 коп.
1669	47	77872 руб. 89,5 коп.
1670	30	66021 руб. 12 коп.
1673	33	52267 руб. 47,5 коп.
1693	49	

Снижение численности приходящих в Архангельск торговых кораблей с 1668 г. объясняется принятием в 1667 г. Нового Торгового устава и стремлением иностранцев добиться его отмены. Однако, попытка такого давления результатов не принесла.

В 1682 г. в Холмогорах – административном центре Двинской земли – была образована новая Холмогорская и Важская епархия, во главе которой был поставлен архиепископ Афанасий. С 1683 г. он начал активную деятельность по хозяйственному становлению епархии, строительству каменных храмов, преследованию староверов[3]. Не все свершенное им можно признать однозначно полезным. В частности, пользуясь непререкаемым авторитетом и властью, он захватывал приглянувшиеся ему земли, тем самым разоряя успешные хозяйства; категорически запретил давно установившиеся контакты православных с иноверцами, а именно с иностранцами, чем вызвал недовольство местного населения, потерявшего свои значительные регулярные доходы[4].

В 1683 г. завершилось строительство каменного Архангельского города – по тем временам самого большого каменного строения на Русском Севере, объединившем в одном комплексе крепость и два гостиных двора – Немецкий и Русский.

Приезд Петра I в Архангельск в 1693 г. ознаменовал новый расцвет Двинской земли, активизацию внешней торговли.

Два первых приезда Петра в Архангельск в 1693 и 1694 гг. были посвящены знакомству царя с морем, обучению мореходному делу, первым морским походам,

[1] *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. М., 2009. С. 125–126.

[2] Там же. С. 111.

[3] *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб, 1908.

[4] *Грандилевский А.* Вавчуга, Баженины и память о Петре Великом, связанная с ними. // Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. Под редакцией А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. С. 108–109.

началу строительства отечественного военно-морского флота. Все это происходило в тесном контакте с иностранными купцами, промышленниками, моряками.

Так к первому приезду Петра силами иностранных мастеров и русских плотников была построена 12-пушечная адмиральская яхта «Святой Петр» – очень популярный в Европе тип маневренного скоростного боевого судна[5]. На ней Петр совершил первый шестидневный морской поход и дошел до горла Белого моря. Протяженность первого плавания составила 600 верст[6]. Итогом его первого приезда стало принятие решения о создании российского флота – военного и торгового. Это случилось 6 сентября 1693 г.[7].

Именно об этом решении Петр написал в «Предисловии к доброхотному читателю» Морского устава 1720 г.: «Таковым довольным плаванием обрадован был, но не удоволен государь наш; того ради всю мысль свою уклонил для строения флота»[8]. Решение было подкреплено практическими действиями: назначением нового воеводы – Ф.М. Апраксина, и данным указанием о постройке к будущей весне 24-пушечного фрегата – того самого, который будет назван «Святой Павел», и Францу Лефорту – о приобретении в Голландских штатах 44 пушечного корабля[9].

Надо сказать, что именно на «Святом Петре» Петр впервые продемонстрировал миру российский триколор в том виде, который мы сейчас знаем – бело-сине-красное полотнище – на котором был вшит двуглавый орел. Позже этот флаг будет подарен архиепископу Афанасию, а в 1914 году увезен в Санкт-Петербург, где ныне и хранится в Центральном Военно-Морском музее[10].

Перед отъездом в Москву, 17 сентября, Петр, отмечая зарождение российского морского флота устроил в Архангельске фейерверк, центральным элементом которого стал «кораблик». Здесь впервые в России был устроен фейерверк с аллегорическим сюжетом и политическим подтекстом[11].

В том же 1693 году, возвращаясь в Москву. Царь заехал в Вавчугу, где осмотрел лесопильное производство братьев Баженины – основателей российского промышленного лесопиления и деревообработки[12].

Покинув Архангельск, Петр из столицы постоянно контролировал выполнение своих поручений, а уже весной 1694 года, следом за двинским ледоходом, вернулся сюда. В Архангельске он первым делом торжественно спустил на воду «Святого Павла» и вооружил его 24 пушками, которые он сам привез из Москвы. А пока, дожидаясь прибытия из Голландии заказанного корабля, на «Святом Петре» царь отправился на Соловки и чуть не погиб в штормовом Белом море. Спасения уже никто не видел, и лишь искусство корабельного кормщика – соловецкого стрельца Антипа Панова, проведшего судно меж камней в Унскую губу – спасло путешественников. В благодарность богу за свое спасение Петр собственноручно срубил трехметровый сосновый крест, который установил на месте высадки на берег. Крест не постигла

[5] *Изюмов А.* Некоторые новые данные к вопросу о первом пребывании Петра Великого в Архангельске в 1693 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. № 10. С. 796, 799.

[6] Летописец «О начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе диаконом». ОР РНБ. Собрание А.А. Титова. № 4682. Л. 10об.; Гордон П. Дневник 1690–1695. М., 2014. С. 219.

[7] Летописец «О начале Русской земли…». Л. 10об.–11.

[8] Законодательство Петра I. М., «Юридическая литература», 1997. С. 238.

[9] *Лефорт Ф.Я.* Сборник материалов и документов. М., 2006. № 41. С. 124–125.

[10] О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости / иждивением Н.[И.] Новикова и компании. М., 1783. С. 23–24.

[11] Там же. С. 33–34.

[12] *Гостев И.М.* Холмогорские купцы братья Осип и Фёдор Баженины у истоков российского промышленного лесопиления и лесоэкспорта // Освоение Севера: из прошлого к будущему: Доклады конференции к 100-летию открытия Норильского месторождения. Красноярск. 14–15 декабря 2020 г. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 47–57.

участь подобных обетных памятных крестов поморов. Его сберегли, как святыню, и ныне он экспонируется в Архангельском краеведческом музее[13].

После трехдневного молебна в Соловецком монастыре Петр возвратился в Архангельск, где, дождавшись прибытия 40-пушечного корабля, который нарек – «Святое пророчество», совершил первую конвойную операцию военного флота – сопроводил иностранный торговый караван в Северный Ледовитый океан. Это событие стало основанием для императора Александра III, который в 1894 году отказал губернатору Воронежа, желавшему заявить историческое первенство на строительство российского флота и попросившему о признании 2 апреля 1696 г. датой основания флота, а Воронежа – его родиной. Дословно, мотивация такая: «Ранее спуска 2 апреля 1696 г. в Воронеже трех военных галер "Принципиума", "Св. Марка" и "Св. Матвея" был заложен царем в 1693 году на Соломбальской верфи 24-пушечный корабль. В начале 1694 года был спущен корабль, а пока корабль вооружался на яхте "Св. Петр" царь ходил в Соловецкий монастырь. Купленный в Голландии корабль "Святое Пророчество", "Апостол Павел" и яхта "Святой Петр" плавали с царем до Святого Носа в 1694 году, т.е. ходили в океан, а потому событие это относится гораздо более к зарождению Флота, чем постройка Флотилии в Воронеже и действия ея на реке Дон»[14].

Еще до возращения в Москву, Петр заказал в Голландии 32(34) весельную галеру, по образу которой хотел построить флотилии для похода по Волге в Каспийское море, задумав, взять под контроль двинско-волжский торговый путь – участок шелкового пути – который активно эксплуатировали англичане. Эта галера прибыла в Архангельск, а затем, в разобранном виде была перевезена в Преображенское, где, заимствуя иностранную технологию, начали строительство российских галер[15].

Начавшаяся война с турками за Азов в 1695 г. с наскоку не удалась, для блокады Азова был нужен флот, и галеры из Преображенского были перевезены к Воронежу на Дон, где были достроены, судя по всему, именно они стали теми самыми тремя первыми галерами, которыми так гордился воронежский губернатор, и гордился не зря – благодаря действиями этих галер и первых судов воронежской постройки был взят Азов.

Это помешало осуществлению волжского проекта Петра, а точнее вынудило отложить его реализацию, без малого на 30 лет.

Следующие 8 лет Петр не бывал в Архангельске, но это совсем не значит, что он забыл о главном порте России и не контролировал происходящее здесь.

Прежде всего, здесь оставался воеводой один из ближайших сподвижников царя – Ф.М. Апраксин, который претворял с жизнь замыслы и поручения царя, о чем в конце 1697 г. он отправил Петру письменный отчет. Так, в 1695/1696 г. было изготовлено новое полковое урядство – парадное убранство – трех двинских стрелецких полков, из которого до наших дней дошли центральные фрагменты двух полковых знамен, хранящихся в настоящее время в Архангельском краеведческом музее. В эти же годы в центре Архангельска были построены новый воеводский двор и береговой обруб, а в каменной крепости шесть амбаров для казенных товаров, исправлены все, пришедшие в ветхость, пушечные станки. Но самое главное, что сделал Апраксин, заботясь о людях, живших на подчиненных ему землях – он спас население от голода в неурожайные 1695 и 1696 гг. Вот как об этом он сам написал Петру I: «…В прошлых же [7]204-м и [7]205-м годех… учинился на Двине хлебный

[13] *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: события, реликвии, историческая память. Архангельск, М., 2022. С. 37–43.

[14] РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1264. Л. 1–14.

[15] *Лефорт Ф.Я.* Сборник… № 46, 47. С. 136, 138.

недород. И в тех годех во время зимы, когда ни откуда хлебного привозу на Двину не бывает, а в продаже на Двине ни у кого не было, как и ныне нет. И я… в те годы для той хлебной самой крайней скудости им двинянам – посадским людям и уездным крестьянам, ис твоих, великого государя, житниц велел продать хлебных запасов: три тысячи пятьсот четверней ржи, тысячу четвертей овса, настоящею ценою, потому что тот хлеб в остатке был за стрелецкою дачею, а на те денги, что из житниц хлеб продаван… веснами из верховных городов и с Вологды, хлебных запасов то число на Двину привезено и отдано в житницы сполна. А есть ли б ис твоих, великого государя, житниц тово хлеба двинянам не продавать, и на Двине б от той хлебной скудости многие померли, а иные б розбрелись в верховные города, и твоих бы, великого государя, податей и стрелецких оброчных денег взять было бы не на ком»[16].

Несомненно, такая помощь населению, при этом исполненная без какой-то социальной дискриминации и бескорыстно, дала почву для поистине всенародной популярности Ф.М. Апраксина на Двинской земле. Надо понимать, что это обеспечило преданность власти в стрелецких полках, которые в 1698 г. не поддались на агитацию и не выступили на стороне восставших московских стрельцов.

Несмотря на близость Ф.М. Апраксина к царствующей особе, была проведена финансовая ревизия деятельности воеводы, которая особо коснулась первых двух лет его службы. Ревизия не выявила никаких нарушений[17].

Следующему двинскому воеводе князю М.И. Лыкову было поручено создание морской пограничной стражи. Воеводе предписывалось: «Смотря по вестям, посылать на море в судах голов и капитанов стрелецких, а с ними стрельцов, человек по пятидесят и по сту, и велеть ездит морем, по которым местам доведетца, и смотрит откуду какие карабли на море появятца, и они б про те карабли проведывали сколько тех караблей, и ис которых государств и для чего идут – с товары или воинские, а проведав про те карабли подлинно, велеть им ехать к Архангельскому городу наскоро. И что про те карабли головы и капитаны скажут о том к великому государю писать к Москве наскоро с нарочными гонцы, смотря по вестям. А самим жит с великим бережением, чтоб никакие воинские карабли безвестно к Архангельскому городу не пришли и дурна б никакова городам и посадам, и уезду не чинили»[18].

Таким образом, на стрельцов были возложены новые обязанности, которые сильно ограничивали их свободу. Как известно, стрельцы в свободное от несения службы время были свободны в выборе занятий, как правило они занимались какой-либо разновидностью бизнеса – от мелкого надомного до серьезного, такого как строительство или судовождение. Именно поэтому в «Наказе» специально предписывалось, что стрельцам велено «жить непрестанно в Архангельском городе, а на промыслы их никуда не отпускать, чтоб в приходе воинских людей и у города служилых людей было немалолюдно», было сделано лишь одно исключение – гайдуков было запрещено посылать в море[19].

Воеводе князю М.И. Лыкову, по-видимому, все-таки удалось организовать морскую пограничную стражу, несмотря на то, что двинские стрельцы в начале 1699 г. были забраны в Москву на службу. Это подтверждается тем, что в наказе

[16] РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1697 г. Д. 697. Л. 1–2.

[17] Там же. Д. 945. Л. 1–7.

[18] Там же. Оп. 6. 1697 г. Д. 518. Л. 13.

[19] Там же.

следующему двинскому воеводе А.П. Прозоровскому подтверждается поручение по действию пограничной службы на Белом море[20].

Стрелецкое восстание 1698 г., одно из наиболее известных в истории России, стало причиной досрочного возвращения царя Петра из путешествия по Европе. Прибыв в столицу, Петр возглавил следствие и увидел, что к заговору в той или иной мере – от организаторов и зачинщиков, до сочувствовавших и колеблющихся – причастно большинство московских стрельцов, что резко меняло реальный расклад сил в столице и ближайшей округе. В городе стало некому исполнять полицейские и сторожевые функции, которые были возложены на московских стрельцов. Выступившие против власти стрельцы – изменившие престолу – не могли следить за порядком в столице.

Кем заменить изменников? В Москву были вызваны наиболее надежные стрелецкие полки, и среди них два холмогорских полка. Почему же было принято такое решение? Царь знал эти полки по своим поездкам в Архангельск; с их офицерами он провел немало времени – обедал и ужинал; подарил полкам деньги на «полковое урядство» (парадное убранство); он был уверен в их благонадежности, в особенности после их челобитной с просьбой об оставлении на Двине Фёдора Матвеевича Апраксина бессменно в качестве воеводы, а царь Пётр прекрасно знал непростой характер своего родственника и соратника. Кроме того, именно двинским стрельцам Пётр поручил стать первыми морскими пограничниками.

В самом конце 1698 г. царь Пётр Алексеевич указал, чтобы «...с Колмогор Русского и Гайдуцкого приказов голов и капитанов и стрельцов с ружьем – с мушкеты и з бердыши, и з знамены, и со всяким полковым строем... выслать к Москве безсрочно», выдав им денежное и хлебное жалованье на полгода вперед. Для того, чтобы не возникло задержек по пути, царь предусмотрел, чтобы воевода обеспечил на весь путь по санной подводе с проводником под перевозку оружия, знамен, барабанов, и личного скарба 10 стрельцов, а это нам говорит, что сами люди должны были пешком преодолеть весь путь, который составляет около 1000 верст. Такой указ 30 декабря 7207 (1698) г. был отправлен из Москвы в Холмогоры в адрес боярина, Двинского воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова и дьяка его Еремея Полянского, за подписью думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева[21].

Подпись под указом лично главы Новгородского приказа, а не одного из приказных дьяков, говорила воеводе о наивысшем приоритете такого документа. Указ из столицы на Холмогоры был доставлен уже 15 января и немедленно принят к исполнению[22]. 22 января была получена новая грамота, уточнявшая и детализировавшая первоначальный царский указ. Исходя из новых требований, из числа посылаемых в столицу следовало исключить стрельцов, которые были сосланы на Двину на вечное поселение и приверстаны в стрельцы. По итогам составления именных списков выяснилось, что в Холмогорах осталось 54 стрельца, из числа ссыльных, которым было приказано стоять на караулах, вместе со стрельцами архангельского Городского полка. Таким образом, 25 января в Москву отправились стрелецкие головы Русского и Гайдуцкого полков Тимофей Сверчков и Афанасий Казимеров, девять капитанов и 1128 стрельцов[23].

Через месяц после выхода из Холмогор полки пришли в Москву, 26 февраля стрелецкие головы доложили в Новгородском приказе о прибытии и передали

[20] Тревожные годы Архангельска 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. № 2. С. 29.

[21] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698 г. Д. 505. Л. 1.

[22] Там же. Л. 8-9.

[23] Там же. Л. 10–12.

именные списки личного состава[24]. После двухдневного отдыха 28 февраля холмогорские стрельцы были отправлены в Преображенский приказ в распоряжение стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского[25]. За время несения службы в Москве неизвестно ни об одном случае совершения какого-либо проступка двинскими стрельцами. Домой в Холмогоры из столицы они были отправлены только в конце марта 1701 г.[26], а значит прибыли на Двину не раньше конца апреля, дорога по весенней распутице требовала много времени.

За время отсутствия стрельцов на Двине в Холмогорах случился катастрофический пожар и страшный ураган на Двине. Вот как об этом сообщается в выписке Новгородского приказа: «А в прошлом де в [7]207 году волею божиею на Колмогорах на посадех церкви божии и таможня, и ряды лавки, и амбары с товары и с лодейными снастями выгорели, и посацких их людей дворы с пожитками их згорели потому, что в то время были они у города Архангельского на ярманке, а стрелецкие полки взяты к Москве. Да у них же от многих хлебонедородных годов и морских беспромыслиц и от вышеписанного пожарного разорения многие посацкие люди розбрелись врознь. А в [7]208 году сентября в 6 число морские их суды бурею все побило и по берегам розметало»[27].

В это же время в Архангельске вновь активизировалось судостроение – по царскому указу в Архангельске на соломбальском берегу была обустроена верфь, на которой Елизарий Избрант заложил шесть больших транспортных кораблей – флейтов. Практически одновременно с этим, в Вавчуге под Холмогорами, братьями Баженинами была обустроена первая купеческая судоверфь и заложены первые транспртные суда европейского типа[28].

В связи с началом Северной войны и сокрушительным поражением русской армии под Нарвой, 17 декабря 1700 г. Петр I повелел возвести крепость на подступах к Архангельску со стороны Белого моря, которая бы перекрывала судоходный фарватер и защитила город от нападения противника со стороны моря[29].

Все имевшиеся на Двине запасы стройматериалов, независимо от целей хранения и их владельцев, были собраны для строительства крепости, что обеспечило необходимыми ресурсами начальный период строительства, к которому приступили 1 мая 1701 г., когда на стройплощадке еще лежал снег, а на реке не сошел лед. Работа велась рекордными темпами. Уже в конце мая на подготовленной площадке был готов котлован под забивку свай, а 12 июня началась укладка фундамента стен. Одновременно возводилась система береговых батарей, которые в ночь с 25 на 26 июня в 13 часовом сражении отразили нападение передового отряда шведского флота, захватив два вражеских судна с полным вооружением в качестве трофеев.

Победа 26 июня 1701 г. предопределила возможность Полтавской победы – поворотного момента в отечественной и европейской истории XVIII в. Благодаря этому был сохранен единственный морской порт, обеспечивавший внешнюю торговлю, через который в Россию поступали новейшее европейское оружие и так необходи-

[24] Там же. Л. 13 об.

[25] Там же. Л. 16.

[26] Там же. Л. 180–189.

[27] Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 245. Л. 1об.

[28] *Гостев И.М.* Колыбель российского флота: Архангелогородский период // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей с 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 5 (21)). СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 32–61; *Гостев И.М.* Холмогорские купцы и лесопромышленники братья Баженины у истоков российского купеческого судостроения // Беломорские чтения. Выпуск 4: материалы V межрегиональной научно-практической конференции (пос. Уемский – дер. Пустошь) 23–24 апреля 2021 г. Архангельск, 2021. С. 81–90.

[29] Указ А.П. Прозоровскому о постройке новой крепости в устье Северной Двины; 1700 г., декабря 17 // Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. М., 2009. № 63. С. 82.

мые стратегические материалы. Была сохранена судоверфь, обеспечивавшая Россию морскими военными кораблями и торговыми судами, верфь, на которой зарождался флот. Все это помогло России одержать победу в Северной войне, положив конец безраздельному господству Швеции на Балтике.

Опасность, грозившая Архангельску, потребовала срочного усиления его гарнизона. Из столицы были посланы 60 пушкарей, московский драгунский полк Иойля Ознобишина и пехотные полки Матвея Бордовика и Алферия Шневенца[30].

Одновременно со строительством крепости формировалась и флотилия береговой обороны. Первоначально поставленную задачу по строительству шести брандеров (зажигательных судов) не удалось решить к приходу шведов в 1701 г., да они, к счастью, и не понадобились. Доделать задуманное и в дополнение к этому построить первые две плавучие батареи смогли только летом 1702 г.[31]. В дальнейшем, эта флотилия совершенствовалась и пополнялась.

В 1702 году Петр I третий раз посетил Архангельск. На сей раз его приезд был связан с организацией обороны Русского Севера. Город стал отправной точкой срытого маневра войска с задачей выхода к истоку Невы, где осенью была осаждена и взята шведская крепость Нотебург – бывшая русская крепость Орешек. Отсюда началось вытеснение шведов с бывших русских земель на Балтике.

Не обошлось и без внимания Петра I к строительству флота. Он лично спустил на воду малые фрегаты «Святой Дух» и «Курьер» и заложил фрегат «Святой Илья»[32].

Находясь в Архангельске, царь не просто наблюдал за строительством Новодвинской крепости, а активно участвовал в организации работ, направив своих ближайших сподвижников руководить отдельными наиболее ответственными участками. Комендантом возводившейся крепости Петр назначил полковника М.М. Бордовика, которому при отбытии монарха был вручен письменный наказ. Этот документ примечателен не только тем, что он был первым наказом коменданту морской (приморской) крепости, но и тем, что этот наказ стал образцом для аналогичного, данного позже, наказа коменданту Кронштлота[33].

Инициатива адмиралтейского комиссара Елизария Избранта, поддержанная вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом о реформе лоцманской службы и порта совпала с мыслями Петра I, и это привело к коренной реформе всего портового хозяйства и его огосударствлению[34]. Сложившаяся система была внедрена в других портах России и, с незначительными коррективами, дошла до наших дней.

Несмотря на то, что в Архангельск Петр I больше не приезжал, строительство флота, возведение Новодвинской крепости, реформа порта, международная торговля требовали его пристального внимания. Поддержка статуса Архангельска на государственном уровне и его планомерное развитие, несмотря на продолжавшуюся

[30] *Гостев И.М.* Информация об Архангелогородском (Двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701–1721) по опубликованным источникам и документам, хранящимся в РГАДА и ГААО // Защитники Отечества: общественно-научные чтения по военно-исторической тематике: Материалы научных конференций: XXX, XXXI, XXXII общественно-научных чтений. Вып. 13. Архангельск, 2014. С. 13–15.

[31] Выписка из дела Новгородского приказа о строительстве у Архангельска шести брандеров и шанца; 1701 г., июля после 25 // Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / подгот.: Ю.Н. Беспятых, В.В. Брызгалов, П.А. Кротов. Архангельск, 1993. № 29. С. 81; РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 64; Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 306; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 41. Л. 142–149об.

[32] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702-1703). СПб., 1889. № 434. С. 65.

[33] *Гостев И.М.* Тексты первых инструкций комендантам береговых (приморских) крепостей 1702–1714 гг. // Новые материалы по истории фортификации: Статьи и материалы Первой международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 18–19 сентября 2009 г. Выпуск 1. Архангельск, 2012. С. 34–45; *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске… С. 132–138.

[34] *Гостев И.М.* Государевы лоцманы в Архангельске в начале XVIII века. (К 400-летию лоцманской службы в России) // Старый цейхгауз. 2014. № 2(58). С. 74–76; *Гостев И.М.* Петровская реформа: Как лоцманы сменили корабельных вожей и появились государственные портовые службы в Архангельске // Архангельская старина. 2014. № 2/3. С. 108–112.

войну России со Швецией, при дружественной внешней политике Петра I, привело к росту торговли через Архангельский порт, а соответственно и таможенных платежей. Если в 1700 г. в Архангельск пришло 64 иностранных торговых корабля, то уже в 1701 г. – 106, в 1702 г. – 149, в 1708 г. – 206, а в 1715 г. – 230[35].

С 1703 г. из Архангельска сухим путем по «Государевой дороге» волокли буера, построенные специально для действий на балтийском мелководье – так создавался отечественный «москитный флот».

Новая угроза нападения шведского флота на Архангельск возникла в 1708 г. Демонстративные усилия по организации обороны побережья предотвратили нападение противника. Но самое интересное для нас в принимавшемся комплексе мер было формирование народного ополчения. Решение об этом содержалось в указах воеводы. Из письма к государю земского старосты Андрея Глаголева нам известно, что по указу воеводы ими были посланы памяти во все станы, волости и в селения по побережью Белого моря «чтоб у тамошних жителей у всякого ружье, копья, и рогатины, и бердыши, и пищали, и фузеи, и пистолеты были или у кого какое есть и чтоб были во всякой опасности… и выбрать к ним сотников, и пятидесятников, и десятников, и ежели оные неприятели где явятца, и оные б грацкие жители все были с тем ружьем налицо, а холмогорские уездные с теми сотники, и пятидесятники, и десятники со оным ружьем для осады и береженья, и отпору приходили к городу Архангельскому тотчас». Также сообщалось об охотниках, что и «…с уезду стрельцы, которые стреляют птицу и зверя, охотники, взяты к Архангельскому городу»[36]. Оружия на руках у горожан и крестьян было недостаточно, и по указанию воеводы в июле – августе 1708 г. оружие и порох выдавались для вооружения гражданского населения Архангельска и Холмогор[37]. Именно эти ополченцы были расставлены на береговые сторожевые посты.

В декабре 1708 г. было объявлено решение об учреждении восьми губерний в России. Был начат комплекс административно-территориальных преобразований, вводивший принцип деления страны на губернии, провинции и дистрикты (уезды). Одной из губерний стала Архангелогородская с центром в Архангельском городе, таким образом был подтвержден статус и значение города в Российском государстве. В образованную губернию вошли – царским указом были приписаны: Кольский острог, Пустозерский острог, Кеврола и Мезень, Великий Устюг, Тотьма, Соль Вычегодская, Чаронда, Устьянские волости, Вага, Вологда, Галичь, Соль Галицкая, Унжа, Чухлома, Парьфеньев, Судай, Кологривов, Кинешма[38].

В 1710 г. из Белого моря, вокруг Скандинавского полуострова, на Балтику отправилась первая эскадра военных судов архангельской постройки. В дальнейшем отправка подобных эскадр станет регулярной, и называться они будут Архангелогородскими эскадрами. Реализуя замыслы Петра Архангельское адмиралтейство станет крупнейшей парусной судоверфью страны, строящей суда для Балтийского флота.

Кроме возведения Новодвинской крепости и строительства флота, двинские жители были задействованы и на других важнейших объектах в России – в Петербурге и Кронштадте. Правда, большой объем возложенных на северян обязанностей вынудил их в 1716 г. обратиться с нижайшей просьбой к государю – сложить с них часть повинностей. Учитывая особую важность строительства

[35] *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 160–161.

[36] Выписка из городской отписи и из ратушной памяти об организации обороны в Двинском уезде; 1708 г., августа после 11 // Тревожные годы… № 92. С. 210–211.

[37] Расходные книги артиллерии Архангельского гарнизона 1708–1710 гг. // Тревожные годы… № 96. С. 265–268.

[38] ПСЗ. Т. 4. № 2218

Новодвинской крепости и значительное удаление от возводившейся новой столицы, жители Холмогор и Архангельска были отставлены от работ в Петербурге и Кронштадте[39]. Но царь не был снисходителен к Архангельскому вице-губернатору П.Е. Лодыженскому. За не присылку людей на работы в Петербург его поместья и вотчины были конфискованы[40].

С момента основания Петербурга основное внимание Петра I, что совершенно естественно, было сосредоточено на строительстве и скорейшем развитии его «Парадиза». Естественно он стремился сосредоточить там все лучшее, что есть в России, включая переселение туда специалистов различных отраслей. Кроме Санкт-Петербургской крепости, в черте города и вблизи него создавались судоверфи, строился торговый порт.

Для максимального ускорения обустройства столицы в стране было запрещено каменное строительство. Именной царский указ об этом был получен в Архангельске 14 октября 1714 г.[41]. Это отразилось, конечно же, и на Архангельске, где пришлось заморозить возведение кафедрального собора и отказаться от возведения каменных внешних оборонительных сооружений Новодвинской крепости, выбрав другие инженерные решения.

В это же время Петр попытался своим решением перевести в Петербург и всю морскую торговлю с европейскими странами, но это сделать не удалось. Опасность для судоходства по морю, где продолжались боевые действия, стали реальной причиной отказа торговых партнеров – до завершения Северной войны они продолжали торговать с Россией через Архангельский порт. Однако после 1715 г. в Архангельске было прекращено военное судостроение. По государственному заказу продолжали строить только промысловые и экспедиционные суда.

После победоносного завершения войны со Швецией Петр реализовал свою идею максимального сосредоточения морской торговли с европейскими странами на Балтике и непосредственно в Петербурге. 2 декабря 1721 г. царским указом было запрещено доставлять в Архангельск товары с других территорий, кроме бассейна Северной Двины, а также полный запрет на экспорт пеньки, которую разрешено было привозить в Архангельск только «для употребления на суда русския»[42]. В результате этого Архангельский порт, в конце жизни Петра, потерял ведущую роль в торговле с европейскими странами, а часть иностранных купцов переселилась из Архангельска в Петербург.

Конечно, не все решения Петра I были безошибочны и безупречны в долгосрочной перспективе. Некоторые из них были необходимы в ближайшей перспективе, в частности, ему нужно было срочно запустить механизм новой столицы, и это получилось. Мы восхищаемся прекрасным Санкт-Петербургом.

Уже в тридцатые годы XVIII в. в Архангельске возобновилось военное судостроение; активно осваивались богатые недра Русского Севера; во второй половине столетия начался новый этап развития Архангельского порта и международной торговли. Все это мы вправе считать реализацией замыслов Петра I.

[39] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 79. Л. 419а–423, 453–455об.

[40] Там же. Л. 601-609.

[41] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 23, 30–30об.

[42] ПСЗ. Т. 6. № 3860.

В.Н. Захаров

ПЕРЕНОС ЦЕНТРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

В год 350-летнего юбилея Петра I, обращаясь к его деяниям и их последствиям, нельзя не вспомнить историю тех мест и городов, где неутомимый царь-преобразователь побывал, и на историческое развитие которых его решения воздействовали весьма существенно, и можно сказать, самым судьбоносным образом. Архангельск, где Петр I побывал трижды, вспоминается в данном случае одним из первых.

Конечно, и Архангельск особенным образом повлиял на дальнейшее развитие личности юного царя, что определило впоследствии многие его решения. Ведь именно здесь Петр I впервые увидел настоящее море, большие корабли, осознал значимость для России международных морских коммуникаций. Очевидно, это сподвигло его активизировать усилия приобрести непосредственный выход к другим морям – сначала на Азово-Черноморском направлении, а затем и – к Балтике.

Но реализация этой цели, прежде всего возвращение выхода к Балтике, не могла со всей неизбежностью не поставить под угрозу роль Архангельска как главного морского порта страны на западном направлении, важнейшем в то время.

Вопрос о переносе главного направления внешней торговли с Белого моря на Балтику, из Архангельска в Санкт-Петербург, в целом освещался в историографии, как в дореволюционной, так и в современной, касались этой темы и зарубежные исследователи. Отмечались негативные последствия этого процесса для Архангельска, крушение торгово-предпринимательской деятельности на Севере, подчеркивался насильственный, запретительный характер действия Петра I по сокращению торговли через Белое море в пользу Петербурга[1].

Тем не менее, отмечая перемены, произошедшие во внешней торговле России через северный порт, важно выявить объективные причины и факторы, тому способствовавшие. Этому и посвящен данный небольшой очерк.

Западноевропейские страны со времен раннего средневековья были основными торговыми партнерами Руси. И наиболее естественным образом

[1] *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 147–148; *Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск: Омский государственный университет, 1989. С. 19–21; *Анисимов Е.В.* Петр Великий. Личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. С. 104–105; *Kahan Arkadius.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1985. P. 254–255.; *Велувенкамп Ян Виллем.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: РОССПЭН, 2006. С. 217–218.

торговый путь между Русью и Западной Европой проходил через Балтику. Достаточно вспомнить путь «Из Варяг в Греки» и расцвет торговли Великого Новгорода, где располагалась одна из важных торговых контор северогерманской Ганзы. Появление Архангельска и развитие его как главного порта России в торговле на западном направлении было вызвано особыми обстоятельствами, если не сказать – чрезвычайными. Подобная ситуация возникла во второй половине XVI в., когда Ганза клонилась к упадку, конкурирующие с ней в торговле на востоке Европы Англия и Голландия не прочь были открыть новые коммуникации на данном направлении, когда Ричард Ченслер во многом случайно обнаружил путь в Россию через Белое море, когда Российское государство потерпело неудачу в Ливонской войне, утратило приобретенную им было Нарву, а в ходе Смуты было полностью отрезано от Балтийских берегов.

Эти обстоятельства способствовали возникновению в конце XVI в. Архангельска, его становлению и процветанию в течение более чем ста лет в качестве главного морского порта России, через который осуществлялись торговые контакты со странами Западной Европы. Большое значение имело развитие в XVI–XVII вв. торговли Англии и Голландии, которые жестко конкурировали за доминирование на мировом рынке. Причем английская Московская компания имела в своей стране привилегию на торговлю с Россией, что подтверждалось и царским правительством в Москве. Почему Архангельск, как собственно российский порт, и стал для этой компании главными воротами на русский рынок. Определенное удобство состояло и в том, что Русский Север был достижим для английских судов через открытые моря. Также и голландцы могли достаточно свободно из Амстердама достигать Архангельска. Если англичане имели единую привилегию на всю компанию, несколько крупных голландских торговых фамилий получали каждая по отдельности разрешение от царя торговать с Россией через Архангельск, и также проникали через северный порт на внутренний рынок. Вслед за ними и, примерно, на тех же условиях потянулись за ними в Архангельск представители некоторых торговых семей Гамбурга, тем более, что путь из устья Эльбы на русский север не имел особенных препятствий, и многие из гамбургских купцов, устремившихся в Архангельск, либо происходили из Нидерландов, либо имели с тамошним коммерческим миром прочные деловые и родственные связи. В результате непосредственная торговля России со странами Западной Европы оказалась в руках англичан, входивших в Московскую компанию, нескольких торговых фамилий и фирм Голландии и Гамбурга.

Но неуклонный рост архангельской торговли в XVII веке отнюдь не мог непременно вести к упадку торговых связей русского рынка со странами Западной Европы традиционным путем через Балтийское море.

Дело в том, что Швеция, полностью овладев восточной частью Прибалтики, поставила под свой контроль имевшиеся здесь порты, через которые шел товарооборот и с российским рынком (Рига, Ревель, Нарва, построенный в XVII в. Ниеншанц). Правительство в Стокгольме стремилась к тому, чтобы как можно большая часть товаров из России на Запад и обратно, проходила бы через Балтику, одновременно добиваясь дипломатическими, экономическими и иными методами сокращения торговли Архангельска. Тем самым Швеция, как минимум, надеялась пополнить свой бюджет за счет таможенных сборов с товарооборота в балтийских портах, максимум – взять под свой контроль внешнеэкономические связи России на европейском рынке. Эта «политика отклонения» (derivation policy),

подробно изученная С. Трёбстом, имела определенный успех[2]. Например, к концу века в Нарве оживилась деятельность английской Eastland company, которая в чем-то могла заменить Московскую компанию, лишенную в России своих привилегий в силу гневной реакции царя Алексея Михайловича на казнь короля Карла I. Через Балтику проводили большую часть своих операций армянские купцы, подданные персидского шаха, имевшие право вести торговлю между Ираном и Западной Европой по российской территории. По данным Э. Хардер-Герсдорфф, к концу века существенно расширяются торговые контакты Любека, крупнейшего центра ганзейской торговли на Балтике с русским рынком[3]. Эти явления свидетельствуют не только и не столько об успехах шведской политики «отклонения», сколько о преимуществах торговых контактов с русским рынком через Балтийское море, которые давали себя знать в периоды благоприятной международной обстановки или во время обострения потребности западноевропейских стран в российских товарах.

Этот объективный фактор со всей очевидностью проявился в последние годы XVII века, когда наблюдается стремительный рост торговли портов восточной Балтики и особенно Нарвы, которая наиболее тесно была связана с русским рынком. Достаточно объективным критерием может быть интенсивность торгового судоходства, выраженная в количестве приходивших в этот порт торговых судов. На сей счет имеется исключительно ценный исторический источник, а именно книги записи взимания пошлин с кораблей, проходящих через Зундский пролив. Эти книги почти полностью сохранились за период XVI до середины XIX вв. и находятся в архиве в Копенгагене. Их сведения публиковались датскими учеными в XX веке, а недавно они систематизированы средствами современных цифровых технологий в уникальной базе данных группой голландских ученых во главе с Я.В. Велувенкампом и С. ван дер Воуде[4]. Но еще в середине XX в. эстонский исследователь Х. Пийримяэ на основании существующих в то время публикациях о взимании Зундской пошлины пришел к выводу о стремительном росте торговли Нарвы в последние годы XVII в. По его подсчетам, в 1696 г. из Нарвы в сторону Зунда и далее за пределы Балтики прошло 69 судов, в 1698 г. – 88, 1699 г. – 139, в 1700 г. – 147![5] Это свидетельствовало о возрастании роли российского рынка для Западной Европы, в частности в условиях приближения общеевропейской войны за испанское наследство резко увеличивалась потребность морских держав в материалах для оснащения флота, которые в больших количествах могли поступать из России.

Что касается развития торговли Архангельска, систематических данных о товарообороте северного порта за XVII век не сохранилось. Имеются лишь сведения о прибытии торговых судов за некоторые годы. Их сопоставление с выше приводимыми данными по Нарве вполне корректно, поскольку в Архангельск корабли приходили, главным образом из портов Северного моря, то есть из того же региона, откуда суда, направляясь в Балтику, проходили Зундский пролив. Так, в 1693 г. в Архангельске побывало 49 кораблей из-за моря[6]. Учитывая, что приходившие на Русский Север суда были более вместительными, чем те,

[2] *Troebst Stephan.* Handelskontrolle – "Derivation" – Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617-1661. Wiesbaden, 1997.

[3] *Harder Elisabeth.* Seehandel zwischen Luebeck und Russland im 17/18 Jahrhundert nach Zollbuechern der Novgorodfahrer. Teil 2 // Zeitschrift des Vereins fuer Luebeckische Geschichte und Altertumskunde. 1962, Band 42. S.19, 27.

[4] http://www.soundtoll.nl (дата обращения 27.05.2022).

[5] *Пийримяэ Х.А.* Тенденция развития и объём торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке // Скандинавский сборник. Вып. VIII. Таллин, 1964. С. 99–115, табл. 2. С. 105.

[6] *Огородников С.Ф.* Очерк истории… С. 94.

которые шли в Нарву, можно говорить о примерном равенстве товаропотока через Архангельск и через Балтийское море.

В любом случае в неуклонном росте торговли на Балтике к концу XVII в. со всей очевидностью проявились преимущества этого направления для интенсификации контактов с западноевропейским рынком. Оставлять под контролем Швеции этот постоянно растущий товарооборот, в котором львиная доля принадлежала товарам из России и для России, никак не соответствовало интересам Российского государства. Петр I не мог этого не понимать, что и послужило одной из важных причин вступления России в Северную войну. Целью этой войны было приобретение выхода к Балтике.

Начало войны, которая оказалась чрезвычайно долгой, привело к тому, что торговое судоходство на Балтике оказалось крайне затруднительным, а в направлении восточных ее берегов, куда вскоре вышла Россия, было практически заблокировано. В результате Архангельск стал единственным портом, через который могли осуществляться торговые контакты с западноевропейским рынком[7]. Таким образом, расцвет северного порта произошел в результате начала войны, целью которой было приобретение Россией балтийских берегов, что означало в перспективе падение лидирующей роли Архангельска во внешней торговле. Эта парадоксальная ситуация должна была прекратиться по мере успешного для России завершения Северной войны. Что в итоге и произошло.

Систематических данных о товарообороте мы не имеем и за этот период, но достаточно надежным критерием остаются ежегодные данные о прибытии иностранных кораблей, которые приводятся С.Ф. Огородниковым. Мы видим, что в начале XVIII в. торговля Архангельска достигает пика за всю историю существования порта в устье Северной Двины. Если в 1693 г. было 49 кораблей, то с началом Северной войны в 1701 г. их стало 106, а впоследствии в течение лет пятнадцати мы имеем тренд на повышение. Никогда не было меньше 100 кораблей в год, а в 1708, 1715, 1716 гг. их число превысило 200. В чем причина такого подъема, да еще в годы войны? Очевидно, теперь через Архангельск хлынул весь товаропоток между Россией и Западной Европой, то, что до войны нарастающим валом шло через Балтику, теперь вынужденно также переместилось сюда. Значит, именно война привела западные торговые фирмы к необходимости ориентироваться на Архангельск.

В этот период торговые контакты Архангельска с русским рынком приобрели широчайший охват. Полностью сохранились данные о сделках всех участников торговли, русских и иностранцев, за 1710 год. По подсчетам Р.И. Козинцевой в операциях по экспорту участвовали 673 русских купца, а в закупке импортных товаров – 563. Они представляли нескольких десятков городов, слобод и сел из многих регионов, в том числе российский центр (Москва, Коломна, Вязьма, Владимир,) Поволжье (Кашин, Ярославль, Кинешма, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Симбирск), Урал (Пермь и Соликамск), юг и юго-запад (Брянск, Белев, Трубчевск. Активно участвуют купцы городов западных и северо-западных (Ржев, Псков, Новгород, Торжок, Тихвин), которым было гораздо ближе к Балтике[8].

Определенные угрозы гегемонии Архангельска возникли с началом развития Санкт-Петербурга, нового российского внешнеторгового порта на Балтике. Крепость и порт в устье Невы были заложены в 1703 г., но потребовалось около

[7] *Беспятых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны. СПб.: БЛИЦ, Историческая иллюстрация, 2010. С. 471–472.

[8] *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Наука, 1964. С. 129–131.

десяти лет, чтобы здесь началось регулярное торговое судоходство. Этому препятствовали и враждебные действия шведского флота, и не в меньшей степени неразвитость инфраструктуры в порту на Неве, и отсутствие налаженных торговых коммуникаций с внутренними регионами страны. В течение десятилетия в начале существования петербургского порта появление иностранных судов носило эпизодический случайный характер. Первый голландский корабль, прибывший в 1703 г., в самом деле был адресован в Ниеншанц, к этому времени уже захваченный русскими войсками. В дальнейшем отмечено по одному рейсу иностранных судов в 1704 и 1710 гг.[9]

Существенно ситуация поменялась в 1713 г. В упомянутых выше записях о взимании Зундской пошлины впервые отмечен проход в Петербург сразу четырех торговых судов и пяти обратно[10]. По данным Н.Н. Репина, в Петербург в том году прибыло шесть английских кораблей[11], вероятно, два из них перед прибытием в устье Невы заходили в другие порты на Балтике, и с этим адресом были зафиксированы в Зунде. Можно считать, что именно с 1713 г. начинается регулярное судоходство в Санкт-Петербурге.

Петр I стремился всемерно поддержать этот процесс. Российские дипломаты активизировали усилия по привлечению иностранных судов в петербургский порт и по обеспечению безопасности судоходства на Балтике, ширились работы по строительству Вышневолоцкой водно-транспортной системы.

Определенную проблему представляли сложности мелководного фарватера на входе в устье Невы. Большие торговые суда, особенно те, что прибывали из-за Зунда, из Англии, Голландии, не могли пройти дальше острова Котлин, останавливались у Кроншлота (позднее – Кронштадта). Уже в начале XVIII в. эта проблема решалась за счет организации судоходства небольших судов, лихтеров, на которые разгружались товары с больших кораблей для доставки собственно в Петербург.

Несмотря на совершенствование инфраструктуры торговли Санкт-Петербурга, поток товаров через Архангельск не ослабевал. Поэтому с началом регулярного судоходства в Петербурге правительство Петра I принимает и принудительные меры по ограничению торговли Архангельска в пользу Петербурга. По указу от 31 октября 1713 г. предписывалось всю юфть и пеньку на экспорт отправлять только через Петербург[12]. В полной мере выполнить это распоряжение не удалось. К этому были не готовы и торгующие в России иностранные купцы. Основная масса пеньки и юфти на будущий год была ими заказана на закупку в Архангельске, а в Петербурге экспортных товаров было еще явно недостаточно. Правительство Петра I должным образом оценило ситуацию, октябрьский указ 1713 г. был отменен, и в дальнейшем ограничение торговли Архангельска в пользу Петербурга осуществлялось посредством квотирования. По мере изменения конъюнктуры, стабилизации или обострения военно-политической обстановки на Балтике определялась доля экспортных товаров, которые следовало направлять на экспорт в Петербург или Архангельск. В 1715 г. квота для каждого из портов составила 50% экспорта, в конце 1716 г. доля Петербурга на весь 1717-й год

[9] *Репин Н.Н.* Петербург как внешнеторговый центр (первая четверть XVIII в.) // Феномен Петербурга. Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 2001. С. 412.

[10] *Захаров В.Н.* Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен. Сб. Статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 270.

[11] *Репин Н.Н.* Петербург как внешнеторговый центр (первая четверть XVIII в.) // Феномен Петербурга. Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб.: БЛИЦ, 2001. С. 412.

[12] ПСЗ. СПб., 1830. Т.5. № 2732.

снижалась до 1/6, на 1718-й год квота Петербурга возвысилась до 2/3, а на 1719-й год вновь сокращалась до одной трети[13].

Насколько повлияла эта политика квотирования на товарооборот Архангельска и Петербурга можно судить на основании данных о регистрации судов в Зундском проливе, адресованных в Петербург и сведений о прибытии кораблей в Архангельск. Эти данные, как отмечалось выше, вполне сопоставимы, поскольку в Архангельск приходили суда из тех же портов, находившихся к западу от Зунда, откуда выходили суда в Петербург, регистрируемые на входе в Балтику. Общая динамика судоходства по двум портам отражена на прилагаемой схеме.

Мы видим, что политика квотирования, если и влияла на судоходство на Севере и на Балтике, но далеко не всегда и не всегда прямолинейно. В первые два года введения ограничений конъюнктура благоприятствовала обоим портам. В Петербурге количество прибывших кораблей из-за Зунда превысило полсотни, а в Архангельске достигнут рекордный уровень, по крайней мере за все время правления Петра I. Тогда в северный порт прибыло 208 кораблей из-за моря. После взлета 1715 г. в обоих портах следует спад, определяемый, видимо, общим падением конъюнктуры. Наиболее очевидно, введение квоты сказалось в 1717–1718 гг. Повышение доли Петербурга до 2/3 отразилось в подъеме судоходства на Балтике при падении на Севере, но несколько более плавным. В целом имеющиеся данные свидетельствуют, что вплоть до окончания Северной войны Архангельск оставался ведущим российским портом на западном направлении, уступив Петербургу, лишь некоторую часть товарооборота. Более того в 1718–1720 гг. вследствие обострения военной обстановки на Балтике, судоходство Архангельска вновь переживает некоторый подъем.

Совершенно иная ситуация возникает на следующем этапе ограничения торговли Архангельска. С окончанием Северной войны Петр I проявляет уже очевидное нетерпение в своем стремлении сделать Петербург главным внешнеторговым портом России. От политики квотирования правительство переходит к прямому запрету. По указу от 2 декабря 1721 г. в Архангельск было разрешено доставлять экспортные товары только с территории бассейна Северной Двины[14]. Таким образом, волевым решением самодержавной власти экспортные возможности Архангельска были ограничены только регионом Русского Севера. От остальной страны порт был отрезан. Это привело к многократному падению товарооборота и торгового судоходства северного порта, что неоднократно с большим и оправданным сожалением подчеркивалось исследователями истории Архангельска. Разумеется, серьезный урон был нанесен давно налаженной успешно действовавший на протяжении многих десятилетий инфраструктуре города порта, и системе связей с центром страны, торговым людям Севера, обеспечивавшим эти контакты. Недовольство последовало и со стороны голландских и гамбургских фирм, точнее тех, кто давно и прочно обосновался в Архангельске.

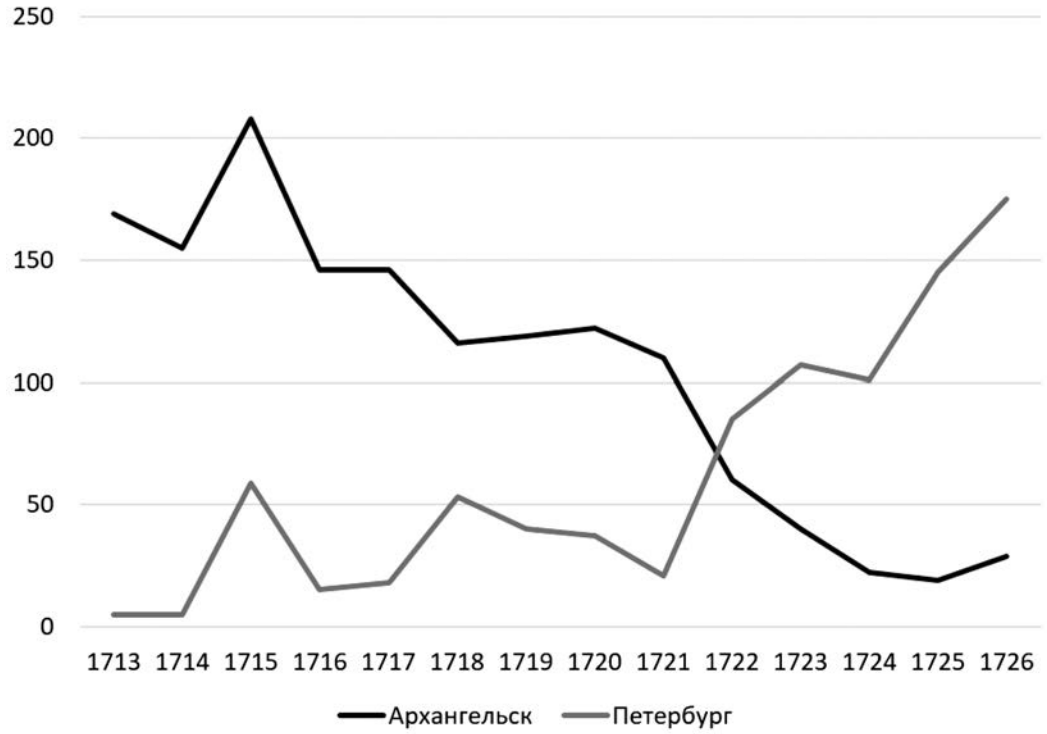
Но потеря Архангельска в качестве порта, связывавшим всю Россию с западноевропейским рынком, не привела к равнозначному урону во всей внешней торговле страны на данном направлении в целом. Более того всего за несколько лет внешняя торговля Петербурга развилась настолько, что он в полной мере заменил Архангельск. В 1718 г. суммарный товарооборот обоих портов составил 3,3 млн. (на Балтике – 0,4 млн руб. и на Севере – 2,9 млн руб.), а в 1725 г.

[13] *Репин Н.Н.* Петербург как внешнеторговый центр… С. 416.

[14] ПСЗ. Т.6. № 3860.

Схема 1

Количество судов, прибывших в Архангельск и Петербург в 1713–1726 гг.*



*Данные по Петербургу – http://www.soundtoll.nl (дата обращения 27.05.2022); Данные по Архангельску – *Огородников С.Ф.* Очерк истории… С. 144.

он увеличился на треть миллиона рублей, достигнув 3,6 млн руб. (Петербург – 3,4 млн руб., Архангельск – 0,2 млн руб.)[15].

Подобный результат свидетельствует не только о целеустремленности и энергии Петра I в его намерении перенести главное направление внешней торговли страны на Балтику. Очевидно, что эти усилия в полной мере соответствовали ситуации, объективно существовавшей в российской и европейской торговле. Разумеется, география и природа всегда имели большое значение. Обычно отмечается, что путь до Архангельска из портов Западной Европы существенно дальше, чем до Петербурга. Подсчеты по современным картам свидетельствуют, что разница существует, но все же оба эти маршрута по длине вполне сопоставимы. Расстояние от Лондона до Архангельска составляет порядка 2050 морских миль, до Петербурга – 1510 миль. То есть путь до Архангельска был всего на четверть больше. Что касается времени в пути, то здесь различие для XVIII в. было более существенным. Согласно сведениям документов о регистрации торговых судов, путь из портов Северного моря до Архангельска требовал в среднем в два раза больше времени, чем до Петербурга. Например, согласно ведомости о кораблях, пришедших к Архангельску и отпущенных за море в 1783 г., суда, прибывшие из

[15] *Репин Н.Н.* Внешняя торговля… С. 18; Он же. Петербург как внешнеторговый центр… С. 419.

Лондона, находились в пути пять недель, из Абердина – 43 дня, из Гулля – 30 дней, из Амстердама – 32 дня[16]. Согласно данным о регистрации судов, прибывших в Кронштадт (аванпорт Петербурга) в 1722 г. путь некоторых кораблей, пришедших из Амстердама, потребовал 18 дней, из Лондона 19 дней, из Ньюкасла – 16 дней[17]. Очевидно, что плавание в высоких широтах по морям Норвежскому и Баренцеву для парусных судов XVIII в. было гораздо более сложным, чем по Балтике.

Долгая зима на Севере также существенно осложняла развитие торговли Архангельска. Первые «вешние» корабли приходили из-за моря в устье Двины во второй половине мая, последние уходили к середине сентября, навигация едва достигала четырех месяцев. В Петербургском порту навигация продолжалась семь месяцев: с начала апреля до начала ноября.

На наш взгляд, еще более важна география производства и потребления товаров, обращавшихся во внешней торговле и география связей с внутренним рынком. Несмотря на налаженное движение по Сухоно-Двинскому водному пути в зимний и летний периоды, Архангельск находился довольно далеко от центра страны, других регионов, где производились основные экспортные товары. Так, в XVIII веке особое место в российском экспорте заняли пенька, лен, которые производились в центре, западе и юго-западе европейской части России, то есть неизмеримо ближе к Петербургу, нежели к Архангельску. То же можно сказать и о перспективах экспорта хлеба, который все в большей степени осуществлялся через Петербург, по мере решения вопроса о снабжении продовольствием столицы. Что касается географии импорта, и здесь явные преимущества имел петербургский порт. Ведь потребителями товаров, поступавших из Западной Европы, были прежде всего представители элиты, проживавшие в Петербурге, а также в Москве и в центральной части страны.

Важное значение имел и круг торговых партнеров России в зарубежной Европе. В XVII в. по ряду причин Архангельск оказался центром притяжения деятельности ряда торговых фирм Голландии и Гамбурга, заинтересованных в русском рынке. Их английские конкуренты потеряли свои позиции после 1649 г. Но в начале XVIII в. и в течение всего столетия англичане вернули свои доминирующие позиции в торговле России на западном направлении и удерживали их в течение всего столетия. Они сразу оценили преимущества балтийского пути, быстрее всех укоренились на берегах Невы, что также способствовало развитию внешней торговли Петербурга. Торговля голландцев, в XVII в., доминировавших в Архангельске, в Петербурге не получила существенного развития в связи с общим падением их роли на мировом рынке в XVIII в. Что касается Гамбурга, то с конца XVII в. он испытывал все более существенную конкуренцию со стороны Любека, расположенного на Балтике. Это стимулировало развитие торговли России с германскими землями через Петербург в направлении на тот же Любек. С начала XVIII в. активизируются контакты Петербурга с Ростоком, еще с одним значительным портом на Балтике. Так с самого начала Петербург становится важным центром связей России с ганзейскими городами на Балтики, куда стекались товары из многих германских земель и смежных стран. Как и задумывал Петр I, с самого начала Петербург стал центром притяжения для кораблей и купцов тех государств, которые не имели ранее непосредственных торговых связей с Россией. Уже в начале XVIII в. в Петербургский порт прибывают корабли из Франции, Испании, Португалии, итальянских государств (Генуя, Тоскана, Венеция и др.). На берегах Невы уже во

[16] ГААО. Ф.1. Оп. 1. Ч.8. Д. 374. Л. 80, 81, 89.

[17] РГАВМФ Ф. 212. Оп. 1. 1722 год. Д. 65. Л. 57, 73, 75.

втором десятилетии появляется французский коммерсант Анри Лави, получивший ранг консула Франции[18].

Так, определенные объективные преимущества балтийского торгового пути, проявившиеся и до Петра I и со всей очевидностью в конце XVII в., не только стали важным фактором начала Северной войны, но и послужили необходимой основой реализации намерения Петра I как можно скорее перенести главное направление внешней торговли России из Архангельска в Петербург. Петр I действовал не только в соответствии со своими личными устремлениями, но и учитывал эти объективные факторы. Это и предопределило успех данной реформы.

Что касается Архангельска, его упадок не затянулся надолго. После Петра I северный порт уже не представлял угрозы развитию торговли Петербурга. Ограничения постепенно ослабевали и в 1760-х гг. были отменены. Архангельск реализовал свои преимущества в качестве ведущего торгового и промышленного центра Русского Севера, остался в числе важных портов страны в контактах с зарубежной Европой. Здесь продолжала действовать небольшая, но достаточно активная группа торговых иноземцев, голландцев и гамбуржцев по происхождению. Все большую роль во внешней торговле города играли русские купцы, как архангелогородцы, так и вологжане, устюжане и другие. В 1740-х гг. в Архангельск прибывали около пятидесяти кораблей из-за моря в год, а в 1780-х гг. – уже более восьмидесяти. С ценными товарами Русского Севера они устремлялись в Лондон, Амстердам, Гамбург, Бремен. Но это уже другая тема и другая эпоха в истории Архангельска и его порта.

[18] *Козлова Ю.* Путешествие Петра I в Западную Европу. 1716–1717 годы. М.: Ломоносовъ, 2020. С. 92–93.

Т.А. Базарова

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И НИЕНШАНЦ

Одной из причин вступления в Северную войну официальная русская пропаганда провозглашала необходимость возвращения утраченных в годы Смутного времени земель «отчич и дедич» — Ингерманландии. После поражения под Нарвой (1700) русское командование приняло решение перенести боевые действия на берега Невы. 11 октября 1702 г. был взят штурмом Нотебург, расположенный в ее истоке на Ореховом острове[1]. Путь по Неве к Финскому заливу и Балтийскому морю преграждала только одна шведская крепость — Ниеншанц.

История Ниеншанца началась в Смутное время. В результате изменившейся политической ситуации шведские войска Якоба Делагарди, которые русское правительство пригласило в качестве союзников для борьбы с поляками, стали занимать города Северо-Запада. Намереваясь сохранить Приневье за шведской короной, король Карл IX распорядился найти подходящее место для строительства крепости. В 1611 г. на небольшом мысу, образованном Невой и впадающей в нее Охтой, шведы возвели Ниеншанц, вмещавший 500 человек. Возле его стен вскоре появился торговый посад Ниен, которому в 1632 г. шведский король Густав II Адольф даровал городские привилегии[2].

В начале XVIII в. город Ниен был крупным торговым центром, который насчитывал 400–500 домов и примерно 2000–2500 жителей. Среди городов Финляндии по величине он уступал только Выборгу и Або. В Ниен доставляли товары не только шведские и русские купцы, туда приходили корабли из Германии, Нидерландов и Англии. Сухопутные тракты связывали Ниен с Нотебургом, Нарвой, Выборгом и Кексгольмом[3]. Северная война положила конец почти 100-летнему существованию процветающего торгового города. 20 октября 1702 г. в ожидании прихода русской армии шведский комендант Юхан Аполлоф приказал сжечь Ниен. Его жители укрылись за крепостными стенами или ушли в Выборг[4].

Готовясь к наступлению, русское командование различными способами собирало сведения о состоянии дорог, гарнизоне и укреплениях Ниеншанца (Канцев). 23 мая 1701 г. семеро ладожских торговых людей подали сказку, содержавшую подробное описание шведской крепости и города. В том же году по показаниям новгородских дворян Кушелева, Бестужева и князя Мышецкого была составлена «Роспись пути горнему от Ладоги к Канцам»[5]. В январе 1702 г. царь указал Б.П. Шереметеву отправить языка к Нотебургу или Ниеншанцу, чтобы получить сведения о размере гарнизонов и времени вскрытия ото льда Невы[6].

Во время похода 1702 г. по «неприятельской земле Ингрии» ближний окольничий и воевода П.М. Апраксин отправлял находившемуся на Белом море Петру I

[1] Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург (Ключ-город).

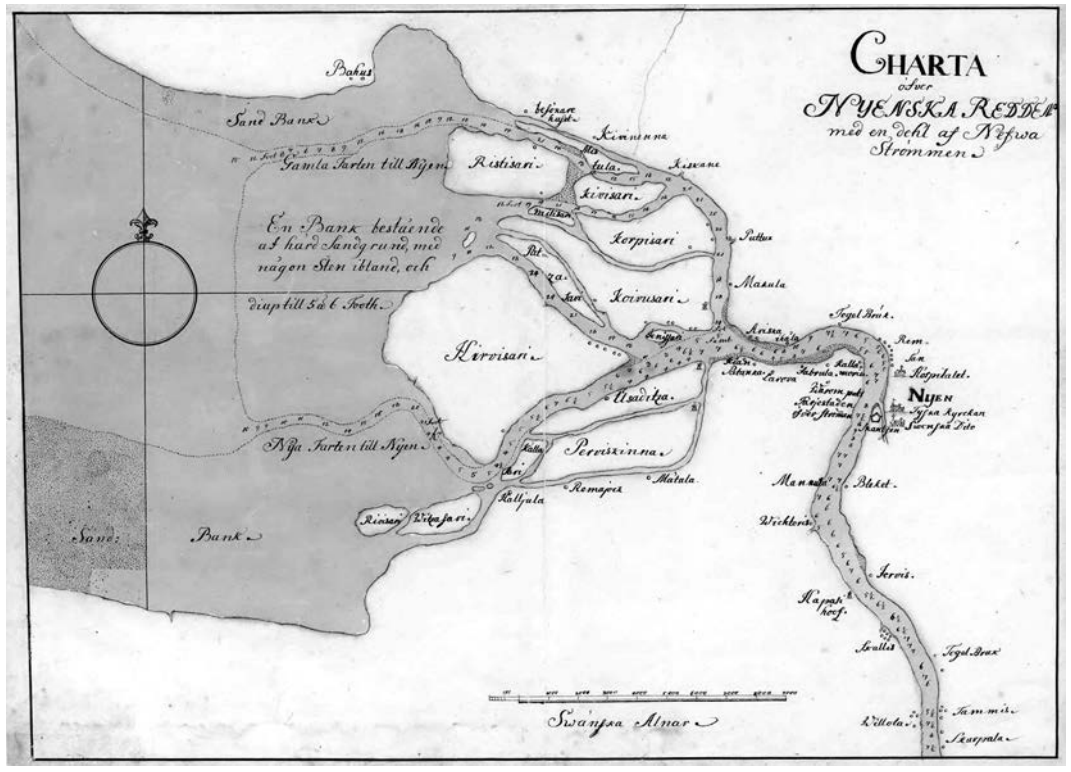
[2] *Сорокин П.Е.* 1) Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001. С. 37–39; 2) Окрестности Петербурга: Из истории ижорской земли. М., 2017. С. 212–213.

[3] *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 139, 179; *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц… С. 81; *Янгфельдт Б.* Как Ниен стал Петербургом // Водогорода Санкт-Петербург—Стокгольм: Каталог выставки Архитектурного музея. Стокгольм, сентябрь—ноябрь 1998 г. Стокгольм, 1998. С. 19.

[4] *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц… С. 82–83.

[5] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. Прилож. II. № 67, 68. С. 192–194.

[6] ПиБ. СПб., 1889. Т. 2. № 405. С. 3–5; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Т. XIV. М., 1842. С. 21–22.



Ниеншанц на карте течения Невы. Нач. XVIII в

полученную от военнопленных информацию об укреплениях Ниеншанца. Захваченный 3 августа 1702 г. прапорщик рейтарского полка Фридрик Бюстров сообщил, что «в Канцах ныне салдат толко триста человек <…> вал земляной старой, перед ним ров, по валу поставлено десять пушек чюгунных болших да в городе лежат на земле, а на вал подняты тритцать пушек таких же. <…> Да в Канцах же-де около того ж валу прежней вал другой зделан от реки Охты до реки Невы, вышина тому новому валу сажени с полторы»[7]. Сходные показания о вооружении и гарнизоне шведской крепости давали и другие военнопленные солдаты и офицеры. Разнились сведения о высоте земляных укреплений и глубине сухого рва.

Петр I впервые увидел Ниеншанц уже во время подготовки осады. 26 апреля 1703 г. царь прибыл из Шлиссельбурга в русский военный лагерь. В тот же день он поделился впечатлениями с А.Д. Меншиковым: «Город гораздо болше, как сказывали; аднакож не будет с Шлютелбурх. Про новой вал сказывали, что низок; которой выше, неже город сам, и весь зачат и выведен равно изрядною фортификациею, толко лише дерном не обложен»[8]. Вечером 28 апреля Петр I в сопровождении семи рот гвардейских Преображенского и Семеновского полков на 60 лодках проследовал по Неве мимо крепости Ниеншанц, откуда и был обстрелян («однакож прошли безвредно»)[9].

29–30 апреля 1703 г. русская артиллерия вела обстрел укреплений Ниеншанца. Одна из бомб попала в пороховой магазин, «от чего осажденным превеликий вред учинился»[10]. Утром 1 мая гарнизон крепости капитулировал. В тот же день Преображенский полк вступил в Ниеншанц, а Семеновский полк расположился в контрэскарпе («полисаде»). В завоеванной крепости расставили русские караулы[11]. Согласно условиям капитуляции, шведский гарнизон получил разрешение покинуть Ниеншанц и проследовать в Выборг.

2 мая 1703 г. в честь одержанной победы, «а наипаче, что желаемая морская пристань получена», состоялась троекратная стрельба из ружей и пушек. Преображенцев и семеновцев расставили по городовому валу, а полки дивизии А.И. Репнина разместили на «большом старом валу»[12]. Руководивший осадой генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев вступил в город, где принял ключи у шведского коменданта Юхана Аполлова. После этого состоялся благодарственный молебен, и победители «веселились по 3 дни»[13]. По указу государя изготовили чертеж шведской крепости. По предположению В.И. Кочедамова, именно это изображение Ниеншанца было гравировано и включено в качестве иллюстрации в «Книгу Марсову» (1713)[14].

Петру I предстояло решить дальнейшую судьбу Ниеншанца. Согласно «Гистории Свейской войны», вскоре «по взятии Канец отправлен воинской совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оной мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места»[15]. Государь лично осматривал Невскую дельту и «изволил обыскать единый остров зело удобный положением места»[16]. 16 мая 1703 г. на небольшом Заячьем острове заложили деревоземляную крепость, которая 29 июня (в Петров день) обрела имя — Санкт-Петербург. 21 мая 1703 г. Петр I, подводя первые итоги кампании, сказал: «при помощи Божией, Ингрия в руках. Дай Боже, доброе окончание»[17].

Длительное время в отечественной историографии преобладала точка зрения, что вскоре после основания Санкт-Петербурга, шведская крепость была разрушена по указу Петра I, а уцелевшие строительные материалы использовались для возведения нового города[18]. Главным образом, данное мнение основывалось на свидетельствах иностранных путешественников и дипломатов. Немецкий путешественник Геркенс, побывавший на берегах Невы в 1710–1711 гг., писал, что царь приказал «срыть до основания Нинешанц <…> желая наблюдать это, самолично находился там на расстоянии примерно версты. Когда же все было взорвано, разрушено и сровнено с землей, он приказал в память об этом поставить четыре самых высоких из найденных в этих местах мачтовых дерева, стоящие там по сей день»[19]. Ганноверский резидент Фридрих Христиан Вебер, описавший Санкт-Петербург в 1714–1719 гг., также отметил, что от Ниеншанца «не осталось

[7] РГАВМФ. Ф. 315. Оп.1 Д. 612. Л. 27.

[8] ПиБ. Т. 2. № 513. С. 153–154.

[9] Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 101, 230; Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величество российских во взятии преславных фортификаций и разных местах храбрых баталий учиненных над войском его королевского величества Свейского. СПб., 1766. С. 15.

[10] *[Миллер Г.Х.]* Известие о бывшем городе Ниеншанце // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. 1755. Март. С. 183.

[11] Гистория Свейской войны…. С. 103, 231; Книга Марсова… С. 15–16.

[12] Книга Марсова… С. 16–17.

[13] Походный журнал 1703 г. СПб., 1853. С. 3.

[14] *Кочедамов В.И.* Населенность дельты Невы до основания Петербурга // В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных учёных. СПб., 2021. С. 318–319.

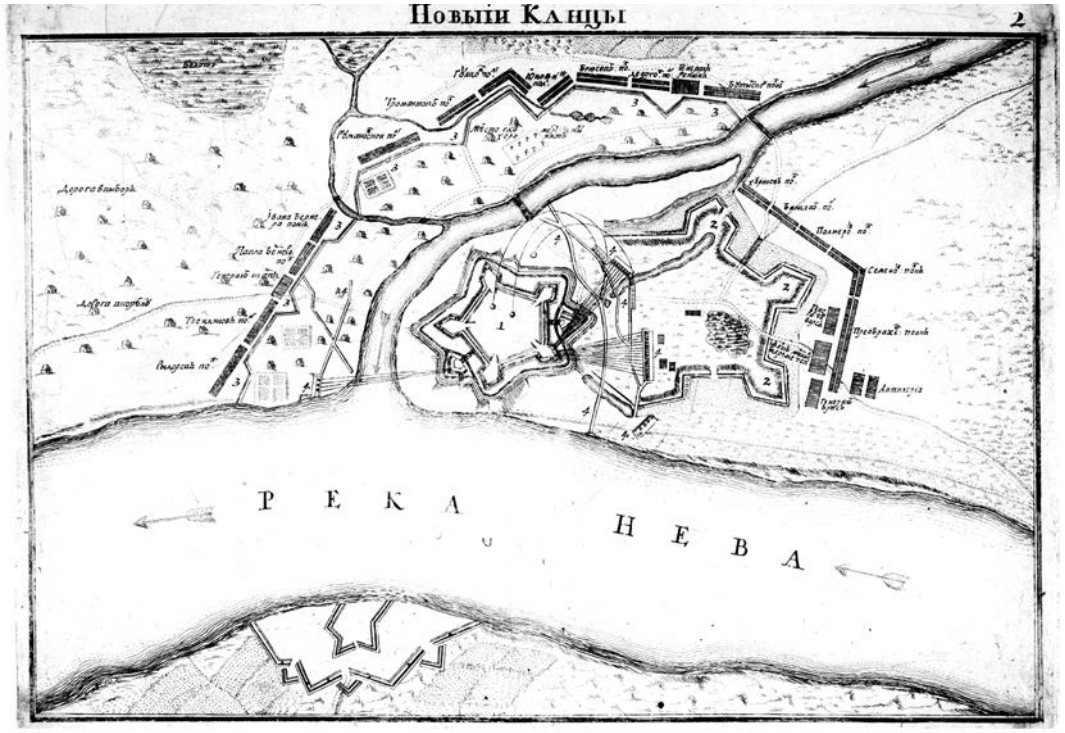
[15] Гистория Свейской войны…. С. 234.

[16] Книга Марсова… С. 22.

[17] ПиБ. Т. 2. № 531. С. 169.

[18] См., напр.: *Мансуров Б.П.* Охтенские Адмиралтейские селения: Историческое описание. СПб., 1856. С. 8; *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург Петровского времени: Очерки / Под ред. А.В. Предтеченского. Л., 1948. С. 25; *Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 41.

[19] Точное известие о… крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кронштлот и их окрестностях // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 56.



«Новые Канцы». Гравюра из «Книги Марсовой..». 1713 г.

ни единого камня»[20]. В 1726 г. французский путешественник Обри де ла Мотрэ отметил, что бывшая шведская крепость «совершенно разрушена»[21]. На обороте медали, отчеканенной в 1710-х годах Ф.Г. Мюллером в память взятия Ниеншанца, помещена запись: «CASTRVM NOVVM CAPT./ ET DESTR.D. 14 MAI./ S.V.» («Новый замок взят и разрушен 14 мая старого стиля»).

Между тем, архивные документы, а также карты и чертежи петровского времени показывают, что крепость не была полностью уничтожена. Бастионы Ниеншанца и уцелевшие после осады внутренние постройки активно использовались, как и во время военных действий на берегах Невы, так и после их окончания.

По-видимому, 1 или 2 мая Петр I переименовывал Ниеншанц в Шлотбург (Замок-город). Во всех письмах царя, отправленных 2 мая, местом его пребывания указан Шлотбург. Начиная с 1 июля 1703 г. обратным адресом государя уже становится не бывшая шведская крепость, а Санкт-Петербург[22]. Как резонно заметил А.В. Предтеченский, зачем давать новое имя крепости, если она обречена на уничтожение?[23]

В мае—июне Шлотбург был основной резиденцией государя. Именно туда привели захваченные на взморье в ночь на 7 мая шведские шняву «Астрильд» и яхту «Гедан». 10 мая в бывшей шведской крепости Петр I и А.Д. Меншиков стали кавалерами ордена св. Андрея Первозванного. «Кавалерию» за одержанную вик-

[20] *Вебер Ф.Х.* Из книги Ф.Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. I): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // Там же. С. 107

[21] *Мотрэ О.* де ла «Из путешествия...» // Там же. С. 211.

[22] ПиБ. Т. 2. № 548. С. 204.

[23] *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга. С. 17. Примеч. 1.

Медаль на взятие Ниеншанца. Ф.Г. Мюллер. 1714 г.

торию на них возложил Ф.А. Головин «яко первой того ордена кавалер»[24]. В тот же день А.Д. Меншиков отправил письмо девицам Арсеньевым (Дарье и Варваре Михайловным) с сообщением о взятии двух шведских судов, которое гордо подписал: «Шлюссельбурский и шлотбурский губернатор и ковалер»[25].

Уже через три недели после капитуляции крепости, Петр I принимал в Шлотбурге посольство Великого княжества Литовского. Представители великого гетмана Литовского Михаила Вишневецкого М.К. Белозор и М. Халецкий с товарищами прибыли в Россию для подписания договора о совместных действиях против шведов на территории Литвы. Оставив большую часть людей и почти всех лошадей в Великом Новгороде, трое послов в сопровождении 37 человек свиты отправились на двух кораблях к Шлотбургу[26].

20 мая 1703 г. суда приблизились к месту «посольской ставки» (для послов в полуверсте выше от крепости заранее поставили четыре шатра). «А как те карабли стали, и со взятого шведского карабля, которой стоял близ города, поздравляли приход тех караблей с того взятого карабля пушечною стрелбою изо всех пушек»[27]. Подошедшие к крепости корабли с послами ответили салютом из пятнадцати пушек. Затем приветственные выстрелы раздались и из Шлотбурга. К посольским судам «в барже государевой, в которой гребцы были все в бархатных бостроках и штанах» подошел тайный секретарь П.П. Шафиров. Он предложил гостям перебраться на баржу и следовать «в ставку, которая им уготована на берегу». Там их встретили солдаты батальона Бутырского полка, одна из рот осталась на карауле при послах, а остальные вернулись в свой обоз[28]. На следующий день иностранных гостей посетил глава Посольского приказа Ф.А. Головин.

22 мая 1703 г. послов на той же государевой «барже с прежним убором и з гребцы» доставили на торжественную аудиенцию у царя в Шлотбурге. «И вышли на берег, стояли от берегу до городовых ворот строем Бутырской полк по одну сторону, в городе Преображенского полку 6 рот <...> А великий государь изволил

[24] ПСЗ. Т. IV. № 1931. С. 216; Книга Марсова... С. 21–22.

[25] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого.... Прилож. II. № 189. С. 276; Ч. I. С. 237–238.

[26] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 1–3 об.

[27] Там же. Л. 59.

[28] Там же. Л. 59 об.–60.

быть в комендантовых хоромах; хоромы были немалые, толко во время осады во многих местех от бомб изломаны». В доме, в который еще недавно служил резиденцией последнему шведскому коменданту Ниеншанца Ю. Аполлову, послы вручили царю «лист от речи посполитой»[29]. 16 июня в результате продолжавшихся несколько дней переговоров было достигнуто соглашение и заключен трактат о совместных действиях против Швеции. В конце текста договора указано место подписания — «чинилось в обозе под Шлотбурком, прежде сего Ниеншанцом названном»[30].

Летом 1703 г. одновременно со строительством Петербургской крепости укрепляли и Шлотбург. В июне цесарский резидент при русском дворе О.А. Плейер писал, что одновременно с возведением новой крепости, велись работы и в Ниеншанце. По данным Н.Р. Славнитского, бывшую шведскую крепость вооружили 68 пушками[31].

Итак, 29 июня 1703 г. новопостроенная крепость на Заячьем острове была освящена и получила имя — Санкт-Питербурх. Первыми ее строителями стали военные — солдаты полков гвардии и дивизии А.И. Репнина. Однако уже 30 июня, на следующий день после освящения крепости, Петр I указал привлечь к строительству жителей Новгородской земли. Местом сбора работных людей был назначен Шлотбург. Упоминания о бывшей шведской крепости на взморье Шлотбурге сохранились до наших дней в не только в распоряжениях и указах, но и в письмах первых строителей Санкт-Петербурга[32].

По мнению А.В. Предтеченского, Ниеншанц разрушили в 1703 г. после того как осенью завершилось возведение Петербургской крепости, куда и переместились русские полки[33]. Казалось бы, в пользу данной версии говорят и документы походной канцелярии А.Д. Меншикова. Так, в выписке из дел Ингерманландской канцелярии 1705 г. упоминается, что «в 703-м году по его великого государя указу тот город подорван, и то место розровнено, а вместо того построен Санкт-Питербурх»[34]. В январе 1704 г. петербургский комендант Карл Эвальд Рённе доносил А.Д. Меншикову, что в Санкт-Петербурге подал челобитную курмышской помещик Гаврило Француженин. Ему было велено прибыть на службу в Шлотбург к 15 августа 1703 г., однако Гаврило этого сделать не смог, потому что заболел. Теперь же «пришел-де он в Шлотбурх, и тот город розрыт, а ево братьи нетчиков в нем нет»[35]. Пока строилась Петербургская крепость, в Шлотбурге в амбарах хранились запасы продовольствия для армии — мука, рожь, ячмень, хмель, крупы, соль, горох, овес и проч. В конце 1703 г. их начали перевозить в Санкт-Петербург. Комендант К.Э. Рённе докладывал А.Д. Меншикову, что к 8 января 1704 г. из бывшей шведской крепости доставили 502 чети ржи и 27 четей овса[36].

Итак, в конце 1703 — начале 1704 г. Шлотбург опустел. Громкий топоним быстро ушел из переписки царя и его сподвижников. Вместо Шлотбурга они вернулись к прежнему названию шведской крепости — Ниеншанц (или Канцы). Крепость

[29] Там же. Л. 63–64.

[30] Текст договора с датой по Григорианскому календарю (28 июня 1703 г.) опубликован: ПиБ. Т. 2. С. 184–193; ПСЗ. Т. IV. № 1934. С. 217–222. В бумагах канцелярии А.Д. Меншикова сохранилась его копия, заканчивающая фразой: «Чинилось в обозе под Шлотбурхом лета 1703-го месяца июня в 16 день» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–4).

[31] *Славнитский Н.Р.* Утверждение России в Ингерманландии в царствование Петра Великого // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2 (11). С. 25–26.

[32] *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. С. 45–50.

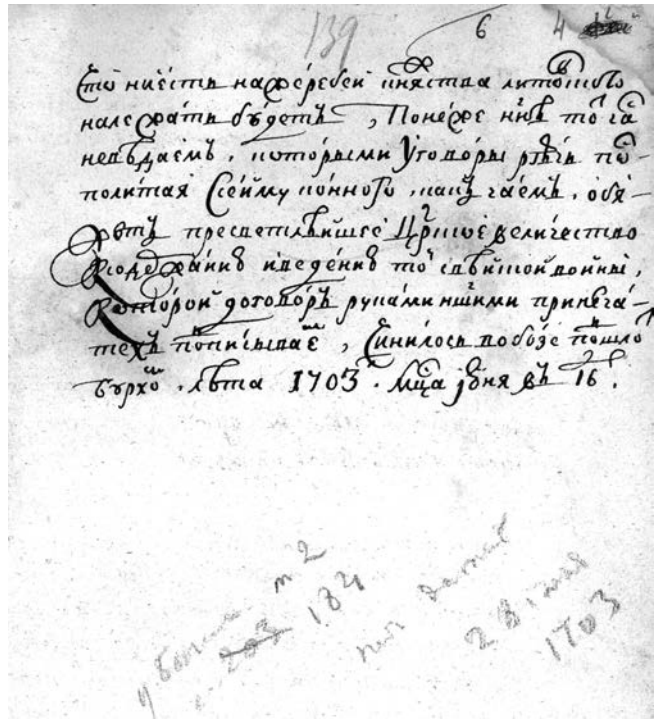
[33] *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга… С. 25.

[34] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 530. Л. 2 об.

[35] Там же. Д. 96. Л. 4 об.–5.

[36] Там же. Л. 5 об.

«Трактат с Речью Посполитой Литовской». Фрагмент. Копия 1703 г.



в устье реки Охты перестала играть в планах Петра I сколько-нибудь значительную роль. Свои грандиозные замыслы государь воплощал в Санкт-Петербурге.

Русское командование серьезно опасалось, что неприятель будет стремиться укрепиться в старой крепости. Эти тревоги не были напрасными[37]. Ниеншанц безусловно занимал важное место в планах командования Финляндской армии. 12 июля 1704 г. генерал-лейтенант Георг Юхан Майдель по Выборгской дороге подошел к берегу Невы и начал обстрел русских укреплений. Однако петербургский обер-комендант Р.В. Брюс умело организовал оборону и не дал неприятелю перебраться на Березовый остров. 19 июля участник шведского похода прапорщик Михаил Бютнер выполнил рукописный «Чертеж Ниеншанца и Петербурга», на котором помимо построек нового города была изображена четырехугольная крепость в устье Охты с горящими домами. В «Описании» говорится, что это «Ниеншанц, который неприятель сжег 12 июля 1704 г.». Можно предположить, что оставшиеся в крепости деревянные строения были уничтожены перед самым приходом шведов, для того чтобы не дать Г.Ю. Майделю использовать их во время наступления на Санкт-Петербург[38].

В начале августа 1704 г. шведский генерал предпринял новую попытку захватить Санкт-Петербург. Г.Ю. Майдель подошел к Неве и разбил лагерь у Ниеншанца. 6 августа он отправил Р.В. Брюсу барабанщика с предложением сдаться, но получил отказ[39]. В тот же день Роман Вилимович доложил губернатору А.Д. Меншикову, что шведы начали строить мост через Охту «за тем бастионом, которой не раззорен, и в город сели немногие люди, и слышно, что работают топорами».

[37] Подробнее о военных действиях в окрестностях Санкт-Петербурга в 1704–1708 гг. см.: Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901.

[38] *Базарова Т.А.* 1) Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 36–41; 2) Создание «Парадиза»… С. 220.

[39] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 1. Л. 242 об.–246.

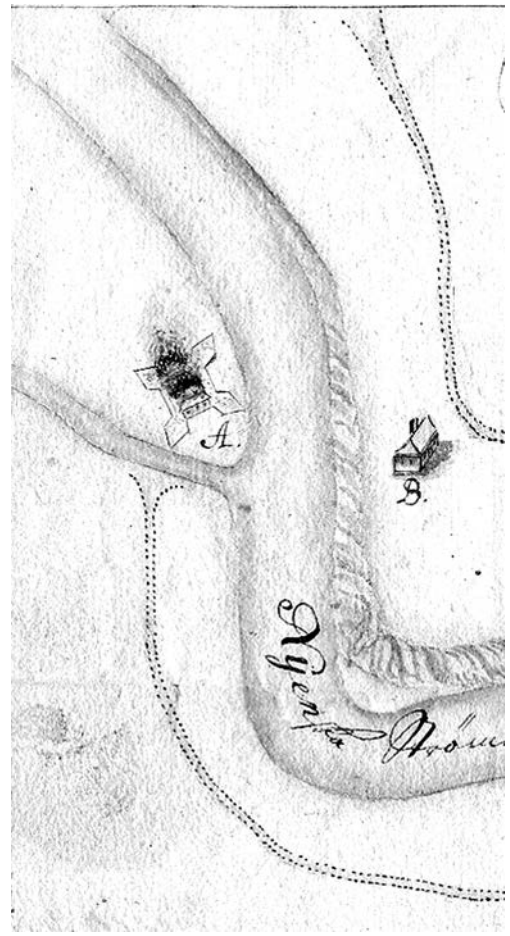
Р.В. Брюс распорядился поставить артиллерию напротив Ниеншанца, где был старый окоп[40]. 9 августа 1704 г. состоялась перестрелка с русскими полками, также у шведов начались проблемы с фуражом, и они снова отступили. Р.В. Брюс посетил покинутую неприятелем крепость: «А по осмотру от нашей стрелбы значит, что не без урону их людем. А под Канцами зделано было у них несколко плотов. И те плоты, розрубя, оставил»[41].

В июне 1705 г. Финляндская армия снова направилась к берегам Невы. Получивший известие о движении шведов Р.В. Брюс успел подготовиться к их приходу. Он доложил А.Д. Меншикову, что «в удобнех местех от неприятеля к обороне батареи во многих местех поделаны, и пушки поставлены, и люди стоят во всякой осторожности»[42], а также о том, что «в Канцы посадил несколко казаков запороских» для караулу и разведки[43]. Г.Ю. Майдель перебрался на Каменный остров, откуда был выбит залпами артиллерии Р.В. Брюса и 25 июня «з великим поспешением ушел на Выборскую сторону»[44]. После этого шведский генерал-лейтенант оставил часть армии с тяжелой артиллерией у Ниеншанца, а сам двинулся к Шлиссельбургу.

1 июля петербургский обер-комендант сообщил губернатору результаты разведки: «А подле Канец у неприятеля не в одном месте зделаны батареи и пушки поставлены, и конница, и пехота, признаваю, что с флота у него прибавок, для того что так смело и пушками разделился и поступает смело»[45]. Р.В. Брюс решил выбить из крепости оставшихся в ней шведов, однако атака была отражена («от Канец набежала неприятелская конница рот с шесть и пехоты немалое число, тайно лесом почали наших людей обходить»[46]).

В 1706 и 1707 г. Финляндская армия походов к Санкт-Петербургу не предпринимала, а к берегам Невы направлялись только небольшие партизанские отряды. В эти годы царь почти все время находился в действующей армии и нечасто имел возможность побывать в своем «Парадизе». 30 мая 1706 г. Петр I участвовал в закладке каменных укреплений Петербургской крепости. В сентябре он снова прибыл в Санкт-Петербург, чтобы принять участие в походе на Выборг. Однако попытка овладеть сильной шведской крепостью без поддержки флота окончилась неудачей: все атаки русской армии были отбиты. Осенью следующего, 1707 г., Петр I присутствовал при забивке первых свай в основание каменного Трубецкого бастиона, осмотрел состояние флота, Кронштота и укреплений на Котлине, а также мызу Стрельну. Надо полагать, что именно тогда царь принял решение показать «Парадиз» своей семье и придворным. В марте 1708 г. Петр I указал им прибыть в Санкт-Петербург к Пасхе. Также он призвал на Невские берега и князь-папу Н.М. Зотова с «всешутейшим и всепьянейшим сбором». 25 апреля 1708 г. по приказу Петра I Ф.М. Апраксин встречал царя, царскую семью и придворных на яхте у Ниеншанца[47]. Бывшая шведская крепость стала своеобразными воротами в Санкт-Петербург для путешественников, следовавших из Шлиссельбурга водным путем.

Летом того же года состоялся последний поход Финляндской армии к берегам Невы. 27 августа 1708 г. адмирал Ф.М. Апраксин сообщил царю, что неприятель остановился у берега Охты[48]. По распоряжению адмирала близ Ниеншанца поставили две шнявы[49]. Однако командующий Финляндской армией генерал-майор Г. Любеккер не приближался к дельте Невы. Он направил к Ниеншанцу небольшой отряд из пехоты и кавалерии только для отвлечения внимания противника[50]. 28 августа шведские полки с боем переправились через Неву ниже впадения в нее Тосны[51]. Дальнейший маршрут армии Г. Любеккера пролегал по дорогам, ведущим к Дудергофу и Копорью. Русская конница преследовала шведов и тревожила их нападениями. По распоряжению Ф.М. Апраксина все продовольствие и фураж на пути шведов вывозили и уничтожали. Армия Г. Любеккера испытывала недостаток провианта, из нее началось дезертирство. 29 сентября 1708 г. из Копорья шведы направились к Сойкиной мызе, где остатки полков погрузились на суда эскадры адмирала К.Д. Анкаршерны. После 1708 г. Г. Любеккер серьезных действий в Ингерманландии более не предпринимал. Военная история бывшей шведской крепости навсегда закончилась.

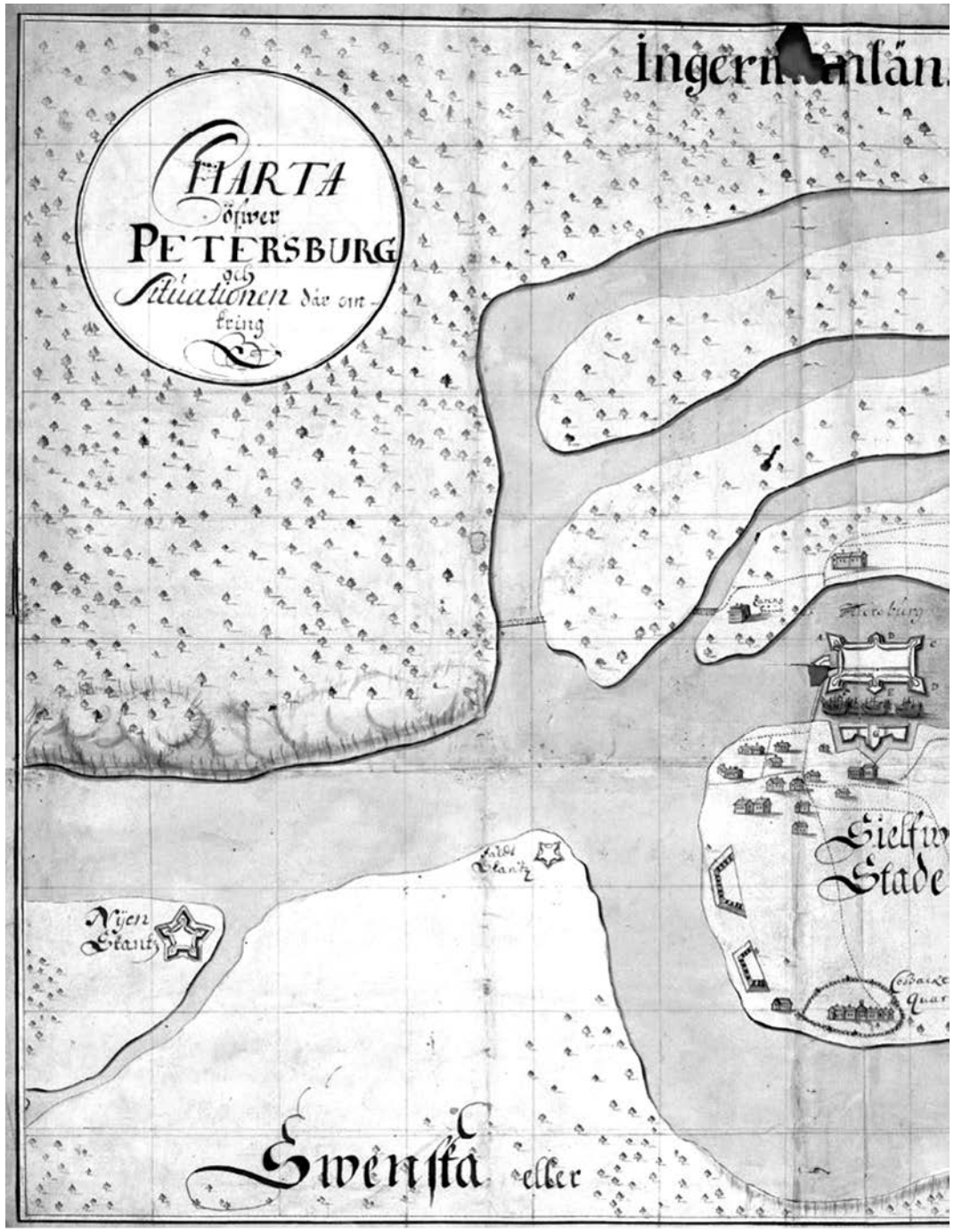


«Чертеж Ниеншанца и русского Петербурга». Фрагмент. М. Бютнер. 19 июля 1704 г.

16 декабря 1709 г. была взорвана часть крепостного вала Ниеншанца. Очевидец события датский посланник Юст Юль записал в дневнике, что в крепость доставили два пороховых ящика, изобретенных вице-адмиралом К.И. Крюйсом. В каждом из них находилось по 1000 фунтов пороха. Датчанин заметил, что такими ящиками предполагалось разрушать валы и стены крепостей, а также взрывать неприятельские суда. Во время испытаний, на котором присутствовал Петр I с придворными, взрыв пробил вал на половину его толщины[52]. Однако и в декабре 1709 г. государь не ставил задачу уничтожить Ниеншанц.

По-видимому, это одно из последних событий, которое непосредственно связывало Петра I и Ниеншанц и нашло отражение в дневниках и мемуарах иностранцев. Однако в Походных журналах краткие упоминания о том, что царь ходил на яхтах или буерах по акватории Невы, от взморья до бывшей шведской крепости.

[40] Там же. Л. 246–246 об.
[41] Там же. Л. 268 об.
[42] Там же. Кн. 2. Л. 237–237 об.
[43] Там же. Л. 256 об.–257.
[44] Там же. Л. 235–235 об.
[45] Там же. Л. 125 об.
[46] Там же. Л. 126 об.
[47] *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза»… С. 115–116, 122.
[48] ПиБ. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. Примеч. к № 2548. С. 573.
[49] Там же. Примеч. к № 2549. С. 575.
[50] *Тимченко-Рубан Г.И.* Первые годы Петербурга… С. 201.
[51] Гистория Свейской войны…. С. 148.
[52] *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711). М., 1900. С. 104.



«Карта Петербурга и его окрестностей». Фрагмент. Ок. 1708 г.

28 мая 1723 г. Екатерина Алексеевна «изволила ночевать в Канцах для встречи ботика»[53].

Охтинский мыс в петровское время не входил в черту города. Однако очертания пятиугольной крепости можно увидеть на русских и шведских рукописных чертежах Санкт-Петербурга и его окрестностей начала XVIII в. Ниеншанц отмечен и на иностранных гравированных планах, появление которых связано с заграничной поездкой Петра I 1716–1717 гг. На анонимном «Плане крепости, города и местоположения С.-Петербурга» («Палибиной гравюре») шведская крепость изображена схематически — в виде пентаграммы. В экспликации пояснялось, что это «прежнее укрепление Ниен, или Невское, теперь разрушено». На «Плане нового города Петербурга», составленном в Париже королевским географом Н. де Фером у устья Охты помещена надпись «Ниеншанц. Бывшая шведская крепость»; рядом с ней нарисована мельница и большой водоем. На правом — за крепостными укреплениями изображены четыре ветряные мельницы и другие здания, которые автор плана назвал «укреплениями Мельничной площади».

Более подробно та же местность изображена на рукописном чертеже «Чертеже города-резиденции и крепости С. Петербурга», составленном бывшим военнопленным К.Ф. Койетом в 1722 г. Помимо изображенного пентаграммой «Старого Ниеншанца» швед отметил местоположение «старого города», «возведенного шведами укрепления», ветряных мельниц и «двора мельничного мастера Вильгельма»[54].

Действительно, в 1717–1718 гг. на берегу Охты построили несколько пильных мельниц. Тогда же было решено местность от первой пильной мельницы до притока Охты реки Чернавки огородить палисадом. В 1717 г. поблизости от впадения Охты в Неву появился садовый питомник для снабжения Санкт-Петербурга саженцами деревьев, кустарников и цветами[55]. В апреле 1717 г. Петр I из Кале писал о А.Д. Меншикову о питомнике «у Канец, на старых огородах»[56]. По воле государя летом 1717 г. был «у Канец сад заведен длиною 112 сажен, поперег 25 сажен», в котором посадили 41 712 деревьев: липу, клен, вяз и илим. «Канецкий огород» находился в ведении Канцелярии от строений[57].

21 февраля 1720 г. был обнародован указ Петра I о переводе на лерега Невы квалифицированных плотников для работ на Адмиралтейских верфях. С этого времени началось активное заселение Охты. По государеву указу здесь надлежало построить 500 изб «с сеньми» и безденежно передать «новопостроенные на Канецкой стороне дома» вольным плотникам, занятым на строительстве судов. К марту 1721 г. было готово 216 домов, остальные достроили к 1724 г. Их жителями должны были стать умелые плотники, собранные в северных уездах[58]. «Охтенские поселяне» освобождались от податей и налогов, но были обязаны выполнять «адмиралтейские работы», получая за это плату. Также на Охте появилась небольшая верфь, где строились «новоманерные суда». В 1723 г. переведенцев передали в ведение Партикулярной верфи[59]. В 1725 г. в Охтинских слободах возвели церковь Святого Иосифа Древодела, который считался покровителем плотников. А через несколько лет, в 1731 г., вместо обветшавшего храма соорудили новую каменную церковь Святой Троицы[60].

Таким образом, Петр I указами 1710–1720-х годов определил новое направление развитие Охтинского мыса. «Шлотбург» просуществовал несколько месяцев

[53] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. II. С. 154.

[54] Подробнее см.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга… С. 82–211.

[55] *Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 57–58.

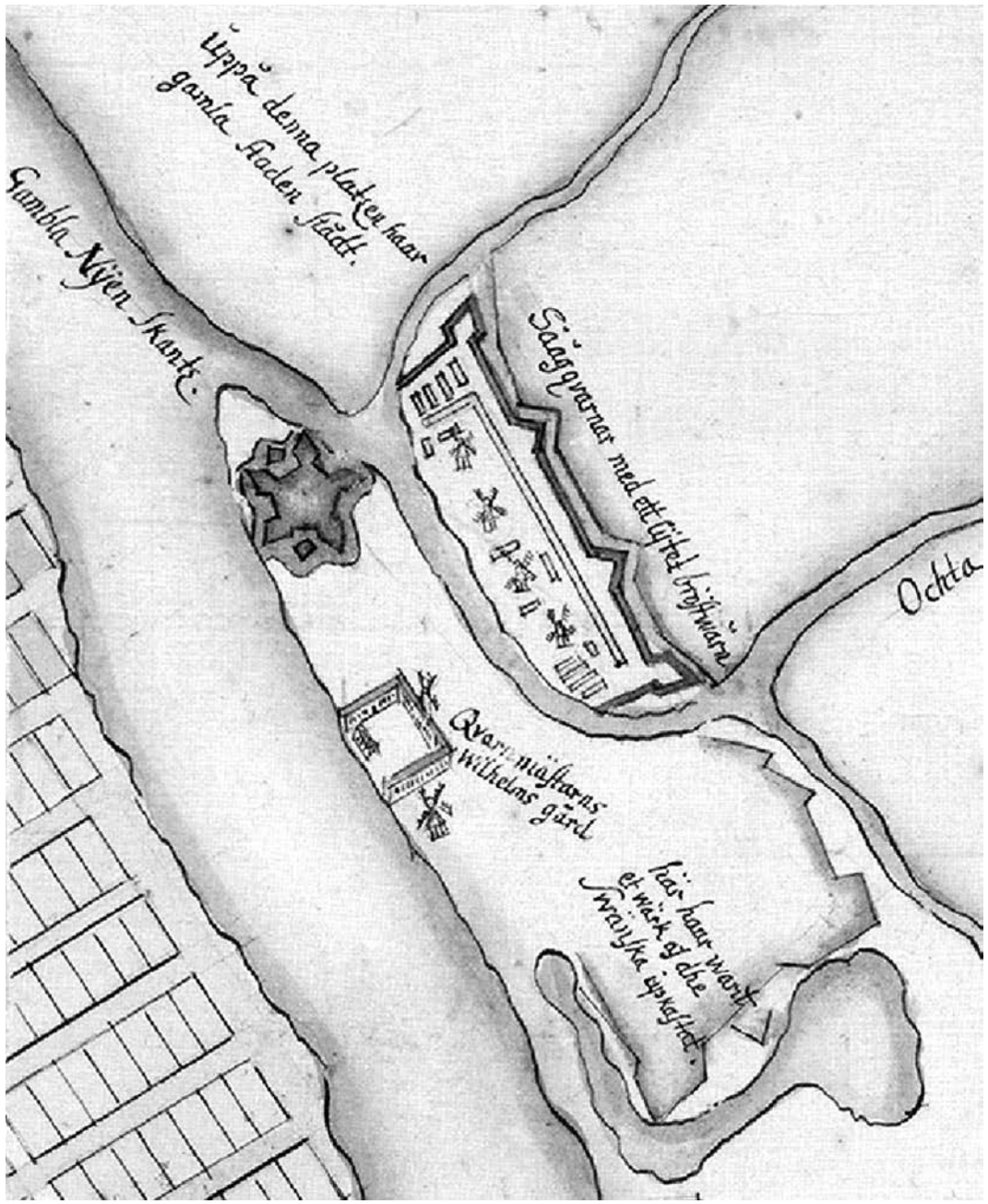
[56] Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 371–372.

[57] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 642. Л. 49 об.

[58] *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 87.

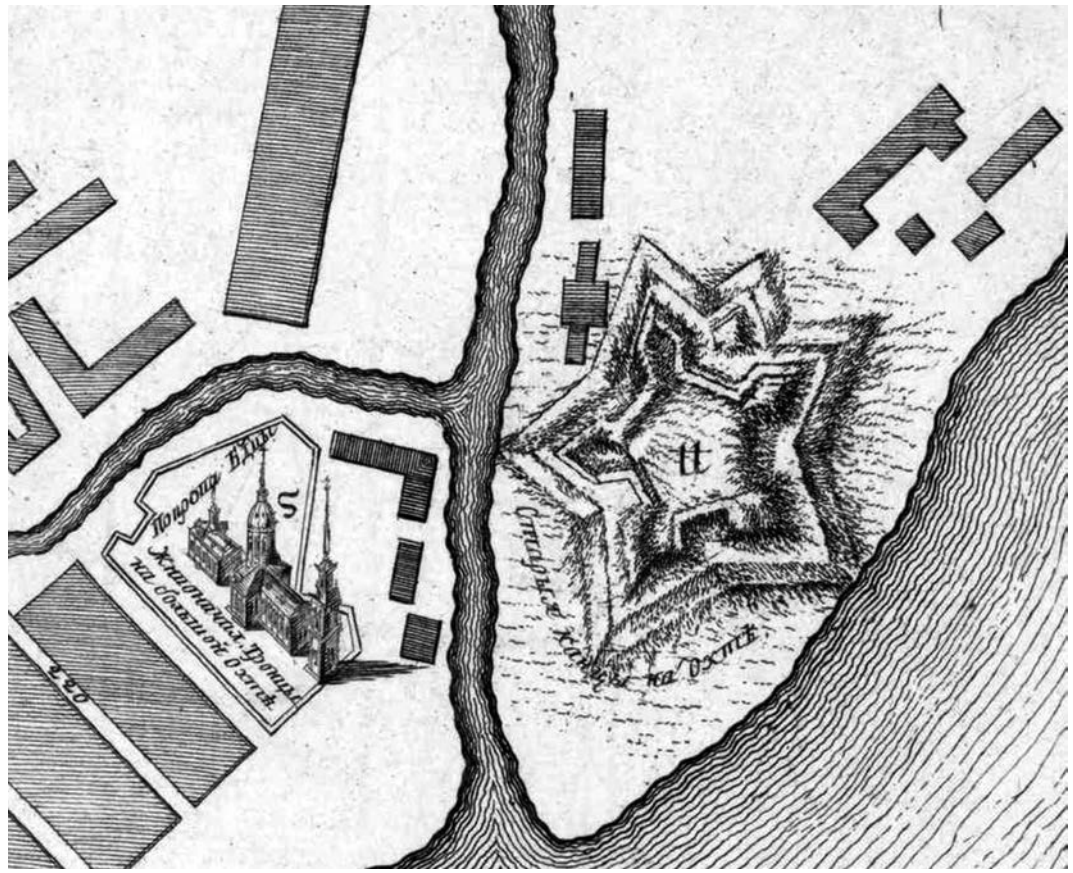
[59] Там же. С. 88.

[60] *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц… С. 103.



Устье р. Охты на плане Петербурга 1722 г.

и навсегда остался в прошлом. Место, где когда-то праздновали военные победы, встречали иностранных послов и заключили международный договор, по воле государя превратилось в рабочее предместье новой российской столицы. Однако в Петровскую эпоху укрепления Ниеншанца так и не были полностью срыты или взорваны. В середине XVIII в. первый историк Санкт-Петербурга А.И. Богданов от-



Устье р. Охты на плане Петербурга 1753 г.

мечал, что шведская крепость Канцы «и поныне явственно зрится»[61]. Следы шведских укреплений можно увидеть и на планах Санкт-Петербурга второй половины XVIII–XIX в.

[61] *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 239.

Н.Ю. Болотина

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ*

Династические проекты Петра Великого традиционно рассматриваются в контексте его внешнеполитической деятельности по укреплению влияния России в немецких землях, а также в биографиях царя и главных действующих лиц – самого Петра I, царевны Анны Иоанновны, царевича Алексея Петровича, цесаревны Елизаветы Петровны. При этом не стоит забывать, что замыслы о династических браках и их реализация были и частью истории семьи Петра I.

Оглядываясь на петровскую эпоху, все отчетливее становится понятно, что отправной точкой многих событий стала Полтавская победа 1709 г. Она продемонстрировала европейским государствам растущее военное могущество России, изменила характер ее дипломатических отношений со странами Европы, способствовала созданию новых политических союзов, что давало основу для рождения династических проектов Петра I. После Полтавы военные действия переместились на территорию Северной Германии, и, желая укрепить свое влияние в немецких княжествах, Петр I использовал династические браки, которые должны были связать Романовых с правящими родами Европы. На первом этапе осуществить свои планы он мог только через племянниц – дочерей царя Иоанна Алексеевича, у которых был восприемником и заменил отца, а также сына – наследника престола Алексея.

Первым был заключен брак царской племянницы Анны Иоанновны. Семнадцатилетней царевне был выбран в супруги ее ровесник курляндский герцог Фридрих Вильгельм, который был племянником прусского короля Фридриха I. В октябре 1709 года Пётр I встретился с королем в Мариенвердере и договорился о браке юного герцога с одной из представительниц русской царской семьи. После взятия в 1710 г. Риги, находившейся в составе Швеции, границы России приблизились к Курляндии – ленному, вассальному владению Речи Посполитой и стратегически значимому герцогству. Для юного герцога, жившего в изгнании в Данциге (Гданске), брак был возможность вернуться в свои владения.

Переговоры о заключении супружественного трактата начались весной 1710 г. Первоначально имя царевны не называлось, выбор должен был состояться в Петербурге, где в это время собралась вся семья. Точную кандидатуру Петр предложил назвать самой царице Прасковье Федоровне, которая предпочла выдать замуж свою среднюю дочь – Анну.

В письме к обер-маршалу Курляндии генералу И.-Э. Ренне 8 апреля Петр I высказал свое удовольствие по случаю получения от него известия о склонности принца Курляндского к сватовству с племянницей и предложил прислать в Санкт-Петербург послов для обсуждения конкретных вопросов: «… я склонностию принца Курлянского зело довольствуюся, и чтоб Господь Бог сие дело бес проволочки окончати изволил, я чаю, что и вышереченному принцу сие гораздо к пользе будет. Что же вы пишите, как вам в том далее поступать, на что более инаго способа не вижу, токмо, чтоб князь был сам в Курляндии, а послы ево сюды приватно приехали [понеже и племянницы мои здесь], где удобнее о всем разговорить с послами их, князю переслатца можем»[1]. В подготовке династического проекта участвовал и ближайший сподвижник А.Д. Меншиков, которому царь в тот же день, 8 апреля, писал: «ответствуем о князе Курлянском, чтоб ему быть наследником и чтоб о том писать х королю»[2].

Курляндская делегация прибыла в Санкт-Петербург 1 июня 1710 г. с грамотой герцога, в которой он просил принять послов и выслушать их предложения о браке с царевной Анной Иоановной. Спустя десять дней в Летнем саду в присутствии матери невесты – царицы Прасковьи Федоровны и ее дяди Петра I состоялась помолвка и обмен кольцами между царевной и представителем герцога обер-маршалом Ренне.

В день помолвки Петр I подписал грамоту на немецком языке «Petrus» курляндскому герцогу о начале переговоров и пригласил его «на краткое время без всяких чинов к нам сюда приехать»[3]. Тогда же 10 июня представителями царя Меншиковым и П.П. Шафировым с одной стороны и посланниками герцога Ренном и Т.Л. Лау с другой был подписан составленный по европейской традиции супружественный договор[4]. В нем оговаривались приданное и размер денежного содержания Анны, а также сохранение ею греческой веры и устройство для этого церкви в Митаве. В случае рождения мальчиков они должны были воспитываться в лютеранской вере, а девочки принимали исповедание греческой церкви.

Торжество бракосочетания царевны Анны Иоановны и курляндский герцог Фридриха Вильгельма состоялась 31 октября 1710 г. в великолепном дворце Меншикова на Васильевском острове. (Илл. 1) Два месяца новобрачные прожили в Петербурге, а 8 января 1711 г. отправились в Курляндию, однако спустя несколько дней царевна Анна неожиданно стала вдовой – 10 января, едва въехав в свои владения, герцог Фридрих-Вильгельм заболел и слег на почтовой станции Дудергофской мызе, а 13 января скончался. Подозревали, что он умер от невоздержанности в употреблении спиртного, так как накануне позволил себе состязаться в искусстве пития с самим царем[5]. Юная вдова вернулась в Петербург к матери, а родственники, и особенно дядюшка, стали ждать известия о беременности Анны, что в случае рождения мальчика закрепило бы ее полежение в Курляндии, и она могла бы до совершеннолетия герцога быть правительницей при помощи советников. Свое неудовольствие Петр I высказывал невестке царице Прасковье Федоровне в письме от 21 мая 1711 г. Радостного известия о внуках царица Прасковья Федоровна так и не дождалась, о чем и писала невестке царице Екатерине Алексеевне: «А Аннушке, свет мой невестушка, донашу, что подлина не брюхата, почела насить порядашна не время, и нам а том великая печаль»[6].

Пока Анна Иоанновна жила с матерью и сестрами нарастал ропот курляндского дворянства, которое стремилось избавиться от обязанности содержать свою овдовевшую герцогиню. Прав на управление страной у нее не было, герцогом польский король Август II сделал дядю покойного герцога Фердинанда, но Курляндия должна была оставаться в сфере влияния России, и летом 1712 г. Петр I повелел Анне ехать в Митаву, где она почти 20 лет пребывала вдовствующей герцогиней без властных

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-42033

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 4. Л. 148; ПиБ. Т. 10. М., 1956. № 3683. С. 104–105.

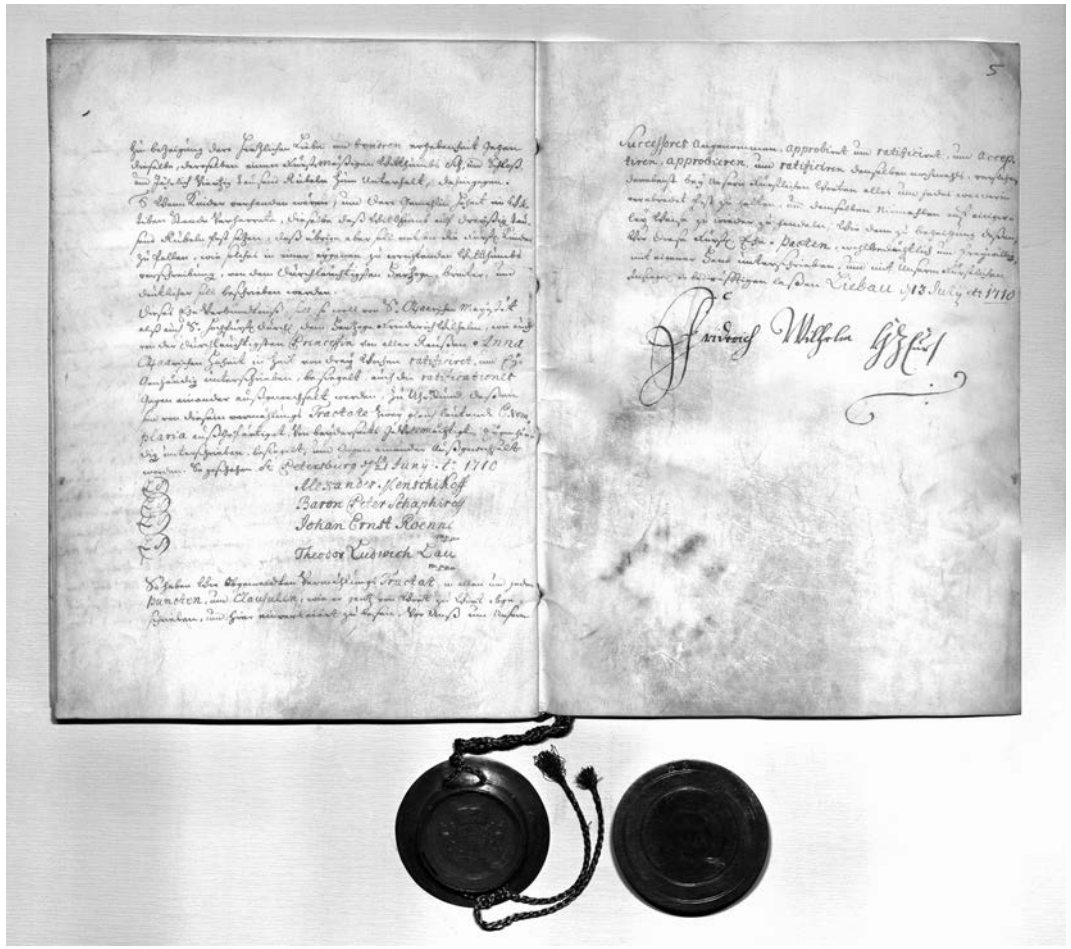
[2] Там же. Л. 148; там же. № 3681. С. 103–104.

[3] ПиБ. Т. 10. № 3798. С. 182–184.

[4] См.: ПСЗ. Т. 4. № 2272. С. 494–497; копия на русском языке, заверенная А.Д. Меншиковым и бароном П.П. Шафировым РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–4; копия на немецком языке: Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–7об

[5] См.: *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2002. С. 63.

[6] *Болотина Н.Ю.* Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII в.) // «Российский архив»: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. 20. М., 2011. С. 22.



Ратификация Фридриха Вильгельма герцога Курляндского на заключенный в Петербурге 10 июня брачный («супружественный») договор с царевной Анной Ивановной. 1710 г. июля 13 н.ст. (РГАДА)
Немецкий язык. Подпись-автограф Пергамен, чернила. Печать привесная красновосковая в серебряном позолоченном ковчеге на шнура из крученых золотных нитей.

полномочий, лишь изредка приезжая в Россию по разрешению дядюшки. В результате этого династического брака Курляндия оказалась в сфере влияния России, хотя и состояла юридически под верховной властью Речи Посполитой.

Вдовье положение царевны Анны Иоанновны создавало нестабильность в Курляндском герцогстве, что вызывало постоянный поиск для нее женихов, впрочем, и сами они стремились к выгодному браку. Все династические проекты в отношении царской племянницы не получили своего окончания. Кандидатами в мужья Анне в 1715–1719 годах были герцог Иоаганн Адольф фон Саксен-Вейсенфельс, английский герцог Джеймс Батлер Ормонд, саксонский генерал-фельдмаршал граф Яков Генрих фон Флеминг, племянник прусского короля маркграф Фридрих Вильгельм фон Бранденбург, вюртембергский принц Карл Александр. Были даже подготовлены и заключены два договора, сначала в декабре 1717 г. между Петром I с польским королем Августом II в отношении его родственника герцога Саксен-Вейсенфельского, а в мае 1718 г. с прусским королем о супружестве его племянника с вдовствующей герцогиней[7].

[7] См.: ПСЗ. Т. 5. №3130. С. 525-527; №3200. С. 566–568.

Женитьба в 1711 г. наследника российского престола царевича Алексея Петровича на Шарлотте Христине Софии, дочери герцога Людвига Рудольфа из бланкенбургской линии Брауншвейг-Вольфенбюттельского дома стала важным достижением внешней политики Петра I и ввела его родных в общую европейскую семью. Значение маленького немецкого государства-княжества определялось династическими связями с европейскими державами. В 1708 г. сестра Софии Елизавета вышла замуж за последнего потомка Габсбургов по мужской линии, а с 1711 г. императора Священной Римской империи Карла VI, который таким образом стал шурином царевича Алексея Петровича и сыграл ключевую роль в событиях, связанных с его бегством из России. Другими родственниками Шарлотты были представители древнего ганноверского княжеского рода Вельфов, претендовавшие на английский престол.

Инициатива брачного союза с наследником российского престола исходила от европейского двора, но переговоры активизировались после блистательной Полтавской баталии 1709 г.[8] Сам Петр I принимал решение о браке сына, учитывая не только политические мотивы сближения с Австрией против Османской империи, но и личное расположение царевича к невесте. Первое свидание молодых людей состоялось на курорте Карлсбад, куда Алексей Петрович приехал для лечения в 1710 г. В письме от 13 августа Петр I интересовался впечатлением царевича от встречи с вольфенбютельской принцессой и расспрашивал, «как оная вам показалась и есть ли склонность ваша о супружестве с нею, о чем дай мне знать, не мешкав»[9]. Шарлотта понравилась наследнику и дело было решено.

Официальное согласие Петра I было получено 21 января 1711 г., о чем был извещен Вольфенбюттельский двор, а уже 19 апреля царь утвердил проект брачного договора, в подготовке которого принимал непосредственное участие сам Алексей Петрович[10]. В нем Петр I обещал за себя и за сына, что Шарлотта будет пользоваться в России достойным ее сана положением, а супругом «почтенна и любленна». В брачном договоре также определялись размеры приданного и суммы на ежегодное содержание ее двора[11]. Нововведением стало согласие царя на сохранение свободы вероисповедания Шарлотты, а также разрешение иметь лютеранскую часовню в месте ее пребывания.

Свадьба Алексея Петровича и Шарлотты состоялась 13 октября 1711 г. в Торгау на Эльбе в присутствии Петра I. (Илл. 2) В зале королевского замка был устроен помост, украшенный коврами и зеркалами, а под красным балдахином стоял стол, на котором располагались крест и два венца. Вокруг располагались кресла для Петра I, жениха и невесты, ее родителей и деда герцога Антона Ульриха. Венчание продолжалось четверть часа, оно проходило на русском языке, а к Шарлотте священник обращался по латыни. Несмотря на то, что она совсем недолго – с мая 1713 по октябрь 1715 года, прожила в России, судьба немецкой принцессы привлекала и привлекает пристальное внимание отечественных и иностранных историков[12].

Этот династический брак не оправдал надежды участников женитьбы Алексея и Шарлотты, родственные отношения с брауншвейгскими Вельфами не помогли Пе-

[8] См.: *Морохин А. В.* Эпизод из истории «брачной дипломатии» Петра I эпохи Северной войны// Меншиковские чтения-2016: научный альманах. Вып. 7 (17).СПб., 2016. С. 141–151.

[9] ПиБ. Т. 10. №3926. С. 280-281.

[10] См.: письмо царевича Алексея Петровича от 23 мая 1711 г. Петру I об условиях брачного («супружественного») контракта и его подписании (РГАДА. Ф. 4. Д. 11. Л. 8–9об. Автограф; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Ч. 3. № 48. С. 33).

[11] См. копию второй половины XVIII в.: РГАДА. Ф. 156. Д. 13. Л. 3–11об.

[12] См.: *Морохин А.В.* К истории пребывания в России принцессы Шарлоты Христины Софии, жены царевича Алексея Петровича (1713-1715)// Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. СПб, 2007. С. 108.

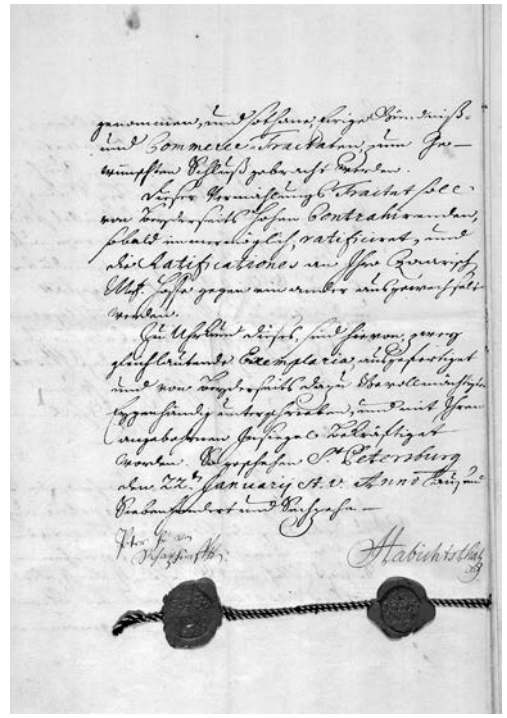
Записная книжка царевича Алексея Петровича. [1707 г.] (РГАДА)
Бумага, чернила, кожа, серебро, грифель; русский и немецкий языки.

тру I в осуществлении его внешней политики. Трагической была и судьба немецкой принцессы, надеявшейся на счастливую семейную жизнь и окончившей свои дни в России.

С 1716 года начинается второй этап в разработке династических проектов, который был связан с замыслами Петра Великого по заключению браков с представителями правящих династий ведущих европейских держав – Англии, Испании, Франции, но и немецкие князья также оставались в списке подходящих женихов. Царь поручил 27 января 1716 г. князю Б.И. Куракину, который в 1709–1712 гг. был представителем России в Лондоне, выяснить возможность заключения брака одной из своих дочерей с внуком короля Великобритании Георга I Фредериком Луисом, принцем Фредериком Ганноверским: «Понеже кароль британской имеет внука, того ради, стороною отведай сватать нашу дочь за него, и чем отзовутца дай знать»[13]. В том же 1716 г. Петр I выдал свою старшую племянницу за мекленбургского герцога.

В 1711–1712 гг., в ходе Северной войны, российская армия вступила в Мекленбург-Шверинское герцогство в Северной Германии, с главой которого герцогом Карлом Леопольдом у Петра I к этому времени сложились дружественные отношения. Следуя взаимной заинтересованности, они решили закрепить двусторонние связи заключением 22 января 1716 г. в Петербурге русско-мекленбургского договора, согласно которому Карл брал в жены царскую племянницу царевну Екатерину Иоанновну, а Петр I со своей стороны обещал военными средствами обеспечивать герцогу и его наследникам безопасность от всех внутренних беспокойств. Бракосочетание состоялось во время второго путешествия Петра I за границу, куда его сопровождала супруга Екатерина Алексеевна, а вместе с ней ехала Екатерина Иоанновна со свитой. 18 февраля 1716 г. они прибыли в Данциг, где 8 апреля по православному обряду состоялось венчание царевны с герцогом Карлом Мекленбургским, который к тому времени еще не успел развестись с первой женой. (Илл. 3)

[13] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 2. СПб., 1891. С. 121: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 10. Л. 32об. Копия.



Брачный («супружественный») трактат царевны Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбург-Шверинским Карлом Леопольдом. 1716 г. января 22 н.ст. (РГАДА)

Герцог не получил политических выгод, на которые расчитывал заключая брак с русской царевной. Петр I попытался помочь зятю и вмешался в его разногласия с дворянством, но эти действия вызвали недовольство соседних владельцев. Мекленбургская знать обратилась за защитой к верховному сюзерену герцогства – императору Священной Римской империи Карлу VI, который встал на их сторону. В это же время отношения российского и австрийского монархов обострились в связи с бегством царевича Алексея Петровича в Австрию.

Семейная жизнь Екатерины Иоанновны также сложилась не удачно. Герцог обладал грубым и деспотичным характером, к молодой жене относился прохладно и даже оскорбительно[14]. В 1718 г., навещая сестру Анну в Митаве, она жаловалась на мужа, но домой о плохом обращении с ней не писала. В том же году, 7 декабря, в Ростоке Анна родила дочь Елизавету Екатерину Христину. Царица Прасковья Федоровна в письмах к Петру I и его супруге просила помочь ее дочери, умоляла не оставить ее своим расположением.

В послании от 23 апреля 1721 г. к царице Екатерине Алексеевне она слезно просила уговорить Петра I, чтобы он разрешил Екатерине приехать в Россию: «Прошу у Вас, государыня, милости. Побей челом царском[у] величеству о дочере моей Катюшке, чтоб в печалех ее не оставил в своей милости, также и ты, свет мой матушка моя невестушка, пожалуй, не оставь в таки[х] ее несносных печалех, ежели велит Бог видеть Ваше величество, и я сама донесу о печалех ее. И приказывала она ко мне на словах, что и животу (жизни. – *Н.Ю.*) своему не рада, да просит милости слезно, чтоб ей быть с князем в Питербурх и видеть Ваше величество».[15] В 1722 г. Екатерина Иоанновна, не выдержав жестокого и грубого отношения супруга, и получив согласие дяди, вернулась вместе с дочерью в Россию. Формального развода не было, но они больше не виделись.

После бракосочетания племянницы Екатерины Петр I отправился в дальнейшее путешествие по Европе, и уже из Амстердама 12 декабря (н.ст.) 1716 г. поручил С.Л. Владиславичу-Рагузинскому через свои связи выяснить вопрос о некоем сватовстве: «что же принадлежит о сватовстве и о том не худо, что вы со временем

[14] См.: *Анисимов Е.В.* Анна Леопольдовна и Иоанн VI Антонович // Романовы: Исторические портреты. М.,1997. Кн.1. С. 448–449.
[15] Письма русских государей и других особ царскоого семейства М., 1861.4.2.С.16. №18; РГАДА. Ф.4, Оп.1. Д.41, Л.16 - 16 об.

тайно будете проведывать и нас чрез цыфирь уведомлять»[16]. Возможно, интригу раскрывает письмо царя к послу во Франции Б.И. Куракину, правда, уже за январь 1718 г., о переговорах Рагузинского с венецианцами о династическом браке одной из дочерей Петра I с сыном дожа: «Ныне пред несколькими днями писал Сава Рагузинской, что говорил ему в Венеции их регимент, что бутто король их намерен свататца дочь мою за своего сына, а вместо приданного желает шести кораблей, а за то обещает сумму по два миллиона на год, с кем война будет, против чего писал я к нему, чтоб он в то не вступал, но, ежели им то надобно, чтоб говорили тебе о том»[17].

В декабре 1716 г. возникла идея династического проекта о браке овдовевшего наследника российского престола царевича Алексея Петровича с французской принцессой, одной из дочерей регента Франции герцога Филиппа Орлеанского. Царский агент во Франции Конон Зотов 17 декабря (н. ст.) 1716 г. сообщал Петру I о разговоре, состоявшемся между российским культурным агентом Я. Бонмазари и маршалом, вице-адмиралом В. М. д`Эстре. Последний прочитал письмо из Петербурга от 16 ноября, в котором было написано, что русский царь «указал государю царевичю ехать к себе для женидьбы на еропской принцессе», после чего спросил у собеседника, не знает ли тот подходящей претендентки в Германии. Бонмарзи ответил, что не знает, и в свою очередь спросил у Детре: «не будет ли, де, то угодно двору французскому, если б царское величество похотел государя царевича женить на принцессе француской, а имянно на дочери дюка д`Орлеанса для лутчей алианции крови и интереса. На что господин маршал ответствовал, что он вельми рад слышеть такую добрую мысль, и сказал, что, де, Его царскому величеству ни в чем здесь не откажут и дюк д`Орлеанс с радостию на сие будет иметь соизволение»[18].

Спустя три дня Зотов отправил очередное послание, в котором с радостью сообщил о согласии французского двора на династический союз с Россией: «Понеже вчера был господин Бонмарзария у марешала и виц-адмирала господина Детре, которой ему сказал, что он, когда приобщал Его высочеству дюку д`Орлеану о женидьбе государя царевича и его высочества дочерью, получил ответ от дюка д`Орлеана такой: я, де, бы рад был, чтоб сие сего дни учинилось»[19]. Задумка не получила развития, царевич уже бежал из России и дальнейшая его судьба хорошо известна. По мнению, С.М. Соловьева эти уверения о желании Франции сблизится с Россией, и «что здесь ни в чем не откажут, могли внушить Петру мысль, которую он не покидал до конца жизни, – мысль о браке своей дочери Елисаветы с французским королем Людовиком XV»[20].

Действительно, идея о том, чтобы одна из дочерей повторила путь княжны Анны Ярославовны и стала королевой Франции увлекла Петра I, и главным действующим лицом в осуществлении этого династического проекта стал посол во Франции Куракин, чьи письма, в большинстве случаев шифрованные, вместе с депешами французских послов в России Лави и Кампредона рассказывают о ходе переговоров, которые растянулись на несколько лет, но окончились неудачей.

Впервые о планах царя выдать Елизавету за французского короля писал 25 июля (н.ст.) 1719 г. французский посланник Лави в депеше к аббату Дюбуа: «Царь рассчитывает заключить союз с королем и убедить со временем Его величество принять в супружество принцессу, его младшую дочь, очень красивую и хорошо сложенную особу; ее можно бы даже назвать красавицей, если бы не рыжеватый цвет волос,

[16] РГАДА. Ф. 9. Оп.1 . Кн. 10. Л. 213–213об.

[17] Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 4.

[18] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 27. Л. 119об.–120; *Устрялов Н.И.* История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. Приложение С. 358. № 62. У Устрялова сведения из этого следующего письма соединены в одно от 20 декабря.

[19] РГАДА. Ф.9. Отд.II. Кн.27. Л. 124.

[20] *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. Т. 17–18. История России с древнейших времен. М., 1993. С. 65.

что, впротчем, может измениться с годами; она умна, очень добра и великодушна»[21]. Посланнику эту новость, в свою очередь, сообщил супруг статс-дамы принцесс мадам де Лануа, который мог узнавать при дворе «самые секретные вещи».

Петр I направил 1 мая 1721 г. указ полномочному министру князю В.Л. Долгорукову с поручением тайно предложить французскому королю брак с одной из своих дочерей, вспоминая, что разговор об этом проекте состоялся еще во время его визита в Париж в 1717 г.: «Понеже мы в бытность свою во Франции немного заговаривали Виллерою и маме королевской о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за середнюю [понеже равнолетна ему] но пространно тогда за скорым отъездом не говорили, которое дело ныне вам вручаем, чтоб вы его, сколько возможность допустит, производили, однако ж, чтоб то тайно было от регента, в чем приложите свой труд»[22]. (Илл. 4) Действительно, во время знаменитой встречи царя с королем Людовиком XV 29 апреля/10 мая 1717 г. беседа шла с участием князя Б.И. Куракина и воспитателя короля маршала Франсуа де Вильруа.

В разгар торжеств по случаю заключения Ништадтского мира и провозглашения Петра I императором 22 октября 1721 г. прибывший в Россию Кампредон подал грамоту короля Людовика XV от 25 августа (н.ст.) с предложением заключить союз с Францией и выдать старшую дочь Анну за сына герцога Филиппа Орлеанского Людовика с тем, чтобы он стал польским королем. При этом Кампредон неоднократно писал в Париж о том, что Анна будет назначена Петром I себе в преемники. 8 ноября 1721 г. Кампредон в частном письме назвал кардиналу Дюбуа способ склонить на свою сторону Петра I через Екатерину Алексеевну, заинтересовав ее браком младшей дочери, «очень милой и хорошенькой особы», с одним из французских принцев[23]. В своих посланиях Кампредон неоднократно писал о слухах при российском дворе о том, что Елизавету Петровну сватают за французского короля Людовика XV[24]. (Илл. 5, 6)

Весной 1722 г. к российскому послу Б.И. Куракину обратился французский маршал де Тессе с идеей заключить брак одной из дочерей Петра I с принцем крови и членом регентского совета Людовиком (Луи Анри) де Бурбоном с тем, чтобы он после смерти польского короля Августа занял его место. Маршал сообщил, что это его личная инициатива и просил все держать в строжайшем секрете от Кампредона, кардинала Дюбуа и герцога Орлеанского. Отправляясь в конце декабря 1723 г. в Париж, Куракин просил Петра I дать распоряжение на случай продолжения разговоров о таком брачном проекте. Кроме этого, посол сообщал последние новости о намерениях самого Людовика XV: «При сем же доношу Вашему в[еличеству], что здесь получено известие чрез тайную корреспонденцию, что король французской как никогда склонности не имел жениться на дочери гишпанского, а ныне весьма не хочет, и намерен ее в Гишпанию отослать, и что начинает другую искать, также и женится намерен на шеснатцатом году своего возраста, что учинит отсель год с небольшим»[25].

Таким образом, мы видим два брачных проекта со стороны Франции. Кампредон, кардинал Дюбуа и герцог Орлеанский с одной стороны предлагали Людовика Орлеанского, другим претендентом был Людовик (Луи Анри) де Бурбон. Причем каждая из сторон старалась держать в тайне свои намерения и действия. Слухи при

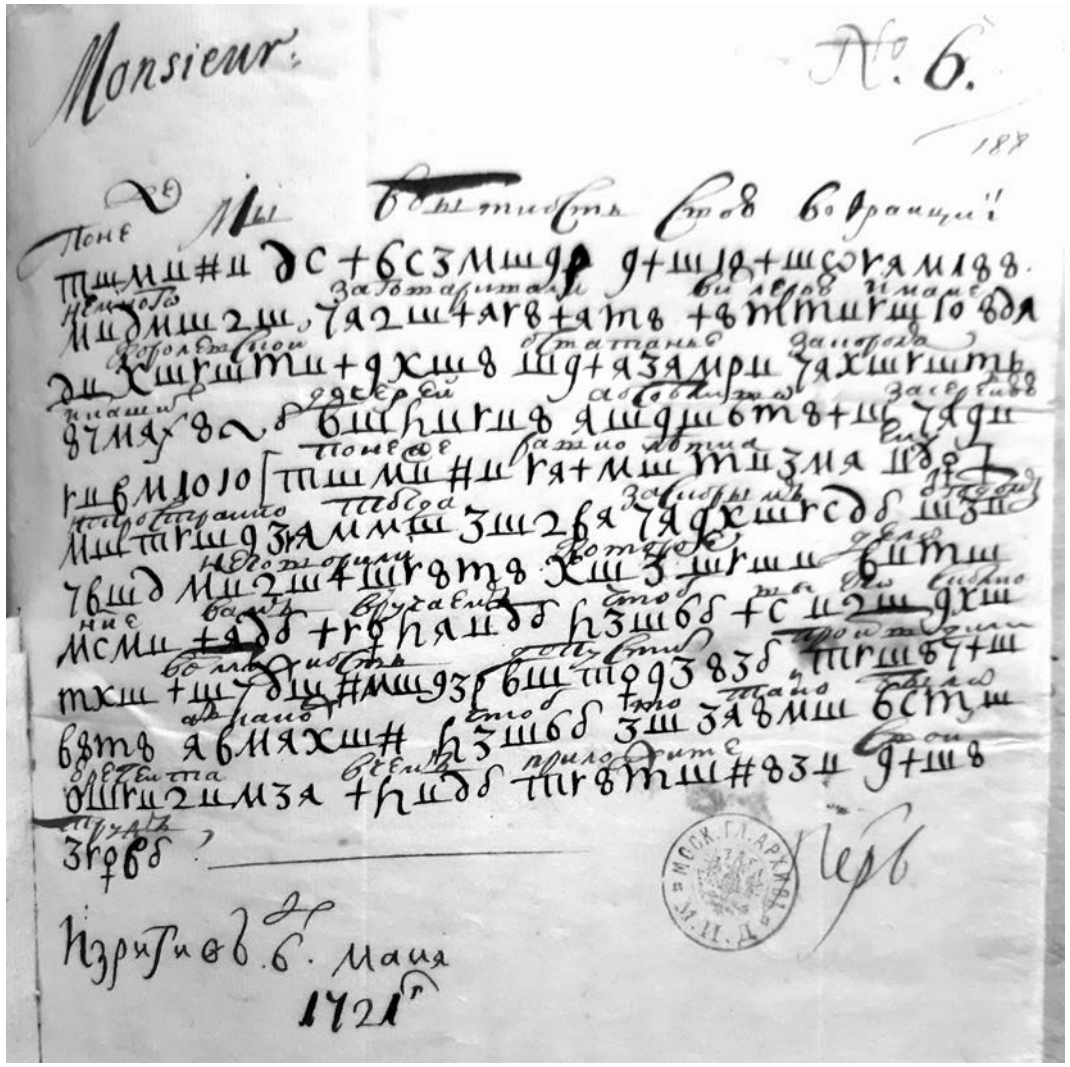
[21] Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч.2 // Сб. РИО. Т.40. СПб., 1884. С. 39–40.

[22] РГАДА. Ф.142. Оп.2. Кн.11. Л.188. Расшифровка поверх шифра.

[23] См.: Сб. РИО. Т. 40. С. 304.

[24] См.: там же. С. 289, 296–301.

[25] РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 59. Л. 301–302. Расшифровка.



Указ Петра I полномочному министру князю В.Л. Долгорукову с поручением тайно предложить французскому королю брак с одной из своих дочерей. 1721 г. мая 1 (РГАДА)

российском дворе о брачных проектах подтолкнула церемония вступления 13-летней Елизаветы в совершеннолетие, о чем Кампредон сообщил в Париж 9 февраля (н.ст.) 1722 г.[26] Напомним, что на фоне заключения выгодного Ништадтского мира и принятия императорского титула Петр I также вел переговоры о замужестве одной из дочерей с Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским, и европейские принцы высказывали заинтересованность в заключении брака с русскими принцессами.

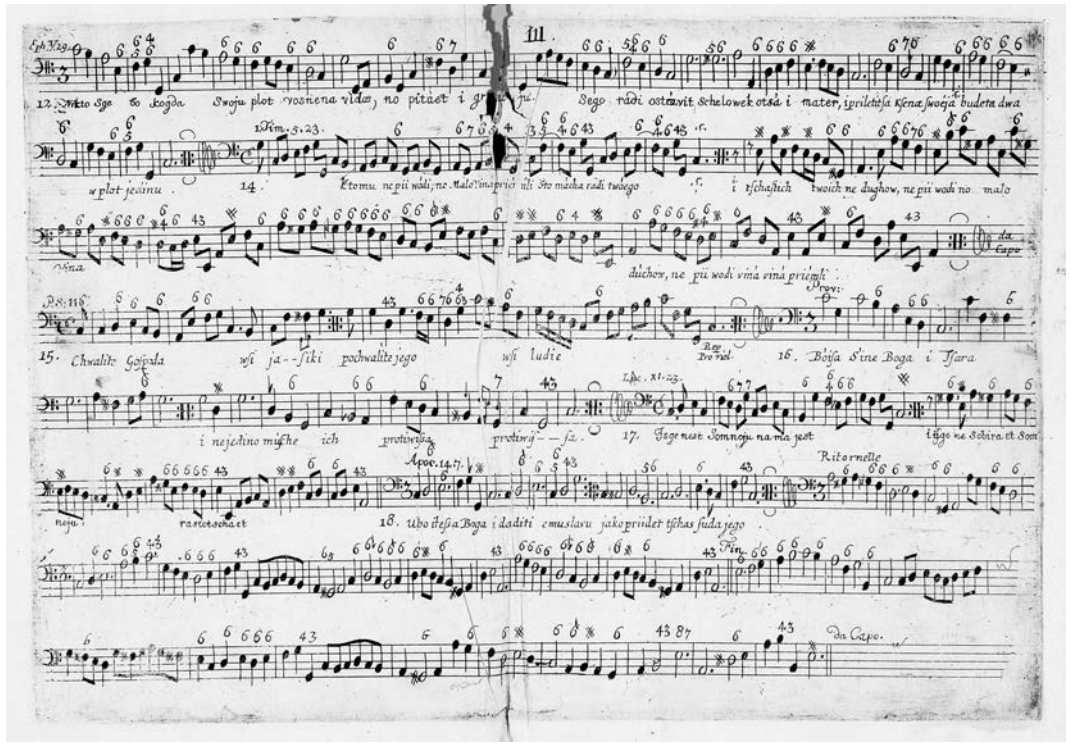
В очередной реляции от 13/24 января 1724 г. Куракин подтвердил неизменность намерений Людовика (Луи Анри) де Бурбона жениться на императорской дочери[27]. Решение Петр I последовало 16 января 1724 г. Собственноручное письмо к Куракину в виду его особой важности было зашифровано «цифирью» и послано в несколь-

[26] См.: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1722 по 1726). Ч.3 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49. С. 44.

[27] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 59. Л. 317–320. Расшифровка.

Л. Каравак. Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. 1717 г.

А.-С. Белль. Людовик XV.



Ноты псалма, исполнявшегося во время церемонии бракосочетания цесаревны Анны Петровны. 1725 мая 21 (РГАДА). Печатный экземпляр.

ких экземплярах (дупликат и трипликат): «Пишешь о всех делех. Первое, что дук де Бурбон сватаетца на нашей дочери, другое, что король не хочет женитца на гишпанской. Того ради, зело мы желали, чтоб сей жених нам зятем был. В чем горазда, прошу всевозможные способы к тому употребить твой труд по крайней возможности. А с первым можешь не опаску взять, или иной отлагательно способ употребить ласкавым образом»[28]. Таким образом, Петр I окончательно решил выдать одну из дочерей за французского короля, но имени Елизаветы не называл. Специально для обоснования такого союза дипломат С.Л. Владиславович-Разузинский подготовил выписку из европейских хроник о браке княжны Анны Ярославовны с французским королем Генрихом I[29].

К сожалению, Петру Великому не суждено было присутствовать на свадьбе дочерей. Брак Анны состоялся уже после смерти отца, а Елизавета так и не вышла замуж, хотя переговоры продолжались еще несколько лет.

Екатерина I, зная о намерении французского короля отправить инфанту в Испанию, пыталась через Кампредона завершить начатый супругом проект брачного союза, но сообщение Куракина в письме от 17/28 мая 1725 г. о выборе Людовиком XV в жены Марии Лещинской исключало короля из желаемых женихов. Как известно, судьба не была благосклонна к Елизавете, ей не суждено было выйти замуж, хотя доброе отношение к Франции она сохранила на всю жизнь.

Последний династический проект Петровской эпохи осуществился уже после смерти императора. Он решил выдать свою старшую дочь Анну за голштинского

[28] Там же. Л. 320.

[29] См.: Там же. Отд. П. Кн. 93. Л. 255–256.

герцога Карла-Фридриха, который должен был наследовать шведскую корону после Карла XII. Таким образом, Петр I надеялся, имея при себе шведского наследника, заставить Швецию подписать наиболее выгодный для России договор и дальше влиять на ее внешнюю политику. Переговоры о браке начались в 1713 г., но надеждам герцога на шведский престол не суждено было осуществиться, дворянство отдало его Ульрике-Элеоноре. Шлезвиг в 1720 г. отошел Дании после заключения мира с Швецией, а Карлу-Фридриху осталось только часть его наследственных владений – порт на Балтике Киль и несколько небольших территорий в Северной Германии.

В начале 1721 г. в Риге состоялась встреча Петра I и Екатерины Алексеевны с герцогом, на которой был заключен устный договор об его союзе с одной из цесаревен, а до этого ему предложили жить в Петербурге. Только после настойчивых посланий Карла Петру I и Екатерине было решено выдать за него старшую цесаревну Анну, и 24 ноября 1724 г. после долгого обсуждения всех пунктов был подписан брачный контракт. Согласно ему Анна Петровна оставалась в православной вере, ее сыновья должны были воспитываться в лютеранской, а дочери – также в православной. Бракосочетание замедлилось из-за приготовления приданого, а 28 января 1725 г. скончался Петр I, и свадьба была опять отложена. После того, как миновал первый квартал глубокого траура, торжество было назначено на 21 мая 1725 г. в Летнем дворце в Петербурге. После завершения церемонии ее описание по установившейся традиции было напечатано для всеобщего известия. В архивном деле к описанию приложены ноты исполнявшегося во время бракосочетания псалма, текст которого написан по-русски латинскими буквами[30]. (Илл. 7)

Династические проекты Петра Великого были направлены на решение политических задач, закрепление российской монархии в европейской семье правящих домов, но заключенные браки не оправдали его далеко идущих планов. Четыре женщины – Анна, Шарлотта, Екатерина и Анна – послушные инструменты в дипломатической политике царя, сыграли свою роль в становлении русско-немецких отношений, а их потомки в истории России. Женщины из рода Романовых благодаря династическим проектам Петра I впервые получили возможность создать семьи и устроить свою личную жизнь, а не закончить дни, как было заведено, в царских светлицах. К сожалению, все династические браки, задуманные и осуществленные царем-реформатором, не принесли счастья их участникам, но дали традицию браков с европейскими правящими домами, а также новые лица на российском престоле.

[30] См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 29об.–30. Печатный экземпляр.

Л.Д. Попова

АРХИЕПИСКОП АФАНАСИЙ – СТОРОННИК ПЕТРА I в ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ И ПОМОЩНИК ЦАРЯ В ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

В статье рассматриваются храмостроительная деятельность архиепископа Афанасия на Архангельском Севере и его взаимоотношения с Петром I в период становления этатизации. Вызов, брошенный царем русскому самосознанию, был принят Афанасием. Ответ архиепископа выразился не в забвении национального интеллектуального и духовного наследия, не в жесткой переориентации на западноевропейские стереотипы, как того хотел Петр I, а в творческом их усвоении и переосмыслении при сохранении собственной национальной самобытности.

Как известно – историю государства, своего региона творит народ. Но и отдельные личности играют большую роль в жизни народа, государства, края. Таким человеком, церковным и государственным деятелем, широко образованным на Русском Севере в конце XVII – начале XVIII века был Афанасий (в миру – Алексей Артемьевич Любимов-Тварогов (Творогов), 1641, Тюмень – 6.09.1702, Холмогоры) – первый архиепископ Холмогорской и Важской епархии, образованной в 1682 г. (выведенной из Новгородской).

О деятельности Афанасия имеются сведения во многих исследованиях XIX – начала XX века: В.М. Верюжского, А.П. Голубцова, Постникова, А.А. Титова. Все они представляют несомненный интерес и не раз попадали в поле зрения современных исследователей[1]. Многогранная деятельность Афанасия представлена в книгах В.Н. Булатова[2] и иеромонаха Афанасия (Коренкова). С точки зрения истории культуры, взаимосвязи Петра и Афанасия рассматривали и мы в своих статьях. В данной работе предпринята попытка вновь рассмотреть храмостроительную деятельность Афанасия, дополнив новыми материалами, и его взаимоотношения с царем в период петровских преобразований на Русском Севере в конце XVII – начале XVIII века.

В отличие от периодов более ранних, указанное время несет отчетливые следы этатизации, то есть огосударствления. Государство и церковь, также являющаяся одним из составных элементов российской государственности, стремились к введению в искусстве определенных канонов. Эти каноны должны были соответствовать четким богословским требованиям и способствовать поддержанию,

[1] *Беспятых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»; Историческая иллюстрация, 2010; *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память. Архангельск: Архангельский краеведческий музей, 2021.

[2] *Булатов В.Н.* МУЖ СЛОВА И РАЗУМА: Афанасий – первый архиепископ Холмогорский и Важский. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002; *Афанасий (Коренков), иеромонах.* Подвижники благочестия Курганской митрополии. Архиепископ Афанасий (Любимов). Далматова: изд-во Успенского мужского монастыря «Белое Городище» ; Чимеево: Казанский чимеевский мужской монастырь, 2021.

с помощью разнообразных видов культуры, величия богоизбранности русского православного Священства и могущества русского Царства. Такое единство власти, единство военной силы, политическое единство были насущно необходимы в то, более военное, нежели мирное время – эпоху петровских преобразований. Как светская, так и духовная власти стремились поднять страну до европейского уровня. Для этого требовались очень образованные люди, способные осваивать широкий спектр знаний: военное дело, фортификацию, горное дело, промышленность и т. д. Церкви также нужны были просвещенные деятели, которые смогли бы поддерживать растущий в мире авторитет русского православия. Одной из центральных фигур, который мог укрепить авторитет официальной церкви на Севере, был Афанасий.

Приезжая на Север, Петр I каждый раз встречался с церковным деятелем, шедшим в ногу с великим преобразователем России, как в Холмогорах (1693, 1702), так и в Архангельске (1693, 1694 и 1702). Здесь на архиерейском подворье трижды бывал Петр Великий. В этом доме пекли хлеб для царского стола и относили каждый день ему в «светлицы», которые стояли на Мосеевом острове. И, по мнению современного историка Ю.М. Данкова, в июне 1702 г. архиерей предложил царю уникальный проект строительства «Осударевой дороги» от Белого моря к Балтике для тайного прохода русской армии к шведскому театру военных действий. В то время сотрудничество царя с архиепископом было надежным, регулярной была их переписка.

Афанасий был решительным сторонником царя в государственных делах: вел дипломатические переговоры с иностранцами, наблюдал за строительством кораблей в Архангельске, проявлял интерес к азовским событиям (наладил почту, которая поступала к нему «о Азовских бытностях»), их участником был брат архиерея – Д.А. Любимов. В честь победы 19 июля 1696 г. в далеких от Азова Холмогорах «полтретья часа благовестили в большой колокол», возвещая о торжественной церковной службе, которая завершилась светским празднеством – троекратным салютом из пушек.

Взаимосвязи Афанасия и Петра мы рассмотрим на фоне становления русского самосознания и лишь в начальный период развития русской идеи. Так как архиепископ умер в сентябре 1702 г., ему не удалось познать петровские реформы XVIII века. В конце же XVII века взгляды Афанасия (он знал Петра I еще с Москвы, где участвовал в венчании на царство) с намерениями царя в деле «европеизации» принципе не расходились. Тем не менее, отметим, Афанасий считал наиболее плодотворным и важным для русского самосознания древнерусское наследие, дух которого он видел в гармонии, красоте и стройности. Литература и зодчество, пережившие период расцвета в Нижнем Подвинье именно при Афанасии, строятся по законам гармонии, а вовсе не определяются лишь личным вкусам (хотя литературные труды и пестрят авторскими вставками, в его рассуждениях присутствует объединение субъектов, различных по месту в общевселенской иерархии, но внутренне соотносимых между собой).

Вступивший на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы и по царской грамоте (№ 93 от 2 сентября 1682 г.) о назначении архиепископом Холмогорской и Важской епархии[3] сибиряк Афанасий явился не только «апостолом» для местного населения, как его иногда называли церковные историки, но и проповедником московской светской власти и культуры на Русском Севере. Как мы уже заметили, его полномочия здесь оказались гораздо шире сана, который был на него возложен.

[3] АИ. СПб., 1842. Т. V. С. 145.

Появление Афанасия в Подвинье внесло заметное изменение в церковную жизнь края. Храмостроительное дело в период его правления епархией (1682–1702) было значительным и оказало большое влияние на развитие и характер культовой архитектуры всего региона. При нем широко развернулось каменное строительство в Холмогорах, Архангельске, а также и в других городах и селах епархии. Понимая, что храмостроительство не могло вестись без профессионалов – каменных дел мастеров, Афанасий создает собственную строительную артель в Холмогорах. Основными зодчими явились братья Стафуровы: Федор, Иван, Дмитрий и Максим Лохоцкий. Холмогорские зодчие целиком находились в его распоряжении, а заказчиком выступил сам иерарх, который серьезно интересовался архитектурой и выписывал из патриаршей библиотеки специальные книги по архитектуре и чертежи.

Заботясь о приоритете церковной культуры, Афанасий требовал, чтобы храмы строились по определенному плану. Он контролировал их выполнение. Нередко этот контроль осуществлял лично. Так каменная церковь в Верхних Матигорах (близ Холмогор), начатая в апреле 1686 г., возводилась по плану, одобренному архиепископом, который внимательно следил за ходом строительства. Церковь строилась на средства прихожан 8 лет. В ней устроено три храма: главный холодный был освящен 10 июля 1694 г. Афанасием во имя Воскресения Христова[4]. Церковь, сохранилась до наших дней. В ее архитектуре наблюдается стремление архиепископа утвердить лаконичную, величественную и даже суровую архитектуру, что в принципе характерно для северного зодчества. При этом он во многом опирался на тенденции русской архитектуры предшествующих веков, а в декоре наблюдаются элементы нового европейского барочного стиля, пришедшего на Север через московскую архитектуру XVII века. Это ярко проявилось в строительстве многих храмов, возведенных по заказу Афанасия и под его непосредственным наблюдением. Отметим также, вызов, брошенный Петром русскому самосознанию: уничтожить старое и вместо него создать, новое европейское, не был однозначно принят Афанасием. Требуя строгого соблюдения канонов в церковном строительстве, Афанасий запрещал, например, строить деревянные шатровые церкви, очень распространенные в то время на Севере. По поводу запрещения шатровой формы церковных построек существует несколько теорий, прежде всего связанных с патриархом Никоном. Возможно, Афанасий имел для этого другие причины: высокие шатровые храмы часто горели от молнии. Афанасий сохранял шатровые церкви, если речь шла об их ремонте. В 1688 г. поправлена шатровая Ильинская церковь XVII века в д. Ильинской. В 1695 г. была перебрана шатровая Предтеченская церковь в д. Хаврогорской. В 1700 г. Афанасий разрешил построить шатровую Васильевскую церковь в Моржегорском приходе. При нем строились церкви в местном стиле, сложившемся после запрещения строительства шатровых храмов: кубоватые – в Каргопольско-Онежском регионе, «шатер на крещатой бочке» – в Пинежско-Мезенском, многоглавые – по Северной Двине. Так ответ на петровский вызов выразился не в забвении национального, как того хотел Петр I, а в творческом их усвоении и переосмыслении при сохранении собственной национальной самобытности. Такова была позиция Афанасия – человека высокой культуры, ответственного перед своей страной.

Еще находясь в Москве, Афанасий дал благословенную грамоту от 26 марта 1682 г. на строительство каменного Свято-Троицкого собора на Ухт-острове, находящемуся напротив Холмогор. В 1691 г. архиепископ Афанасий разрешает

[4] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Т. 1. С. 260, 261.

к паперти Свято-Троицкого храма, возведенного в 1690 г. и освященного самим архиепископом, пристроить с северной стороны придел во имя св. Алексея человека Божия, с указанием: «Во особых стенах мерою против чертежа каков чертеж подали», чтобы между церковью и приделом не было соединения: «а ход в ту пределную церковь зделать ис паперти, а из настоящей церкви в тое церковь дверей отнюд неделать». Все эти указания будут касаться церквей, имеющих несколько приделов; а указ «верх на той пределной церкви построить не шатровой и олтарь при ней учинить круглой» будет распространяться на все храмы, как и рекомендации по внутреннему устройству, например: в алтаре пол должен быть «выше церковному помосту двема степенми, а степенем высота по полтретья вершка». В данной грамоте даются указания и по устройству царских врат: «да в олтарных же стенах учинить насредине царские врата, а на правой стране тех врат южныя, а на левой северныя врата же. И святых образы поставить чинно. На правой стране царских врат поставить образ Спасителев, подле его поставить образ настоящего тоя церкви святого. На левой стране царских врат меж северных поставить образ Пресвятыя богородицы с предвечным младенцом и прочих святых образы. Поставить по обычаю церковному»[5]. Свято-Троицкий собор в свое время не уступал Спасо-Преображенскому холмогорскому собору по силе выразительности и архитектурной мощи. По грамоте Афанасия от 12 марта 1693 г. приступили к строительству второй Варваринской каменной церкви, которая строилась долго и была освящена архиепископом лишь в феврале 1702 г.[6]

К приезду Афанасия в Холмогоры возводился Борисоглебский храм в Нижних Матигорах (близ Холмогор). Афанасий лично осмотрел ее и в первую очередь был недоволен тем, что в церкви и в алтаре «без благословения стены вытесаны». Вслед за этим «с земли дело похвалил, а в верху, говорил, не делом сделано, шеи (барабаны на церкви. – *Л.П.*) основаны некрепко на дугах, и то велел покрепить да приказал мост опустить в церкви, чтоб мощно сделать степень ко алтарю во всю стену»[7]. В 1683 г., что можно было поправить, поправили; но и после освящения храма, 24 июля 1683 г., он кручинился уже по поводу престола и жертвенника, которые, по его мнению, были сделаны из слишком тонких досок.

В Холмогоры Афанасий прибыл 18 октября 1682 г. Холмогоры с XIV века были административным центром Поморья. Долгое время сохраняли культурно-пространственный ареал Великого Новгорода. В 1470-е гг. город вошел в состав Московского государства и стал центром Двинской земли. В Холмогорах сохранялось много древних храмов, восходящих ко времени расцвета города, что делало эту землю священной, духовным центром обширного края. Поэтому не случайно именно здесь поселился Афанасий, здесь он устроил свою резиденцию и не переводил ее в Архангельск, сохраняя священный образ и символ древнего Новгорода, лишь заменяя его деревянное обличье на каменный. С этого времени Холмогоры превратились в крупный культовый центр Православия и стали центром культуры на севере страны, сыгравший большую роль в становлении Московского государства и России вплоть до середины XVIII века. Затем утратили абсолютное превосходство и уступили примат Архангельску.

В 1683–1685 гг. при архиерейском подворье Афанасий вначале выстроил шатровую колокольню. В 1685 г. приступил к строительству Спасо-Преображенского собора, который возводился целых 6 лет «под неусыпным его надзором и руководством»[8].

[5] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 474. Л. 1.

[6] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Т. 1. С. 280.

[7] *Голубцов А.П.* Чиновники Холмогорского Преображенского собора // ЧОИДР. Кн. IV. М., 1903. С. 152, 153.

[8] *Постников.* Афанасий архиепископ Холмогорский и Важский. С. 28.

Есть свидетельства о том, что Афанасий сам принимал активное участие в разметке фундаментных рвов. 11 мая 1685 г. Афанасий размерил место, совершил молебен, указал, где быть основанию церковному, окадил его и окропил святой водой; после молебна копал землю с четырех сторон, 27 августа освятил основание собора «по чину требника Петра Могилы»[9]. Спасо-Преображенский собор был освящен самим Афанасием 28 июля 1691 г., при огромном количестве горожан[10].

Так в Холмогорах появился первый епархиальный собор, построенный «по образцу» Успенского собора Московского Кремля XV века, включившегося в себя декоративные элементы московского же барокко второй половины XVII века и северные традиции: шеи (барабаны), увенчанные деревянными луковичными главами. Собор отличался величественностью и красотой архитектуры. Архиепископ потратил на его строительство много сил и средств, в том числе и на внутреннее украшение, богато одарив его церковной утварью и книгами. Иконостас в нем был установлен из старого деревянного собора.

28 июля 1693 г. колокольный соборный благовест возвестил о прибытии в Спасо-Преображенский собор Петра I. Царь в собор: «пришед, по обычном поклонении, целовал святые иконы, и певчие пели входное благоверному; он же стоял одесную места архиерейского, а архиерей стоял о левую сторону <…> Во время эктинии государь с архиереем ходил в алтарь южными дверьми и целовал святые мощи (очевидно, святого апостола Иакова) и к архиерею во многом являл свое милостивое слово»[11]. Петр I «указал» выдать 300 руб. на устройство нового иконостаса. В 1695 г. был устроен новый пятиярусный иконостас, выполненный «столярским добрым мастерством», вызолоченный «красным золотом весьма узорочно». Резали его холмогорские мастера и резчики, а царские врата «вырезали в Москве»[12]. По свидетельству Летописи Двинской в 1702 г.: «Мая 16, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич… приехал на Холмогоры. По литургии в соборе, быв у преосвященного Афанасия архиепископа часа с полтора, и поехал к городу Архангельску». По указанию царя «архиепископ сего ж месяца с 20 числа поехал к городу Архангельскому»[13]. Все церкви, появившиеся при Афанасии, указать не представляется возможным. Можно констатировать, Афанасий уделял особое внимание строительству новых храмов. Лишь отдельные сведения сохранились о них. По известным нам материалам укажем хронологию, строившихся храмов согласно грамотам архиепископа в XVII веке: в 1683 г. по его указам строилось 9 храмов, в 1685 г. – 5, 1686 г. – 6, 1687 г. 7 храмов и архиерейский дом в Архангельске, 1688 г. – 5, 1690 г. – 5. В 1691 г. даны грамоты на строительство 2 каменных храмов, а 1692 г. – 10, 1693 г. – возводился один каменный храм, 1694 г. – три каменных же храма, 1695 г. даны три грамоты на строительство храмов, 1696 г. – две грамоты, 1698 г. – три грамоты. Как видим, в конце XVII века по распоряжению архиепископа построено огромное количество храмов и одно лишь перечисление их впечатляет и говорит о его огромной индивидуальной творческой деятельности. Общее количество, по подсчетам В.М. Верюжского было еще более значительным. Так, до Афанасия было 218 церквей, в 1691 г. их стало 254, а в 1696 г. – 265[14]. Часть построек, ставших архитектурными памятниками, сохранились до сих пор.

[9] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 52.

[10] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 59–60.

[11] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 65, 85.

[12] *Титов А.А.* Летопись. С. 57, 93, 128; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. С. 234.

[13] *Титов А.А.* Летопись. С. 125.

[14] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 328–337.

Не лишне заметить, что архиерейский комплекс возник вблизи деревянной крепости (1656–1657), усилившую композиционное значение, подчинившую пространственную взаимосвязь доминант – Спасо-Преображенского собора, колокольни и крепостных башен. Помимо своей оборонительной функции, она была общественно-политическим и духовным центром города, облик которого не мыслим без стен, башен и ворот, получивших названия от находившихся неподалеку церквей: Спасские, Богоявленские, Архангельские, Никольские, и таким образом сакрализованных. Главными воротами, обращенными к реке, были Богоявленские, через них в 1682 г. происходило торжественное вступление в Холмогоры архиепископа Афанасия. В центре крепости находилось административное здание – палата, возвышались храмы Рождества Богородицы, Богоявленский с двумя приделами Архистратига Михаила и св. прав. Алексея человека божия[15]. Так и крепость предстает своеобразной архитектурной моделью, созданной коллективно, памятником духовным, образцом «космической философии», воплощением представлений о соотношении «небесного» и «земного» в повседневной жизни. В свой первый приезд Афанасий совершил обход городской стены, читал молитву «у Архангельских врат… у Никольских ворот», прежде чем отправиться в Спасо-Преображенский собор. К 1691 г. крепость пришла в ветхое состояние. Однако в летние месяцы 1692 г. стены сооружения перебрали, а отдельные башни срубили заново, над Богоявленскими воротами возвели Алексеевскую церковь. Возможно, не случайно она освящена в честь Алексия – небесного покровителя царевича Алексея, сына Петра I. В 1693 г. царь въезжал в крепость также Богоявленскими воротами, «при громах пушечного и ружейного огня». Как видим, в данном случае сложилось благоприятное взаимодействие Церкви и культуры, выступающие в качестве «некоего единства». Этот контекст, как и прежняя градостроительная структура, и высокий духовный тонус городского пространства сохранялись в Холмогорах до первой четверти XVIII века.

Приняв царя у себя в Холмогорах, Афанасий поспешил вслед за Петром в Архангельск и был здесь все время, пока царь занимался, по мнению многих историков, организацией морского корабельного строительства, которое началось на Соломбальских островах, расположенных севернее Архангельска. Природный ландшафт, обильное водное пространство и стремление Петра I создать военный и торговый флот в России вызвали к жизни корабельное строительство, оснащенного парусами «заморского полотна», «заморскими снастями» и навигационными приборами, а впоследствии начали строить корабли на «новый» иноземный манер, вместо «староманерных» поморских судов. С внедрением новоманерных эталонов и образцов формировалось русское самосознание, ориентированное на европейский уровень. Можно сказать, что с Соломбалы Россия начала европеизироваться. Это позволило Архангельску получить и статус первой северной столицы молодой петровской государственности. На территории Среднего Соломбальского острова и была заложена корабельная верфь, а уже в следующем году построен первый российский корабль, который с казенными товарами отплыл за границу. Открыв в Архангельске так называемые «царские торги», которые продолжались от 1694 по 1719 г., Петр впервые отправил отсюда товары в далекое плавание на русских кораблях. «От царского имени вывозилось за границу поташ и смольчуга, а с 1705 г. и хлеб, первый купеческий корабль прибыл в Архангельск 21 июля 1694 г. привез сукно для царского войска (из Голландии)»[16].

[15] Двинской летописец // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 191.

[16] ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 66. Л. 22.

Архиепископ Афанасий помогал царю в строительстве кораблей на Соломбальской верфи, поддерживал его в создании российского флота. Так в лице Афанасия Петр I нашел единомышленника. Замыслы Петра относительно мореплавания повлияли на формирование интереса к морскому делу самого Афанасия. Архиепископ серьезно заинтересовался вопросами судостроения и снаряжения судов, став весьма образованным в этой области. В его библиотеке было много книг по морской тематике[17]. Сам имел личные суда. Петр I подарил ему струг, оснащенный парусами «заморского полотна», иностранными навигационными приборами. Первое свое судно, «именуемое баркалон», архиепископ построил по типу азовских военных кораблей. Приведем убранство этого баркалона, украшенное архиерейским живописцем И. Погорельским: «На корме, на вольной стороне» нарисован герб, «с примера патриарша клейнота»… Под гербом в клейноте подписано речьми и литерами латинскими прописными большими тако: “Преосвященный Афанасий, Божией милостию архиепископ Холмогорский и Важеский, первый есть трона сего”»[18].

Летом 1694 г. Афанасий совершал с Петром I далеко небезопасное плавание в Соловецкий монастырь. На пути они попали в шторм, их яхту принесло к пристани Пертоминского монастыря. «И пришедше во храм Преображения Господня… и благодарение Господу воздаша о вожделенном спасении своем. Пели молебная пения всемилостиву Спасу». Они здесь провели три дня. В память после избавления от бури царь срубил крест с голландской надписью: «DAT KRUYS. MAKEN. KAPTEIN. PITER VAN. A. CHT. 1694.» (Сей Крест поставил капитан Петр в лето Христово 1694)[19]. Крест этот был четырехконечным 1 ½ сажени высоты; находился в монастыре до 1805 г., затем был перенесен в Архангельский кафедральный собор, а на его месте была установлена точная копия петровского креста. Опустим описание пребывание царя в монастыре, об этом подробно изложено историками. Заметим лишь, тогда Петр I внес в монастырь значительный денежный вклад: на строительство ограды – 2000 гривен, на содержание братии – 600 гривен, другие дары впоследствии он подтвердил грамотами. Монастырь в свое ведение получил территорию Красный горы со всеми озерами, рыбной ловлей, пахотной землей, покосами, лесами и варницами, а также все тони от Красной горы до речки Чухча и другие земли. В то лето царь оставил своего офицера для строительства монастырских зданий, при котором были построены каменные кельи для братии. Кроме того, он выстроил «от келей саженей на дватцать ограду и на углу башню»[20]. Пребывание в Соловецком монастыре также отмечено пожертвованиями и денежными вкладами, описанными в книге «О высочайших пришествиях…». Как свидетельствует летопись, царь дал деньги «200 рублев» на украшение «чудотворцевых рак» и иконостаса: «По его великого государя указу, построен деисус и к местным иконам и к праздникам в пяти ярусах иконостас резной золоченой…»[21]. Об этом гласила и надпись над Царскими вратами: «По своему душеспасительному обещанию, будучи в сей обители, указал в соборной церкви св. Боголепного Преображения Господня… построить иконостас столярного дела резной, своею Государевой казной»[22]. Поставлен иконостас по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия 11 мая 1697 г.[23].

[17] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 476.

[18] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 113.

[19] О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича… из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу… / Издание Н.Н. Новикова. М., 1783. С. 44–45, 47.

[20] Там же. С. 45–47.

[21] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 77.

[22] *Мелетий, архим.* Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 41–42.

[23] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. I. С. 176.

Афанасий был главным помощником Петра I и в деле строительства первой военно-морской цитадели – Новодвинской крепости. Строительство ее связано с важным периодом в русской истории – Северной войной (1700-1721). Он, видимо, понимал: Русский Север может быть духовно порабощен другими государствами. Завоевательный поход шведской эскадры на Архангельск в 1701 г. вызвал необходимость более серьезного укрепления города как передового форпоста на северных рубежах России. В связи с этим было решено построить новую каменную крепость на острове Линский Прилук, на Березовском устье Северной Двины, которым приходили тогда корабли в Архангельск.

В декабре 1700 г. Афанасий получает список с указа Петра I о строительстве крепости у города Архангельска на речке Малой Двинке[24]. Выезжает в Березовское устье вместе с воеводой А.П. Прозоровским, чтобы освятить место для «фортеции». «И пришедши на место, на средине града построенное и тесом помощенное, и на аналоях поставлены были образ Спасителев и Пресвятой Богородицы и образ святых верховных апостолов Петра и Павла и на столе евангелие и крест и чаша водосвятная. И облачась архиерей по чину со всеми служащими пели часы и по часех чин основания града, священнодействова по большому требнику киевские печати. По совершении основания, избрав место, архиерей благословил созидать часовню или молитвенный храм во имя святых верховных апостол Петра и Павла ради тамо пребывающих и работающих у градового дела людей, и благословил тамо быть священнику и псаломщику ради церковной молитвы и всяких христианских нужд»[25]. Так состоялась церемония основания крепости, которая тем временем уже строилась.

В январе 1701 г. Афанасий отправляет царю свой отчет о ходе строительства каменной крепости, в котором обязуется изготовить «каменных припасов десять сот тысяч карпича, тысяча сажень бутового камени, пять тысяч бочек извести, глины, песка и «всяких иных припасов»[26]. Из следующего же отчета известно, что на Линский остров был доставлен бутовый лещадной камень, а также тесаные камни стенные и половые[27].

В январе 1701 г. Афанасий отправляет своих людей в монастыри своей епархии для выявления «наличия каменных припасов, необходимых на сооружение крепости»[28]. Так, были обнаружены железные снасти в Пертоминском, Сийском, в Спасском Козьеручском, Архангельском и Николаевском Корельском монастырях и взяты оттуда вместе с лопатами, молотками для нужд строительства[29].

Летом 1701 г. Афанасий посылает отчет с перечнем строительных материалов, поставленных в Новодвинку: «30 сажен трех аршинных камени бутового лещадливого изрядного, 580 каменей стенных тесаных разных рук, 302 камени мостовых тесаных разных же рук, 900 кирпича обожженного доброго, 300 бочек извести, 3 груды щебня, и те все припасы в новую крепость поставлены весною и в дело пошли … сверх того домовыми архиерейскими людми припроважено … бутового камени лещадливого изрядного 135 сажен три вершка и тот камень весь в дело пошол. Да сделано на домовых кирпичных заводех 2000 кирпича. Итого, обожжен-

[24] ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 250. Л. 1. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого, подготовленные к изданию Ю.Н. Беспятых, В.В. Брызгаловым, П.А. Кротовым опубликованы в книге «Тревожные годы Архангельска 1700–1721». Архангельск: Архангельский филиал Русского Географического общества, 1993.

[25] *Титов А.А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 120.

[26] ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 275. Л. 1.

[27] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1394, 1417.

[28] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1415. Л. 1.

[29] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1420.

ного кирпича к строению водяным путем спроважено нынешним летом 3300»[30]. Хозяйственной частью ведал прибывший также из Москвы стольник Сильвестр Петрович Иевлев[31].

Пригодился строительный опыт Афанасия и при рассмотрении чертежей.

В январе же того года Афанасий получает список с указа Петра о присылке жителей Каргополя, Чаронды, Кевроля и Мезени к участию в постройке крепости и о командировании на Двину инженера Ягана Адлера[32]. Я. Адлер (Иоганн) составил чертеж крепости. Афанасий высказал замечания по чертежам инженера Г.Э. Резе, присланного из столицы в марте 1701 г., заметив, что «стенам тоя крепости длина и ширина видитца написано умеренна, а башням… не по крепости неумеренно написано по сту по семи сажен трехаршинных кругом всякая башня». Да и валу, по мнению архиепископа, «быть со свободную сторону непристойно: дабы во время приходу сопостатов не было им тем валом из крепости бою защищения, и дабы не вменился тот вал сопостатом готовою землею к засыпи рва»[33]. В мае 1701 г. чертежи Резе были готовы и Новодвинскую крепость начали строить по его проекту. Это известно из надписи, сделанной Г. Резе на плане: «План крепости, которая по указу Его Величества Царя Петра Алексеевича на протоке новая Двинка реки Двины между городом Архангельским и Белым морем определена старанием инженера Георга Эрнеста Резе. В год 1701. 12 мая»[34]. В его проекте крепость предстает грандиозным сооружением прямоугольной формы, как бы налагающимся на существующий ландшафт, между Малой Двинкой и протокой Муткурьей. Крепость закрывала вход в Северную Двину с моря и охраняла подступы к Архангельску.

Как видим, Афанасий не ограничивается только критикой, дает профессиональные советы, поставляет материалы, собирает по всей епархии финансовые средства, направляет своих зодчих Федора и Ивана Стафуровых для возведения крепости. В обязанность Ивана Стафурова входило сообщать архиепископу о ходе стройки крепости[35].

По указу архиепископа укрепляется Печенгская пустынь[36], дается указание воеводе Григорию Никитовичу «в Кольском остроге город починить»[37], укрепляются Гостиные дворы Архангельска, исследуются морские пути из России в Швецию. В связи с этим появляется труд Афанасия светского характера – «Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их»[38], по мнению многих исследователей, составленный по настоянию Петра I в марте 1701 г. и очень необходимый в то время, поскольку Север был связующим звеном между Москвой и Западной Европой. Описание шведской морской экспедиции на Архангельск и его героической обороны в июне 1701 г. также было составлено Афанасием, как и подробнейшее повествование о троекратном пребывании Петра I в Архангельске, изданное Н.Н. Новиковым в 1783 г.[39].

К культурному наследию Русского Севера относится Двинской летописец. В этой хронике в контексте истории города Архангельска широко отражена тема

[30] ГААО. Ф. 57. Оп. 3. Д. 4. Л. 1

[31] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб. 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 100.

[32] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1397. Л. 1.

[33] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 548, 551.

[34] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–4.

[35] ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1405. Л. 1.

[36] ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 276.

[37] ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 283.

[38] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 543.

[39] О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича… из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу… (Изд. Н.Н. Новикова). М., 1783.

Петра I и его преобразований. Написание первой части Двинского летописца многие исследователи связывают с именем Афанасия.

Строительством Новодвинской крепости ведала Семиградская Ратуша называвшаяся так по семи северным городам, на которые было возложено финансирование: Великий Устюг, Вятка, Соль Вычегодская, Тотьма, Чаронда, Кеврола, Мезень[40]. Представители Ратуши следили за ломкой камня, нанимали рабочих людей, платили им деньги, вели отчетность, непосредственное же руководство строительством осуществлял автор проекта.

12 июня 1701 г. крепость была заложена, а 25 июня пришлось принять бой, ибо шведские корабли пытались пройти в Архангельск для его захвата. Г.Э. Резе пришлось заняться осадными работами: под его руководством по берегам Двины возвели редуты и поставили орудийные батареи, снабженные артиллерией, а позади батарей построили шанцы, внезапный огонь с которых и потопил вражеские суда. Г.Э. Резе не только подготовил боевые сооружения, он защищал русскую крепость, свое детище. За это был награжден похвальной грамотой и 200 дукатами[41]

На зиму строительство было приостановлено, а продолжено весной 1702 г. В мае 1702 г. в Архангельск прибыл Петр I и в течение двух с половиной месяцев наблюдал за возведением цитадели. План крепости приобрел элементы, характерные для западной архитектуры. Для Поморья это была крупная и первая крепость бастионного типа. Крепость стала первым памятником отечественной культуры, созданным не только по замыслу, но и при непосредственном участии царя. Она несла в себе идею создания сооружения, имевшего фортификационное значение, что позднее реализуется в Санкт-Петербургской крепости, заложенной Петром на Неве, на Заячьем острове, всего два года спустя.

В 1702 г. царь собственноручно в присутствии Афанасия заложил в крепости деревянный Петропавловский храм, законченный ко дню царского тезоименитства. 29 июня 1702 г. она была освящена Афанасием в присутствии Петра. «При том освящении великий государь преосвященного пожаловал саккосом (нарядная верхняя одежда архиерея) и велел иметь в том облачение; с того года начались саккосы»[42], заменившие фелонь (длинная и широкая одежда без рукавов). Перед знаменитым походом в Нотебург с русской эскадрой 6 августа Петр I последний раз посетил крепостную церковь и стоял службу, которую вел архиепископ, облаченный в пожалованный царем нарядный саккос. Особенным для церкви, по замечанию путешественника П.И. Челищева, было то, «что сидения поделаны, как в немецких церквях, лавки, чего нигде в России нет»[43]. Пожалуй, лишь в этом прослеживалось влияние западноевропейской культуры. Церковь строилась по архитектурному чертежу и согласно правилам, прописанным в храмозданных грамотах. На крыльце церкиу стоял царь и наблюдал за военным салютом, устроенным после освящения храма в его честь: все полки стояли в парадной форме вокруг церкви и стреляли из ружей. В то же время началась и пушечная пальба в крепости. Затем государь возвратился в свой «дворец», стоявший на Марковом острове против Новодвинки, пригласив на свой день рождения.

Кстати будет сказать, что и сама церковь, возведенная на центральной площади крепости, имела довольно праздничный вид. Она была украшена разными

[40] *Огородников С.Ф.* История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 39.

[41] Об этом сражении см. подробнее: Беспятых Ю.Н. История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск, 1990. С. 67–80, 140.

[42] *Титов А.А.* Летопись Двинская. С. 126.

[43] *Челищев П.И.* Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 104–105.

государственными заменами и флагами, которые установили на кровлях храма и колокольни и спустили из всех окон строения.

Так освещают письменные источники творческую деятельность архиепископа Афанасия, принявшего петровский «европейский» вызов. Свидетельством тому является Новодвинская крепость. Однако ответ на петровский вызов выразился не в забвении национального интеллектуального и духовного наследия и жесткой переориентации на западноевропейские стереотипы, как того хотел Петр I, а в творческом их усвоении и переосмыслении при сохранении собственной национальной самобытности.

Такова была позиция Афанасия, «пастыря изящного, писания довольного, сказителя громогласного, речистого, по премногу остроразсудительного»[44] – общественного человека, ответственного перед своей страной, человека высокой культуры. Его деяния можно сравнить с трудом пахаря, который землю вспахал и умягчил, то есть верой просвестил, а труды его – с трудом сеятеля. Он из тех, кто употребил немалые материальные средства на развитие церковной архитектуры, прикладного искусства, книжного дела: в его архиерейском доме не только собирали и переписывали книги, но и учили грамоте. Фигура Афанасия – знаковая в истории и культуре Русского Севера. За 19 лет и 6 месяцев своего архиепископства «человек здравого ума», как его уважительно называли иностранцы, сделал удивительно много. С его деятельности на северной земле началось развитие культуры, образования и каменного строительства. Часть построек, ставших архитектурными памятниками, сохранилась до сих пор.

[44] *Титов А.А.* Летопись Двинская С. 127.

А.А. Курапов

РОЛЬ ПЕТРА I В МОДЕРНИЗАЦИИ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ*

Анализируя модернизацию Нижнего Поволжья Петром Великим определим основные тенденции модернизации страны в годы его правления.

Реформы Петра I в России – «догоняющая модернизация», процесс перехода от традиционного к современному обществу, стимулировавший рост промышленности и торговли, увеличение численности городского населения, давший импульс к развитию науки, техники, культуры, образования, преобразовавший армию и флот, заложивший основы вестернизации страны[1].

Основными направлениями модернизации Астраханского края петровского времени стали: административно-территориальное, социально-политическое, социально-экономическое, просветительское, модернизация инфраструктуры края.

XVIII в. стал важнейшим этапом в истории Астраханского края. Юго-восточному форпосту державы на протяжении веков традиционно предназначалась важная миссия. После губернской реформы и введения губернского правления Астраханское воеводство, со времен Ивана Грозного подчинявшееся Приказу Казанского дворца, вошло в состав Казанской губернии, во главе которой стал П.С. Салтыков[2].

Важнейшим событием в политической истории Нижневолжского региона XVIII в. стал указ Петра I от 22 ноября 1717 года, по которому создавалась самостоятельная Астраханская губерния.

Новообразованная губерния была значительной административно-территориальной единицей страны и состояла из 6 уездов и 12 городов: «А к Астрахани города (приписать) Симбирск, Самара, Сызранск, Кашкар, Саратов, Петровский, Царицын, Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, что на Яике, Терек»[3].

Отметим, что на протяжении всей истории ее площадь неоднократно менялась. Так в 1719 г. к Астраханской губернии был присоединен Симбирский уезд, в 1728 г. к Казанской губернии отошли города Саратов, Самара, Симбирск, Сызрань с уездами, в 1739 г. город Саратов с уездами вновь был включен в состав Астраханской губернии. К 1745 г. в состав Астраханской губернии входили города: Астрахань, Саратов, Дмитриевск, Царицын, Черный и Красный Яр, Кизляр, восемь крепостей[4].

Астраханская губерния была призвана играть значительную роль на южных рубежах Российской империи, поэтому к руководству регионом привлекались опытные администраторы.

Астраханскими губернаторами петровского периода были Петр Самойлович Салтыков (1717–1719 гг.), Артемий Петрович Волынский (1719–1725 гг.).

Важнейшим документом, необходимым для понимания специфики служения

[1] *Ланцов С.А.* Реформы Петра Великого в контексте теоретических концепций и мирового опыта модернизации // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. Материалы международной научной конференции. В 3-х томах. Том. 1. СПб., 2022. С. 224 – 229.

[2] Об учреждении губерний и о расписании к ним городов // ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. С. 437.

[3] Об оставлении Нижегородской губернии с Казанской в одном управлении и об отделении от оных Астраханской губернии с определенными к ней городами особо // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. V. С. 520.

[4] Астраханский край в административно-территориальных преобразованиях России. Краткий исторический очерк // Справочник административно-территориального деления Астраханской области 1918–2008. Астрахань, 2008. С. 62–63.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

астраханских губернаторов в XVIII в., является «Инструкция полковнику и астраханскому губернатору Волынскому об управлении вверенной ему губернии (июль 1720 года)». Документ затрагивал основные направления политической деятельности главы губернии и характеризовал видение губернаторской службы в Нижневолжском регионе Петром I. Рассмотрим это значительный по объему документ, который практически не цитирует региональная историография, определив обязанности астраханского губернатора в 20-е гг. XVIII в.

По инструкции Петра I астраханский губернатор должен был:

1. содержать в порядке текущую документацию по социально-экономической и социально-политической жизни региона;

2. содержать в Астрахани караулы, заботиться о безопасности губернского города и приписанных к губернии городов, защищать Астрахань от внешнего вторжения и обеспечивать безопасность населения от «воровских людей»;

3. содержать в надлежащей исправности воинские припасы и амуницию, вести надзор за Аманатным, Гилянским и Бухарским дворами;

4. собирать информацию о прибывающих и живущих в Астрахани иностранных подданных (эта информация должна была включать личные данные, характеристику вида занятий, полный перечень товаров иноземного купца), обеспечивать комфортное проживание в губернском центре иностранцам;

5. собирать информацию о приграничных государствах и оперативно доставлять ее в Сенат и Военную коллегию;

6. способствовать развитию транзитной торговли через Астрахань, взаимодействовать с официальными посольствами, осуществлять их прием и обеспечивать содержание до получения разрешения проезда ко двору Его Императорского Величества;

7. оказывать протекцию и приводить в российское подданство народы, обращавшиеся по этим вопросам к главе губернии;

8. в случае начала военных действий с приграничными странами и народами астраханский губернатор должен был ограничивать торговые отношения и доступ в губернский центр иностранцев;

9. способствовать обращению в православие людей «других законов», проводить миссионерскую деятельность и выплачивать жалование «новокрещенным»;

10. оказывать противодействие шпионажу иноземных купцов на российской территории;

11. осуществлять благоустройство городов и обеспечивать их противопожарную безопасность;

контролировать оперативную доставку арбузов и винограда ко двору торговыми караванами, ограничивать вывоз за пределы страны «заповедных товаров»: золота, серебра, меди, пушек, пороха, свинца, серы, селитры[5].

Отметим, что инструкция 1720 года стала направляющим документом, определяющим деятельность астраханских губернаторов на протяжении всего XVIII в.

В соответствии с наказом Петра I А.П. Волынский, прибыв в Астрахань, отправил в Сенат донесение о состоянии губернии, обратив внимание на плохое состояние Астраханского кремля, недостаточное обеспечение гарнизона, необходимость обеспечения безопасности торговых трактов. Уже в 1725 г. астраханский гарнизон

[5] Инструкция полковнику и астраханскому губернатору Волынскому об управлении вверенной ему губернии // ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. С. 223 – 229.

был усилен четырьмя пехотными и драгунскими полками. Губернатор способствовал активизации восточной политики России. При содействии А.П. Волынского в 1721 г. Кабарда приняла русское подданство, велись активные переговоры с картлийским царем Вахтангом VI[6].

Важнейшим событием губернаторского правления А.П. Волынского становится Персидский поход 1722 г., подготовка к которому заняла несколько лет. Губернатором было исследовано побережье Каспийского моря, определены места для размещения укрепленных пунктов и провиантских складов.

К приезду в Астрахань Петра I А. П. Волынским были проведены работы по благоустройству города. Были демонтированы ветхие постройки в Астраханском кремле, построена резиденция для императора и свиты[7].

19 июня 1722 г. губернатор организовал встречу Петра I и дальнейшее его пребывание в Астрахани[8].

Следствием Персидского похода становится дальнейшая интеграция Астраханской губернии в социально политическую жизнь Российской империи. Значительным этапом в социально-политической модернизации края Петром I становится основание Астраханского военного порта и Каспийской флотилии. 4 (15) ноября 1722 года Петр I подписывает указ о создании в Астрахани военного порта и Адмиралтейства[9]. Ф.М. Апраксин 8 декабря 1722 г. составляет регламент, в котором «повелел при астраханском порте и адмиралтействе сколько морских служителей ныне и впредь содержать», регламент предусматривал штатную численность морских и адмиралтейских служителей в 945 человек, в том числе 550 матросов[10]. Тем самым был подтвержден статус Астрахани как южного форпоста державы.

Социально-экономическая жизнь региона так же подверглась влиянию модернизаторской политики Петра I, определившей новые направления развития экономики края. 30 мая 1700 года Петр I приказывал астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину активизировать разведение тутовых деревьев в Астрахани: «дабы тем увеличить доходы казны от шелководства, и при этом велел грозить за уничтожение тутника смертной казнью»[11]. Петром I в Астрахани были учреждены овчарные заводы, о заведении которых царь писал губернатору А.П. Волынскому 26 октября 1720 г.: «Завесть при Астрахани овчарные заводы, для которых взять несколько для которых взять несколько тех овчаров, которые из Шлезии»[12].

Селитра – важнейший компонент порохового производства первоначально изготавливалась в XVIII в. в трех регионах России – в Азовской, Киевской и Казанской губернии. Астраханский край становится четвертым и одним из основных регионов России, производивших селитру.

Первый селитреный завод на 20 котлов был основан в Астраханском крае на правом берегу Волги, в 1703 г. началось строительство завода.

Наивысшего подъема селитренное производство в Астрахани достигло при воеводе П.М. Апраксине. На строительство посылали и пленных шведов, которым

[6] *Курукин И.В.* Артемий Волынский. М., Молодая гвардия, 2011. С. 69.

[7] Там же. С. 78.

[8] Дневник пребывания в Астрахани Его Императорского Величества государя Петра I // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. 1896. С. 247.

[9] *Соколов А.П.* Начало Астраханского порта // Морской сборник. 1849. №2. С. 108 –109

[10] Материалы для истории русского флота. СПб., Тип. Морского Министерства. 1867. С. 261.

[11] *Марков А.С.* Петр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 17.

[12] О заведении в Астрахани Аптекарского огорода, виноградных садов и конского завода Персидских садов // ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. С. 251.

выплачивалось жалование[13]. В начале XVIII в. астраханские селитреные заводы давали более половины селитры, производимой в России[14].

Образование являлось одним из важнейших направлений модернизационной политики Петра I, проявившейся в Астраханском крае. До начала XVIII в. а Астрахани отсутствовало систематическое образование, отсутствовали государственные школы. Именно благодаря государственной политике Петра I в Астрахани 6 июня 1722 г. начались занятия в цифирной школе[15].

30 мая 1872 г. на главной аллее бывшего Астраханского порта, недалеко от мест хранения плезир-яхты и лодки верейки императора Петра I, Николай Филиппович Леонтьев – статский советник, преподаватель Астраханской духовной семинарии, инициатор основания Петровского общества исследователей Астраханского края, произнес знаковую для астраханского краеведения речь «О значении Петра Великого для России и в частности для Астраханского края». Н.Ф. Леонтьев отмечая вклад Петра I в «оживление народного благосостояния Астрахани», в активизацию экономического развития региона, повышение его административно-территориального значения для державы, подчеркивал, что: «…Астрахань, присоединяет свой голос к гимну хвалы и благодарности, раздающемуся ныне по всему царству русскому…Астрахань благодарно-благоговейно вспоминает ныне, что именно заботливости о ней Петра она обязана тем значением, какое она стала иметь с начала прошлого столетия»[16]. Присоединяя свой голос к гимну Н.Ф. Леонтьева, отметим, что история Астраханского края в политике Петра I еще не написана. Региональная историография идет по пути определенном в своей опубликованной речи Н.Ф. Леонтьевым, рассматривая основные направления деятельности императора по определенным направлениям модернизации. Дальнейшее расширение источниковой базы, использование неопубликованных материалов федеральных архивов, позволит создать полную картину преобразований Петра Великого в Астраханском крае.

[13] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

[14] *Марков А.С.* Петр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 24.

[15] *Трещёв А.М., Алфёрова Г.В.* Становление системы образования в Астраханской губернии (XVIII – начало XX в.). Астрахань, 2011. С. 6.

[16] *Леонтьев Н.Ф.* О значении Петра Великого для России и в частности для Астраханского края. Астрахань, 1874. С. 4.

Д.А. Лобанов

«ИНСТРУКЦИЯ ПЕТРА I ВАСИЛИЮ ТАТИЩЕВУ ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ НА УРАЛ». 1720 Г.

Создание Берг-Коллегии в декабре 1719 г. и опубликование «Берг-привилегии», документа регламентирующего отношения в горнозаводской отрасли, дали толчок для развития Урала как промышленного региона, одного из центров горнозаводской промышленности России[1]. Особенно активно с двадцатых годов XVIII в. стали строиться казенные медеплавильные и железоделательные заводы. К 1735 г. на Урале действовало 14 казенных заводов.[2]

Считается, по крайней мере в региональной исторической литературе, что начало активного строительства казенных заводов на Урале было положено В.Н. Татищевым во время его первой поездки на Урал летом 1720 г., которая была совершена им по личному поручению Петра I. Однако внимательное изучение документов, в частности инструкции, которой был снабжен В.Н. Татищев перед своей поездкой заставляет нас немного по-иному взглянуть на роль Татищева в начале промышленного освоения Урала и на значение его первой поездки.

Сначала хотелось бы уделить внимание истории первой публикации «Инструкции», документа, который упоминается почти в каждой работе посвященной Татищеву, но почти никогда не публикуемого полностью. В 1803 г. в России шла подготовка к созданию нового «Горного положения», которое должно было реформировать всю горнозаводскую отрасль. В связи с этим разыскивались документы на основании которых было начато строительство казенных горных заводов на Урале и Сибири и даже на каком основании был построен город Екатеринбург, горнозаводской центр Урала. Поскольку с 1780-х гг. все уральские горные заводы числились в подчинении Пермской казенной палаты, то и розыском документов занимались губернские власти. В Государственной Берг-коллегии искомых документов не нашлось, они попросту не сохранились.[3] Копии документов были обнаружены в Екатеринбурге, среди бумаг бывшей Канцелярии главного заводов правления.[4] Документы были найдены Иваном Филипповичем Германом, выдающимся горным инженером, одним из первых историков горного дела в России, в то время занимавшего должность начальника Екатеринбургского горного правления. Герман отправил запрашиваемые копии пермскому губернатору К.Ф. Модераху, но кроме этого он был первый, и один из немногих, кто опубликовал полный текст «Инструкции В.Н. Татищеву». В 1810 г. И.Ф. Герман издал в Екатеринбурге «Историческое начертание горного производства в Российской империи» в которое вошли документы касающиеся развития горной промышленности в России в XVIII в., среди которых была и «Инструкция В.Н. Татищеву».[5]

[1] ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. С. 760.

[2] *Генин. В.* Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937.

[3] ГАПК. Ф. 64. Оп. 4. Д. 44а. Л. 182.

[4] Там же. Л. 171, 181.

[5] *Герман. А.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екб., 1810. С 18.

Копии документов, присланные И.Ф. Германом, отложились в фонде Канцелярии пермского губернатора в Государственном архиве Пермского края среди другой переписки о подготовке нового «Горного положения».

«Инструкция В.Н. Татищеву» была составлена 12 марта 1720 г., и начиналась стандартной для делопроизводства того времени фразой: «Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великие и малые и белые России самодержца, указ артиллерии капитану поручику Василию Татищеву». Видимо именно поэтому чиновники XIX в. разыскивали «Именной указ от 12 марта 1720 г.», а в современной литературе документ именуется «Инструкция Петра I Василию Татищеву». Настоящим автором документа являлся Яков Вилимович Брюс «генерал фельдцейхмейстер, кавалер, Берг и Мануфактур коллегии президент». «Инструкция» содержала 14 пунктов, описывающих состав экспедиции, функции участников, прядок следования, правила получения и расходования средств и проч. Из пунктов следует, что первоначальной задачей экспедиции не были постройка или выбор места для новых заводов. Главной задачей был поиск «рудных мест» для добычи серебра и меди. По всей видимости в это время берг-коллегию больше интересовало сырье для чеканки монет, а не развитие металлургического производства на новом месте. В документе идет речь о строительстве «рудных заводов», т.е. не о предприятиях, которые будут заниматься производством металла, а, прежде всего, добычей руд. Оговаривалось так же, что экспедиция должна была заняться ревизией и приведением в порядок уже существующих казенных заводов. Собственно, поиском руд и выбором мест для новых заводов должны были заниматься горные специалисты «бергмейстер Блиер и бергшрейбер Иван Патрушев». Причем Блиер и Патрушев не находились в подчинении у Татищева, а он должен был обеспечивать их коммуникацию с местными властями и всячески содействовать выполнению их миссии. Контроль за расходованием денег, выделенных на экспедицию, так же был поручен Татищеву. Строительство заводов оставалось задачей губернаторов и воевод, которым Татищеву было велено «чинить всякое вспоможение». Не менее важной задачей являлась доставка на места Казанскому губернатору и Кунгурскому воеводе только что утвержденной, отпечатанной в Сенате и выданной Татищеву в десяти экземплярах Берг-привилегии.[6]

Поездка Татищева, Блиера и Патрушева на Урал, подготовленная весной и состоявшаяся летом 1720 г., по всей видимости, рассматривалась Я. Брюсом как одна из поездок чиновников и специалистов для изучения региона, с целью возможного активного его заводского освоения. Она не была первой. В январе того же 1720 г. в Сибирскую губернию для изучения состояния казенных заводов был отправлен кабинет-курьер И. Голенищев-Кутузов.[7] Однако, Татищев, прибыв на место, развивает бурную деятельность. Возможно, он имел для этого отдельные распоряжения президента Берг-коллегии. Он осматривает заводы и рудники, выбирает место для строительства новых, разбирает конфликты рудознатцев и строгановских приказчиков, для чего зимой 1720 г. посещает Соликамск. В октябре 1720 г. Татищев получает новую инструкцию, предписывающую ему осмотреть не только казенные, но и принадлежащие Демидовым заводы, построить город на р. Исети и по согласованию с Тобольским губернатором укрепить линию против башкир и киргизов, что позволяет ему расширить свою деятельность за Урал, на территорию Сибирской губернии.[8]

[6] ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 44 а. Л.173–175 об.

[7] Деятельность Татищева на Урале. 1720-1721 гг. // Исторические записки, Том 97. 1976. http://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1740-1760/Tatisev/Pisma_Ural_1722/vved1.php

[8] *Ярцов А.С.* Российская горная история. Екб., 2020. С. 136.

Отдельно нужно отметить деятельность В.Н. Татищева по привлечению специалистов из военнопленных шведов на горные заводы Урала и Сибири. Считается, что еще в пути на Урал, находясь в Казани, именно он привлек на службу капитана Йохана Берглина, возглавившего вновь созданное Кунгурское горное начальство, а затем ставшего первым командиром Егошихинского медеплавильного завода. Во время поездки в конце 1720 г. в Соликамск Татищев знакомится и приглашает к сотрудничеству Петера Шёнстрёма, владельца металлургического завода в Бернсхаммере и Хенрика Шульца, топографа.[9] Не имея на это ни каких оснований и полномочий согласно инструкциям, но ощущая острый недостаток в специалистах, в данном вопросе Татищев, наверняка, опирался на указ 29 января 1720 г. «О позволении употреблять к делам коллегии шведских арестантов».[10]

Первая поездка В.Н. Татищева на Урал, суда по данной ему инструкции, не рассматривалась берг-коллегией как экспедиция для строительства большого количества горных заводов в малоизученном и плохо освоенном регионе. Это была одна из поездок, которые организовывала коллегия. Татищев не играл в экспедиции главенствующую роль и решение основных задач, поиск руд и выбор места для заводов, отводилось специалистам. Молодой капитан-поручик, должен был выполнять чисто административные функции. К тому же он еще не обладал к тому времени необходимыми авторитетом и знаниями. Однако, его личные качества и, возможно, поддержка Якова Брюса, позволили развернуть ему на Урале и в Сибири бурную деятельность, проявить разумную инициативу, что позволило в 1722 г. направить на Урал генерала В. де Геннина, уже указом императора и с более серьезными полномочиями.[11] Геннин стал первым командиром Сибирских заводов и именно после его приезда начинается активное строительство казенных металлургических заводов на Урале.

Копия с копии.
Марта в 12-й день.

Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича, всея великия и и малыя, и белыя России Самодержца, указ артиллерии капитану порутчику Василью Татищеву.

Сего марта 9-го дня по Его царские величества имянному указу велено, в Сибирской губернии на Кунгуре и протчих местах где отыщутся удобные рудные места построить заводы, и из руд серебро и меть плавить, и для того тебе туда ехать с берг мейстером Блиером, да с вами берг шрейберу Ивану Патрушеву, да с Олонца штейгеру Гавриле Шефшату, и с ним двум человекам рудным ученикам, а что тебе приехав там чинить, о том при сем Его Великого государя указе прилагаются пункты , и по тому Его Великого государя указу, и по пунктам чинить тебе с усердием и радением неотложно;

Подлинной Великого государя указ за подписанием Якова Вилимовича Брюса генерала фельдцейхмейстера кавалера берг и мануфактур коллегии президента с товарищи.

Смотрил Афонасий Овошников марта в 12-й день 1720-го года.

[9] *Улла Эренсверд.* Географические карты противника//Полтава. Судьба пленных и взаимодействие культур. М. 2009. С. 243–244.

[10] ПСЗ. Т. 6. СПб., 1830. С. 122.

[11] ПСЗ. Т. 6. СПб., 1830. С. 667.

Пункты Капитану порутчику г-ну Татищеву по которым надлежит ему отправлять в Сибирской губернии.

1-е

Приехать тебе с бергмейстером и протчими в Кунгурской уезд, и с совету с ним чинить и труд прилагать, дабы по указу Его царского величества рудные заводы в доброе состояние приведены были

2-е

Того ради иметь попечение, чтобы рудокопному делу от тамошних командиров помешательства и остановки ни в чем не было, но еще всякое вспоможение тем рудным заводам от оных чинилося.

3-е

Когда бергмейстер к строению заводов каких инструментов, материалов, работников, подвод и прочих к тому нужных потреб у тебя спрашивать будет, и тебе надлежит ему в том неотложное вспоможение чинить.

4-е

На строение тамо заводов и на рудное дело велено послать туда с комисаром Иваном Тряпициным денег пять тысяч рублей, которые надлежит взять в Москве с денежных дворов, у господина Нелединкого-Мелецкого, вместо которых даны здесь из берг-коллегии в комнату Ея величества государыни царицы Прасковьи Федоровны, и велено ему Тряпицину с денежною казною в команде твоей, по принятии тех денег велено ему комисару учиня расходные книги, оную казну на жалованые кормовые и работные деньги по указанным срокам , и на протчие расходы держать по письмам за рукою твоею с росписками, а вне бытность твою бергмейстера Блиера, за рукою и давать кому надлежит на лицо с росписками, а за очи и подставою и на умерших и на беглых отнюдь давать не велено, також и что надлежит купить и что покупать по письмам вашим настоящею ценою без передачи, а паче того смотреть , чтобы те заработные деньги работникам даны были с какова нибудь числа а именно будет с пудов руды, или с воза или каким нибудь образом только того смотреть, чтобы в работе не было медления а в деньгах убытку.

5-е

Для караула той денежной казны велено дать в Москве из артиллерийских служителей из канониров которые по старее пять человек, да сверх того для провожания взять из Московского гарнизона салдат сколько человек пристойно, и быть им в провожании до Нижнева нова города, в Нижнем их переменить, и тем нижегородским салдатам быть до Казанской губернии, а от Казанской губернии до Сибирской Губернии, а в Сибирской губернии переменять по городам, или провинциям, а артиллерийским служителям велено быть там без переменно.

6-е

А где сыщутся удобные рудные места, и строится будут заводы Сибирской губернии в городех, в том рудном деле губернаторам и воеводам велено чинить всякое вспоможение.

7-е.

И об отпуске оных денег с денежных дворов к стольнику Юрью Нелединскому-Мелецкому, а о даче провожатых салдат в Московскую губернию в Нижегородскую в Казанскую в Сибирскую губернии к губернаторам, и в Кунгурскую провинцию к воеводе, споможении Указы посланы, а о даче в Москве провожатых пяти человек артиллерийских служителей в артиллерийскую канцелярию писано.

8-е

И над оным комисаром надлежит иметь тебе надзирание, дабы ево нерадением какой в рудокопном деле остановки не было, но все исправно делалось.

9-е

Чтоб оный касимар во всякую неделю особливый от чють исправной имел, чтобы коллегия о приходе и расходе внятное из вестие иметь могла.

10-е

А для той посылки всем людям жалованья выдано сего года на полгода, от куда кому надлежало, а в бытность им там у заводов жалованье велено давать по третям из тех денег которые в команде твоей будут, а кому имяны надлежит на заводах давать и с которого числа, о том при сем ниже сего роспись с оклады.

11-е

А для науки рудного дела велено послать с тобой из артиллерийских школьников из царедворцов, выбрав в Москве кои были тому делу удобны четырех человеки о том в Москву в артиллерийскую канцелярию писано, и приехав тебе в Москву тех школьников выбрав добрых отдать бергмейстеру Блиеру, дабы они обучались от него рудному делу с прилежанием.

12-е

А когда случится между рудных дел служители какие ссоры, или от посторонних какое будет челобитье, и оные дела разбирать и указы по оным чинить вам с ним бергмейстером с общего совета.

13-е

Надлежит тебе во всякие случаи а на что и когда нужда позовет прилежно с коллегиею кореспондировать и о том что у тебя делается будет обстоятельное ведение присылать.

14-е

Ежели в небытность твою рудокопию разможение обретет прибыльно, и то каждое благопроизведение покладается, и обнадеживают тебя всякие протекции и награждения.

Как ты и протчия с тобою на Кунгур прибудут, також и где будут обысканы рудные места, и строится заводы в той Сибирской губернии, велено давать квартеры, и чтоб в том рудном деле чинили вспоможение против привилегии, данной в берг коллегию, за подписанием Его Величества собственной руки, генваря 9-го числа сего 1720-го года которой наперед сего в Сибирскую губернию ныне послано с тобою печатных десять листов, из оных отдать в Вятскую провинцию

три, а достальные держать тебе у себя в предь на роздачу, их тому отправлению велено давать тебе из Вятской провинции из городов для письма и бумаги и чернил, и для рассылок салдат, и что кому понадобится, и о том Вятской провинции полковнику и воеводе Василью Чегадаеву указ послан.

Для письма тебе их камисару к деньгам взять молодого подъячего в Москве с денежного двора, которому велеть выдать жалованье на сей 1720-й годвесь год, а буде на денежном дворе подъячих малое число и взять будет некого, тебе взять молодого подъячего Сибирской губернии в городех, которому жалованье давать против печатного указу из посланных при тебе денег, таковы пункты за подписанием руки Якова Вилимовича Брюса, генерала фельдцейхмейстера кавалера берг и мануфактур коллегии президента с товарищи дьяк Ларион Протасов. Секретарь Платонов.[12]

[12] ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 44 а. Л.173–175 об. Текст документа публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд. М., 1990), в соответствии с правилами современного правописания. Особенности пунктуации источника сохранены без изменений.

Н.А. Комолов

«МОЙ ДОРОГОЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГУБЕРНАТОР»: К БИОГРАФИИ Ф.М. АПРАКСИНА В 1690-е ГГ.

Федор Матвеевич Апраксин заслуженно является одним из ближайших соратников Петра Великого. Его биография наполнена многосторонней государственной деятельностью, вполне успешной как в сфере гражданского управления, так и на театрах военных действий. География его служебных перемещений, определяемая царскими распоряжениями, включала различные территории и климатические зоны: Придонье, Приазовье, Ингерманландия, Финляндия, Прикаспий и др. Первый же опыт административной деятельности Ф.М. Апраксин приобрел в Поморье. Но прежде чем перейти к 1690-м гг., кратко рассмотрим некоторые факты его прежней биографии, опираясь на новые архивные документы.

Родился будущий генерал-адмирал 27 ноября 1661 г. Наиболее раннее известие о начале его службы содержится в жалованной грамоте на вотчину от 31 августа 1685 г. В ней говорилось, что стольник «с начала» русско-турецкой войны 1672–1681 гг. находился в полках с боярами «…на розных боях…»[1]. Возможно, что Федор Апраксин действительно какое-то время в конце царствования Алексея Михайловича был при войске, что стало важным аргументом для обоснования его права на получение вотчины.

Впрочем, в последующих документах о его участии в той русско-турецкой войне никогда не упоминалось. Этот факт отсутствует и в послужном списке, собственноручно заверенном Ф.М. Апраксиным в связи с составлением диплома на графский титул и в патенте на чин действительного тайного советника 1722 г. Начало его службы здесь отсчитывается с 1677 г., с определения стольником царя Федора Алексеевича.

По случаю бракосочетания с царем сестры Марфы Матвеевны Ф.М. Апраксин 15 февраля 1682 г. вместе с братьями был пожалован в комнатные стольники. 1 марта ему был учинен оклад 700 четвертей, 45 руб. После смерти царя Федора его родственник-тезка стал комнатным стольником юного Петра. За «службу 191 года (1683 г. – *Н.К.*) Троицкий поход» ему было добавлено 70 четвертей и 7 руб.[2]

В 1685 г. Ф.М. Апраксин был определен поручиком в недавно сформированный потешный Семеновский полк, а в 1687 г. за верную службу получил назначение подполковником Семеновского полка. Во время стрелецкого бунта 1689 г. находился с царем Петром в Троицком походе и служил «со всяким усердием»[3].

В начале 1690-х гг. начинается сохранившаяся переписка царя с Ф.М. Апраксиным. Первое известное нам письмо Петра к сподвижнику датируется 15 октября

[1] ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Ед. хр. 5066. Л. 2.

[2] ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 33 об.; ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 5071. Л. 8.

[3] РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 98. Л. 18; ОР РГБ. Ф. 178. № 5068.1.

1691 г. «Petrus» сообщал, что минувшей ночью князь Иван Дмитриевич Долгоруков от тяжелой раны (полученной в потешном походе), «паче же изволением Божиим, переселися в вечные кровы…»[4].

В 1692 г. стольник Ф.М. Апраксин выступал истцом в тяжбе с Яковом Гавриловичем Тухачевским о порубке леса в своей вотчине селе Никольском Дмитровского уезда[5].

В 1693 г. Петр I впервые совершил поездку на Беломорский Север. В составе его значительной свиты находился и ближний стольник Ф.М. Апраксин. 8 июля царь прибыл в Вологду. На следующий день сюда явился архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов)[6], проведя несколько дней. Вероятно, тогда архиерей впервые и познакомился с Ф.М. Апраксиным, с кем вскоре по месту его службы стал достаточно тесно взаимодействовать.

В ходе этой поездки Ф.М. Апраксина ожидала новая должность. Вряд ли царь заранее планировал это назначение. Скорее всего, по приезду в Поморье и с осознанием необходимости осуществления задуманных новых целей он остановил свой выбор на соратнике-родственнике. Секретарь имперского посольства Иоганн Корб, знавший Ф.М. Апраксина и хорошо к нему относившийся, писал, что тот был определен в Архангельск (а точнее, в Холмогоры) «за хорошее исполнение своих обязанностей по управлению»[7], т.е. за деловые качества. По мнению историка И.М. Гостева, назначение Ф.М. Апраксина двинским воеводой «стало знаковым событием». На него возлагались задачи строительства к следующему приезду царя военного корабля и развитие внешней торговли[8].

В северных летописях фигурируют две даты назначения Ф.М. Апраксина: 22 и 26 августа 1693 г. Предпочтения исследователей в этом вопросе также расходятся, хотя все вполне объяснимо. Прежнего воеводу окольничего Андрея Артамоновича Матвеева царь из Архангельска отпустил в Москву, а на его место «сего ж» 22 августа указал быть стольнику Ф.М. Апраксину[9]. Устное повеление 22 августа юридически могло быть закреплено именным указом от 26 августа. Федор Матвеевич назначался «на Двине воеводою» бессрочно. Наказ ему не сохранился.

30 августа Петр I у ближнего стольника Ф.М. Апраксина «хлеба кушал». На этом первом торжественном обеде у нового воеводы присутствовал и архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий. 1 сентября, когда начался Новый год по византийскому летоисчислению, архиерей по обычаю совершил в соборной церкви «действо нового лета». Особу царя здесь представляли воевода и дьяк. Огласив отпуст, Афанасий прочитал поздравление, после чего Ф.М. Апраксин обратился к нему с ответной речью. 19 сентября 1693 г. двинский воевода и архиепископ провожали Петра[10].

[4] ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 14–15.

[5] ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 2. Карт. 28. № 880.

[6] В 1679 г. Афанасий был насельником в московском Златоустовском монастыре. См.: *Хондзинская А.П., Зиброва Т.В.* Отчет о работе Центра изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. Сборник докладов научно-практической конференции 16-17 февраля 2021 г. Вып. 6. М., 2022. С. 11.

[7] *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 88.

[8] *Гостев И.М.* Колыбель российского флота: Архангелогородский период // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 2019. № 5 (21). С. 39.

[9] Двинской летописец / Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 195. 24 августа 1693 г. А.А. Матвеев приехал на Холмогоры.

[10] Двинской летописец. С. 196; *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века. Церк.-ист. очерк. СПб., 1908. С. 527.

Он вернулся в Москву 1 октября, о чем уведомлял Ф.М. Апраксина в письме от 11-го числа, а также просил прислать зеркало в серебряных рамах и «органцы маленькие», о которых ведал гость Алексей Филатьев[11].

Как следует из письма к Ф.М. Апраксину от 29 января 1694 г. Петр безутешно скорбел о смерти матери, царицы Натальи Кирилловны: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце». Он пытается найти утешение в словах апостола Павла («яко не скорбети о таковых») и пророка Ездры («еже не возвратити день, иже мимо иде»). Так писал любящий сын. Но как царь, начавший долгий путь к своему величию, он был готов подобно ветхозаветному Ною, «от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя», вернуться к насущным делам. Чтобы с одной стороны утешиться «от безмерной печали», а с другой исполнить некое свое обещание, вероятно, связанное с желанием вернуться в Архангельск, царь поставил перед Ф.М. Апраксиным текущие задачи. Воеводе следовало заготовить лесоматериалы и железо для завершения постройки иностранными мастерами «малого корабля», а также приготовить 150 собачьих шапок и столько же башмаков разных мер.

В 1694 г. Петр I вновь направился в Поморье и 5 марта уведомлял двинского воеводу, что ему сопутствуют шаутбенахт П.И. Гордон и около 300 человек «разных чинов», просил поспешить «о корабле»[12].

В начале апреля царь писал об отправке к Федору Матвеевичу двух тысяч пудов пороха и тысячи самопалов (а ружье «зело хорошо и цело»). «Да, пожалуй, о пиве не позабудь. Также и 24 пушки готовы», – в этом был весь Петр, легко переключающийся с темы на тему. Малый фрегат «Св. Павел» по свидетельству двинского воеводы обошелся казне в 1462 руб.[13].

В следующем письме важная информация о предстоящем визите: «Запасы, и пиво и прочая рано изготовить вели, а мы будем зело рано по вешней воде. Да, отпиши, в кое время там лед расходится…»[14].

17 мая 1694 г. ближний стольник и воевода отправился с Холмогор навстречу Петру I в Архангельск. Тот прибыл 18 мая, и Федор Матвеевич выехал его встречать на своей шняке. 27 мая на Троицу Ф.М. Апраксин дал торжественный обед. В «Дневнике» П.И. Гордона содержатся лапидарные факты и о других подобных трапезах: «Мы все были на большом пиру у губернатора, где великолепное угощение» (17 июня), «Увеселение у губернатора» (6 июля), «Мы все были на пиру у губернатора и потешились» (23 августа).

Генерал Патрик Гордон в эти годы вел с Ф.М. Апраксиным активную переписку. К тому у него был прямой интерес. В Архангельске зять П. Гордона майор К.А. Шневенц (Снивинс) был головой (командиром) городского стрелецкого полка. К сожалению, содержание писем к Ф.М. Апраксину нам неизвестно, так как в своем «Дневнике» П. Гордон многократно упоминал лишь о факте их отправки с июля 1693 г. по март 1694 г. Он называл его и губернатором, и воеводой. Только из письма от 26 ноября 1694 г. к Ф.М. Апраксину мы узнаем о просьбе П. Гордона, «дабы был добр к нему», то есть его зятю.

Из «Дневника» также становится очевидным давнее приятельство генерала с

[11] ПиБ. Т. 1. С. 17–18.

[12] Там же. С. 18–20.

[13] *Гостев И.М.* Колыбель российского флота: Архангелогородский период. С. 48.

[14] ПиБ. Т. 1. С. 20–21.

Петром Матвеевичем Апраксиным, у которого Патрик Гордон 27 октября 1691 г. был на крестинах, а 4 декабря 1691 г. и 26 февраля 1695 г. – на пирах. Его он назвал губернатором Великого Новгорода[15].

Вероятно, что вследствие таких частых титулований со стороны Патрика Гордона, а может и других иностранцев, Петр впервые в письме от начала 1695 г. использовал вместо прежних обращений «Федор Матвеевич» или «Min Her» новое «Min her Governer Arhangel» («Мой дорогой архангельский губернатор»)[16].

В качестве двинского воеводы Ф.М. Апраксин подписывал «данные памяти» обителям своего уезда и местному архиерейскому дому на земли, угодья, рыбные и звериные промыслы (сохранились за 1693–1695 гг.)[17], а также расследовал хозяйственные тяжбы монастырей. Так, в 1694 г. строитель Кирилло-Белозерского монастыря Иосиф (Пигин) бил челом царям Иоанну и Петру, что в домовой вотчине в Двинском уезде у моря старинные сенные покосы, смежные с покосами соседнего Пертоминского монастыря, оказались последним с 1692 г. незаконно захвачены. В итоге обращения строителя к воеводе Ф.М. Апраксину в августе 1694 г. была направлена грамота о производстве розыска по делу об обмежевании сенных покосов обоих монастырей в Двинском уезде, и присылке межевых книг и результатов следствия в Новгородский приказ дьяку Е.И. Украинцеву[18] (илл. 1).

По удивительному стечению обстоятельств в том же году берег у Пертоминского монастыря стал спасительной гаванью для царя. По пути в Соловецкий монастырь Петр со спутниками на яхте «Святой Петр» 2 июня попал в сильный шторм. Готовясь к смерти, он исповедался у архиепископа Афанасия и причастился. Опытный лоцман смог провести судно по узкому фарватеру и причалить к берегу возле той обители. 5 июня 1694 г. на торжественной службе в монастырском храме царь пел на клиросе и читал Апостол. В тот же день Петр собственноручно сделал из дерева большой крест, на собственных плечах донес его до того места, где путники вышли на берег и водрузил его с надписью на голландском языке. Пертоминский монастырь был богато одарен. Уникальный крест же в настоящее время является бесценным экспонатом в коллекции Архангельского краеведческого музея[19].

В августе 1694 г. царь просил Ф.М. Апраксина озаботиться переработкой свежих лимонов, прибывших в Архангельск в трюме торгового судна. Интересно это письмо и другим. В перечне лиц, посылавших привет адресату, значился и Алексашка Меншиков[20]. Это первый документальный факт взаимоотношений двух впоследствии ближайших сподвижников царя, его «правой» и «левой» руки.

Осторожность воеводы, его стремление получить письменные инструкции, несмотря на устные разъяснения, слегка раздражала Петра. Он пытался наставить Ф.М. Апраксина, что ассортимент товаров для загрузки корабля может быть определен только на месте, а не из Москвы: «А о товаре, какой в него класть, на то мне здесь, в таком будучи расстоянии, делать невозможно»[21].

---

[15] *Гордон Патрик.* Дневник, 1690–1695 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова [Отв. ред. М.Р. Рыженков]. М., 2014. С. 90, 92, 214, 215, 219, 220, 229, 232, 237, 249, 253, 307, 325.

[16] ПиБ. Т. 1. С. 28. Письмо от 3 сентября 1694 г., в котором Петр также обращается к Ф.М. Апраксину как к архангельскому губернатору на самом деле следует отнести к октябрю 1695 г. (Там же. С. 26, 504–505).

[17] Сборник грамот Коллегии экономии. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов. Т. 2. Л., 1929. С. 357–383.

[18] ОПИ ГИМ. Ф. 484. Кирилло-Белозерский монастырь. Ед. хр. 1. Л. 12–14.

[19] Подробнее о его истории см.: *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память (далее – Указ. соч.). Архангельск, 2022. С. 172–183.

[20] ПиБ. Т. 1. С. 25–26.

[21] Там же. С. 27.

После посещения Архангельска и первого долгого морского похода на яхте в 1694 г. молодой реформатор «всю мысль свою уклонил для строения флота» и после взятия Азова в 1696 г. «не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся. Усмотрено место к карабелному строению угодное на реке Воронеже, под городом того ж имени…и в 1696 году началось новое в России дело: строение великим иждивением караблей, галер и протчих судов»[22]. К слову, автор Двинского летописца позаимствовал из Морского устава вышеприведенную фразу и также относил «зачатие в России корабельного строения» к 1696 г.[23].

В письме Ф.М. Апраксину начала 1695 г. Петр произнес ставшую уже знаменитой фразу о своих реальных военных намерениях: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем». А затем душевный постскриптум: «Федор Матвеевич, многолетно здравствуй, и на многие лета. А мы…про твое здоровье пьем вотку и ренское, а паче пиво»[24].

В письме к «дорогому архангельскому губернатору» от 16 апреля 1695 г. царь возвращается к теме пятинедельных маневров под Кожуховым: это была игра и «ничего не было на разуме больше, однакож после совершения оной зачалось иное», требующее больших трудов и тщания – Азов.

Ф.М. Апраксин не участвовал в Азовском походе 1695 г. Об этом свидетельствует его переписка с царем[25]. Но Федор Матвеевич был в курсе ситуации, так как получал официальные документы и письма от своего брата Петра Матвеевича, который в том походе возглавлял отряд из тысячи казаков. Письмо после 30 июля, принадлежащее, видимо, перу священника из окружения П.М. Апраксина недавно опубликовала Т.А. Базарова[26].

Во время постигшего Север из-за погодных катаклизмов неурожая 1695 г. Ф.М. Апраксин, чтобы не допустить спекуляции, установил предельную рыночную стоимость зерна и сам занялся благотворительностью. «И сего ради нестроения, милосердуя о народе, ближний стольник и воевода Федор Матвеевич Апраксин изволил положить на продажной хлеб указную цену по 10 алтын и по той цене и покупали…». Сам воевода купил у иноземца Владимира Иевлева «великую вологодскую ладью хлеба», 5 тысяч четвертей по 20 алтын за четверть и отдал людям по той же цене без прибыли, чем «учинил в народе великое вспоможение»[27].

В июле-октябре 1695 г. на Север приходили известия об осаде и штурмах Азова, взятии турецких крепостей и «языков», данные об убитых, умерших и пленных. Так, 2 августа Ф.М. Апраксину пришло письмо о приходе Петра I с полками под Азов, а 19 августа – о взятии русскими войсками двух турецких каменных каланчей.

3 сентября Ф.М. Апраксин поздравил царя с последним успехом и уведомил его о бесчинстве голландских капитанов, захвативших в устье Северной Двины два корабля. Государь возмутился этим, что «сие дело зело срамно есть» и нигде приезжие такой воли не имеют, потребовал не допускать таких фактов. «А еще прошу о секе, ренском и лимонах, чтоб, в ярмонку купя, прислать к Москве»[28].

За развитием военной ситуации внимательно следил и архиепископ Холмогор-

---

[22] Книга Устав Морской, о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720. С. 7.

[23] Двинской летописец. С. 197.

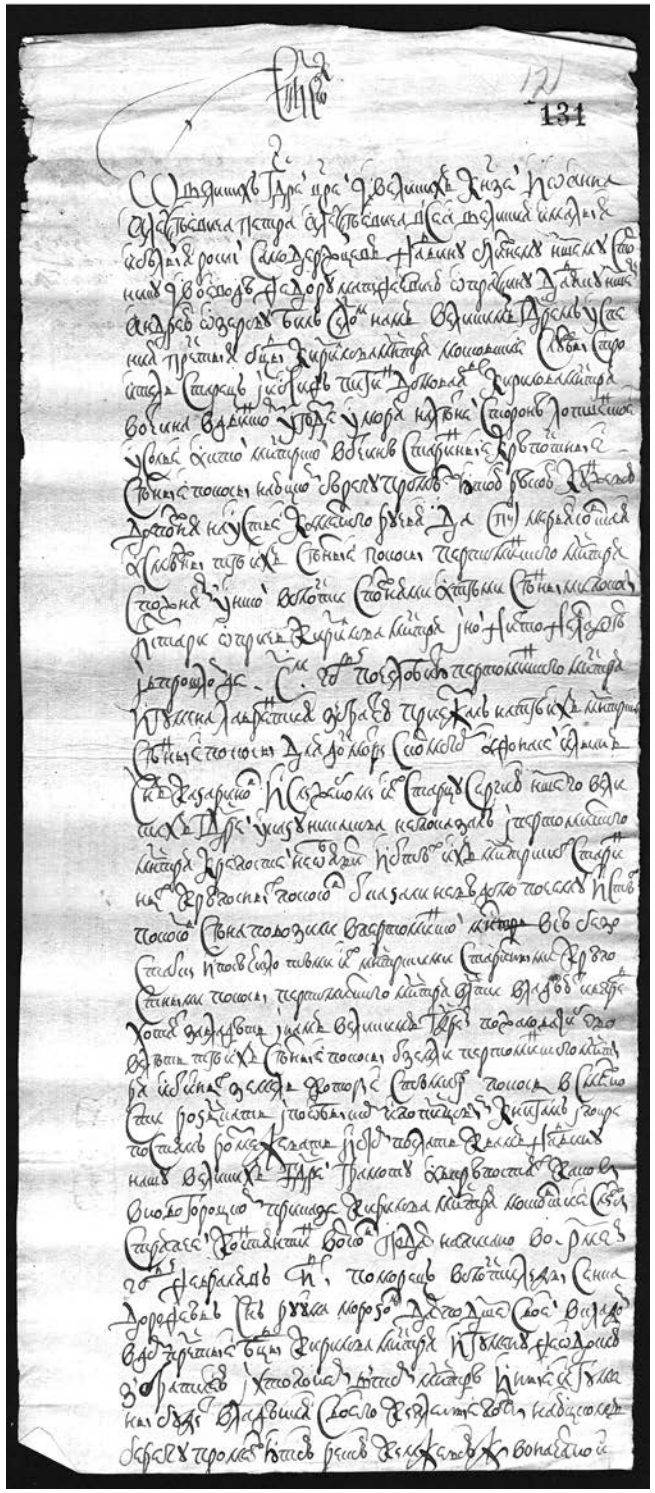
[24] ПиБ. Т. 1. С. 28.

[25] ОР РГБ. Ф. 743. Коллекция архивных материалов. Карт. 1. Ед. хр. 6. Л. 3 и об., 5 и об.

[26] *Базарова Т.А.* «Пришла почта ис-под Азова…»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (далее – Указ. соч.) // Электронный ресурс http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova

[27] *Гостев И.М* Указ. соч. С. 76.

[28] ПиБ. Т. 1. С. 504–505. Ответное письмо Петра должно быть датировано октябрем 1695 г.



Грамота двинскому воеводе Ф.М. Апраксину о производстве розыска по челобитной строителя Кирилла-Белозерского монастыря Иосифа Пичина. Список. 1694 г. ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 1. Л.12

ский Афанасий. Это нашло отражение в документах его канцелярии. Не ограничиваясь сообщениями от находившегося под Азовом своего брата, архиерей неоднократно требовал сообщать ему обо всех «азовских бытностях», отраженных в московской почте, приходившей на имя воеводы Ф.М. Апраксина, иностранцев Немецкой слободы и жителей Архангельска.

Сохранилось подробное письмо архиепископа к Федору Матвеевичу от 12 августа 1695 г., которого он называет «благодетелю мой присный». Владыка благодарил воеводу за его послание и приложенные к нему «во известие» письма его братьев, «мною ж любимых и всечестных благодетелей», Петра Матвеевича – из-под Азова и Андрея Матвеевича – из Москвы. В этих письмах Афанасий узрел хорошие вести и просил Ф.М. Апраксина и впредь «яко истинный союзник мой о Христе» информировать «о приключениях Азовских»[29].

22 октября воевода сообщил присланному от владыки священнику, что в нынешней почте «о азовских бытностях ведомости никакие к нему нет». Иначе он к архиепископу «вскоре» сам прислал бы нарочного. И Федор Матвеевич говорил правду. 1 ноября он получил почту с новостями и тут

[29] *Верюжский В.М.* Указ. соч. С. 534–536.

же информировал об этом архиепископа Холмогорского и Важского: «Писал ко мне брат Петр Матвеевич, что великий государь от Азова изволил отступить за поздным временем…И оставили…с великим разорением и позжен весь…»[30].

Неудача похода заставила Петра I сделать выводы, нашедшие отражение в другом, не менее известном письме к Ф. Апраксину от 30 ноября 1695 г.: «По возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов, указано мне к будущей войне делать галеи…». В связи с провозглашением подготовки к новому Азовскому походу царь требовал прислать из Архангельска к Москве всех шхип-тиммерманов (корабельных плотников).

Вопреки утверждению «Общего морского списка»[31] Ф.М. Апраксин не принимал участия и во втором Азовском походе 1696 г. В конце апреля, Петр, готовившийся в Воронеже к отплытию, уведомил двинского воеводу о начале своего крестового похода против неприятеля на спускаемых галерах и просил прислать ружье. Отметим, что в наименованиях первых больших кораблей Азовской флотилии, неверно обозначаемых как галеасы, были повторены названия судов, построенных в Архангельске – яхты «Святой Петр» и малого фрегата «Святой Павел». Имена апостолов, на день памяти которых царь был крещен, он любил давать парами и новым городам и крепостям.

10 августа в Холмогорах будущий адмирал получил известие о взятии Азова 18 июля. «И с тою радостию воевода Федор Матвеевич Апраксин ездил к преосвященному архиепископу и о сем вкупе Бога благодарствовали и порадовались». На следующий день Афанасий советовался с воеводой о том, как отпраздновать это событие. Сначала благовестили в большой колокол, затем архиерей устно объявил собравшемуся духовенству и народу о победе государя над турками. После этого состоялся благодарственный молебен, по завершении которого архиепископ и воевода с начальными людьми слушали в соборе литургию. Стрельцы обоих полков стояли от города на дороге к соборной церкви «полным строем и урядством». После службы был дан трехкратный залп из пушек и мелкого ружья[32].

11 декабря 1696 г. датировано второе из двух сохранившихся за этот год царских писем к Ф.М. Апраксину. По сути своей это был формальный ответ, однако содержащий два важных момента. Петр упрекал его за упоминание в письме чинов, «а тебе можно знать [для того, что ты нашей компании], как писать». Также монарх лично отдал письмо воеводы его семье (в некоторых рукописях – жене). Скорее всего, под семьей здесь подразумеваются мать Домна Богдановна, сестра Марфа, брат Андрей.

Как установил И.М. Гостев, в том же 1696 г. в Москву были направлены челобитные различных социальных групп Двинской земли с просьбой продлить воеводство Ф.М. Апраксина в связи с его честностью и бескорыстием: «Служил радетельно, и против нашего…челобитья всякую расправу чинит без всякой волокиты, не желая себе никакова прибытку, и никогда нам, холопям вашим, от него…никаких налог не бывает».

За время своего управления Ф.М. Апраксин построил 24-пушечный корабль «Св. Павел», новый воеводский двор, причал и «площадь» перед крепостью, шесть ам-

[30] *Базарова Т.А.* Указ. соч.

[31] Общий морской список. Ч. 1. СПб., 1885. С. 15.

[32] Двинской летописец. С. 197; *Верюжский В.М.* Указ. соч. С. 537. После начала воронежского кораблестроения архиепископ Холмогорский Афанасий входил в «кумпанство» патриарха и рязанского архиерея и активно требовал выплаты денег в счет корабельного налога с Соловецкого, Антониево-Сийского и других монастырей епархии.

баров для хранения поташа и смальчуги в Архангельске, новые воеводские хоромы в Холмогорах, были изготовлены новые знамена и другие «урядства» для трех двинских стрелецких полков[33].

Может быть, слухи об этой активной деятельности и народной поддержке дошли до И. Корба, который отразил в своем «Дневнике», что за верность, исполнительность и значительные издержки во время приема царя еще в 1694 г. Петр продлил полномочия воеводы Ф.М. Апраксина (назначенного как мы помним, бессрочно) на второе трехлетие[34].

Тем не менее, в июле 1697 г. на его место был определен боярин князь Михаил Иванович Лыков. Последняя царская грамота к Ф.М. Апраксину «на Колмогоры» датирована 8 ноября 1697 г., а доставлена только 30 ноября. Она относится к земельному делу Соловецкого монастыря с группой лиц. Следующая грамота от 13 января 1698 г. адресована уже новому воеводе князю М.И. Лыкову[35].

В Краткой редакции Двинского летописца содержится указание, что М.И. Лыков приехал со своим дьяком на место Ф.М. Апраксина 20 февраля 1698 г.[36]. Мы точно не знаем, чем занимался Федор Матвеевич недолгий период после Архангельска. Но с Двины он не отправился «руководить строительством флота в Воронеж»[37], где тогда этим занимался адмиралтеец А.П. Протасьев. В сентябре-октябре он присутствовал на обедах у императорского посланника И. Гвариента, т.е. был в Москве[38]. Скорее всего, Ф.М. Апраксин находился рядом с царем во время его визита в октябре-декабре 1698 г. в Воронеж как член ближнего круга и управленец с некоторым опытом руководства кораблестроением.

В январе 1699 г. между Ф.Ю. Ромодановским и Ф.М. Апраксиным случился публичный инцидент, чуть не закончившийся травмами[39]. Вскоре Федор Матвеевич достоверно появляется в Воронеже. И «в бытность под Азовым и в походе под Керчью определен в морские офицеры…за которые его вышепомянутые верные службы и видя его к морским делам прилежание и склонность определили его 1700-го году начальнейшим нашего Адмиралитейства…». Эта фраза, взятая из его патента на чин 1722 г. может ввести в заблуждение относительно участия Ф.М. Апраксина в Азовском походе.

Все проясняет выдержка из послужного списка, приложенного к диплому на графский титул 1715 г.: «И потом, когда был с Воронежа поход к Азову и от Азова под Керчь, тогда при бывшем адмирале графе Головине служил на галере до Таганрога, а от Таганрога до Керчи за морского порутчика»[40]. Именно тогда, в 1699 г. Ф.М. Апраксин доподлинно побывал в Воронеже.

В Поморье он получил первый административный опыт руководства кораблестроением, который вскоре применил в Придонье-Приазовье.

[33] *Гостев И.М.* Указ. соч. С. 75–78.

[34] *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 222.

[35] Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. С. 397–400.

[36] Двинской летописец. С. 162–163.

[37] *Гостев И.М.* Указ. соч. С. 78.

[38] *Корб И.Г.* Указ. соч. С. 88, 94–95.

[39] Там же. С. 116–117.

[40] РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 98. Л. 18 и об.

И.Н. Юркин

ПЕТР I, А. А. ВИНИУС И АРХАНГЕЛЬСК КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ[1]

Андрей Андреевич Виниус (1641–1716) – сын обрусевшего голландского предпринимателя, основателя, строителя и владельца первых в России доменных заводов Андрея (Андреаса) Денисовича Виниуса. Видный деятель из ближнего круга Петра I периода его молодости и ранней зрелости, он оказал заметное влияние на культурное и политическое развитие царя. Виниус выступал одним из посредников при восприятии Петром связанной с Западной Европой информации, помогал ее осмыслению и усвоению. Он же создавал канал, позволявший Петру работать с этой информацией без посредников, напрямую: учил его нидерландскому языку, единственному иностранному, которым Петр в той или иной степени овладел[2].

А.А. Виниус – не только медиатор, но и сподвижник, в конце XVII – начале XVIII в. занимавший ответственные должности в аппарате правительства – в Аптекарском, Посольском, Сибирском приказах. На протяжении десятилетий он руководил работой почты – линий внутренних и международных, связывавших Москву с европейскими странами. После пленения под Нарвой генерал-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича Имеретинского Виниус получил еще одну руководящую должность, созданную Петром специально для него – «надзиратель артиллерии». В последние годы XVII – первые XVIII в. он – один из наиболее активных корреспондентов царя.

Отношения, сложившиеся между Петром и Виниусом, на протяжении времени их знакомства претерпели значительные изменения. В этой статье предпринята попытка выявить их своеобразие на фоне других персональных контактов Петра, понять, что определяло эволюцию их характера, и установить, какую роль в их формировании сыграли царские поездки в Архангельск.

Виниус принимал участие в первой из этих поездок.

На момент перед первым путешествием он занимал должность дьяка Посольского приказа[3]. Покинув Аптекарский приказ, где в том же чине прослужил немало лет, он перешел в приказ Посольский 30 июня 1689 г.[4]. Вскоре выяснилось, что репутация нового сотрудника несколько подмочена.

Будучи по складу характера человеком осторожным, в рискованные авантю-

[1] Автор благодарит С. П. Калиту, оказавшую помощь в подготовке доклада, предшествовавшего этой статье.

[2] Поверим А.К. Нартову, который утверждал, что Петр читал голландские газеты, и Юсту Юлю, уверявшему, что разговаривал с царем по-голландски (*Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е.В. Анисимова. СПб., Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 288; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711) // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 87–88).

[3] Пребывал в этой должности с 14 ноября 1689 г. (первое упоминание в делопроизводстве) до 13 мая 1695 г. (*Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641-1716. М., 2007. С. 192, 202). Работал здесь в присоединенных к Посольскому Малороссийском и четветных приказах – Новгородском и Устюжском (Там же. С. 192). До конца августа 1695 г. был переведен на службу в Сибирский приказ (Там же. С. 202).

[4] Указываем дату, приведенную С. А. Белокуровым (*Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 128). Аргументы, ее подтверждающие, приведены в работе Юркин И. Н. Указ. соч. С. 168–171.

ры он не ввязывался, предпочитал служить законной, а в ситуации выбора побеждавшей власти. Можно предполагать, что до известных событий 1689 г. ему была ближе группа придворных западников, связанная с царевной Софьей Алексеевной[5]. Только этим можно объяснить тот факт, что на закате периода ее регентства Виниус рискнул принять участие в реализованным ее сторонниками проекте, приоткрывавшем ее видение политической перспективы – в создании гравюры, изображавшей царевну с царскими регалиями в окружении добродетелей. Этот портрет и, естественно, история его появления, привлекли внимание в ходе розыска, развернутого после событий августа 1689 г. – дали повод для новых обвинений. Виниус непосредственного участия в создании портрета не принимал. Но, помогая Федору Шакловитому, он организовал превращение рисунка в гравюру (его осуществил А. Блотелинг) и ее тиражирование – печать в голландской типографии. Когда «злодеи нашы Фетка Шакловитой с товарыщы» (так именовал их Петр)[6], попали в застенок, стало очевидно, что и Виниусу, прежде успешно избегавшему участия в борьбе вокруг трона, на этот раз есть о чем беспокоиться. Хотя первые злодеи скоро были казнены, розыск продолжался. В октябре по поводу злосчастной гравюры пришлось давать показания и Виниусу[7]. Нить, на которой оказалась подвешена его карьера (и только ли карьера?), не обрезали. Но подвешенное на ней трепетало долго.

Кто спас Виниуса – неизвестно. Но знаем, что в 1693 г. он уже настолько близок к царю, что включен в группу, отобранную Петром для совместного путешествия в Архангельск. Поскольку сведения о начале сближения отсутствуют, ничто не мешает отнести его к 80-х гг. Считаем возможным допустить, что к 1689 г. процесс зашел достаточно далеко: к этому времени Виниус царю был не просто знаком – он из общей массы приближенных его выделял.

Повод для сближения лежит на поверхности: участие в обучении царя. О нем упомянул сам Виниус в письме: «благоволил моя взяти недерля[н]ского диалекта в учители»[8]. Поскольку послание было адресовано самому царю, сомневаться в достоверности утверждения не приходится. Кроме того, существует независимое от этого письма свидетельство, принадлежащее Б. И. Куракину[9].

Выбор Виниуса в качестве учителя языку был логичен – прежде он долго служил в Посольском приказе переводчиком, причем именно с голландского[10]. Несомненно, уча языку, Виниус знакомил царя со страной, где этот язык бытовал – с Королевством соединенных провинций, с ее городами, историей, обычаями. Петр, жадно впитывавший подобную информацию (Б.И. Куракин именовал это «склонностью... его величества к иноземческому всему»[11]), благодаря ей, можно думать, все больше привязывался к Виниусу, русскоговорящему представителю очаровавшей его чужой культуры.

Обратим в связи с этим внимание на присущую Петру черту: устойчивость его привязанности к лицам, отношения с которыми сложились в детстве и юности, к дядькам и учителям в том числе. А.А. Виниус, Н.М. Зотов, Т.Н. Стрешнев – у этих людей было мало общего, но все – учили и воспитывали. И после того, как их служба государю в первоначальном качестве стала ненужной – Петр взял у них

[5] Там же. С. 182–185.

[6] ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. № 10.

[7] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стлб. 655.

[8] РНБ. Эрмитажное собр. Ед. хр. 22. Л. 178 об.

[9] *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682-1694 гг. // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 79.

[10] Некоторое время А. А. Виниус служил в приказе единственным переводчиком с этого языка (*Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 85).

[11] *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 79.

все, что они могли ему дать, он не отбросил их как расходный материал – они превратились в друзей и сотрудников.

Иного, кроме царского, успешного вмешательства в ответственное расследование, затронувшее Виниуса, представить не можем. Прочие, попытайся они повлиять на ход такого дела, рисковали вслед за Федором Шакловитым и Сильвестром Медведевым попасть в пыточную камеру.

Заметим, что, если приведенные умозаключения корректны, то перед нами косвенный аргумент в пользу раннего (до 1689 г.) сближения царя и Виниуса.

Итак, гроза обходит его стороной: Виниус сохраняет не только голову, но и статус, достигнутый движением по карьерной лестнице. Весной (февраль – март) 1693 г. он выполняет дипломатическое поручение: едет в Малороссию, где встречается с гетманом Мазепой. Поручение не рядовое, во всяком случае, таким он его считает. Заключаем это из того, что позднее, в 1706 и 1707 гг., в письмах царю Виниус напомнит об этой поездке, причем выделит свою роль и в том, что она состоялась, и в достигнутом результате: напишет, что «сначала представил и, той причины ради, ездил и согласие гетманское привез Азовской победы»[12]. Даже если предположить, что он по прошествии десяти с лишним лет, вспоминая былое, несколько преувеличил свои заслуги[13], сама предпринятая им поездка и переговоры в ее ходе сомнению не подлежат. Если же не преувеличил, то получается, что он непосредственно участвовал в определении внешнеполитической перспективы на ближайшие годы. Для нас это важно, поскольку в обоих случаях свидетельствует о доверии царя к Виниусу и о признании наличия у него далеко не рядовых компетенций.

Однако, хорошо знакомый с жизнью при дворе, Виниус осознавал, насколько неустойчиво здесь положение человека, какое бы место тот не занимал, понимал, что это положение нужно непрерывно укреплять. В личной его ситуации это означало верную службу и интеграцию в ближний круг. В полной мере в русло решения этой задачи ложилась намечавшаяся на лето 1693 г. поездка с Петром в Архангельск. Она открывала возможность дальнейшего упрочение доверия царя, одновременно – сближения с его окружением.

Хотя точных данных на этот счет нет, можно думать, что Виниус очутился в Архангельске не впервые. Его родившийся в Амстердаме отец, переселившись в Россию, сохранил прочные связи с Нидерландами. Он неоднократно ездил на родину, где имел и родственников, и торговые интересы. Строительство заводов под Тулой (период с 1632 по 1636 г.) могло на некоторое время приостановить такие поездки. Но в 1641 г. (год рождения Андрея Андреевича) заводы уже действовали, руки у заводовладельца были развязаны, ничто не мешало возобновить коммерческие вояжи. Он мог брать в них и сына, родившегося к тому же, как и он, за границей Московского государства[14]. Сопровождая товары, старший Виниус неизбежно оказывался в Архангельске. Именно такой была его поездка «за море в окрестные немецкие государства» (конкретно в Любек, Гамбург и Амстердам) в 1653–1654 гг. «Комисариус московской гость Андрей Денисов сын

[12] ПиБ. Т. 5. СПб., 1907. С. 719. О том, что царь благоволил его «посылати в посылки к гетману о совете Озовского облежения», Виниус напомнит и в письме, написанном в 1707 г. (РНБ. Эрмитажное собр. Ед. хр. 22. Л. 178 об.).

[13] П.А. Аваков, сравнив заявления в поздних письмах Виниуса с современными событиям документами, отразившими содержание состоявшихся бесед, не нашел в последних упоминаний об Азове и пришел к выводу, что «мы имеем дело с абберацией памяти 66-летнего приказного дельца» (*Аваков П.А.* Азов в стратегических планах царя Петра I 1695–1696 гг. Ревизия историографической традиции // Cahiers du Monde russe 61/1-2, Janvier-juin 2020. P. 197).

[14] Местом рождения А.А. Виниуса источник называет Батавию, подразумевая, скорее всего, Нидерланды (*Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 14, 41).

Виниюс»[15] возвращался из нее, нагруженный оружием и товарами, закупленными в том числе для царя. Возвращался, знаем это точно, через Архангельск[16]. Возможно, с ним был 13-летний сын Андрей. Если так, то сорок лет спустя он в отличие от большинства спутников Петра мог что-то рассказать царю о Городе, даже представить его в координатах ‘было – стало’. (Для царя-преобразователя, заметим, в формате очень органичном.)

Первое архангельское путешествие Петра – самая ранняя достоверная страница царской биографии, открывая которую, рядом с ним видим фигуру дьяка Андрея Виниуса[17]. Всё более раннее – догадки, а то, что в Архангельске они рядом – уже факт. К сожалению, характер – содержание, а отчасти и форма – отношений между ними в этот период остаются от нас скрыты. Поскольку они находятся рядом, переписки, которая могла бы что-то о них сообщить, не существует. Сведения других источников более чем лаконичны. Они, тем не менее, показывают, что Петр Виниуса выделяет. Так, 13 августа «у Преосвященнаго Архиепископа в доме хлеба кушали Боляра...»[18] (следуют имена). Петр не назван, но подразумевается[19]. С ним пришли 6 человек, те самые «боляра», в т. ч. Б.А. Голицын, Ф.А. Головин и Виниус. Трудно удержаться от искушения заподозрить в этой шестерке еще один круг, предельно узкий, из ближайших ближайший. Наверно это все же не так – группа точно такого состава в источнике больше не упоминается. Но это даже еще интереснее: Петр для узкого мероприятия из многих в своем окружении выбрал Виниуса[20].

Можно уверенно утверждать, что значение поездки в Архангельск для развития отношений между Петром и Виниусом, а через них для служебной карьеры Виниуса было велико. Постараемся это показать.

Начнем с тезиса, специальных доказательств, по нашему мнению, не требующего: в начале 1690-х гг. Виниус стремился вписаться в ближний круг, а вписавшись – оставаться в нем в качестве его части. Что этот круг из себя представлял? В какой-то степени представление о нем можно составить по окружению Петра во время его «пришествий» в Архангельск. В первом путешествии (июль – середина сентября 1693 г.) Петра сопровождали около 100 человек. В изданном Н.И. Новиковым в 1783 г. историческом сочинении «О высочайших пришествиях...» по именам известны 43 человека – преимущественно «верхний эшелон» царского экскорта. Его состав был неоднородным. В него входило 14 князей. Они, а также нетитулованные лица имели различные чины и занимали разные должности: при именах читаем характеристики постельничий, кравчий, думный дворянин, думный дьяк, дьяк, стольник, генерал, полковник, капитан, священник. А были еще иноземцы, стрельцы, певчие, потешные, карлы и трубач[21].

К числу приближенных к персоне государя принадлежали, разумеется, не все, но реально близкие среди них были. Они – круг единомышленников, одновременно круг друзей (насколько это возможно в окружении монарха). Они имели сходные вкусы, в их общении присутствовали присущие этому кругу поведенческие клише, складывались особые ритуалы. Группа развивалась в направлении формирования субкультурной общности. Об этом говорят соответствующие признаки: отличия в системе ценностей, в идеологии (зародыши модернизационных идей, которые проявятся позже, но скоро), образе жизни (цари и двор прежде корабли не строили, на море не выезжали), поведении (примеры излишни), костюме (аналогично[22]), языке (уже начиналось проникновение в него иноязычной лексики). Особая стилистика отношений в группе охватывала то, как учились, о чем мечтали, сколько пили и чем себя увеселяли.

Архангельск, полагаем, оказался одной из площадок, где набиралась сил, «мужала» большая взрослая игра, известная под названием Всешутейшего и Всепьянейшего собора – игра с своеобразной атрибутикой и ритуалами. Вместе с Петром сюда прибыли минимум трое, точно входившие в его состав – Н.М. Зотов, Г.И. Головкин и И.И. Бутурлин-старший[23]. К сожалению, источников, упоминающих Собор для времени первой поездки в Архангельск, в нашем распоряжении нет. Но где искать такие упоминания? В «Письмах и бумагах» к этому периоду относятся всего четыре письма Петра, и те к матери. А других источников, где с высокой вероятностью могли бы оставить след развлечения, вроде тех, которые практиковал Собор, кроме переписки с посвященными и сочинений (дневников и записок) наблюдательных иностранцев, и быть не могло[24].

Не располагая прямыми данными о деятельности в Архангельске Собора, сведений о царских «забавах» здесь имеем немало. Они были часты, шумны (с пушечной стрельбой) и ярки (с фейерверками). Когда к Городу пришли гамбургские корабли, которых, откладывая возвращение в Москву, дожидался Петр, Лефорт дал пышный праздник в честь иностранных моряков, с обычным для подобных мероприятий артиллерийским сопровождением. Осмотр кораблей и «увеселения с моряками» заняли неделю[25]. Немало, если учесть, что пребывание в Городе было сравнительно недолгим – меньше двух месяцев.

Не можем удержаться от того, чтобы привести цитату из упомянутого сочинения «О высочайших пришествиях...», содержащую описание празднования царем 29 июня 1702 г. своего тезоименитства, пришедшегося на время третьего приезда в Архангельск:

«...Сего ж дне, после освящения церкви, Великаго Государя именинной стол был полной на всех чиновных и служивых людей; великая и многая стрельба была из пушек и мелкаго оружья во весь день, и по три дни праздновали Великий Государь со своими ближними людьми. А в первой день такое было изобильное питье, что сороковые бочки пополам были роспилены, и наливали в оные церьковнаго, Ренскаго, вина простово, а двойнаго в ушатах поставлено было, и пива везде довольно раставлено было так, что оное своеручно брали и пили, сколько кто хотел»[26].

Как относился к подобным развлечениям Виниус? Владения «говорящей» фамилией и не менее красноречивым родовым гербом (включал изображение виноградных лоз)[27] для человека, основа воспитания которого была заложена в протестантской среде, было недостаточно, чтобы сдружиться с Ивашкой Хмель-

[15] Так он представлен в надписи под собственным, привезенным из Голландии гравированным портретом.

[16] *Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 65.

[17] О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших... М., 1783. С. 38.

[18] Там же. С. 21, 22.

[19] *Беспятых Ю.Н.* Первое «пришествие» Петра I в Архангельск // Studia Humanistica. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 98. В противном случае непонятен ни смысл события (зачем архиепископу было приглашать к себе нескольких человек свиты), ни необходимость записи об этом.

[20] Если не так, то, может быть, сам архиепископ его пригласил? Тоже интересный вариант.

[21] О высочайших пришествиях... С. 36–38. Эти данные повторяют Н.Г. Устрялов и М.М. Богословский.

[22] Из написанного в конце 1691 г. письма женевца Сенебье: «Он (царь. – И. Ю.) часто появляется во французском платье, подобно г. Лефорту» (цит. по *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. М., 2005. С. 122).

[23] *Зицер Э.* Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 190–198.

[24] Разумеется, нельзя исключить случайные упоминания в источниках других видов, но пока такие не выявлены.

[25] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 153.

[26] О высочайших пришествиях... С. 96.

[27] *Пчелов Е.В.* Гласные гербы некоторых сподвижников Петра Великого // Геральдика, символика, эмблематика. К 85-летию со дня рождения И.В. Борисова. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (12 февр. 2022 г.). М., 2022. С. 58.

ницким. У нас нет свидетельств тяготения Виниуса к вину и крепким напиткам[28]. Между тем пребывание в петровской компании требовало от членов, в том числе и от него, постоянного подтверждения соответствия её стандартам, постоянного доказывания, что они способны играть в придуманной царем (во всяком случае, при его участии) пьесе. Виниус демонстрировал это в Архангельске, собирался демонстрировать и впредь. Оставалось только найти приемлемую форму.

Виниуса смущало, полагаем, не только неумеренное винопитие. Можно предполагать существование еще одного важного несовпадения – в отношении к морю. В том, что мы знаем о Виниусе, нет ничего, что можно было бы истолковать, как выражение хотя бы простого тяготения к воде. Уместно напомнить, что его отец в одной из поездок, перемещаясь по родной Фрисландии на речном судне, едва не утонул, о чем долго помнил[29]. В послужном списке А.А. Виниуса обнаруживаем только три относящихся к близкому времени эпизода, связанные с водой. В 1667 г. он в качестве переводчика работал в Дединове на строительстве корабля «Орел», он же в 1668 г. подал в Посольский приказ записку с изложением проекта строительства гребных судов для плавания по Каспию[30]. В 1673 г. совершил путешествие с дипломатическим поручением на корабле из Голландии в Англию, а оттуда во Францию[31]. Но эти события относятся ко времени его молодости и ранней зрелости. Между посещением Лондона и приездом с Петром в Архангельск прошло 20 лет. В источниках, на основании которых реконструируем его биографию для этого промежутка, морские аллюзии отсутствуют.

Между тем в петровской компании все, подражая царю, были увлечены морем или, как минимум, имитировали такое увлечение. (С вытекающими из этого последствиями: как мы знаем, в следующем 1694 г. яхта с Петром, его приближенными и архиепископом Афанасием чуть было не затонула во время внезапной бури[32].) Если Виниус не слишком скрывал свое равнодушие к морю (еще хуже, если обнаруживал страх перед ним[33]), это не могло не быть замечено царем и компанией, не могло не иметь последствия.

Проведенное в Архангельске лето показало, что своим в доску Виниусу в компании не стать. Считываемая степень его чужеродности ей была, однако, не такова, чтобы Петр вычеркнул его из числа сотрудников, к которым испытывал приязнь – об этом говорит неизменно доброжелательный тон последующей их переписки. Но сам Виниус, вероятно, понял, что в такой обстановке, с такими людьми, в подобных занятиях ему в дальнейшем будет нелегко. Нужно было, оставаясь формально в компании, искать форму отношений с Петром, которая обеспечила бы сохранение прочной связи с ним, и соответственно прочное положение, но была лишена тех черт, сжиться с которыми, как показал архангелогородский опыт, Виниусу трудно.

Возвратившись осенью 1693 г. из Архангельска, где закреплялся в околопетровском кругу, Виниус исправно играл роль, которая была ему в нем определена. Однако летом следующего, 1694 г., в Архангельск уже не поехал. Не поехал

[28] Упоминания о винопитии в письмах Виниуса о личном его отношении к происходящему, полагаем, не говорят. Автор сообщает в них о своем участии в ритуалах, по сути навязанных социальной ролью. В пожилом возрасте отношение к вину было отчетливо негативным: он тяжело переживал пагубную привязанность к нему сына Матвея (*Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 334–337).

[29] *Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 20. Впрочем, А.А. Виниуса на корабле не было – инцидент имел место за 10 лет до его рождения.

[30] ДАИ. V. № 46. С. 211–216, 233; № 47. С. 248, 264, 268, 270, 272; № 80. С. 404.

[31] *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1. Варшава, 1913. С. 187–190.

[32] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 171, 172; Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. Архангельск. 1909. С. 26.

[33] Сравни: «Очень похоже, что вода вообще не вызывала в Петре хотя бы смутного чувства опасности» (*Беспятых Ю.Н.* Петербург, море и Петр // Феномен Петербурга: Труды Третьей Междунар. конф., состоявш. 20–24 авг. 2001. СПб., 2006. С. 332.

позже добывать Азовскую победу, а потом и за границу с царем не поехал. Он нашел решение, позволявшее, пребывая вдали и от моря, и от развлечений в духе тех, которые практиковал Собор, находиться в постоянном контакте с царем, на некоторое время стать едва ли не главным его корреспондентом.

Виниус воспользовался обстоятельством, достаточно очевидным, несмотря на бедность источников: по психотипу Виниус и Петр различались разительно, при этом в культурном отношении их интересы во многом совпадали. Это определило направление, в котором двигался Виниус, надеясь примирить трудно примиримое. Он не стремился развивать сближение, во всяком случае – физическое. На это обратил внимание еще И.П. Козловский, по поводу переписки 1695–1696 гг. заметивший, что Виниус «два раза уклонился от возможного свидания с Царем – один раз под предлогом ушиба, другой раз без всякой видимой причины»[34]. Но сводя к минимуму встречи с царем, Виниус пытался максимально привязать его через уникальные услуги, которые мог ему оказать. Отношения Виниуса и Петра постепенно обретали новую форму.

В социологии используется понятие «гостевой брак»[35]. Так именуют форму брачных отношений в случае, если они зарегистрированы, но супруги проживают раздельно. Виниус попытался реализовать сходную модель дружбы/сотрудничества, которую по аналогии назовем гостевой. Что придавало ей жизнеспособность? Что удерживало отдалившегося от Петра Виниуса все же довольно близко к нему?

То же, что и в начале их отношений. Виниус как немногие мог помочь удовлетворению присущей Петру неуемной жажды познания. (М.М. Богословский: «Для него Виниус был интересным человеком»[36]). Круг вопросов, которых касалась их переписка, был разнообразен и неизменно касался на тот момент наиболее волновавших Петра вопросов. Снабжать царя информацией Виниусу помогала принадлежавшая ему большая библиотека из книг, изданных в европейских странах. (Петр, кстати, в период опалы Виниуса эту библиотеку конфисковал, отдавал же потом медленно, частями.)

Но объяснения с помощью формулы «Виниус – источник знаний» недостаточно. Контакты Петра были многообразны, он вел обширную переписку, книгами имел возможность пользоваться не только теми, которыми владел Виниус. По нашему мнению, важнейшим обстоятельством, которое стабилизировало отношения с Петром в форме, реализованной Виниусом в период второго Архангельска, главной скобой, которая держала их конструкцию, был контролируемый Виниусом коммуникационный ресурс – то, что он содержал и развивал систему услуг связи. На протяжении нескольких десятков лет он руководил «заморскими» почтами России – предприятием, действовавшим на смешанном государственном и частном капитале. Это был ответственный и трудный пост; управление иногда давало сбои. Но Виниус справлялся с этой работой в целом неплохо.

Обрести, освоить и закрепить эту своеобразную (в окружении Петра едва ли не уникальную) схему Виниусу позволило путешествие с царем в Архангельск в 1693 г. Оно наглядно показало не только то, чего следует избегать, но и то, на что, избегая, можно опереться.

Незадолго до отправления царя к берегам Белого моря по указу от 8 июня

[34] *Козловский И.П.* Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717 г.). СПб., 1911. С. 22. Данное историком объяснение (он «бережет себя и не забывает своих интересов») несколько туманно.

[35] *Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л.* Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 23, 39.

[36] *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 4. М., 2007. С. 210.

1693 г. силами нескольких государственных учреждений была создана новая регулярная почтовая линия, соединившая Москву и Архангельск[37]. Представляется неслучайным тот факт, что почти сразу после его возвращения указом от 18 октября Виниус добился передачи этой линии в его (точнее, сына Матвея) ведение[38]. А.Н. Вигилев, опираясь на материалы И.П. Козловского, проанализировал, было ли это выгодно Виниусам с экономической стороны, и пришел к положительному заключению[39]. Хотим обратить внимание на другой аспект вопроса. В установлении гоньбы до Архангельска Виниус участия не принимал. Но проехав по всем пунктам, через которые она проходила, он получил возможность оценить трудности постановки дела и перспективы проекта, соотнести материальные (денежные) и нематериальные (контроль коммуникационного канала) выгоды управления им. А.Н. Вигилев назвал сумму (70–80 рублей), которую Виниус в дальнейшем почти ежегодно получал в порядке компенсации своих расходов, связанных с гоньбой к Архангельску[40]. Сумма не настолько велика, чтобы полагать, что, добиваясь передачи ему новой почты, А.А. Виниус преследовал исключительно экономическую выгоду. Прибавление к его (формально – сына) заморским почтам почты внутренней косвенно свидетельствует о том, что он осознавал и другие возможности, которые открывало управление ею (в т.ч. в отношении обеспечения подробностей Петра).

Отправив царю в Архангельск в 1694 г. множество своих и чужих писем, получив немало дружеских по тону от него, Виниус мог надеяться, что нашел, наконец, формулу сплава службы и дружбы, которая устраивала обоих.

Подведем итог. Приведенные факты и сделанные на их основе умозаключения убеждают, что особое место Виниуса в окружении Петра во многом определилось во время путешествий царя в Архангельск. Именно архангельские впечатления для Виниуса-политического деятеля могли стать переломными и определить выбор: стоять рядом с Петром, смешавшись с пестрым его окружением, или быть рядом, но, хотя и на расстоянии, сохранив остатки самости.

Был ли этот выбор наилучшим? Несомненно, он в большей мере отвечал представлениям Виниусе о культурных нормах социального быта, усвоенным в детстве, несомненно, больше соответствовал его темпераменту и психотипу. (А о том, какой подарок получили историки – и говорить не приходится. Не было бы гостевой дружбы – не была бы обильна драгоценная для них переписка.)

В лексике IT-отрасли почтовую гоньбу можно считать прообразом прокси-сервера, обеспечивавшего в отношениях Виниуса и Петра посредническую функцию. Имеем в виду не только их личную переписку, но и прочую обширную переписку Петра. Было ли такое положение – в котором часть контактов оттянул на себя этот сервер – оптимальным в отношении близости к царю? Всматриваясь в фигуры наиболее успешных деятелей петровского окружения, уверенно говорим: нет. Пример альтернативной тактики, одновременно и стратегии демонстрирует А.Д. Меншиков, использовавший любую возможность не только служить Петру, но и, насколько возможно, не отделять свою частную жизнь от жизни государя. Стратегический же выбор Виниуса в немалой степени предопределил будущую перемену царя в отношении к нему, предопределил последовавшее в 1703 г. крушение его служебной карьеры. (Кстати, кто сыграл решающую роль в падении Виниуса, сообщив о якобы данной им взятке? Неизмеримо больший взяточник – старавшийся не отходить от Петра слишком далеко Меншиков.)

Заметим, кстати, что на опалу Виниуса (традиционно объясняемую интригой Меншикова) можно посмотреть и с другой точки зрения – через призму «политического богословия». По мнению Э. Зицера, петровские «потехи» первоначально «служили для самоутверждения молодого монарха и его приближенных в рамках московского двора», а позже, в ходе Северной войны, «стали инструментом формирования новой рыцарственной элиты»[41]. Избегая царских игр, Виниус, получается, сам вычеркнул себя, а заодно и сына, из именного списка этой элиты.

[37] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1826. Ч. 4. № 216.

[38] *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1990. С. 156.

[39] Там же. С. 156–157.

[40] Там же. С. 157.

[41] *Зицер Э.* Указ. соч. С. 19.

М.Т. Накишова

А.Д. МЕНШИКОВ И А.М. ДЕВИЕР: РОЛЬ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Вопрос о роли семьи и семейных связей в системе государственного управления раннего Нового времени не раз ставился исследователями, обращавшимися к различным аспектам политической и социальной истории России XVIII в. Актуальность подобной проблематики, прежде всего, определяется исключительной важностью семьи как первичного института социализации, помещавшего индивида в конкретную социальную реальность и устанавливавшего его место в общественной иерархии. Относительно влияния семейных и родственных связей на его вовлеченность в процесс государственного строительства и отношения с другими представителями политической элиты исследователи выдвигают несколько наблюдений.

Во-первых, принадлежность к определенным семье и роду гарантировала занятие той или иной должности, а также автоматически вводила индивида в состав политической группировки (этот тезис нашел отражение в работах Д. Рансела, Дж. Ле Донна, Дж. Леви и др.[1]). Несмотря на принятие в конце XVII – начале XVIII вв. ряда мер, направленных на ликвидацию власти родственных кланов – отмену местничества в 1682 г., введение при Петре I Табели о рангах – роль семейных связей в системе государственного управления оставалась весьма значительной.

Во-вторых, в рамках патрон-клиентских исследований отмечается тот факт, что семейные связи органично вписывались в систему патроната-клиентелы и, более того, определяли механизмы ее функционирования[2]. Например, изучая специфику патрон-клиентских отношения во Франции раннего Нового времени, Р. Мунье полагал, что индивид еще в детстве попадал под протекцию сюзерена, приверженность которому формировалась на основе чувства привязанности «fidélité» (нежное чувство верности), характерного для большинства членов его семьи и поэтому возникавшего у него[3]. Развивая концепцию Мунье, американский историк Ш. Кеттринг следующим образом определяла роль семьи в устройстве патрон-клиентской иерархии: родство представляет собой ненамеренные отношения, формирующиеся по факту рождения и налагающие определенные обязательства на всех членов семьи, соответственно, родственники – это люди, связанные кровью и браком, а не выгодой как в случае с патроном и клиентом. Поэтому родственники становились клиентами только тогда, когда они попадали в зависимость от других членов своей семьи, преследуя целью продвижение по карьерной лестнице. В любом случае патрон-клиентские связи, соединявшие членов одной семьи или рода, характеризовались большей теплотой, нежностью, устойчивостью и продолжительностью[4].

В-третьих, как отмечают исследователи, именования, характерные для семейной терминологии – «брат» и «отец» – достаточно широко употреблялись представителями политической элиты при обмене частной корреспонденцией. Так, А.И. Заозерский, рассматривая отношения Б.П. Шереметьева и А.Д. Меншикова, указывал на существование своеобразной фикции братства, выражавшейся только лишь на бумаге, за которой на практике стояли вполне прагматичные («житейские») расчеты[5]. В подобном ключе употребление слов «брат» и «отец» оценивают Д.Г. Полонский, Е.В. Анисимов, Т.А. Базарова и М.Е. Проскурякова, предполагая, что эти именования по большей части маркировали социальный статус контрагентов, сознательно принимаемый ими в рамках обмена корреспонденцией[6].

Таким образом, родственные связи представляются одним из наиболее значимых факторов, оказывающих непосредственное влияние на социальное положение индивида, его вовлеченность в государственное строительство и место среди представителей политической элиты. Например, традиционно факт принадлежности к одной семье и обстоятельства, в которых произошло это породнение, ставятся во главу угла при попытках охарактеризовать взаимоотношения светлейшего князя А.Д. Меншикова и генерал-полицеймейстера Санкт-Петербурга А.М. Девиера. Как правило, исследователи ведут речь о взаимной вражде, скрытой и явной, появившейся на фоне женитьбы будущего генерал-полицеймейстера на сестре князя Анне Даниловне, которая в дальнейшем обусловила тональность их контактов и получила реализацию в последние месяцы правления Екатерины I в деле Девиера – Толстого (1727 г.)[7]. При этом нельзя не отметить, что к началу интересующих нас событий Меншиков и Девиер обладали несопоставимой политической значимостью[8]. Князь являлся наиболее могущественным и влиятельным сановником из всех петровских соратников, был назначен на должность генерал-губернатора Ингерманландской (затем – Санкт-Петербургской) губернии, ключевой административно-территориальной единицы Российского государства. Девиер же занимал намного более скромное положение: он служил подполковником гренадерского полка, в 1711 г. был пожалован вместе с П.И. Ягужинским чином генерал-адъютанта государя[9] и лишь в 1718 г. получил пост столичного генерал-полицеймейстера.

Обстоятельства женитьбы Девиера на Анне Даниловне в исторических источниках передаются следующим образом. 3 июля 1712 г. английский посланник при русском дворе Ч. Уитворт сообщал в письме к статс-секретарю Сент-Джону: «Ко всему этому прибавлю, что в ночь перед отъездом Государя из Петербурга, сестра князя Меншикова с царского разрешения вышла за муж за одного из царских гене-

[1] *Dixon S.* The Modernisation of Russia 1676–1825. Oxford, 1999; *Le Donn J. P.* Absolutism and Ruling Class. Oxford, 1991; *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989; *Meehan-Waters B. Autocracy&Aristocracy.* The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick; N.J., 1982; *Ransel D.* Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer // The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. Urbana; Chicago; L., 1973. P. 154–178; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; L., 1975.

[2] *Beik W.H.* The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. Vol. 188. Iss. 1. 1 August 2005. P. 195–224.

[3] *Mousnier R.* La vénalité des Offices sous Henri IV et Louis XIII, Genève, 1979.

[4] *Kettering Sh.* Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. N.Y., Oxford, 1986. P. 33

[5] *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 223.

[6] *Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е.* «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А.Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 53, 55; *Полонский Д.Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011.Вып. 2 (9). С. 77.

[7] Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. СПб., М., 2003. С. 164–166; Дивиеры // Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 370–376; *Кудрин В.А., Николаенко П.Д.* Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 13–22; *Черных В.В.* Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел. 2017. № 2. С. 161–171; *Шубинский С.Н.* Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448; *Milhazes J.* António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. Aix-en-Provence, 2013 и др.

[8] До этого периода фиксируются лишь единичные контакты Девиера и Меншикова. См.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2693, 2695, 2697, 2699, 3160, 3363, 3391, 3454, 3530.

[9] Должность, специально созданная под П.И. Ягужинского и А.М. Девиера.

рал-адъютантов, который долго домогался ея руки вопреки воле князя»[10]. Не вызывает сомнения, что генерал-адъютант, упоминавшийся Уитвортом – никто иной как Девиер, а сестра князя Меншикова – Анна Даниловна. Это сообщение английского посланника позволяет определить дату свадьбы Антона Мануиловича и Анны Даниловны в промежутке второй половины июня – начала июля 1712 г., предположительно 14–15 июня[11]. Отсюда можно определить и дату рождения первого сына четы Девиер Петра Антоновича как вторую половину 1712 г.[12].

Сообщение Уитворта указывает на факт личного участия Петра в семейных делах Девиера и на нежелание Александра Даниловича выдавать сестру замуж за него. Очевидно, что обладавший непомерными политическими амбициями князь был не в восторге от кандидатуры жениха, на момент свадьбы занимавшего весьма незначительное положение в обществе. Еще больше недовольство Меншикова должен был усугубить факт беременности сестры до заключения официального брака – факт, упущенный Уитвортом, но постоянно встречающийся в научных и публицистических работах. Поэтому логичным кажется наличие какого-либо весомого аргумента (помимо факта беременности до брака, на данный момент не подкрепленного сведениями из источников), который убедил князя дать хотя бы формальное согласие. И в этом плане ничего не могло быть убедительней, чем царское благословление.

Примечательно, что в историографии обстоятельства заключения брака между Антоном Мануиловичем и Анной Даниловной обросли дополнительными деталями, не лишенными художественности. Так, например, автор книги «Русские избранники» Г. фон Гельбиг описывал конфликт с князем: «сестра князя дала ему столь неопровержимые доказательства своей любви, что Девьер счел, наконец, необходимым заявить ее брату, что необходимо торопиться с формальным утверждением брака, если князь не желает иметь неприятности видеть свою сестру незамужнею матерью. Вместо всякого ответа, Меншиков приказал вздуть батогами своего непрошенного зятя. Еще покрытый кровавыми последствиями гнева князя отправился Девьер к императору, бросился в ноги и просил о защите. Надо, вообще, удивляться подобной жалобе, приносимой государю, которая столь необычна среди честных людей, получивших оскорбление. Самое ясное приказание Петра могло лишь в слабой степени оправдать подобное поведение. Можно даже полагать, что Девьер был привычен к подобному с ним обхождению и не знал иной мести, кроме жалобы. В этом случае он не заслуживал никакой защиты. Но Петр не отказал ему в ней и даже принудил князя Меншикова вести свою сестру к обручальному алтарю…»[13].

Как мы видим, обстоятельства заключения брака не сулили ничего хорошего для будущего генерал-полицеймейстера – хотя, согласно рассуждениям С.Н. Шубинского, Девиер был движим расчетом, желая посредством родственных уз проникнуть в круги петровской аристократии, и цели этой добился[14]. Меншиков вряд

[10] Сборник Русского исторического общества. Т. 61. СПб., 1888. С. 235.

[11] Эту дату позволяют наметить сведения «Походного журнала 1712 года», а также «Биохроники Петра Великого», созданной Е.В. Анисимовым, отразившие передвижения Петра. В «Биохронике» указывается, что 10–16 июня Петр находился в Санкт-Петербурге, 15–17 июня он ходил в Кронштлот и затем в столицу в интересующий нас период не возвращался. В «Походном журнале 1712 г.» также упоминается, что 15 июля государь повелел идти к Кроншлоту морем. См.: Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 15; ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого день за днем: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic?page=2&-mode=cards&end_date=1712-7-3&start_date=1712-6-16 (дата обращения: 09.09.2021).

[12] Попытку определить дату рождения Петра Антоновича предпринял И.Н. Юркин. На основе косвенных данных исследователь обозначил промежуток времени, в который мог родиться Петр Антонович – не раньше 1709 г. и не позже 1712 г. См.: *Юркин И.Н.* Первые Девиеры: генеалогические заметки и дополнения // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 10. СПб., 1999. С. 14.

[13] Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 111–112.

[14] *Шубинский С.Н.* Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С.427–428.

ли был способен забыть о том, каким образом Антон Мануилович стал его зятем. Однако, сам по себе факт нежелательного для Меншикова брака его сестры не дает, на наш взгляд, достаточных оснований говорить об очевидной ненависти, вспыхнувшей с этого момента между Девиером и Меншиковым. Какими бы ни были обстоятельства заключения брака Антона Мануиловича с Анной Даниловной и реакция на это князя, они должны рассматриваться в контексте анализа деловых и личных связей генерал-губернатора и генерал-полицеймейстера, развивавшихся параллельно на протяжении всего времени их знакомства. Тем более, что после описанных выше событий между Девиером и Меншиковым должны были сложиться семейные связи, которые в свою очередь накладывали на новоиспеченных родственников определенные обязательства и наделяли новыми социальными ролями.

Принадлежность Меншикова и Девиера к одной семье так или иначе нашла отражение в их корреспонденции, отправляемой друг к другу в период с 1718 г. по 1727 г.[15]. Более того, они, согласно «Повседневным запискам делам князя А.Д. Меншикова», были частыми гостями в домах друг друга – обедали в одной компании, беседовали тет-а-тет или в окружении других государственных деятелей, участвовали в праздничных мероприятиях и поездках[16]. Так, в субботу 6 сентября 1718 г. «его светлость пополуночи в 5-м часу встав, убрався, изволил быть в покоях, к тому прибыли генерал-маеор и обор-штер-крикс-камисар Чернышов, генерал-полицеймейстер Девиэр и по довольных розговорех изволили кушать. После кушанья мало бавясь, оные розъехались…»[17]. 2 января 1719 г. Меншиков сам посетил Антона Мануиловича. Канцелярист в тот день записал: «После кушанья мало мешкав, прибыл к господину генералу-полицеймейстеру Дивиеру, и мало мешкав, прибыл в дом свой пополудни во 2-м часу»[18].

В случаях, когда Меншиков находился вдалеке от жены и детей, Девиер, который имел реальную возможность в отсутствие князя навещать его дом, начинал письмо с извещения, что «в доме вашем все благополучно состоит»[19]. Иногда он добавлял чуть больше информации, отмечая состояние меншиковских домочадцев: «Вашей светлости любезная супруга, а нам милостивая государыня Дария Михайловна, и с любезными вашей светлости детьми и Варварой Михайловной обретаютца в добром здравии, и в домех ваших все благосостоятельно»[20]. Хотя, как показывает фонд личной канцелярии Меншикова, князь вел активную переписку с женой и другими членами своей семьи и, соответственно, был в курсе их дел из первых уст[21], Девиер, желая быть полезным, непременно добавлял к свои посланиям упоминания о доме и близких князя.

Регулярно Меншиков и Девиер обсуждали вопросы здоровья. Как утверждают исследователи, возможность спросить о здоровье, высказать озабоченность или рассказать о своем маркировала положение контрагентов по отношению друг

[15] В большей степени семейная тематика нашла отражение в корреспонденции Девиера. Письма Меншикова дошла до наших дней по преимуществу в виде отпусков и оттисков с оригиналов документов, в которых сокращения основного текста происходило за счет вводных частей, где и раскрывались семейные связи.

[16] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 200. С. 227, 257, 285, 290, 296, 290, 301, 345, 388, 396 и т.д.

[17] Там же, С. 256.

[18] Там же, С. 282.

[19] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 97, 104, 104об, 105.

[20] Там же, Л. 405.

[21] В фонде личной канцелярии Меншикова сохранились комплексы его переписки с домочадцами (женой, дочерью, своячницей и др.), а также различная хозяйственная документация. См.: *Ибраева Ю.И.* Двора его высококняжеской светлости служители»: «домовое подданство» князя А.Д. Меншикова // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 194–198; *Ибраева Ю.И.* Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1168.

к другу, обозначало социальные статусы и границы дозволенного во взаимоотношениях[22]. Генерал-полицеймейстер, как правило, о собственном состоянии Меншикова не информировал, а тот и не интересовался. Зато Антон Мануиловича крайне волновало здоровье князя. Так, осведомившись о его болезни, выражал свое беспокойство, желал наискорейшего выздоровления[23]. Трепетно Девиер относился и ко здоровью членов семьи Меншикова. Например, с пожеланиями здоровья от себя, он приписывал: «предаю вашей светлости здравие в сохранение божие вкупе и с любящими вашими»[24]. Когда жена Меншикова Дарья Михайловна сопровождала князя в поездках, Девиер уведомлял их о благополучном состоянии их любимой дочери[25]. Стоит подчеркнуть, что Меншиков в отсутствии Девиера в его петербургском доме не бывал и о положении своих ближайших родственников ничего не знал, по крайней мере об этом нет никаких свидетельств.

Девиер, кроме того, информировал князя о передвижениях или времяпрепровождении членов его семьи. В июле 1719 г. он передавал, что «дети вашей светлости сего июля 24 дня в Санкт-Питербурх прибыли благополучно». Вместе с этим Девиер присовокуплял поклон от собственной жены, сестры князя, княгини Дарьи Михайловны и ее сестры Варвары Михайловны[26]. Отдельной темой для разговоров являлась фигура шурина князя И.М. Арсеньева. 16 августа 1722 г. Девиер доносил князю, что Иван Михайлович Арсеньев в бытность их высочеств в Ораниенбауме просил, чтобы его отпустили в Копорье. Через некоторое время он сообщал, что Арсеньева приказали туда отпустить, но обратно он еще не вернулся[27]. В дальнейшем о добром здравии Ивана Михайловича генерал-полицеймейстер упоминал в письмах к Меншикову 5 ноября, 22 декабря, 28 января, 7 и 18 марта[28].

И Меншиков, и Девиер принимали участие в хозяйственных делах друг друга. Несколько раз князь использовал Девиера для решения строительных проблем, которые отчасти соотносились со сферой компетенции генерал-полицеймейстера[29]. Зимой 1723 г. Меншиков был недоволен поведением поручика Унковского, который «пришед на чернышевской наш дом со многолюдством, не сказав в доме нашем служителем, на деревянных хоромах кровли сломал от чего и окончины перебиты, трубы и печи явились поломаны»[30]. Он добавлял новости, полученные от барона Г. фон Мардефельда, проживавшего в этом доме, что напротив строения была построена конюшня, которая загораживала свет, попадавший в окна. Князь просил, поведение Унковского рассмотреть, а конюшню перенести куда-то подальше, чтобы она не лишала жильцов освещения. Расследовав обстоятельства, Девиер утешал Меншикова, что, если поручик своевольно «не объявляя служителем Вашей светлости, учинил и сломал, штрафован будет, и, о том изследовав, довольные известия предложить Вашей светлости не укосню, а конюшня на оном же дворе как при бытности вашей светлости была, так и ныне стоит, и вновь построенного ничего нет»[31].

Через Девиера Меншиков получал информацию о ремонтных работах, производимых в его доме на Васильевском острове. В разное время генерал-полицеймейстер проверял качество росписи фресками в комнатах санкт-петербургском дворце[32], сообщал о ходе ремонта внутри и снаружи дома[33]. В 1724 г. Девиер успокаивал Меншикова, что в палатах и снаружи дома ремонт сделали так, что все выглядит как новое. О том, что будет делаться дальше, он обещал своевременно информировать[34].

Девиер не раз и не безуспешно просил князя содействовать решению своих проблем[35]. В августе 1722 г. генерал-полицеймейстер столкнулся с необходимостью передать кому-либо в «присмотрение» принадлежащую ему тульскую мельницу и обратился за помощью к Меншикову. Князь нашел заинтересованных дельцов в лице Н. Демидова, имевшего в Туле металлургические заводы. Он написал Демидову и получил от него ответ, что для наблюдения за мельницей он поставит верного человека, который будет у той мельницы работать[36]. Девиер, радуясь благополучному решению дела, благодарил: «А что соизволили милостивое и отеческое ко мне призрение показать и о тульской мельнице об отдаче на оборон к Демидову писать, что он и обещал присмотрение иметь и сыну своему о том приказал, и за такую Вашей светлости, моего премилостиваго отца и патрона милости всенижайше благодарю, а чтоб были в том послушны Демидову и сыну ево, о том посылаю к прикащику моему под вскрытою печатью послушное письмо»[37]. Спустя несколько месяцев, 27 декабря, Меншиков снова напомнил генерал-полицеймейстеру о его мельнице, передав ему советы Демидова[38]. На протяжении следующих лет мельница продолжала находиться под присмотром младших Демидовых, живущих в Туле, однако параллельно Меншиков подыскивал для нее покупателей. 28 июля 1724 г. Девиер отвечал на запрос князя о цене: «Приходит от той мельницы на каждой день, кроме пыли, по три и по два рубли с полтиною, по свидетельству комисара господина Демидова, и по тому ваша светлость извольте продать против такой цены»[39].

Меншиков и Девиер выступали друг для друга каналами передачи корреспонденции. Как правило, письма из дома Меншикова проходили через руки княжеского управляющего И. Борисова. Однако в случае перебоев генерал-полицеймейстер мог выступить посредником (с конца апреля по май 1724 г.). 27 апреля 1724 г. Девиер писал, находящемуся в Москве князю: «О укоснении присылки из дому Вашей светлости писем… и я о сем Ивана Борисова спрашивал, на что он оправдание приносил, что на каждой почте до Вашей светлости писал, токмо в понедельник Фоминой недели не послал писем за тем, что по реке шел великой лед и переехать было нельзя, о чем он до Вашей светлости в сих приложенных письмах писал»[40]. Затем письма отправлялись через Антона Мануиловича 30 апреля, 4, 7, 21, 25 и 28 мая[41]. В последний раз о передаче посылок из дома Меншикова Девиер упоминал 11 июня. Он извинялся, что медлил с отправкой, так как «известны были, что Ваша светлость изволите восприять свой путь к морциальным водам, а светлейшая княгиня в Санкт-Питербурх вскоре, но ныне сие посылали на удачу, коли Вашу светлость

---

[22] *Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Проскурякова М.Е.* «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А.Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 54. С. 87

[23] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 113–113об, 249, 349.

[24] Там же, Л. 1.

[25] Там же, Л. 25–25об.

[26] Там же, Л. 20об.

[27] Там же, Л. 147об.

[28] Там же, Л. 176об, 210об, 228, 242об, 249об.

[29] Там же, Л. 155об, 269–271, 343об.

[30] Там же, Д. 191. Л. 22; Д. 192. Л. 24–24об.

[31] Там же, Д. 557. Л. 219об–220.

[32] Он передавал свои впечатления: «весма работа хорошая и так мошно сказать, что здесь такой нет». См.: Там же, Л. 155.

[33] Он подчеркивал, что в палатах и снаружи дома ремонт сделали так, что все выглядит как новое. О том, что будет делаться дальше, Девиер также обещал князя информировать. См.: Там же, Л. 350.

[34] Там же, Л. 350.

[35] Там же, Л. 133.

[36] Там же, Д. 180. Л. 414–414об.

[37] Там же, Д. 557. Л. 149об.

[38] Там же, Д. 180. Л. 609.

[39] Там же, Д. 557. Л. 352.

[40] Там же, Л. 335–335об.

[41] Там же, Л. 336–336об, 337, 338–338об, 344, 346, 347.

застать в Москве могут»42. Кроме того, оба государственных деятеля передавали друг другу корреспонденцию, поступавшую от Петра, Екатерины, царевича и царевен, кабинет-секретаря А.В. Макарова и других царских соратников[43].

Наибольшей взаимностью между Девиером и Меншиковым отличались поздравления с различными праздниками и знаменательными датами. Обращаясь с пожеланиями по поводу общегосударственных и общехристианских праздников, они оба добавляли поздравления для ближайших членов семьи[44]. Например, в Святую неделю генерал-полицеймейстер писал: «Ежели и Ваша светлость с своею высокопочтенною фамилиею сего поста святых таин причаститься сподоблены, душевно радуяся, тем Вашу светлость поздравляю, предая Вашей светлости купно со всею высокородною фамилиею здравие в милостивое сохранение Божие, остаюсь с нижайшим моим респектом»[45]. Они не пренебрегали родственной обязанностью написать поздравительное письмо на день рождение, тезоименитство кого-либо из семейства или же на годовщину бракосочетания[46]. В этом плане выделяется поздравление, отправленное Меншиковым Девиеру, по случаю тезоименитства его жены Анны Даниловны. «При сем же мы и жена наша, и дети, и своячина Варвара Михайловна, – объявлял князь, – поздравляем Вашу милость вчерашним тоизоименитством сожительнице вашей, а нашей сестре Анне Даниловне, желая Вашей милости, дабы оное благополучно препроводить много такая торжеств щастливо достигнуть»[47]. Стоит отметить, что это чуть ли не единственное упоминание имени Анны Даниловны в известной нам корреспонденции Меншикова (за 1710-е – 1720-е гг.)[48]. Тогда, как показывает Ю.И. Ибраева, в переписке князя с Дарьей и Варварой Михайловной в 1700-х гг. до замужества Анне Даниловне отведена значительная роль[49].

Мы не знаем определенно, писал ли Девиер регулярно письма к Дарье Михайловне и поздравлял ли со знаменательными датами ее лично[50]. Среди изученного нами комплекса источников находится только одно обращение генерал-полицеймейстера напрямую к княгине с поздравлениями по поводу коронации Екатерины и нового назначения ее сына[51]. Примечательно, что Девиер в письме к Меншикову с аналогичным содержанием не просто выражал радость (видимо, не слишком искреннюю) за повышение чином его сына, но и параллельно замечал, что сам ждет подобного повышения уже который год и обращался ранее к князю за помощью о протекции[52]. Аналогично мы не имеем сведений о существовании писем от Дарьи Михайловны к Девиеру.

Надо полагать, важное значение Девиер придавал уведомлениям о своих собственных семейных событиях. Он поздравлял Меншикова с пополнением в своей семье[53]. Например, 25 февраля 1723 г. Девиер вновь передавал Меншикову радостную новость о пополнении семьи: «и о сем не умолчю донести вашей светлости, благодаря Вышняго, что мне Бог даровал сына Антона и родился против 25 числа по полуночи во втором часу»[54]. Князь в ответ любезно, как замечал генерал-полицеймейстер, поздравлял Девиера[55]. Несколькими днями позже Антон Мануилович не поленился рассказать Меншикову о выпавшей на его доле чести. «Вчерашнего числа, – писал он письме, – Его величество по высокой своей милости изволили быть у новорожденнаго моего сына восприемником з государонею цесаревною Анною Петровною, другой был кум Иван Михайлович Головин з государонею цесаревною Елисаветою Петровною, и изволили посидеть с шестаго часу до десятаго по полудни и потом изволил быть у Чевкина на асамблее»[56].

Соответственно, за время правления Петра I не наблюдается открытого пренебрежения родственными обязанностями ни со стороны Меншикова, ни со стороны Девиера. Оба государственных деятеля трудились над поддержанием по крайней мере видимости семейного благополучия, выполняли необходимые формальности, которые требовались от них как родственников. При этом нет никаких оснований полагать, что семейные связи давали какие-либо значительные преференции Девиеру или Меншикову и находили выражение в более значительных действиях по отношению друг к другу, чем устоявшиеся эпистолярные формулы. Более того, кажется совершенно невозможным тот факт, что они смогли легко забыть те неприятные обстоятельства, при которых породнились.

Надо полагать, семейные перипетии в случае с Девиером и Меншиковым хоть и должны были оказать влияние на их реальные чувства по отношению друг к другу, отходили на второй план, когда речь шла о государственной и политической деятельности, удовлетворении собственных амбиций и борьбе за власть. Во время петровского царствования им было выгодно поддерживать лояльные отношения друг с другом как в деловых, так и в личных вопросах[57]. Принадлежность к одной семье в этом плане могла являться еще одной скрепой, позволявшей им надеяться на участие и эффективное сотрудничество.

После смерти первого русского императора сложилась новая политическая ситуация в стране. В обстоятельствах борьбы за власть Меншиков не видел в Девиере надежного союзника, который бы мог поддержать его политические устремления после смерти Екатерины. Девиер, как представляется, не рассчитывал на благополучный исход для себя в случае еще большего возвышения князя. При подобном раскладе семейные связи ожидаемо забывались равно, как многолетние личные отношения и успешное взаимодействие на служебном поприще, а старые обиды вспоминались. Каждый стремился отстоять свои собственные интересы и упрочить свое собственное политическое влияние.

---

[42] Там же, Л. 348.

[43] Там же, Д. 180. Л. 278, 510об; Д. 557. Л. 28, 140об, 142, 160об, 165об, 197, 201, 204об, 217, 219, 242об; Д. 737. Л. 299; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 60. Л. 606.

[44] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 609, 622; Д. 557. Л. 167, 184–184об, 208об–209, 211об, 213об, 261–261об, 326об, 322а–322аоб, 555.

[45] Там же, Д. 557. Л. 268–268об.

[46] В этом плане не стоит забывать и о жалобе Меншикова Девиеру на то, что на празднование дня рождения Дарьи Михайловны, кроме Макарова и Дмитриева-Мамонова никто не пришел. См.: Там же, Л. 123–123об, 329, 196–196об, 210–210об, 147–147об.

[47] Там же, Д. 180. Л. 578об–579.

[48] Писем к Анне Даниловне после 1706 г. в фонде личной канцелярии Меншикова также не обнаруживается.

[49] *Ибраева Ю.И.* Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1168.

[50] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1177.

[51] Там же, Д. 557. Л. 343об.

[52] Там же, Д. 180. Л. 622; Д. 557. Л. 182, 183, 339–340.

[53] Там же, Д. 180. Л. 142; Д. 557. Л. 1об.

[54] Там же, Д. 557. Л. 236об.

[55] Там же, Л. 244.

[56] Там же, Л. 248об.

[57] См.: *Накишова М.Т.* К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова // Славяноведение. 2021. №4. С. 40–59; *Накишова М.Т.* Отношения генерал-губернатора А.Д. Меншикова и генерал-полицмейстера А.М. Девиера в системе управления Санкт-Петербургом // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.): сборник статей участников. М., 2020. С. 94–102; *Накишова М.Т.* Письма генерал-полицмейстера А М. Девиера к князю А.Д. Меншикову 1718–1727 гг.: опыт содержательного анализа // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть II [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/s207987840009417-7-1/.

С.С. Илизаров

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: СОЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Создание Императорской академии наук в Санкт-Петербурге как высшего научного и одновременно – учебно-образовательного и просветительского учреждения завершало реформы Петра Великого. Если многие новации петровской эпохи в той или иной форме имели корни, то введение в России современной науки проходило практически без какой-либо базы и прецедентов в прошлом. Не случайно, что идея создания Академии очень долго вынашивалась и продумывалась Петром I. И, может быть поэтому такой государственно-важный институт непрерывно просуществовал без малого 300 лет, вплоть до лета – осени 2013 года.

Об Академии наук, о ее создании – от замысла и до воплощения – существует обширная научная литература, в которой открытие Академии оценивается как важный и необходимый шаг в государственном и культурном развитии. Это общий лейтмотив от академика Г.Ф. Миллера – автора первой фундаментальной работы[1] и до новейших исследований[2]. Хотя есть и исключения с аргументацией принципиально иной точки зрения[3].

При осмыслении того удивительного и сложного явления каким предстает перед нами невероятный рывок, сделанный Петром Великим с немногочисленными сподвижниками в деле радикальной научно-технической модернизации страны, уместно руководствоваться словами академика В.И. Вернадского о том, что начало научной работе было «положено правительством Петра, исходившего из глубокого понимания государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себе почву в общественном сознании…»[4]. [Рис. 1]

Ко времени начала в России петровских преобразований, европейская наука и культура прошли долгий и сложный путь, в котором были непримиримая борьба идей, слом монополии христианской церкви на образование и право каждого на свободный научный поиск. Состоялось великое Возрождение наук и искусств с его гуманизмом и антропоцентризмом. Зародившись в городах Италии, движение гуманистов к объединению и самоорганизации привело к появлению и быстрому распространению в ряде европейских стран научных обществ и академий, неподконтрольных церкви. Проходившая культурная революция сопровождалась великими географическими открытиями, в результате чего была установлена

[1] *Миллер Г.Ф.* История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г.Ф. Избранные труды / Сост., статья, примечания С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 2006. С. 481–647.

[2] Среди новейших работ можно отметить: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина. СПб.: «Реноме», 2018; *Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И.* Академия благих надежд. М.: НЛО, 2019.

[3] *Романовский С.И.* Притащенная наука. СПб: СПбГУ, 2004.

[4] *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 65.

истинная размерность Земли. Европа наполнилась экзотическими товарами, невиданными до той поры образцами «трех царств» природы. Это, а также массовое увлечение античными артефактами стали причиной формирования коллекций и появления первых музеев кунсткамерного типа. Музеи становились не только центрами просвещения, но и лабораторией для естественно-научных изысканий. Типографский станок с невероятной скоростью заполонил Европу книгой и иной печатной продукцией, несущей знания о мире и человеке. Гелиоцентрическая идея, выдвинутая Николаем Коперником, радикально изменила картину мира, а изобретение оптических инструментов позволило открыть макро и микромиры. Появление новых орудий научного труда – термометры, барометры, маятниковые часы, воздушный насос и т.д. позволили задавать природе такие вопросы, которые раньше имели отвлеченный характер, но главное, открылась возможность получать достоверные ответы на эти вопросы. Революционное движение реформации привело к победе идеи о духовном и политическом равенстве, а протестантская этика прочно ввела в общественное сознание понимание деятельного труда как добродетели. В результате сложились условия и предпосылки для научной революции, развернувшейся в XVI–XVII в., с формированием таких норм и идеалов научности, для которых главным стал принцип непротиворечивости, проверяемости теорий посредством опыта (эксперимента). Тогда же начался процесс математизации естествознания. Европейская научная революция осуществлялась усилиями многих интеллектуалов, среди которых возвышаются имена Николая Коперника, Иоганна Кеплера, Галилео Галилея, Исаака Ньютона и др. Классическое естествознание получило методологическое оснащение трудами Френсиса Бэкона, Рене Декарта и Готфрида Вильгельма Лейбница. Наука, научное знание, воплощенные в новые технические средства, становились мощной, действенной силой в экономических преобразованиях.

Россия развивалась в стороне от европейской интеллектуальной революции, хотя в Москву, конечно, доходили отзвуки ее, но с огромным опозданием и неосознанием значимости происходившего. В допетровской Руси собственной науки – естествознания не было. Разумеется, на протяжении всего периода исторического существования накапливались позитивные знания о природе, развивались технические навыки и технологии, передаваемые как в устной традиции, так, отчасти, в рукописных рецептурных пособиях и учебниках, не выходивших за границы коммерческих и налоговых задач, а также геометрически-землемерных правил.

В допетровской Руси, и не только в Москве, появлялись пытливые и талантливые люди, способные к научному творчеству, но для реализации их интеллектуального потенциала необходимых условий практически не существовало. Выбор путей был крайне скуден и ограничен. К примеру, М.В. Ломоносов мог и почти стал в 1734 г. священником «Оренбургской экспедиции» И.К. Кирилова. Если бы не было к тому времени в Санкт-Петербурге Академии наук, которая, выполняя заветы своего основателя, озаботилась пополнением своих рядов из среды «природных» россиян, то трудно представить, как бы могла сложиться дальнейшая судьба Ломоносова. Можно вспомнить и таких самородков – первых [членов-]корреспондентов Императорской Академии наук как оренбуржец Петр Рычков, с котором связано становление отечественной научной регионалистики, или – холмогорский гражданин историк Василий Крестинин. Оба они состоялись как исследователи благодаря существованию и поддержке Академии наук.

Петровские реформы в области образования и науки без преувеличения можно считать началом целенаправленной политики с постепенно оформившейся

Рис. 1. Петр Великий. 1717 г.

программой внедрения науки в России. В начале реформ царь Петр не имел отчетливых представлений о сущности современной науки – научном методе, научной практике и, тем более, о самой профессии ученого–исследователя. Но, несмотря на нехватку образования, Петр I довольно рано уяснил связь научно-технического прогресса, просвещения с благосостоянием государства и его безопасностью. Впервые он получил возможность непосредственно и реально соприкоснуться с европейской наукой во время первого заграничного путешествия – «Великого посольства» 1697–1698 гг.[5].

Если ставить задачу последовательно прослеживать хотя бы основные линии, приведшие к заведению Академии наук, то обязательно следовало бы говорить о преобразованиях в области общего и специального образования разного уровня. Без школы как системы по получению знаний, как места производства профессиональных кадров ни о каких реформах научно-просветительского характера и речи быть не могло. Потребность в добротных кадрах, в разнообразных специалистах постоянно возрастала, и удовлетворить ее было невозможно только за счет приглашения таковых из-за рубежа; нужны были специализированные школы. Практика отправления российских юношей для обучения за рубеж в петровскую эпоху в сравнении с предшествующим периодом стала носить массовый характер, но все равно была недостаточна в соизмерении с государственными задачами. Это не позволяло компенсировать отсутствие собственной государственной школьной системы. Петр I в условиях дефицита времени и необходимых ресурсов предпринимал всевозможные усилия для того, чтобы коренным образом изменить ситуацию. Я не стану повторять хорошо известные факты о роли Навигацкой школы, о формировании Московской инженерной школы, гимназии И.Э. Глюка, о Медицинской школе при Московском госпитале под управлении доктора медицины Николая Бидлоо, о горных школах при горнодобывающих заводах, о том, как Московская типография, руководимая сподвижником Петра I И.А. Мусиным-Пушкиным, впервые стала выполнять также задачи светского книгопечатания и т.д.

Царь Петр придавал огромное значение организации переводческой деятельности и стал подлинным создателем в России основ библиотеки научной литературы. Совместно с Я.В. Брюсом Петр I лично занимался отбором для перевода на русский язык не только классических античных текстов, но и трудов западноевропейских ученых нового времени. [Рис. 2] Важнейшим рубежным событием в научном книгоиздании, сигнализирующим о новом понимании сути и задач научного познания, свидетельствуют публикация в 1718 г. в Москве классического ученого трактата основоположника современной научной географии Бернхарда Вариниуса «Всеобщая география» и, годом позже, – популярнейшего учебника Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание»[6]. [Рис. 3]

В том же контексте определения важнейших этапов на пути к науке нужно было бы подробно говорить о развитии географических знаний в петровскую эпоху, о первых экспедициях, об усилиях в области геодезии и картографии, о формировании музейных и книжных коллекций и учреждении Кунсткамеры и будущей Библиотеки Академии наук…

В период 1717–1719 гг. наметился хорошо видимый переход от утилитарно-прикладного характера освоения европейского научно-технического опыта к его основам – фундаментальной науке. В этот период активизировалась экс-

[5] Подробнее см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

[6] *Илизаров С.С.* Петр Великий и начало русского научного книгоиздания (к 300-летию публикации на русском языке «Географии генеральной» Бернхарда Вариниуса) // Библиография. 2018. № 4 (417) С. 88–99.

педиционная деятельность, причем отправлялись отряды не только для выполнения геодезических и картографических работ, но и с чисто научными заданиями. До Камчатских экспедиций наиболее ярким и результативным стало путешествие доктора Д.Г. Мессершмидта в Сибирь. Только в последнее время по прошествии 300 с небольшим лет результаты экспедиции Мессершмидта стали у нас активно вводиться в научный оборот[7]. Исключительно важным событием для развития культуры и науки в Росси явилось второе заграничное путешествие Петра I в апреле–июне 1717 г.[8]. Не следует забывать также, что с 1697 г. и до своей смерти в ноябре 1716 г. гениальный ученый и мыслитель Г.В. Лейбниц, выдающийся знаток устройства и организации работы европейских университетов, академий и научных обществ, был постоянным советником и корреспондентом Петра I.

В начале реформ, в 1697 г. Лейбниц через близкого Петру I Лефорта формулировал первоочередные задачи, стоящие на пути модернизации России: 1. основать центральное учреждение для наук и искусств; 2. привлечь способных иностранцев; 3. выписать из-за границы «такие вещи, которые стоят этого»; 4. посылать подданных путешествовать, приняв надлежащие предосторожности; 5. просвещать народ у себя дома; 6. составить точное описание страны, чтоб узнать ее нужды; 7. доставить ей то, чего ей недостает[9]. В своих записках к царю Лейбниц не просто выдвигал идеи открытия в России университетов и академий, а предлагал широкую программу культурных преобразований и создания в стране особого органа по централизованному управлению науками и художествами, по контролю за деятельностью учебных заведений всех уровней (от высших до низших), за книгоизданием, цензурой, регулированием переводческой деятельности и пр.[10].

Вопрос, стоявший перед Петром I о том, каким образом совершать в России «научную прививку», упирался в логически нерешаемые проблемы. Вроде бы логика и опыт других стран подводили к заведению первоначально высшего учебного заведения, то есть университета, тем более что в этом отношении имелся собственный прецедент в лице Славяно-греко-латинской академии в Москве. Многие из числа тех, с кем царь обсуждал этот вопрос, давали именно такой совет. Но наблюдательный Петр I не мог не знать, что на смену европейских университетов, издавна контролируемых церковью, в XVII в. возникли новые центры исследований, новые прогрессивные формы объединения научных сил и коммуникаций в виде академий и научных обществ. Именно в них реализовались мечты и идеи европейских мыслителей и ученых, в наилучшей форме текстуально оформленных Ф. Бэконом, о таком свободном объединении, где развивались бы отношения сотрудничества и дискуссий между философами и экспериментаторами, между механиками и техниками, то есть, как тогда говорили, речь шла об объединении наук и художеств (ремесел и прикладных знаний) без национальных и государственных ограничений. Собственно, именно рождение в ряде европейских стран новой опытно-экспериментальной науки (естествознания) и привело к образованию академий и научных обществ как наилучшей формы организации ее деятельности. По своей природе научные корпорации и ученые заинтересованы в расширении сообщества, и потому в Европе с огромным энтузиазмом наблюдали за усилиями и действиями Петра I. Однако в Европе все академии представляли свободное объединение ученых без

[7] Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / Сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общей редакцией Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019.

[8] *Мезин С.А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015.

[9] *Герье В.* Отношения Лейбница к России и к Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 16.

[10] *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 34.

какого-либо финансового содержания со стороны государства. Максимум что предоставляло государство, если правящий монарх брал под свое покровительство такое объединение, это почтовые, издательские и т.п. льготы. Единственное исключение являла Парижская академия, в которой штатные члены (20 пенсионеров) получали не очень большое денежное вознаграждение, то есть они, в какой-то мере становились государственными служащими[11], и, следовательно, научная деятельность обретала формы особой профессии. Понятно, что в условиях тогдашней России открываемая Академия могла иметь только государственный характер и финансироваться исключительно за счет государственных средств. Отсюда интерес, проявленный Петром I к системе управления и принципам организации Парижской академии наук[12]. Другая проблема – это отсутствие в России собственных специалистов, которые могли бы наполнить стены создаваемого государственного учреждения, тех, кто мог заместить соответствующие специальности и исследовательские направления.

К 1721 г. идея будущей академии обрела общие очертания[13], о чем свидетельствовали цели и характер действий И.Д. Шумахера, отправленного Петром I в длительную заграничную поездку. За полтора года царский библиотекарь посещал и внимательно изучал устройство научных учреждений, библиотек и музеев Франции, Ан-

[11] *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII в.). Л.: Наука, 1974. С. 109, 129.

[12] В Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств, составленном Л.Л. Блюментростом по предначертанию императора, содержится прямая отсылка к опыту Французского королевства: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть». См.: Уставы Российской академии наук. М.: Наука, 1999. С. 41.

[13] Детали и обстоятельства того, как шло формирование у Петра I идеи Академии, отражены в монографии Ю.Х. Копелевич «Основание Петербургской академии наук» (1977), лучшей из всей литературы по ранней истории Академии.

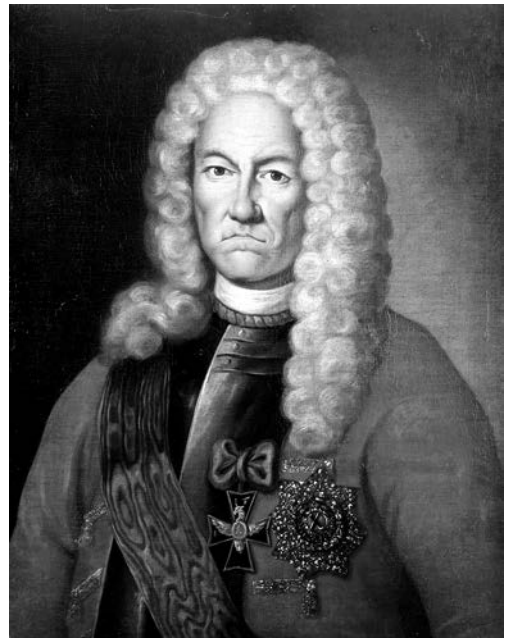


Рис. 2. Я.В. Брюс.

Рис. 3. Б. Вариниус. География генералная. М., 1718. Титульный лист.

Рис. 4. Л.Л. Блюментрост – первый президент Императорской Академии наук.

глии, Германии и Голландии, закупал различное оборудование для физических опытов, чертежи машин и инструментов, а также вел переговоры с рядом ученых об их переезде на работу в Россию. Вернувшись из поездки, Шумахер представил детальный отчет[14]. После завершения Каспийского (Персидского) похода Петр I выслушал в начале 1723 г. доклад И.Д. Шумахера, ставший основанием для приказа лейб-медику Л.Л. Блюментросту представить проект Академии. Тут же активизировалась работа русских дипломатов по приглашению в Санкт-Петербург ученых.

Учреждая Санкт-Петербургскую академию наук, Петр I опирался на весь свой государственный опыт с учетом потребностей и возможностей государства, но без прямого калькирования зарубежных образцов. Значение Академии подкреплялось тем, что она занимала особое место, находясь исключительно в ведении императора «яко протектора». По замыслу императора, создаваемая Академия наук не должна была повторять ни одну из западноевропейских. Да это и в принципе было совершенно невозможно. Как уже говорилось, в России, в отличие от многих европейских стран, к моменту основания Академии не было ни университетов, ни научных обществ. Учитывая это, Петр I, основывая Академию наук, формулировал широкие задачи, в которые включались практически все виды научно-технического обслуживания государства. [Рис. 4]

Отсутствие научных традиций и многие сложные проблемы, которые стояли перед императором при заведении высшего научного учреждения, отражены в проекте положения 1724 г. об учреждении Академии, составленном Л.Л. Блюментростом по замыслу Петра I. «Проект об учреждении Академии наук и художеств» был 22 января 1724 г. рассмотрен и одобрен Сенатом. Хотя он и не имел статуса официально утвержденного государственного акта, вплоть до 1747 г. являлся главным документом, регламентирующим деятельность Академии. В «Проекте…» отмечалось, что можно завести академию для производства и преумножения научных знаний, однако они не скоро в народе «розплодятся». Если же учредить сначала не академию, а университет, размышлял законодатель, то глядя на состояние государства «как в розсуждении обучающих, так и обучающихся» толку от этого будет еще меньше, поскольку не существует еще ни школ, ни гимназий, ни семинарий, в которых бы молодые люди могли получить начальное образование и далее следовать выше по градусам наук[15]. [Рис. 5] По этой причине при Академии наук организовывались университет и гимназия. Академики должны были развивать науки и обучать студентов университета, а те в свою очередь, получая государственное жалование, должны преподавать в гимназии. Таким образом, с малыми издержками и, как рассчитывал реформатор,

[14] Текст опубликован в: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 533–558.

[15] Уставы Российской академии наук. М.: Наука, 1999. С. 40.

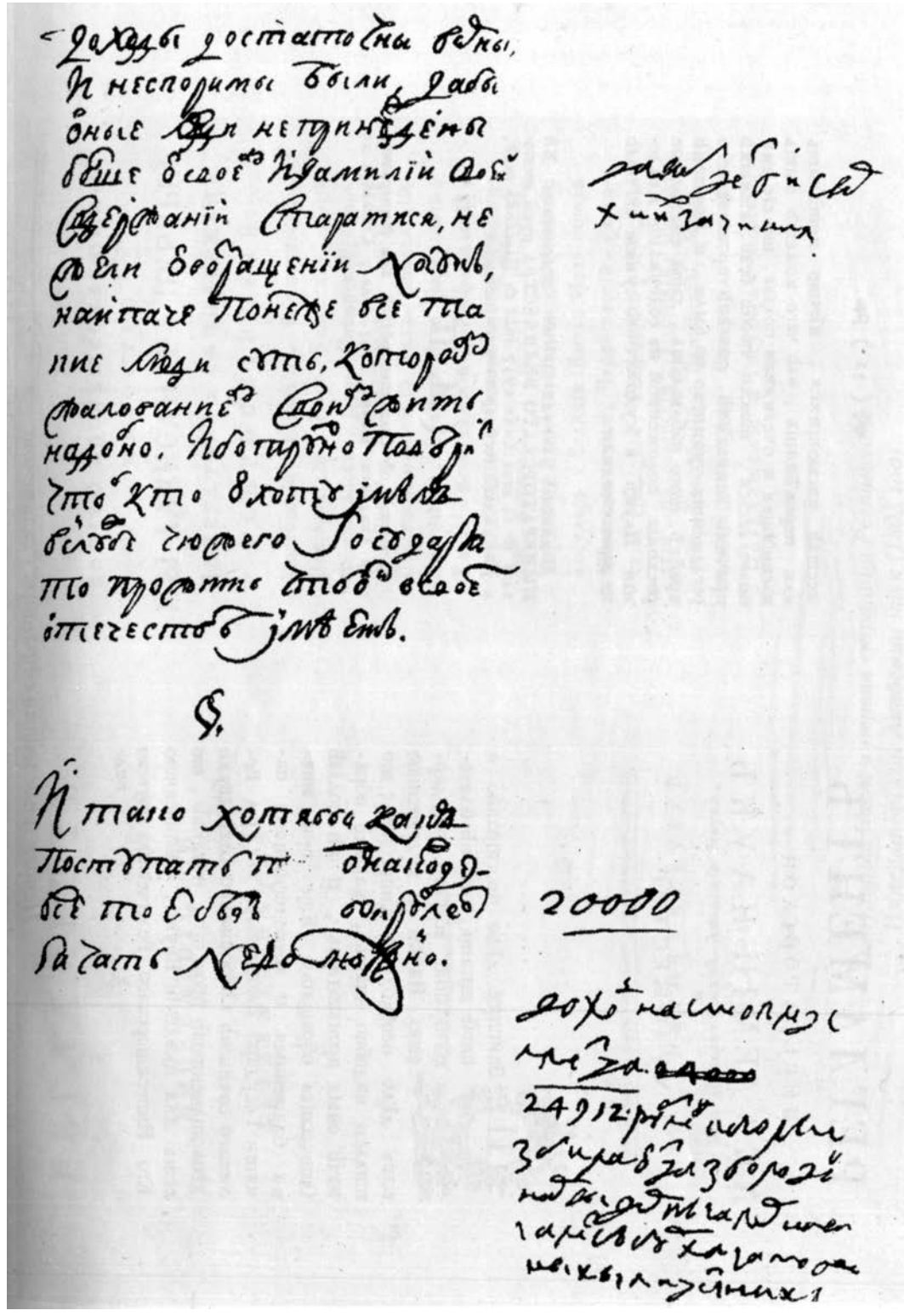


Рис. 5. Проект Положения об учреждении Академии наук 1724 г. с собственноручной правкой Петром I (справа).

с великою пользою в России создавалось одновременно и в одном учреждении то, что в других государствах существовало в трех различных видах. Так впервые в Европе реализовывалась идея государственного научно-учебного центра, в котором бы в едином комплексе существовала Академия – как фундаментальный научно-исследовательский центр, Университет – как высшее учебное заведение, и Гимназия – как среднее учебное заведение. Весь этот комплекс, обслуживаемый одним штатом, дополнялся вспомогательными структурами – Библиотекой, Обсерваторией, Кунсткамерой, лабораториями и т.д. [Рис. 6]

Первый историограф Академии наук академик Г.Ф. Миллер, разбирая и анализируя проект академического регламента, писал: «Таков был смысл императорского установления, которое одновременно можно рассматривать как завершение всех предприятий, совершенных величайшим из монархов на благо своей империи. Твердое основание Академии было заложено на благо России»[16].

Специфика российского государственного устройства и традиции развития культуры и образования привели к тому, что члены Императорской академии наук оказывались по своему положению государственными служащими, профессиональная научно-исследовательская и учебная деятельность которых, достаточно строго регламентированная, оплачивалась государством.

Заполнение первых академических вакансий проходило по строгим критериям, в результате чего были приглашены действительно крупные иностранные ученые: математики Леонард Эйлер, Николай и Даниил Бернулли, Хр. Гольдбах, астроном и географ Ж. Делиль, физик Георг Вольфганг Крафт, историки Теофил Зигфрид Байер, Герард Фридрих Миллер и др. Многие из них, в том числе Л. Эйлер, Д. Бернулли, Г.Ф. Миллер как ученые сформировались именно в период работы в России. Так по первому петровскому набору в русскую Академию попали европейские ученые высокого класса. Они были носителями вполне определенных и признанных в Европе норм, ценностей, социальных и культурных стандартов и ориентаций. Это были люди, которые либо уже имели научные заслуги, либо прошли очень хорошую выучку, профессиональную школу. Приехавшие в Россию иностранцы были не просто носителями знаний, воодушевленные обещанными приличными гонорарами, они были одержимы идеей познания, вдохновлены мечтой создания республики ученых, в данном случае в юной Российской империи. Это были люди, знавшие как получать научное знание, как организовать работу; они владели самым на то время современным методом научной работы, методом организованного дисциплинарного получения знаний. Им, по приезде в Россию, ничего не надо было объяснять (кроме некоторой специфики быта и системы внутрикорпоративных взаимоотношений и более широких – на городском пространстве Санкт-Петербурга); они могли сразу же приступить к выполнению своих функций. Некоторые из приезжавших везли с собой обширные исследовательские программы, специально подготовленные для России, как, например, академик Ж.Н. Делиль с программой астрономических исследований, предполагавшей постройку и оборудование обсерватории, и обучения первых русских астрономов. Европейские ученые несли с собой в Россию устойчивые международные научные связи, столь необходимые для нормального состояния науки в стране и быстрого вхождения Санкт-Петербургской академии в мировое научное сообщество.

Европейские специалисты приезжали в Россию имея контракт, согласно которому они обязывались передавать-транслировать свои умения и знания другим. Для некоторых из приезжавших эти обязательства были обременительны, но для

[16] *Миллер Г.Ф.* История Императорской Академии наук… С. 493.

Рис. 6. Вид Кунсткамеры. 1730-е гг.

многих стремление к просвещению, желание рекрутировать в свою корпорацию новых сочленов было абсолютно естественным состоянием. Немногочисленная группа санкт-петербургских академиков имела согласованность установок, своего рода профессиональный консенсус.

Летом 1724 г., когда полным ходом шла подготовительная работа, знаменитый нидерландский анатом Фредерик Рюйш, лекции которого более четверти века тому назад слушал молодой русский царь, и анатомическая коллекция которого стала системообразующим ядром Кунсткамеры, писал Л.Л. Блюментросту, что видит в открываемой Академии наук венец завоеваний Петра I[17]. [Рис. 7]

Император Петр Великий не дожил до открытия Академии наук. 28 января 1725 г. скончался, но спустя десять месяцев – 2 ноября 1725 г. состоялось первое зафиксированное в протоколах Конференции научное заседание. Тогда же в ноябре 1725 г. императрица Екатерина I подписала «Указ господам сенату. ….Мы же в сем деле положенные руды Е. И. В., блаженныя и вечнодостойныя памяти, желая произвести в действо, для пользы государства нашего, оную академию наук ныне, на основании, учиненным от Е. И. В., и в ней президента, лейб-медикуса нашего Лаврентья Блюментроста, определили. И сей указ велите в народ публиковать, дабы о той академии всяк ведал, и имели б тщание отдавать в разныя науки детей своих и свойственников. А каким образом оные ученики будут в той академии содержаны, и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особый регламент»[18].

[17] *Невская Н.И., Копелевич Ю.Х.* На пути к созданию Академии наук // Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. С. 34.

[18] Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 158–159.

Рис. 7. Екатерина I. 1717 г.

27 декабря 1725 г. в присутствии Двора, дипломатического корпуса и прочих «наиболее знатных особ петербургского света» состоялось первое публичное заседание Императорской академии наук[19].

[19] *Миллер Г.Ф.* История Императорской Академии наук… С. 483.

А.А. Богомазова

К ВОПРОСУ О МОРСКОМ ФЛОТЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Морской флот Соловецкого монастыря, начав свое становление, вероятно, во второй половине XV в., значительно возрос при игумене Филиппе (Колычеве) в середине XVI в. и достиг своего расцвета в 30-40-е гг. XVII в. В 1632–1640 гг. в самой обители (на Соловецких остовах) находилось 76 судов: 23 самых крупных, грузовых судна – лодьи (в 1645 г. их 20), 13 сойм и 40 карбасов (в 1645 г. 20 лодий, 10 сойм и 40 карбасов)[1]. Еще около 10–15 лодий в это время использовались в монастырских солеваренных промыслах по берегам Белого моря. Таким образом, каждый год в монастыре должно было быть 30–38 лодий на ходу, более 13 сойм (13 в монастыре и, вероятно, несколько – в усольях), и 60–80 карбасов (40 в монастыре и еще как минимум 20–40 в промыслах, хотя их могло быть гораздо больше)[2].

Уже в 60-е гг. XVII в. количество лодий в монастырском хозяйстве уменьшается. До нас не дошли отводные книги монастырского имущества за этот период, и мы можем судить об этом явлении лишь по косвенным данным. В начале 60-х гг. XVII в.[3] архимандрит Соловецкого монастыря Варфоломей просил архимандрита Крестного Онежского монастыря Сергия продать несколько лодий Соловецкому монастырю и велеть своим крестьянам делать лодьи для Соловецкой обители по найму. Соловецкий архимандрит объясняет свою просьбу: «у нас лодьи поиздержалися, а иные на море Божиим посещением побило, а которые лодьи и остались, и те гораздо ветхи»[4]. Уменьшение количества лодий мы наблюдаем и в материковых промыслах Соловецкой обители. В 60-е гг. в XVII в. мы больше не видим лодий в Куйском, Унежемском и Виремском усольях, хотя в начале XVII в. в этих усольях было как минимум по одной лодье[5].

Основными источниками по истории флота Соловецкого монастыря последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. являются описи обители 1676 и 1705 гг., отводные книги карбасной службы 1697 и 1717 гг. и других служб, а также отводные книги монастырских материковых служб и промыслов, вкладная книга Соловецкого

[1] Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Ед. хр. 137. Л. 186; Ед. хр. 141. Л. 213; РГАДА. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 197; Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 138 (врем. номер). Л. 189 об.

[2] *Богомазова А.А.* Морской флот Соловецкого монастыря в XVI – начале XVIII в. // Студеное море – северные рубежи. М., 2019. С. 32–38; Она же. Морское хозяйство соловецкого монастыря во второй половине XVI в. – 70-х гг. XVII в.: дис. …канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2021. С. 263–264.

[3] Письмо не датировано. Известно только, что оно было написано 18 ноября (РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI – XIX вв.). Оп. 5. Ед. хр. 254. Л. 1). Поскольку Варфоломей был архимандритом Соловецкого монастыря с февраля 1660 г. по июнь 1667 г., а Сергий – архимандритом Крестного Онежского монастыря с марта 1658 г. по июль 1662 г., то письмо могло быть написано в ноябре 1660 или 1661 гг. (См.: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 817, 818).

[4] РГАДА. Ф. 1455. Оп. 5. Д. 254. Л. 2, 3.

[5] *Богомазова А.А.* Морское хозяйство соловецкого монастыря во второй половине XVI в. – 70-х гг. XVII в. С. 214–218, 228–229, 233–236.

монастыря XVIII в., записные книги наемных работников, оценная роспись лодьи 1691 г., кортомная запись на лодью 1725 г.[6]

В последней четверти XVII в. для соловецкого флота начинаются тяжелые времена. Согласно описной книге Соловецкого монастыря, составленной князем В.А. Волконским и дьяком Алмазом Чистым, после подавления восстания (1667–1676 гг.) в июне 1676 г., монастырь располагал шестью лодьями (с лодейными снастями), двумя соймами с соемной верховой снастью, восмью карбасами «весновальскими»[7], четырьмя карбасами нерполовными с карбасною снастью и двумя карбасами тонными[8]. В описи 1676 г. впервые оговаривается, что учитываются морские суда не только, находящиеся в данный момент в монастыре на острове, но и ушедшие «в путь»: «Саловецкого ж монастыря шесть лодей. И из них одна в Сумском остроге, другая на Онежском устье»[9].

К концу XVII в. количество морских судов в монастыре возрастает и, хотя и не достигает максимальных величин середины XVII в., но значительно увеличивается по сравнению с 1676 г. Согласно отводной книге монастырской карбасной службы, составленной в ноябре 1697 г., в монастыре было пятнадцать новых и старых лодий («в них одна сойма потаповская») «со всякою лодейною снастию»[10]. Ещё три лодьи «были отпущены на берег»: на Онегу, в Суму и в Сороку. Также в монастыре было две соймы: гридинская[11] и «вонская»[12], две ветхие соймы, «что за губою стоят». В описи подробно перечислены небольшие суда: «В сарае 2 судна торосовых[13] новых с сопцами и с веслами подужемского шитья. Да судно торосное старое, что ходит с архимандритом на торас. Да новой покупки три судна пятинабойных[14] подужемского[15] шитья, да два судна новых пятинабойных монастырьского шитья. За сараем судно езжалое болшое Павлово, что был протопоп. Два судна торосных со снастьми вкладных Китаева да шурецкое. Дватцать судов езжалых всяких и весновских. Архимандричей карбас болшей с полубами. Да ево же другой карбас некрытой весновской. Оба со всею древянною снастию. Против святых ворот судно езжалое, да шняка, что ездят стрелцы в подъезд»[16]. Да были отпущены на берег: большой карбас, что ходит с архимандритом, – Неноксу с прежним карбасным старцем Игнатием; весновский большой карбас – в Кемь; другой весновский большой карбас – в Суму с сумским стрельцом. Два карбаса были выданы «по памяти»: 1) керечанину Ромашке Кухкоеву карбас штинабойной торосовой с парусом и с поводцом и со всею снастию; 2) шуречанину Нефедку карбас с сопцом, «а снасти в том карбасе нет»[17]. Таким образом, в ноябре 1697 г. в Соловецком монастыре было 18 лодий, 5 сойм (одна среди лодий), 39 карбасов и «судов»

[6] РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 138, 145, 305, 313, 323, 329, 358, 362, 437, 555, 873; Оп. 5. Ед. хр. 700, 736, 744 б, 1073; Оп. 7. Ед. хр. 356 (врем. номер), 369 (врем. номер), 371 (врем. номер); Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1403, Инв. № Рук. – 1404; *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу, переписав, что есть налицо лодей и карбасов, и лодейных снастей». Отводная книга карбасной службы Соловецкого монастыря. 1697 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 175–185.

[7] Весновальные («весновские», «весновальские») суда предназначались для веснования – весеннего промысла тюленя; тонные карбасы использовались для рыболовного промысла (тоня – рыболовецкое угодье).

[8] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 591–592.

[9] Там же. Л. 591.

[10] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу, переписав, что есть налицо лодей и карбасов, и лодейных снастей». Отводная книга карбасной службы Соловецкого монастыря. 1697 г. С. 180.

[11] Гридино – село на берегу Белого моря в устье р. Гридины. Ныне входит в состав Кемского района Республики Карелия.

[12] Вонга (Воньга) – рыболовный промысел Соловецкого монастыря. Ныне деревня в Кемском районе Республики Карелия.

[13] Предназначенных для хождения во льдах (по торосу).

[14] Набои – доски обшивки.

[15] Волостка Подужемье, недалеко от Кеми, в которой располагался один из рыболовных промыслов Соловецкого монастыря, славилась своими мастерами – корабелами.

[16] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу, переписав, что есть налицо лодей и карбасов, и лодейных снастей». Отводная книга карбасной службы Соловецкого монастыря. 1697 г. С. 182.

[17] Там же.

(5 судов торосовых, 5 судов пятинабойных, 22 судна езжалых, 7 карбасов) и одна шняка. По сравнению с предыдущей описью карбасной службы, «в лишке» оказалось 6 лодий и 10 езжалых судов[18].

К началу XVIII в. количество морских судов на Соловецких островах вновь упало. По описи Соловецкого монастыря 1705 г., составленной дьяком Карпом Андреевым, в обители числилось: «под монастырем ж на морской губе и в отпусках в морские рыбные промыслы и в усолья с хлебными запасы и на Двину на вологоцких судах одиннатцать лодей да сойма новых и ветхих со всею лодейною верховою и водяною всякою полною снастью с парусами и с шеимами и с якорями. Две соймы малые со всею ж снастью. Две шлюпки архимандрических, дватцать карбасов болших и малых новых и самых ветхих»[19].

Известны описания оснащения некоторых соловецких лодий 90-х гг. XVII в. В июне 1691 г. монастырь дал церковному старосте Никифору Пашину с товарищами из Сумского острога лодью для перевозки извести: «на лето на воску известную» до Покрова Пресвятой Богородицы[20]. При передаче лодья и все предметы, составлявшие оснащение, были оценены. За аренду жители Сумского острога не платили, но в случае невозвращения лодьи в срок или при утрате оснащения они должны были бы возместить стоимость лодьи с оснащением или стоимость утраченного оснащения соответственно. На лодье находился образ прпп. Зосимы и Савватия («писан краска[ми]») и резной крест. Из оснащения в оценной записи названы парус и повой парусный, верховая снасть, то есть такелаж: 30 ног[21] становых, 5 ног переметных, два дрога[22]. На лодье было три шеймы[23]: шейма становая, шейма ветхая и шейма метная ветхая; четыре завоза[24] держаных, четыре якоря, общий вес которых составлял 15 пуд 20 фунт. Кроме того, на лодье были 2 матки (компаса) «под слюдой», большой фонарь, две бочки. Из «железной снасти», то есть инструментов и запасных железных деталей, названы «напарья болшая да напарья средняя, да напарья малая, да долото, да скобель, да багай, да лопатка железная конопная, молот одноручной, спица рощелная, две спицы чищелные, кокот, пять гвоздей порубенных, десять гвоздей однотесных да десять гвоздей двоетесных, да сто скоб, крюк ноговой, колцо лодейное». Перечислены также предметы бытовой обстановки: два ветхие котла с дугами красной меди весом 8 фунт, ставец, братина, два блюда, шесть рогож держаных, ушат, два ведра. Сама лодья стоила 15 руб., вместе же с оснащением ее стоимость возрастала до 72 руб. 23 алт. 4 ден. Вместе с лодьей был отдан и павозок.

В 1692 г. кемлянка Устина Иванова дочь Никифорова жена Лопинцова с сыном Федором дала в монастырь вкладом «по муже своем» «в вечное поминовение» лодью «со всею снастью»: завозами, якорем и парусом стоимостью 110 руб. 8 алт. 2 ден.[25]

В 1699 г. каргопольцы Андрей Евсеев и его сын Иван дали в монастырь вкладом

[18] Там же. С. 182–183.

[19] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 338 об.

[20] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1.

[21] Ноги – ванты, снасти, с помощью которой крепится мачта.

[22] Дрог – снасть для поднятия паруса или рея (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 40).

[23] Шейма – канат.

[24] Завоз – канат для тяги судна завозным якорем. Завозной якорь (завоз) – ходовой якорь с длинным канатом, опускаемый впереди судна, использовался для снятия судна с мели (Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 156; *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». М., 2004. С. 55).

[25] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1403. Л. 658 об.

лодью онежского дела[26]. Во вкладной книге сохранилось описание оснащения судна, в том числе отмечена икона: «образ Спасителев в трех лицах». Указано так же, что «на дереве лодейном прапореч белого железа, на нем написан крест Господень»[27]. Из оснащения названы снасти варовые: 12 ног ложечных, волынка, 6 ног перемедных с векшами[28]…, 2 дрога, векша большая с петлею, парус холщевый подержанный с буглинами, буглина окольная 22 сажени, векша, веревка роковая, счетки 12 сажен, возжи[29] парусные 25 сажен; водяная снасть: якорь большой весом 7 пуд, якорь весом 4 пуда, якорь весом 2 пуда, шейма большая запасная, другая шейма метная толстая, конец шеймы мерою 27 сажен, завоз 170 сажен, в трех концах завозов 150 сажен, завоз 50 сажен, тонких веревок 50 сажен. На лодье была матка (компас) «в станку под стеклом», фонарь большой слюдяной («станки деревяные»); запасные детали судна: деревяной снасти 2 петли сопцовых простых, 3 колеса векошных; две пустых бочки, ушат, «батья» липовая, ставец, блюдо, топор[30].

Помимо сведений о морских судах, находившихся в самом монастыре, в документах Соловецкой обители есть сведения о наличии судов в материковых службах и промыслах[31]. Так, например, в 1680 г. в Умбской волости, где располагались монастырские рыбные промыслы, были два карбаса болших весновских, карбас ветхий весновский, семь карбасов ловчих тонских; в 1688 г. – четыре карбаса ветхих и два карбаса больших[32].

В 1689 г. в Сумском остроге было весновское судно «со всею снастию и с парусом» и лодейный павозок, в 1691 г. – весновское судно со снастью и парусом, лодейный павозок и малый езжалый карбасок[33]. Отводные книги Смуского острога 1695 и 1696 гг. называет ветхий весновский карбас, одновесельный неводный карбасок и лодейный павозок, а отводная книга 1698 г. – те же суда и двоевесельный новый карбас покупки прежнего приказного соборного старца Ионы[34].

В Лудском усолье в 1699 г. были лодья со снастью, судно весновское ветхое, два карбаса неболших ветхих; держаный торосовый карбас покупки старца Петрония, на Летнем берегу в Яреньге карбас тонской Крестовой тони. В отводной книге Луды отмечено, что на лодье были три иконы: Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца и прпп. Зосимы и Савватия, «все ветхие на красках», два больших якоря, якорь завозной, две больших шеймы, два завоза, два дрога, парус, пять ног переметных, одиннатцать ног ложечных, веревки коньковая[35] и подборная, шейма метная, две матки[36].

В Унежме в 1699 г. находился карбас торосный «старого отвода», карбас ловецкий малый, карбас болшей весновской (отведен без цены), шняка мурманская «в полдерш» покупки старца Садофа[37].

[26] По месту изготовления лодьи делились на «двинянки» и «онежанки» (или «корелки»).

[27] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук.–1403. Л. 403.

[28] Векша – блок.

[29] Возжи – брасы, снасти, с помощью которых реи поворачивали в горизонтальном направлении.

[30] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук.–1403. Л. 403 – 403 об.

[31] Количество морских судов в вотчине Соловецкого монастыря в конце XVII – начале XVIII в. требует дополнительного изучения.

[32] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 369 (врем. номер). Л. 6 об.; Оп. 7. Ед. хр. 356 (врем. номер). Л. 7 об.

[33] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 10 об.; Оп. 1. Ед. хр. 323. Л. 14.

[34] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 16; Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 18 об.; Оп. 1. Ед. хр. 362. Л 19.

[35] Коньковая – служащая для опускания паруса веревка, которая прикреплялась к раксе (железное или веревочное с деревянными цилиндрами кольцо, на котором рея скользит по мачте) (*Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 146).

[36] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 371 (врем. номер). Л. 22 об.–23.

[37] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 744 б. Л. 15 об.

«Своей» усольской лодьи не было в 1680-е – 1690-е гг. и в Колежме. В 1687 г. усолье располагало карбасами и павозками: очень ветхий маркеловский весновский карбас (отведен без цены), очень ветхий карбас, купленный старцем Стефаном у Якова Титова (на котором все же «ездить на силу мочно»), ветхий торосный карбас покупки старца Иезекиля у Вахутиных, небольшой подержанный карбас покупки старца Иезекиля у Давыда Клекачева, весновский карбас «немного подержан, дву вод» с парусом и со всей снастью, но без якоря, «Исакиевой покупки на Онеге», а также павозок покупки старца Никодима у Григория Реткина, лодейный павозок покупки старца Исакия «держан» и ветхая барка «на розсечку»[38]. В 1695 г. в усолье имелись подержанный весновский карбас «пяти вод» с парусом и со всею снастью, без якоря; новый шестинабойный павозок покупки старца Варсонофия, его же покупки новый пятинабойный карбас, а также двоенабойный «карбасок двух вод» на озере, троенабойный «карбасок» покупки старца Иллариона, «а что прежных в отводных два карбаса Езекилевской да Вахутинской, а третей павозок старой, и те карбасы в отвод не отданы, что стали гораздо ветхи»[39]. В 1694 соль из усолья в Курескую службу (в Курью, под Холмогоры, где находилась складская база Соловецкого монастыря) отвезла поньгомская лодья, в 1695 г. – монастырская[40].

Как видим, под 1694 г. упомянута лодья Поньгомского усолья, на которой соль из Колежмы была доставлена в Курью.

В 1700 г. в Летнерецком усолье новому приказному старцу были отведены лодья держаная со снастями (ее новый приказчик слуга Михаила «в отвод не принял, осталась без цены»), а также карбасы: карбас паромный покупки старца Ерофея, три карбаса малых ветхих, два судна: одно семинабойное, а другое пятинабойное, судно большое паромное шестинабойное покупки старца Алексея, павозок покупки старца Алексея, два новых езжалых карбаса покупки старца Алексея, карбас лодейный покупки старца Алескея, карбас двунабойной весновской с нашвами, большее ветхое весновское судно. В 1701–1705 гг. соль из Летнерецкого усолья в Курью и монастырь перевозили монастырские лодьи и один раз в 1704 г. вонская сойма[41].

К концу XVII в. относятся наиболее ранние сохранившиеся записные книги наемным работникам, в том числе и кормщикам, Соловецкого монастыря: «Книги записные лодейным кормщиком, и плотником, и черным работным людем в монастыре и в Сумском остроге, и в Кемском городке, и в Пертеми» 1690–1694 гг. и «Книги Соловецкого монастыря всяких трудов наемным людем» 1695 г. (два листа с перечнем нанятых кормщиков)[42]. 19 мая 1690 г. в монастыре и Сумском остроге было нанято девять кормщиков, 30 мая 1691 г. – четыре, 26 мая 1692 г. – пять, 1–19 июня 1693 г. – четыре, 1 мая 1694 г. – семь (из них шесть – стрельцы), 3 июня 1695 г. – десять кормщиков (девять из них – стрельцы). Таким образом, кормщиков, как и других работников, нанимали в конце мая – начале июня. Некоторые люди служили в монастыре кормщиками несколько лет подряд, например, сумлянин Михайло Москвин (Михайло Петров сын Москва). Кормщики, нанятые в 1694 г., были наняты и в 1695 г.

Только в записной книге наемным кормщикам 1695 г. отмечено, был ли тот или иной кормщик стрельцом. Можно предположить, что и ранее эти люди были

[38] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 700. Л. 25 об.–26.

[39] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 736. Л. 28 – 28 об., 46 об.

[40] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 726. Л. 3–3 об., 7, 8 об.

[41] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 189 об. – 190, 191, 202; Оп. 1. Ед. хр. 437 б. Л. 17–19 об.

[42] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 313, 358.

стрельцами. В 1694 г. шесть из семи нанятых кормщиков – стрельцы, в 1695 г. – девять из десяти (кроме Калины Гагары). К концу века XVII в. процент кормщиков, нанятых из служилых людей по прибору (стрельцов) возрастает. В XVIII в. кормщиками на лодьях Соловецкого монастыря часто служили солдаты[43].

В книгах указана также плата, получаемая кормщиками. В 90-е гг. XVII в. большинстве случаев она составляла 3 руб., но могла быть как больше, так и меньше. Например, в 1690 г. шиженец Афанасей Попов получил 3 руб. с гривной, в 1692 г. кормшик Петр Карпов «ходил на лодье один ход» и получил полтора рубля, Петру онежанину было дано два рубля, кемлянину Марку Лопинову – 1,5 руб. и др. В 1695 г. девять из десяти кормщиков получили плату в 1 руб., кроме Калины Гагары, который в отличие от остальных не был стрельцом и получил 3 руб. Однако нельзя говорить, что труд монастырских стрельцов – кормщиков оплачивался ниже, чем других наемных кормщиков. В 1694 г. четыре кормщика – стрельца получили по 1 руб., стрелец Иван Созыкин – 3 руб., стрелец Леонтей Брюшков – 3 алт. 2 ден., а кормщик (не стрелец) Калина Гагара – 7 алт. 4 ден. (меньше остальных). Оплата, скорее всего, зависела от фактически выполненной работы (сколько раз и куда ходил кормщик).

Некоторые кормщики служили на монастырских судах на протяжении многих лет. Кормщик стрелец Григорий Умбачев упоминается в документах с 1675 по 1695 гг. Следовательно, он работал на монастырь более двадцати лет. 26 апреля 1675 г. нарядник Сумского острога Федор Стефанов выдал ему снасти на лодью[44]. Григорий Умбачев был нанят в монастыре в 1690 г., в 1694 г.[45] Среди кормщиков, нанятых 3 июня 1695 г. назван стрелец Григорий Умбач[46]. Возможно, это и есть Григорий Умбачев. В сентябре 1693 г. с ним приключилось несчастье, по его нерадивости понес убытки другой человек. Будучи у Архангельска, на закупной лодье кормщик бросил якорь в неположенном месте «не на глубокой воде, где лодейных якорей в тех местех не мечют», вблизи от карбаса Родиона Кирилова и проломил судно. Погиб карбас и хлебные запасы, бывшие в нем (рожь и ячмень). В 1703 г. этот убыток засчитали Родиону Кирилову за вклад и приписали к его вкладу 1698/99 г. (становище на Мурманском берегу в Зубовой губе, а также амбары и избы в Варзуге)[47]. Интересно, что в записной книге наймитом 1693 г. имя Григория Умбачева не встречается, однако, как видим, он ходил на монастырской лодье в Архангельск. Возможно, стрелец Григорий Умбачев был отцом Ивана Григорьевича Умбачева (1679–1747), солдата соловецкого гарнизона, родоначальника самой многочисленной династии соловецких солдат XVIII в.[48]

В XVII в. в Соловецком монастыре существовала развитая инфраструктура, обеспечивавшая деятельность монастырского морского флота и включавшая в себя специальную карбасную службу, а также береговые сооружения в самом монастыре и в его материковых службах и промыслах (пристани, амбары для хранения судов и

[43] *Филин П.А.* Из истории судостроения Соловецкого монастыря. 1731–1761 гг. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 11. М. – Архангельск, 2012. С. 17; *Богданова А.В.* Солдаты соловецкого гарнизона в XVIII веке // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 15. Архангельск., М., 2016. С. 65, 66.

[44] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 3 об.

[45] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 313. Л. 3, 73 об.

[46] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 1 об.

[47] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук – 1403. Л. 706 об. – 707 об.

[48] О династии солдат Умбачевых см.: *Богданова А.В.* Солдаты соловецкого гарнизона в XVIII в. С. 65, 78.

оснащения)[49]. Карбасная служба существовала в монастыре уже в начале XVII в. Об этом свидетельствуют упоминания в приходо-расходных книгах монастыря карбасных старцев, да и самой карбасной службы[50]. При этом формуляр отводных книгах и описей монастырского имущества XVII вв. таков, что в них карбасная, сетная и другие хозяйственные службы не упоминались, в отличие от ризницы, казенной палаты, крепостной казны, книгохранительной палаты, оружейной казны, хотя описание морских судов и судовых снастей в монастырских описях присутствует.

Самая ранняя сохранившаяся отводная книга карбасной службы была составлена в 1697 г. при передаче службы от приказного старца Игнатия старцу Мануилу[51]. Городничий соборный старец Евфимий, проводивший описание в заключении отметил, сколько якорей и лодий со снастями у старца Игнатия оказалось «в лишке пред прежним отводом»[52]. До нашего времени предыдущая отводная книга не дошла, но упоминание «прежнего отвода» подтверждает, что карбасная служба оформилась ранее 1697 г. Наиболее ранние известные отводные книги еще одной службы, связанной с морскими промыслами, сетной, также относятся к концу XVII в. (1689, 1692 гг.)[53].

В конце XVII века в карбасную службу входили карбасная келья с сенями с тремя «служними», где жили служебники, и тремя новыми чуланами. В казенном чулане хранился железный инструмент. В описи монастырского имущества 1705 г. уточняется, что новая большая карбасная келья с большими сенями располагалась с западной стороны от Онуфриевской церкви[54]. В сенях было семь чуланов, где жили служебники и находилась железная снасть[55]. У сеней с трех сторон были большие ворота.

На берегу «против часовни» стоял новый двухэтажный амбар, в котором хранилась «лодейная снасть»: «парусы в верхней жире[56], а шеймы и завозы в нижней жире. А якори кругом того анбара»[57]. Ниже в отводной книге 1697 г. уточняется, что амбар стоял «у часовни на пристани», а в описи 1705 г. – «против Святых ворот на пристани»[58].

В старом большом амбаре, «что против Святых ворот» также хранились якоря, инструменты, паруса, такелаж, рогожи, веревки. Амбар также был двоежирный, то есть двухэтажный. Помимо всего прочего, в нижней жире находился крашеный

[49] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 175–185; *Богомазова А.А.* Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII – начале XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4.: Четвертые чтения академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 368–373.

[50] *Богомазова А.А.* Морское хозяйство соловецкого монастыря во второй половине XVI в. – 70-х гг. XVII в. С. 317.

[51] О документах карбасной службы первой половины XVIII в. см.: *Копытова Н.С.* «Издревле как деды и отцы наши строили…»: строительство староманерных судов Соловецким монастырем и монастырскими крестьянами в первой трети XVIII в.» // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 11. Архангельск; М., 2012. С. 8–14.

[52] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…» С. 182.

[53] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 314, 348.

[54] Деревянная церковь преп. Онуфрия Великого была построена в 1666 г. на монастырском кладбище в полутора сотнях метров к югу от стены обители. К 1815 г. церковь обветшала и в 1821 г. была разобрана. В 1822 – 1824 гг. на её месте был построен новый каменный храм, а в 1886 г. к нему пристроили колокольню и каменное крыльцо. В 1939 – 1940/41 гг. церковь и кладбище разорили и уничтожили. Сохранился фундамент церкви преп. Онуфрия Великого 1822 – 1824 гг. с колокольней 1886 г. (См.: *Буров В.А.* Археологическое исследование руин церкви Онуфрия Великого XIX в. на старом монастырском кладбище Соловецкого монастыря // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 9. Архангельск; Москва, 2010. С. 82–93; Он же. Хронология археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря. 1924–2008 гг. // Соловецкий сборник. Вып. 7. Архангельск, М., 2011. С. 34.

[55] Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук. – 1404. Л. 335 об. – 336.

[56] Жира – этаж, помещение.

[57] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 180.

[58] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 337.

поклонный крест, а в верхней жире – «4 иконы чюдотворных, что на лодьи даются, старых», «четыре буйна[59] судовых, хорогорь архимандричей, на нем писаны чюдотворцы на обоих сторонах, другой хорогорь слюдяной, третей хорогорь со крестом, четвертой хорогорь простой, четыре окончины неболшие слюдные архимандричья судна»[60]. В том же амбаре хранились 120 сажень «веревок лодейных подьемных, что лодьи поднимают»[61]. У амбара были чуланы: «с приходу от Святых врат», где хранились якоря, железный инструмент, весла, бочки со смолой, и чулан «от моря», полный шейм вологоцкой присылки «без щёту»[62]. Тот же амбар мы находим в описи Соловецкого монастыря 1705 г.: «На той ж пристани анбар о двух же житьях ветхой, покрыт тесом, у того анбара от Святых ворот прирубы да з дву сторон с южную да з западную приделаны чюланы, где приезжие люди ставятца»[63].

В 1697 г. карбасную службу входил также сарай, в котором стояли два новых торосных судна подужемского шитья, старое торосное судно, «что ходит с архимандритом на торас», «да новой покупки три судна пяти набойных подужемского шитья, да два судна новых пяти набойных монастырьского шитья»[64]. За сараем находились другие морские суда.

«В сарае подле карбасную» хранились весла и весельные гнезда, райны, то есть реи, детали судов и заготовки для них (набои, лодейное дерево, кокоры), шесты, а также вичье и «закромец белого мху», видимо, для конопаченья. За сараем лежали крупные заготовки: «6 матиц да 9 коргов, 24 клещи, 50 кокор судовых, 3 кокоры сопцовые лодейные, все не в доделке, 20 дерев колотых матишных на весла кормовые, 21 кокора на опруги, 13 бревен неколотых на набои, два дерева лодейные неделаные, 8 слег лодейных, что лодьи поднимают, 3 березины на нащоки»[65]. Вероятно, именно в этом сарае в начале XVIII в. делали карбасы, как указывает опись монастырского имущества 1705 г.: в нем находилась всякая «древяная карбасная снасть»[66].

По отводной книге 1697 г. на сальном берегу стоял смольной амбар с 77 бочками смолы и пустыми бочками[67], а также «на салном берегу в анбаре соли поланбара»[68]. Опись 1705 г. сообщает: «Да на пристани ж анбар древяной, покрыт тесом, а в нем про монастырьской обиход соли девять сот восмь десять пуд. В том ж в анбаре в другой перегради для судового смоления пятдесят четыре бочки смолы»[69].

С обслуживанием монастырских судов были связаны и другие службы. Лодейные маточки или компасы, согласно описям XVII в., хранились в казенной полате[70]. А в описи монастырского имущества 1705 г. указано, что в карбасной службе в ветхом амбаре на пристани хранились «три матки в ставках, в том числе одна матка испортилась». Покупать же лодейные матки и парусные иглы могли старцы

[59] Буйно – 1. «Навес из паруса или рогожи для охранения от непогоды». 2. «Грубое полотно и рогожи… для прикрытия в ночное время от холода и непогода» (на морском промысле, на судне) (*Подвысоцкий А.* Указ. соч., С. 11–12).

[60] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 181.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 337 об.

[64] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 182.

[65] Там же.

[66] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 337.

[67] *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 182.

[68] Там же.

[69] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 338 об.–339.

[70] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 16; Ед. хр. 40. Л. 186; Ед. хр. 453. Л. 11.

закупной службы в Архангельске[71]. В кузничной службе в 1698 г. хранились лодейные кольца, круги и скобы[72].

В описи Соловецкого монастыря 1705 г. среди прочих монастырских служб описывается и карбасная служба (до этого в описях монастырского имущества карбасная служба отдельно не выделялась), отмечено ее назначение: «делают вновь и починивают ветхие карбасы и морские неболшие суды»[73].

В документах XVII в. мы находим сведения только о старцах карбасной службы. Опись 1705 г. показывает, что в начале XVIII в. в карбасной, помимо старца, трудились ещё три человека: «Ту карбасную службу ведает монах Генадий. В той же службе староста монастырской служебник Ананья Тимофеев сын Ваган сорока лет. Да работник Трифан Демидов сын Рычков родом нюхчанин, монастырской крестьянин пятидесяти лет. Да кашовар Константин Петров сын сумлянин пятнатцати лет»[74].

Император Петр I запретил поморам строить «староманерные суда». Указы 1714–1719 гг. дозволяли лишь завершить эксплуатацию уже построенных. Однако предписанные царем «новоманерные суда» (гукоры, шкуты, яхты) не были приспособлены для хождения в Белом море – мелком и частично замерзающем. Поморы не могли их использовать и разорялись. Настоятели Соловецкого монастыря подавали в Сенат прошения о разрешении строительства «староманерных» судов. Эти прошения подробно изучены и опубликованы Н.С. Копытовой[75].

В первые три десятилетия XVIII в. характеризуются упадком соловецкого флота. У нас нет статистики по всей вотчине, но в самом монастыре количество морских судов, особенно лодий, резко сократилось. В 1717 г. в монастыре находилась 1 лодья («на Мурманском лодья корелка с верховою и с водяною со всею снастью»), 4 соймы (2 соймы «со всею снастью» в Кеми и в Сороке, на Онеге сойма большая «со всею снастью», «что в Суме сойма была, на той вся верховая и водяная снасть»), 12 карбасов («карбас архимандричей крытой со всею верховою и водяною снастью, карбас Тугомелина шитья без снасти, карбас келарев болшой некрытой, карбас болшей езжалой, карбас езжалой же со снастью, карбас на горе[76] новой болшой, два

[71] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 179; Ед. хр. 242. Л. 40 об.; Ед. хр. 456. Л. 4 об.; Ед. хр. 43. Л. 43.

[72] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 2 об., 3, 4 об.

[73] Музей «Московский Кремль». Рук.-1404. Л. 335 об. В литературе из работы в работу переходит утверждение об основании на Соловках верфи в 1548 г., взятое из книги П.А. Богославского (*Богославский П.А.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859. С. 5).. Вероятно, исследователь связывал ее появление с деятельностью митрополита Филиппа. Но это утверждение остается лишь гипотезой. К сожалению, в источниках не удалось выявить упоминания о строительстве судов на Соловках в XVI – первых четырех десятилетиях XVII в. Самое раннее сведение, найденное нами в монастырских делопроизводственных документах, относится к 1645 г. В приходо-расходной книге монастырского казначея старца Савы отмечено, что 10 июля подужемцам Иванку Родионову с товарищами было уплачено 60 алт. за то, что они «делали *в монастыре* [курсив наш – *А.Б.*] новую сойму» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 242. Л. 32). Если в приходо-расходной книге нет ошибки, и здесь имеется в виду строительство судна именно в монастыре, а не для монастыря, то это сведение на сегодня можно считать самым ранее документально зафиксированным случаем строительства судна на Соловках. Причем строила его артель приглашенных мастеров. В вышеназванной отводной книге карбасной службы 1697 г. названы как покупные суда, так и «два судна новых пятинабойных монастырского шитья» (*Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу…». С. 182). Опись Соловецкого монастыря, составленная дьяком Карпом Андреевым в 1705 г. сообщает, что в карбасной службе «делают вновь и починивают ветхие карбасы и морские неболшие суды», назван «сарай древяной ветхой, где делают карбасы», находившийся на берегу (Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук-1404. Л. 335 об., 337). П.А. Филин отмечает, что и в XVIII в. на Соловецких островах строили в основном небольшие суда, а крупные суда (лодьи) в самом монастыре делали редко, их чаще заказывали в поморских селениях (*Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». С. 28). Причины этого кроются в отсутствии строевого леса на Соловках: чтобы построить крупные суда нужно завозить лес, что удорожает изготовление судна и делает его нерентабельным. Следовательно, мы не можем утверждать о существовании на Соловках верфи с 1548 г., тем более о строительстве лодий на Соловецких островах в XVI–XVII вв. Самые ранние сведения о строительстве судов в монастыре относятся к 1645 г. (сойма) и к самому концу XVII – началу XVIII в. (карбасы и небольшие суда). Это не исключает, что небольшие суда могли строить в монастыре и в более раннее время, но, повторимся, зафиксированных в источниках сведений об этом мы не находим.

[74] Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1404. Л. 336.

[75] *Копытова Н.С.* Указ. соч.

[76] На берегу.

карбаса новых малых, у бота карбас новой езжалой, два карбаса старых болших», «карбас езжалой новой неболшой») и 3 старых лодейных павозка. Ещё 19 больших и малых карбасов стояли на берегу и были настолько ветхими, что «ездить никуда невозможно»[77]. В последующих описях монастырского имущества соймы больше не встречаются. Продолжали использоваться карбасы и различные «езжалые» и промысловые суда. В 1726 г. в обители использовались 3 лодьи и 27 карбасов[78]. В конце 20-х – первой половине 30-х гг. количество монастырских лодий снижается до 2, а количество карбасов варьируется от 12 до 28 в разные годы[79]. В этот период у обители лодий меньше, чем было в XVI в.

Несмотря на резко упавшее количество крупных судов, в середине 1720-х гг. обитель продолжает давать лодьи в аренду. В июне 1725 г. монастырь отдал в аренду (кортому) подержанную лодью жителям Керецкой волости Петру Иванову сыну Жегину, Ивану Наумову, Федору Чирову и Алексею Никулину с товарищами. В кортомной записе также подробно описано лодейное оснащение: «А снасти на ней парус тонкой подержен, шесть якорей, в том числе якорь болшой весом на пример шесть пудов, два якоря девять пудов, якорь четыре пуда, якорь три пуда, якорь полтретья пуда, шейма запасная ветхая не за глухими концами, другая шейма метная в двух обрывках с ростами, третья … шейма метная ветхая в двух обрывках, завоз новой недержаной за глухими концами весом пять пудов, завоз тонкой в двух обрывках сажен с пятдесят. Верховой снасти четыре ноги становых, пятая на носу, шесть ног переметных, два дрога, возжи, вся подержана. Два образа: образ Николы Чюдотворца да образ Зосимы и Савватия соловецких чюдотворцов[80]. Два котла красной меди весом дватцать три фунта, две матки на дугах ставочные, три напарьи болших и малых, два топора ветхих, две бочьки под воду, два ушата, храпы, ведро, молот неболшой, паузок лодейной подержан». В сентябре 1725 г. керетчане должны были заплатить за аренду 50 руб. в Архангельске «кому оне, власти, повелят». В случае утраты оснащения они должны были возместить его стоимость. Саму же лодью следовало вернуть в монастырь весною 1726 г., как только сойдет лед: «весною за лдом немедленно вся в целости»[81]. Из трех лодий, названных в отводной книге карбасной службы 1726 г., две были отданы в кортому шуречаном и двиняном[82].

Период петровских запретов тоже оставил свой след. Несколько «новоманерных» судов появляются в описях монастырского имущества уже в конце 20-х – 30-е гг. XVIII в. В 1730-е гг. в монастыре были гукор, шкута, яхта (шкута впервые упоминается в отводной книге карбасной службы 1726 г.)[83]. По заказу монастыря были построены два щербота (новый щербот был построен в 1755–1757 г. по образцу старого, но с доработками, причем шитый «вицей, а не гладью нову»)[84].

В 1731 г. императрица Анна Иоанновна разрешила монастырю и монастырским крестьянам строить и использовать «староманерные» суда для перевозки предметов рыбных и звериных промыслов[85], после чего у обители сразу появляются новые лодьи[86]. С 1730-х гг. у Соловецкого монастыря появляются двухмачтовые лодьи, а с 1740-х гг. – трехмачтовые[87].

[77] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 873. Л. 6–6 об.

[78] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1217. Л. 4

[79] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 958. Л. 3 об. – 4; Оп. 2. Д. 370. Л. 3–3 об., 7–8, 11–13; Оп. 2. Д. 1726. Л. 4.

[80] За вторую половину XVII в. в источниках есть данные об иконах на десяти монастырских лодьях, причем три из них приходятся на 1690-е гг. Во второй половине XVII в. в девяти случаях из десяти на судно брали одну икону. Только в самом конце XVII в. на лодьи Лудского усолья описан набор из трех икон. В 1725 г. мы видим на монастырской лодье две иконы. В XVIII столетии постепенно утверждается традиция размещения на судах наборов икон, на морских судах устраивались целые «иконостасы». (*Богомазова А.А.* Морской флот Соловецкого монастыря: иконы на кораблях XVII–XVIII веков // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 31; *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». С. 43; *Лаушкин А.В.* Судовой иконостас на лодье «Святой Филипп Митрополит» (1758 г.) // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 6. Архангельск; М., 2007. С. 11–12).

[81] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 1073. Л. 4–4 об.

[82] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 1217. Л. 4.

[83] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 1217. Л. 4; Оп. 2. Ед. хр. 370. Л. 3 об., 12; Оп. 2. Ед. хр. 1726. Л. 3 об.–4; Оп. 2. Ед. хр. 1314. Л. 3 об.

[84] *Копытова Н.С.* Указ. соч. С. 10; Филин П.А. Строительство «щербота» Соловецкого монастыря. Документы и чертежи 1765–1767 гг. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 9. Архангельск; М., 2010. С. 11–25.

[85] *Копытова Н.С.* Указ. соч. С. 8–14.

[86] *Филин П.А.* Из истории судостроения Соловецкого монастыря. 1731–1761 гг. С. 15–20.

[87] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 4829. Л. 1; Оп. 5. Ед. хр. 5322. Л. 1; Оп. 5. Ед. хр. 3548. Л. 1; Оп. 5. Ед. хр. 3547. Л. 1; Филин П.А. Из истории судостроения Соловецкого монастыря. 1731–1761 гг. С. 16.

Л.Л. Емельянова, О.Л. Виноградова

ПРУССКИЕ МАРШРУТЫ ПЕТРА ПЕРВОГО: ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

В основу исследования положен метод историко-географической реконструкции культурного ландшафта на основе анализа архивных и картографических материалов. Интерес к исследованию исторических ландшафтов возрастает в связи с необходимостью их сохранения в условиях глобальной унификации процессов природопользования, ростом интереса к ним как в целом к объектам культурного наследия, так и к их персонификации через исторические личности. В исследовании решалась задача реконструкции исторических ландшафтов Куршской косы времен путешествия Петра I по ней по маршруту «Мемель (Клайпеда) – Кёнигсберг (Калининград» и обратно. Согласно сведениям из походных журналов Петра I, эти проезды по косе состоялись в 1713 г. и 1716 г.[1]. Поэтому и реконструкция исторических ландшафтов будет выполнена на начало XVIII в.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях сложилось несколько подходов к определению исторического ландшафта. Во-первых, он рассматривается как одна из категорий культурного ландшафта[2]. С другой стороны, понимание исторического ландшафта совпадает с определением этнокультурного ландшафта, как созданного, преобразованного определенным этносом на протяжении продолжительного периода[3]. В зарубежных и отечественных публикациях в области ландшафтного менеджмента, ландшафтной архитектуры и краеведения часто исторический ландшафт определяют, как ландшафт, связанный с какими-либо историческими событиями или личностью, например, Бородинский историко-культурный ландшафт или ландшафт Кижи и т.д[4]. Еще один вариант трактовки исторического ландшафта – территория, ареал, чаще деревенский, чей облик и структура сформировались в определенную историческую эпоху и стали типичным ландшафтом для данной местности[5]. Таким образом, исторический ландшафт, как одна из категорий культурного ландшафта, может рассматриваться как:

[1] Походный журнал Петра I 1713 года. Санкт-Петербург, 1854.

[2] *Исаченко А.Г.* О двух трактовках понятия «культурный ландшафт»// Известия РГО. 2003. Вып.1. С.5-6; *Николаев В.А.* Культурный ландшафт — геоэкологическая система // Вестник Моск. Ун-та. Сер.5. География. 2000. №6. С.3-8.

[3] *Бунина О.А.* Культурный ландшафтогенез земель казачьего субэтноса в пределах Ставропольского края//Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Межд. ландшафтной конференции. Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов, Н.С. Касимов и др. М., Геогр. факультет МГУ, 2006. С.390-393; *Казаков Л.К.* Ландшафтоведение. М., Издательский центр «Академия», 2011; *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., Изд-во МГУ, 2000.

[4] *Горбатено С.* Всемирное наследие – исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации. (2011) [Электр.ресурс]. URL: http://icomos-spb.ru/nauchnye-publikatsii/45-vsemirnoe-nasledie-istoricheskij-landshaft-sankt-peterburgskoj-aglomeratsii (Дата обращения 11.12.2020); Изучение, сохранение исторических и природных ландшафтов Государственного музея-заповедника «Куликово поле» [Электр. ресурс]. URL: https://www.wildnet.ru/images/phocagallery/2017/66_Konferenciya/plenarnoe_zasedanie/5.burova_o.v._.pdf (Дата обращения 17.02.2021); Историко-культурный ландшафт. [Электр. ресурс]. URL: https://www.borodino.ru/muzej/istoriko-kulturnyj-landshaft/ (Дата обращения 17.02.2021); *Павлова Т.* Исторический ландшафт острова Кижи: сохранять с пользой. Газета «Кижи», №7 (91), август 2012 URL: http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/101/2627.html (Дата обращения 17.02.2021); *Тяльксните М.* Куршская коса. Вильнюс, Минтис, 1980.

[5] *Романова Э.П.* Современные ландшафты Европы (без стран Восточной Европы): Учебное пособие. М., Изд-во МГУ, 1997; *Crow, J., Turner, S.* (2009). Silivri and the Thracian hinterland of Istanbul: An historic landscape. Anatolian Studies, 59, 167-181. DOI: 10.1017/S0066154600000958 (Дата обращения 17.02.2021); *Fredholm, S., Eliasson, I. and Knez,* I. (2018) Conservation of historical landscapes: What signifies 'successful' management, Landscape Research, 43:5, 735-748, DOI: 10.1080/01426397.2017.1335864 (Дата обращения 25.02.2021); Italian Historical Rural Landscapes. Cultural Values for the Environment and Rural Development (2013) *Agnoletti M.* (Ed.) Springer Netherlands. DOI: 10.1007/978-94-007-5354-9; *Maphanyane, J.G.* (2018) Reconstruction of Historical Landscapes: An Alternative Approach to Monitor Land Cover Change. IST-Africa Week Conference (IST-Africa), Gaborone, 2018, pp. 1 - 22. DOI: https://ieeexplore.ieee.org/document/8417331(Дата обращения 3.02.2021); *Tishler,W.H.* (1982) Historical landscapes: An international preservation perspective Landscape Planning. Vol. 9, Is. 2, Pp. 91-103. DOI: https://doi.org/10.1016/0304-3924(82)90001-6 (Дата обращения 3.02.2021); *Turner, S., Crow, J.* (2010). Unlocking historic landscapes in the Eastern Mediterranean: Two pilot studies using Historic Landscape Characterization. Antiquity, 84(323), 216-229. DOI: 10.1017/S0003598X00099889 (Дата обращения 3.02.2021).

- ландшафт, характерный для какого-либо этапа развития природопользования и культуры общества конкретной территории;

- но чаще современный ландшафт – результат всего периода хозяйственного освоения ландшафта.

Реконструкция исторического ландшафта Куршской косы в нашем конкретном случае может включать: материальные элементы предыдущих исторических эпох – архитектурные сооружения – остатки орденских замков, инженерные сооружения (дороги, дамбы), элементы ландшафта (закрепленные дюны).

Куршская коса – узкая песчаная пересыпь, протянувшийся с севера на юг, отделяющая Куршский залив от Балтийского моря. По косе проходил кратчайший путь из Кенигсберга (Калининграда) до Мемеля (Клайпеда) еще во времена рыцарей Тевтонского ордена в XIII веке. На рубеже XVII-XVIII веков этот маршрут также использовался путешественниками, следовавшими из России в Европу (Рис.1).

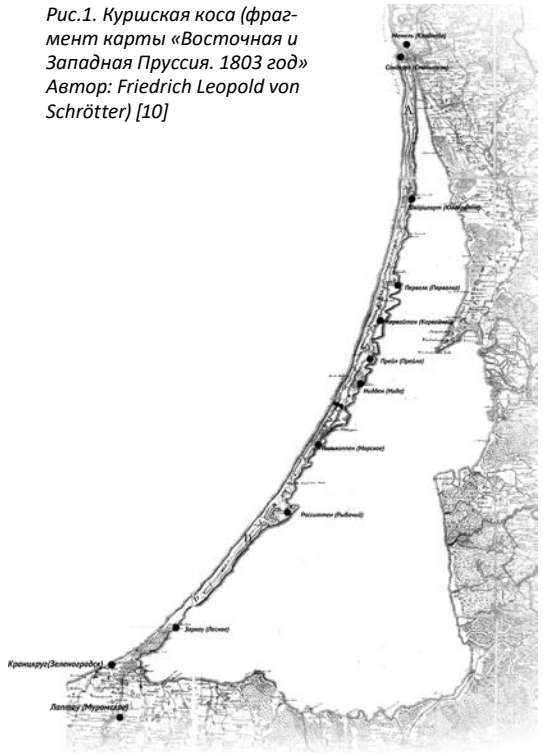


Рис.1. Куршская коса (фрагмент карты «Восточная и Западная Пруссия. 1803 год» Автор: Friedrich Leopold von Schrötter) [10]

Историко-архивные свидетельства путешествия Петра I по Куршской косе

Походный журнал Петра I за 1713 год свидетельствует о том, что в марте государь был проездом в Кенигсберге. Прибыл в Кенигсберг он сухим путем из Фромбурга (Frawenburg). Хотя предыдущий отрезок пути из Эльблонга (Elbing) до Фромбурга пытался пройти водой, но сильный встречный ветер не позволял этого сделать. Из Кенигсберга, как указывает, походный журнал «по утру 10-го числа паки в путь пошел сухим путем; и отъехав до Лаптау, тут обедали»[6]. Лаптау сегодня – это поселок Муромское Зеленоградского района на трассе, которая ведет в Зеленоградск – бывший Кранц, и далее на Куршскую косу. Указание этого направления как раз говорит в пользу движения Петра I и его спутников по Куршской косе. А последующая архивная запись в походном журнале указывает именно о движении по косе: «…ночевали между Роситена (прим. авторов: Росситтен – ныне поселок Рыбачий) и Надена (прим. авторов: Нидден – ныне поселок Нида), в корчме Пинкоу на берегу Куршгафа (прим. авторов – Куршского залива)»[7].

Следующее путешествие по Куршской косе Петр I предпринял в 1716 году в феврале месяце вместе с государыней Екатериной. Они встретились в Либаве (ныне город Лиепая в Латвии) 11 февраля. Отсюда государь дает указание галерной эскадре под руководством адмирала Змаевича двигаться Куршгафом (Куршский залив): «чтобы в поход со всеми были готовы, и кой час Куршгаф вскроется, чтобы шли через оный, а оттоль через канал Фришгаф (прим. авторов: Вислинский залив) к Гданьску»[8]. Сам же он спешил оказаться в Гданьске. А коль скоро залив еще не вскрылся ото льда, единственная возможность добраться до Гданьска – это проезд по Куршской косе

[6] Походный журнал Петра I 1713 года. Санкт-Петербург, 1854. С. 17.

[7] Там же.

[8] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) /сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского: в 2-х вып. Вып. 1. - М.: «Кругъ», 2004. - 632 с. С. 441.

через Кенигсберг. Из Либавы Петр I с Екатериной, как сообщает походный журнал, 14 февраля 1716 года отправились в Мемель (ныне Клайпеда): «Государь и Государыня путь свой взяли на Мемель, на Кенигсберг»[9], куда прибыли 15 февраля, в Кенигсберг – 16 февраля. Отсюда отправились Фришгафом (Вислинский залив) и 18 февраля были уже в Гданьске. Этот же журнал сообщает о том, когда вскрылся лед на заливе: «в 24 день (прим. авторов: февраля 1716 года) был с моря великий ветер, и много льду взломало и море вскрылось»[10]. Таким образом, наши исследования показывают, что Петр I дважды воспользовался почтовым трактом Куршской косы. Каким мог увидеть Петр I этот уникальный природный объект? Наш последующий рассказ – это попытка реконструкции исторического ландшафта Куршской косы от Мемеля (ныне Клайпеда) до Кенигсберга (ныне Калининград).

Реконструкция путешествия Петра I по Куршской косе

Путешествие Петра I по Куршской косе из Мемеля в Кенигсберг в 1716 году началось в местечке Смильтине (с немецкого Sandkrug – Песчаное). Деревня возникла в начале XVII века. В Смильтине находился начальный пункт почтового тракта Мемель-Кенигсберг, на дюне рядом с поселением стояла корчма, где останавливались путники.

В тот период Куршская коса (по-немецки Kurshu Nerung) заканчивалась в Смильтине[11]. За прошедшие столетия море и ветер продлили косу еще на 2 км. В период путешествий Петра коса почти полностью представляла собой песчаную пустыню. Еще в XVI веке сложились предпосылки к разразившейся позже «песчаной катастрофе»: песчаные дюны, лишенные растительности из-за выпаса скота, неумеренной вырубки лесов, особенно дубов и лип, двинулись под действием ветра от морского побережья к заливу. В результате за два века было погребено 14 деревень. Их переносили на новое место, где их вновь засыпало песком. В этот период истории ландшафтов косы даже двери в домах делали из двух створок – верхней и нижней, чтобы можно было выбраться из дома и отгрести подступивший к дому песок. На косе сохранялся только небольшой участок леса, когда-то занимавшего почти всю территорию, вблизи Кранца в корне косы. Деревья там не рубили, так как лесничество Гренц охранялось законом.

По свидетельствам путешественников в конце XVII века и более поздний период по почтовому тракту было невозможно проехать из-за сыпучих песков[12]. Однако это в большей степени относится к сравнительно сухому летнему периоду. Петр же путешествовал по косе ранней весной или зимой, когда влажный песок представлял собой прекрасный грунт для конных повозок. В настоящее время перевеваемые пески на косе закреплены, исключение составляют так называемы блуждающие дюны вдоль побережья Куршского залива. Такая дюнная гряда протянулась от Смильтине до Юодкранте.

Поселок Юодкранте (литовская версия бывшего немецкого названия – Schwarze ort – Черное место) был следующим населенным пунктом, через который Петр со спутниками должны были проследовать. Современный Юодкранте – самый молодой поселок на Куршской косе: в орденских документах упоминается впервые в 1429 году (по другим данным – в 1576 году)[13]. Хутор Алкснине, расположенный сейчас между Смильтине и Юодкранте, был создан в 1898–1907 гг., когда не косе развернулись работы по закреплению песков.

[9] Походный журнал Петра I 1716 года. Санкт-Петербург 1855. С. 16.

[10] Там же. С. 109.

[11] Тялькните М. Указ. соч.

[12] Там же.

[13] *Чернов С.З.* Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М., 1989. URL: http://hotkovo.net.ru. (Дата обращения 17.02.2021); *Zemlevičienė, R.* (2009) MAŽIEJI MIESTAI LIETUVOS GYVENVIEČIŲ TINKLE. Annales Geographicae 42(1-2)/ t. pp. 88-94 URL: https://gamtostyrimai.lt/uploads/publications/docs/320_1d64f7034cbe1d24c5d10dd7e5d213a8.pdf (Дата обращения 30.03.2022).

Старый поселок располагался ближе к морю, но кочующие дюны вынудили жителей переместиться ближе к заливу в долину между двумя дюнами. В 1673 году на месте современного Юодкранте была построена корчма, вокруг нее стали селиться жители деревни, засыпаемой песком. Таким образом, Петр проезжал через поселок в том же месте, где он находится и сейчас.

Название Юодкранте связано с тем, что естественный тысячелетний лес, росший на призаливных дюнах, выглядел вечером с залива, когда рыбаки возвращались с ловли, черным на фоне белых песков. В древности здесь росли лиственные леса с дубом и липой (на карте Г. Гененбергера указан лиственный лес). Даже в 1860 г. Й. Шуман видел вблизи Юодкранте дубы, чей возраст достигал 500–600 лет и более. Еще в начале XVIII века на дюне вблизи поселка росла многовековая «Липа грехов», под которой находился жертвенный огонь капища языческих богов. В 1750 году местные рыбаки были наказаны немецкими властями за совершение языческих обрядов. Липа росла вплоть до начала Второй Мировой войны[14].

Примерно в 5 км южнее Юодкранте на берегу залива располагалась деревня Сянейи Нагляй (Старый Нагляй), упоминавшаяся в орденских хрониках в 1447 г. Но Петр не мог ее увидеть на изначальном месте, так как во второй половине XVII века она уже полностью была занесена песком. Жители перенесли свои жилища на южную сторону мыса Нагляй. Этот поселок перемещался четырежды. В очередной раз поселок обосновался около 1747 года в бухте Агила (Науейи Нагляй – Новый Нагляй), который примерно через сто лет все же был поглощен кочующими дюнами. В итоге жители Нагляй переселились в Пярвалку – поселок, расположенный на южной стороне мыса Жиргу рагас (с лит. - Конский рог) бухты Агила. Во времена Петра I этого поселка еще не существовало.

В трех км к югу от современной Пярвалки находилось одно из старейших поселений косы – Карвайчай. Деревня существовала еще XV веке, в 1509 году упоминалась на этом месте корчма. Лес, защищавший поселок от песка, был вырублен и в документах 1641–1642 гг. упоминалось, что деревня уже частично занесена песком. В 1830-е годы деревня уже была перенесена на новое место, но уже в 1797 году покинули и это новое место, и поселок перестал существовать окончательно. Имя «Карвайчай» сейчас носит дюна между Пярвалкой и Прейлой.

В хрониках крестоносцев 1385 года упоминается местность «Нойден», «Нейкен». В 1437 году она уже называлась Ниден (современная Нида) (Рис.3). Первая Нида стояла гораздо южнее современной – на северном берегу мыса Гробштас. Однако в начале XVII века чума и песчаные заносы опустошили Ниду. Поселок на новом месте обосновался лишь в конце века примерно в 500 м севернее (около 300 м южнее современной границы между Россией и Литвой). Эта Нида (Старая Нида) также была впоследствии занесена песком. Но Петр со своими спутниками должен был проехать именно через нее, так как она находилась на этом месте (в 2 км к югу от современного местоположения поселка) в период 1675–1730-х гг.

Поселок Пилькоппен («пиль» по-литовски – укрепление, городище, современный поселок Морское) погребен под Стародеревенской дюной, которая пришла в движение в конце XVI столетия, жители переселились на место современного поселка Морское. Это один из немногих поселков, который во времена Петра находилась на том же месте, где расположен и сейчас. В 2 км южнее под дюной погребена деревня Преден, полностью исчезнувшая в 1710 году, то есть ко времени путешествия Петра она практически уже исчезла под песком.

Следующий поселок по пути следования по тракту был поселок Росситтен (со-

[14] *Чернов С.З.* Указ соч.; *Gustaitis R.* Lietuvos miestai ir miesteliai. Kaunas: Terra Publica, 2014.

Рис. 2. Поселок Пярвалка Das Nordende der Kurischen Nehrung, vom Leuchtturm bei Memel gesehen. (Aufnahme von Gerhardt. 1898) [23]

временный Рыбачий), единственный населенный пункт ни разу не перемещавшийся. Этим постоянством он обязан своему положению на моренном останце. Впервые название Росситтен упоминается в XIV веке. К 1748 году в Росситтене сохранились руины орденского замка[15], располагавшиеся на вершине холма на берегу залива. Южнее Росситтена располагалась почтовая станция и корчма в поселке Кунцен, жители переселялись несколько раз, и в итоге поселение исчезло в середине XX века.

Поселок Заркау (современный поселок Лесное) Петр с соратниками застал уже на нынешнем месте, куда он был перенесен в конце XVII века. Поселок в те времена был сезонным местом проживания рыбаков – на время рыбной путины семьи рыбаков перебирались сюда из других поселков и даже с восточного побережья залива. После Заркау путешественники следовали до поселка Кранц (современный Зеленоградск). В XIII веке восточнее Кранца в корне косы для защиты от набегов литовцев был выстроен замок Нейхауз. Тогда же был заложен трактир «У зеленого Кранца», существовавший еще в XIX веке под названием «Кранцкруг»[16].

В 1700 г. в деревне Кранцкруг, возникшей вокруг трактира, населяли в основном литовцы, занимавшиеся рыболовством. Дома рыбаков представляли собой фахверковые постройки с каркасом из древесного бруса, заполненного камнем, кирпичом и глиной, крыши – соломенные. Во времена Петра I поселение располагалась в пределах современной площади «Роза ветров» и Дамбенштрассе (ул. Володарского) в северной части современного Зеленоградска.

Полевая дорога, по которой добирались из Кранца в Кенигсберг до строительства нового шоссе в 1830-е гг. проходила западнее ручья Беек (р. Медвежий), от Мюль-

[15] *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1238 года. М., «Индрик», 2003.

[16] *Ефремов Л.А.* Очерки по истории Кранца. Калининград, ГП «КГТ», 2002.

Рис.3. Поселок Нидден (Нида) на Куршской косе. Автор Adelheid Raqqué-Nutall, 1930-е гг. [20]

зена (Холмы) поворачивала на Лаптау (Муромское), восточнее горы Кведнау, далее по Кранцвег (современная ул. А.Невского в Калининграде). Во времена путешествий Петра в поселке Лаптау орденский замок, построенный еще до 1258 года, использовался, но вскоре был заброшен[17]. В настоящее время вокруг замкового холма еще просматриваются остатки фундамента.

Таким образом, проведенный в работе анализ как архивных источников, так и данных о состоянии ландшафтов вероятного пути следования Петра I в 1713 г. и 1716 г. по Курише нерунг (Куршская коса) и Самбии (Калининградский полуостров), позволил провести реконструкцию культурных ландшафтов той эпохи, доказать возможность продвижения почтовым трактом косы. Для подтверждения гипотезы понадобилось изучение данных отечественных и зарубежных исследователей природных комплексов и исторических поселений Куршской косы и Самбийского полуострова на рубеже XVII–XVIII вв., картографического материала. Весь изученный объем данных позволил уточнить маршруты петровских путешествий по восточной части Пруссии, с одной стороны, и увидеть состояние уникального природного объекта, глазами русского государя. Почтовый тракт продолжал связывать наиболее коротким путем расположенные на берегах Куршского залива поселения. Однако этому тракту и порту Мемеля угрожали надвигающиеся пески, поэтому в середине XVIII в. начались работы о закреплению дюн Куршской косы. Работы эти продолжаются и сейчас. Незакрепленной остается только дюнная гряда, подступающая к берегу залива, не угрожающая поселкам и шоссе Зеленоградск-Клайпеда.

[17] Замки и укрепления Немецкого Ордена в северной части Восточной Пруссии: справочник/ Авт.-сост. А.П. Бахтин, Под ред. В.Ю. Курпакова. Калининград, Терра Балтика, 2005.

Л. В. Татаурова

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СФЕРЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

К концу XVII в. закончился начальный этап хозяйственного освоения Западной Сибири. К этому времени сформировались основные отрасли сибирской экономики, внутренний рынок, в связи с этим стала меняться структура и объем торговых потоков за Урал из европейской части России и заграницы.

Эти процессы нашли отражение в письменных источниках и археологических материалах Тары и ее сельской округи. Выбор Тарского уезда, как одного из регионов Западной Сибири, в качестве примера не случаен, пограничный город был перевалочным пунктом торговли с Востоком.

Служилое население Тары, и окрестных деревень активно участвовало в торговых операциях с «товарами с Руси», бухарскими, китайскими. Продавали пушнину, кожи, одежду, но больше всего – ткани: «Вахромеев Яков – казачий сын, в 1698 в Таре "явил" по тобольской выписке "русского товару 555 аршин холста хрящу, 10 концов крашенины на 3 руб., купленный в Тобольске на гостином дворе на явленные свои деньги"»[1].

Сбывался такой товар на местных ярмарках, но чаще всего, в ходе экспедиций в Барабу к Ямышевскому озеру за солью, где его продавали среднеазиатским и бухарским купцам[2]. «Нестеров Лука (Лучка) — тарский конный казак. В июне 1675 вместе с В. Нефедьевым привез из Тобольска "русского товара" на 302 руб., в июле того же года поехал к Ямыш-озеру с русским товаром на 70 руб.»[3].

В первой четверти XVIII в. внутренний городской рынок города Тары был развит слабо[4]. К перечню текстильных поваров, кож и мехов, можно добавить готовые изделия: порох, сукно, бумагу, медную проволоку, топоры, серпы, иглы, зеркала[5].

К сожалению, мы не располагаем подробными данными из письменных документов об ассортименте товаров на ярмарках Тары, поэтому для сравнения проанализирован имеющийся археологический материал из русских комплексов Тарского Прииртышья и перечни товаров ввозимых в конце XVII в. в Тобольск из таможенных книг.

В описываемый период Тара и Тобольск были схожи по составу проживающего

[1] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь /Отв. ред. И.Н. Каменецкий. М.; С-Пб.: Нестор-История, 2019. – 1006 с.

[2] *Крих А.А.* Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века). Омск: ИД Наука, 2016. – 263 с

[3] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь / Отв. ред. И.Н. Каменецкий. М.; С-Пб.: Нестор-История, 2019. – 1006 с.

[4] *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI – конце XVIII века // Тара в XVI-XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 87–125.

[5] Там же.

в них населения, и военно-административным функциям, к тому же большинство товаров, участвовавших в торговых операциях Тарских служилых, поступало из Тобольска.

Оценивая торговую политику конца XVII в. можно сказать, что существенно снижается ввоз в Западную Сибирь заграничных товаров, ассортимент которых становится чаще «статусным» и более дорогим.

Несмотря на то, что процентное соотношение отечественных и зарубежных товаров оставалось таким же, как и в начале XVII в., объем средств уменьшился в семь раз с 34 660 рублей в 1639/40 гг. до 5090 рублей в 1694/95 гг. На ввоз западноевропейских товаров в составе «русских», привозимых с запада тратилось 1161 рубль и 489 рублей – на восточные[6].

Показательно, что ориентация на европейские традиции, прививаемые Петром I, способствует спросу на предметы, которые ранее не ввозились в Тобольск и Тару, или поступали в небольшом объеме. Это, например, оловянные тарелки, и особенно серебряная посуда, которая до 1686/87 гг. не была в числе привозимых вещей[7]. Увеличиваются объемы дорогих шелковых тканей: дороги, атласов и тафты[8].

В археологическом представлении предметный комплекс петровской эпохи в большей степени отображают элементы костюма и некоторый комплекс бытовой утвари.

В 2021 году на сельском поселении Ананьино-I, датируемом XVII–XVIII вв. (Тарский район Омской области, раскопки автора) найдена монета-чешуйка выпущенная, вероятно, в период совместного правления Петра Алексеевича и его Брата Ивана 1682–1696 гг. (точное время чеканки установить сложно из-за плохой сохранности, но этим временем датируются другие монеты полученной коллекции). Она была завернута в ткань, или затерялась в шелковом подкладе кошелька, который не сохранился. По определению И.И. Ёлкиной (за что автор выражает ей глубокую признательность) высококачественная светлая узорная камка с фактурным орнаментом может датироваться концом XVI–XVII вв.

На другом сельском памятнике Изюк-I, датируемом XVII–XIX вв. (Большереченский район Омской области, раскопки автора 1999–2004 гг.) в погребальном комплексе зафиксированы фрагменты шелковой ткани (тафты) восточного происхождения – китайской или среднеазиатской[9].

Культурный слой г. Тары (основан в 1594 г.) способствовал хорошей сохранности текстильных остатков, в том числе, относящихся к XVII–XVIII вв. Их анализ показал наличие суконных тканей, привозимых из Европейской России. Хотя дорогих импортных тканей, известных по письменным источникам, пока не зафиксировано[10]

С костюмом петровского времени связана находка на поселении Изюк-I половинки застежки епанчи в виде трилистника. Епанчи с такими застежками появились в связи с введением в начале XVIII в. обмундирования западноевропейского образца. Однако их использовали непродолжительное время – с середины первого

[6] *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. – 324 с.

[7] Там же. С. 91, 93.

[8] Там же. С. 101.

[9] *Глушкова Т.Н.* Ткани XVII в. из русских могильников Изюк I и Ананьино I //Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С.326-333.

[10] *Глушкова Т.Н., Сенюрина Ю.А.,. Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости // Археология, этнография и антропология Евразии, т. 44, № 3, 2016, с. 93–100.

десятилетия XVIII в. и до конца 1740-х гг., когда они были заменены на кафтанные пуговицы[11]. Аналогичные предметы обнаружены в г. Азове, и на российской галере, затонувшей в 1714 г. в Ботаническом заливе[12].

Есть в материалах сельских поселений Тарского Прииртышья и кафтанные пуговицы. Найденные на разных памятниках (Ананьино, Изюк), они идентичны по форме и размеру.

Новшеством в костюме петровской эпохи стали карманы. В коллекции еще одного сельского памятника Бергамак-I, датируется XVII–XIX вв. (Муромцевский район Омской области, раскопки автора 1996–1998 гг.) зафиксированы кожаные фигурные накладки-клапаны карманов.

В большей степени влияние европейской моды сказалось на фасонах кожаной обуви.

Предметов из коллекций сельских памятников, относящихся к этой части костюма более 1000 экземпляров. Они обработаны В.Б. Богомоловым по единой программе, основанной на систематизации, описании, технологическом, конструкторском и дизайнерском анализе, по результатам которого, выполнена натурная и графическая реконструкция некоторых форм. На материалах коллекций выявлено 10 типов обуви[13], датированных XVII–XVIII вв. Основой выделения послужило их назначение, и связанные с ним конструктивные и технологические особенности. Часть реконструкций опубликована[14].

По мнению Д.О. Осипова результатом петровских реформ в обувном производстве стало широкое распространение моделей низкой обуви (башмаков, туфель), изготовленных по европейским технологиям[15].

Это отражают и коллекции сельских памятников, в большей степени, – каблучная обувь, ее 40 %, включающая семь разных типов. Среди них мужские и женские башмаки (3, 4 тип).

Туфли, типы 6–10, по своей форме и конструкции, имеют западноевропейские черты и получили распространение в конце XVII – начале XVIII века[16]. Мужские туфли шестого типа, «тупоносые», стали своеобразным маркером петровских преобразований, получившим широкое распространение в изобразительном искусстве этого и последующих периодов.

Некоторые фасоны обуви, например, женские мули (mules), типы 8, 9 продолжают бытовать, как минимум, до конца XVIII в. и имеют аналогии в коллекциях европейской части России[17].

[11] *Аваков П.А. Гусач И.Р., Дедюлькин А.В.* На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии //От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда, Древности Севера, 2016. С. 379-397.

[12] Там же. С. 392.

[13] *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.* Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 2. 2016. С. 94–102.

[14] *Богомолов В.Б., Татаурова Л.В.* Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск – Тюмень – Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 7–18; *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.* Коты – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) //Народный костюм Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 20–22; *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.* Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) //Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 107–120.

[15] *Осипов Д.О.* Процесс европеизации русского кожевенно-сапожного ремесла //От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда, Древности Севера, 2016. С. 79–84.

[16] *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.* Женские кожаные…. С. 94–96.

[17] По сообщению С.Е. Шуньгиной аналогичные по конструкции мули зафиксированы в женском погребении Благовещенского кладбища конца XVIII в. в Санкт Петербурге.

Туфли и башмаки, как и другая обувь, сопоставимая по типам с деревенской, есть и в Таре[18], однако существенным отличием «сельской» моды является полное отсутствие в деревне поршней.

В составе рыночных товаров, привозимых в Тобольск в 1639/40 гг. из каблучной обуви спросом пользовались сапоги сафьяновые и телятинные, башмаки телятинные, их привезли на сумму 1827 рублей. Однако в последующие годы XVII в. постоянным товаром были только сапоги телятинные[19], и это понятно, они входили в костюм служилого человека. Башмаки телятинные привозили позднее только в 1668/69 и 1694/95 гг.

В 1668/69 гг. на Тобольском рынке можно было купить башмаки сафьяновые, но, вероятно, их стоимость 70 копеек за пару недолго привлекла внимание покупателей[20].

В целом, население, скорее всего, пользовались изделиями местного производства, которое неуклонно развивалось. Если в начале XVII в. в Таре было всего 10 ремесленников, то в 1720 г. – 113, из них 13 чеботников[21]. На Тобольский же рынок в течение всего XVII в. привозили чеботарские предметы: шила сапожные, скобы и гвозди, коробки гвоздя носкового[22]. В археологических слоях всех памятников имеются железные шилья, в изобилии сапожные гвозди, подковки от разных типов обуви, многочисленные обрезки кожи, свидетельствующие, если не о самостоятельном пошиве этой части костюма, то точно о ее ремонте.

К началу последней четверти XVIII в. в Таре насчитывалось 199 ремесленников, из них половина была связана с обработкой кожи и изготовлением обуви: 50 сапожников, 9 сыромятников, 39 кожевенников. К концу века обработкой кожи и изготовлением из нее одежды и обуви занимался 81 человек, из других материалов – 16 портных[23].

Реформы Петра I в археологическом отображении проявляются не только в костюме. К упомянутой в Тобольских таможенных книгах оловянной и серебряной посуде можно добавить появление двузубых вилок, местного кустарного производства.

Вошедшие в столовый обиход дворянского общества во времена Петра I, вилки были статусным предметом аристократических кругов. Коллекция этих столовых приборов имеется в Таре[24], не отставала от города и деревня.

В одном из жилищ, датируемом по результатам дендрохронологии (1666 г.) и инвентарю второй половиной XVII в., а монетами – началом-серединой XVIII в. проживал представитель администрации, вероятно, воинский командир, владевший грамотой и стремящийся подчеркнуть свой социальный статус, в том числе, использованием вилки.

Анализ таможенных книг по ассортименту товаров на Тобольском рынке в кон-

[18] *Осипов Д.О., Татауров С.Ф. Тихонов С.С., Черная М.П.* Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) //Археология русского города. М.: САБ, 2016. Т. 2. С. 207–230.

[19] *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири… С. 106.

[20] Там же.

[21] *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Социально-экономическое развитие Тары… С. 101, 103.

[22] *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири… С. 87, 88.

[23] *Тихомирова М.Н.* Роль Тары и Тарского округа в развитии региональной Сибирской экономики // Тара в XVI-XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 125–170.

[24] *Татауров Ф.С.* Столовая посуда и утварь как элемент социально-культурного облика жителей города Тары XVII – первой половины XVIII века // Вестник Омского университета. Серия «исторические науки». 2017. №3 (15). С. 96–99.

це XVII в. выявил спрос сибирячек на кружева, мишуру, косметику, в том числе, румяна, белила. Это было веянием времени, приобщением к европейской моде, развлечениям, приемам и балам.

Сибирские условия требовали не только современных модных костюмов, но и их соответствие местным климатическим условиям. Поэтому к концу столетия тобольский рынок, кроме дорогой качественной кожи для модной обуви, был «завален» мехами разного качества и стоимости.

Однако стоит заметить, что сибиряки, следуя реформам государственной власти и моде, все же не боялись высказываться против некоторых новшеств, принятых в период правления Петра. В 1705 г. около 500 казаков и жителей Тары не подчинились указу о бритье бороды и усов и ношении немецкого платья и собирались посылать в Москву ходатаев с челобитными. Смягчил ситуацию вышедший в 1706 г. указ, разрешающий жителям Сибири носить платье по их усмотрению, а с бритьем бороды и усов местные власти временно примирились[25].

Несмотря на территориальную отдаленность от столичных центров развития, которые в первую очередь попадали под реформы и были вынуждены быстро осваивать европейские традиции, узаконенные Петром I, Западная Сибирь не особо отставала от воздействия этих процессов и могла противостоять введению некоторых. Однако время брало свое, и, вероятно поэтому, не дожидаясь завозных «заморских» товаров, сибирские ремесленники самостоятельно адаптировали к современным условиям имеющиеся народные традиции, нововведения и модные веяния.

[25] *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Социально-экономическое развитие Тары… С. 89.

С.Ф. Татауров

ЭПОХА ПЕТРА I В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАРЫ

История Российского государства общепринято делится на период до правления Петра I и после и, действительно серьезнейшие изменения коснулись практически всех сторон, как самой страны, так и ее населения. В корне изменилась система и механизмы управления, реформировалась армия, серьезно изменилась материальная культура населения. Цель моего исследования заключается в выделении в археологических материалах маркеров, отражающих петровскую эпоху – того, что сделало по многим параметрам новым образ жизни в Российском государстве.

Археологическое изучение Тары, одного из первых русских сибирских городов, началась сравнительно недавно, в 2007 г., но уже сейчас можно с полным основанием говорить, что полученные в ходе раскопок материалы станут датирующими и культурными маркерами для изучения других подобных сибирских памятников. За 15 полевых сезонов исследовано около двух тысяч квадратных метров в историческом центре города на месте расположения тарской крепости и острога. Зафиксировано и изучено более 20 архитектурных комплексов – храмов, фортификационных объектов, жилых и производственных зданий. Собрано, обработано и передано на хранение в музеи региона более 7000 предметов, сформировавших масштабную базу данных, охватывающую основные периоды существования города. Значимой вехой в истории города стало правление в Российской империи Петра I, данной эпохе и посвящено наше исследование.

Развиваясь, первые два столетия как город-крепость, Тара концентрировалась в сравнительно небольшом, огороженном острожными стенами полукруге, прижатом к коренной террасе Иртыша. У города были посады, где размещались ремесленные мастерские, скот, огороды, но жить тарчане предпочитали за крепостными стенами. Практически ежегодно на Тарское Прииртышье совершали набеги кочевники с южных степей. Апогея военная напряженность достигла в 1634 г., когда в сентябре-октябре город выдержал два штурма калмыков и татар, поддерживающих Кучумовичей, стремившихся воссоздать Сибирское ханство. Только своевременная военная помощь со стороны Тобольска предотвратила потерю города. После этого давление с юга начало слабеть, но, тем не менее, Тара тратила почти все свои ресурсы на оборону, что сильно затрудняло развитие города.

В результате сильной скученности жилых построек внутри укреплений Тара регулярно горела, и зачастую город отстраивался заново. Пожарища разравнивались, засыпались тонким слоем песка и на этом месте рубились новые церкви, избы, башни крепости и острога. В результате культурный слой на месте крепости достигает 4,5, в острожной части – 2,5 метра, а прослойки от пожаров являются хорошими хронологическими реперами для всего археологического материала. На настоящий момент выделено семь строительных горизонтов на большей части

раскопанных участков города. Один из самых мощных пожаров случился в 1669 г., как писал воевода Мещеряков в Москву «город згорел Божией волей… дворы были тесны гораздо и улицы были узки[1]. Город отстраивался медленно, крепостные стены были закончены только в 1701 г., и то часть башен так и не была восстановлена.

По этой причине петровское время в стратиграфической колонке города у нас начинается с 1669 г. и доходит до 1709 г., когда очередная огненная стихия в очередной раз уничтожила значительную часть города. Следует отметить, что Петр I предпринимал определенные действия, что бы обезопасить города от огня. На территории крепости, в самом центре города, появляется склад пожарных инструментов и прикрепленная к нему инвалидная команда гарнизона, которой помимо отслеживания порядка в городе было предписано блюсти пожарную безопасность города[2]. Но город продолжал гореть… Масштабные пожары продолжались до правления Екатерины II, которая своими указами превратила Тару, как и другие российские города в сравнительно безопасное место проживания. Пожары, вернее прослойки, как их свидетельства, в стратиграфии культурного слоя, в качестве хронологических отсечек дают возможность охарактеризовать город по его основным показателям – архитектуре, планиграфии, развитию производства, облику населения.

Петровское время стало во многом переломным в судьбе города, с основанием Омска военное противостояние отодвинулось на юг и Тарское Прииртышье стало быстро развиваться, превращаясь в один из основных земледельческих районов Западной Сибири. Ослабление во второй половине XVII в. давления кочевников разных племенных союзов позволило образовать серию острогов и полевых караулов к востоку и югу от города – Бергамакский, Такмыкский и других. Это привело к быстрому росту русских деревень и, следовательно, к укреплению продовольственной безопасности города, Тара, наконец-то, спустя почти сто лет стала печь свой хлеб. Стало постепенно развиваться собственное производство.

Строительство и развитие Московско-Сибирского тракта сделало Тару одним из ключевых пунктов в торговых отношениях с восточными и юго-восточными территориями. Постепенно оформлялся знаменитый Чайный путь – расцвет чаеторговли произойдет позднее – к середине XVIII в., но налаживание дипломатических и торговых отношений с территориями Прибалхашья, Семиречья и с Китаем приходится именно на Петровское время.

В самом городе измебнений было не так много. После тяжелого пожара 1669 г. Тару отстраивали по старому расположению комплексов – на месте церквей рубили церкви, на месте изб и житниц – избы и житницы. Это зафиксировал С.У Ремезов в своем чертеже города, выполненном примерно в 1700–1701 гг. (рис. 1–1). Реформы Петра I требовали денег, а на что-то новое в фортификации или переустройстве города просто не было финансов. Например, первый каменный храм в Таре заложили только в 1753 г. Впрочем, строительство определенных «учреждений» велось весьма интенсивно – в конце XVII – начале XVIII века в Таре в острожной части было открыто 12 винных лавок. Один комплекс был исследован нами в 2017–2019 гг. Лавка была расположена к северу от крепостной стены и примыкала к укреплениям острога, неоднократно перестраивалась и просуществовала почти до конца XIX в., уже в виде богадельни… и все-таки сгорела.

[1] *Цветкова Г.Я.* Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омское книжное издательство, 1994. С. 22.

[2] *Татауров С.Ф.* Тарская каланча или про пожары в городе Таре и как с ними боролись // Пятые Ядринцевские чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (30–31октября 2019 г.). Омск: ОГИК-музей, 2019. С. 400–407.

Военно-административный статус города долгое время препятствовал развитию ремесленного производства. Почти все мужское население, так или иначе, было привлечено к защите города и уезда – как служилое население и как обслуживающие крепости и гарнизона. Только к концу первой четверти XVIII в. Тара в какой-то мере смогла обеспечить себя продукцией собственных мастеров. Причем подавляющая часть из них была из служилых людей. В 1720 г. было учтено 113 ремесленников по 10 специальностям. Больше всего было плотников – 32, кузнецов – 20, серебрянников – 14, «чеботников» – 13, «лосиных мастеров» – 9, портных – 8, шапочников – 5, медников – 3 и 3 владельца кирпичных «заводов»[3]. В процессе раскопок нами был исследован ряд производственных площадок – три сапожные мастерские – функционировавшие в первой половине XVII, в начале XVIII и в начале XIX века, глинище и печь для обжига гончарной мастерской, кузница, работавшая с начала XVIII в. К сожалению, постоянный дефицит металла существенно сузил коллекции предметов, инструментов из железа, так как практически все сломанное или изношенное шло на перековку. Так же можно говорить и о кожаной обуви, из которой после износа вырезали хорошие куски и пускали их на пошив других изделий.

Серьезнейшие изменения произошли в этот период с населением города. Тара была населена старообрядцами, поэтому многие нововведения, предназначенные для пополнения государственной казны за счет податного населения, в Таре были встречены в штыки. В 1705 г. около 500 казаков и жителей Тары не подчинились указу о бритье бород и усов и ношении немецкого платья – дело едва не дошло до посылки ходоков в Тобольск. Только указ в 1706 г. о позволении сибирским жителям носить такое платье, какое кто пожелает, решил вопрос, а стрижка была отложена на неопределенное время[4].

Большую неприязнь тарчан вызвали действия Петра и администрации по распространению табакокурения. Если в XVII в. курильщиков население «терпело» – они могли курить на задворках своих домов, о чем говорят находки в межжилищных пространствах примитивных трубок, рассчитанных в основном на китайский шар. Не поощряли курение и местные власти – нередко злостных курильщиков пороли на площадях города, усылали на длительные сроки в отдаленные караулы. «Запретный товар изымали и владельцев наказывали на месте, например: “У тюменсково литвина у Богдашки Цыганова вынято фунт табаку, а купил он тот табак на Тюмени у усольца у Безсонка Яковлева, да у Мишки Олферьева”. Богдан Цыганов и продавцы табака “биты на козле кнутом нещадно”, а найденный табак “весь созжен”». В редких случаях дело ограничивалось штрафом и обещанием больше не курить табак[5].

В конце века государство стало способствовать торговле табаком и созданию у населения определенной моды на это занятие. С этой целью при питейных лавках открывались курильни, о чем свидетельствуют массовые находки в местах их расположения «московских» курительных трубок. Тарчане всячески противились табаку, привезенный товар пропадал на складах. Воевода Семен Карпов в 1709 г. писал: «…А в Таре в остатке двадцать семь пуд 35 фунтов этого табака. Что делать, государь…»[6]. Если, в конце концов, в Таре властям удалось сломить ситуацию и,

[3] *Гончаров М.Ю., Ивонин А.Р.* Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI – конце XVIII века // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 103.

[4] *Гончаров М.Ю., Ивонин А.Р.* Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI – конце XVIII века // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 89.

[5] *Татаурова Л.В., Татауров Ф.С.* Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. по археологическим материалам: Табак и трубки // Stratum plus. 2018. № 6. С. 311.

[6] *Цветкова Г.Я.* Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омское книжное издательство, 1994. С. 27.

буквально заставить население курить, то исследования сельских населенных пунктов показывают наличие трубок местного производства XVII в. и отсутствие трубок в XVIII в. – то есть сельское население наоборот бросило курить.

Неприятие петровских реформ вылилось в тарский бунт 1722 г. – в этом году 300 лет этому событию. Поводом стал указ от 5 февраля 1722 г., который провозглашал право государя назначить себе любого наследника, но имени его не называл. Тарские староверы посчитали, что речь в указе идет о присяге антихристу, имени которого нельзя назвать. В городе собралось почти все взрослое население для подачи «отпорного письма». На подавление этого бунта из Тобольска была послана карательная экспедиция, которая жестоко расправилась с бунтовщиками. Общее число казненных, наказанных кнутом и сосланных исчислялось тысячами. После этих событий численность жителей Тары сократилась почти вдвое, разорено было 500 лучших домов, отчего «город Тара прежнего могущества и красоты, и многолюдства весьма лишился». После следствия была предана смерти половина всех собравшихся у собора для подачи «отпорного письма» – посажены на кол, остальные отправлены в ссылку[7]. После этих событий у жителей Тары появилась кличка – «коловичи». Значительная часть горожан самостоятельно покинула город, переселяясь дальше на восток и юго-восток Сибири, особенно это коснулось казаков, которых администрация города не удерживала, опасаясь продолжения волнений. Потребовался довольно значительный период, что бы город смог восстановится и вновь начать развиваться.

Археологические исследования позволили выделить несколько вещественных маркеров, характеризующих конец XVII- первую четверть XVIII вв. (рис. 1).

Практически для любого исторического комплекса наиболее показательными и датирующими являются монеты. Не является исключением и Тара, где собраны денежные коллекции почти для каждого правителя Российского государства. Петровское время отмечено наименьшим количеством денежных знаков, собственно отпечатанных при Петре I найдено всего три (рис. 1–2). Впрочем, и для XVII в. найдено немногим больше. Это показатель неразвитости денежного обращения на сибирском рынке, что было обосновано несколькими причинами. Это исторически существовавшая и пришедшая после основания города бартерная торговля со Средней Азией. Среднеазиатские ремесленные товары менялись на сибирскую пушнину. Это отсутствие ремесленного производства в городе и отсутствие товаров на продажу – все делалось на заказ. Только с развитием сети путей сообщений, со складыванием сибирского рынка увеличивается доля денежного обращения в торговле – по археологическим материалам это происходит уже во время правления императрицы Елизаветы I.

Распространение табакокурения по протекции императора представлено целой серией «московских» трубок. С начала XVIII в. все большее место на сибирском рынке начинает занимать табак российского производства. Он отличался по качественным характеристикам от «китайского шара», прежде всего тем, что он был крупно резанным. И курить его нужно было совершенно иначе. Об этом свидетельствуют изменившиеся формы курительных трубок. Головки трубок приобретают бочкообразную форму и становятся гораздо крупнее. Все они ремесленного производства, украшены орнаментом, имеют элементы декора. Есть на них и клейма производителей. По своей форме и виду они очень близки трубкам из коллекций раскопок в г. Москве[8]. Данная форма трубок восходит к турецким трубкам «тахта-чубук». В Москве и в Подмосковье к рассматриваемому нами периоду производство таких трубок было весьма распространено[9]. Как я уже отмечал, концентрируется эта категория находок на месте расположения исследованной в 2017–2019 гг. питейной лавки в острожной части города.

Китайский фарфор по своей численности и четкому делению как по хронологии производства, связанной с периодами правления династий китайских императоров, так и по технике изготовления и цветовой гамме отдельных школ является лучшим репером для культурных слоев сибирского русского города. Больше всего находок китайского фарфора, сделанных при раскопках Тары, можно отнести к периодам правления императора Канси (1662–1722). Цветовая гамма эмалей этого периода, кроме распространённых ранее синих и голубых цветов, начинает включать в себя зелёные тона разной насыщенности и оттенка, полученные на основе химических соединений меди. Высокое качество работы китайских мастеров проявляется в тонкости линий рисунка, обилии мелких деталей[10]. Фарфор массово стал распространятся в Российском государстве после поездки тарского боярского сына Ивана Перфильева, в 1659 году возглавившего одно из первых русских посольств в Китае. В состав этого посольства входили служилые люди Тары – охранники, переводчики, обслуживающий персонал и вполне вероятно, что они привезли с собой памятные подарки, в том числе и фарфоровые изделия. Но массовое распространение в Сибири и в России культуры чаепития приходится уже на начало XVIII в.

При раскопках питейной лавки было зафиксировано значительное количество – около 100 прямоугольных бутылок зеленого стекла – штофов (рис. 1–9). Для XVII в. для Тары и других сибирских городов были характерны немногочисленные бутылки из цветного венецианского стекла. Нововведения Петра I привели к массовому открытию питейных лавок и серьезному увеличению употребления крепких алкогольных напитков. Основной емкостью для них стал зеленый прямоугольный штоф. Впервые годы бутылки вместе с содержимым завозились в Тару, а впоследствии и то и другое стали производить на месте.

В конце XVII в. получает распространение еще одно нововведение в культуре питания тарчан – горожане стали есть двузубыми вилками. Первыми в городе появляются бронзовые приборы, миниатюрные и достаточно изящные (рис. 1–7). У таких вилок практически отсутствует ручка, а зубцы могут быть дополнительно оформлены в виде стрелочек или небольшими шариками. По всей вероятности они использовались городской элитой. Простые горожане быстро переняли этот столовый прибор и наладили его производство. Вилки стали железными с костяными ручками и длинными – до 8 см зубцами. Такие вилки просуществовали до конца XVIII в., когда при Павле I получили распространение трехзубые вилки.

Вначале XVIII в. расширяется ассортимент европейских инструментов различного назначения – напильники (рис. 1–5), щипцы для снятия нагара со свечей (рис. 1–6), медицинские и ювелирные пинцеты и др. Все они отличаются качеством металла и технологией изготовления, нередко на них есть клеймо мастерской. Возможно, появление хороших инструментов привело к быстрому росту в Таре мастеров-серебрянников.

[7] Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 229–230.

[8] *Шаповалов А. В.* Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири: XVII – первая половина XX в. Новосибирск: Прогресс-Сервис. 2002. С. 222.

[9] *Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.* Местные особенности бытования курительных трубок в Калуге и окрестностях // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2015. Выпуск 11. С. 539–546.

[10] *Татауров С.Ф, Татауров Ф.С. Фарфор* и фаянс в культурном слое города Тары // Bylye Gody. 2019. Vol. 54. Is. 4.PP. 1418–1428.

Рисунок 1. Город Тара в период правления Петра I
1- Тара на рисунке С.У. Ремизова (1700–1701 гг.); 2-Монета денежной реформы 1694–1704 гг. Петра I; 3-Трубка для курения табака XVIII в.; 4- Фарфор второй половины XVII в.; 5- Напильник (железо); 6-Щипцы для свечей (железо); 7- Вилка (бронза); 8-Вилка (Железо, кость); 9-Штоф (стекло)

Находки в культурном слое Тары предметов связанных с огнестрельным оружием не так многочисленны – прижимные скобы, детали ружейных замков, шомпола и отвертки. Эта коллекция позволила сделать вывод в том, что военные подразделения сибирского региона в «горячих точках» были укомплектованы передовыми образцами огнестрельного оружия: самопалами и ручными пищалями с кремневыми замками. Более совершенными и, значит, эффективными по сравнению с фитильным оружием[11]. Это представляет определенный интерес в том плане, что на фоне серьезного уменьшения финансирования Сибири, в частности отказа от поставок формы для служилых людей (указ 1706 г.), поставки новейших образцов огнестрельного оружия свидетельствуют о серьезном внимании столицы к территориям за Уральским хребтом.

Хорошая сохранность кожи в культурном слое Тары предопределила особую роль изделий из этого материала и, в частности, обуви как маркера для хронологических горизонтов. Петровское время принесло в Сибирь несколько видов обуви, как элемента формы военных и гражданских служащих. Туфли с зауженным квадратным носом и довольно высоким каблуком пришлось носить всем чиновникам и офицерам. За годы раскопок была собрана значительная коллекция супинаторов для наборных каблуков, максимальная высота составляет – 7,5 см, как у сапог самого Петра I (хранящихся в оружейной палате). В 2009 г. была найдена уникальная находка – чехол для такой обуви из валяной шерсти (через 150 лет в России такие чехлы превратятся в валенки), который одевали зимой на туфли, пока ехали от дома к месту службы (Богомолов, Татауров, 2010). Сапоги для служилых людей так же претерпели изменения – каблук перешел на внешнюю сторону подошвы, что было оправдано новыми подразделениями кавалерии и использованием ею огнестрельного оружия. На настоящий момент в Таре найдено уже 4 ольстры (ружейное нагалище) – кобуры для короткоствольного кавалерийского ружья. Для использования этого оружия необходим хороший упор на стременах. Появляются новые виды женской обуви – туфли на достаточно высоком, до 7 см каблуке. Можно сказать, что тарское общество переобулось при Петре I.

Время правления Петра I безусловно коренным образом изменило ситуацию в Западной Сибири – от обороны южных рубежей государство пошло по пути расширения своих владений на юг и юго-восток. Отразилось это и на Таре. С основанием Омска в 1716 г. город из крепости начинает постепенно переходить к мирному образу жизни и несмотря на то, что крепостные стены были разобраны только на рубеже XIX в. в Таре начинает развиваться ремесло, торговля, а Тарское Прииртышье превращается в крупный земледельческий район. Археологические коллекции наглядно демонстрируют изменения в материальной культуре, в военном деле, в облике населения и в образе их жизни. Город шагнул на определенную ступень в своем развитии.

[11] *Татаурова Л.В., Татауров С.Ф.* Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.: история и археология // Stratum plus. 2019. №6. С. 353–365.

А.Г. Едовин

УКАЗ ПЕТРА I О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ, ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИИ XVIII ВЕКА И СУДЬБА «БРАУНШВЕЙГСКОГО СЕМЕЙСТВА»

5 (16) февраля 1722 г. император Пётр I издал указ о престолонаследии, согласно которому глава государства мог сам по своему усмотрению назначать себе преемника: «…Дабы сие было всегда в воле правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определить наследство, и определённому, видя какое непотребство, паки отменить, дабы дети и потомки не впали в …злость, …имея сию узду на себе… Дабы все наши верные поданные, духовные и мирские без изъятия, сей наш устав пред Богом и его Евангелием утвердили на таком основании, что вся, кто сему будет противен, или инако как толковать станет: тот за изменника почтён, смертной казне и церковной клятве подлежать будет»[1].

Данный указ ломал вековые устои передачи власти от отца к сыну. Теперь государь мог назначить своим наследником кого пожелает, не следуя правилу первородства, если старший сын, по его мнению, оказывался непригодным для исполнения властных функций[2]. К этому убеждению монарх пришел после т. н. «дела царевича Алексея», закончившееся казнью наследника. В августе 1722 г. вышла книга Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», в которой объяснялось и обосновывалось право императора распоряжаться будущим государства: «Как отец может лишить сына наследства, так и государь – престола»[3]. Феофан оставлял за народом право участвовать в назначении монарха лишь в тех случаях, когда не было прямого завещания государя, но механизм этого участия остался не определенным. Каждый вновь оказавшийся у власти монарх, вплоть до Павла Петровича, оказывался перед проблемой выбора будущего преемника.

В то же время, российская политическая жизнь XVIII столетия показала, что в условиях абсолютной монархии, когда личность императора имела огромное значение, такой способ престолонаследия подрывал стабильность государственного управления и служил одной из предпосылок дворцовых переворотов. Поэтому Павел I в день своей коронации 5 (16) апреля 1797 г. подписал указ о престолонаследовании, отменявший Петровский указ. Новый закон положил начало гарантированному переходу императорской власти от отца к старшему сыну. Таким образом,

[1] *Зызыкин М.В.* Царская власть и Закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 84.

[2] *Корево Н.Н.* Императорский всероссийский Престол. М., 2000, он же. Наследование Престола по Основным государственным законам. М, 2001.

[3] *Феофан (Прокопович).* Правда воли монаршей. СПб., 1722.

преемственность монархической власти вновь стала независимой от влияний и желаний правящего класса, хотя и не гарантировала от заговоров.

Легитимность применительно к власти - это ее общественное признание, одобрение, законность. Термин «легитимность» возник в начале XIX в. во Франции и выражал стремление восстановить власть короля, как единственно законную, легитимную в отличие от узурпированной власти Наполеона.

В России до Петровского Указа 1722 г. имели место два типа легитимности (законности) – по наследованию, идущий из глубины веков, и т. н. «соборный» – выборный в случае пресечения династии, который имел место на рубеже XVI-XVII вв. Петровские преобразования очень сильно ударили по системе высшего управления – Земские соборы еще при Алексее Михайловиче утратили свою значимость, а Боярская дума была упразднена в 1711 году. Центр принятия решений о власти в случае пресечения династии, таким образом, перестал существовать. Сенат, который пришел на смену Думе имел совсем другие функции, которые сводились к регулированию финансовой деятельности государства.

С 1722 г. перестала существовать монополия легитимности по наследованию, и появился другой ее тип - харизматический. Тот, кого царь мог избрать своим преемником, должен был обладать определенным набором качеств. В частности, иметь навыки управления, понимать стратегию предшествующей политики, быть лично преданным монарху.

Поэтому всякий, оказавшийся у власти не по завещанию, как Петр II, Иоанн VI и Петр III, а в результате выбора аристократии, либо узурпации престола, сталкивался с проблемой легитимизации (Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II).

Дело усугублялось тем, что сам инициатор реформы не сделал свой выбор, и оставил решать вопрос о власти своему окружению. В результате к власти пришли те, кто был наиболее силен при дворе при жизни Петра – его супруга Екатерина и лучший друг Меньшиков, при непосредственной поддержке гвардейских полков. В дальнейшем, именно борьба за умы гвардии стала основным секретом успеха дворцовых переворотов. В то же время приобрел силу Верховный тайный совет (1726–1730 гг.), возглавляемый наиболее влиятельными государственными деятелями – Меньшиковым, затем Долгоруковым. Этот орган и стал тем самым центром принятия решений

Проблема легитимизации больше всего занимала умы именно узурпаторов, пришедших к власти на штыках гвардии – Елизаветы Петровны и Екатерины II, особенно последней, т. к. она могла рассчитывать исключительно на харизматический способ утверждения своей легитимности, остальные для нее были неосуществимы по объективным причинам. Харизматический способ предполагает исключительность личности, и может иметь успех, когда отсутствует возможность конкуренции с претендентами, актуализирующими свою легитимность традиционным способом (правом наследования). Таким образом, единственным путем легитимизации власти Екатерины II было физическое устранение всех, кто мог претендовать на престол по праву наследования.

В этом случае, таковыми для Екатерины II после переворота становились

Рис.1 Дворец Меньшикова в Раненбурге, в котором в 1744 году содержался Иоанн Антонович и его семья. Ныне краеведческий музей г. Чаплыгин Липецкой области. Фото автора 2013 г.

следующие лица – супруг Петр III (Гатчина)[4], император в заточении Иоанн VI Антонович (Шлиссельбургская крепость), его братья и сестры (Холмогорская ссылка). Каковы были действия с этими лицами, приведшими к относительной легитимности Екатерины?

Попробуем проиллюстрировать эти действия на примере судьбы свергнутого Елизаветой Петровной т. н. «Брауншвейгского семейства». После дворцового переворота 25 ноября 1741 г. Иоанн Антонович, его родители Антон Ульрих Брауншвейгский и Анна Леопольдовна Мекленбургская, его братья и сестры находились в ссылке (Рис. 1), и с ноября 1744 г. были заточены в Холмогорах Архангельской губернии (Рис. 2, 3). Иоанн был помещен отдельно от семьи, его запрещено было учить чему-либо, говорить ему, кто он, показывать кому-либо, кроме караульного офицера. В 1756 г. Иоанн был переведен в крепость Шлиссельбург, где и был убит в 1764 г., согласно официальной версии, когда поручик Мирович совершил попытку его освободить.

Анна Леопольдовна скончалась раньше, в 1746 г., 7 марта от родов, тело ее было увезено для погребения в Петербург. Оставшийся после ее смерти с четырьмя детьми, Антон Ульрих продолжал жить в Холмогорах в бывшем Архиерейском доме, окруженном высоким забором от остального пространства монастыря. В 1763 году Антону Ульриху была объявлена свобода Екатериной II, но с условием, что семейство его останется в заточении. Он отказался от такой свободы и пробыл в Холмогорах до самой смерти. Умер Антон Ульрих 4 мая 1776 г., место погребения его неизвестно.

[4] В данном случае мы не рассматриваем аргументы в пользу целенаправленного устранения Петра Федоровича, т. к. этому посвящены другие исследования.

Рис.2 Карета Брауншвейгского семейства в экспозиции Архангельского краеведческого музея. Фото автора 2022 г.

Рис.3 Вид на Архиерейский дом Холмогор – место содержания Анны Леопольдовны и Антона Ульриха с детьми Алексеем, Петром, Елизаветой и Екатериной. Фото автора 2011 г.

Архивные документы свидетельствуют, что тело его в ночь с 5-го на 6-е мая было вынесено в гробе, обитом черным сукном с серебряным позументом, и тихо похоронено на ближайшем кладбище внутри ограды дома, где он содержался, в присутствии одних только караульных солдат, которым строжайше воспрещено было рассказывать о месте погребения. В 1780 г. дети генералиссимуса были отправлены в Данию, где, по существу, отбывали дальнейшую ссылку в г. Хорсенсе.

Долгое время события, связанные со смертью императора Иоанна Антоновича, толковались вполне однозначно, споры возникали только о возможном причастии к убийству императрицы Екатерины II. Официальная версия гласит, что 5 июля 1764 г., при попытке поручика Василия Мировича по мотивам личной мести Екатерине II освободить заключенного в Шлиссельбургской крепости императора, последний был убит его тюремщиками капитаном Власьевым и подпоручиком Чекиным. Последние действовали согласно инструкции, разработанной Н. Паниным, приближенным Екатерины, т. е. в случае опасности освобождения «безымянного колодника нумер 1», тюремщикам надлежало умертвить его.

Почти сразу же после событий возникло подозрение, особенно за границей, что Екатерина не могла не приложить руку к этим событиям. Действительно, нелегитимной императрице вовсе не нужен был живой Иоанн Антонович – он был гораздо опаснее для нее, нежели для Елизаветы Петровны, ведь последняя, все-таки, была дочерью Петра Великого и имела определенные права на престол. Екатерина же была самой настоящей узурпаторшей престола под своим супругом Петром III, поэтому ей важно было не просто устранить от престола всех легитимных представителей, а физически их истребить.

Однако, в случае со смертью Иоанна Антоновича все не так однозначно. Есть ряд суждений, которые наводят на мысль о возможной подмене «безымянного колодника». Еще в 1958 г. финские исследователи Куйо, Пурамо и Саркинен высказали предположение, что в 1762 г., когда Екатерина свергла своего супруга Петра III и готовила ему место заточения в Шлиссельбурге, Иоанна Антоновича перевезли в Кексгольм и обратно более не возвращали. Он продолжал находиться в тюрьме под именем «безымянный» вплоть до 1803 года, когда Александр I даровал ему свободу с условием проживания в самом Кексгольме безвыездно. По мнению финских ученых, он прожил еще от 15 до 24 лет после освобождения[5].

В чем мог быть смысл такой подмены? С точки зрения секретности содержания свергнутого императора такая мера могла быть вполне логичной. Учитывая, что к тому времени многие догадывались, кто заключен в Шлиссельбурге, особенно после визита туда Петра III, скрыть истинное местонахождение Иоанна Антоновича стало вполне актуально. Но как это осуществить на практике? Екатерина и ее приближенные воспользовались случаем при устранении Петра III как предлогом для перевозки Иоанна. Вряд ли камера Иоанна Антоновича действительно предназначалась для Петра – последний был слишком опасен, чтобы оставлять его в живых, Петра решили умертвить сразу же после переворота. А Иоанну Антоновичу подыскали замену среди узников Кексгольмской тюрьмы, либо в другом месте, и возвратили в Шлиссельбург уже этого неизвестного субъекта. Теперь в случае возможного варианта с освобождением узника, если эта акция окажется удачной,

[5] *Лихая М.П.* Иван Антонович в Кексгольме // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга, вып. 15. СПб, 2007. С. 91–95.

Рис. 4 Пуговица от камзола, найденная А.Ф. Караниным в Холмогорах. Из фондов АКМ

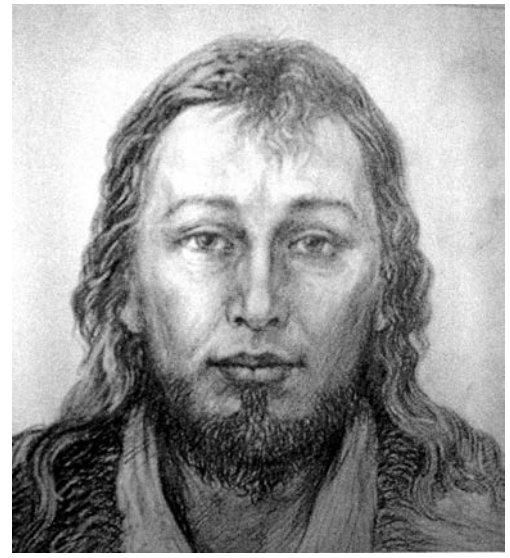


Рис. 5 Реконструкция внешнего облика предполагаемого Иоанна Антоновича, выполненная В.Д. Трещевым.

Рис.6 Церковь в Хорсенсе, в которой похоронены дети Антона Ульриха и Анны Леопольдовны. Фото о. Леонтия (Эйдельмана) 2013 г.

освобожденный не стал бы представлять угрозы императорскому трону Екатерины II. Таким образом, Екатерина «убила двух зайцев», возможно, в прямом смысле этого слова.

Вторым актом этой комбинации было физическое устранение т. н. «Иоанна Антоновича» в Шлиссельбурге с помощью заговора Василия Мировича в 1764 г. Мирович был обманут императрицей, видимо, она пообещала ему прощение в обмен на услугу по имитации заговора, в дальнейшем, возможно и более значимые поощрения. Этим объясняется спокойствие, с которым Мирович дожидался вынесения своего приговора. Казнь Василия Мировича могла подтверждать версию, что тому было известно - кто именно был заточен и убит в Шлиссельбурге. Теперь Екатерина имела козырь в лице «чудесно спасшегося» Иоанна Антоновича, который ей, впрочем, не понадобился. При таком варианте развития событий тело, перевезенное в Холмогоры и обнаруженное в 2008 г. А.Ф. Караниным (Рис. 4–5), могло принадлежать вовсе не убиенному Иоанну – какая разница Антону Ульриху, он ведь не видел своего сына с детских лет, вряд ли бы он смог его опознать.

Устранив Иоанна Антоновича, Екатерина не решила проблемы окончательно – точно такие же потенциальные наследники престола в лице Екатерины, Елизаветы, Алексея и Петра продолжали отбывать заточение в Холмогорах. Однако, их физическое устранение уже не имело смысла, т. к. формально, основываясь на логике Петровского указа о престолонаследии, им власть никто не передавал. Учитывая, что во всех своих начинаниях Екатерина руководствовалась соображениями разумной достаточности, можно предполагать, что она и не планировала погубить всех наследников. Достаточно было запрятать их как можно дальше.

Такая возможность появилась в 1780 г., когда родная сестра Антона-Ульриха Брауншвейгского, датская королева Юлиана-Мария обратилась к Екатерине с ходатайством о присылке подее опекутомящихся в Холмогорской ссылке племянников. По понятиям того времени это мало чем отличалось от физического устранения конкурентов, поэтому данное мероприятие потребовало дополнительного антуража.

Именно тогда в голову императрицы, либо ее советников, приходит мысль замаскировать отправку «брауншвейгского семейства» под внешнеполитическую акцию под названием «Вооруженный нейтралитет». В одной из предыдущих работ мною уже была подробно описана эта акция[6], не принесшая для России никаких ощутимых результатов кроме одного – на одном из кораблей эскадры были вывезены братья и сестры императора Иоанна Антоновича, законные наследники российского престола. Продолжение ссылки этих несчастных в датском Хорсенсе до смерти (последняя из них – Екатерина - умерла в 1807 году), стало последним этапом трагедии «брауншвейгского семейства» (Рис. 6).

[6] *Едовин А.Г.* Истинный смысл политики «вооруженного нейтралитета» Екатерины II. // Защитники Отечества: Вып. 13. Материалы XXX, XXXI, XXXII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике, Архангельск, 2011–2013 гг. Архангельск, 2014. С. 102–108.

Д.Н. Копелев

ДЖЕЙМС ВЕЙТ И НЕИЗВЕСТНЫЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Понятие «империи» неразрывно связано с процессами колониальной экспансии. В любой державе, претендующей на статус имперской, идеи захвата заморских геополитических позиций всегда лежали в основе военно-морской политики. Российская империя не стала исключением из общих правил, в качестве экономической доктрины приняв на вооружение принципы меркантилизма. Их суть высказал президент Коммерц-коллегии граф П. А. Толстой в беседе с французским посланником в Петербурге графом Жаком де Кампредоном в ноябре 1721 г.: «Пора и вам и нам воспользоваться сокровищами, которые до сих пор извлекали другие из этой страны»[1]. Средством к обогащению страны российской политической элите виделась заморская экспансия, и, в первую очередь, активизация внешней торговли, организация заморских плаваний и продвижение на восток. Причем характерно, что предпочтение отдавалось поиску морских путей. Симптоматичны скептические замечания, высказанные первым министром Франции кардиналом Гийомом Дюбуа. В поисках новых внешнеполитических партнеров и опасаясь «возобновления смут в Европе»[2], Дюбуа осторожно зондировал возможности «торговли московитов» с Индией и вынес следующее заключение: «Довольно трудно предположить, чтобы торговля посредством караванов, проходящих обширные и заселенные варварами страны, не подвергалась большим превратностям. Равно и необходимость перевозить отправляемые в Индию и извлекаемые из нея товары сухим путем на разстоянии 2700 миль требует, надо полагать, значительных издержек, может быть гораздо больших, чем при перевозке морем»[3].

I

Для графа де Кампредона, разумеется, интерес Петра I к продвижению в Мировой океан не стал откровением. В Париже прекрасно помнили декабрь 1720 г., когда рухнула могущественная «Компания Индий» шотландского банкира Джона Ло, поглотившая Западную, Сенегальскую, Ост-Индскую, Китайскую и Африканскую компании и ставшая монополистом во французской торговле с Америкой, Индией, Африкой и Китаем[4]. Кампредон был хорошо осведомлен о том, что в проектах Ло по организации транзитной торговли Франции с Персией, Индией, Китаем, Японией и другими азиатскими странами, России отводилась важная роль.

[1] СИРИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 359.

[2] О деятельности кардинала Дюбуа см.: Lagane G. L'Abbé Dubois: diplomate et premier ministre. Paris, 2000; Chaussinant Nogaret G. Le Cardinal Dubois: une certaine idée de l'Europe. Paris, 2001; Dupilet A. Le Cardinal Dubois: Le génie politique de la Régence. Paris, 2015.

[3] Письмо де Кампредону от 24 июля 1722 г. (СИРИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 124.)

[4] *Бабст И. К.* Джон Ло, или финансовый кризис Франции в первые годы регентства. М., 1852; *Горн Ж.К.* Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов / Пер. с нем. СПб., 1895; *Geynn A.W. Wiston.* John Law of Lauriston, financier and statesman. London. 1908: *Hyde H.M.* John Law, the history of an honest adventurer. London. 1948; *Trintzius R.* John Law et la naissance du dirigisme. Paris, 1950; *Daridan J.* John Law. Pere de l'inflation. Paris. 1958; *Троицкий С.М.* «Система Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М., 1970; *Faure E.* La banqueroute de Law. Paris, 1977; Dessert D. Argent, pouvoir et societé au Grand Siècle. Paris, 1984; *Аникин А.В.* Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1985; *Аникин А.В.* История финансовых потрясений: от Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000; *Murphy A.E.* John Law: économiste et homme d'état. Bruxelles, 2007; *Копелев Д.Н.* Битва португанов: забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб., 2019. С. 461–477.

В 1721 г., провозгласив себя императором, Пётр I сделал только первый, символический, шаг. Теперь перед Россией стояли новые задачи – следовало перейти от понятий и определений и приниматься за решение конкретных задач: торговых, военно-политических, стратегических. Балтийское море уже стало тесноватым для амбиций императора, видевшего свою страну посредником мировой торговли. Превратившись в военно-морскую державу и закрепившись на северных рубежах Европы, Россия могла претендовать на роль самостоятельного игрока на трансокеанских торговых трассах, что неминуемо должно было привести к изменению статуса российских купцов. По мысли Петра, русское купечество должно было действовать на заграничных рынках как самостоятельный агент-посредник – заключать соглашения с торговыми партнерами и самостоятельно проникать на новые внешние рынки, отвозя и сбывая товары «в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих перевозных судах»[5].

Рассчитывая придать новые импульсы русской торговле, император отдавал себе отчет в необходимости новых коммерческих партнеров. Рычагом внешнеполитической деятельности должна была стать Коммерц-коллегия, в делах которой за этот период начали откладываться материалы об «умножении персидского торгу и о приласкании армян», секретные донесения об испанских и французских экспедициях, о китобойном промысле и заготовлении сала и ворвани и продаже их в заморский отпуск[6]. Российским дипломатам и купцам следовало искать новые рынки сбыта, разворачивая торговлю в южном направлении. Первой ласточкой стали попытки по нормализации дипломатических и торговых отношений со средиземноморскими странами. В 1721 г. французский торговый агент в Петербурге Анри Лави сообщил в Париж о намерении царя отправить в Испанию, Португалию и Италию торговые суда с военным конвоем. По информации Лави задачи этого торгового предприятия формулировались следующим образом: «Показать русский флаг, узнать различные виды торговли этих наций и, ознакомив с ними своих подданных, возбудить в них соревнование, дабы они впоследствии и сами заводили торговые сношения», а затем организовать в крупных городах торговые консульства[7].

Предпринятые им шаги выступали частью большого восточного проекта Петра I, предусматривавшего активизацию торговли на Каспийском море с Персией и продвижение в Среднюю Азию, Китай, Ост-Индию и Тихий океан. Важную часть в реализации задуманных планов составляла организации рыбного промысла в Белом море и создание торговой сети по продаже рыбопродуктов в Италии, Испании и Португалии. «Для зачатия той торговли, – писал один из деятельнейших представителей молодой политической российской элиты, ратовавшей за колониальную экспансию, князь Иван Андреевич Щербатов[8], – выписать из Англии рыбаков, которые

[5] *Фоккерорд И.Г.* Россия при Петре Великом / / ЧОИДР. 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 77. О русском торговом купечестве см. подробнее: *Познер М.В.* В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития рус ского торгового мореходства. СПб., 1895; *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899; *Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899; *Миронов Б.Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII—начале XIX века / / История СССР. 1973. № 6; *Репин Н.Н.* Из истории торговых связей России со странами Западной Европы через Архангельск в первой четверти XVIII в. / / Сб. научных работ аспирантов исторического факультета. М., 1970; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; *Репин Н.Н.* Коммерческое судостроение в России в конце XVII—первой половине XVIII в. / / Вопросы истории. 1978. № 1; *Репин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами па отечественных судах (конец XVII—середина 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. Т. 112. М., 1985; Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 1–2. М., 1994; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999; *Захаров В.Н.* Внешняя торговля России при Петре I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 91–103.

[6] *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм ... С. 148.

[7] СИРИО. Т. 40. С. 267, 268.

[8] *Копелев Д.Н.* Битва портуланов... С. 478–492.

бывали в Новонайденной земле и знают, какую рыбу ловить и как солить»[9]. Дешевая же рабочая сила, легкие кредиты и низкая себестоимость рыбного промысла обеспечат России конкурентные преимущества перед Нидерландами и Великобританией. Одновременно разрабатывались планы возобновления китобойного промысла у побережья Лапландии, фактически находившегося в монопольном владении торговых компаний Нидерландов»[10]. В марте 1721 г. Лави доносил в Париж, что несколько лет назад некий английский негоциант подал Петру записку, в которой предложил учредить рыболовецкую компанию для ловли семги, трески, моржей и китов в водах от реки Двины до реки Печоры. Рассмотрев и одобрив записку, Петр I передал ее «для просмотра» в Коммерц-коллегию. Дело обещало немалые прибыли. По информации французского консула русские предприниматели вложили в него 36 тысяч рублей, получив прибыль в размере 28 тысяч. В качестве потенциальных торговых партнеров могли выступить французские купцы, которые «лучше всех прочих наций в состоянии заняться им, употребив для этого байонцев предпочтительно перед другими подданными короля»[11].

Спустя полгода после доклада Лави, в ноябре 1721 г. в частной беседе с Кампредоном Толстой вернулся к вопросу о китобойной компании, подчеркнув, что «царь приказал держать его в секрете до самого приведения в исполнение». По его словам «голландцы, пользуясь нашим невежеством, почти одни присвоили эту ловлю и извлекают из нее громадные барыши. Мы должны этим богатством поделиться, образовавши вместе компанию; управляющим назначим французов, и им представлены будут все возможные покровительство, льготы и выгоды, каких они пожелают»[12].

Возможно, интерес к созданию новой китобойной компании, к организации которой был привлечен приехавший с Капредоном в Петербург парижский купец Лебон, занимавшийся поставками провианта для флота, подогревался неудачным опытом Сальной компании, патронируемой А. Д. Меншиковым и контролировавшей промыслы ворвани на Русском Севере[13]. Все подготовительные работы по организации компании в Коле и Архангельске следовало, по указанию государя, держать в тайне от англичан и голландцев и, «таким образом предупредить их в деле»[14]. Параллельно собирались агентурные сведения. В одном из донесений, поступивших в Адмиралтейств-коллегию в 1723 г., содержались сведения о китобойном промысле голландцев – сообщалось число судов, вышедших на промысел, и приводились данные о затратах на их снаряжение[15]. В перспективе речь шла об организации

[9] ОР РНБ. Ф. 885. Д. 121. Л. 150, 150 об.

[10] См. подробнее: *Веберман Э.* Китобойный промысел в России. Ч. 1. М., 1914; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890; *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России». М., Л., 1964. С. 123, 124; Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909; *Велувекамп Я.В.* Нидерландские предприниматели в России, 1550–1785. М., 2006; *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. Рубеж эпох или начало пути. СПб., 2008. С. 295, 296; *Крайковский А.* Биографический аспект трансфера европейских технологий морского промысла в Россию в XVIII в. // Материалы Международного научного семинара «Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы» / Научный редактор А.А. Селин. СПб., 2013. С. 96–105; *Крайковский А.В.* «Как спущенный корабль» - планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I // Россия и Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7 – 9 июня 2013 г. СПб., 2014. С. 261–272; *Крайковский А. В., Дадыкина М. М.* «Грунляндские торги»: монопольные сальные компании от Петра I до Екатерины II (1703 – 1768) // «Petro primo – Catharina secunda»: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII петровского международного конгресса, Санкт-Петербург, 10 – 11 июня 2016 г. СПб., 2017. С. 178–189.

[11] СИРИО. Т. 40. С. 217.

[12] Там же. С. 359.

[13] См. подробнее: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм ... М., 1974. С. 330, 331; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В.* «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А.Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере: 1704 –1721 г. // Меншиковские чтения – 2014: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 71–77.

[14] СИРИО. Т. 40. С. 375.

[15] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 224. Л. 249–250.

в Архангельске привилегированной китобойной компании (Кольское китоловство, или Императорская Гренландская компания) с участием западноевропейских партнеров, указ о создании которой появился 8 ноября 1723 г.[16]. В ее распоряжении находилось пять судов, укомплектованных русским матросами, «ловцов» же следовало вывести из Голландии.

Подобного рода операции носили, разумеется, секретный характер. Посылаемые за границу агенты должны были «все сие держать в великом секрете, чтоб отнюдь никто того не ведал, не только из иноземцев, но ниже из русских, и ни к кому о сей материи не писать, кроме нас одних. Також, куда поедешь, то вид давай, будто для смотрения или какого учения, а не для торгового дела, которое весьма утаивай под всяким удоб вымышленным образом, под наказанием – живота лишением»[17].

Получил подобные инструкции и упоминаемый нами ранее советник Коммерц-коллегии князь Щербатов, 20 августа 1723 г. получивший секретный указ об отправке в Испанию. Под видом «валентира» он должен был направиться в Кадис, ворота Испании в Новый Свет. Здесь ему поручалось основать консульство и организовать русскую торговлю, но на первых порах действовать негласно и, обзаведясь дружественными связями в кругах испанских торговцев, «все разузнать о потребных товарах», определить специфику местного товарооборота и «тайным образом разведовать о той коммерции и разговаривать с купцами»[18]. Особый интерес в Петербурге придавали информации о флоте, «которой из Гишпании в Америку ходит». Собранные сведения могли оказаться полезными, особенно если принять во внимание неоднократно встречающиеся в документах указания на необходимость составить конкуренцию английским и нидерландским судостроителям и торговцам. Не случайно Щербатову предписывалось узнать, по какой цене испанцы покупают корабли и немедленно сообщить об этом в Петербург[19]. «Те корабли продают им англичане и галанцы, – говорилось в указе, – отчего немалой себе авантаж имеют, понеже оные употребляют прежде у себя лет 10 или 12, потом приводят в Гишпанию и продают на щет королевский и партикулируют, за что получают немалое число денег»[20].

7 ноября 1723 г. последовал именной указ Щербатову. «Ехать тебе в Кадис», – распорядился Пётр, и, подтверждая свои ранние распоряжения относительно заведения торговых представительств в Кадисе, направил в помощь Щербатову под именем «валентиров» Якова Матвеевича Евреинова[21] и Александра Андреевича Вешнякова[22]. Параллельно, ради «крепчайшего соединения обоих корон», развивались коммерческие дела с Францией. В начале ноября 1723 г. поручик от галер Иван Антонович Алексеев, когда-то служивший гардемарином на Венецианском флоте, получил предписание отправиться консулом в Бордо, центральный французский порт по торговле с Вест-Индией, «для возстановления коммерции между Россией и Францией». В данных ему инструкциях, напоминавших щербатовские, предписывалось «искать… с тамошними купцами знакомства и разведывать подлинно, какие товары из России и из других стран северных краев во Францию привозимы». В том случае, «если разведать тебе будет не можно, то стараться, чтоб тайным образом о том подлинно разведать», особое внимание уделяя тому, что «флоту их воинскому потребно»[23]. Алексееву надлежало также собрать сведения о торговле вином и изучить перспективы французского рынка для сбыта продукции китобойных промыслов и персидских товаров: шелка, юфти, шафрана, сухофруктов, «орехового, кипарисного и палмового дерева»[24]. Особое место в планах Петра занял вопрос о создании во Франции и Испании русских торговых компаний – «наисельнейшую», по аналогии с нидерландской Ост-Индской компанией, надлежало организовать в Испании. Среди иностранных коммерсантов следовало найти надежных партнеров, а для содержания конторы нанять квалифицированных и лояльных служащих. Агентам предписывалась соблюдать осторожность и рекомендовано действовать «сколь возможно неголосно… дабы лишним эхом вреды вместо ползы не было»[25].

Задуманный императором замысел получил продолжение в мае 1724 г., когда в Адмиралтейств-коллегию поступило распоряжение «изготовить два карабля в посылку и один фрегат на продажу, из которых послать один в Бордо, а два в Кадикс, для того другой, что когда первой продадут, чтоб было людем на чем возвратится»[26].

II

В те же майские дни в канцелярию генерал-адмирала флота Ф. М. Апраксина поступил рапорт капитана 2 ранга Дениса Спиридоновича Калмыкова, офицера знающего и заслуженного, проходившего в свое время обучение штурманскому делу в Великобритании. Датирован он был 25 мая 1724 г. В рапорте Калмыков сообщал, что «в недавнем числе» познакомился с неким «иноземцем»: он был «родом ирландец именем Джеймс Вейт». Судя по сообщению Калмыкова, Вейт ранее служил в Компании Всех Индий Джона Ло, о чем свидетельствовали представленные им патенты. Кроме того, Калмыкову удалось выяснить, что Вейт не в ладах с законом и ганноверскими властями, так как принадлежит «партии, как некоторыя англичане называют претендантской», то есть является якобитом, сторонником свергнутой в 1688 г. в Англии династии Стюартов. Он прибыл в Петербург в 1723 г. на французской торговой флейте и рассчитывал поступить на русскую службу, но неудачно; причин отказа Калмыков не знал («недосведом, чего ради препятствие учинилось»). «По всему видно, что человек неглуп, и морской человек, но паче ведущ в купеческих обхождениях», - докладывал он. По-видимому, Вейт имел знакомства и среди петербургских якобитов – в рапорте упоминался ирландец генерал-поручик Петр Петрович Ласси (Пирс Эдмун де Лэйси, 1678–1751), обосновавшийся в России еще в 1700 г.; о контактах с ним Калмыкову рассказал сам Вейт.

Доверил он Калмыкову и свой секретный проект по внедрению России в Мировой океан, за осуществление которого готов был взяться в случае, если его примут на русскую службу. Вейт рассчитывал, что при помощи Калмыкова он сможет до-

---

[16] ПСЗРИ. Т. 7. № 4349.

[17] Цит. по: *Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Науч. ред. и вступ. статья Д. О. Серова. М., 2017. С. 119.

[18] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 103. Л. 652.

[19] Там же. Д. 104/1. Л. 282.

[20] Там же. Д. 103. Л. 655 об.

[21] Один из трех сыновей Матвея Григорьевича Евреинова, известного московского купца, члена гостиной сотни, получивший образование за границей и являвшийся одним из торговых представителей в Нидерландах. В 1716 г. они были включены в список «лучших купеческих детей», предназначенных для отправки за границу. Якову на тот момент было 9 лет, его братьям Василию и Ивану соответственно 12 и 8 лет (СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 18. Л. 200). О поездке Евреинова в Испанию см.: Инструкции Якову Евреинову, отправленному в Кадис первым русским консулом // Отечественные записки. 1823. Ч. 15.

[22] ОР РНБ. Ф. 885. Д. 124/2. Л. 1. Александр Андреевич Вешняков (ум. 1745 г.), дипломат, обучавшийся в Голландии; в 1724–1725 гг. находился в Кадисе, в 1725–1730 гг. был в России, с 1730 по 1745 г. – на дипломатической службе в Константинополе, сначала в качестве второго резидента, помощника и заместителя министра-резидента И. И. Неплюева, а затем, в 1735–1745 гг. – министр-резидент. По-видимому, приняв католичество, Вешняков был тесно связан с янсенистским священником аббатом Жюбле де ла Куром, приехавшим в Россию в конце 1720-х годов для ведения переговоров о соединении Восточной и Западной церквей. «Дружный» с русским поэтом и драматургом Василием Кирилловичем Тредиаковским, Вешняков, сам переводчик с французского языка, участвовал в книги Луиджи Фердинандо Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком» (СПб., ч. 1-2, 1737), переведенной молодым тогда писателем. По просьбе президента Академии наук И. А. Корфа Вешняков должен был исправить «все в оной [книге] учиненные погрешности», сделать в разных местах «благорассудные ремарки» и вообще представить «свои рефлексии» (см. о Вешнякове: *Успенский Б.А., Шишкин А.Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ: Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1990. № 23 (Июнь). С. 138–141).

[23] ПСЗРИ. Т. 7. № 4341. С. 144. О деятельности Алексеева в Бордо см.: *Уляницкий В.А* Русские консульства за границей... С. 87–107.

[24] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 104/1. Л. 277. Алексеев, ставший затем советником Коммерц-коллегии и вице-президентом Мануфактур-коллегии, дослужился до чина статского советника.

[25] Там же. Л. 294.

[26] Там же. Д. 107. Л. 96.

биться аудиенции у Апраксина, а затем и получит возможность быть представленным самому императору. Поэтому он всячески подчеркивал конфиденциальность своих сведений и оговаривал, чтобы о нем самом и о его плане «не ведал» бы никто, кроме Петра I и Апраксина. Калмыков проникся важностью дела и в рапорте Апраксину подчеркивал, как важно организовать эту встречу «не умедля времяни, пока он не уехал». По данным Калмыкова, Вейт уже якобы собирался вернуться во Францию и даже сел на корабль, «но услышав, что его императорское величество скоро ожидаем сюда … нарочно сошел для ожидания для ожидания известия от вашего сиятельства»[27].

Дошедший до нас проект Вейта состоял из двух частей. Первая часть в своей направленности напоминала планы князя Щербатова. Ирландскому якобиту, как, впрочем, и его русскому современнику, не давали покоя колоссальные прибыли, получаемые западноевропейскими державами, в первую очередь, Нидерландами и Великобританией, от рыболовного и китобойного промыслов. Поэтому, готовя проект, Вейт принимал как данность, что российская «рыбная ловля оскорблена», а «приращение рыболовов и касающихся к тому художников весма обедняло». Между тем, Нидерланды действительно получали колоссальные прибыли от «фантастического избиения китов на крайнем Севере»[28]. По данным, приводимым Ф. Броделем, из 128 судов, отправленных в 1697 г. на промысел, во льдах погибло 7; 121 судно возвратились в родные гавани, добыв 1255 китов, давших 41 344 бочонка ворвани. Каждый бочонок обычно продавался по 30 флоринов, что в целом составляло 1 240 320 флоринов. Каждый же кит по отдельности приносил обыкновенно две тысячи фунтов китового уса, и если оценивать один кинтал по 50 флоринов, то общая сумма, вырученная от продаж, составляла для 1255 китов 1255 тыс. флоринов. В суммарном же виде, обе суммы давали 2 495 320 флоринов[29].

Как полагал Вейт, и российском государству «надобно рыбную ловлю содержать, рыболовов увещательнее возбудить к охоте, других касающихся к тому художников привести в могущество жить своими рукомеслиями». Выгоды обещали быть весьма внушительными. С одной стороны, им принимались в расчет экономические мотивы. Добыча семги и трески возле Ньюфаундленда и в районе Кольского полуострова, дальнейшая ее переработка и продажа соленой рыбы в Северной Испании могли принести большие прибыли в государственную казну, и, соответственно, серьезно увеличить размеры «податей его величеству». Если же к рыболовству, полагал Вей, добавить китобойный промысел, то доходы государства возрастут в разы. Так, хорошее рыболовное судно в 100 тонн с 20 или 25 человек экипажа и лоцманом из иноземцев могло бы отправиться из Архангельска и вернуться с грузом китового «чистаго сала» в 30 тонн, а «может лутче статься, что и 80 тонн»[30]. С другой стороны, рассуждал Вейт, важнейшими мотивами морских промыслов могли бы являться приносимые ими косвенные преимущества: «великое воспитание крепкаго матросов в малое время в удовольствие изобрящется, и его величества морския силы зело приумножатся в силе»[31].

Но настоящий «прорыв» представляла вторая часть проекта Вейта, предусматривавшая организацию широкомасштабной заморской торговли, которая связала бы в единый логистический узел Атлантику и Индийский океаны. За торговыми интересами открывались неожиданные перспективы – невольничья торговля. По мнению Вейта, Петербургу следовало вклиниться в традиционную систему доставки черных рабов, сложившуюся в пространстве Атлантического «золотого треугольника»[32], а затем расширить торговлю «арапами», освоив торговые центры в Бразилии, Мозамбике, на Мадагаскаре и Маскаренских островах. Начало делу должна была положить отправка одного 750-тонного судна, на котором можно было бы перевести «1000 человек арапов» и сопутствующие товары: «корабль для такова взятия надобно быть хорошему и не новому; людей на нем от 160 до 200 человек, а пушек 40». Корабль должен был в августе-сентябре направиться из Балтики в Ла-Рошель, а оттуда двинуться с закупленными по пути грузами вина в Рио-де-Жанейро. Здесь должна была находится главная база работорговли – отсюда с необходимыми для торговли с туземцами товарами, устроив «возбуждение к охоте для будущаго купечества», следовало направляться к Маскаренским островам, на остров Бурбон (совр. Реюньон), закупая «арапов» на Мадагаскаре и в Мозамбике и транспортируя их обратно, в Бразилию[33].

Для успешной реализации своего проекта Вейт предлагал обратиться за поддержкой к пиратам Мадагаскара, которые уже попали в поле зрения русской дипломатии[34]. «Еще же думаю надобно ради благохранения таковаго восприятия, – писал Вейт, – чтоб его императорское величество подал свою амнестию (забвение или прощение) всем таковим пиратам, которыя попадутся или в Мадагаскаре или Индие, где, пронаписуя им впредь жить честно и под позволение в своем государстве жить смирно, которым образом многия приклонятся, которыя чрез меры и количества и богатства бес сумнения распространять публичную благость и прибыль какия-либо нации». Вейт действительно неплохо ориентировался в ост-индских реалиях и особо подчеркивал, что «приумножение, богатство и крепость» французских владений на Бурбоне и Маврикии было обеспечено «чрез многое число пиратов, которых они приняли и паки принимают и укрывают своею протекциею». Осведомлен был Вейт и о шведских планах в отношении пиратов, однако считал, что «пираты приятнее примут протекцию его императорского величества, нежели шведскаго короля и французской Индийской компании, свободности ради бытия в своих разных религиях, которых от оныя власти отрешают всех, которыя не их религии»[35].

К проекту Вейта было приложено и специальное «Толкование речам» – краткий перечень-комментарий использованных в тексте географических топонимов, мер веса, денежных единиц и иных «иноземных» понятий. Среди топонимов, например, упоминались Ла-Рошель («город во Франции не доезжая Бордо»), Мадера («остров не доезжая Тенерифских островов в море»), Пернамбуко («место в Америке, в Бразилии»), Коримба («остров подле материка Мозамбика»), Мозамбик («на берегу материка близ Мадагаскара»), Рио-де-Ла-Плата («река в Бразилии в Америке»), Гвинея («страна в Африке»). Среди экзотических понятий, использованных автором проекта, фигурировали и возможно впервые попавшие в русский язык «корис», известные как раковина каури. По определению Вейта представляют они собой «раковины морския», которые добывают возле острова Коримба «подле материка Мозамбика», и «оныя раковины в Гвинее ходят вместо денег, а паче лутче денег». Даются в «Толковании» и комментарии к денежным единицам: португаль-

[27] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 334, 334 об.

[28] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 187.

[29] Там же. С. 187, 188.

[30] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 288, 288 об.

[31] Там же. Л. 287 об.

[32] О работорговле см. подробнее: *Klein H.S.* The Atlantic Slave Trade. Cambridge, 1999; *Eltis D.* The Rise of African Slavery in the Americas. Cambridge, 2000; *Редикер М.* Корабль рабов: История человечества. М., 2021.

[33] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 291 об., 292, 292 об.

[34] См. подробнее: *Копелев Д.Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 90–107; *Копелев Д.Н.* Битва португанов… С. 407–460; *Копелев Д.Н.* «Пираты приятнее примут протекцию его императорского величества»: колониальные проекты Петра Великого и якобитские заговоры 1718-1725 гг. // Российская история. 2022. N 2. С. 111–125.

[35] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 292.

ским золотым майдорам «в цену по 6 ефимков» и испанским «кусинам осминным» – «гишпанским ефимкам, в котором во всяком по осьми реалов»[36].

Из документов не удалось установить, состоялась ли встреча императора с Вейтом. Однако, можно предположить, что представленный им проект позволял российским властям более детально представить общую картину состояния дел в Ост-Индии, Африке и Америке и нащупывать уязвимые зоны на политической карте мира. Сбор информации о состоянии дел в Мировом океане выступал важнейшей частью подготовительных мер по расширению российский интересов. И, судя по всему, переход от сбора информации к реальным действиям происходил достаточно динамично. Указом от 4 августа 1724 г. была учреждена торговая компания под государственным контролем и на казенные средства с целью установления торга с Испанией. «Понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут, того ради, коммерц-коллегия, для сей новости, дирекцию над сим и управление должна иметь как мать над дитятем ва всем, пока в совершенство придет»[37]. Осенью 1724 г. в Бордо со специальной миссией направился гукор «Кроншлот». 24 декабря в Адмиралтейств-коллегию поступил указ об отправке в Испанию корабля «Страффорд» (замененного затем на «Девоншир») и двух фрегатов, ранее подготовленных для Мадагаскарской экспедиции: «Амстердам-Галлей и «Декронделивде». Во Францию же должен был направиться один из фрегатов: «Армонт» или «Эсперанс»[38]. Заключительным аккордом в задуманных императором колониальных предприятиях стали его декабрьские распоряжения 1724 г. относительно отправки экспедиции Витуса Беринга на поиски морского прохода к берегам Северной Америки. Однако петровские планы экспансии в Мировой океан сорвались в январе 1725 г. – внезапная смерть императора изменила векторы дальнейшего развития колониальной экспансии Российской империи, отсрочив продвижение в Мировой океан.

[36] По-видимому, имелись в виду испанские серебряные монеты, получившие известность как «корабельные пиастры», макукины и песо.

[37] ПСЗРИ. Т. 7. № 4540. С. 332.

[38] 14 мая 1725 г. корабли, определенные для плавания в Испанию, вышли из Ревеля с грузом воска, железа, пеньки, холта, сала, щетины, юфти, смолы и мыла. 24 августе они прибыли в Кадис (МИРФ. Ч. V . СПб., 1875. С. 90–98). Отправка фрегата «Эсперанс» задержалась на один года, и он прибыл в Бордо в сентябре 1726 г. (Там же. С. 268).

Е.Г. Полуэктова, С.Н. Третьякова

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ПРОЕКТАХ СПОДВИЖНИКОВ И СОВРЕМЕННИКОВ ПЕТРА I

Эпоха Петра I характеризуется активной внешней политикой и многочисленными внутренними преобразованиями. Определенное внимание, конечно же, уделялось освоению обширных российских территорий и тех природных ресурсов и возможностей, которые они таили. Установление новых путей сообщения было необходимым элементом в развитии торговли и промышленности.

Самого названия северный морской путь в то время еще не существовало, до начала XX века использовалось понятие северо-восточный проход. Считается, что возможность плавания по северному пути впервые была высказана еще пять веков назад Дмитрием Герасимовым, русским посланником в Риме (1525 г.), что и записал его итальянский собеседник: «…море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда (от р. Северной Двины – С.Т.) можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли»[1]. Но неудачный опыт англичан и голландцев заставил их надолго отказаться от поиска северо-восточного прохода.

В то время не шло речи об исследованиях и освоении северного морского пути на всем протяжении в современном понимании. Уровень географических знаний еще не позволял представить общую картину. В основном рассматривались участки: от Архангельска до р. Обь, Восточный (Сибирский) и северная часть Тихого Океана. Не будем забывать, что многие полярные плавания исторически совершались поморами и служилыми людьми.

Хорошо известен интерес Петра еще с молодых лет далеким морям и землям: Белое, Азовское, Балтийское и Каспийское моря, он стремился побывать везде. В статье рассматриваются не только предложения по развитию северного морского пути, но и отношение к освоению арктического региона самого Петра Великого.

Начнем со свидетельства английского инженера-гидротехника, капитана Джона Перри. Он был приглашен в Россию во время посещения Петром Англии в 1698 г., находился на русской службе 14 лет, покинув страну в 1712 г. Перри утверждал, что не раз слышал, как царь выражал намерение послать людей с целью снять верную карту страны, чтобы определить «есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч.». Морской путь для торговли между Москвой и Пекином, пояснял автор, был бы значительно удобнее сухопутного, который требовал большого количества людей и лошадей, расходов и времени[2]. Не забывая о заинтересованности самих англичан к возможности такого пути,

[1] *Павел Иовий Новокамский.* Книга о московитском посольстве // В книге: Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 262.

[2] *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. Пер. с англ. М., 1871. С. 40-41.

Перри добавлял, что и для европейских кораблей в таком случае плавания стали бы незатруднительны.

Но Перри далее уточнял, что царь был мнения, «что путь этот не существует, и говорил, что по его соображениям, эта страна (речь идет о Новой Земле – *С.Т.*), вероятно в этом месте соединяется с Америкой». Он полагал, что раньше климат на Крайнем Севере был мягче, и эта часть света была населена в те времена, когда не было такого количества льда и «холод не так сильно свирепствовал около полюсов»[3]. Очевидно, что здесь прослеживается влияние сочинения Николааса Витсена, голландского ученого и картографа, общественного деятеля.

Николаас Витсен в России был только раз (в составе голландского посольства 1665–1667 гг.), но много лет собирал сведения о Крайнем Севере и Сибири[4]. Его книга «Северная и Восточная Тартария» вышла в 1692 г. Это было первое подробное исследование о Сибири, Монголии и Центральной Азии в Европе. Витсен имел сеть корреспондентов, из иностранцев, бывавших в России и Азии, и русских людей. В книге он опубликовал первую в Европе подробную карту Сибири.

Петр I был дружен с Витсеном, тот как бургомистр Амстердама принимал царя, а затем сопровождал его во время великого посольства по Нидерландам, впоследствии переписывался с ним. Ранее, при посредничестве Витсена в Нидерландах был построен военный русский корабль «Св. Пророчество», который Петр торжественно встречал в Архангельске в 1694 г. Второе издание своей книги «Северная и восточная Тартария» (1705 г.) Витсен посвятил Петру.

Витсен считал, что плавание по северному морскому пути невозможно, о чем он предупреждал во Введении к книге. «В связи с опасностью я не только не советую идти северным путем, но настойчиво предупреждаю о риске потерять корабли и самую жизнь»[5]. Среди препятствий он называл мощные льды, сильные ветра и туманы, короткое лето. Он также указывал на существовавшие разногласия по поводу того, является ли Новая Земля островом или частью материка, но сам придерживался первой точки зрения. Рассуждал о том, какой путь избрать, если все-таки предпринять такое плавание – огибать ли Новую Землю с севера или пытаться пройти через пролив, забитый льдами. Приводил свидетельства, что устья сибирских рек опасны для судоходства из-за большого количества льда и других препятствий[6]. Кроме того, тогдашние представления о северо-восточной оконечности Азии были очень смутными.

Вышеизложенное надо иметь в виду, прежде чем мы обратимся к рассмотрению отечественных предложений освоения северного морского пути, или как в литературе они получили название – проектов. Напомним, что они были опубликованы и исследованы историком и архивистом Н.П. Павловым-Сильванским.

Первый был составлен Федором Степановичем Салтыковым (? – 1715). Он принадлежал к боярскому роду, жил с отцом несколько лет в Сибири, был послан учиться за границу, находился на военной службе, затем работал корабельным мастером на Олонецкой верфи, верфях С.-Петербурга и Новой Ладоги. В 1711 г. Федор Салтыков был послан за границу с секретной миссией покупки судов «дешевою ценой».

[3] Там же. С. 49.

[4] См. о Н. Витсене: *Наарден Б.* Николаас Витсен и Тартария // Северная и Восточная Тартария. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 3. С. 35-98.

[5] *Витсен Н.* Указ. соч. Т. 1. С. XII-XIII.

[6] Там же. С. 1136, 1152.

Ему было велено вести себя инкогнито, выдавая за русского дворянина, в корреспонденции соблюдать осторожность и «обо всем писать цифирью»[7]. Вместе с тем он выполнял ряд поручений, нанимал морских офицеров и матросов, различных мастеров. В 1712 г. он осел в Англии, став лондонским агентом, где жил до своей смерти. Павлов-Сильванский отмечал, что Петр не очень жаловал Салтыкова, и в Англии ему жилось нелегко.

Под влиянием своего увлечения Западом Салтыков подготовил две записки царю. Первую он назвал «Пропозиции» (1712 г., была доработана в начале 1713 г.). Спустя год он представил вторую записку – «Изъявления прибыточныя государству» (1714 г.). Петр выразил желание ознакомиться с его работой.

В первой записке Салтыков советовал Петру строить корабли в устье Енисея, чтобы «кругом сибирского берега проведать, невозможно ли найти каких островов, которыми б мочно овладеть», а если таких островов не сыщется, можно на этих кораблях «купечествовать» в Китай и другие острова[8].

Наиболее интересна 25-я глава «Изъявлений», которая называлась «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай».

Автор предлагал построить два-три небольших судна в устьях рек Двины, Оби, Лены и других, в том числе Амур-реки, «если она в вашем державстве, только я о том неизвестен». Затем отправить морских людей из иностранцев и русских с целью описи «от Двинского устья до Обского устья, а от Обского до Енисейского, а от Енисейского до Ленского, и до последнего речного устья, которое сыщется…».

Им следовало описывать «по берегам и на море» устья рек, глубину и течение воды, ширину и длину, и «на какой румб какое ни есть знатное место, дерево, гора, строение или им подобное лежит, и расстояние их», где могут быть пристани, морские отмели, песчаные банки, якорные места, острова на море, и «какие где леса, звери и люди», и т.п. В общем, все описывать, и посылать собранные сведения в Петербург.

Когда путь отыщется, он предлагал построить крепости на Новой Земле и на материке, с тем, чтобы «для проезжих всех кораблей установить пошлины», как это делалось в европейских проливах.

Салтыков указывал на преимущества торгового пути через Ледовитый океан. Во-первых, этот путь короче южного (этот же аргумент используется и в наши дни), во-вторых, во время таких длительных и трудных плаваний много людей умирает от жары и скудного питания (об этом впоследствии писал и М.В. Ломоносов: «Лишает долгой зной здоровья и ума; // А стужа в севере ничтожит вред сама»). Выгоды северного плавания привлекут иностранцев. Салтыков понимал, что возникнут трудности, но считал, что без этого «никакое дело не происходит», напоминал об англичанах и голландцах, которые не боятся искать новых земель[9]. Как следствие, «оный проход даст вашему государству великое богатство и прибыль». Что соответствовало названию всего проекта.

Добавим, что в противовес распространенному мнению о невозможности пройти льдами, Салтыков советовал совершить попытку, и кому, как не поданным российского государя, уверял он, «удобно чинить» такое плавание.

[7] *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 13.

[8] Там же. С. 44.

[9] *Павлов-Сильванский Н.* Указ. соч. Раздел II. Проекты. С. 32-34.

Другой проект был предложен Алексеем Александровичем Курбатовым (1659?–1721), который назывался «Пункты о Кабинет-коллегиуме» (1721 г.). В нем был пункт об отыскании морского пути в Китай и Японию через р. Обь.

А. Курбатов был из крепостных, подал проект царю о введении гербовой бумаги, за что был отпущен на волю и взят на государственную службу («прибыльщиком)». В 1711–1714 гг. был начальником Архангельской губернии в звании вице-губернатора. Был отставлен от должности по обвинению во взяточничестве, но не признал вины.

А. Курбатов предлагал послать в сибирские города «вернонадежных людей», чтобы узнать, «возможно ли реками Обью и прочими сыскать и учинить ход в тамошнее море, ради употребления торгов с Хиною (Китаем) и Японию и ради проведывания тамошних государств и всяких народов». В случае обнаружения морского пути заложить поблизости от моря гавани и верфи, «где б возможно было строить морские, приличные тамошнему морю суды». Для этого послать с ними «искусных навигаторов и морских судов одного или двух мастеров, и из учеников инженерских»[10].

Как видно, в отличие от более разработанного плана Салтыкова, Курбатов ограничился лишь указанием основных важных моментов – разведать и построить. Безусловно, что на Салтыкова повлияло проживание в морской державе, суда которой первыми из европейцев пытались осуществить плавания по северо-восточному проходу, а также более широкий круг общения.

Павлов-Сильванский датировал проект Курбатова 1721 г., однако советский исследователь истории арктических плаваний М.И. Белов считал, что он появился раньше, в годы его пребывания на должности вице-губернатора Архангельска. Такого же мнения придерживался и архангельский историк В.Н. Булатов[11]. На первый взгляд определенная логика в этом есть. Но Павлов-Сильванский подразумевал весь проект Курбатова. При том, что определенные воззрения в отношении развития северного морского пути могли у Курбатова появиться действительно в период его пребывания в Архангельске, вряд ли стоит оспаривать выводы Павлова-Сильванского. Маловероятно, что Курбатов занимался разработкой своего проекта в течение 10 лет.

Предложения Ф. Салтыкова и А. Курбатова о поисках и использовании северо-восточного прохода были составной частью их общих проектов преобразований, причем не были в них центральными. У Салтыкова это 25-я глава из общего числа 33 глав, у Курбатова 21-й пункт из 25. Но это свидетельствует о понимании авторами важности развития морских торговых путей и освоения северных территорий. Они не ограничивались лишь вопросами северного плавания, писали о развитии морских и других промыслов, разведывании полезных ископаемых.

Авторы проектов не дождались ответа царя на свои предложения. Известно, что Петр ознакомился с записками Салтыкова, делал отметки на полях. Некоторые вопросы передал на рассмотрение специалистов. Глава об экспедиции в Ледовитый Океан была передана адмиралу Ф. Апраксину. Однако о реакции последнего, как указал Павлов-Сильванский, сведений нет[12].

Думается, что у Петра пока просто не было возможности заниматься этими вопросами. Северная война еще продолжалась, да и других насущных задач хватало.

[10] Там же. С. 55-56.

[11] *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 236; Булатов В.Н. Русский Север. Архангельск: ПГУ, 2002. Кн. 4. С. 13.

[12] *Павлов-Сильванский Н.* Указ. соч. С. 35.

Позволим себе предположить, что Петр понимал всю сложность решения этой задачи, даже маловероятность ее реализации в тех условиях – удаленность от центральной России, суровый климат, несовершенные средства передвижения, отсутствие точных сведений. Напомним мнение Н. Витсена и воспоминания Дж. Перри. У последнего, кстати, было уточнение о том, что царь собирался посылать людей снимать карту страны, «как только наступит мир и он будет иметь досуг заняться этим исследованием»[13].

В итоге, интерес Петра переключился на тихоокеанский регион. И здесь следует обратиться к фигуре, которая могла оказать определенное воздействие на царя в этом отношении. Речь идет о Готфриде Вильгельме Лейбнице (1646–1716), немецком философе и математике, основателе и президенте Берлинской Академии наук.

М. Филиппов утверждал, что Лейбниц впервые встретился с Петром в июле 1697 г., когда тот предпринял путешествие в Голландию с целью изучения морского дела. Свидание Лейбница с Петром I в Ганновере в Коппенбрюкском дворце было непродолжительно, но все-таки успело ознакомить философа с «личностью, слишком выдающейся, для того, чтобы не произвести на него сильнейшее впечатление»[14].

Однако в сочинении историка В.И. Герье указано, что Лейбница на эту встречу Коппенбрюкском дворце (Петр встречался с семейством курфюрстины Софьи-Шарлотты) не пустили, чем он был огорчен[15]. Лейбниц проявлял интерес к молодому царю, написал несколько записок, предназначенных для Ф. Лефорта, а через него и для царя, хотя неизвестно, достигли ли они своего назначения. В основном эти записки (мемориалы) касались просвещения, введения наук в России, «распространения цивилизации на север и восток». Ученый уверял, что Петр «избран Проведением» для этого великого дела, что это принесет общие выгоды для всего человечества, размышлял об учреждении Академии наук в России. В одном из писем он предлагал исследовать берега северо-восточной Азии, соединяются ли Азия с Америкой или разделяются проливом[16]. Лейбниц также был заинтересован получать сведения и из России.

В 1711 г. в Торгау царь и ученый познакомились на свадьбе царевича Алексея с Шарлоттой Кристиной. Осенью следующего 1712 г. Петр I прибыл в Карлсбад на лечение и пригласил Лейбница на встречу, где они обсуждали вопросы политические и научные. Петр I тогда же принял философа на русскую службу в чине тайного юстиц-советника и назначил ему жалование 1000 талеров в год[17].

В записке 1712 г. на имя Я. Брюса, помимо других вопросов, Лейбниц затронул тему, которая его очень интересовала – о границе между Азией и Америкой. Разрешение этого вопроса, как он считал, «доставило бы его царскому величеству большую славу и как будто предназначено для него Проведением», так как граница не исследована только в одном месте, и это место находится во владениях царя. Причем он предлагал поручить это не военным морякам, он считал, что такое путешествие могут предпринять «туземцы окрестной области» в летнее время, когда солнце поч-

[13] *Перри Дж.* Указ. соч. С. 40.

[14] *Филиппов М.М.* Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность. СПб., 1893. Режим доступа: http://az.lib.ru/f/filippow_m_m/text_1893_leibnitz.shtml (дата обращения: 20.04.2022 г.).

[15] *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотека. СПб., 1871. С. 11.

[16] Там же. С. 18.

[17] Там же. С. 159-160.

ти не заходит. Это можно сделать не за один раз, но постепенно, устраивая по мере продвижения стоянки и передвигаться все дальше. Исследование можно производить не только сухим путем, но легче водой по обеим сторонам перешейка. Тогда можно будет увидеть, суживается там земля или расширяется[18].

Говорил об этом немецкий философ и при личной встрече с царем в 1716 г. в немецком Пирмонте, где Петр провел 20 дней и лечился на водах[19]. Это была уже третья и наиболее продолжительная личная встреча ученого с Петром. Во всех письмах этого периода Лейбниц упоминал Петра с «благоговением к великому государю». Он удивлялся его живости и уму, с каким пониманием он ведет речи. Петр осведомлен о механических искусствах, но главный его интерес составляет мореплавание, поэтому он любит астрономию и географию. Ученый выражал надежду, что через него мы узнаем, соединена ли Азия и Америка.

Считается, что разговор в Пирмонте имел своим следствием экспедицию Беринга. Но, как отметил Герье, Лейбниц не оставил никаких подробностей о своих встречах и беседах с царем в Пирмонте, так же как в Торгау и Карлсбаде[20].

В 1719 г. Петр I решает отправить геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина для описания Камчатки и выяснения вопроса о соединении северо-восточной Азии и Америки. Царь лично написал инструкцию: «Взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куда указано, описать тамошние места, сошлась ли Америка с Азиею, что подлежит тщательно сделать не только сюйд и норд, но и ост и вест и все на карту поставить»[21]. Это путешествие держалось в секрете. Отчет экспедиции с картой Сибири, Камчатки и Курильских островов был представлен царю в Казани в 1722 г.

Заметим, что между письмом Лейбница 1712 г. и экспедиций Евреинова-Лужина прошло порядка 6-7 лет. В этот промежуток времени помимо встречи в Пирмонте, состоялась поездка Петра во Францию в 1717 г. Наряду с решением дипломатических задач (подготовка русско-французского союзного договора), Петра интересовала Королевская Академия наук, членом которой он был избран чуть позже за участие в составлении подробной карты Каспийского моря и его побережья. Французская Академия наук предлагала Петру самой совершить экспедицию для исследования пролива и просила разрешения пропустить в Сибирь несколько членов академии, на что Петр ответил уклончиво, пообещав сделать это силами русских моряков[22].

Самым известным географическим предприятием Петра считается экспедиция, которую возглавил Витус Беринг, она отправилась из Петербурга за три дня до смерти Петра. Можно привести воспоминания А.К. Нартова, механика и токаря, близко общавшегося с Петром. Он описывал как царь в начале января 1725 г., предвидя скорую кончину, «спешил сочинять наставление такого важного предприятия» для генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Петр вспоминал, что о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию он «мыслил давно», но другие дела предпринять мешали. На морской карте «путь, называемый Аниан[23], назначен не напрасно», в своем последнем путешествии он слышал от ученых людей, что такое обретение возможно. И далее продолжал, что «оградя отечество безопасностию от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через науки и искусство. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»[24].

Известно, что воспоминания А.К. Нартова были составлены гораздо позже, и записаны его младшим сыном[25]. Они не всегда были рассказами очевидца, содержали много заимствований из других источников, и скорее их можно считать сборником преданий о царе. Но в последние годы жизни царя А.К. Нартов действительно находился при Петре. Если можно сомневаться в точности передаваемых слов Петра, то вряд ли сама суть изложенного была искажена повествователем. В них мы видим и давний интерес самого царя, и влияние иностранных ученых.

Вопрос о степени влияния советов Лейбница на Петра остается спорным, учитывая, что его интерес имел чисто научный характер. Экспедиция была предпринята, как писал Кушнарев, потому что стала необходимой. Петр правильно понял эту необходимость и нашел возможность для ее осуществления[26].

По поводу трактовки цели экспедиции учеными, особенно в советский период, сломано немало копий: имела ли она научно-географический, экономический или политический характер[27]. Гидрограф С.В. Попов считал, что эта экспедиция преследовала в первую очередь практические цели – отыскать и описать новые морские пути, поэтому ее «можно назвать гидрографической»[28]. Зная масштаб личности Петра и его деяний можно не сомневаться, что для него важно было все.

По мнению А.В. Ефимова, Петр вообще не считал необходимым раскрывать свои замыслы, поэтому не надо принимать его заявления на веру. А участники экспедиции прекрасно знали, что она является секретной, и поэтому придерживались официальной «географической» версии. Вообще многое в этом направлении делалось под покровом таинственности. Примеры можно привести и при организации экспедиций при Анне Иоанновне (инструкция Берингу 1732 г.) и при Екатерине II (высокоширотная экспедиция В.Я. Чичагова 1765–1766 гг. по проекту М.В. Ломоносова). И это не случайно, речь шла, говоря современным языком, о защите интересов страны.

Экспедиция Беринга (Первая камчатская экспедиция) не достигла ожидаемых результатов. В течение десяти лет (1733–1743гг.) в водах и на побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов работала Великая Северная экспедиция (Вторая Камчатская), также под руководством В. Беринга. Это было продолжением начинаний Петра Великого, и можно предположить, что, если бы история отвела Петру больше времени, он вполне мог быть инициатором такой экспедиции.

Работа экспедиции была разбита на несколько отрядов. Ее программа, заметим, во многом совпадала с предложениями Федора Салтыкова. Несмотря на все трудности, Великая Северная экспедиция существенно расширила географические и другие сведения о берегах Ледовитого океана. Были нанесены на карты полярные пределы России, низовья больших сибирских рек. Русские «официально» достигли берегов

[18] Там же. С. 146-147.

[19] *Герье В.* Указ. соч. С. 187; *Масса-Эстеве М.Р.* Встречи Петра и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах. Пер. с фр. // Европейские маршруты Петра Великого. Материалы IX Межд. петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 280-291.

[20] *Герье В.* Указ. соч. С. 188.

[21] ПСЗ. Т. V. № 3266.

[22] *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. С. 36; *Белов М.И.* Указ. соч. С. 250.

[23] Анин, Анианский пролив (El Streto de Anian) – предполагаемый пролив, отделяющий американский континент от Азии, изображался на европейских картах с начала XVI в.

[24] *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 98-99.

[25] Там же. С. XIV.

[26] *Кушнарев Е.Г.* Нерешенные вопросы истории первой камчатской экспедиции // Русские арктические экспедиции XVII-XX вв. Вопросы изучения и освоения Арктики. Ленинград: Гидрометеоиздат, 1964. С. 7.

[27] См.: *Ефимов А.В.* Указ. соч. С. 34-40; *Кушнарев Е.Г.* Указ. соч. С. 5-15.

[28] *Попов С.В.* Автографы на картах. Архангельск: СЗКИ, 1990. С. 22.

Америки и Японии. Но экспедиция показала невозможность сквозного плавания по северным морям в тех условиях.

В заключение, не надо преувеличивать, на наш взгляд, интерес Петра I к Арктическому региону и северному морскому пути. Конечно, источников недостаточно, многие из них являются субъективными, другие носят спорный характер. Например, много вопросов вызывает сюжет о решении Петра построить на Новой Земле и Югорском Шаре крепости[29].

Другой невыясненный вопрос связан с сообщением об отправке Петром людей, «сведущих в мореплавании, географии и астрономии» в устье Оби для исследования, судоходно ли с этой стороны Ледовитое море, и есть ли там порты. Об этом говорилось в донесении французского посла в декабре 1721 г.[30]. О самой этой экспедиции также существуют противоречивые точки зрения[31], и можно сомневаться, была ли она в реальности.

Трудно согласиться с мнением, что в эти годы изучение северных морских путей было поставлено как дело государственной важности. Скорее можно говорить о начале формирования государственной политики в этом направлении.

Но показательно, что многие ученые и государственные деятели того времени возлагали свои надежды на российского императора, но время для решения таких смелых задач еще не пришло. М.В. Ломоносов, который придавал освоению Арктики, развитию северного мореплавания большое значение, напрямую связал эти идеи с фигурой Петра I. Именно в уста Петра Великого в одноименной поэме вложил ученый свои пророческие слова об освоении русскими людьми Северного морского пути:

«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана – протти покрыту льдами воду.
……
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава,
Но ныне настоит в войнах иная слава»[32].

[29] *Белов М.И.* Указ. соч. С. 242.

[30] Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 422-423.

[31] См.: *Белов М.И.* Указ. соч. С. 239; Ефимов А.В. Указ. соч. С. 200.

[32] *Ломоносов М.В.* Петр Великий // Избранные произведения. В 2 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 273.

Н.С. Федулин

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ ПЕТРА I В РАБОТАХ П.Н. МИЛЮКОВА

Реформаторская деятельность Петра Великого разделяет историю России на средневековье и эпоху нового времени. Петровская модернизация, изменившая исторический облик России, стала ключевым вопросом русской мысли. В чем состояла необходимость Петровских преобразований? Какова была их цель, и какое значение они имели для исторического развития России? Эти и другие вечные вопросы изучали выдающиеся историки, занимающиеся эпохой Петровского времени. В том числе и известный либеральный деятель П.Н. Милюков, сыгравший важную роль в политическом развитии России начала XX в.

По окончании Московского университета П.Н. Милюков занимался преподавательской деятельностью и состоял на должности приват-доцента в том же университете. Тема петровской модернизации отражена в его диссертационном исследовании «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», реализация которого шла с 1886 по 1892 гг. Что же подвигло молодого ученого работать в данной области? В своих воспоминаниях П.Н. Милюков писал о том, что тема была выбрана не просто так. Недостаточная изученность архивных данных, связанных с экономической жизнью России того времени, давала возможность П.Н. Милюкову стать первооткрывателем в данной области: «…Это была работа, построенная на громоздком и обширном архивном материале, до тех пор никем не тронутом, и касалась истории учреждений и финансов в связи с государственной экономикой Петра Великого. Тема подсказывалась новым взглядами на задачи исторической науки, усвоенными под влиянием П.Г. Виноградова»[1]. В предисловии к своей диссертации П.Н. Милюков конкретизировал новые взгляды на задачи истории как науки: «Раньше всего внимание исследователей обратилось на оценку культурной стороны реформы, и выводы, сделанные в этой области, долго имели решающее значение при общей характеристике реформы… Признавая вполне необходимость дальнейших работ в прежней области культурной истории, мы лично предпочли употребить свой труд на разработку другой области, имеющей, во всяком случае, не меньшее теоретическое значение и, как нам кажется, более близкое отношение к очередным запросам исторической науки. Эта наука, как мы понимаем ее современные задачи, ставит на очередь изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений…»[2].

Тема петровской модернизации еще с середины XIX в. являлась предметом споров и дискуссий в общественной мысли России, ярким примером которых может служить оценка реформ со стороны западников и славянофилов. В этом отношении работа П.Н. Милюкова имела важное политическое значение: «…Работа имела известный политический оттенок, так как врывалась в самую гущу споров между западниками и славянофилами. Моя задача была – объяснить значение петровской

[1] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.С. 105.

[2] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. XIII.

реформы. Но я отвергал старую постановку спора, как она велась в поколениях 40–70-х годов... Мой тезис был, что европеизация не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды. При таком понимании происхождения реформы надо было связать ее с предыдущим процессом внутреннего развития»[3]. Резюмируя, можно сказать, что П.Н. Милюков стремился, в первую очередь, внести личный вклад в развитие российской исторической науки. Его целью в работе с экономическими источниками петровского времени было определение нового взгляда на роль Петра в преобразованиях, их необходимости и значения для истории России. В итоге П.Н. Милюков хотел получить «нечто новое, чем просто компромиссы между давно высказанными теориями»[4].

Говоря об эволюционном характере петровских преобразований, связанных с предыдущим внутренним развитием России, П.Н. Милюков указывал на процессы, происходившие в Российском государстве XVII в., которые заставляли правительство проводить реорганизацию податной и приказной систем. Эти изменения были вызваны тем, что Московское государство столкнулось с проблемами в обеспечении военных расходов. П.Н. Милюков приводил интересную метафору: «Московское государство болело тою же болезнью роста, которая далеко не закончилась в это время и в континентальных государствах запада, хотя началась там гораздо ранее, – переходом к регулярной армии. Решительным переломом этой болезни было у нас время Петра Великого, изучение которого и составляет ближайшую задачу настоящего исследования. Но кризис Петровского времени подготовлялся и назревал в течение всего XVII в.; тогда уже сделан был диагноз болезни и даже испробованы различные способы лечения; в этом отношении, как и в других, Петровская эпоха дала только последний толчок давно совершавшемуся процессу»[5].

Какие же способы лечения болезни, связанной с ростом регулярной армии, предпринимали российские правители в XVII столетии? На протяжении XVII в. состав армии Российского государства сильно изменился: постепенно потеряли свое значение дворяне и дети боярские (поместная конница), а на первый план вышли полки иноземного строя, впервые используемые Михаилом Федоровичем в ходе Смоленской войны. Такое изменение неминуемо привело к росту военных расходов государства, особенно в период военных действий, и, соответственно, потребностям правительства в увеличении доходных статей бюджета.

П.Н. Милюков подробно изучил особые сборы на военные нужды. Так, на протяжении XVII в. значительно увеличилась стрелецкая подать; в связи с военными потребностями правительство организовало сбор пятой деньги в ходе Смоленской войны; во второй половине 1630-х годов был введен новый экстренный сбор на строительство городов и выплату жалования ратным людям; экстренные сборы на военные нужды активно взимались во время войн с Речью Посполитой, Турцией и Швецией в правление Алексея Михайловича и Федора Алексеевича[6]. Все эти меры свидетельствуют о том, что еще в правление первых Романовых Российское государство столкнулось с симптомами болезни перехода к регулярной армии и предпринимало попытки ее лечения увеличением доходных статей бюджета. К ним же мерам можно отнести попытку повышения налога на соль вместо взимания ямских

[3] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.С. 105–106.
[4] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство...С. XIII.
[5] Там же. С. 2.
[6] Там же. С. 58–59, 65, 67, 77.

и стрелецких денег, проведение подворной переписи и введение единой пошлины в правление Алексея Михайловича.

Важные реформы податной и приказной систем произошли и в правление Федора Алексеевича: приказ Большой казны концентрировал значительные финансовые поступления от Галицкой, Владимирской чети и приказа Большого прихода, вместо прямых налогов была введена единая стрелецкая подать, направляемая в Стрелецкий приказ, посошный сбор прямых налогов был заменен на подворный. Исходя из изучения процессов реорганизации, происходивших на протяжении всего XVII в., П.Н. Милюков сделал вывод: «То состояние, в котором мы застаем государственное хозяйство России ко времени Петра Великого, есть уже продукт весьма многочисленных перемен, совершившихся в течение всего XVII столетия. После всех этих перемен уцелело уже очень немногое из тех черт, которыми характеризовалось государственное хозяйство начала XVII в.»[7].

В своем исследовании П.Н. Милюков выделял две тенденции в истории государственного хозяйства допетровской России: «Стремление к дифференциации финансового управления и концентрации сборов – с одной стороны, и стремление к увеличению постоянной прямой подати – с другой. Они были вызваны потребностью правильного и постоянного дохода на военные нужды, сосредоточенного, но возможности, в одних руках»[8].

Эти процессы продолжались и в правление Петра I, только Северная война, потребовавшая значительно больше ресурсов, чем войны во второй половине XVII в., придала им более интенсифицирующий характер. Тем не менее, П.Н. Милюков, признавая исторические прецеденты реформы, в заключительной главе своего исследования отрицательно отвечал на вопрос о внутренней готовности русского общества к петровским преобразованиям, отдавая предпочтение внешним факторам ее начала и рассматривая петровскую реформу как несвоевременную[9].

П.Н. Милюков характеризовал правление Петра I до 1709 г. как период приказного хозяйства, сопровождающийся разрушением старого приказного строя. Одним из первых проявлений этого разрушения является создание Ратуши, в которой концентрировалась большая часть старых сборов, вследствие чего часть территориальных (областных) приказов теряла свое значение. В этом отношении, писал П.Н. Милюков, создание Ратуши «довершает то, что было начато реформой 1681 г., сосредоточившей меньшее количество их (старых сборов) в Большой казне»[10]. В это же время создавались новые военные приказы с финансовым значением, что внесло противоречие в тенденцию централизации государственных доходов.

Начавшаяся в 1700 году Северная война поставила новые задачи перед финансовой системой России. Рост военных расходов заставил правительство находить новые источники доходов: переплавка серебряной монеты, налоги на бани, частную ловлю рыбы, монополия государства на торговлю солью, алкоголем и др. Все эти мероприятия не могли удовлетворить государственные нужды, и к 1710 г. ожидался полумиллионный дефицит бюджета, сопровождавшийся снижением платежеспособности населения. П.Н. Милюков, подробно рассматривая эти явления, указывал на то, что реформа Петра еще и не началась в данный период: «Это хозяйничанье изо дня в день, конечно, не представляет ничего похожего на реформу»[11].

Финансовый кризис, показавший нефункциональность старых учреждений,

[7] Там же. С. 105.
[8] Там же. С. 106.
[9] Там же. С. 735.
[10] Там же. С. 710.
[11] Там же. С. 165.

стал причиной перехода к новому губернскому порядку. П.Н. Милюков так характеризовал этот переход: «Разрушение старого порядка было не преднамеренным результатом деятельности законодателя, а невольным последствием ежедневной практики старого механизма, совсем не рассчитанного на количество потребовавшейся от него новой работы. Не реформаторская деятельность Петра вызвала разрушение старых учреждений, а падение старых учреждений заставило правительство обнаружить реформаторскую деятельность. Мы видели, что в процессе разрушения не было сознательной логики; теперь нам предстоит увидеть, что и в процессе созидая не было сознательного творчества»[12].

Выход из кризиса, вставшего перед Россией вследствие военных потребностей, правительство нашло в спасении наиболее важных расходов, жертвуя наименее нужными – местными расходами. Вместо центральной администрации создавались местные кассы, которые сразу захватывали государственные сборы «в самом их источнике». Именно в этом П.Н. Милюков видел идею «первых петровских губерний»[13]. Прецеденты реформы историк нашел в военно-финансовых округах XVII столетия. Так, еще во время войн Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в распоряжение военных корпусов «отдаются служилые контингенты соседних городов» и местные финансовые ресурсы[14]. Рассматривая реформу как необходимость вследствие ведения Северной войны, а также как результат внутреннего развития России в XVII в., П.Н. Милюков писал, что она «не носит в себе ничего индивидуального, ничего, вызванного капризом законодателя»[15]. Тезис о том, что роль Петра I в преобразованиях была ограничена, является одним из ключевых в работе П.Н. Милюкова. Рассматривая дальнейшие преобразования, П.Н. Милюков утверждал, что на примере Петра можно наблюдать «реформу без реформатора»[16].

В результате учреждения губернских касс, доходы которых шли на удовлетворение военных потребностей, часть центральных учреждений перестала функционировать (Ратуша, Ижорская канцелярия и др.), а другие получили характер губернских органов (например, Казанский, Сибирский приказы). П.Н. Милюков указывал на падение роли центральной администрации как на причину учреждения сената: «Прежде всего, помимо губернских сборов существовали доходы, находившиеся в непосредственном заведывании центральных учреждений: прибыль с денежной операции, доход с продажи соли и других казенных товаров. Отдача этих негубернских поступлений в ответственное заведывание была, как полагаем, главной целью учреждения сената». Более того, сам сенат выступал в качестве единственного представителя отсутствующих центральных органов власти. Такое рассмотрение происхождения губерний и сената позволило П.Н. Милюкову сделать вывод о непродуманности и сиюминутности преобразований[17]. В этом отношении учреждение сената являлось невольным последствием губернской реформы. Что же касается заимствования иностранных форм в ходе данной реформы, историк говорил о том, что вряд ли можно найти сходство между иностранными образцами и тем, как на практике были применены преобразования Петра в период губернского хозяйства[18].

[12] Там же. С. 291–292.
[13] Там же. С. 713.
[14] Там же. С. 318.
[15] Там же. С. 362.
[16] Там же. С. 730.
[17] Там же. С. 715.
[18] Там же. С. 408.

Подробно изучая функционирование губерний в 7-ой главе диссертации, П.Н. Милюков пришел к выводу о том, что система губернского хозяйства также не могла удовлетворить военные потребности государства. Это в свою очередь вызвало потребность в восстановлении центральных учреждений и налоговой реформе – наиболее важных преобразований в правлении Петра. Какую же роль сыграл сам царь в данный период реформ?

В предшествующей реорганизации государственного хозяйства П.Н. Милюков ограничивал личную роль царя, указывая на то, что все изменения происходили под влиянием войны и не шли далее необходимых для этого мер. Теперь же, когда война приближалась к своему завершению, реформа перешла «в свой осознанный фазис»[19].

В восьмой главе диссертации П.Н. Милюков рассмотрел проекты, предлагавшиеся правительству после 1710 г. Эти данные позволили заключить, что предложения от русских и иностранных советников, направленные правительству, имели значительное влияние на проведение реформ Петра[20]. П.Н. Милюков изучал проекты с предложениями о повышении косвенных налогов, разрешении свободной торговли, чеканке медных денег, проведении политики меркантилизма и протекционизма, консолидации прямой подати и устройстве коллегий. Многие из предлагавшихся мер были реализованы правительством в дальнейшем. Интересен, например, проект Федора Салтыкова о введении системы майората. П.Н. Милюков, сравнивая текст закона и сам проект, пришел к выводу о том, что именно последний стал источником для создания указа о единонаследии[21].

В заключении к главе П.Н. Милюков резюмировал: «Какую же роль в этом коллективном обсуждении играл сам царь и его правительство? Кажется, можно вывести из всего содержания главы, что они не только не решали вопросов, но даже вряд ли сами их ставили. Вопросы ставила жизнь; формулировали более или менее способные и знающие люди; царь схватывал иногда главную мысль формулировки, или — и, может быть, чаще — ухватывался за ее прикладной вывод; обсуждение необходимых при осуществлении подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи предоставлялось царем правительству вместе с подавшими мысль советчиками – и в результате получался указ. Но этот конец был только новым началом: входил ли указ в жизнь? Вот вопрос, с которым приходилось считаться уже не советчикам, а правительству; и в этом, в умении классифицировать всю эту массу проектов на нужные и не нужные, практичные и непрактичные, применимые и неприменимые, полезные и вредные – должна была состоять единственная, хотя и важнейшая активная роль царя и правительства. Нельзя не признать, что в общем здравый смысл царя и рутина опытных дельцов разрешали умело эту задачу»[22].

В.О. Ключевский в своем отзыве на диссертационную работу отметил своеобразие и новизну исследований П.Н. Милюкова в области проектов, представленных Петру, однако все же подчеркнул, что зависимость царя от предлагаемых ему проектов была преувеличена автором[23].

Подводя итоги диссертации, П.Н. Милюков в заключительной главе ответил на вопрос о своевременности реформ, говоря о том, что, по отношению к внешней по-

[19] Там же. С. 515.
[20] Там же. С. 516.
[21] Там же. С. 536–538.
[22] Там же. С. 587–588.
[23] *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого»: Статья / В.О. Ключевский .: [Б.и.], 1892 .— 10 с. — Критика .URL: https://rucont.ru/efd/6410 (дата обращения: 01.05.2022)

литике, цели, поставленные Петром, были своевременны. По отношению же к внутреннему развитию своевременность реформ отрицалась: «Новые задачи внешней политики взвалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие. Утроение податных тягостей… и одновременная убыль населения по крайней мере на 20 % – это такие факты, которые сами по себе доказывают выставленное положение красноречивее всяких деталей. Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»[24].

Таким образом, П.Н. Милюков сделал вывод, что по отношению к внутреннему развитию Россия не была готова к преобразованиям Петра, однако в своих воспоминаниях П.Н. Милюков говорил о «внутреннем эволюционном развитии»[25]. Такое противоречие может разрешить оценка П.Н. Милюкова петровских реформ, сделанная много позже написания диссертации. В статье, посвященной двухсотлетней годовщине Петра, историк писал: «Мне стало ясно, что эти две черты, искусственность и органичность реформы, вовсе не находятся между собой в непримиримом противоречии… Реформа была органична в смысле несомненной глубокой связи её с предшествовавшими процессами XVII в. – и столь же несомненной связи с дальнейшим развитием России. Но в то же время реформа несомненна была и лична, и искусственна, как проявление даже не воли, а произвола законодателя»[26].

Исходя из этого, можно понять, что П.Н. Милюков позднее признавал, как эволюционный, так и искусственный характер реформы. Что же касается роли Петра в преобразованиях, историк в своей статье все так же утверждал, что реформа по большей части проводилась «вне воли и даже вне сознания реформатора, в целом ряде стихийных процессов», однако добавлял также более важную для роли царя характеристику: «Но всем этим процессам именно Петр дал могучий, хотя часто и невольный толчок. И как бы далеко мы ни уходили из кабинета Петра… личность Петра видна отовсюду и везде следует за нами»[27].

Критический взгляд П.Н. Милюкова на Петра I, символизировавшего самодержавную власть, вызвал положительный отклик у общества, недовольного реакционной политикой Александра III. За вклад в развитие российской исторической науки было внесено предложение о присвоении П.Н. Милюкову докторской степени. Однако против этого высказался учитель П.Н. Милюкова – В.О. Ключевский, который, можно предположить, был лично обижен на Милюкова за то, что тот отверг предложенную им тему диссертации[28].

Несмотря на критику со стороны части исторического сообщества, диссертационная работа П.Н. Милюкова стала важной вехой в оценке деятельности Петра I в исторической науке, а сам П.Н. Милюков был удостоен премии имени С.М. Соловьева.

[24] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство…С. 735–736.

[25] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 106.

[26] *Милюков П.Н.* Петр Великий и его реформа (к двухсотлетней годовщине) // На чужой стороне. 1925. № 10. С. 10.

[27] Там же. С. 10.

[28] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 106–107.

К.В. Шмелев, А.Д. Муратбакиева

ПОГРАНИЧНЫЕ ЗНАКИ НИШТАДСКОГО МИРА НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ. К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ УЧАСТКОВ ГРАНИЦЫ

Ништадский мир – одно из наиболее значимых событий начала XVIII века в истории Северной Европы. Очертания сложившихся после окончания Северной войны границ определяли конфигурацию территорий Швеции и России в течение всего столетия.

Межевание границы проходило в течение ряда последующих лет, результатом межевания стала маркировка границы на местности. Данная работа посвящена локализации участка границы 1721 г. на Карельском перешейке и ее возможной реконструкции.

Изучение внешних границ Российского государства как части территории и взаимодействия с соседями имеет в отечественной историографии достаточно длительную традицию. Традиционно основное внимание исследователей привлекалось к западной, южной и северо-западной границам, а собственно русско-шведской границе уделялось значительно меньшее внимание.

Отметим, что большинство авторов, соприкасавшихся с данной темой, рассматривали ее только в контексте общего развития русской армии в этот период; кроме того, основное внимание уделялось заставам («сторожам») южных границ[1].

Трассировке исторической границы и отдельных точек русско-шведской границы посвящены исследования А. И. Резникова и О. Е. Степочкиной[2]. Отдельные

[1] *Библиография вопроса* – см:
Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской границе Московского государства до времени Алексея Михайловича. М., 1846; *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916; *Пежемский В.Г.* Конфликты на границе России с Великим княжеством Литовским в XVI – начале XVII в. // Феодальная Россия. Новые исследования. Вып. 2. СПб; 1998. С. 55–59; *Шеломанова Н.Б.* К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; *Кромм М.М.* Меж Русью и Литвой. М, 2008; *Темушев В.Н.* Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования. Вып. 1 Мн, 2004. С. 71–80; Темушев В.Н. Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования. Вып. 2. Мн., 2007. С. 135–142; *Темушев В.Н.* К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (Волости Чагоща и Болонеск) // Археалогія эпохі сярэднявечча / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15. Мн, 2008. С. 186–191; *Темушев В.Н.* Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Мн., 2007. С. 241–250; *Темушев В.Н.* Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. Вып. 4. Тверь, 2007. С. 87–97; *Темушев В.Н.* Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Мн., 2008. С. 56–57; *Малов. А.В.* Северо-западное пограничье в конце Смуты (1613–1619): К методике реконструкции событий и источниковедению темы // Смутное время в России. СПб, 2012. С. 169–173; *Курбатов О.А.* Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. // История военного дела: исследования и источники. T.V. 2014. С. 71–83 [Электронный ресурс] http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5>; Бурцев И.Г. Тульские засеки XVI–XVII в.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (61), Ч. 1. Екатеринбург, 2015. С. 18–19; *Бурцев И.Г.* Обустройство Тульской засечной черты XVI–XVII вв. по историческим и археологическим источникам // Труды IV (XX) ВАС. Т. III. Казань, 2014. С. 574–577; Голотвин А.Н. Усманский участок Белгородской Черты XVII века // Труды IV (XX) ВАС. Т. III. Казань, 2014. С. 584–589. и др.

[2] *Резников А.И., Степочкина О.Е.* Локализация южной части русско-шведской границы 1617 г. и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2005. С. 212–235. *Резников А.И, Степочкина О.Е.* Пограничные камни на границе 1323–1595 гг. на участке 1-го межевого протокола 1595 г. (Retusaari – Varpavuori) // Окрестности Петербурга. [Электронный ресурс] http://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

пункты еще в 1930 гг. были описаны Г. А. Пидотти[3]. Локализации и изучению отдельных пограничных пунктов также посвящен ряд исследований[4]. Значительная работа по изучению памятников северо-западной границы и публикации письменных источников проделана А. А. Селиным[5]. Ряд работ опубликован К. В. Шмелевым[6]. Исследователями были проведены разведочные работы на территории Северо-запада, и исследован ряд памятников, имеющих отношение к линиям русско-шведских границ – Тесовский и Лавуйский остроги (А. А. Селин), Ивнинский острог, редуты Кивиниеми и Улла (К. В. Шмелев).

Ореховецкой, Тявзинской и Ништадской границам, т.е. линиям, пролегающим непосредственно на Карельском перешейке и в Приладожье, также посвящен ряд исследований российских и финских ученых. Проблемы политического становления границ, вопросы терминологии в пограничной документации рассматриваются в исследованиях K. Katajala[7], J.Gallén[8], J. Kokkonen[9], I. Liikanen[10] и А. Толстикова[11]. Выявлением пограничных знаков, находящихся на территории Финляндии началось с 1930 гг.[12], позднее этим занимался V. Laakso[13] и ряд других исследователей. Огромная работа по выявлению отдельных пограничных знаков на территории Финляндии проделана краеведом из Керимяки Sulo Strömberg, результаты данных исследований сведены в коллективной монографии финских исследователей[14].

Комплекс письменных документов, связанных с демаркацией границы, прово

[3] *Пидотти Г.А.* Реальные памятники Столбовского договора // Известия ВГО. Том LXXIII. Вып. 2. М.-Л., 1941.

[4] *Богданов В.И.* Обследование трех межевых знаков границы России и Швеции по Ореховецкому и Столбовскому мирным договорам // Скандинавские чтения 2004 г. СПб., 2006. С. 121–133; *Богданов В.И.* Уникальные наскальные метки ординаров XIX в. и демаркационные знаки XIV–XVII вв. в Балтийско-Ладожском регионе // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 503–513; *Резников А.И., Исаченко Г.А.* О влиянии природных границ на политические рубежи Северо-запада Европейской России // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 584–587; *Резников А.К, Исаченко Г.А., Балашов Е.А.* Наследие политических границ прошлого в современных ландшафтах северо-запада Европейской России // Изв. Рус. геогр. о-ва. Т. 132, Вып. 2. СПб., 2000. С. 13–25.

[5] *Selin A.A.* 2015. Appearing of the Borderland Delimitation in Ingermanland in 1617–1618 // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 49. N2–3; *Селин А.А.* Русско-шведская граница 1617–1700 гг. Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016; *Селин А.А., Фомина Ю.Б.* После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг. // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Вологда, 2016. С. 348–356; *Selin A.A., Kukushkin K., Sablin I., Kocheryagina E.* Regimes of the Russian–Swedish border in the Novgorod Lands / Basic Research Programme. No. 149. 2017..

[6] *Шмелев К.В.* Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века. // Новый часовой, № 15. 2004; Шмелев К.В. «Чертеж Русским и Шведским городам» как источник о фортификации пограничных крепостей в период войны 1656 г. История и археология //Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды 8 Международной научно-практической конференции. Т IV; 2017; *Шмелев К.В.* «А на том камени грань, крест да короны». Граница Столбовского мира 1617 г. в памятниках археологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды 9 Международной научно-практической конференции Ч. II. СПб., 2019. С. 561–573; *Шмелев К.В.* Русско-шведская граница 1721/1722 гг. в памятниках археологии. Пограничные камни история и современность. //Материалы Международной конференции «Граница Ништадтского мира – Линия Петра Великого», Выборг 6–9 октября 2021 года [Рукопись.] В печати..

[7] См. *Katajala K.* 'Maps, Borders and State-Building' // Physical and Cultural Space in Pre-industrial Europe. Methodological Approaches to Spatiality. Nordic Academic Press: Lund, 2011. P. 58–91; *Katajala K.* Line, zone or sieve? conceptualizing the 1617 russo-swedish border. Линия, зона или решето? концептуализация российско-шведской границы 1617 г.// Nordicand Baltic Studies Review. Is. 2 [elecnronic edition], 2017. P. 177 – 190 и др.

[8] *Gallén J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns / *J. Gallén,* J. Lind. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1968–1991. D. 1–3.

[9] *Kokkonen J.* Searching Back the Old Border: The Border between Russia and Sweden in the Early Modern Period //Труды Карельского научного центра РАН. № 6. Петрозаводск, 2011. P. 66–71; *Kokkonen J.* ÜberlokaleKontaktflächen der Grenze. Die nördlichen Grenzgebietezwischendem Schwedischen Reich und dem Grossfürstentum Moskauim 17. Jahrhundert // Kirchliche Zeitgeschicte. Grenzenals Barrieren — Grenzregionenals Chancen. Das Beispiel Karelien. Vol. 23, No. 1. 2010. P. 81–110.

[10] *Liikanen I.* Territoriality, State, and Nationality in the Making of Borders of Finland: The Evolving Concept of Border in the Peace Treaties between Russia and Sweden, 1323–1809. Russian sociological review. Vol. 13., №4. 2014. P. 105–115.

[11] *Tolstikov A.* 2015. From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period / Nordic Historical Review. No. 19

[12] Pälsi S. Ristkalhon Rajameerleit Uukumienen halvan talon maalta. 1934.

[13] Laakso V. Kiveen kirjoitettu – Ruotsin ja Venäjän väliset historialliset rajamerkit arkeologian valossa// Historiallinen aikakauskirja. № 4. 2013. P. 467–476; *Arpiainen H.* Uudenkaupungin rauhan 1721 raja Virolahdella. 2011. и др.

[14] *Julkunen J, Julkunen P, Strömberg S.* Sulo Strömbergin matkassa itärajalla. Rajahakkauksia neljältä vuosisadalta. Tripylon Oy. 2011.

дившейся в 1722 г., представлен текстом договора[15] и записями межевых комиссий[16], а также картографическим материалом[17], в том числе картами (они известны

[15] *«По приложенной и от обоих стран подписанной карте, граница последующим образом заключена и учинена, а именно: граница между обоими государствами Россиею и Швециею начинается от большого камня, который лежит при косе Гурпониэми, у северного берега синуса Финского, где на большом камне и на столбе есть признаки, и идет граница в землю Норд-Норд-Вест, склоняется к Весту, от вышепомянутой Гурпониэми до граничного признаку недалеко Виролакс кирки на столбе в болоте одна четвертая доля мили, оттуда на Норд более склоняется к Весту до граничного признака на камне у Кирочнаго залива, и так по тому ветра штриху до граничного признака на камне ж при том же заливе близ одной осьмой доли мили, оставляя Виролакс кирку на Вест, оттуда на Норден-Вестен мало ближе к Весту через граничные признаки до Куйвуниеми залива, и граничного признака на столбе близ одной осьмой доли мили, оставляя пасторской двор и капланской на Вест, оттуда на Норд, склоняяся к Весту, и несколько более пяти шестнадцатых доли мили до граничного признака на камне в Питерлакском лесу, потом на Норден-Остен склоняется к Осту близ трех осьмой доли мили прямо на самую пильную мельницу и признак на камне, которой пильной мельницы на тот же ветряной штрих близ трех шестнадцатых долей мили через болото на угодье Вирайоки меж граничных признаках на двух камнях, оттуда на Норд-Ост до основания горы Китавори пять шестнадцатых долей мили и несколько более признак на столбе, и так далее на Зюйд-Остен-Остен склоняется к осту чрез реку Иокилляйоки или Вадермайоки, оставляя деревни Иокилля, Илля, Котилля, Метилля в Норд и паки дважды чрез реку Вадерма, Иокиллетта, в Уори гору Канзасоо, Геркасоо, Раттансоо или болоты, и близ дороги большой, которая идет от Выборга к Векелаксу до граничного столба с признаком недалече от Илля-Урпалы одна миля и одна шестнадцатая доля мили, оттуда на Зюйд чрез большую Векелакскую дорогу и болоты до граничного признаку на столбе у Тияран-Кангас близ половины мили, далее на Ост склоняется к Норду до Урполы реки три осьмых доли мили до признаку на столбе, а от Урпалы реки на Ост склоняется к Норду чрез Гансанкангас или бор и болото Раттасоо и ручей Селянга Ойя до Эган Канганрайя признаку на столбе пять шестых долей мили, оттуда Зюйд-Ост склоняется к Зюйду до Кивика Аго признака на столбе чрез мох одна тридцатьдвух долей мили, и потом на ост-Норд-Оят склоняется к осту чрез Кивика Аго и озеро Ориерви дважды через реку Иокиля Йоки, Яук, Сасо, Иоия, Муста, Карвисоо или болото, до северной страны на Сурин Канган Гария или горного хребта пол мили признаку на столбе, от Зюйдовой страны той же горы Сури Канган Гария, Ост-Норд-Ост склоняется к Осту, оставляя Друиля деревню в Норд чрез Друиля реку или Сандуйоки, до граничного признаку на столбе три осьмых доли мили, оттуда на Норд-Норд-Ост до Магаэрви или озера пять шестнадцатых долей мили признак на столбе, оттуда на Норд склоняется к Осту чрез большую дорогу от Выборга к Векелаксу до признака граничного на горе и столбе три шестнадцатых долей мили, оттуда на Нодрд-Остен-Остен до признаку граничного на столбе одна шестнадцатая доля мили, далее на Норден-Вестен, оставляя Аллягемеле двор к Осту до признака граничного на столбе на земле Пукиля три осьмых долей мили, оттуда Норден-Остен, оставляя деревни Сисоля, Пукеля, Говеля к Осту чрез Патрас-Эрви или озеро, такожды оставляя деревню Гайколя к Осту чрез Раттанканганмеки, Кукисоо, Рокасу, Лоасоо, Симонпиранд алмеки, Меграсоо, Нисайоки, Меканиеми, Перенниссноя, Сурисоо, Эрвинмеки граничный признак на горе, чрез Риколя двор до Муранмеки, далее через Годерйоки, Укан, Оя, Уля, Кансоо до Масталамбимеки или горы две мили до признаку на столбе, оттуда Норден-Остен через Сорансиноя, Капалян в Уори, Вайниколян, Йоки, Олин, Каринмеки, оставляючи Кискинсари двор к Весту через Угарканганпе и Киркэрви озеро до большой Лапстранской дороги от Выборга, где граничные признаки на двух столбах у Таксуля, Калие одна миля и пять осьмых долей мили, потом на Норден-Остен, оставляя Таскуля на Вест, через Муста, Йоки, такожды деревни: Лайги к Весту, Ювакаля к Осту, Сековая Йоки двор на Вест до граничного признаку трех столбов пять осьмых долей мили, оттуда на Ост, оставляя Кеки двор в Зюйд, двор же Кулменкулька в Норд чрез Эвексиэрви или озеро, потом чрез Коволамби болотное озеро, оставляя Соумаляинс двор в Норд до граничного признаку, который стоит на угодьях Кондус, оставляя деревню Кондус к Зюйду одна миля; а сей признак граничный три мили в Норд от Выборга разстоит на столбе, и близ при нем признак высечен на камне от граничного признака Ура у Тамулдамеки; на Кондуских угодьях идет граница на Ост до старой границы чрез Катилайсенмеки при Игайсенсилда, чрез дорогу выборгскую до Роколакс и через горы Икайсомеки, Салонмеки, Кирвисоо, Суоконмансия, Полвен, Оянкорби, Винтервуори и Телкеноямеки граничные признаки до признака подле Курманлакс берега и далее чрез Курманлакс Майякалли Омеки чрез дорогу из Выборга до Питер кирки Юкаренмеки, Венамеки граничного признака на горе каменной и столбе до берега реки Воксы, до куду есть одна миля и девять шестнадцатых долей мили, оттуда на Ост чрез реку Воксу, чрез Якколя или Ахтиаля двор, чрез Риттаниеми Калло, Ламбиэрви озеро Вепсельма во Угенмеки гору и граничный признак, такожды на угодьях деревни Коркуля чрез Вартуэрви, Салмамеки, Илляламби, Корби Майсокангас, Сайн Каля, Окиви или Сайм Оя, Пепосалмимеки, Томас, Ниемимеки, чрез озеро Вегкиэрви, Гиавуори, Серки, Эрвигария до граничного признаку на камне на земле деревни Вирола близ двора Пирриланниеми или Пенивиролаит, который будет к Норду, потом чрез Торанэрви, Арвелинкалио, Корвин, Полюксенаго на земле Куисмаля чрез Алякунну воду Алотоксенсилда, Гавикомемеки, граничный признак на горе Напавиля Мекки угодье, чрез Соукаламби, Вироламбиэрви, Лаурен, Ламби, Иоронсэрви, Валлитунканганкаллио и до Лавангария граничного признаку, где поставлен столб и окладен каменьем, и особливо складен курган каменный и на оного кургана верхнем камне насечены признаки, три мили и семь осьмых долей мили, где старая граница меж Выборгским и Кексгольмским уездами сходится, а от того граничного признаку у Лавангария последует сия граница по вышепомянутой старой границе восемь миль на Норд, а именно: от Лавангария Норд-Норд-Вест до Колмасоппимеки или горы 1130 сажень и как на сей горе, так и по всей старинной границе до окончания осьми миль на нижеозначенных горах, камнях, деревьях и на столбах имеются старинные признаки, и при оных и нынешние обеих стран признаки назнаменованы и насечены, оттуда на Норд чрез Лахналамбимури, Тули, Сооканда, Савикумбу, Агонэрвимеки и Питкенпасинмеки, граничный признак на горе 6810 сажен потом на Норд-Вестен-Норден, склоняется к Норду до Саринсуокиви, Лайганмеки и Паасинмеки 2475 сажен, оттуда Норд-Вест к Норду до Гепонгария граничного признака на горе 5325 сажен, и так далее Норд-Вестен-Норден, через Илминсэрви и Ахвенламби Пекиви, граничный признак на камне 8382 сажени оттуда Норден-Вестен до Торсавуори и Гасукавуори граничного признаку на горе 5614 сажен, далее на Норден-Остен до Варпавуори граничного признаку на камнях и на столбе 4456 сажен у которого граничного признака сошлися Выборгской и Нейшлотский и Кексгольмский уезды, от Варпавуори на Норден-Остен склоняется к осту до Саламеки у Салоэрви признаку граничного на пне 2921 сажен, оттуда Норд-Остен-Норден до Герраламби граничного признаку на сосне 2316 сажен, оттуда на Норд-Остен-Ост до Паллиакенвуори граничного признака на сосне и на столбе и на оной горе 3812 сажен, от того Ост-Норд-Ост склоняется к Осту до Яучен Ламби граничного признаку на старом камне 1582 саженей, потом Норд-Ост склоняется к Норду, до граничного признака на сухой сосне близ Тетрисоо или Тетриболота 2580 сажен, оттуда Норден-Остен склоняется к Норду чрез Тетрисоо или 597 сажен, где оное восемь миль в долготу вышеименнованной строй границы окончалися, где на двух соснах и на столбе признаки насечены». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т.VII. СПб, 1830. С. 33 – 40.*

[16] ПСЗРИ. Т.VII. № 4189. С. 33–40; Русско-шведские экономические отношения. Сб. док. АН. СССР. М.–Л., 1960.

[17] См. Карта Финляндии с указанием границ России и Швеции в разное время по договорам, а также по картам генерального штаба. Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Том I. – СПб, 1889; Карта границы по Ништадтскому мирному договору. 1722 г.; Карта Выборгского уезда. 1726 г., Карта Кексгольмского уезда. 1727 г., Карта Ингерманландии и Карелии. 1735 г. Печатана при Императорской Академии наук; Ingria et Carelia. 1741 и др.

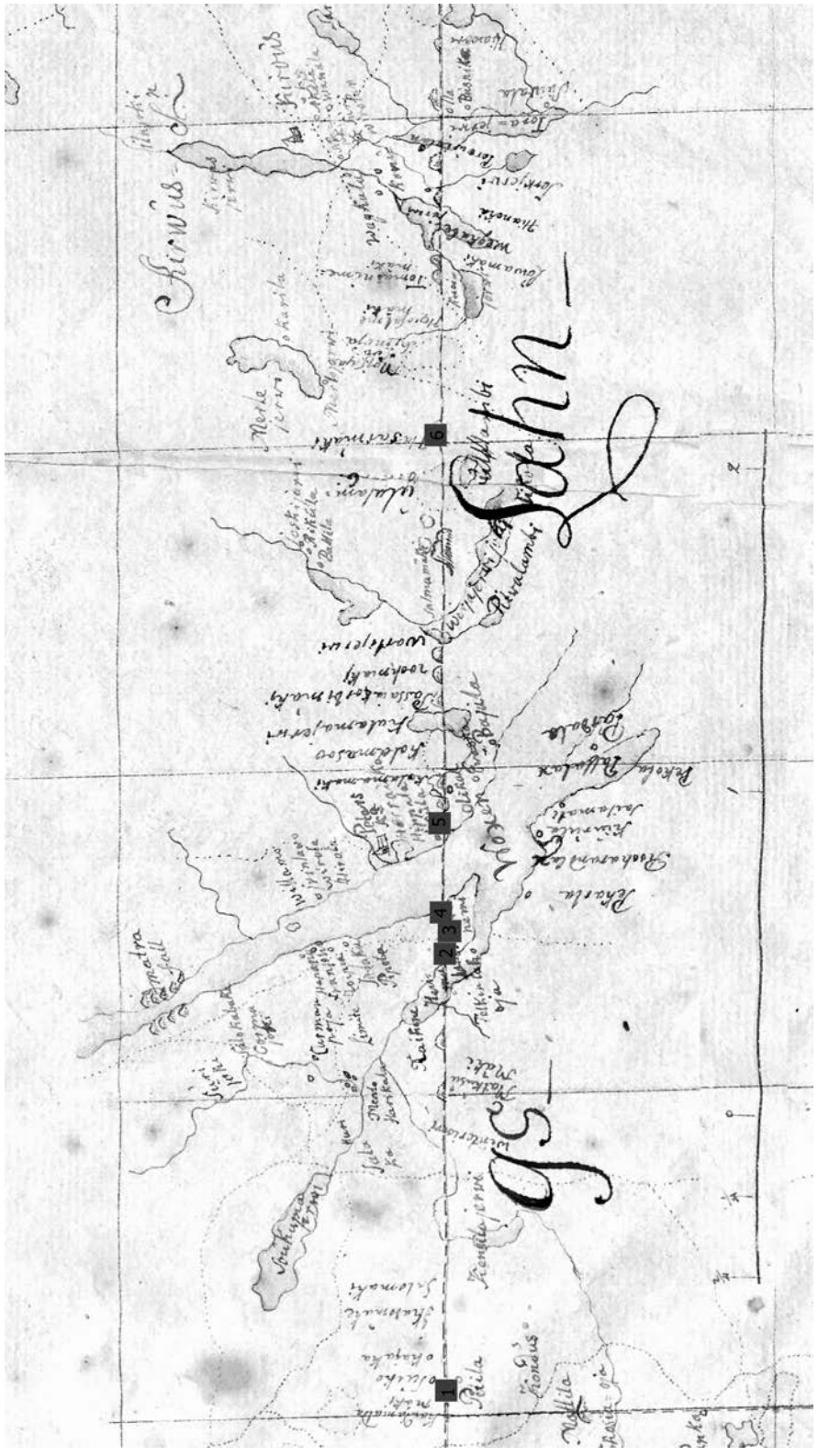
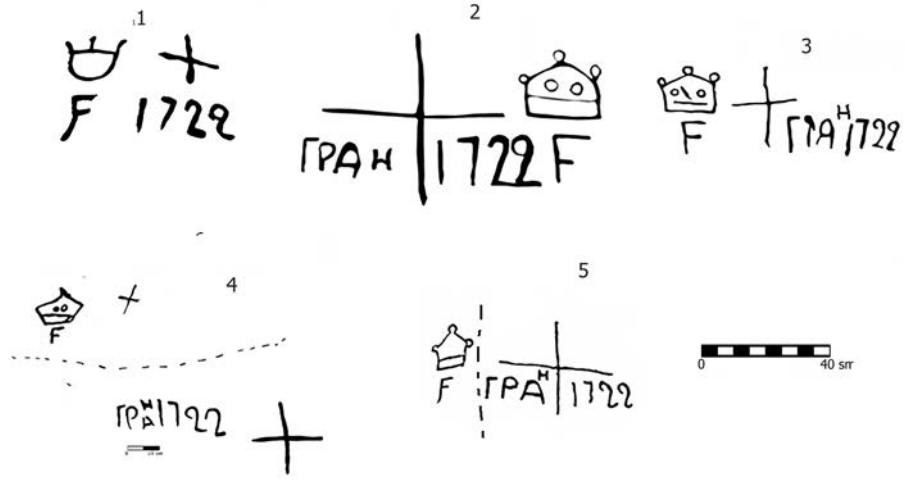


Рис. 1. Фрагмент Gränskartor. Karta över gränsen mellan Sverige och Ryssland enl. freden i Nystad 1721(масштаб в шведских милях), с обозначением выявленных знаков. 1 – Литулла (Littula, Правдино); 2 - Яаски 1 (Jääski, Лесогорский); 3 - Яаски 2 (Jääski, Лесогорский); 5 - Яаски 3 (Jääski, Лесогорский); 6 - Калалампи (Kalalampi, Пруды).



1 – Littula (Правдино) 2 - 3 – 4 - Jääski 1 - 3 (Лесогорский) 5 – Kalalampi (Пруды)

Рис. 2. Пограничные знаки из Литулла, Яаски и Калалампи. Прорисовка (рисунок К.В.Шмелева и А.Д.Муратбакиевой).

в шведском и русском вариантах), непосредственно фиксировавшими полосу территории вдоль линии границы с характерными точками, изготовленными, вероятно, в ходе работы межевых комиссий[18].

Письменные и картографические источники фиксируют несколько видов рукотворных объектов, находящихся на линии границы или тем или иным образом связанных с ней. В первую очередь, это населённые пункты, укрепления и дороги. Часть подобных объектов исследована с помощью археологических работ[19]. Другим типом памятников являются объекты, непосредственно маркирующие границу. При прохождении пограничной линии использовались способы маркировки в виде пограничных знаков, «признаков» в терминологии начала XVIII в., наносившихся на твердую, долговечную основу. В большинстве случаев ею оказывались находящиеся в створе границы скальные выходы или отдельные валуны. Периодически, когда в створе границы не имелось естественной основы для нанесения знака, сооружались искусственные: в тексте Ништадского протокола говорится об установке столбов, вероятно, каменных, понизу «обкладенных камнем», или сооружении «особливо складен курган каменный и на оного кургана верхнем камне насечены признаки»[20]. В этом отличие маркировки Ништадского периода от более ранних — Тявзинского и Столбовского, когда использовалась широкая номенклатура маркировок. Кроме знаков на камне наносились отметки на деревья, находящиеся на линии границы, а также делалось их «огранение», т.е. создание плоских поверхностей путем изготовления широких затесов. Также на территории Карелии сооружались ямы с углем и т.н. «каменные кучи»[21]. Отметим, что в случае, если име-

[18] См. Gränskartor. Karta över gränsen mellan Sverige och Ryssland enl. freden i Nystad 1721.

[19] См.: *Бельский С., Герасимов Д., Липатов А., Михайлова Е., Соболев В., Шмелев К., Мурзенков Д., Федоров И.* Королевская дорога между Кексгольмом и Кронеборгом: результаты исследований исторической дороги в Северо-Западном Приладожье // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. В. 13. СПб., 2013; *Назаренко К.Б., Смирнов В.И.* Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. № 1 (6). СПб., 1998; *Шмелев К.В.* Земляные укрепления XVIII в. на Карельском перешейке. Исследования и новые данные // На страже рубежей. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, к 500-летию Тульского кремля. Тула, 2020. и др.

[20] ПСЗРИ. T.VII. № 4189.

[21] *Шмелев К.В.* "А на том камени грань, крест да короны". Граница Столбовского мира 1617 г. в памятниках археологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды 9 Международной научно-практической конференции Ч. II . СПб., 2019.

лось совпадение линий новой и старой границ с уже имеющимися знаками, то часто новые маркировки добавлялись к старым[22]. Текст Ништадского договора содержит полное описание границы от крайней юго-западной точки на побережье Финского залива и далее в направлении на северо-восток с описанием отдельных участков и поворотных точек. При этом в отличие от более ранних договоров, описание линии границы не содержит описаний отдельных пограничных знаков, но подробно указывает направления, отдельные пункты, урочища и другие объекты, связанные с привязкой линии границы на местности. Также договор содержит описание типового изображения на пограничном знаке – оно должно было содержать указание принадлежности «к Российской стране, и грань, а от Шведской страны *F* и корона, а от обеих стран 1722 год»[23]. Первым этапом маркировки пограничных линий, вероятно, являлось создание просеки (в лесных массивах), в терминах XVIII в. «аллеи», шириной три-четыре сажени, в ходе эксплуатации она должна была периодически поновляться, что было прописано в тексте договора[24].

Работа по археологическому обследованию данных объектов полноценно ведется в последние годы исследователями из России и Финляндии[25], хотя отдельные знаки фиксировались еще в первой половине XX в.[26] Основная масса известных и локализованных к настоящему времени пограничных «признаков» концентрируется на юго-западном участке границы – на территории Выборгского и Приозерского районов, частично, в северо-западном Приладожье и прилегающих регионах Финляндии. В целом, линия, демаркированная в XVIII в., близка к современной границе между Россией и Финляндией, хотя не всегда совпадает с ней в деталях.

Рассмотрим один из участков границы, обследованный в последние годы.

Участок границы Littula – Jääski – Kalalampi (Правдино – Лесогорск – Пруды). Данный отрезок границы, вероятно, соотносится с участком, описанным в межевом протоколе: *«…граничные признаки до признака подле Курманлакс берега и далее чрез Курманлакс Майякалли Омеки чрез дорогу из Выборга до Питер кирки Юкаренмеки, Венамеки граничного признака на горе каменной и столбе до берега реки Воксы, до куду есть одна миля и девять шестнадцатых долей мили, оттуда на Ост чрез реку Воксу, чрез Якколя или Ахтиаля двор, чрез Риттаниеми Калло, Ламбиэрви озеро Вепсельма во Угенмеки гору и граничный признак…»*[27]. Всего на данном участке выявлено несколько объектов (рис. 1), уверенно соотносимых с «признаками» границы 1721 года:

– *Литулла.* Знак расположен в 2.8 км к юго-западу от поселка *Правдино* (Littula) (рис. 2.1). Изображение нанесено на плоской горизонтальной вершине скального выхода. Изображение ориентировано по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток (граница на данном участке проходила практически по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу). Размер изображения – 482x271 мм. В северной (шведской) части изображены корона и литера «F*», в южной – крест и дата «1722». Изображение «пояса» отсутствует.*

– Яааски 1 (рис. 2.2). Находится на расстоянии 7.07 км к северо-востоку от знака в Литулла и в 820 м к юго-юго-востоку от поселка Лесогорский (Jääski), на краю старого шоссе из Выборга в *Яааски*[28]. Знак нанесен на ровную, плоскую вертикальную поверхность скальной гряды, ориентированную по линии север-юг. Размер изображения – 562x139 мм. В северной части нанесено изображение короны (редко встречаемой формы) и вензель «F*», в южной – крест (причем мастер в качестве вертикальной части креста использовал подработанную естественную трещину в камне) и надпись: «ГРА*[н]1722». Изображение «пояса» отсутствует.

*– Яааски 2 (рис. 2.3). Находится на расстоянии 646 м к востоку от Яааски 1 и в 1170 м к юго-востоку от поселка Лесогорский (*Jääski), на западном берегу реки *Вуокса* (Vuoksi). Изображение нанесено на вертикальную поверхность гранитной скалы, составляющей часть второй береговой террасы западного берега Вуоксы. Ниже знака находится выкладка из мелкого камня размером 2,2x08x0,3 м, выполнявшая, по всей вероятности, функцию платформы, с которой производились работы по нанесению изображения. Рисунок размером 620x1080 мм ориентирован по линии север-юг. В северной части нанесено изображение короны того же типа, что и в *Яааски* 1 (среди выявленных знаков этот тип короны более не встречается) и литера «F*», в южной – крест, по сторонам от вертикальной оси креста – «ГРАН» и «1722». Изображение «пояса» отсутствует.*

– Яааски 4. Между знаками (в 370 м к востоку от *Яааски* 1 и в 168 м к западу от *Яааски* 2), с небольшим, порядка 20 м, отклонением к югу от створа границы выявлен еще один знак в виде каменного столбика высотой 0,6 м, установленного в центре каменной площадки. На восточной грани столбика нанесены цифры «86», другие изображения отсутствуют. По сообщению А. И. Резникова, подобные знаки в виде каменных столбиков с цифрами встречены и в других районах Карельского перешейка. Выскажем предположение, что это следы внутренних межеваний периода Российской империи, скорее всего XIX столетия (границы владений этого периода могли совпадать с отрезками границы более раннего времени), впрочем, некие «каменные столбы» периодически упоминаются и в межевом протоколе Ништадского мира[29]. Подобного типа знаки с нанесенными номерами известны и на территории Финляндии[30].

– Яааски 3 (рис. 2.4). «Признак» находится на восточном берегу реки Вуокса, в 1027 м к востоку от *Яааски 2 и в 1067 м к югу от южной окраины поселка Лесогорский (*Jääski). Знак состоит из двух групп рисунков, нанесенных на вертикальную и горизонтальную поверхности небольшого скального выхода. На горизонтальной поверхности, нанесены изображения короны, вензеля «F*» и равноконечного креста. Канавки, формирующие крест, неглубокие, неаккуратно обработанные, по всей видимости, изображение не закончено. Размер композиции – 369x736 мм, отметим, что данный тип изображенной короны встречается среди известных знаков Ништадского мира в единственном случае. На вертикальной поверхности находится надпись «ГРа[н] 1722» и еще один крест большего размера. Данные изображения имеют размер 230x890 мм. Грань между двумя плоскостями, вероятно, выполняет функции «пояса», а наличие второго, незаконченного креста, объясняется ошибкой резчика, первоначально планировавшего разместить всю композицию на верхней плоскости камня.*

– Калалампи (рис. 2.5). Знак расположен в 5900 м к востоку от Яааски 3 и в 1576 м к востоку от поселка Пруды (Kalalampi). Изображения нанесены на двух

[22] Подобная практика сохраняется до XX века, имеется ряд примеров, когда пограничная маркировка Тартусского мира 1920 г. наносилась на камни со знаками Столбовского мира 1617 г. (в Карелии).

[23] ПСЗРИ. T.VII. № 4189. С. 35.

[24] ПСЗРИ. T.VII. № 4189. С. 34 – 35.

[25] См. напр. *Laakso V.* Kiveen kirjoitettu – Ruotsin ja Venäjän väliset historialliset rajamerkit arkeologian valossa// Historiallinen aikakauskirja. № 4. 2013. P. 467–476; *Резников А.И., Степочкина О.Е.* Пограничные камни на границе 1323/1595 гг. на участке 1-го межевого протокола 1595 г. (Retusaari – Varpavuori). [Электронный ресурс] https://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php и др.

[26] Ristkalhon Rajameerleit Uukumienen halvan talon maalta. 1934.

[27] ПСЗРИ. T.VII. № 4189. С. 37.

[28] в 37 м к северо-западу от знака находится каменный верстовой столб имперского времени

[29] ПСЗРИ. T.VII. № 4189.

[30] *Puustjärvi E.* Kymmenen tarinaa kivestä. Kiven monta perinteistä käyttötarkoitusta. 2018. С. 23.

гранях вертикальной скалы, на высоте порядка 13 м от подножия. На 1.2 м ниже рисунка находится площадка, с которой вероятно и производились работы. На одной поверхности, ориентированной в направлении северо-запад – юго-восток, нанесено изображение короны и «F» (размером 370х192 мм). На второй, расположенной в направлении WE находится рисунок размером 480х620 мм, состоящий из равноконечного креста и надписей «ГРА^{Н}» и «1722» по сторонам от центральной оси. Как и в случае Яааски 3, грань между двумя плоскостями, вероятно, выполняет функции «пояса».

Знаки из Яааски достаточно уверенно могут быть соотнесены с конкретными «признаками», описанными в протоколе – *«чрез дорогу из Выборга до Питер кирки Юкаренмеки, Венамеки граничного признака на горе каменной и столбе до берега реки Воксы, до куду есть одна миля и девять шестнадцатых долей мили, оттуда на Ост чрез реку Воксу, чрез Якколя или Ахтиаля двор, чрез Риттаниеми Калло, Ламбиэрви озеро Вепсельма во Угенмеки гору и граничный признак…»*[31], знак из Калалампи, вероятно, может быть соотнесен с описанием при *«Ламбиэрви озеро»*. На картах финского периода данный гидроним обозначен как «Kalalampi», современное название – озеро Рыбное.

Длина изученного участка составляет порядка 14,5 километров, по всей вероятности, помимо выявленных знаков в створе границы находятся или находились другие «признаки», выявление которых, безусловно, является приоритетным направлением исследований в ближайшее время. Перспективным также оказывается исследование других участков границы, как на российской, так и на финской территории, с последующей реконструкцией линии границы Ништадского мира.

[31] ПСЗРИ. Т.VII. № 4189. С. 37.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Г.С. Рагозин

БОРЬБА СО ШВЕДСКИМ ГОСПОДСТВОМ НА БАЛТИКЕ В XVII-XVIII ВВ.: ВЗГЛЯД ИЗ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Проблематика региональных союзов, региональной гегемонии и ее взаимодействия с остальными участниками международных отношений остается актуальной и в нынешнее время, несмотря на глобализацию. Те системы союзов, что складываются в конкретном регионе при участии гарантов текущей системы международных отношений, накладывают отпечаток на политическую ситуацию в мире. Ряд таких альянсов появлялся в Новое и Новейшее время даже между странами, ранее не имевшими тесных контактов и общей границы, и существенно ограничивал возможности мировых держав по одностороннему диктату своих условий. Прецедентом для XVII–XVIII вв., т.е. периода Вестфальской системы международных отношений, стало противодействие шведскому господству в Балтийском регионе[1]. Оно привело к сближению стран, имевших изначально разные приоритеты, но совпавшие в конечной цели – устранении диктата третьей стороны, т.е. Швеции, в морской торговле, коммуникациях и военной силе. Появление такого общего интереса стало толчком для диалога между Россией, Данией, Польшей и германскими государствами. В последнем случае более всего оказались заинтересованными курфюршество Бранденбург-Пруссия[2] и, в меньшей степени – Саксония и Ганновер. На определенном промежутке оказался задействован и номинальный лидер «германского мира» – австрийский дом Габсбургов. Однако после Тридцатилетней войны участие императора и Австрии в «балтийской проблеме» было минимальным.

Начало Петровской эпохи в России и выход страны на международную арену трудно представить без поиска союзников и международно-политического контекста в Балтийском регионе. Наличие общего противника в лице Швеции – одного из гарантов Вестфальской системы и регионального гегемона – ставило вопрос об общей стратегии России, Дании, Польши и германских государств. Однако проблема формирования таковой обозначилась лишь к концу XVII в. Данное исследование направлено на выявление особенностей «германского» противостояния шведской экспансии раннего нового времени и памяти о нем. Тематика долгое время оставалась частью сначала прусского, а затем и германского политического мифа. Теперь же она остается частью исторической памяти, в т.ч. на региональном уровне. В большей степени это проявляется в современных федеральных землях ФРГ Мекленбург – Передняя Померания, Нижняя Саксония, Саксония, Бранденбург, Бремен, Гамбург и Берлин, которые соприкасались со шведским присутствием ранее.

В российской историографии как такового общего исследования шведской гегемонии на Балтике не представлено, т.к. исследования собственно русско-шведских

[1] В шведской историографии господствует обозначение этого периода как Stormaktstiden, т.е. «Эпоха величия».

[2] С 1701 г. – королевство Пруссия

отношений[3], а также внешней политики Петровского времени[4] «оттянули» на себя внимание историков. Немецкая историография делает акцент на противостояние германских государств со Швецией, и решающую роль отводит именно им в XVII в.[5]. Связано это с тем, что военные кампании Швеции в германских землях поглощали значительную часть ресурсов королевства, при этом вероятность покрытия издержек была минимальной. Шведская историография последних десятилетий делает акцент на диалоге культур в занятых шведами германских территориях. Особое внимание уделялось Шведской Померании – подконтрольной Стокгольму части бывшего герцогства и управляемой военными и гражданскими властями. В изучении практик управления и вопросов диалога культур наиболее далеко из шведских исследователей продвинулся Андреас Эннерфорс, который ранее работал в университетах Лунда и Упсалы, представив на эту тему серию статей и монографию[6].

Для Швеции тематика остается актуальной при осмыслении роли страны в Балтийском регионе и Европе в целом. Это связано с тем, что шведское присутствие в Германии стало одним из первых опытов массовой миграции на территорию страны из германских земель. Как правило, это был поток чиновников, военных и ученых[7]. Первая и вторая категории, как правило, могли переводиться в собственно Швецию по службе, третья – на правах добровольной мобильности между университетами. Часть из них оседала в королевстве, но некоторые возвращались назад в Германию. Так, некоторое время на шведской военной службе числился один из будущих победителей Наполеона, Герхард фон Блюхер. Из числа академических мигрантов оставался подданным короля Швеции известный деятель немецкого национального движения – Эрнст Мориц Арндт.

Источниками по тематике исследования выступают международно-правовые акты: мирные и союзные договоры выбранного периода. Таковыми являются Оснабрюкский (1648 г.), Штеттинский (1653 г.), Оливский (1660 г.), Сен-Жерменский (1679 г.), Гаагский (1703 г.) и Стокгольмский (1720 г.). Вторую группу представляют артефакты исторической памяти германских земель о противостоянии шведской экспансии. Сюда попадают и снятые в XX в. художественные фильмы, например, «Паж Густава Адольфа» (ФРГ – Австрия, 1960 г.), «Валленштейн» (ФРГ, 1978 г.) и первый эпизод многосерийного фильма «Блеск Саксонии и слава Пруссии», снятого в 1980-е гг. в ГДР. Все они показывались по телевидению Германии и Австрии. Третья группа источников представлена артефактами шведского присутствия в музеях Германии, в основном Земельного музея Померании в г. Грайфсвальд[8].

Шведское военное присутствие в германских землях было не новым для XVII в. Король Густав I Ваза был первым шведским монархом после прекращения унии с Данией, который обратил внимание на возможность военного вторжения на южный берег Балтики. Тогда целью было максимально ослабить Ганзейский союз,

[3] *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. – 176 с.; *Сванидзе А.* Стенка на стенку. С чего началось вековое противостояние // Родина. 1997. №10. С. 24–28.

[4] *Григорьев Б.* Карл XII или пять пуль для короля. М., 2006. – 580 с.; *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. – 296 с.

[5] *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009; *Schmidt W.* Friedrich I. Kurfürst von Brandenburg, König in Preußen. München, 2004; *Neumann H.-J.* Friedrich Wilhelm der Große Kurfürst. Der Sieger von Fehrbellin. Berlin, 1995; *Данн О.* Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003; *Buchholz W.* Schwedisch–Pommern als Territorium des Deutschen Reiches 1648–1806 // Zeitschrift für Neuere Rechtsgeschichte. Band 12. 1990. S. 14–33.

[6] *Önnerfors A.* Svenska Pommern. Kulturmöten och Identifikation. Lund, 2003; *Oredsson S.* Gustav II Adolf. Stockholm, 2007.

[7] *Braunmüller K.* Voraussetzungen für die Übernahme hochdeutscher Sprachstrukturen in die skandinavischen Sprachen" // Naumann H.-P., Müller S. (Hg.). Hochdeutsch in Skandinavien. Tübingen – Basel, 2000. S. 1–18.

[8] Pommersches Landesmuseum. URL: https://www.pommersches-landesmuseum.de/ausstellungen (22.03.2022).

впрочем, уже находившийся в фазе распада. То же самое можно было сказать и про орденские государства – Ливонский и Тевтонский ордена – ядром которых были рыцари из немецких земель[9]. После этого, уже во время Ливонской войны, Швеция аннексировала часть земель бывшего Ливонского ордена – Ревель, Эзель, Эланд и Эстляндию.

«Германское» направление шведской экспансии обозначилось уже в Тридцатилетнюю войну. В 1630 г. король Швеции Густав II Адольф получил просьбу от германских князей-протестантов о помощи против наступающих императорских войск фельдмаршалов Тилли и Валленштейна. Инициаторами были курфюрсты Бранденбурга и Саксонии. Однако ситуация сложилась таким образом, что шведские войска вступили на эти территории не как союзники, а ровно в том же формате, что и императорская армия. Например, обычными практиками, по свидетельствам очевидцев, были грабежи германских городов и селений, насилие в отношении мирного населения и мародерство[10]. Т.е. образ шведа как союзника быстро уступил место образу «другого» с враждебными коннотациями, и стал детонатором к борьбе с армией, у которой Бранденбург и Саксония оказались в тылу.

Непосредственным поводом для вмешательства Швеции послужил вопрос о наследовании герцогства Померания. После смерти ее последнего герцога и курфюрста Богислава XIV встал вопрос о наследовании этого престола. Поскольку Богислав входил в «Коллегию курфюрстов», то любой, кто занимал померанский трон, мог участвовать в выборах императора и влиять на обстановку в Священной Римской империи. Практически сразу оба конкурента – Бранденбург и Швеция – представили письма, якобы написанные последним курфюрстом о передаче прав в случае его смерти, соответственно, королю Швеции и курфюрсту Бранденбурга. Это осложнило и без того непростые отношения двух государств, а затем стало обоснованием для военного присутствия Швеции в южной Балтике. Гибель Густава II Адольфа в битве при Лютцене в 1632 г. и рост сопротивления в Бранденбурге-Пруссии стали серьезной проблемой для шведской армии. Несмотря на это, шведские полководцы неоднократно наносили чувствительные поражения императорской армии, в 1643 и 1645 гг. осаждали перекрывавший им дорогу на Вену и Брно, а в 1648 г. разграбили Пражский град.

Несмотря на то, что действия против Бранденбурга-Пруссии уже с 1640 г., т.е. с восшествия на престол в Бранденбурге Фридриха Вильгельма I стали слабым местом шведской стратегии, страна стала одним из гарантов Вестфальской системы международных отношений и положения дел в Германии. Более того, Стокгольм теперь контролировал выходы в Северное и Балтийское моря для германских государств: устья Эльбы, Везера и Одера теперь оказались шведскими владениями[11]. Аналогичная ситуация уже с 1618 г. была проблемой и для России: по Столбовскому миру страна потеряла устье р. Невы. Это создавало целый ряд проблем для купцов, перекрывая им выход к внешней торговле, т.к. не все могли позволить себе выплачивать транзитные пошлины шведской стороне. К тому же, это сильно ограничивало международную коммуникацию германских земель и России. Шведская администрация была установлена в Бремене, Гамбурге и части Померании. Несмотря на то, что формально Бранденбург-Пруссия имел выход к морю через «Заднюю Померанию[12]», Швеция контролировала самый крупный и удобный порт и столицу бывшего герцогства – Штеттин[13], перекрывая Бранденбургу выход к балтийской и европейской морской торговле. Это было особенно критично с т.н. «сырьевым» экспортом, т.е. продажей зерновых, выращенных в Восточной Германии.

Естественно, это была почва к долгому противостоянию Бранденбурга-Пруссии со Швецией за выход в Балтийское море, схожая с аналогичной проблемой России XVII в. Обладая схожей целью, оба государства старались прибегнуть к одному и тому же средству ее достижения, а именно вооруженному конфликту. Однако, обе стороны до Петровской эпохи боролись скорее порознь, что стало не последним фактором их неудачи, помимо международно-политического и военно-стратегического.

Вестфальский мир не завершил борьбу за Балтику для германских государств. Напротив, неучастие в ней теперь монархии Габсбургов, т.е. императора Священной Римской империи, обрекало Фридриха Вильгельма I на поиск союзников вне Рейха или войну в одиночку. Разоренное войной курфюршество сильно нуждалась в удобном канале для экспорта своей продукции. К тому же, шведская сторона не признавала прав Бранденбурга даже на контролируемую им часть Померании, а Бранденбург не признавал прав Швеции. Это создавало предпосылки для затяжного противостояния, которое формально окончится в 1720 г. подписанием Стокгольмского мирного договора. Однако, оставшаяся часть Померании будет передана Пруссии лишь по итогам Кильского договора и Венского конгресса в 1814–1815 гг. Шведское управление в Померании при этом существенно отличалось от иных территорий королевства: здесь военная и гражданская администрации не были разделены. К тому же, шведские наместники не посягали на местные социальные порядки: юридически крестьяне, жившие здесь, имели тот же статус, что и в остальной заэльбской Германии, т.е. «наследственных подданных»[14] своих землевладельцев-дворян. Главное, что двигало нежеланием Стокгольма лишаться Померании, был контроль над внешней торговлей германских земель. Данная статья доходов существенно пополняла казну Швеции, и подкрепляла ее ресурсами для дальнейшей экспансии, в основном уже против Дании и России. Более того, в Померании стоял шведский гарнизон, с возможностью подхода к Берлину в течение нескольких дней. Однако, в случае войны на несколько направлений Швеция оказывалась крайне уязвимой, а ее экономика находилась под угрозой коллапса в течение всей второй половины XVII в.

Первый этап противостояния, в основном дипломатического, окончился 4 (14) мая 1653 г. подписанием Штеттинского договора между курфюрстом Бранденбурга Фридрихом Вильгельмом и королевой Швеции Кристиной[15]. Согласно ему, Бранденбург признал Штеттин и Переднюю Померанию владением шведской короны, а Швеция признала права курфюрста на Заднюю Померанию. Этим был

---

[9] *Вебер Д.И., Филюшкин А.И.* От Ордена осталось только имя… Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб.: Наука, 2018. 247 с.

[10] *Grimmelshausen H.J.S.* von. Der abenteuerliche Simplicius Simplicissimus. Leipzig, 1875. S. 119.

[11] Instrumenta Pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friendensverträge. Vollständiger lateinischer Text mit Übersetzung der wichtigeren Teile und Regesten. Dritte, durchgesehene Auflage bearbeitet von Konrad Müller. Bern - Frankfurt am Main, 1975, S. 101–166.

[12] Территории Померании к востоку от р. Одер, ныне Западно-поморское воеводство Польши

[13] Ныне Щецин там же

[14] Система личной зависимости крестьян в восточной Германии раннего нового времени. Была близка по своим параметрам к крепостному праву в России, фольварку в Речи Посполитой и велкостатеку в Чешском королевстве державы Габсбургов. Крестьянин был юридически прикреплен к земле, а также нес целый ряд повинностей в пользу дворянина, в основном в форме отработочной ренты. В Пруссии была отменена в 1807 г. во время крестьянской реформы Г.К. фон Штейна т.н. «Октябрьским эдиктом».

[15] Штеттинский договор, 4 (14) мая 1653 г. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/---_site.popup..html_dir._treaty.109_anth.213_notrans.1_likecms.html. (22.03.2022).

скреплен статус-кво в регионе, однако конфликт остался нерешенным и перешел в разряд «тлеющего», т.к. Бранденбург был готов выступить на той стороне, которая объявит войну Швеции при любой удобной ситуации. Это и произошло: так начался второй этап противостояния Бранденбурга и Швеции во время шведско-польской войны 1655–1661 гг. Она совпала с русско-шведской войной 1656–1658 гг. и русско-польской войной 1654–1657 гг. Курфюрсту Бранденбурга-Пруссии Фридриху Вильгельму I хоть и удалось в этот период вывести герцогство Пруссия из статуса вассала Речи Посполитой, но не удалось закрепить за собой Померанию по Оливскому мирному договору 3 мая 1660 г.[16]. Император Священной Римской империи Леопольд I не поддержал здесь притязания курфюрста, что подорвало доверие последнего к имперским институтам в целом.

Третья фаза конфликта совпала уже с военным противостоянием в Западной Европе 1672–1678 гг.: в это время шла война Священной Римской империи, Нидерландов и Великобритании против Франции Людовика XIV, она же «Голландская война», хотя она совпала и с Третьей англо-голландской войной. Основные приобретения курфюрст Фридрих Вильгельм получил уже в Рейнланде, но главной целью участия оставалось получение контроля над Передней Померанией. Будучи союзником Франции, шведский король Карл X вторгся в Бранденбург в 1675 г., однако 18 (28) июня при Фербеллине потерпел поражение от армии курфюрста Фридриха Вильгельма. Данное сражение считается одной из наиболее знаковых побед над шведской армией этого периода. Хотя по своей сути оно было куда менее масштабным, чем ряд событий всей кампании в целом, его значимость для исторической памяти и самопрезентации нового центра силы в германских землях считалась высокой. Это связано с падением мифа о непобедимости шведской армии того времени. После этого Штеттин и Передняя Померания были заняты бранденбургскими войсками, однако и это не принесло желаемого результата. В силу сепаратных договоров союзников Фридриха Вильгельма с Францией и позиции императора Леопольда I, курфюрст был вынужден уступить все захваченное в Померании Швеции[17]. Т.е. снова был установлен статус-кво на Померанском направлении, хотя Бранденбург и получил определенные территории на западе Германии.

Со смертью курфюрста Фридриха Вильгельма шведская проблема перешла «по наследству» его сыну, курфюрсту Фридриху III (1688–1713 гг.). Балтийское море по-прежнему оставалось «шведским озером», хотя возможности королевства уже начали сокращаться. Связано это с постоянными войнами на несколько направлений, и поиском противниками Швеции точек соприкосновения и общей стратегии против общего врага. С началом XVIII в. начались масштабные изменения в Бранденбурге-Пруссии и в России, связанные с реформами в обеих странах. И хотя оба государства еще не выступали союзниками, знакомство Фридриха III и Петра I создавало предпосылки к совместным действиям против Швеции. Первая встреча двух правителей состоялась в замке Кенигсберг в Пруссии 7 мая 1697 г., в т.н. «Зале Московитов». Оба правителя, которых не устраивал статус своих государств как «второстепенных» и вынужденных считаться с диктатом Швеции на Балтике, не подписали союзного договора, но заложили основу для благожелательных отношений в течение почти всего XVIII в.

[16] Оливский мирный договор 3 мая 1660 г. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/---_site.popup..html_dir._treaty.111_anth.216_notrans.1_likecms.html. (22.03.2022).

[17] Сен-Жерменский договор, 29 июня 1679 г. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/---_site.popup..html_dir._treaty.62_anth.225_likecms.html. (24.03.2022).

С 1701 г. курфюрст Бранденбурга-Пруссии стал королем в Пруссии под именем Фридриха I, а Россия уже год как вела войну против Швеции. Новое государство не имело широкого международного признания: на этот момент единственными, кто признал Фридриха королем, были Великобритания и Нидерланды. Но ценой королевского титула и первой «полосы признания» было участие в войне за Испанское наследство в 1700–1714 гг. на стороне императора Священной Римской империи и эрцгерцога Австрии Леопольда I и его преемников на имперском троне и во владениях австрийского дома. Неудачное начало Северной войны для России, Дании, Речи Посполитой и Саксонии, казалось бы, перечеркнуло «большую балтийскую коалицию», да и Фридрих I более участвовал в войне за Испанское наследство. В качестве короля его признал шведский монарх Карл XII, заключив с ним Гаагский договор от 29 июля 1703 г.[18], однако это не означало того, что Фридрих отказался от своих претензий на Померанию.

Доказательством этому стал союзный договор, заключенный Фридрихом I, курфюрстом Саксонии и королем Польши Августом II Сильным и королем Дании Фредериком IV в Кёльне-на-Шпрее 15 июля 1709 г.[19] Три монарха договорились о совместной борьбе со Швецией и восстановлении Августа на польском троне, откуда тот был свергнут шведским ставленником Станиславом Лещинским. Буквально за неделю до этого Карл XII потерпел крупное поражение от русских войск под Полтавой, что стало поводом к консолидации всех заинтересованных сторон и России. Однако, это не означало вступления Пруссии в войну. К тому же, русские войска уже действовали в Померании и заняли Штеттин. Преемник Фридриха I на королевском троне, Фридрих Вильгельм I, уже не мог оставаться в стороне. В 1713 г. Россия и Пруссия заключили Шведтский, а в 1714 г. – Санкт-Петербургский мирный договоры[20]. Оба текста содержали пункты о совместных действиях против Швеции на Балтике и признание друг друга в границах по итогам войны. Также, обе стороны отказывались от планов сепаратного мира с противником. Штеттин был передан Пруссии, и фактически цель – выход в Балтику из удобного порта – была достигнута Фридрихом Вильгельмом I, хотя и пришлось уплатить компенсации Дании и Гольштейну. Пруссия вступила в войну против Швеции в 1715 г., когда ее исход был уже предрешен: шведская экономика уже находилась в состоянии коллапса, коммуникации с основной ресурсной базой – Финляндией – уже были нарушены действиями русского флота. Однако, Фридрих Вильгельм объявил войну Швеции в ответ на требование вернуть Штеттин. Это означало реализацию союзных договоров с Россией и выполнение взятых на себя обязательств, и заставило Швецию искать мира со всеми сторонами на Балтике. Из других германских государств в войну вступил Ганновер, чей курфюрст Георг Вильгельм I также являлся королем Великобритании. Шведская гегемония в Германии обнаружила тенденцию к коллапсу.

Гибель Карла XII в Норвегии 11 декабря 1718 г. ускорила переговорный процесс между Швецией и ее противниками. Общего мирного договора не заключалось в силу совершенно различных результатов действий стран – участников антишведской коалиции. Наиболее слабыми ее участниками оказались Дания и Речь

[18] Гаагский союзный договор между Пруссией и Швецией, 29.07.1703. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1703%20VII%2019_29%20B%C3%BCndnis%20von%20Den%20Haag/t-311-1-de.html?h=1 (20.03.2022).

[19] Союзный договор, заключенный в Кёльне-на-Шпрее 15 июля 1709 г. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1709%20VII%2015%20Allianz%20von%20C%C3%B6lln%20an%20der%20Spree/t-774-1-de.html?h=1 (20.03.2022).

[20] Шведтский договор, 6.10.1713. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1713%20X%206%20Vertrag%20von%20Schwedt/t-1374-1-de.html?h=1. (20.03.2022); Санкт-Петербургский договор, 12.04.1714. URL: https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1714%20VI%201_12%20Allianzvertrag%20von%20St.%20Petersburg/t-1375-1-de.html?h=1 (20.03.2022).

Посполитая: первая столкнулась с низкой боеспособностью своей армии, хотя война в Норвегии для шведских войск и оказывалась «войной с пространством» в силу затрудненных коммуникаций внутри королевства. Король Речи Посполитой Август II Сильный оказался скорее в роли неполноправного союзника Петра I, к тому же связанного избирательными капитуляциями со шляхтой. Пруссия к тому времени уже укрепилась в Померании, и, таким образом, достигла целей кампании. Мирный процесс стартовал уже в 1719 г.: первым из войны вышел Ганновер, получив округ Бремен-Вердер. 1 февраля 1720 г. вторым Стокгольмским мирным договором был закреплен мир между Пруссией и Швецией.

По условиям этого трактата Штеттин с округом, а также острова в дельте реки Одер передавались Пруссии. При этом, часть Померании – остров Рюген, Висмар, Штральзунд и Грайфсвальд с округами оставались подконтрольными Дании, и поэтому не фигурировали в этом тексте. Их судьба решалась уже по итогу переговоров Копенгагена и Стокгольма, однако Пруссия уже вышла из войны, и на контроль этой части Померании уже не претендовала. Фактически шведская гегемония в Германии уже была похоронена, и Стокгольм более не контролировал внешнюю торговлю германских государств. То же положение теперь относилось и к России. Оставшаяся часть Померании с округами Грайфсвальда, Штральзунда, Висмара, а также островом Рюген, оставалась под контролем Швеции формально до Кильского договора 1814 г. Тогда Стокгольм окончательно отказался от своих владений в Германии. При этом, расходы на содержание администрации и войск, которые стояли здесь, уже превышали доходы: наиболее богатые и экономически развитые области уже контролировались Пруссией.

Борьба за выход к Балтике остается одной из ключевых точек исторической памяти для Германии примерно в той же мере, что и для России. Для Пруссии, а затем Германской империи оно было важной частью официальной историографии династии Гогенцоллернов и самопрезентации как «состоявшегося государства», имеющего вес на международной арене и в Германии. При этом, шведско-германское противостояние отложилось в исторической памяти немцев разнообразно и неоднозначно. В негативной плоскости находятся насилие и бесчинства, чинимые шведскими войсками в годы Тридцатилетней войны. Не без участия современников событий и более позднего осмысления ими этого периода тиражировались такие элементы образа шведов в Германии, как пьянство и агрессивность[21]. Таковое сложилось с подачи Ганса Якоба фон Гриммельсхаузена и его романа «Приключения Симплиция Симплициссимуса», где основное действие и разворачивается в ходе Тридцатилетней войны. Оно также повлияло на восприятие конфликта «снизу», подкрепленное официальной пропагандой в Пруссии и государствах северной Германии, сильнее всего пострадавших от конфликта в XVII в.

Подобное негативное восприятие шведского присутствия в германских землях и Священной Римской империи в целом остается также в Австрии и Чехии. Несмотря на то, что собственно австрийские земли почти не были затронуты присутствием шведских солдат (кроме г. Брегенц в Форарльберге), для Габсбургов тема борьбы со Швецией также была частью официальной пропаганды и историографии. Наиболее сильно это проявилось в XIX в. в консервативной исторической мысли Австрийской империи, например, у Йозефа фон Хормайра. В «Австрийском Плутархе» и «Австрии и Германии» этот историограф нарративом о борьбе со Швецией подчеркивает участие Габсбургов в германской политике, а также сопричастность германских земель и Австрии как неотъемлемых частей одного ареала в Европе[22]. Для Чехии шведское военное присутствие, будучи куда более ощутимым, чем для остальных владений Габсбургов, также сохраняет негативные коннотации. В силе оставались претензии к Стокгольму за разграбление коллекций Пражского града и Праги в целом. Неудачи шведской армии под Брно также отразились в локальной памяти и топонимике: колокола собора Св. Петра в городе отбивают полдень на час ранее, чем задумано, т.е. в 11:00, а предел продвижения шведских отрядов Торстенссона в районе Слатины[23] называют Шведским шанцем. Также в городе поставлен памятник габсбургскому военачальнику Луи Радюи де Суше, оборонявшему город во время второй осады Брно в 1645 г., который похоронен здесь же, в костеле Св. Якова.

В локальной исторической памяти Померании изучение шведского наследия ведется более активно, чем в остальных германских землях. Это связано и с более долгим шведским присутствием на этой территории, а также и активными связями этой части Германии со Швецией. Так, активное сообщение академического сообщества, например, корпораций университета Грайфсвальда с остальными скандинавскими университетами, например, с Лундским и Уппсальским в Швеции адресует именно к этому. Отдельная экспозиция под заглавием «Почти двести лет со Швецией» остается в Земельном музее Померании в г. Грайфсвальд и поныне. В ней шведское присутствие не изображается как «время оккупации», а рассматривается с точки зрения отношений с новыми властями после Тридцатилетней войны определенных групп, например, чиновничества и университетской корпорации. Вовлечение города и университета в диалог с академическим пространством Скандинавии считается частично итогом именно этого времени. Оно также частично предстает «преемником Ганзы» и тех связей, что этот городской союз заложил в Средние века. Изменение восприятия Швеции в Германии уже в XIX в. будет связано и со связями немецкого национального движения со шведскими кругами, и с тесным сотрудничеством двух стран, которое продолжалось активно вплоть до 1945 г., среди прочего, и в военной сфере.

Значение германо-шведской «борьбы за Балтику» предстает многоплановым и глубоким. Военная, дипломатическая и идеологическая борьба за выход к Балтийскому морю, схожая с аналогичным российским опытом, оказала значительное влияние на последующее развитие германских государств. Достигнутая по итогу победа над шведской армией подкрепляла образ сначала империи Габсбургов, а затем Пруссии как «защитников Германии». Это использовалось как идеологический довод в пользу состоятельности нового государства и центра силы в составе Рейха. В «низовой» коллективной памяти шведско-германское противостояние отложилось образом шведов как враждебного «другого» с сопутствующей ему демонизацией. Именно по итогу этой борьбы германские земли освободились от контроля за своей внешней торговлей от третьей стороны, что содействовало развитию рыночных отношений, в противовес господству «старой аристократии».

Шведско-германское противостояние также сблизило петровскую Россию и Пруссию: два государства, добивавшиеся признания своего нового статуса, по ито-

[21] *Grimmelshausen H.J.S.* von. Der abenteuerliche Simplicius Simplicissimus (1669). Leipzig, 1875. S. 119.

[22] *Hormayr J.* von. Österreich und Deutschland. Gotha: In der Beckerschen Buchhandlung, 1814. S. 95; Hormayr, J. von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807. Bd. 9, S. 120–122

[23] Ныне в городской черте Брно

гам конфликта на Балтике, получили искомое. Более того, отношения Берлина и Санкт-Петербурга отметились долговременным, многосторонним и глубоким сотрудничеством по целому ряду вопросов, прерванному лишь Семилетней войной, а затем после 1762 г. быстро возобновленному.

А.В. Малов

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА КРОВКОВЫХ В СОСТАВЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА МОСКОВСКИХ ВЫБОРНЫХ СОЛДАТСКИХ ПОЛКОВ В 1690-е ГОДЫ

Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт и генерал Петр (Патрик) Иванович Гордон стали по сути последними командирами московских выборных полков солдатского строя (далее – МВП). Эти полки, созданные царем Алексеем Михайловичем, после смерти в 1699 г. названных командиров конца XVII в. теряют свой элитный статус, превратившись в ординарные солдатские полки полевой армии. Командир Первого выборного полка был личным другом будущего первого российского императора с чином первого российского генерал-адмирала[1], а командир Второго – непререкаемым авторитетом по всем военным вопросам. Патрик Гордон был произведен в командиры 2-го МВП после Матвея Осиповича Кровкова. Последний был отставлен от командования полком во время стрелецкого мятежа 1682 г., в которой 2-й МВП принял активное участие, по коллективной челобитной нижних чинов полка с жалобами на своего командира по образцу аналогичных челобитных мятежных стрельцов. После подавления мятежа пострадавший командир 2-го МВП за прежние заслуги и в компенсацию перенесенных им насильств со стороны мятежников, а также чтобы в условиях ожесточенной придворной борьбы правительство Софьи Алексеевны предпочло не восстанавливать М.О. Кровкова в его должности, а оправдав и пожаловав, отослать подальше на воеводство в Сибирь. Начиная с отстранения его от командования на время следствия, и в период исполнения им воеводской службы он писался по спискам МВП «за полками». По завершении своего воеводства генерал вернулся в Москву, но поскольку к тому моменту его полком командовал Патрик Гордон, Кровков оставался в штате МВП «за полками». В XVII в. все полки нового строя (как и стрелецкие приказы/полки) назывались по именам своих командиров, но в конце столетия ситуация меняется, и МВП – Францев полк Яковлевича Лефорта и Петров полк Ивановича Гордона, единственные полки нового строя постоянной службы (регулярные), начинают именовать по месту их постоянной дислокации - по их слободам – Лефортовской и Бутырской. Аналогичные названия получили и созданные по их образцу и подобию «потешные» будущие гвардейские полки юного царя Петра Алексеевича – Преображенский и Семеновский. В ходе Северной войны 1700–1721 гг. теперь уже бывшие МВП претерпели столь основатель-

[1] РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. СВ. 44. Д. 44. Л. 2; Государственность России: словарь-справочник / Всерос. Науч.-исслед. ин-т документовед. и архив. дела. М., 1996–… Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. – февраль 1917 г.: в 2 т. М., 2005. Ч. 1: А–Л: С. 123.

ную ротацию офицерских кадров, что после потери полковых архивов при подаче в Военную коллегию документов в мае-июле 1720 г. никто из командования этих полков уже не мог вспомнить их происхождение и раннюю историю, «с которого году оной полк состоит, и кто имяны с началу были штап- и обер-афицеры...»[2]: «А о начати полку, кто в полку был штап- и обор-афицеры и урядники и салдаты и неслужащия, и что в полку было каких припасов, и где приниманы и каким образом утрачены где и об онам подать ведомость от полку неможно, понеже ведомости и записки утрачены все на Турецкой акции»[3], «А с 700-го что состояло людей в полку, тож и полковых вещей, и по 712 год, и что во оных годех было в приеме и в убыле и с такими писмами и ведомостями полковой ящик в 711-м году июля 9 дня при реке Пруде, идучи отводом, неприятелские люди отбили, и за таким неимением оных писем справитца при полку не имеем с чем»[4]. Начальную историю московских выборных солдатских полков мы довели до 1671 г., когда эти полки было указано ведать в Стрелецком приказе. Архив Стрелецкого приказа, почти полностью погиб в Троицком пожаре 29 мая 1737 г., как и большая часть архивов, объединенных в единое ведомство Иноземского и Рейтарского приказов, где выборные полки ведались с 1682 г.

В 1690-е гг. в числе начальных людей МВП упоминаются 6 представителей рода Кровковых[5], начиная с написанного за полками бывшего командира 2-го МВП ген. М.О. Кровкова. Биографические очерки Матвея Осиповича Кровкова в разной степени подробности уже освещались в научной и научно-популярной литературе[6], включая и автора сих строк[7]. В 1690-е гг. в офицерском корпусе МВП уже не встречается Афанасий Кровков, упоминавшийся ранее в чине поручика[8]. К началу 1720-х гг. из 6 представителей рода среди офицеров теперь уже бывших МВП мы не находим уже ни одного представителя данного рода. Поскольку при переправе через р. Прут 9 июля 1711 г. крымские татары отбили часть обоза Русской армии, которая содержала полковые архивы, раннюю историю армии Петра I историкам приходится восстанавливать по крупицам, и до сих пор в этом периоде истории Русской армии много лакун и белых пятен. Сохранившиеся в РГАДА и РГВИА фрагменты архива, объединенного Иноземского и Рейтарского приказа, который в феврале 1700 г. стал именоваться Приказом генерал-комиссара, а в течение года получил название Приказа Военных дел[9], позволяют в значительной степени восстановить состав офицерского корпуса.

В первую очередь, речь идет о двух списках МВП (не считая дополнительных источников) с подробными сказками о службе позволяют системно организовать просопографическое исследование представителей рода Кровковых, служивших

[2] Там же. Ф. 490. Офицерские сказки. Оп. 2. Д. 37. Лефортовский полк. Л. 2.

[3] Там же. Д. 32. Бутырский полк. Л. 2-3.

[4] Там же. Д. 37. Лефортовский полк. Л. 3.

[5] Всего в документах – 8 чел., включая двух сыновей Матвея Осиповича – Любима и Семена, сопровождавших его на службе за штатом полка.

[6] *Рогожин А.А.* Якутский воевода М.О. Кровков – новые факты о личности и службе // Якутский архив. 2010. No3. С. 21–26.

[7] *Малов А.В.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 14. 2001. № 2. С. 2–7; Он же. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 113–118.

[8] *Малов А.В.* Московские выборные... 1656–1671 гг. С. 419.

[9] *Автократов В.Н.* Военный приказ (К истории комплектования войск в России в начале XVIII в.) // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 228–245; Он же. Управление вооруженными силами России в начале XVIII века (по материалам приказа Военных дел). Дис. / к.и.н. М., 1963. Л. 27-28.

в составе офицерского корпуса этих полков в последнее десятилетие XVII в. Первый из списков – 1692 г. – представляет собой материалы смотра начальных людей МВП судьей Иноземского и Рейтарского приказов боярином князем Федором Семеновичем Урусовым 16 января 1692 г. с записями сказок их о своих службах[10]. Второй документ – список 204-го (1695/96) г., составленный уже без смотра в том же объединенном Иноземском и Рейтарском приказе под руководством думного дьяка Автамона Ивановича Иванова по таким же сказкам начальных людей, которые буквально через несколько лет получат название офицерских сказок[11]. Историю офицерского корпуса МВП за 1690-е гг. дополняет окладная книга генералов и офицеров из иноземцев и новокрещен Иноземского приказа 206-го (1697/98) г.: «Список копейного и рейтарского и салдацкого строю генералом-порутчиком и генералом-маеором, и полковником, и подполковником, и маеором, и ротмистром, и капитаном, и капитаном-порутчиком, и порутчиком, полковым квартермейстером, прапорщиком, отъютантом, полковым обозничим – новокрещеном и иноземцом нынешняго 206-го году, которые служат у московских полков и на службах в городех и на воеводствах, зделан при сиденье боярина Алексея Семеновича Шеина да думного дьяка Автамона Ивановича Иванова да дьяков Алексея Яцкого, Никифора Зайцова, Степана Алексеева, Архипа Моисеева»[12].

М.О. Кровков происходил из муромских дворян, выслуживших московские чины. В 1649 г. службой по Мурому было записано семеро Кровковых: по выбору Карман (Корман) Мешков сын, по городовому Петр (Петрушка) Иванов сын (Кравков), Дмитрий (Митка) Иванов сын, Кузьма (Куземка) Лазарев сын (Кравков), Петр (Петрушка) Панкратьев сын, недоросли Мирон и Григорий Панкратьевы дети[13], – но пока не удалось установить их связь ни с генералом М.О. Кровковым, ни с одним из офицеров Кровковых, служивших в МВП в 1690-е гг.: майором (с 09.01.1692) Федором Ивановым сыном, капитанами Семеном Мироновым сыном и Никитой Ивановым сыном, поручиком (с 27.01.1697) Авдеем Мироновым сыном, прапорщиком Лукьяном Федоровым сыном, при том, что муромское происхождение всех названных офицеров не подлежит сомнению.

Ни один из названных офицеров не фиксируется сохранившимися офицерскими сказками[14] XVIII в., документов об их службе в полках Русской армии периода Северной войны нами пока не выявлено, хотя кроме умершего около 1700 г. генерала М.О. Кровкова все остальные его родственники должны были принять в ней участие. Только начавшие службу уже в 1702 г. младшие дети Федора Ивановича,

[10] *Малов А.В.* Смотренный список начальных людей московских выборных полков солдатского строя 1692 года // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М.: Квадрига, 2011. С. 433–490.

[11] Список генералов и начальных людей (окладной книге) приказа б. Алексея Семеновича Шеина и думного дьяка Автамона Ивановича Иванова и дьяков Алексея Яцкого, Никифора Зайцева, Степана Алексеева и Архипа Моисеева 204-го (1695/96) г. // РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. I-IX, 1-86 об.

[12] Список генералов и начальных людей (окладной книге) приказа б. Алексея Семеновича Шеина и думного дьяка Автамона Ивановича Иванова и дьяков Алексея Яцкого, Никифора Зайцева, Степана Алексеева и Архипа Моисеева 206-го (1697/98) г. // РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 44. Д. 44. Л. 1–141 об.

[13] *Кравков А.Г.* К истории муромского служилого города. Список с разборной десятни муромцев 1649 г. // Уваровские чтения - XI: Музей: книга отзывов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17-19 апреля 2019 г. / Муром. Историко-худож. музей / науч. ред. Ю.М. Смирнов. - Выкса, 2019. С. 196-208.

[14] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. док-в в 2-х тт. / Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М.: «Старая Басманная», 2015; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. док-в в 2-х тт. / Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М., 2016; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошые чины. Сб. док-в в 2-х тт. / Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М., 2017.

младшие братья Лукьяна – Ларион и Василий отыскались в офицерских сказках Казанского гарнизона, пройдя службу перед этим в целом ряде полков. В порядке старшинства и рассмотрим боевой путь служивших в МВП в 1690-х гг. названных офицеров Кровковых.

Матвей Осипович Кровков[15].

С его именем связана легенда об иноземном происхождении рода от мифического выезжего на Русь датчанина Краффгофа, о чем мы уже писали[16] и здесь останавливаться не будем. Родословная роспись муромских дворян Кровковых (Кравковых) в Палату родословных дел в конце XVII в. была представлена предположительно генералом М.О. Кровковым, но пока не найдена[17].

Отец Матвея выборный дворянин Осип Сумин сын Кровков был младшим братом знаменитого Ивана Сумина сына Кровкова, получившего прозвище Мешок за его заслуги при осаде царем Василием IV Ивановичем (Шуйским) в Туле сторонников Лжедмитрия во главе с его воеводой Иваном Болотниковым в 1607 г. Тогда именно родной дядя Матвея Осиповича предложил запрудить реку Упу «заплотой» с помощью мешков с землей и таким образом подтопить осадных сидельцев, в результате чего повстанцы были вынуждены капитулировать[18]. Осип написан в выборных дворянах по Мурому с окладом в 600 чети в боярских списках 1626, 1627/28, 1628 и 1629 гг.[19] Согласно ноябрьскому указу и указу от 3 ноября 1627 г. боярину князю Юрию Яншеевичу Сулешеву о верстании в Москве новиков всех городов, Осип Сумин сын в составе комиссии окладчиков вместе с муромцами Никитой Григорьевым сыном Чирковым и Василием Васильевым сыном Глебовым 21 января 1628 г. поверстали двух муромских новиков[20]. В боярском списке 1637/38 г. Осип Сумин написан в московских дворянах – помета о его службе на Туле вымарана, вместо нее приписано об отсылке его в Новую четь[21]. В боярском списке 1638/39 г. напротив его имени помечено о завершении его тульской службе, отсылке из Казанского дворца и вымаранной «у Соли»[22]. В чине московского дворянина он внесен в боярскую книгу 1639 г.[23] и записан в боярском списке 1639/40 г. с пометой о его пребывании на Тульской службе[24].

Сам Матвей Осипович, родился заведомо до 1624 г., предположение о его рождении в этом году является неверным[25], поскольку в 144-м (1635/36) г. он уже написан по жилецкому списку, и был на Туле в полку стольника воеводы князя Ивана

[15] *Малов А.В.* Смотренный список… С. 435-439.

[16] *Малов А.В.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Командиры… С. 5; Он же. Московские выборные полки… 1656-1671 гг. С. 114.

[17] *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. С. 211; Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (Б, Г, Е, К-Я) / Л.Е. Шабаев // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 11. М., 2022. С. 256.

[18] *Белокуров С.А.* Разрядныя записи за Смутное время. (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 12, 265.

[19] «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сб. док. / Сост. Е.Н. Горбатов. – М., 2015. С. 68, 157, 232, 315.

[20] О верстании новиков всех городов 7136 г. / А. Н. Зерцалов. М, 1895. С. 39.

[21] «Подлинный» боярский список 1638/39 г. / Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 5. – М.: Старая Басманная, 2018. С. 86.

[22] «Подлинный» боярский список 1638/39 г. / Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 6. – М.: Старая Басманная, 2019. С. 207.

[23] Боярская книга 1639 года / Подг. к публ. – В. А. Кадик, М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин; отв. ред. В. И. Буганов, предисл. Н. М. Рогожин, вст. ст. М. П. Лукичев. М., 1999. С. 183.

[24] «Подлинный» боярский список 1639/40 г. / Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 7. – М., 2020. С. 241.

[25] *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2-х тт. 2008-2009. Т. 2. Казань: Казанский государственный университет, 2009. С. 200.

Никитича Хованского и в полку воеводы князя Федора Андреевича Телятевского при отражении набега крымских царевичей[26]. В 148-м (1639/40) г. был на Туле в полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого; в 150-м (1641/42) г. – опять на Туле в полках стольника воеводы князя Алексея Ивановича Воротынского и боярина воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого.

В 152-м (1643/44) г. был послан с боярином воеводой князем Юрием Андреевичем Сицким во Псков встречать дацкого королевича Вальдемара[27], не оттуда ли родилась легенда о первопредке датчанине Краффгофе?

В 154-м (1645/46) г. опять на Туле в полку боярина воеводы князя А.Н. Трубецкого, откуда участвовал в «посылке» во Мценск для отражения набега крымских царевичей на Белгородскую и Курскую земли. Из этого рейда с вестями и, вероятно, отпиской посылался «в проезжей станице» в Белгород к окольничему воеводе князю Семену Романовичу Пожарскому. После возвращения с проезжей станицей был послан в полк боярина воеводы князя Никиты Ивановича Одоевского, с которым был на Ливнах и в Белгороде на строительстве Белгородской черты при возведении вала и рва от Северского Донца в Белгороде до Карпова Сторожевья, а также при возведении на черте Болховского острога и других острожков.

В том же жилецком чине упоминается еще в 1647 г., когда запечатывал грамоты в Печатном приказе[28]. Во время Соляного бунта 1648 г. нес жилецкую службу при царе: «и в то время был вверху безсходно и великого государя здоровье оберегал; а двор ево московской розграблен и згорел со всякими ево пожитки и разорен без остатку», за что вероятно и был пожалован из житья в стряпчие.

В 157-м (1648/49) г. поступил в учебный рейтарский полк Исаака Фан-Буковена: «из стряпчих написан в выборные рейтары и велено учитца рейтарского и пехотного строю».

В 1653 г. новоиспеченный начальный человек получил задание по наказу от 17 марта[29] прибрать в Коломне и Переяславле-Рязанском солдат и стрельцов для пополнения и укрепления гарнизонов Астрахани и Терков, что и выполнил, приведя туда в общей сложности 2996 чел. Сама служба предполагала «головство» Матвея Осиповича, но чин головы встречаем у него лишь в следующем году. Видимо, с солдатско-стрелецким прибором связана и его следующая служба 1654 г., когда он уже в чине стряпчего и стрелецкого головы отвозил в Астрахань вино[30]. К сожалению, из записи не ясно: идет ли речь о казенном вине на жалованье и продажу или о реэкпорте в Иран европейских вин.

В 1656 г. участвовал в Рижском походе Алексея Михайловича в составе Государева полка, в ходе которого участвовал в штурме Динабурга войсками боярина воеводы Семена Лукьяновича Стрешнева, после которого был послан в войска боярина воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского, блокировавшие Ригу до прихода Алексея Михайловича.

В апреле 1657 г. он ездил в Казань по судному делу своего отца уже старца Муромского Спасского Преображенского монастыря Иосифа[31].

[26] *Малов А.В.* Смотренный список начальных людей… С. 435.

[27] Дворцовые разряды. Т. 2 (С 1628 по 1645 г.). СПб., 1851. Стб. 660, 667, 714, 716, 718, 723.

[28] РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 45. Л. 5об.

[29] Наказ был любезно указан нам О.А. Курбатовым: Там же. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1. № 42428. Л. 1.

[30] РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 71. Л. 138, 140, 140 об., 171 об.

[31] Там же. Кн. 87. Л. 346 об.

С апреля 1657 по сентябрь 1658 гг. сидел городовым воеводой в Кокшайске[32].

Стряпчий, побывавший воеводой и стрелецким головой, не мог быть написан в московский выборный солдатский полк в чин ниже майорского, что очевидно и произошло не ранее осени 1658 г.

В боярской книге 1658 г. написан по списку «стряпчих в рейтарской службе». Этот документ сохранял управленческую актуальность не только до составления следующей боярской книги (следующая дошедшая до нас боярская книга составлена в 1667 г.), как установил М.П. Лукичев, он использовался до 1670-х гг.33 Для нас это имеет значение, потому что напротив имени М.О. Кровкова в книге 1658 г. сделана помета о его производстве в 1661 г. в полковники выборного полка: «у салдат полковник»[34].

Еще до назначения командиром выборного полка М.О. Кровков к родовым землям в Муромском уезде приобрел поместья в Вологодском, Владимирском и Кашинском уездах, что также демонстрирует его организаторские способности.

В 167-м (1658/59) г. ездил под Вильно в составе русского посольства боярина князя Никиты Ивановича Одоевского на русско-польские переговоры.

В 170-м (1661/62) г., по сказке генерала, он «взят в полковники к выборному салдацкому полку и блаженные памяти великим государем … пожалован знаменем в слободе Бутырках при всем ево государеве сихклите», когда 29 декабря 1661 г. в 6 часу дня после вечерни в Бутырках царь Алексей Михайлович пожаловал его «из маеоров в полковники к пешему солдатцкому строю к выборному полку… полковничество ему сказал и того полку знамя ему дал боярин Семен Лукьянович Стрешнев; а после того ему же дал печатную книгу ратного ополчения, по чему ему разумети и строити пешей солдацкой строй»[35].

В 1662 г. его полку был объявлен поход в Смоленск с боярином воеводой князем Ю.А. Долгоруковым, но из-за Медного бунта «и он с полком остановлен и взят в село Коломенское, и над бунтовщики промыслы чинил и великого государя здоровье оберегал и воров многих имал и приводил в село Коломенское, и полку своего началных людей и урядников и салдат от бунту удержал». После подавления мятежа в Москве во главе своего полка М.О. Кровков уже выступил в Смоленск, но был возвращен с дороги для борьбы с новым мятежем. 2-й МВП вошел в состав армии боярина воеводы князя Ф.Ф. Волконского, с которым послан в Казань против восставших башкир и калмыков.

М.О. Кровков с 2-м МВП участвовал в деблокаде Уфы и подавлении башкирского восстания: «И Казанской уезд от войны до Камы очистили и Уфу из осады выручили; и посыланы были за изменники башкирцы в походы во многие времена летом и зимою, и руских людей, и лошади, и скот, которых калмыки и башкирцы в Казанском уезде побрали полоном, у них отбили по-прежнему в государеву сторону».

В восточном походе полк задержался. В ходе борьбы с повстанцами Поволжья и Предуралья в 172-м (1663/64) г. М.О. Кровков оборонял Мензелинск от осады объединенных сил восставших калмыков, башкир, чювашей, марийцев (черемисы), удмуртов (вотяков) и мордвы во главе с Дайчин-тайшей: «и был с ними бой великой денно и ночно, и многих неприятелских людей побили». Отбив нападение, полковник М.О. Кровков в начале 1664 г. возглавил зимнюю «посылку» на лыжах против базы башкирских повстанцев на Танопских вершинах: «и да Уралу пушки и всякие полковые припасы волокли на себе, и многие башкирские улусы повоевали, и многих лутчих людей побили, и тарханов и сотников в полон поимали; и в далном и нужном походе обеззапасели и ели мертвую кобылятину и с ног поршни и барабанные кожи; и те башкирцы, видя свое разорение, в винах своих великому государю добили челом».

После возвращения из Башкирского похода Приказ Тайных дел и Владимирский судный приказ послали М.О. Кровкова в Ярославль для следствия и дознания по доносу дьяка Василия Шпилькина на попа Ивана Маслугина. В ходе следствия в Казну было конфисковано «животов» на 15000 руб.

В 174-м (1665/66) г. был послан с полком на Тулу: «в Серпухов и по Оке по всем перевозом и на Тулу» – против казаков Василия Уса, хотя сам М.О. Кровков позднее, путаясь, писал, что посылка была «против вора Стенки Разина, и тот вор, уведав ево приход на Тулу, побежал на Дон».

В апреле-июне 1668 г. возглавлял свой полк в походе армии окольничего воеводы князя Петра Алексеевич Долгорукова на Глухов[36]. При отступлении от Глухова к Севску 2-й МВП под командой своего полковника успешно отбил все атаки казаков и крымских татар с большими потерями для нападавших. Тогда же бывший при полку вместе с отцом сын Матвея Осиповича Семен был ранен осколком пушечного ядра.

Летом того же года М.О. Кровков со 2-м МВП вторично выступил из Севска в новый Черкасский поход в составе почти той же армии, но под командованием нового воеводы боярина князя Г.С. Куракина[37], в ходе которого в бою был ранен и взят в плен другой его сын Любим. Однако возглавленная самим полковником «посылка» настигла и разбила крымцев и черкас, отбила русских пленных, включая сына полковника и сама взяла крымцев и казаков в плен.

В июле из Черкасского похода полковник привел 2-й МВП в Путивль, но лишь за тем, чтобы, почти не отдыхая, в сентябре 1668 г. выступить на Северщину в составе армии боярина воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского, которому надлежало деблокировать осажденные мятежными казаками и пришедшими к ним на помощь татарами русские гарнизоны пяти городов Гетманщины: «на выручку малоросийских городов». Кровков с 2-м МВП деблокировал Нежин и взяли захваченный казаками и татарами Чернигов[38]. После взятия Чернигова в октябре полковник повел свой 2-й МВП к Путивлю, но на марше его атаковали опоздавшие к деблокаде крымские татары во главе с калгой[39]: «и были с ними бои, и шли отводом восмь дней и пришли в Путивль по-прежнему». Из Путивля 2-й МВП был отправлен в Рыльск, в Суджу и снова в Севск.

---

[32] Там же. Кн. 80. Л. 412 об.; Кн. 90. Л. 64 об.

[33] *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю.М. Эскин. М., 2004. С. 35-37.

[34] Боярская книга 1658 года / Подг. к публ. – В. А. Кадик, М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин; отв. ред. Н. М. Рогожин, вст. ст. М. П. Лукичев, М.Н. Рогожин. М., 2004. С. 103.

[35] *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908.С. 120.

[36] *Курбатов О.А., Селезнев Ю.В.* Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1700 гг. (Том I). М., 2019. С. 977–981; *Бабулин И. Б.* Война за возвращение Украины 1668–1669 гг. М., 2021. С. 83–93.

[37] *Бабулин И.Б.* Война… 1668–1669 гг. С. 96–131.

[38] Там же. С. 137–142, 144–152.

[39] Там же. С. 152–162.

В феврале 1669 г. М.О. Кровков с полком в составе армии князя Г.Г. Ромодановского из Севска выступил в Глухов на генеральную раду[40], которая 3 марта выбрала гетманом Войска Запорожского Демьяна Игнатьевича Многогрешного.

В 178-м (1669/70) г. Разрядный приказ послал полковника Кровкова в Комарицкие волости для разбора поселенных драгун. Здесь полковник переписал 9689 комаричан.

В 1671 г. Кровков возглавлял полк в походе против С. Разина[41]: «и ис Казани посылан он был с полком водою вниз по Волге реке до устья Камы реки и ниже; и многих воров на боях побил и живых, переимав, отсылал в Казань, а иных перевешал, и Тетюши город взяли и воров побили; и ис Казани с великими боями шол до Курмыша и до Танбова… и от Танбова до Пензы, идучи по черте, городы и острошки очистили, и воров побили, и дорогу до Саратова очистили; и с Пензы по вестям пошли до Козлова».

В 180-м (1671/72) г. по наказу из Тайного и из Стрелецого приказов и из Приказа княжества Смоленского Кровков был послан в Смоленск для описи Смоленского «воеводства»: «что какие казны денежны(е) и хлебные и зелейные и свинцовой и пушек и ручнова ружья и что каких чинов служилых руских людей и иноземцов и чем хто и за что пожалован», – что он успешно выполнил, представив в приказы описные книги.

В 184-м (1675/76) г. в Курске вошел в состав полка боярина воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского, который выступил к Чигирину и принял капитуляцию гетмана Петра Дорошенко и сдачу гетманской резиденции[42]: «и под Чигириным, как Петр Дорошенок вину свою принес, и ево, Петра, принял в обоз».

Полковник уже возвращался с полком из триумфального похода после роспуска князя Г.Г. Ромодановским его армии, когда 9 октября 1676 г. на речке Суле, не доходя 15 верст до Сум Кровкову привезли грамоту о назначении его в Чигирин с тысячей его полка в качестве временного гарнизона[43].

В Чигирине М. Кровков, не дожидаясь царского указа, описал имеющиеся в Чигирине запасы, состояние чигиринских укреплений, отношения русских ратных людей с казаками и какие удалось собрать вести о противнике[44]. Добиться помощи от местных чигиринских казаков и мещан Кровкову не удалось, и о лошадях и строительном лесе ему пришлось обращаться к Ромодановскому и к Самойловичу. По описи принятого имущества и провизии Кровков составил книги и вместе с чертежом и отпиской 22 ноября 1676 г. отправил в Москву с капитаном своего полка Петром Нелюбовым[45]. 31 декабря 1676 г. М. Кровков прислал в Киев воеводе князю Алексею Голицыну с поручиком Прокофьем Вязевским для отсылки в Малороссийский приказ описные книги городу, гарнизону и запасам в Чигирине, скопированные с ноябрьской описи того же года[46]. По допросу в Малороссийском приказе 16 января поручик Вязевский сообщил, на момент его отъезда из Чигирина начали строить хлебные житницы, но восстановление укреплений еще не началось из-за голода и массовых болезней ратных людей, массовый падеж от бескормицы начался и среди лошадей. Тяжелое положение чигиринского гарнизона начало медленно меняться с марта, когда начало поступать продовольствие[47]. М. Кровкову не удалось предотвратить поджога города, когда сгорела часть городской стены, но к моменту сдачи города следующему коменданту полковник восстановил сгоревший участок крепости и передал стены и башни «в целости».

В первых числах апреля 1677 г. решено было заменить полковника М. Кровкова на посту чигиринского воеводы служилым иноземцем Афанасием Федоровым сыном Трауернихтом и с ним послать туда инженера[48]. Ко времени приема города Трауернихтом времени на восстановительные работы почти не оставалось, так что к приходу турок крепость имела тот вид, который придал ей М. Кровков: «И как во 185-м году приходили под Чигирин Ибраим-паша с турскими людми и с волохи и с мутьяны и з болгоры и з сербы и с ханом крымским, и в том новопостроеном и укрепленом городе ратные люди отсиделись». После передачи крепости М. Кровков вернулся в столицу, где сразу включился в подготовку полка к следующей кампании под командованием князя Г.Г. Ромодановского. Заслуги выборных полков в 1-м Чигиринском походе 1677 г., когда они во главе со своими полковниками, «перешед Днепр, з боярином ж и воиводою со князем Григорьем Григорьевичем Чигирин из осады выручили и турских многих людей от Чигирина отбили» были бесспорны[49]. За поход 1677 г. Матвей Кровков получил чин генерал-майора[50].

2-й Чигиринский поход 1678 г. оказался менее успешен, но не менее героичен для русской пехоты[51]. Бои на Чигиринских горах и последующий отход армии от Чигирина колоритно описал сам Матвей Осипович: «И как везир турской со многими войски на Чигиринских горах построил всякие крепости и наряд поставил, чтоб ратных людей на Чигиринские горы не пустить, и он посылан с выборным полком на Чигиринские горы для очищения гор и подъемов, и турского везиря крепости и пушки и турской обоз збили и поставили свои обозы и многочисленное турское войско побили и Чигиринские горы взяли. И на тех Чигиринских горах полку ево полковника сына ево Семена изранили. А как Чигирин сожгли, и везирь турской со всеми силами на государево войско наступил, и от Чигирина до берегу Днепра реки отводом шли два дни с великими непрестанными боями, и в окопех от турских людей сидели в осаде и всякую осадную нужу терпели, и в денные и в ночные вылоски посыланы были. И августа против 17-го числа посылан он был с полком на вылоску на турские шанцы и на переходные рвы, и трои шанцы и рвы выкопали. И в то время ево на вылоске самого турские люди избили и изранили и кости во многих местех переломали и конми затоптали, и отволокли ево в обоз замертва. А турские люди, видя ратных людей на боях и а приступех и на вылосках и в осаде крепкое ополчение и осадное сидение, отступили».

---

[40] Там же. С. 179–182.

[41] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в годы Разинской смуты (1666–1671) // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 59–106; Он же. Московские выборные… 1656-1671 гг. С. 533-542.

[42] *Великанов, В.С., Нечитайлов, М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином…». Чигиринская кампания 1677 г. Серия: Ратное дело. М., 2019. С. 40-45.

[43] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 529. Столпик I. Л. 4.

[44] Там же Л. 4-14.

[45] Там же. Л. 12-13.

[46] Там же. Л. 27-29.

[47] Там же. Л. 63-67.

[48] Там же. Л. 163; *Великанов, В.С., Нечитайлов, М.В.* Азиатский дракон… С. 135-137.

[49] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677-1678 гг. // Гордон П. Дневник. 1677-1678. М., 2005. Приложения. С. 185–204; *Великанов, В.С., Нечитайлов, М.В.* Азиатский дракон… С. 190–201.

[50] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дополнительные описи. Оп. 17. № 125. Л. 443, 447, 453; Оп. 24. № 356. Л. 5об

[51] *Курбатов О.А., Селезнев Ю.В.* Военные конфликты… С. 1025–1028.

Находясь на посту командира Второго выборного полка, М.О. Кровков продолжал увеличивать свои земельные владения и в 1678 г. вместе с сыновьями получил поместья в Пехлецком стане Ряжского уезда из «диких поль»[52].

За Чигиринский поход 1678 г. М. Кровков был вначале пожалован в генерал-поручики, а следом в 1679 г. вместе с А. Шепелевым царь пожаловал его «за многие ево службы и за смертное увечье» в полные генералы и «писать с вичем»[53].

В том же 1679 г. Кровков во главе 2-го МВП участвовал в походе русской армии князя М.А. Черкасского для оберегания Киева от турок и крымцев[54], где «земляной вал делали и ров копали и Печерские ворота вновь зделали». В 188-м (1679/80) г. М.О. Кровков привел свой полк в Путивль в состав армии боярина воеоводы князя Василия Васильевича Голицына. Из Путивля армия выдвинулась в Киев, где на Печерских горах стерегла город. В 189-м (1680/81) г. полк генерала Кровкова простоял в Севске в составе армии князя В.В. Голицына[55]. Но ни в 1679, ни в 1680 гг. русская армия не дождалась под Киевом войск Османской империи, после боев под Чигириным не решившейся на вторжение на территорию российской Гетманщины.

Отстранение от должности М.О. Кровкова произошло в ходе стрелецкого бунта 1682 г. Тогда 30 апреля по челобитной участвовавших в мятеже солдат Второго выборного полка генерал М.О. Кровков был заключен в тюрьму с конфискацией всех земельных владений, а на его место временно назначен бывший подполковник Родион Жданов с производством в следующий чин[56]. Генерал винил в своих бедах казненных царевной Софьей Алексеевной князей Хованских, которые «по ложному челобитью … без розыску и без очных ставок доправил» на генерале 17000 руб. После подавления мятежа и освобождения М.О. Кровкова из тюрьмы, не смотря на пожалование его чином думного генерала, командование Вторым выборным полком так и не было ему возвращено, и в 1683 г. он уехал на воеводство в Якутский острог, где он просидел на воеводстве до 1687 г.[57] На воеводстве в Якутске генерал собрал и отправил в Москву и Енисейск «всякие государевы казны» на 159184 руб. 14 алт. 1 ден.; да сверх ясачных сборов «во всяких делах прибыли учинил» на 184 руб. 32 алт. 3 ден. – и всего обогатил государеву казну на 164889 руб. 13 алт. 2 ден. Организаторские опыт и таланты Матвея Осиповича проявились и в приборе ратных людей на царскую службу: он поверстал в казачью службу 237 чел. из гулящих людей. По смотру боярина князя Федора Семеновича Урусова 16 января 1692 г. написан за полками.

Точная дата смерти Матвея Осиповича пока не известна, наиболее близка к достоверной дате смерти встречающаяся дата «около 1700 г.», однако отсутствие генерала в списке начальных людей МВП 204-го (1695/96) г. дает веское основание предполагать его смерть между 1692 и 1695 г., а наиболее вероятно – в 1693–1694 гг.

От жены Агафьи Григорьевой дочери у Матвея Осиповича известны 4 сына: Федор, Любим, Семен и Алексей. Один сын Матвея Осиповича Семен (вероятно, старший) был ранен из пушки в 1668 г., находясь при отце в его полку без офицерского чина, Любим в таком же положении в том же году, был ранен и побывал в недолгом

[52] РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 196. Л. 96-96 об.

[53] Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Дополнительные описи. Оп. 17. № 125. Л. 443, 447, 453.

[54] *Курбатов О. А., Селезнев Ю. В.* Военные конфликты… С. 1031–1033.

[55] Там же. С. 1040–1041.

[56] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 12-13, 47-48.

[57] *Ушницкий В.В.* Генерал Матвей Кровков на службе в Якутском воеводстве // Якутский архив. 2008. № 2. С. 60—63; *Рогожин А.А.* Якутский воевода… С. 21–26.

плену. Еще один сын Матвея Осиповича Федор согласно «подлинному списку 174-го году» (1665/66 г.) и данным М.Р. Белоусова, 14 февраля 1666 г. был пожалован из житья в стряпчие58. У Матвея Осиповича имелся младший брат Иван (родился до 1626 г.), пожалованный 3 сентября 1654 г. из жильцов «по московскому списку»[59].

Федор Иванов сын Кровков[60].

Из муромских детей боярских, начал службу в 170-м (1661/62) г. – написан из недорослей в прапорщики 2-го МВП «по сродником». Участвовал в походе против повстанцев С. Разина в 1671 г. В 183-м (1674/75) г. произведен в капитаны-поручики. Участвовал в Черкасском походе под Чигирин 1676 г. и зимовал в составе Чигиринского гарнизона под командой М.О. Кровкова зимой 1676/77 гг. Участник 1-го Чигиринского похода 1677 г., за который пожалован в капитаны. Капитаном 2-го МВП участвовал во 2-м Чигиринском походе 1678 г., а также в двух Киевских походах 1679 и 1680 гг. В том же чине участвовал в Севском походе 1681 г. и двух Крымских походах 1687 и 1689 гг.

25 января 1686 г. вместе с братом поручиком Никитой Кровковым и рейтаром Андреем Исаевым сыном Цыбановским выменили у архимандрита Троице-Сергиева монастыря Викентия половину (вероятно родовой) поместной пустоши Салангирь в Дубровенском стане Муромского у. на пол пустоши в Суземском стане Тверского у.[61]

По смотру 2-го МВП боярином князем Федором Семеновичем Урусовым 16 января 1692 г. написан в списке капитанов с производством его 9 января 1692 г. за его службы в майорский чин.

Участвовал в «Первом Низовом походе под Азовым» 1695 г., в ходе которого 24 (или 25 при штурме?) августа был ранен в голень «из яныченки». В 1696 г. участвовал в «другом Азовском походе, как Азов взят».

По списку думного дьяка Иноземского приказа Автамона Ивановича Иванова 204-го (1695/96) г. – майор 2-го МВП.

Семен Миронов сын Кровков[62].

Во 186-м (1677/78) году написан в прапорщики 2-го МВП из жильцов, и был в том чине во 2-м Чигиринском походе 1678 г.

За этот поход в 187-м (1678/79) году произведен в поручики, и был в том чине в Киевских походах 1679 и 1680 гг. и в Севском походе 1681 г.

За эти службы в 190-м (1681/82) г. пожалован в капитаны, но в Крымских походах князя В.В. Голицына не был.

По смотру бояриномкнязем Федором Семеновичем Урусовым 16 января 1692 г. написан в капитанах 2-го МВП.

По списку думного дьяка Иноземского приказа Автамона Ивановича Иванова 204-го (1695/96) г. – капитан 2-го МВП.

Участвовал в обоих Азовских походах 1695 и 1696 гг.

[58] Боярская книга 1658 года. С. 145; Белоусов М.Р. Боярские списки… Т. 2. С. 201.

[59] Челобитные о приеме в жильцы и и документы к ним (1641 – 1647 гг.) / Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия. Вып. 8. М., 2020. С. 205; Боярская книга 1658 года. С. 203; *Белоусов М.Р.* Боярские списки… Т. 2. С. 200.

[60] *Малов А.В.* Смотренный список… С. 474; РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. 56 об.-57.

[61] Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 2: К–Р / Подг. А.В. Антонов. – М., 2018. С. 523. № 7881/149.

[62] *Малов А.В.* Смотренный список… С. 475; РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. 60.

Никита Иванов сын Кровков[63].

Во 186-м (1677/78) году написан в прапорщики 2-го МВП из жильцов, и был в том чине во 2-м Чигиринском походе 1678 г.

За этот поход в 187-м (1678/79) году произведен в поручики, и был в том чине в Киевских походах 1679, 1680 и 1681 гг. «и в Киеве зимовал». В 1687 г. участвовал в 1-м Крымском походе 1687 г.

Во время похода произведен в капитаны за службы и был в том чине во 2-м Крымском походе 1689 г.

По смотру боярином князем Федором Семеновичем Урусовым 16 января 1692 г. написан в капитанах 2-го МВП.

В 1-м Азовском походе 1695 г. 25 сентября был «ранен гранатным черепом – у левой руки болшой палец розбит». Однако рана не помешала ему принять участие во 2-м Азовском походе 1696 г.

По списку думного дьяка Иноземского приказа Автамона Ивановича Иванова 204-го (1695/96) г. – капитан 2-го МВП.

Авдей Миронов сын Кровков[64].

Из муромских детей болярских, начал службу 15 июля 1691-го г., когда был записан из недорослей в прапорщики 2-го МВП «по сродником». По смотру боярином князем Федором Семеновичем Урусовым 16 января 1692 г. написан в том же чине с пометой на полях о нетстве. Участвовал в обоих Азовских походах 1695 и 1696 гг., по итогам которых 27 января 1697 г. произведен в поручики. По списку думного дьяка Иноземского приказа Автамона Ивановича Иванова 204-го (1695/96) г. – прапорщик 2-го МВП с пометой о производстве в следующий чин.

Лукьян Федоров сын Кровков[65].

Начал службу 18 февраля 1696 г., когда был записан из недорослей в прапорщики 2-го МВП «по росписи за рукою генерала Петра Ивановича Гордона» по отцу: «служит в том выборном полку в маеорех». И в том чине участвовал во 2-м Азовском походе.

Подводя итог данному обзору, представляется целесообразным привести и сведения о службе младших детей майора 2-го МВП Федора Ивановича Кровкова и младших братьев Лукьяна, которые оказались единственными офицерами из рода Кровковых, чьи офицерские сказки сохранились за период Северной войны 1700–1721 гг.:

Кровков Ларион Федоров сын, поручик Казанского гарнизона в полку п-ка Хрущева, записана его офицерская сказка 9 марта 1720 г. в 37 лет. Службу начал в 1702 г. «волею своею из дворянских недорослей» солдатом полка Михаила Кобелева и с тем полком в Смоленске с 1702 по 1705 гг. дослужился до сержанта. 6 ноября 1705 г. тайным советником боярином Тихоном Никитичем Стрешневым произведен в прапорщики в команду думного дворянина воеводы Неплюева в солдатский полк Ивана Сака и с 1705 по 1707 гг. был с тем полком в Киеве и в Речи Посполитой – в Замостье, Бресте-Литовском, Остроге, Луцке и Минске «и в других местах и походах», а в 1707–1708 гг. – в Киеве и Новгороде-Северском под командой бригадира Григория Чернышева. А из той команды послан на укрепление гарнизона Полтавы, где и сидел в осаде до Полтавского сражения и при отражении приступа был ранен «из фузеи пулею пониже пояса по правой стороне навылет, да в правую ногу ниже колена навылет же». 21 июля 1709 г. после Полтавского сражения Б.П. Шереметевым произведен в поручики с переводом в батальон Гаврилы Репьева, с которым простоял в Полтаве до 1712 г., когда батальон был отозван в С.-Петербург и раскасован. По расформировании этого батальона Л.Ф. Кровков отослан в Москву в Военную канцелярию, которая выслала его в корпус Б.П. Шереметева в Киев, где его определили в ландмилицкий полк Кривцова. В 1714 г. полк был расформирован, а все офицеры высланы в Военную канцелярию в Москву, а оттуда через некоторое время – в С.-Петербург, где по генеральному смотру 1717 г. «за раны» отослан в Казанский гарнизон, а там написан в солдатский полк Хрущева. По переписным книгам 1710 г. крестьян за ним числилось в Пензенском у. 3 двора66. В 1737–1739 гг. Ларион Федорович написан секунд-майором (08.03.1737) Казанского гарнизона[67].

Кровков Василий Федоров сын, поручик Казанского гарнизона драгунского полка Дромонта (Дроммонта, Друммонта), записана его офицерская сказка 1 марта 1722 г. в 40 лет. Начал службу с 1702 г. по жилецкому списку во Пскове в полку генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, с которым сражался под Гумоловой мызой, в 1703 г. – в Севске и в Киеве в полку боярина князя П.И. Хованского, в 1705 г. – в Новгороде в полку боярина воеводы Петра Матвеевича Апраксина. В 1707 г. по разбору боярина Тихона Никитича Стрешнева написан в Лейб-шквадрон, с которым в 1708 г. был «на баталиях» под Головчиным, под Добрым и под Лесным. В том же году написан в адъютанты в гренадерский полк Кропотова, с которым в 1709 г. сражался под Полтавой в 1709 г. и в бою под Соколкой. В 1710 г. произведен в поручики в гренадерский полк Роппа, с которым участвовал в Прутском походе. В 1713 г. Б.П. Шереметев перевел его в Казанский гарнизон в драгунский полк Дромонта в том же чине[68].

[63] *Малов А.В.* Смотренный список… С. 466; РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. 60 об.-61

[64] *Малов А.В.* Смотренный список… С. 485; РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. 77.

[65] РГВИА. Ф. 2. ВУА. Оп. 12. Св. 43. д. 43. Л. 79 об.

[66] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. док-в в 2-х тт. Т. 2 / Сост., вст. Ст., оформл. – К.В. Татарников. М., 2016. С. 1395-1396.

[67] Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729 - 1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Справочник в 2-х томах. Т. I: А–М / Составление, вступительная статья, комментарии – К.В. Татарников. М., 2019. С. 1042.

[68] Офицерские сказки... Гарнизонные войска. С. 1324.

О.А. Курбатов

К ИСТОРИИ ЛЮДЕЙ «СТАРЫХ СЛУЖБ» В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ: ПОСЕЛЕННЫЕ И ВЫБОРНЫЕ СОЛДАТЫ СЕВЕРНЫХ УЕЗДОВ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Реформируя систему комплектования вооруженных сил в ходе подготовки и начала Великой Северной войны, петровское правительство не сбрасывало со счетов обширные подготовленные к войне людские резервы «старых служб». Первоначальный стройный замысел вести войну со Швецией силами новоприборных полков 1700 г., так называемой «Армеи», разбился о суровую реальность в результате «Нарвской конфузии». После неудачного «генерального похода» и поражений российских союзников география боевых действий резко расширилась: по всем сухопутным границам России со Шведской короной, а вскоре – и по приграничным областям Речи Посполитой – вплоть до Запорожья; под ударом оказался и единственный морской порт, связывавший страну с Западной Европой. Ратные люди, переведенные было на скудный оклад гарнизонных частей или вовсе распущенные по домам с обязательством платить налоги, оказались вновь остро востребованы для проведения локальных военных операций вне основного театра военных действий в Прибалтике и Ингерманландии.

Среди прочих полков, к обороне ключевых пунктов в начале войны были привлечены бывшие «выборные» солдаты Устюжского и Вятского уездов, а также население Олонецкого уезда или Заонежских погостов. Однако по сравнению с отрядами стрельцов или «конной службы» их участие в событиях начала XVIII в. практически неизвестно, что объясняется в целом недостаточной разработкой данной тематики. Материалы РГАДА – в первую очередь, Новгородского приказа, – сохранившиеся в составе фонда 141 («Приказные дела старых лет»), позволяют осветить их краткую историю.

Заонежские полки 1649–1702 гг. В начале правления царя Алексея Михайловича правительство предприняло несколько мероприятий по организации солдатских и драгунских поселенных частей, взяв за основу западноевропейский опыт. В Европе с начала XVII в. в разных странах древние средневековые системы сбора ополчений стали адаптировать к нуждам комплектования национальных армий, в первую очередь, для местной самообороны (система «Landesdefension»): без отрыва от своих основных занятий горожане или крестьяне проходили строевое обучение под руководством опытных ветеранов Голландских войн. Данный опыт впервые применили на практике в отношении крестьян Комарицкой волости Севского уезда (1646 г.)[1],

[1] *Курбатов О.А.* Административный восторг и экономический расчет: комарицкие рейтары майора Миколая Авлина в 1648 году // Человек архивный: Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности. М, 2021. С. 390–393.

а затем Добренского и Сокольского уездов (1647 г.)[2], которых в обмен на освобождение от податей обязали нести драгунскую службу с казенным вооружением. В 1648 г. было решено на таких же условиях обратить в драгуны тысячу жителей Олонецкого погоста, но через год вышел указ о записи по одному солдату с каждого двора всех черносошные крестьяне заонежских, а вскорости – и лопских погостов[3]. Центром этих военных поселений стал новопостроенный город Олонец, где расположился не только воевода, ответственный за набор солдат, но и сотня начальных людей – «немцев», которые выезжали периодически в погосты для обучения новоприборных солдат или их сбора на службу. Всего к началу русско-польской войны 1654–1667 гг. в солдатский строй было записано свыше 10 тысяч человек, на вооружение которых поступили казенные фитильные мушкеты с банделерами и лядунками, а затем и полупики.

Боевая деятельность заонежских или олонецких полков продолжалась с 1650 г. (поход на мятежный Псков) до 1666 г. Полки приняли участие в десятках походов, осад, штурмов в составе войск Новгородского разряда – против поляков, литовцев и шведов. Первоначально планировалось, что только половина солдат будет покидать пределы Олонецкого уезда, а вторая половина – жить дома или нести охрану порубежных застав. Однако вскоре этот порядок был нарушен. Большие потери, разорение хозяйств, практика откупов более богатых солдат и прочие военные бедствия привели к резкому падению численности поселенных частей, распространению среди них массового дезертирства при «дальней службе» – хотя это были чуть ли не самые опытные солдаты в армии. Достигнув максимума по численности в 7 – 8 тысяч человек в 1655–1656 гг., они сократились до 4500 к концу войны со Швецией (1658 г.).

Надо сказать, что сама подготовка к формированию этих «заонежских» полков велась правительством загодя: от общероссийской переписи 1646 г., которая выявила отток населения из Карелии, до энергичных мероприятий по возвращению сошедших семей на прежние места (1647–1649 гг.) и письменных челобитных тяглецов о замене налогов на солдатскую службу (1647 г.)[4]. Контроль за комплектованием полков не был возможен без достоверных списков, которые были составлены в 1649–1650 гг., по мере зачисления крестьян в солдаты. При этом, все дворы были разделены на солдатские и «охудалые», то есть такие, в которых на данный момент нет ни одного пригодного к службе человека[5]. С «охудалых» дворов вместо солдатской службы выплачивалось прежнее тягло. Затем были составлены переписные книги И. Дивова (1657 г.) и С. Малово (1658 г.); в 1661, 1662 и 1664 гг. специально высланные дворяне вновь проводили разборы солдат для высылки на службу по очереди[6].

Разорение солдат привело к реорганизации 1663 г., когда их расписали на новые очереди, чтобы каждый год служило всего по 750 солдат и драгун одной

[2] *Davies B.* Village into Garrison: the Militarised Peasant Communities of Southern Muskovy // The Russian Review. Vol. 51 / number 4 (October 1992). Ohio State University Press, 1992. P. 481–501.

[3] *Курбатов О.А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656 – 58 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 166, 167.

[4] *Брусницына Д.В.* Пашенные солдаты в северо-западном российском пограничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 56–73.

[5] *Брусницына Д.В.* Население Олонецкого уезда (1649-1666 гг.): пашенные солдаты и “охудалые крестьяне” / Д. В. Брусницына // CARELiCA. 2014. № 1(11). С. 31–41.

[6] *Брусницына Д.В.* Пашенные солдаты … С. 159, 160.

«трети». В итоге, к началу первого Борисоглебовского похода Псковского полка кн. И.А. Хованского, в мае 1665 г., у полковника Юрия Грабова собралось 627 драгун, а у Ягана Трейдена – 594 солдата. Людские ресурсы погостов были полностью вычерпаны, и в этих полках служили солдаты еще первой «трети» или очереди 1664 г. Закономерно, что по окончании кампании в строю осталось всего по 180 бойцов в каждом полку[7], в мартовском походе 1666 г. на Борисоглебов приняли участие жалкие остатки полков (38 драгун и 28 солдат), а в мае боярин констатировал, что те солдаты и драгуны «з государевы службы збежали все»[8]. В связи с заключением предварительного перемирия (летом 1666 г.) их уже не стали возвращать в строй или заменять следующей «третью», а окончательно перевели на денежное «тягло».

Следующая перепись прошла только в 1678 г., после чего крестьяне были обязаны выплачивать по рублю со двора – как и в остальных уездах. Но правительство не забыло прежний опыт, и в 1679 г. с Олонца было взято на службу в русско-турецкую войну 1000 солдат даточных людей, по одному с 8 дворов уезда[9]. Впрочем, вскоре был заключен мир, и в дальнейшем, до самого 1700 г., о подобных мероприятиях сведений нет.

В конце 1690-х годов в Карелию, как и соседние Финляндию и Ингрию, постигли природные бедствия: падеж скота в 1693 г. и неурожаи с 1695 г.[10], или, как писали олончане, «великая хлебная скудость и зябель». Это вызвало массовый новый отток населения, которое по сравнению с данными переписи 1678 г. существенно сократилось. Между тем, отсутствие новых подворных описаний привело к увеличению налогового бремени на оставшихся крестьян. В этих условиях с 1700 г. на них же обрушились многочисленные воинские повинности, связанные с началом новой войны против шведов.

Так, олонецкий воевода кн. С.Ф. Барятинский затеял срочный ремонт деревянной крепости, в связи с чем с уезда были взяты плотники по норме с 10 дворов по человеку; с другой же части дворов одновременно были набраны «караульщики для оберегательства Олонца и казны». С остальных дворов им было «доправлено» жалование по 30 алтын человеку на 2 месяца. Затем, в сентябре 1700 г. для перевозки армейских грузов из Новгорода под Нарву олончане выставили по лошади со двора «с телеги и с проводники, и со всякими путевыми припасы». Поскольку сбор производился «по переписным книга 186-го года», некоторым хозяйствам пришлось добавить сверх нормы от двух до 4 подвод со двора. В конце 1700 г. воевода собрал в крепость и на заставы с трех дворов по человеку, чтобы они «острошки на границах строили и лес на себе носили, переменяясь меж собою помесячно». Для участия в походе под Ригу и для действий под Новгородом стольник Иван Малыгин в марте и июне 1701 г. выслал с 10 дворов по две подводы: одну во Псков, а другую в Новгород. В мае 1701 г. князь Барятинский снова набрал «караульщиков» для крепости с 10 дворов по человеку, «а подмоги им, караульщиком, доправлено на нас же» — на следующие пять месяцев.

[7] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 374. Л. 7, 8.

[8] Там же. Л. 543, 442, 443.

[9] *Чернов А.В.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). Диссертация доктора исторических наук. М.. 1949. С. 390, 391.

[10] *Кепсу С.* Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб, 2001. С. 106–110; *Мельнов А.В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношений с местным населением в 1700 – 1710 гг.: Дисс.. канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 71–87.

В этих условиях, в начале 1701 г., состоялось распоряжение главнокомандующего русскими войсками во Пскове и Новгороде Бориса Петровича Шереметева о новом наборе крестьян Олонецкого уезда и формировании из них солдатских полков. Причина этого была чисто ситуативная: князь Барятинский, в ожидании неминуемых набегов шведских отрядов из Кексгольма – в ответ на свой ноябрьский поход – попросил о присылке подкреплений из Новгорода. Однако состояние тамошних полков после Нарвы оказалось более чем плачевным, поэтому Шереметев приказал собрать солдат прямо на Олонце из местных жителей. От службы полностью освобождались Кижский погост, чьи крестьяне были приписаны к железным заводам Андрея Бутенанта, и вотчины монастырские и помещичьи. Видимо, по этой причине вместо 8000 дворов, с которых производился последний набор солдат в 1679 г., появилась цифра в 6000 дворов. Сбор был объявлен по нормам середины XVII века, то есть по человеку со двора, но для набора «в шесть тысячь человек» по переписным книгам 1678 г. с некоторых дворов пришлось выставить не по одному, а по нескольку человек (вплоть до четырех).

При этом, денежного или жалования не было предусмотрено вообще: «В салдатцком строю служим тебе, Государю, неотложно денно и ночно своими припасы» «на караулех и на ученье на свицкой границы для оберегательства города Олонца и твоей государской казны»[11]. Более того: ничего не известно о закупках и присылке в Заонежье крупных партий фузей, солдатской амуниции или знамен. По всей видимости, хотя бы часть этих солдат была вынуждена нести службу с собственным «ружьем». Единственное, Шереметев в январе 1701 г. отправил к Барятинскому из Пскова полковника Ивана Ивановича Сака, которого сам перед этим предлагал полностью отставить от командования бывшим армейским полком Иваницкого «за старостью и увечьем»[12]. Начальных людей, судя по примеру «рейтарского строю порутчика Гура Иванова сына Кувшинова»[13], собрали в Москве из отставных офицеров полков «нового строя» – поначалу, видимо, не более штата одного полка (около 30 чел.). Сам Сак сообщал в своей челобитной, что «у шти тысяч человек с малыми начальными людьми один я служил»[14].

Про службу с полковником Саком на Олонце сообщают в своих «сказках» (ок. 1720 г.) два офицера. Прапорщик Елизарий Михайлов сын Бакастов написал лапидарно, что-де «был на Олонце» у кн. С. Барятинского и у полковника И. И. Сака, «и на баталии был (имеется в виду, видимо, бой при Салми – О.К.), и во многих посылках и на заставах»[15]. Интереснее воспоминания прапорщика Кексгольмского гарнизонного батальона Тимофея Аникеева сына Портновского. В 1689 (7197) г. он был зачислен в состав постоянного Олонецкого гарнизона в стрельцы (буквально «на упалое место в солдаты на Олонце»). В 1701 г. его перевели в сержанты «к новоприборным олонецким солдатам», после чего он принял участие под началом Сака «в партиях против шведских людей на Туломе-реке» – скорее всего, всё в том же бою на Салминском погосте, хотя называется 1701, а не 1702 г.[16].

[11] *Мельнов А.В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии… С. 36, 37.

[12] *Зезюлинский Н.* К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Птг, 1915. С. 1.

[13] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 год. № 124. Л.1,2

[14] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 год. № 294. Л. 1 об.

[15] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины: Сборник документов / сост. К. В. Татарников. М, 2017. Т. 2. С. 1689, 1690.

[16] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: Сборник документов / сост. К. В. Татарников. М, 2016. Т. 1. С. 618.

Полковник Сак в течение 1701 г., кроме экзерциций, многократно ездил по тревогам на пограничные заставы, получая при этом половинное жалование, что было положено армейским полковникам вне «генеральных походов»; кроме того, один раз он таки был в каком-то «в походе за рубежем». Затем, в марте 1702 г., князь Барятинский и Сак с солдатами, олонецкими стрельцами и артиллерией совершили поход по льду Ладожского озера, разгромили шведскую заставу в погосте Салми («на Соломяне»), после чего разорили селения по всему погосту. К 17 марта известие об этом дошло до Шереметева, о чем он не преминул сообщить в Москву[17]; между тем, в саму столицу с сеунчем о победе от князя Барятинского поручик Гур Кувшинов прибыл около середины апреля.

Прибытие Кувшинова, похоже, несколько озадачило столичную администрацию, поскольку сбор солдат и формирование полков были сделаны по распоряжению командующего во Пскове, и Барятинский отчитывался перед ним же. По крайней мере, из приказа Военных дел в Новгородский 21 апреля последовал запрос: «На ево Великого государя службе на Олонце сколько салдацких новоприборных полков и по скольку человек в полку салдат», а также «сколько и каких чинов начальных людей»?[18] В последних числах апреля олонецкие полки были упомянуты в двух важных докладах: ладожский воевода П.М. Апраксин попросил подчинить олонецкого воеводу «в служивом деле» себе, поскольку «солдат тут 6000 человек» (до 27.04)[19], а Шереметев сообщил царю, что необходимо собрать на Олонце начальных людей, от полковников до нижних чинов, на все 6000 солдат. В ответ на последний доклад царь указал Военному приказу «учинить» на Олонце начальных людей на все шесть полков, отправив туда недостающих (27.04). Все эти распоряжения Петр и Головин делали уже в походе на Архангельск, выступив из Москвы 18–19 апреля.

22 мая 1702 г. в Новгородском приказе был получен следующий перечень начальных людей:

1 полк – Иван Иванов сын Сак, подполковник Александр Христофоров сын Трейден, 7 капитанов и ротмистров, 10 поручиков (включая 1 прапорщика «вместо поручика»), 10 прапорщиков, по 1 квартирмейстеру, адъютанту и обознику – всего 32 человека;

2 полк – Михаил Михайлов сын фан Страузберх, подполковник Иван Андреев сын Цей, майор Никифор Кириллов сын Апушкин, 6 номинальных капитанов (в т. ч. 4 из ротмистров и 2 из поручиков), 9 поручиков, 1 квартирмейстер, 10 прапорщиков, по 1 адъютанту и обозному из прапорщиков – всего 31 человек;

3 полк – Крестьян Христофоров сын Юнкман, подполковник на жаловании майора Марка Данилов Заманов, 7 капитанов и ротмистров, 10 поручиков, 1 квартирмейстер, 9 прапорщиков, по 1 адъютанту и обозному из прапорщиков – всего 31 человек;

4 полк – Ефим Григорьев сын фан Верден, подполковник Игнатий Дмитреев сын Сухочев, 7 капитанов из ротмистров и поручиков, 9 поручиков, 1 квартирмейстер, 9 прапорщиков, 1 адъютант из прапорщиков, 1 обозный – всего 30 человек;

5 полк – вместо полковника подполковник стольник Григорий Богданов сын Поздеев, 7 капитанов из ротмистров и поручиков, 9 поручиков и 1 квартирмейстер на жаловании прапорщиков, 8 прапорщиков, 1 адъютант из прапорщиков – всего 27 человек;

6 полк – вместо полковника подполковник Адам Адамов сын Эград, майор вместо подполковника Андрей Андреев сын Веэр, 7 капитанов (в т.ч. 3 из поручиков), 10 поручиков и 9 прапорщиков (в том числе 2 поручика и 4 прапорщика из новокрещеных) – всего 28 человек;

Итого 179 человек[20].

Таким образом, как и в ряде других случаев, Военный приказ в целях сокращения расходов на жалование начальным людям, назначил ряд младших офицеров на должности более старших, без повышения месячного оклада. Кроме того, «по грамоте из Военного приказу», был пожалован «в прапорщики в полк полковнику Сакову» упомянутый выше олонецкий сержант Тимофей Портновский[21].

Все назначенные офицеры (за исключением ранее прибывших подчиненных Ивана Сака) собрались на Олонце не ранее конца июня 1702 г., так что шесть заонежских полков номинально были созданы только к середине лета.

Между тем, в реальности местные крестьяне, не получив никаких льгот за несение воинской службы, уже в начале лета 1702 г. в основном разошлись по домам. Об этом князь Барятинский сообщил с тревогой 6 июля: «И те салдаты по ведомостям полковника Ивана Сака с Олонца сошли в домы свои без отпуску, а только на караулех стоят салдаты Олонецкого погоста». Попытки их высылки обратно не увенчались успехом: «А салдаты-де отговариваютца тем, что служить им за скудостию без жалованья нечем, да с них же-де правят окладных и неокладных, и запросных многих денежных и хлебных доходов»[22]. Впрочем, шведская эскадра Г. Нумерса, зайдя в Ладожское озеро из Невы, была перехвачена у юго-восточного побережья солдатами Апраксина и не смогла атаковать Олонецкий погост.

Судя по тому, что солдаты обратились с обширной челобитной в Новгородский приказ 4 сентября 1702 г.[23], их полки в каком-то составе были вновь собраны на службу в августе – сентябре, ко времени Государева похода из Архангельска на Нотебург. Как раз со 2 по 5 сентября петровский караван шел от устья Свири к Ладоге. Однако никаких решений о назначении им жалования или снятии каких-либо «окладных и неокладных» выплат принято не было. Между тем, в планах Петра, который еще зимой приказал закладывать новые верфи и давно готовился к решающей битве за Ингерманландию, олонецкие крестьяне занимали важное место как рабочая сила, а не как пехота.

Так, уже в январе 1702 г. Головин получил указание построить верфи на устьях рек Сясь и Паша, а «плотников к тому делу самых добрых с Олонца, по 50 человек х караблю, работных людей с лошадьми по 60, пеших по 60, всего по 120 человек х караблю, взять с Олонца, розложа против переписных книг»[24]. Эти работники, согласно челобитной, были высланы. Затем, на Таганрог набрали и отправили олонецких кузнецов. Другие крестьяне возили «зимним и летним путем, судами, пуш-

[17] Северная война 1700–1721 гг.: Сборник документов. М, 2009. Т. I. С. 130 (№ 107)
[18] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 124. Л.1,2
[19] ПиБ. СПб., 1889. Т. II. С. 61 (№ 429).
[20] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 153. Л. 1 – 6.
[21] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска…Т. 1. С. 618.
[22] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 141. Л. 1, 1 об.
[23] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 294. Л. 5 об. – 8.
[24] Северная война 1700–1721 гг.: Сборник документов… Т. I. С. 121 (№ 99).

ки, ядра и бомбы» – с Шуйского погоста Бялгубской волости до Паши и до Ладоги; «провожали и тянули вверх по Свири реке до Повенецкого рядку суды и карбасы». Видимо, ввиду такой занятости новые подводы на Псков собирать не стали, однако «доправили» вместо этого по 70 копеек со двора; кроме того, упоминается полное взыскание «полуполтинных и седельных денег». Наконец, с солдат же еще потребовали на 1702 г. хлебные запасы, круп овсяных по осьмине со двора во Псков, ржаной муки по полуосьмине со двора – на Олонец, причем опять же «и за пустые дворы», но вот этого «запроса» по их признанию, «платить нам, салдатом, нечим». В завершение всего крестьянские хозяйства в 1702 г. постиг падеж скота («кони и коровы выпали»), от чего многие, «покинув свои дворы и деревенские участки впусте, разошлись врознь».

Таким образом, общее положение Олонецкого уезда как приграничной области заставляло власти массово использовать этих же крестьян на важных тыловых работах, что не позволяло им полноценно нести и солдатскую службу. Правительство отказалось ослаблять налоговое бремя, поскольку казна и организация новых военных операций требовали новых и новых средств. В итоге, после пресловутой серии челобитных от 4 сентября 1702 г. (кроме солдат, с просьбами о жаловании обратились и начальные люди олонецких полков), никаких сведений о реальной службе этих полков под Олонцом в источниках больше не встречается – скорее всего, в связи с их расформированием.

Это же в целом подтверждает и несколько «сказок» младших офицеров, которые служили в этих полках на Олонце. Так, прапорщик Иван Григорьев сын Поздеев был в 1702 г. «написан в солдатский Григорьев полк Поздеева и послан в том полку с Москвы на Олонец» – вероятнее всего, это был сын подполковника Поздеева, вышедший из разряда недорослей на пять лет раньше. По его словам, «и в том же году того полку солдаты с Олонца распущены по домам, а офицеры, в том числе и он, отпущен к Москве, и в Военной канцелярии явился, и жил по 704-й год»[25]. Еще более немногословно, лишь как о факте посылки на Олонец в 1702 г., сообщили о своей службе поручик Афанасий Бабкин, прапорщик Иван Мартаков, 65-летний прапорщик Авраам Сытин, квартирмейстер Парфений Колокольцев[26] (все в полку Юнкмана), а также поручик полка Эграда Иван Крупенин[27]. Чуть более развернуто написал рейтарский ротмистр (на должности капитана) Иван Карпов сын Козлов: «В 702-м и 703-м годах был я на Олонце в полку полковника Крестьяна Юнкмана, и в приход на шкутах свейских людей по Ладожскому озеру к Олонецкому устью отпор чинили, и по рубежу караулы имели в том году, как взят Шлиссельбург»[28]. Несмотря на упоминание 1703 г., боевые эпизоды «сказки» относятся только к 1702-му. Таким образом, начальные люди довольно скоро вернулись в распоряжение Военного приказа, причем значительная часть из них, во главе с полковником Саком, в 1705 г. была отправлена в Севск для командования вновь созданными местными полками воеводы С.П. Неплюева. «Старый и увечный» Иван Иванович Сак не умер сво

[25] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины… С. 1121.

[26] Там же. С. 1404 (с ошибкой в годе – написал «206 год»), 1890, 1991, 2115.

[27] Там же. С. 1095.

[28] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска… Т. 2. С. 994.

ей смертью, а героически погиб в малоизвестной битве со шведами под Клецком в апреле 1706 г. – вместе с половиной своего полка в 200 бойцов[29].

Ввиду дальнейшей невозможности создать боеспособные полки из местных крестьян, после 1703 г. на защиту Олонецкой верфи и новых Петровских заводов командование стало направлять гарнизонные полки, временно переброшенные из других городов. К примеру, в 1704–1705 гг. там находились бывший солдатский полк Алферия Шневенца[30] и Гайдуцкий солдатский полк из Архангельска[31].

Вятские и устюжские солдаты в 1655–1702 гг. В отличие от Заонежских погостов, население Вятского уезда и соседних Устюжского и Важского, в силу удаленности от границ страны, стало комплектовать из своего состава солдатские полки только с началом русско-польской войны 1654–1667 гг. Первыми были призваны на службу даточные с Ваги, которые уже весной 1654 г. составили два полка солдатского строя (всего 3000 рядовых «важан»). За ними последовали солдаты из Вятского уезда, полк которых упоминается при работах в Смоленской крепости летом 1655 г. Весной 1658 г. солдатский набор был распространен и на Устюжский уезд.

Сохранились книги «солдатского сбора» с волостей и погостов Великого Устюга, составленные в апреле 1658 и апреле 1668 гг. Судя по тексту, солдатская перепись 1658 г. была исходная[32] – зато между 1658 и 1668 годами была проведена еще одна или даже несколько. Все дворы каждой волости разбиты на группы или участки по четыре двора – по возможности, в рамках одной деревни. С каждого такого участка, где подворно переписано всё тяглое, то есть взрослое и дееспособное мужское население, в службу записан один человек. Все группы внутри стана или волости в книгах 1658 и 1668 гг. идут в одинаковой последовательности, и их количество почти не меняется.

Просопографический анализ списков по четырем административно-территориальным единицам – станам Сухонскому черному, Сухонскому нововышлому «отписных вытей», просто Сухонскому нововышлому, а также Луженской волости, показал следующие результаты. В 1658 г. в службу были записаны солдаты со 116 участков[33]; в 1668 г. участков стало 118, при этом в строю оставалось на тот момент 58 солдат, записанных на службу в 1658 г., а 60 человек уже были новые, и в большинстве случаев – не прямые родственники предыдущих[34]. То есть, обновление за 10 лет составило ровно 50 процентов. В ходе переписи 1668 г. на службу записались новые даточные вместо прежних на 29 участках, так что обновление вновь коснулось почти четверти личного состава. Иногда в солдаты от четырех дворов мог попасть человек, который вообще не числится среди их жителей, хотя это относительная редкость. Формуляр записи в книге 1668 г. выглядел так: «На государеву службу с тех четырех дворов салдат Ивашка Третьяков сын Устьянских. В иво место пошол на службу Левка Павлов сын Обрасцов»[35]. Таким образом, мы видим систему комплектования, в

[29] *Великанов В.С.* «Непомысленная баталия»: участие корпуса С.П. Неплюева в сражении при Клецке 19/30 апреля 1706 г. // Военно-исторический журнал “Старый Цейхгауз”. № 63 (1/2015). М. 2015. С. 76–81.

[30] *Мельнов А.В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии… С. 122, 124, 125.

[31] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска… С. 1489.

[32] Примерно на сотню солдат из трех волостей приходиться только одна запись типа «вместо иво брат иво родной» (взят в службу), причем запись представляет собой приписку другим почерком («на государеву службу в салдаты Ярафий Сергиев Коновалов, вместо иво брат иво родной Василей Сергиев Коновалов»).

[33] РГАДА. Ф. 1209. Опись 1. № 15040. Л. 501–529 об.

[34] РГАДА. Ф. 1209. Опись 1. № 15041. Л. 896–943.

[35] РГАДА. Ф. 1209. Опись 1. № 15041. Л. 899 об.–900.

чем-то схожую со шведской индельтой: каждая группа дворов выставляла солдата, и в случае его выбытия либо по какой другой причине община находила ему замену, что тщательно фиксировалось в книгах солдатского сбора.

Полки даточных солдат приняли участие в походах 1658–1660-х гг., причем в особенности отличились устюжане. Солдаты, набранные «на Устюге изо всех волостей», в количестве 1700 рядовых, летом 1658 г. поступили под команду полковника Миколая Бовмана (Баумана) и через год оказались на Украине, в армии боярина кн. Трубецкого при осаде Конотопа[36]. В битвах с крымско-татарской ордой и черкасами гетмана Выговского, которые шли с 28 июня по 4 июля 1659 г., солдаты Бовмана покрыли себя славой, отразив все атаки вражеской конницы и обеспечив отступление главных сил армии от Конотопа к Путивлю. За отличие в боях их полковник был пожалован сразу в генерал-поручики, минуя чин генерал-майора, и получил под свое начало целый «генеральский полк» или дивизию в составе трех солдатских, драгунского и рейтарского полков[37]. Судя по всему, устюжские солдаты оставались пехотным костяком этой дивизии, и следующая их перепись после 1658 г. могла быть составлена летом – осенью 1663 г., накануне зимней кампании против короля Яна Казимира. Наконец, последней известной кампанией солдатских полков из генеральства Бовмана – полковников Альбрехта Шневенца и Николая Фанзалена – стал поход против восставших украинских казаков и крымских татар на Севск и Киев (1668–1669 гг.)[38] – что совпадает по времени с проведением солдатской переписи 1668 г. Долгая служба, как и в случае с олончанами, привела к повышенному уровню дезертирства из этих полков, так что с увольнением генерала Бовмана в 1671 г. правительство, видимо, отказалось от новых призывов устюжан на службу.

Что же касается вятских солдат, то команду над их полком в начале 1661 г. принял полковник Данила Краферт; интересные подробности о быте этой части, размещенной в Москве, содержатся в дневниках Патрика Гордона, который тогда же стал в ней майором. Среди прочего он сообщает, что 16 декабря 1661 г. судья Иноземского и Стрелецкого приказов И.Д. Милославский «произвел смотр нашему полку и передал 600 человек одному голове, как новосозданных стрельцов. Имя головы было Никифор Колобов. При этом солдаты весьма горевали и многие из них разбежались»[39]. Конечно, для каких-то групп служилых людей перевод в московские стрельцы одного из головных (седьмого по счету) приказов был очевидным повышением статуса; однако солдаты с Вятки явно рассчитывали по окончании войны вернуться домой, что и вызвало их неприятие такого указа. Гордон прослужил у Данилы Краферта до окончания русско-польской войны, после чего вятский полк также мог быть распущен или частично переведен в стрельцы и выборные солдаты.

С созданием Московского выборного полка (в конце 1656–1657 гг.) отдельными ротами в его состав вошли отборные вятские солдаты, число которых к 1670-м годам достигло 200–300 человек[40]; кроме того, во Втором выборном (Бутырском) полку в 1660–1661 гг. числилась целая рота «вятчан», не считая солдат с Вятки в других ротах.

Ко времени Азовских походов правительство полностью отказалось от мобилизации солдат с Вятки даже в Первый и Второй выборные полки, которые комплектуются теперь московской «тысячей» каждый и «тысячами» поселенных выборных солдат из Симбирска и Тамбова. Однако в начале 1698 г. появляется новый довольно стройный проект, по которому каждый выборный полк развертывался в случае похода в крупное соединение за счет поселенных «выборных солдат». В отличие от предыдущих вариантов мобилизации, в полк Патрика Гордона вновь были включены вятские солдаты. Под 15 апреля в его дневнике появляется запись:

«Список солдат в моих 7 регментах.

Бутырские	1000
Тамбовские	4500
Важане (Wasenyes)	500
Чаронцы (Czaronzufs)	190
Вятчане (Viatczinies)	1177
Всего	7367»[41]

Таким образом, сведения из московских приказов содержали данные о количестве солдат Вятского уезда, впрочем, пока не вполне ясно – расчетные или на основе неких проведенных смотров. Буквально через полгода – год, когда вятчан освобождали от солдатской службы, их числилось уже немного больше – 1194, и это говорит о каком-то номинальном контроле, в виде смотра или изучения подворных описаний. Устюжан в этом перечне нет, но возможно они вошли в состав других выборных полков.

По возвращении царя Петра Алексеевича из посольской поездки в Европу начался новый этап военных реформ, и в 1699 г. от мобилизации поселенных солдат по всей стране было решено отказаться. Это решение коснулось не только территорий Белгородского и Севского разрядов, но и тамбовских, симбирских и прочих солдат выборных полков. Вятчан и устюжан отдельным указом, который датируется в справках 7207 годом (с сентября 1698 по август 1699 г.), передали в ведение Ямского приказа: «В Ямском приказе …велено на вятчанах, на устюжанах за отставных салдат тех городов с 207-го году имати деньгами по рублю за человека на год»[42].

В июле 1701 г. царь узнал об отражении шведской попытки атаковать с морских судов Архангельск. Это вызвало серию мероприятий по укреплению обороны северного порта, включая значительное усиление гарнизона – как самого города, так и строящейся Новодвинской крепости. Осенью 1701 г. было решено отправить туда «зимним путем» какой-нибудь полк «прежних солдат», чем озаботился глава Новгородского приказа Ф.А. Головин. В приказе выяснили, что в 207 году «салдат прежних выборов, которые были в прошлых годех в московских выборных полкех», в Вятском и Устюжском уездах отставили от службы и велели платить по рублю в год в Ямской приказ.

[36] Книги записные всяких дел 176-го году // Русская историческая библиотека. СПб, 1907. Т. 21. Кн.1. Стб. 1386.

[37] *Курбатов О.А.* Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. II. С. 304–327. <http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8> (25.07.2017).

[38] *Бабулин И.Б.* Война за возвращение Украины 1668–1669 гг. М, 2021. С. 144, 173.

[39] *Гордон П.* Дневник 1659–1667. М., 2002. С. 110, 111.

[40] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006.

[41] *Гордон П.* Дневник 1696 – 1698 / Пер. и комм. Д. Г. Федосова. М, 2018. С. 141, 285

[42] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. № 233. Л. 1 об.

Согласно этой справке, на Вятку было положено платить за 1194 человека, а на Устюг Великий – за 871 человека – «и по той справке в тех в обеих приказех прежних ныне салдат доведетца быть 2065 человек»[43]. Изучив вопрос, Головин решил из вятчан выбрать на службу 829 человек, а из устюжан – 671 человека[44], чтобы получился полк в 1500 солдат (11.11.1701). Чтобы пересмотреть прежних солдат по спискам и отобрать их для службы, в города срочно выехали стольники: на Вятку Василий Федорович Головленков, а на Устюг Великий – Федор Иванович Протасьев. К их наказам, датированным 2 декабря 1701 г., прилагались именные списки солдат и «солдатских детей».

Согласно тексту этих наказов, стольники должны были выбрать в службу «людей добрых, и здоровых, и неустарелых, и неувечных, и чтоб были все меньши сорока лет». Если паче чаяния даже сокращенное число солдат сразу найти не получится, предписывалось «указное число … в дополнку выбрать из их же салдацких детей и братьев, и племянников, и иных родимцов». На Двину этих солдат по составленным новым спискам надо было отправить в конце января – начале февраля, чтобы было время обучить солдат на новый манер: «И устроить полками, и по воинскому артикулу салдацкому строю изучить их до пришлой весны заранее»[45].

12 ноября последовал указ о вызове на службу отставных начальных людей для формируемых полков, а также для полка «малолетних драгун», посланного на Двину без достаточного количества офицеров. Сообщалось, что направляются к Архангельску, «к тамошним ратным людем и к посланным с Москвы драгунам в прибавку прежних выборов салдат с Устюга Великого да с Вятки тысячю пятьсот человек. А для полководства велено к ним начальных людей: дву человек подполковников, дву человек маеоров, да капитанов, порутчиков и прапорщиков по дватцати человек ис приказу Военных дел прислать в Новгороцкой приказ»[46]. Эти начальные люди были собраны из Замосковных уездов и из самой Москвы к концу декабря 1701 г. Поначалу это были подполковники иноземцы Иван Андреев сын Цей и Иван Иванов сын Якоби, майоры Дмитрий Фомин сын Бабанин и Иван Иванов сын Стенин, 7 капитанов и ротмистров и 13 поручиков на капитанских должностях. Таким же образом из 20 поручиков 12 получали жалование прапорщиков; было собрано и 20 обычных прапорщиков[47].

Не получив известий о ходе набора солдат, Головин послал в города новый запрос со списками офицеров, которые отведут солдат в Архангельск (5–8 января 1702 г.). Однако, когда высыльщики прибыли на место, оказалось, что стольникам не удалось справиться с заданием и найти требуемое число солдат. Из пространных объяснений Федора Протасьева следовало, что в домах, закрепленных за солдатами, живут совершенно другие люди, а где находятся указанные в списках персоны, никто не знает; в соседних дворах проживают разного рода свойственники старых солдат, но о записи их на службу взамен выбывших у него указа нет, и этим он заниматься не может. В итоге, как следует из его отписки, 17 февраля на службу с капитаном Яминским отправились только 5 солдат, а остальных он будет сыскивать

[43] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. № 233. Л. 2, 3.
[44] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 7. Л. 1, 2
[45] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. № 233. Л. 3–5.
[46] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. № 265. Л. 1–3.
[47] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 7. Л. 1–3.

дальше; впрочем, не вполне ясно, была ли партия Яминского единственная, или стольник выслал на службу еще кого-то[48]. Несомненно, что с подобными же трудностями столкнулся и Головленков на Вятке.

Как бы то ни было, ввиду несовершенства солдатских списков, весной 1702 г. удалось отыскать и снарядить на службу всего 685 чел. рядовых солдат. Несколько изменился и перечень начальных людей этого полка. Подполковник Иван Цей каким-то образом избежал двинской службы и в мае 1702 г. попал в другой список – 2-го заонежского полка Михаила фон Страузберга, о чем упоминается выше. Вятский полк возглавил было Иван Якоби, однако в Архангельске 24 мая у него обнаружилась «болезнь очная, и один глаз выгнил, а в другом бельмо… а к тому стар и дряхл, и от той болезни высвободитца немочно»[49]. В итоге, иноземец получил полную отставку и в июне месяце отбыл в Москву. На его место был поставлен второй подполковник, назначенный вместо Цея – Семен Василевский. Из 63 начальных людей, прибывших из Москвы, двинский воевода оставил «у вятских и устюжских солдат» 20 человек: подполковника, майора Ивана Стенина, по 5 капитанов и поручиков и 8 прапорщиков. Таким образом, полк был поделен на семь рот, по сто человек в каждой (включая офицеров).

Остальных 43 офицера, во главе с майором Бабаниным, стали активно использоваться для различных поручений; надо сказать, что столь мощный «щтаб» сильно посодействовал воеводе Василию Ржевскому в организации и исполнении множества дел. Так, капитан Овдулов и прапорщик Десятой посылались на Вологду и Великий Устюг «для взятья пушек к Архангельскому городу»; также за пушками на Олонецкие железные заводы ездили 7 человек; еще пять прапорщиков прибыли на Двину «с порохом, и с мартиром, и з бомбами», и т. п.[50]

«Прежних генеральств вятцких и устюжских выборных 685 человек салдат», прибывших в Архангельск 8 марта 1702 г., в том же месяце поставили на денежное и хлебное довольствие. Поскольку полк был направлен на строительство укреплений, за пример Ф.А. Головин взял размер жалования «против служивых и ремесленных людей, которые ныне на его ж Великого государя службе в Троецком на Таган Рогу у строения города, гавона и магазейна». Из местных архангельских доходов солдаты получали в месяц по 30 копеек, «муки ржаные по полуосмине человеку» из местного «зборного» хлеба, а по памятям из Провиантского приказа – «круп десяти человеком по четверику, толокна по тому ж на месяц»[51].

Полк Якоби – Василевского в течение всей службы занимался работами и караулами «у новой каменной крепости на Малой Двинке» (с 8 марта по 1 октября 1702 г.) С наступлением зимнего периода по указу из Москвы все солдаты были распущены по домам, а начальных людей того же 1 октября отправили в приказ Военных дел. Они прибыли в Москву 10 января 1703 г., после чего явились в Новгородском приказе и были отосланы в распоряжение Т.Н. Стрешнева[52]. Впрочем, один из ротных командиров этого полка продолжал числиться капитаном «сверх полков» в гарнизоне Архангелогородской губернии спустя еще 20 лет. Написанный в 1702 г. по

[48] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 338. Л. 1–2.
[49] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 158. Л. 1.
[50] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 323. Л. 1 об.–2 об.
[51] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 349. Л. 3 об.–6.
[52] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 323. Л. 1–7.

разбору Т.Н. Стрешнева «за поручика» Семен Михайлов сын Голиков был послан от Головина «к городу Архангельскому в Вятский полк к полковнику Семену Василевскому и был в том полку при роте. И те вятские солдаты отпущены в домы свои, а ему, Голикову, велено быть при Архангелогородской крепости». Далее он служил в Городском полку, ходил на корабле архангельской постройки в Данию, а в 1717 г. был отпущен обратно в Архангельск с чином капитана[53].

В 1703 г. с Вятского и Устюжского уезда на Двину были затребованы в большом количестве каменщики и рабочие для достройки укреплений, и возможно это послужило одной из причин не возобновлять набор «старых солдат». Другой причиной могли быть нужды царской казны, ведь Ямской приказ в таком случае терял ощутимые денежные суммы. Как бы то ни было, «полк вятцких и устюжских солдат», распущенный по домам осенью 1702 г., был окончательно упразднен.

Заключение. Данный очерк показывает на примере относительно локальных эпизодов существенную разницу в подходах администрации к созданию полков милиционного типа, во времена Алексея Михайловича и в начале Великой Северной войны. Надежное комплектование полков поселенного характера предполагало постоянное обновление информации о персональном составе крестьянского населения военнообязанных регионов (регулярные переписи и росписи на очереди), тесный контакт воеводской администрации с местными сельскими общинами, наличие большого количества надежных высыльщиков. Но даже весь комплекс подобных мер оказывался недостаточным в случае затяжных конфликтов, когда людские потери и разорение домашних хозяйств резко увеличивали дезертирство и сводили на нет боеспособность самых опытных полков. По этой причине, в основном уже в 1666 – начале 1670-х гг. полки олонецких, вятских и устюжских солдат были упразднены, и новые призывы на службу носили эпизодический и ограниченный характер. Еще одной причиной этого стал перенос боевых действий далеко на юг, что заставило перевести основные центры комплектования пехоты в южнорусские регионы.

Подход к формированию полков «старых солдат» в начале 1700-х гг. сильно деградирует. В частности, на Олонце сбор по одному крестьянину со двора в солдатскую службу (в начале 1701 г.) был проведен по приказу командующего полевой армией на шведском ТВД Б.П. Шереметева, о чем он даже не поставил толком в известность центральную администрацию. Распоряжение это было чисто ситуативным, по причине невозможности отправить на защиту Олонца боеспособную армейскую часть из Новгорода, и не подкреплялось никакими экономическими мерами. Речи не шло ни о возвращении в тягло опустевших из-за голода дворов, ни об отмене или снижении налогового бремени на солдатские хозяйства, ни о выплате какого-либо жалования рядовым солдатам. Наконец, сам статус воеводского распоряжения не предполагал проведения специальных подворных переписей, и все наборы проводились на основе давно устаревших данных переписных книг 1678 г. Поскольку параллельно с воинской службой крестьяне, плотники, кузнецы Олонецкого уезда были максимально востребованы для работ по распоряжениям других приказов и учреждений, «солдатский сбор» естественным образом уступил место более важным трудовым повинностям.

[53] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска… Т. 2. С. 1511, 1512.

Что же касается солдат Устюжского и Вятского уездов, здесь на первый план выходит неподготовленность их сбора в фискально-административном плане. Особый порядок несения службы (по солдату с четырех дворов) обеспечивался в 1655–1660-х гг. регулярными переписями — составлением особых книг «солдатского сбора». Судя по всему, отказ от новых сборов в начале 1670-х гг. прервал эту практику, что превратило занесенных последний раз в книги крестьян в сословие потомственных «старых солдат». Обновление базы их персональных данных заключалось лишь в замене выбывших солдат на «солдатских детей», которые составляют примерно 40 процентов в списках, полученных стольниками Протасьевым и Головленковым в 1701 г. В итоге, составленные в Новгородском и Ямском приказах перечни оказались сильно оторванными от реального состояния дел, и намеченной цифры солдатского набора достичь не удалось.

Впрочем, главной причиной указанной деградации с организации солдатского сбора следует признать тот факт, что полки поселенных и даточных солдат в целом перестали считаться основой регулярной пехоты, уступив место постоянным армейским полкам. В новых условиях основные усилия администрации были устремлены на комплектование и обеспечение новосформированных частей, а призыв на службу «старых солдат» представлял собой спонтанную реакцию на те или иные вызовы военного времени и не носил сколь-нибудь продуманного долговременного характера. Дополнительным фактором, снижавшим их боеспособность, была нехватка начальных людей – так что многие из офицеров упомянутых полков были фактически инвалидами и стариками, непригодными к службе в полевой армии, а половина остальных выполняла обязанности более старших строевых офицеров без повышения в чине и окладе.

С.О. Шаляпин

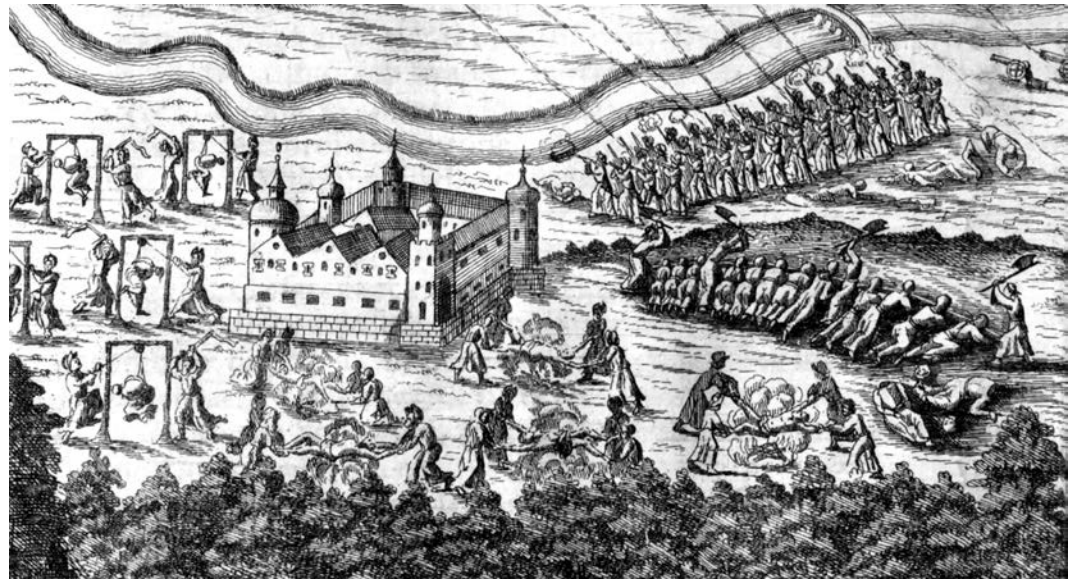
«ПРИКАЖИ ТЫ СВОИМ СТРЕЛЬЦАМ, ДОБРЫМ МОЛОДЦАМ, ЧТОБЫ С ТОПОРАМИ ШЛИ, ВСЕ СО ПЛАХАМИ…»

(МЯТЕЖНЫЕ СТРЕЛЬЦЫ В МОНАСТЫРСКИХ ТЕМНИЦАХ В КОНЦЕ XVII В.)

Строка народной песни «Стрелецкий бунт»[1], вынесенная в заголовок настоящей статьи, художественно описывает развязку известной исторической драмы 1698 г. Кровавые казни мятежных стрельцов, осмелившихся пойти на Москву во время зарубежного вояжа Петра I, прочно вошли в отечественную историю и как пример необузданной жестокости самодержца, и как переломный момент в борьбе старых порядков с зачатками новой петровской государственности. Документы следствия о бунте стрельцов – «стрелецкого розыска», хорошо изучены и в значительной части изданы. Вместе с тем в таких масштабных исторических событиях всегда найдутся детали, которым исследователи не уделили должного внимания, сохранив возможность вновь и вновь обращаться к архивным материалам, проливающим свет на аспекты, ранее не оказавшиеся предметом специального исследования. Само по себе восстание стрельцов 1698 г. и последовавшие за ним следствие и казни детально описаны, что избавляет нас от необходимости обращаться к событийному ряду и дает возможность сразу перейти к анализу примечательной детали, имеющей отношение к новому восприятию монастырей как мест лишения свободы, зародившемуся именно в эпоху петровских преобразований.

Практика монастырской ссылки или, используя средневековый термин, – «подначальства», эпизодически известная в русской истории по крайней мере с XII в., приобретает все более широкое и системное применение на рубеже XV–XVI столетий, доходя до своих экстремальных проявлений в эпоху опричного террора и смуты нач. XVII в. Нет сомнений, что родившись в рамках покаянной церковно-правовой традиции, это явление подвергалось постепенному «обмирщению» и масштабированию при активной роли государственной карательной машины, возлагавшей на монастыри все более тяжкую репрессивную ношу. Процесс этот зачастую оправдывался попечением о покаянии заблудших преступников, необходимостью их духовного окормления. Однако постепенная бюрократизация и шаблонизация наказаний все меньше требовали от властей поиска оправдания практики монастырской ссылки, сделав последнюю к XVII в. обычной мерой судебной, административной и дисциплинарной репрессии, назначаемой как церковными, так и государственными институтами по очень широкому кругу дел. Тем не менее, масштаб монастырского «подначальства» к концу XVII в. не впечатлял размахом. Даже крупные обители, такие как Соловецкий, Кирилло-Белозерский монастыри, имевшие и

[1] Русские народные баллады / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. В.М. Балашова. М.: Современник, 1983. С. 253.



Бой отряда Гордона со стрельцами (фрагмент). Гравюра из кн.: Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб, 1906. Пытки и казни стрельцов во время розыска А.С. Шеина у стен Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в июне 1698 г.

возможность и условия для приема немалого числа ссыльных, на практике одновременно содержали не более нескольких десятков колодников. И такое их число воспринималось обителями зачастую весьма болезненно, вызывая обращения к властям с просьбой об избавлении монастырей от столь тягостной повинности. Власти же, периодически перераспределяя колодников между разными монастырями, в целом не считали необходимым освобождать их от роли мест заключения. Широко известно, что стремительное падение степени самостоятельности церкви в решении административных, имущественных и судебных вопросов, произошедшее после низложения патриарха Никона, превратило и проблему монастырской ссылки в предмет достаточно жесткого государственного регулирования, осуществлявшегося уже почти без оглядки на нормы канонического права. Не древние каноны, а судебная практика и административная целесообразность стали играть решающую роль при направлении того или иного лица в монастырское заточение. События стрелецкого розыска 1698 г. дают нам единственный в своем роде, пример того, как государственная карательная машина в чрезвычайных условиях решилась на массовое (пусть и кратковременное) превращение многих монастырей в тюремные учреждения. Не сам факт такого использования обителей, а именно масштаб явления представляется экстраординарным. Ни до, ни после этих событий отечественные монастыри не видели в своих стенах такого огромного количества колодников. Ни до, ни после этого государство не возлагало на обители таких жестких требований по охране и содержанию больших групп ссыльных, совершенно не апеллируя к покаянной роли монастыря, составлявшей важную часть его пенитенциарной практики ранее. Картина этой взрывообразной трансформации двух десятков крупнейших монастырей в конце XVII столетия представляется нам достойным предметом самостоятельного исследования.

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, у стен которого стрельцы потерпели поражения от правительственных войск, стал местом первоначального заточения всех плененных мятежников, проведения первого следствия и первых

казней. Через два дня после пленения стрельцов воеводе А.С. Шеину было приказано боярами из Москвы зачинщиков бунта спешно казнить, а отобранных из каждого из четырех полков по 20 «пущих изводчиков» «оставить и держать в Воскресенском монастыре в тюрьме за караулом». Одновременно было разрешено и сверх этих восьмидесяти наиболее опасных бунтовщиков, заключить в Воскресенский монастырь в тюрьму и иных «воров» по усмотрению следствия[2]. В реальности узников Ново-Иерусалимского монастыря, которых пытали, а затем казнили здесь по подсчетам В.И. Буганова было минимум 130[3]. Современник событий А.А. Матвеев дополняет это известие важной деталью: в Воскресенском монастыре, очевидно, отсутствовали тюремные помещения для такого количества узников, которых пришлось разместить «по кельям и по палатам порознь»[4]. Трудно представить, как были помещены здесь же под караул еще минимум 2000 пленных (Матвеев даже пишет о 3000), если даже для 130 пришлось освободить монашеские кельи и хозяйственные палаты. После 2 июля 1698 г., когда казни окончились, для дальнейшего следствия в Воскресенском монастыре за караулом были оставлены только четверо бунтовщиков[5]. Остальные стрельцы «во многом числе по иным монастырям и по тюрьмам разосланы, и содержаны были за многими караулами, до самого возвращения его царского величества из чужих краев, до будущего впредь об них указа»[6].

Последующие материалы розыска содержат указания о рассылке стрельцов в весьма отдаленные от столицы города и монастыри. Либо Шеин и правившие в Москве бояре изначально не предполагали повторного розыска, считая дело о стрелецком бунте завершенным, либо содержание около двух тысяч мятежников в столице и ее окрестностях представлялось предприятием весьма опасным. Ошибался Р.К. Масси, полагавший, что стрельцов привезли в Москву к Ф.Ю. Ромодановскому, «который распределил арестантов по темницам окрестных монастырей и крепостей дожидаясь возвращения государя»[7]. Вероятно, Масси перефразировал С.М. Соловьева писавшего о том, что стрельцами были заполнены окрестные монастыри и села[8]. Но Соловьев имел в виду события второй половины сентября 1698 г., когда мятежников стали свозить в столицу для второго розыска. Доставка в Москву в таком огромном количестве даже скованных стрельцов непосредственно после подавления бунта, была бы весьма рискованной, да и А.С. Шеин, по всей видимости, обладал достаточными полномочиями, чтобы распорядиться судьбой мятежников непосредственно из-под стен Нового Иерусалима, на что косвенно указывает грамота архимандриту Иверского монастыря, данная из Стрелецкого приказа 30 июня 1698 г. В ней говорится, что посылка мятежных стрельцов в Иверский монастырь состоялась еще 25 июня, когда розыск и пытки в лагере Шеина еще продолжались, и ни о каком перемещении стрельцов в столицу не могло быть и речи: «июня в 25 день по Его Великого Государя указу и по приказу боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина с товарыщи по розыскному делу из обозу от Воскресенского монастыря послано к тебе в Ыверской монастырь … стрельцов сто десять человек…»[9]. Стрелецкий приказ лишь постфактум подтвердил указание Шеина монастырским властям, которым воевода Большого полка не был правомочен

[2] Восстание московских стрельцов. 1698 год. (Материалы следственного дела). Сборник документов. М.: Наука, 1980. С. 55.

[3] *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. С. 399.

[4] Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 63.

[5] Восстание московских стрельцов… С. 53.

[6] Записки А.А. Матвеева. С. 63.

[7] *Масси Р.К.* Петр Великий: В 3 т. Т. 1 / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; Общ. ред. Н.Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. С. 399.

[8] *Соловьев С.М.* Сочинения В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. История России с древнейших времен / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1991. С. 551.

[9] Архив СПбИИ РАН. Ф. 12, Ед. хр. 951. Л. 1.

отдавать прямые распоряжения. Таким образом понятно, что судьбой плененных стрельцов на этом этапе распорядился Шеин, а московским боярам выпало лишь подтвердить его распоряжения по распределению бунтовщиков по городам и монастырям.

Вопрос о количестве стрельцов, разосланных из-под Нового Иерусалима по тюрьмам в города и монастыри кажется вполне решенным. По подсчетам Н.Г. Устрялова их было 1965[10]. С этим числом соглашался и В.И. Буганов[11]. Однако в докладной записке, составленной по итогам следствия Шеина, видимо непосредственно в Воскресенском монастыре после 1 июля 1698 г., значится большее число разосланных стрельцов – 1987 человек[12]. А в царских грамотах в Иверский и Тихвинский монастыри 30 июня 1698 г. названо еще большее число – 2060 стрельцов[13]. Для выявления разночтений в подсчетах сравним число разосланных в двух документах: в Докладной записке, составленной после 1 июля 1698 г. по итогам розыска Шеина и в грамоте Иверскому архимандриту от 30 июня 1698 г. Предположим, что грамота, составленная немного раньше, содержит в себе некие планы по рассылке стрельцов в тюрьмы, а докладная записка – сведения о фактическом исполнении. Тогда фактическое исполнение представляет нам следующую картину: количество городов, как и общее количество ссылаемых в них стрельцов, уменьшилось, в то время как ссылка в монастыри не претерпела серьезных изменений. Содержания стрельцов полностью избежали такие города (изначально включенные в список мест ссылки) как Ржева Володимерова, Козельск, Ярополч, Касимов, Кинешма, Романов. Немного увеличилось число ссылаемых в Арзамас (с 60 до 82 человек), Переславль Рязанский (с 40 до 57 человек) и Владимир (с 40 до 42 человек). Но общее число стрельцов, рассылаемых по городским тюрьмам уменьшилось с 930 до 855. Если точна общая цифра ссыльных, названная в грамотах в монастыри 30 июня 1698 г. – 2060 человек, то количество монастырских ссыльных могло бы достичь 1205 узников. Список монастырей, предназначенных для размещения стрельцов, практически не изменился. Из первоначального перечня выпал лишь Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь, в который предполагалось отправить лишь 20 стрельцов, а общее число ссылаемых в монастыри уменьшилось с 1130 до 1110 человек, без учета 22 мятежников, оставленных по разным причинам в Ново-Иерусалимском монастыре. Знакомство с практикой исполнения указов о ссылке стрельцов непосредственно на местах убеждает нас в том, что число распределенных по монастырям могло быть еще больше. Так, из грамоты на имя воеводы Е.П. Зыбина от 7 сентября 1698 г. узнаем, что 57 стрельцов «посланы в Переславль Рязанской и того города в монастыри». Для отправки в Москву к новому следствию их предписывалось из монастырей забрать, а в качестве конвоя приставить к ним, кроме солдат выборного полка, монастырских служек тех обителей, где они ранее содержались[14]. В каких именно монастырях Переславля Рязанского предполагалось разместить стрельцов мы можем с большой долей вероятности судить по перечню монастырей, в которые после всех московских розысков были отосланы в ссылку «малолетние» мятежники, избежавшие казни, – это Богословский и Солотчинский монастыри[15]. То есть эти обители приняли стрельцов дважды: после первого следствия Шеина и повторно – после 22 января 1699 г. Таким образом, документально подтвержденное число

[10] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С.178.

[11] *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 399.

[12] Восстание московских стрельцов… С. 67

[13] Архив СПбИИ РАН. Ф. 12, Ед. хр. 950. Л. 2; АИ, Т. 5. № 278. С. 507–508.

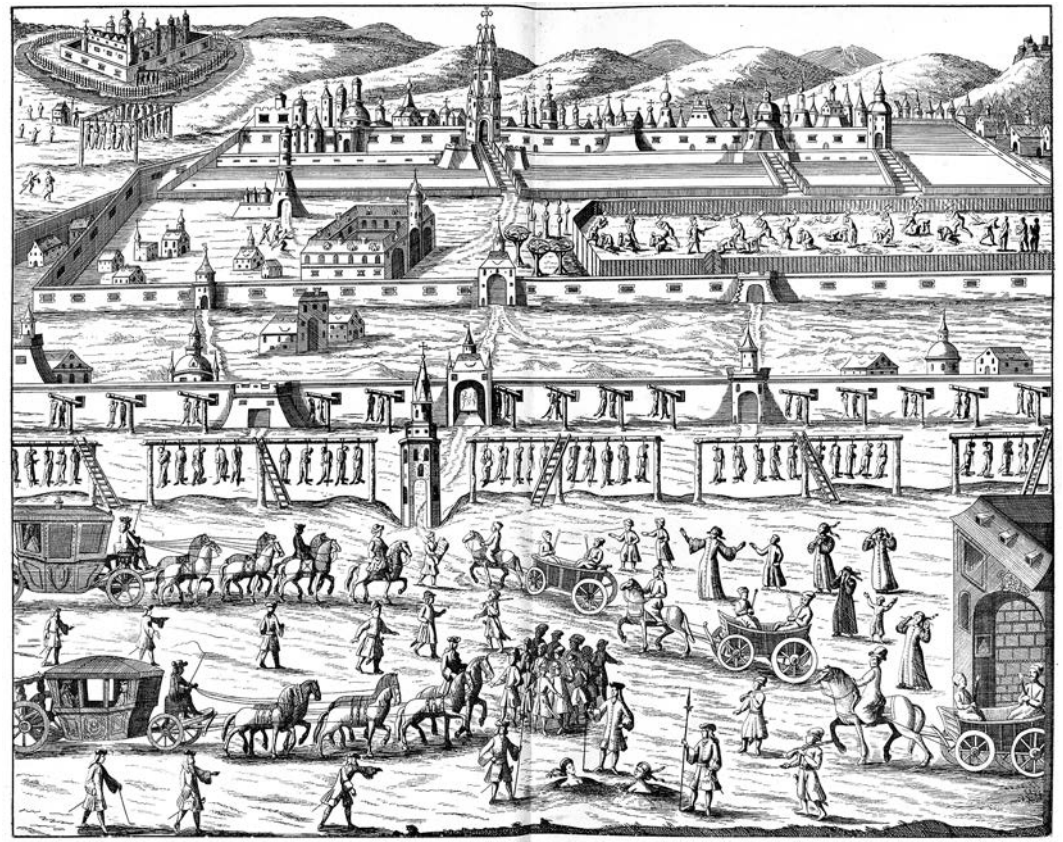
[14] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. 1698, Стб. 242. Л. 394.

[15] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1946. С. 215.

сосланных в монастыри после следствия Шеина стрельцов (с учетом оставленных в Ново-Иерусалимском и направленных в Переславль Рязанский) составляет от 1132 до 1189, что уже весьма близко к гипотетической цифре 1205. Тем более, что вероятность обнаружения доказательств присылки 20 стрельцов в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь пока не исключена полностью. Ниже приводится таблица, включающая сведения о монастырях, принявших мятежников из-под Нового Иерусалима, с указанием полков, численности ссыльных и времени их перевода для повторного следствия в Москву (если оно известно). Если точно известно, что количество перевезенных из того или иного монастыря к новому московскому розыску стрельцов было меньше, чем количество присланных из-под Нового Иерусалима, это также указано в последней графе.

Распределение стрельцов из-под Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря для содержания по разным провинциальным монастырям

откуда	куда помещены	полк, численность	в дальнейшем перевезены
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь	Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (оставлены по разным причинам после первоначального следствия)	полка Чубарова – 6 чел. полка Колзакова – 7 чел. полка Черного – 4 чел. полка Гундертмарка – 5 чел. разных полков бунтовщики – 5 чел.	в Москву 18.09.1698 – 7 чел.
	Ростовский Борисоглебский монастырь	полка Колзакова – 80 чел.	в Москву 18.09.1698
	Ростовский Авраамиев Богоявленский монастырь	полка Колзакова – 20 чел.	в Москву 18.09.1698
	Монастыри Переславля Рязанского (Солотчинский и Богословский)	57 чел. - ?	в Москву 19.09.1698
	Ярославский Спасо-Преображенский монастырь	полка Черного – 100 чел.	в Москву 20.09.1698 – 98 чел.
	Калязинский Макарьев Троицкий монастырь	полка Черного – 80 чел.	в Москву 20.09.1698 – 79 чел.
	Алексеевский Угличский монастырь	полка Чубарова – 22 чел. полка Гундертмарка – 28 чел.	в Москву 23.09.1698
	Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь	полка Черного – 100 чел.	в Москву 26.09.1698 – 97 чел.
	Костромской Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь	полка Колзакова – 150 чел.	в Москву 08.10.1698
	Иверский Валдайский монастырь	полка Гундертмарка – 110 чел.	в Новгород 01.11.1698 г.
	Костромской Богоявленский монастырь	полка Колзакова – 70 чел.	в Москву 27.01.1699 – 69 чел.
	Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь	полка Колзакова – 50 чел.	в Москву 27.01.1699
	Тихвинский Успенский монастырь	полка Чубарова – 100 чел	
	Кирилло-Белозерский монастырь	полка Чубарова – 200 чел	в Москву, 10.12.1698 из Москвы 100 чел. направлены в Саввино-Сторожевский монастырь



Казни стрельцов в октябре 1698 г. Гравюра из кн.: Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб, 1906. Повешение, обезглавливание и колесование стрельцов в разных частях Москвы. В левом верхнем углу – казни стрельцов у стен Новодевичьего монастыря, в который была заточена царевна Софья.

Преобладание в перечне мест ссылки не городских тюрем, а именно монастырей объясняется плохим состоянием тюремного хозяйства в большинстве городов, за исключением, возможно, самых крупных. Этим можно объяснить и тот факт, что А.С. Шеин вынужден был отказаться от отсылки мятежников в шесть небольших городков, которые вообще могли не иметь условий для строгого тюремного содержания. Власти, по-видимому, далеко не всегда располагали достоверной информацией о наличии и состоянии местных тюрем, что подтверждается грамотой Разряда Муромскому воеводе Ф.М. Юрлову: «А буде в Муроме тюрьма худа, и тое тюрьму велено починить градцкими и уездными людьми. А буде тюрьмы нет – велено зделать вновь»[16]. В то время как наличие в крупных монастырях необходимых условий или, по крайней мере, способность монастырских властей быстро и собственными силами решить проблему размещения и охраны ссыльных, не подвергались сомнению. В грамоте из Стрелецкого приказа в Иверский монастырь от 30 июня 1698 г. говорилось: «а велено их посадить в тюрьму или в полаты, и приставить крепкие караулы, а будет тюрьмы худы, и их починить, а покамест починены будут, и их держать в крепких местех с прибавочным караулом»[17]. В указе из Иноземского приказа

[16] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. 1698, Стб. 242. Л. 368. Аналогичное повеление относительно городских тюрем видим и в грамоте в Тихвин монастырь от 28 июня 1698 г. См.: АИ. Т. 5. № 278. С. 508.

[17] Архив СПбИИ РАН. Ф. 12, Ед. хр. 950. Л. 1.

в Саввино-Сторожевский монастырь от 10 декабря 1698 г. при переводе 100 стрельцов из Кирилло-Белозерского монастыря прямо указывалось : «на тюрьмы очистить им кельи»[18].

Количество рассылаемых по монастырям стрельцов было беспрецедентно, как беспрецедентны были и предписываемые меры безопасности, которые надлежало предпринять местным воеводам и монастырским властям. Скованных стрельцов царскими указами предписано было послать в города и монастыри «солдатских полков с началными людми, или с царедворцы нашими, да с салдаты и с монастырскими служки»[19]. Для перевозки стрельцов и конвоя следовало предоставлять необходимое количество подвод «безо всякого мотчания и задержания, збирая те подводы со архиерейских и монастырских с церковных и с помещиковых и вотчинниковых всяких чинов людей по переписным книгам 186-го году с крестьянских и з бобыльских дворов»[20]. В каждую конвойную команду назначались двое командиров, одному из которых, после передачи ссыльных местным властям, следовало вернуться в Москву с отпиской, а другому – остаться и возглавить местный караул при ссыльных на неопределенное время.

Несмотря на все предосторожности караула в пути опасность побегов была велика. На сентябрьском следствии в Преображенском приказе стрельцы полка Чубарова показывали на «малолетнего» Ваську Пирожникова, что тот во время следования в Переславль Рязанский днем срезал с ноги колодку и подговаривал других ссыльных: «солдат де за нами в провожатых мало, а нас артель велика, мочно де нам их, солдат, всех передавить». Сам же Васька хотел бежать в Москву, за что был бит плетьми начальником конвоиров[21].

Оставшимся в монастыре «начальным людям» следовало сформировать местный караул «из слуг, и из служек, и из подмонастырских слобод и из крестьян, чтоб тех караулщиков против колодников ссылных стрелцов было вдвое, с бердыши, или у кого какое ружье есть… и тем караулщиком тем началным людем на карауле во всем быть послушным, и к тюрмам, где те ссылные стрелцы будут сидеть, никаких людей не допущать, и никаких слов ни с кем говорить не велеть, и чернил и бумаги им не давать»[22]. Караулы следовало назначать посуточно или понедельно, на усмотрение их начальников.

Примечательно мнение А. Виниуса, писавшего царю за границу о разгроме и казнях стрельцов под Новым Иерусалимом, который своеобразно выразил отношение как к казненным, так и к судьбе живых, но разосланных по отдаленным узилищам стрельцов: «Которые, мню, и в ад посажены в особых местах для того, что, чаю, и сатана боится, чтоб в аде не учинили бунту и его самого не выгнали из его державы»[23]. Именно подобные аду темницы представлялись петровскому окружению единственно достойным местом для пребывания мятежников.

Грамота в Иверский монастырь от 30 июня 1698 г. уточняет режим содержания стрельцов в монастыре, предписывая, в том числе сохранение и проверку оков, в которых те были привезены, а также запрещая совместное содержание стрельцов с иными ссыльными, которые могли находиться в монастыре: «Как оне… переведены будут в тюрьмы, чтоб тех караульщиков непрестанно было то ж число против колодников. А держать их в тех крепостях, в каких оне присланы, и тому начальному человеку тех крепостей караульщиком с переменами своими осматривать, и буде которые крепости на них ослабеют и утвердить накрепко. И караульщиком писем у них никаких не принимать, и вместо себя никого не наймовать, и худых и старых и малых и увечных не посылать. На карауле быть им самим с оружьем, и иных колодников с ними в тюрьму не сажать, и в тюрьме никого к ним не подпущать, и говорить с ними никому, и чернил и бумаги давать им не велеть, и самим им караульщиком с ними не говорить. А буде кто учнет подавать какую милостыню, и им осматривать, чтоб ни в чем никакова воровства и писем к ним было не подано, и того всеконечно смотреть накрепко»[24]. Та же грамота предусматривает даже случай, когда присланный для охраны ссыльных «начальный человек» заболеет или умрет. При такой чрезвычайной ситуации следовало временно назначить старшего из слуг или наемных людей[25]. Денежное содержание ссыльных обеспечивалось воеводами из таможенных и кабацких сборов помесячно[26].

Видимо, не все монастыри оказались способны поддержать столь строгий режим для многочисленных отрядов узников. Редкая по своей возмутительности история с пребыванием стрельцов в отдаленном монастыре, где караульные начальники конфликтовали с монастырскими властями, а ссыльные получали строжайше запрещенную указами свободу действий, произошла в Успенском Тихвинском монастыре, в котором соорудили специальный «острог» для содержания сотни мятежных стрельцов. Прапорщик Елизарий Козодавлев, присланный возглавить караул в обители, постоянно бражничал, грозил монахам бердышом, бранил архимандрита Боголепа и при свидетелях говорил: «бес-де нас сюды занес». Напившись, он выпускал из-под замка стрельцов, которые шили ему платье и, будучи сами пьяны, устроили «безчинья в монастыре, песни поют с припляскою». Выходы ссыльных стрельцов из их «острога» по ночам привели к тому, что в келарской келье оказались разломана окончина и взломан дверной замок[27].

С середины сентября 1698 г. и до конца января 1699 г. конвойные команды свозили стрельцов из отдаленных монастырей для повторного розыска и расправ в Москву. Опасности такой дальней перевозки мятежников, проявившиеся во время первого их конвоирования летом 1698 г., были учтены. Вновь сформированные конвойные команды были более многочисленными и лучше вооруженными. Как указано в царской грамоте Т.Н. Стрешневу от 2 сентября 1698 г. о перевозке стрельцов из Владимира и Мурома, «весть их ис тех городов до Москвы начальным людем с провожатыми на уездных подводах, да с ними в провожатых быть тех городов монастырским слушкам с ружьем по человеку за стрельцом в прибавку выборного полку к салдатом, которые посланы с Москвы»[28]. Оказавшись в московских монастырях, мятежные стрельцы подчас содержались в них не только скованными, но и связанными, как, например, было повелено относительно сотни стрельцов, перевезенных из Белозерского монастыря в Саввино-Сторожевский в декабре 1698 г[29]. Московских тюремных дворов было явно недостаточно для распределения новых подследственных, даже привозимых в несколько этапов. Поэтому прибывавшие из разных отдаленных мест заточения стрельцы группами переводились в Москву и ближнее Подмосковье, где тоже заточались по монастырям. Так, по царскому указу

[18] РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1698. № 14. Л. 1. Документ дважды публиковался: ДАИ. Т. 12. № 94. С. 399; ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Смесь. С. 19–20.
[19] АИ. Т. 5. № 278. С. 508.
[20] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. 1698. Стб. 242. Л. 366.
[21] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 114
[22] АИ. Т. 5. № 278. С. 508.
[23] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 548.
[24] Архив СПбИИ РАН. Ф. 12, Ед. хр. 950. Л. 1.
[25] Там же. Л. 2.
[26] АИ. Т. 5. № 278. С. 508.
[27] *Седов П.В.* Успенский Тихвинский монастырь и его архимандрит Боголеп накануне и в первые годы Северной войны. М.: Нестор-История, 2018. С. 16.
[28] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. 1698, Стб. 242. Л. 363–364; аналогичные распоряжения даны различным адресатам, см.: Л. 370, 389–390, 394.
[29] РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1698. № 14. Л. 1.

от 27 декабря 1698 г., 353 бунтовщика были привезены в Преображенский приказ из Новоспасского, Донского, Андроникова, Покровского убогого, Симонова, Николо-Угрешского и Саввино-Сторожевского монастырей[30]. Содержание подследственных по столичным монастырям в этот период превратилось в столь привычную практику, а городские застенки были настолько переполнены, что даже изловив обычного вора Ивашку Смагина, бежавшего из полка Гундертмарка после рождества 1698 г., и не имевшего отношения к бунту, а попавшегося на краже в слободке у Новодевичьего монастыря, Ф.Ю. Ромодановский распорядился заключить его в Симонов монастырь к стрельцам-бунтовщикам[31].

В московских монастырях к охране бунтовщиков были приставлены не только монастырские служки, но и солдаты, что свидетельствует о попытке усилить надзор за подследственными. Так, например, в Новоспасском монастыре осенью 1698 г. на карауле стояли солдаты Бутырского Гордонова полка[32]. Тем не менее, условия содержания в московских обителях целых групп ссыльных явно контрастировали со строгими требованиями указов, данных при первой рассылке бунтовщиков из-под Воскресенского монастыря. Ни о каком раздельном содержании и изоляции от общения с внешним миром речи уже не шло. На розыске у боярина С.И. Салтыкова Ларька Леонтьев Недосекин показывал: «Как де они были и сидели в Новоспасском монастыре… и всего их полку человек семьдесят сидели в одной палате»[33]. В этой палате стрельцы договорились о коллективном оговоре солдат, «чтоб им, стрельцом, не одним пропасть, пропасть бы и им, солдатам, с ними, стрельцами вместе». Инициатор оговора Ивашка Колокольцов свидетельствовал, что к нему к окну приходил «дьякон из Лужников, по свойству, приносил есть», да приносил ему яблоки посадский человек Артюшка Зерщик с Бережков, знакомый его по двум кабакам. Другой стрелец показывал, что к Колокольцову приходил «зять его, посадский человек, за которого жена его, Ивашкова, сговорила дочь свою замуж». Способ общения с приходящими также был описан свидетелями: «говорил ему в окошко сквозь решетку». Возможность такого недозволенного разговора, по всей видимости, объясняется тем, что сами охранники стрельцов, в нарушение запретов, общались с узниками, на что указал сам Колокольцов сообщив, что служка Новоспасского монастыря Алешка Андреев «надсматривал над караульщиками, и им хлеб подавал» и разговаривал с ними. Правда под пыткой он сознался, что поклепал Андреева, приписав ему инициативу сговора против солдат. Но сам факт общения между надсмотрщиком над караульщиками и стрельцами не отрицал[34].

В этот период отдельные группы монастырских узников следовали в столицу не к повторному розыску, а сразу на плаху. Так, в числе 144 стрельцов, повешенных в Москве 11 октября 1698 г. без допросов и пыток, были и специально привезенные из Суздальского Спасо-Евфимиева и Алексеевского Угличского монастырей[35]. Часть привезенных в Москву к этим казням бунтовщиков была размещена в Новоспасском, Симоновом[36] и Николо-Угрешском монастырях. Из последнего позже взяли для казни 8 взрослых стрельцов, вместо помилованных 8 несовершеннолетних[37].

В дневнике И.Г. Корба под 6–7 октября 1698 г. значится примечательный рассказ о попытке патриарха вмешаться в жестокие пытки и расправы, чинимые по царскому указу над стрельцами, используя традиционное для архиереев право «печалования» перед государем о судьбе преступников и опальных. По той причине, что кроме иностранца Корба об этом событии никто не сообщает, академик Богословский не счел его достоверным[38], хотя сам акт «печалования» был вполне обычным для Московской Руси и не мог вызывать такого удивления, какое овладело иностранным наблюдателем. Корб пишет, что патриарх Адриан явился к Петру с иконой Богоматери, «при взгляде на которую в дошедшую почти до озверения душу может проникнуть сознание человеческой участи и чувство естественной жалости»[39]. Иерарх получил от царя весьма жесткую отповедь, услышав: «Зачем пришел ты сюда с иконой? Какая отрасль твоей должности призывает тебя в эти места? …Высшей своей обязанностью и долгом благочестия перед Богом я считаю охранять свой народ и публично карать преступления, клонящиеся к общей его погибели»[40]. Символичный, но безрезультатный демарш патриарха мог быть вызван не только самим фактом вершащихся расправ, но и тем, что многие зверства творились в московских монастырях или подле них, вполне в духе обличения, некогда брошенного Курбским Ивану Грозному, который «чиняще святыя места твердынями адскими»[41].

Казни в Москве продолжились. В страшный день 3 февраля 1699 г., когда в двух местах в столице казнили 150 человек, 76 из них были присланы из Новоспасского монастыря, а 6 – из Андроникова[42]. Отношение Петра I и его окружения к массовым казням сохранил в своих записках А.А. Матвеев, видимо цитировавший известный ему документ: «Всех бунтовщиков и воров, без всякой хитрости и христианской милости, казнить смертию, чтобы те змеи впредь еще из жала своего с горьшим вновь ядом не отродилися на неукротимую всем пагубу»[43]. Тела некоторых казненных передавались московским обителям для погребения. Так, 14 октября 1698 г. тело казненного в Преображенском пятидесятника Мишки Обросимова было отослано в Покровский монастырь «на убогих домех»[44].

К началу февраля 1700 г. следствие в целом завершилось, оставив в московских монастырях последних узников в:

- Новоспасском - 32 человека
- Донском - 8 человек
- Андроникове - 3 человека
- Симонове - 34 человека
- Николо-Угрешском - 7 человек

40 из них 9 февраля были казнены, остальные разосланы на каторгу, в ссылку в Сибирь и в дальние города. И лишь Петрушку Плотникова велели постричь в монахи в Иосифо-Волоколамском монастыре[45].

Отдельного внимания заслуживает судьба стрельцов, называвшихся на розыске «малолетними». Не всегда речь здесь идет о несовершеннолетних. Видимо, очень молодые стрельцы часто воспринимались следствием как совершившие преступление по недомыслию и потому заслуживающие снисхождения. «Малолетних» отбирали из общего числа мятежников начиная с первоначального следствия Ше-

[30] *Богословский М.М.* Указ. соч С. 215.
[31] Там же. С. 213–214.
[32] Там же. С. 61.
[33] *Богословский М.М.* Указ. Соч. С. 108.
[34] Там же. С. 108–109.
[35] Там же. С. 84.
[36] Там же. С. 93, 106.
[37] Там же. С. 91.
[38] Там же. С. 63–64.
[39] *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб, 1906. С. 90.
[40] Там же.
[41] Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 340.
[42] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 223.
[43] Записки А.А. Матвеева… С. 64.
[44] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 92.
[45] Восстание московских стрельцов… С. 249–250.

ина под стенами Нового Иерусалима, где часть из них уже была бита кнутом[46], их избавляли от казней 30 сентября и в октябре[47]. Однако 18 октября в Преображенском были обезглавлены пятеро «малолетних». Изумляясь такой неоправданной жестокости академик Богословский писал об одном из обезглавленных, что «его показание ничем не отличалось от показаний целого ряда других таких же несовершеннолетних стрельцов и совершенно не давало основания для заключения о какой-либо его особой виновности»[48]. В числе казненных в Преображенском оказался Ивашка Клей или Клюй, которому исполнилось 18 лет. В тот же день на Красной площади казнили «малолетнего» Ваську Пирожникова, который еще на сентябрьском розыске утверждал, что в бунте не участвовал, а шел в Москву для свидания с женой, детьми и сродниками. А по пути от Воскресенского монастыря в Переславль Рязанский подстрекал стрельцов «передавить» конвоиров, а сам хотел бежать[49].

После окончания всех следственных действий, когда 285 «малолетних» рассылались на каторги и в ссылку, Преображенский приказ озадачился тем, должны ли за ними последовать их жены и дети, о чем отдельного указа не имелось[50]. Эти примеры очевидно свидетельствует, что под наименованием «малолетних» подчас могли быть записаны совершеннолетние стрельцы, уже обремененные семьями, что и давало следствию возможность в некоторых случаях обходиться с ними крайне жестоко. И все же особое отношение к «малолетним» проходит через все документы стрелецкого розыска, в конце которого остававшихся еще по разным местам дальней ссылки 153-х «малолетних» свезли в Москву к 20 января 1699 г. и оставили нарочито за караулом не в монастырях, а в подмосковных селах Ивановском, Ростокине, Никольском, Мытищах, Тушине[51]. Начиная же с 22 января 1699 г. их стали наказывать кнутом и рассылать по восьми относительно близким к столице монастырям:

- в Серпуховской Высоцкий монастырь
- в Серпуховской Владычный Введенский монастырь
- в Коломенский Голутвин монастырь
- в Каширский Белопесоцкий монастырь
- в Переславль Рязанский в Богословский монастырь
- в Рязанский Солотчинский монастрь
- в Пафнутьево-Боровский монастырь
- в Вознесенскую Давыдову пустынь

Всего таких сосланных по монастырям оказалось 285 человек[52]. Однако в розыскном деле есть также документы о ссылке «малолетних» вместо смертной казни в Воронеж на каторгу и в Сибирь[53]. Их судьба требует дальнейшего уточнения.

События стрелецкого бунта 1698 г. и последовавшего за ним розыска со всей очевидностью проявили стремление государственной власти трансформировать древнюю традицию монастырского «подначальства» в массовую тюремную практику, имеющую мало отличий от режима государственных тюрем. Столь экстремальный репрессивный «эксперимент» был вызван отчасти утилитарной необходимостью – отсутствием достаточно емкой государственной пенитенциарной

[46] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 215.
[47] Там же. С 112.
[48] Там же. С. 113.
[49] Там же. С. 114.
[50] Восстание московских стрельцов... С. 280.
[51] Там же. С. 188-193.
[52] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 215
[53] Восстание московских стрельцов... С. 280–281.

системы, способной эффективно функционировать даже в условиях резкого (хотя и кратковременного) роста количества узников. Однако нельзя не заметить в описанных событиях и иной стороны: стремительно наступавшая секулярная эпоха делала институты церкви все более зависимыми от воли государства, теряющими последние признаки самостоятельности, в том числе в принятии правовых решений, в поддержании обособленности церковно-правовых институтов, к которым в допетровскую эпоху относилась и монастырская ссылка. Трагедия стрелецкого бунта 1698 г. заставила монастырь по воле государства временно обратится в тюремно-карательное учреждение, как бы это ни воспринимали его насельники и церковные иерархи. У стен обителей временно зажгли пыточные костры и воздвигли эшафоты, а кельи иноков обратили в тюремные камеры. Такой культурно-психологический и административный перелом возвещал наступление новой эры, в которой статус церкви постепенно будет низведен государством до «ведомства православного исповедания», для которого участие в реализации тюремной практики властей станет процессом не желанным, но обыденным и неизбежным.

П.А. Аваков

«ПЕРВАЯ МОРСКАЯ ПОБЕДА» ПЕТРА I*

Ответ на вопрос о том, где и когда произошла «первая морская победа» Петра I, зависит от конкретного исследовательского фокуса. В некотором смысле, такая победа была не одна. Если отвечать на поставленный вопрос в рамках истории российского Военно-морского флота (ВМФ), то можно безошибочно утверждать, что его первой победой стал подготовленный Петром I разгром шведской эскадры в сражении у мыса Гангут (полуостров Ханко) 27 июля[1] 1714 г.[2] Однако самому царю в этой акции не довелось участвовать. Если же иметь в виду первую победу на море во время Северной войны 1700–1721 гг., то она состоялась в устье р. Северная Двина 25–26 июня 1701 г. В ходе разыгравшийся у стен строящейся Ново-Двинской крепости артиллерийской дуэли с тремя шведскими судами отдельная береговая батарея вывела из строя два из них, севшие на мель, – шняву «Мьёхунден» и галиот «Фалькен», которые затем были захвачены подошедшими на лодках архангелогородскими солдатами[3]. Но к этому знаменательному происшествию, прославленному романом Юрия Германа «Россия молодая» и одноименным советским телевизионным фильмом, Петр I лично вообще не был причастен. Первым морским сражением, в котором он принял непосредственное участие, в историографии принято считать боевое столкновение, произошедшее в ночь на 7 мая 1703 г. в устьях р. Невы. Тогда отряды солдат на лодках, при участии царя и А.Д. Меншикова, захватили два шведских судна – шняву «Астрильд» и дубель-шлюпку (бот) «Гедан»[4]. В честь этого, казалось бы, рядового боевого события, увековеченного Петром I в памятной медали с девизом «Небываемое бывает»[5] и широко известного по повести Сергея Алексеева с почти аналогичным названием, в 1996 г. был установлен День Балтийского флота ВМФ России. Это при том, что первая победа царя на Балтийском море была одержана без флота, которого у него тогда еще не было.

Однако долгое время в историографии – как зарубежной, так и отечественной, – преобладало иное мнение о том, когда и где Петр I впервые победил в морском сражении. Согласно альтернативной точке зрения, это случилось в 1696 г. на Азовском море, и в качестве потерпевшей поражение стороны выступила уже не шведская, а османская флотилия. Довольно ярко соответствующий эпизод описал ныне почти забытый классик романтического направления российской исторической мысли Николай Алексеевич Полевой в своем труде «История Петра Великого» (1843 г.).

Историк пишет, что по прибытии к Азову, Петр I послал донских казаков на море «разведать о турецком флоте». Те в ходе разведки боем «встретил два турецких корабля… и потопил их». Вернувшись, донцы доложили, «что в море видны были еще 13 кораблей и 26 галер и полугалер. Царь обрадовался случаю сразиться на

[1] Здесь и далее, кроме особо оговоренного случая, все даты указаны по Юлианскому календарю (старый стиль).

[2] См.: *Кротов П.А.* Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013. С. 139–223.

[3] См.: *Беспятых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны: 1700–1721. СПб., 2010. С. 206–207, 256–291.

[4] См.: *Кротов П.А.* 1) Гангут: сражение и корабли. С. 38–46; 2) Морской бой 7 мая 1703 года: российская пропагандистская версия и реальные подробности // Петровское время в лицах – 2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007 (Труды Государственного Эрмтажа. [Т.] 38). С. 153–155.

[5] *Щукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962. С. 16.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42049 «“Азовский проект” Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

море с врагами. Он пустился с 16-ю галерами и сотнею лодок. Галеры не могли пройти в донских гирлах… Царь пересел в казачью лодку; на другие было посажено по 60 казаков и солдат в каждую. Все лодки укрылись за Канаярским островом в устье Дона. Турки приблизились к берегу с девятью кораблями и несколькими галерами, нагрузили запасами и оружием 14 больших тумбасов и отправили их в Азов. С гиком вылетели тогда из засады русские лодки, отрезали тумбасы, захватили девять их них, а некоторые уплыли в Азов – другие бросились к флоту. Царь преследовал бегущих и напал на турецкий флот, пока взятые тумбасы были предаваемы огню. Неожиданность нападения навела такой ужас на турков, что они не смели сражаться и спешили бежать. Некоторые из турецких галер попали на мель у берега. Царь догнал две галеры в открытом море, завязал бой, сам взошел на галеры впереди всех и взял обе. Поощряемые примером царя, казаки овладели другими судами. Остальной флот турецкий бежал. Двенадцать сожженных и потопленных галер, кроме 10 больших саек и 9 тумбасов, янычарский ага и 300 турков, уцелевших в бою и взятых в плен, не считая убитых и утонувших, 70 пушек, 500 пик, 300 бомб, 4000 гранат, 80 бочонков пороха, были трофеями морской победы русских. Всю богатую добычу царь отдал казакам»[6].

Сцена абордажного боя, центральной фигурой которой является Петр I, изображена на известной картине британского художника Роберта Кера Портера, написанной в Санкт-Петербурге в 1807 г. (Илл. 1). С 1809 г. она украшала Большой зал Адмиралтейства, затем – выставки Морского музея имени Петра Великого и Музея Морского кадетского корпуса, а с 1924 г. экспонируется в Центральном военно-морском музее[7].

Дошедшие до нас исторические источники позволяют проверить достоверность написанной Р.К. Портером и описанной Н.А. Полевым (и многими другими авторами) картин и отделить реальность от вымысла.

Боевые действия под Азовом действительно начались с победы донских казаков во главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым, одержанной 20 мая на взморье над османской флотилией, пытавшейся доставить в крепость подкрепление и припасы. В ходе смелой атаки казаки захватили десять томбазов[8] и сожгли один корабль, после чего остальные неприятельские суда ушли. Это позволило российской галерной эскадре 26 мая беспрепятственно выйти в море и отрезать Азов от морского сообщения, устранив тем самым причину, помешавшую взять крепость в прошлом году. Характерно, что сама эта эскадра из девяти галер, вопреки разработанному накануне плану, не приняла участия в стражении, поскольку из-за мелководья рукава Каланчи не смогла утром выйти в море навстречу османской флотилии, в отличие от сорока казачьих стругов. Когда донцы брали на абордаж османские суда, российские галеры, на борту одной из которых находился Петр I, уже возвращались вверх по Каланче на стоянку к укреплению Сергиеву[9].

[6] *Полевой Н.А.* История Петра Великого. [2-е изд.] М., 1899. С. 70.

[7] *Ренне Е.П.* Роберт Кер Портер в России // Западноевропейское искусство. Т. 7. Л., 1985 (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 25). С. 106–109.

[8] Томбаз (осм. tombaz) – плоскодонное транспортное парусное судно в Османской империи, баржа. В России XVII–XVIII вв. было известно как тунбас или тумбас (Pakalın M.Z. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. [Cilt.] 2. İstanbul, 1993. S. 511; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М.; СПб., 2015. С. 37, 227).

[9] *Гордон П.* Дневник: 1696–1698 / Пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова. М., 2009 (Памятники исторической мысли). С. 28–31; ОР БАН. Основное собр. № 17.8.9. Л. 4 об.–6; ПиБ. / Ред. А.Ф. Бычкова. Т. 1. СПб., 1887. № 92. С. 70–71; № 93. С. 72; № 94. С. 73; № 95. С. 74; Походный журнал 1696 года / [Ред., примеч. А.Ф. Бычкова]. СПб., 1853. С. 8, 11–13, 15; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 274–277; *Елагин С.И.* История русского флота: Период азовский. СПб, 1864. С. 42–45; *Богословский М.М.* Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 310–315.

Илл 1. Петр I под Азовом. Р.К. Портер. 1807 г. (ЦВММ).

Иными словами, роль нарождавшегося российского флота в осаде Азова была довольно пассивной, и он смог сыграть ее лишь благодаря успешным действиям донцов на море. По свидетельству генерала П. Гордона, 21 мая царь – автор идеи всей этой операции – был «весьма меланхоличен и удручен» тем, что увидев на взморье днем ранее около двадцати османских галер и кораблей, не считая множества легких судов, «нашел неудобным отважиться против них, и приказал галерам вернуться». Огорчение Петра I вполне понятно: согласно плану, разработанному им 19 мая на совещании с П. Гордоном, атаманом Ф. Минаевым и боярином Федором Алексеевичем Головиным, он должен был лично возглавить атаку на османскую флотилию. Тем не менее, вечером царь отправился на лодках к месту сражения, где казаки делили добычу, захваченную на судах противника. В тот же день уровень воды в устье Дона начал подниматься, что и открыло российским галерам путь в море[10]. «Морского пути вожами», то есть лоцманами, при этом выступили донские

[10] *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. С. 28–30.

казаки Зот Андреев и Тимофей Соколов (впоследствии – войсковой есаул и один из убийц К.А. Булавина). В феврале 1697 г. они были награждены за эту службу английскими сукнами[11].

Следует отметить, что первым распоряжение отрезать Азов от сообщения с морем отдал воевода Большого полка боярин А.С. Шеин, еще до начала осады. 11 мая, по пути к Черкасску, он приказал идущему в авангарде генерал-майору Карлу Ригеману совместно с Войском Донским «морское устье и иные места, которыми бывает приход катаргами[12] и иными морскими судами к Азову, занять, чтоб неприятельских ратей в Азов не пропустит…». Ему предписывалось организовать блокаду крепости силами своей белгородской дивизии, усиленной тремя солдатскими полками из дивизии Ф. Лефорта и тремя же полками из дивизии П. Гордона (однако, К. Ригеман не смог решить эту задачу в столь ранний срок). При этом непосредственно к устью реки и пристаням под Азовом отдельным приказом велено было идти «ис Черкаского одному войсковому атаману Фролу Минаеву и всему Войску Донскому»[13].

Важность установления морской блокады Азова для успешного хода осады сложно переоценить – тем более что к тому времени его защитники уже успели получить некоторую помощь. В дневнике П. Гордона зафиксировано прибытие в осажденный город восьмисот человек, высадившихся с кораблей вечером 19 мая и утром 20-го – перед тем, как казаки на стругах вышли в море[14].

Со 2 по 12 июня охранявшая берег российская эскадра продолжала пополняться поочередно спускавшимися по Дону остальными тремя отрядами галер под командованием вице-адмирала Ю. Лимы, капитана солдатского Преображенского полка князя И.Ю. Трубецкого и шаутбенахта Б. де Лозьера. Характерно, что среди «флагманов» не было самого адмирала Ф. Лефорта. 14 июня к устьям Дона из Трабзона пришла флотилия в составе шести кораблей, трех галер, четырнадцати фуркатов[15] и нескольких мелких судов, доставившая до четырех тысяч пехоты во главе с бывшим турнаджибаши[16] Мухарремом-агой. Однако этим силам не удалось подойти к Азову, так как путь к гирлам Дона преграждали выстроившиеся в линию двадцать четыре российские галеры, а высадить войска на другом участке морского побережья Мухаррем-ага сразу не решился[17].

Значение перекрытия устья Дона было верно оценено защитниками Азова, о чем свидетельствуют показания целого ряда пленных и «выходцев» из плена, допрошенных в разряде посольских дел – возглавляемом думным дьяком Н.М. Зотовым походном филиале Посольского приказа, и в разрядном шатре главнокомандующего. Так, 22 мая крымский татарин Хусейн бин Мустафа («Усеинка Мустофин») сообщил: «О войсках великого государя, которое пошло на море в морских судах зело турки удивляютца, и многие меж себя говорят: завладели де казаки у нас ре-

[11] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1607. Л. 181, 210 об., 216; там же. Ф. 111. Оп. 1. 1697 г. Д. 3. Л. 3 об.; там же. 1697 г. Д. 18. Л. 15 об., 17 об.–18.

[12] Каторгой (от осм. kadırga, из греч. κατεργων – катаргон) в России XVI – начала XVIII в. называли галеру (*Pakalın M.Z.* Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. [Cilt.] 2. S. 129; *Bostan İ.* Gemi // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt. 14. İstanbul, 1996. S. 13; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 92; *Елагин С.И.* История русского флота... Примеч. 12. С. 251–252).

[13] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1638. Л. 65–69.

[14] *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. С. 29.

[15] Фуркат (от осм. firkate – фрегат, из ит. fregata) – принятое в России XVII–XVIII вв. наименование фиркате, османского парусно-гребного фрегата, малой галеры (*Pakalın M.Z.* Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. [Cilt.] 1. İstanbul, 1993. S. 631; Bostan İ. Gemi. S. 13–14).

[16] Турнаджибаши (осм. turnacıbaşı) – одна из высших командных должностей янычарского корпуса, шестая по счету от высшей к низшей. Турнаджибаши командовал 68-й янычарской орта (ротой), первоначальной обязанностью личного состава которой (турнаджи) было участие в султанской охоте на цапель и их разведение (*Pakalın M.Z.* Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. [Cilt.] 2. İstanbul, 1993. S. 535; *Özcan A.* Turnacıbaşı // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt. 41. İstanbul: 2012. S. 428).

[17] Походный журнал 1696 года. С. 12–14; ПиБ. Т. 1. № 96–98. С. 74–77; *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. С. 33, 34; *Silâhdar Findiklılı Mehmet Aġa.* Nusretnâme: İnceleme – metin (1106–1133/1695–1721) / Hazırlayan M. Topal. Ankara, 2018 (Türk-İslâm Bilim Kültür Mirası Dizisi: 23). S. 243,253; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1466. Л. 160; *Богословский М.М.* Петр Великий... Т. 1. С. 302, 314, 318–320.

кою, да и самих нас с ней тяснят». Жители Азова почему-то считали, что прототипом при строительстве царем галерной эскадры послужило трофейное османское судно: «…Которые суды морского каравана пришли с Воронежа под Азов, и те суды азовцы видели и говорили, что зделаны те суды с их турского обрасца, что прошлого лета прибило морем х Каланче их турской фуркат»[18]. «А про фуркаты де московские азовцы и турчаня, разсуждая, говорят: Дон де они у нас заперли, знатно де, что они с нами битца не хотят, а хотят выморить голодом» – показал 3 июня янычар Мехмед бин Ахмед («Магметка Ахметев сын»). По его утверждению, в связи с захватом османских судов «азовцы скучают, и многие турки говорят, что такой победы на море от казаков давно не бывало, и пропало де их азовских судов на море многое число»[19]. 16 июня православный польский подданный Андрей Михайлович Фурманов, попавший в город в качестве наемного работника, рассказал: «Как на море турские суды розбиты, и то азовцы ставят в великое разорение и ужас, и впредь тем морским судам, которые ушли от страху, быть к Азову не чают. А о московских морских судах розмышляют: естьли де они гирла застановили, то никакого судна в Азов не пропустят»[20]. Из данных 18 июня ногайцем Кадыр-Берды бин Бердаем («Кадырбердейко Бердаевым») показаний становится ясно, почему османская флотилия была столь пассивна и не оказала помощи осажденному Азову: «И не дошед де гирла те турки, увидев московские морские с войсками суды, стали на море на якорях, потому что пройти им в гирло невозможно за московскими войски и за мелью». После этого Мухаррем-ага вышел на берег и встретился с нуреддин-султаном Шахин-Гиреем, «и думали они междо собою, что Азов московскими войсками со всех сторон осажен крепко, и морское гирло заперто, и ни морем, ни сухим путем пройти им, туркам, в Азов невозможно. И думав де о том, на мере ничего не постановили – так и покинули»[21]. О дальнейших событиях поведал 7 июля «выходец» – молдаванин Антон Иванов сын: «А тому де ныне третей день с морских судов, на которых стоит турнучи-баша, вышли на берег против урочища Акчакум пехоты турских янычан тысяча человек, и пришли к нурадыну-салтану х Кагалнику». По словам этих янычар, причиной их высадки стала скудость хлебных запасов на судах, где осталось еще якобы 11000 человек. «Стоят те турские суды на одном месте на якорях от берегу не в близости с великим опасением, бояся наступления на себя московских войск, которые стоят в морских гирлах на московских морских судах. А сами те турки ударить на те московские суды не смеют же для того, что чают себе в том от московских войск многово урону»[22].

Похоже, бездействие во время атаки казаков на османскую флотилию настолько огорчило царя, что в письме ближнему стольнику князю Ф.Ю. Ромодановскому от 31 мая он не постеснялся приврать о своем участии в акции. Продолжая игру в подданного «князя-кесаря», Петр I недвусмысленно писал ему от первого лица: «…и мы, холопи твои, в малых судах, а казаки в лотках…, ударили на того неприятеля…». В написанных в тот же день письмах думному дьяку А.А. Виниусу и переводчику Посольского приказа А.Ю. Кревету государь преподнес эту новость в иной редакции: «…и наши на них ударили…»[23].

Между тем, из дневника П. Гордона и походного «юрнала» самого Петра I точно известно, что 20 мая он не выходил в море на мелком судне вместе с казаками. Это

[18] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1466. Л. 73, 83.

[19] Там же. Л. 109 об., 121.

[20] Там же. Л. 155.

[21] Там же. Л. 160, 164.

[22] Там же. Л. 239, 240.

[23] ПиБ. Т. 1. №№ 90–92. С. 68–70.

же следует из донесения из-под Азова, поступившего в Посольский приказ по почте 2 июня и затем отправленного в Варшаву резиденту А.В. Никитину и в Вену посланнику К.Н. Нефимонову[24]. Кстати, именно в последнем известии впервые упоминается Караярский остров в дельте Дона, который отсутствует в других синхронных источниках об Азовском походе 1696 г. и не зафиксирован в местной топонимии. Удалось обнаружить еще одно синхронное свидетельство об этих событиях – отписку П. Гордона А.С. Шеину, полученную 24 мая (см. Приложение). Отвечая боярину на заданный в письме от 21 мая вопрос о причине стрельбы в укреплении Сергиеве, генерал пояснил, что в тот день «донские атаман и козаки, быв на море, розбили турецкие суды со всякими запасы, и с их животы, и с полковыми припасы, и взяли живьем турчан дватцать семь человек – и для того в Сергиеве была стрельба». Об участии в этой акции царя П. Гордон и здесь не написал ни слова. Он лишь сообщил, что «капитан нынешняго майя 22-го числа с усть реки Каланчи в мелких судах пошел к Сергиеву городу» – то есть вернулся туда, откуда он отплыл на взморье прошлым вечером, чтобы увидеть плоды победы донцов[25].

Тем не менее, изложенная царем версия событий стала основой историографического мифа, к тиражированию которого впоследствии приложили руку многие писатели и историки из разных стран: Д. Дефо, Ж. Руссе де Мисси, А. Катифорос, Вольтер, З. Орфелин, В.Г. Бергман, уже упоминавшийся Н.А. Полевой, и другие[26]. Однако, Э. де Мовийон, Т.З. Байер, И.И. Голиков, Н.Г. Устрялов и большинство последующих биографов Петра I обошлись без упоминания о его участии в этом сражении[27].

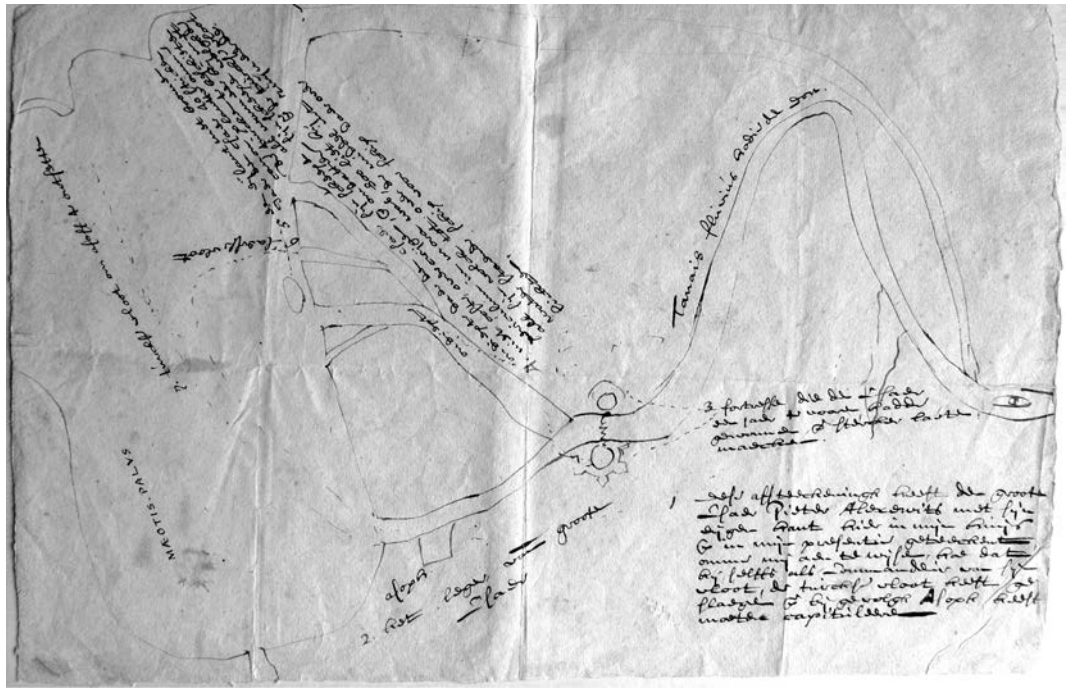
Даже в середине XIX в. этот миф имел среди историков убежденных апологетов. Так, М.Ф. Поссельт в 1863 г. без каких-либо оснований усомнился в достоверности свидетельства П. Гордона и даже предпринял наивную и малоубедительную попытку опровергнуть его. При этом историк прибегнул к весьма сомнительным умозрительным конструкциям: если бы государь «услыхал хоть одно слово о приготовлениях к смелому предприятию, что, судя по всем обстоятельствам, было весьма возможно, то без сомнения, он не удалился бы оттуда в такую критическую минуту». Дальше – больше: «Если таким образом, при совершенном отсутствии убедительных объяснений, мы станем решать вопрос, на основании фактических и психологических данных, то независимо от доказательств, находящихся в собственноручных письмах Петра, не будет подлежать никакому сомнению, что Петр или присутствовал на месте сражения, или находился поблизости от него. Можно сказать утвердительно, что он не хотел распространиться об этом событии, припи-

[24] *Шамин С.М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020. Прилож. С. 353–354; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 250–251. Немецкий перевод донесения цит.: *Поссельт М.Ф.* Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт и начало русского флота // Морской сборник, издаваемый под наблюдением Морского ученого комитета. Т. 65. 1863. № 3. Март. Приложение. С. 67.

[25] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1638. Л. 114.

[26] *[Defo D.]* A True, Authentick, and Impartial History of the Life and Glorious Actions of the Czar of Muscovy from his Birth to his Death. London, [1725]. P. 23–24; *[Rousset de Missy J.]* Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur De Russie, Père De La Patrie, & c. & c. & c. / Par le B[aron] I. Nestesuranoi. T. 2. La Haye; Amsterdam, 1725. P. 139–142; *[Катифорос А.]* Житие Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, отца Отечества, собранное из разных книг во Франции и Голландии изданных и напечатанных в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом / Пер. С.И. Писарева. СПб., 1772. С. 90–91; *Вольтер.* История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная г[осподино]м Волтером / Пер. С.А. Смирнова. Ч. 1. Кн. 2. [М.], 1809. С. 31; *[Орфелин З.]* Житие и славныя дела государя императора Петра Великаго, самодержца всероссийскаго, с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне первое на славенском языке списана и издана. Ч. 1. Венеция, 1772. С. 195–196; *Бергман В.Г.* История Петра Великого / Пер. Е.В. Аладьина. Т. 1. СПб., 1833. С. 187–188; Полевой Н.А. История Петра Великого. С. 70.

[27] *[Mauvillon E., de]*. Histoire de Pierre I surnommé le Grand, Empereur de toutes les Russies, roi de Sibérie, de Casan, d'Astracan, grand duc de Moscovie, etc., etc. T. 1. Amsterdam; Leipzig, 1742. P. 139–141; *[Байер Т.З.]* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. СПб., 1782. С. 168–169; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч. 1. М., 1788. С. 269–270; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 273–276.



Илл. 2. Чертеж устья р. Дон, выполненный Петром I 13 декабря 1697 г. Надписи Я. де Вильде (ОР БАН).

сывая его казакам, которых, без сомнения, мог называть “нашими”»[28]. То есть, известным из источников сухим фактам М.Ф. Поссельт противопоставляет логическое суждение, основанное на собственной фантазии.

Не вызывает сомнения лишь одно обстоятельство: царь действительно находился сравнительно недалеко от берега моря и в силу личной заинтересованности был прекрасно осведомлен о состоявшемся там без его участия сражении. События, происходившие в устье Дона и на взморье 20–26 мая 1696 г., позже были схематично изображены им на чертеже в Книге посетителей (Bezoekersboek) частного музея купца Якоба де Вильде в Амстердаме (Museum Wildeanum), куда он нанес визит 13 декабря 1697 г. (Илл. 2, 3). Пронумерованные пояснительные надписи на плане сделал хозяин музея[29]. Среди прочего, там показаны «мели, не давшие возможности проходить кораблям», и упомянуто, что для облегчения их посадки царь приказал экипажам с грузом спуститься в воду[30].

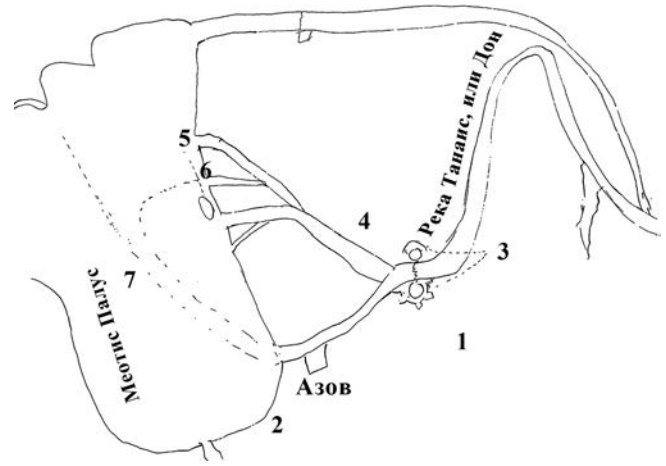
Каким образом миф об участии Петра I в морском бое под Азовом в 1696 г. получил столь широкую огласку? Похоже, царь сам способствовал его культивации – по крайней мере, некоторые современники транслировали эту историю уже три года спустя. Так, в приложении к нидерландскому изданию записок путешественника А. Брандта 1699 г. было опубликовано пространное письмо некоего господина из Амстердама, датированное 30 октября 1698 г. (по Григорианскому календарю) и являющееся первым в европейской литературе описанием начального этапа государственной деятельности Петра I (Илл. 4). Анонимный автор эпистолы, общавшийся с побывавшими в городе российскими великими послами, среди прочего

[28] *Поссельт М.Ф.* Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт… С. 70.

[29] «Снимок» (прорись) чертежа без объяснительных подписей на нидерландском языке и их перевод на французский язык опубликованы: *Устрялов Н.Г.* Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории царствования Петра Великого. СПб., 1858. С. 4–5; № 12 (ко 2 тому).

[30] ОР БАН. Собр. Петровской галереи. № 32/2.

Илл 3. Перевод надписей на чертеже Петра I с нидерландского языка:
1. Этот рисунок начертан великим царем Петром Алексеевичем в моем доме и в моем присутсвии для того, чтобы показать мне, как он сам, как командир флота, атаковал флот турок, разбил его, и как Азов был принужден к сдаче.
2. Царский лагерь.
3. Укрепления, захваченные царем в предшествующем году и усиленные им.
4. Мели, не давшие возможности проходить кораблям. Царь приказал для облегчения посадки, чтобы экипаж с грузом спустился в воду, благодаря чему проход сделался возможным.
5. На острове, покрытом лесом, царь поместил 40 пушек для того, чтобы разгромить турецкий флот, который и был благодаря этому целиком уничтожен.
6. Царский флот.
7. Турецкий флот, прикрывающий Азов.



сообщил воображаемому адресату (читателю) о том, как царь, находясь на галере, атаковал османский флагманский корабль в ходе морского сражения близ устьев Дона в 1696 г.: «Его Величество… поднялся на легкую галеру с экипажем в 40 человек и сделал знак всем налегать на весла и следовать за ним. Таким образом, враги оказались атакованными со всех сторон. Сам монарх атаковал капитанский корабль, отовсюду получая подмогу, так что трудно сказать, где вначале была одержана победа. Почти везде: ни одна из вражеских галер не избежала борьбы, все были захвачены или пошли ко дну»[31]. «Капитанский корабль» здесь – это флагманское судно капудана-паши, командующего военно-морским флотом Османской империи, который в 1696 г. не участвовал в экспедиции к Азову. С.А. Мезин справедливо отметил, что «это описание большого морского боя, в котором царь якобы принял активное участие и “показал на собственном примере, как должен вести себя предусмотрительный и доблестный флотоводец”, является вымышленным». В нем в искаженном виде представлены факты, имевшие место не только 20 мая, но и 14 июня 1696 г., когда 24 османских корабля приблизились к стоявшим на рейде напротив устьев Дона российским галерам, но затем отступили[32].

Можно согласиться с убедительным предположением С.А. Мезина, что авторство мистифицированного (в смысле – никому не отправлявшегося) письма принадлежит амстердамскому бургомистру Николаасу Витсену, дальнему родственнику А.А. Виниуса и горячему поклоннику русского государя[33]. Его публикация обрела широкую известность у европейского читателя, и в том же году была напечатана в Лондоне в английском переводе доктора медицины Джодокуса Крулла[34]. Вероятно, именно из этого издания сюжет об участии царя в морском сражении под Азо-

[31] Lettre de Monsieur ***, sur l’Etat Present de la Moscovie // Brand A. Relation du voyage de M-r Evert Isbrand: envoyé de Sa Majesté Czarienne à l’Empereur de la Chine en 1692, 93, & 94 / Par le Sieur Adam Brand; avec une lettre de Monsieur ***, sur l’Etat Present de la Moscovie. Amsterdam, 1699. P. 211–213; перевод: *Мезин С.А.* Первая апология царя Петра Алексеевича: Письмо господина*** о современном состоянии Московии // Век Просвещения. Вып. 7. М., 2021. С. 34.

[32] *Мезин С.А.* Первая апология царя Петра Алексеевича… С. 16; ПиБ. Т. 1. №№ 100–102. С. 78–79.

[33] *Мезин С.А.* 1) Письмо амстердамского друга // Петр I и Восток: Материалы XI Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 года. СПб., 2019. С. 414–420; 2) Первая апология царя Петра Алексеевича… С. 20–23.

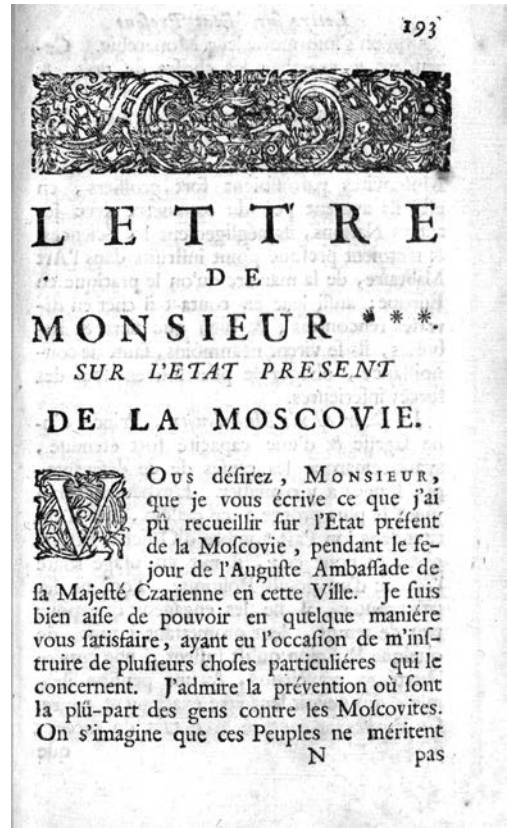
[34] The Present Condition of the Muscovite Empire, till the Year 1699, In a Letter from a Gentleman, who was conversant with the late Muscovite Ambassadours in Holland // The Present Condition of the Muscovite Empire, till the Year 1699, In Two Letters: the first from a Gentleman, who was conversant with the Muscovite Ambassadour in Holland; the second from a Person of Quality at Vienna, concerning the late Muscovite Embassy, His present Czarish Majesty; the Russian Empire; and the Great-Tartary: With The Life of the present Emperour of China / By father J. Bouvet, Missionary, [the whole edited by J. Crull,] by the author of The Antient and present state of Muscovy. London, 1699. P. 1–70; не идеальный перевод: О состоянии Российския империи в 1699 году, с английского: Письмо дворянина, имевшаго обхождение с российскими послами, бывшими в Голландии // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго / Изд. Ф.О. Туманского. Ч. 1. СПб., 1787. С. 1–71.

вом попал в сочинение британского капитана Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе», изданное в 1716 г.[35] Большая международная популярность этой книги, выдержавшей множество переизданий на нескольких языках, обеспечила героическому мифу долгую жизнь.

Есть прямое свидетельство того, что сам Петр I рассказывал собеседникам о своем мнимом участии в сражении с османским флотом. Услышавший эту приукрашенную историю Я. де Вильде затем написал в углу уже упоминавшегося чертежа царя: «Этот рисунок начертан великим царем Петром Алексеевичем в моем доме и в моем присутсвии для того, чтобы показать мне, как он сам, как командир флота, атаковал флот турок, разбил его, и как Азов был принужден к сдаче.»[36].

С.А. Мезин обратил внимание, что «в России тогда имели хождение апокрифические письма из-под Азова, содержавшие аналогичные сведения легендарного характера»[37]. Т.А. Базарова опубликовала одно из таких анонимных писем от 2 июня 1696 г., включенное в более обширный эпистолярный текст, охватывающий события, происходившие до 25 июля[38]. В нем сообщается, что морское сражение с участием Петра I произошло 10 мая, чего при всех прочих не могло быть – еще и потому, что в этот день царь шел на галере по р. Дон в его среднем течении и лишь 15 мая достиг Черкасска[39].

Ранее Н.И. Новиков опубликовал другое подобное письмо с аналогичной датой в составе так называемого «Сказания о взятии города Азова…»[40]. Копия этого письма включена в посвященный Азовскому походу 1696 г. исторический сборник начала XVIII в., написанный полууставом в тетради[41] (Илл. 5). Согласно владельческой записи, сборник принадлежал дьяку Посольского приказа Михаила Григорьевичу Родостамову[42], или его ближайшим потомкам. В рукописи передан подробный текст пометы о времени отправки и получения письма, чего нет в публикации: «Ис-под Азова из Каланчей[43] писано июня в 2 ден. Почта к Москве пришла июня 14-го числа в 14-м часу дни»[44]. Содержательно письмо существенно отличается от опубликованного Т.А. Базаровой более лапидарного варианта, а также имеет хронологические и другие противоречия с основными источниками о данных событиях. В частности, в письме из сборника Родостамовых сообщается, что 12 мая «…из Сергиева изволил великий государь идти на фуркатах в первое морское устье Кутюрминское», а по прибытии «изволил идти для досмотру иных устьев морских и сел в казачье легкое морское судно». И будучи с казаками на Караярском острове, они «оувидали на море болших 9 караблей кроме мелких галер, которые шли к Азову с ратными людми и со всякими воинскими припасы…». Само морское сражение отнесено неизвестным автором к 13 мая, но об участии в нем Петра I прямо не говорится, если не понимать буквально следующую сентенцию: «…и Божиею помощию, его государским храбрым и мужественным поведением, те казаки на неприятельские суда били боем»[45]. Вместе с тем, содержащиеся в источнике некоторые достоверные детали, воспроизведенная помета и упоминания о Караярском острове позволяют предположить, что перед нами либо копия, либо творческая переработка настоящего письма участника осады Азова, сделанная получателем. Путаницу в датах и фактах можно объяснить ограниченной информированностью автора, который, тем не менее, неплохо ориентировался в последовательности и логике событий, и явно был знаком с официальными и неофициальными известиями, отправлявшимися из-под Азова в Москву. Одним из получателей таких сообщений в Посольском приказе был подьячий М.Г. Родостамов, который затем в частном порядке отправлял грамотки об «азовских ведомостех» знакомым иностранным коммерсантам, живущим в Архангельске[46]. Вероятно, на каждом витке распространения эта письменная информация обрастала новыми неточностями и вымышленными деталями, часть которых могла черпаться из устной традиции, обычно впитывающей в себя слухи[47]. Именно последнее обстоятельство объясняет наличие общих мест в фантастических описаниях сражения на азовском взморье, приведенных в эпистолярном сочинении Н. Витсена и апокрифическом письме, опубликованном Т.А. Базаровой.


193

LETTRE
DE
MONSIEUR ***.
SUR L'ETAT PRESENT
DE LA MOSCOVIE.

VOus déſirez, MONSIEUR, que je vous écrive ce que j'ai pû recueillir ſur l'Etat préſent de la Moſcovie, pendant le ſejour de l'Auguſte Ambaſſade de ſa Majeſté Czarienne en cette Ville. Je ſuis bien aiſe de pouvoir en quelque maniére vous ſatisfaire, ayant eu l'occaſion de m'inſtruire de pluſieurs choſes particuliéres qui le concernent. J'admire la prévention où ſont la plû-part des gens contre les Moſcovites. On s'imagine que ces Peuples ne méritent

N pas

*Илл. 4. Первая страница публикации «Письмо господина *** о современном состоянии Московии». 1699 г*

Нужно отметить, что в столь быстром появлении мифической версии произошедшего в мае 1696 г. близ устья Дона абордажного боя нет ничего необычного. Петр I и в последующем был склонен к преувеличению своих военно-морских успехов в пропагандистских целях. Так, если в письмах от 10 мая 1703 г. он сообщил князю Ф.Ю. Ромодановскому и Ф.М. Апраксину, что на захваченной в устье Невы шведской шняве «Астрильд» имелось восемь пушек, то 1 июня уже писал К. Крюйсу о шестнадцати орудиях (восьми пушках и восьми басах)[48]. В действительности же, там было пять орудий (одна фунтовая и четыре 2-фунтовые чугунные пушки), о чем известно из описи трофеев, составленной по горячим следам и датированной 6 мая

[35] *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России / [Пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой] // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Апрель – июнь. Кн. 2. [Отд.] IV. С. 94).

[36] ОР БАН. Собр. Петровской галереи. № 32/2; Описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, Т. 3. Вып. 3. С. 141.

[37] *Мезин С.А.* Первая апология царя Петра Алексеевича… С. 16.

[38] *Базарова Т.А.* «Пришла почта ис-под Азова…»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // История военного дела: исследование и источники. Спец. вып. 10. Ч. 1. СПб., 2019. № 5. С. 14 [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova (дата обращения: 09.07.2022).

[39] Походный журнал 1696 года. С. 4–8; ПиБ. Т. 1. № 90. С. 68; Богословский М.М. Петр Великий... Т. 1. С. 308–309.

[40] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся / Изд. Н.И. Новиков. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 16. М., 1791. № 30. С. 261–265.

[41] Описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 3. С. 273–274.

[42] О М.И. Родостамове см.: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1906. Кн. 3. [Отд.] IV. С. 128, 133.

[43] То есть из Каланчинских башен.

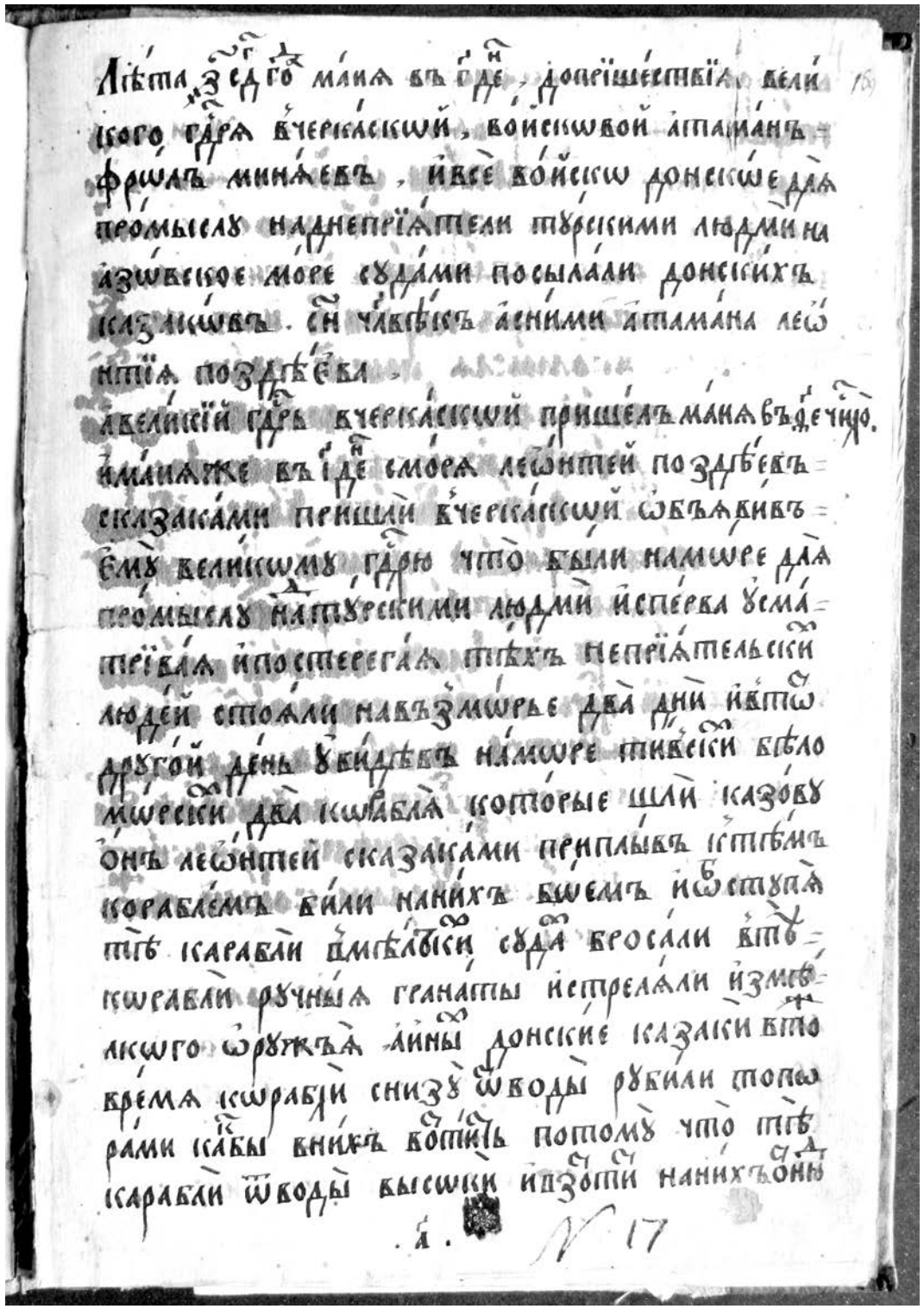
[44] ОР БАН. Основное собр. № 17.8.9. Л. 6, 22 об.

[45] Там же. Л. 4–6.

[46] *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908. С. 535.

[47] Пример подобного письма от 2 августа 1696 г. с неверной датой капитуляции Азова см.: Грамотки XVII – начала XVIII века / Сост. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; ред. С.И. Коткова. М., 1969. № 47. С. 37–38

[48] ПиБ. / Ред. А.Ф. Бычкова. Т. 2. СПб., 1889. №№ 534, 524. С. 162–163; № 536. С. 173.



Илл. 5. Первая страница рукописного сборника начала XVIII в., принадлежавшего семье М.И. Родостамова, с началом текста письма от 2 июня 1696 г. (ОР БАН).

– предшествующим днем[49]. Примечательно, что аналогичные данные приведены в другом варианте «росписи взятому», которую царь приложил к вышеупомянутому письму Ф.М. Апраксину, хотя в самом письме указал большее количество пушек на шняве[50].

До сих пор остается открытым вопрос о конкретной роли Петра I в захвате двух шведских судов, причастность к которому стала поводом для награждения его (и А.Д. Меншикова) орденом Святого Андрея Первозванного. Как показал П.А. Кротов, в воспоминаниях целого ряда других участников этой операции о нахождении среди них царя не упоминается, зато в качестве командира солдатских отрядов на лодках неизменно фигурирует подполковник Н.А. Нейтгард (Нейтерт)[51]. И наоборот, поручик А.Д. Меншиков недвусмысленно писал сестрам Арсеньевым 10 мая 1703 г.: «…против 7 числа господин капитан изволил ходить на море, и я при нем был же, и возвратились не без счастья: два корабля неприятельские с знамены, и с пушки, и со всякими припасы взяли…»[52]. В походном дневнике бомбардирской роты Преображенского полка за 1703 г. скупо сообщается, что 6 мая «капитан и наши полки в мелких судах пошли на взморье, и иные низовых полков», а затем «против 7 числа в полночь, пошли лодки к шведским судам и был бой…»[53]. Следует иметь в виду: автор процитированных строк тоже служил под началом капитана Петра Михайлова и, возможно, вместе с ним атаковал «Астрильд» и «Гедан». Гораздо подробнее героические действия «капитана от бомбардиров» и А.Д. Меншикова описаны задним числом в официозной «Гистории Свейской войны»[54]. Пожалуй, наиболее точно вклад царя в эту победу охарактеризовал барон Г. Гюйссен в работе, являвшейся первой версией вышеупомянутого труда: «…в то время господин капитан от бомбардир, Его царское величество, разпорядя свои суда, послал их для нападения на неприятеля (при том и сам своею высокою особою был)»[55]. То есть был, но не командовал операцией непосредственно. Вряд ли есть основания для подозрения монарха в присвоении чужих заслуг, впрочем, и «небываемое» бывает…

Временная переориентация внешнеполитического курса России с Черного моря на Балтийское в 1700 г., крах «Азовского проекта» в 1711 г.[56] и достигнутые в Северной войне успехи отодвинули на задний план первые военные опыты царя на Юге. У Петра больше не было необходимости пропагандировать свою победу над османской флотилией, поскольку это направление внешней политики на фоне

[49] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1703 г. Д. 5. Л. 7–8 // Электронная выставка архивных документов «Красуйся, град Петров: Петербург – место памяти о Петре I». URL: https://spbarchives.ru/1716 (дата обращения: 1 июля 2022 г.). Вопреки утверждению П.А. Кротова, в документе не сообщается, что он был составлен в Шлотбурге 15 мая. Лист архивного дела, на который при этом ссылается историк, является частью уже другого, следующего за описью трофеев и совершенно не связанного с ней документа – чернового отпуска указа генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву из Новгородского приказа об обеспечении поденным кормом содержащихся в Пскове пленных турок и татар. Этот указ, как и другие подобные образцы приказного делопроизводства, написан от имени царя и по причине его отсутствия в Москве заканчивается стандартной формулировкой: «Писан в нашем великого государя походе в Шлотенбурге лета 1703-го майя в 15 день». Согласно букве данного указа, отписку о его исполнении Б.П. Шереметеву следовало подать «в Новгороцком приказе боярину нашему Феодору Алексеевичю Головину с товарыщи». Процитированную фразу П.А. Кротов тоже ошибочно связал с описью шведских трофеев (Там же. Л. 10 об.–11; *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года. СПб., 2011. С. 171–172).

[50] ПиБ. Т. 2. № 524. С. 164

[51] *Кротов П.А.* Морской бой 7 мая 1703 года... С. 153–155.

[52] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1863. Прилож. II. № 191. С. 276.

[53] Там же. Прилож. V. С. 513–514.

[54] Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова; ред. А.А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 104–105, 232.

[55] *[Гюйссен Г.]* Журнал государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизеном: Половина первая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго / Изд. Ф.О. Туманский. Ч. 3. СПб., 1787. С. 339.

[56] См.: *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в. // Петр Великий: исследования и открытия: К 350-летию со дня рождения: Материалы (Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России», Москва, 17–19 мая 2022 г.). М., 2022. С. 14–18.

завоеваний на Балтике потеряло для него актуальность и теперь диссонировало с новыми приоритетными задачами, стоявшими перед Россией. Поэтому следы этой скромной и быстротечной пропагандисткой кампании остались лишь в устаревшей историографии XVIII–XIX вв.

Приложение.

Отписка генерала П. Гордона воеводе Большого полка боярину А.С. Шеину
Около 23 мая 1696 г.[57]

Господину Большаго полку боярину и воеводе Алексею Семеновичю Петр Гордон челом бью.

В нынешнем в 204-м[58] году майя в 21 день писал ты, господине, ко мне ис Черкаского о всяких вестех, и для чего в том числе в Сергиеве городе была стрельба. И майя в 21 день донские атаманы и козаки, быв на море, розбили турецкие суды со всякими запасы[59], и с их животы, и с полковыми припасы, и взяли живьем турчан дватцать семь человек – и для того в Сергиеве была стрельба. А капитан[60] нынешняго майя 22-го числа с усть реки Каланчи в мелких судах пошел к Сергиеву городу. А я, господине, ныне с тремя полки стою в усть реки Коланчи на взморье.

Да майя в 19 день пришел, господине, я под Азов, и проехав Коланчи, на Коланчинском острове стрелке городок построил, и ратных людей два полка в нем посажены. И мост, господине, через Дон-реку делать почели, только моя посылка на взморье помешала.

На конверте (л. 114 об.) указан адресат и стоит отметка о получении:
Господину Большаго полку боярину и воеводе Алексею Семеновичю.

204-го майя в 24 день подал сию отписку генерала Петра Ивановича Гордона денщик Архипко Гребенкин.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1638. Л. 114. Подлинник.

[57] Датировано по содержанию. В дневнике П. Гордона отправка им отписки А.С. Шеину в дни с 22 по 24 мая не зафиксирована (см.: *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. С. 29–30).

[58] 1696 г. Здесь и далее в документе цифирь кириллическая.

[59] Слово вписано над строкой.

[60] То есть царь.

М.В. Николаева

УЧАСТИЕ МОСКОВСКИХ КАМЕННЫХ ДЕЛ ПОДМАСТЕРЬЕВ, КАМЕНЩИКОВ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ПОДРЯДЧИКОВ В СОЗДАНИИ ПО УКАЗУ ПЕТРА I КРЕПОСТИ «У ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКОГО НА МАЛОЙ ДВИНКЕ РЕЧКЕ»*

Введение

История «ситадели», построенной по указу Петра I «у города Архангельского на Малой Двинке реке» (в лексике документов начала XVIII в.) или Архангельской Новодвинской крепости (по современной номенклатуре) неоднократно освещалась в историографии XIX-XXI вв.

Ее военно-стратегическому и экономическому значению для России, инженерно-техническим особенностям, ряду других вопросов уделено немалое внимание в трудах дореволюционных исследователей (например, Василия Максимовича Верюжского[1]), значительный вклад в изучение строительной истории крепости внесли Санкт-Петербургские ученые[2], но наиболее подробно значимые сюжеты и ключевых события первых лет XVIII столетия разработаны на базе широкого круга архивных источников, хранящихся в фондах РГАДА (Приказные дела старых лет, Приказные дела новых лет, Разряды Госархива, Сенат и др.), РГВИА, в Архиве Архангельской области, в статьях[3] и недавно вышедшей в печати монографии И.М. Гостева[4].

Несмотря на широкий охват тем, связанных с Новодвинской крепостью, участие

[1] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908.

[2] *Беспятых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2010; Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Подгот. Ю.Н. Беспятых, В.В. Брызгалов, П.А. Кротов. Архангельск, 1993 и др.

[3] *Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Запада России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. СПБ. 2007. С. 33–59; *Гостев И.М.* Бранденбургский инженер Георг Эрнст Резе // Оборонительные сооружения Европы и Восточной Пруссии: Изучение, вопросы консервации, реставрации и возможности использования. 22–23 октября 2010 г. Сборник материалов Второй всероссийской конференции по истории фортификации в рамках шестой международной конференции. Калининград, 2011. С. 25–36; *Гостев И.М.* Участие двинян в строительстве Архангельской Новодвинской крепости // Беломорские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 15–16 апреля 2015 года, г. Архангельск – пос. Уемский. Архангельск, 2015. Вып. I. С. 45–60; *Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость – первая каменная бастионная приморская крепость в России // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов международной научной конференции. Волгоград, 2020. С. 203–218 и др.

[4] *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске. События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022.

* Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Института теории и истории изобразительных искуств Российской академии художеств на 2022 год.

московских каменных дел мастеров, записных каменщиков Приказа Большого дворца, а также строительных подрядчиков, в создании крепости в первые годы XVIII в., не получили освящения в научной литературе.

Указ 1700 г. о строительстве Новодвинской крепости

Говоря о масштабной фортификационной инициативе царя Петра Алексеевича, связанной с русским севером, нельзя не упомянуть вначале именной указ от 17 декабря 1700 г. о строительстве «у Архангельского города на Малой Двинке речке для обережения от приходу неприятельских людей» каменной крепости «вновь» на тысячу человек[5].

Воплощать указ в жизнь на этом этапе, т.е. «изготовить» каменных и иных всяких припасов, «чтоб того всего на то строение было доволно», а затем – «тое крепость строить», было поручено посадским и «иных чинов градцким людям» Архангельска и Холмогор, а также жителям дворцовых волостей, архиепископским и монастырским крестьянам Двинского уезда[6].

О раскладке поставок работных людей и припасов на города

В связи с упомянутым указом Петра I, в январе 1701 г. Дмитрий Звягин, Иван Самочерног и Семен Банев от имени посадских людей и уездных крестьян Двинского уезда («вместо всех двинян») подали челобитную, в которой писали, что «город Архангелъской, и Колмогорские посадишка, и Двинской уезд – местишко самое малое, дворового числа по переписным книгам 186-го [1678/79] гг. на Двине, в посадех и в уезде» 4300 дворов[7].

Далее челобитчики указывали, что «в прежние года», при царе Алексее Михайловиче каменные гостиные дворы строились в Архангельске не только двинянами, но «и иными верховскими городми, присыльными деньгами», упоминали также многие «тягости», которые на них лежат, о четырех прошлых «гладных» годах и просили «за малость вытного и дворового числа» дать им «в подмогу иные городы».

В ответ 28 января 1701 г. последовал указ, распространивший мобилизацию работных людей и обязанность заготовки припасов к строительству крепости еще на 4 города: Каргороль (в 1678/79 и 1679/80 гг. – 7323 двора), Чаронду (2672), Кевролу и Мезень.

Забегая вперед, скажем, что 28 октября 1701 г. к строительству новозачатой крепости были подключены: Вага, Великий Устюг, Соль Вычегодская, Тотьма и Вятка, т.е. в сумме крепость теперь строилась «осмью городами» [8].

О работных людях и квалифицированных рабочей силе

В 1701 г. строительные работы на острове Линский Прилук были начаты из-за суровой северной зимы только 2 мая[9].

Если обратить внимание на состав участников крепостного строительства в 1701 г., то с 1 мая «учали работать – лес разчищать и место ровнять» – двиняне, посадские люди и уездные крестьяне, а также «иных городов приезжие вольные

[5] Место для крепости было выбрано между Архангельском и Белым морем на одном из островов дельты реки Северной Двины, примерно в 20 верстах от города на Березовском устье или Малой Двинке; узкая протока шириной до 300 м могла быть легко перекрыта боновым заграждением («цепью») (*Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость – первая каменная бастионная приморская крепость в России. С. 205).

[6] Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 4.

[7] 4023 двора в 1702 г. (Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 13).

[8] РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д. 11. Л. 1, 2об., 4, 5; Тревожные годы Архангельска. 1700-1721. № 13.

[9] РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д . 11. Л. 16.

люди», численность которых ежедневно достигала 1000, 1300 и 1800 человек[10]. Хотя И.М. Гостев указывал, что эти цифры характеризуют строительный процесс на ряде объектов острова, непосредственно же на возведении цитадели в 1701 и 1702 гг. трудилось около 400 человек[11].

По сведениям, которые сообщал иноземец Бранденбургской земли (прусский) инженер Георг Эрнст Резе или Резен, который прибыл из Москвы на Двину 18 апреля 1701 г.[12], на строительстве четырех батарей Двинской крепости в июне 1701 г. выходило ежедневно по 500, 700, 1000 и по 1800 человек[13].

Очевидно, что приведенные данные касались работных людей, которых поставляли приписные к строительству крепости города и с которых брали из расчета по одному человеку с 5 дворов; работники являлись со своими снастями – заступами, кирками и железными лопатами[14].

Помимо работных людей для создания крепости требовалась квалифицированная рабочая сила. И в первую очередь это касалось приписных к строительству крепости городов: под мобилизацию в Архангельск подпадали все каменных дел подмастерья и каменщики; в год эта цифра колебалась от 200 до 300 человек[15]. Особые требования в отношении мастеров выдвигал саксонский инженер Яган Адлер (Johann Gottfrid Endler), прибывший в сопровождении переводчика Родиона Корета на Малую Двину к началу строительного сезону 1701 г. – в начале марта – «для четежа и описи того места»[16], где делать цитадель «немедленно из готовых припасов, которые ныне на Двине в готовности есть налицо», ставил, предваряя начало фортификационных работ, примечательное условие. В «своеручном» письме в Новгородский приказ в Москве, который курировал весь процесс строительства на Двине, он указывал: «как каменной фундамент у шанца[17] уставит, и для того надобно ему каменщика и плотника доброго, которые б немецкому делу были довольны»[18].

Показать порядок привлечения к строительным работам московских специалистов, представить масштабы и характер их участия в работах в Архангельске в первые годы XVIII в. позволяют материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Участие каменных дел подмастерья Алексея Лукина и московских каменщиков в строительстве крепости в 1701 г.

Первые сведения о московских мастерах строительного дела в связи с Архангельским фортификационным проектом встречаются в грамоте из Новгородского приказа на Двину от 4 апреля 1701 г., в ней говорилось, что по указу царя Петра Алексеевича к строению новой крепости отправлены каменных дел подмастерья Приказа Большого дворца Алексей Лукин и 23 московских записных каменщика (в их числе Дмитрий Крупенников, Григорий Ковалев и др.) и выплате им годовых окладов на 1701 г.: Лукину 15 рублей, каменщикам – по 5 рублей. Поденные кормовые на период, «покамест» они у строительства новой крепости будут, т.е.

[10] Там же. Д. 271. Л. 2–2об.

[11] *Гостев И.М.* Участие двинян в строительстве Архангельской Новодвинской крепости. С. 47.

[12] *Гостев И.М.* Бранденбургский инженер Георг Эрнст Резе. С. 30.

[13] РГАДА. 1701 г. Д. 51. Л. 7, 18; Д. 271. Л. 5.

[14] *Гостев И.М.* Участие двинян в строительстве Архангельской Новодвинской крепости. С. 48.

[15] *Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость – первая каменная бастионная приморская крепость в России. С. 209–210.

[16] Первый приезд И. Адлера «к Архангелскому городу, где быть новой крепости», состоялся в январе 1701 г. (*Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость. С. 35).

[17] Здесь: полевые укрепления для пехоты (*Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость – первая каменная бастионная приморская крепость в России. С. 206).

[18] РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д. 51. Л. 3–5.

с 1 апреля по 1 октября 1701 г., были определены Лукину в размере 10 денег на день, каменщикам по 8 денег.

Всю причитавшуюся им на 1701 г. денежную сумму (оклады и кормовые) – 302 рубля 17 алтын – велено было выплатить на Москве из Ратуши (выплачены из Новгородского приказа).

К сожалению, рассматриваемый документ обрывается на словах «а кому имяны тем каменщиком», очевидно, далее – должны быть выплачены оклады и кормовые, приложенная же к нему именная роспись утрачена, поэтому именной состав московских мастеров каменного дела, прибывших на Двину, неизвестен[19].

В связи с определенным им в Новгородском приказе жалованьем Лукин с «товарищами» подали челобитную, в которой жаловались на то, что оно, «не против их окладов» в Приказе Большого дворца, а с «убавкою»: Алексей Лукин ранее (по 1700 г.) имел 25 рублей в год, а не 15, записные каменщики – 5 рублей 26 алтын 4 деньги, а не 5 рублей[20]. Мастера далее сетовали: «А которые их братья для таких дел преж сего посыланы и ныне посланы в Великий Новгород, государева жалованья дано им сполна» и просили добавить им выплаты «против прежних их окладов сполна»[21].

По запросу Новгородского приказа Приказ Большого дворца составил выпись, из которой следовало, что изменения в оплате мастеров связаны с нововведением: при отправке подмастерьев и каменщиков для «государских каменных дел в которые городы» от других приказов, кроме Приказа Большого дворца, именно они определяли сумму и выплачивали оклады и кормовые[22].

Строительный сезон 1701 г., как сообщал в отписке в Новгородский приказ Двинский и Архангельский воевода боярин князь Алексей Петрович Прозоровский, на которого было возложено на начальном этапе общее руководство организацией строительства Двинской крепости[23], завершился уже 26 сентября 1701 г.: «пришло время осеннее – студь и ненастья – <…> и той крепости каменное дело <…> делать невозможно»[24].

Итоги строительного сезона 1701 г.

Представить в самом общем виде основные итоги строительных работ, произведенных на острове Линский Прилук весной-осенью 1701 г. (т.е. за 6 месяцев) при участии московских мастеров строительного дела позволяют дополняющие друг друга письменные и графические документы, а именно отписка воеводы Алексея Прозоровского от 27 декабря 1701 г. [25] и доношение Георга Резе в Новгородский приказ, а также чертеж Новодвинской крепости, который был прислан также в Новгородский приказ. Надпись на обратной стороне листа гласит: «Таков чертеж прислан с отпискою декабря в 29 день 1701-го году»[26] (Ил. 1).

[19] РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д. 80. Л. 1. Дело, состоящее из двух листов, было опубликовано в 1993 г. без указания на то, что Л. 2 не является продолжением Л. 1, а имеет совершенно другое содержание (см. Тревожные годы Архангельска. 1700-1721. С. 183–184).

[20] 18 февраля 1700 г. Каменный приказ, его дела, а также каменных дел подмастерья и записные каменщики поступили в ведение Приказа Большого дворца (*Богословский М.М.* Административные преобразования Петра // Известия Академии наук СССР. VII серия, Отд. гуманитарных наук. 1929. № 2. С. 99, 109). При этом многие каменных дел мастера были «по разбору отставлены», а сохранившим свои позиции оклады «учинены вновь», подмастерья и каменщики, отправленные в «Троецкой» и Великий Новгород, сохранили прежние оклады, а поденный корм, работая в Москве («бывали у дел»), получали соответственно по 10 и по 8 денег.

[21] РГАДА. Ф. 141.1701 г. Д. 51. Л. 20–21.

[22] Там же. 1703 г. Д. 46. Л. 1об.–2об.

[23] Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 4.

[24] РГАДА. Ф. 141. Д. 252. Л. 1.

[25] Там же. 1701 г. Д. 271. Л. 1об.–2.

[26] Там же. Оп. 9. № 7 (выделен из: Ф. 141. Оп. 1. Д. 283).

Отметим, что чертеж содержит многочисленные надписи, в одной из которых указано, что три башни крепости и четыре городовых стенах будут толщиной «по прежнему чертежу инженера Егора Резена».

Вероятно, это упоминание имеет отношение к недатированному чертежу с надписями на немецком языке и их переводом на русский: «План и профиль крепости, которая по указу его царского величества Петра Алексеевича на реке Новой Двинке меж городом Архангельским и Белым морем заложена в лето 1701 майя в 1 день. Начертанна инженером Георгием Эрнестом Резом» [27]. (Ил. 2)

В РГАДА хранится еще один чертеж Новодвинской крепости со сходной надписью на немецком языке, который датирован 12 мая 1701 г. [28] Из отписки Алексея Прозоровского от 12 июня 1701 г. следует, что 17 мая 1701 г. он отправил в Москву с нарочным посыльщиком двинским солдатом Василием Кузьминым чертеж «тому месту, где быть крепости», составленный («учиненный») инженером Егором Резе; далее Прозоровский указывал, что «на том месте рвы выкопаны и сваи добивают, также камень бутовой в судах возят непрестанно и почнут бутить в скорых числех»[29]. (Ил. 3)

Рассматривая именно этот чертеж, И.М. Гостев отмечал, что размеры изображенной там крепости, ее профили и даже местонахождение существенно отличались от рвов, в которые уже начали к этому времени забивать сваи под фундамент крепости. В связи с этим, а также рядом других обстоятельств (в частности, отправка чертежа в Москву в сопровождении лишь одного солдата, что допускало возможность его перехвата врагом) И.М. Гостев высказал конспирологическую версию относительно назначения документа, а именно – дезинформировать шведов[30].

К середине июля 1701 г., говорилось в донесении боярского сына Ивана Стафурова, стена первой башни от Двины набучена бутовым камнем в два и три ряда и вбиты сваи; из стены выведено в Двину три каменных трубы, четвертая строится, по другим стенам начато битье свай и т.д.[31]

Возвращаясь к чертежу Новодвинской крепости, который был представлен в Новгородский приказ 29 декабря 1701 г. («той крепости подлинной чертеж»), отметим, что его авторство неизвестно. Единственное, что можно утверждать – это он нарисован человеком незнакомым с основами геометрии – наукой без которой подготовка военного инженера была невозможна. Стилистика рисунка более всего соответствует традициям более ранних чертежей, и это дает нам основание предположить, что он был составлен кем-то из архангелогородских приказных дьяков по поручению воеводы. Надо отметить, что перед тем, как его отправить чертеж в столицу, его отредактировали. На листе чертежа видно, что есть исправленные места, вероятно закрашенные, на которых были, скорее всего схематически изображены береговые батареи, упоминания о которых в отписке А.П. Прозоровского отсутствует[32].

Этот чертеж зафиксировал будущую крепость в виде квадрата с четырьмя бастионами, и показал башни (бастионы) и стены (куртины) на трех разных строительных этапах, что обозначено цветом. (Ил. 4)

А именно, светло-желтым выделены: 1-я наличная башня («от Малой Двинке

[27] Там же. Ф. 192. Оп. 1. Архангелогородская губерния. Д. 21. Л. 1.

[28] Там же. Д. 21. Л. 4. И.М. Гостев писал, что на сегодняшний день обнаружено, по меньшей мере, 8 чертежей Георга Резе – собственноручных или скопированных с указанием его авторства (*Гостев И.М.* Бранденбургский инженер Георг Эрнст Резе. С. 36).

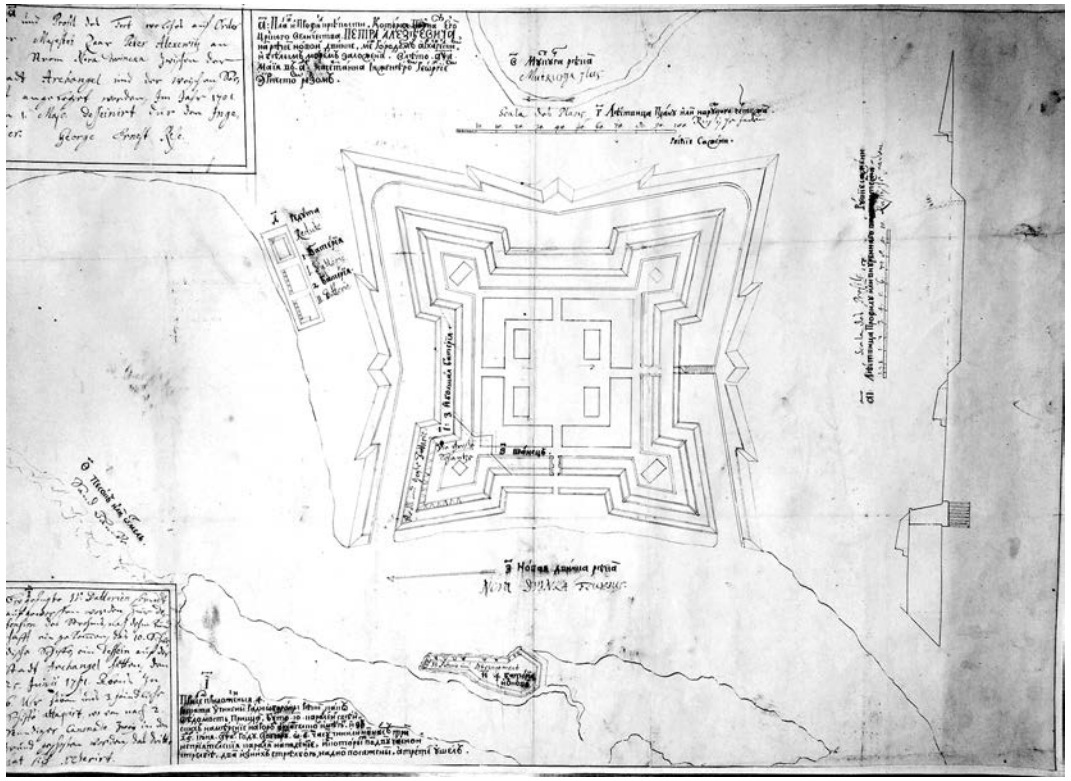
[29] РГАДА. Ф. 141. 1701 г. Д. 146. Л. 1–1об.

[30] *Гостев И.М.* Бранденбургский инженер Георг Эрнст Резе. С. 30–31.

[31] Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 47.

[32] Благодарю И.М. Гостева за консультации и уточнения авторства рассматриваемого здесь чертежа.

Ил. 1. Надпись на чертеже Новодвинской крепости: «Таков чертеж прислан с отпискою декабря в 29 день 1701-го году». РГАДА. Ф. 141. Оп. 9. № 7 (выделен из: Ф. 141. Оп. 1. Д. 283. Л. 1 об.).

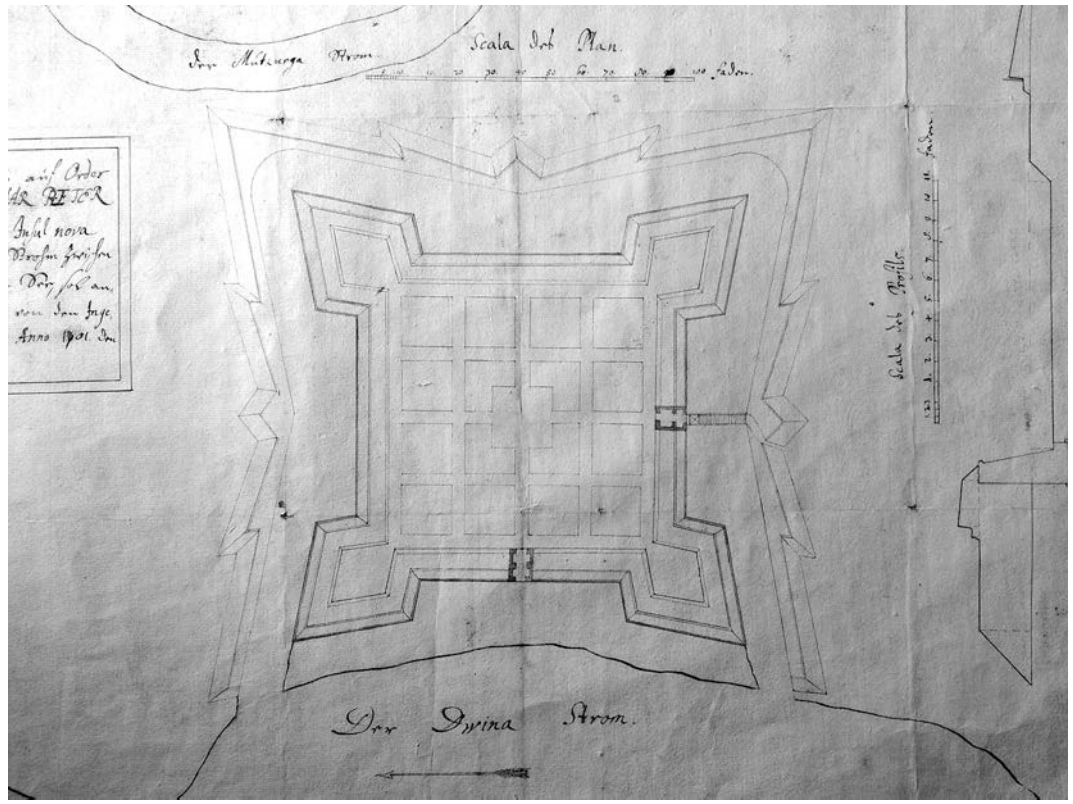


Ил. 2. План и профиль крепоси на реке Новой Двинке у города Архангельского. 1701 г. РГАДА. Ф.192. Оп. 1 Архангелогородская губерния. Д.21. Л.1.

речке с нижную морскую сторону»), у которой угол поднят над землей (и выложен белым тесаным камнем) на высоту 1 м 25 см (1 и ¾ аршина), а башенные стены от угла «по обем сторонам» – на 89 см (1 и ¼ аршина). Из надписи на плане следует, что стены 1-ой башни делали в «толщину» в 6 метров 40 см (3-х саженей), остальные башни, а также стены должны были в основании быть такого же размером.

Внутри 1-й башни показаны «Палатка пороховая», «Батареи и шанцы».

Половина примыкавшего к башне прясла северной стены (с морской стороны), также выделенная светло-желтым цветом, была «обрезана [белым] каменем» (в отписке Прозоровского – «выведена в высоту на поларшина», 36 см).



Ил. 3. План крепости на реке Новой Двине у города Архангельского. 12 мая 1701 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Архангелогородская губерния. Д. 21. Л. 4.

Рыже-коричневым обозначены: 2-я башня или бастион («с нижную морскую сторону от лесу и от речки Муткурьи») и примыкавшие к ней половина северного прясла стены (с морской стороны) и половина восточного прясла (от речки Муткурьи); а также западное (к Малой Двинке) прясло и 4-я башня. Все они были выбучены под обрез.

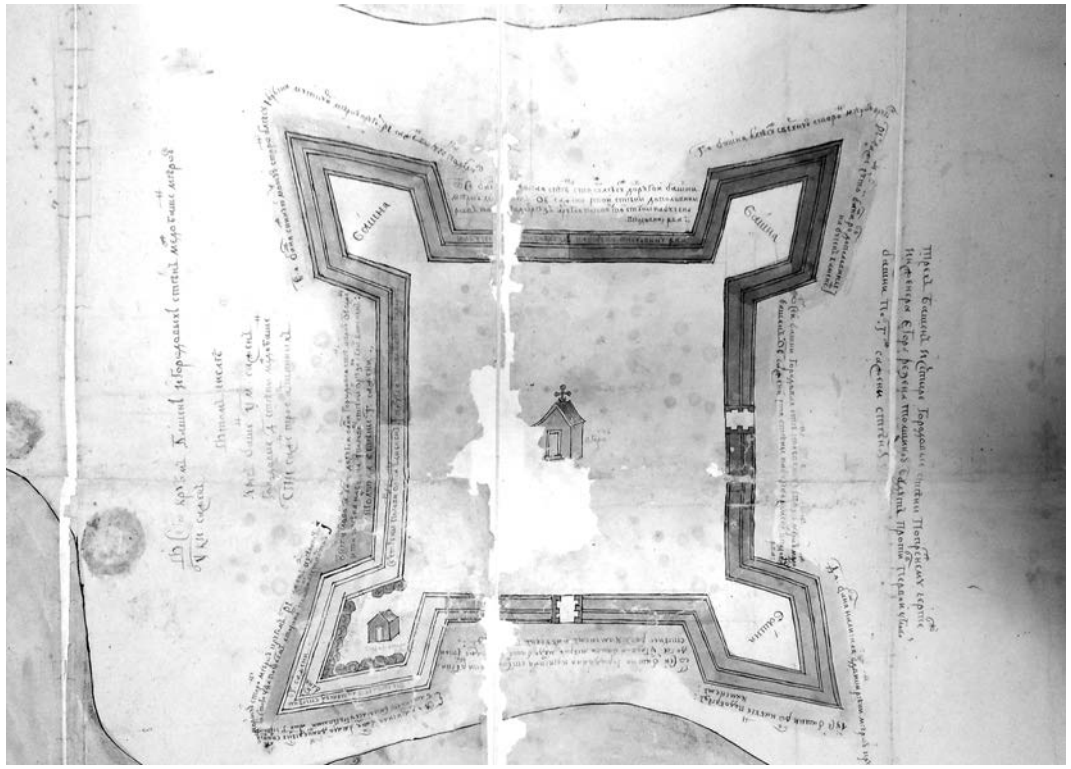
Коричневым изображены: 3-я башня, южное прясло стены и половина восточного прясла, примыкавшего к 3-й башне (от речки Муткурьи). Про них в надписях на чертеже сказано: рвы набучены камнем до половины, «до земли не выведено с аршин».

В надписях на чертеже даны размеры стен и башен по периметру. Каждая из четырех башен была «мерою кругом» 110 саженей, городовые стены между башнями – по 102 сажени.

«Всего кругом башен и городовых стен между башен» 729 (!) сажени, в том числе 440 саженей вокруг башен, что соответствует сумме размеров, приведенных для каждой из 4-х башен, а вот со стенами иная картина – сумма четырех стен в 102 сажени не дает цифру 288[33].

К этому можно добавить описание крепости в недатированном и без начала донесении в Новгородский приказ за личной подписью Георга Резена, в котором

[33] По утверждению И.М. Гостева по своим архитектурным и инженерным решениям Новодвинская крепость вобрала в себя все лучшее из немецкой, французской, итальянской и голландской инженерных школ (*Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость. С. 40, 45–46).



Ил. 4. Чертеж Новодвинской крепости. 1701 г. РГАДА. Ф. 141. Оп. 9. № 7 (выделен из: Ф. 141. Оп. 1. Д. 283).

сказано: «<…> белым каменем сверх земли на пол-аршина, а четвертая де башня, которая вниз к лесу – ров выбучен, а до земли не выведено с аршин, а меж тех башен три стены изо рвов сверх земли вышли, первая стена, которая стоит ко Взморью, в вышину на пол-аршина, другая стена, которая к Новой Двинке, выбучена ровно з землею, третья стена, которая к Архангельскому городу - четверть стены выбучена з землею ровно, а три де чети той стены выбучено, а з землею ровно не вышло на аршин, а четвертая стена, которая к лесу, половина той стены вышла з землею ровно, а другая половина той стены <…> на аршин, а основанием де та новая крепость – стены и башни — толщиною поперег в три сажени, а как стены выйдут выше земли, и те де стены будут толщиною поперег в пять аршин [3,55 м], а от тех де стен перемычки будут по четыре аршина перемычка, а вышиною де та крепость кругом и башни будут в полтретьи сажени [5,35 м], а что де башням длина и ширина, и то написано в чертеже имянно <…>». На Л. 1 об. подпись: George Ernest Rese, Ingenieur (Георг Эрнест Резе, инженер)[34].

Крепость, которой в 1701 г. был заложен фундамент стен и четырех бастионов, а на Флажном бастионе - «башня поднята белым камнем по пояс», велено было «доделать и довершить совсем наготово будущею весною 1702 году безо всякого мотчания, чтоб та крепость конечно состроить к приходу из-за моря ранних торговых кораблей»[35].

[34] РГАДА. Ф. 141. 1701. Д. 51. Л. 1–2.

[35] Там же. Д . 11. Л. 5; Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 13.

Участие каменных дел подмастерья Алексея Лукина и московских каменщиков в строительстве крепости в 1702-1703 гг.

Продолжая историю об участии московских каменных дел мастеров в строительстве крепости на Новой Двинке, обратимся к выписе в Новгородском приказе, из которой известно, что в 1702 г. Алексей Лукин и 23 каменщика Приказа Большого дворца были вновь отправлены из Москвы в Архангельск, однако ситуация с жалованьем и поденными существенно изменилась в их пользу: «за их работу и за службу, что они в приход свейских воинских людей[36] были в своем мастерстве и во всяком опасении прилежны и осторожны», велено было теперь давать им оклады прежние»: Лукину – 25 рублей, а не 15, каменщикам 5 рублей 26 алтын 4 деньги, а не 5 рублей, кормовые – также «с прибавкою»: Лукину по 2 алтына (вместо 10 денег), каменщикам по 10 денег (вместо 8) на день. В итоге известно, что мастера получили оклады «сполна», и кормовые за период с 1 марта по 1 июня в Москве; кормовые же с 1 июня по 1 ноября им выданы на Двине из двинских таможенных и кабацких доходов.

В связи с указом об очередной отправке «зимним путем» в Архангельск к городовому каменному строению Алексея Лукина и записных каменщиков – Варфоломея Иванова с «товарищами», 23 человека, с предписанием быть там «неотступно», в феврале 1703 г, они подали челобитную, в которой сетовали на то, что годовое жалованье и кормовые на текущий год им не выданы и просили выплатить причитавшиеся им деньги на 1703 г., «чем бы им было з женами и з детьми прокормитца», против прошлого 1702 г.

И 20 февраля 1703 г. велено было выдать им оклады против 1702 г. т.е. как в Приказе Большого дворца, и кормовые на 3 месяца.

В Москве в Новгородском приказе мастерам выдали половину годового оклада, но стольнику и воеводе Василию Андреевичу Ржевскому, сменившего 2 февраля 1702 г. А.П. Прозоровского, велено эти деньги вернуть в приказ «из мирских зборных денег из общаго мешка, которые деньги збираны к строению к новой крепости», а оставшуюся половину оклада и кормовые выдавать с 1 марта 1703 г. на месте из тех же сумм.

Для сравнения приведем данные из донесения упоминавшегося уже Ивана Стафурова о том, что по ходу строительства крепости на Малой Двинке, каменщикам и работникам, так называемым «возрастным людем» платили «от свайного бою, и от каменной носки, и от земляной копки» поденно, как и Лукину, по 10 денег на день, а работникам, которые «изо рву воду льют, и глину, и камень в бут носят» – «малым робятам» – по 6 денег на день[37].

В Архиве древних актов в фонде Юстиц-коллегии сохранилась подрядная, которая на примере Великого Устюга демонстрирует в самых общих чертах механизм привлечения мастеров каменного дела из Центральной России к работам по строительству крепости на Малой Двинке. 22 февраля 1703 г. выборные посадских людей и уездных крестьян Великого Устюга Сергей Протодьяконов с «товарищами» заключили в Москве договор с крестьянами Костромского уезд – Гаврилой Козьминым из дворцового села Красного и Родионом Федоровым сыном Ворониным из деревни Пустошки села Святого, владение Ипатьевского монастыря, с обязательством быть вместе с 73 каменщиками, крестьянами и иных чинов людьми разных монастырей, помещиков и вотчинников, разных уездов, сел и деревень у городового каменного дела на реке Малой Двинке у города Архангельска с 1 апреля по 1 октября 1703 г.[38]

[36] Речь идет об отражении шведской эскадры из семи кораблей, предпринявшей в июне 1701 г. попытку захвата Архангельска.

[37] РГАДА. Ф. 141. 1703 г. Д. 46. Л. 1об.–4; Тревожные годы Архангельска. 1700-1721. № 47.

[38] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1032. Л. 602об.– 603.

О поставках стройматериалов и строительных подрядчиках

В упоминавшемся уже указе царя Петра I от 17 декабря 1700 г. о заготовке к строительству крепости на Малой Двинке речке у города Архангельского стройматериалов говорилось, что 900 тысяч штук кирпичей, одну тысячу саженей белого камня, 5 тысяч бочек извести, одну тысячу аршинного и трехчетвертного камня, глину, песок, и «и иные всякие припасы, сметя против кирпичю и камени», должны были поставить жители Архангельска и Холмогор, а также крестьяне Двинского уезда, причем в объемах, чтобы «на то строение было доволно»[39].

31 января 1701 г. Прозоровский в докладе Петру I представил роспись каменным припасам, которые были переписаны и отписаны на государя: у архиепископа Афанасия (580 тесаных ступенных камней, 302 мостовых, 50 тысяч штук кирпичей, 300 бочек извести), в двинских монастырях – Сийском, Спасском Козеручевском, Пертоминском Преображенском и др.; у церквей Архангельска и Двинского уезда, у посадских людей и иноземцев города Архангельска. Количество собранного кирпича и белого камня было сопоставимо объявленным в именном указе[40]. При этом очевидно, что неоценимую помощь в этом деле оказал архиепископ Холмогорский и Важский Афанасия[41].

В рамках статьи не ставилась задача подробно представить порядок заготовки стройматериалов к возводившейся крепости, хотелось бы лишь упомянуть об участии инженера Георга Резе в решении, помимо фортификационных задач, еще и хозяйственных, что следует из его в доношения в Новгородский приказ в конце декабря 1701 г.: «к тому строению к предбудущей весне к совершенству каких припасов чего надобно, тому подал он в Новгородцком приказе к отпуску своему роспись своей руки». Сведениями же о том, «сколько в то строение каменных и иных припасов» было израсходовано в 1701 г., уточнял Резе, располагают мирские целовальники, «которые у того строения с миру выбраны были»[42].

Документальный комплекс, отложившийся в упоминавшемся уже фонде Юстиц-коллегии РГАДА, в записных подрядных книгах, приоткрывает схему реализации обязательств, возложенных на города по поставке стройматериалов к Новодвинской крепости, на примере Вятки.

Как известно, Вятка состояла в числе «осьми» городов, на которые указом 1701 г. было возложено строительство новозачатой крепости на Малой Двинке речке. В 1703 г. «городовое строение» разложили «посаженно», таким образом, на вятчан – посадских людей и уездных крестьян, а также на татар, «бесермян и отюков» Каринской волости – пришлось по данным переписных книг 1678/79 г. отдельно от иных городов 200,5 саженей с получетвертью. По раскладке им полагалось поставить «зимним временем сполна» следующие припасы: 48735 штук тесаных камней, 983 сажени бутового камня, 5105 бочек извести, 330730 штук кирпичей; а также связное железо. Нанимать каменщиков, кирпичников и работных людей велено было жителям «осми городов»[43] на свои деньги[44].

29 января 1703 г. вятские земские старосты Федор Злыгостев и Сила Буторин,

[39] Тревожные годы Архангельска. 1700-1721. № 13.

[40] Там же. № 14.

[41] *Гостев И.М.* Архангельская Новодвинская крепость. С. 36.

[42] РГАДА. Ф. 141. Д. 51. Л. 2.

[43] двинянам, устюжанам, вятчанам, чарондцам, тотьмянам, Соли Вычегодской, кеврольцам и мезенцам и Устьянских волостей – посадских, уездных, дворцовых, архиерейских, монастырских крестьян и «всяких чинов людей» (РГАДА. Ф. 141. 1703 г. Д. 122. Л. 1об.–2.

[44] РГАДА. Ф. 141. 1703. Д. 79. Л. 1-2. Из отписки вятских земских дел бурмистров Ивана Глухих с «товарищами» следует, что вятчане в 1703 г. поставили также 996 работных людей, 45 каменщиков, от архиепископа Вятского и Великопермского Дионисия, из вятских монастырей и пустыней работных людей (151 человек) и 6 кирпичников; всего 1198 человек (РГАДА. Ф. 141. 1703 г. Д. 122. Л. 1об.–2.

выборные люди Андрей Глухих, Константин Протасьев и мирские людей подрядили в Московской крепостной конторе Алексея Алексеева (сына каменных дел подмастерья Приказа Большого дворца Алексея Лукина, который в 1701–1703 гг. был на строительстве крепости), а также двух крестьян из Ярославского уезда – Никиту Сергеева из деревни Яхробол, стольника А.М. Головина, и Парфена Петрова из деревни Симоново, стольника Лукьяна Талызина, изготовить к городовому строению каменные припасы в вятских сараях «на отводных» местах своими работными людьми и снастями на три срока – в июне, июле и августе – в первых числах[45].

Упомянем, что ранее, 2 года назад, при начале строительства крепости архиепископ Афанасий высказывался довольно категорично относительно подрядной форма организации работ. Он, в частности, указывал, что «общее мирское строение будет поспешнее и не отяготится иждивением», поскольку в волостях можно и добывать камень, и делать кирпич, под строение «лес чистить и место готовить <...> тут вблизости волости и везде ко всякому делу [о]собые люди есть без переездов». И далее отмечал: «А естли строить подрядами, то и не поспешно будет и иждивением отяготится»[46].

Тем не менее, в 1703 г. вятчане через договор поручили подрядчикам поставить весь объем возложенных на них припасов:

- 48735 штук тесаных камней на общую сумму 1701 рубль 24 алтына (по 35 рублей за тысячу);
- 983 сажени бутового камня на 1474 рубля 16 алтын 4 деньги (по 1 рублю с полтиной за сажень);
- 5105 бочек извести на 1021 рубль (по 6 алтын 4 деньги за бочку);
- 330730 штук кирпичей на 330 рублей 24 алтына 2 деньги (по 1 рублю за тысячу).

Помимо перечисленных припасов, договор предусматривал поставу в случае необходимости («по указу впредь буде спросят») 5160 штук лещадей по цене 2 алтына 1 деньга за штуку.

Поручителями по договору выступили член гостиной сотни Федор Гагин, а также жители московских слобод – 10 человек.

Следом – 30 января того же 1703 г. – Алексей Алексеев подрядил к изготовлению «у города Архангельского» 330 из 370 тысяч штук кирпичей крестьянина патриаршего села Вятского Костромского уезда Петра Соловухина[47].

Выполнять подряд – добывать белый камень Алексей Алексеев и Никита Сергеев наняли 4 марта 1703 г. крестьян дворцового села Нижнего Мячкова Московского уезда Матвея Федотова и Ипата Петрова с «товарищами», 9 человек. По условиям сделки они должны были поставить 3 тысячи штук ступенного камня длиною один аршин, шириной 15 вершков, толщиной 5-6 вершков; 300 штук лещадей аршинных, толщиной 3–4 вершка, а также сделать известную печь «под извесную ворку» и выжечь тысячю бочек извести «в мерную бочку»[48].

В рамках реализации своего договора с вятчанами Лукин и Сергеев наняли 12 марта 1703 г. еще крестьян из дворцовым села Колычево Мячковской волости Московского уезда – Герасима Морозова с «товарищами», которые должны были выполнить сходный по объему с предыдущим заказ. В подрядной было лишь добавлено, что на железные снасти мастера брали дополнительно 5 рублей, а к денежной оплате – продуктовую – 15 четвертей ржаной муки[49].

[45] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1032. Л. 423об.– 424об.; Ф. 137. Д. 159. 1704. Городовые книги по Новгороду. Л. 185–185об.

[46] Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. № 12.

[47] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1032. Л. 412об.– 413.

[48] Там же. Л. 725.

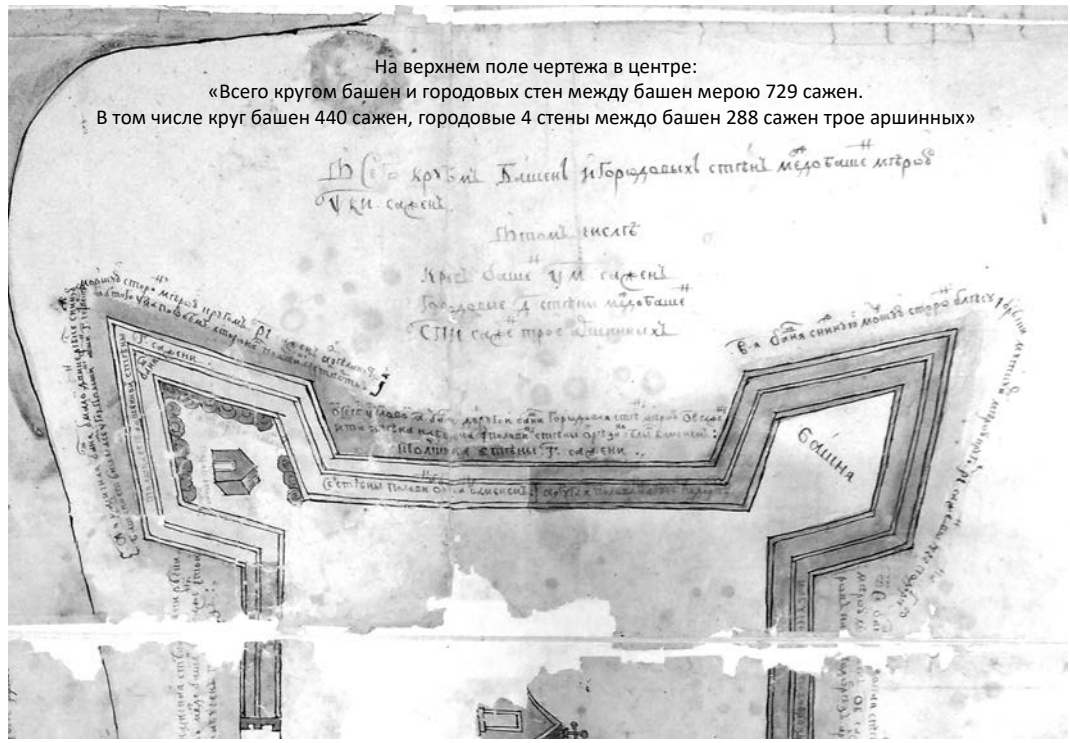
[49] Там же. Л. 771об.– 772.

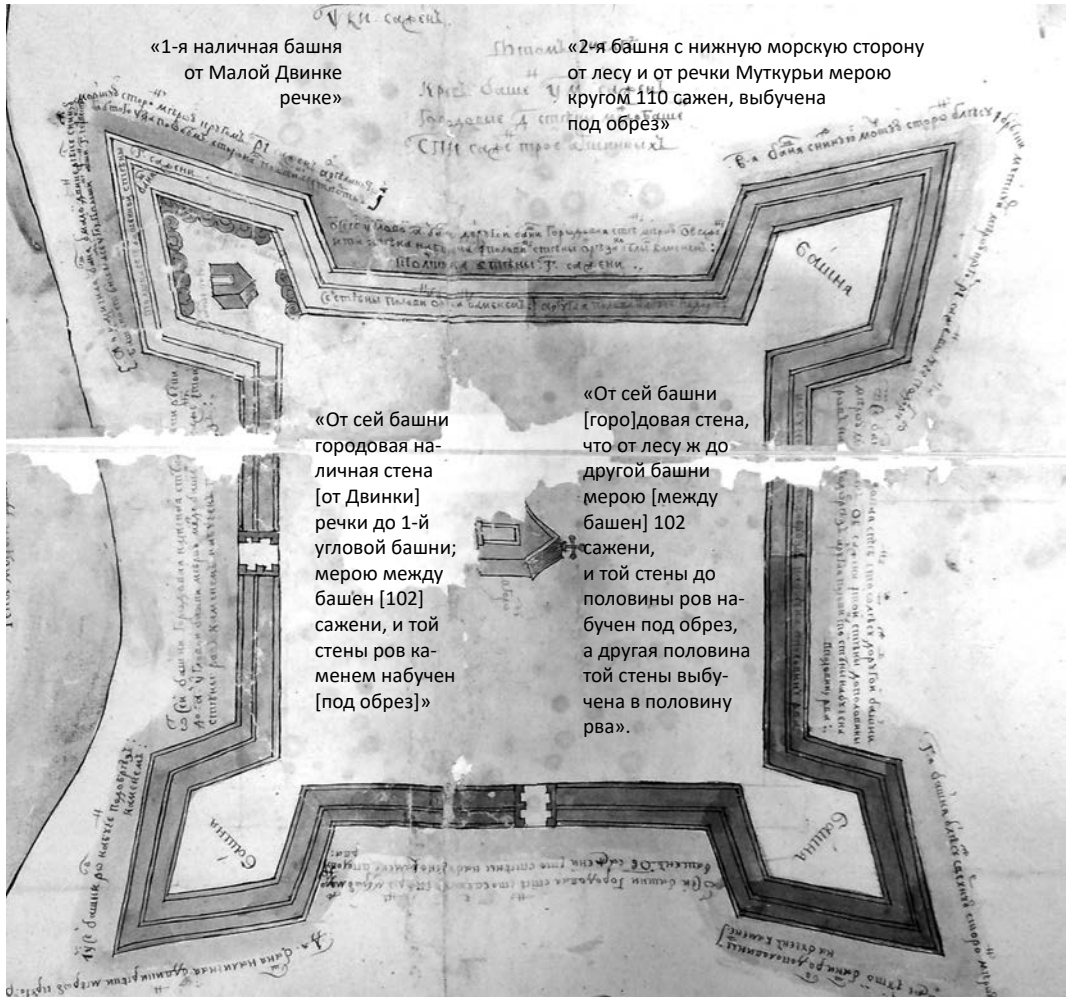
В челобитной вятского земского старосты Силы Буторина и мирских людей, поданной в марте 1703 г., был поставлен вопрос: где «готовить и припасать» камень, на каких местах брать дрова и лесные припасы для постройки кирпичных сараев и обжига извести и кирпича; челобитчики просили дать из Новгородского приказа на Вятку об этом бурмистрам указ, а на Двину стольнику и воеводе Василию Андреевичу Ржевскому – грамоту.

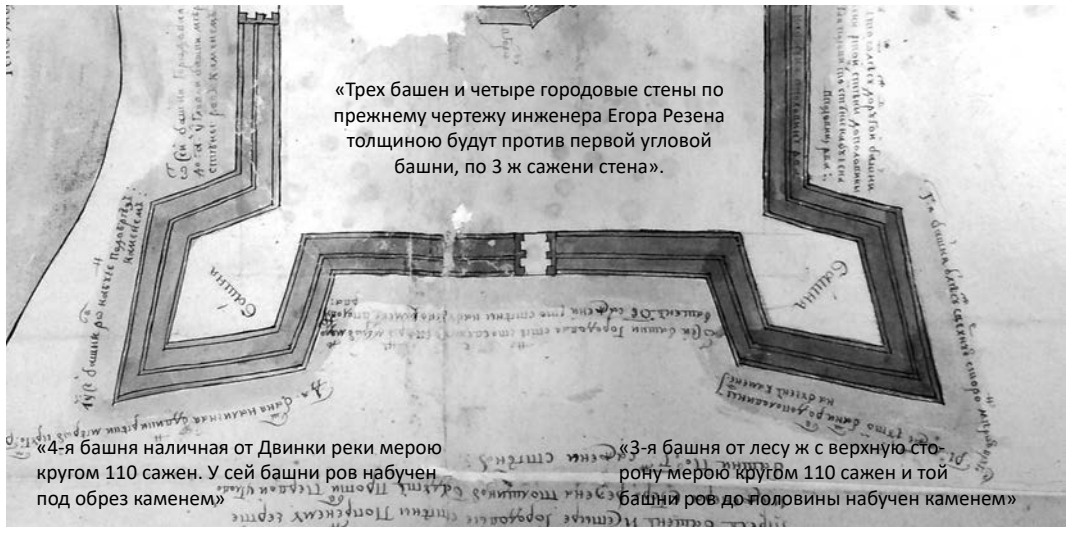
В грамоте из Новгородского приказа Ржевскому было сообщено об указе, разрешающем вятчанам камень ломать, глину копать, кирпич делать, известь и кирпич обжигать в государевых новопостроенных сараях и печах у Архангельского города и в лесах, или где они, вятчане, «сыщут в Поморье в блиских урочищах такие ж удобные места, в архиерейских или в монастырских, или в чьих-нибудь угодьях»[50].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что строительство каменной ограды главного вала на острове Линский Прилук было в основном завершено только в 1704 г., а другие работы продолжались в последующие годы, ранний предстроительный и строительный этап – самые первые годы XVIII в., – были чрезвычайно важны для истории создания по замыслу Петра I русского северного форпоста.

[50] РГАДА. Ф. 141. 1703. Д. 79. Л. 1–4об.







Кароль Кощчельняк

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЯКОБШТАДТЕ 1704 Г. ПО ПОЛЬСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Северная война была богата на различные сражения, как незначительные, так и переломные. В ходе этого конфликта вооруженные силы России и Речи Посполитой действовали вместе, чтобы одолеть общего врага, каким была Швеция при Карле XII. Одним из таких «общих» сражений стала битва у Якобштадта, которая произошла 25 июля по юлианскому календарю, 26 июля по шведскому календарю, 5 августа 1704 г. по календарю григорианскому между войсками шведско-литовскими и русско-литовскими. С одной стороны, в ней принимали участие шведы под командованием генерала Адама Людвига Левенгаупта (1659–1719), при содействии войск Казимира Яна Сапеги (1642–1720), с другой, литовские вооруженные силы, возглавляемые великим гетманом литовским Михаилом Сервацием Вишневецким (1680–1744) и гетманом польным литовским Григорием Антонием Огинским (1654–1709), которых поддерживали русские войска под руководством генерал-майора Богдана Семеновича Корсака (1640–1721).

Целью данной работы является привлечение внимания к одной из многочисленных источниковых баз, сохранившихся до сих пор, и проливающих свет на те события. Речь идет о документах на польском языке о ходе битвы при Якобштадте. В польской историографии это сражение называется битва при Крыжборке. Крыжборк – это средневековый замок на правом берегу р. Даугавы в Ливонии, на территории современной Латвии, вокруг которого вырос город. Современное название – Крустпилс (по-латышски Krystapiļs; по-немецки Kreutzburg; польское историческое название Kryżborg, использовалось также Kryżbork). Замок находится в исторической части города Jēkabpils, или Jakobstadt (в русском языке Якобштадт/Ёкабпилс, по-немецки Jakobstadt, по-польски Jakubowo, Jakubów или Jakobsztat).

Интересно, что польская историография не выказывала интереса к этому сражению. Здесь следует отметить, что существует только один текст на польском языке, описывающий ход этого столкновения[1]. И этого определенно недостаточно, особенно учитывая, что в бою принимали участие литовские войска, причем с обеих сторон. Наибольшее количество информации по этой теме можно найти в русскоязычной литературе[2]. Шведская сторона также описывала это сражение. Важнейшую работу написал Х. Е. Уддгрен[3]. Здесь же приведены источники, как хорошо известные польскому читателю, так и менее изученные, которые описывают ход боя, и которые могут быть неизвестны исследователям из других стран.

[1] *Sikora R.* Bitwa pod Kryżborkiem (Jakobstadt), 5 sierpnia 1704 roku / http://kresy.pl/kresopedia/kryzbork-jakobstadt-5-sierpnia-1704-roku/ и продолжение этой статьи: он же, Wojska Wiśniowieckiego w bitwie pod Kryżborkiem (Jakobstadt) 1704 roku / https://kresy.pl/kresopedia/wojska-wisniowieckiego-w-bitwie-pod-kryzborkiem-jakobstadt-1704-roku/; он же, Husaria bije Szweda (Kryżbork 1704) / https://kresy.pl/kresopedia/husaria-bije-szweda-kryzbork-1704/; он же, Zawisza kontratakuje / https://kresy.pl/kresopedia/zawisza-kontratakuje/.

[2] *Великанов В.С., Мехнев С.Л.* Курляндская операция 1705–1706 гг. и сражение при Гемауэптгофе. Москва, 2016; Великанов В.С. Якобштадская конфузия. Корпус Б.С. Корсака в сражении при Якобштадте 5 августа 1704 г. // Старый Цейхгауз. 2013. № 55. С. 80–87; *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия её в Великой Северной войне. Вып. 1. 1698–1706: в 4 книгах. Санкт-Петербург, 1912. Кн. 3; Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Том I. 1695–1800 гг. Санкт-Петербург, 1908. С. 15.

[3] *Uddgren H.E.* Karolinen Adam Ludvig Lewenhaupt: Hans krigföring i Kurland och Litauen 1703–1708. T. 1 (1703–1704). Uddevalla, 1919.

Эта битва была первой, в которой войска России и Речи Посполитой плечом к плечу сражались против общего шведского врага. Важно отметить, что русско-литовские войска потерпели поражение, однако же об этом сражении следует писать, тем более, что победители и проигравшие в ходе той войны менялись часто. Замысел автора заключается в презентации источниковой базы, которая может способствовать созданию полноценного научного текста, анализирующего различные материалы, созданные всеми сторонами конфликта. Тем более, что в шведские и российские авторы, в своих исследованиях этой битвы, не используют польские материалы.

В русских источниках можно найти информацию о численности войск, силе вооружения, маршрутах передвижения[4], но нет документов о ходе боя под Якобштадтом[5]. Такие реляции существуют на немецком[6] и шведском[7] языках. Об этом сражении упоминают также офицеры, принимавшие в нем участие, в том числе и генерал Корсак в письме царю[8], со шведской стороны Роберт Петре[9] и Леонард Каггс[10], которые упоминают об этом бою в своих мемуарах.

Здесь будут проанализированы четыре источника, написанные на польском языке, два из которых вышли из-под пера офицеров гетмана Вишневецкого – Вавжина (Лоренцо) Франциска Раковского[11] и Александра Мацкевича[12]. Два же других – это документы противной стороны, а именно Кшиштофа Завиши[13], офицера Казимира Яна Сапеги, и анонимная шведская реляция, которая была издана на польском языке в пропагандистских целях, восхваляющих победу шведского оружия над русским. Здесь она называется «Гданьская реляция», т.к. была найдена автором именно в Гданьске. Подготовил к публикации и опубликовал эту реляцию Кароль Кощчельняк[14], поскольку ранее на нее никто не обратил внимания.

Первый из мемуаристов, воспоминания которого стали доступны публике в 1862 г., Кшиштоф Завиша, будучи участником того сражения, выступал на стороне Сапег и шведов, командуя (как он сам пишет) левым флангом. В своих воспоминаниях он упоминает сражение в двух местах. В первую очередь на странице 120 он сообщает, что бой произошел 5 августа. Далее он добавляет, что, командуя левым крылом, ему удалось остановить противника, и даже разбить его[15]. На странице 230 находится второй отрывок, рассказывающий о битве[16], там содержится информация о численности войск, особо подчеркивается большое неравенство сторон (7000 на стороне шведско-сапегской против 18 тысяч со стороны русско-литовской). Мемуарист добавил, что противник понес огромные потери, особенно в сравнении с их собственными, назвав поименно несколько офицеров с литовской стороны. В этом

[4] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Дела 1704 г. Д. 49.

[5] *Великанов В.С.* Якобштадская конфузия. С. 84.

[6] Опубликовано в августе 1704 г.: Umständliche Relation von der Viktoria, welche ein Teil der im Herzogtum Kurland und Samoiten befindlichen schwedischen Truppen nebst den Sapiehischen über die kombinierte litauische und moskowitische Armee bei Schlaboda am 26. Juli 1704 ausgefochten hat // Biblioteka Narodowa w Warszawie, Mf. A417. – Также опубликовано в Митаве 30 июля (9 августа) 1704 г.: Kurze Relation von der Hauptaktion zwischen den Truppen Ihrer Königlichen Maestät von Schweden und den Wisnowieckischen, Oginskischen und Moskowitischen Armeen am 26. Juli 1704 unweit Jakobstadt // Biblioteka Narodowa w Warszawie, Mf. A313.

[7] Kort berättelse, om den vid Jacobstadt i Kurland den 26 juli 1704 förlupne träffning // Biblioteka Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Poznaniu. Sygn. 21919.

[8] Северная война 1700-1721 гг. Сборник документов. Т. 1. 1700–1709. Москва, 2009. С. 211–213.

[9] *Fänrik Robert Petrés.* Dagbok 1702–1709. Karolinska Krigares Dagböcker. T. 1. Lund, 1901. P. 22–27.

[10] *Leonhard Kaggs*, Dagbok 1698–1722, utgåva Adam Lewenhaupt. Stockholm, 1912. P. 58–59.

[11] *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej. Warszawa, 1956. S. 19.

[12] Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy wojewody mińskiego (1666-1721) / wyd. J. Bartoszewicz. Warszawa, 1862. S. 212–224.

[13] Pisma Ignacego Chodźki. T. III. Podania Litewskie. Serya I–IV. Wilno, 1881. S. `120, 230.

[14] *Kościelniak K.* Charakterystyka polskich relacji z przebiegu bitwy pod Kryżborkiem/Jakobstadt z 26 lipca (5 sierpnia) 1704 roku // Studia z dziejów polskiej historiografii wojskowej. 2018/19. S. 149–168.

[15] Pisma Ignacego Chodźki. T. III. S. 120.

[16] Pisma Ignacego Chodźki. T. III. S. 230.

фрагменте источника нет информации о ходе сражения (не считая того, что Завиша находился на левом фланге и разбил противника). Указывается только населенный пункт, под которым произошло сражение, дата, число солдат, принимавших участие в бою. А также потери (300 с шведско-литовской стороны и 5000 со стороны русско-литовской). Завиша указал несколько имен ротмистров, участвовавших и погибших в битве, в том числе маршалок мозырьский Флориан Котовский, ротмистр татарский Александр Рощчишевский, ротмистр Одаховский, ротмистр Крычинский. Также он перечислил имена раненых: Антоневич, Турски, майор Бруноф. В мемуарах Завиши содержится несколько интересных фактов, которые требуют проверки и сопоставления с другими источниками, например, с иными реляциями, которые могут подтвердить подлинность этого описания, или же, наоборот, показать, что мемуарист ошибался.

Второй памятник, рассказывающий об изучаемой битве, авторства Вавжина (Лоренцо) Ф. Раковского, представляет отличную от Завиши сторону конфликта, а именно – Михаила Сервация Вишневецкого[17]. Известно, что Вишневецкий безуспешно осаждал Зельборг. В момент появления со стороны Риги шведско-сапежской армии он отступил под Якобштадт, где вечером состоялось сражение. Здесь автор приводит иные (от Завиши) факты, а точнее сообщает, что русских было 3000 (Завиша писал о 6000). Вишневецкий стоял на левом фланге и, по словам Раковского, хорошо справлялся. На правом же фланге были русские, которые были разбиты, а бежавших преследовал весь строй литовских войск. Что касается потерь, Раковский пишет, что погибло 2000 русских, 500 литовцев, с другой стороны – 3000 шведов (это иные цифры, чем у Завиши). Автор источника приводит также имена погибших офицеров (Швейковский, Хараманский, Цниховский, Хороденский, Маласки, Ягнетовский, Галицийский). Что касается важных сведений, то Раковский сообщает, что русско-литовская сторона бросила 25 орудий, которые оказались в руках противника, а также, что литовская пехота попала в плен к шведам. Этот короткий отрывок источника содержит важные данные для изучения (в том числе численность войск и потерь). Раковский подтверждает данные Завиши о месте битвы (Kryżbork) и дате (5 августа). Имеется также краткая информация о расположении русско-литовских войск и о ходе сражения. Очень интересно последнее предложение, в котором Раковский касается вопроса о разграблении обоза всего войска. Эти данные столь существенны, что информация о них появляется и в реляции со шведской стороны (об этом ниже).

Исследователям событий Северной войны мемуары Завиши и Раковского хорошо известны, а вот воспоминания Александра Мацкевича уже заметно меньше[18]. По меньшей мере трудно было предположить, что найдется документ о битве под Якобштадтом в работе Евстафия Тышкевича (1814–1873 гг.) Однако же такой источник там есть. «Письма о Швеции» Тышкевича носят характер исследовательской исторической работы, в которой автор ведет свое повествование о событиях Северной войны, перемежая его цитатами из источников, и сообщая, откуда он их взял. И это дает очень ценный материал по существу вопроса. С большим количеством имен участников сражения с русско-литовской стороны.

Согласно реляции Мацкевича, бой состоялся 5 августа (вторник) перед закатом, Вишневецкий стоял «под солнцем». Правое крыло войска Вишневецкого было наиболее сильным и хорошо экипированным (там стояло 5000 человек, в том числе драгуны, рейтары, пятигорцы, панцерные казаки и гусары). На левом, более слабом,

[17] *Wawrzyniec F. Rakowski.* Pamiętnik wielkiej wojny północnej, oprac. M. Nagielski i M. Wagner. Warszawa, 2002. S. 19.

[18] Listy o Szwecji, pisał Eustachy hrabia Tyszkiewicz. T. II. Wilno, 1846.

крыле стояло 20 хоругвей. Шведы атаковали левое крыло, ему на помощь Вишневецкий отправил две гусарские хоругви, одну пятигорскую и две панцерных. Миновав свою же пехоту, они наткнулись на шведских рейтаров, которые открыли по ним огонь, в результате чего гусары князя Вишневецкого бросились бежать, а вслед за ними и остальные части. Выстояла лишь одна гусарская хоругвь великого канцлера литовского Кароля Станислава Радзивилла, которая после трех залпов противника атаковала шведов, которые отступили под ее натиском, и поддерживающие ее панцерные хоругви, которые устремились к краям шведского отряда. Преследование гусар и 23 панцерных хоругвей продолжалось «полмили», вплоть до шведских резервных частей. Затем шведы ударили по правому крылу, разбив располагавшихся там рейтар и драгун. Обращают на себя внимание некоторые факты, а именно численность войск (5000 литовцев, 3900 русских). В случае с русской армией встречаются имена: Иван Константинович Нечаев (командир полка стрельцов), Михаил Иванович Протопопов (командир полка стрельцов), Григорий Андреевич Сухотин (командир драгун), Богдан Саменович Корсак (командир корпуса)[19]. Это может свидетельствовать о подлинности реляции Мацкевича, поскольку ни в одной другой (на польском языке) эти имена не упоминаются. Следующие важные данные, приведенные Мацкевичем – расстановка войск Вишневецкого и ход сражения. Раковский пишет, что русские были разбиты и бежали, здесь же нет ни слова о том, что произошло с русскими войсками. Интересно то, что информация о бегстве польских хоругвей, в том числе гусарских, после первого же шведского залпа, здесь присутствует.

Последний из рассматриваемых в этой работе источников не известен в польской историографии, или же, как и предыдущий, не используется в научном обращении. Это шведская реляция об их победе под Якобштадтом[20]. Она представляет собой печатный листок[21], восхваляющий победу шведско-сапежских войск. Документ сообщает, что войска Левенгаупта, после соединения с войсками Сапеги (3000 шведов и 2000 человек Сапеги), двинулись под Зельборг, добавляя, однако, что союзники собираются получить Биржай. В реляции написано, что Вишневецкий и Огинский держали в Биржае все свое имущество, которое в сложившейся ситуации приказали перевезти к войску под Зельборг. Конвой этих «сокровищ» атаковала конница Сапеги под командованием стольника Великого княжества Литовского Казимира Заранека Горбовского, который захватил 300 возов с различным имуществом вместе с лошадьми (одних только денег монетами было 30 000 талеров, а также запас пороха и боеприпасов). Похожие сведения встречаются и у Раковского. Левенгаупт и Сапега дошли под Зельборг 26 июля (5 августа) во вторник утром, но Вишневецкого там не застали – он уже успел отойти на восток. Шведы двинулись за литовским войском и настигли его «в двух милях от Зельборга». Войско Сапеги сразу же атаковало войско Вишневецкого, однако же наткнулось на 24 орудия (Раковский сообщает, что их было 25), заряженных картечью, и на стоящую там русскую пехоту, которая вынудила их бежать. Этот документ дает некоторое представление о расположении шведских войск: левым флангом командовал Адам Людвиг Левенгаупт, центром – полковник Андерс Веннерштедт, правым флангом – полковник

[19] *Великанов В.С.* Якобштадская конфузия. С. 80–81.

[20] Archiwum Państwowe w Gdańsku. Akta miasta Gdańska 300, 53/130. К. 43–46.

[21] Листок небольших размеров 15х10 см (формат А6), напечатан на тонкой бумаге. Автор документа неизвестен. Трудно определить и популярность этого польского описания, т. к. удалось найти только один экземпляр (возможно, он единственный, но этого утверждать с уверенностью нельзя). Даже Конрад Завадский (Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI-XVIII wieku. Bibliografia. T. 2: 1662–1728. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984) не упоминает ни одного польского документа о той битве, только немецкие и шведские. Также обстоит дело и с Cyfrową Biblioteką Druków Ulotnych (http://cbdu.ijp.pan.pl), на страницах которой можно найти версии немецкие и шведские, но не польские.

Берндт Отто Штакельберг[22]. На так выстроившихся шведов и наткнулись бежавшие хоругви Сапеги, которые Левенгаупту удалось успокоить и развернуть. Затем они вместе со шведами ударили по противнику. Эта атака привела к тому, что первыми покинули поле боя литовцы с Вишневецким и Огинским во главе, остались (согласно этому источнику) только русские, которые выстрелив три залпа, обстрелянные шведами, отступили под напором их кавалерии. Погоню вели люди Сапеги. Если бы не ночь, то потери русско-литовских войск, если верить этому документу, были бы больше. Автор источника сообщает, что противник располагал 18000 человек (до 5000 шведско-сапегских). Потери русско-литовских войск он оценивает в 3029 погибших на поле боя и еще 2000 во время преследования. Шведы захватили орудия, возы, боеприпасы, палатки, оружие, лошадей. В плен попало более трехсот солдат, а несколько сотен было ранено. Данных о шведско-литовских потерях не было приведено. Согласно этому источнику битва продолжалась с полудня вплоть до ночи, вероятно, автор также учитывает захват обозов Вишневецкого, двигавшихся из Биржая в Зельборг. В конце документа сообщается о том, что люди Вишневецкого и Огинского якобы сдавались в плен, выражая желание служить Сапегам.

Из четырех рассматриваемых источников можно выделить следующие данные, которые в них приводятся, в том числе о численности войск и потерь, также и о расположении армий, о том, кто кого первый атаковал, кто победил на данном направлении, а кто первый покинул поле брани. Для наглядности цифры представлены в таблице, а для сравнения приведены данные из шведских источников (воспоминаний и реляций):

ТАБЛИЦА 1. ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК И УБИТЫХ В СРАЖЕНИИ, НА ОСНОВЕ 6 ИСТОЧНИКОВ. СОСТАВИЛ АВТОР.

	Завиша	Раковский	Мацкевич	Гданьская реляция	Роберт Петрес	Леонард Карrс	Kort berättelse	Kurze Relation	Umständliche Relation
Число шведских войск	_	3000	_	3000	5030	3080	_	_	3080
Число войск Сапеги	_	_	_	2000	4800	2000	_	_	2000
ВМЕСТЕ	7000	-	-	5000	9830	5080	-	-	5080
Число русских войск	6000	3000	ок. 3900	_	27 000	_	_	_	_
Число литовских войск	12 000	_	5000	_	11 800	_	_	_	_
ВМЕСТЕ	18 000	_	ок. 8900	18 000	38 800	15 000	18 000	18 000	15 000
Погибших шведов	180	3000	_	_	106	_	_	_	_
Погибших людей Сапеги	120	_	_	_	138	_	_	_	_
ВМЕСТЕ	300	-	-	-	244	177	-	-	-
Погибших русских	_	2000	_	_	_	_	_	_	_
Погибших литовцев	_	500	_	_	_	_	_	_	_
ВМЕСТЕ	5000	2500	_-	5029	3273	2300	3000	3000	2300

[22] *Uddgren H.E.* Karolinen Adam Ludvig Lewenhaupt. P. 214–215.

Во всех четырех источниках наименьшие различия в численности шведско-сапежских войск (от 5000 до 7000). В случае с русско-литовскими войсками Завиша и Гданьская реляция говорят о 18 000 человек, Мацкевич – ок. 9000, а Раковский не указывает полную численность войск. Различия есть и в числе погибших, поскольку Завиша сообщает, что погибло со стороны шведско-сапежских только 300 человек, Раковский – 3000, а остальные источники не приводят потерь. В отношении погибших со стороны русско-литовского войска Завиша и Гданьская реляция сообщают о ок. 5000, а Раковский о 2500. В связи с тем, что польских исследователей эта битва не заинтересовала, у нас нет выверянных данных. В связи с этим нужно обращаться к шведским и русским расчетам. Уддгрен пишет, что армия Левенгаупта насчитывала 3080 человек, из которых 1597 – пехота, 1406 – кавалерия и драгуны, плюс 77 артиллеристов при 16 орудиях. Он же насчитывает 2000–3000 человек у Сапеги, включая 100 пехотинцев и два орудия. Русских должно было быть 3500, а Вишневецкий и Огинский располагали 10 000–12 000 тысячами солдат[23]. Великанов пишет, что шведы насчитывали 3080 человек и 16 орудий, Сапега – около 6000 солдат и 2 орудия. Зато в русско-литовских войсках было в общей сложности 12 000–15 000 человек, в том числе 2500 пехотинцев и 21 орудие[24]. Из выше изложенного – вывод: большинство источников приводит близкие данные по численности шведско-сапежских войск, но численность русско-литовского войска не доходила до 18 000 человек. Что касается потерь, то Уддгрен сообщает, что шведы потеряли 57 человек убитыми и 181 ранеными. Великанов указывает то же количество шведских потерь, опирался на данные Уддгрена, Сапега потерял 187 человек убитыми, русские – 600 убитыми, а литовцы «потеряли убитыми больше, чем русские». Согласно приведенным расчетам потери и с одной, и с другой стороны не столь велики, как о них сообщают реляции.

Что касается расстановки войск на поле битвы, то ситуация выглядит следующим образом. Завиша пишет только, что он сам стоял на левом фланге польских хоругвей. Раковский – что Вишневецкий был на левом фланге, а русские на правом, орудия находились в центре, при этом он ничего не говорит о шведско-сапежской диспозиции. Согласно Мацкевичу, Вишневецкий находился на правом фланге с кавалерией, в центре-пехота, на левом фланге – кавалерия. Не пишет, где находились русские. Гданьская реляция сообщает, что на левом фланге шведов стоял Левенгаупт, в центре – Веннерштедт, на правом – Штакельберг, перед шведскими войсками находились отряды Сапеги. О противниках сообщается, что в центре находились орудия и русские. Уддгрен пишет, что Штакельберг был на правом фланге, а Веннерштедт – на левом. Он также сообщает, что Завиша стоял вместе с конницей на левом фланге – и это важно, так как подтверждает сообщение самого мемуариста. Он пишет также, что войска Сапеги преследовали побежденных 20 километров[25]. Согласно Великанову, расположение русско-литовских войск выглядело следующим образом: с правой стороны стояли Вишневецкий с конницей, литовская пехота, русская пехота Протопопова и Нечаева, далее Корсак и Огинский с конницей на краю левого фланга. Шведы стояли так: с правого фланга находился Штакельберг с конницей, рядом с ним пехота Брухнера, кавалерия в центре, далее пехота и конница Веннерштедта, во второй линии – конница Сапеги[26].

Что касается движения войск на поле боя, то Завиша пишет, что он выдержал

[23] Там же.

[24] *Великанов В.С.* Якобштадская конфузия. С. 80–84.

[25] *Uddgren H.E.* Karolinen Adam Ludvig Lewenhaupt. P. 220.

[26] *Великанов В.С.* Якобштадская конфузия. С. 84.

удар противника, а затем перешел в контрнаступление. Раковский сообщает только, что первыми с поля брани бежали русские, потянув за собой весь строй и оставшиеся литовские войска. Мацкевич, в свою очередь, пишет, что Вишневецкий сам, во главе пяти хоругвей кавалерии, перешел с правого фланга на левый, где, с проблемами, но одолел противника и даже зашел в тыл шведских войск, в то время как шведский левый фланг выдавил правый литовский с поля брани. Гданьская реляция в свою очередь сообщает, что авангард Сапеги был отброшен обстрелом пехоты и орудий, однако же развернулся и вместе со шведами атаковал весь строй Вишневецкого, сломал его, а люди Сапеги преследовали побежденных.

Глядя на эти описания и сводки, видно какая сторона их писала. И всегда в таких случаях встает вопрос о правдивости приведенной информации. Однако уже сейчас можно утверждать, что эти источники очень ценны, при критическом к ним отношении, для описания хода битвы при Якобштадте. Они дополняют материалы, использованные русскими и шведскими исследователями. Благодаря этому можно проверить шведские и русские исследования и предпринять попытку нового анализа расположения войск и хода битвы при Якобштадте.

Важно помнить битвы, те, менее значимые, которые с точки зрения военного искусства мало что дают для исследований, но их политическое значение не менее важно. И в данном случае мы имеем дело именно с такого рода сражением. Ведь и с одной и с другой стороны были литовцы, т. е. война имела «братоубийственный» характер (гражданская война), и в первый раз войска Речи Посполитой стояли плечом к плечу с русской армией, которая с того момента (и от подписания договоров в Нарве несколькими днями позднее) активнее включилась в борьбу на территории Речи Посполитой против шведского короля Карла XII.

П.Е. Сорокин

НЕВСКИЙ РУБЕЖ В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Невский рубеж перед Северной войной. Нева на протяжении столетий занимала ключевое положение в системе водных путей, связывавших Восточную Европу с Балтикой. При ширине реки около 400–600 м, больших глубинах и быстром течении, она всегда была и серьезной водной преградой, отделявшей основную часть Ижорской земли от Карельского перешейка. Два магистральных пути из Ингерманландии в Карелию пересекали реку в верховье – ниже Шлиссельбурга (Новгородская дорога к Кореле), и в низовье – у устья Охты (Нарвская дорога к Выборгу и Кореле). Главные дороги вдоль Невы, замыкавшиеся на эти пути проходили по возвышенностям в 10–15 км от ее русла, пересекая притоки на порожистых участках (рис.1).

Швеция, начиная со средневековья, неоднократно пыталась взять под контроль Невский путь и закрепиться на этом рубеже. Этапами этой борьбы стали Невская битва 1240 г., строительство крепости Ландскрона в 1300 г. и захват Орешка в 1348–1349 гг. Однако, по Ореховецкому миру 1323 г., граница была установлена по реке Сестре и Приневье оставалось за Новгородом. Попытки Швеции захватить эти земли усилились с середины XVI в., особенно, после поражения России в Ливонской войне и в Смутное время. Шведские войска и флот совершали вторжения в Неву в 1555 г. под руководством Якова Багге, в 1573 г. Германа Флеминга, и в 1583 г., Понтуса Делагарди[1]. В их планы входил не только захват Орешка, но и строительство новой крепости у устья Невы. Однако, по Плюсскому перемирию 1583 г. Ореховецкий уезд с землями по ее течению остался за Русским государством.

После оккупации Северо-запада войсками Якоба Делагарди в 1611–1612 гг., происходит окончательное оформление шведского Невского рубежа, сопровождавшееся захватом Орешка и основанием Ниеншанца. Осенью 1609 г., еще до начала войны с Россией, король Карл IX приказал выбрать место для строительства новой крепости, «чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны»[2]. Несмотря, на то что граница по Столбовскому миру 1617 г. проходила на несколько десятков километров южнее и восточнее Невы, как показывают последующие военные события, именно она являлась реальной преградой на этом направлении. Крепости Нотеборг и Ниеншанц позволяли шведам контролировать основной водный путь из России в Балтику, а также переправы на главных дорогах из Ингерманландии в Карелию. В речи, произнесенной в Шведском риксдаге Густав II Адольф так подвел итоги этой войны: «Русские опасные соседи… и могут выставлять в поле большое войско, а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера Ладожское и Пейпус (Чудское), Нарвская область, 30 миль обширных болот и мощные крепости отделяют нас от него. У России отнято море, и, бог даст теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек»[3]. Природные рубежи, наличие сильных крепостей и флота должны были послужить, по мнению шведских властей, надежным препятствием для возвращения Россией утраченных территорий. Приграничные земли шведской Ингерманландии по южным притокам Невы – заболоченные, малонаселенные леса, охранялись редкими придорожными заставами, не имевшими существенного оборонительного значения. Главное место в ее обороне уделялось Невскому рубежу.

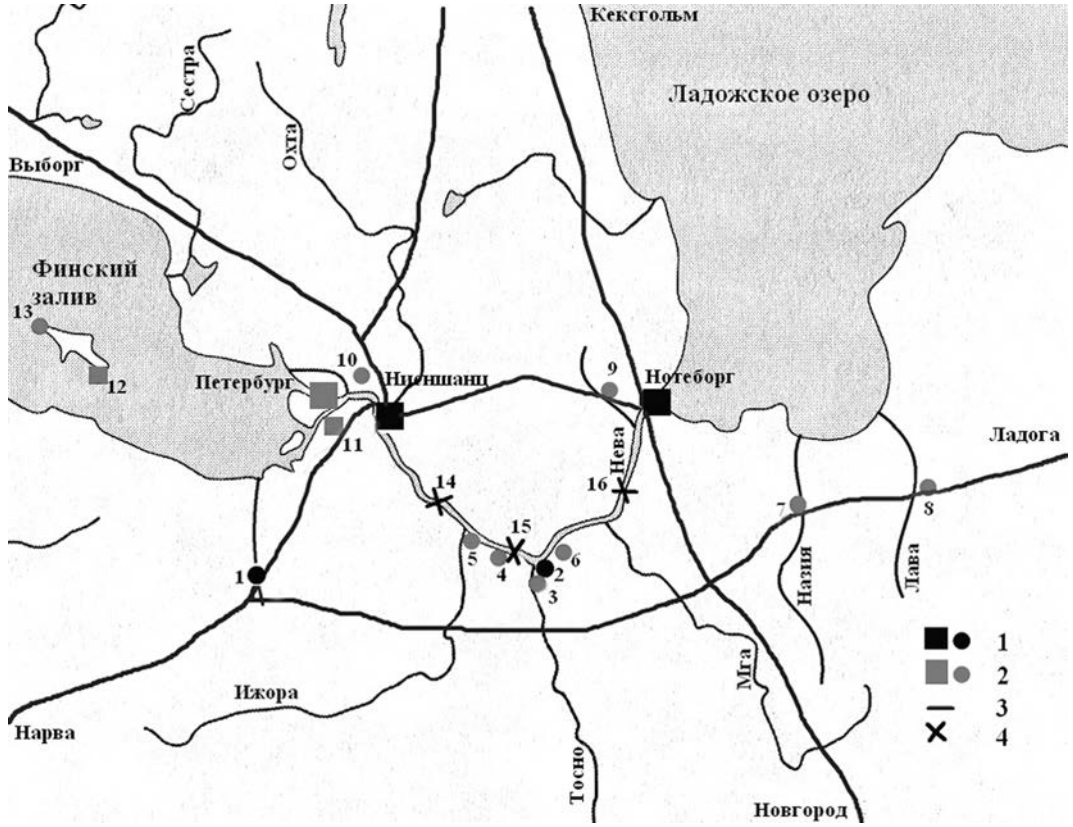


Рис 1. Карта расположения крепостей и малых фортификационных сооружений XVII - нач. XVIII вв. в Приневье: 1. Красное село (Дудоровский шанец), 2. Усть-Тосно 1, 3.Усть-Тосно 2, 4. Корчмино, 5. Усть-Ижора, 6. устье реки Святки, 7. Апраксин городок 8.Ловуйский острог, 9. Шанец на р.Черной, 10. Провиантский магазин, 11.Адмиралтейство, 12.Кроншлот, 13.Александр-шанец. Места форсирования Невы шведскими войсками — 14. Кривое колено 1705, 15. Корчмино 1708, 16. Устье реки Мьи 1705

Крепость Ниеншанц, занявшая ключевое положение на этом рубеже – у устья Невы, строилась с весны до осени 1611 г. В сентябре «недавно поставленный Ниеншанц уже настолько окреп благодаря насыпям, валу и рвам, что в его укреплениях могло укрыться 500 человек»[4]. Раскопки показали, что первоначальная крепость сохраняла определенную планиграфическую преемственность с Ландскроной, остатки укреплений которой оставались на мысу. Новый регулярный деревоземляной замок, построенный на центральной площадке был защищен внутренним рвом и с внешней стороны земляным валом с тремя бастионами, усиленным частоколом.

[1] *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Л. 1980. С. 69–72.

[2] *Сорокин П. Е.* Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 361–378.

[3] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М. 1961, Кн. V, Т. 9. С. 95–96.

[4] *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны. М. Памятники исторической мысли, 2000. С. 212.

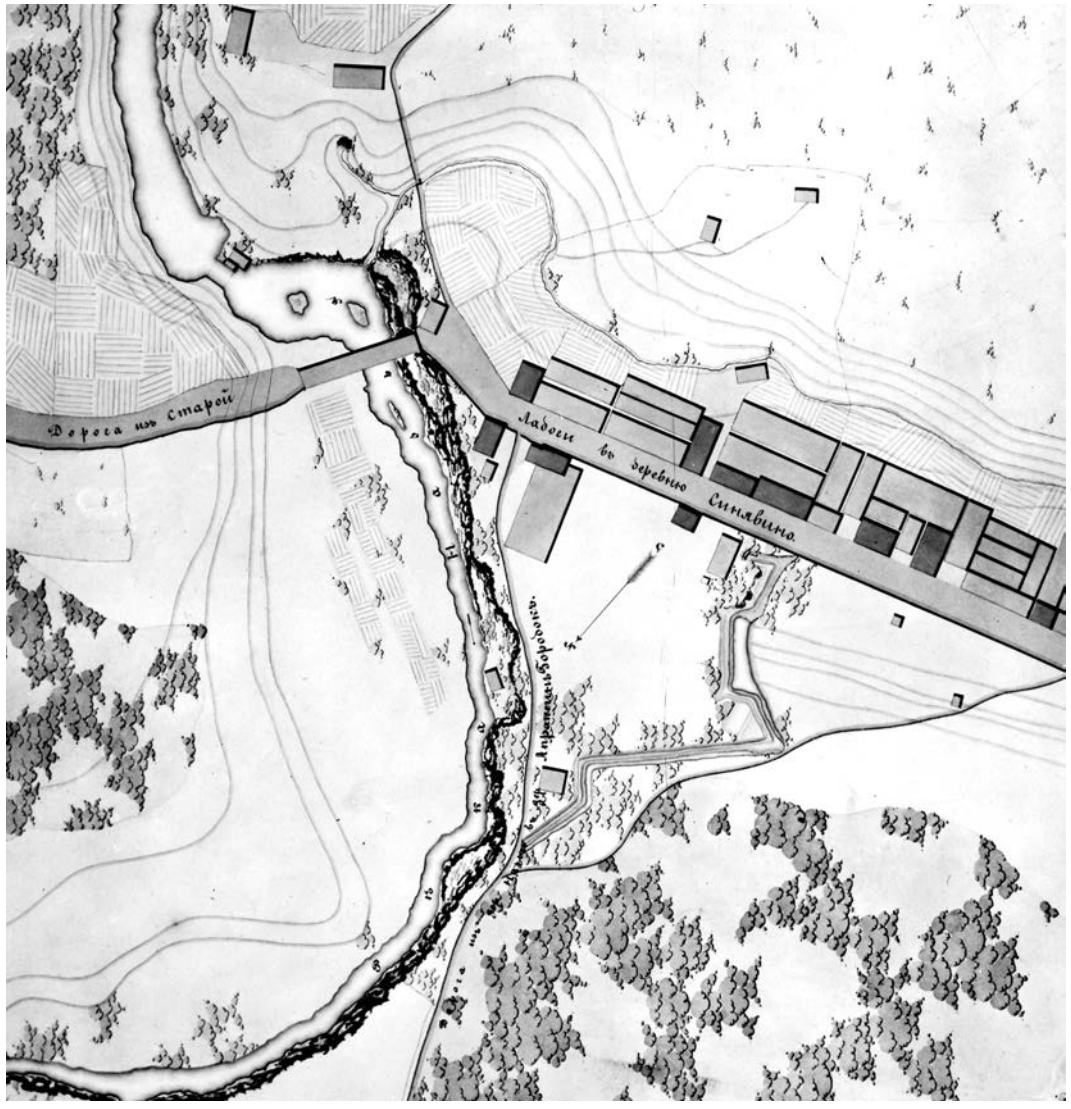


Рис 2. План Апраксина городка в начале XX в. (Архив ИИМК РАН).

В самом начале русско-шведской войны 1656–1661 гг. русские войска под руководством Петра Потемкина осадили Нотеборг и с налета овладели Ниеншанцем, разрушив его. Во многом это объясняется тем, что крепость не была готова к обороне, так-как старые укрепления пришли в ветхость, а новые еще строились. В ходе военных действий, русские войска передвигались, по главным дорогам, с юга и севера от Невы, а также на судах. Но из-за недостатка сил они не смогли овладеть Нотеборгом и закрепиться на завоеванных территориях и отошли на исходные позиции за реку Лаву. Вскоре шведам удалось восстановить Ниеншанц и контроль за коммуникациями в устье Невы. Дальнейшие действия в Приневье ограничивались рейдами на территорию противника. Помимо основных крепостей, в этой войне использовались и земляные шанцы, контролировавшие подступы к Неве (рис.1). В

первую очередь это шведские укрепления: на Нарвской дороге в Дудергофе (район Красного села), на правом притоке Невы р. Черной – в начале дороги от Нотеборга к Ниену, а также у устья р. Тосно. Земляные крепости строились и с русской стороны: в Ижорском погосте, для контроля южной дороги из Приладожья к Копорью и Ивангороду, а также «Потемкинский городок» на берегу Ладоги, южнее Нотебурга, при его осаде.

Нева в начале Северной войны (1701–1702 гг.). Военные действия по возвращению Приневья в 1701 г. начались с атаки шведских приграничных укрепленных пунктов в Южном Приладожье – у реки Назии. Командующий русскими войсками П.М. Апраксин сообщал в письме царю: «… В мызе Левколы и в мызе Печинской, да на Лопи (Путилово), в Порецкой мызе... были учинены у них крепости и караулы крепкие. 28 июля подойдя к тем неприятельским крепостям и мызам неприятельских людей разбили и крепости и мызы сожгли и разорили». Дальнейшее наступление русских войск в Южном Приневье в 1701–1702 гг. сопровождалось взятием земляной крепости на реке Тосно, победой над Крониортом на реке Ижоре и рейдом к Сарской мызе, «...где их войск ничего не нашли токмо один табор…, да по Канецкой дороге были у них три роты, отъезжие на караул и те увидя первых наших, побежали к Дудоровщине»[5] (Дудергофскому шанцу – *П.С.*). Для прикрытия границы и дороги к Нотеборгу, русские войска сооружают на его подступах - на левом берегу р. Назии Апраксин городок.

Обе стороны готовились к войне на Неве и Ладоге. В 1701 г., в Швеции для этого была сформирована новая озерная флотилия под командованием вице-адмирала Нумерса, начавшая военные операции в Ладоге летом. В январе того же года Петр I отдал приказ о строительстве на Луге и Волхове 200 стругов, а позднее 6 малых – 18-пушечных фрегатов на Сяси. Летом 1702 г. на Ладоге начинает действовать русская флотилия, сформированная из сухопутных войск, посаженных на малые суда: соймы, карбасы, струги. Она совершает нападения на шведскую флотилию у устья р. Воронежки и в юго-западной части озера (между Морьей и Леднево), нанеся ей существенный урон. В условиях активных действий русских и отсутствии безопасных мест зимней стоянки, понесшая ощутимый урон шведская флотилия, в середине сентября 1702 г. покинула озеро и ушла через Ниен на зимовку в Выборг[6].

Русский отряд уже 3 сентября подходил к истокам Невы вблизи Нотеборга и переправы у Преображенской горы, где вел через реку перестрелку со шведами. 11 сентября были заняты поселения по южному берегу Невы восточнее Нотебурга до Дубровки, где устроен лагерь русских войск[7]. 22 сентября Петр I провел в Апраксином городке смотр 35 тысяч войск.

Судя по плану, начала XX в., земляные укрепления городка в виде кронверка, выдвинутые на запад, с восточной стороны замыкались на высокий берег реки[8] (рис.2). Они включали центральный бастион и два полубастиона по фронту, а также два полубастиона с тыльной стороны примыкавшие к берегу. Максимальная ширина кронверка от реки до шпица центрального бастиона составляла около 25 саж., линия наружного полигона (расстояние между шпицами крайних полубастионов по

[5] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. СПб. 1879. С. 387, 391, 388–389. Судя по более поздней информации, при упоминании района Сарской мызы, речь может идти о шведском земляном укреплении при впадении Тызьвы в Славянку – на месте павловского Мариенталя.

[6] *Сидоров Д.А.* Шведская Ладожская флотилия 1701–1703 г. // Меншиковские чтения. СПб., 2016. Вып. 7(17). С. 191

[7] *Yrjö-Koskinen G.Z.* Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. СПб., 1865. Ч. 1. С. 52–54

[8] Архив ИИМК РАН ф. р. I. д.1120. Планы земляных крепостей. л.6. Сорокин П.Е. Окрестности Петербурга. Из истории Ижорской земли. СПб. 2017. С. 243–246, рис. 87.

фронту) – около 30 саж. Общие размеры крепости составляли около 53х64 м. Она не могли вместить все русские войска, сконцентрированные здесь перед штурмом Нотеборга. Вероятно, они стояли лагерем за Назией позади укреплений, предназначенных для отражения внезапных нападений неприятеля и прикрытия главной сухопутной дороги из Новгорода и Ладоги в Приневье. Оставив здесь три полка, 25 сентября, царь с основными силами двинулся к Нотеборгу.

Осада крепости сопровождалось ее водной блокадой на судах пришедших из Ладоги, количество которых достигало по разным оценкам около 200–300. 1 октября по прорубленной просеке, в обход крепости, была устроена переволока 50 судов из Ладоги в Неву, что обеспечило наведение на ней «летучего моста» – понтонной переправы. Она была сделана 9 октября в 3-х км от крепости у Преображенской горы, где ширина реки существенно уменьшалась в сравнении с верховьем и существовала переправа по трассе сухопутной дороги. Для ее устройства, по предложению царя, использовались заранее подготовленные в Новгороде конструкции, включавшие запаянные жестяные лодки[9]. Форсирование реки позволило русским войскам овладеть шведскими полевыми укреплениями на правом берегу реки: редутом и лагерем. Напротив крепости были установлены артиллерийские батареи[10]. В результате штурма с массированным артиллерийским обстрелом и высадкой десанта, гарнизон капитулировал.

В крепости, переименованной в Шлиссельбург, был оставлен гарнизон из трех полков – около 2000 человек и пушки, число которых с 1703 г. до 1708 г. менялось от 103 до 127[11]. Вскоре после взятия, начали восстанавливать разрушенные каменные стены, а вокруг них, по проекту, приписываемому Петру I, возводить земляные бастионные укрепления[12]. После аналогичных работ в Пскове и Новгороде, по сооружению дополнительных земляных укреплений, эта задача не была новой, но здесь ее выполнение осложнялось тем, что крепость со всех сторон была окружена водой и это требовало подсыпки грунта, для увеличения площади острова, перед началом строительства. Позже такая же задача решалась и при строительстве Санкт-Петербургской крепости. Шлиссельбург, обеспечивавший контроль за Верхним Приневьем и важной переправой на Корельский перешеек, закрепил прорыв Невского рубежа и стал надежной базой русских войск для полного овладения им.

Шведское командование, готовясь к скорому штурму Ниеншанца выжгло городскую застройку, а также запасы продовольствия, после того, как Кониорт, отказавшийся защищать город, отвел войска на Карельский перешеек. Как сообщал впоследствии один из горожан, Ниен «с церковью и школой был 20 октября 1702 г. из страха перед врагом нашими собственными офицерами превращен в пепел», а жители его переселились в Выборг.[13] Однако, осада Ниеншанца была отложена, сначала на зиму, а затем и на весну следующего года.

В апреле 1703 г. русские войска подошли к устью Охты кратчайшим путем по северной стороне реки, позже на судах сюда доставили артиллерию. Перед началом осады были заняты незавершенные укрепления кронверка и Спасский шанец на левом берегу реки, выстроенный в 1702 г, для прикрытия переправы на Нарвской дороге. Дозорный отряд был направлен к устью Невы для наблюдения за шведским флотом. После недельной осады, сопровождавшейся массированным артиллерийским обстрелом, Ниеншанц был сдан. Это открывало выход России к Балтике и привело к разрыву шведских сухопутных коомуникаций между Восточной Прибалтикой и Карелией с Финляндией. Вскоре, со взятием Копорья и Ямбурга, юго-западная граница была далеко отодвинута от устья Невы, а на севере шведский корпус Кониорта, после поражения, отступил за реку Сестру.

Шлотбург и Санкт-Петербург. Переименование Петром I Ниеншанца в Шлотбург (с голландского – замок город) служит явным признаком того, что его предполагалось сохранить и первоначально в планы царя не входило уничтожение его укреплений[14]. На протяжении мая-июня 1703 г, крепость у которой располагался главный лагерь русских войск, становится официальной резиденцией Петра I. Здесь 20–22 мая проходил прием литовских послов, прибывших водой из Новгорода. Царь принимал их в поврежденных при штурме «комендантовых хоромах», находившихся в центре крепости. Здесь же был подписан договор о совместных действиях против шведов[15]. Сюда были приведены и два захваченных в устье Невы шведских судна Гедан и Астрильд. Об укреплении Шлотбурга, наряду со строительством поблизости новой крепости, еще 25 июня доносил императору австрийский посол Плейер[16]. В то же время уже в письме генерала Кониорта шведскому королю от 25 мая 1703 г сообщалось о планах ее сноса: русская «...пехота всё еще стоит в лагере у Ниена и в эти дни туда прибыли еще 9 тыс. пехотинцев, среди которых также есть конники для патрулирования и охраны. По другую сторону реки (Невы – *П.С.*) – большей частью кавалерия с фельдмаршалом Шереметевым. Артиллерия еще находится на этой стороне вместе с пехотой, также они располагают несколькими сотнями ладей больших и малых, а также множеством повозок. О крепости ничего не сообщают с тех пор, как она перешла (к неприятелю – П.С.), ходят слухи, что она будет снесена, и на подходящем острове ближе к морю будет заложено новое укрепление, предстоит большая работа, которая будет выполнена быстро»[17].

Закладка новой крепости на Заячьем острове состоялась уже через две недели после взятия Ниеншанца – 16 мая. Выбранное царем место имело как преимущества, так и существенные недостатки. Островное положение было несомненно выигрышным. Недостатками, помимо низменной территории, затопляемой наводнениями, являлось ее топографическое расположение, не обеспечивавшее контроля всех проток Невской дельты. Новую крепость, в отличие от Ниеншанца, можно было обойти по судоходным протокам, как с севера – по Большой Невке, так и с юга – по Фонтанке, что требовало строительства дополнительных оборонительных сооружений. Строительство земляной Петербургской крепости, в целом, было завершено к середине сентября 1703 г., тогда же начали возводиться полевые укрепления на севере Городового (Петроградского) острова и отдельные батареи для защиты дельты Невы с моря.

Учитывая постоянную опасность со стороны шведских войск, в 1704 г. возводятся укрепления Кронштлота и Адмиралтейства, в 1705–1708 гг. с северной стороны Петербургской крепости сооружается Кронверк. Вероятно, в это же время

[9] *Кротков А.С.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. Изд. Воен.-мор. учен. отд. Гл. мор. Штаба. СПб. 1896. С. 48–49.

[10] *Кротков А.С.* 1896. С. 158–159, 164–165.

[11] *Славнитский Н.Р.* Борьба за крепости и складывание системы обороны на Северо-Западе России в царствование Петра I. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 45–46.

[12] *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Л., 1980. С. 116–117.

[13] *Шаскольский И.П.* Борьба России за выход в Балтику в 1702–1703 гг. Вопросы истории. 1986. №. 9. С. 50

[14] *Предтеченский А.В.* Основание Санкт-Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 17.

[15] *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года. СПб. 2011. С. 167; Базарова Т.А. Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703–1704 гг. // СПбССЕ. СПб., 2013. С. 88–89.

[16] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV.ч.II. СПб. 1863. С. 610

[17] *Yrjö-Koskinen.* 1865. Ч. 1. С. 81

создаются, замыкавшиеся на него укрепления, вокруг застройки Городового острова. Для обороны строящегося города, подступов к нему и отдельных военных объектов, потребовалось строительство дополнительных укреплений: Смольного и Литейного дворов, провиантских магазинов на Выборгской стороне, батареи на Стрелке Васильевского острова. Позднее разрабатывались и планы мощных общегородских укреплений Петербурга по проектам Д. Трезини и Ж.Б. Леблона.

В Ниеншанце, где на момент сдачи имелось 75 пушек и 3 мортиры, по описи, составленной 3 июля 1703 г., зафиксировано 58 пушек и 1255 ядер. Учитывая, что она составлялась, видимо, уже после переезда царя и основных войск к строящейся Петербургской крепости, здесь все еще оставался гарнизон. Вероятно, опись потребовалась для учета имеющейся в Шлотбурге артиллерии, при подготовке ее вывоза в новую крепость, строительство укреплений которой близилось к завершению. Уже 1 июля в письме Петра I Ф.М. Апраксину в качестве обратного адреса в устье Невы впервые назван не Шлотбург, а Санкт-Петербург. Еще в июне царь писал Шереметеву об ускорении вооружения Петербургской крепости: «...болверки (бастионы *П.С.*) конечно надобно наперед отделать и совсем отделав поставя пушки приняться за куртины[18]. Строительство ее, в основном, завершилось только к середине сентября – спустя 4 месяца после закладки[19]. Таким образом, крепость предполагалось ввести в строй и вооружить артиллерией, до завершения всех ее внешних укреплений. Точная информация об этом отсутствует, но учитывая общие темпы ее строительства, вооружение бастионов могло завершиться уже в июле. Именно ко времени перевода войск от Шлотбурга к устью и была сделана опись его артиллерийского вооружения. Нападение войск Кониорта на Лахту, когда русские войска под руководством Петра I и Чамберса 7 июля выступили им навстречу и нанесли поражение на реке Сестре, возможно, ускорило процесс перемещения войск и вооружений с Охты к новой крепости.

Вывод из строя укреплений Ниеншанца, вскоре после завершения строительства новой крепости, не нашел подробного отражения в документах и восстанавливается по отрывочным и косвенным свидетельствам.

Стратегическое значение Невского рубежа, оценил со шведской стороны новый командующий войсками в Карелии генерал-лейтенант Г. Юхан Майдель в письме Королевскому совету из Выборга 28 сентября 1703 года. Он планировал «...устроить значительную диверсию и прорыв». Однако, отмечал, что «...эта граница имеет преимущество из-за Ладоги и реки Невы и расположенных там хорошо укомплектованных крепостей: Нотебург, Ниен и недавно заложенной крепости на острове Йенисаари, которые у неприятеля сейчас именуются Шлиссельбург, Шлоссбург и Петербург. В таких условиях мне невозможно что-либо предпринять». Несмотря на беспечность русского командования, рассредоточившего войска на значительной территории, и оставившей без надежной обороны крепости в устье, застать их врасплох шведам не удалось. Очевидно, что в это время укрепления Ниеншанца еще сохранялись. Разведчики показывали, что русские «разместили большую часть своих войск между реками под Ниеншанцем и напротив этой стороны на Черной речке (Охты – *П.С.*), разместив у моста 20 пушек для прикрытия»[20].

В письме первого коменданта Петербургской крепости К.Э. Ренне А.Д. Меншикову, 18 января 1704 г.[21] сообщается, со слов Курмышского помещика Гаврилы Француженина, призванного на службу в Шлотбург к 15 августа, но прибывшего туда 5 января 1704 г. «...пришел де он в Шлотбурх и тот город розрыт а ево братьи нетчиков[22] в нем нет». Далее сообщалось, что до 8 января «...из Шлотбурха перевезено ржи 502, овса 27 четей, а бревен из лесу еще не возили для того чтоб прежде на тех платещиковых подводах перевозить из Шлотбурха запасы», что указывает на первоочередность этой работы. Далее упоминаются «оптекарские ученики два человека», работавшие под Шлотбургом, вероятно, в военном лагере и не получавшие «государева хлебного жалованья...» с октября, «…и по тому их челобитью на сей генварь месяц я им выдал по 30 алтын человеку».

Документ свидетельствует о сборе части дворянского ополчения в Шлотбурге в середине августа и о том, что по состоянию на 5 января 1704 г. «… город розрыт». Однако, при этом из Шлотбурга еще не были вывезены остатки провианта и здесь, видимо, оставались войска. Из приведенных сведений, явствует, что основные работы по дефортификации Ниеншанца были проведены стоявшими здесь войсками в период с октября 1703 г. до января 1704 г. Начались они после завершения строительства Санкт-Петербургской крепости, а окончились с наступлением морозов и промерзанием грунта.

На чертеже Ниеншанца и заложенного ныне называемого русского Петербурга, датированном 19 июля 1704 г., показан горящий Ниеншанц, а в описании поясняется: «Ниеншанц, который неприятель сжег 12 июля 1704 г.». Составление его связано с походом Майделя летом этого года. Видимо, русские войска, покидавшие Ниеншанц из-за угрозы захвата неприятелем, сожгли оставшиеся в крепости деревянные постройки[23].

После перевода войск к Петербургу, русское командование, навряд ли, могло быть настолько беспечным, чтобы оставить в досягаемости противника, находившегося на Карельском перешейке, примерно в одном дне пути от устья Охты, не защищенную крепость. При отсутствии достаточных сил, оно не было уверено в возможности обороны сразу двух крепостей, разделенных значительным расстоянием и Невой. Однако, полностью укрепления Ниеншанца не были снесены – их разрушение не было единовременным, что подтверждается как более поздними документами[24], так и результатами археологических работ.

Военные действия на Неве и система малых крепостей на южном берегу Невы в 1704–1708 гг. Непосредственная военная угроза Петербургу сохранялись вплоть до Полтавской победы и взятия Кексгольма и Выборга в 1710 г. Начиная с 1704 г. до 1708 г. русские войска в Приневье, фактически перешли к обороне, отражая нападения финляндского корпуса из Карелии, численностью до 10–15 тыс. человек. Только в 1706 г., они ненадолго перешли в наступление на Выборг, но его осада окончилась неудачей. Сухопутные силы противников в районе Приневья были примерно сопоставимы, при этом русские контролировали Ладогу и Неву, а шведский флот по-прежнему господствовал в Финском заливе. Все это время шведские войска с участием флота стремились захватить Санкт-Петербургскую крепость и перерезать коммуникации, связывавшие его с остальной Россией, в первую оче-

[18] Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб. 1889. Т.2. С. 401.

[19] *Предтеченский.* 1948. С. 24–25

[20] *Yrjö-Koskinen*. 1865. Ч. 1. С. 92–93.

[21] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 96. Л. 5–6 , Материалы любезно предоставлены Е.А. Андреевой. Сорокин П.Е. О сохранении Ниеншанца// Скандинавские чтения 2011 г. СПб., 2012. С. 93 – 94.

[22] Курмыш — город в Среднем Поволжье. Нетчики – дворяне уклоняющиеся от государственной службы.

[23] *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 36–38.

[24] *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. С. 91–93; Сорокин П.Е. 2012. С. 94–101.

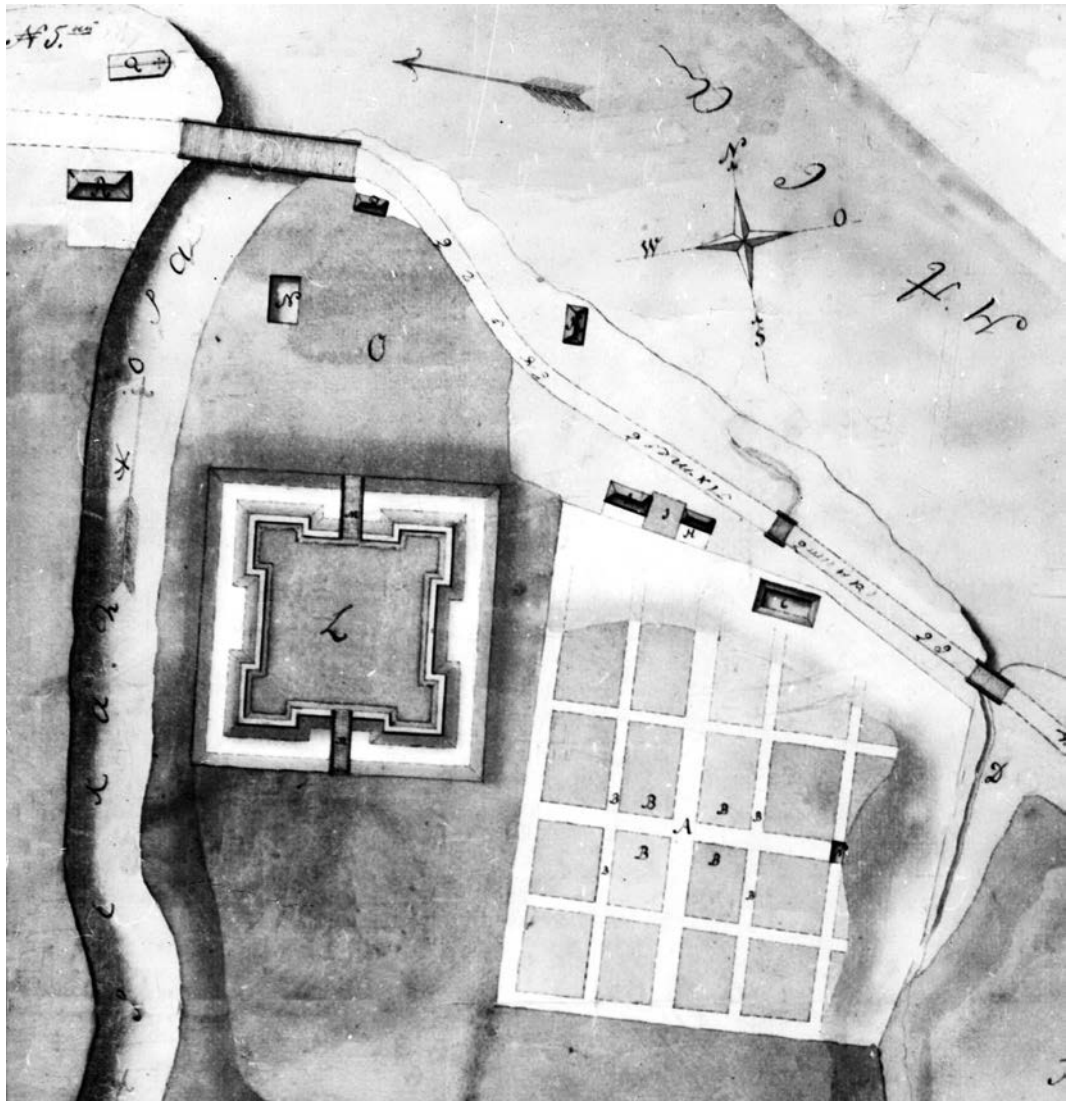


Рис 3. План крепости в Усть-Ижоре 1760 г. (РГИА).

редь водный путь по Неве и Ладоге. Наиболее активные действия в окрестностях Петербурга, с переправами на южный берег Невы предпринимались шведами летом 1704 г. у устья Охты, в 1705 г. – в районе Кривого колена и в междуречье Тосно и Мьи, в 1708 г. – в междуречье Тосно и Ижоры.[25] Важное место в этой стратегии занимал разрушенный Ниеншанц, служивший удобным плацдармом для переправы и сообщений по Неве. Кроме того, в планы шведского командования входило создание плацдармов для наступательных операций против Петербурга и Шлиссельбурга на южном берегу Невы. Переправы, совершались на разных участках реки и обычно предварялись отвлекающими маневрами, для дезориентации противника. Они осуществлялись на плотах и понтонах, доставлявшихся в обозе из Выборга.

[25] *Тимченко-Рубан Г.И.* Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 107–114, 141; Устрялов. 1863. С. 335–342; Сорокин П.Е. 2001. 91–93; Окрестности Петербурга. Из истории Ижорской земли М., 2017. С 255–277.

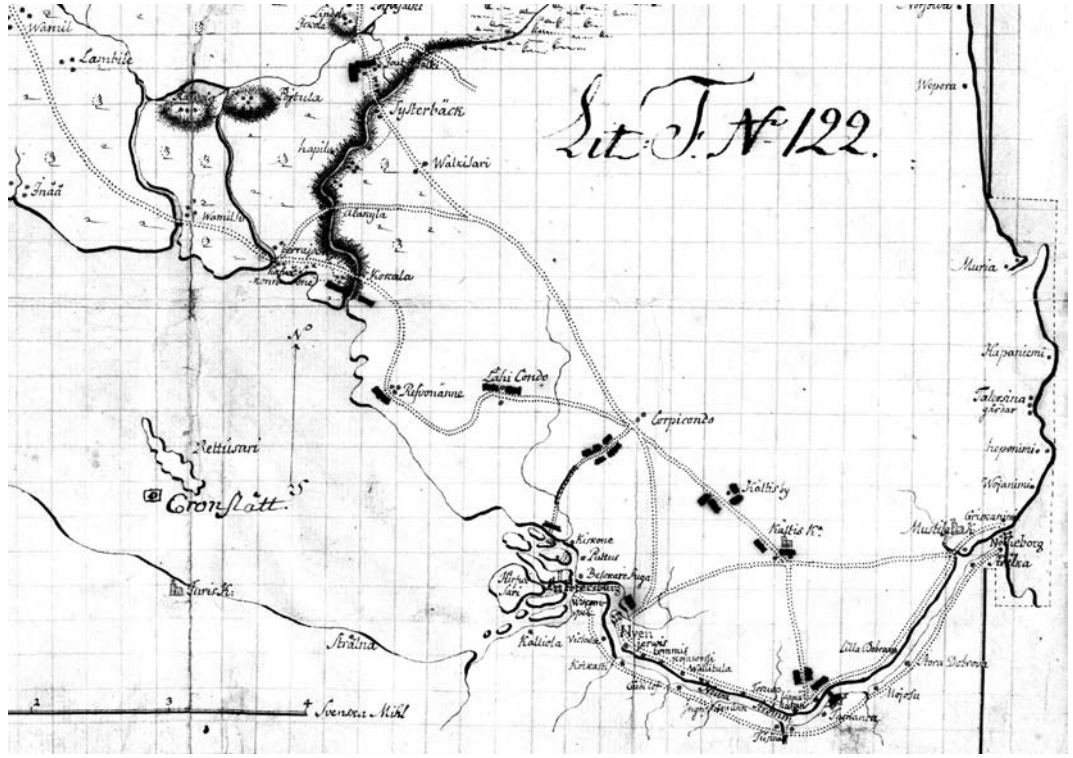


Рис 4. Приневье на карте дорог Карелии и Выборгского лена 1708 г. (Шведский военный архив).

При их проведении применялось артиллерийское прикрытие, для обстрела судов и войск противника. Переправившиеся войска оборудовали на берегу полевые укрепления, позволявшие завершить высадку десанта и эффективно оборонять занятый плацдарм от наступающего противника.

В середине июля 1704 г. шведские войска Майделя пытались прорваться с Выборгской стороны к Петербургу, но были отбиты. В начале августа они подошли к разрушенному Ниеншанцу и получив отказ Брюса сдать Петербургскую крепость, 6 августа навели переправу через Охту «за сохранившимся бастионом Ниеншанца». Простояв 3 дня под артиллерийским обстрелом русских с противоположного берега Невы, 9 августа Майдель отступил по Кексгольмской дороге[26].

В 1705 г. войска Майделя подошли к устью Невы 21 июня и высадили десант на Каменный остров, но наткнулась на русские полевые укрепления с артиллерией на Аптекарском острове. Получив отпор, шведы отошли к Ниеншанцу, где оставили отряд - «а подле Канец у неприятеля не в одном месте сделаны батареи и пушки поставлены». Основные силы шведов двинулись к Шлиссельбургу и успешно форсировали Неву сначала у Кривого колена, а затем в междуречье рек Тосно и Мги, где закрепились на южном берегу, обнеся плацдарм полевыми укреплениями. Брюс при поддержке артиллерии вынудил шведские войска отступить от Ниеншанца и с южного берега Невы. После этого они попытались прорваться с севера к Шлиссельбургу, но здесь были отбиты русским отрядом, оборонявшим шанец на р.

[26] *Устрялов.* 1863. Т. IV., ч. II. С. 335–342; Тимченко-Рубан. 1901. С.111–114.

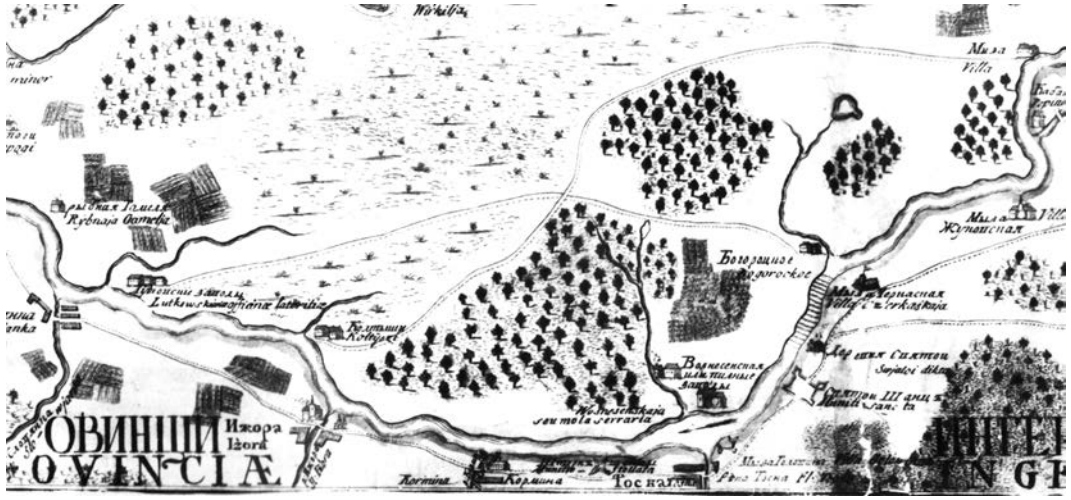


Рис 5. Малые крепости в среднем течении Невы на карте 1740-х гг. «Течение Невы реки из Ладожского озера к Санкт-Петербургу». (РГАДА).

Черной[27]. В следующем 1706 г. шведы вновь подходили к устью Охты, но были отбиты русскими войсками. После этого в октябре было предпринято наступление на Выборг и его неудачная осада. Ослабить натиск шведов на Петербург не удалось.

Для усиления Невского рубежа и предотвращения прорыва неприятеля с севера, в 1707 г. по указанию Петра I по южному берегу реки создается оборонительная система батарей и малых крепостей. Земляные укрепления, возводимые между Петербургом и Шлиссельбургом, на расстоянии 4 - 5 верст друг от друга, должны были препятствовать переправе войск и диверсионных отрядов неприятеля через Неву: «...чтоб неприятельских шпионов можно ловить, которые на плотах хотят переезжать». С этой целью в крепостях размещались небольшие гарнизоны, из 50–70 человек пехоты и 12–15 драгун, которые должны были «промежду расстояния тех крепостей на половине пути беспрестанно по-трое» нести службу. В зависимости от ширины реки укрепления оснащались двух - или четырехфунтовыми пушками. Расположение крепостей и постов должно было обеспечить полный контроль за течением Невы и возможность передачи сигналов между отдельными пунктами, чтобы «невозможно было, как неприятелю перейти потому что так мочно всю реку учесть…» и даже «единому человеку нельзя было незамеченным переплыть». Укрепленные пункты и посты верхней части Невы, вероятно, до реки Тосно находились в ведении Шлиссельбургского гарнизона, нижней - Санкт-Петербургского[28].

Крепости сооружались на возвышенных мысах, у устьев южных притоков Невы, закрывая вход в реки Святая, Тосно, Ижора, а также между последними – у д. Корчмино. На реках Святой и Тосне они контролировали и наиболее труднопроходимый участок на Неве - Ивановские пороги.[29] Новые земляные укрепления были построены и на северных подступах к Петербургу и устью Охты вблизи Выборгской дороги – флеш у излучины Невы и люнет – в 10 верстах от нее[30].

Земляные укрепления петровского времени в Приневье имели различное

[27] *Устрялов.* 1863. Т. IV., ч. II. С. 335, 341–342.

[28] РГАВМФ Ф. 234. 1707 г. Д. 5. Л. 15–17; *Сорокин П.Е.* Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, 1993. С.30; О системе малых крепостей времен Северной войны в Приневье. ./ Петровское время в лицах - 2012. Труды Государственного Эрмитажа LXIV. Материалы научной конференции. СПб., 2012. С. 276–286.

[29] *Сорокин П.Е.* 2017. С. 277–295.

[30] *Тимченко-Рубан.* 1903. С. 180–181, 195–196, 198–200.

устройство и планиграфию, связанные с их функциональным назначением, расположением и ландшафтом. Ширина валов и рвов малых крепостей (редутов) составляла около 4–5 м. Квадратная в плане усть-ижорская земляная крепость, размерами 48 х 48 саж., с четырьмя бастионами (батареями) по углам и линией наружного полигона – 38 саж. была окружена по периметру рвом . С северной и южной сторон имелись ворота и деревянные мосты. Прямоугольную форму имел и шанец в устье реки Тосно, построенный на возвышенном правом берегу, выше старого укрепления. Штерн-шанец в Корчмино имел форму четырехконечной звезды с размерами 45х35 м, по диагонали около 55 м и с расстоянием между шпицами бастионов – линией наружного полигона – 35–45 м[31]. (рис. 3).

Прорыв Невской оборонительной линии произошел в конце августа – начале сентября 1708 г., 15-ти тысячным финским корпусом генерала Любеккера, планировавшим соединиться с войсками из Эстонии. В Петербурге находилось около 7 тысяч войск. Невский рубеж между Петербургом и Шлиссельбургом оборонялся двумя батальонами пехоты, стоявшими в Усть-Ижоре и в междуречье Ижоры и Тосно, и драгунским полком. На Неве – в Усть-Ижоре стояли 5 бригантин Сенявина и за Ивановскими порогами – 8 скампавей Боциса.

После получения сообщений о концентрации шведских войск в верховьях реки – напротив устья реки Мьи, туда и были направлены основные силы. Однако, вскоре выяснилось, что шведские войска начали переправу в среднем течении Невы – в трех верстах ниже устья Тосно. Она осуществлялась на 4-х понтонах по 10 плотов каждый. Атака 2-х русских бригантин была отбита шведской артиллерией, а галеры так и не пришли к месту боя. Ф.М.Апраксин выехавший в этот район, с конвоем и людьми с ближайших постов, не смог воспрепятствовать переправе. Первая тысяча десанта отбила нападение батальона из Усть-Ижоры, завершив строительство полевых укреплений, вокруг плацдарма. Под их прикрытием, завершилась переправа всего корпуса. Однако, вскоре у них обнаружилась нехватка провианта. 3 сентября Любеккер безуспешно атаковал усть-ижорское укрепление и начал поход на запад в сторону Копорья. Военные действия на Ижорском плато продолжались до 17 октября, когда остатки шведского корпуса, численностью свыше 11 тыс. человек, отступившее на побережье Финского залива, были эвакуированы на судах от деревни Криворучье на Карельский перешеек.

Поход Любеккера 1708 г. иллюстрируют две карты из шведского военного архива. На Дорожной карте Карелии и Выборгского лена[32], изображены крепости, крупные поселения, дороги в Приневье, а также места дислокации шведских войск на северных подступах к нему. При этом место переправы Любеккера указано ошибочно – не западнее, а восточное реки Тосно (рис. 4). Возможно, на карте сведена информация о походах разных лет и изображена переправа вблизи места форсирования Невы Майделем в 1705 г. На это же указывает концентрация шведских войск вблизи Большой Невки – перед Каменным островом.

Только после взятия Кексгольма и Выборга в 1710 г., когда граница на Корельском перешейке была отодвинута на десятки километров, Невский рубеж начинает утрачивать свое оборонительное значение. Укрепление Санкт-Петербурга и подступов к нему продолжалось и позднее. Перестройка Санкт-Петербургской крепости в камне, начатая уже в 1706 г. завершается только в 1730-х гг. под руководством Б.К. Миниха. При этом она существенно расширяется за счет увеличения размеров острова и выдвижения южных бастионов в засыпанное русло Невы. Продолжалось

[31] *Сорокин П.Е.* 2017. С. 279–293.

[32] KrA KS 12–106.

и укрепление Кронштадта – в 1716 г. велось строительство Нового Кронштадта, а в 1723-24 гг. городских укреплений, обеспечивавших надежную защиту Петербурга с моря. Планы нового крепостного строительства на Неве сохраняются и после заключения Ништадтского мира 1721 г. В Шлиссельбурге, земляные бастионы были сильно размыты водой и в 1738 г. был составлен проект укрепления их камнем в основании. Утвержденный в 1740 г. Б.Х. Минихом план не был реализован. Только в 1750-е гг. работы возобновились и были завершены к 1758 г. под руководством генерала А.П. Ганнибала[33].

Достраивалась и крепость в среднем течении Невы в междуречье Тосно и Святой – на Ивановских порогах, зафиксированная на плане 1721 г. Напротив нее – на северном берегу планировалась еще одна земляная крепость в форме звезды с пятью бастионами. Таким образом, на этом ключевом участке водного пути предполагалось создать мощный оборонительный узел. Судя по поздним документам внутри бастионной крепости, примыкавшей с юга к Неве, в обход порогов был прорыт судоходный канал. Свое оборонительное значение невские укрепления окончательно утрачивают при Екатерине II, когда Шлиссельбургская крепость окончательно превращается в политическую тюрьму. В то же время выше Ивановских порогов строятся 2 дворца – Екатерининский в Пелле и через реку Потемкинский в Островках и Приневье становится одним из районов распространения усадеб знати. В отличие от Петербурга и Кронштадта, защищавших вход в Неву с моря, крепости в верхнем ее течении, постепенно утрачивают свое оборонительное значение.

В составленном в середине XVIII в. «Описании Санкт-Петербурга» один из его первых историков А.И. Богданов с сожалением отмечал, что Петербург «… весь есть новый, а древностьми или какими старинными знаками показаться пред прочими старинными государствы и городами, аки краинии в том себе недостаток имеющии». Понимая важное значение исторических памятников, он предлагал: «…некоторые не старые, но весьма знатные и достопамятные вещи, которые аки бы нарочно для его оные родилися…», хранить. В числе главных «антиквитетов» – памятников старины, связанных с возникновением Северной столицы и ее основателем, названы: «Шведская крепость Канцы, которая взята была 1703-го году; оной вид и поныне явственно зрится…» и «Батареи, которые строены были от российских войск по берегу Невы реки, по взятии Шлютельбурга, для отдаления шведского войска… начиная от Шлютельбурга и ведены до самых до Канец». Как важнейшие исторические достопримечательности Петербурга их предлагалось сохранить для потомков[34]. В этом описании явственно видится петровское отношение к древностям и достопримечательностям, сохранявшимся им при жизни.

Необходимость сохранения руин Ниеншанца отстаивал в первой половине XIX в. его первый историк А.И. Гиппинг, а также городская общественность в празднование 200-летия Петербурга. Археологический интерес к крепостям Северной войны появляется в последней четверти XIX в., когда они упоминаются в археологической литературе как «старинные окопы, относящиеся к петровскому времени»[35].

Изображения малых крепостей в устье Ижоры, к востоку от д. Корчмино, в устье Тосно и реки Святой вблизи Ивановских порогов встречаются на картах течения реки Невы из Ладожского озера к Санкт-Петербургу и отдельных планах этой территории XVIII в. (рис. 5)[36]. На планах Петербурга, вплоть до строительства Охтинской верфи в начале XIX в. можно увидеть укрепления Ниеншанца. Масштабные сооружения этой крепости – в форме звезды, чудом сохранившиеся на высоту до 4-х м раскопаны в 2007 – 2010 гг. на всей территории Охтинского мыса. Остатки малых крепостей времен Северной войны в Приневье: Апраксина городка, Дудоровского шанца, земляных укреплений в Устьях Ижоры, Тосно и в Корчмино также еще сохраняются в ландшафте.

По прошествии 3-х столетий предложения о необходимости спасения остатков крепостей, связанных с основателем Петербурга, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Большинству из них, в том числе и вновь открытому раскопками Ниеншанцу, по-прежнему, грозит уничтожение из-за нового строительства. Необходимо предохранить их от дальнейшего разрушения и сохранить реальные свидетельства российской истории.

[33] *Славнитский Н.Р.* Укрепления Орешка – Нотебурга – Шлиссельбурга в XVIII вв. //Оборонительные сооружения Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья и нового времени. Труды Гос. Эрмитажа. СХ. Ред. О.М. Иоаннисян, П.Е.Сорокин. СПб., 2022. С. 224–227.

[34] *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 238–240.

[35] *Савельев А.И.* О насыпях и курганах в Петербургской губернии. Известия РАО. Т. VIII. СПб., 1877. С. 56–60.

[36] РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

Н.Р. Славнитский

ПЛАНИРОВАНИЕ ПЕТРОМ I ОСАДНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Первые планы наступления в Ингрии, скорее всего, возникли летом 1701 г. Петр I в то время находился в Новгородской и Псковской областях. Е.В. Анисимов высказал предположение, что царь в 10-х числах августа находился в Ладоге с целью рекогносцировки задуманной им операции и инспекции войск П.М. Апраксина, и тогда же дал ему устные распоряжения по поводу действий в Ингрии[1]. В середине сентября была составлена инструкция Я.В. Брюсу, в которой имелось указание «сделать сани под 6- и 3-фунтовые пушки... також на 12 мортиров...» Кроме того, следовало «изготовить 300 или 400 лестниц штормовых и сани, на чем весть, покрытые лубьем, чтоб было не знать их...»[2]. Можно предположить, что мортиры и лестницы предназначались именно для зимнего похода под Нотебург, а легкие пушки – для лифляндского «поиска» Б.П. Шереметева, в задачу которого не входила осада крупных крепостей[3]. Однако 2 октября Б.П. Шереметев получил указание выступать в поход, и в состав его корпуса были включены подразделения И.И Чамберса (из Новгорода), а также «из Ладоги из полку господина Апраксина Новгороцкого розряду московского чина людем 198 чел., сотенные службы 216 чел.»[4]. Очевидно, именно в то время было принято решение перенести поход на другое время.

Что помешало осуществить задуманное в то время, сказать точно, конечно, невозможно. Естественно, напрашивается предположение о приближавшейся осенней распутице, однако именно сенью начался поход войск под командованием Б.П. Шереметева в Лифляндию. Наиболее вероятными выглядят два варианта. Во-первых, значительное количество шведских войск в непосредственной близости от Нотебурга, которые могли подойти на помощь осажденному гарнизону. Во-вторых, мог сказаться недостаток осадной артиллерии.

Подготовка к осаде Нотебурга продолжилась весной 1702 г. и была уже более основательной. Я.В. Брюс еще в середине марта получил указание царя сделать «мост на лодках, который можно было бы возить в обозе во время военных походов». Яков Вилимович в начале апреля сообщил об этом Ф.А. Головину и попросил того помочь с присылкой из Москвы жести (которая, по его сведениям, имелась в Пушкарском приказе) и паяльных мастеров[5].

8 июня Петр I написал Т.Н. Стрешневу: «изволь сие исправить прежде отъезда своего из Новагорода, чтоб 3000 по нужде, а хотя бы и 5000 лошадей к Ладоге

[1] *Анисимов Е.В.* Биохроника Петра Великого https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/249480948 (дата обращения 2.06.2020.)

[2] ПИБ. Т. 4. СПб., 1900. С. 497–498.

[3] *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966. С. 173.

[4] ПИБ. Т. 1. С. 727.

[5] ПИБ. Т. 2. СПб., 1889. С. 332.

собрать к августу месяцу. Также изволь приказать Брюсу, чтоб которое готовлено зимним путем, то бы изготовил водою, и еще 18 фунтовых, что есть, да 12 мортиров, и к ним по 1000 бомб, и ядер и пороху, также шерсти и кульков, мотыг и лопат втрое перед зимним»[6]. Я.В. Брюс 24 июня сообщил Петру I, что в соответствии с распоряжением, переданным Т.Н. Стрешневым, отправил в Ладогу две мортиры (к ним 2500 бомб), и запросил уточнений по поводу количества мортир, которые необходимо доставить, а также о количестве кульков и мотыг. Кроме того, Яков Вилимович донес, что «пороху пушечного ныне в Новегороде налицо всего 15 000, и мне, государь, мнитца, что гораздо мало сие число пороху пушечного, не только, государь для походу, но и в гатризуне (Так в тексте, скорее всего имелось в виду – в гарнизоне – Н.С.)… и я о том писал по зиме к Андрею Винису, только ко мне не присыловано, и ныне я ему, государь, говорил о том»[7].

25 июля Я.В. Брюс доложил царю, что приготовил все, что требовалось и с 27 числа начнет отправлять припасы из Новгорода в Ладогу. При этом он сделал оговорку, что у него не хватает ни людей (все были заняты на «городовой работе», то есть на возведении укреплений), ни стругов: «надобно, государь, будет под те припасы, також и лестницы стругов с 90 болшой руки, а сколько их ныне, государь, в Новегороде и в Старой Руссе собрано новых и старых, тому роспись с сим письмом послал к тебе»[8]. 30 июля он сообщил, что отправил 12 пушек 12-фунтовых, 15 пушек 18-фунтовых, да две мортиры, к ним ядра и бомбы, а также кульки, мешки, кирки, мотыги и лопаты. Все это уместилось на 16 стругах[9]. Здесь же Яков Вилимович обратил внимание на артиллеристов: «Паче всего милостивый государь, имею попечение, кому артиллерию в походе управить для того, что взял Борис Петрович к себе капитана Илью Коберта, да порутчика, также иных артиллерии нижних чинов начальных людей, а здесь, государь, в Новегороде, всего один капитан да порутчик с двемя копралы (и тем, государь, не сносно будет такую артиллерию управить), да 61 человек пушкарей; и будет, государь, тех отпустить, и здесь никого не останетца, кроме новгородских пушкарей, которых всего 20 человек»[10].

На северо-западном театре в те месяцы шли бои. В Ингрии П.М. Апраксин действовал против шведского корпуса под командованием генерала А. Кроniорта, а генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев осуществлял «поиск» на территории Прибалтики, ему противодействовал шведский генерал-майор В.А. Шлиппенбах.

П.М. Апраксин 10 августа послал донесение, в котором сообщил царю: «по твоему государеву указу военным походом в неприятельской стороне уезд Ореховский и ниже города Орешка по реке Неве до реки Тосны и до самые Ижорские земли с твоими государевыми ратными людьми прошел и неприятельские их жилища, многие мызы великие и всякое селение развоевали и разорили без остатку. И сего августа в 10-й день пришли на реку Тосну, которая имеет устье свое от реки Невы четыре версты, от Орешка двадцать, а не дошед Канец за тридцать верст»[11]. 17 августа он же сообщил, что полковник Иван Тыртов послан «плавным караваном на Ладожское озеро для промыслу» и имел бой со шведскими шкутами, вынудив их отступить к Орешку[12].

Однако основные сила корпуса А. Кроniорта находились возле Дудоровской мызы и по-прежнему представляли угрозу. Более того, П.М. Апраксин сообщил (ви-

[6] ПИБ. Т. 2. С. 68.

[7] ПИБ. Т. 2. С. 363.

[8] ПИБ. Т. 2. С. 377.

[9] ПИБ. Т. 2. С. 378.

[10] ПИБ. Т. 2. С. 379.

[11] ПИБ. Т. 2. С. 387.

[12] ПИБ. Т. 2. С. 388.

димо, по данным разведки), что «войски их, государь, неприятельские собраны из многих мест, ис Редкиной мызы и ис под Ругодева убранные, потому что из Пскова в те места твоих государевых ратных людей никуда не послано и одержания тем их войскам в тамошних местах никакого не учинено, не ведомо для чего»[13]. Там же он жаловался на то, что конницы у него не достаточно, и просил выделить ему 4 драгунских полка. Знал ли Петр Матвеевич о действиях Б.П. Шереметева в Лифляндии, сказать сложно.ихтельские ых мест,ным разведки), что Фельдмаршалу царь 5 августа сообщил, что получены «подлинные вести» о движении шведского короля к Варшаве («и уже о своем прибытии писал явно к Варшавским жителям, и универсалы разослал, что он идет выбирать иного короля; войска с ним 8000 человек, да из Померании будут 6 полков»), а также о том, что «война у Голанцов и прочих с французом зачалась». Из этого Петр I сделал вывод, что Карл XII увяз в Польше (оказавшийся верным), и о том, что у российского командования окончательно развязаны руки, поэтому предлагал Борису Петровичу «итить на генерала» (В.А. Шлиппенбаха) и «землю их как возможно далее к Колывани (Ревелю) разорить». Другим вариантом было «добывание Юрьева Ливонского» (то есть взятие Дерпта)[14]. Борис Петрович еще 18 июля разбил шведский корпус В.А. Шлиппенбаха при Гуммельсгофе.

Сам Петр I в этом же письме писал, «что мы к вам не зело поздно будем, но сие изволь держать тайно»[15] и уже готовился выступить из Архангельска с небольшим отрядом (17 августа он уже находился в Нюхче[16]).

Здесь возникает резонный вопрос – с какими силами царь собирался осаждать Нотебург? Не исключено, что он рассчитывал, главным образом, на те полки, что находились при нем, а также в гарнизоне Новгорода, тогда как Б.П. Шереметев и П.М. Апраксин должны были «прикрывать» осадную операцию, сковывая полевые части шведов. В принципе, П.М. Апраксин находился значительно ближе Б.П. Шереметева, и мог подойти к Орешку быстрее, но в переписке с Петром Матвеевичем о возможности такого варианта нет никаких упоминаний. Более того, 17 августа Петр I обещал прислать П.М. Апраксину подкрепления из Новгорода[17], а Б.П. Шереметеву в тот же день он предложил: «изволте еще доволное время там побыть, и как возможно землю разорить… дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно»[18]. Возможно, упомянутое выше распоряжение А.И. Репнину прибыть с полками в Ладогу было связано именно с тем, что эти части Петр I планировал задействовать в осадной операции. Никита Иванович в конце августа доложил царю, что двигается туда с 9 полками, еще один полк (под командованием И. Рыдлера) оставлен в Новгороде и «по рубежу на заставах»[19]. 4 сентября он уточнил, что один полк (и он сам вместе с ним) отправится на судах, а остальные 8 полков пойдут из Новгорода в Ладогу «сухим путем для умаления судов»[20].

Лишь в конце августа фельдмаршал получил распоряжение идти на подмогу к царю. 3 сентября Петр I, подтвердил это, добавил, «зело время благополучно, не надобно упустить, а без вас не так будет, как надобно»[21]. Следовательно, он

[13] ПИБ. Т. 2. С. 392.
[14] ПИБ. Т. 2. С. 74.
[15] Там же.
[16] ПИБ. Т. 2. С. 79.
[17] ПИБ. Т. 2. С. 78.
[18] ПИБ. Т. 2. С. 79.
[19] ПИБ. Т. 2. С. 393.
[20] ПИБ. Т. 2. С. 393.
[21] ПИБ. Т. 2. С. 82.

понимал, что с небольшими силами взять мощную крепость не получится. Это же он подтвердил 9 сентября: «паки подтверждаю естли не намерен ваша милость еще чего главного, изволь не мешкав быть к нам, также учинить респонс о коннице и об артиллерийских служителях против прежнего моего письма»[22]. В военно-походном журнале Б.П. Шереметева указано, что «в августе и в сентябре в розных числех» Борис Петрович получил приказание «быть к его царскому величеству изо Пскова в Ладогу для генеральского совету»[23].

Интересно, что к тому времени – 28 августа – царь уже получил донесение П.М. Апраксина о победе над А. Кониортом, и написал Петру Матвеевичу, что «мы чаем немедленно быть в Ладогу»[24]. Получается, что окончательное решение об атаке Нотебурга и том, какими силами это будет сделано, было принято лишь после того, как стало ясно, что шведские войска не смогут помешать этому. Сам же Петр I предпочитал двигаться скрытно, и этот маневр, вероятнее всего, был направлен, главным образом, на дезинформацию противника.

Н.И. Павленко и вовсе считал, что решение царя атаковать Нотебург возникло внезапно и было связано с успехами Б.П. Шереметева и с известием о том, что шведы не будут нападать на Архангельск[25]. Однако спонтанным такое решение назвать нельзя, так как к осаде Петр I и его помощники готовились достаточно давно и тщательно.

По данным В.С Великанова, все пять солдатских полков, находившихся в подчинении П.М. Апраксина (Ивана Трейдена, Андрея Шневенца, Даниила Купера, Андрея Гулица и Григория Янковского) были включены в состав осадного корпуса[26]. Сам же Петр Матвеевич оставался на реке Назье для прикрытия осадного корпуса на тот случай, если А. Кониорт решится атаковать.

Б.П. Шереметев 8 сентября сообщил царю, что собирается ехать к нему через Новгород и Псков и что «нарядил» четыре пехотных полка «кроме тех, которые посланы с Андреем Гулицом»[27].

В состав осадного корпуса при выступлении из Ладоги входили следующие части: полки Преображенский (2064 человека), Семеновский (1840 человек), Деидюта (993 человека), Гулица (820 человек), фон Вердена (816 человек), Р. Брюса (673 человека), Девгерина (803 человека), Романовского (669 человек), фон Буковена (811 человек), Бернера (805 человек), Апраксина (902 человека), Гурика (477 человек), Иглиса (561 человек), Гордона (454 человек), Баишева (651 человек), Трейдена (846 человек), Билса (759 человек), Островского (122 человека), всего 16 505 человек[28].

Таким образом получается, что планирование осадной операции зависело от обстановки на театре боевых действий. Точнее, главным образом, это коснулось полков, которые должны были быть задействованы в операции. А вот материальная часть осады готовилась загодя в изначально выбранном для этого пункте (Ладоге).

[22] ПИБ. Т. 2. № 450. С. 82.
[23] ПИБ. Т. 2. С. 394.
[24] ПИБ. Т. 2. С. 81.
[25] *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1991. С. 161.
[26] *Великанов В.С.* Отряд ладожского воеводы П.М. Апраксина в 1701-1704 гг. // Новгородика-2015. От “Правды Русской” к российскому конституционализму: материалы V международной конференции 24–25 сентября 2015 г. Великий Новгород, 2017. С. 191.
[27] ПИБ. Т. 2. С. 395.
[28] Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 г. по 12 сентября 1705 г.) генерал фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. Т. 1. СПб., 1871. Стб. 120.

После взятия Нотебурга Б.П. Шереметев получил указание Петра I на следующую весну – он должен был наладить оборону занятой территории и не пустить шведские войска к Канцам и Шлиссельбургу. Для этого зимой и весной необходимо было заготовить провиант. Соответственно, 26 ноября Борис Петрович написал думному дьяку Е.И. Украинцеву, чтобы тот сообщил ему, где и в каком количестве провиант должен храниться. Однако от Е.И. Украинцева он получил ответ, что никаких указаний государя на сей счет не имеется, и он ничего не готовил. Об этом Борис Петрович 18 декабря сообщил царю[29].

Здесь есть два момента, на которые следует обратить внимание. Во-первых, план на весну 1703 г. зависел от действий шведов. Петр I допускал, что неприятель попытается перейти в контрнаступление и отбить укрепления Орешка, и готовился, в первую очередь, дать отпор.

Во-вторых, задачу обеспечения войск провиантом решали непосредственно через царя, власть командующего войсками Б.П. Шереметева на это не распространялась.

Борис Петрович оставался в Москве до марта, причем еще в начале февраля получил указание царя прибыть в Шлиссельбург, ставший весной основной базой для осады Ниеншанца. Однако фельдмаршал в ответ написал, что ему в Шлиссельбурге делать нечего, там все могли сделать без него, ему же необходимо ехать в Псков, где без него «все встанет». По его мнению, было необходимо устроить новоприборные полки и подготовить подводы. В то же время фельдмаршал заверил Петра I, что «когда дело позовет, я тотчас буду готов»[30]. И в том же письме Б.П. Шереметев отмечал: «тебе известно, на кого мне положиться: один Василий (псковский воевода Бухвостов), и тот неспособен, а в Шлюсенбурхе Данилович и сам изволишь быть»[31]. Петр I отправился в Шлиссельбург из Москвы 15 марта, прибыл туда 17 числа[32].

Следующие письма Б.П. Шереметева (отправленные в конце февраля из Москвы) касались состояния дел в Пскове[33]. Во втором из них есть один интересный момент: «Изволили ты мне сам сказать, будучи под Шлисенбургом, что изволишь Брюсу приказать и, как то надлежит, все изготовить, для того был взят генерал Брюс и Гошка, а для запасов Емельян Украинцов, и я в том имею надежду, что вышепомянутое все будет исправлено»[34]. Из этого фрагмента напрашивается предположение, что еще осенью 1702 г. вскоре после взятия Нотебурга, Петр I определился с функциями упомянутых людей, и поделился своими соображениями с Борисом Петровичем.

В каждом письме фельдмаршала в те дни упоминается о сложностях грядущего перехода – двигаться по сухому пути тяжело (начиналась весна и распутица), а для перехода водой недостаточно стругов. Собственно, сам фельдмаршал настаивал на том, чтобы передвигаться водным путем и постоянно писал о сложностях со стругами. П.М. Апраксин также сообщал, что у него подвод не имеется (следовательно, двигаться сухим путем у него возможности нет). Солдаты оставшихся с ним пехотных полков в то время делали суда, и к ним было в начале апреля прислано

[29] ПИБ. Т. 2. С. 449.

[30] *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 65.

[31] ПИБ. Т. 2. С. 448.

[32] ПИБ. Т. 2. С. 481, 482.

[33] ПИБ. Т. 2. С. 473-475.

[34] ПИБ. Т. 2. С. 474.

2000 работников[35]. Только Я.В. Брюс смог обеспечить подводами Преображенский и Семеновский полки в Новгороде (дл них было собрано 808 подвод)[36].

Параллельно с этим проходила осадная операция против Ямбурга. 11 апреля 1703 г. Петр I приказал «послать изо Пскова в свейскую землю к городу Ямам для взятья и осады той крепости генерала маеора Фон Вердена да генерала квартермистра Аргамакова». Осадный корпус состоял из одного драгунского и 13 пехотных полков (всего 9820 человек) при 23 полковых пушках, 9 гаубицах и 5 мортирах (к ним ядер и бомб по 100 выстрелов)[37]. И получилось так, что генерал-майор Н.Г. фон Верден стал первым из генералов, кому была поручена самостоятельная операция по осаде крепости (хоть и небольшой).

А после взятия Ниеншанца отряд под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева двинулся к стенам Копорья, куда прибыл 24 мая. Прибыв на место, фельдмаршал доложил царю о том, что по сообщениям от местного жителя в устье Наровы появилось три конных полка шведов (а также пехота), которые могут двинуться к Ямбургу или к Копорью. В связи с этим Борис Петрович предложил отправить к Копорью три полка под командованием А.И. Репнина, с мортирами, а он сам хотел соединиться с теми частями, которые находились у Ямбурга[38]. Петр I первоначально (25 мая) одобрил намерение Б.П. Шереметева идти на неприятеля, при этом написал, что подкрепление присылать незачем, имеющихся сил вполне достаточно, для осады Копорья можно оставить тысячу человек под командованием полковника[39]. Однако 27 числа гарнизон Копорья сдался (о чем фельдмаршал сразу сообщил царю)[40], и 28 числа Петр I приказал Борису Петровичу ждать его самого у Копорья[41]. Таким образом часть подразделений, которые планировалось использовать для осады Копорья, не была задействована в виду того, что обошлись меньшими силами.

Осадные операции **1704 г**. Первоначальный план Петра I предусматривал наступление в нескольких направлениях. Генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву было поручено осаждать Дерпт, П.М. Апраксин весной блокировал укрепления Нарвы, а сам Петр I выступил к Кексгольму. Однако царю практически сразу пришлось двигаться под Нарву. Первое, что здесь необходимо отметить – Борису Петровичу Шереметеву во второй раз поручалась самостоятельная осадная операция, при этом крепость была более мощной, нежели в предыдущем году. Второй момент – царь в любом случае собирался лично командовать одной из осадных операций. В реальности ему пришлось еще принять участие и в осаде Дерпта, а также заниматься и доставкой артиллерии.

П.М. Апраксин, находившийся с марта в Ямбурге, получил указание наблюдать за обстановкой в Нарве и вокруг нее. 25 марта он сообщил генерал-губернатору Ингрии А.Д. Меншикову, что «новых ведомостей от Ругодива и ниоткуды о неприятельских войсках и в Нарве все прежнее живут во многом страхе…»[42]. Царю он

[35] ПИБ. Т. 2. С. 510.

[36] ПИБ. Т. 2. С. 511.

[37] Военно-походный журнал с 3 июня 1701 г. по 12 сентября 1705 г. генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого архива Главного Штаба. Т. 1. СПб., 1871 (далее - Военно-походный журнал Б. П. Шереметева). Стб. 126.

[38] ПИБ. Т. 2. С. 554-555.

[39] ПИБ. Т. 2. № 532. С. 170.

[40] ПИБ. Т. 2. С. 555.

[41] ПИБ. Т. 2. № 533. С. 170.

[42] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 8-9; Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

доложил 29 марта, что «по показанию пленных шведов (9 человек рейтар и солдат) в Нарве было 4 полка «и в тех померло более половины», так что оставшихся в живых было менее 2000, считая и конницу; смертность в городе велика («ежедневно мрут по 6 человек и более»); припасов мало»[43]. Видимо, после получения этого письма, Петр I и приял решение взять сначала Кексгольм, а Нарвой заняться после этого.

Кроме того, там же П.М. Апраксин просил пополнить два новгородских драгунских полка «против иных полков тысячными из тех же новгородского полку городов, в которые послан для выбору Иван Назимов, а в дополнку надобно 350 человек, а те города служили с новгородцами всегда вместе». Петр I на этот пункт наложил резолюцию: «дополнить из тех же городов, отколь и те собраны»[44].

В апреле П.М. Апраксин посылал на территорию Лифляндии несколько партий, и в 20-х числах месяца получил сведения о том, что шведы отправляют подкрепления к Нарве из Ревеля. Поэтому он решил преградить им путь с теми силами, что у него имелись – три пехотных полка, однако укомплектованы они были не полностью (в одном насчитывалось всего 380 человек, в другом – 496 и лишь в третьем – 780), а также драгунские части (всего 2456 человек)[45].

27 апреля он с этими силами пришел к устью реки Наровы и обнаружил там 9 кораблей и 4 шкуты. Два 18-пушечных судна попытались пройти к крепости, «и те корабли з божьей помощью и его государевым счастием из Наровы реки и из наровского и от росонского устья отбили и один корабль во многих местах из пушек разбили и отошли в море со многим страхом»[46], то есть П.М. Апраксин смог не допустить их к укреплениям, правда, при этом российские войска потеряли одну пушку, которую разорвало во время боя (всего у Петра Матвеевича имелось три 6-фунтовых и шесть 3-фунтовых орудий)[47].

4 мая он сообщил А.Д. Меншикову о приходе к устью Наровы подкреплений[48], 9 числа – о том, что шведы не предпринимают никаких действий, ограничившись выставлением караулов, то же самое происходило, по его словам, и в Нарве[49].

Пользуясь пассивностью шведов, Петр Матвеевич все это время беспрепятственно посылал разъезды по всем направлениям, и от захваченных «языков» вскоре получил сведения, что шведы ждут прихода корпуса под командованием генерал-майора В.А. Шлиппенбаха из Ревеля с 7-тысячным войском, которое должно было подойти к Нарве в 20-х числах мая[50].

Эти известия, по всей видимости, и вынудили Петра I отказаться от осады Кексгольма и двинуться к Нарве, о чем он сообщил Б.П. Шереметеву 20 мая[51], причем войска, судя по письму Ф.А. Головина Г.Ф. Долгорукову[52], к моменту получения сведений, уже выступили в поход, а сам царь отъехал на две версты от Санкт-Петербурга. Фельдмаршалу в то же время было приказано поспешить с осадой Дерпта.

[43] *Петров А.В.* Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на балтийском побережье. СПб., 1901. С. 278–279.

[44] ПИБ. Т. 3. СПб., 1893. С. 33.

[45] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 13–14.

[46] Там же. Л. 15–16.

[47] Там же. Л. 17.

[48] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 53 об.

[49] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 56-57.

[50] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 46-47.

[51] ПИБ. Т. 3. С. 71.

[52] ПИБ. Т. 3. С. 628-629.

На первый взгляд действия Петра I весной и летом 1704 г. были хаотичными. Однако тут необходимо учитывать, что шведы не сидели сложа руки и в то время предприняли первую попытку атаковать укрепления Санкт-Петербурга со стороны Финляндии, используя в качестве опорного пункта Выборг. Российское командование знало об этих планах, и стремление захватить Кексгольм в тот момент обусловливалось именно этим – в случае успеха можно было если не сорвать нападение шведов, то, по крайней мере, сильно осложнить им жизнь. В таком случае неприятельский корпус оказывался при наступлении на Санкт-Петербург под угрозой нападения с фланга, и его командование было бы вынуждено часть сил выделять на то, чтобы обезопасить фланг. Следовательно, план Петра I был очень даже логичным, однако реализовать его не удалось, так как сведения о возможном прибытии подкреплений к Нарве требовали сосредоточения основных сил под стенами данной крепости.

Б. П. Шереметеву царь еще 23 марта написал, что может быть ему нужно будет двигаться в Польшу. Это пока было приказано держать в тайне, но готовиться[53]. Спустя месяц, 30 апреля, он все-таки приказал фельдмаршалу с пехотой выступать к Дерпту, а к литовской границе отправить один драгунский полк «во обнадеживание Литвы» (этот полк должен был выступать в качестве авангарда основных сил фельдмаршала, чтобы создать видимость подготовки похода в Польшу).[54] Видимо, Петр I весной думал о оказании помощи союзникам, но не исключено, что это была просто демонстрация главного удара. 20 и 25 мая царь подтвердил приказание двигаться к Дерпту, недоумевая, почему Шереметев мешкает (о походе в Польшу речи уже не шло)[55].

Борис Петрович, надо сказать, весьма скептически относился к вероятности похода В.А. Шлиппебаха и опирался при этом на свои «источники» – донесения Р.Х. Боура, который тоже (как и П.М. Апраксин) посылал разведывательные партии в Лифляндию. На основании допросов «языков», захваченных ближе к Ревелю, он пришел к выводу, что «никакова сикурсу ни откудова нет и сам Боур и полковники сказывали мне о том имянно, что сикурсу ниоткудова нечего чаять...», о чем сообщил 18 мая к А.Д. Меншикову[56].

12 мая Петр еще раз подтвердил Б.П. Шереметеву приказ идти осаждать Дерпт и при этом сообщил о том, что 7 мая цитадель против Котлина «обновлена именем Кроншлот»[57]. Б.П. Шереметев в ответ на это сообщил царю, что собирается к Дерпту и пойдет туда, как только сможет, уточнив, что сам пойдет на бригантинах и шкутах, а генерал-майор с шестью пехотными и двумя драгунскими полками – сухим путем[58].

16 мая Петр I сообщил Б.П. Шереметеву о том, что к Нарве подошла шведская флотилия, которую «не пропустили», а от пленных драгун получены сведения, что комендант Нарвы пытается направить гонцов к Шлиппенбаху с просьбой идти на выручку осажденному гарнизону. В заключение царь подчеркнул, что он сообщил все это фельдмаршалу для того, чтобы Борис Петрович пресек эту попытку шведского генерала (буде он таковую предпримет)[59].

[53] ПИБ. Т. 3. С. 41.

[54] ПИБ. Т. 3. С. 53.

[55] ПИБ. Т. 3. С. 71-73.

[56] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 85.

[57] ПИБ. Т. 3. С. 69.

[58] ПИБ. Т. 3. С. 613.

[59] ПИБ. Т. 3. С. 69-70.

20 мая Петр I подтвердил Б.П. Шереметеву приказание идти осаждать Дерпт (добавив к этому, «зачем мешкаете, не знаю»), а также сообщил, что войска под его командованием были вынуждены отменить поход к Кексгольму и идти к Нарве[60]. 25 мая он отменил распоряжение, касавшееся Шлиппенбаха. Связано это было с тем, что царь сам с войском уже подходил к Нарве, поэтому он предложил фельдмаршалу такой вариант: «когда Шлиппенбах пойдет к Ругодиву, не пресекай ему пути, но, когда к нам приближится, а вас минует, изволь захватить его сзади, и так над ним при помощи божией искать промыслу»[61]. То есть Петр I рассчитывал устроить шведскому корпусу ловушку и разгромить его.

Таким образом, окончательно планы российского командования определились только к концу мая 1704 г., а к их реализации приступили лишь в июне – войска под командованием Б.П. Шереметева подошли к Дерпту 9 июня. Такая ситуация с планированием привела к тому, что подготовка материальной части для осадных операций оказалась скомканной. 14 июня Б.П. Шереметев писал А.Д. Меншикову, что он взял из Пскова 20 пушек, а мортиры все (Псков, видимо, служил базой для похода; а в самом корпусе Б.П. Шереметева осадных орудий, скорее всего, не было, если он действительно собирался в Польшу). Здесь же фельдмаршал отмечал, что бомб и ядер у него немного, так как больше не смог взять из-за нехватки судов[62]. Остальные орудия были доставлены позднее.

Под Нарву войска подошли и вовсе без осадной артиллерии, поэтому на первых порах пришлось ограничиться блокадой укреплений. 29 мая Петр I приказал К.А. Нарышкину прислать из Пскова 12 пушек, в том числе 12-фунтовых – 7 и 8-фунтовых – 5.[63] К.А. Нарышкин позже писал, что под Нарву из Пскова было взято 12 пушек «больших чугунных»[64]. А пушки из Санкт-Петербурга были доставлены 10 июля[65], то есть через месяц после того, как войска подошли к крепости.

Однако пассивность шведских войск позволила спокойно доставить и сосредоточить артиллерию и довести обе осадных операции до победы.

[60] ПИБ. Т. 3. С. 71.

[61] ПИБ. Т. 3. С. 73.

[62] ПИБ. Т. 3. С. 634.

[63] ПИБ. Т. 3. С. 75.

[64] Архив ВИМАИВИВС. Ф 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 250.

[65] Журнал походов Петра I // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. № 362. Л. 121.

К.А. Кочегаров

ГЕТМАН МАЗЕПА И СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕЧЕРСКОЙ КРЕПОСТИ В 1707 Г.

Сооружение Печерской крепости[1], начало которому было положено в 1706 г. стало важным этапом в истории не только начального периода Северной войны, но и истории русской фортификации в целом. Печерская крепость – одна из первых бастионных крепостей в истории отечественного военно-инженерного искусства, построенная по системе С. Вобана, почти два столетия сохраняла оборонное значение на западных рубежах страны, постоянно расширяясь и укрепляясь. Проблема основания и первых лет строительства крепости неоднократно затрагивалась в научной литературе общего[2] и специального характера[3]. При констатации всей важности истории закладки и первых лет строительства Печерской фортеции в 1706–1708 гг., многие аспекты указанной проблемы все еще остаются невыясненными либо известными исследователям в самом общем виде. К ним относятся ход строительных работ, а также роль и участие в нем украинских казаков гетмана И.С. Мазепы. Если основание крепости и первые месяцы строительства в 1706 г. в целом представлены в историографии, пусть и недостаточно полно, благодаря опубликованным материалам, в том числе документам соответствующих томов фундаментального издания «Писем и бумаг императора Петра Великого»[4], то событиям 1707 г. внимание практически не уделяется – их описание в вышеприведенной литературе умещается в объем от нескольких строк до нескольких абзацев. Последнее можно, пожалуй, отнести только к Н.И. Костомарову, посвятившему строительству Печерской крепости в 1707 г. чуть более страницы на основе неопубликованных писем Мазепы Г.И. Головкину и П.П. Шафирову (в примечаниях приведены цитаты из двух гетманских писем)[5]. Еще раз, не учитывая описание Костомарова, ту же переписку затронул в небольшой статье киевский исследователь М.Г. Васильев, однако именно что затронул, очертив содержание документов довольно поверхностно[6]. Указанная историографическая лакуна отражается в работах по истории Печерской крепости, Киева и киевского гарнизона в начальный период Северной войны самым негативным образом. Так, О.В. Ситкарева представляет дело так, что

[1] Именуется в источниках Киевской, а также Успенской. В статье используется наименование Печерская крепость, как более географически точное и исторически верное.

[2] См., напр.: *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 209–210, 226–227, 475–481, 622–625 (пояснения к планам, которые см.: *Ласковский Ф.* Карты, планы и чертежи к II части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Л. 24, 25); *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. Битва под Нарвой и начало побед. СПб., 1863. С. 479–480; *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 81–82, 432; *Петров Н.И.* Историко-топографические очерки древнего Киева (с планом древнего Киева 1638 г.). Киев, 1897. С. 56–57; *Иконников В.С.* Пребывание Петра Великого в Киеве (Киев – Полтава) // Военно-исторический вестник. 1910. № 5–6. С. 2–4, 11–14 и др.

[3] См. напр.: *Васильєв М.Г.* З історії будівництва Печерської фортеці // Український історичний журнал. 1995. № 1. С. 109–115; *Ситкарева О.В.* Киевская крепость XVIII–XIX вв. Киев, 1997; *Петров С.С.* Києво-Печерська фортеця в межах цитаделі (кінець XVII – початок XX століть) // Лаврський альманах. Спецвипуск 8. Печерська фортеця та Київський Арсенал: нові дослідження. Київ, 2008. С. 112–165 и др.

[4] Наиболее, пожалуй, подробное изложение см.: *Петров С.С.* Києво-Печерська фортеця… С. 121, 123.

[5] *Костомаров Н.И.* Мазепа // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб., 1885. С. 310, 314–315.

[6] *Васильєв М.Г.* З історії будівництва… С. 110–111.

в 1707 г. строительством руководил исключительно Д.М. Голицын[7], из изложения С.С. Петрова невозможно уяснить, чьими силами вообще строилась крепость в указанное время[8], а В.С. Великанов утверждает, что основное бремя строительства в 1707 г. несли солдаты Севского разряда, в виду того, что якобы «сбор казаков по разным причинам постоянно откладывался»[9].

С этой точки зрения Костомаровский нарратив остается до сих пор наиболее полным (и даже при этом не всегда учтенным в позднейшей литературе), и в данной статье, основываясь на практически не введенной в научный оборот переписке Мазепы с Головкиным и Шафировым, а также других неизвестных ранее документах архива Малороссийского приказа, делается попытка радикально выйти за его рамки. Детальная реконструкция процесса строительных работ 1707 г., наиболее интенсивного и продолжительного в течение 1706–1708 гг., как представляется, откроет не только новую страницу в истории Печерской крепости, но и обогатит наши представления об участии казачества Малой России в военных операциях дополтавского периода Северной войны 1700–1708 гг., которое до сих пор не исследовано с необходимой полнотой.

ПОДГОТОВКА К СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ В 1707 Г.

В известном письме гетману Ивану Мазепе от 24 января 1707 г. Петр I, констатируя, что «уже сия война на однех осталась», предписывал ему прибыть под Киев «по самой первой траве» для «совершения начатой фортеции, а паче для обороны от неприятеля своих краев». Считалось, что противник появится у Киева уже в начале мая, в связи с чем царь предписывал гетману укрепиться у Днепра «шанцами или окопами». Для сооружения последних Мазепе следовало запасти «доволное число лопаток и заступов»[10].

Продолжение строительства крепости обсуждалось на военном совете в Жолкве весной 1707 г., когда был представлен некий план строительных работ и Мазепа в соответствии с ним лично получил от Петра ряд директивных указаний. Суммированы они были в пунктах от царя гетману от 25 апреля (вручены в Жолкве). Мазепе предписывалось «собратца с войском у Киева и Печерской манастырь укрепить, хотя не так, как надлежит быть совершенная фортеция, но так, дабы можно было сей год, при приходе неприятеля, удержать, как о том доволно сказана инженеру». В случае, если бы неприятель подошел к Днепру, Мазепе следовало разместить гарнизон в Печерске, самому отступить за Днепр, «а старой Киев оставить пуст». Соответственно, в текущем году гетману и казакам необходимо было «зело трудитца, дабы Печерской манастырь как наискоряя укрепить и артилерию управить, дабы при приходе неприятелском без страха возможно сию фортецию оставить». Казацкие войска должны были прибыть к Киеву не позднее 10 июня[11]. Из Жолквы Мазепа послал «во все полки… таковие ординансы, чтоб на предлежащую кампанию военную 20 мая з домов выходили и в последних числех настоящаго ж месяца у берега днепрового стали»[12].

[7] *Ситкарева О.В.* Киевская крепость… С. 35.

[8] *Петров С.С.* Києво-Печерська фортеця… С. 124.

[9] *Великанов В.С.* Российские гарнизоны в малороссийских городах на начальном этапе Великой северной войны (в 1700–1708 годах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Ч. 1. СПб., 2017. С. 432.

[10] ПиБ. Т. 5 (январь – июнь 1707) / [под ред. А.Ф. Бычкова, И.А. Бычкова]. СПб., 1907. С. 41–42.

[11] Там же. С. 189–190, 603.

[12] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 75. Л. 1 об.

Как и в прошлом году, за воплощением разработанного проекта надзирал инженер и подполковник Марк Гейнсон[13], обеспечением стройки материалами занимался Д.М. Голицын, общее руководство работами осуществлял И.С. Мазепа. В строительстве участвовали войска гетманского регимента – наемные и городовые казаки, переданные под командование Мазепы стрелецкие полки, а также полки Севского разряда С.П. Неплюева. В деле доставки строительного инструмента и материала – дерева, кирпича, извести, дерна – гетману было предписано взаимодействовать с главой Белгородского разряда и новым киевским воеводой Д.М. Голицыным (принял управление городом от губернатора А.А. Гулица)[14].

Еще одна встреча гетмана с царем и обсуждение строительства произошла непосредственно в мае 1707 г. в Киеве. В начале месяца Мазепа уже находился там, когда в город прибыл царь Петр. Здесь 5 числа они встретили прибывшего в Киев царевича Алексея Петровича. Гетман сообщал Головкину, что прибыл в Киев «при крайней моей немощи» и собирался «немедля» выехать в Батурин «для управления врученных мне дел». Петр, по сведениям Мазепы, собирался покинуть город 6 мая[15]. В Киеве продолжилось обсуждение строительства Печерской крепости, начатое в Жолкве. В частности, позднее Головкин напоминал Мазепе, как Петр в ходе майской встречи предписал ему не распускать казаков, собранных для строительства крепости, пока «то городовое строение делать наступит уже неспособное время»[16].

Гетман покинул город также 6 мая, намереваясь «немедленно» готовиться в Батурине «до походу военного» обратно в Киев либо туда, куда предпишет двигаться царский указ[17]. 11 мая царь, получив новые вести о якобы начавшемся выходе шведов из Саксонии, писал гетману, торопя его со сбором войск и выступлением в киевский поход для строительства крепости[18]. В тот же день Петр I писал и Д.М. Голицыну, надеясь, что он уже прибыл в Киев. Царь приказывал воеводе осмотреть «новую» Печерскую крепость и позаботиться о дополнительных работниках для ее строительства, которых следовало «взять с Украины», с тех малороссийских городов, которые были ведомы в Разряде (Киев, Чернигов, Нежин, Переяслав), но исключительно «по согласию» с Мазепой. Последнее было маловероятно, учитывая, что значительное число казаков уже предполагалось направить для участия в сооружении Печерской крепости. В любом случае все строительные работы Голицыну также необходимо было «исправлять заранее по согласию с ним, господином гетманом»[19]. 13 мая гетман был уже в Батурине, сообщая Головкину о скором выезде к полкам в Киев, после небольшой задержки в своей резиденции «ради слабости… здоровья»[20].

[13] ПиБ. Т. 6 (июль – декабрь 1707) / [под ред. И.А. Бычкова]. СПб., 1912. С. 386.

[14] 29 января 1707 г. Петр писал Д.М. Голицыну, назначенному воеводой Белгородского разряда, с оповещением об указе «ведать к Белугородскому розряду Киев и все замки в Черкаских городех, в которых руския люди». В связи с этим Голицын должен был ехать в Киев «и к будущему лету всякое приготовление учинить…, а имянно во управлении артилерии и магазейнов». При этом особо подчеркивалось, что «городовое Печерского города дело вручено гетману на его люди» (ПиБ. Т. 5. С. 56). 2 мая в письме царя воеводе подчеркивалась необходимость «трудитца» с гетманом «обще во всем как возможно» (Там же. С. 229). 9 мая Д.М. Голицын прибыл в Киев для осмотра городских крепостных сооружений (по пути он также провел ревизию «Чернигова, Нежина и Переясловля крепостей» и находившихся в них «воинских припасов»). См. его отписку в Малороссийский приказ: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 261–261 об.

[15] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 73. Л. 2 об.

[16] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 193–193 об.

[17] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 75. Л. 1–1 об. Письмо Мазепы из Киева от 6 мая 1707 г.

[18] ПиБ. Т. 5. С. 243.

[19] Там же. С. 248. 26 мая Петр вновь подгонял Голицына со строительством Печерской крепости, «чтоб оную заранее укрепить». Царь предписывал назначить комендантом некоего Самарина или Масальского (возможно И.М. Кольцов-Масальский, которого Д.М. Голицын сменил на должности белгородского воеводы). Там же. С. 274.

[20] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 80. Л. 2–2 об.

Д.М. Голицын получил царский «имянной» указ о «строении нового города Печерского Белгородского и Севского разрядов городами» 21 мая и немедленно, в тот же день отписал в Разрядный приказ, что «к тому городовому строенью надобно пять тысяч лопат железных, обрезов и отрезов по сту, а в Киеве к тому городовому строенью лопат и отрезов и обрезов малое число». Голицын просил, чтобы указанные инструменты и материалы были затребованы из Артиллерийского приказа и присланы из Москвы «или откуда» в Киев как можно скорее «понеже то городовое строенья конечно делатца начнет июня в 1-м числе, чтобы за нескорою присылкою тому городовому строению остановки не учинилось»[21].

Отписка Голицына была получена в Разряде 1 июня, а следующим днем датирована память в Артиллерийский приказ об отправке затребованных воеводой инструментов и материалов. В тот же день ведомство ответило, что «на Пушечном дворе лопаток и обрезов, и отрезов на лицо малое число и отпустить в Киев не ис чего для того, что те наличныя лопатки и обрезы, и отрезы надобны на Москве к городовому делу и в отпуск в полевую артиллерию». Приказ выражал готовность сделать необходимые инструменты и материалы, требуя Разряд выделить необходимую сумму – 920 руб. (по 6 алтын за лопату, по 3 алтына 2 деньги за обрезы и отрезы). Это не удовлетворило Разряд, и он стал искать частных подрядчиков. Торговец из Железного ряда Козьма Евтифеев готов был продать приказу 4680 лопаток по 5 алтын за штуку, всего за 693 руб. («а менши той цены не отдает», констатировалось в специально составленной по этому поводу выписке), что было даже дешевле сметы, выставленной Артиллерийским приказом на 140 руб. 10 алтын 2 деньги. В результате Стрешнев решил выкупить у Евтифеева 4 000 лопат и отправить в Киев с разрядным подьячим «без замедления», а обрезы и отрезы «приискивать в рядех не оплошно ж», торгуя их по цене, указанной Артиллерийским приказом[22]. 7 июня датированы памяти из Разряда в Малороссийский и Ямской приказы о выдаче подвод под отправляемые в Киев 4 тыс. лопат[23], а 9 июня – отпуск грамоты Д.М. Голицыну об их отправке с разрядным подьячим Иваном Владыкиным[24]. В личном письме Стрешнев сообщал Голицыну, что обоз с лопатами выехал из Москвы 13 июня. Здесь отмечалось, что лопаты закуплены несмотря на «оскудение в денгах в Разряде», обрезы и отрезы же «в рядех купить не сыскали, велено делать, как поспеют и пришлем»[25]. Лишь августом 1707 г. датирована запись о покупке Разрядом двухсот пар «отрезов и обрезов железных» для «посылки в Киев к городовому строению» у торгового человека из Железного ряда Кузьмы Ефимьева[26].

В распоряжение И.С. Мазепы для использования на строительных работах поступили также ратные люди Севского разряда, которыми командовал стольник и полковник С.П. Неплюев. «Севскому разряду надлежит *быть при гетмане всему* (курсив мой. – *К.К.*)», – гласили царские пункты Мазепе от 25 апреля[27]. 30 апреля солдаты и офицеры Неплюева (1501 чел.) вышли на службу, прибыв в Киев к 11 июня. К этому количеству 18 и 20 июня добавились спустившиеся вниз по Днепру на стругах караченцы (250 чел.) и трубчане (214 чел.), а также пришедшие «сухим путем из городов

[21] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 277–278.

[22] Там же. Л. 279–280 об., 283–285 об.

[23] Там же. Л. 286–287.

[24] Там же. Л. 287 об. – 292, 295. Обрезы и отрезы обещали прислать позже. Еще один отпуск грамоты Голицыну, от 8 июня см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 353 об. – 354.

[25] Там же. Л. 293–294.

[26] Там же. Л. 552.

[27] ПиБ. Т. 5. С. 189.

из розных полков» 642 чел. В дополнение к этим людям из Севска было прислано 290 чел. «выборных» и 140 драгун. Вместе с казаками из Терновой слободы (97 чел.), бывшими «у артиллерии», корпус Неплюева, занятый «в Киево-Печерском у городового дела на работе», к 20 июля составил 3134 чел. Число нетчиков, не прибывших в Киев, составило 1414 чел., включая 324 чел. «комаричан». Последние должны были прислать вместо тех солдат, которые были взяты в драгуны. Докладывая о численности своих войск в Разряд Неплюев, констатировал, что из-за значительного числа не прибывших на службу солдат и офицеров «у городовой работы, что на мои… полки отведено, чинятца непоспешения». Он жаловался, что «о высылки… тех нетчиков и беглецов в городы к воеводам и к приказным людем писано и нарочно посылано многажды», но «воеводы и приказные люди с посланными моими… ратных людей ко мне в полк не присылают и ни о чем не пишут»[28].

ХОД СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В 1707 Г.

2 июня из лагеря под Броварами Мазепа сообщал Петру I[29] и Головкину о начале работ по строительству Печерской крепости силами казацких полков (городовых и наемных) и великороссийских ратных людей, находившихся «при боку» Мазепы[30]. Один из находившихся на строительстве русских полков – стрелецкий полк Ивана Нечаева, о выдаче хлебного жалованья которому Мазепа просил Головкина в июле 1707 г.[31]; второй – полк Ивана Скрипицына. За выдачу жалованья обоим полкам гетман вновь ходатайствовал в январе 1708 г.[32]

Сам гетман планировал прибыть в Киев 3 июня, выражая уверенность, что «за прибытием моим спешней дело пойдет в своей работе, когда все полки совокупятся»[33]. Мазепа писал, что, исполняя царский указ «всячески стараюся о строении башты каменной в фортеце Печерской киевской для которого уже приуготовлено доволно надобной материи». Попутно гетман жаловался на присланного для руководства стройкой инженера Гейнсона, который «предлагает нам до совершения надлежащаго дела не меншую трудность времени нынешнего краткости для, которой так скоро невозможно будет, начавши, совершити, и если бы мело быти (чего не дай Боже) неприятелское наступление, то в недоконченой баште свободный будет вход». То есть инженер считал нецелесообразным строить каменную башню, полагая, что ее невозможно построить в короткие сроки. В случае если неприятель подойдет к крепости, он сможет ворваться в нее через недостроенную башню. Мазепа сетовал, что совет инженера поддержал и Д.М. Голицын: «дабы тепер для скорости давши основание каменное, сооружили на оном башту деревяную». Однако гетман

[28] РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Дела разных городов. Д. 61. Л. 254–255. См. также список прибывших на службу с указанием дня приезда и отдельную роспись явившихся из Острога от Б.П. Шереметева: Там же. Л. 255 об. – 259. Ср.: *Великанов В.С.* Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 101.

[29] «Дело около фортификации Печерской по указу… его царского величества инженером назначенное и показанное уже некоторые передние, так городовые, яко и охочепехотные купно с великросийскими, при мне пребывающими зачали, спешно делать». РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 19 об.

[30] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 85. Л. 2–2 об.

[31] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 89–89 об. Черновик письма Г.И. Головкина от 25 июля 1707 г. из Варшавы. В тот же день Головкин написал письмо М.Г. Ромодановскому и переслал ему стрелецкую челобитную. Письмо Ромодановскому см.: Там же. Л. 90–90 об.

[32] 4 августа Мазепа писал главе Разряда, Т.Н. Стрешневу, прося на зиму расквартировать находящиеся при нем полки И. Нечаева и И. Скрипицына недалеко от украинских границ, в Путивле, послав туда хлебные запасы из Севска (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 563–565 об.). См. также память из Малороссийского приказа в Приказ Земских дел о выдаче жалованья полку И. Скрипицына, который не получил в Путивле хлебное жалованья, начиная с июля 1707 г., и полку И. Нечаева, который не получил его за декабрь и ноябрь. Оба полка в указанный момент находились «при гетмане» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 53–54). См. также: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 55–56. Память из Малороссийского в Стрелецкий приказ о том же.

[33] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 85. Л. 2–2 об. (оригинал); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 14 об. – 15 (пересказ), 19 об. – 20 (перевод).

требовал подтвердить это решение дополнительным монаршим распоряжением, «понеже, – как писал он, – о строении каменной башты, а не деревяной з уст всемилостивейшого моего царя и государя, его царского величества в Жолкве получил я указ». Соответственно, теперь гетман просил Головкина разрешить ситуацию и выслать ему соответствующие рекомендации.

Еще одним препятствием «до спешной работы» в деле «фортификации печерской» были «повседневные неперстанные великие дожды» из-за которых, как жаловался Мазепа, «дело умедляется, однакож не оставляется понеже тые дожды пременением з светлыми и горячими днями бывают»[34].

В споре о том, какую строить «башту» – деревянную или каменную Петр I встал на сторону Мазепы. 19 июня Головкин сообщал гетману, что царь «деревянной башты» строить «не соизволил», но «повелел строить каменную». Чтобы ускорить дело в строительстве следовало использовать «каменное строение», которое есть в Киеве, «сколко потребно». То есть для нужд строительства предполагалось разобрать и пустить в дело подходящие городские каменные здания. Все убытки обещали компенсировать из царской казны. Петр «приказал делать всеконечно оную башту каменную», завершив работы по ее сооружению этим летом, резюмировал Головкин[35].

21 июня Мазепа докладывал, что «дело фортификации печерской помощию вседействующаго Бога спешно управляется»[36]. 26 июня гетман доносил, что Гейнсон требует 400 пудов железа «доброго гнучого» для «созидания башты каменной». Мазепа не знал, где взять такое большое количество материала, поскольку в Киеве и на Украине «не токмо 400, но и 50 пуд невозможно достати». Он отмечал, что в прошедшую зиму посылал людей для покупки железа на свои личные нужды в Москву, но и там его посланцы «не могли достати и напытати железа сколко было надобно, токмо малое чтось число привезли». Он просил Головкина донести о проблеме монарху и прислать ему указ, где «так великое число железа взяти»[37].

Головкин ранее писал Мазепе, что «до мурованя башти имеет быти всякое вспоможение з города». Однако, по словам гетмана «жадного до мурованя тоей башти не требую вспоможеня, кроме единого железа, якого в городах рейменту моего трудно достати». При этом, по словам Мазепы «кирпичу так и извести ест доволно». Гетман, таким образом, не спешил выполнять царский указ о демонтаже каменных киевских зданий для использования их камня для крепостного строительства. Он лишь просил послать указ Д.М. Голицыну, чтобы «повелел выдати до тоей башти с потребы железа»[38].

Такую позицию Мазепы М.Г. Васильев трактует как сознательное стремление гетмана ограничить поставку большого количества малороссийского железа на строительства Печерской крепости[39]. Однако судить об этом однозначно, не зная возможностей украинской железной промышленности сложно, и с этой точки зрения не подкрепленное какими-то примерами и расчетами, утверждение Васильева совершенно голословно. Между тем в распоряжении исследователей уже давно имеется основательная монография П.К. Федоренко о металлургии Левобережной

[34] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 85. Л. 4–4 об. (оригинал); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 21 об. – 22 (перевод).

[35] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 65 об. – 66.

[36] ПиБ. Т. 5. С. 742. Архивный оригинал см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

[37] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 94. Л. 4.

[38] Там же. Л. 5. См. также: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 26.

[39] *Васильєв М.Г.* З історії будівництва... С. 111.

Украины во второй половине XVII–XVIII вв., дающая необходимые для анализа данные. Согласно им, к началу XVIII в. известно о существовании на Левобережной Украине 22 руден – металлургических предприятий, каждое из которых в среднем было оснащено тремя водяными колесами и двумя горнами с числом работников около 10–13 чел. Рудни были довольно архаичными предприятиями даже для своего времени, добывая железно из т.н. болотной руды, в изобилии встречавшейся в лесах черниговского Полесья. Каждая рудня в среднем выплавляла 500–700 пудов железа в год, причем работала только около ста дней в году на высокой воде, главным образом в весенние и осенние месяцы. Более того, большинство железа, выплавляемого на таких руднях из-за низкого качества руды было так называемым «крушным», то есть рыхлым, хрупким и годилось лишь на производство хозяйственных изделий. Лишь пятая часть всего железа – это «доброе», «гнучое», ковкое железо – гораздо более качественное[40]. Таким образом валовое производства железа в Малой России в начале XVIII в. – чуть более 13 тыс. пудов в год, причем только примерно 2,5 тыс. пудов его были тем самым «гнучим» железом, шестая часть которого (400 пудов) была необходима Мазепе для строительства. Для Гетманщины – провинции с населением, составлявшим по разным оценкам в указанную эпоху от миллиона с небольшим до двух миллионов человек населения это очень немного. При этом в России в XVII в. один горн тульских заводов давал 100–120 пудов железа в сутки, либо 3,6 тыс. пудов в месяц. «Такого количества, – пишет П.К. Федоренко, – не давала ни одна левобережная рудня в год». Не мудрено, что малороссияне закупали железо в России (и вышеприведенное свидетельство Мазепы по этому поводу, было, видимо, вполне правдивым), а Петр I как раз в мае 1706 г., за несколько месяцев до закладки Печерской крепости, обсуждал с инженером В.Д. Корчминым строительство завода на р. Нерусе возле Трубчевска, чтобы снабжать Украину железом по Десне и Днепру. Особый размах ввоз на Украину русского железа приобрел, правда, чуть позднее, в 1720–1730-х гг., когда его в значительных количествах закупала в том числе и Киево-Печерская лавра[41]. Таким образом жалобы Мазепы на отсутствие «доброго гнучого железа» выглядели вполне обоснованно, будучи обусловлены слабыми возможностями украинской металлургии указанного времени. Хотя стремление гетмана снять с себя обременительную повинность по поиску и закупке железа у различных поставщиков, качество которого в силу дробности производства было сложно гарантировать и стоимость которого русская казна могла возместить Мазепе, видимо, в не самые быстрые сроки, вполне могло иметь место.

27 июня Головкин сообщал гетману, что главе Разрядного приказа боярину Т.Н. Стрешневу, послано распоряжение отпустить необходимый металл «из Брянских новых железных заводов». Для ускорения процесса строительства Мазепе требовалось лично написать Стрешневу, а также пытаться скупать доступное железо – «в Киеве или в других ближних малороссийских городех». Траты гетману обещали возместить из казны[42].

В тот же день руководитель посольских дел сам написал Стрешневу, который в свою очередь должен был запросить царского инженера В.Д. Корчмина, есть ли

[40] *Федоренко П.К.* Рудни Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. М., 1960. С. 22, 38–43, 56–61, 115.

[41] *Федоренко П.К.* Рудни Левобережной Украины... С. 127–140; ПиБ. Т. 4 (1706). [Вып. 1] / [под ред. А.Ф. Бычкова]. СПб., 1900. С. 257–258. Еще одно весьма достоверное свидетельство о закупке Мазепой железа в Москве см.: Кочегаров К.А. Как поссорился Иван Степанович со Львом Кирилловичем: к вопросу о неформальных взаимоотношениях украинских гетманов и царских вельмож // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 18.

[42] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 81–81 об. Копия письма Головкина – Стрешневу была отправлена Мазепе. См.: Там же. Л. 84–84 об.

железо на Брянских заводах. В случае положительного ответа, груз материала предполагалось немедленно спустить «водою» до Киева. Если бы на указанных заводах нужное количество железа (400 пудов) не нашлось, следовало докупить недостающую часть на рынке. Немного позднее (7 июня) Разряд по тому же вопросу начал донимать Д.М. Голицын. Он писал, что для строительства каменных ворот в Новопечерской крепости «по ведомости инженера, которому у строенья той крепости быть велено, надобно на связи доброго железа *триста пуд* (число, судя по всему, ошибочно; курсив мой. – *К.К.*), а в Киеве такова железа в казне нет и купить негде» (и это свидетельство лишний раз подтверждает правдивость оправданий Мазепы касательно нехватки железа на Украине). Соответственно воевода просил срочно прислать необходимый материал, «чтоб тому строению за тем остановки не было». Всего, таким образом требовалось 400 пудов железа для строительства каменной башни и ворот (во всяком случае именно так поняли смысл посланий в приказе, отмечая в выписке по письму Голицына, что он просил 400 пудов). Письмо Головкина было получено в Москве чуть раньше голицынского, 11 июля. В тот же день были посланы памяти в Артиллерийский приказ и в канцелярию московской крепости к поручику В.Д. Корчмину. В последней требовалось послать в Киев «немедленно сухим или водяным путем» железо с Брянских заводов. 13 июля Корчмин отвечал, что «болши ста пуд железа изо Брянска послать невозможно для того, что во брянском и в севском гварнизунах железа исходит на мелкие многие расходы». Указ об отпуске 100 пудов железа был послан им брянскому коменданту И.А. Ржевскому. 17 июля было «куплено у иноземца у Вахромея Меллера 300 пуд железа связного для посылки в Киев к строению в Новопечерской крепости каменных ворот». За него уплатили по 20 алтын за пуд, всего 180 руб. 18 июля на калужские заводы Меллера выехал с 22 подводами разрядный подьячий Петр Стефанов (отпуск царской грамоты к Голицыну датирован днем раньше)[43].

1 августа Мазепа написал Стрешневу, интересуясь, когда прибудет в Киев железо «до башти каменной, в фортере (так в рукописи. – *К.К.*) Печерской созидаючойся». Гетман сетовал, что «его тут крайняя настоит нужда, понеж тая башта без железа не может своего восприяти совершенства»[44]. Груз железа прибыл в Киев 31 августа. Голицын принял у Стефанова материалы, причем «по весу явилось сверх трехсот пуд шеснатцать пуд семь фунтов», возможно потому, что как писал воевода «здешней весь с московским не сходен». Все полученное железо Голицын, как и было приказано передал Мазепе. Брянское же железо воевода вплоть до 1 сентября не получил[45].

Помимо проблем с конструкцией одной из крепостных башен (строить каменную или деревянную) и доставки железа для нее были и другие, касавшиеся создания системы земляных укреплений. 2 июля Мазепа вновь жаловался, что строительство печерской крепости «идет не таким образом», как ему лично указывал Петр во время встречи в Жолкве из-за чего, как полагал гетман, «прибавилося работы и усугубилося трудов». Царь по словам Мазепы «повелел старый вал около печерского токмо поновити, который увесь был осыпался и до крайней прийшол руины». Однако теперь «на ново з самого фундаменту дело начинание свое восприяло, ибо и фоссу (ров. – *К.К.*) далеко от первой старинной глыбшую и ширшую, и вал самый

[43] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 82–82 об.; РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 447–457 об., 460–461, 472–472а. В. Меллер был крупным подрядчиком, ранее поставившим 2 000 пудов железа для строительства в Азове. Согласно приказной выписке, память по письму Голицына была отправлена Корчмину 14 июля и тогда же был дан ответ, аналогичный ответу днем раньше.

[44] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 562. Письмо получено в Разряде 13 августа.

[45] Там же. Л. 458–459.

вышший и ширший робят, також де на старом валу дерну ничого не было, а ныне з самий подошвы аж в верх дерн всюда кажемо класти, который не без трудов и трудностей за пят и за шест миль от Киева режут, берут и возят, для чого дело умедляется и продолжается ибо в силу един раз на день з тым дерном козаки могут звернутися». Мазепа также выражал недовольство требованиями инженера Гейнсона строить два больших вала, «почавши от гори в низ Печерского, аж до самого Днепра». Строительство этих валов, по его словам, не обсуждалось в Жолкве с царем и не было предусмотрено первоначальным планом. Валы строили казаки двух полков. Их сооружение должно было по мнению Мазепы и по словам инженера продлить работы по строительству крепости «до самой зимы». Гетман вообще сомневался, удастся ли закончить работы до холодов и просил выхлопотать у царя разрешение съездить в Батурин на две недели для своих «крайних… домашних дел», а также для решения вопроса с поставками лошадей в русскую армию[46].

В этом же письме Мазепа жаловался на состоявшего при Гейнсоне некоего молодого немца, ранее бывшего «хлопцем» при переяславском полковнике Ф. Мировиче (попал в шведский плен в 1706 г.). Немец «досматривая отчасти фортификации печерской, казаков напрасно немилостиво бьет, шпогою рубит, и двух казаков ранил, полковников и иную старшину без респекту как хочет безчестит». Мазепа жаловался М. Гейнсону и Д.М. Голицыну, однако «не получил управы», поскольку немец якобы «им не присуден». Гетман просил Головкина, «дабы того немца от такого злобнаго нраву унять и наказание ему учинить, чтоб впредь не учинил какого смертного убийства, а в народе смятения»[47].

Имеется черновик ответа Головкина на это послание Мазепы. Руководитель посольских дел оправдывал инженера, указывая, что «когда ныне есть свободное время к строению той фортеци, то ему велено делать регулярно» и, соответственно, Мазепе, надо было приложить «всякое возможное старание» для воплощения в жизнь скорректированного плана строительства. Здесь же Головкин отвечал на просьбы Мазепы об двухнедельном отпуске для поездки в Батурине и о наказании бившего казаков «немчина». В первом случае Головкин писал гетману о нежелательности отлучаться со стройки, рекомендуя ехать в Батурин только в случае самой крайней нужды, во втором – предписывал провести розыск совместно с Д.М. Голицыным[48].

10 августа Мазепа сообщал, что «башта каменная совершилася с всем и арматы ставят на бастионе прошлорочном», выражая надежду, что «все дело помянутой фортификации Печерской (хотя и люде от повседневных трудов и летнего вару (жары. – К.К.) и кони воженем палисад дубоваго на мосты и на башты дерева, також де и дерну весма изнемогли) средних или последних чисел месяца октоврия в совершенство прийдет, если надходячие в осень холоды, дожды и инные трудности препятия не учинят». Такого же мнения был и инженер Гейнсон, письмо которого (не найдено) Мазепа пересылал вместе со своим посланием[49]. При этом, как известно, необходимое для укрепления конструкции железо прибыло в Киев только 31 августа. Поэтому в недатированной цедуле, говоря о завершении башни «от самого фундаменту» из камня, гетман напоминал, что «токмо едина нужда и препятия предлежит, самое железа, которого у себе не имею и купити не достану». Он вновь напоминал о его присылке Головкину, прося «исходатайствовати указ» князю

[46] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 97. Л. 1 об. – 4 (оригинал); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 23 об. – 24 (перевод).

[47] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 24 об. – 25 (перевод).

[48] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 87–87 об.

[49] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 103. Л. 1–1 об. (оригинал); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 1 (пересказ).

Д.М. Голицыну, чтобы тот «до той каменной созидаючойся башты з города верхнего с потребу выдал железа»[50].

В другой, недатированной части письма – постскриптуме, относящемся также, видимо, к августу Мазепа вновь уверял Головкина, что крепость будет готова к концу сентября – началу октября. Он просил «любезного приятеля и благодетеля» заранее выхлопотать монаршее распоряжение о роспуске войск сразу после завершения строительства если «неприятелского нашествия не будет», поскольку казаки «целолетнею работою, понесши тяготу и вар, весма утрудилися, и так изнемощили, что третяя част болных козаков обретается, а до того и от коней отпали и сами оголодали, лишившися последних борошенных запасов, по которые в далечайшие полки посылати не без трудности и не маш чим, для чого уже яко изнемощилыи, утружденныи и безконныи, до всякой службы в наступуючие холоды не угодны будут»[51].

Известие о скором завершении строительных работ было весьма кстати, поскольку 16 августа встревоженный Головкин сообщал гетману новую порцию слухов, что шведы якобы вышли из Саксонии. В царской ставке не знали, куда точно направится «неприятель», но предполагали, что в Польшу. Соответственно руководитель посольских дел передавал Мазепе царский указ: постараться Печерскую крепость «как наискоряя в такое состояние привесть, чтоб мочно было оборону иметь от неприятеля, егда либо оной намерен будет оную атаковать»[52].

Известия о начале шведского наступления вызывали повышенное личное внимание к ходу строительства и со стороны самого монарха, 21 августа Петр I писал Мазепе, что поскольку шведы уже точно вышли из Саксонии в Польшу, следует «крепость Успенскую как наискоряя отделывать и к обороне оной и всего краю» готовить. В тот же день аналогичное письмо было отправлено и Голицыну [53]. Директива повторялась и в письме Головкина гетману от 27 августа – царь велел ускорить работы, чтобы крепость обязательно была готова «сея осени» и в случае нападения «могла отпор дать неприятелем»[54]. 28 августа гетман, в день получения письма от 16 августа, уверял Головкина, что «фортеца Печерская в деле своем скоро до совершенства приходит» и работа над ней будет завершена в последних числах сентября, ныне же, по царскому указу и «по таковым о неприятелю ведомостям тщаливей прилежати будем, дабы тая крепость тым скорей свое восприяла совершенство»[55]. В отдельной (недатированной) цедуле гетман отмечал, что для ускорения работ велел «паном полковником, дабы у дела тоей крепости самы неисходно зоставали для неленостной товарыства своего работы»[56]. Наконец, в письме самому Петру Великому от 3 сентября (в ответ на послание от 21 августа) Мазепа заверял государя: «от начала дела тоей фортификации всяким тщанием, радением, усердием и бодростию прилежалем поспеху оной крепости», а получив царский указ в очередной раз прикажет ускорить работы[57].

Наряду с обеспокоенностью царской ставки возможностью скорого шведского вторжения и обещаниями гетмана завершить работы как можно скорее, в переписке Мазепы с Головкиным появляется еще одна сквозная тема – просьбы о немедленном роспуске гетманского войска после окончания строительства. По всей видимости недовольство непривычных к тяжелым фортификационным работам казаков, истощавших на нем собственные продовольственные запасы и терявших личных лошадей, стало ко второй половине августа очевидным. Это очень тревожило Мазепу, особенно на фоне настроений царского двора немедленно готовить Печерскую крепость к обороне против якобы идущих в Польшу шведов. Перспектива сидеть в осаде всю позднюю осень и зиму совсем не улыбалась гетману. Поэтому начиная с августа гетман с удвоенной энергией обрабатывал Головкина, добиваясь разрешения распустить войско сразу, как только крепость будет окончена. Подобная спешка вызывала недовольство Петра I, что в свою очередь, провоцировало еще более пространные и униженные просьбы Мазепы.

Головкин и Шафиров в этой ситуации первоначально устранились от какой-либо поддержки гетмана, полностью положившись на монаршую волю. 20 сентября они сообщали царю о просьбе Мазепы распустить войско, предлагая приказать ему оставить при крепости «часть некоторую» казаков, отправив остальных «ради отдохновения в домы», поскольку, как считали министры «неприятель еще не может скоро к рубежам притти по медленному нынешнему своему походу». Соответственно, казаки, «отдохнув и управясь», смогут при необходимости собраться вновь. Помимо этого, Петру передавались просьбы Мазепы определить численность гарнизона крепости и назначить коменданта[58].

25 сентября царь, отвечая на письмо Мазепы от 3 сентября, выражал надежду, что Печерская крепость «в сих числех уже совершилась». На полученную «чрез министров» просьбу Мазепы о роспуске войска Петр отвечал отрицательно, поскольку неприятель появился уже недалеко от Варшавы, и, соответственно, монарх обещал прислать гетману указания о судьбе участвовавших в строительстве крепости казаков после того, как планы шведов на ближайшее время станут ясны русскому командованию. В который раз Петр требовал от Мазепы, чтобы крепость «ко осадному времени была готова», а в нее на зимовку был введен смешанный гарнизон: «часть малороссийских войск купно с великросийскими»[59]. В письме с той же датой самодержцу вторил Головкин, категорически отвергая просьбу гетмана о роспуске войска: «того ни по которому образу учинить невозможно, понеже неприятель уже 6 ден ныне как от войск наших, пребывающих около Варшавы, всего в 15 милях обретался, а ныне уже гораздо ближе». Мазепе предписывалось срочно завершать строительство: «однако не изволь во учреждении оной крепости плошитца»[60].

ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ГАРНИЗОНА

Весь конец сентября – начало октября в царской ставке терялись в догадках относительно дальнейших военных планов шведской стороны. 26 сентября Петр ожидал удара противника севернее Украины – на Псков, Полоцк и Копысь, спустя три дня сетовал, что не знает точно, куда двинется шведское войско, а 1 октября получил известие о его приходе к Торуни. В связи с этим он выразил уверенность, что на Киев шведы не пойдут, а ударят на Курляндию, отрезав от остальных сил войска А.Д. Мен-

[50] РГАДА Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 72.

[51] Там же. Л. 44.

[52] РГАДА Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 105.

[53] ПиБ. Т. 6. С. 60–61. 12 сентября 1707 г. царь вновь напоминал Голицыну, что «чего не исправлено в новой крепости, о том трудись и поспешай как возможно, дабы как людми, артилериею, правиантом и протчим, что надлежит к осаде, оная крепость совсем была исправлена» (Там же. С. 91).

[54] РГАДА Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 108.

[55] РГАДА Ф. 124. Оп. 4. Д. 114. Л. 2–2 об.

[56] РГАДА Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 70.

[57] ПиБ. Т. 6. С. 311. Оригинал см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 116. Л. 1.

[58] ПиБ. Т. 6. С. 366–367.

[59] Там же. С. 106–107.

[60] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2 Л. 124.

шикова. Однако уже спустя неделю самодержец сообщал последнему, что противник вряд ли будет вообще развивать наступление из-за скорого наступления зимы[61].

Тем не менее царь не спешил ослаблять активность на киевском направлении. 3 октября он сообщает Д.М. Голицыну об отправке к нему офицеров для гарнизона Печерской крепости, обещая вскоре прислать и коменданта. Воеводе требовалось спешно готовить гарнизон: «вели как возможно людей обучать, и чтоб оных всегда обыкновенно было в оном гварнизоне 2000 человек». Если такую численность набрать бы не удалось, Мазепе следовало прибавить «во оной гварнизон» несколько сотен своих казаков[62]. 13 ноября царь писал Голицыну, подтверждая предыдущее приказание «о дополнке в Печерской гварнизон двутысячного числа салдат». При этом Петр I отвергал предложение Голицына забрать у Мазепы для пополнения гарнизона стрелецкие полки вместо казаков: «А что ты писал, дабы вам от гетмана в гварнизон взять руских, а не черкас, и того учинить невозможно, понеже и гетману руские надобны»[63]. По поводу всех этих указаний Голицын писал 30 ноября в Разряд, указывая, что «в Киеве в трех стрелецких полкех на лицо» 1760 чел. (и тем была не заплачена последняя, «сентябрьская» треть жалованья за год) и чтобы довести совокупный гарнизон города и Печерской крепости для требуемого числа нужно еще 240 солдат и офицеров[64]. 8 января 1708 г. Голицын сообщал, что «во исполнение того двутысячного числа» он велел набрать людей из городов Белгородского разряда «изо вторых и изо лготчиков». Всего в Киев было «наряжено» 431 чел. (100 чел. из Старого Оскола, 30 – из Карпова, 50 – из Ливен, 27 – из Хотмыжска, 20 – из Вольнова, 15 – из Палатова, 60 – из Валуек, 60 – из Обояни, 20 – из Суджи, 49 – из Яблонова)[65]. Однако четырьмя днями ранее, 4 января 1708 г. в Разряде был дан указ, увеличивавший численность киевского гарнизона еще на 1 тыс. чел., до 3 тысяч солдат и офицеров за счет служилых людей Белгородского и Севского разрядов. В связи с этим в приказе была подготовлена выписка по поводу того «ис каких чинов в то число набрать и на жалованье им денги с каких тягл имать, и афицеров к ним откуды взять», а также «фузеи, багинеты, шпаги, сумы откуды взять». Решения по ней не найдено[66].

8 октября царь приказывает полковнику Преображенского полка М.Б. фон Кирхену офицеров и унтер-офицеров его полка, которые не годны к службе «за старостью и увечьем», повысив в чине на один «градус» (сержантов и каптенармусов в прапорщики, прапорщиков и подпоручиков в поручиков, поручиков – в капитаны), отправить в Киев к Д.М. Голицыну[67]. Где-то в начале 1708 г. в Разряде была составлена выписка о жалованье для 8 поручиков, 13 прапорщиков и 11 иных «урядников» Преображенского и Семеновского полков, присланных «в киевской гварнизон» по «имянному указу» царя, данному «из военного походу из Гродни»[68].

Наконец, 14 октября Петр приказывает генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, двигавшемуся по его приказу на Минск, выслать в Киев полковника Николая Андреевича Геринга, чтобы Д.М. Голицын его «учредил там в новой Печерской

[61] ПиБ. Т. 6. С. 109, 111, 120–121, 124, 128.

[62] Там же. С. 125.

[63] Там же. С. 156.

[64] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 103. Л. 580–581.

[65] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Д. 201. Ч. 1. Л. 332–333.

[66] Там же Ч. 1. Л. 330–330 об.

[67] ПиБ. Т. 6. С. 130.

[68] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Д. 201. Ч. 1. Л. 299–303 об., 329–330. Из Гродно Петр I выехал 21 сентября (ПиБ. Т. 6. С. 102), следовательно, имелись более ранние, нежели письмо фон Кирхену, царские указания об отправке офицеров и урядников Преображенского и Семеновского полков на службу в Печерскую крепость.

крепости камендантом» (полк Геринга должен был остаться в составе войск Шереметева). Шереметев еще в 1705 г. дал Герингу лестную характеристику в письме А.Д. Меншикову, называя человеком «добрым» и «искусным». О выезде Геринга с офицерами в Киев Петр I написал Голицыну 13 ноября. Герингу предписывалось передать полк находившегося в Киеве полковника М. Франка, а его самого отпустить в Москву. 5 декабря Голицын писал Головкину о получении указа касательно Геринга, который, однако, по сведениям воеводы все еще находился в Минске. Поскольку тем же указом самому Голицыну предписано было ехать в Москву, он просил Головкина похлопотать (написать Шереметеву) о скором выезде Геринга в Киев. Головкин отвечал 19 декабря, что комендант давно выехал к месту службы и уже должен был прибыть по назначению. В декабре же Герингу было утверждено прежнее жалованье – 45 руб. в месяц, без, видимо, просимого им «прибавочного корма»[69].

Только после назначения Геринга, Петр, будучи уверен, что даже если неприятель перейдет в ближайшее время Вислу, то ожидать его следует под Полоцком и под Псковом[70], вспомнил о Мазепе и его казаках. 16 октября 1707 г. он посылает гетману указ распустить войска, а самому ехать в Батурин. При роспуске Мазепа должен был объявить, что войско должно быть «во всякой готовности» к январю на случай, если шведы таки решатся на зимнее выступление в направлении Киева[71].

Мазепа тем временем оканчивал стройку, бомбардируя одновременно Головкина просьбами о роспуске войска. В одном из сентябрьских писем гетман писал о практически полном завершении строительства крепости. «Тепер токмо самый контрашарп (контрэскарп. – *К.К.*) делается, – рапортовал гетман, – который найболш за десять дней до совершенства подоблющого прийдет». Он запрашивал указаний насчет гарнизона: «сколко мне надлежит людей рейменту моего тут в фортеции оставити, яким порядком и хто будет комментантом»[72]. Головкин сообщил о назначении Геринга Мазепе 29 октября. Он правда не знал, отправился ли новый комендант к месту службы[73].

29 сентября Мазепа выслал два пространных письма Головкину и Шафирову. В обоих он многословно, с нотками отчаяния, просил о немедленном роспуске казаков по домам. Вообще обычно гетман по сути дела писал только Головкину, а Шафирову адресовал лишь любезности и комплименты со ссылкой на то, что по существу все изложено в послании руководителю посольских дел. Поэтому подобное дублирование подчеркивало исключительную важность для гетмана представляемой просьбы и срочность принятия необходимого решения по ее поводу.

В письме Головкину Мазепа вновь жаловался, что казаки «тут в Киеве на службе монаршой его царского величества зостаючи, весняною, целолетною и осенною около фортификации Печерской работою, так изнемощили, знужили и утрудилися, что невозможно их ни на якую службу болш употребити, понеже от безмерных и непрестанных трудов третяя част их болных обретается, а до того лишившися все уже давно борошенных запасов, яко последнейшии нищии по монастырам и по дворам ходячи хлеба просят, последнюю одежду з себе для препитания продают, кони все воженем дерну, дерева, палисад, кирпичу и извести так вымордовали, что и за едну

[69] ПиБ. Т. 6. С. 138, 156, 395, 418, 453, 562. Геринг прослужил комендантом Печерской крепости до 1718 г. Подробней о нем см.: Иконников В.С. Пребывание Петра Великого в Киеве (Киев – Полтава) // Военно-исторический вестник. 1910. № 5–6. С. 14.

[70] ПиБ. Т. 6. С. 134–135.

[71] Там же. С. 139.

[72] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 41 (недатированная цедула).

[73] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 144 об.

милю поехать ими нельзя». Гетман вновь настойчиво просил царского указа распустить по домам «тое весма знужнелое и до найпоследнейшой службы неугодное войско в Киеве зостаючое» после завершения работ на «фортеции Печерской». Такая настойчивость была связана в том числе и с тем, что 24 сентября Мазепа получил письмо Головкина с указом Петра I послать на Волынь, в Полонное «килка тысячей» казаков, объявив и о походе туда самого гетмана «для устрашения непостоянных ляхов, чтоб они к противной стороне не приступали». Мазепа заявлял, что и рад бы исполнить царское распоряжение, однако «с сего войска, которое тут в Киеве обретается, самого малого числа выбрать на тую службу в Полонное для вышеписанных нужд невозможно». Гетман констатировал, что «в городах нигде свежого войска нет, понеже едны в Полши з племенником моим, другие в фортецы Быховской обретаются, а третих ординовалем по указу монаршом до Казани, а з сих киевских с мною зостаючих хотя б выбравши и послал их к домам для взятя борошенных себе запасов и коней, чтоб мели на чом и зачим в Полоном служит, то и домы оставя, врознь разбридутся». Тем не менее Мазепа заявлял, что пошлет туда «последнюю компанию» в добавление «до того пятисотного числа товариства, которое по указу монаршом зостает при господину Кошелеву» (из этих 500 чел. Б.П. Шереметев, «отходя от Острога в Слуцк, взял с собою сто человек з лишком»). Кроме того, Мазепа обещал еще набрать каких-либо, самых боеспособных казаков «с сегобочных полков» и объявить универсалами о своем походе «ради пострахy ляцкого непостоянства», прося вернуть в Полонное сотню казаков, которых увел Шереметев[74].

В отдельной цедуле к этому письму Мазепа сообщал, что «еще нынешнее время в фортификованю тутейшой Печерской городовой крепости жадним рейменту моего войску не есть препятием и могло б еще оное далей около того дела попрацовати». Тем не менее в виду уже описанных проблем (отсутствие продовольствия, нехватки лошадей, усталости людей) гетман намеревался 20 октября «отселя ку домови одъехати», распустив казаков по домам, чтобы они «были на пришлую зыму до военной службы готови и способни». Мазепа просил Головкина одобрить это решение[75].

Мазепа искал все новые и новые причины для роспуска. Так, в другой цедуле (не датирована, но относится примерно к тому же периоду) он считал, что это необходимо сделать как можно скорее, чтобы казаки, вернувшись в свои полки, успели до холодов укрепить свои «городки», поскольку «везде в Малой России ни единого нет крепкого городка». Мазепа ссылался на то, что это поручение ему дал сам царь во время встречи в Жолкве[76].

Под напором этих прошений 11 октября Головкин и Шафиров дрогнули и просили царя позволить гетману распустить войско, ссылаясь на известия от Меншикова, что противник до сих пор не перешел Вислу, расположившись у Торуни[77]. 23 октября

[74] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 122. Л. 1–3. Аналогичная настойчивая просьба, текстуально совпадающая с изложением из письма Головкину, адресовалась Шафирову. Казацкое войско, по словам Мазепы, «целолетнею и целоосенною работою около крепости Печерской так утвердилося и весма изнемощило, что до найменшой службы тепер всего того войска болш невозможно употребить, ибо все борошенных запасов лишившися, яко единыи старцы и последнии нищии ходят Бога ради хлеба и милостыни просят, и голыи, и босыи, а третья часть болных от безмерных трудов, кони все вымордованыи, а болшая част пропала от вожения извести, кирпича, дерну, дерева и палисад и видитмися, чтоб лутше отпустит их в домы, чтоб там отпочили, и покамест морозы и зима наступит, городы, яко всюда некрепкии, укрепили» согласно предложениям, сделанным Мазепой на совете в Жолкве (РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 121. Л. 1 об. – 2 об.). 17 октября П.П. Шафиров (из Бреста) извещал Мазепу о получении его просьбы о роспуске войск. Царский указ гетману обещали прислать позже (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 134). См. также еще одну просьбу (в недатированной цедуле) о роспуске войска, которое «весма знужнелое»: РГАДА Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 40. Ср.: *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 314; *Васильєв М.Г.* З історії будівництва… С. 110.

[75] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 122. Л. 4.

[76] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 43. Видимо имелось в виду письмо Петра I Мазепе от 24 января из Жолквы с указанием «в украиных городех от полского рубежа добрую осторожность иметь и палисадами и протчим укрепить» (ПиБ. Т. 5. С. 42).

[77] ПиБ. Т. 6. С. 385–386.

в письме Головкину Мазепа, еще не получивший царский указ о роспуске от 16 октября, уже в который раз жаловался, что участвовавшие в строительстве крепости казаки «велми все знужнели, обезсилили, знемощили, и голодны, и наги, и босы, и до того едно от повседневных работизн, а другое для крайней скудости кормов и сен, кони мало не все пали, а якие зосталися, тые так худы и безсилны, что от ветру валяются». Мазепа признавал, что в случае, если бы польские войска решили бы занять зимние квартиры на Правобережной Украине, он не сможет им помешать, выслав войско, а «хиба где в фортецу для обороны заперти» тех казаков, что находились при нем[78]. В приложенной к этому же письму цедуле гетман просил Головкина как можно скорее добиться «милосердого его монаршего призрения и указу о роспуску по домам войска»[79]. В момент отправки письма гетман получил послание Головкина, что царская грамота в ответ на просьбы Мазепы о роспуске казаков уже выслана к нему. «А я досели еще тоей грамоты не виделем, – жаловался Мазепа, – и не знаю, прошу убо о извещении, через кого оная послана и где бы досели удержалася»[80]. Указ Петра от 16 октября ни в конце месяца, ни в начале следующего так и не достиг гетмана, в связи с чем, видимо, 10 ноября, уже post factum был дан повторный царский указ о роспуске казаков[81].

Именно поэтому еще 29 октября Головкин сообщал Мазепе, что поскольку шведы прекратили поход, распустив войска «кантонировать», и в царской ставке не ожидали скорого похода противника за Вислу, по крайней мере до того, как она покроется льдом, руководитель посольских дел, хотя все еще и не имел царского указа, тем не менее по совету с А.Д. Меншиковым разрешал Мазепе отправить казаков на зимние квартиры, «оставя доброй гварнизон в Новопечерской крепости при войске великороссийском по своему разсмотрению» и по совету с воеводой Д.М. Голицыным. При этом отпускаемым со службы казакам следовало объявить царский указ, чтобы они «были в домех своих во всякой готовости, как запасами, так и лошадми к зимнему походу»[82]. Головкин, сообщая 31 октября царю о роспуске войск Мазепы, которому они с Шафировым «по многим ево писмам» отправили «с общаго ж совету указ» об отправке полков по домам при условии размещения части казаков в крепости «в прибавку» к русским частям «по согласию с князем Голицыным», отмечал, что если этого сделано бы не было, казаки бы «с нужды все розбежались». Сообщалось и о издании Мазепой универсала о готовности к январскому походу[83].

2 ноября Мазепа, получив предписание Головкина, распустил казаков, но сам еще задержался в Киеве, как он писал, «крайнею нуждою, так ради обычной моей болезни педокгричной, яко найпаче для того, что госпожа матка моя велми болезнует и до кончины жития своего приближается»[84]. Приступы подагры держали Мазепу в Киев почти весь ноябрь. Лишь 22 числа он писал Головкину, что собирается выезжать в Батурин. «Фортецу Печерскую новоустроенную, – рапортовал Мазепа, подводя итог годовых строительных работ, – и в деле своем совершенную, отдалем на руки сиятелнейшему князю его милости Дмитрею Михайловичу Голицыну, его царского величества воеводе киевскому, в которой по общому совету и согласию

[78] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 130. 4 об. – 5.

[79] Там же. Л. 7.

[80] Там же. Л. 10.

[81] ПиБ. Т. 6. С. 150.

[82] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 144. См. также: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 147 об. – 148.

[83] ПиБ. Т. 6. С. 414.

[84] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 133. Л. 1 об. Письмо от 7 ноября. См. также письмо Мазепы – Шафирову от 7 ноября, где сообщалось, что Печерская крепость «с всем уже совершилася»: РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 134. Л. 1.

с его милостию, остановилем президиалного рейменту моего войска полку Стародубовского 500 человека людей надежных и с своими борошенными запасами с полковником их наказным, старшиною и с сотниками». Мазепа писал, что готов был в случае необходимости оставить и более многочисленный гарнизон, но не получил царского указа о его численности, а Д.М. Голицын «болш над тое 500 число не требовал»[85].

При роспуске войска Мазепа устно, как и было предписано, заявил полковникам, сотникам и «всей старшине», чтобы «войско все в готовости до походу держали и никуда не роспускали», в виду ожидавшегося зимнего наступления неприятелей. Сам Мазепа прибыл в Батурин 28 ноября[86]. Киевская служба украинских казаков 1707 г. таким образом завершилась. Отдавая себе отчет в трудностях и лишениях, которые казацкое войско пережило на строительстве крепости, Петр в декабре 1707 г. направил в Батурин А.В. Кикина, который среди прочего вез гетману царскую грамоту с благодарностью за «городовое строение», а также ценные («немалые») подарки для Мазепы (в том числе соболью шубу) и казацкой старшины[87].

Строительство сооружений Печерской крепости стало основной службой гетмана Мазепы и малороссийских казаков в 1707 г. (хотя были и другие). Судя по всему, именно гетману царь в ходе встречи в Жолкве поручил общее руководство строительными работами. Поэтому в ходе строительства Мазепа поддерживал регулярную корреспонденцию с царским двором, стремясь оправдать монаршее доверие и активно выступая против тех действий инженера М. Гейнсона и Д.М. Голицына, которые с его точки зрения нарушали разработанный при участии Петра план строительства. В первом случае – это касалось сооружения «башты» из камня, и здесь Мазепа получил полную поддержку царского правительства и его содействие в доставке необходимого железа. Во втором случае, касавшемся сооружения валов, русское правительство встало на сторону инженера, полагая, что время дает возможность увеличить объемы первоначально запланированных работ в сторону более регулярной планировки. Это вызвало недовольство Мазепы, поскольку именно валовая работа, связанная с перевозкой материалов, в т.ч. дерна, на значительные расстояния, была для казаков особенно тяжелой. Вообще все попытки Мазепы покинуть место строительства или добиться роспуска казаков пресекались в более мягкой или жесткой формах, пока в царской ставке не убедились, что наступления на шведов и их союзников на восток в текущем году не планируется. В целом же трения и дискуссии Мазепы с Гейнсоном и Голицыным имели вполне рабочий характер и проистекали из полномочий гетмана, данных ему Петром I.

Мазепа, неоднократно заявлявший осенью 1707 года, что Печерская крепость «с всем уже совершилася», как представляется, имел в виду, что намеченный весной план работ был в целом выполнен, а крепость начала функционировать во главе с комендантом и гарнизоном, включавшим также 500 чел. стародубских казаков. На данный момент, однако сложно определить состояние крепости к исходу 1707 г., поскольку план, составленный М. Гейнсоном по завершении работ и высланный в приложении к письму царю от Головкина и Шафирова (11 октября 1707 г.)[88], не сохранился или не найден. Очевидно, что Печерская крепость была далека от завершения, если Ф. Ласковский, оценивая итоги ее строительства к концу царствования

[85] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 137. Л. 1 – 1 об. Ср.: Костомаров Н. И. Мазепа. С. 315.
[86] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 141. Л. 1 – 1 об.
[87] ПиБ. Т. 6. С. 178, 196, 197, 200, 490, 524, 589–590, 594.
[88] Там же. Т. 6. С. 386.

Петра писал, что к 1723 г. «были насыпаны три западные фронта, а остальная часть крепостной ограды только трасирована, или насыпана весьма малыми участками, и то не в надлежащую профиль»[89]. К похожим выводам приходит и О.В. Ситкарева[90]. Важно, однако, отметить сооружение двух каменных построек в деревоземляной крепости уже в 1707 г. – каменных ворот и башни. Ворота – это возможно Васильковские или Киевские, причем любопытно, что О.В. Ситкарева, например, отмечает, что появление в крепости первых каменных ворот – Киевских, относится лишь к 1747 г.[91] Что касается башни, то ее конфигурация (надвратная или отдельно стоящая) и локация не ясны. Возможно речь шла о сооружении каменной башни возле «башни Киевской» Киево-Печерской лавры (то есть в районе Киевских ворот крепости), строительство которой Мазепа обсуждал с царским правительством еще в 1703 г.[92] Все это, впрочем, лишь гипотетические предположения, критическая проверка которых – дело будущих исследований.

[89] *Ласковский Ф.* Материалы для истории... Ч. II. С. 480–481; *Ласковский Ф.* Карты, планы и чертежи к II части. Л. 24.
[90] *Ситкарева О.В.* Киевская крепость... С. 39–40.
[91] Там же. С. 57.
[92] ПиБ. Т. 2 (1702–1703) / [под ред. А.Ф. Бычкова]. СПб., 1889. С. 196.

Иванюк С.А.

ДИВЕРСИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ШВЕЦИИ (1719-1721)

В ходе Северной войны Петру I и его армии не раз удавалось добиваться своей цели успешным использованием диверсионных операций против шведов. Применялись они и на завершающем этапе этого затянувшегося военного конфликта, когда активные действия русской армии в последние годы войны были направлены на завершение боевых действий и заключение со Швецией мира.

Предпосылки к этому появились в мае 1718 г. в рамках Аландского конгресса, но затянувшиеся переговоры указывали на то, что о решении вопроса путем мирных договоренностей говорить еще рано. Русские дипломаты, видя умышленное затягивание со стороны шведов переговорных процессов, говорили им: «Мы хорошо понимаем, куда все эти ваши поступки клонятся, но время быть может вам покажет, что вы сами себя обманываете»[1].

В свою очередь они сигнализировали царю, что необходимо подтолкнуть шведов к более активному диалогу и для этого нужно пойти на крайние меры. В январе 1719 г. Петр I окончательно понял, что «продвинуть дело мира возможно только одним путем: устрашить Швецию совместным нападением флота и армии на ее берега»[2]. Таким образом, он инициировал военную операцию по принуждению Швеции к миру, путем переноса боевых действий на ее территорию, предоставляя морским десантам решить то, что не удавалось сделать дипломатам[3].

С наступлением весны началась активная подготовка к предстоящей атаке «Стекгольмской стороны», а царь и командующие его армией и флотом приступили к планированию будущей операции, в которой он был «намерен весьма действовать». В первую очередь для получения разведывательной информации были направлены секретные приказы к М.М. Голицыну, чтобы он разыскал лоцманов хорошо знакомых со шхерами в районе Стокгольма, разведал наличие сил и средств противника на побережье. Вскоре эти ценные сведения удалось получить от шведских военнопленных путем захвата «языков». Впоследствии даже противник признавал, что русские чувствовали себя как дома в извилистых шхерах архипелага и располагали картами, что говорит о хорошей организации предварительной разведки[4].

С началом летней кампании русский корабельный флот вышел в море. В районе Гангута 24 июня к нему присоединился галерный флот, и затем в полном составе

[1] *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 84.

[2] РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. Д. 5. Л. 446-448; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 486-495; *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I СПб., 1994. С. 118.

[3] Стоит заметить, что десанты на территорию Швеции планировалось направить еще в 1716 г., когда в Дании готовился плацдарм для совместной операции датско-российского флота. К сожалению, из-за разногласий между союзниками в лице Петра I и датского короля Фридриха IV эта операция не была осуществлена (Баггер Х. Петр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. СПб., 2017. 188 с.).

[4] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 315–316; Hedenstierna B. Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 22; История военно-морского искусства. Т. I. М., 1953. 181.

направился дальше, через Або к Аландскому архипелагу, где у острова Ламеланд должна была быть сформирована база для дальнейшего вторжения на берега Швеции.

28 июня состоялась «генеральная консилия», на которой Петр I и его военачальники рассмотрели и утвердили окончательный план дальнейших действий. По традициям петровских военных советов каждый из присутствующих высказал свое мнение, которое было единогласным – путем масштабной десантной операции «привесть к миру неприятеля», так как, по мнению присутствовавшего на «консилии» генерала П.П. Ласси «инаго способа не знаю, окроме того, чтоб принуждать силою»[5].

Назначенный командующим десанта генерал-адмирал Ф.М. Апраксин в ходе обсуждений обозначил свое четкое понимание методики проведения предстоящей операции:

1. Направить к шведским шхерам несколько лодок для проведения рекогносцировки и захвата «языков».
2. Всем корабельным флотом «стать в виде неприятеля», чтобы предотвратить активные действия шведского флота.
3. Под прикрытием кораблей направить партии на галерах, к северу и к югу от Стокгольма, и «чинить чувствительное разорение… жилища и где есть великие заводы жечь»[6].

О важности и эффективности психологического давления на противника диверсионными действиями при планировании операции говорил генерал-лейтенант И.И. Бутурлин: «разорять домы как дворянские, так и деревни жечь без остатка. От чего надеюся придут они в не малой страх; а деревенские мужики и возбранить могут своим управителям продолжать войну для своего разорения; того ради, что они имеют вольной голос»[7]. При этом Петр I указал придерживаться своего старого тезиса для ведения разведывательно-диверсионной деятельности, уже успешно реализованного на первом этапе Северной войны. То есть действовать «для поиска над неприятелем, где удобный случай будет, но в великий азарт вдаваться не надлежит, ибо никакой нужды к тому не имеем». То есть о вступлении русской армии в масштабные сражения не могло быть и речи[8].

Главная цель, заключение мира, должна была быть достигнута путем выполнения двух задач – психологическое давление на население Швеции и подрыв ее экономики. Последнее должно было быть достигнуто сосредоточением ударов на металлургических и торговых центрах Шведского королевства[9].

А что же Швеция? Несмотря на сообщения ее разведки о концентрации больших сил царя Петра шведская корона считала, что он не осмелиться атаковать ее берега «в глазах» английского флота. На манифест царя к шведскому населению королева Ульрика Элеонора опубликовала свой: «слова царевы суть покрывалом его к ним неприятельства, понеже ищет он мечом и огнем ко вредоносному принудить их миру; и что, того ради, они надеется, что верные ея подданные не впадут в искушение и в малодушие, но подражая своим предкам, станут храбро против толь опасного неприятеля»[10].

Но петровское командование не особо опасалось шведского флота (с мелкими

[5] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответом на оные. Ч. 4. СПб., 1830. С. 189–207.

[6] Там же. С. 190–191.

[7] Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. Ч. 4. СПб., 1830. С. 200.

[8] Там же. С. 194.

[9] История военно-морского искусства. Т. I. М., 1953. С. 181.

[10] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 295.

судами до 70 единиц), так как он стоял в глубине шхер у Ваксхольма и прикрывал в первую очередь Стокгольм, а в море находились силы намного меньше русских. К тому же английская эскадра адмирала Д. Норриса состояла лишь из 11 кораблей, а действия русского галерного флота прикрывались эскадрой из 21 линейного корабля с 1672 орудиями и 10 711 членов экипажа на борту[11].

В свою очередь, несмотря на призывы к губернаторам об обороне подконтрольных им территорий никаких существенных мер по обеспечению безопасности, кроме усиления Ваксхольма и Стекета предпринято не было. Принц Фридрих Гессенский, генералиссимус Стокгольмской армии (8 кавалерийских и 9 пехотных полков), которая была собрана только в начале мая, сосредоточил свои войска на защите в первую очередь шведской столицы. Он ошибочно надеялся, что русские не осмелятся отделить часть своих сил и атаковать берега Швеции. Вдоль побережья был выставлен лишь ряд сторожевых постов (1 унтер-офицер и 6 солдат), а остальные силы были рассеяны по дворам крестьян[12].

В начале июля 1719 г. петровский галерный флот во главе с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным направился «на швецкую сторону для воинских действий». Войскам был дан приказ после высадки на берег углубиться в земли шведов, сжигая их населенные пункты и объекты инфраструктуры, за исключением церквей, не причиняя под страхом смерти вреда местным жителям. 11 июля в 4 час утра русский флот подошел к Капельшеру (16 км от Стокгольма), а в 10 часов сработала сторожевая служба шведов, и началось оповещение: «Русские идут!». Как писал А.Ф. Апраксин Петру I «неприятельский караул нас присмотрел с маяка» (о. Плановшхер) и «начал стрелять из пушек, например, пушка за пушкою по полчетверти часа, по которой стрельбе зачали зажигать маяки». Сигнальные огни стали быстро распространять тревогу по побережью. Убедившись в отсутствии шведских и английских боевых судов, генерал-адмирал направил русский корабельный флот обратно к Ламеланду, а в крейсерстве у берегов Швеции оставил капитан-командора Н. Синявина с 7 кораблями. Тем же вечером для разведки сил противника на берег была направлена партия казаков с целью захвата «языков»[13].

На следующий день генерал П.П. Ласси во главе сводного отряда (21 галера, 12 островских лодок и 3500 десанта[14]) был отправлен для высадки на север от Стокгольма[15]. На примере полученной П.П. Ласси от Ф.М. Апраксина инструкции на действия его отряда можно определить тактику всех сил русской армии и флота, задействованных в разведывательно-диверсионной операции. В ней подробно определялся порядок диверсионных и боевых действий. В частности, предписывалось «чинить неприятелю воинское разорение, по нижеписанным пунктам:

[11] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 316–317; *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 125; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 152–153.

[12] *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 21–22; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 151.

[13] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 392; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 319; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 153; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 489.

[14] В своем дневнике П.П. Ласси указывал, что он отправился в рейд «со 130 галерами, 5000 пехоты, 2 полками конных драгун и 370 казаками также верхом» (*Кудзеевич Л.В.* Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. III. С. 113).

[15] Назначение П.П. Ласси руководителем отдельного крупного отряда для автономных действий от основных сил адмиральского галерного флота было не случайным. Он уже давно был готов к таким диверсионным операциям, еще с 1712 и 1716 гг., когда планировалась высадка подобных десантов (*Кудзеевич Л.В.* Десантные операции отряда П.П. Лассии на берегах Швеции в 1719 и 1721 годах // // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. I. С. 389).

1. Где найдете знатныя жилища или безоборонныя местечки разорять и жечь огнем.

2. Что найдется в пожиток брать без остатка и велеть объявлять вам, и что объявлено будет записывать, а которые не объявят повинны будут ответствовать пред судом.

3. Что надлежит к пропитанию солдатам хлеба, скота и прочаго, велеть брать сколько возможно будет сыскать и солдатам довольствовать, а чего с собою взять не можно, магазины жечь.

4. Людей не военного чина брать и велеть приводить к себе и отдавать им манифесты печатные и паки отпускать, объявляя словесно в какой силе оные листы написаны, как вам объявлено в партикулярных пунктах.

5. С военными людьми, которые будут противиться, поступать неприятельски и в полон брать.

6. От взятых мужиков разведывать где есть близ берегов медные и всякие заводы, жечь и пустошить и разорять без остатка, дабы тем неприятелю показать чувственное разорение и убыток и тем принудить к благополучному миру.

7. Ежели разведаете где есть в земле какия знатныя места, от берегов морских в полумиле или в миле, где чаят чтоб мог неприятель от галер отрезать, посылать знатныя партии и велеть разорять и жечь без остатка, а далее мили отнюдь не ходить.

8. Ежели где в гаванах найдутся корабли, шкуты и другия суда с товары и без товаров, кроме английских, голандских и французских, все, чьиб они ни были, брать, а буде с собою брать не можно, жечь, а товары брать к себе на галеры, а гданские где попадутся и людей брать в полон.

9. Данные вам манифесты в знатных местах прибивать где пристойно, также у всех кирок, где допустит возможность.

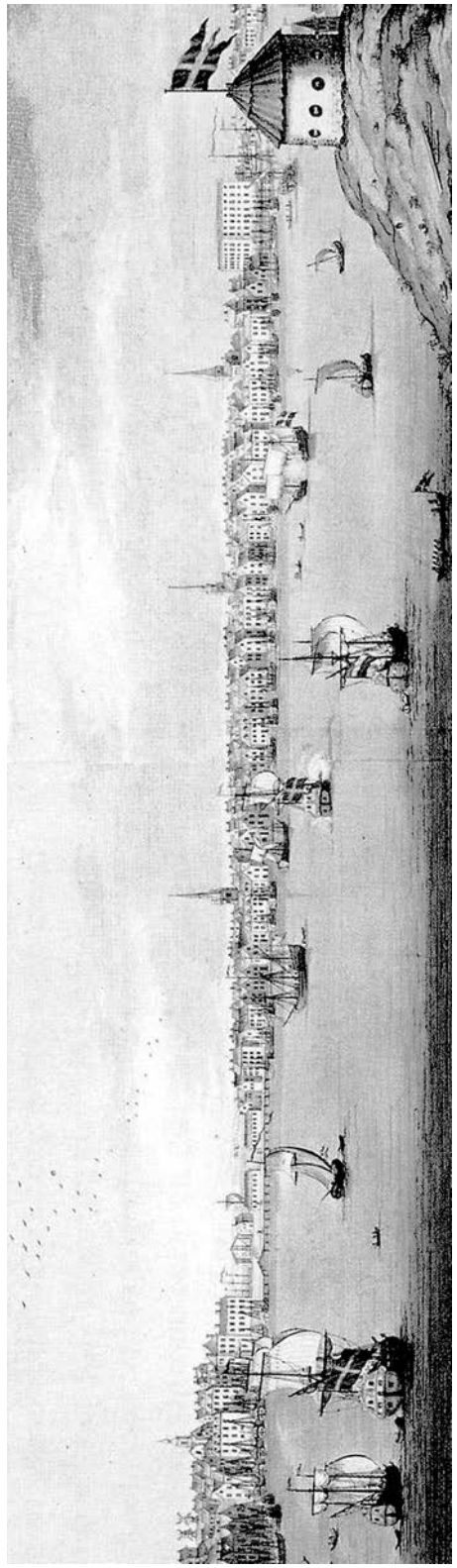


Рис. 1. «Вид Стокгольма в начале XVIII в.», худ. Йохан Минде 1725 г.

10. Церквей неприятельских отнюдь разорять не велеть и никаких церковных сосудов, и святых образов брать не велеть, под наказанием смертным.

11. Продолжать воинския операции, ежели не будет от неприятеля важной опасности, до половины августа и делать диверсию, дабы неприятель всегда был в конфузии; буде же, паче чаяния, какия будут от неприятеля утеснения, тогда выступить к Аланду где будет обретаться флот российский, и ни в какой отчаянный азарт себя отдавать и делать общим советом.

12. В провианте иметь немалое осмотрение и делать менаж; когда будет мяса со удовольством, давать сухарей с убавкою и велеть держать мясо печеное, что ежели Бог нам не благоволит в указныя числа выйти, чтоб могли себя несколько времени чрез срок держать.

Когда случится командировать людей на землю тогда оставлять на галерах людей четвертую часть кроме морских служителей и офицерских денщиков, такожде разумеется и о шлюпках, и о лодках»[16].

Порядок высадки диверсионных отрядов на берег также определялся по единой инструкции, разработанной генерал-адмиралом для командиров десантных отрядов, таких как полковники Фенекбир, Бильс, Астафьев и другие. Тактика действий была следующей: атаковать побережье на 21 островской лодке, по 50 человек в каждой и «не дошед до земли разделиться тремя частями… партия от партии по мили… или по две… и самому быть в середине, и где найдете знатные жилища… жечь и разорять»[17].

Следом за П.П. Ласси отплыл от Капельшера и сам М.Ф. Апраксин с основными русскими силами (120 галер и скампавей, 70 островских лодок, 20 000 десанта). Он отправился в южном направлении, где располагались промышленные центры Швеции. 15 июля его флот был у острова Лили-Дасес (30 км от Стокгольма). Генерал-адмирал отправил разведывательно-диверсионную партию казаков (50 чел.) к шведской столице с приказом «сделать аларм, буде возможно, достать знатного языка и зажечь город», а также 500 человек на островских лодках, чтобы они «хотя с самого края» смогли «зажечь и сделать конфузию». Но этим отрядам не удалось достичь существенных результатов, так как казаки столкнулись с сопротивлением и, захватив 9 «языков» (драбант, капрал и рядовые) отступили, а морской десант из-за затопленных двух суден в проливе не смог продвинуться глубже и ограничился разорением нескольких мыз и деревень[18].

16 июля в 8.00 в Стокгольме началась паника, так как к этому времени русские войска находились вблизи от столицы, разорили и сожгли ферму известного архитектора скандинавского барокко Никодемуса Тессина[19]. На следующий день русский десант высадился с 36 галер на острове Намдё – одном из самых крупных в Стокгольмском архипелаге. Шведские источники так описывали эти события: «враг начал грабить и жечь мызу Останвик и дом приходского священника… ему не разрешили спасти ни малейшей вещи, ни шапки на голове, ни обуви на ногах, ему и его жене пришлось идти босиком в Стокгольм». В этом же документе говорится о том, что были сожжены и уничтожены дома, заборы, дрова, лес, фураж, зерно, скот и даже трава на земле. Сам пастор Ларс Санделиус, так описывает эти события: «17 июля нам пришлось увидеть, как вражеская эскадра внезапно взяла курс на

[16] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 396; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 393–394.

[17] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 399–401.

[18] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 296; Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 396; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 322; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 489.

[19] *Westerin G.* När faran stod för dörren: historisk skildring. Stockholm, 1916. S. 6.

Рис. 2. Обложка книги шведского историка Магнуса Ульмана «Rysshärjningarna på Ostkusten sommaren 1719»

наш остров. Было слишком поздно думать о какой-либо защите, вряд ли это было возможно… О, наши дома, наши дети. К счастью, враг не смог быстро высадиться на берег, чтобы мы не смогли убежать, сесть на наши лодки и уплыть, оставив все остальное жестокому врагу, спасибо, что мы смогли спасти наши жизни. Вверив нас Божьей защите, а наш дорогой дом и нашу церковь Его ограждению… Мы едва успели подойти под защиту другого острова, как увидели вражескую высадку. Огонь и дым из наших дорогих домов показался нам… на всем острове не осталось больше домов, кроме нашей недавно построенной церкви»[20].

На соседнем острове Ортио была разорена самая крупная ферма Сундби. Русские войска разрушили здесь все, что можно было разрушить, заполнили шахты водой, сбросили груды руды в озеро, сожгли дома. Инвентарь и домашний скот были доставлены на галеры. После этого в течение длительного времени добыча полезных ископаемых на острове была затруднена. Общая стоимость уничтоженного или вывезенного имущества составила 47 380 медных далеров[21].

19 июля русские галеры подошли к маяку Ландсорт, по пути отправляя островские лодки с десантом разорять окрестные шхеры. В частности, на острове Утэ они разорили и сожгли медные и железные заводы. Участник событий поручик Азовского пехотного полка И.Ф. Юрлов сообщал: «от Ланцорта-острова командрован был я в партию… и от оной команды посылан я был со особливою командою на сухой путь для достания языков и для жжения мыз и деревень, и заводов, и всякого строения.

[20] Там же. S. 7–8.

[21] Там же. S. 8–9.

И будучи во оной команде, сошлись с неприятелем, и была акция, и на оной акции побито несколько шведских драгун и ландмилицев, да в полон взял я одного шведского барабанщика»[22].

Затем отрядами на лодках были атакованы и сожжены Седертельге и Трос. Секунд-майор Азовского пехотного полка И.М. Матрунин сообщал об этом: «командрован… был с полковником Фенинкбиром к местечку Содертелью, и оное местечко выжгли, и шведскую кавалерию из местечка выгнали, и многие заводы, мызы и деревни выжгли»[23]. К концу июля, как сообщал М.Ф. Апраксин, «от начала вступления в швецкия шеры» его войсками уже было выжжено «с 15 000 дворов»[24].

Двигаясь по побережью архипелага и высаживая в различных местах десанты, которые выполнив поставленную задачу, снова возвращались на корабли и двигались дальше, русская армия придерживалась определенной тактики. Она была разработана согласно с театром военных действий контр-адмиралом Т. Гордоном еще при разработке плана компании: «Понеже Швеция вообще не плодородна и с трудом можно сыскать провиант, то надлежит, чтоб ссаженныя войска не долго были на одном месте. Их можно взять опять на галеры и потом высадить в другом месте. Так надобно поступать во всю кампанию, чем можно привести неприятеля в великой страх»[25].

К 24 июля русский флот подошел к Ничепингу. Поручик 2-го Гренадерского полка В.П. Абрамов сообщал об этих событиях: «июля 24 числа командрован на галерах с… бригадиром фон Менгденым под местечко Никопинг, и не дошед оного местечка, с батареи по нас из пушек стрельба была, и взяли оную батарею, и не дошед оного ж местечка, посылан я под помянутое местечко к берегу для осматривания, где бы лучше пристать галерам, и по нас стрельба из пушек была ж, и пристав к берегу галерами, и взяв оное местечко зажгли и возвратились во флот, и пошли под местечко Норкопинг»[26].

К Нордчепингу, «которой в первых городах по Стокголме в богатстве, купечестве и других промыслах числился», русские войска подошли 30 июля, где отправили к берегу 21 галеру и 15 островских лодок, а высадившись на берег, начали зачищать окрестности небольшими партиями. Стоит обратить внимание на инструкцию, которую разработал Ф.М. Апраксин для направляемого на берег диверсионного отряда бригадира И.А. фон Менгдена. В ней четко определялись методы для проведения данной операции. В частности, требовалось для ведения постоянной разведки использовать казачьи отряды, которым «велеть ехать перед собою по правой и по левой стороне в полумиле или в миле, и осматривать нет ли где неприятельских войск и как можно стараться о взятьи знатных языков». Не разделяя своего отряда на мелкие партии необходимо было быстро продвинуться к указанной точке и занять наиболее выгодную позицию для боя, организовав сторожевую службу («заступя поставить крепкие караулы»). Из этого места дислокации отправлялись три партии в трех направлениях («перед собою и на обе стороны») и «где найдут какие заводы, шляхетские дома, мызы и деревни разорять и жечь без остатка и что найдется в пожиток брать»[27].

Основной удар в Нордчепинге был направлен на уничтожение литейных заводов,

[22] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 323; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия / Сост. К.В. Татарников. Т. 1. М., 2015. С. 1183.

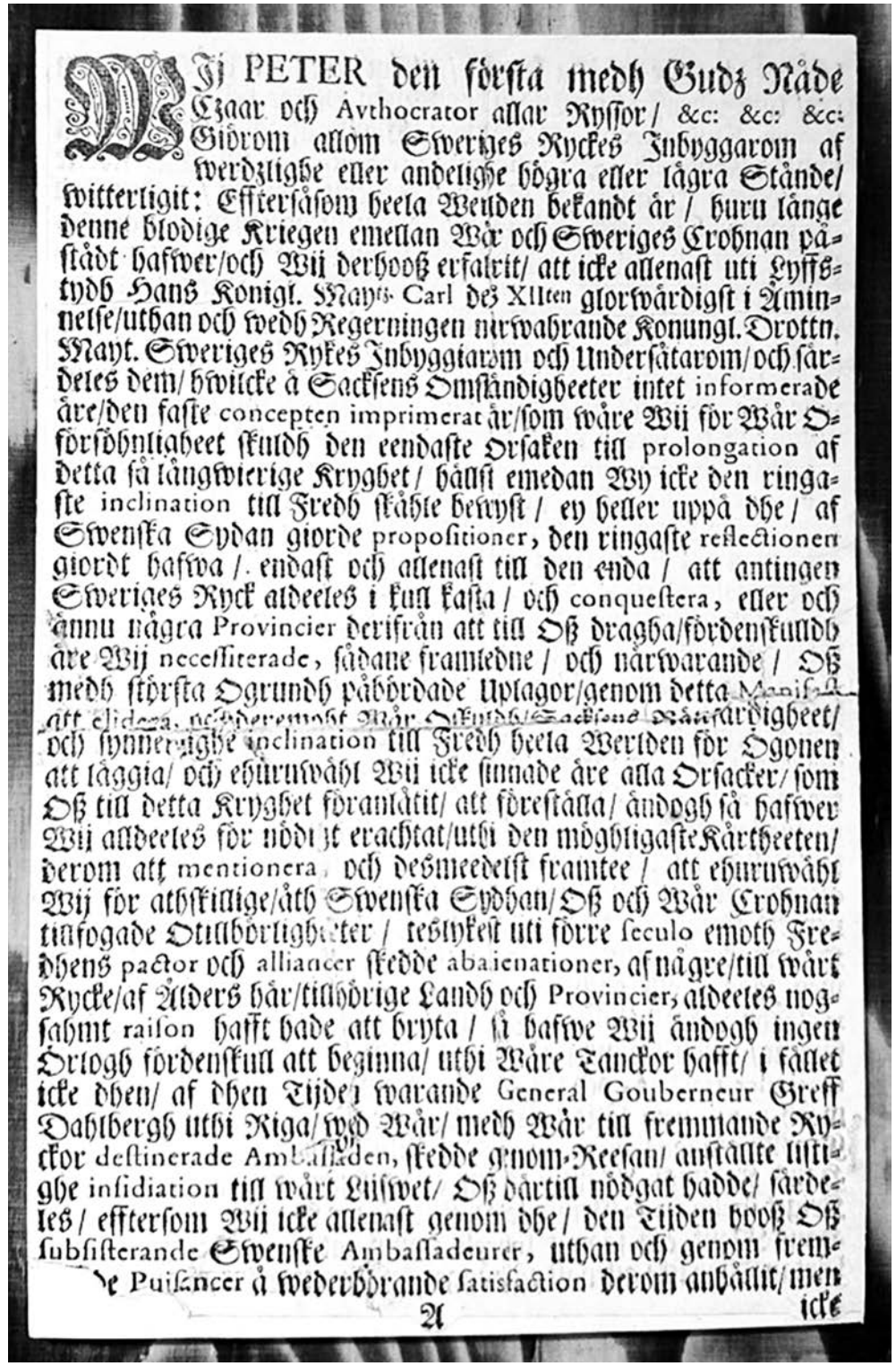
[23] Там же. С. 1175.

[24] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 495.

[25] Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. Ч. 4. СПб., 1830. С. 197.

[26] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия / Сост. К.В. Татарников. Т. 1. М., 2015. С. 1102.

[27] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 403; *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 131.



Wij PETER den första medh Gudz Nåde Czaar och Avthocrator allar Ryssor / &c: &c: &c: Giörom allom Sweriges Ryckes Inbyggarom af werdzlighe eller andelighe högra eller lågra Stånde / witterligit: Efftersåsom heela Werlden bekandt är / huru långe denne blodige Kriegen emellan Wår och Sweriges Crohnan påstådt hafwer / och Wij derhooß erfahrit / att icke allenast uti Lyffstydh Hans Konigl. Mayts. Carl des XIIten glorwärdigst i Åminnelse / uthan och wedh Regerningen närwahrande Konungl. Drottn. Mayt. Sweriges Rykes Inbyggiarom och Undersåtarom / och särdeles dem / hwilcke å Sacksens Omståndigheeter intet informerade äre / den faste concepten imprimerat är / som wåre Wij för Wår Oförsöhnligheet skuldh den eendaste Orsaken till prolongation af detta så långwierige Kryghet / hållst emedan Wy icke den ringaste inclination till Fredh skåhle bewyst / ey heller uppå dhe / af Swenska Sydan giorde propositioner, den ringaste reflectionen giordt hafwa / endast och allenast till den enda / att antingen Sweriges Ryck aldeeles i kull kasta / och conquestera, eller och ännu några Provincier derifrån att till Oß dragha / fördenskulldh äre Wij necessiterade, sådane framledne / och närwarande / Oß medh största Ogrundh påbördade Uplagor / genom detta Manifest att elidera, och deremoht Wår Oskuldh / Sacksens Rätfärdigheet / och synnerlighe inclination till Fredh heela Werlden för Ögonen att läggia / och ehuruwåhl Wij icke sinnade äre alla Orsacker / som Oß till detta Kryghet föranlåtit / att föreställa / ändogh så hafwer Wij alldeeles för nödigt erachtat / uthi den möghligaste Kårtheeten / derom att mentionera, och desmeedelst framtee / att ehuruwåhl Wij för athskillige / åth Swenska Sydhan / Oß och Wår Crohnan tillfogade Otillbörligheeter / teslykest uti förre seculo emoth Fredhens pactor och alliancer skedde abalienationer, af några / till wårt Rycke / af Ålders här / tillhörige Landh och Provincier, aldeeles nogsahmt raison hafft hade att bryta / så hafwe Wij ändogh ingen Örlogh fördenskull att beginna / uthi Wåre Tanckor hafft / i fället icke dhen / af dhen Tijden warande General Gouberneur Greff Dahlbergh uthi Riga / wed Wår / medh Wår till fremmande Ryckor destinerade Ambassaden, skedde genom Reesan / anställte listighe insidiation till wårt Lijswet / Oß därtill nödgat hadde / särdeles / efftersom Wij icke allenast genom dhe / den Tijden hooß Oß subsisterande Swenske Ambassadeurer, uthan och genom fremmande Puissancer å wederbörande satisfaction derom anhållit / men icke

A

Рис. 3. Манифест Петра I к шведскому населению, 1719 г.

которых здесь располагалось достаточно много. В дни с 30 июля по 2 августа русские отряды полностью разорили промышленный город со всеми его предприятиями, где только медный завод считался одним из передовых в Европе. Уничтожены были также крупные швейные фабрики и несколько молочных ферм. Уже к вечеру первого дня медеплавильный завод загорелся. Ущерб только промышленной отрасли составил 91 333 далера серебряными монетами. Впоследствии потребовалось двенадцать лет, чтобы восстановить медный завод и запустить его в полную силу[28].

Понесла потери и оборонная промышленность Швеции. В руках атаковавших отрядов оказались запасы меди с пушечного завода, а на острове Неквирп захвачены 300 чугунных орудий. По традиции огню были преданы и все гражданские здания. По сообщению Ф.М. Апраксина «одних шляхетных каменных замков, полат, мыз и, деревень на несколко миллионов»[29].

Несмотря на жестокость по отношению к шведской инфраструктуре, особое внимание во время проведения операции уделялось сохранению жизни мирного населения. В инструкции на проведение диверсий подготовленной Петром I Ф.М. Апраксину отмечалось: «Разорять и жечь; как можно, а людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их не склонен к миру». Под опасением смерти запрещалось разорять и уничтожать церкви. Все бедствия возлагались на шведское правительство, которое не хотело окончить войну мирным путем[30]. Для разъяснений этого среди шведского населения распространялся плакат, напечатанный на плохом шведском языке, в котором царь сообщал о своем миролюбии и упрямстве шведского правительства отвергающего его предложения о мире. Такие плакаты прибивали на деревьях или к дверям церквей, как единственных из зданий, оставляемых по приказу царя в целости от огня[31].

Но, несмотря на жесткие указы и требования командиров диверсионных отрядов не обходилось во время рейдов и без военной добычи или попросту грабежа личных ценностей (деньги, драгоценности, посуда и т.д.), традиционного для войн XVIII века. В заслугу русской армии можно отметить, что шведских свидетельств о таких действиях очень мало. К тому же отмечались случаи, когда неразберихой и пожарами пользовались шведские мародеры и грабили своих же соседей[32]. Также имелись случаи, когда выполнить приказ Петра I о сохранении нетронутыми пожарами церквей было просто невозможно. Например, «в местечке Орегрунд была кирка каменная… которую людям приказано… от огня хранить… как зажгли то местечко за тесным хоромным строением, не могли тое кирки отстоять, сгорела колокольня и на кирке деревянная крышка»[33].

В ходе ведения диверсионной операции русские войска не только уничтожали вражеские продовольственные запасы, но и пополняли свои резервы. В тех местах, где они разбивали лагерь, вся местность была прочесана во время бесчисленных фуражировок. Шведские историки сообщают, что «все время, пока неприятель находился на севере, за Холмом в волости Ваддё к берегу было пришвартовано

[28] *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 61.

[29] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 323; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 495–496; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия / Сост. К.В. Татарников. Т. 1. М., 2015. С. 1102.

[30] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. 320.

[31] *Westerin G.* När faran stod för dörren: historisk skildring. Stockholm, 1916. S. 13; *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 22; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 154.

32 *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 34.

[33] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 400.

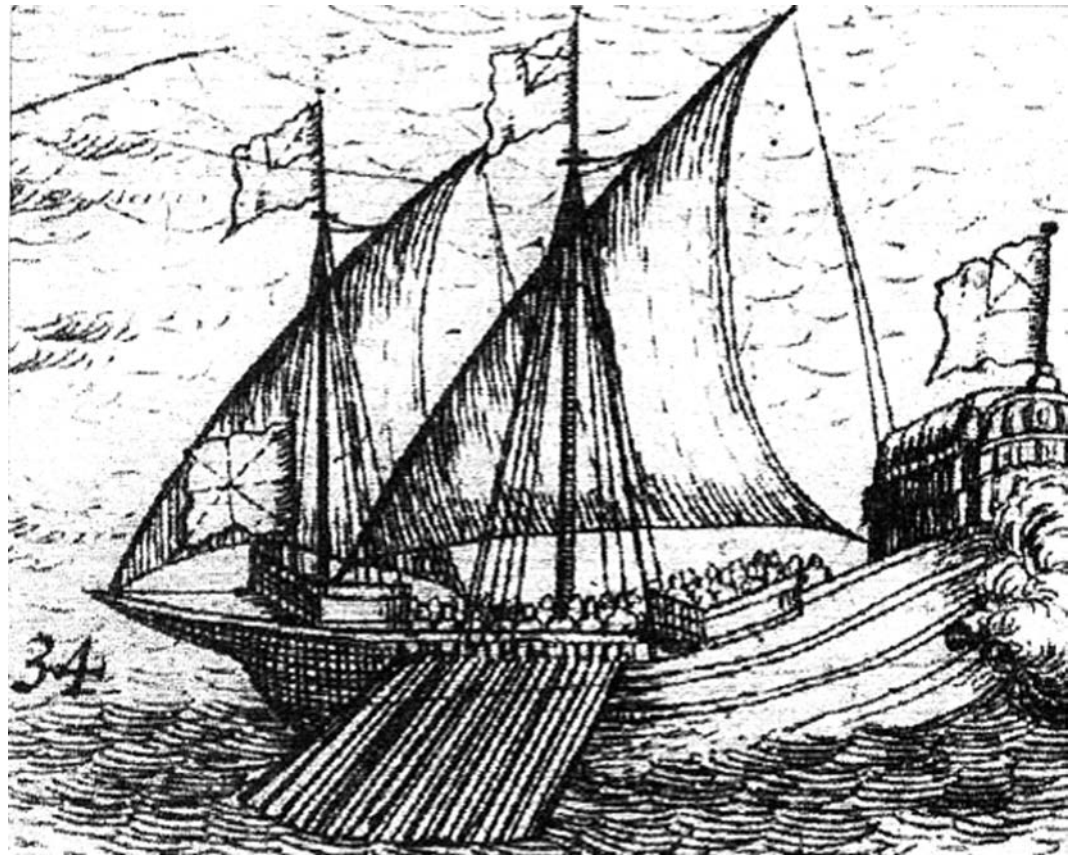


Рис. 4. Галера «Наталья» на гравюре П. Пикарта

10 больших русских кораблей, с которых были высажены люди... С двойной целью — добыть провизию и в то же время голодом изморить население приморья». Скот, который местным жителям удавалось спрятать в лесу, вскоре разыскивался, так как пастбища в большинстве случаев были невелики. Затем он перегонялся на русские корабли, если его не убивали и не разделывали мясо на месте. Сообщалось, что в Икслё после визита русских войск фермеры нашли только головы крупного рогатого скота на лугу. По этой причине место, где это произошло, стало называться Хорнскаллевикен («Залив рогатого черепа»). Сохранившиеся документы указывают на тот значительный урон, которое понесло поголовье скота в результате действий русских войск. Например, фермер из Мёртё потерял один только крупный рогатый скот на сумму в размере более 1 200 далеров[34]. В поместье Останвика на Намдё была разорена богатая ферма, так как в ней упоминается, большой сканский бык стоимостью 300 далеров и шесть немецких овец. Фермер Йонс Парсон из Фьеллонга, которому не удалось спасти ни одного животного, также понес очень большие потери. Добычей русских фуражиров здесь стали не менее 10 коров, 2 телят, 1 вол, 27 овец, 18 коз и 6 свиней. Стоимость этого скота была заявлена более чем в 1800 далеров, что для того времени было значительной суммой[35].

[34] Для приблизительного представления о покупательной способности денег: за 100 далеров покупали корову, а за 20-30 далеров свинью, а курица оценивалась в 1 ½ далера (*Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 35).

[35] *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 28–29.

Шведские историки отмечали, что галерный флот Ф.М. Апраксина двигался вдоль берега, стараясь не заходить глубоко в шхеры, где была опасность контратак[36]. Помимо разорения побережья галеры Ф.М. Апраксина атаковали и захватывали грузы торговых кораблей. Так, у Даларё было захвачено «любское судно, шедшее из Стокгольма» (железо, гвозди и медь) и голландский корабль с контрабандой (соль и вино), а у Ландсорта взяли голландский фрегат и галиот с продуктами (рожь, ячмень и горох)[37].

В конце июля царь направил генерал-адмиралу распоряжение собраться всей его команде в шхерах напротив Стокгольма и «тогда мы совсем к вам перейдем и будем тогда главное дело чинить, ежели они мира не заключат». Главной же целью этой демонстрации силы было «неприятелю отдуха не дать и не почаял бы, что конец кампании, и для того миром не умедлил»[38].

3 августа главный флот М.Ф. Апраксина отправился в указанную царем точку, чтобы усилить психологическое давление на противника. На следующий день он был у Лансорта, а по пути следования к нему присоединялись рассеянные по побережью диверсионные партии и отправлялись новые, которые помимо разорений вели разведку шведских позиций и крепостей. Так у острова Рупей, не атакуя крепости Даларё (20 км от Стокгольма), русские разведчики осмотрели укрепления и составили их план, в то время как диверсионный отряд разорил предместье, несмотря на обстрел из крепостных пушек.[39].

Несмотря на планы русского командования, масштабная атака на шведскую столицу так и не была реализована. В первых числах августа Петр I получил от посла в Стокгольме А.И. Остермана сведения о том, что «королева швецкая желает, дабы воинские действия в Швеции престали» и готова была продолжить мирные переговоры. 8 августа царь направил Ф.М. Апраксину письмо, о том, что «главное дело операций сего года» начинать уже поздно и необходимо «возвращаться, дабы время не пропустить для приготовления к будущей кампании». Следом последовал указ «чтоб оставя все действия» галерный флот «шел к Ламеланду в случение х корабельному флоту»[40].

Тем не менее, 13 августа у Стекета (15 км от Стокгольма) произошло единственное в ходе этой кампании крупное сражение между шведской армией и русскими регулярными частями. Эти события достаточно подробно описаны в ряде работ отечественных и шведских историков, поэтому мы не останавливаемся на них детально[41]. Стоит лишь отметить, что направление, на котором находился Стекет, было наиболее удобным для атаки Стокгольма. Отсюда минуя укрепления крепости Ваксхольм с артиллерией и кораблями можно было подойти к шведской столице.

От себя стоит добавить, что это была все-таки разведка боем, а не полноценное

[36] Там же. S. 24.

[37] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответом на оные. Ч. 4. СПб., 1830. С. 220; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 296; Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 398; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 495.

[38] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 406; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 492, 496.

[39] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 323-324; *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 25-26; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 496.

[40] Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответом на оные. Ч. 3. СПб., 1830. С. 209; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 493–494.

[41] Например, *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 325; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 159–172; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 496–497; *Ефимов С.В.* Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 185–194.

сражение. Для понимания планов русского командования при проведении этой операции стоит привести пункты для действий отрядов полковников И.Ф. Барятинского и И.В. Стрекалова, подготовленные Ф.М. Апраксиным: «1. Вышед на землю… идти близ самого берегу. Посмотреть, где есть неприятельские батареи и затопленыя суды. 2. Ежели… людей неприятельских непривосходительнее вашей силы, тогда батареи зжечь, и затопленные суды осмотреть, и к нам прислать немедленно ведомость. 3. Для лутчей опасности… послать перед собою… казаков и велеть старатца о взятии знатных языков. 4. Далее полу мили от флота не ходить… командровать от себя на две или на три партии в сторону… где найдутца королевские заводы, или шляхетские мызы разорять, тако ж в полях жатой и нежатой хлеб жечь безостатку, и что найдете в пожиток брать». Из изложенного становится понятен общий замысел русского командования, в планы которого не входило вступление в масштабное сражение с противником[42].

С 15 по 18 августа русский флот стоял на якоре у острова Мейан. В это же время отряд из 21 галеры и 21 островской лодки провел рекогносцировку путей отступления, а параллельно разведал укрепления крепости Ваксгольм и у Эстано уничтожил мызу графа Вредена. Участник этих событий офицер пехотного полка А.Р. Фрезер сообщал: «командрован был… на галерах под местечко Ваксгольм, и прибыв, стали галерами во фрунт; из оной команды командрован был с полковником Чубаровым, и выходили на шведский берег… Да отправлен я был… с капитан-поручиком корабельного флоту Захарьем Мишуковым да с инженер-полковником Люберасом, и проехали близ местечка Векгольма, и была от неприятеля по нас великая пальба, а от того местечка поехали где стояли шведские военные корабли, и осмотря оные корабли, приехав к мызе графа и сенатора Вреда шведского и пофрунтясь галерами, палили из пушек по неприятелям, также и неприятель палил по нас из мелкого ружья, и от той мызы приехали в российский флот»[43].

19 августа собрав все свои силы Ф.М. Апраксин направился в обратный путь и благополучно прибыл к Ламеланду в расположение главного корабельного флота Петра I. Здесь под его руководством прошел «генеральный консилиум», по итогам которого было решено окончить военную кампанию и вернуться к своим портам. Через два дня корабли покинули стоянку и выдвинулись к Ревелю и Санкт-Петербургу, оставив при Ламеланде лишь несколько галер и лодок для наблюдения за противником и передачи разведывательной информации[44].

Отдельно стоит отметить действия десантных кораблей под руководством полковника П.П. Ласси «которой отделен от генерала-адмирала графа Апраксина со особливою галерною эквардою от Стекголма в нордную сторону». Покинув основные силы, он пошел фарватером к северу вдоль берега, по пути захватывая суда, разоряя и сжигая фермы, медные и железные заводы, а также стоящие на якоре шведские корабли[45].

[42] *Ефимов С.В.* Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 182.

[43] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 325–326; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия / Сост. К.В. Татарников. Т. 2. М., 2015. С. 1558–1559.

[44] Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. С. 183; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 326.

[45] *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 155-156; *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 58–59; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 497–500; *Кудзеевич Л.В.* Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. III. С. 112–114.

Начиная с 18 июля П.П. Ласси и находящиеся в его распоряжении войска «приступили к… разрушениям, неся пожары и опустошение всем землям, расположенным между Гевелем и Питами, одно продолжительное пространство, протяженностью около 100 шведских лиг»[46]. Так, 20 июля они направились в Каллригафьярден, где в гавани располагались погрузочные площадки ферм Остербю и Гимо. Все постройки инфраструктуры были разрушены и сожжены. Хранившееся здесь прутковое железо вывозили на галеры или бросали в воду. Впоследствии фермеры несколько лет вылавливали в этой бухте прутковый металл[47]. В ходе диверсионных действий на этом направлении отряду П.П. Ласси пришлось столкнуться с регулярными шведскими войсками. У Капеля русскими войсками был атакован отряд, охранявший железные заводы (генерал-майор Шик и 1400 чел.), который укрылся в засеке, но, не имея возможности долго сопротивляться, он отступил, оставив нападавшим 3 пушки[48].

24 июля у деревни Грин, увидев приближение русских галер, шведы сами подожгли свои амбары и склады. Увидев пламя пожаров и нецелесообразность диверсионных действий в этом районе, русские войска пришвартовались выше на 0,5 км от этого населенного пункта. На следующий день П.П. Ласси с 2400 солдатами и офицерами «пошел для разорения железных заводов, имянуемых Лестабрук, которыя на берегу были». Это был крупнейший и самый мощный металлургический завод Швеции, его «национальное достояние» с годовым объемом производства 6500 фунтов железа. Во время нападения на железоплавильные заводы у Леста-Брука русские отряды вновь столкнулись со шведскими войсками, но обошли их и атаковали. В результате боя шведам пришлось отступить, оставив на поле боя 7 пушек[49].

При нападении отряда П.П. Ласси на Леста-Брук были разорены и сожжены заводы (5 молотовых), две кирки – лютеранская и католическая, а также аллеи «с прудом, 300 обывательских двора, знатный каменный дом с прекрасным садом». Железо с заводов было частично загружено на захваченные отрядом корабли, а частью затоплено в море. Общий ущерб был оценен в 315 600 серебряных далеров[50]. Участвовавший в действиях отряда П.П. Ласси капитан Невского пехотного полка Д.Б. Сикорский вспоминал об этих событиях: «июля 15 дня был в партии… для зажигания заводов Шкебебрук, которые по отступлению неприятельскому и выжжены; июля 20 дня был в партии… против неприятеля к засекам и до заводов Форшмабрук, и по отступлению неприятельскому которые заводы и выжжены; июля 25 дня был в партии… для разорения заводов Левстабрук и к засекам, которые были под деревнею Лестакирк, в которых был неприятель и бил по нас из пушек, с которыми у нас дело было, из засек пошли до заводов Левстабрук, и тут у нас с шведы дело было, и по отступлению неприятельскому оные заводы выжжены»[51].

[46] *Кудзеевич Л.В.* Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. III. С. 113.

[47] *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 59.

[48] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 298; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 326; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 498.

[49] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 298; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 326; *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 59; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 492, 498–499; *Ефимов С.В.* Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 179.

[50] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 297; *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 59–60; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 499.

[51] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия / Сост. К.В. Татарников. Т. 2. М., 2015. С. 1902.

Рис. 5. «Деревня горит», худ. Францишек Костржевский,1862 г.

28 июля были атакованы Гарикбруские заводы (1,5 км от Гевеля), которые прикрывались шведскими войсками (400 чел. пехоты и 50 драгун). Не вступая в затяжной бой эти силы, отступили, а заводы были преданы огню[52]. 1 августа отряд П.П. Ласси подошел к Гефле, но столкнулся с сильной группировкой шведов на этом направлении: 3000 регулярного войска и 900 вооруженных крестьян, ожидавшие подкрепления из Упсалы с артиллерией. Не вступая в сражение, чтобы избежать «азарду», диверсионные отряды разорили окрестности и отступили[53].

Закончив в первых числах августа свои диверсионные действия на шведском побережье, галерный отряд П.П. Ласси отправился в обратный путь и 16 августа был уже у Ламеланда[54]. По итогам операции этой группировки русских войск были разорены и выжжены города Лостабурн и Гокстнал, 7 заводов и 4 местечка, 650 дворов, 16 мыз, 457 деревень (4392 двора), 16 амбаров и 40 мельниц. Сброшено в воду 80 000 шин железа, сожжен лес на 40 миль и захвачено 4 судна. О местном же населении охваченного рейдом региона П.П. Ласси сообщал: «а жителей на тех заводах и в местечках, и в деревнях не заставали, о чем признаваю, что оные в великом страхе и в конфузии. А которых пасторов, мужиков и женок партиями достали и таких с манифестами отпущали». То есть все задачи, обозначенные русским командованием, на проведение диверсионной операции были выполнены[55].

Подводя итоги кампании 1719 г. у берегов Швеции и определяя роковые ошибки в организации обороны противником, академик Е.В. Тарле отмечал, что шведская армия и флот во время рейда русских галер в течение всего месяца на удивление

[52] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 299.

[53] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 326–327; *Molander B.* Ryska härjningar under nordiska kriget knäckte svensk järnindustri // Dædalus: Tekniska museets årsbok. 1978/79 (48). S. 60; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 499.

[54] *Кудзеевич Л.В.* Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. III. С. 114.

[55] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 300; Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 400; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 327; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 500.

проявляли пассивность. Во многом это было связано с нехваткой у них легких маневренных судов, которые могли бы действовать в узких водах архипелага. К тому же ожидание нападения со стороны русской армии совпало с началом времени сенокоса и многие шведские крестьяне, которые должны были быть мобилизованы на усиление регулярных войск, находились в поле. Привлекаемые для обороны силы располагали незначительным количеством боеспособных воинских подразделений и плохой организацией местной милиции, часто даже не возглавляемой офицерами. Да и их наличие в их рядах не играло большой роли. Например, один из шведских источников сообщал, что атакованный русскими сторожевой пост, где крестьяне поступили под командование капитана, без боя «рассеялся и поспешил прочь». К тому же на вооружении у мобилизованных крестьян часто даже не было достойного оружия, а вместо этого у них в руках были вилы[56].

Пройдя, огнем и мечем, по обширной территории, Ф.М. Апраксин доложил, что масштабы разорительного набега его войск простирались на многие километры. Говоря об отходе русского галерного флота от берегов Швеции, биограф Петра I И.И. Голиков констатировал: «оставил (Ф.М. Апраксин – *С.И.*) ее с покоем – размышлять о разоряемом отечестве своем»[57]. Но Швеции при этом пришлось не только размышлять, но и подсчитывать колоссальные убытки. Только по пути к Норчёпингу были обращены в пепел 7 городов, несметное количество усадеб и ферм, а также леса и нивы, вывезены или уничтожены большие запасы вооружения, зерна, железа, скота, лошадей и прочего. Согласно оценке, ущерб, например, в Седертелье был оценен в 103 170 далеров, в приходах Эстер и Вестертелье в 81 700 далеров, в Твете в 25 104, а в Юттер-Ярне до 97 101 медных далеров. Для округа Сотолм потери выросли до 689 473 медных далеров. По оценкам шведских историков всего было утрачено имущества на сумму свыше 25 млн. крон в современных монетах, а кроме этого около 20 000 человек потеряли дома и жилища. При этом не стоит забывать, что события 1719 г. происходили на общем фоне упадка экономики Швеции в ходе Северной войны, обнищания ее населения и истощения людских ресурсов страны[58].

Но несмотря на огромные материальные и финансовые потери Шведского королевства в результате диверсионных действий русской армии в ходе рейда отсутствуют сведения о масштабных жертвах среди мирного населения. Это подтверждается как шведскими источниками, так и историками. Например, книги магистрата Хернесанда – города подвергшегося нападению русских войск, данные об умерших в 1719 г. не содержат сведений о массовом истреблении местного населения. Среди умерших упоминаются лишь «пожилая жена старого почтмейстера Йонаса Линда Элизабет Берония», которая «не вышла из города во время общего бегства от неприятеля 25 и 26 мая. По возвращении ее нашли живой, но в плачевном состоянии на открытом воздухе. Вскоре она умерла. Считалось, что ей 91 год». «Безумный, батрак Блана из Вангсты по имени Томас, беженец из Финляндии», который «тоже был найден мертвым после неприятельского разорения и сожжения, но он был прежде болен»[59].

Конечно не обошлось и без кровавых полу мифических историй и преданий. Так, одна из шведских легенд гласит, что пастор Олаус Вельдт отправился навстречу русским войскам в Нюнес с просьбой пощадить от разорения приходскую церковь.

[56] *Hedenstierna B.* Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av Sjöhistoriska samfundet. V. III. Uppsala, 1943. S. 22; *Seitz H.* Den stora förödelsen år 1719 och striden vid Södra Stäket // KFA. 1960. S. 175.

[57] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Т. VII. СПб., 1838. С. 297.

[58] *Westerin G.* När faran stod för dörren: historisk skildring. Stockholm, 1916. S. 12, 14; *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 48–50.

[59] SE/HLA/1050019/C/C I/1

Солдаты согласились удовлетворить его просьбу, но при условии, что вместо этого он отрубит себе правую руку. «Жертва была принесена, и церковь была пощажена»[60]. Если же говорить о человеческих жертвах в целом, то шведские историки признают их небольшое количество – до 30 человек. Причем многие из них погибли от болезней или по неосторожности в пожаре, а не от пуль. То есть солдаты и офицеры Петра I строго выполняли поручение своего главнокомандующего и бережно относились к жизни мирного населения, несмотря на то, что находились на территории своего главного врага в этой войне[61].

Оценивая военную организацию рейда 1719 г. можно сказать, что это были первые масштабные и успешные комбинированные действия русской армии и флота. Их успех был обеспечен:

Тщательной подготовкой сил и средств в соответствии с поставленной задачей, а также особенностями театра военных действий.

1. Тесного взаимодействия армии и флота, который выражался в обеспечении безопасности галер при проведении операции силами корабельного флота, а также слаженности действий галерного флота и высаженного на берег десанта.
2. Стратегический успех в выборе для атак промышленных центров Шведского королевства.
3. Организованное ведение разведки театра военных действий, постоянное наблюдение за действиями шведского и английского флотов.

Главная же цель диверсионного рейда русского флота была достигнута. После набегов на тыловые объекты в сердце шведского государства население королевства было крайне обеспокоено и находилось в состоянии паники. Сообщалось, что «шведы нынешния их разорения ни оплакать, ни оценить не могут и говорят, что ни в 50 лет поправить им невозможно, а пуще разорение себе почитают позжение лесов и вывоз людей из государства». Распространение панических настроений, опустевшие города и деревни, материальные потери все это подтолкнуло шведское правительство к возобновлению мирных переговоров[62].

Но, несмотря на успех 1719 г. в следующем 1720 г. переговорный процесс вновь стал тормозиться по инициативе шведской стороны. Дело в том, что Англия вступила в союз со Швецией, а союзники России (Дания, Пруссия и Польша) заключили мир со шведской короной и вышли из войны. При таких благоприятных обстоятельствах Шведское королевство принимает решение продолжить военное противостояние и прерывает мирные переговоры. В свою очередь Петр I решает повторить силовое давление 1719 г. и возобновить диверсионные десанты весной 1720 г. на северном побережье Швеции. В конце апреля команда из 35 галер, 6282 человек пехоты и кавалерии во главе с бригадиром И.А. фон Менгденом нанесли такой удар в районе Старого и Нового Умео, пройдя вглубь страны на 30 км. В ходе рейда они сожгли эти города, 41 деревню, более 1000 жилых дворов и строений, а также захватили несколько каботажных судов и до 900 голов крупного и мелкого скота. Завершив диверсионную операцию, русский флот 8 мая вернулся в порт Вазы. В результате шведское правительство, убедившись в несостоятельности английских союзников

[60] *Westerin G.* När faran stod för dörren: historisk skildring. Stockholm, 1916. S. 10.

[61] *Ефимов С.В.* Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 194.

[62] *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб., 1994. С. 128.

и ощутив психологическое давление со стороны охваченного паникой населения своей страны, вновь вернулось за стол переговоров[63].

В июне 1720 г. победу русского флота при Гренгаме, в совокупности с экономическими потерями, которые понесли шведские власти от продолжавшихся в этом и следующем году диверсионных атак русских десантов, Петр I умело использовал как повод, к предложению Швеции начать переговоры о прекращении войны, успешно закончившиеся в 1721 г. заключением триумфального для России Ништадтского мира.

[63] Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 478; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 335; История военно-морского искусства. Т. I. М., 1953. С. 182; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 508–509.

Б.В. Мегорский

«МАТРОЗЫ НЕ ШУМИ». К ВОПРОСУ О НРАВАХ В ПЕТРОВСКОМ ФЛОТЕ

Введение

Как вели себя моряки петровского флота? Ответ на этот вопрос можно попробовать дать, изучив Устав морской, в котором описаны и ожидаемое поведение, и типичные ситуации нарушений. Однако, одного устава недостаточно – нас интересуют примеры фактического поведения, демонстрирующие нравы петровских моряков, дисциплину и взаимоотношения офицеров и нижних чинов, поведение в экстремальных ситуациях, девиантное поведение. Источниками подобных сведений являются служебные документы – наставления, шканечные журналы и переписка, а также источники личного происхождения. Поиску таких примеров и посвящена настоящая статья.

Слова команд

Первое, что можно было услышать на корабле – это слова команд. Однако, они не описаны в петровском морском уставе. Действительно, практические аспекты управления кораблем не были затронуты ни в Уставе морском 1720 года ни в обеих частях Регламента 1722 года. Первым и единственным в петровское время русским строевым наставлением по морскому делу стал результат частной инициативы – книга Конона Никитича Зотова «Разговор у адмирала с капитаном о команде», изданная в Санкт-Петербурге в 1724 г. Этот ценный и малоизвестный источник по истории петровского флота достоин самостоятельного исследования, но в рамках настоящей статьи мы ограничимся краткой справкой.

Сын царского воспитателя Никиты Моисеевича Зотова, Конон в 1704 г. добровольно отправился для изучения морского дела в Англию, где пробыл до 1712 г. Лейтенант в 1713, капитан-лейтенант в 1715, капитан 3 ранга в 1719 г.[1]. В 1715 г. К.Н. Зотова отправили во Францию для изучения и перевода документов об управлении французским флотом, а также для найма специалистов. Вернувшись, Конон в должности командира корабля принял участие в единственной победе петровского корабельного флота при Эзеле 1719 г. Петр активно привлекал Конона для перевода различных европейских уставов и в подготовке собственного Морского устава. В 1721 г. он был назначен контролером Адмиралтейской коллегии. Над своей книгой Зотов начал работать в 1720 г., находясь в крейсерстве на корабле «Девоншир», когда он сообщил лично царю, что «зачал делать книжку, которая назовется Полное учение како управлять кораблем во всякие разные случаи»; к октябрю 1722 г. работа была закончена и Конон Никитич просил Петра дозволения напечатать ее под своим именем: «хочу издать регулы како управлять кораблем во всякие разные случаи в пользу всему флоту»[2]. В 1724 г. книга вышла из печати и стала первым русским пособием по морскому делу, аналогом существовавшей для пехоты экзерциции с набо-

[1] *Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов. Ч. 2. СПб., 1832. С. 234 – 263; *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список. Ч. 1. СПб., 1885. С. 156 – 158; *Анисимов Е.В.* «Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 2019. №5 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/derzost-ot-chistogo-userdiya-konon-zotov-i-petr-velikiy (дата обращения: 18.04.2022).

[2] РГА ВМФ Ф. 315. Оп. 1. Д. 642. ЛЛ. 43, 56–57об., 73.

ром команд в Воинскому уставе 1716 г. О том, что книга Зотова «ушла в народ», свидетельствует ее рукописная копия, сделанная пока неизвестным нам навигатором[3]. В его записной книжке карманного формата переписан «Разговор…» Зотова, а также несколько отрывков из других трудов по навигации и судостроению, и даже советы хозяйственно-бытового характера.

Вахтенный офицер обязан был присутствовать при всех работах на корабле и следить, «чтобы не было шуму и конфузии»[4]. Слова некоторых команд мы знаем благодаря книге К.Н. Зотова. Как и в сухопутной армии, важно было соблюдать тишину, чтобы люди могли услышать команды: «матрозы слушай никто не шуми», «матрозы не шуми слушай команды», «матрозы на бизань марсе слушай», «матрозы на райнах слушай», «матрозы слушай команды»[5]. Требование соблюдать тишину было необходимо не только для поддержания порядка, но и для обеспечения управления личным составом. Устав, в пункте 36 книги пятой «О штрафах», в частности, требовал штрафовать того, «кто будет чинить шум какой, когда корабль идет на парусах, что за тем люди не могут слышать, что приказано будет».

Адмирал Ф.М. Апраксин в 1725 г. наблюдал: «как распускают и подбирают паруса, то матросы, управляющие оное, произносят великий крик, так что на другом корабле слышно, которым криком офицерские голосы все заглушают и оное ни от чего иного чинится, токмо от несмотрения командующих»[6]. По итогам учений он требовал, чтобы «каждый капитан на своем корабле велел унтер-офицерам накрепко смотреть, дабы крику и шуму в поворачивании и подымании парусов и в движении пушек не делали и исполняли повеленное от обер и унтер-офицеров, чтоб офицерское слово всегда было слышно, а не так как своевольные»[7].

Некоторые другие команды, которые можно было услышать на корабле, согласно книге Конона Зотова, были такими: «долой матрозы с грот марса», «матрозы с передних райн и с грот реи наниз», «матрозы с грот марса реи наниз», «на низ матрозы со всех райн», «вкладывай винбомены в шпиль», «поди все прочь от шпиля»[8].

Дисциплина и повиновение

Тему дисциплины и отношений командира и подчиненного в петровском флоте нельзя признать исследованной. Уникальные свидетельства такого рода содержатся в «юрнале» офицера петровского флота Якова Барша. В его практике были случаи, когда в экстренных ситуациях его люди падали духом («люди все так оторопели, что ничего делать не хотят», «были в страхе», «твердили, что все пропали»), и ему приходилось принуждать их к работе по снятию судна с мели. В двух подобных ситуациях он прибегал к грубой силе и даже обнажал свою шпагу («в сердцах принуждая, одному и ухо отрубил», «должно было их принуждать побоями и одному в том понуждении солдату и ухо отрублено было»). Однако более ценной оказалась поддержка опытного матроса, который помог уговорить людей («говорил, лучше де работать, нежели прежде времени умереть, что слыша все служители закричали единогласно и стали вертеть [шпиль], то с божиею помощию корабль хотя и бился по каменью, однако безвредно сошел»)[9].

[3] РГА ВМФ Ф. 315. Оп. 1. Д. 1190. Записная книжка, содержащая копию с сочинения Конона Никитича Зотова о том, как управлять кораблем и др. записи. Первая половина XVIII в.

[4] Устав. 1720. С. 62.

[5] *Зотов К.Н.* Разговор у адмирала с капитаном о команде. СПб., 1724. С. 1, 3, 5, 6, 7, 11.

[6] Материалы для истории русского флота (далее – МИРФ). Т. 5. С. 36.

[7] МИРФ. Т. 5. С. 55.

[8] *Зотов К.Н.* Разговор у адмирала с капитаном о команде. СПб., 1724. С. 1, 3, 4, 5, 6, 8.

[9] «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша. Часть первая. 1707–1725 // Сборник ГПБ. Вып. 2. 1954. С. 44, 48.

В журнале Барша есть интересное свидетельство о том, как в Архангельске на отправляющиеся на Балтику корабли, где не хватало опытных матросов, силой набирали моряков с иностранных судов. Опыт и профессионализм «взятых в неволю» лейтенантом Баршем матросов-иноземцев оказался незаменимым, в ноябре 1713 г., в первом же походе «Рафаила» они спасли корабль: «И тако стало быть темнота велика, мы же распустили марс-зейл рифленые и за великим штормом держать было неможно – повинны крепить, токмо за крепким ветром, морозом и снегом з дождем невозможно, однако матрозы иноземцы, мучась с три часа, давав им немало вина, с трудом закрепили». Такая напряженная работа в условиях сильного ветра, мороза и снега в Баренцевом море стоили пятнадцати матросам-иноземцам на «Рафаиле» отмороженных и ампутированных рук и ног[10].

Нередко иностранцы дезертировали, особенно в европейских портах или вблизи европейских берегов; с фрегата «Св. Петр», крейсировавшего в датских водах в 1710 г., бежал голландец-квартирмейстер; он высадил на берег матросов своей шлюпки и один ушел на ней в сторону Швеции[11]. После тяжелого перехода из Архангельска в Колу иностранный шхипор с матросами забунтовали, «однако их сократили», по выражению Якова Барша[12]. Впрочем, дезертирство имело место и среди природных подданных царя: в 1716 г. «корабля «Полтавы» боцманмат из татар, подговоря гребцов капитанских, на шлюпке к шведам ушол на шонский берег и все обстоятельства им рассказал»[13].

Наказания и преступления

Приводить в исполнение наказания и казни, по приказу капитана, должен был профос, который хранил для этого соответствующий инвентарь. Одним инструментом наказания были «железа» или «буй» – железный прут с замком, надевающийся преступнику на ногу (он часто встречается на рисунках датского матроса Нильса Троснера) – существовало выражение «посадить в буй»[14]. «В железа» сажали на хлеб и воду; причем тот, кто из жалости давал наказанным иную пищу, сам подлежал наказанию[15].

Другим орудием была «кошка» – плетка из веревки. О кошках на российских кораблях известно лишь из инструкции вице-адмирала К. Крюйса 1705 г.: за малые провинности следовало наказывать концом веревки «толщиною от 21 до 24 прядей»; при этом начальникам запрещалось бить подчиненных матросов и солдат палкой[16]. В британском флоте применялась «кошка с девятью хвостами», где веревка расплеталась на три пряди, каждая из которых в свою очередь – еще на три пряди, а на каждом хвосте завязывались узелки.

Самым распространенным наказанием в российских дисциплинарных артикулах 1698, 1710 и 1720 гг. (все они основывались на голландском дисциплинарном Уставе 1662 г.) было «бить кошками у мачты», реже – «бить кошками у шпиля». Судя по рисункам из дневника датского матроса норвежца Нильса Троснера 1710-х гг., наказываемого привязывали руками к вставленной в шпиль вымбовке[17].

В зависимости от тяжести наказания, привязанного виноватого матроса бил сам профос, матросы одной вахты либо все матросы корабля, что являлось морским

[10] «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша. Часть первая. 1707–1725 // Сборник ГПБ. Вып. 2. 1954. С. 13.

[11] МИРФ. Т. 1. С. 235.

[12] «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша. Часть первая. 1707–1725 // Сборник ГПБ. Вып. 2. 1954. С. 13.

[13] *Соймонов Ф.И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014. С. 348.

[14] МИРФ. Т. 5. С. 257.

[15] Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. П. 48.

[16] МИРФ. Т. 4. С. 713.

[17] *Eisentraut T.* The diary of Nils Trosner, 1710–1714 // 'Princess Hedvig Sofia' and the Great Northern War. 2015. P. 244, 245.

аналогом сухопутного «прогнать сквозь строй», когда наказанного «гоняли по кораблю» и хлестали кошками товарищи по команде[18]. К другим специфическим морским экзекуциям относилось «купание с райны» (когда человека подвешивали за руки и опускали в воду с нока реи), проволочение под днищем корабля, прикалывание ножом к мачте руки того, кто сам обнажил нож, и за убийство – бросание в море вместе с телом убитого[19]. Любопытное наказание существовало во французском флоте и отсутствовало в российском – посадить наказанного верхом на вымбовку, вставленную в шпиль, с привязанными к ногам ядрами[20]. Существовали также имущественные наказания – вычеты из жалования и денежные штрафы, когда определенная доля отдавалась нищим или в госпиталь, а остаток – профосу.

Телесные наказания практиковались только для нижних чинов; офицеров наказывали вычетами из жалования, понижением в чине, увольнением и арестом. Так, капитан «Полтавы» Яков Шапизо в 1720 г. посадил под арест корабельного комиссара Бобрищева-Пушкина «за ослушание команды» и после шести суток ареста отправил под караулом на берег. Капитан Грис на «Перле», по всей видимости, отличался самодурством («я де командир над кораблем и над людьми, что хочу, то и делаю») и за малейшие провинности сажал под арест офицеров, включая сухопутных, находящихся у него на корабле, – «и сидят за караулом и стоят над ними с обнаженными шпагами днем и ночью»[21].

Шканечные журналы фиксировали, когда на корабле кого-то наказывали. Судя по опубликованным выпискам из журналов 1725–1729 гг., чаще всего наказывали за то, что матрос ночевал на берегу и не явился на корабль, реже – за кражи, сопротивление начальству, пьянство и азартные игры. Штурман, которого на лоц-галиоте в 1729 г. командир лейтенант Тесин приказал посадить в буй, снял его с ноги и выбросил в море[22]. Возможно, в данном случае штурман протестовал против ситуации, когда фактически, по подготовке и квалификации он был близок к офицерам, но формально считался унтер-офицером и, следовательно, подлежал наказаниям для нижних чинов.

Женщины на корабле

Ранние дисциплинарные правила запрещали приводить на корабль женщин любых сословий под угрозой штрафа. Устав 1720 г. подтверждал строгий запрет нахождения женщин на борту во время похода, однако требования смягчились для стоянки в гавани и на рейде – там офицерам и рядовым разрешалось привозить на корабль женщин днем «для свидания и посещения», но оставлять «для беседы их во время ночи» строго запрещалось[23].

Разное толкование Устава о женщинах на корабле привело к нелицеприятной сцене на «Св. Александре», флагманском корабле генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, на рейде Кронштадта летом 1725 г. Капитана этого корабля Джеймса Лоренца посетила его жена, потому что «при порте иметь жен на кораблях и регламент не запрещает»; Лоренц с женой на шлюпке также сделали визит на другой корабль к капитану Деляпу. В тот день «Св. Александр» посетил капитан-командор Бредаль; ужиная с другими гостями флагманского корабля в «шумном»

[18] Правила службы на кораблях 1698 г. Пп. 3, 25, 27, 37, 51, 53; Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. Пп. 30, 31; Устав 1720 г. С. 126.

[19] Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. Пп. 36, 39.

[20] Устав о войсках морских и о их арсеналах Людовика XIV короля французского и наваррского. СПб., 1715. С. 103.

[21] МИРФ. Т. 1. С. 693.

[22] МИРФ. Т. 5. С. 707.

[23] Правила службы на судах. 1698. п. 52; Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. п. 52; Устав 1720 г. С. 101.

состоянии и заметив капитанскую жену, он решил использовать свое превосходство в чине и навести порядок, «запрещено де жен на кораблях иметь». Бредаль приказал караульным солдатам схватить их капитана, арестовал и избил Лоренца, а жену велел солдатам бросить за борт, не дав ей одеться… В итоге женщину свели с корабля в мужнином плаще, «а фижмы за нею снес солдат», а капитан остался под арестом, причем Бредаль утаил это от генерал-адмирала Апраксина. Вскоре Лоренца перевели на другой корабль, и он подал доношение, по которому дело о ссоре разбиралось более года. В итоге, указом императрицы Екатерины I в ноябре 1726 г. Бредаля разжаловали в матросы на три месяца и присудили ему выплатить Лоренцу шестимесячное жалование, а в январе Бредаль был прощен[24].

Пьянство на службе

«Пьяным на кораблях и на берегу у дела сущих не быть», гласили инструкции Крюйса[25]. Однако, как пишет британский историк флота, в эпоху, когда подробных карт и надежных лоцманов не было, когда навигаторы с трудом определяли положение и корабли часто не могли уйти от опасного подветренного берега, мореплавание было связано с бесчисленными рисками; «только безумец или, чаще, пьяница, мог добровольно отдаваться такой опасности»[26]. Не удивительно, что некоторые моряки были склонны к алкоголю. Впрочем, иностранцы отмечали и пристрастие русских обоих полов и всех сословий к крепким напиткам. Вне службы офицеры могли себе позволить дорогие напитки в аустерии и в трактирах; нижние чины посещали более демократичные питейные заведения – «фатерные избы» и кружечные дворы[27].

Еще в 1705 г. вице-адмирал Крюйс заметил, что «многие обер- и унтер-офицеры из иностранцев составляют сходбища и попойки». Найденным в пьяном виде грозило лишение жалования и увольнение; то же наказание полагалось за ругательства друг на друга на вахте, за «укорительные слова» и угрозы тростью[28]. В следующем году, возможно, о тех же офицерах Крюйс уже докладывал царю, как о «немецких капитанах, которые морского дела не знают и пьяницы»[29]. Капитан Бенджамен Эдвардс, англичанин, служил с 1706 г., но в 1717 г. был уволен, поскольку адмирал Ф.М. Апраксин заметил, что командир «Шлиссельбурга» «бахусовых регул зело держится»[30]. Весь экипаж «Перла» в ноябре 1715 г. свидетельствовал на капитана Гриса, что он был пьян до беспамятства и едва не сжег корабль[31]. Капитан Розенгоф «на карауле всякие непотребности делал, был шумен (пьян), в котором шумстве учинил драку, чего было и делать ему не надлежало»; пострадавший от Розенгофа унтер-лейтенант Еропкин подал на капитана челобитную, и того лишили капитанского ранга и уволили со службы[32].

Азартные игры

«Никто да дерзнет костей, зерни, карт и протчих таковых вещей на карабль привозить», гласил Артикул, поскольку от них происходят «случаи брани, здору и

[24] МИРФ. Т. 5. С. 74–76, 172, 195–198, 367, 456, 457; «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша. Часть первая. 1707–1725 // Сборник ГПБ. Вып. 2. 1954. С. 55.

[25] Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. П. 33.

[26] *Rodger N.A.M.* The Wooden World: The Anatomy of the Georgian Navy. 1986. P. 50.

[27] *Дуров И.Г.* Провиантское снабжение флота в эпоху Петра Великого. Н.Н., 2002. С. 335–343.

[28] МИРФ. Т. 4. С. 714.

[29] МИРФ. Т. 1. С. 114.

[30] МИРФ. Т. 3. С. 138; Ден Д. История российского флота в царствование Петра Великого / Пер. с англ. Е.Е. Путятина/ Вст. ст, науч. Редакция и уточнение перевода, примеч. П.А. Кротова. – СПб, 1997. С. 140.

[31] МИРФ. Т. 1. С. 693.

[32] МИРФ. Т. 5. С. 310.

драки»[33]. Возможно, матросы все-таки развлекались подобным образом, по крайней мере на «Пантелеймон Виктории» солдат и четыре матроса были биты кошками за игру в кости[34].

Салютационные крики

Приветственный или салютационный возглас «гузе» был закреплен в Уставе 1720 г.: кричать полагалось только когда флагман сходил с корабля – генерал-адмиралу пять раз, адмиралу три, вице-адмиралу два и шаутбенахту один раз[35]. Однако он использовался и до введения Устава; трижды кричать «гуззе» и махать шляпами, стоя на вантах и на штагах при приветствии датского короля, велел Петр матросам своего флота, находящегося в 1716 г. в Дании[36]. «Гузе» происходило от английского «huzza». Это слово в XVIII в. произносилось как [хузЭй], и позднее, в XIX в. трансформировалось в «huzzah» [хазА][37].

Приветствие «ура» упоминает в своих журналах о плаваниях 1707, 1708 и 1710 гг. Наум Сенявин: царю и другим флагманам кричали «ура» троекратно или пять раз; шведы, согласно Сенявину, тоже кричали «ура», но, в отличие от русских, четное количество – дважды либо четырежды[38]. Четырехкратное «hurra» существует в Швеции до сих пор, а известно шведским исследователям с 1732 г.[39]; таким образом, свидетельство Сенявина – самое раннее об этом возгласе не только для русского, но и для шведского флота. Криками «ура» приветствовали проверяющих из адмиралтейства. Российский капитан Яков Барш, служивший в 1707 – 1710 гг. в голландском флоте, записал, что на его корабле экипаж трижды кричал «гура» в честь отъезжающих «господ из адмиралтейства»[40]; идентичная сцена уже в российском флоте описана в журнале корабля «Пантелеймон Виктория» - там «господа депутаты … как поехали с карабля от нас кричали им ура 3 раз»[41].

Солдаты, следующие из Астрахани на лодках в Персидский поход в 1722 г. и приветствовавшие генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, троекратно кричали «ура»[42] (заметим, что по Уставу полагалось пять раз). Судя по шканечным журналам, в кампанию 1725 г. на Балтике в подавляющем большинстве случаев кричали «ура» и реже – «гузеровали»[43]. В 1730-е гг. продолжали использовать оба возгласа: в 1730 г. флагманам кричали «ура» и «гузе» пять раз, в 1732 г., приветствуя вице-адмирала Сенявина с кораблей кричали трижды «гузе», а китайскому послу – пять раз «ура»[44].

Можно предположить, что русское «ура» пошло от «гура» голландского флота, и некоторое время сосуществовало с английским «гузе».

Помимо «гузе» и «ура» существовал еще возглас «виват». Приветствуя объезжавшую флот императрицу Екатерину в 1725 г., матросам было приказано

[33] Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. 1710. П. 34.

[34] РГА ВМФ Ф. 870. Оп. 1. Д. 78. Л. 45 об.

[35] Устав 1720 г. С. 24.

[36] МИРФ. Т. 4. С. 708.

[37] *Fuss N.* You say huzzah! They said hussay! // Journal of the American Revolution. April 22, 2014. (https://allthingsliberty.com/2014/04/you-say-huzzah-they-said-huzzay/)

[38] *Сенявин Н.А.* Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 10. СПб., 1852. С. 338, 340, 351, 355.

[39] *Ideforss H.* Ordet hurra // Kock, Axel (red.), Studier tillägnade Axel Kock., Gleerup, Lund, 1929. SS. 271–280. Автор благодарит Бенгта Нильссона за эти сведения.

[40] ОР РНБ. Ф. НСРК. F. 365. Л. 8, 8об.

[41] РГА ВМФ Ф. 870. Оп. 1. Д. 78. Л. 45об.

[42] *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийскаго моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великаго. СПб., 1763. С. 67.

[43] МИРФ. Т. 5. С. 83, 91, 92.

[44] МИРФ. Т. 7. СС. 13, 15, 18, 338.

стоять на вантах и штагах и «кричать семь раз виват, а не ура», то же кричали голштинскому герцогу; с приветствуемых кораблей отвечали либо «ура», либо «виват»[45]. В 1726 г. для приветствия Екатерины «взогнав людей на ванты кричали 7 раз виват», «кричали 7 раз виват и били в барабан поход»[46]. «Виват» кричали Анне Иоанновне в 1732 г. семь и пять раз; а особым приказом Миниха людям на яхтах и галерах предписывалось трижды кричать «Виват Анна императрица, виват, виват, виват»[47].

Семикратное приветствие высочайших особ в российском уставе не упомянуто, зато описано во французском. Хотя связи российского флота с французским не были такими тесными, как с голландским или британским, именно французский морской устав был переведен на русский язык и напечатан в 1715 г. В нем есть глава «О почтениях, которые долженствуют отдаватися главным, или штап офицерам морским» - где предписано кричать «седмижды вивлеруа (то есть, здравствуй король)»[48].

По приведенным примерам, можно сделать вывод, что голландское «ура» и английское «гузе» кричали при встрече флотских начальников. А французский «виват» предназначался лишь для высочайших особ. Впрочем, и в этой закономерности есть исключения: по свидетельствам участников Эзельского боя, криками «виват!» российские офицеры и матросы выражали свою радость от победы и благодарность своему капитану Деляпу[49].

Огонь на корабле

Огонь в жизни людей раннего XVIII в. был жизненно необходим для приготовления пищи, для отопления и для освещения; на флоте так же готовили в поварне на дровах, освещали палубы, каюты и трюмы свечными фонарями, к этому добавлялась необходимость поддерживать огонь на тлеющих фитилях для запаливания пушек и для сигнальных фонарей. И конечно, огонь был опасен на корабле как причина пожара. Правилами 1698 г. матросам было запрещено приносить на борт тюфяки и мешки с сеном и соломой и прочие пожароопасные вещи, ходить со свечами и разводить огонь. Курить можно было только между грот- и фок-мачтой или где определит командир. Устав 1720 г. конкретизировал, что курить можно только при свете дня (кроме времени молитвы) и только около фок-мачты, поставив рядом с собой ведро с водой[50]. Это требование российского устава было взято из французского морского устава. Но было ли распространено курение среди русских моряков? Известно, что в 1724 г. было велено раздавать служителям флота негодный табак из складских запасов в обмен на вычет из жалования, но только тем, «кто взять пожелает», без принуждения[51]. О том, что табак у русских матросов был с собой в плавании, свидетельствует несколько сообщений. В 1725 г. в Лиссабон пришел российский корабль «Девоншир», и местные таможенные офицеры «по осмотре имеющийся у служителей весь собственный для употребления их табак, начиная шхипера до профоса обрали и взяли с собою на берег»[52]. Матроса «Риги» в 1732 г. били кошками за то, что он во время причащения больного находился рядом в шапке (что было нарушением Морского устава, пункта 13 главы первой «О благом

[45] МИРФ. Т. 5. С. 39, 80, 81.

[46] РГА ВМФ Ф. 870. Оп. 1. Д. 78. Л. 30об., 31, 31об.

[47] МИРФ. Т. 7. С. 335, 338, 340, 341.

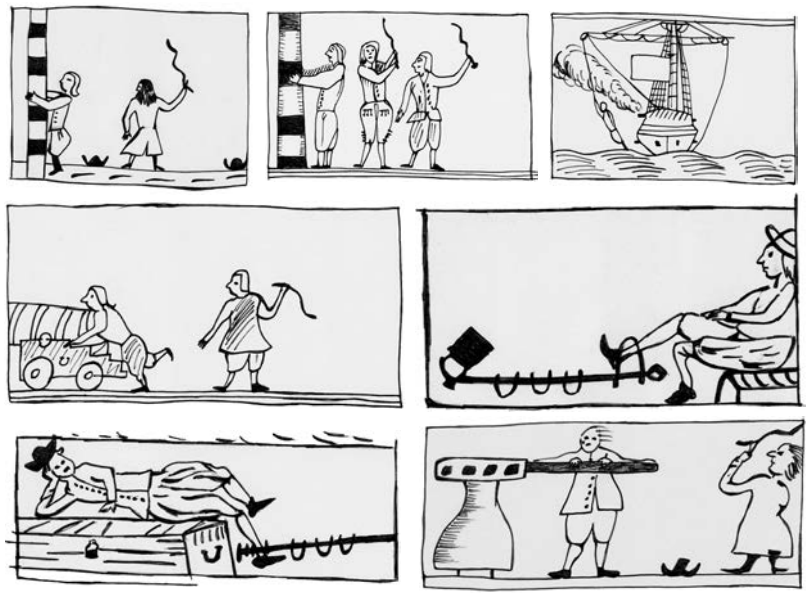
[48] Устав о войсках морских и о их арсеналах Людовика XIV короля французского и наваррского. СПб., 1715. С. 73.

[49] *Соймонов Ф.И.* Эзельское морское сражение 1719 г. // Морской сборник. 1990. 12. С. 70.

[50] Артикул. п. 40, 41, 42; Устав 1720 г. С. 97.

[51] МИРФ. Т. 4. С. 642.

[52] МИРФ. Т. 5. С. 92.



Наказания на флоте. Рисунки датского матроса Нильса Тросснера. 1710-е гг. Обработка М. Борисова

поведении на кораблях») и при этом молол табак[53]. Позднее, в 1732 г. Адмиралтейств-коллегия запретила курение в таких «опасных местах» как верфи, гавани и проч[54].

Командир корабля мог курить у себя, во всяком случае капитан Лоренц в своем доношении сообщил, что «сел для курения табаку на галлерею» у своей каюты[55].

Погребение

Погребение умерших в море – тема, несомненно, относящаяся к нравам и обычаям флота, однако применительно именно к русскому флоту, нам пока известно не много свидетельств. В двух случаях, описанных в журналах 1726 и 1727 гг., когда члены экипажа умирали в плавании (капитан Антуфьев и ученик-навигатор Сабинин), их тела отвезли на берег и похоронили там. На фрегате «Эсперанс», где умер капитан, флаг и вымпел подняли до половины, при спуске тела с корабля в шлюпку палили из семи пушек, а до момента погребения на берегу сделали еще девять выстрелов с промежутком полсклянки, то есть 15 минут[56].

В 1715–1716 гг. в Копенгагене во время зимовки двух кораблей под командованием И.А. Сенявина на них умерло около 150 человек. По сообщению находившегося в датской столице петровского генерал-адъютанта Антона Девиера, мертвые тела с кораблей бросали в воду прямо в канал, и их прибивало к берегу к дворам местных жителей, которые этим объяснимо возмущались; Девиер считал такое поведение бесчестием нашему народу, жаловался царскому секретарю, что «здесь мы нажили такую славу, что в 1 000 лет не угаснет», и велел вылавливать трупы и хоронить их[57].

Таковы найденные нами свидетельства, позволяющие в первом приближении представить некоторые аспекты службы, быта и нравов петровского флота. Несомненно, эта тема требует гораздо более глубокого изучения.

[53] МИРФ. Т. 7. С. 333.

[54] МИРФ. Т. 7. С. 350.

[55] МИРФ. Т. 5. С. 74.

[56] МИРФ. Т. 5. С. 269, 438.

[57] МИРФ. Т. 2. С. 66, 67. Автор благодарит Е.В. Анисимова за указание на этот документ.

М.В. Хацкевич

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1710-Е ГГ.: МЕХАНИЗМ ПРОВЕДЕНИЯ О ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Введение рекрутской повинности считается одним из важных начинаний петровского времени в области военного устройства, повлиявшим также и на другие сферы общественной жизни. К началу 1710-х гг. рекрутская система комплектования во многих отношениях уже оформилась и прошла проверку на практике. С 1705 г. было проведено шесть общих рекрутских наборов (не считая чрезвычайных, проводившихся с отдельных территорий и групп населения). Началось законодательное оформление отдельных процедур рекрутчины.

Однако меняющаяся обстановка на фронтах Северной войны, а также продолжающиеся внутри страны реформы обусловливали дальнейшие изменения рекрутчины. Проведение губернской реформы и создание Сената обусловило изменение административного порядка проведения рекрутских наборов. Сенат стал главным центральным учреждением, отвечавшим за организацию и осуществление наборов. На созданные в ходе реформы губернские администрации также возлагалась доля ответственности за осуществление сбора рекрут на местах.

В этом отношении рекрутские наборы 1711–1718 гг. (до создания Военной коллегии) в рамках одной губернии представляют несомненный интерес. Ограничение фокуса на Архангелогородской губернии при этом кажется оправданным: территориальная удаленность от центральных регионов, с одной стороны, значительная занимаемая площадь новообразованной губернии, с другой, наконец, ее прибрежное положение – все это определяло особое место Архангелогородской губернии в ряду прочих регионов Российского государства.

Имеющаяся по теме историография рассматривала рекрутскую повинность в Архангельской губернии и – шире – в областях Русского севера лишь применительно к более позднему времени, начиная со второй половины XVIII в[1]. В единственной на текущий момент работе, целиком посвященной рекрутчине петровского времени – диссертации В.А. Тихонова – на основе опубликованных материалов Сената приведены сведения о наборах в Архангелогородской губернии за отдельные годы (однако при этом автором архивный материал привлекался недостаточно)[2].

[1] см. например: *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность населения Архангельской губернии в 1820–1874 гг. // Двинская земля. Вып. 4: Материалы четвертых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 100-летию наркома и министра Речного флота СССР Зосимы Алексеевича Шашкова. Архангельск, 2005. С. 117–131; Он же. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний). М., 2016; *Метафанов Н.Н.* Третий частный набор рекрутов в Архангельской губернии (1839 г.) // Защитники отечества: Материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Вып. 10. Архангельск, 2006. С. 134–144; *Трошина Т.И.* Рекрутская повинность в Архангельской губернии // Защитники отечества: Материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно- исторической тематике. Вып. 10. Архангельск, 2007. С. 118–133

[2] *Тихонов В.А.* Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Диссертация к.и.н. М., 2013.

Между тем сохранившийся комплекс делопроизводственных документов Сената позволяет проследить некоторые аспекты проведения наборов за указанный период в Архангелогородской губернии и получить представление об общей их динамике в 1710-е гг.

Всего за 1711–1718 гг. было проведено 11 общегосударственных наборов, охвативших в том числе и Архангелогородскую губернию.

Самым интенсивным за указанный период был 1711 г.: тогда рекруты и даточные собирались по 4 нарядам (т.е. фактически было проведено 4 набора). Часть из указов о наборах попала в состав Полного собрания законов Российской империи. 1 марта 1711 г. под предлогом войны с Турцией происходил набор даточных людей[3]. Указом 16 марта 1711 г. предпринималась попытка сформировать своего рода «резерв» в губерниях, в связи с чем полагалось набрать 25 тыс. рекрут «в запас»[4]. В июне 1711 г. указ был скорректирован, число необходимых к сбору рекрут сокращено до 20 тыс[5].

Такую интенсивность наборов в 1711 г., помимо активизации военных действий на юге, можно связать с указом о формировании 43 постоянных гарнизонных полков в губерниях[6].

По два набора проведено в 1713 и в 1715 гг.[7] По одному набору проводилось каждый год с 1716 г. по 1718 гг.[8]

Наиболее тяжелым с точки зрения фискальной нагрузки на податное население в рассматриваемый период был 1711 г. Общее число полагавшихся с Архангелогородской губернии рекрут составляло более 9 тыс. человек (см. таблицу 1).

В начале 1711 г. вместе с созданием губерний была сделана попытка закрепить за каждой из губерний определенные полки, эта мера должна была упорядочить и в некоторой степени урегулировать комплектование и финансирование последних. На Архангельскую губернию было «положено» 12 полков: 3 полка кавалерии и 9 полков инфантерии. Закрепленные за губернией кавалерия включала в себя Каргопольский, Табольский и Архангелогородский полки. В соответствующее число пехотных полков входили: Копорский, Новгородский, Устюжский, Вологодский, Каргопольский, Белогородский, Нарвский, Саксонский, Невский полки, а также один гарнизонный полк и 560 человек[9].

Подготовка и проведение рекрутского набора подразумевала осуществление ряда процедур.

[3] ПСЗ Т. IV. № 2326.

[4] ПСЗ Т. IV. № 2338.

[5] ПСЗ Т. IV. № 2390.

[6] ПСЗ. Т. IV. № 2319.

[7] ПСЗ. Т. V. № 2629; № 2738; № 2884; № 2931.

[8] ПСЗ. Т. V. № 3240. Указы о наборах 1716 и 1717 гг. не вошли в состав ПСЗ, однако об этих наборах известно из отчетности Сената.

[9] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 14.
К началу 1711 г. в Архангельске было два гарнизонных полка: полковников Монастырева и Гулица (*Гостев И.М.* Информация об архангелогородском (двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701–1721) по опубликованным источникам и документам, хранящимся в РГАДА и ГААО // Защитники отечества: Материалы научных конференций: XXX, XXXI, XXXII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2014. Выпуск 13. С. 23). По всей видимости, на момент составления сенатской ведомости ситуация изменилась и в гарнизоне остался лишь один полк.

Таблица 1: План наборов рекрут и даточных с Архангелогородской губернии 1711 г.[10]

Наборы 1711 г.	Положено собрать со всех губерний	Положено собрать с Архангелогородской губернии
1-ый	25000	4070
2-ой	2000	252
3-ий	10342	1683
4-ый	20000	3237
Итого	57342	9242

Работа, предшествовавшая объявлению очередного рекрутного набора, предполагала определение раскладки повинности. Необходимо было провести исчисление количества дворов, с которого полагалось поставлять рекрута. Черновые записи, сохранившиеся в делопроизводстве Правительствующего Сената, свидетельствуют о проведении подобных расчетов накануне начала набора. Из записей следует, что рассматривалось несколько вариантов раскладки. Не располагая актуальными сведениями о числе дворов в губерниях, правительство стремилось сделать несколько расчетов этого показателя. Так, в черновом документе, предназначавшемся для отправки в Архангелогородскую губернию, присутствовало два варианта общего числа дворов в имевшихся на тот момент 8 губерниях. В долях[11] дворового числа (за исключением сел и деревень Санкт-Петербургской и Архангелогородской губерний, приписанных к флоту) получалось 772255 дворов. Другой вариант предполагал считать по сведениям переписи 1710 г., проведенной в 6 губерниях, остальные же 2 губернии – Санкт-Петербургскую и Сибирскую – предлагалось учитывать по прежней переписи (1678 г.) Этот вариант насчитывал во всех губерниях 605302 двора[12].

Помимо подсчета нескольких вариантов общей фискальной базы повинности, подсчитывалось также несколько вариантов непосредственной раскладки по дворам. Например, для набора 1713 г. считались варианты раскладки 20, 30, 40 и 50 дворов (это означало, что 1 рекрут должен был быть поставлен с соответствующего числа дворов). Варианты раскладки и ожидаемое число рекрут в 1713 г. представлены в таблице 2.

Таблица 2: Варианты раскладки рекрутского набора 1713 г.[13]

Раскладка рекрутской повинности (число дворов, с которого поставлялся 1 рекрут)	Число предполагаемых к сбору рекрут при подсчете по переписным книгам 1678 г	Число предполагаемых к сбору рекрут при подсчете по переписи 1710 г.
10 дворов	77225	60530
20 дворов	38613	40264
30 дворов	25742	20176
40 дворов	19306	15132
50 дворов	15445	6405

[10] Источник данных таблицы: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 13об.

[11] После проведения губернской реформы была сделана попытка разделить губернии на доли с фиксированным количеством дворов.

[12] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 1–1об.

[13] Там же. Л.1.

Судя по черновым делопроизводственным документам Сената, раскладка сначала считалась для всего государства, а затем составлялся отдельный указ с цифрой раскладки для каждой губернии.

Следующим шагом проводившие расчеты чиновники в документах о прежних наборах находили сведения о числе рекрутов, оставшихся нераспределенными по местам службы после предыдущих наборов. Накануне набора 1713 г. в Архангелогородской губернии таковых насчитывалось 3757 (стоит отметить, что по этому показателю губерния опережала все остальные, даже Московскую, в которой оставалось 3097 рекрутов прошлых наборов). После отсылки в Санкт-Петербург 1700 рекрутов из этого числа в Архангелогородской губернии должно было остаться 2057 рекрут[14].

Вместе с раскладкой набора при подсчете предполагаемого числа рекрут учитывалась также недоимка по прежним рекрутским наборам.

Поскольку основной целью рекрутских наборов являлось укомплектования армейских и гарнизонных полков, на этапе расчета раскладки важным было взаимодействие Сената с военным ведомством. Примером документа военного ведомства, на который ориентировались в Сенате при определении параметров наборов 1711 г., может служить табель генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Л.С. Чирикова[15]. В табели указывается число рекрут и лошадей, требующихся для комплектования различных полков. На основании этого общего документа в Сенате определялось, сколько требуется рекрут в «положенные» на Архангелогородскую губернию полки и на основании подсчетов указывалось, как будет осуществлено комплектование при определенном числе рекрут. К сожалению, в документе отсутствуют сведения о том, на основании чего осуществлялся окончательный выбор раскладки рекрутской повинности. Вероятнее всего первостепенным при этом выборе являлись потребности армии и гарнизонов, однако принятие во внимание фискальных возможностей плательщиков повинности также не могло не учитываться.

После определения раскладки, составлялся указ о рекрутском наборе, рассылавшийся затем в губернии. Направляемый в губернии указ отличался тем, что дополнительно к основным положениям о наборе содержал сведения о количестве рекрут, которые предстояло собрать в данной конкретной губернии.

О ходе взимания рекрутчины правительство могло судить по поступавшей с мест отчетности.

Отчетность из Архангелогородской губернии поступала в Сената от имени вице-губернатора А.А. Курбатова (с 1714 г. – от имени сменившего его губернатора П.Е. Лодыженского). Подобные донесения писались с разной частотой. В ряде случаев вице-губернатор отчитывался о ходе набора два раза в месяц. Нередко в донесениях неотправка рекрут в срок объяснялась объективными трудностями. Так, в 1713 г. А.А. Курбатов писал о трудностях в наборе: «а о зборе, Государь, достальных рекрут и лошадей стараемся со всяким усердием, и о высылке посылаютца указы с нарочными посылщики частократно, токмо за многою пустотою и за дальностию городов в скорости собрать невозможно»[16].

Если отчетность не направлялась своевременно, в губернию посылался курьер с требованием предоставить необходимые сведения. Так, приехавший в марте 1713 г. в Вологду князь Енгалычев передал указ с требованием предоставить

[14] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 2.

[15] Л.С. Чириков упоминается в сказках офицеров, опубликованных в справочнике К.В. Татарникова (см.: *Татарников К.В.* Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2. М., 2015. С. 2534 и др)

[16] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 12.

ведомость о собранных на тот момент рекрутах (как нынешнего так и прежних наборов), «в которых городех те рекруты на станцыях».[17]

Основными инструментами «понуждения» к скорейшему проведению набора были, во-первых, рассылка в губернии соответствующих указов, с угрозами штрафов высшему губернскому чиновничеству; во-вторых, – отправка чиновников и офицеров. Так, когда в 1713 г. недоимка Архангельской губернии по набору прошлого года составляла 5492 человека[18], «для исправления и высылки в комплет рекрут, лошадей, аммуницыи» в губернию были направлены двое чиновников. Из Канцелярии Сената снаряжен стольник Иван Матюшкин, а также «комиссар "той губернии"» Дябринский[19].

При этом задача присылаемых чиновников не ограничивалось наблюдением, они осуществляли дополнительный контроль за ходом набора. Например, упомянутые стольник И. Матюшкин и комиссар Дябринский в ходе своего пребывания в Архангелогородской губернии составили отписку об отправке рекрут в полки[20], и этот отправленный в Сенат документ являлся важнейшим источником, позволявшим проверить отчетность губернаторов.

В октябре-ноябре 1713 г. из губернии в Сенат было направлено еще одно доношение «от комиссарских дел». В нем уделялось внимание не только числу собранных рекрут, но и доимке прошлых лет, а также сбору денег на содержание рекрут и сведениям об отправке последних к местам службы. Примечательно, что документ скреплен другим комиссаром – Федором Зуевым[21]. Объяснить это возможно либо тем, что Зуев к тому времени уже успел сменить Дябринского, либо же тем, что в губернии у рекрутских дел находились как минимум два комиссара.

Ответственность за проведение наборов также возлагалась на других представителей местной администрации – ландрихтеров. Донесения вице-губернаторов и губернаторов в Сенат с указанием динамики рекрутского набора составлялись с ведома (возможно, по источникам) ландрихтеров[22]. В частности, рукоприкладства ландрихтера Архангелогородской губернии Ивана Аленина встречаются на донесениях А.А. Курбатова.

Другой административной линией контроля за сбором рекрут были присланные из Сената офицеры. В 1711 г. в Архангелогородской губернии такие функции выполнял капитан князь Г.Я. Вяземский. Согласно сказке, которую Г.Я. Вяземский подал в Военную коллегию уже будучи в отставке в 1722 г., он служил капитаном в драгунских и солдатском полках с 1705 г. В 1711 г. капитан Вяземский «послан из Москвы от Сенату в Архангелогородскую губернию к вице-губернатору Алексею Курбатову для отправления Императорского Величества дел»[23]. С аналогичным поручением от Сената Г.Я. Вяземский был командирован и в 1712 г., но на сей раз в Казанскую губернию. В дальнейшем его служба проходила при различных полках (вплоть до отставки в 1716 г.) и к сенатским поручениям он больше не привлекался. Как можно видеть из донесений Г.Я. Вяземского, на него возлагалась обязанность контролировать ход набора и при необходимости «понуждать» ландрихтера губернии Ивана Аленина в сборе и отправке рекрут. В октябре 1711 г. ландрихтер И. Аленин передавал Г.Я. Вяземскому «ведение» с отчетностью об отправленных в

[17] Там же. Л. 11об

[18] Там же. Л. 13об.

[19] Там же. Л. 14.

[20] Там же. Л. 14об.

[21] Там же. Л. 30-49об.

[22] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 76. Л. 16

[23] *Татарников К.В.* Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сборник документов в 2-х томах. Т. 1. М., 2017. С. 601

Санкт-Петербург и Ригу рекрутах, а также о числе оставшихся на станции в Вологде[24].

О том, насколько добросовестно осуществлялся контроль за принимаемыми рекрутами со стороны местной администрации, судить достаточно сложно. Однако степень ответственности высшей губернской администрации постепенно увеличивалась. Для губернаторов предусматривался штраф за каждого неотправленного в срок рекрута (1 руб.)[25] С 1716 г. порядок приема рекрут был ужесточен, и губернаторам предписывалось самим проводить смотр принятым на службу рекрутам и «закрепить своей рукою» рекрутские списки. За прием негодных рекрут губернатору грозило разорение и ссылка[26]. Столь серьезное ужесточение законодательства о приеме рекрут свидетельствует о том, что на этом этапе существовали проблемы и злоупотребления.

При том что срок проведения набора устанавливался в несколько месяцев, фактически набор мог длиться более продолжительное время. Например, набор, объявленный в начале 1713 г., должен был быть завершен, в зависимости от удаленности тех или иных губерний, в марте или в мае того же года[27].

Динамика набора зависела от ряда факторов и могла варьировать в разные годы. Так, по доношениям из Архангелогородской губернии обнаруживается неспешность сбора рекрут в 1713 г. на начальном этапе. Указ из Сената был направлен в губернию 23 января 1713 г.[28] Однако вплоть до 20 февраля о ходе набора из губернии не было прислано никаких сведений. В качестве побудительной меры Сенат направил подтвердительные указы в губернии (в том числе в Архангелогородскую), с повторением основных положений о рекрутском наборе января 1713 г.

Основные итоги рекрутских наборов в Архангелогородской губернии в 1711-1718 гг. приведены в Таблице 3.

Таблица 3: Результаты наборов в Архангелогородской губернии в 1711-1718 гг.[29]

Год	План набора	Рекрут набрано		Из них беглых, больных и умерших		Из них переданных в полки	
1711	9242	6879	74%	1431	21%	5448	59%
1713	4541	4155	91%			4155	91%[30]
1715–1716[31]	3653	1425	39%	174	12%	1251	34%
1717	1254	465	37%	69	15%	396	32%
1718	1998	1264	63%	171	14%	1093	55%
Итого	20688	14188	69%	1845	13%	12343	60%

Одной из возможных причин относительно невысокой собираемости рекрут могло быть неверное представление правительства о численности населения губернии. При определении раскладки продолжали ориентироваться главным образом на данные переписи 1678 г. Ситуация, однако, к 1710-м годам могла

[24] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 76. Л. 16об.

[25] ПСЗ. Т. V. № 2632.

[26] ПСЗ. Т. V. № 3000.

[27] ПСЗ. Т. V. № 2632.

[28] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 7.

[29] Таблица составлена на основании данных: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 76. Л.3об-6об.

[30] Поскольку в источнике отсутствуют сведения о беглых, больных и умерших рекрутах за 1713 г., число переданных в полки рекрут фактически равняется числу собранных. Следует понимать, что значение этого показателя в данном случае условно (и завышено).

[31] Приводятся агрегированные показатели по рекрутским наборам 1715–1716 гг., поскольку в источнике отсутствуют данные отдельно за 1715 и 1716 гг.

существенно поменяться. С другой стороны, данные недавно проведенной переписи 1710 г. были неполны и по определенным причинам не вызывали доверия властей. Все это приводило к тому, что реальная норма раскладки могла отличаться от установленной в указе. В донесении 1713 г. вице-губернатор А.А. Курбатов писал царю, что «повелено збирать с сорока дворов, а збираютца для многой пустоты з десяти дворов»[32].

В донесении же 1715 г., направленном из губернии в Сенат, прямо сообщается о необходимости считать раскладку по переписным книгам 1710 г. Это мотивировалось следующим образом «того ради, что по тем 186-го году книгам в той губернии пустоты едва не половина, и ток ради пустоты всякие подати и рекруты сбираются, дабы наибольше в сборе доимки не было, по книгам [1]710-го году, а не 186-го году...»[33]

Из приведенной цитаты следует, что местными властями осознавалась бесперспективность расчета раскладки по прежней переписи (здесь, однако, можно усмотреть и вполне объяснимое стремление губернской администрации обосновать трудности в сборе рекрут). Так или иначе, неверный расчет раскладки в свою очередь приводил к росту рекрутской недоимки, и в губернии приходилось набирать рекрут, ориентируясь на данные несовершенной, но более новой переписи 1710 г.

Чаяния губернской администрации были в конце концов услышаны и норма раскладки стала снижаться, короткий рост наблюдался только в 1718 г. (см. График 1). Это объяснялось, разумеется, также и снижением потребности в рекрутах ввиду положения дел на фронтах Северной войны.

После сбора рекрут осуществлялось их обучение, а затем доставка до мест службы. Распределение собранных рекрут должно было осуществляться следующим образом: часть из них отправлялась в определенные города, часть в полки, часть оставалась в губернии. Например, по наборам 1711 г. из 9242 рекрут в Санкт-Петербург, Ригу и Смоленск планировалось отправить 3450 человек, в полки – 3668 человек[34]. Остальными рекрутами полагалось покрыть дополнительный запрос из полков, а 1287 рекрут должны были оставить в губернии[35].

Собранные рекруты отправлялись до мест службы определенными «партиями». В ходе набора 1713 г. А.А. Курбатов сообщал о своем намерении отправить 1700 рекрут тремя партиями: первые две по 500 человек, третью численностью в 700 человек. Такой порядок был выбран «для того чтоб в пути как в проходе, так и в кватерах тесноты и в покупке салдатом харчу и лошадям фуражу лишней передачи и оскудения не было»[36].

О том, что на стадии доставки рекрут до мест службы существовали серьезные проблемы, свидетельствуют цифры потерь до передачи рекрут в полки (от побегов, болезней и смертей) в вышеприведенной таблице.

Оценивая результаты рекрутских наборов в Архангелогородской губернии в 1711–1718 гг., следует отметить, что эффективность наборов не была стабильной. Многое зависело от условий наборов и их интенсивности. Например, 4 набора в 1711 г. были крайне обременительны, что вызвало необходимость не проводить набор в 1712 г.

[32] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 12.

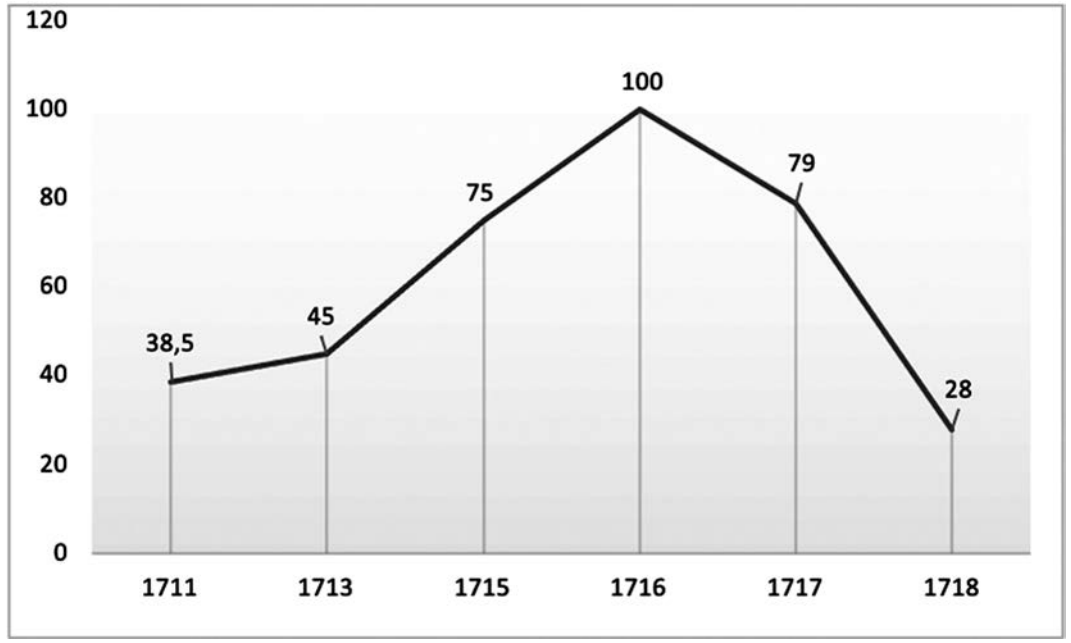
[33] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Дубровина Н.О. Т. 5. Книга II. СПб., 1897. С. 715.

[34] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 73. Л. 13об., 14об.

[35] Там же. Л.15.

[36] Там же. Л. 10.

График 1: Динамика величины раскладки рекрутской повинности в Архангелогородской губернии в 1711–1718 гг. (количество дворов, с которого брался рекрут; меньшее число означает большую нагрузку)



Главной проблемой был не столько сбор, сколько доставка рекрут в полки. Особенно это было ощутимо в 1711 г., когда потери составили более 1400 рекрут (21% от числа собранных). Однако в дальнейшем процент таких потерь снижался и не превышал 15%.

На примере Архангелогородской губернии видно, как осуществлялись наблюдение и контроль за ходом рекрутских наборов на местах. В губернии направлялись офицеры от Сената, в задачу которых входило наблюдение за проведением набора, написание отчетности в Сенат, а после сбора - конвоирование рекрутских партий до мест службы. Вероятнее всего, офицеры, присланные из Сената, конвоировали рекрут только в случаях, когда требовалась относительно быстрая доставка рекрут в остро нуждающиеся в пополнении полки и гарнизоны.

В целом, невзирая на пережитую в 1714 г. смену местной власти (и тянувшееся до этого расследование против прежнего вице-губернатора А.А. Курбатова, в ходе чего были изъяты помимо прочего дела о рекрутских наборах), следует отметить достаточно стабильную динамику наборов, но вместе с тем, серьезные проблемы на этапе доставки рекрут в полки и гарнизоны.

М.Е. Проскурякова

СОЛДАТСКИЕ СЫНОВЬЯ И ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ КАДРОВ В ВЫБОРГСКОМ И КЕКСГОЛЬМСКОМ ГАРНИЗОНАХ В 1710–1740 ГГ.

Первый законодательный акт Петровской эпохи, посвященный «солдатским сыновьям», был обнародован в 1700 г. Согласно указу 23 декабря 1700 г., беглые крепостные крестьяне, поступившие в армию, были освобождены от «холопства» и прежних повинностей[1]. Оставаясь на военной службе, они могли воссоединиться с семьей: их детям в возрасте до двенадцати лет было разрешено оставить хозяйские поместья и следовать за отцами[2]. Таким образом, малолетние дети военнослужащих (бывших крепостных крестьян) по указу 1700 г. были выведены из холопского состояния наравне с отцами. Занятия «солдатских сыновей» были определены в 1719 г.: по указу Военной коллегии детей служилых людей (солдат, драгун, артиллеристов) следовало зачислять в гарнизонные полки для обучения чтению, письму и арифметике, а по окончании курса определять на службу в полевые и гарнизонные полки[3]. Наиболее преуспевающие в учебе выпускники должны были направляться писарями в полковые роты или гарнизонные канцелярии. По указу 1721 г. в каждой гарнизонной воинской части учредили 50 вакансий «малолетних солдат» для детей военнослужащих возрастом от семи до пятнадцати лет[4]. «Солдатские сыновья», заняв одну из вакансий, получали жалованье и обучались при полку под надзором гарнизонных офицеров.

Наиболее ранние сведения об обучения сыновей военнослужащих в Выборге и Кексгольме, крепостях, расположенных на российско-шведской границе, относятся к 1724 г. В 1720-е гг. Выборгский гарнизон включал в себя три пехотных полка, а Кексгольмский – пехотный батальон[5]. Крепостями и местными гарнизонами командовали комендanты, подчинявшиеся главе Выборгской провинции — обер-коменданту. Центром местной власти являлась Выборгская провинциальная канцелярия, в которую поступали указы из Санкт-Петербурга и рапорты от старших офицеров воинских частей, расквартированных в провинции. За 1724 г. сохранился Журнал входящих бумаг названной канцелярии[6]. Проблеме обучения детей при гарнизонных

---

[1] 1700 г., 23 декабря. – Статьи, состоявшиеся на Генеральном дворе в Преображенском. О наборе в солдаты вольноопределяющихся // ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 1820. С. 93.

[2] Там же.

[3] РГВИА. Ф. 9 (Гарнизонная экспедиция Канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 11. Л. 45–45 об.

[4] *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования императора Александра Николаевича 1700–1880. СПб., 1880. Ч. I. С. 9–10.

[5] Подробнее см.: *Проскурякова М.Е.* Персональный состав Выборгского гарнизона в 1730-е – 1740-е гг. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 3: Статьи и материалы V международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 21–23 сентября 2018 г. / Составитель и ответственный редактор И. М. Гостев. Архангельск, 2020. С. 109–118.

[6] KA. VeSa. Nrot. 1990.

полках посвящено девять документов, поступивших в канцелярию в течение 1724 г.[7] Записи о полученных в Выборге доношениях и ведениях сохранились в журнале. В источнике образовательные учреждения, действовавшие в Выборге и Кексгольме, называются «школами», а их ученики «школьниками». Согласно, сохранившимся данным, капитан Шушерина полка Выборгского гарнизона Степан Петров сын Елагин был назначен ответственным за работу школы в Выборге, а кексгольмский комендант Тимофей Чоглоков руководил школой в Кексгольме. Школа в Выборге работала около года: 4 июня 1723 г. на учебу была зачислена группа обер-офицерских, солдатских и пушкарских сыновей. Капитан С. П. Елагиным подал в канцелярию ведение и реестр 21 августа 1724 г.: «Ведение от капитана Елагина малолетним обор-афицерским, салдацким и пушкарским детям, которые учатца по новопечатным Азбукам с прошлого 723 году июня с 4 числа, а кто, что учит и которых полков, и кто имяны, при том оным реэстр»[8].

В течение 1724 г. в провинциальную канцелярию регулярно поступали прошения от служащих местных гарнизонов о принятии детей в школу. Полковой писарь Шушерина полка Андрей Иванов сын Пушкарев 16 апреля 1724 г. просил о зачислении сына: «Доношение полкового писаря Андрея Пушкарева, чтоб сына ево, Иону, записать в школу и давать правиант на пропитание»[9]. Комендант Кексгольма Т. Чоглоков 1 июля 1724 г. просил об указе, разрешающем зачислить шестерых солдатских сыновей в полк для обучения и определить им хлебное и денежное жалованье: «Ведение от каменданта Чоглокова Кексгольмского баталиона о салдац(к)их детях малолетных шти человеках, которых объявили салдаты для учения печатных Азбук в школу годных, оных в школу определять ли и к даче хлебному и денежному жалованью в табелях и репортах числить ли»[10]. Как следует из изученных материалов, некоторые школьники с первого дня обучения были записаны в полковой штат и получали жалованье. Однако многие учащиеся не имели казенного кошта. По состоянию на 21 апреля 1724 г. в Выборгской школе 36 детей не были определены на плац-вакансию: «волею своею ходят в школу, и обучаютца, и на плац-ваканцыю не определены, тритцать шесть человек»[11]. На основании ведения 1 июля 1724 г. Т. Чоглокова можно заключить, что решение о зачислении ребенка на вакантное место принималось вышестоящими властями. Шестеро детей, о которых писал кексгольмский комендант, заняли свободные вакансии. Согласно его ведению 16 сентября, мальчики были приняты на учебу, а 6 октября получили хлебное жалованье за сентябрь и октябрь[12]. В Выборге ученических мест не хватало и многие обучались, находясь на полном обеспечении родителей. По-видимому, к середине 1720-х гг. уже были выработаны те правила зачисления в гарнизонные школы и содержания в них учащихся, которые получили законодательное оформление лишь в 1730-е гг.

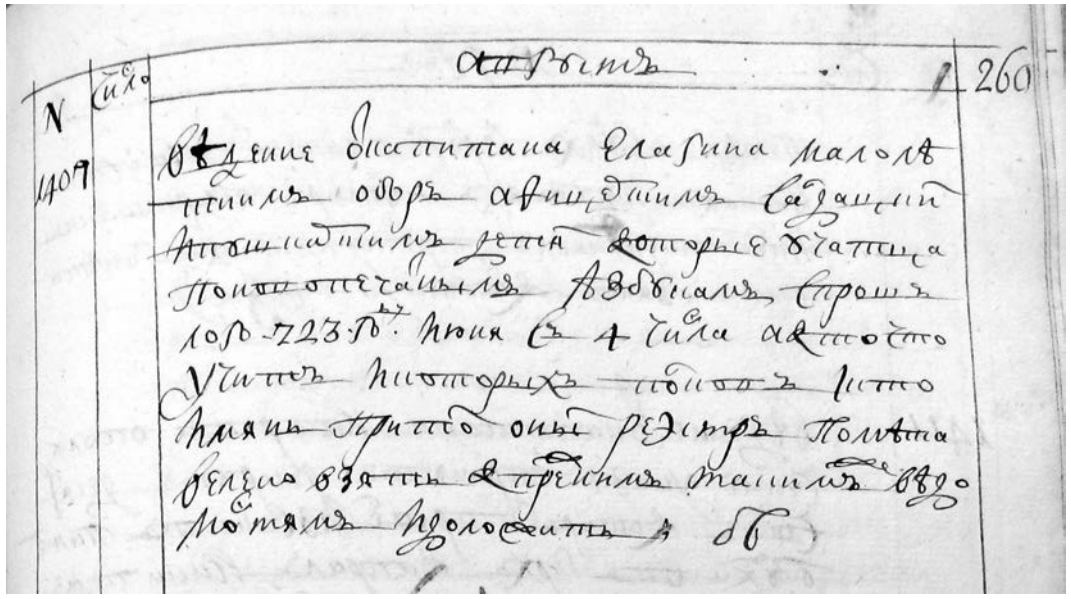
Среди актов начала 1730-х гг., изданных для организации учебного процесса и быта школьников, наибольшее значение имеют три указа 1732 г., изданные благодаря деятельности Воинской комиссии. В указе «О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных» 21 сентября 1732 г. были перечислены те категории детей, которых власти наделили правом (и обязанностью) обучения в школе:

[7] Ibid. F. 106v, 188r–188v, 243v, 254v, 260r, 295v, 322r, 399v, 611r.
[8] Ibid. F. 260r.
[9] Ibid. F. 106v.
[10] Ibid. F. 188r–188v.
[11] Ibid. F. 611r.
[12] Ibid. F. 296r, 322r.

сыновья офицеров недворянского происхождения, солдат и драгун[13]. Единственным ограничением являлось социальное положение отца в день рождения сына: отец должен был быть военнослужащим. По решению высших военных властей 27 сентября 1732 г. было увеличено число ученических вакансий с 50 до 64[14]. Причем командующим гарнизонов разрешили содержать на выделенные деньги еще около 20 учеников. Гарнизонные полки разделили на департаменты по географическому принципу: при каждом из 20 Остзейских гарнизонных полков (эти полки квартировали в северо-западных крепостях Российской империи) могло обучаться по 82 воспитанника; при каждом из гарнизонных полков Московской и прочих губерний – по 80 воспитанников. Наконец, в начале октября 1732 г. Военная коллегия разослала в крепости «Инструкцию определенным к гарнизонной школе офицерам», в которой занятия и быт школьников были строго регламентированы[15]. В преамбуле к «Инструкции» подчеркнута приверженность императрицы Анны Иоанновны политике Петра Великого в области военного образования детей военнослужащих. Новые распоряжения об обучении в гарнизонных школах были призваны дополнить принятые в 1710–1720-е гг. указы: «Понеже ея императорское величество имея прилежное старание о добром учреждении и содержании армеи, такое ж изволит иметь высокоматернее попечение и о всех драгунских, и салдацких, и протчих служилого чину детях… дабы оные от самаго младенчества благопорядочное и доброе воспитание, учение и наставление иметь могли, чего ради прежние по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества Петра Великого учрежденныя в гарнизонах школы, не токмо впредь содержать, но для лутчей государственной пользы и облехчения подданных в рекрутах в наилутчее состояние привесть и умножить, и в каждом полку Остзейском по восмидесят по два, а в протчих губерниях равно по восмидесят, и тако во всех школах четыре тысячи человек всегда в полном комплете содержать и обучать всемилостивейше повелела»[16]. Таким образом, в преамбуле к «Инструкции» повторялись некоторые из пунктов указа 27 сентября 1732 г., в частности о численности учащихся от каждого полка.

Согласно «Инструкции», командующий гарнизонными полками в губернии назначал офицера-наставника, который отвечал за повседневную работу школы: «…Что надлежит до генералного содержания тех школ, то все положено по новому стату (Воинский штат 1731 г. – *М.П.*) на вышних командиров в губерниях, которым повелено х каждой школе определить особливых добрых и к тому способных афицеров, и быть оным с переменою по разсмотрения командующих гварнизонами, которые должны над оною школою дирекцию иметь и во всем по следующим пунктам поступать»[17]. В школу следовало принимать детей солдат и служилых людей, «годных в науку», по определению командующего гарнизоном. Воспитанники получали от государства жалованье: деньги выдавались или семье ученика, или школе. Во втором случае содержание учащегося являлось ответственностью офицера-наставника. В 24-м пункте порядок финансирования учащихся описан так: «Жалованные на них денги и на мундир, також и правиант, и соль принимать по указом на полной комплект, записывая в шнурованные книги. Ис того числа, которые будут жить у отцов и матерей, на тех определенное по стату и по их класом денежное им жалованье и правиант давать отцам их и матерям. А которые будут содержатца

[13] 1732 г., 21 сентября. – Именной. О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 8. № 6188. С. 928–930.
[14] РГВИА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Д. 696.
[15] РГВИА. Ф. 17 (Приказной стол канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 55 (1). Л. 354–360.
[16] Там же. Л. 354.
[17] Там же. Л. 354 об.



Фрагмент из Журнала входящих бумаг Выборгской провинциальной канцелярии, 1724 г. // KA. VeSa. Nrot. 1990. F. 260r.

в школе, на их жалованные денги покупать им мясо и масло, а в посные дни рыбу или снетки, и посное масло, и кормить их за общим столом… и держать про них в скоромные дни шти или кашу с мясом, а в посные кашу пустую или снестками, а в суботу, и в воскресеные дни, и в праздники к тому прибавливать кашу с маслом, а в посные дни рыбу, а когда не случитца или дорога, кашу с посным маслом или с снетками»[18].

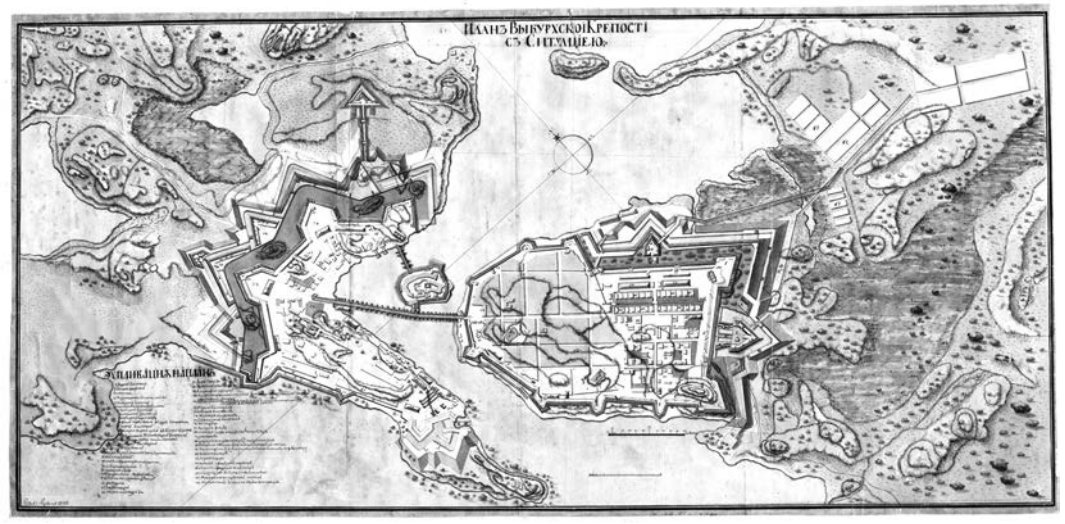
Школьники были разделены на классы по уровню знаний. Курс начинался в 3-м классе с занятий по чтению: в первые недели изучались буквы и слоги, затем читали Часослов и Псалтырь. Учащиеся 2-го класса учились письму, арифметике, музыке и пению. Учеников 1-го класса обучали геометрии, артиллерийской и инженерной наукам[19]. Школьники были разделены на роты и более мелкие подразделения, находившиеся под командованием учеников, избранных за прилежную учебу и командирские способности в унтер-офицеры, капралы, ефрейторы. В Остзейских гарнизонных школах рота включала в себя 82 человека, во всех прочих – 80. «Оные ж ученики имеют разделены быть на шестаки, капральства и роты… И в каждой роте учредить ис тех же учеников за ефрейторов, капралов и ундер-афицеров, но в выборе их поступать по совести без всякого пристрастия, несмотря при том ни на старшинство, ниже на другие какие обстоятельства, но по сущей остроте ума и по достоинству. Те ундер-афицеры над своими подчиненными должны смотреть во всех поведениях, а особливо чтоб прилежно и правилно учились и во всем честно, кротко и чисто себя вели, и в протчем, что им от их учителей приказано будет, а в эксерциях поступать так, как обычай прямым ундер-афицером», – такие требования к штатной структуре в роте школьников содержались во 2-м пункте «Инструкции»[20].

Распорядок дня, урочные и внеурочные занятия школьников были строго регламентированы «Инструкцией», так же, как и порядок экзаменования выпускников

[18] Там же. Л. 359.

[19] Там же. Л. 354 об.

[20] Там же. Л. 354 об. – 355.



План Выборгской крепости 1742 г. // Krigsarkivert. Utländska kartor, stads- och fästningsplaner, 406 D, Viborg No. 28. Копия плана была передана автору статьи профессором Университета Восточной Финляндии доктором истории Киммо Катаяла.

и их назначения на службу после школы. Так, в 21-м пункте читаем: «…всех учеников, которые в первом[21] класе науку совершенно скончают, велеть засвидетельствовать учителю своим атестатом и потом афицер должен отрепортовать командующаго, которой також должен освидетелствовать, и потом производить в другой клас, таким же образом и в протчие класы. А когда, которые из них все науки совершенно окончают, и тех таким же образом освидетельствовать и подписать об них атестат, и представлять командующему гарнизоном ради определения, а на их места определять, кои за комплетом, а буде закомплетных не будет, требовать других от командующаго»[22]. Следовательно, офицер-наставник и командующий гарнизоном должны были аттестовывать школьников по окончании ими очередного класса. Неспособных к письму и арифметики учеников следовало определять в «рукодельные науки», учиться слесарному, плотницкому и другим ремеслам[23].

Значимым для работы гарнизонных школ стал также указ 6 мая 1736 г., утвердивший право детей офицеров и дворян на обучение при полках[24]. Им разрешили получать жалованье наравне с солдатскими сыновьями в случае, если у семьи не было средств на содержание. С помощью нововведений 1710–1730-х гг. власти планировали решить острую проблему нехватки грамотных и квалифицированных служащих нижних чинов. Однако понимание результативности законодательных мер можно получить только исследовав положение дел в гарнизонных школах.

В материалах Военной коллегии удалось найти данные о работе Кексгольмской гарнизонной школы. Документы были составлены в августе 1737 г. при передаче властных полномочий коменданта крепости от полковника Ивана Карпова полковнику Семену Степановичу Хвостову[25]. Сохранились списки учеников, перечни

[21] Так в тексте. По смыслу здесь должен быть назван 3-й класс, в котором обучение начиналось (2-й пункт «Инструкции». См.: РГВИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 (1). Л. 354 об.).

[22] РГВИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 (1). Л. 358 об. – 359.

[23] Там же. Л. 359.

[24] 1736 г., 6 мая. – Именной, данный Сенату. О размещении детей офицерских, дворянских и прочих служилых людей, взрослых в армейские и гарнизонные полки, по их желаниям, а малолетних в учрежденные школы // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 9. № 6949. С. 807–808.

[25] РГВИА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 69. Л. 209, 260–264.

книг, школьного инвентаря, школьной формы. В материалах дела имеется также табель 30 августа 1737 г. с данными о служащих Кексгольмского гарнизонного полка (1342 человека), среди которых были названы малолетние солдаты[26]. Их число, возраст и социальное происхождение полностью совпадало с требованиями указа 27 сентября 1732 г., «Инструкции» октября 1732 г. и указа 6 мая 1736 г. При полку обучалось 82 человека, самым младшим из школьников исполнилось семь лет, а самым старшим – 13[27]. У 67 школьников отцы служили унтер-офицерами и солдатами Кексгольмского полка, 15 человек происходили из дворянских и офицерских семей[28]. Наборы в Кексгольмскую школу проходили несколько раз в год, однако вакансии распределялись между детьми задолго до начала обучения. Так, в 1737 г. в школе училось восемь детей в возрасте восьми лет, которые получили место в 1733 г., когда им было по четыре года[29].

Классы в Кексгольмской школе были неравны по численности учеников, что, вероятно, указывает на отсутствии при полку офицеров-учителей, которые могли бы выстроить систематическую работу с детьми разных возрастных групп и с разным уровнем знаний. Вместо трех классов (3-й класс, где учат чтению; 2-й класс – письму, арифметике, музыке и пению; 1-й – геометрии, артиллерийской и инженерной наукам) ученики Кексгольмской школы были разделены на четыре группы. Большинство школьников – 55 человек – учились читать, 13 – писать, 11 – арифметике и 3 – окончили курс арифметики[30]. Воспитанники школы в Кексгольме, обучавшиеся чтению, фактически занимались по программе, описанной в «Инструкции» 1732 г. Почти все мальчики, начавшие учебу осенью 1736 г., в августе 1737 г. читали Букварь, несколько человек занимались по Часослову, самые старшие – по Псалтыри. Школьники из второй группы тренировались писать буквы, слоги и слова. Мальчики из группы по арифметике изучали арифметические действия, например таблицу умножения. Вопреки «Инструкции», предписывавшей переводить школьников, освоивших арифметику из второго класса в первый для занятий геометрией и инженерной наукой, в 1737 г. обучение в Кексгольмской школе фактически оканчивалось во втором классе. Три ученика школы, происходившие из дворянских и офицерских семей, готовы были изучать артиллерийскую и инженерную науки. Однако соответствующие уроки они не посещали, из-за низкого уровня подготовки местных офицеров. Напротив имен трех человек в табеле о занятиях школьников значилось: «[В инженерной науке Михайла Ермилов 13-ти лет, Яков Ермилов 11-ти лет, Алексей Плотников 13-ти лет – *М.П.*] и оной инженерной науки при Кексгольмской школе обучать некому, ибо определенного по силе… мнения знающаго афицера при оной школе и не иметца, а ныне твердят арифметик»[31].

Перечень имеющихся школьных учебников соответствовал требованиям «Инструкции» 1732 г., хотя число экземпляров книг для 3-го и 1-го класса также наводит на мысль о том, что Кексгольмская школа была в первую очередь ориентирована на преподавание элементарных начальных знаний[32]. Учебников для старшеклассников было значительно меньше, чем книг, по которым учились читать. Помимо экземпляра Нового Завета, в школе было 26 экземпляров Азбуки, 14 Часословов, 19 Псалтырей и 36 Букварей словесных. По арифметике было всего шесть учебников, по геометрии – учебник и четыре таблицы синусов, по инженерной науке – книга маркиза де Вобана. Наряду с книгами в школе имелись 28 циркулей и 12 транспортиров. Часть книг в Кексгольме, например Часословы, Псалтыри и печатный учебник по арифметике приобрели еще в 1724 г. Многие учебники нуждались в замене из-за ветхости и, согласно табелю, часть из них следовало заменить еще в 1729 г., а часть – в 1733 и 1734 гг.[33]

Итак, концепция формирования новой социальной группы – сыновей военнослужащих – и их профессиональная подготовка к службе в армии успешно реализовывалась в Выборгской и Кексгольмской крепостях[34]. Обучение при гарнизонных полках в Петровскую эпоху было начато для пополнения воинских частей грамотными унтер-офицерами, писарями, музыкантами, мастеровыми. В работе Выборгской и Кексгольмской гарнизонных школ первой половины 1720-х гг. уже прослеживается тот порядок, который получил законодательное оформление в царствование императрицы Анны Иоанновны. Прежде всего это касалось системы зачисления «солдатских сыновей» на обучение с учетом их социального происхождения. Кроме того, уже в первые годы существования школ были разработаны правила материального содержания учащихся. Сложно разрешимой проблемой для гарнизонных школ стало отсутствие грамотных учителей, которые могли бы преподавать сложные дисциплины. Так, в Кексгольме в 1737 г. не велось преподавание инженерной науки, которая входила в образовательную программу. Напротив, занятия по базовым предметам – чтению, письму, арифметике – имели регулярный характер, что позволяло Выборгской и Кексгольмской гарнизонным школам готовить будущих ротных писарей и унтер-офицеров. В полках Выборга и Кексгольма воспитанники двух гарнизонных школ были очень востребованы.

[26] Там же. Л. 249.
[27] Там же. Л. 260–261 об.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 260.
[32] Там же. Л. 262 об. – 263.
[33] Там же.
[34] Подробнее проблема обучения детей военнослужащих при гарнизонных полках раскрыта в статье: *Проскурякова М.Е.* «Дабы от младенчества доброе воспитание и наставление иметь могли»: Обучение детей военнослужащих при гарнизонных полках в 1719–1740 гг. // Человек и власть в России XVII–XVIII веков: Сборник статей к семидесятилетию Евгения Викторовича Анимимова. СПб., 2022. С.210–230.

А.И. Бурменский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТСТАВНЫХ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЛЯ СБОРА ПОДУШНЫХ ДЕНЕГ В АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В конце петровской эпохи после долгих лет подготовки: проведения подушной переписи, сверки полученных данных, расчетов удалось запустить новую систему налогообложения, основой которой стал не крестьянский двор (хозяйство), а индивидуальный налогоплательщик – «душа». За несколько лет был издан целый ряд законодательных актов, регулирующих сферу налогообложения. Главным из них стал ряд тезисов и отдельных инструкций, собранных под общим названием «Плакат. О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» (далее «Плакат…»). Документ был подписан императором еще 8 ноября 1723 года, но опубликован только 26 июня 1724 года. Он определил не только новый принцип и размер взымаемого основного налога, но и непосредственное вовлечение в этот процесс вооруженных сил. В сенатском указе от 19 мая 1724 года было расписано по табели содержать в самой малонаселенной и, соответственно, небогатой Архангелогородской губернии 11 полков гарнизонного штата. Для сравнения: в Азовской – 9 полков, в Казанской и Астраханской на две – 14[1].

Последовавшая вскоре смерть государя и откат административной реформы 1718–1719 гг. из-за ее чрезвычайной дороговизны не отменил ни самого подушного налога, ни систему его сбора, лишь скорректировав ее. С 1727 года была отменена необходимость квартирования полков по приписанным к ним уездам и отозваны офицеры действующей армии, занимавшиеся сбором средств «на местах».

Из-за различных обстоятельств в фондах Государственного архива Архангельской области связки дел, посвященных подушному сбору, сохранились именно с 1727 года. Табличные показатели третного и полугодичного сбора, общая собираемость, недоимки и дыры в кассах гарнизонных полков Архангелогородской губернии не являются предметом данного исследования. Автор ставит своей задачей сравнение декларировавшейся государством системы сбора подушной подати и местной специфики этого непрерывного процесса со стороны непосредственных исполнителей: отставных и действующих военнослужащих. Значительная часть информации, полученная из этих документов, никогда ранее не использовалась и впервые вводится в оборот.

[1] ПСЗ. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. № 4503. С. 283.

В архивной подборке для данного исследования не оказалось типовых документов, таких как списки военнослужащих, получавших жалование или ежемесячные отчеты офицеров. Почти все документы из фонда Губернской канцелярии за 1728–1742 гг. носят окказиональный характер. Даже частые распоряжения о выдаче денежного и натурального жалования сборщикам связаны с тем, что то тут, то там средства до конечных получателей не доходили месяцами, и им ничего не оставалось, как жаловаться «на верх».

С 1719 г. из Архангельска контролировалось четыре провинции: Архангелогородская, Вологодская, Устюжская и Галицкая. Из-за этого возникала определенная двойственность: рассматриваемые подушные сборы Губернская канцелярия обсчитывала, контролировала и распределяла только с Архангелогородской провинции, но должна была обеспечивать необходимыми средствами все четыре провинции и отчитываться за них.

Первой особенностью местной организации являлось скудость представления местных чиновников губернского аппарата о законодательных основах процесса. В оказавшихся в нашем распоряжении документах местные чиновники, обеспечивавшие раскладку и курирование сборов, опирались на достаточно скромную административно-правовую базу. Как правило, в инструкциях, выдававшихся офицерам и сержантам, которые осуществляли функции «на местах», упоминается «Плакат…» и некоторые указы Военной коллегии.

Согласно «Плакату…», центрами сбора подушных денег на местах стали «вечные полковые дворы». Точное место расположение местных полковых дворов установить проблематично. Всего в губернии располагались вечные квартиры трех полков: Архангелогородского гарнизона – Архангелогородского и Устюжского (названия получены с 1727 г.), а также Венденского полка из Рижского гарнизона[2]. Все что мы знаем о месте расположения дворов местных полков. Это то, что они расположены «… на старом месте за городом в слободе». О месте их расположения мы знаем благодаря справкам («Описям…»), высланным в военную коллегию в 1732 г. через Архангельскую губернскую канцелярию. Вечный двор Устюжского полка стоял вне городской черты: «…А по справке при оном Устюжском полку при салдацких слободах вне города Архангельскаго штатный двор имееца»[3]. Вечная квартира Венденского полка располагалась в Важских землях (ныне Шенкурский р-н). Он был построен в 1725 г. «при Важеском Шенкурском посаде на посацкой земле близ реки Ваги». При этом он собирал подушные деньги «Важескаго уезда дворцовые волости и некоторой части Двинскаго уезда и Устюжской провинции с государственных крестьян, и синодальной команды монастырских вотчин»[4]. На этом, как и на других подобных, дворах в числе прочего находились «тесные солдацкие избы»[5].

В архиве содержаться десятки документов, относящихся к комплектованию и снабжению этих людей. Офицерский корпус, унтер-офицеры и солдаты набирались из отставных военнослужащих, до этого несших здесь службу, или направляемых в губернию из других гарнизонов. По местам их распределяла губернская канцелярия по запросу местных офицеров, поставленных над подушным сбором. Исключением были счетчики: по указу 1714 г. они набирались из подьячих, не менее четырех чело-

[2] Имеется ввиду Динаменшанцкий (Динамбургский) гарнизонный солдатский полк, сформированный в 1711 г., название Венденский получил в 1727 году. См. *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии. 1698 – 1725. Краткий справочник под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1977. С. 68. № 313.

[3] ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1066. Л. 6.

[4] Там же. Д. 1272. Л. 12.

[5] Там же. Д. 922. Л. 1.

век на полковой штаб[6]. По указу 6 ноября 1727 г. набирать на такие должности требовалось лиц не только умеющих читать и писать, но и получивших «достоинство» (аттестат)[7]. Так по расчетам Кригс-канторы на одну лишь Архангелогородскую провинцию полагалось иметь в штате: одного секунд-майора, одного поручика, одного прапорщика, одного сержанта, двух каптенармусов, троих капралов, 49 рядовых, одного канцеляриста, одного подканцеляриста и четырех копиистов[8]. На практике эти штаты редко соблюдались. Наименьшей единицей была команда, состоящая из четырех – пяти рядовых, которую возглавлял один унтер-офицер. Наиболее «плотно» такими командами были покрыты южные провинции губернии (Устюжская и Галицкая) и Верхнее Подвинье. Это было связано с тем, что там плотность населения была больше. Для сравнения на Кольский и Пустозерский уезды, где стояли остроги и несли гарнизонную службу 2 роты от местных полков, приходилось по одной-две таких малых команды.

Несмотря на то, что сборщики работали для нужд Кригс-канторы и являлись отставниками, они все равно находились в ведении Военной коллегии. Для того, чтобы представлять себе ситуацию на местах и оперативно заменять выбывших начальников над подушным сбором коллегия регулярно собирала с губернаторов ведомости о работающих сборщиках.

В качестве среза начальственного состава приведем данные за 1738 г.: службу подушного сбора возглавлял ярославский и вологодский помещик полковник Петр Ярославов, он же возглавлял сбор по Архангельской провинции; в Вологодской провинции – суздальский помещик майор Лука Плохов, в Устюжской провинции – майор Григорий Наумов, в Галицкой – майор Данила Сытин. Из семи капитанов двое отправлены в Вологду, трое в Галич, один в Устюг и один в Архангельск. Из приписанных, но находящихся в резерве: четверо по домам, двое уволены, один умер. Из шести поручиков: один в Сольвычегодске, один на Ваге, двое в Вологде, один в Устюге и один в городе Колчутаеве (?) Галицкой провинции; трое не явились или умерли. Один подпоручик отправлен в Архангелогородскую провинцию. Из семи прапорщиков только один отправлен в Вологодскую провинцию, остальные или не явились, или уволены. О дополнительно определенных в Галич капитане и квартирмейстере ничего не известно[9].

Большей частью сборщиков рядового и унтер-офицерского состава Архангелогородской губернии были отставники из других подразделений Северо-Запада. Так в 1736–1740 гг. к губернской канцелярии послали 28 человек из Ямбурского гарнизонного солдатского полка Санкт-Петербургского гарнизона[10], пять человек Санкт-Петербургского гарнизонного полка, троих Нижегородского пехотного полка[11] и даже двоих из Ладожского канального батальона[12], и драгуна Вологодского драгунского полка[13]. Также могли отправлять местных жителей, служивших за пределами региона. Например, в 1734 г. важский воевода князь Николай Дибринский определил к службе при своей канцелярии уроженцев важских земель, служивших «в разных гарнизонах и полках и командах, в разных службах и кои за старостию, а иные за болезнию от тех служб отставлены» и трое «морскаго флота салдата»

[6] Там же. Д. 1164. Л. 1.
[7] Там же. Д. 496. Л. 1.
[8] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 2992. Л. 6.
[9] Там же. Д. 2148. Л. 5–8.
[10] Там же. Д. 2328. Л. 1.
[11] Там же. Д. 2362. Л. 4, 16.
[12] Там же. Д. 2054. Л. 1.
[13] Там же. Д. 2769. Л. 1.

Макей Кислев, Матфей и Трофим Нефедовы, еще восемь бывших солдат и два матроса[14].

Людям выдавались индивидуальные паспорта и один общий – ответственному в группе. Добирались до Архангельска своим ходом, после чего на арендованных подводах отправлялись к месту несения службы в подчинение к местному офицеру над подушным сбором и/или воеводе, так как эти должности иногда совмещались. Так как увольняли их из действующей армии по состоянию здоровья, то не у всех получалось проделать долгий путь до конца. Так отставной солдат Санкт-Петербургского полка Афанасий Пуговщиков преставился на полпути – в Белозерском уезде. Чтобы его не посчитали дезертиром, товарищи оставили тело у церкви Рождества Пресвятой Богородицы, а священник и местный староста составили и подписали справку, что присутствовали при похоронах[15].

Военные, обеспечивавшие сбор государственных налогов, снабжались на ровне со штатом гарнизонных полков. На тридцатые-сороковые годы XVIII в. рядовой получал 5 руб. в год, капрал – 6 рублей, писарь, выполнявший обязанности счетчика казны – 4 рубля (исполнявший обязанности старшего писаря капрал получал 6 рублей). Дополнительно все получали хлебное и соляное жалование: на месяц «муки по 2 осмины, круп по осмой долей четверика, соли по 2 фунта; а на год муки по 3 четверти, круп по один с половиною четверика, соли 24 фунта»[16]. В отдельных уездах не было возможности выдавать соль и хлеб из государственных «магазейнов» (амбаров). Так, например, было в Кевроле, где «и круп в продаже не бывает, и в даче производить не почему»[17]. В таком случае выдачу заменяли денежным эквивалентом. В данной ситуации губернская канцелярия постановила рассчитать крупу не по местной рыночной августа-декабря таможенной цене 30 копеек пуд, а по твердой («Плакатной») цене 1 рубль 15 копеек за четверть. Это, кстати, шло в разрез с действующими на тот момент указами: «Оным же унтер-афицерам, капралам, рядовым и протчим чинам за правиант и соль произвесть денгами по настоящим тех мест ценам, кто где будет»[18].

Денежные выдачи также периодически приостанавливались из-за отсутствия денег в локальной воеводской казне от «двухкопеечного сбора». Такая проблема часто возникала в отдаленых уездах, например, в Кольском и Пустозерском острогах: «…Ежели здесь, в Пустозерском остроге на дачу обретающимся у подушного збору, караулу салдатам жалованья двукопеешной суммы денег не достанет, то сколко оным на тое за плату как денежного, так и за правиант денгами ж в дачу надлежит и на которые годы, и месяца, и числа о том присылать в тое губернскую канцелярию обстоятельные за воеводскою рукою ведомости»[19]. Всего только за конец 1739 г. воевода задолжал пустозерской команде 5 рублей 69 ¾ копейки.

На сборщиков также распространялось медицинское обслуживание: по 1 копейке из их жалования вычитали на госпиталь, кроме солдат и капралов. Кроме всего перечисленного на команду выдавались «прогонные деньги» на оплату подводы по строгому тарифу: 1 деньга за версту. По такому же принципу оплачивались перевозки морскими каботажными судами. Например, чтобы доехать из Архангельска до Ваги, на 389 верст – 1 рубль 94 копейки[20], до Мезени и Кевроли на 300 верст тре-

[14] Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 1327. Л. 1–2.
[15] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 2362. Л. 14.
[16] Там же. Д. 2137. Л. 6об.
[17] Там же. Л. 2.
[18] Ф.1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2992. Л. 5об.
[19] Там же. Л. 1.
[20] Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 3147. Л. 1.

бовалось потратить 1,5 рубля[21], до Кольского острога 4 рубля 82,5 копеек[22]. Для того, чтобы добраться до Санкт-Петербурга, позже, во второй половине XVIII в., тариф подняли до 1 копейки за версту.

В редких случаях разрешалось тратить собранные подушные деньги на месте, например, для поддержания в порядке инфраструктуры. За ремонт отвечали местные жители, за составление проекта и выделение сумм из подушных денег – квартирмейстеры полковых дворов и комиссары над подушным сбором. Если «исправить будет можно, учинить проэкты и обстоятельные ведомости. И по оному Ея Императорскому Величеству указу положено платежем подушных денег на оной … полк»[23].

Сбор подушных денег являлся точно таким же видом службы, как и служба в действующей армии. Получить отставку можно было только при физической невозможности несения службы. Например, начальник службы подушного сбора по Архангельской губернии, полковник Петр Ярославов, ранее командовавший Архангелогородским гарнизонным полком, был отставлен Губернской канцелярией от своих обязанностей по личному прошению из-за «головною болезнию от которого ис правого уха течет гной»[24]. Его помощник и приемник 69-летний капитан Иван Беседин запросил увольнения уже через год (после двух лет работы сборщиком): «За тою старостею и дряхлостию при том подушном зборе во отправлении ничего понять не могу и нахожусь всегда в болезни, и глазами всеми худо вижу, и опасен, чтоб в такой моей старости и болезни в приходных и расходных о зборе и расходе подушных денег книгах не учинить нечаянно какой проронки, за чтоб не принят мне напрасного штрафа»[25]. Губернатор распорядился передать его запрос в Военную коллегию.

Использование действующих гарнизонных частей для «понуждения к сбору подушному» осуществлялось в нескольких случаях. В первую очередь в рамках проведения «доимочных» кампаний. Они обычно проводились из-за экстренной необходимости получения средств на войну или из-за больших и длительных задолженностей региона. Например, общая задолженность всех категорий населения Архангельска и Холмогор за период 1719–1731 гг. составила 418 рублей 21,25 копеек ежегодных долгов[26]. Поэтому в 1727 г. губернатору Ивану Лихареву было «велено в губернии и провинции, где который полк на вечную квартиру расположен, для вспоможения в зборе подушных денег и понуждения во отправлении рапортов, також для караулу, конвою и щету денег командировать по одному обер-афицеру и с ними по одному капралу и по шеснацати человек рядовых»[27]. «Для посылок по неплателщикам ко взысканию казенных недоимок» предпочитали выбирать опытных солдат, не рекрут «из здешних обывателей». Во время доимочной компании 1734–1735 гг. такая команда по Архангельску и округе состояла из одного капрала и 6 рядовых[28]. Весной 1738 г. было принято решение одновременно «збирать на два срока» для пополнения необходимых сумм в Придепровской и Придонской экспедиций. Когда стало ясно, что это будет проблематично, в Двинской уезд послали усиленную команду из 15 человек[29].

Несмотря на начавшуюся русско-шведскую войну, кампания по сбору налогов

[21] Там же. Л. 2. и Л. 4.
[22] Там же. Л. 3.
[23] Там же. Д. 1360. Л. 28.
[24] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 2338. Л. 6.
[25] Там же. Д. 2334. Л. 1.
[26] Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 1084. Л. 77.
[27] Там же. Д. 496. Л. 1.
[28] Там же. Д. 1494. Л. 11–11об.
[29] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 2256. Л. 1, 7–8.

на 1742 г. шла в обычном режиме, только началась без отлагательств: в первый день нового года ко всем воеводам были отправлены рядовые гарнизонных полков. Так солдат Архангелогородского полка Ешпакт Ешкелдин (по всей видимости, татарин) получил инструкцию следующего содержания: «…Велено ехать на подводе от города Архангелскаго до Ваги денно и ночно и по прибытии посланной из оной губернской канцелярии указ в важеской воеводской канцелярии о зборе на генварскую сею 741 году половину и о скорейшей высылке подушных денег подать воеводе Порошину, и сколко по приезде может в збору на лицо имеет быть те денги оные все выслать за надлежайшим канвоем»[30].

Во всех таких случаях состав команды формировался на паритетной основе (половина нижних чинов от Архангелогородского, половина от Устюжского гарнизонных полков): «Людей чинить из обоих полков равное [количество], а ежели выбором посылать в том одному перед другим будет явная обида, ибо люди во обоих полках состоят равные»[31]. Иногда полковые служители исполняли обязанности отставников из-за временного отсутствия кадров на местном уровне.

Редким, но необходимым случаем, была борьба с «лихими людьми», периодически облюбовывавшими южные глухие лесные уезды. Они не только грабили и убивали местных жителей и проезжих купцов, но и существенно затрудняли сбор налогов. Так в 1729 г. банда, орудовавшая в Шенкурском уезде, напала на сотского и сборщика крестьянина Ивана Денисова, его и жену ограбили, и пытали огнем. Дело было, как говорится, «взято на контроль» Военной коллегией. Так как важский воевода не имел необходимых ресурсов для поимки бандитов, это было поручено офицеру Венденского полка Литвинову, чьей «подшефной» территорией и были Важские земли. Ему в помощь прислали команду Архангелогородского полка поручика Игнатия Шестакова и Устюжского полка прапорщика Михаила Сулыкова, всего более 50 человек, «которым дано патронов с пулями по поной лядунке»[32]. Операция по поимке длилась до осени. О ее окончании в деле не сказано.

В документах губернской канцелярии второй трети XVIII века зафиксировано несколько случаев преступлений со стороны начальства по отношению к рядовым или солдат по отношению к гражданским лицам или государству. Автор не берет на себя ответственность установления всех обстоятельств происшествия многовековой давности, а кратко воспроизводит содержание дел.

О недостаче денег, полученных по подушному сбору. В 1728 г. в Двинской уезд для приема и счета подушного сбора был направлен рядовой Архангелогородского полка Иван Глебов. На месте он работал с «выборным от земли комиссаром» поручиком Василием Кузнецовым. «…У крестьян принимал по окладу сполна и в приемною тетради вместо себя кому он, щечик, верил росписи валил. А по отдаче против приему у него, щечика, не явилось трицатиь рублев дву копеек»[33]. По результатам расследования счетчика принудили выплатить штраф в размере недостачи.

Конфликты при передаче дел и сумм. Осенью 1730 г. на Вагу прибыл для новый воевода Фирсов. Там он столкнулся с тем, что в отсутствии воеводы все хозяйственные функции в уезде замкнул на себя управитель дворцовых волостей майор Чернавский. Тот «не отдал и зборы всякие как подушные, так и канцелярские, и таможенные, и кабацкие. Доимочные деньги с уезду збирает и оброчные всякие статьи всяких чинов обывателям отдает на оброки и на переоброки. Оной Чернавской и посланных

[30] Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 3147. Л. 1.
[31] Там же. Д. 1494. Л. 11об.
[32] Там же. Д. 772. Л. 13.
[33] Там же. Д. 486. Л. 8.

от меня розсылщиков не только для зборов и дел, но и с публичными печатными указы не впущает»[34].

Произвол в отношении местного населения при сборе подушных денег. В августе 1737 г. в деревню Долгое Поле Усольского уезда Галицкой провинции явился отставной солдат Кронштадтского полка Савелий Сулимов, занимающийся подушным и другим таможенным сбором. Явился один, без команды «и обявя им [крестьянам] с прочетом указ» забрал две пятикопеечных монеты без росписи и попытался уйти. Местные попытались ему воспрепятствовать, но Сулимов их избил[35].

В таких случаях проводилось внутреннее расследование Военной коллегией (а не Кригс-комиссариатом, руководившим сбором денег), так как даже отставные чины, собирающие налоги, до конца своей жизни считались принадлежащими к военному сословию.

Хотя обработанные архивные данные по подушному сбору в Архангелогородской губернии и носят характер случайного подбора, тем не менее дают возможность по-новому взглянуть на деятельность государственных служб по сбору налогов. На Русском Севере во второй четверти XVIII в. этот процесс имел ряд своих специфик. Во-первых, постоянные задержки и перерасход наличных средств, связанные с большими расстояниями и малой плотностью населения. Это, например, задержка в получении указов центральных органов, долгая рассылка и получение ответов от земских комиссаров и воевод, постоянная нехватка в уездах средств двухкопеечного сбора на оплату транспортных расходов и жалованья сборщикам. Во-вторых, нехватка личного состава команд отставных военнослужащих, как на низовом уровне, так и на командном. Так как на всю губернию было только два гарнизонных полка, естественное выбытие из них личного состава не покрывало переход и закрытие вакансий в службе сбора. Также в связи с отсутствием в Архангелогородской провинции постоянно проживающего дворянства кадры из отставных офицеров приходилось подтягивать из южных провинций губернии и из центральных регионов страны. В-третьих, это порождало целый спектр проблем. Так как отставников присылали, в основном, из пограничных регионов северо-запада, они оказывались в полной зависимости от местных лиц, ответственных за сбор, что порождало крайнюю нужду при длительной невыдаче жалования. Не говоря о том, что не все из них доезжали до нового места службы. Продовольственное снабжение сборщиков в отдаленных уездах также была сильно затруднено.

Общий анализ ситуации с нарушениями порядка и закона при подушном сборе показывает, что они носили систематический, но не повальный характер. В противном случае, губернская канцелярия оказалась бы завалена десятками, может даже сотнями судебных разбирательств, как произошло с мелкими судебными делами гражданско-правового характера. Можно предположить, что на общую ситуацию со сбором такие эксцессы особо не влияли. Это косвенно подтверждает выводы многих исследователей данной проблематики о том, что несмотря на перманентные недоимки и недоборы в итоговых отчетностях центральных органов, собираемость на местах подушного сбора была высокой.

[34] Там же. Д. 922. Л. 1.

[35] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 1686. Л. 1–1об.

Н.А. Хребтов

ГАРНИЗОННАЯ СЛУЖБА В XVIII ВЕКЕ: СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ
(НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОГО ГАРНИЗОНА)

Российская империя Петра Великого – это самодержавное централизованное государство с разветвленным бюрократическим аппаратом и фискальной системой. Реформаторская деятельность Петра была направлена на усиление контроля над всеми сферами жизни и регламентацию жизни общества. Проводником таких реформ и самим объектом модернизации стала армия.

С созданием регулярной армии и флота, по новому праву, с рекрутскими призывами, с обязательной бессрочной военной службой и в условиях проходившей Северной войной (1700–1721 гг.) появилась и категория военнослужащих в государстве, утративших возможность «служить в поле и море». Формирование гарнизонных частей и подразделений в русской армии обычно датируют 1702 г., когда Петр I начал создавать гарнизонные войска из бывших полков «солдатского строя»[1].

Гарнизонные войска – регулярные части, предназначенные для несения внутренней службы, охраны, обороны гарнизонов и подготовки рекрутов для полевых войск – были сформированы из городовых стрельцов, солдат, рейтаров (конные полки) и из неспособных к полевой службе людей новых регулярных полков. Военно-административной единицей в разные периоды были или полк, или батальон[2].

В первой трети XVIII века происходит формирование гарнизонных частей и подразделений как таковых, утверждение их штатов и структуры, организация управления гарнизонами и системы материального обеспечения. На смену воеводам как начальникам гарнизонов приходят губернаторы (вице-губернаторы) и генерал-губернаторы, военно-административные функции которых делегируются комендантам и обер-комендантам, которые были подчинены генерал-губернаторам, а позже военным губернаторам. Всем делопроизводством гарнизона ведали гарнизонная и губернская канцелярии, работу которых в свою очередь контролировали Военная коллегия и Канцелярия Главной артиллерии и фортификации[3].

К концу 1710-х гг. в России числилось 43 полка с общей численностью 64768 человек. По штатному положению 1711 года гарнизонные полки были разделены на три разряда: служившие в Азовской и Киевской губернии; Санкт-Петербургской; Московской и прочих[4]. В 1720 г. были утверждены новые штаты русской армии. Гарнизонные войска насчитывали 68 139 чел., которые несли службу в 48 пехотных полках и одном батальоне, а также четырех драгунских полках и двух отдельных эскадронах[5]. Гарнизонные полки были разделены на два разряда. В первый входили «остзейские» гарнизоны, которые дислоцировались в крепостях северо-западных районов империи, расположенных на берегах или в близости Балтийского моря. Ко второму

[1] Гарнизонные войска // Военная энциклопедия: в 18 т. / под. ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. СПб.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. 7: Воинская честь – Гимнастика военная. 1912. С. 187.

[2] Там же, С. 187–188.

[3] ПСЗ Собр. 1-е. 1649–1825 гг., СПб., 1830. Т. 43, ч. 1. Кн. Шт. Отд. I. С. 5–6.

[4] Там же.

[5] *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 45–46.

разряду принадлежали все остальные гарнизоны[6], в частности Архангелогородский.

В силу географического положения территория Архангельского Севера изначально занимала важное место в милитаристских устремлениях соседних с Россией держав. Поэтому существовала необходимость держать здесь вооруженные силы.

На рубеже XVII–XVIII вв. в Холмогорах дислоцировалось два солдатских (бывших стрелецких) полка: Русский и Гайдуцкий, в Архангельске – Городской стрелецкий полк. В каждом из них были командиры: солдатский или стрелецкий голова, иначе писавшийся полковником, и шесть капитанов. Численность штатного личного состава – по 607 солдат и сержантов в полку. Помимо них, на службе находились пушкари (артиллеристы) и воротники (посадские, совмещающие свои обязанности с военными и караульными).

Захватническая политика Швеции в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) строила планы переноса торговли с Белого моря в Балтийское, установив свой контроль над торговлей. Захватнические планы стали известны в России, и двинской воевода (высший административный и воинский начальник) боярин князь А.П. Прозоровский получил от Петра I указ от 17 декабря 1700 г. о «строительстве на Малой Двинке речке крепости»[7].

28 февраля 1702 г. – стольник Василий Андреевич Ржевский стал новым воеводой Архангельска, а летом следующего года началось переселение холмогорских солдатских полков (Русский и Гайдуцкий), которые были размещены «от новой крепости по Двине», то есть на острове Линской Прилук. Так, к 1703 г. Русский и Гайдуцкий полки были окончательно передислоцированы из Холмогор к Архангельску и расселены на островах дельты Северной Двины[8].

К 1707 г. гарнизон Архангельска состоял из трех не полных полков: Русский, Гайдуцкий, Городской (Архангелогородский). Русский полк был расквартирован у Новодвинской крепости и составлял ее гарнизон. Гайдуцкий расположился рядом с деревянной крепостью на Мурманском устье.

В 1710 г. было принято решение о формировании гарнизонов в российских городах. Мероприятия, связанные с этим решением, проводились постепенно, т.к. это было связано со значительными затратами. В частности, в Архангельске было приказано «перенесть ближе к городу Архангельскому и построить при деревне Кузнечихе строения полков, т.к. водою их на острове том подмывает и ломает»[9]. Однако реализация этого решения растянулась на несколько лет.

Лишь в 1724 г., после окончания Северной войны, произошло окончательное переселение Русского и Гайдуцкого полков в город. Архангельский историк В.В. Крестинин, указывал, что Русский полк назван Архангелогородским, а Гайдуцкий – Устюжским[10].

Войсковые части располагались по обывательским квартирам в городах. Воинский Устав 1716 г. определял взаимоотношения между хозяевами и квартирующими войсками. В 1724 г. войска переместились из городов в уезды, где приступили к постройке казарм для капральств и рот. Тем не менее, преобладающим способом

[6] *Назаренко В.Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы / [гл. ред. А.Д. Кароль]. – Гродно, № 2 (197), 2015. С. 48.

[7] *Гостев И.М.* Информация об Архангелогородском (Двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701-1721) по опубликованным источникам и документам, хранящимся в РГАДА и ГААО // Защитники Отечества: общественно-научные чтения по военно-исторической тематике: Материалы научных конференций: XXX, XXXI, XXXII общественно - научных чтений. Выпуск 13. Архангельск, 2014. С. 9–10.

[8] Там же. С. 13–14.

[9] *Овсянников О.В.* Топографическое и историческое описание губернского города Архангельска. Архангельск, 1997. С. 88–89.

[10] *Гостев И.М.* Информация об Архангелогородском (Двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701-1721) по опубликованным источникам и документам, хранящимся в РГАДА и ГААО. С. 23–24.

квартирования долгое время все также оставались обывательские квартиры. Территория солдатской слободы Архангелогородского гарнизона находилась в локации современных улиц Комсомольская и Шубина, проспектов Ломоносова и Набережная Северной Двины. В XIX веке слобода расширилась до границ современных проспекта Советских Космонавтов и улицы Гагарина (рис. 1).

Гарнизоном, состоявшим из двух полков, командовал бригадир, являвшийся комендантом гарнизона. Полки состояли из 7 рот численностью около 150 человек каждая. В дальнейшем эти полки претерпевали различного рода преобразования. Часть подразделений полков была расквартирована на пограничных территориях Архангелогородской губернии, таких как Кольский и Пустозерский остроги, Новодвинская крепость, Соловецкий монастырь, и выполняла роль пограничной стражи[11].

С 1716 г. гарнизонные войска начинают исполнять функции запасных войск, подготавливая рекрутов для полевых частей и посылая иногда туда команды из своего состава для укомплектования[12]. Однако военные Архангельска несли службу не только в гарнизоне города, у солдат и офицеров было множество иных поручений и задач. По Воинскому уставу солдаты гарнизона должны были помимо службы выполнять различного рода работы: «в крепостях, в лагерях, на кораблях, или где-нибудь приказано будет»[13]. Помимо этого, на гарнизоны России возлагались функции обеспечения внутреннего порядка в регионе дислоцирования.

Для эффективной организации службы и выполнения поставленных государством задач, ввиду регулярных командировок солдат, Архангелогородский гарнизон представлял собой систему воинских подразделений.

Одно из них – артиллерийская команда. История ее создания такова: в самом конце Северной войны – 31 августа 1721 г., когда в Архангельске еще не знали о подписании Ништадтского мира, командование Архангелогородского гарнизона создано новое подразделение гарнизона. Всех артиллеристов, не относившихся к адмиралтейскому ведомству, объединили в одно подразделение – Архангелогородскую артиллерийскую команду. Личный состав команды был дополнен солдатами из гарнизонных пехотных полков. Таким образом сформировалась артиллерийский команда Архангельска под началом кондуктора (помощника военного инженера) Н.А. Кривоперстова и унтер-офицеров[14].

Артиллеристы вместе с солдатами гарнизонных полков несли службу не только на Двине, но и в Кольском и Пустозерском острогах. Помимо этого, служителей направляли на хозяйственные и артиллерийские работы, распределяли по караулам, отправляли в дальние гарнизоны, от одного до трех бомбардиров занимались обучением школьников[15].

В ведении артиллерийской команды фактически находился значительный фонд объектов недвижимости: четыре пороховых погреба в бастионах Новодвинской крепости, казарма, артиллерийские цейхгаузы, конюшня, артиллерийский двор, пороховая испытательная станция и пороховая лаборатория[16].

За техническое обслуживание артиллерийского парка отвечал пороховой ма-

[11] *Бурменский А.И.* Вооружение и гарнизон Новодвинской крепости в тридцатых-сороковых годах XVIII в. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Статьи и материалы III и IV международной науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование» / сост., отв. ред. И.М. Гостев. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 95–96.

[12] *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. С. 45–46.

[13] ПСЗ Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5, № 3006. С. 375.

[14] *Бурменский А.И., Гостев И.М.* Полвека в строю: драгун, инженер, артиллерист // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 3. Статьи и материалы V международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование» Архангельск, 21–23 сентября 2018 г. / сост. и отв. ред.: И.М. Гостев. Архангельск, 2020. С. 92.

[15] *Бурменский А.И.* Вооружение и гарнизон Новодвинской крепости в тридцатых-сороковых годах XVIII в. С. 100.

[16] Там же, С. 95–96.

стер, кузнецы, колесный и лафетный мастера. Благодаря их работе большая часть парка находилась в полной боеготовности.

При Екатерине II в 1765 г. был утвержден штат артиллерийских команд крепостей как составной части гарнизонных войск[17].

Табл. 1. Изменения состава штата Архангелогородской артиллерийской команды за 1760–1780-е гг.:

Воинское звание/год	1769[18]	1773[19]	1777[20]	1787[21]
Капитан	1	1		1
Поручик				2
Подпоручик			1	1
Цейхвахтер	1			
Штык-юнкер				1
Унтер-цейхвахтер		1	1	
Цейхдинер			1	
Цейхшрейберы	3	1	1	1
Каптенармус			1	
Сержанты	2	3	4	3
Капралы	7	6	7	10
Фурьер	1	1	1	7
Писарь	1	1	1	1
Профос	1			
Погонщики	2	2	1	3
Денщики	3	1		6
Ямщик		1		
Барабанщик		1	1	1
Цирюльник		1	1	2
Бомбардиры	11	12	4	24
Канониры	89	91	76	100
Плотники	4	4	3	4
Кузнецы	2	4	3	3
Колесники		2	2	2
Слесари	4	2	4	3
Столяры	3	1	2	2
Бочары	3	3	1	1
Токарь		1	1	1
Пороховщик	1	1		2
Паяльщик	2		1	2
Подмастерье (лафетные)	1	1	1	
Подмастерье (кузнечный)		1	1	1
Итого:	142	143	120	184

[17] *Назаренко В.Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона). С. 50.
[18] ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–10.
[19] Там же, Д. 104 Л. 46. Л. 1–6.
[20] Там же, Д. 226 Л. Л. 3–7.
[21] Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 320. Л. 2об.

Еще одно структурное подразделение гарнизона – Архангелогородская инженерная команда. В ходе реформ Петра I, а именно реформы армии, была создана система управления военными инженерами: учреждена Артиллерийская контора, объединившая управление артиллерии и инженерной службой, утвержден инженерный штат, обязанности инженеров были закреплены в законодательных актах. В середине XVIII века инженерный корпус отделен от артиллерийского[22].

Стоит отметить, что на законодательном уровне в период с 1731 по 1764 гг. гарнизонные войска не подвергались каким-то существенным изменениям, продолжалось дальнейшее оформление структуры большинства гарнизонов. Одновременно происходил процесс увеличения количества гарнизонных частей и подразделений. Связано это было с отсутствием единой внутриполитической линии: постоянная смена власти в эпоху Дворцовых переворотов.

В 1749 г. Архангелогородская инженерная команда состояла из девяти человек. Вместе с ними в списке числилось три крепостных писаря (по всей видимости, документоведы)[23]. Штатная и фактическая численность инженерной команды не была постоянной и менялась год от года. В 1771 г. команда состояла уже из 19 человек[24]; в 1774 г. – из 22[25]; в 1775 г. – 20[26]; в 1777 г. – 14[27]. Из документа о заготовке провианта на вторую половину 1778 г. узнаем, что ржи, муки и крупы запланировано «на инженерных служителей и денщика, всего 12 человек»[28]. В 1779 г. в команде числилось 12 человек в начале года[29], а в середине – 16[30]. В 1780 г. в команде – 12 человек[31]. В сентябре 1784 г. в составе команды было 21 человек, а год спустя – в ноябре 1785 г. – 17[32].

Инженерная команда дислоцировалась в Новодвинской крепости, входя в состав её постоянного гарнизона. Она отвечала за «фортификационные работы» – строительство, ремонт, укрепление фортификационных сооружений и «при-архангелогородских крепостей»[33]. Кроме того, команда была наделена большим количеством интендантских функций (обязанностей по снабжению). Инженеры отвечали за приход и расход «фортификационных материалов, припасов, инструментов бытности Архангелогородского гарнизона». Прежде всего, к этим понятиям относились механизмы, строительные инструменты, а также различные материалы для ремонта.

[22] *Савельев А.И.* Исторический очерк Инженернаго управления в России. СПб: Тип. Р. Голике, 1879. С. 93–99.
[23] ГААО. Ф. 1. Оп.1. Т.3. Д. 4237д. Л. 5об.–6.
[24] Там же, Ф. 1538. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.
[25] Там же, Д. 115. Л. 11–17.
[26] Там же, Д. 125. Л. 1–7.
[27] Там же, Д. 202. Л. 27.
[28] Там же, Д. 230. Л. 5.
[29] Там же, Д. 241. Л. 7.
[30] Там же, Д. 241. Л. 39–40.
[31] Там же, Д. 248. Л. 1об.
[32] Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 42. Л. 2–об., 23–об.
[33] Там же, Ф. 1538. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

Инженерный штат был небольшой, поэтому на «фортификационных работах» использовали солдат из гарнизонных батальонов в качестве каменщиков, столяров, кузнецов, плотников. Например, инженерные служители и солдаты гарнизона вместе отправлялись на заготовку дров. За подобные работы инженерные помощники получали в день по три копейки[34].

Являясь наиболее образованной частью военного сословия, инженеры, помимо основной служебной задачи по возведению оборонительных сооружений, привлекались и для решения крупных задач в области гражданского строительства, а также имели большое значение в несении гарнизонной службы в целом. Последнее становилось наиболее актуальным, когда значительная часть личного состава гарнизона оказывалась разосланной для выполнения различных поручений по всей Архангелогородской губернии, и главную роль в несении гарнизонной службы выполняли именно команды артиллеристов и инженеров.

Военные Архангельска несли караулы как в городе – у пожарных инструментов и на городской башне для «смотрения пожарных случаев» (эти караулы были очень важны, так как Архангельск преимущественно был застроен деревянными постройками, и опасность пожаров была велика), при знаменах, при пороховых погребах и артиллерийских цейхгаузах, в губернской канцелярии и подушной палате, в тюремном остроге у «колодников» (сопровождение и охрана), так и по всей губернии. Для этого формировались штатные губернские воинское команды в уездных городах (например, после 1784 г. это были Онега, Мезень, Пинега, Шенкурск, Холмогоры и Кола) и губернская рота[35].

Со времен Петра I исчезла необходимость в расквартировании гарнизонов в некоторых городах и крепостях, в то время как в других местах не хватало подразделений для несения караульной службы, конвоирования преступников, перевозки казенной почты. Таким образом, в 1762 г. были созданы губернские роты, в задачу которых входило сопровождение и охрана казенных грузов и имущества, «искоренение воров и разбойников»[36].

Основное предназначение этой роты – сбор подати на территории Архангелогородской губернии. Этой яркий пример фискальной функции военных гарнизона, то есть функции по сбору налогов. Примерами из отчетов служат записи: «взыскание недоимок в городе», «отвоз в Мезень денежной казны», «отправлен в Москву для отвозу ефимочной казны», «понуждение сбора начетных денег в Архангельском магистрате и Холмогорской ратуше».

Помимо прочего, солдат отправляли в команду «квартирмейстера», в командировки в Москву для приема мундирных и прочих вещей», Олонецкое соляное комиссарство «для отвоза казенной соли», на службу в Онежскую портовую таможню, а также для охраны там казенных строений.

Удалось выяснить, что солдат отправляли в «Балтийский Порт для отвозу колодников», рядовых отправляли на заготовку дров в лесу и на различные строительные работы, например, в «Колу для строения обсерватории»[37]. Последняя задача регулярно практиковалась и в других гарнизонах империи, например, использование местного контингента военнослужащих для усиления Выборгской крепости, ремонта городских мостов[38].

[34] Там же, Д. 247. Л. 30.

[35] *Хребтов Н.А.* Повседневная жизнь военнослужащих Архангелогородского гарнизона в XVIII веке // Материалы научных конференций: XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике 2016, 2017, 2018, 2019 гг. Выпуск 15 / ГАУ Архангельской области «Региональный центр патриотического воспитания и подготовки граждан (молодежи) к военной службе» и др.; [сост. А.В. Буглак, И.М. Гостев]. Архангельск: Лоция, 2019. С. 282.

[36] *Назаренко В.Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона). С. 49.

[37] *Хребтов Н.А.* Повседневная жизнь военнослужащих Архангелогородского гарнизона в XVIII веке. С. 282.

[38] *Проскурякова М.Е.* «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 86.

В целом, в Выборгском гарнизоне выстраивается схожая с Архангельском система повседневных занятий служащих: различные работы, связанные со строительством и ремонтом крепостей, оттачивание воинского мастерства и строевая подготовка, обучение рекрутов, караульная служба, разного рода командировки[39].

Перечисленное выше разнообразие в обязанностях было характерно не только для северных и северо-западных гарнизонов империи, но и для юга государства. Например, солдаты Киева работали во фруктовых садах, на шелковых заводах и выполняли прочие экстраординарные задачи[40]. Характер задач зависел и от природно-климатических условий.

19 апреля 1764 г. императрицей Екатериной II был утвержден доклад Воинской комиссии «О переформировании гарнизонов по приложенным при оном штатам и табелям»[41]. Каждый гарнизонный батальон состоял из 4 мушкетерских и одной инвалидной рот. Мушкетерская рота комплектовалась из отставных солдат полевых полков. Инвалидная рота (инвалидная команда) формировалась из отставных солдат, которые служили «без ружья» (стояли на карауле у церквей, у магазинов, у садов и школ, у цейхгаузов). Если батальон нес службу в крепости, то в его составе была еще мастеровая рота, в которой служили рекруты, владеющие различными ремёслами. Мастеровая рота состояла из слесарей, каменщиков, плотников, дерноукладчиков и т.д. Необходимость в батальонах мастеровых команд была, т.к. к «крепостному строительству всегда брались гарнизонные солдаты без разбору и по очереди употреблялись иные в столяры, иные в каменщики, в кузнецы и в дерноукладцы, и для того всякая работа, была не прочна: ибо ремесло сие требует к тому особливой привычки и частого в том упражнения»[42].

Гарнизонные офицеры могли работать в чиновничьих должностях в тех губерниях, где служили, а солдаты были резервом рабочей силы и могли служить не только для ремонта крепостей, но и работ, не связанных с гарнизонной службой[43]. Данная тенденция имела место и до 1764 г., но после гарнизонной реформы значительно усилилась.

В первой половине XVIII века в гарнизоне Архангельска насчитывалось около двух тысяч человек (1700-е гг. – 1200-1850 человек[44], 1720-е гг. – 2600 человек[45], 1730-е гг. – 2500 человек[46] (по штатам)). В 1760-е гг. по новому штату предписано было иметь 1490 военнослужащих всех чинов. Таким образом, во второй половине века, в сравнении с первой, общая штатная численность гарнизона уменьшилась.

Что интересно, число военнослужащих «в расходе», то есть за пределами самого гарнизона города, могла достигать 92% от списочного наличного состава: в 1785 г. в гарнизоне находилось всего 62 человека, что составляло 8% от наличного состава и 4% от штатного расписания[47].

Статистические данные подтверждают сведения из делопроизводственной документации: на первом месте у гарнизонов были именно военно-полицейские и фискальные функции, а не функции запасных войск и резерва армии, для чего они и создавались Петром I в первой четверти XVIII века.

[39] Там же, С. 84.

[40] *Назаренко В.Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона). С. 50.

[41] Высочайше утвержденный доклад о переформировании гарнизонов по приложенным при оном штатам и табелям // ПСЗ РИ Собр. 1-е. Т. 16. СПб., 1830. № 12135. С. 715.

[42] *Байдуллаева Н.Р., Гарунова Н.Н.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.) [Электронный ресурс] // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» (дата обращения: 10.05.2022).

[43] *Назаренко В.Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона). С. 50.

[44] *Гостев И.М.* Информация об Архангелогородском (Двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701-1721). С. 25.

[45] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства. М, 1977. С. 240.

[46] ПСЗ Собр. 1-е. СПб.,1830. Т. 43: Книга штатов (1711–1800). С. 60.

[47] ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т.1. Д. 42. Л. 22–23.

1760 г.	«Архангелогородского гарнизонного полку» всего 776 человек (8 сержантов, 9 каптенармусов, 6 подпрапорщиков, 22 капрала, 7 писарей, 104 гренадера, 557 мушкетера, 7 гобоистов, 1 флейтист, 13 барабанщиков, 6 цирюльников, 2 слесаря, 2 профоса, 30 денщиков, 1 профос)[48]	«Устюжского полку»: всего 793 человека (9 сержантов, 7 каптенармусов, 3 подпрапорщика, 22 капрала, 6 писарей, 118 гренадеров, 5646 рядовых, 7 гобоистов, 1 флейтист, 13 барабанщиков, 6 цырюльников, 2 слесаря, 2 профоса, 30 денщиков)[49]
	Первый батальон	Второй батальон
1764 г.	739 человек (из них 17 – командный состав)[50]	737 человек (из них 17 – командный состав)[51]
1765 г.	739 человек (из них 17 – командный состав)[52]	738 человек (из них 17 – командный состав)[53]
1766 г.	652 человека (из них 17 – командный состав)[54]	603 человека (из них 17 – командный состав)[55]
1767 г.	702 (из них 675 нижних чина)[56]	663 (из них 637 нижних чина)[57]
1769 г.	732 человека всего[58]	726 человек всего[59]
1770 г.	–	537 нижних чинов[60]
1771 г.	730 человек всего[61]	716 человек всего[62]
1772 г.	–	630 всех чинов[63]
1773 г.	–	16 военнослужащих командного состава[64]
1774 г.	722 человека всего[65]	–
1776 г.	609 человек (из них 15 – командный состав)[66]	534 человека («на лицо»)[67]
1777 г.	491 человек (из них 9 профосов)[68]	587 человек (из них 11 профосов)[69]
1778 г.	1426 всех чинов на два батальона[70]	
1779 г.	Всего 674 человека[71]	–
1784 г.	457 человек[72]	325 человек[73]
1785 г.	446 человек[74]	339 человек[75]
1786 г.	457 человек[76]	347 человек[77]

[48] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т.3. Д. 5696а. Л. 6.
[49] Там же. Л. 7.
[50] Там же. Т. 4. Д. 6256. Л. 3об, 4.
[51] Там же. Л. 3об, 4.
[52] Там же. Д. 6553. Л. 1об, 2.
[53] Там же. Л. 1об, 2.
[54] Там же. Т.4. Д. 6878. Л. 23об, 24.
[55] Там же.
[56] Там же. Т. 4. Д. 7553а.
[57] Там же.
[58] Там же. Д.8366. Л.3об, 4.
[59] Там же. Л.12об.
[60] Там же. Ф. 1538. Оп.1. Д. 40.
[61] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 5. Д. 9320. Л. 2.
[62] Там же. Д. 9320. Л. 2–4.
[63] Там же. Ф. 1538. Оп.1. Д. 48.
[64] Там же. Д. 93. Л. 4об, 5.
[65] Там же. Д. 105. Л. 4.
[66] Там же. Д. 165. Л. 68–75.
[67] Там же. Д. 148. Л. 1об.
[68] Там же. Д. 205. Л. 1.
[69] Там же. Д. 206. Л. 2–2об.
[70] Там же. Д. 230. Л. 5.
[71] Там же. Д. 232. Л. 1.
[72] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Т.1. Д. 42. Л. 1–2.
[73] Там же. Л. 1–2.
[74] Там же. Л. 22–23.
[75] Там же.
[76] Там же. Д. 269. Л. 2об.–3.
[77] Там же. Л. 2об.–3.

1787 г.	нижних служителей всех чинов 689 человек[<?>]
1790 г.	нижних служителей всех чинов 583 человека[<?>]
1791 г.	нижних служителей всех чинов 664 человека[<?>]
1792 г.	нижних служителей всех чинов 652 человека[<?>]
1793 г.	нижних служителей всех чинов 695 человек[<?>]
1794 г.	нижних служителей всех чинов 699 человек[<?>]
1795 г.	нижних служителей всех чинов 694 человека[<?>]
1796 г.	нижних служителей всех чинов 707 человек[<?>]
1797 г.	всех нижних чинов 1073 человека[<?>]

Тем не менее, стоит отметить, что в условиях напряженной внешнеполитической ситуации командование гарнизона достаточно быстро реагировало и мобилизовывалось. Так, накануне и в годы русско-шведской войны 1788–1790 гг. предпринимались следующие меры: военные обучали «мещан скорой пальбе»[87], набирали людей «к службе военной способных на защиту границы и собственных своих жилищ»[88], а также вместе с ними формировались воинские пограничные команды, которые снабжались провиантом и оружием из Архангельска[89], по указу генерал-губернатора Т.И. Тутолмина командование собирало регулярные ежемесячные отчеты о состоянии воинских подразделений и ситуации на границе со Швецией[90].

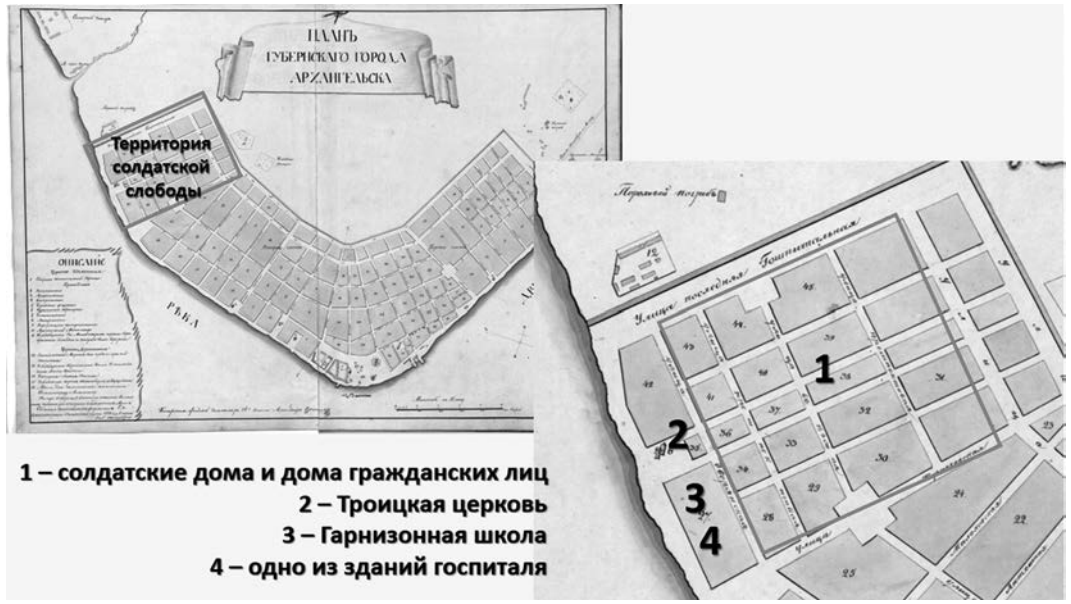
Резюмируя выше сказанное, можно отметить, что гарнизонные войска выполняли важную роль в охране границ государства, подготовки рекрутов для полевых войск, а также являлись источником пополнения воинских контингентов в регионах боевых действий. Первая четверть XVIII века – важный этап в истории развития российской армии, когда была заложена законодательная база существования гарнизонных войск, происходят кардинальные изменения в их управлении, комплектовании, структуре, системе материального обеспечения. В это же время формируются и артиллерийские гарнизонные команды, из которых позже будут отделены инженеры.

В этот период в Архангелогородской губернии также было сформировано новое войсковое объединение – Архангелогородской гарнизон.

Военнослужащие гарнизона активно принимали участие в военных операциях Российской империи: прошли через войну за Польское и Австрийское наследство, русско-шведскую и Семилетнюю войну, русско-турецкие войны XVIII века, а также стоит отметить реакцию военного командования Архангельска на внешнеполитические конфликты и проведение мероприятий по охране границ. Тем самым, военные успешно выполняли основную функцию гарнизонов – резерва полевых полков и пограничной стражи.

Со временем функции гарнизонов стали меняться, особенно после гарнизонной реформы 1764 г. Все чаще военнослужащие гарнизона Архангельска выполняли

[78] Там же. Д. 270. Л. 25.
[79] Там же. Л. 67.
[80] Там же. Л. 74.
[81] Там же. Л. 102.
[82] Там же. Л. 129.
[83] Там же. Л. 151.
[84] Там же. Л. 183.
[85] Там же. Л. 232.
[86] Там же. Л. 116об.
[87] Там же. Д. 58. Л. 57–59.
[88] Там же. Д. 332. Л 1–2.
[89] Там же. Д. 58. Л. 311.
[90] Там же. Л. 642–649.



военно-полицейские задачи, либо отправлялись в командировки по всей губернии, исполняя фискальные функции.

И для правительства это было удобно. Оно могло максимально задействовать солдат и офицеров, которые физически не могли пойти в поход, но могли стоять на карауле у казармы или исполнять прочие функции. Гарнизоны также являлись местом службы осужденных за различные проступки военнослужащих с целью их исправления и социализации (например, сосланные на Север казаки).

Таким образом, на примере Архангелогородского гарнизона, как и в целом в империи, очень четко прослеживается смена полярности задач гарнизонных войск в послепетровскую эпоху с резерва армии и функции запасных войск на выполнение полицейских, налоговых и прочих обязанностей.

Исходя из данных источников Архангелогородской губернской канцелярии, известно, что до 92% штатного состава гарнизона могло выполнять свои задачи на территории всей губернии, а в городе и при Новодвинской крепости в это время находился лишь небольшой воинский контингент. Помимо этого, на основе имеющихся документов можно констатировать факт нехватки военных для заполнения положенной штатной численности.

Все это говорит о том, что после русско-шведской войны 1700–1721 гг. резко снизилась угроза северным границам Архангелогородской губернии, и не было нужды постоянно держать в городе полностью укомплектованные батальоны, а поддержанием крепости в рабочем состоянии занималась, в большей степени, находившаяся там инженерная команда. Это можно считать спецификой развития и деятельности гарнизона в Архангельске.

СОХРАНЕНИЕ ПЕТРОВСКОГО НАСЛЕДИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАМЫСЛОВ ПЕТРА

Т.А. Санакина

ДОКУМЕНТЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В Государственном архиве Архангельской области на хранении имеется немало документов, относящихся к петровской эпохе. Наиболее представителен в этом аспекте фонд Канцелярии Архангельского губернатора (Ф. и-1). В нем содержатся указы Петра I и его сподвижников А.Д. Меншикова, Г.И. Головкина и др., Сената, вновь созданных коллегий с 1710 г. В фонде Пинежской нижней расправы (Ф. и-823) находятся копии царских указов 1681–1704 гг., в фондах Важской и Верховажской посадских ратуш имеются дела и документы городских общественных управлений за 1721–1725 гг., в фонде Архангельской казенной палаты (Ф. и-51) имеются документы, относящиеся к деятельности Архангелогородской конторы камерирских дел по земским сборам 1714–1780 гг.

В фонде Холмогорской таможенной избы (Ф. 1027) представлены жалованные грамоты прародителя и родителя Петра I – Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, а также митрополитов на угодья и льготы северным церквям и монастырям. Здесь же можно найти памяти воевод, порядные и менные грамоты, челобитные крестьян, выписки из таможенных книг и др. документы за 1633–1699 гг. Допетровский период также неплохо представлен в фонде Владычного Двинского наместника и Важского волостеля Новгородского митрополита (Ф. и-1408) за 1510–1682 гг.

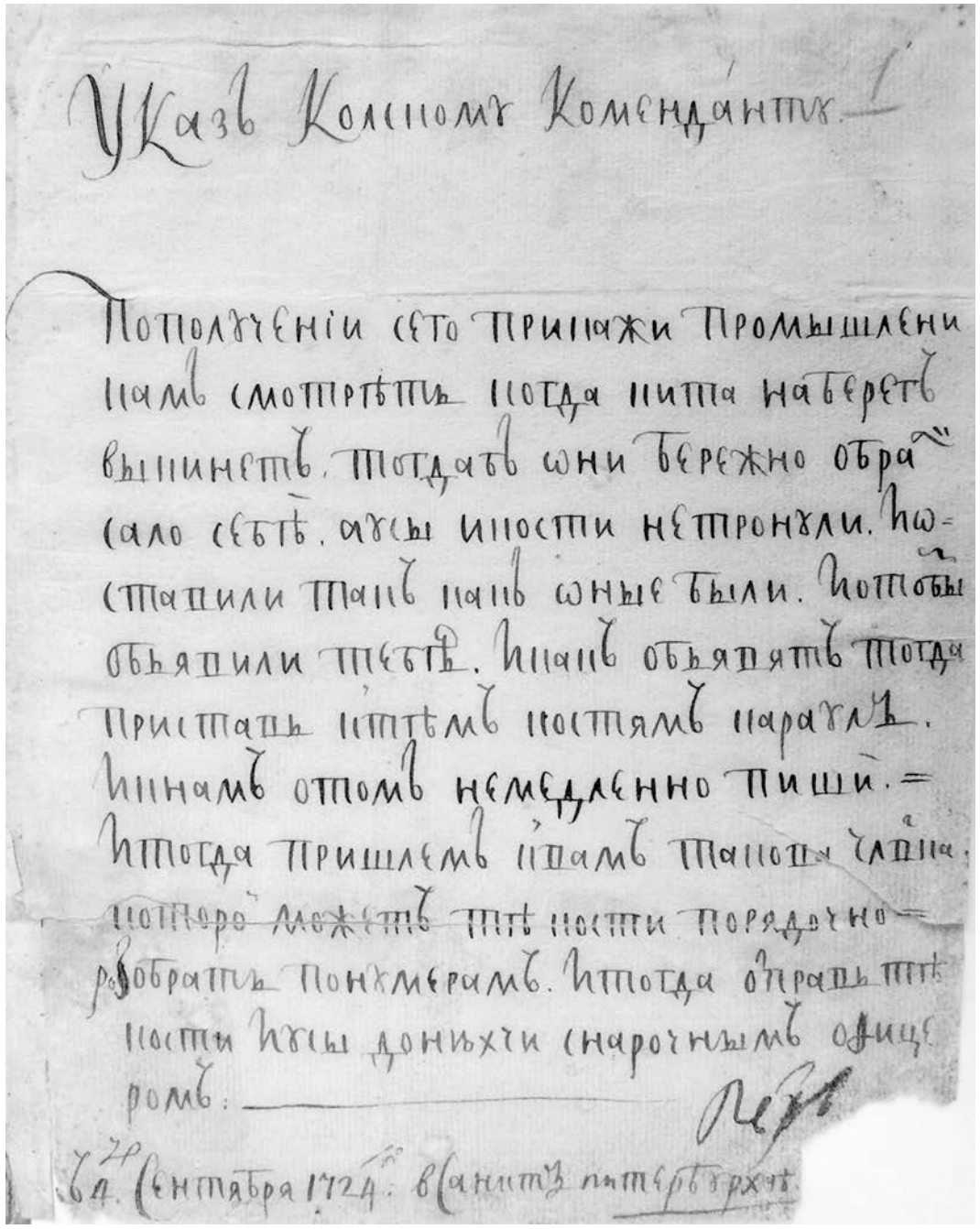
Информативен в отношении документов петровского времени фонд Канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского (Ф. и-1025) за 1682–1725 гг. В нем имеются грамоты и списки с жалованных грамот царей Иоанна и Петра Алексеевичей, указы Сената и Синода, памяти архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, письма двинского воеводы, переписка преосвященного Афанасия с Петром I и двинским воеводой А.П. Прозоровским о строительстве Новодвинской крепости (1701); списки расспросных речей кормщика И. Седунова (Рябова) о количестве неприятельских сил (1701), роспись военных трофеев, взятых со шведских кораблей и др. Сюда же можно отнести фонд Архангельского архиерейского домоуправления (Ф. и-31) за 1682–1725 гг.

Большинство указанных документов имеют статус «особо ценных», но есть среди них и такие, которым присвоена категория «уникальные». Это документы, написанные собственноручно Петром I или за его личной подписью. О их существовании писал еще А.Ф. Шидловский в своей работе «Петр Великий на Севере» (1909). В 1793 г. во время опустошительного пожара в Архангельске они были спасены и хранились в специальном ковчежце в присутственных местах Архангельского губернского правления[1].

В 1840 г. этими документами заинтересовалась Археографическая комиссия, но ознакомившись со списком имевшихся подлинников решила, что «в исчисленных в той описи высочайших указах и письмах разных особ не имеет надобности»[2].

[1] Цит.: *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: события, реликвии, историческая память. М., Архангельск, 2022. С. 258–260.

[2] Там же.


Указъ Колмому Коменданту.

По полученіи сего приѣзжи Промышленни
ковъ смотрѣть когда кита наберетъ
выкинетъ. тогдаъ они бережно обра
сало себѣ. ахсы изкости не тронули. но-
стащили тамъ кои они были. чтобы
объѣхали тебѣ. кои объѣхать тогда
приставь кѣмъ костямъ парахъ.
кинамъ отомъ немедленно пиши. =
и тогда пришлемъ изъ кои тамошъ чѣна
которо можетъ тѣ кости порядочно =
разобрать понкмерамъ. и тогда отрадь тѣ
кости кѣны донихъ (нарочнымъ офицѣ
ромъ: _____

24 Сентября 1724. в Санктъ питербурхѣ.

*Указ Петра I на имя коменданта Кольского острога о сохранении китовых усов и костей**

Вторично они были затребованы в Санкт-Петербург в 1872 г., когда император Александр II, в связи с 200-летием Петра I, повелел собрать все имевшиеся указы, письма, заметки, резолюции своего предка и опубликовать их. После снятия с них копий документы вновь вернулись в Архангельск на свое место[3]. Вероятнее всего,

[3] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1364. Л. 1–2.

именно с документами Архангельского губернского правления они были переданы в 1922 г. в Государственный архив Архангельской области.

Уникальные петровские документы находятся в двух архивных делах или, как их еще называют «бархатных книгах». В первой из них (переплетена малиновым бархатом) содержатся документы Петра I Великого, а также его преемниц на троне – Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны.

Вторая бархатная книга (малая, переплетена светло желтым бархатом) упоминалась в 1872 г. в рапорте Архангельского вице-губернатора Александра Иосифовича Подвысоцкого от 24 октября 1872 г.: «... и 2. особая книга с указами Петра Великого на имя Кольского коменданта»[4].

На сегодняшний день в данной книге находится один указ Петра I от 4 сентября 1724 г. на имя коменданта Кольского острога о сохранении китовых усов и костей[5]. О судьбе других указов информации не имеется.

Указ Петра I на имя коменданта Кольского острога
о сохранении китовых усов и костей

г. Санкт Петербург *4 сентября 1724 г.*

Указ Кольскому Коменданту

По получении сего прикажи промышленникам смотреть, когда кита на берег выкинет, тогда б они бережно брали сало себе, а усы и кости не тронули. И оставили так как оные были. И о том бы объявили тебе. И как объявят тогда приставь к тем костям караул. И к нам о том немедленно пиши. = И тогда пришлем к вам такова человека, которой может те кости порядочно = разобрать по нумерам. И тогда отправь те кости и усы до Нюхчи с нарочным офицером —

Петр

В 4 день сентября 1724 года в Санкт питербурхе.

Рукопись. Подлинник.
ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12а. Л. 1

Данный документ находится на хранении в Государственном архиве Архангельской области. Археографическая обработка документа произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Документ снабжен заголовком, состоящим из указания на вид документа, сведений об авторе и адресате, краткого содержания и даты. Документ относится к XVIII в. и датируется по старому стилю. Элементы даты располагаются в прямом порядке (число, месяц, год) и размещаются под заголовком справа.

Легенда включает сокращенное название архива, номер фонда, описи, листа с указанием на способ воспроизведения документа (рукопись, автограф или копия). Текст документа воспроизведён с сохранением стилистических и языковых особенностей исторического периода. Орфография и пунктуация документа сохранены. Имеется примечание по содержанию текста, которое отмечено звездочкой и расположено сразу за текстом документа.

[4] Там же. Л. 77.
[5] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12а.

В.Г. Трофименко

«КНИГА В МАЛИНОВОМ БАРХАТЕ»: ПОДЛИННЫЕ ПИСЬМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В фонде Архангельской губернской канцелярии Государственного архива Архангельской области хранится дело, о котором в архиве говорят с замиранием сердца. Между собой архивисты его называют «бархатной книгой», хотя строго в источниковедческом плане оно не относится к «обычным» бархатным книгам – сборникам, в которых отражены родословия российского дворянства. Своё название данный документ получил благодаря тому, что его обложка обита бархатной тканью малинового цвета. Очевидно, что с не меньшим пиететом к нему относились и наши предшественники – архивариусы губернского правления, ведь под одной обложкой здесь объединены указы и письма, собственноручно подписанные правителями нашего государства – Петром Великим, его сподвижниками, а также и императрицами XVIII столетия: Екатериной I, Анной Иоанновной, Елизаветой Петровной и Екатериной II[1].

В данной статье мы дадим описание части данного дела, которое касается непосредственно петровской эпохи. Будут рассмотрены именные указы и распоряжения как самого Петра, так и его сенаторов, сподвижников, жены Екатерины. Это 55 документов, охватывающих период с 1710 по 1724 гг.

Мы не можем сказать, когда эти документы были сформированы в единый комплекс, в одно дело. Можно лишь определить, что всех их объединяет один принцип – наличие личной подписи, подтверждающее тот факт, что автор письма если и не писал весь текст целиком, то «держал документ в руках», и «руку приложил». Что, безусловно, увеличивает значимость документа для потомков. Второй принцип, соблюдаемый практически во всех документах – адресат, так как большая их часть направлялась высшему должностному лицу Архангелогородской губернии, губернатору или вице-губернатору. Во всём остальном наблюдается полная неравнозначность тем, значимости и важности документов.

Нами была проведена классификация документов по нескольким признакам. Во-первых, по тому, касался ли тот или иной документ в целом Российского государства, или имел отношение непосредственно к Архангелогородской губернии. Во-вторых, документы были разделены по тематике. В-третьих, обращалось внимание на то, кто являлся автором (авторами) документов.

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а.

Первая группа документов – именные указы Петра I, имеющие общегосударственное значение. В их числе: «указ губернаторам о высылке денег и о прочем» от 10 февраля 1710 г., указ об образовании Правительствующего Сената от 2 марта 1711 г., указ о единонаследии от 17 марта 1714 г., «пункт в дополнение о кадетах» от 20 апреля 1714 г. и указ о ведении протоколов от 4 апреля 1714 г., о временном запрете производить во всём государстве каменное строение от 17 сентября 1714 г., о своевременном сообщении о получении из Сената и Коллегий указов от 19 марта 1719 г.[2]. Всего семь документов, три из которых напечатаны типографским способом, и сопровождаются письмами: в первом случае – за авторством самого Петра, с указанием, как именно исполнять повеление, в других – за подписью нескольких сенаторов.

Вторая группа – тоже именные царские (после 1721 г. – императорские) указы, но касающиеся не всего государства, а именно нашей губернии. К этой группе можно отнести полтора десятка документов. Они касались отправки матросов и рабочих в Санкт-Петербург, сбора недоимок, запрета на строительство судов старого типа, укрепления обороноспособности Архангельска и т.д.

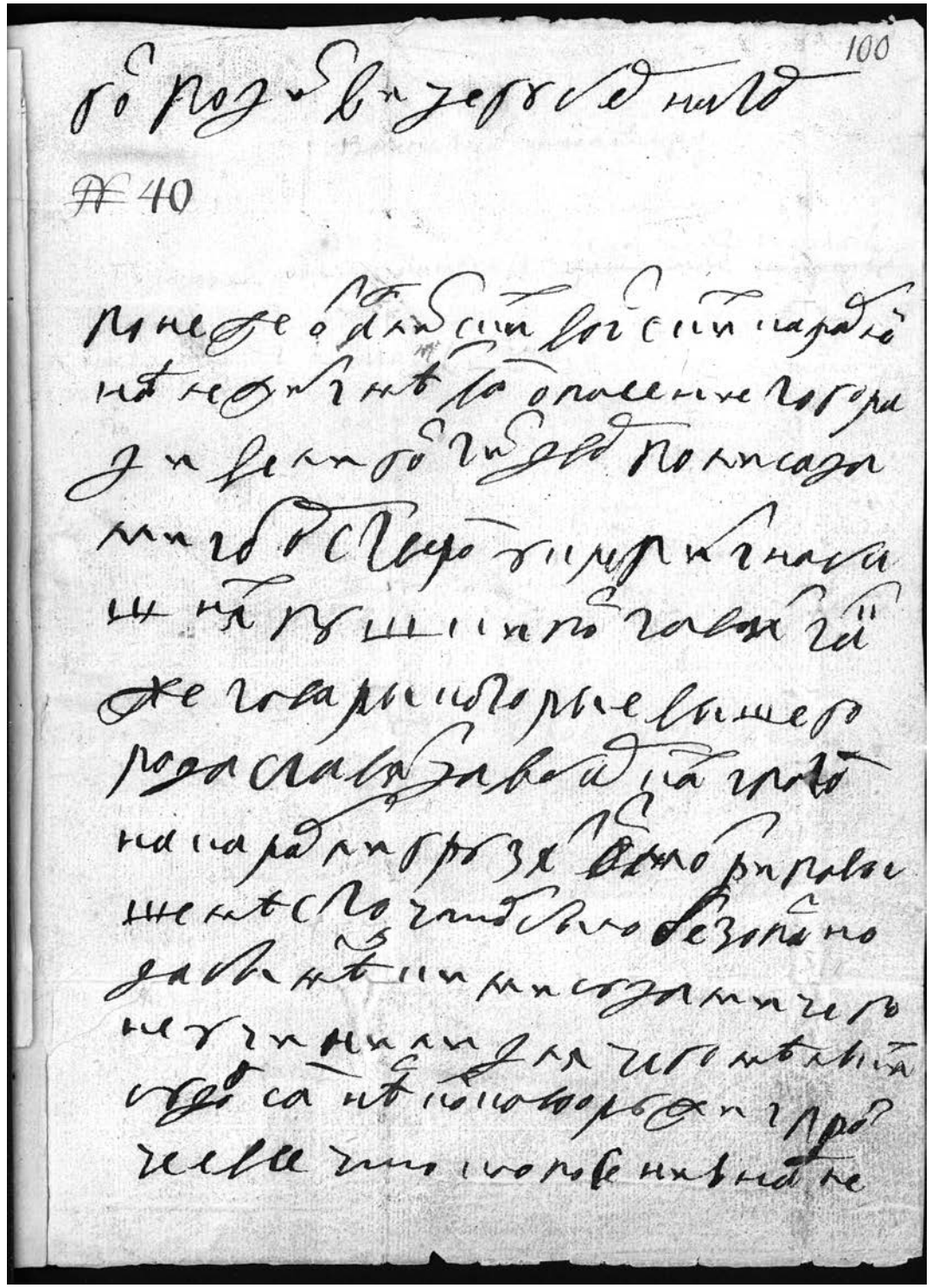
Третья группа – письма, которые, пусть не всегда имели в своем названии и содержании слова «указ», фактически предписывали вице-губернатору, или другому должностному лицу, совершение определённых действий. Это самая многочисленная группа документов. Данные документы не всегда принадлежали перу царя, но имели общую характерную черту – они касались частных, иногда даже личных, вопросов: расчёты между царской казной и иноземными купцами, доставка определённых грузов из-за границы в столицу через Архангельскую таможню, поиск и задержание отдельных лиц, рассматриваемых правительством как источники опасности, подчинение распоряжениям отдельных чиновников, прибывающих в город из столицы.

Что касается авторства документов, то из всего комплекса указов и писем можно выделить 38, подписанных непосредственно рукой Петра I. Лично же им написан (то есть является автографом), только один из них – именной указ об укреплении гостиных дворов в 1720 г. Прочитать его очень трудно, у самодержца был ужасный почерк. Специально для этого кто-то, вероятно секретарь царя, написал дубликат «слово в слово» для вице-губернатора П.Е. Лодыженского. Второе место занимает супруга царя, Екатерина Алексеевна, которая поставила пять подписей. Что интересно, все документы, подписанные царицей, относятся к периоду до её царствования. По две подписи поставили: любимец царя, Александр Меншиков, и канцлеры Долгорукий и Головкин (под сенатскими указами). Есть также несколько документов с автографами сенаторов: Тихона Стрешнева, Михаила Самарина и других, однако в данном случае они выступили не как самостоятельные лица, они лишь подписывали сопроводительные письма к царским именным указам.

Тематика документов разнообразна, но можно выделить несколько направлений деятельности Петра, которым были посвящены много указов и писем.

Первое направление, лучше всего представленное в книге, это взаимоотношения между царём и иностранным купечеством. Учитывая то, что на протяжении практически всего рассматриваемого периода Архангельск являлся главным цен-

[2] Там же. Л. Л. 1-16, 23, 92.



Автограф Петра I. Первый лист указа об укреплении Гостиных Дворов. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 100.

тром русской торговли с внешним миром, хотя и начал утрачивать его «благодаря» Санкт-Петербургу, это не удивительно.

Здесь выделяется несколько историй. Первая – отношения с английскими купцами-партнёрами Робинсоном и Гартсайдом. Этой теме посвящены три документа за подписью Петра I: предписание вице-губернатору Лодыженскому от 4 апреля 1715 г. о том, чтобы «не спрашивать» с указанных купцов денег за отданную им в 1713 г. смолу и таможенных пошлин, письмо тому же адресату от 6 августа 1715 г. об окончании расчёта между казной и этими купцами, и письмо от 7 августа 1715 г. о выдаче новой партии смолы корреспонденту Робинсона – купцу Гогелю[3]. Данные документы свидетельствуют об относительно мало изученной истории деятельности в России английской торговой компании «Ральф Робинсон и Самуил Гартсайд»[4].

Вторая история связана с заграничной поездкой Петра I в Европу в 1716–1717 гг. В период своего длительного пребывания заграницей, в частности в вольном городе Гамбурге, царь занял у местного купца, Франца Попа, 10 000 червонных, после чего отписал вице-губернатору Лодыженскому, чтобы эти деньги были возмещены в Архангельске из губернских доходов корреспондентам Попа[5]. Затем ещё 10 000 червонных были заимообразно получены царём от другого гамбургского купца, Говерса, после чего Пётр вновь отписал Лодыженскому, чтобы тот вернул долг представителям купца из губернских доходов «у города Архангельского» «по два рубли по три денги за червонной и того дватцать тысяч сто пятьдесят рублев»[6]. Не прошло и месяца, 17 июня 1716 г., царь вновь заимствовал у Говерса 10 000 червонных, которые опять должен был вернуть архангелогородский вице-губернатор. При этом сам Лодыженский должен был возместить все эти расходы губернии из средств Московского соляного приказа[7]. История повторилась в 1717 г. На сей раз его величество одолжил у Христофора Бранта в Амстердаме 2000 червонных, за которые его корреспондент в Архангельске должен был получить 4060 рублей серебром, которые должны были быть возмещены комиссару губернии из собственных денег царя в Санкт-Петербурге[8].

Третья история связана с внешней торговлей в целом, и её регулированием со стороны государства. В качестве примеров можно привести следующие документы.

Именной указ царя о заготовке смолы от 21 декабря 1716 г., предписывавший вице-губернатору поставить к весне 1717 г. к порту «две тысячи бочек на некоторыя наши собственныя нужды в отпуск в Венецию … и впред по вся годы вели той смолы готовить особо для нашего отпуска по столку ж»[9]. Указ был подписан в момент нахождения государя в Амстердаме, где он мог иметь контакт с венецианскими купцами, и, видимо, заключил с ними сделку.

Именной указ царя о предоставлении сведений о неуплате таможенных пошлин иноземными купцами от 7 февраля 1718 г. В нём указывалось, что вице-губернатор должен был объяснить причины, по которым возникла неуплата таможенных пошлин иностранными купцами, а также обязан был впредь «срока во взятии пошлин», то есть отсрочки, никому не давать[10].

Сенатские указы об отпуске смолы за границу от 9 и 25 июля 1723 г. Данные документы связаны с тем, что купцы систематически нарушали порядок, установленный Петром I, запретившим торговлю через Архангельск для поддержания Санкт-Петербурга. Купечество, как иностранное, так и русское, продолжало логистические практики, которые существовали в допетровский период. Им было удобнее сбывать смолу «у Города», как они называли Архангельск. С целью разрешения конфликта интересов было решено передать комиссию на откуп смолы и отпуск её за море иноземцу Еремею Мееру[11].

Четвёртая история связана с производством и отправкой за границу особым образом выделанной кожи, или юфти, как её называли в то время. В ноябре 1715 г. Пётр направил в Архангельск указ «о делании юфтеи», русской кожи, которая была востребована за рубежом[12]. Юфть бал направлена в Голландию, продана там, после чего в 1719 г. на четырёх судах в Архангельск было направлено серебро, уплаченное за неё потребителями. Шкиперы, перевозившие серебро, однако, по какой-то причине не отчитались перед отвечавшим за торговлю князем Б.И. Куракиным о выполнении своей миссии. По этой причине кабинет-секретарь А.В. Макаров потребовал от вице-губернатора П.Е. Лодыженского отчёт: «извольте меня уведомить с первою почтою, что то серебро принято ль и сходно ль против отпуску в весу явилось»[13].

Таким образом, очевидно, что внешняя торговля и отношения с купцами являлась основной заботой Петра Великого, по крайней мере в делах, связанных с Архангельском.

Кроме того, важно отметить и другие темы, которые прослеживаются в нескольких документах книги.

Это тема частного судостроения, которая отмечена в двух документах. Первый из них – указ от 28 декабря 1715 г. о запрете местным промышленникам ходить в море на судах старого типа, лодьях и кочах. Повелевалось: «Дабы они вместо тех судов делали морские суды галиоты гукары каты флейты, кто из них какие хочет»[14]. Государство, таким образом, предписывало нормы судостроения не только для того флота, который строило само (военного и торгового), но и для промыслового частного кораблестроения.

Второй указ, от 1 марта 1719 г., свидетельствует о консерватизме местного населения, которое, как видно из текста документа, било челом царю о том, что их заставляют ходить в море на «эверсах», которые, между прочим, в первом указе не упомянуты. Эверс – плоскодонное судно, для серьёзных морских походов его использовать было весьма рискованно. Пётр поручил Лодыженскому: «По получении сего обявите указ всем поморским жителям дабы они впредь для морского ходу делали галиоты, гукары, краеры; и эверсы делали толко для ходу малым морем от Соловков до города Архангелского и по реке Двине»[15]. Старые же суда велел вновь

[3] Там же. Л. 33, 35, 36.

[4] *Репин Н.Н.* Британские коммерсанты в России Петровского времени: Деятельность компании «Ральф Робинсон и Самуил Гартсайд» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/britanskie-kommersanty-v-rossii-petrovskogo-vremeni-deyatelnost-kompanii-ralf-robinson-samuil-gartsayd (дата обращения: 10.03.2022).

[5] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 52.

[6] Там же. Л. 53.

[7] Там же. Л. 54.

[8] Там же. Л. 65.

[9] Там же. Л. 61.

[10] Там же. Л. 76.

[11] Там же. 128–130 об.

[12] Там же. Л. 42.

[13] Там же. Л. 106.

[14] Там же. Л. 43.

[15] Там же. Л. 89.

перерегистрировать, и тщательно следить, чтобы вновь строились лишь новомонерные суда.

Другая тема – тема наказания отдельных лиц, направляемых в губернию, а также поимки этих лиц в случае бегства. Так, например, 16 апреля 1716 г. в губернию был направлен указ о розыске и задержании ключаря Прова, который должен был отбывать наказание в Соловецком монастыре, но каким-то образом оказался не только на свободе, но ещё и в услужении у одного из архиереев (то ли Холмогорского, то ли Вологодского)[16]. Как удалось выяснить, этот Пров был одним из тех представителей церкви, кто активно сопротивлялся изъятию церковных ценностей из Кремлёвского Успенского собора в период после поражения под Нарвой. По «словесному указу» царя, он был насильно пострижен в монахи и отправлен в пожизненную ссылку в Соловецкий монастырь. Свободу он получил лишь в 1727 г., уже при Екатерине I[17].

Так же показательна история с женой голландского купца Ивана (Яна) Любса, которой посвящены два документа: Именной указ царя Петра I комиссару Григорию Черевину и дьяку Фирсову о задержании жены Ивана Любса в Архангельске от 1 июля 1718 г. и такой же указ архангелогородскому вице-губернатору П.Е. Лодыженскому об отправке из Архангельска в Москву жены Ивана Любса от 10 апреля 1720 г.[18].

Любс был одним из представителей новой волны иностранного купечества, входил в доверенный круг лиц Петра I. К концу 1720-х гг. он оказался под подозрением в каких-то махинациях и, опасаясь следствия, около 1717 г., по другим данным в 1718 г., внезапно тайно выехал в Голландию, не вернув русской казне 80 тыс. руб. Тогда в России были задержаны его жена и четверо детей. Он просил Петра отпустить их в Голландию, уверяя царя в своей невиновности. Жена пыталась покинуть Россию через Архангельск, но её задержали и в 1720 г. отправили обратно в Москву[19].

Таким образом, мы можем сказать о значительном разнообразии тематики документов, входящих в рассматриваемый сборник. Повторимся, он включает не все документы того периода, которые сохранились в фондах областного архива, но лишь те, которые подписаны «высочайшей рукой», или же руками тех, имена которых наиболее ярко запечатлены на скрижалях отечественной истории. Многие из этих документов были уже, а иные и не раз, опубликованы благодарными потомками. Стоит упомянуть, хотя бы, сборник Александра Фёдоровича Шидловского[20] и хрестоматию «Архангельский Север в документах истории», выпущенную нашим архивом[21]. Однако всегда необходимо помнить о тех подлинных документах, который свидетельствуют о том внимании, которое уделял первый император нашему краю, и которые бережно хранят поколения архивистов Севера.

[16] Там же. Л. 44.

[17] *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2008. С. 206.

[18] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 77, 103.

[19] Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: библиографический справочник / сост. и отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 2007. С. 198–200.

[20] Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. [и с предисл.] А. Ф. Шидловского. Архангельск: Архангельская Губернская типография, 1909.

[21] Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года): хрестоматия / Сост.: ... В. А. Радишевская (отв. сост.) и др.; под общ. ред. [и с предисл.] А. А. Куратова. Архангельск, 2004.

А.Ю. Емелин

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Российский государственный архив Военно-Морского Флота на данный момент располагает более чем 370 выявленными автографами Петра Великого Сведения о них вошли в два перечня, увидевшие свет в 2002 и 2021 гг.[1]

В настоящее время часть указанных автографов Петра находится в составе фонда № 223 («Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета»).

Как ни парадоксально, на настоящий момент мы практически ничего не знаем о том, как и где хранились рукописи Петра Великого в XVIII – первой половине XIX в.

В зале Адмиралтейств-совета, который до событий 1917 г. находился во втором этаже здания Главного Адмиралтейства, на том углу, что находится ближе всего к Дворцовой площади, с неизвестных нам времён хранилось небольшое количество подлинных рукописей Петра Великого. Ещё в 1852 г. будущий историк флота Ф.Ф. Веселаго в первой своей книге писал: «В зале Адмиралтейств-совета до сих пор хранятся книги, драгоценные для каждого Русского моряка. Оне составлены из листов, на которых наш Великий кораблестроитель, посещая Адмиралтейство, писал свои беглые замечания, приказания, набрасывал пояснительный чертёж для обделки корабельного члена и т.п. В этих книгах, с этими мелочами, до последней степени техническими, осязательно выступает гениальный Пётр Михайлов, со своим глубоким, всеобъемлющим знанием и нечеловеческим трудолюбием»[2].

Из материалов архива известно, что в октябре 1854 г. генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, исполнявший должность управляющего Морским министерством вместо воевавшего в Крыму князя А.С. Меншикова, получил от государственного канцлера 21 рескрипт императрицы Екатерины II на имя адмирала В.Я. Чичагова за 1790–1796 гг. Константин Николаевич, любивший действовать нестандартно, не пошёл по лёгкому и естественному пути передачи документов в Архив Морского министерства. Он, вспомнив, очевидно, о рукописях Петра Великого, изволил приказать «хранить означенные рескрипты в приличном ящике в зале Адмиралтейств-совета с другими редкими бумагами, которые выбрать из Архива»[3]. Осталось – выбрать «редкие бумаги». Исполнять поручение было поручено коллежскому асессору Канцелярии Морского министерства А.Ф. Бурнашеву.

Из рапортов начальника Архива Морского министерства Г.Н. Трескина известно, что первоначально для хранения в указанном зале были отобраны семь разнородных дел, из которых два относились к петровской эпохе. Предлагалось так-

[1] *Мазур Т.П.* Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ. Каталог. СПб., 2002. 152 с.; Петровская эпоха в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота. СПб., 2021. 148 с., илл.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. С приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 46.

[3] РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 863. Л. 1.

же поместить в зале все высочайшие повеления, но для их хранения недоставало шкафов. Интереснее же всего то, что основного массива рукописей Петра в это время на хранении в архиве не было – они находились в библиотеке Гидрографического департамента Морского министерства! Конечно, когда об этом узнал великий князь, он отдал соответствующее распоряжение, и эти дела также переместились в зал Адмиралтейств-совета. Так была выбрана целая группа ценных документов, которые на время оказались вне архива (хотя историк Ф.Ф. Веселаго в 1877 г. и указывал, что дела в зале Адмиралтейств-совета составляют «как бы особое отделение архива»[4]). В известной степени отбор дел для зала Адмиралтейств-совета стал отдаленной предтечей отбора дел для Государственного реестра уникальных документов Российской Федерации.

С начала 1860-х гг. комиссией под руководством С.И. Елагина (а после его кончины в 1868 г. – Ф.Ф. Веселаго) велась работа по подбору материалов для написания истории флота, переросшая из написания истории в публикацию документов. В приложениях к его работе по истории Азовского флота и в первых четырёх томах «Материалов для истории русского флота» был помещён ряд документов, вышедших из-под пера или подписанных Петром Великим[5].

Вскоре рукописи Петра стали формальным поводом для начала чрезвычайно важных в истории нашего архива работ. В 1873 г. в Морское министерство за содействием обратились члены высочайше учрежденной комиссии для собирания собственноручных писем, указов и других бумаг Петра Великого, которые встретили затруднение в своих поисках рукописей Петра в Архиве Морского министерства. Для выявления автографов требовалось внимательнейшим образом отсмотреть большое количество дел петровской эпохи, многие из которых имели в своем составе до 1000 листов. Хотелось, чтобы поиск автографов принёс бы пользу как архиву, так и исследователям. И тут члены «Петровской комиссии» быстро нашли общий язык с начальником Архива Морского министерства В.Г. Чубинским и руководителем комиссии для составления истории русского флота Ф.Ф. Веселаго. В ноябре 1873 г. они подали совместную записку, в которой предложили подготовить и издать подокументную роспись наиболее ценных комплексов документов архива за XVIII в. Это предложение было одобрено управляющим министерством Н.К. Краббе, генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем, а 17 декабря – и императором Александром II. В предписании об учреждении специальной Комиссии «для разбора и описания дел архива за время до 1805 года, и, также, для издания составленных ею описаний», в частности, необходимость такой работы обосновывалась особенностями делопроизводства XVIII в.: «Главные затруднения в справках состоят в том, что до образования министерства дела не заводились отдельно по каждому предмету, но самые разнородные бумаги подшивались в одно дело. Таким образом, до сих пор ни Морское министерство, ни занимавшиеся в архиве ученые не имеют полных сведений о всех исторических материалах, находящихся в архиве, и весьма правдоподобно, что многие документы, относящиеся преимущественно к эпохе Петра Великого и Екатерины II, остаются доселе в совершенной неизвестности»[6].

За период с 1877 г. по 1906 г. было издано 10 томов «Описания дел Архива Морского министерства», содержащие подокументную роспись материалов из многих важнейших фондов XVIII в. – Царского шатра на Воронеже (Ф. 175), Приказа воинского морского флота (Ф. 177), Адмиралтейской канцелярии (Ф. 48), Государственной Адмиралтейств-коллегии (Ф. 212), Канцелярии генерал-адмирала Ф.М. Апраксина (Ф. 233), Канцелярии адмирала К.И. Крюйса (Ф. 234), Комитета образования флота (Ф. 148), Воинской морской комиссии (Ф. 146), Комиссии Российских флотов и Адмиралтейского правления (Ф. 147) и др. Часть подготовленных описаний осталась в рукописях.

Документы, хранившиеся в зале Адмиралтейств-совета, также были расписаны в «Описании…»: Т. I. С. 1–84 (СПб., 1877) и Т. IV. С. 1–23 (СПб., 1884). При этом собственно в архив данные материалы были переданы лишь в 1914 г.

Очередная волна интереса к рукописям Петра Великого была связана с предполагавшимся празднованием 200-летия Гангутского сражения. В 1913 г. для подготовки юбилея при Морском Генеральном штабе была создана особая комиссия. Трудами сотрудников архива под руководством его начальника А.И. Лебедева были подготовлены и в 1914–1918 гг. изданы четыре выпуска (в пяти томах) документов «Материалы для истории Гангутской операции»[7].

Трагические события 1917 г. и последовавшей гражданской войны привели к серьёзнейшим изменениям в работе архива, в т.ч. и направлений его деятельности. В предшествовавшие времена сотрудники архива не проводили экскурсий по хранимым ими сокровищам и не занимались выставочной деятельностью за отсутствием как свободных площадей, так, по большому счёту, и практики проведения документальных выставок.

В период гражданской войны получили развитие экскурсии по архиву, постепенно ставшие постоянным явлением – это объясняется, в частности, тем, что архив из ведомственного стал государственным, а потому включился в реализацию государственной политики по разностороннему просвещению населения. В документах архива сохранился список экскурсий, проведенных в 1-м отделе архива (Эпоха парусного флота), который находился в здании на территории острова Новая Голландия: за два месяца, с середины декабря 1921 г. по середину февраля 1922 г. – их было 15. При этом 11 групп (от 15 до 30 человек) состояли из краснофлотцев кораблей и учебных заведений для военных моряков, а также по одной группе – для Училища командного состава флота, Топографической, Кавалерийской, Артиллерийской технической и Второй военно-железнодорожной школ. 8 июня 1922 г. А.И. Лебедев провел экскурсию по помещению архива в Новой Голландии для примерно 40 слушателей курсов высшего комсостава Военной академии, а также прочитал для них лекцию о хранящихся в архиве документах[8]. Экскурсии всегда проводились двумя руководителями: одну пару составляли А.И. Лебедев и М.Ф. Князева, вторую – заместитель управляющего архивом Г.А. Князев и М.Н. Мурзанова[9]. Об одной из типичных экскурсий дают представление строки из отчета управляющего 2-м отделением III секции ЕГАФ (как тогда назывался архив) А.И. Лебедева за ноябрь 1921 г.: «В начале месяца I Отдел посетила группа учениц IV класса 2 ступени советской школы и осматривала старинные рукописи, преимущественно XVIII в. Особенное внимание было обращено на подлинные письма, чертежи и др. документы Петра Великого. Экскурсанты очень заинтересовались всем этим. Перед экскурсией помощником

[4] Описание дел Архива Морского министерства. Т. 1. СПб., 1877. С. IX.

[5] *Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 1–2. СПб., 1864; Материалы для истории русского флота. Вып. I–IV. СПб., 1865–1867.

[6] Описание дел Архива Морского министерства. Т. 1. СПб., 1877. С. IV; об издании «Описания…» см.: *Буслова Л.И.* Комиссия по описанию дел Архива Морского министерства 1873–1906 гг. // Цитадель. 1998. № 3(8). С. 62–67; *Буслова Л.И.* Ф.Ф. Веселаго как организатор работы Комиссии для разбора и описания дел Архива Морского министерства // «Строго держась источников…» К 200-летию со дня рождения историка русского флота Ф.Ф. Веселаго: сборник статей / отв. сост. к.и.н. А.Ю. Емелин, научн. ред. д.и.н. В.Г. Смирнов. СПб., 2017. С. 74–86.

[7] Подробнее об этой работе см.: *Спиридонова Л.И.* Деятельность комиссии по подготовке празднования 200-летнего юбилея Гангутского боя // Гангут. 1714: Документы и материалы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота. СПб.: Альфарет, 2014. Т. 1. С. 38–47.

[8] РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 439. Л. 26.

[9] Там же. Л. 10.

управляющего (Г.А. Князевым. – *А.Е.*) была прочтена вводная лекция, в которой сообщалось, что такое архив, для чего он существует, отличие его от библиотеки и музея и т.п. Осмотр архивных документов сопровождался подробными объяснениями и перешёл в оживленную беседу о важности сохранения старины и ценности её для истории. На экскурсантов особенно сильно подействовало то, что перед ними в осязаемых чертах – почерке, бумаге, печатях – воскресало далёкое прошлое, действительно бывшее, и, главное, перед ними вставал сам Пётр с его характерным почерком. Экскурсия продолжалась около двух часов. Образовательное и воспитательное значение таких экскурсий имеет очень большое значение»[10]. Хочется подчеркнуть – продолжительность экскурсий составляла два часа, в том числе зимой, в неотапливаемых помещениях.

Сотрудники архива, конечно, для удобства проведения экскурсий имели заранее подготовленные дела, как они говорили – «образцы архивного материала», и в 1920 г. устроили небольшую экспозицию, на которой были представлены такие образцы для удобства экскурсоводов.

В те же годы архив принял участие в ряде выставок, показав там некоторые свои документы, в том числе XVIII в. Одна из них прошла в Зимнем дворце в апреле 1919 г., её организовал Отдел народного образования. От Морского архива на ней были представлены 14 подлинных документов, а также несколько фотокопий петровских документов[11].

В июне-июле 1922 г. прошла первая выставка в стенах самого архива – к 250-летию Петра Великого[12]. Представленная подборка документов была замечательной. Там, в частности, присутствовали расписки «Петр Михайлова» за получение жалованья как корабельного «баса», записная тетрадь о закладке и спуске на воду судов на Олонецкой, Новоладожской, петербургских и др. верфях Северо-Запада в 1703–1718 гг., первоначальный план Главного Адмиралтейства с пометами Петра, сборники указов и резолюций царя, собственноручные технические рисунки государя с пояснениями к ним, письма Петра к его сподвижникам по различным вопросам, его инструкция вице-адмиралу Д. Вильстеру об отправлении на Мадагаскар и др. Конечно же, были представлены и документы о самых первых годах Архива Адмиралтейств-коллегии. В одной из трёх занятых под выставку комнат поместили целиком архивный фонд – сейчас это фонд 233 «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина». Несомненно, размещенные на полках 265 толстых дел в старинных обложках производили большое впечатление на посетителей, одновременно давая экскурсоводу возможность на их примере пояснить мысль, что делопроизводство XVIII в. строилось совершенно на других принципах, чем в веке XX-м. Документы фонда повествуют о широчайшем круге вопросов строительства верфей, флота, заводов, каналов, строительства Петербурга и Кронштадта, городов, крепостей и отдельных зданий, и, конечно, о боевых действиях в период Северной и русско-турецкой войн.

Выставка в известной мере стала итогом работы архивистов за более чем полвека, в течение которых были созданы 10 томов «Описаний дел Архива Морского министерства», а также так и не изданные рукописные описания документов ряда фондов XVIII века.

В последующие годы документы Петра I неоднократно экспонировались на выставках, в том числе приуроченной к 275-летию архива (1999 г.), демонстрировались гостям архива. Проект «Табеля о рангах» с резолюцией и подписью Петра экспонировался в 2018 г. в Москве на выставке «Сто раритетов российской государственности», посвящённой 100-летию государственной архивной службы.

[10] Там же. Д. 230. Л. 203 об.

[11] Там же. Д. 244. Л. 9–9 об.

[12] Подробнее о выставке см.: *Емелин А.Ю.* Выставка документов к 250-летию со дня рождения Петра Великого – первая в Военно-морском архиве (1922 г.) // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 17–24.

Активное изучение рукописей начала XVIII в. в нашем архиве связано с именем главного хранителя Т.П. Мазур. Она подготовила и в 2002 г. опубликовала каталог выявленных в РГАВМФ автографов Петра I – включая документы с различными пометами императора[13]. В 2003 г. вышла подготовленная Т.П. Мазур книга «К викториям готовя флот России. Письма Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу»[14] – в ней на русском и английском языках опубликованы полные тексты писем царя к Крюйсу.

В 2008 г. увидел свет обстоятельный перечень: «Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГАВМФ)»[15]. В книге были проаннотированы более семи тысяч документов из 10 архивных фондов, в т.ч. из фонда 234 – Канцелярия адмирала К. Крюйса.

Все три подготовленных Т.П. Мазур издания были напечатаны благодаря сотрудничеству Российского государственного архива Военно-Морского Флота с Нидерландско-Российским центром Университета города Гронингена (Нидерланды).

В преддверии 350-летия со дня рождения Петра Великого сотрудники архива подготовили ещё один аннотированный перечень: «Петровская эпоха в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота». В него включены описания более 700 документов, наиболее ярко отражающих события военной и морской истории к. XVII – н. XVIII вв. В него включены все ранее известные и отражённые в перечне Т.П. Мазур автографы Петра I, а также ряд вновь выявленных; именные указы и распоряжения Петра I по вопросам создания, организации и деятельности флота; материалы о строительстве военно-морских баз, верфей и заводов, застройке Санкт-Петербурга и Кронштадта; чертежи парусных и гребных судов; атласы, карты и планы городов и крепостей; материалы об участии флота в Северной войне, Азовских, Прутском и Персидском походах; документы, отражающие деятельность выдающихся современников Петра: Ф.М. Апраксина, А.В. Кикина, К. Крюйса, А.Д. Меншикова и других.

С 2003 г. в архиве ведётся работа по внесению наиболее значимых материалов в Государственный реестр уникальных документов Российской Федерации. Среди 24 включенных туда документов РГАВМФ есть ряд карт петровского времени, а также три документа с автографами Петра: проектный план Санкт-Петербургского Адмиралтейства с пометами царя (1704–1705 гг.), а также предварительные варианты таблицы и «пунктов» к «Табели о рангах» (февраль 1721 г.)[16].

Рукописи Петра I, его своеобразный, трудно читаемый почерк производят большое впечатление на экскурсантов, их в последние годы неоднократно показывали в различных сюжетах по телевидению. В воспоминаниях морского офицера П.Е. Стогова, в 1913 г. прикомандированного к исторической части Морского Генерального штаба, есть интересное свидетельство:

«Начальник архива старший лейтенант Лебедев вручил мне несколько связок бумаг из архива генерал-адмирала графа Апраксина и дал первый урок по разработке.

“Не впадайте в уныние, – сказал он мне, – это работа трудная; ну, да Вам не придется читать Петровских рукописей в подлиннике”.

“Разве это очень трудно?” – наивно спросил я.

[13] *Мазур Т.П.* Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ. Каталог. СПб., 2002. 152 с.

[14] К викториям готовя флот России. Письма Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу / автор-сост. Мазур Т.П. СПб., 2003. 176 с.

[15] Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГАВМФ) / атвор-сост. Мазур Т.П. СПб., 2008. 704 с.

[16] Подробнее см.: Уникальные документы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „Блиц“», 2018. 168 стр., илл.

Лебедев улыбнулся и ответил: “Нет, после трех, четырех лет усидчивой работы не очень трудно”»[17].

Самая же необычная экскурсия по архиву, сопровождавшаяся знакомством с рукописями Петра Великого, описана в «Отчете по 2-му отделению III секции Единого государственного Архивного фонда» за июль 1919 г. В разделе «Особые происшествия» сохранился рассказ о ночном обыске, который был произведён чекистами в помещениях и зданиях управления Петроградского военного порта в Новой Голландии, а также в расположенном по соседству одном из зданий архива:

«Были осмотрены канцелярские помещения и одно из хранилищ. Наиболее внимательному осмотру подверглись столы сотрудников.

В хранилище № 3 был вскрыт бронированный железный шкаф для хранения особо ценных документов, писем и бумаг Петра Великого, подлинных владенных документов морского ведомства и т.п. Удостоверившись, что в архиве оружие не хранится, один из производивших обыск попросил показать, как писал Петр Великий. Соответствующие документы были продемонстрированы, и обыск, таким образом, обратился неожиданно в научную ночную экскурсию с обозрением архивного материала»[18].

[17] *Стогов П.Е.* Воспоминания о Морском Генеральном штабе // С берегов Америки. Юбилейный исторический сборник Общества русских морских офицеров в Америке. 1923–1938. Ревель, 1939. С. 257.

[18] РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 78 об. –79.

О.А. Зотова

ШКАНЕЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ КОРАБЛЕЙ И СУДОВ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Шканечные[1] (с 1869 г. – вахтенные) журналы как интересный исторический источник, постоянно привлекающий внимание исследователей, редко становится объектом отдельного источниковедческого изучения. Об этом же говорят в своих исследованиях Аркадий Александрович Сопоцко[2] и Федор Юрьевич Ефремов[3]. В этой статье мы планируем обратить внимание на процесс формирования традиции ведения журналов на кораблях русского флота, ограничив наш анализ годами царствования Петра Великого.

13 января 1720 г. в Санкт-Петербурге был издан Морской устав «дабы всякой знал свою должность, и неведением никто б не отговаривался». Он предусматривал ведение на кораблях и при командующих флотами журналов, в которые заносились год кампании, фамилия и чин командира, скорость, курс, сила ветра, сведения о дате прибытия в порт и дате отплытия, события, произошедшие за время совершения похода и т.д. По окончании кампаний журналы было необходимо сдавать в Адмиралтейств-коллегию[4]. К сожалению, не всегда это правило соблюдалось. В 1800 г. историограф флота вице-адмирал Александр Семенович Шишков будет сетовать в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии: «сии журналы не все присылаются, а особливо от судов, плавающих на Черном и Каспийском морях, где оные в тамошних канторах остаются»[5].

С 1805 года шканечные журналы стали поступать в Адмиралтейский департамент, затем – в Гидрографический департамент, откуда в 1850 году были переданы в Архив Морского министерства. В дальнейшем журналы с кораблей сдавались в портовые архивы, из которых уже передавались в Архив Морского министерства (ныне – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ)). Разбор и описание материалов проводились по мере их поступления начиная с середины XIX века. Таким образом сформировался фонд № 870 – Вахтенные и шканечные журналы

[1] «Шканечный» от слова «шканцы» (то же, что квартердек) – часть верхней палубы между грот- и бизань-мачтами, откуда производилось управление судном, где обычно нес службу вахтенный офицер, устанавливались компас и штурвал.

[2] К вопросу о публикации вахтенных журналов (по материалам изданий XIX в.) / А. А. Сопоцко // Археографический ежегодник за 1977 г. – М., 1978. – С. 102–110.

[3] Балтийский флот в Русско-шведскую войну 1808–1809 гг. / Ф. Ю. Ефремов // Клио. – 2014. – № 9. – С. 84–94.

[4] Морской устав 1720 г. Книга 1. Глава 1 – О генерал-адмирале, и всяком аншефе командующем. П. 33: «По возвращении из кампании, должен подать в Коллегию адмиралтейскую протоколы и журналы, как свои, так и от командиров всех кораблей, дав им в том квитанции».

[5] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 1901. Л. 59.
Историограф флота вице-адмирал А.С. Шишков подготовил к изданию «Собрание морских журналов или ежедневных записок, содержащих в себе плавания флотов, эскадр и судов российских, начиная с 1797 года, то есть со времени вступления на престол его императорского величества государя императора Павла Петровича». - [СПб.]: типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1800, в 2-х частях.
22 февраля 1800 г. вице-адмирал А.С. Шишков представил Адмиралтейств-коллегии рапорт, в котором изложил свою точку зрения о практике ведения шканечных журналов на флоте и необходимых изменениях (РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 1901. Л. 59–64).

(коллекция), состоящий из 7 описей на 52267 единиц хранения[6]. Эти документы охватывают период с 1719 г. по 1918 г. Вахтенные и навигационные журналы кораблей и судов Советского Военно-Морского Флота вошли в состав фонда № Р-172 (коллекция под этим же названием содержит 9869 единиц хранения за период 1916–1941 гг).

Вахтенные журналы с 1941 г. хранятся в филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Архиве Военно-Морского Флота, г. Гатчина).

Шканечные и вахтенные журналы мы можем обнаружить и в других архивах. Как правило, это лишь часть какого-либо фонда. Часто встречаются выписки из вахтенных журналов.

В РГАВМФ в коллекции вахтенных и шканечных журналов к периоду царствования Петра Великого относится лишь 54 единицы хранения за 1719–1724 гг. (см. Приложение № 1). Бóльшая часть из них велась на кораблях, участвовавших в Северной войне (1700–1721 гг.).

Прежде чем перейти к описанию сохранившихся журналов интересно понять, что они должны были представлять собой, согласно Морскому уставу 1720 г. Любопытно, что ни разу в Уставе журнал не назван «шканечным», «корабельным» или «судовым». В официальных документах на протяжении всего XVIII столетия пока не удалось обнаружить термин «шканечный журнал». Но само словосочетание стало общепринятым на флоте.

В Морском уставе 1720 г. речь идет о нескольких журналах: журнал командира, журнал лейтенанта, журнал штурмана (допускались записки), журналы гардемаринов и корабельного секретаря.

В обязанность командиру корабля вменялось: «В путешествии, должен держать верный журнал своего курса, и в дальних плаваниях назначать на карте места, брать высоту, и смечать расстояние плаванное. Еще должен свидетельствовать всякого штурмана в смечании ходу корабельного, выслушать их доводы и выбрать лучшее. А в Балтийском или иных малых морях, мели и каменья ставить верно на карту, которых еще не знают. Также и течение штромов и вид берегов. И оный журнал, по возвращении из кампании, отдавать Аншефу командующему для подания в адмиралтейскую Коллегию»[7].

Лейтенант «повинен держать журнал пути корабельного, и иметь инструменты к тому пристойные…, а по возвращении из похода, должен показать оный журнал для освидетельствования определенным к тому»[8].

Штурман должен был «держать верный журнал, записывать курс, расстояние плаванное, дрейф корабля, разные случаи, прибавление и убавление ветров, и парусов, склонение компаса, течения моря и грунты… по возвращении из похода, он повинен предложить свой журнал капитану над штурманами для освидетельствования в консилии, который консилиум будут держать главные офицеры и профессор математический»[9].

Встает вопрос: с какими именно журналами мы имеем дело, изучая документы из коллекции шканечных журналов РГАВМФ периода до 1724 г. включительно? На этот вопрос мы уже ответили выше. В состав фонда № 870 вошли шканечные журналы, поступавшие в Адмиралтейств-коллегию. В Морском уставе 1720 г. указано, что

[6] Первая опись была издана уже в 1856 г. в Типографии Морского кадетского корпуса. Единицы хранения систематизированы в описи по хронологии, внутри года – по флотам и флотилиям (но принцип систематизации не везде выдержан). В заголовке указаны название и тип корабля, фамилия и чин командира, что не всегда соответствует сведениям, указанным в самом журнале. Часть описей составлена в советский период. В 1981 году для удобства работы с фондом был составлен указатель.

[7] Морской устав 1720 г., книга 3, глава 1 – «О капитане», п. 21.

[8] Там же, книга 3, глава 4 – «О лейтенанте», п. 12.

[9] Там же, книга 3, глава 12 – «О штурмане и подштурмане», п. 5 и 9.

в Адмиралтейств-коллегию передавали свои журналы флагманы и капитаны кораблей. Другой вопрос остается открытым: капитан вел этот журнал сам или поручал кому-либо? Сто лет спустя после того как увидел свет Морской устав Петра Великого капитан-командор Василий Михайлович Головнин в своей записке с предложением изменить порядок ведения шканечных журналов утверждал, что «шканечный журнал предоставлен в полную волю штурманов, они его пишут, поправляют, переписывают и прочее как хотят. Сие кажется произошло от ошибки, ибо полагали, что так называемый шканечный или корабельный журнал ведется на один только тот конец, чтоб по нем делать счисление пути корабля»[10].

В Морском уставе 1720 г. форма ведения этого важного судового документа прилагается к п. 21 главы 1 – «О капитане» («Пример как журнал держать»). Согласно этой форме в журнал должны были быть внесены следующие сведения: дата, день недели, час, скорость, направление ветра, описание событий.

День недели обозначался значком, символизирующим ту планету, которая ему покровительствует (воскресенье – солнце, понедельник – луна, вторник – Марс, среда – Меркурий, четверг – Юпитер, пятница – Венера, суббота – Сатурн). Значки были стандартными и условными, за исключением изображения солнца (воскресенье) – его ведущие журнала рисовали не просто как круг с точкой в центре, а «с душой». Солнце было прорисовано не только с лучами, но с глазами, носом и ртом, ему добавляли эмоции. Такой рисунок становился настоящим автографом того, кто заполнял журнал. Иногда луна – символ понедельника – также оживает на страницах шканечных журналов.

На каждой странице журнала в правой ее части должна была находиться так называемая «полуденная таблица»: румб или стрик, пройденное расстояние, ширина, длина, отход от меридиана первого, Север или Юг, Запад или Восток, «как какой берег, или остров, или иное приметное место показалось». Лишь некоторые журналы 1724 г. идентичны этой форме. Большинство шканечных журналов петровского периода заполнена по-разному, но содержит в себе необходимый минимум: дата, время, скорость, событие.

Полдень играет важную роль при работе со шканечным журналом как историческим источником. Необходимо помнить, что в русском флоте употреблялось так называемое «морское счисление времени», в котором сутки начинались с полдня предшествующего дня по гражданскому календарю. Таким образом, «морское счисление» опережало гражданский календарь на 12 часов, а астрономический – на целые сутки. Этот порядок отсчета суток был заимствован у английских моряков в начале XVIII в.[11] Когда в 1821 г. капитан-командор В.М. Головнин предложил «навести порядок» во времяисчислении на море и начинать день с полуночи, т.е. как в гражданском календаре, члены Кронштадтского общего собрания настояли на том, чтобы сохранить традицию. Аргументом стало то, что «опознавательные сигналы не могут быть с полуночи, ибо ночью делают опознания (между кораблями – прим. автора) вблизи, а чаще словесные», и если часы на кораблях не совпадают, то и журналы будут разниться, что для военного времени недопустимо[12]. В этом же документе сделано важное для нас дополнение: сутки на море начинаются в полдень только в шканечных журналах. Делая выписку из шканечного журнала, делопроизводитель

[10] РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 523. Л. 2, 8.

[11] История Штурманской службы флота России / Гл. ред. Е.Г. Бабинов; редкол.: С.В. Козлов, Г.И. Безбородов, Р.А. Зубков. – М., 2003. С. 22.

[12] РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 523. Л. 10.

был обязан «переводить» в гражданское времяисчисление. Капитан-командор В.М. Головнин указывал, что эти «переводы» часто приводили к ошибкам при наведении справок.

Многие шканечные журналы петровского периода написаны на иностранных языках. Например, все сохранившиеся журналы за 1720 г. составлены на английском языке. Встречаются также журналы на голландском, датском и французском языках. Журнал корабля «Выборг» за кампанию 1722 г. был составлен на иностранном языке, но мнение о состоянии корабля после завершения кампании записано на русском языке и подписано командиром – капитаном 3 ранга Иваном Кошелевым.

Практически все командиры рассматриваемых кораблей иностранцы. Исключение составляют упомянутый капитан 3 ранга Иван Кошелев (корабль «Выборг» 1722 г.), капитан 1 ранга Иоан Акимович Синявин (корабль «Фридемакер», 1721 г.), унтер-лейтенант князь Василий Урусов (корабль «Святой Андрей», 1721 г.), лейтенант Григорий Золотарев (шнява «Эорн», 1721 г.), Иван Щегловский (гукор «Первый капер», 1721 г.), капитан 3 ранга граф Николай Федорович Головин (корабль «Принц Евгений», 1723 г.), лейтенант Василий Шапкин (гукор «Кроншлот», 1723–1724 гг.), капитан 3 ранга Денис Спиридонович Калмыков (корабль «Святая Екатерина», 1724 г.), капитан-лейтенант Степан Лопухин (фрегат «Стор-Феникс», 1724 г.) и унтер-лейтенант Василий Андреевич Щепотев (фрегат «Кискен», 1724 г.).

Большинство журналов подписано командирами. В некоторых из них мы встречаем также автографы штурмана, подштурмана или штурманского ученика.

В качестве особенности некоторых журналов обратим внимание на дополнительные включения. В конце шканечного журнала корабля «Ревель» за 1721 г. вшит перечень необходимых медикаментов[13]. Журналы корабля «Святая Екатерина» и фрегата «Кискен» за 1724 г. объединены с клеркскими протоколами, которые чаще всего представляли собой отдельные книги, содержащие входящие распоряжения из вышестоящих инстанций, исходящие донесения командиров и сведения о судебных делах. Фактически они были судовыми журналами входящих и исходящих документов, в них мы можем встретить изображение диспозиции кораблей и судов. В РГАВМФ есть отдельный фонд № 225 – Клеркские протоколы и журналы канцелярий флагманов (коллекция) – 2968 ед. хр. за 1723–1837 гг. Историограф флота вице-адмирал А.С. Шишков в 1800 г. настаивал на том, что флагманы и командиры должны представлять не только шканечные журналы, но и все входящие и исходящие документы за период кампании[14].

Невозможно будет здесь рассказать о содержании каждого шканечного журнала петровского периода. Их информативность зависит от того человека, которому было поручено ведение того или иного журнала. И не только от должности, которую он занимал на корабле, но и его возможностей и собственного отношения к поставленной перед ним задаче.

Во всех журналах рассматриваемого периода мы встречаем сведения о погоде, направлении и силе ветра: «NOtO облачно с небольшим сиянием»[15]. Записи делались не каждый час. Иногда два-три раза в сутки. Встречаются журналы, которые не имеют почасового деления и заполнялись один раз в день. Исходя из этого мы сразу разделим их на два вида: почасовые и подневные.

[13] Там же. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 43–44.

[14] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 1901. Л. 59 об.

[15] Запись в шканечном журнале корабля «Ингерманланд» за 17 июля 1721 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 6 а. Л. 36 об.

Далеко не всегда, но мы можем из журналов получить информацию об измерении глубин и пробе грунта: «метали лот глубина 30 сажен грунт песочный», «метали лот земли не достали», «метали лот глубина 60 сажен грунт ил» и т.д.[16]

Особое место занимает работа с парусами, их состояние. Эти сведения дополняют информацию о силе ветра: «погода хорошая… подняли якорь и стали лавировать под парусами», «средний ветер… у марселей взяли по одному рефу[17]»[18], «чинили грот»[19], «сушили мы на фрегате верхние и нижние паруса»[20].

Наше внимание обращают на себя записи о передвижениях других кораблей и судов, действиях на них. В журнале было необходимо фиксировать тип, название, флаг и направление проходящего мимо корабля: «пошел торговый галет в питербурх под брандабурхским флагом», «пришла опять шнява под галандским флагом»[21]. Часто указывается только тип корабля, флаг не удавалось рассмотреть. Внимательно следили за действиями на флагманском корабле, отмечали работу с парусами и подачу сигналов. Очень часто фиксировали только сам факт сигнала, но не записывали его. Редкое исключение – запись в шканечном журнале корабля «Москва» за 13 июня 1724 г.: «На корабле “Леферм” был сигнал … флаг синий с желтым овалом с выстрелом из пушки у нас на корабле чинили тоже»[22]. Пальбу из орудий отмечали не только на других кораблях и судах, но и в крепостях.

В шканечных журналах также можем встретить сведения о передвижениях людей. Обязательно фиксировали действия государя. «В 12-м часу его величество делал сигнал к походу» – так записано в журнале корабля «Гангут» за 16 июня 1719 г.[23] Этот корабль был спущен 28 апреля 1719 г. и вошел в состав Балтийского флота, принял участие в Северной войне (1700–1721 гг.). Сохранился его первый шканечный журнал под названием «Журнал или примечание вседневное», где каждая страница начинается со слов – «Примечание случаев в пути Его Величества на корабле Гангуд».

Отдельного исследования заслуживает шканечный журнал фрегата «Амстердам-Галей», который в августе 1723 г. прибыл в Копенгаген. Коротко описаны взаимодействия со шведами и датчанами: «У нас на фрегате были наш российский резидент господин Бестужев[24], также шведский резидент»[25]. Встречаются следующие интересные записи: «из Копенгагена прибыл [на] наш фрегат российский человек, который служил в дацкой нации в солдатах Ерофей Давыдов сын Давыдов»[26], «Прибыл на фрегат из Копенгагена российский человек, который был в дацкой нации в службе в солдатах Иван Иванович Иванов»[27]. Упоминается несколько служивших в датской армии и взошедших на борт фрегата для возвращения в Россию, но без каких-либо подробностей.

Мы редко встречаем имена нижних чинов в шканечных журналах. Обычно отмечали количество человек, отправленных на работы в адмиралтейство или для

[16] Записи в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 4 и 5 сентября 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 25–25 об.

[17] Реф, рев (сейчас – риф): Взять рифы – уменьшить площадь паруса, свертывая его снизу и подвязывая свернутую часть риф-штертами у косых и шлюпочных парусов или подбирая парус кверху и прихватывая его риф-сезнями к лееру на рее у прямых парусов. Является основной мерой безопасности в ненастную погоду.

[18] Записи в шканечном журнале корабля «Рандольф» за 8 и 9 июля 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 14 об. – 15.

[19] Запись в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 17 августа 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 18 об.

[20] Запись в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 20 августа 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 19.

[21] Запись в шканечном журнале корабля «Астрахань» за 25 июня 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 20.

[22] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 17.

[23] Там же. Ед. хр. 1. Л. 3.

[24] Речь идет о будущем канцлере Российской империи графе Алексее Петровиче Бестужеве (1693–1768 гг.).

[25] Запись в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 16 августа 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 18.

[26] Запись в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 20 августа 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 19.

[27] Запись в шканечном журнале фрегата «Амстердам-Галей» за 25 августа 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 20 об.

лечения в госпиталь, переведенных с одного корабля на другой: «привели к нам с корабля Девоншир солдат 6 человек, матросов 3 человека»[28]. Поэтому привлекает наше внимание следующая запись в журнале корабля «Астрахань» за 25 июня 1723 г.: «пошел бот на берег, а на нем повезли больных, пива 33 ведра, да канонира Дмитрия Антипова больного для лечения да провианта ему дано на неделю»[29].

При подведении итогов мы не будем вступать в спор о том, можно ли доверять судовым журналам как историческим источникам. Любой исторический источник должен подвергаться критическому анализу. Шканечные и вахтенные журналы в целом требуют не только особого подхода, но и умения разбираться в значениях узкотехнических и устаревших морских и военно-морских терминов. Что же касается журналов петровского периода, то они требуют от исследователя свободной ориентации в терминологии того времени, а зачастую и больших лингвистических познаний. Не так важно, насколько единообразны или нет дошедшие до наших дней журналы, гораздо важнее, что они несут в себе такую информацию, которая в иных сохранившихся документах может не содержаться. Очевидно то, что их изучение может не только дополнить исследование, эти документы могут стать его началом или поставить необходимую точку над «i».

Приложение № 1

Краткие сведения о хранящихся в РГАВМФ шканечных журналах периода 1719–1724 гг.

Название корабля/судна	Год кампании	Шифр
«Амстердам-Галей», фрегат	1723 г.	Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 39
«Армонт» («Ормонд»), корабль	1720 г.	Там же. Ед. хр. 2
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 45
«Арондель», корабль	1722 г.	Там же. Ед. хр. 33
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 47
«Астрахань», корабль	1723 г.	Там же. Ед. хр. 35
«Вахмейстер», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 18
«Выборг», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 11
	1722 г.	Там же. Ед. хр. 32
«Гангут», корабль	1719 г.	Там же. Ед. хр. 1
«Дондер», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 25
«Ингерманланд», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 6 а
«Карлскронвапен» («Карлус Крон Вапен»), фрегат	1723 г.	Там же. Ед. хр. 38
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 51
«Кискен», фрегат	1724 г.	Там же. Ед. хр. 52
«Кроншлот», гукор	1720 г.	Там же. Ед. хр. 5
	1721 г.	Там же. Ед. хр. 29
	1723 г.	Там же. Ед. хр. 41
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 53 а, 53 б
«Лесной», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 16, 17
«Марльбург», корабль	1723 г.	Там же. Ед. хр. 37
«Москва», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 26
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 44
«Наталия», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 24
«Нептунус», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 19
	1723 г.	Там же. Ед. хр. 37
«Пантелеймон-Виктория», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 15
«Первый капер», гукор	1721 г.	Там же. Ед. хр. 31
«Перл», корабль	1724 г.	Там же. Ед. хр. 49
«Полтава», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 20
«Принц Евгений», корабль	1723 г.	Там же. Ед. хр. 34
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 46
«Рандольф», корабль	1720 г.	Там же. Ед. хр. 3
	1723 г.	Там же. Ед. хр. 36
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 43
«Рафаил», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 10
«Ревель», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 8
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 48
«Самсон», фрегат	1723 г.	Там же. Ед. хр. 40
«Святая Екатерина», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 7
	1724 г.	Там же. Ед. хр. 42
«Святой Андрей», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 22
«Святой Иаков», фрегат	1721 г.	Там же. Ед. хр. 28
«Святой Петр», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 21
«Северный Орел», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 14
«Стор-Феникс», фрегат	1724 г.	Там же. Ед. хр. 50
«Эорн» («Эйнгорн»), шнява	1721 г.	Там же. Ед. хр. 30
«Эсперанс», фрегат	1720 г.	Там же. Ед. хр. 4
«Феникс», фрегат	1721 г.	Там же. Ед. хр. 27
«Фридемакер» («Frede Macker»), корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 9
«Фридрихштадт», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 12
«Шлиссельбург», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 13
«Юпитер», корабль	1721 г.	Там же. Ед. хр. 23

[28] Запись в шканечном журнале корабля «Астрахань» за 26 июня 1723 г. – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 20.

[29] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 19 об.

Н.Ю. Бахарева

БАТАЛИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖИВОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Победы в Северной войне стали основными темами зарождающейся в начале XVIII века русской батальной живописи. Сначала такие полотна заказывались иностранным художникам. Затем, ориентируясь на европейские образцы, подобные произведения стали создавать российские мастера. Тема великих сражений Петровской эпохи оставалась актуальной на протяжении двух столетий. Императорские резиденции, частные особняки, различные учреждения украшали изображения викторий при Лесной, Полтаве и других битв. Это были не только авторские композиции, но и копии с известных картин начала XVIII столетия.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся живописные полотна, отражающие различные этапы в истории увековечивания памяти о легендарных победах Северной войны.

Одну из групп составляют произведения петровского времени. Среди них, в первую очередь, должна быть названа монументальная картина работы Луи Каравака «Полтавское сражение»[1]. (ил. 1) Полотно было создано по повелению Петра I, полученному художником в мае 1717 г. История его бытования сложна, поскольку его часто перемещали из одного дворца в другой. Первоначально оно находилось на стене парадной лестницы Большого Петергофского дворца. Здесь его увидел входивший в свиту герцога Голштинского Карла-Фридриха камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц. Он записал в своем дневнике: «Из числа многих картин в доме помещена над крыльцом одна очень большая, представляющая сражение, в котором русские разбивают и обращают в бегство шведов. Лошадь, на которой сидит царь, слишком красна; впрочем, сделана недурно; сам же царь написан превосходно и чрезвычайно похож. Можно узнать также князя Меншикова и многих других генералов»[2]. С 1754 г. полотно хранилось в мастерской Каравака, затем в кладовой Зимнего дворца, позже – Императорского Эрмитажа. В 1826 г. Николай I распорядился повесить «баталию» в Арабесковую комнату Зимнего дворца, располагавшуюся на месте нынешнего Петровского тронного зала. Но уже в 1853 г. ее передали в Оружейную палату, где сначала она значилась произведением неизвестного художника, а к началу XX века - работой Ж.-М. Натье[3]. С таким авторством картина после 1917 г. поступила в Государственную Третьяковскую галерею, а в 1946 г. – в Государственный Эрмитаж. Атрибуция ее Л. Караваку принадлежит А.В. Помарнацкому[4].

Масштабное полотно является одним из наиболее ранних образцов батальной живописи, созданных в России и исполненных в европейской традиции. Композиция, подобно театральной сцене, разделена на несколько планов, представляющих панораму местности и кульминационный момент битвы. На переднем плане в окружении свиты запечатлен устремляющийся в гущу сражения Петр I. Находясь в России, Каравак имел возможность для большей документальной точности воспользоваться свидетельствами современников, образцами оружия и обмундирования, другими материалами. С.А. Летин отмечал, что запечатленные на полотне мундиры соответствуют периоду его написания, а не временем сражения[5]. Что же касается изображений участников битвы, в первую очередь Петра I, добиться отмеченного Берхгольцем сходства живописцу явно не составляло особого труда. Ведь он создал много портретов монарха.

Ил. 1. Луи Каравак. Полтавская баталия. 1718. Государственный Эрмитаж

Особое место в деятельности Л. Каравака в России занимали работы для Петербургской шпалерной мануфактуры. В 1717 г. из Парижа Петр I писал А.Д. Меншикову о необходимости снабдить мастеров мануфактуры историческими картинами. «Живописца француза Каравака, – писал царь, також заставьте писать для той шпалерной работы исторические картины, ибо он договором своим именно обязался писать всякие истории, и для того велите ему ныне писать баталии Полтавскую и Левенгауптскую и прочие и придайте ему учеников»[6]. Приведенная цитата позволяет предполагать, что эрмитажная картина первоначально задумывалась, как композиция для шпалеры. По крайней мере, создавалась она в тот же период, когда живописец работал над картонами.

«Полтавское сражение» Каравака на протяжении многих лет находится в постоянной экспозиции Эрмитажа, неоднократно воспроизводилось в статьях и каталогах выставок. Другое батальное полотно, «Акция под Добрым»[7], из-за плохого состояния сохранности ранее никогда не публиковалось и лишь в начале 2022 года

[1] *Каравак Д.* Полтавское сражение. Холст, масло. 281 х 487 см. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-1913.

[2] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 189.

[3] *Помарнацкий А.* Картина Л. Каравака «Полтавское сражение» // СГЭ. Л., 1960. Вып.19. С. 7–9.

[4] Там же. С. 7–10.

[5] От войны к миру. Россия – Швеция. XVIII век. Каталог Выставки / Государственный Эрмитаж. Вып. 2. Военные противостояния. СПб., 1999. С. 59.

[6] Цит. по: *Мезин С.* Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 181.

[7] Неизвестный художник. Акция под Добрым. Начало XVIII в. Холст; масло. 160х168 см. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-2718.

Ил. 2. Неизвестный художник. Акция под Добрым. Начало XVIII в. Государственный Эрмитаж

впервые было выставлено в одном из музейных залов. (ил. 2) Это стало возможным после завершения реставрации, выполненной на кафедре реставрации Академии Художеств им. И.Е. Репина.

Сюжетом картины послужила не столь известная битва Северной войны, состоявшаяся 30 августа (10 сентября) 1708 г. недалеко от Могилева. Ранним утром под прикрытием тумана пехотные отряды под командованием генерал-майора князя М.М. Голицына, переправившись через реки Белую и Черную Напы (Натопы), неожиданно напали на колонну генерала К.Г. Росса, расположившуюся на ночлег в отдалении от основных сил Карла XII. Возглавляемая генерал-лейтенантом Г.К. Флугом русская кавалерия из-за болотистой местности пришла на поле боя с опозданием. Это спасло шведов от полного разгрома. Прибытие подкрепления, направленного из основного лагеря шведского короля, заставило Голицына отказаться от дальнейшего преследования противника[8]. Относительно значения данной битвы в истории Северной войны историк Б.В. Мегорский отмечает: «Доброе по размаху действий

[8] *Мегорский Б.В.* Бой при Добром 1708 г.: новые источники / Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. СПб., 2017. Ч. III. С. 202–217.

и по достигнутому результату, а главное – по сравнению с последовавшими вскоре драматичными событиями конца 1708 – первой половины 1709 г., в ряду памятных дат петровской военной истории относится к событиям отнюдь не первого уровня»[9]. Битва не сыграла какой-либо значительной роли в ходе военных действий, но стала одной из первых удачных атак на шведскую армию, возглавляемую самим Карлом XII.

За сражением наблюдал Петр I. Он писал Екатерине I: «мы вчерашнего утра резервувались и на правое крыло караля шведского с осмью баталионами напали, и по двочасном огню оного с помошшию божиею с поля збили, знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал; аднакож сей танец вчах (в очах – *Н.Б.*) горячего Карлуса изрядно стонцовали; аднакож болше всех попотел наш полк»[10]. Еще ярче передает впечатления царя его письмо к Ф.М. Апраксину: «Я как и почал служить, такова огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал [дай Боже впредь так]. И такова в сей войне король Швецкой ни от кого сам не видал. Боже не отыми милость свою от нас впредь»[11]. По мнению Б.В. Мегорского, «произведенное впечатление объясняется тем, что царь за восемь лет войны не имел возможности наблюдать крупное полевое сражение. При осадах и штурмах он присутствовал неоднократно; был даже в бою на лодках. Но полевых столкновений русской и шведской пехоты было немного, и Доброе стало первым, в котором Петр был если не непосредственным участником, то очевидцем. Лесной и Полтавы в послужном списке царя-полководца на тот момент еще не было»[12].

Картина построена по классической схеме: на втором плане представлены в клубах дыма пешие русские и шведские войска, отдельные группы сражающихся, а на первом плане – группа всадников, среди которых, предположительно, изображены Петр I, Г.К. Флуг, А.Д. Меншиков. Центральная фигура, по всей видимости, должна быть идентифицирована, как возглавлявший русское войско М.М. Голицын. Шведские и российские знамена обозначают местоположение противников. В верхней части композиции помещена бандероль с надписью: «Акція подъ Добрымъ». Сражение передано весьма условно. Возможно, художник использовал в качестве основы какое-либо европейское батальное полотно или гравюру, «приспосабливая» их под конкретный сюжет.

Интересно сравнить эту композицию с другим изображением той же битвы. В собрании Эрмитажа находятся бронзовые медальоны, посвященные баталиям Северной войны, созданные в Токарне Петра I мастером А.К. Нартовым по рисункам Б.К. Растрелли. Среди них имеется барельеф с надписью: «У ПЕТРА ПОДЪ ДОБРЫМЪ НЕ БЕЗЪ ДОБРЫЯ ПОБЪДЫ»[13]. На нем представлена сцена, более точно отражающая ход события. На первом плане показаны русские войска, переправляющиеся в пешем строю через реку. Некоторые солдаты увязли в болоте. Один из них пытается выбраться, ухватившись за ветку дерева, другой протягивает руку к поясу идущего рядом воина. Но, в отличие от замысла Растрелли, для автора живописного произведения важнее было, по-видимому, создать эпическое полотно, чем в подробностях отражать жанровые детали события.

Изображения сражения при Добром крайне редки[14]. Эрмитажная картина явля-

[9] *Мегорский Б.В.* Ук. соч. С. 202.

[10] Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. С. 7.

[11] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. М.; Л., 1948. С. 111.

[12] *Мегорский Б.В.* Ук. соч. С. 203.

[13] Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРТх-577; ЭРТх-2066.

[14] Кроме указанной эрмитажной картины и бронзового медальона, весьма условное изображение битвы Добром встречается на гравюре П. Пикарта «Апофеоз воинской славы Петра (Петр I в родословии)» 1717 года, где фигура царя помещена на постаменте, ступени которой украшены батальными сценами.

Ил. 3. Неизвестный художник. Петр I на фоне сражения. XVIII в. Государственный Эрмитаж

Ил. 4. Фредерик Люце. Битва при Лесной. 1831 – 1832 гг. Государственный Эрмитаж

ется единственным известным на сегодняшний день живописным произведением, посвященным данному историческому эпизоду. И одной из немногих сохранившихся «баталий», созданных в России в первой четверти XVIII столетия. По всей видимости, она является работой русского мастера, осваивающего сложившуюся в Европе традицию «парадных» полотен, прославляющих военные победы. Пока остается неизвестным, кто был заказчиком полотна и где оно размещалось ранее. Некоторые предположения можно высказать, сравнив картину с другим произведением, посвященным Северной войне. В собрании ГМЗ «Петергоф» находится полотно работы неизвестного художника, ранее приписывавшееся И. Никитину. На нем изо-

бражена Полтавская баталия[15]. Картина с конца XVIII в. входила в историческую коллекцию Петергофа, но ее ранняя история бытования остается неизвестной[16]. Хотя эрмитажное и петергофское полотна явно исполнены разными художниками, они имеют близкие композиции и размеры, идентичные бандероли с надписями, обозначающими сражения. Обе картины вполне вероятно являлись частями единого живописного ансамбля, прославляющего победы в Северной войне, и предназначавшегося для одного из петербургских дворцов или государственных учреждений. В качестве рабочей версии можно предположить, что их писали для построенной в Летнем саду в 1725 г. по проекту М.Г. Земцова «Залы для славных торжествований», которую предполагали оформить живописными «баталиями».

Еще одна картина XVIII века, связанная с событиями Северной войны, изображает Петра I на фоне сражения[17]. (ил. 3) В основе ее лежит гравюра. В 1707 г. П. Пикарт создал парные гравированные конные портреты Петра I и А.Д. Меншикова. На втором плане он представил батальные сцены, иллюстрирующие взятие в 1704 г. Нарвы и Ивангорода[18]. В 1721 г. А. Зубов переработал доску с портретом Петра, изменив изображение лица и надписи, при этом сражение на заднем плане осталось прежним. Именно такой, более поздний оттиск и послужил образцом для неизвестного живописца. Довольно примитивный характер исполнения картины явно объясняется не только мало профессиональным уровнем художника, но и его стремлением строго следовать гравированному оригиналу.

Созданные в первой четверти XVIII в. западноевропейскими и русскими мастерами гравюры и картины, посвященные Северной войне, оставались чрезвычайно популярными и в XIX столетии. Это подтверждают и исполненные с них по заказам императорской фамилии копии, предназначавшиеся для украшения интерьеров Зимнего дворца и для мемориального собрания «Галерея Петра Великого». Они составляют вторую группу хранящихся в Эрмитаже картин, прославляющих петровские военные победы.

В 1717 году, находясь в Париже, Петр I заказал живописцу П.-Д. Мартену Младшему ряд произведений, призванных увековечить память о самых значительных сражениях Северной войны. До настоящего времени сохранились лишь четыре исполненных художником для русского царя полотна. Среди них – хранящиеся в ГМЗ «Царское Село» картины «Полтавская баталия» и «Битва при Лесной»[19]. В коллекции Государственного Эрмитажа находится живописное полотно «Битва при Лесной»[20], которое в течение долгого времени также приписывалось П.-Д. Мартену Младшему. (ил. 4) Изучение архивных документов позволило уточнить его атрибуцию[21].

В 1829 г. с двух царскосельских картин П.-Д. Мартена Младшего были сделаны копии, предназначавшиеся для Николая I. Работу поручили художнику Больмсу, который, однако, вскоре скончался. Умирая, он завещал живописцу Фредерику Люце закончить начатое им полотно «Полтавская баталия» и написать «Битву при Лесной». Выполняя волю своего товарища, Люце завершил «Полтаву», а в 1831–1832 гг. занимался копированием «Лесной». Обе картины поместили в Кабинете-

[15] Неизвестный художник. Полтавская баталия. Холст, масло. 154 х 169 см. ГМЗ «Петергоф» Инв. № ПДМП 629-ж.

[16] Сведения были любезно предоставлены хранителем живописи ГМЗ «Петергоф» О.Е. Каяндер.

[17] Неизвестный художник. Петр I на фоне сражения. Россия. XVIII в. Холст; масло. 67,7 ч 124 см. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-2214

[18] *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1887. Стб. 1274–1275. № 15; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб., 1888. Стб. 1625. № 313

[19] «Битва при Полтаве». Холст, масло. 100 х 196 см, ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-95-Х; «Битва при Лесной». Холст, масло. 103 х 191 см, ГМЗ «Царское Село», Инв. № ЕД-77-Х

[20] *Люце Ф.* «Битва при Лесной». Холст, масло. 100 х 200,5 см. Инв. Государственный Эрмитаж. № ГЭ-4181.

[21] *Бахарева Н.Ю.* К истории копирования в XIX в. картин П.-Д. Мартена Младшего «Полтавская баталия» и «Битва при Лесной» // Россия – Франция. Alliance культур. Сборник научных статей XXII Царскосельской конференции. Ч. 1. СПБ., 2016. С. 65–73.

опочивальне императора в Зимнем дворце. В 1857 г. по повелению Александра II их перенесли в Аполлонов зал Зимнего дворца. Картина «Битва при Лесной» в 1929 г. была передана в «Антиквариат», а оттуда в 1931 г. поступила в Государственный Эрмитаж, где находится и сегодня. Местонахождение полотна «Полтавская баталия» остается неизвестным.

Больмс и Люце неоднократно копировали петровские «баталии» по заказам Николая I[22]. Возможно, именно одним из этих живописцев создана хранящаяся в Эрмитаже копия с другой картины, исполненной в 1717 г. в Париже по заказу Петра I. Автором оригинала, хранящегося теперь в ГМИИ им. А.С. Пушкина, является французский художник Жан-Марк Натье. В настоящее время картина носит название «Битва при Лесной», однако, ранее считалось, что художник запечатлел Полтавскую баталию[23]. Полотно Натье до 1919 г. находилось в родовой усадьбе графов Паниных Дугино Смоленской губернии, перешедшей по наследству к князьям Мещерским[24]. В Музее-усадьбе «Останкино» имеется исполненная с этого произведения копия XIX в.[25] О существовании другой копии, хранящейся в Эрмитаже и также датированной XIX столетием, ранее исследователям не было известно (ил. 5)[26]. Ее изучению и публикации препятствовало плохое состояние сохранности, из-за которого значительную часть изображения скрывала старая профилактическая заклейка. Раскрытие живописи, укрепление красочного слоя, исполненные специалистами Академии Художеств им. И.Е. Репина, дают возможность ввести это произведение в научный оборот.

Живописная копия происходит из собрания «Галерея Петра Великого», которое было сформировано в 1848–1849 гг. по воле Николая I и размещалось в одной из галерей Малого Эрмитажа. Основу экспозиции составляли предметы из мемориальной коллекции «Кабинет Петра Великого». Их дополнили многочисленные произведения, привезенные из других императорских дворцов, частных собраний и учреждений, а также заказанные императором копии с картин, посвященных Петровской эпохе. Ранняя история бытования картины «Битва при Лесной» пока остается неизвестной. Возможно, она писалась для личных комнат Николая I, а позже ее передали в Галерею. Или копия создавалась специально для мемориального петровского зала. Для уточнения ее атрибуции и истории бытования требуются дальнейшие архивные изыскания.

Еще одним примером обращения к более ранним композициям, посвященным Северной войне, являются живописные вставки «Полтавская баталия» и «Битва при Лесной», размещенные в люнетах Петровского Тронного зала Зимнего дворца. (ил. 6) Интерьер был создан в 1833 г. по проекту архитектора О.Р. Монферрана. Батальные композиции исполнили художники Б. Медичи и П. Скотти. При восстановлении убранства императорской резиденции после разрушительного пожара 1837 г., живопись Петровского зала воссоздал Б. Медичи.

Как удалось установить, образцом для «Полтавской баталии» послужил хранящийся ныне в Государственном историческом музее эскиз В.К. Шебуева. Художник создал его в 1799–1800 гг. по заказу Павла I, желавшего украсить один из парадных залов Михайловского замка большеформатными историческими полотнами[27].

[22] Там же.

[23] ГМИИ им. А.С. Пушкина. Французская живопись XVI – первой половины XIX века. Каталог. Автор каталога и вст.ст. Т.А. Кузнецова. М., 1982. С.161–162.

[24] *Натье Ж.-М.* Битва при Лесной. Холст, масло. 90 х 112 см. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Инв. № 1035.

[25] Неизвестный художник. Битва при Лесной. Холст, масло. 92 х 116 см. Музей-усадьба «Останкино», Инв. № Ж-93.

[26] Неизвестный художник. Битва при Лесной. Холст, масло. 93,5 х 116,5 см. Государсвенный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-1608

[27] *Бахарева Н.Ю.* К истории создания картины В.К. Шебуева “Петр I в Полтавском сражении” // ТГЭ. Т. 109: Петровское время в лицах – 2021: материалы научной конференции. СПб., 2021. С. 71–82.

Ил. 5. Неизвестный художник. Битва при Лесной. XIX в. Государственный Эрмитаж

Эскиз хранился у художника, а масштабная батальная картина, где главным героем был, конечно же Петр I, размещалась сначала в предтронном Воскресенском зале замка, а с начала XIX в. – в Императорской Академии художеств. Шебуев, получивший в 1823 г. звание «придворного живописца с определением к Эрмитажу», вполне мог принимать участие в разработке программы художественного убранства зала и предоставить Скотти и Медичи свой эскиз.

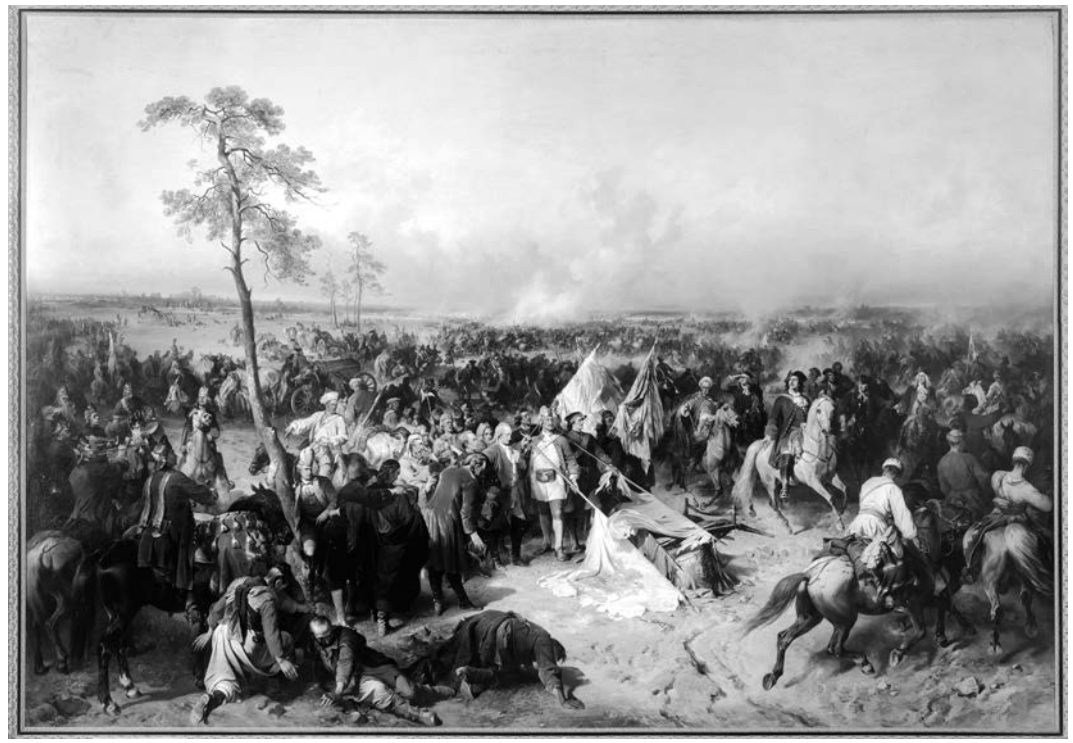
В XIX в. живописцы не ограничивались лишь повторением известных батальных композиций предшествующего столетия. Третью группу хранящихся в Эрмитаже полотен на сюжеты Северной войны составляют три большеформатные картины А.Е. Коцебу[28]. В XIX в. эти полотна находились в одном из залов Зимнего дворца. Коцебу по-своему трактовал сюжеты военной истории Петровского времени. В отличие от художников XVIII в., он изображал не кульминационные моменты сражений, а триумфальное завершение битв.

Начало живописной серии было положено картиной «Полтавская баталия»[29], которая в 1864 г. демонстрировалась на Всемирной выставке в Париже. (ил. 7) Художник представил финальную сцену легендарного сражения. Победа одержана, к ногам Петра слагаются шведские знамена и другие трофеи, рядом стоят склоняющиеся перед русским царем пленные. Второй план занимает сцена преследования

[28] «Совершенная виктория»: к 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. – СПб., 2009. С. 41; *Гудыменко Ю.Ю.* Русская живопись XIX века: каталог коллекции / Государственный Эрмитаж. СПб., 2017. С. 215–221.

[29] *Коцебу А.Е.* Полтавская победа 27 июня 1709 года. Холст, масло. 390 х 570 см. Государсвенный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-2695.

Ил. 6. Б. Медичи. Полтавская баталия. Битва при Лесной. Живопись в люнетах Петровского Тронного зала Зимнего дворца. 1833 г., воссоздана в 1837 г. Государственный Эрмитаж



Ил. 7. А.Е. Коцебу. Полтавская победа 27 июня 1709 года. 1864 г. Государственный Эрмитаж

убегающего противника. Художник использовал при создании произведения подлинные исторические предметы, что позволило ему документально точно воспроизвести детали. Многие из артефактов, запечатленные на картине, сохранились до настоящего времени, в том числе принадлежавшие Петру мундир и седло, хранящиеся в собрании Эрмитажа.

Следующая по времени создания картина данной серии представляет взятие Нарвы в 1704 году[30]. Здесь сцена штурма крепости отнесена на второй план. Главное место в композиции отведено изображению окруженного свитой Петра, наблюдающего за русскими воинами, которые устремляются в город через разрушенные стены шведской цитадели.

Третье полотно, «Присяга Риги на подданство России»[31], лишь условно можно отнести к батальной теме. Оно посвящено даже не финалу сражения, а его окончательному итогу – принятие присяги духовенством, купечеством и знатью города.

Северная война в российской истории стала символом военного триумфа. Петровская эпоха, воодушевленная славными викториями, обогатила искусство творениями Л. Каравака, И.Г. Таннауэра, Ж.М. Натье, П. Пикарта, А. Зубова и других мастеров. Их живописные и графические «баталии» не только сохранялись в императорских собраниях, но и служили «эталонами» для художников в XVIII и XIX в. Вот, например, как излагал в 1807 г. правила изображения «Полтавской баталии» А. Писарев: «Картина представляет самый пыл сражения. По обеим крылам видим русскую конницу, поражающую неприятеля. Петр Великий среди войск своих: – Он служит примером храбрости; – первый во всех опаснейших местах; – шляпа его про-

[30] *Коцебу А.Е.* Взятие Нарвы 9 августа 1704 года. 1864-1866. Холст, масло. 225 х 387 см. Государсвенный Эрмитаж. Инв. № ГЭ-4635.

[31] *Коцебу А.Е.* Присяга Риги на подданство России в 1710 году. 1868 г. Холст, масло. 228 х 382 см. Государсвенный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-2376.

бита пулею. При Петре Великом Фельдмаршал Шереметев, (у которого прострелена была рубашка, выбившаяся из-под камзола), и прочие Генералы. В сие же время пушечное ядро разбивает качалку, в которой возили Карла XII. Вдали – на левой стороне картины, виден на горе город Полтава; в лесу на горе же монастырь Полтавский. – У подошвы горы извивается река Ворскла… Заметим здесь и об одежде Петра Великого на Полтавском сражении. – Он был в гвардейском Преображенском мундире темно-зеленого сукна, без позумента, в простой трех угольной шляпе, на груди офицерский серебряный позолоченный знак, на котором из слоновой кости изображен был крест Апостола Андрея Первозванного; под Петром Великим был турецкой породы конь белой шерсти»[32]. Нет сомнений, что данная иконография сложилась на основе ранних изображений легендарного сражения. Такая устойчивая традиция трактовки батальных сцен сохранялась достаточно долго. И не удивительно, что заказчики часто предпочитали новым инвенциям повторение наиболее известных произведений или хотя бы следование определенной схеме композиции.

[32] *Писарев А.* Предметы для художников, избранные из Российской Истории, Славянского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. Ч. 1. СПб., 1807. С. 193–195.

В.Н. Абрамовский, А.О. Белов

«УСТАВ МОРСКОЙ» ПЕТРА ВЕЛИКОГО ИЗ ФОНДОВ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО МУЗЕЯ: ИСТОРИЯ И ПРИКЛАДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

XVIII век – эпоха коренных петровских преобразований, охвативших огромный русский мир, к сожалению, слабо отражен в собрании Северного морского музея. Одной из причин этого является то обстоятельство, что сам музей начинал свою историю и формирование коллекции только в период развитого социализма. 13 мая 1970 г. он был оформлен как музейная комната «Страницы истории», подведомственная Северному морскому пароходству. Это событие совпало с годом 100-летнего юбилея СМП – одной из крупнейших промышленных структур Архангельской области.

Собственно, с самого начала деятельности Северного морского музея основной блок экспонатов, относился именно к советской эпохе и отражал ведомственную историю. И на сегодняшний день значительная доля предметов и плоскостных материалов музейных фондов (фото, документы, нумизматика, фалеристика, декоративно-прикладная коллекция) относится к периоду 1960–1980 гг. Нужно сказать, что это действительно было время «золотого века» Северного морского пароходства, сыгравшего важнейшую роль, как в истории отечественного мореплавания, так и истории региона. К сожалению, формирующаяся коллекция музея изначально совершенно не отображала эпоху становления Российской империи и Архангельска, как центра отечественного судостроения.

В дальнейшем с выделения в самостоятельное бюджетное учреждение и переход из корпоративного подчинения, Северный морской музей развивает, как свои коллекции, так и тематику экспозиционно-выставочной деятельности. Соответственно, фонды музея постепенно пополняются множеством артефактов, широко отражающих морскую культуру и историю кораблестроения во всем их многообразии. К сожалению, петровское время, рубеж XVII–XVIII вв., в силу объективных обстоятельств, представлен достаточно скромно. Предметный ряд, раскрывающий эту важнейшую веху российской истории небогат, зато ярок и самодостаточен.

Пожалуй, ключевым экспонатом в фондах Северного морского музея, характеризующим петровскую эпоху, является Морской устав XVIII в., находящийся в составе печатно-рукописной коллекции. Это важнейший документ становления России морской державой, ключевой источник эпохи, вершина преобразовательной и реформенной политики первого русского императора.

Полное название самого документа звучит как «Устав морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море». Этот регламентирующий документ был разработан под руководством и при непосредственном участии самого Петра I. В Уставе были кодифицированы организационные и так-

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О БЛАГОМЪ ПОВЕДЕНИИ НА КОРАБЛЯХЪ.

I.

Кто будетъ чрнокнижникъ или идолопоклонникъ.

Хотя всѣмъ христіанамъ надлежитъ христіанскимъ честнымъ жить, и не въ лицемѣріи страхъ Божій содержать себя, однакожде воинскіе люди сіе ей вещество ревностно ухажать и помнить имѣютъ, понеже сими Богъ въ такое состояніе опредѣлилъ [въ которомъ непріятельскія чаще другихъ смертныхъ страхахъ себя подвергать должность имѣютъ, поэтому должны] исполняя службу своего государя и отечества. И потоже живое благополучіе, побѣды, и благополучіе, онъ единаго Бога почитающаго имѣетъ истиннаго начала всѣхъ благихъ, и праведнаго побѣдодавца происходящихъ. И сему тому молящимся, и на него надежду полагающимъ надлежитъ во всякихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Того ради чрезъ сіе всѣхъ [православныхъ христіанъ, чародѣйства, съ великимъ подтвержденіемъ запрещается. И смѣлъ кто такій найдется, или сему подобный суевѣрный, или богохульникъ, онъ по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи въ желѣзахъ, и кошками наказанъ, или всякимъ сожженъ имѣетъ быть.

ТОЛКОВАНІЕ.

Наложеніе смертное есть обыкновенная казнь чернокнижникомъ, и тѣмъ которые чрезъ оныхъ чрезъ какій умышлять, или по оныхъ поступать, или [сказки чтобъ имѣли Божіе, или отвращеніе отъ онаго найдется. А сіего ни другой поступокъ или сказокъ чтобъ имѣли Божіе, и отвращеніе отъ онаго имѣть, но такіе суевѣрные пустяки, что надлежитъ по изобличеніе дѣла такого наказать другими изобличающими наказаніями, и при томъ другими] публичными поклепами.

Артикулъ 2.

Кто имени Божію, служеб Божій, и святымъ таинствомъ хулу и ругательство учинитъ.

Кто имени Божію хуленіе произноситъ, и оное превращаетъ, и службу Божію поноситъ, и ругается слову Божію и святымъ

HET VIERDE BOEK.

HET EERSTE HOOFT DEEL.

AANGAANDE HET GOET GEDRAG 'TSCHEEP.

I.

Soo jemandt uit 'Tooverey om gaat ofte mit afgoodery.

Alle hoe wel het alle Christenen betaamt als Christen wel en op regt te Leven in de vreefe Godes sonder Huychelarey, syn egter de Oorlogs Lieden nog meer gehouden sulks te doen naar de maal Godt haar in sulken beroep geftelt heeft waar inne sy altydt bedigt moeten syn, dat sy gestadigh alder handt gevaar en een Khielyke doodt onder worpen syn, wanneer sy den dienst van haar heer en Vaderlant moeten waarneemen, en naardemaal alle seegen overwinninge en geluk alleen van Godt den Almagtige als van den ware Oorsprong van alles goets en den regten gever van overwinninge afcomt, en alsoo hem daar om bebeeden moet werden en men syn hoop op hem moet setten in alle dingen en onder neemingen. daar om werdt hier mede alle Afgoderey en Tooverey strengelyk verbooden, en soo jemant dusdanig bevonden werdt of een Gods Lasteraar beipotter van 't Geloof die sil naar dat de saak sig bevindt, in swaare boejens gestelt mit de Catten gestraft of ook wel verbrandt werden.

UYT DUYDINGE.

Het verbranden is een gewoonlyke straff voor toovenaars en die geene die daar vergift schade doen ofte die met schriften of Woorden de naame Godes gelasteri of Godt verlochent te hebben bevonden werden, maar soo daar geen Godes lastering of verlochginge in de schriften of woorden bevonden werden maar alleen, buyten sjoorige grillen of eenig spotteryen sal in sulken gevalle naar dat de saak bevonden werdt de boven genoemde straff gedaan werden en sal soo een mag daar en boven kerke boete doen.

II.

Soo iemant mit de naame Godes of den Gods dienst en de Heylige Sacramenten spott of defeve Lastert.

Die de naame Godes Lastert en veragt mit de Godes dienst de gekspeelt, en Godes woort bespott, en de Heylige

M

Mille-

«Устав морской» Петра Великого из фондов Северного морского музея

тические принципы управления военным флотом, сформулирован терминологический аппарат, дана характеристика морским штатам, подробно регламентировано множество сторон жизни флота.

Документ был утверждён в качестве закона 13 (24) января 1720 г., а впервые издан 13 (24) апреля 1720 г. в Санкт-Петербурге. Причем сделано это было сразу в трех разных форматах и на двух (русском и голландском) языках. К слову, и в дальнейшем Устав публиковался на двух языках, что ярко характеризует европоцентричность, как этого регламентирующего документа, так и характер петровских преобразований в целом.

Устав был снабжён обширным предисловием, написанным лично Петром I при помощи архиепископа Псковско-Великолукский и Нарвского Феофана (Прокоповича), в котором излагалась история русского флота вплоть до 1719 года. Кроме того, император лично формулировал артикулы, приводил в систему, досконально оттачивал содержание Устава. Не случайно, даже сегодня, знакомясь с текстом Устава, читатель сразу ощущает во многих формулировках, словесных определениях, в самой конструкции речи энергичную, властную манеру Петра.

Важной особенностью Устава, безусловно, является очень колоритный и образный язык написания. Это делает его не только важнейшим нормативно-правовым актом эпохи, но и ярким литературным памятником. Ушедшая в народ и ставшая почти крылатой формулировка: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вимпели и марсели, под штрафом лишения живота» и сегодня является не только обязательным правилом для современных кораблей Российского Военно-морского флота, но и важным императивом, определяющим жизнь государства в целом.

Практически без изменений Морской устав в петровской редакции просуществовал на русском флоте в качестве действующего документа до самого конца XVIII столетия. Только в 1797 г. на смену петровскому, пришел павловский Морской устав, опиравшийся на британскую морскую традицию и изменившиеся тактические воззрения. Это лишний раз характеризует качество и универсальность петровского источника, степень его проработанности. Впрочем, и сегодня действующий Морской устав (Корабельный Устав Военно-Морского Флота, утвержденный приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом России от 01.09.2001), так или иначе восходят именно к петровскому.

Морской устав Петра является прекрасным примером коллективной сложной и кропотливой работы по регламентации флотской жизни. В его написании принимали участие более десятка специалистов военно-морского дела. Подготовка Устава заняла более пяти лет. В нем нашли отражение как многолетний отечественный опыт мореплавания, морская практика долгой Северной войны, так и все лучшее, что можно было заимствовать из подобных регламентирующих документов европейских государств. Еще в конце XVII века, посланные за границу петровские навигаторы отбирали материалы, связанные с судоходством, организацией службы на борту, вникали в уставы передовых по тому времени европейских флотов. Превосходным помощником Петра оказался Конон Зотов, сын Никиты Моисеевича Зотова, того самого, что был воспитателем юного Петра. В ранние годы, посланный в Англию обучаться «потребным наукам», он избрал морское дело и для того поступил в английский флот. Блестящий знаток корабельной службы, храбрый офицер, командовавший боевыми судами в схватках со шведами, он сыграл важную роль в составлении петровского Морского устава.

Причина же, побудившей Петра к созданию этого регламента, была так же сформулирована в самом Уставе: «Дабы всякий знал свою должность и неведением никто бы не отговаривался».

Структурно, Морской устав состоит из пяти книг, предисловия, а также присяги для поступающих на военно-морскую службу и определения флота, как «множество судов водных, вместе идущих или стоячих, как воинских, так и купецких», т.е. совокупности морских ресурсов государства.

Первая книга «О генерал-адмирале всяком аншеф-командующем», по сути, определяла основную тактику маневров военной эскадры и различные условия морского боя.

Вторая книга «О рангах и о команде офицеров, и о почтении им, о флагах и вымпелах, о фонарях, о салютах и флагах торговых и обвесах корабельных». Она делилась на четыре главы и содержала постановления о старшинстве чинов, о почестях и внешних отличиях кораблей, «о флагах и вымпелах, о фонарях, о салютах и флагах торговых...». Именно в этой, второй книге содержалась и знаменитый петровский императив, запрещающий при любых обстоятельствах спуск русского военно-морского флага: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вимпели и марсели, под штрафом лишения живота».

Третья книга раскрывает организацию боевого корабля и обязанности должностных лиц. Главы третьей части посвящены обязанностям, правам капитана, капитана на брандере, капитана лейтенанта, лейтенанта, секретаря корабельного, унтер лейтенанта, офицера артиллерии, священников, шкиперов, мичманов и так далее.

Книга четвёртая состоит из шести глав, которыми регламентировались правила поведения на корабле, численность офицерских слуг, согласно рангам, порядок раздачи провианта, способы определения вознаграждения за взятие неприятельских судов, боевые раны и выслугу лет, а также методы раздела добычи при захвате неприятельских судов.

Пятая книга — «О штрафах», представляла собой военно-морской судебный и дисциплинарный уставы.

16 апреля (5 апреля по старому стилю) 1722 г. в Санкт-Петербурге было опубликовано дополнение к Уставу, регламентирующему портовую часть флотской жизни. Эта «часть вторая регламента морскаго, в которой определено о всем что касается «доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов», дополнила первоначальный текст Морского устава. В дальнейшем обе части оставались в силе с 1722 по 1797 гг. неразделимо, а до 1853 г. – наряду с принятым в конце XVIII века при Павле «Уставом военного флота».

Уже в первой версии Устава к нему прилагались формы ведомостей судовой отчётности, книга сигналов и правила дозорной службы. Важным дополнением документа были формы табелей «которые надлежит держать капитаном, или кто кораблем командовать будет, так же и секретарям, и комиссарам», табели «каким манером чинить для записки приему и расходу остатка по месячно» с перечнем вещей от почтовой бумаги до такелажных сваек. А также целый перечень корабельных сигналов на все случаи корабельной жизни от бросания якоря до транспортировки офицеров к адмиральскому кораблю. Почти ни один аспект морской жизни не ускользнул от Петра…

Морской устав, находящийся в фондах Северного морского музея был передан в 1987 году председателем Патракеевского сельсовета Приморского района Архангельской области Ж.Д. Замятиной. К сожалению, больше информации, касательно

сдатчика и причин пополнения фонда музея столь серьезными экспонатом, мы не имеем. Однако, можно предположить следующую легенду: Патракеевка – старинное поморское село, центр поморского судостроения, место довольно знаковое для отечественной морской истории. Много лет там существовала двухклассная морская школа, одна из крупнейших на Беломорье. До сих пор Патракеевка часто именуется «родиной капитанов и моряков», так как оттуда вышло множество знаменитых морских династий. И Василий Александрович Железнеков – участник экспедиции барона Э.В. Толля, и капитан первого ранга Константин Лаврентьевич Бурков, многочисленные члены династии северных мореходов Бурковых, среди которых особого внимания заслуживает Павел Ильич Бурков, первый капитан легендарного научно-исследовательского судна «Персей», были уроженцами Патракеевки. В местной мореходной школе учился знаменитый полярный капитан Николай Иванович Хромцов. Естественно, что Устав в таком месте оказался далеко не случайно.

Северный морской музей, в условиях конца 1980-х гг., был занят формированием постоянной экспозиции и пополнением своих фондов, где Устав морской мог бы стать неотъемлемой частью. Напомним, что в ту пору Северный морской музей (в то время называвшийся Музеем северного мореплавания) являлся составной частью Северного морского пароходства, организации далекой от государственной музейной практики сохранения и документальной фиксации пополняемого фонда. К сожалению, не только Устав, но и множество других важных исторических артефактов, попавших в фонды в тот момент, не прошли этапы фиксации и все ступени учета. Результаты этого стихийного пополнения фондов и отсутствия должного учета, к сожалению, негативно сказываются в ходе современной работы музея.

Морской устав из фондов Северного морского музея – это издание 1785 года, печатанное т.н. «пятым тиснение». Необходимо отметить, что опубликованный впервые в 1720 г., как уже было сказано выше, в несколько откорректированном виде, регламент переиздавался целых 15 раз: дважды — в 1720 г., затем в 1722 г. (с дополнением), в 1723, 1724, 1746, 1763, 1771, 1778, 1780, 1785, 1791, 1795, 1804 и наконец в 1850 г., когда была отдельно издана «Часть вторая регламента морского». Печатались все эти переиздания, в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса и Академии наук.

Экземпляр Северного морского музея имеет размер 35х22,4 см, насчитывает 541 страницу (обложка и 15 страниц внутреннего текста утрачены), был отпечатан как раз типографией Морского шляхетного кадетского корпуса. Интересно, что в отличии от ряда других изданий, это относится к категории билингва, т.е. содержит текст сразу на двух, русском и голландском, языках.

На апрель 2022 г. «Книга Устав морской» находится на реставрации в филиале ВХРНЦ им. И.Э. Грабаря города Архангельска. По словам Надежды Владимировной Тихомировой – художника-реставратора книг и архивных документов ВХРНЦ, в их мастерскую Устав поступил в достаточно неплохом состоянии. У документа, к сожалению, был утрачен переплет, а сам блок листов представлен почти полностью, с небольшими утратами. В музейном экземпляре Устава, начинающегося только с 15 листа, нет ни титула, ни первой тетради. Нет части листов в середине книги. Так же присутствуют и небольшие утраты фрагментов сохранившихся листов. Образовавшаяся плесень в конце книжного блока также требует особого внимания. Реставратор акцентирует внимание на том, что в основном утраты механические. В целом, делается мастером делается вывод, что глобальных утрат в Уставе нет и источник вполне пригоден для дальнейшего экспонирования и изучения.

Интересной деталью музейного экземпляра Устава являются более поздние надписи, сделанные неизвестным лицом от руки. В частности, имеется запись за 1825 г. со следующим содержанием: «июня 12 числа Федор Лобанов денег дал…», «У Григория Кулакова заберу 48 коп.», «Якова Титова заберу 32,40» и еще несколько записей такого же, долгового, содержания. Планируется, что в ходе реставрации, эти записи будут сохранены на страницах издания.

Процесс сохранения важнейшего документа XVIII столетия требует сложной и кропотливой работы. На сегодняшний день (апрель 2022 г.) по отношению к Уставу произведена механическая очистка листов. По возможности удалены пятна и различные наслоения. К сожалению, не все загрязнения поддаются ликвидации. Реставраторами были нейтрализованы пятна ржавчины и т.н. «пальцевые захваты». Была произведена промывка всего книжного блока, химическая обработка всех имеющихся листов. Далее листы были промыты в дистиллированной воде, в три этапа. На апрель-май 2022 г. запланирован процесс непосредственной реставрации бумажного и красочного объема, в который входят: подклейка разрывов, восполнение утрат основы бумажной массы. Сама масса делается вручную, подклейка разрывов, устранение заломов и прессование. После выполнения основного комплекса реставрационных работ планируется сшивка книжного блока по аналогии с авторской и должен быть сделан консервационный переплет.

Обложку издания необходимо будет компенсировать, максимально приближаясь к оригинальному изданию. Для этого реставраторы обращались к иным сохранившимся в России копиям Морского устава. На самом финише реставрации том книги будет помещен для постоянного хранения внутрь специального контейнера из бескислотного картона.

Но прежде чем занять свое место на полке музейного хранилища, этому памятнику предстоит стать центром большого выставочного проекта Северного морского музея «Корабельного строя письмо», посвященного 350-летию со дня рождения Петра I, который должен открыться в начале июня 2022 г. Планируется, что работа выставки станет важным элементом празднования юбилея великого русского реформатора.

Композиционное решения предполагается в виде своеобразных цитат из Морского устава, определяющих терминологию, порядок и принципы устройства мира морского флота России. Важно, что термины и категории, введенные в обиход еще в петровскую эпоху, при изменении внешнего вида или функциональности, тем не менее сохраняют содержательное начало, знаменуя преемственность и традиции отечественного флота и морской культуры. Выставочное пространство предполагает использование современных и исторических предметов, связанных с корабельной жизнью, упоминаемых еще в тексте Морском уставе 1720 г.

Таким образом, выставочный проект Северного морского музея еще раз должен подчеркнуть актуальность и вневременной характер важнейшего исторического памятника отечественной истории, позволит напомнить о крепости морских традиций и русского слова.

П.А. Стромов

УСТОЙЧИВОСТЬ ОРЕНБУРГСКОГО ПРОЕКТА, КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ «ЮГО-ВОСТОЧНЫХ» ЗАМЫСЛОВ ПЕТРА I

Освоение Российским государством юго-восточных территорий, с запада ограниченных течением реки Волги, с юга рекой Урал, на востоке простирающихся до реки Тобол, а на севере протянувшихся фактически до реки Камы, получило старт в начале третьего десятилетия XVIII века. Поводом к началу этого процесса послужило обращение на высочайшее имя номинальных руководителей Младшей киргиз-кайсацкой орды с просьбой о принятии их в подданство Российской империи ради защиты от «джунгарских владельцев». В качестве военной помощи по предложению лидера Младшей орды Абулхайра предполагалось строительство русской крепости в месте впадения реки Ори в реку Яик (совр. река Урал). Этот ключевой топонимический фактор и предопределил наименование сложнейших межнациональных и межконфессиональных процессов, запущенных на территории современного Южного Урала. Так появилась Оренбургская экспедиция, затем переименованная в комиссию и в итоге трансформировавшаяся в губернию. В целом эти процессы условно можно именовать Оренбургским проектом. Тот факт, что Российская империя фактически без промедления откликнулась на поступившую от киригиз-кайсаков просьбу о помощи, как раз и подтверждает, что в петербургских «аналитических центрах» принятия государственных решений идея о продвижении России на юго-восток имела место быть, она обсуждалась и предварительно прорабатывалась[1].

Вне всякого сомнения, эта идея опиралась на сформулированный императором Петром I вектор развития страны в ходе его пребывания на средней и нижней Волге в 1722 году[2]. Ссылки на этот замысел Петра I можно проследить во многих источниках, посвящённых истории Оренбургского края. Однако особую ценность приобретают те документы, которые разрабатывались непосредственно в ходе реализации Оренбургского проекта, фактически в рабочем порядке. К таким, в частности, можно отнести подробное донесение императору Александру I от поручика Генерального штаба по квартирмейстерской части Я.П. Гавердовского об устройстве Оренбургского края. Этот документ составлен уже в первом десятилетии XIX века, в тот самый момент, когда начали набирать силу процессы дальнейшего развития этого региона. С первых же строк Я.П. Гавердовский даёт прямую отсылку к имени великого преобразователя России: «В краю Оренбургском со временем ПЕТРА ВЕЛИКАГО по премудрым его предначертаниям, для защиты российских селений от набегов башкирских,

[1] *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский государственный университет, 1997. С. 18, 23.

[2] *Муратова С.Р.* Этнические взаимодействия на территории Зауралья и юга Западной Сибири при строительстве российских приграничных крепостей в первой половине XVIII века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 4. С. 195.

калмыцких и киргизкайсацких, содержалась оборона стражи…»[3] (орфография и пунктуация сохранены). Особо следует отметить, что данный документ фактически послужил основой для вырабатываемых царским правительством ключевых решений по развитию Оренбургского проекта во второй четверти XIX века.

В 1731–1732 гг. по факту обращения киргиз-кайсаков на высочайшее имя, формируется нормативная база, людские ресурсы и материальное обеспечение Оренбургской экспедиции, непосредственным исполнителем которой выдвигается и впоследствии утверждается обер-секретарь правительствующего сената Иван Кириллович Кирилов, выходец из петровской эпохи, топограф и исследователь. При жизни императора Петра I непосредственно И.К. Кирилову поручается учёт и контроль за выполнением топографо-геодезических работ по созданию Генеральной карты Российской империи[4]. Имея доступ ко всем топографическим источникам, И.К. Кирилов больше, чем кто-либо другой имел представление о пределах Российского государства и, соответственно, мог видеть перспективы расширения его границ и сфер влияния. Ему удаётся сформулировать цели и задачи Оренбургского проекта, согласовать их со своими высокопоставленными кураторами. Представленный императрице Анне Иоанновне проект «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» утверждается именным указом 18 мая 1734 года, что даёт старт одному из самых амбициозных мероприятий в области внешней политики и государственного устройства России XVIII века.

Вызывает интерес круг высших должностных лиц, которые обеспечивали поддержку Оренбургскому проекту и, в частности, непосредственно И.К. Кириллову, столкнувшемуся с серьёзными трудностями уже на начальном этапе реализации Оренбургской экспедиции. Чтобы установить их имена, можно руководствоваться давно сложившимся и до сих пор действующим административным правилом, суть которого состоит в том, что инструкции и копии высочайших указов от имени главы государства, транслируются и подписываются как раз теми должностными лицами, которые больше всего заинтересованы в успехе курируемого ими проекта или направления деятельности.

Работая с документами Российском государственном архиве древних актов из самого востребованного фонда «Сенат и его учреждения», в которых отражается деятельность Оренбургской экспедиции на начальном этапе, нам удалось отметить важную закономерность. Почти все документы, касающиеся наставлений И.К. Кирилову, подписаны возможными покровителями его, а именно: Андреем Остерманом, Павлом Ягужинским и Алексеем Черкасским[5]. На более поздних копиях появляется подпись ещё и Артемия Волынского. Не секрет, что все эти государственные деятели являлись в своё время активными сподвижниками императора Петра I и продолжателями его замыслов.

На протяжении более чем двух десятилетий руководителями Оренбургского проекта также всё ещё оставались люди петровской эпохи. Так после И.К. Кирилова руководителем Оренбургской экспедиции становится В.Н. Татищев, уникальный, разносторонне развитый человек. Он начал свою карьеру в 1704 году кавалеристом, затем после обучения в германских землях переведён в артиллеристы, после чего возрастал по инженерной, географической и административной частям, активно

[3] ОР РГБ. Ф. 68 № 226 Гавердовский, Яков Петрович (1770/1773–1812). Примечания о рассмотрении Оренбургского края [Рукопись]: [писарской список], начало XIX в. С. 1.

[4] Создание Генеральной карты Российской Империи. Второй обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кириллов / Электронный ресурс: ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД» от 25.03.2020. Режим доступа: https://geovestnik.ru/articles/100-letie-vgu/sozdanie-generalnoy-karty-rossiyskoy-imperii-vtoroy-ober-sekretar-senata-ivan-kirillovich-kirillov/ (дата обращения 07.05.2022 года).

[5] РГАДА Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Л. 321-321об.

занимался исторической наукой, имел личные контакты с Петром I. В.Н. Татищев в самом широком смысле – созидатель Российского государства. Его опыт и практические знания позволили Оренбургскому проекту получить дальнейшее развитие: строились новые опорные пункты, Оренбург перенесён на новое место в урочище Красная гора, проведены социальные, административные преобразования, активно решались вопросы взаимодействия с башкирами и киргиз-кайсаками[6].

Сменивший В.Н. Татищева, контр-адмирал, князь Василий Алексеевич Урусов являл собою личность образованную и крайне исполнительную. Он получал государственный и управленческий опыт самого высокого уровня непосредственно под руководством Петра I. Назначение В.А. Урусова руководителем Оренбургской комиссии во многом объясняется наличием у него практического опыта по изучению торговых маршрутов к границам Индии и Китая, полученным им в 1717–1720 гг. в ходе трёх экспедиций к восточным берегам Каспийского моря, а также активным участием в Персидском походе[7]. Именно там князь В.А. Урусов мог, что называется «из первых уст», узнать о юго-восточных планах императора.

Подводя итоги начальному этапу Оренбургского проекта историк В.Н. Витевский отмечал: «…Трудами Кирилова, Татищева и Урусова при живом содействии со стороны правительства Оренбургский край был введен в общую систему прочих областей Российской империи, его разнообразные административные части получили общую организацию и были подчинены надзору местной высшей власти, на которую и были возложены обязанности, устраивая и развивая силы края, приготовлять его к тому великому будущему, какое завещал ему Петр Великий. Выполнить эту задачу Преобразователя, как увидим, пришлось его любимцу Ивану Ивановичу Неплюеву»[8]. Тайный советник – фактически вице-адмирал – И.И. Неплюев, начинал свою карьеру по морскому ведомству, затем отличился на дипломатическом поприще, а вершиной его созидательного служения стала должность Оренбургского губернатора. Именно этому государственному деятелю удалось принять окончательное решение о строительстве города-крепости Оренбурга, на третьем по счёту месторасположении столицы края. При нём окончательно оформилась и построилась Оренбургская укреплённая линия от Каспийского моря до Сибирских пределов на Тоболе, сформировано Оренбургское казачье войско, а также нашли своё решение и многие другие важные вопросы по развитию края.

Все первые лица Оренбургского проекта получили возможность в своё время в разной степени профессионально возрастать под началом великого российского реформатора императора Петра I и не смогли растратить «петровского настроя» до конца своих дней, являя собой в той или иной степени продолжателей государственного курса на формирование крупнейшей мировой империи.

Особо хотелось бы отметить, что необходимость развития крайне многотрудного Оренбургского проекта действующая центральная власть отчётливо понимала ещё и потому, что фактор незыблемости своего авторитета у своих подданных, а особенно у восточных народов мог быть обеспечен только в том случае, если неуклонно будет демонстрироваться приверженность тому государственному курсу, который обозначил выдающийся глава государства – император Пётр Великий, доказавший свою высочайшую легитимность в результате одержанных им многочисленных побед в крупнейших геополитических процессах своего времени. Какая-то иная реакция в отношении Оренбургского проекта со стороны Петербурга могла сработать только

[6] *Семенов В.Г.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. С. 10–11.

[7] *Насыров К.З.* «Вся упомянутая Комиссия полагается на вашу верность и искусство...». Главный командир Оренбургской комиссии адмирал В.А. Урусов // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 36–38.

[8] *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1898. С.176.

лишь на ослабление авторитета российской власти, а этого в условиях ещё довольно слабых административных связей между центром и удалёнными периферии допустить не имелось никакой возможности.

Сановники, отвечавшие за Оренбургский проект, прекрасно знали, что во время пребывания Петра I в походе по Волге в 1722 году, когда император спускался до Астрахани, принимали участие некоторые старшины башкирского народа, которые знали или могли быть осведомлены о замыслах первого лица особенно в отношении того направления государственной политики, которое касалось их родовых территорий. В частности, башкирский старшина Алдырь-бей, награждённый Петром Великим за участие в Азовском походе, упоминается в связи с событиями 1735–1740 гг. по результатам Башкирского восстания[9]. Башкиры в рамках своей, веками сложившейся, восточной системы оценки эффективности действующей власти, могли бы существенно снизить степень своей покорности и уважения действующей власти, поскольку единственным примером в памяти восточных народов на все времена остался образец высокой эффективности государственного управления в лице первого великого хана Монгольской империи – Чингисхана.

Итоги деятельности Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова не принесли ожидаемых результатов: Оренбург не представлял из себя сколько-нибудь внушительного военного объекта, способного дать защиту новым российским подданным, торговля не развивалась, связи со Средней Азией, Афганистаном и Индией оказались не налажены, регион охватило кровопролитное башкирское восстание, экспедиция понесла большие потери в людях и материальных средствах[10].

Однако Петербург настаивал на продолжении проекта, который так или иначе оказался реализован с отложенным политическим и экономическим эффектом трудами последователей И.К. Кирилова.

Во второй половине XIX века российскому правительству на территории Оренбургской губернии удалось создать эффективную военную систему управления этим обширным краем. Это позволило не только интегрировать башкир и киргиз-кайсаков в российскую государственность и укрепить обороноспособность юго-восточных рубежей империи, но и успешно включить в свой состав территории современных среднеазиатских республик[11].

Память о великом реформаторе России – императоре Петре Великом – на территории Челябинской области выражается в топонимике региона и в виде достопримечательного места – скульптурной композиции. Топонимическая составляющая отражена в названии поселений Южного Урала. В Карталинском районе Челябинской области расположены: Полтавское сельское поселение и посёлок Великопетровский[12].

В Красноармейском районе Челябинской области находится п. Петровский, в центре которого на территории поселкового парка в 2007 году сооружен памятник и малые скульптурные формы (Рис. 1). Скульптурная композиция состоит из фигуры императора Петра I, сидящего на морской пушке, а также его ближайших государственных сановников (Рис. 2). На стене трёхэтажного жилого дома, примыкающего к парку, изображен профиль знаменитого памятника Петру Великому на Сенатской площади, который благодаря великому поэту А.С. Пушкину назван «Медный всадник» (Рис. 3). Скульптуры расположены возле памятной стелы, символика на которой и особенно памятный текст связывают в одно целое глубокими пространственно-временными смыслами подвиг южноуральских тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны с беспримерным мужеством жителей города на Неве, которые дали мощный толчок всестороннему развитию города Челябинска (Рис.4).

Надпись на памятной доске гласит: «В честь героических жителей блокадного Ленинграда заложивших экономическую мощь столицы Южного Урала и передавших силу духа защитников города Петра 08.09.2007».

Рис. 1. Памятная стела и скульптурная композиция в посёлке Петровский Красноармейского района Челябинской области. Фотография автора, 2022 г

[9] *Насыров К.З.* Указ. соч. С. 35.

[10] *Сафонов Д.А.* Начало оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века) Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. С. 55.

[11] *Рязанов А.Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург: Гос. типо-литография ГСНХ, 1928. С. 115.

[12] *Шувалов Н.И.* От Парижа до Берлина: Топоним. Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 36.

Рис. 2. Фигура Петра Великого, сидящего на морской пушке. Фотография автора, 2022 г.

Рис.3. Силуэт памятника Петру I на стене жилого дома в посёлке Петровский. Фотография автора, 2022 г.

Рис.4. Памятная доска на стеле в посёлке Петровский. Фотография автора, 2022 г.

С.А. Никонов

ОПИСАНИЕ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ КОЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVIII В. В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Эпоха петровских преобразований, оставившая глубокий след в отечественной истории, имеет региональное измерение, не только конкретизирующее общегосударственные процессы, но и раскрывающее неизвестные страницы прошлого нашей страны. В поиске источников дохода для пополнения казны, без чего невозможным было осуществление внешнеполитических планов и проведение реформ, Петр I (или кого-то из лиц в его окружении) обратил внимание на рыбные промыслы. До начала XVIII в. добыча рыбы была делом частным, осуществлявшимся разными группами населения, а также духовными организациями. Потребности царского двора, помимо покупки, поддерживались специальными группами дворцового крестьянства, ловившими рыбу[1]. 9 января 1704 г. вышел царский указ о передаче всех рыбных ловель в ведение Ижорской канцелярии[2]. Этот указ рассматривался в историографии в связи с вопросом о секуляризации церковных владений в период петровских реформ[3]. Ижорская (Ингерманландская, Семеновская) канцелярия получила право сдавать их на оброк (в аренду) заинтересованным лицам через аукцион. Условием передачи рыбных ловель Ижорской канцелярии было составление приказными людьми и промышленниками сказок о материальном состоянии промысловых предприятий («на те рыбные промыслы съестные запасы, и лесные, и иныя всякие припасы к ним присланы ль, и против прошлых лет сполна ль») и объеме добычи рыбы на 1703 г. («какия рыбы было в улове и в продаже, и по продаже сколько денежныя казны за тое рыбу 703 года было во взятье»)[4]. Безоброчные церковные рыбные ловли следовало «оброчить» и после этого отдавать с торгов промышленникам. Отдельное положение указа касалось государственных и церковных рыбных ловель, которые находились на «казенных деньгах», т.е. эксплуатировались самими собственниками без сдачи на оброк. Эти ловли надлежало принять в присутствии «сторонних людей», описав имущество в специальных ценовых книгах с указанием стоимости. Собранные сведения отправлялись в Москву, в Ижорскую канцелярию[5].

[1] *Новосельский А.А.* Рыбные промыслы в Белозерском уезде в XVII в. // Он же. Исследования по истории эпохи феодализма: научное наследие. М., 1994. С. 162–177; *Кочетков С.А.* Рыбаки великих государей: великокняжеские сельские ловецкие сообщества средней Оки: дворцовый рыбный промысел, судьба, субкультура. Рязань, 2014; *Булгаков М.Б.* Белозерский рыбный двор во второй половине XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 316–325.

[2] ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. № 1956. С. 232–240.

[3] *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне в России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 74–76.

[4] ПСЗ. Т. IV. № 1956. С. 233.

[5] Там же. С. 237.

Осуществление царского указа на местах в историографии специально не рассматривалось. В Кольском уезде царский указ исполняли воеводы и руководители государевых промыслов. По поручению воевод сказки о рыбных промыслах собирали кольские стрельцы и выборные представители (бурмистры Кольского острога, старосты и мирские люди крестьянских общин и лопарских погостов). Отдельно сказки собирали руководители государевых промыслов, которых интересовало состояние промыслов Холмогорского архиерейского дома и приписанного к нему Троицкого Печенгского монастыря. Инициатором создания государевых промыслов в Кольском уезде был Михайло Окулов – сын боярский Холмогорского архиерейского дома. Обратившись к царю с челобитной, он обратил внимание на нерациональное ведение промыслов духовными организациями[6].

Ход выполнения царского указа в Кольском уезде наиболее полно представлен в челобитной воеводы М. Г. Срезнёва (годы воеводства 1704–1706)[7]. Царский указ о проведении переписи промысловых угодий был прислан предшественнику Срезнёва, воеводе Д. И. Унковскому (годы воеводства 1703–1704) дважды – 16 февраля[8] из Новгородского приказа и 13 мая 1704 г. из Семеновской канцелярии. В грамотах содержалось предписание о выполнении царского указа, согласно которому «государевы, и патриаршии, и архиерейския, и монастырьские, и помещиков, и вотченниковы, и всяких чино(в) людей рыбные ловли во всех городех, которые были на оброке и безоброчно», предназначались для сдачи с торгов[9]. В остроге этот указ следовало объявлять «в торговые дни», а также собрать у местного населения сказки «о рыбных ловлях». Рыболовные угодья могли быть либо сданы из оброка, либо, если желающих не будет, использованы «на тебя, великого государя»[10]. Указ, имевший общероссийское значение, рассматривал рыболовные промыслы как дополнительное к основному занятие, тогда как в Кольском уезде добыча рыбы была основным источником дохода разных групп населения.

Воеводой Унковским были взяты сказки у «колских жытелей», посадских и стрельцов[11]. Для взятия аналогичных сказок в лопарские погосты были отправлены «посыльщики»[12]. Согласно критической оценке воеводы Срезнёва, в посыльщики выбрали «незнающых, глупых робят»[13]. Они не смогли охватить весь Кольский уезд, оставив без внимания Ребальские погосты и поморские волости Кандалакшского берега Белого моря.

Вступив в конфликт с населением уезда[14], воевода Унковский был отстранен от должности, уступив ее на время следствия сыщику, солдатскому голове М. Л. Исаеву,

[6] О Михайле Иванове сыне Окулове см.: *Никонов С.А.* Михайло Окулов и создание государевых рыбных промыслов на побережье Баренцева моря в начале XVIII в. // Российская Арктика: проблемы и перспективы развития: сб. материалов. М., 2017. С. 239–259; *Он же.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 346–356.

[7] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 13. № 198. Л. 554–556.

[8] В челобитной воеводы Д. И. Унковского указано, что указ пришел 22 февраля. См.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. (Кольский острог). Д. 2. Л. 158.

[9] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 13. № 198. Л. 554.

[10] Там же. Л. 554 об.

[11] Там же. Оп. 2. Д. 60. Ч. 1. Л. 291.

[12] Погосты Нотозерский, Сонгельский, Мотовский, Печенгский, Пазрецкий, Нявдемский, Экостровский, Бабинские, а также погосты, находившиеся во владении Воскресенского Истринского монастыря.

[13] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 13. № 198. Л. 555.

[14] Ушаков И.Ф. В военную пору... Воеводство Унковского в Коле // Он же. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 3: Кольская старина. Мурманск, 1998. С. 73–145.

вступившему в управление 5 августа 1704 г. Сыщик Исаев продолжил начатое дело, отправив для розыска сведений в поморские волости[15] и лопарские погосты[16] стрельцов под командованием капитана Филиппа Суханова[17]. Известно, что для быстрого выполнения приказа отряд был разбит на отдельные группы. В частности, в Кандалакше сведения о промыслах у местного крестьянства брал стрелец Сава Сидоров с четырьмя товарищами[18].

Капитан и стрельцы вернулись из поездки уже в бытность в Коле нового воеводы М.Г. Срезнёва (вступил в должность 18 сентября 1704 г.)[19], которому и подали «скаски из уезду»[20]. Этот воевода продолжил начатое предшественниками дело и приказал земским бурмистрам Колы собрать у жителей новые сведения: «на каких промыслах промышляли, и с какими снастьми, и во что какой промысел стал ценою, и какую где рыбу промышляли»[21]. В Масельгский, Ловозерский, Воронинский и Кильдинский погосты для сбора сведений был послан стрелецкий отряд под руководством капитана Мартьяна Ченцова[22]. Со всех сказок, взятых М.Г. Срезнёвым и его предшественниками, были сняты списки, оставленные в приказной избе. Подлинники воевода 27 декабря 1704 г. со стрельцом Антропом Терентьевым отправил в Москву. Всего воевода отослал в Семеновскую канцелярию 186 сказок[23].

Параллельно с воеводами сказки о промыслах собирали руководители государевых промыслов – стольник П.А. Кондырев и М.И. Окулов. Они же описывали промысловые угодья Холмогорского архиерейского дома, Печенгского и Кандалакшского монастырей, находившиеся в Кольском уезде. Наибольший интерес вызывали семужьи промыслы на р. Туломе и промысел жемчуга на реках побережья Баренцева моря. Государевы промышленники столкнулись с определенной сложностью: семужьи угодья являлись объектом давнего конфликта между Нотозерским и Сонгельским лопарскими погостами и Троицким Печенгским монастырем[24]. В июле 1704 г. П.А. Кондыревым были собраны «скаски у колян посацких людей» для выяснения права собственности[25]. При этом руководители промысла так и не установили, «крепки или нет» те промыслы за Печенгским монастырем.

В настоящее время выявлена лишь незначительная часть сказок о рыбных промыслах, собранных местной администрацией и руководителями государевых промыслов. Нельзя исключать, что большая часть источников утрачена. Наиболее полно сохранились сказки кольских жителей, раскрывающие порядок владения угодьями на р. Туломе. Всего выявлено 10 сказок. Сказки колян имеют утраты текста, вызванные повреждениями листов (обрывы листа, грибок). Краткие сведения о промысле посадских людей Колы также содержатся в росписи, «у кого имяны на тонях и

[15] Волости Кандалакша, Ковда, Порья Губа, Поной, Корельские (Ребальские) погосты.

[16] Названия погостов в челобитной не указаны.

[17] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 60. Ч. 1. Л. 292.

[18] Там же. Л. 293.

[19] Там же. Оп. 1. Д. 13. № 198. Л. 554 об.

[20] Там же. Л. 555.

[21] Там же. Л. 555 об.

[22] Там же. Л. 556.

[23] Там же. Л. 556.

[24] *Никонов С.А.* Конфликт Троицкого Печенгского монастыря и саамов Нотозерского и Сонгельского погостов в конце XVI – начале XVIII века: этапы и формы противоборства // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 10: Актуальные проблемы семиотики геосоциального и геокультурного пространства Европейской части Российской Арктики: сб. научных статей и материалов. Архангельск, 2018. С. 226–232.

[25] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 65. Л. 36 об.

сколко было в улове рыбы красной семги», поданной в декабре 1704 г. воеводе М. Г. Срезнёву городскими выборными[26]. Сказки представляют собой показания владельцев рыболовных угодий по вопросам, сформулированным на основе царского указа: географическое место лова рыбы; основания владения промысловым участком (собственность или аренда); количество работников, занятых на промысле; объемы добычи в 1703–1704 гг.; кому и по какой цене продана рыба.

Государевыми промышленниками было взяты сказки у саамов Нотозерского и Сонгельского погостов[27], колян[28], вотчинных лопарей Троицкого Печенгского монастыря (Печенгского, Мотовского, Пазрецкого и Нявдемского погостов)[29], промышленников жемчуга[30], протопопа Петра Епимахова, архиерейского сына боярского Павла Копытова[31]. Особое внимание государевы промышленники обращали на семужьи промыслы на р. Туломе и впадающих в нее реках.

Стрельцы и посадские Колы владели разными видами угодий: рыболовными участками (тонями), реками, рыболовными заборами. Ряд угодий находился во владении на основании наследования и покупки. Так, посадский Алексей Звягин владел совместно с братом Григорием тоней Калдеевой. После смерти брата право собственности перешло его вдове Федосье. Совместно с вдовой брата Алексей владел и половиной тони Рявцы, про которую он не мог сказать точно, была ли она «останки отца моего родственная или купленые»[32]. Р. Пяйву Звягин купил в 1701 г. у колян Савы Колмакова и Елисея Вянзина. Отметим, что Алексей Звягин был одним из наиболее крупных владельцев промысловых угодий на р. Туломе. Ему принадлежало две с половиной тони и одна речка.

От мужа получила тоню у Великого камня Настасья Евтифеева дочь Нечаева. В сказке приводится история этого угодья: в 1603/04 г. (7112 г.) оно было куплено братом и сестрой Иваном и Ульяной Ефимьевыми детьми Нечаевыми у муномашского лопаря Филиппа Шелуткова[33]. Угодье передавалось в течение ряда поколений в роду Нечаевых, пока не оказалось у вдовы Настасьи. Через покупку у близкого родственника, дяди Федота Туренцова, получил половину р. Тювы стрелец Иван Андреев[34].

Если посадские выступали собственниками угодий, то стрельцы владели угодьями на правах аренды (кортомы), нередко заключавшейся на длительный срок. Так, стрелец Сава Кушников кортомил р. Середнюю у Троицкого Печенгского монастыря сроком на 10 лет[35]. Стрельцы арендовали угодья не только у Печенгского монастыря[36], но и у посадских людей, лопарей Сонгельского, Нотозерского и Воронецкого погостов[37]. Кортома могла включать сложные условия владения угодьем, основанные на завещании и аренде. Так, стрелец Петр Еремеев владел рыболовным забором «на зашейке» в трех верстах от острога, полученным по духовной грамоте колянина

[26] Там же. Д. 60. Ч. 1. Л. 283 об. – 284 об.

[27] Там же. Л. 84–85 об.

[28] Там же. Л. 86–88 об.

[29] Там же. Л. 90–96.

[30] Там же. Л. 97 об. – 100 об.

[31] Там же. Л. 101–102 об.

[32] Там же. Л. 296.

[33] Там же. Л. 298.

[34] Там же. Л. 304.

[35] Там же. Л. 300.

[36] Там же. Л. 300, 301, 302.

[37] Там же. Л. 304, 306.

Михаила Дьяконова и кортомленной записи посадских людей с 1694/95 по 1704 г.[38]

Сдача угодий в аренду широко практиковалась саамами Нотозерского и Сонгельского погостов. Так, с «Ыльина дни» (2 августа) 1704 г. промысел под Падуном был отдан ими в кортому колянам Алексею Рекунову и Ивану Латкину, угодья под Кривцом – Дмитрию Попову[39], р. Улита – стрельцу Ивану Андрееву[40].

Наряду со стрельцами, посадскими угодьями на р. Туломе и в Кольском заливе владел Троицкий Печенгский монастырь. В показаниях строителя Лаврентия и братии, данных в мае 1704 г., раскрывалась промысловая деятельность обители. Так, монастырю на реках Кола и Тулома принадлежало три забора, которыми по половинам владели совместно со стрельцами и посадскими людьми Кольского острога. В Кольском заливе и по побережью Баренцева моря за монастырем были «тонные и речные промыслы», где добывалась рыба[41]. Добытая рыба шла на продажу, в том числе и иностранным купцам. В 1701 г. монастырь был приписан к Холмогорскому архиерейскому дому, что отразилось на его коммерческой деятельности: выручен-ные от торговли с иностранцами ефимки «берут у нас (Печенгского монастыря – *С.Н.*) на Холмогоры в архиерейской дом». На эти деньги для монастыря покупались необходимые для богослужения и жизнеобеспечения товары: «дают нам в пустыню к церьква(м) в обиход воск и ладан, и вино церьковное, и на пропитание братии и служебником»[42].

На рыболовных угодьях трудились наемные работники, чья численность на участках колебалась от двух до пяти человек. По данным источников, в 1704 г. стрельцы и посадские люди выставили на промысел 68 работников. В некоторых сказках указываются условия найма работников, а также фиксируются их обязанности в период промысла. Так, стрелец Петр Еремеев, промышлявший в трех верстах от острога, давал работникам наём, заключавшийся в оплате частью добытой рыбы. Наиболее квалифицированный работник – заборщик – получал пятую рыбу из добычи, в то время как «четыре рыбы» шли хозяину. Еремеев полностью обеспечивал содержание работников на время сезона: «едят хлеб, и соль, и рыбу семгу мою». Выплаты покрученикам могли составлять и «третью рыбу», как на промысле стрельца Ивана Латкина под Падуном.

Таким образом, в состав артели входили как наиболее квалифицированные работники, занимавшиеся строительством рыболовных заборов – заборщики, так и рядовые покрученики. Добыча рыбы велась сетями (неводами, гарвами, поплавами) и забором. Заборы, ставившиеся в различных местах р. Туломы, как можно судить по сказкам, находились в аренде у разных хозяев. Стоимость арендной платы влияла на то, каким количеством тайников[43] забора владел арендатор. Так, колянин Д. Ф. Попов в Кривце промышлял «двема тайниками»[44], а стрелец И. Андреев на р. Улите – одним[45].

Добытая рыба продавалась русским и иностранным купцам. В сказках встречаются имена двинян Осия Кирова и Ивана Крушакова, Якова Медникова, турчасовца Андрея Олонкина[46]. Скупалась рыба и иностранцами – голландцем Андреем Корниловым сыном Нейхом[47] и Александром Горциным[48].

Значение сказок заключается в том, что они дают наиболее полное представление об организации рыбных промыслов в Кольском уезде в начале XVIII в. разными группами населения. Для более раннего периода подобной степенью информативности обладают только материалы писцового дела второй половины XVI – начала XVII в. Попытки власти взять промыслы под свой контроль имели частичный успех. Промысловые владения Холмогорского архиерейского дома и приписанного к нему Троицкого Печенгского монастыря действительно были взяты в казну и переданы государевым промышленникам, под чьим управлением находились до 1710-х гг. Иначе сложилась ситуация с промыслами посадских людей и стрельцов Кольского острога. Добыча рыбы для них была не дополнительным, а основным видом деятельности, приносящим доход, из которого уплачивались и подати «в казну великого государя».

[38] Там же. Л. 302.
[39] Там же. Л. 85.
[40] Там же. Л. 88 об.
[41] Там же. Л. 288–288 об.
[42] Там же. Л. 290.
[43] Тайник – ловушка рыболовной снасти.
[44] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 60. Ч. 1. Л. 87–87 об.
[45] Там же. Л. 88 об.
[46] Там же. Л. 86, 87 об., 88 об., 284 об., 298 об., 300, 303.
[47] Андрей Нейх упоминается в хозяйственных документах Троицкого Печенгского монастыря как постоянный скупщик добытой обителью рыбы. См.: *Ушаков И.Ф.* Голландцы на Кольском Севере // Он же. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 3: Кольская старина. Мурманск, 1998. С. 165; *Никонов С.А.* Акты Троицкого Печенгского монастыря конца XVII – начала XVIII в. из архива канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского // Вестник церковной истории. 2018. № 1/2 (49/50). С. 89, 114–115.
[48] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 60. Ч. 1. Л. 88 об., 296 об., 300.

Д.С. Заозерский

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПЕТРА I ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИИ КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА НА СЕВЕРЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОМОРСКОЙ КОМПАНИИ В 1803-1813 ГГ.)

Созданию Беломорской рыбопромысловой компании предшествовало несколько попыток организовать китобойный промысел на Архангельском Севере в XVIII в.

Петр I во время нахождения заграницей в составе Великого Посольства стал свидетелем возвращения нидерландских судов с китобойного промысла с большим объемом добычи. После Великого Посольства Нидерланды стали основным центром обучения российских моряков. Кроме того, среди 150 уроженцев Русского Севера, направленных в Амстердам осенью 1702 г. для обучения морскому делу, двое были распределены на китобойные корабли[1].

В 1703 г. в России была организована первая китобойная монопольная компания, которую возглавил А.Д. Меншиков. Деятельность компании А.Д. Меншикова сводилась к скупке и перепродаже продукции морских промыслов, чем занимались в Архангельске и в Коле ее приказчики. Компанейщики отправляли суда на Шпицберген, но объемы добычи были значительно меньше по сравнению с тем, что Петр I видел в Нидерландах.

После того, как в 1721 г. Петр I отобрал у А.Д. Меншикова монополию, императором «на счет казны» в 1723 г. была учреждена Кольская китобойная компания[2]. В 1725 г. после смерти Петра I Меншиков получил полный контроль над Кольской компанией, назначил директорами своих доверенных лиц – С. Вернизобера и Я. Неклюдова, и направил для контроля за их деятельностью президента Коммерц-коллегии П.П. Шафирова, с которым был связан еще во времена своей компании в 1703–1721 гг.[3]

Через несколько лет после ухода в 1727 г. А.Д. Меншикова с политической арены Кольская компания прекращает свою деятельность. В 1727–1731 гг. три китоловных корабля под управлением голландских гарпунеров ежегодно выходили в море из Колы. За это время было поймано только четыре кита. В период выяснения причин неудачи промысла Коммерц-коллегия обвинила иностранцев, которые, по ее мнению, руководствовались тайными инструкциями от голландских китоловов и получали плату за то, «чтобы китовых промыслов в России не размножать»[4].

Также как Кольская, не была успешной и монопольная компания П.И. Шувалова[5], начавшая деятельность в 1748 г. и закрытая в 1762 г. в связи с указом Екатерины II об отмене монополий на рыбные и зверобойные промыслы.

[1] *Дадыкина М.М.* Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – нач. XIX в. Исследование. Документы / М.М. Дадыкина, А.В. Крайковский, Ю.А. Лайус. М., СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 30–31.

[2] РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1260. Л. 38 И об.

[3] *Дадыкина М.М.* Указ. соч. С. 49.

[4] РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1260. Л. 38 И об.

[5] ГААО. Ф. И-538. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 об.

В 1786 г. граф А.Р. Воронцов создал Онежскую китоловную компанию с одним судном, которое построил на собственные средства. Судно было сооружено людьми, не знакомыми с особенностями китобойного промысла, экипаж был набран из местных рыбаков, а не иностранных опытных гарпунеров. В 1787 г. судно было отправлено на промысел. Из-за плохого качества гарпунов, которые скользили по телу кита, ломались или выскакивали из раны, промышленникам около Кольской губы удалось ранить (но не добыть) 11 китов. Оборы (тросы или ремни), прикрепленные к гарпунам, также были ненадлежащего качества и легко рвались[6].

По другим данным китобойный промысел был начат А.Р. Воронцовым еще в 1784 г. у Мурманского берега, а спустя несколько лет он отправил судно добывать китов у Шпицбергена. По этой версии причина неудачи в 1787 г. заключалась в жесткой конкуренции со стороны английских китобоев[7].

Э. Веберман сообщает об еще одной попытке ведения китобойного промысла на Севере России (последней в XVIII в.), когда в 1788 г. была создана заонежская старообрядческая китоловная компания. Эта компания практически не упоминается другими исследователями, а в работе самого Э. Вебермана отсутствует цитирование литературы или источников, связанных с ней. Ученый не называет причин прекращения деятельности заонежской компании, отметив только, что «предприятие это погибло в скором времени»[8].

Подводя итоги правительственным попыткам ведения китобойного промысла до конца XVIII в., необходимо отметить, что организация промысла как разновидности военной службы приводила к тому, что китобои не были заинтересованы в его результате[9].

Далее необходимо рассмотреть записку И.И. Лепехина, которая послужила основой создания Беломорской компании.

Проведя в 1768–1773 гг. несколько научных экспедиций по европейской части Российской империи, к 1798 г. И.И. Лепехин сделался экспертом в области знаний о природе Русского Севера.

15 марта 1798 г. И.И. Лепехин составил записку «Об удобности китового промысла в России», согласно которой г. Кола должен был стать центром китового и зверобойного промысла благодаря его расположению вблизи незамерзающей Екатерининской гавани[10]. В развитии промыслов И.И. Лепехин видел возможность увеличения экономического потенциала Севера и усиления политического влияния России в регионе, однако для этого была необходима поддержка со стороны правительства.

Записка И.И. Лепехина поступила в экспедицию государственного хозяйства Сената. Экспедиция, в свою очередь, 3 мая 1798 г. обратилась к архангельским губернским властям, чтобы выяснить, каким образом можно восстановить пришедшие в упадок, по мнению Сената, кольские промыслы и какая помощь требуется от правительства для организации китобойного промысла. Ответ последовал лишь 1 декабря 1800 г., когда архангельский губернатор И.Ф. Мезенцов сообщил Сенату,

[6] *Веберман Э.* Китобойный промысел в России. Ч. 1. История промысла китообразных [Электронный ресурс] / Э. Веберман // Известия Московского коммерческого института. Коммерческо-техническое отделение. Кн. 2. М., 1914. С. 3–312. URL: http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/6999-veberman-e-izvestiya-moskovskogo-kommercheskogo-instituta-kommerchesko-tehnicheskoe-otdelenie-kn-2-kitoboynyy-promysel-v-rossii-m-1914#mode/inspect/page/101/zoom/5 (дата обращения: 26.03.2021). С. 99–100.

[7] Очерк китоловного промысла. Статья капитана датской службы Гаммера // Русский вестник. 1873. Т. 104. № 3–4. С. 195.

[8] *Веберман Э.* Указ. соч. С. 101.

[9] *Дадыкина М.М.* Указ. соч. С. 66.

[10] *Пасецкий В.М.* Русские открытия и исследования в Арктике: первая половина XIX в. М..–Л.: Гидрометеоиздат, 1984. С. 29.

что промыслы на Архангельском Севере находятся в «хорошем состоянии», отметив при этом, что среди местных жителей он не встретил желающих к заведению китоловства[11].

Интерес к проекту И.И. Лепехина вновь возник в связи с появлением в 1803 г. предложения архангельского купца К. Дорбекера создать в Онежской гавани центр рыбной ловли по берегам Белого моря. Вероятно, это предложение также как проект И.И. Лепехина, было получено министром коммерции Н.П. Румянцевым.

Учредителями Компании стали архангельские купцы К. Дорбекер и Поповы, слободской купец К. Анфилатов, вологодский купец С. Митрополов и московский купец П. Пономарев[12]. К началу XIX в. это были одни из крупнейших купцов, кто осуществлял свою деятельность в Архангельске[13].

Причины, по которым Александр I согласился организовать компанию, заключались в том, что ее учредители стремились не только получить дополнительный доход, но и расширить внутренний рынок для торговли, увеличить количество и ассортимент вывозных товаров, понизить их себестоимость, тем самым способствовать развитию внешней торговли в крае[14]. Беломорская компания представляла собой открытое акционерное общество, количество акций которого не ограничивалось. Акционером мог стать любой российский подданный, независимо от социального статуса, а также иностранец, являющийся членом гильдии. Компания создавалась сроком на 25 лет, начиная с 1 января 1804 г., при этом подчеркивалась необходимость сохранения капитала в течение этого срока, невозможность его изъятия, так как «безвременным извлечением из компании капиталов компания может придти в расстройку»[15]. В тексте закона не использовалась характеристика Беломорской компании как монополии, однако возможность создания подобной организации в течение этих 25 лет исключалась[16].

По состоянию на 1804 г. общий капитал Беломорской компании составил 444 тыс. рублей, 42 тыс. из которых предоставил Н.П. Румянцев[17], 139 тыс. руб. было выручено от продажи акций, 150 тыс. руб. было выделено правительством на 8 лет[18]. Десять акций приобрел Александр I, объявленный покровителем компании, который, однако «вверил» организацию «попечению» Н.П. Румянцева. По мнению последнего компания могла бы «со временем войти в соперничество Голландией, Норвегиею и Швециею»[19].

Для России Беломорская компания была серьезной возможностью укрепления политического влияния в Арктике и развития морских промыслов в Северном Ледовитом океане[20]. Это становилось возможным только при хорошей государственной финансовой поддержке. Беломорская компания получила от правительства широкие привилегии: разрешалось распространять деятельность на любые районы Северного Ледовитого океана[21]. Однако ее деятельность ограничилась акваторией Белого и Баренцева морей.

[11] *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия Россиян. М.: Мысль, 1974. С. 28.

[12] Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и других промыслов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVII. СПб.: Тип. II отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1830. С. 832.

[13] *Минаева Т.С.* Архангельский морской порт в первой половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 1996. С. 69.

[14] Там же. С. 80.

[15] Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и других промыслов. С. 830.

[16] Там же. С. 830.

[17] *Пасецкий В.М.* Русские открытия и исследования в Арктике: первая половина XIX в. С. 42.

[18] *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Ч. 1. Архангельск: Архконсалт, 2000. С. 133.

[19] *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 181.

[20] *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия Россиян. С. 30.

[21] Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и других промыслов. С. 833; *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия Россиян. С. 30.

Для руководства организацией было учреждено главное правление, которое находилось в Санкт-Петербурге. Указ 1803 г. предусматривал одновременное создание подчиненных правлению контор в Онеге и Архангельске[22]. Управляющие конторами назначались правлением, онежскую контору возглавил архангельский купец К. Дорбекер. Уже в начале 1804 г. К. Дорбекер был отстранен от руководства, предположительно по причине неисполнения своих обязанностей.

Управляющим конторой в г. Архангельске 5 февраля 1804 г. был назначен кемский судовладелец и торговец В. Ермолин. Он руководил ходом промыслов, закупкой и доставкой грузов, заключал договоры с промышленниками, нанимал приказчиков и служителей в Архангельскую контору.

Беломорской компании было предоставлено право добычи рыбы и зверя у берегов и на островах Белого и Баренцева морей и перевозки грузов морем. Объектами промыслов компании на Шпицбергене и Новой Земле были моржи, тюлени, олени, песцы, белые медведи, гольцы, имелась возможность сбора гагачего пуха.

Белушьи промыслы были распространены не только в Белом море, но также на Новой Земле и Шпицбергене. Объектом этого промысла была белуха – млекопитающее из семейства зубатых китов. Промысел производился с конца мая до начала июля, когда белухи стадами заходили в мелкие заводи для размножения.

Компания отправляла на промыслы три-четыре судна в год.

В связи с нападением на Екатерининскую гавань во время континентальной блокады Беломорская компания понесла потери. В 1809 г. англичанами было захвачено восемь судов с грузом Компании, разграблено ее имущество в г. Коле, при этом убытки составили более 100 тыс. руб. (около ¼ капитала компании). В ходе блокады Англии уменьшился и сбыт промысловой продукции за рубеж[23]. С 1811 г. Компания вела дела с постоянным дефицитом. Практически прекратились поставки грузов в Санкт-Петербург, были сокращены промыслы на Шпицбергене и Новой Земле, а также сельдяные промыслы. Значительные материальные потери привели к разорению и ликвидации Беломорской компании. По представлению собрания акционеров и указу Сената от 22 сентября 1813 г. существование Компании было прекращено по причине ее банкротства.

Причины неудачи создания Беломорской компании состояли в том, что среди ее руководства оказались люди, не разбиравшиеся в вопросах организации морских промыслов, не знакомые с местными условиями их осуществления. Поморов, которые своими знаниями и мастерством могли помочь в реализации задуманных планов, они превратили в своих противников, создав им конкуренцию в меновой торговле с Норвегией. В этих условиях, даже при отсутствии континентальной блокады, данная компания не могла долго просуществовать[24].

В рамках данной статьи следует рассмотреть попытку создания «Северной китоловной компании» в 1870 г., когда по инициативе великого князя Алексея Александровича и архангельского губернатора Н.П. Качалова в г. Коле был начат сбор средств для ее создания. Планировалось, что компания «с помощью парохода, пушек, с устройством завода для вытопки сала» вела бы промысел китов, акул, белуг и дельфинов[25].

Капитал для учреждения компании должен был составить 25–30 тыс. руб. Первоначально было собрано 4 500 руб., одним из 45 инвесторов помимо великого

[22] Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и других промыслов. С. 831.

[23] *Минаева Т.С.* Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX в. / Т.С. Минаева, В. Гортер // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №4. С. 7.

[24] *Минаева Т.С.* Архангельский морской порт в первой половине XIX в. С. 82.

[25] ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1314. Л. 43–44.

князя Алексея Александровича и Н.П. Качалова был известный промышленник М.К. Сидоров. Однако в 1878 г. в связи с нехваткой основного капитала было принято решение не учреждать компанию, при этом 9 человек потребовали вернуть вложенные ими деньги, 16 вкладчиков не сообщили, как распорядиться их средствами, остальные 20 передали деньги в Архангельское женское попечительное общество о бедных[26].

Средства перестали поступать в 1870 г., причина, по которой это произошло, неизвестна. Можно предположить, что «Северная китоловная компания» была задумана как акционерное общество, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

[26] Там же. Л. 34, 43–44, 130, 138.

Н.В. Манвелов

НАЧАЛО КОНЦА АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОРТА

Значение, которое придавал Пётр Великий Архангельскому порту как колыбели Российского императорского флота, хорошо известно. Достаточно обратиться, например, к созданному царём-реформатором Морскому уставу:

«И тако в 1694 году прибыл его величество к городу Архангельскому, и оттуду на яхте своей именуемой Святага Петра, ходил до Поноя с англинскими и голландскими купеческими кораблями, и с одним голландским конвоем, которым командовал капитан Иол Иолсен.

Таковым довольным плаванием обрадован был, но не удоволен государь наш; того ради всю мысль свою клонил для строения флота»[1].

Первый порт и первая военно-морская база Петра Великого просуществовала до 1862 года, когда указом потомка царя-реформатора, императора-реформатора Александра II, Архангельский главный военный порт был упразднён. Адмиралтейство, построившее для Российского императорского флота больше кораблей, чем любое другое, было уничтожено.

Первым документом, в котором напрямую говорится о предстоящем упразднении военного порта является письмо Архангельского гражданского губернатора Николая Арандаренко от 10 июня 1861 г., направленное управляющему Министерством внутренних дел Петру Валуеву[2]. Письмо было обнаружено в Российском государственном историческим архиве И.М. Гостевым, любезно информировавшим о нем автора.

Здесь стоит сделать важную ремарку. Многими исследователями принято считать, что главные командиры Архангельского порта и Архангельские военные губернаторы всегда одновременно являлись и главами гражданской администрации Архангельской губернии. Но это не совсем так. Глава гражданской администрации – гражданский губернатор – являлся самостоятельным администратором, имевшим собственный аппарат, подчиняясь военному губернатору лишь в вопросах, имевших к нему непосредственное отношение.

Гражданские губернаторы были окончательно выведены из-под контроля Архангельских военных губернаторов высочайшим указом Правительствующему сенату от 2 августа 1857 г. (указ Правительствующего сената управляющему Морским министерством от 13 августа того же года за № 39400).

Указ Сената гласит:

«Признав полезным изъять Архангельскую губернию из заведования тамошнего Военного губернатора, повелеваем: 1) Управление сей губернии установить на основании общего губернского учреждения, 2) действия Канцелярии Военного губернатора прекратить, передав находящиеся в производстве оной дела в Канцелярию Гражданского губернатора, 3) чиновников, составляющих сию канцелярию, оставить за штатом на общем основании»[3].

[1] Книга Устав Морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1763. С. 8–9.

[2] РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 1853.

[3] Морской сборник. 1857. № 10. Официальный отдел. С. LX.

Тот же Арандаренко, отметим, находился на посту гражданского губернатора с 6 декабря 1856 г. по 17 апреля 1863 г.[4].

Возможно, такого рода мнение возникло благодаря близкому по времени указу Сената[5], касающегося Астраханской губернии. Сенат, в соответствии указом императора Александра II от 26 июля 1857 г., «признавал полезным для управления гражданской частию в Астраханской губернии» освободить Астраханского военного губернатора и Главного командира Астраханского порта от управления гражданской частью региона. В губернии учреждалась должность гражданского губернатора, в распоряжение которого передавалась «состоящая при военном губернаторе гражданская канцелярия», преобразовывавшаяся в канцелярию губернатора гражданского.

Но вернёмся к письму Архангельского гражданского губернатора, хранящемуся в РГИА. Оно представляет собой отзыв «Главному командиру Архангельского порта и Архангельскому военному губернатору от 9 сего июня на сделанный с его стороны мне[6] вопрос по случаю предположенного упразднения Архангельского военного порта, о сообщении ему сведений и соображений моих о средствах возможно удовлетворительной передачи или сбыта портовых имуществ в ведение местных гражданских управлений или в частные руки, и какое влияние может иметь на вверенный мне край упразднение порта»[7]. Отношение Главного командира датировано 17 мая 1861 г.

Как следует из письма Арандаренко он имел беседы «с местными и иногородными купцами и некоторыми домохозяевами города Архангельска», по итогам которых приходил к следующим выводам[8]:

1. «На принадлежащие порту лесные и металлические материалы могут быть покупщики из лесопильных заводчиков и из местных купцов, но на кораблестроительные сооружения едва ли найдутся здесь желающие.

2. Необходимо повестить в империи, не пожелает ли кто купить кораблестроительные сооружения, а равно лесопильный и металлотокарный заводы в Ширше, и Лапоминкскую гавань, на предмет устройства в ней верфи? Но с этим, я полагал бы нужным, исходатайствовать у правительства отвод лесов для торгового судостроения за умеренную пошлину. Эта мера, с одной стороны, доставляя судостроителям более интереса, подвинет судостроение, с другой же, увеличивая потребность леса, доставит казне средство сбыта, а с этим и выгоды.

3. Для богоугодных заведений Приказа общественного призрения, я полагал бы, приобрести дом командира главного порта, с принадлежащими к нему строениями, а для казённой аптеки одно из каменных строений.

4. Казённые строения, отдельные от портовых строительных зданий, можно продать с публичного торга на местах и на слом, но для этого нужно предоставить некоторое время.

5. Селение Соломбалу причислить к городу, составя из неё 3-ю полицейскую часть, с одним частным приставом, двумя квартальными надзирателями и с необходимым числом полицейских служителей. Таким образом, она войдёт в общий состав архангельской городской полиции. Расходы на содержание её, удержать не свыше ныне существующих, а если окажется возможным, то и уменьшить.

6. Жителей зачислить мещанами, а мастеровых причислить к городским цехам.

7. Соломбальское городское управление соединить в Архангельской городской думе.

[4] Правители Русского Севера. Взгляд через века. Архангельск, 2015. С. 131.

[5] Указ Правительствующего Сената управляющему Морским министерством от 7 августа 1857 года за № 38763 // Морской сборник. 1857. № 10. Официальный отдел. С. LIX–LX.

[6] То есть самому Арандаренко.

[7] РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 1853. Л. 1–1об.

[8] Там же. Л. 2–2об.

8. Училище, приют и богадельню оставить на ныне существующих основаниях.

9. Все торги и базары, существующие в Соломбале оставить без изменения.

10. Все общественные сборы, до сего времени существующие, оставить на прежних основаниях, соединив их с городскими доходами, равным образом поступить и с расходами»[9].

Арандаренко предполагал и возможные потери для экономики региона. По его мнению, в результате упразднения главного военного порта губерния должна была понести убытки, «потому что с отходом порта число потребителей уменьшится почти наполовину всего городского народонаселения». «Уменьшение внутренней городской торговли» должно было отразиться и на окрестных сельских поселениях, снабжавших «своими произведениями» город и Соломбалу – селения эти «в продолжении многих лет приспособили своё хозяйство, конечно встретят немаловажное затруднение в выручке за свой труд».

«Соломбала имеет важное значение в отношении к Архангельску, как по массе потребителей, так и в хозяйственном быту граждан. Большая часть мастеровых, снабжающих город необходимыми житейскими изделиями, находится в Соломбале, в числе служителей порта. Поэтому, опустение Соломбалы с отходом водворённых в ней военных служителей, может произвесть чувствительное потрясение для гражданского быта Архангельска, который, в продолжении многих десятилетий устроился при взаимном вспомоществовании поселенного в Соломбале воинского сословия. Я полагал бы с своей стороны полезным, при упразднении порта в видах поддержки городу Архангельску, уволить в чистую отставку тех нижних чинов Морского ведомства, которые имеют осёдлость в Соломбале, за исключением опороченных публичным наказанием. Уволенные нижние чины могут войти в состав граждан города»[10], – подчёркивал гражданский губернатор.

Арандаренко обращал внимание и на важный военный аспект последствий упразднения Главного порта, который, в силу неизвестных причин, в дальнейшем был обойдён Морским министерством. Речь шла о присутствии на Русском Севере постоянной эскадры, которая могла бы базироваться на Архангельск либо на какой-либо иной порт:

«Какое влияние может произвести на торговое мореходство жителей этого края отсутствие военной морской силы на Белом море? Не породит ли это в нравственном отношении между здешними поморами опасения в беззащитности своего положения и недоверия в спокойном плавании в открытом море? И не последует ли упадок в развитии нашего торгового флота, когда из опасения плавания в открытом море, поморы ограничатся прибрежным лишь плаванием, и вместо шкун, которые в последние 3 года стали умножаться, будут по-прежнему строить ладьи?»[11].

В недрах Министерства внутренних дел решение по письму Арандаренко было принято только 21 сентября 1861 г., причём лишь в той части, что касалась снижения пошлин на лес.

«Рассмотрев вопрос как в исторической ретроспективе, так и в различных вариантах возможных злоупотреблений», Хозяйственный департамент министерства предложил «ввести уменьшенную в четыре раза пошлину для торгового судостроения». Остальное было оставлено без внимания и без ответа[12].

Между тем, в Российском государственном архиве Военно-морского флота

[9] Там же. Л. 2об.–4об.

[10] Там же. Л. 4об.–6.

[11] Там же. Л. 6об.–7.

[12] Там же. Л. 21–26, 27.

автору удалось обнаружить документ, который мог быть основой для отношения Главного командира Архангельского порта вице-адмирала Константина Истомина от 17 мая 1861 г. Речь идёт о рапорте по итогам инспекционной поездки управляющего Морским министерством вице-адмирала Николая Метлина в Архангельск в 1859 г. Рапорт объединён в одно дело с отчётом инспекции контр-адмирала Василия Завойко, имевшей место в 1857 г. – очевидно, чиновники Морского ведомства считали материалы Завойко, говоря современным языком неким полезным «бэкграундом»[13].

Прежде всего, обращает на себя внимание дата резолюции Главного начальника флота и Морского ведомства генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича на рапорте Метлина – 14 января 1860 г.[14] При этом сам доклад вице-адмирала датирован 29 июля 1859 г.[15] Таким образом, между подачей доклада и резолюцией генерал-адмирала прошли почти полгода. Можно предположить, что при таких темпах рассмотрения именно указанный документ мог стать основой для дальнейшего решения об упразднении порта.

Резолюция на рапорте следующая: «На подлинном[16] рукою г. управляющего Морским министерством написано: «Е.И.В.[17] генерал-адмирал изволил приказать следовать без изменений по устройству Архангельского порта изложенным в докладе предположениям»[18]. Проблема лишь в том, что упомянутым в документе «предположениям», судя по всему, хода не дали.

Управляющий Морским министерством отмечал, что Архангельский порт располагает достаточным количеством зданий для размещения личного состава флота, мастерских и складов, но, исключая казармы, эти здания «большией частью ветхи, худо расположены и неприспособлены к своему назначению». По мнению Метлина, при условии выделения порту 120 тыс. руб. можно было упрочить положение порта, завершив уже начатые и произведя новые работы[19]. Работы предлагались следующие:

1. Завершение постройки новой кузницы, ожидавшееся в следующем в 1860 г.[20]

2. Механическое заведение. Его предполагалось возвести на месте старой кузницы; работы планировалось начать после открытия новой кузницы[21];

3. Литейный завод. Первоначально его предполагалось построить на территории Среднего адмиралтейства, что означало большую удалённость от будущего механического заведения, «разъединяя общий круг действия и надзора». Новым местом под постройку было определено местоположение «очень неудобного» и ветхого здания присутственных мест. Новые присутственные места для удобства посетителей предполагалось вынести за пределы Адмиралтейства. Расположенное в том же здании портовое управление рекомендовалось перенести в один из флигелей флотских казарм[22].

После решения трёх данных вопросов, Метлин считал возможным заняться и судьбой «вододействующего» Ширшемского завода Морского ведомства. Его предлагалось полностью упразднить, «через что сосредоточатся средства и надзор порта, что, конечно принесёт значительную пользу». Впрочем, управляющий Морским министерством признавал, что «даровая сила» завода и «многие устройства» его могут в частных руках принести значительную пользу – «жалко было бы видеть это заведение без действия». В связи с этим Главному командиру вице-адмиралу Богдану Глазенапу порта было предложено «приискать надёжного арендатора», благодаря которому «завод будет улучшаться и действия его принесут пользу краю»[23].

«Главным неудобством» Архангельского порта и Соломбальского селения автор рапорта считал ежегодные наводнения из-за разливов Северной Двины, для борьбы с которыми, по его мнению, ранее не предпринималось никаких мер. Между тем, защита в 1859 г. части территории «незначительным» земляным валом позволила избежать её затопления. В этой связи Метлин предлагал обнести валом не только Адмиралтейство, но и Соломбальское адмиралтейское селение.

Требовалось также укрепить сваями берег у Среднего Адмиралтейства, а берег у Лесного Адмиралтейства – подводными откосными ряжевыми стенами[24].

Одновременно предлагалось углубить устья рек Соломбалки и Курьи, причём извлечённый грунт пошёл бы на создание вышеупомянутого земляного вала. В Соломбалке планировалось устроить хранилище мачтовых лесов, «затопив оные». Курье, после углубления и ограждения от заносов, предстояло превратиться в гавань для зимующих судов. Таким образом, отпадала необходимость в содержании Лапоминкской гавани. Интересно отметить, что в качестве батопорта, предохраняющего Курью от наносов, Метлин считал возможным использовать плавучий док, который, впрочем, ещё только предстояло построить[25].

Начальствующее лицо Морского ведомство обратило внимание и на имевшийся в порту бездействующий сухарный завод. Предприятие было построено из рук вон плохо, а сухари, необходимые для расквартированных в порту морских команд, а также судов, для которых требовалось морское снабжение, могли быть без труда завезены из Балтийского моря. Завод предлагалось упразднить, преобразовав его после ремонта в портовый арсенал, а также склад «артиллерийского и материального имущества»[26].

Подлежал упразднению и канатный завод с «принадлежащими оному пеньковыми магазинами». Управляющий Морским министерством читал, что необходимости у порта в нём нет. Контр-адмирал Константин Истомин предлагал разобрать здание, обратив полученный материал на постройку домов мастеровым Ширшемского завода, которых предполагалось переселить в Соломбалу. Метлин же, напротив, полагал, что «это не принесёт ожидаемой пользы», считая необходимым здание либо продать, либо сдать в аренду. Вырученные же деньги могли пойти «на пользу Ширшемских переселенцев»[27].

Имевшийся в Адмиралтействе «большой сарай для строения гребных судов» предполагалось разобрать после постройки здания меньшего размера, но отапливаемого, что позволило бы вести в нем работы зимой[28].

Четыре «совершенно неудобных для своего назначения» сарая для хранения лесов Метлин считал необходимым разобрать, построив из полученного материала два новых «по образцу Датских»[29].

[13] РГАВМФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41.
[14] Там же. Л. 16.
[15] Там же. Л. 25.
[16] В архивном деле имеется только копия.
[17] Его императорское высочество.
[18] РГАВМФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.
[19] Там же. Л. 16–16об.
[20] Там же. Л. 16об.
[21] Там же. Л. 16об.–17.
[22] Там же. Л. 17–18.
[23] Там же. Л. 18–19.
[24] Там же. Л. 23об.
[25] Там же. Л. 19–21об.
[26] Там же. Л. 21об.–22.
[27] Там же. Л. 22об.–23.
[28] Там же. Л. 22–22об.
[29] Там же. Л. 22об.

Как бы заранее соглашаясь с мнением Арандаренко о необходимости защиты северных рубежей империи, Управляющий морским министерством выступал за создание небольшой эскадры, базирующейся на Архангельск. В её состав должны были войти восемь винтовых канонерских лодок «для обороны Архангельска», «а для крейсерства и поисков два ходока клипера»[30].

Так или иначе, но приказом Главного начальника флота и Морского ведомства генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича № 36 от 11 марта 1862 г. главный порт в Архангельске был упразднён. Сохранялась лишь гидрографическая часть, а также управление маяками и лоцией.

Общая численность личного состава офицеров и чиновников была определена в 10 человек – капитан над портом (должность командира отсутствовала), его помощник, делопроизводитель, смотритель казённого имущества и зданий, шесть смотрителей маяков. Смета расходов составлялась из расчёта 10 500 руб. в год.

Тех офицеров и чиновников, кого не признавалось необходимым оставить в штате в Архангельске либо в других учреждениях Морского ведомства, решено было уволить от службы, оставить за штатом или зачислить в резерв. Нижних чинов, имевших в Архангельске и Соломбале «осёдлость» (то есть, «имущество и семьи» – в документе указана именно такая последовательность), а также тех холостых, кто прослужил свыше 15 лет, было приказано увозить в бессрочный отпуск. Остальные зачислялись в другие порты и подразделения Морского ведомства.

После определения того, что следует оставить в казне, излишние запасы и суда предполагалось продать. Недвижимое имущество (земли и строения) Морского ведомства распродавалось на условиях, которые кроме как странными назвать было сложно. «Для большей успешности торгов» покупателям предлагалось «вносить сумму, состоявшуюся на торгах, по частям, в течение 10 лет». Более того, принадлежавшие Морскому ведомству участки земли, находившиеся под частными строениями, передавались владельцам тех самых строений в собственность безо всякого указания на то, что за переход права собственности необходимо будет платить. Что же касается соломбальского приходского училища, то ему передавался не только занимаемый земельный участок, но и принадлежащее Морскому ведомству здание.

Поскольку брандвахты Морского ведомства упразднялись, предстояло также принять решение, кто будет исполнять таможенную службу.[31]

История ликвидации порта требует отдельной статьи. Между тем, интересно проследить, какие сооружения, упоминаемые Метлиным, так или иначе сохранились после 1862 г. В этом может помочь рапорт капитана 2-го ранга Николая Копытова, инспектировавшего строевую и хозяйственную части Архангельского порта в начале 1870 г.[32]

Здания флотских казарм были найдены «в совершенной исправности и опрятности». Значительная их часть была передана властям Архангельска, однако практически не использовалась городом[33].

Согласно рапорту Копытова, кузница на момент упразднения порта была «не вполне оконченная»; нет данных и о том, было ли поставлено необходимое производственное оборудование. После упразднения Главного порта мастерская осталась на территории, контролируемой Морским ведомством, однако её здание было передано для обучения учеников местной ремесленной школы. Школа, впрочем, мастерскую на использовала – «со времени её передачи там ничего не тронуто» – поэтому порт надеялся получить кузницу для использования по прямому назначению[34].

Ни один другой объект в рапорте не упоминается вообще – похоже, что в порту больше не существовали ни механическое заведение, ни литейный, канатный и сухарный заводы, ни сараи для хранения лесов.

Что же касается «отсутствия военной морской силы в Белом море», о чем писал в 1861 г. Арандаренко, то к идее её воссоздания на государственном уровне вернутся только в самом конце XIX века – великий князь Александр Михайлович предложит императору Николаю II создать новый «Северный флот», который бы базировался на заливы Кольского полуострова[35]. Правда, ход этой идее будет дан только с началом Первой Мировой войны, когда Россия вновь окажется практически беззащитной в Северных морях.

[30] Там же. Л. 25.

[31] Морской сборник. 1862. № 4. Распоряжения правительства. С. 51–53.

[32] РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3135.

[33] Там же. Л. 2–2об.

[34] Там же. Л. 6.

[35] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1142. Л. 151–154; Ф. 601. Оп. 1. Д. 435. Л. 1–6; Ф. 645. Оп. 1. Д. 733. Л. 1–6.

Р.А. Давыдов

«ПРИВИВАНИЕ» НОРВЕЖСКИХ СУДОВ В ПОМОРЬЕ В 1860-Х ГГ., ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ: ЕДИНСТВЕННАЯ СО ВРЕМЕН ПЕТРА I ПОПЫТКА СТИМУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ СТРОИТЕЛЬСТВА СУДОВ ИНОСТРАННЫХ ТИПОВ ЧАСТНЫМИ СУДОСТРОИТЕЛЯМИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Европейский Север России известен многовековыми традициями судоходства и частного деревянного судостроения. Русские деревянные суда, построенные в Поморье, совершали плавания к арктическим архипелагам Новая Земля и Шпицберген (Грумант); к становищам Мурманского берега, в уездный город Колу и далее – в Норвегию. Тысячи морских и речных судов ежегодно, как только позволяла ледовая обстановка, с весны по осень, использовались на промыслах и при перевозке грузов. Значительная часть населения городов, посадов, сел и деревень, расположенных на берегах Белого моря и Северного Ледовитого океана была вовлечена в деятельность, связанную со строительством и эксплуатацией судов.

По истории частного судостроения на севере России имеется внушительная историография, включающая сотни публикаций[1]. Тем не менее, остаются многие малоизученные аспекты данной темы.

Настоящая статья посвящена распространению или «прививанию» деревянных судов традиционного норвежского типа, называемых ёлами[2], на Европейском Севере России. Процесс этот официально начался в 1860-е гг., а последние ёлы массово строились в Архангельске в 1940-х годах, во время Великой Отечественной войны.

Но прежде чем приступить к описанию этого процесса, следует кратко напомнить, как осуществлялись и чем закончились единственная более ранняя попытка стимулирования здесь строительства судов европейских типов.

[1] О частном деревянном судостроении на Европейском Севере России и историографию данной темы см. в следующих изданиях: Судостроение Поморского Севера. От истоков до конца XIX века: Библиографический указатель литературы. Архангельск: Правда Севера, 1997; *Дубровин Г.Е., Окороков А.В., Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю.* История северорусского судостроения. СПб.: Алтейя, 2001; Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки / П.А. Филин, С.П. Курноскин. СПб: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2016 и др.

[2] В литературе и источниках, нередко даже в рамках одного делопроизводств или одной публикации, тип судна указывался и как «ёла» и как «ела». Фонетически правильным является первый вариант. Поскольку это слово не является общеупотребительным, в настоящей статье тип судна везде указан как «ёла».

Указы Петра I в отношении традиционного судостроения в Поморье

До начала XVIII в. российские власти на Европейском Севере России старались не вмешиваться в вопросы судостроения, предоставляя судостроителям и судовладельцам самостоятельно решать – какие суда строить и как. Традиции и технологии постройки лодей, кочей, шняк, карбасов и др. типов судов здесь передавались из поколения в поколения.

В эпоху реформ Петра I серией законодательных актов 1710-х–1720-х гг. использование судов традиционных типов в стране вообще и на Севере в частности было ограничено, а их строительство попало под запрет[3].

Согласно именному, данному архангельскому вице-губернатору, указу 28 декабря 1714 г. «О делании морским промышленникам вместо лодей и кочей, гальотов и других новоманерных судов» все промышленники, использующие морские суда традиционных типов, обязаны были в двухлетний, а «по нужде» – в трехлетний срок, вывести их из эксплуатации и уничтожить (буквально: «перевесть»). Закладка новых лодей и кочей запрещалась под угрозой их конфискации и штрафов: «У подлинного указу подписано собственною его царского величества рукою тако: оное взять судно, а сверх вдвое денег во что оное стало»[4]. 28 декабря 1715 г., вышел указ, почти идентичный по содержанию указу, вышедшему годом ранее[5].

Именным указом 2 июля 1718 г., объявленным князем Меншиковым, Петр I запрещал, начиная с сентября, эксплуатацию и строительство карбасов («карбусов») и лодей под угрозой «разорения всего имения»[6].

После поданных царю челобитных, 11 марта 1719 г. Петр I издал именной, данный архангельскому вице-губернатору указ «О строении мореходных судов по новому образцу», разрешавший «всем поморским жителям» все-таки «доходить» на имеющихся у них судах традиционных типов, пока они не придут в полную негодность. Но этим указом также была и подтверждена прежняя решимость полностью искоренить поморские «лодьи, карбасы, соймы, кочи и прочие». «А буде кто станет делать после сего указу новые (суда традиционных типов – Р.Д.), тех с наказанием ссылать на каторгу, и суда их изрубить»[7].

Несмотря на угрозы наказаний, строительство лодей, кочей, шняк, карбасов и других официально запрещенных судов в Поморье продолжилось. А после смерти Петра I российские власти постепенно свели на нет петровские запреты. Сначала – de facto, потом – de jure. Дело было отнюдь не в том, что власти Российской империи стали более гуманными и социально ориентированными. И не в том, что к ним пришло понимание, что поморские суда, адаптированные для эксплуатации в арктических условиях, по соотношению цена–качество, по особенностям конструкции и мореходным качествам, как минимум не хуже европейских типов судов. В данном случае причинами отказа от законодательного наследия Петра I стали убытки и упущенная выгода влиятельных лиц, как светских, так и духовных, контролировавших

[3] *Минейко Г.* Законоположения Петра Великого о речных и морских торговых судах Архангельского порта. // Справочная книжка для Архангельской губернии на 1860. Архангельск, 1859. С. 33–55; *Брызгалов В.В.* Строительство западноевропейских типов судов в Поморье (первая половина XVIII в.) // Нидерланды и Северная Россия / под ред. Ю.Н. Беспятых, Я.В. Велувенкампа, Л.Д. Поповой. СПб: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 235–249.

[4] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ). Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. № 2873. С. 136.

[5] ПСЗ. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. № 2973. С. 187–188.

[6] Там же. № 3215. С. 579–580.

[7] Там же. № 3323. С. 678–679.

рыболовство и зверобойные промыслы. Прикрываясь заботой о «поморских жителях» или «бедных мезенцах», они лоббировали в столице свои интересы, добиваясь официального разрешения на возобновление строительства судов традиционных типов «кому угодно и сколько потребно».

Вот что писал специально изучавший этот вопрос Г.И. Минейко еще в 1859 году.

«В 1730 и 1731 году архимандрит Соловецкого монастыря и мезенцы входили с жалобой, что им, по причине мелководья вверх по Двине реке, при морских берегах и речных устьях и в прочих местах на новоманерных судах ходить невозможно. Да притом бедные мезенцы жаловались, что им не на что строить такие суда. Поэтому и было разрешено употребление старых судов – монастырю для потребностей монастырских и крестьянских, исключая, впрочем, промышленников; мезенцам же потому, что новоманерные суда неудобны ни для рыбного промысла, ни для доставки хлеба»[8]. Юридически эти разрешения были оформлены 26 октября 1730 г. и от 5 мая 1731 г.[9]

В 1749 г. граф Шувалов, получивший годом ранее в содержание сальные промыслы на Европейском Севере России, добился принятия Правительствующим Сенатом указа, позволяющего тем, кто имел отношение к зверобойному промыслу и перевозке продукции этого промысла беспрепятственно строить староманерные суда, пользуясь для этого казенным лесом[10].

С середины XVIII в. строительство судов традиционных типов в Поморье возобновилось уже легально. Насаждавшиеся Петром I типы новоманерных судов с этого времени стали конкурировать на равных условиях с теми типами судов, что строились здесь веками. Европейские новоманерные типы судов не выдержали честной конкурентной борьбы с русскими судами традиционных для Поморья типов. Староманерные типы деревянных парусных судов, строившиеся в Поморье, оказались более востребованными в суровых условиях морей Северного Ледовитого океана, на промыслах у берегов Новой Земли и Шпицбергена (Груманта).

Законодательство Петра I, без учета местной специфики, понуждавшее под угрозами штрафов, каторжных работ, конфискаций и уничтожения имущества поморских жителей строить для торговли и промыслов суда европейских типов вместо традиционных, на практике оказалось неработающим и недолговечным. В середине 1770-х гг. жители Архангельской губернии вернулись к строительству почти исключительно староманерных судов[11].

Спустя ровно 100 лет после исчезновения из российского законодательства последних ограничений на строительство судов традиционных типов в Архангельской губернии, капитан над Архангельским портом Павел Федорович Кузмищев собрал статистические сведения обо всех частных (т.е. «принадлежащих жителям») мореходных судах, имевшихся в губернии. По состоянию на 1849 г. их оказалось 756. Из них большинство (722 или около 95,5%) относились к традиционным типам: шняк – 72, раньшин – 69, карбасов – 152, кочмар – 154, лодей – 275[12].

«Метод кнута», т.е. метод угроз и наказаний, повсеместно используемый

[8] *Минейко Г.* Законоположения Петра Великого… С. 50–51.

[9] *Брызгалов В.В.* Строительство западноевропейских типов судов… С. 238.

[10] ПСЗ. Т. XIII. 1749–1753. СПб., 1830. № 9634. С. 88-93; Минейко Г. Законоположение Петра Великого… С. 51.

[11] *Брызгалов В.В.* Строительство западноевропейских типов судов… С. 247–248.

[12] *Кузмищев П.* Статистические сведения о мореходных судах Архангельской губернии за 1849 год // Архангельские губернские ведомости. 1850. №13. Эта же публикация была издана отдельным изданием на 6 страницах. Рукопись П.Ф. Кузмищева находится в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) в фонде Архангельского губернского статистического комитета в «Деле о движении судоходства и торговли по Архангельскому таможенному округу в 1852 и 1853 годах» (ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 6. Л. 2–7).

Петром I при проведении догоняющей модернизации в России, в данном конкретном случае не сработал.

В 1860-х гг., в начале эпохи великих реформ, власти российской империи попробовали заставить поморов Архангельской губернии строить суда иностранных типов уже, если можно так выразиться, «методом пряника», стимулируя строителей медалями и деньгами. Инициатором идеи «прививания» среди судостроителей и судовладельцев Поморья норвежских типов судов, главным образом – ёл, выступил Николай Яковлевич Данилевский. Тот самый Н.Я Данилевский, который известен историкам и философам как автор выдержавшей множество переизданий книги «Россия и Европа»[13], а также своей воинственной критикой дарвинизма[14].

Н.Я. Данилевский и официальное начало «прививания» норвежских ёл на Севере России в 1860-х гг.

В 1859–1861 гг. Данилевский возглавлял экспедицию от Министерства государственных имуществ, которая впервые в отечественной науке собрала и обработала большой объем сведений о рыболовстве и зверобойном промысле на Европейском Севере – не только в России, но и в Норвегии. Результаты работы этой экспедиции были опубликованы в двух объемных томах, один из которых был написан лично Н.Я. Данилевским[15], и альбоме великолепно выполненных иллюстраций. Работа ученых вызвала заметный интерес в Архангельской губернии; ряд положений ее подвергся обсуждению и критике[16]. Помимо выводов сугубо научного характера, Данилевский большое внимание уделял разработке практических рекомендаций по рациональному использованию рыбных ресурсов, совершенствованию способов лова и обработки рыбы, промыслового судостроения на Севере.

В 1862 г. на основе рекомендаций Н.Я. Данилевского 12 (24) ноября было высочайше утверждено и 17 (29) декабря распубликовано мнение Государственного Совета «О даровании жителям Поморского края Архангельской губернии некоторых льгот в видах развития там рыбного промысла и о дозволении крестьянам и мещанам Беломорского побережья вывозить в Норвегию всякого рода товары наравне с купцами первых двух гильдий»[17].

Н.Я. Данилевский выступил одним из инициаторов начала официальной колонизации Мурманского берега Кольского полуострова и стимулирования этого процесса. После сожжения во время боя английским военным пароходом в 1854 г. большей части города Колы – единственного русского города на всем Мурманском берегу – с особой остротой возникла необходимость заселения и хозяйственного освоения Мурмана, где русские, занимаясь сезонными промыслами, не имели постоянных поселений, а коренное население – саамы – вели кочевой образ жизни. Заброшенность российской территории особенно бросалась в глаза при сравнении ее с сопредельной территорией «культурной» Норвегии. Н.Я. Данилевский поддержал инициативу российского генерального консула в Христиании (ныне Осло)

[13] «Россия и Европа» – наиболее известный труд Н.Я. Данилевского. Написан в 1868 г., впервые опубликован в журнале «Заря» в 1869 г., впервые отдельным изданием – в 1871 г. Одно из последних изданий: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. Подробнее о взглядах Н.Я. Данилевского и соответствующую историографию см.: *Хорошева А.В. Творчество Н.Я.* Данилевского в общественной мысли пореформенной России. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2007.

[14] *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм: Критическое исследование. В 2 т. СПб., 1885–1889.

[15] Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения. СПб., 1862.

[16] Об отчете экспедиции, исследовавшей рыбные и звериные промыслы Белого и Ледовитого морей // Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета за 1866 год / Сост. П. Чубинский. Архангельск, 1867. С. 101–122.

[17] ПСЗ. Т.XXXVII. Отделение 2. 1862. СПб., 1865. № 38910. С. 332.

Г.А. Мехелина[18] об устройстве постоянных русских поселений на Мурманском берегу. Он писал: «Поселения эти должны быть тем же для рыболовства, чем служат образцовые фермы для земледелия, чтобы прочие ловцы, приходящие с Поморья, могли здесь видеть на деле новые отрасли рыбной промышленности, у нас только что начинающие входить в употребление, именно лов акулы, а также и лов сайды, и не введенные у нас еще способы лова, как, например, ручною удочкою на поддев, который в некоторых случаях может быть весьма полезен. Здесь также могли бы наши перенять устройство норвежских рыболовных судов – ёл, которые лучше держатся в море при погоде, чем наши шняки и, следовательно, могут дальше отъезжать от берегов»[19].

Одним из главных внешних отличий ёл от шняк было парусное вооружение – «прямое» у шняк и «косое» у ёл, что давало последним гораздо больше возможностей для лавировки и делало их менее зависимыми от направления ветра. Другое заметное отличие – наличие каюты в кормовой части.

Н.Я. Данилевский выступил с инициативой закупки в Норвегии норвежских судов разных размеров за казенный счет для бесплатной раздачи их наиболее авторитетным русским промышленникам, чтобы те «переняли» их устройство и начали строить свои суда по образцу норвежских[20]. В дополнение к этому он рекомендовал властям распространить чертежи норвежской ёлы в Поморье чтобы облегчить этот процесс.

Соответствующая переписка 1863–1869 гг. в двух объемных томах сохранилась в Государственном архиве Архангельской области. Историки и местные краеведы не обращали на нее должного внимания, на наш взгляд, отчасти потому, что это делопроизводство в советское время было искусственно разъединено и разведено по разным фондам архива, причем каждый из томов получил свое название: «Дело о раздаче беломорским рыбопромышленникам купленных в Норвегии ел» (ГААО. Ф. 71 – Архангельское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Т. 1. Д. 5а) и «Дело о распространении строительства судов – норвежской елы и ронверской лодки, согласно чертежей, и о порядке награждения за выполнение этого строительства медалями и деньгами» (ГААО. Ф. 1 – Канцелярия архангельского губернатора. Оп. 5 Д. 765). Между тем, на сохранившихся оригинальных обложках дел есть полные старые названия, имеющие минимальные отличия друг от друга: «Канцелярии архангельского губернатора дело по 2 столу по отношению Департамента сельского хозяйства об устройстве рыбопромышленных ёл» и «Канцелярии архангельского губернатора дело по 2 столу по отношению Департамента сельского хозяйства об устройстве норвежских рыболовных ёл». При этом «том I» имеет подзаголовок: «О раздаче купленных в Норвегии ёл»; подзаголовок «тома II» – «О приглашении к устройству ёл». Наличие на оригинальных обложках указания томов латинскими цифрами не оставляет сомнений в том, что в 1860-х гг. эта межведомственная переписка представляла единое делопроизводство в канцелярии архангельского губернатора.

29 июня (11 июля) 1863 г. Департамент сельского хозяйства выслал в Архангельск 350 экземпляров чертежей «норландской ёлы». В сопроводительном письме содержалось пояснение: «Экспедиция, исследовавшая Белое и Ледовитое моря[21], в проектированных ею мерах к развитию рыболовства в северных водах России предложила, между прочим, ввести в употребление между нашими поморскими рыбопромышленниками норвежские ёлы вместо ныне употребляемых шняк. С этою целью экспедиция предлагала разослать в Кемь и по поморским деревням планы норвежских ёл. Г. министр государственных имуществ, по докладе об этом Департамента сельского хозяйства, приказал меру эту привести в исполнение». Далее в письме губернатору содержалась просьба: «Сделать распоряжение о раздаче сих чертежей поморским и известным архангельским рыбопромышленникам». Чертежи рекомендовалось давать в первую очередь тем из них, которые «по своим средствам и пониманию дела» действительно захотят и смогут построить ёлы[22].

В августе 1863 г. большую часть полученных 350 экземпляров чертежей из Канцелярии архангельского губернатора передали для распространения в архангельскую палату государственных имуществ (125 экземпляров), архангельскому полицмейстеру – 25 экземпляров. Кемскому, онежскому, мезенскому и архангельскому уездным исправникам были отправлены почтой 75, 50, 25 и 25 экземпляров соответственно. Можно с большой уверенностью предположить, что это явно неравное распределение чертежей было обусловлено пониманием в канцелярии губернатора «целевой аудитории»: в Кемском и Онежском уезда частное судостроение было более развито; именно из этих уездов на сезонные мурманские промыслы уходило большее число мужчин. Именно на Мурмане предлагаемые к распространению ёлы были бы наиболее востребованы. По нескольку экземпляров чертежей было отправлено для использования в учебном процессе Архангельских и Кемских шкиперских курсов, так как основы судостроения входили в число преподаваемых там предметов. Чертежи получил и настоятель Соловецкого монастыря, а также подданный и вице-консул Великобритании Джелибрандт, «который по давнему пребыванию своему в Онеге, хорошо знает местных промышленников и приобрел между ними особую любовь и доверие»[23].

Поступившие в канцелярию губернатора ответы с мест были формально вежливы и нейтральны; смысл их сводился к тому, что чертежи получены и будут использованы. Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий, поблагодарив губернатора «за сочувствие к пользе обители», недвусмысленно дал понять, что никаких действий к распространению ёл предпринимать не будет: «Соловецкий монастырь на Мурманском российском берегу рыбными промыслами трески не занимается, а покупает таковую у тамошних промышленников готовую»[24]. В ответе мезенского уездного исправника было выражено сомнение в том, что распространение им среди промышленников чертежей ёл будет иметь какие-либо последствия: «Полагаю, что постройка лодок по этим чертежам едва ли войдет в употребление между здешними промышленниками, потому что они вовсе не занимаются ловлею морской рыбы, но если и выходят в море, то единственно для боя морских зверей, на каковой предмет имеют лодки весьма легкие, способные к быстрым поворотам между плавающими льдинами и приспособленные так, что их можно перетаскивать по льдинам на подделанных под ними узких полозьях»[25].

---

[18] *Давыдов Р.А.* Российский генеральный консул в Норвегии Г.А. Мехелин, его наблюдения и предложения, касающиеся Мурмана и Северной Норвегии (1850-1860-х гг.) // Живущие на Севере: альманах. Вып. 2. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 20–30.

[19] Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI… С. 243. О роли Н.Я. Данилевского в начале колонизации Мурманского берега подробнее см.: *Давыдов Р.А.* Предыстория и начало норвежской и финской колонизации Мурмана. Формирование и трансформация собирательного образа Мурманского колониста в 1860–1876 гг. // Живущие на Севере: образы и реальность: Сборник научных статей / Науч. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 59–82. Об истории колонизации Мурмана в целом см.: *Орехова Е.А.* Колонизация Мурманского берега Кольского п-ова во второй пол. XIX – первой трети XX вв. Дисс. … канд.ист.наук. СПб., 2009.

[20] ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 482. Л. 14–15.

[21] Северный Ледовитый океан в российских источниках и литературе середины XIX в. назывался «Ледовитым морем».

[22] ГААО. Ф. 1. Оп. 5 Д. 765. Л. 1–1об.

[23] Там же. Л. 2–4.

[24] Там же. Л. 13–13об.

[25] Там же. Л. 12–12об.

«Правила о награждении… первых в России строителей норвежских ёл»

Осенью 1863 г. отдельные судостроители, получившие чертежи или ознакомившиеся с ними, проявили сдержанный интерес к постройке ёл. В канцелярии архангельского губернатора они лично и через исправников просили уточнить: возможно ли будет лес для строительства ёл получить на льготных условиях? Началась переписка, конец которой положили «Высочайше утвержденные в 1 день ноября 1863 года правила о награждении медалями и денежными премиями первых в России строителей норвежских ел» из пяти пунктов. Воспроизведем их полностью.

«1. Первых трех промышленников, которые построят суда по образцу норвежских ёл, наградить пожалованием серебряных медалей, с надписью: «за полезное», для ношения на шее, хотя бы они и не имели еще таковых для ношения на груди, но с соблюдением однакоже постепенности в лентах, на коих эти медали будут жалуемы, т.е. если построивший ёлу не будет иметь вовсе медалей для ношения на шее, то ему дается серебряная медаль на Станиславской ленте, если же он будет иметь уже таковую медаль, то ему жалуется новая на Аннинской ленте и т.д.

2. Следующих за тем пять промышленников, которые строят норвежские ёлы, наградить пожалованием серебряных медалей, для ношения на груди и с соблюдением такой же постепенности в лентах, как это означено в пункте 1.

3. Медали эти, не устанавливая для них особого закона, жаловать в применение к ст. III Уст. город. и сель. хоз. Т. XII Св. Зак. изд. 1857 г. и на основании ст. 1147 Зак. служ. опред. правит. Т. III по продолж. 111, испрашивая всякий раз, через Комитет Министров, высочайшее соизволение.

4. Наконец следующим пяти лицам, построившим суда по образцу норвежских ёл, выдавать, с разрешения Министра государственных имуществ, денежные премии в размере 100 руб. каждому, производя этот расход из суммы 5000 руб., вносимым ежегодно в финансовую смету Департамента сельского хозяйства по Высочайшему повелению 19 июля 1863 года на развитие рыболовства в России. – и

5. Правила эти распубликовать во всеобщее сведение, возложив на начальника Архангельской губернии представлять Министерству государственных имуществ о тех лицах, которые за постройку ёл будут подлежать награждению на указанных основаниях»[26].

«Высочайше утвержденные правила» Министерство государственных имуществ отправило в Архангельск в самом конце 1863 г., соответствующая переписка началась лишь в начале 1864 году. В течение 1864 г. первые восемь ёл в Архангельской губернии были построены.

Строители первых ёл в 1864 г.и их награды

Сохранившаяся переписка, касающаяся строительства первых ёл и награждения их строителей, довольно обширна. В рамках статьи отметим лишь общие сведения, представив их в виде таблицы, сгруппировав данные согласно вопросам, которые запрашивала канцелярия архангельского губернатора от уездных чиновников.

[26] ПСЗ. Т.XXXVIII. Отделение 2. 1863. СПб., 1866. № 40169. С. 138–139; ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 1а.

Краткие сведения о первых ёлах построенных в Архангельской губернии в 1864 г., и их строителях[27]

Порядковый номер	«Кем именно построена»	«Когда окончена, спущена на воду и приноровлена к плаванию»	«Когда освидетельствована и что при этом оказалось»
1	Степан Абакумов Щапихин, крестьянин Дорогорской волости Мезенского уезда	Построена 17 февраля. Спущена на воду в первых числах июня. «Приноровлена к плаванию и оснащена» к 15 августа	15 августа 1864 г. «Оказалась соответствующей чертежу норландской лодки (елы) и, по удостоверению знатоков, весьма годна для промыслов»
2	Петр Сергеев, крестьянин Мотовского погоста Кемского уезда	Построена в марте. Спущена на воду 16 апреля	18 августа 1864 г. «Оказалась построенною сходно с чертежом, может поднять грузу от 80 до 90 пудов».
3	Михайло Иконников, крестьянин Сороцкой волости Кемского уезда	Построена 10 апреля, оснащена и спущена на воду «в половине мая»	8 июня 1864 г. «Оказалась сходною с чертежом, доброкачественна и легко управляется двумя человеками».
4	Григорий Демидов, сумский мещанин.	Построена 15 апреля, оснащена и спущена на воду в половине мая	25 мая 1864 г. «Оказалась построенною с некоторыми отступлениями от чертежа, которые, по заверению знатоков, не могут служить препятствием при употреблении на промыслах»
5	Никифор Васильев Кочин[28], крестьянин Колежемского селения Кемского уезда	Построена 8 мая, вскоре спущена на воду и оснащена в октябре	5 ноября 1864 г. «Оказалась построенною сходно с чертежом, благонадежна к плаванию и может понести груза до 300 пудов».
6	Андрей Старков, крестьянин деревни Шуи Кемского уезда	Построена и спущена на воду 23 мая	11 февраля 1865 г. «Имела сходство с чертежем норландской лодки».
7	Егор Ильин Корконосов, крестьянин Патракеевского общества Архангельского уезда	Построена в мае 1864 г., «переделана согласно замечаниям специалистов в начале ноября».	4 ноября 1864 г. «оказалась соответствующею норвежской ёле»
8	Ефим Михайлов Швецов, крестьянин Вачевской волости Онежского уезда.	Построена и «приноровлена к плаванию» 2 июля	2 июня 1864 г. «Оказалась сходною с чертежом и благонадежною для плавания».

В таблицу не включены сведения о двух ёлах, построенных еще в 1862 г. крестьянином Кемского уезда Шуерецкой деревни Степаном Охлыновым, которые были освидетельствованы 2 августа 1864 г. и «оказались схожими с чертежом, присланным из министерства», могли поднять груз до 200 пудов каждая. Однако представлять к награждению С. Охлынова местные власти отказались, поскольку ёлы его были «шиты веревкой, шпангоуты толсты, мачты без вантов», отсутствовали кнехтов для крепления якорных канатов и вообще работа выглядела «довольно нечистой». Наконец, и это главное: ёлы Охлынов построил до того, как были опубликованы «высочайше утвержденные правила»[29].

[27] ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 139–140.

[28] В разных документах фамилия указывалась как «Кочин» и как «Кичин» (возможно, из-за небрежности канцеляристов?). Полагаем, что правильным является первый вариант.

[29] ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 140, 143 об.

Таким образом, получалось, что строители первых ёл – государственные крестьяне С. Щапихин, П. Сергеев и М. Иконников – согласно высочайше утвержденным правилам 1 ноября 1863 г., имели право на награждение серебряными медалями для ношения на шее. Остальные пять строителей – сумский мещанин Демидов и государственные крестьяне Н. Кочин, А. Старков, Е. Корконосов и Е. Швецов подлежали награждению серебряными медалями для ношения на груди. Но при оформлении представления на награждение возникли неожиданные сложности. Дело в том, что о каждом человеке, представляемом к награде, нужно было сообщить, какие он «получал прежде награды, когда и за что именно?», а также «был ли в штрафах, под следствием и судом, а если был, то за что именно, когда и чем дело кончено?»

И тут выяснилось, что четверо из восьми строителей имели проблемы с законом ранее или даже на момент представления их к наградам.

Е. Швецов состоял под судом «по прикосновенности к делу о неповиновении начальству»; но по решению Онежского уездного суда от суда и взыскания был освобожден.

М. Иконников был под судом в 1852 г. по делу о причинении им обиды становому приставу, за что по решению Кемского уездного суда выдержан под арестом при волостной расправе три недели и «оставлен в подозрении». Кроме того, состоял под следствием по делу о найденном осенью 1864 г. на островах Кузовах контрабандном товаре, будто бы ему принадлежащем. Следствие было еще не окончено.

Г. Демидов, получивший в 1859 г. благодарность «за постройку на свой счет нового дома для священников Сумского прихода», в 1852 г. был под судом по делу «об оставлении двух работников в становище на Мурманском берегу без надлежащего обеспечения», за что по решению Кемской городовой ратуши был выдержан под арестом при становой квартире 3 недели.

Но больше всего дел Архангельской палатой уголовного и гражданского суда производилось в отношении Е. Корконосова. Таких дел было девять!

1. о похищении им с работниками его с разбитого корабля снастей;

2. о непущении им станового пристава Головина к описи имения его, Корконосова, по иску купеческого сына Селезнева;

3. Об оскорблении и оклеветании им, Корконосовым, станового пристава Крыкова;

4. о покраже у купца Сергеева разных вещей;

5. о ложном им извете… в составлении фальшивой расписки от имени его, Корконосова, в должных Алсуфьеву деньгах, об ослушании его против волостного начальства и произнесении им неуважительных слов на счет судов и становых приставов и об угрозах Корконосовым крестьянину Павлу Стрелкову;

7. о невзятии плававшими в навигацию 1859 г. в Норвегию поморами таможенных паспортов;

8. о плавании того же Корконосова и других крестьян в Норвегию без таможенных паспортов в навигацию 1861 г. и

9. о поморах, плаавших в Норвегию без таможенных паспортов в навигацию 1862 года».

О сложившейся ситуации начальник архангельской губернии Николай Мартынович Гартинг написал министру государственных имуществ 24 марта (5 апреля) 1865 г. Ссылаясь на статью 850 тома I Свода законов[30], он отмечал, что М. Иконников, Г. Демидов и Е. Корконосов «не могут быть удостоены медалей». Тем не менее, начальник губернии выступил в их поддержку! Он мотивировал ее тем, что, что М. Иконников, Г. Демидов и Е. Корконосов «поспешным исполнением приглашения правительства о постройке ёл выразили полную готовность содействовать правительству в благих заботах его по устройству благосостояния местных жителей». Н.М. Гартинг полагал, что будет справедливо «вместо следующих им на основании высочайше утвержденных 1-го ноября 1863 г. правил, медалей, выдать им, согласно п. 4 тех же правил, денежную премию по 100 руб. каждому»[31].

В случае поддержки его предложения, начальник Архангельской губернии считал возможным «раздать» три серебряные медали для ношения на шее государственным крестьянам С. Щапихину, П. Сергееву и Н. Кочину, одну серебряную медаль для ношения на груди выдать крестьянину Е. Швецову. В отношении А. Старкова вопрос о награждении его Гартинг счел нужным отложить до тех пор, пока тот не устранит сделанные ему замечания по конструкции построенного им судна; «остальные же нерозданные медали оставить для раздачи последующим строителям ел»[32].

Министр государственных имуществ согласился с доводами архангельского губернатора и вошел в Комитет министров с представлением о награждении серебряными медалями государственных крестьян С. Щапихина, П. Сергеева и Н. Кочина для ношения на шее; Е. Швецова – для ношении на груди. Также министр сделал распоряжение об ассигновании в канцелярию архангельского губернатора 200 рублей для выдачи их в качестве премий государственному крестьянину Иконникову и сумскому мещанину Демидову – по 100 руб. каждому[33].

Единственным, о ком «забыли» в Министерстве государственных имуществ, оказался крестьянин Патракеевского сельского общества Архангельского уезда Егор Корконосов. Вероятно, чиновники в Санкт-Петербурге посчитали, что невозможно награждать злостного уголовника – ни деньгами, ни, так более, медалью. Но губернатор Н.М. Гартинг проявил неожиданную настойчивость. Сначала он решил выяснить: где находиться Е. Корконосов – в тюрьме или на свободе? Узнав, что тот на свободе, Н.М. Гартинг 2 (14) июня 1865 г. написал письмо на имя министра государственных имуществ, в котором вновь ходатайствовал о награждении Е. Корконосова. Он напоминал министру, что согласно высочайше утвержденных правил от 1 ноября 1863 г., этот крестьянин подлежал награждению медалью за то, что он «один из первых изъявил готовность исполнить желание правительства» по распространению ёл и действительно построил ёлу одним из первых. Н.М. Гартинг не мог не упомянуть о производящихся в Архангельской палате уголовного и гражданского суда делах, по которым Е. Корконосов проходил обвиняемым. Однако, заменив в черновике письма «девять» уголовных дел на «несколько», губернатор написал, что подсудность Корконосова «едва ли может служить препятствием к выдаче ему денежной премии, а, между тем, отказ ему в этом может иметь весьма дурное влияние, поколебав доверие к обещанным правительством наградам»[34]. Аргумент возымел действие. Министр государственных имуществ приказал выдать Е. Корконосову денежную премию; 100 рублей были переассигнованы в канцелярию архангельского губернатора[35].

[30] Подробнее см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. СПб., 1857. С. 166.

[31] ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 141–143об.

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 150–150об.

[34] Там же. Л. 155–156об.

[35] Там же. Л. 160.

Полный успех?

В середине 1860-х гг. в канцелярии архангельского губернатора были твердо уверены, что процесс распространения («внедрения», «прививания») норвежских ёл не только начался, но и завершился совершенным успехом. Соответствующие выводы были даже включены в ежегодные отчеты губернатора, представленные на высочайшее имя за 1864 и 1865 гг.

Из отчета за 1864 год:

«В видах улучшения местного судостроения, Министерство государственных имуществ, согласно предположениям ученой экспедиции, исследовавшей в 1859–1861 гг. состояние рыбных и звериных промыслов в Белом море и Северном океане, признало полезным ввести у архангельских рыболовов норвежские суда – ёлы и для скорейшего достижения сего испросило высочайшее соизволение на награждение медалями и денежными премиями первых строителей норвежских ёл и выписало из Норвегии для образца 10 лучших ёл. Из числа этих ёл 6 уже доставлены в Архангельск и розданы надежнейшим, по указанию крестьян, промышленникам, а остальные ёлы ожидаются в начале настоящего года. По объявлении же крестьянам о высочайше назначенных за постройку ёл наградах, крестьяне: Архангельского уезда – Корконосов; Мезенского – Щапихин; Кемского – Иконников, Кочин, Старков, Сергеев и Онежского – Швецов и сумский мещанин Демидов построили для себя в 1864 г. норвежские ёлы, и будут представлены к установленным наградам. Сверх того, по представлению начальника губернии о пользе введения этих ёл у норвежских переселенцев, прибывших в последнее время на Мурманский берег для развития в том крае сельского хозяйства и промыслов, г. министром государственных имуществ разрешено отпустить упомянутым переселенцам бесплатно, из кемских лесов, необходимый на постройку 10 ёл материал»[36].

Из отчета за 1865 год:

«Возникшее в 1864 году предположение о введении у архангельских рыболовов норвежских судов ёл осуществлено в минувшем году с полным успехом, и первые строители сих судов – крестьяне Мезенского уезда Степан Щапихин; Кемского уезда Сергеев и Кочин и Онежского – Швецов, – удостоены с высочайшего Вашего императорского величества соизволения серебряных медалей с надписью «За полезное» для ношения на шее на Станиславской ленте. Сверх того, выданы от министра государственных имуществ за постройку ёл денежные премии в 100 руб. крестьянам Кемского уезда Иконникову и сумскому мещанину Демидову»[37].

Однако если взглянуть на результаты строительства ёл в Архангельской губернии более внимательно, то всё оказывается не столь оптимистично.

Первые восемь ёл были построены в течение одного 1864 года, т.е. сразу же после того, как в по уездам были распространены их чертежи и после того, как заинтересованным лицам в Архангельской губернии стали известными высочайше утвержденные правила. Награды получили лишь строители семи ёл: трое – медали для ношения на груди, один – медаль для ношения на шее и трое – денежные премияе по 100 рублей. Строитель восьмой ёлы, крестьянин деревни Шуи Кемского уезда Андрей Старков, отказался переделывать свое новое судно, при освидетельствовании которого обнаружились «некоторые отступления от изданного чертежа» и письменно отказался от установленной за его постройку награды.

В 1865 г. в Архангельской губернии никто ёл строить не стал. Оставшиеся награды за постройку ёл (четыре серебряных медали для ношения на груди и две денежных

[36] ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 482. Л. 14–15.

[37] Там же. Д. 490. Л. 11–11об.

премии по 100 рублей) оказались невостребованными[38]. Соответствующая переписка возобновилась лишь в 1867 году.

Ёла Кристиана Ольденбурга

Результатами научной и административной деятельности Н.Я. Данилевского, как уже отмечалось выше, стало официальное объявление колонизации Мурмана – северного морского побережья Кольского полуострова от российско-норвежской границы до мыса Святой Нос, к участию в которой официально приглашались иностранные подданные – по факту – норвежцы, которые по прибытии на Мурман должны были принять российское подданство. И вот в 1867 г. один из норвежцев, приехавший на Мурман на постоянное место жительства, решил получить обещанное российским императором вознаграждение за построенную им норвежскую ёлу. Н.Я. Данилевский мог бы гордиться: его инициативы – о приглашении норвежцев к колонизации Мурмана «для примера» русским и о распространении норвежских ёл на мурманских промыслах, оказались реализованы на практике, причем в конкретном случае – обе сразу. Получалось, что инициативный и трудолюбивый норвежец, принявший российское подданство построил норвежскую ёлу как пример для подражания русским рыбопромышленникам!

В апреле 1867 г. проживающий в г. Коле Кристиан Мартынов Ольденбург[39] сообщил приставу 5-го стана Кемского уезда[40] о том, что он «построил для примера прочим жителям норвежское судно ёлу». Он просил пристава освидетельствовать ее «и двести до сведения господина архангельского губернатора на предмет вознаграждения» его чем-либо «по усмотрению начальства» и обещал, что если получит вознаграждение, то непременно на будущее время постарается «в большом размере построить другую ёлу»[41].

В том же месяце ёла Ольденбурга была освидетельствована. Размер ее считался «средним»: длина по килю – 5 сажен; ширина – 1 сажень 1 вершок; высота «боковых стен» – 1,5 аршина. Она была «довольно чистой работы», «шита гвоздьем на глухих железных заклепках и построена из тонкого лесу, где какой следует», шпангоуты были тонкими, но достаточно крепкими. Грузоподъемность – около 170 пуд. Полностью соответствуя рекомендованным чертежам, ёла Ольденбурга при испытании хода на веслах и под парусом «оказалась весьма ходкою»[42].

По собранным сведениям о бывшем норвежском, а, на момент освидетельствования ёлы, уже русском подданном К.М. Ольденбурге, выходило, что «он состояния есть самого бедного», лес для постройки ёлы приобрел на законных основаниях и оплатил пошлину. По сообщению судебного следователя Кемского уезда, выяснилось, что К.М. Ольденбург хотя под судом ранее не состоял, но в 1867 г. находился «прикосновенным к следствию по одному делу о самовольной порубке леса в Печенгской даче на сумму 2 руб. 64 коп.» и, значит, не мог быть представлен к награждению медалью[43].

Однако без награды К.М. Ольденбург не остался. В январе 1868 г. Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных

[38] ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 195, 195об., 201.

[39] В документах канцелярии архангельского губернатора имя и фамилия принявшего российское подданство норвежца пишется по-разному: «Кристиан» и «Христиан»; «Ульденбург», «Улденбург», «Ольденбург». Русифицированное написание отчества «Мартынов» указывает на отца его, вероятно, по имени Мартин.

[40] Уездный город Кола после сожжения его при обстреле с моря английским пароходом «Миранда» в 1854 г. утратил свое административное и экономическое значение; Кола стала заштатным городом, с 1859 по 1883 гг. Кольский уезд был присоединен к Кемскому.

[41] ГААО. Ф. 1 Оп. 5 Д. 765. Л. 198.

[42] Там же. Л. 197–197об.

[43] Там же. Л. 195об.–196, 200–202.

имуществ уведомил архангельского губернатора, о подписанном приказе «выдать русскому подданному Ольденбургу денежную премию за постройку норвежской ёлы»[44]. Другое дело, что примеру его ни на Мурмане, ни на берегах Белого моря местные жители следовать не спешили.

«Ёла жидка постройкою»?

В начале 1870-х гг. стало казаться, что попытки «прививания» норвежских ёл на Русском Севере все-таки потерпели неудачу. Отдельные, мимоходом сделанные замечания об этом можно встретить в российской периодике тех лет. Летом 1872 г. промысловые становища Мурманского берега на шхуне «Полярная звезда» посетили члены комиссии, учрежденной при Министерстве финансов, занимавшейся изысканием мер к экономическому развитию северного края империи. Входивший в состав этой комиссии от Морского министерства капитан 1 ранга князь Леонид Алексеевич Ухтомский в 1874 г. опубликовал свои путевые заметки, где, среди прочего, заметил: «Лет 10 тому назад были опыты заменить шняку лучшим судном — ёлою, но это не принялось, говорят потому, что ёла жидка постройкою, и стоя на обсушке или во время отлива не выдерживает ударов о дно моря. Напротив, шняка выдерживает эти невзгоды»[45].

Здесь следует обратить внимание на то, что условия эксплуатации ёл в Норвегии и, отчасти, на Мурмане, сильно отличались от аналогичных условий на берегах Белого моря. В Норвегии ёлы отстаивались во фиордах, на значительной глубине. А у многих поморских селений по берегам Белого моря глубины были незначительными, и ситуации при которых волны били суда о каменистое дно во время приливов и отливов, были не исключительными, а вполне заурядными.

Казалось, что крайний консерватизм, выражавшийся в стремлении из поколения в поколение строить деревянные суда одних и тех же типов неистребим в Поморье, что никаким инновациям не «привиться» здесь к традиционной морской культуре извне. Не получилось это в эпоху Петра Великого, не получилось и в эпоху великих реформ Александра II. Казалось, что ни указы Петра I с угрозами разнообразных наказаний за строительство судов традиционных типов, ни медали с денежными премиями за постройку норвежских ёл и даже бесплатная раздача их в 1860-х гг. не смогли поколебать приверженность поморов своим старым шнякам, карбасам и другим типам давно используемых на Русском Севере судов.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. норвежские ёлы стали постепенно распространяться на Русском Севере, причем преимущественно на мурманских промыслах, т.е. именно там, где их еще в 1860-х гг. хотел видеть Н.Я. Данилевский. В рамках данной статьи мы не рассматриваем подробно этот медленный и не очевидный не сторонних наблюдателей, не получивший освещения в прессе и официальных отчетах губернаторов процесс распространения норвежских ёл. Заметим лишь, что в 1890-х – 1900-х гг. их стали применять в качестве разъездных маломерных судов и местные чиновники на Мурмане; они закреплялись на шлюпбалках российских паровых судов, в т.ч. и военных. Возможно, об этом нами будет подготовлена отдельная публикация. Зафиксируем главное: к началу 1920-х гг., т.е. времени окончания Гражданской войны на севере России, ёла (как тип промыслового судна), заняла безусловное доминирующее положение на мурманских промыслах!

[44] Там же. Л. 203.

[45] *Ухтомский Л.А.* Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыбных промыслов // Морской сборник. 1874. № 9. Неофициальная часть. С. 85.

Ёла – основной тип промыслового судна на Мурмане в начале 1920-х гг.

В середине 1920-х гг. изучением мурманских морских промыслов занимался, среди прочих, техник-судостроитель Г. Крамаренко. Он лично объезжал становища Мурманского побережья, повсюду «снимал эскизы и делал описания самых разнообразных типов судов». Во время бесед с рыбаками, он собирал и записывал их отзывы обо всех типах судов, используемых на промыслах, их достоинствах и недостатках; спрашивал у них советов о том, какого рода усовершенствования судов они бы желали; собирал сведения о количестве судов. В 1925 вышла его иллюстрированная публикация «Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района»[46].

Согласно опубликованным Г. Крамаренко данным, всего на Мурманском берегу было 520 деревянных промысловых судов. Из них парусно-гребных ёл было 380 или 73% от общего количества!

Старых шняк, которых ёлы всё-таки почти вытеснили с мурманских промыслов, оставалось там 27 или 5,2%. Почти столько же было старых карбасов и оборудованных для промысловых целей малопригодных для этого судов – 26 или 5%. Лишь 86 судов или 16,8% от общего количества были относительно новыми парусными и парусно-моторными ботами, среди которых, кстати, было также и четыре ёлы, оборудованных двигателями[47].

Используемые на Мурмане в 1920-х гг. русскими рыбаками ёлы в массе своей, судя по ряду косвенных упоминаний в публикациях 1920-х гг., были не новыми. «Большинство рыбаков – народ несостоятельный, – писал Г. Крамаренко. – Если кому удавалось скопить 100–200 рублей, он отправлялся в Норвегию купить себе норвежскую ёлу, выбирая себе подешевле, и в результате ему попадалось старье. Таков был главный источник для пополнения судового состава Мурмана…»[48].

Ёлы и в самом деле покупались в Норвегии подержанными, по низким ценам. Норвежские рыбаки в то время активно осваивали парусно-моторные палубные боты, гораздо большего водоизмещения, по сравнению с ёлами, более безопасные в эксплуатации и более комфортные для команд. Старые во всех смыслах ёлы за ненадобностью продавались русским. И без того небогатые рыбаки севера нашей страны, разоренные I мировой и Гражданской войнами, их охотно брали. В сущности, на примере ёл, распространившихся на Мурмане в начале 1920-х гг., хорошо видна порочность так называемой «догоняющей модернизации»: заимствованное с Запада зачастую оказывалось неактуальной и потерявшей там свою востребованность архаикой.

Техник-судостроитель Г. Крамаренко, как и его коллеги, понимали, что будущее – за парусно-моторными ботами. Но вынужденные ориентироваться на реальные условия и понимая, что большинство рыбаков на Мурмане – народ «несостоятельный» и «нетребовательный»[49], они рекомендовали ёлу, как тип судна, к дальнейшей эксплуатации рыбаками и к возможному строительству их в Советской России.

Но были ли реализованы на практике эти рекомендации Г. Крамареко? Строились ли ёлы в СССР, и если да, то в каком количестве? Отличалась ли их конструкция от той, что в 1860-х гг. пытался «привить» на мурманских рыбных промыслах Н.Я. Данилевский?

[46] *Крамаренко Г.* Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района // Техника северных промыслов. Сборник I. Архангельск, 1925. С. 46–66.

[47] Там же. С. 64.

[48] Там же. С. 65.

[49] Там же. С. 52.

До недавнего времени ответов на эти вопросы не было. Не было и специальных исследований, публикаций на эту тему. Однако ситуация поменялась в последние годы.

Ёлы Архангельской судоверфи

Год назад, благодаря деятельности Евгения Викторовича Шкарубы – известного исследователя, популяризатора морских практик и традиционного северного судостроения, а также деятельности его коллег и друзей из автономной некоммерческой организации «Товарищество поморского судостроения» – был начат проект «Цифровой архив Соломбальской судоверфи». В 2021 г. проект получил поддержку Фонда президентских грантов[50].

Суть проекта состоит в оцифровке, открытом и бесплатном размещении в интернете, на сайте «Товарищество поморского судостроения», данных архива конструкторского бюро Соломбальской судостроительной верфи (верфь была основана в 1911 г. как «Поморский эллинг»; также называлась «Архангельской судоверфью»)[51].

Уникальный архив насчитывает несколько тысяч чертежей, документов преимущественно 1940-х–1950-х гг. на деревянные суда различных типов, выпускавшихся этим предприятием.

Спасти архив в непростые 1990-е–2000-е гг. от возможной утраты, когда собственники предприятия менялись один за другим, удалось во многом благодаря сохранившей его сотруднице – Валентине Ивановне Тутыгиной. Сергей Николаевич Николаев, выкупивший предприятие у предыдущего собственника, поддержал идею оцифровки архива с его последующим открытым и бесплатным размещением в интернете[52].

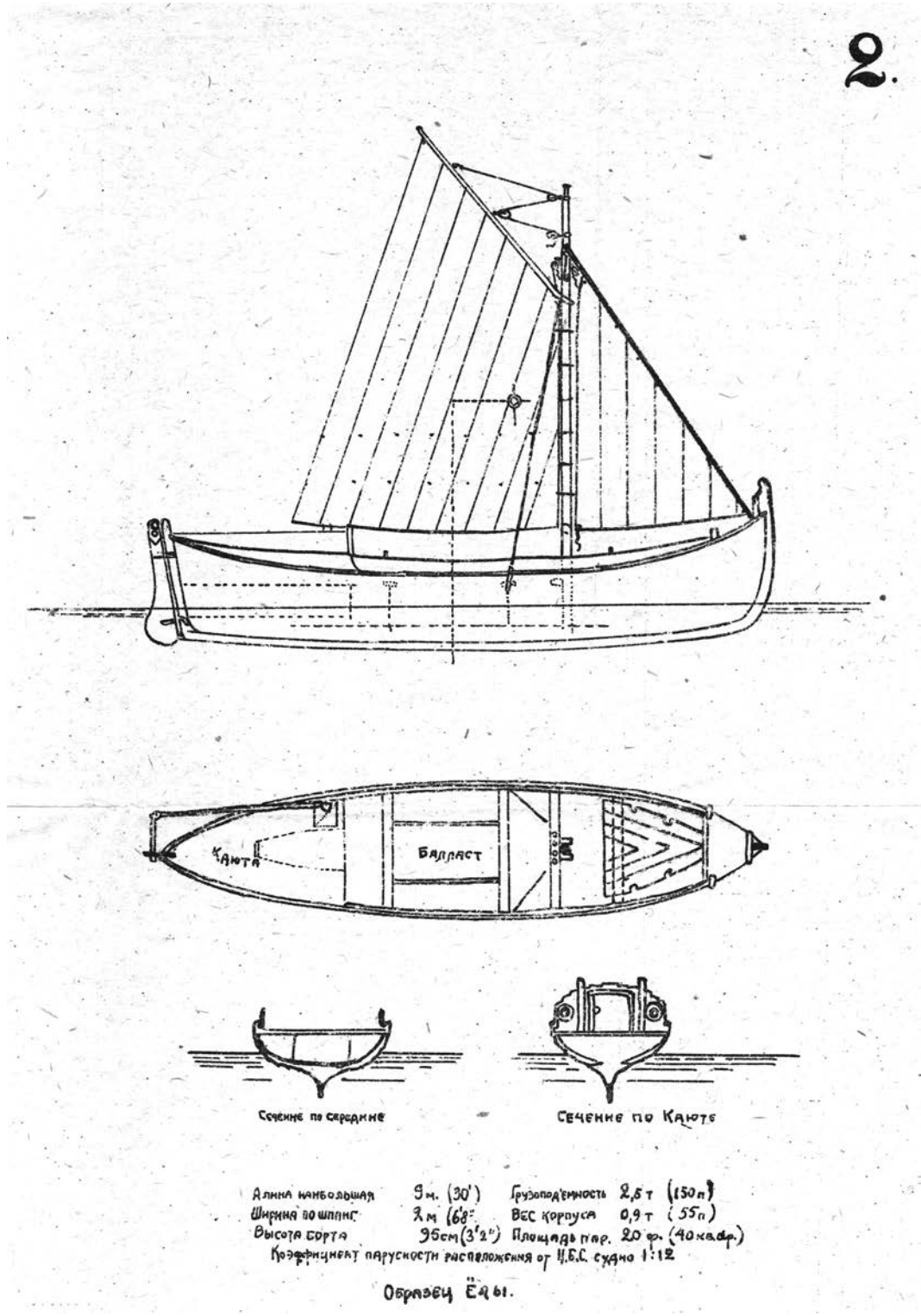
Работа по изучению, систематизации, оцифровке этого архива еще ведется; она пока далека от завершения.

Среди сохранившихся материалов, есть чертежи и фотографии ёл, выпускавшихся на судоверфи в 1940-х гг. Пока с осторожностью (точный подсчет еще не завершен) можно заметить, что для советской рыбопромышленности в годы Великой Отечественной войны в отдельные периоды ёлы строились по нескольку десятков в месяц! Одна из фотографий архива – групповой фотопортрет рабочих предприятия. Это не по годам серьезные подростки, не только юноши, но и девушки Архангельска. Именно они под руководством немногочисленных взрослых совершили свой незаметный и до недавнего времени неизвестный трудовой подвиг, обеспечив советских рыбаков на Севере столь необходимыми им маломерными судами. Сохранились фотографии и строившихся этими подростками ёл – в разных ракурсах и в разной степени готовности. Советские пропагандисты могли бы с полным основанием назвать их «нашими, советскими» ёлами: ведь они были построены в Архангельске, из местных пиломатериалов, местными рабочими и по разработанной в СССР документации и чертежам, явно с учетом традиции использования этого типа судна на Севере.

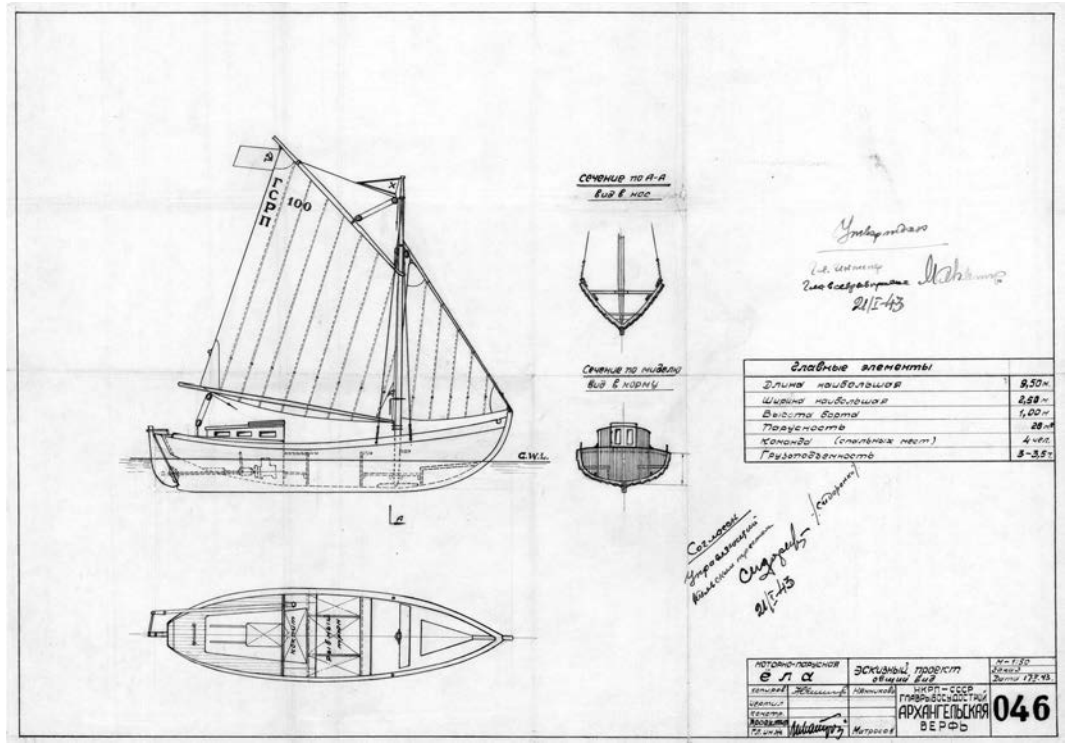
[50] URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=d9bb8245-94f1-4953-b28d-ce5177d2896c (дата обращения: 11.07.2022).

[51] Цифровой архив Соломбальской судоверфи // URL: https://seapractic.ru/цифровой-архив-соломбальской-верфи/ (дата обращения: 11.07.2022).

[52] «Сокровища Соломбальской судоверфи» – разговор с владельцем архива Сергеем Николаевым // URL: https://seapractic.ru/2021/03/26/сокровища-соломбальской-судоверфи/ (дата обращения: 11.07.2022).



Ёла, начало 1920-х гг. Источник: Крамаренко Г. Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района // Техника северных промыслов. Сборник I. Архангельск, 1925.



Эскизный проект моторно-парусной ёлы Архангельской судоверфи. Общий вид. 1943 г.
Источник: http://archive.seapractic.ru/archive/01-70.html (дата обращения: 11.07.2022).

* * *

Таким образом, история «прививания», «внедрения» ёл – норвежских деревянных парусно-гребных судов, использующихся преимущественно для рыболовства, – берет свое начало в 1860-х гг. и неразрывно связана с именем известного российского ученого и философа Н.Я Данилевского. Заканчивается эта история в годы Великой Отечественной войны, когда строительство судов этого типа в условиях военного времени по необходимости действительно стало массовым.

Изучение истории появления и использования норвежских ёл на Русском Севере в 1860-х – 1940-х обязательно будет продолжено.

Е.Ф. Луцковская

ТОРЖЕСТВА В АРХАНГЕЛЬСКЕ, ПОСВЯЩЁННЫЕ 200-ЛЕТИЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

13 августа 1908 г. император Николай II установил торжественное празднование 200-летия Полтавской битвы 27 июня 1909 г. К участию в нём привлекалось не только военное ведомство, но и все слои государства и общества. В связи с этим была создана Междуведомственная комиссия по его подготовке. Председателем комиссии стал член военного Совета, генерал от кавалерии барон Александр Александрович Бильдерлинг. 15 ноября 1908 г. состоялось её первое заседание.

Предложение организовать особые торжества были направлены и в Архангельск. От А.А. Бильдерлинга, в адрес Архангельского губернатора Ивана Васильевича Сосновского было направлено два письма. В первом, от 22 ноября 1908 г. с пометкой «срочное» предлагалось «озаботиться устройством 27 июня 1909 г. празднества по случаю указанного юбилея в Архангельске, где императором Петром I положено было начало русской отпускной торговле на своих судах»[1].

Во втором письме, от 2 декабря 1908 г. сообщалось о разработке предложений по порядку празднования предстоящего события. В нём были определены четыре направления работы:

1. Признать этот день Всероссийским праздником «с целодневным колокольным звоном во всех храмах империи».
2. 27 июня во всех храмах империи провести торжественные богослужения и во всех гарнизонах – парады войскам, а накануне заупокойные обедни или панихиды по императору Петру I, его славным делам и павшим в бою воинам.
3. Во всех учебных заведениях, всех министерств и ведомств, ознакомить учащуюся молодежь со значением, которое имело Полтавское сражение.
4. Особые торжества организовать в Полтаве и в Петербурге с проведением народных гуляний, чтений и театральных представлений. В этих городах ко дню юбилея, отремонтировать памятники, воздвигнутые в ознаменование Полтавской битвы[2].

На основании этих предложений, Комиссия должна была составить подробную программу порядка празднования для представления императору в начале 1909 г. на утверждение. В письме Бильдерлинга подчеркивалось, что 30 мая 1872 г., день 200-летия со дня рождения Петра I, чествовавшийся по всей России, особенно торжественно праздновался в Архангельске. Поэтому в возможно непродолжительном времени он желал бы иметь предложения по программе празднования, так как к концу декабря предполагает закончить в комиссии рассмотрение всех мер, которые предложено осуществить в день предстоящего юбилея.

Архангельск не мог остаться в стороне от такого значимого события и встретил это предложение с большим энтузиазмом. Пётр I трижды побывал в Архангельске. С его именем тесно связана не только история города, но и дела, которые в значительной степени повлияли на дальнейшее развитие государства.

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 624. Л. 1об.
[2] Там же. Л. 12.

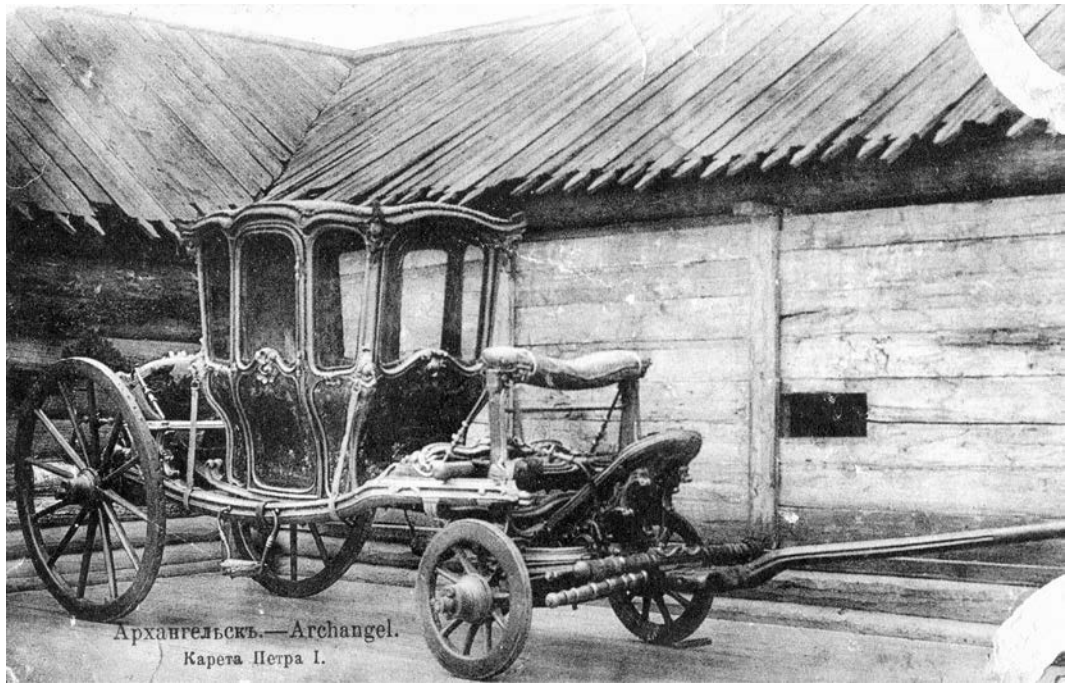


Рис. 1. Почтовая карточка «Архангельск. Карета Петра I». Начало XX в. Из фондов МБУК «СГКМ»

Вскоре в Архангельске была объявлена подготовка к предстоящим торжествам. Председателем комиссии по организации празднования был назначен Александр Фёдорович Шидловский, Архангельский вице-губернатор. Приглашения на мероприятие были разосланы заранее, 1 декабря. Заседание состоялось 4 декабря в 19 часов в общегражданском зале Архангельской городской Думы. Прибыли 58 приглашённых представителей от духовного, военного и морского ведомств, а также министерств: земледелия, финансов, торговли и промышленности, народного просвещения, внутренних дел и Архангельского городского общественного самоуправления[3].

Заседание открыл председатель, который ознакомил собравшихся с содержанием поступивших писем в адрес губернатора. Затем он сделал краткий обзор посещений Петром I Архангельского края и его деятельности на Севере. Выступление заняло 35 минут. После чего приступили к выработке основных положений программы предстоящего празднества. С учётом пожеланий Бильдерлинга ещё раз напомнили о славных делах Петра Великого, которые и легли в основу предполагаемых мероприятий.

К тому времени в Архангельске сохранились и вещественные памятники пребывания Петра I. Это расположенный вблизи Кафедрального собора Дворец Петра I, пушки, флаги, иконы, портреты, церковные облачения, карета Петра I, крест собственноручной работы государя. Некоторые из них находились при храмах, в городском музее и в других местах. Также были археологические памятники и предметы, так или иначе, связанные с петровской эпохой и более древние, хранящиеся в епархиальном древлехранилище и в Архангельском городском музее. Совещание рекомендовало в дни празднества приурочить открытие областной историко-

[3] Там же. Л. 8.

археологической выставки с приглашением к участию в ней всех ведомств, учреждений и частных лиц, располагающих подобными реликвиями.

В виду обширной территории, охваченной поездками императора Петра I и огромного их значения для всего Севера, совещание признало желательным приобщить к празднованию юбилея жителей всех городов, посадов и волостей Архангельской губернии. В тех местах, которые он посетил: Архангельск, Холмогоры, с. Вавчуга, Топецкое, Кегостров, Нюхча, монастыри Соловецкий, Пертоминский и Новодвинская крепость празднование должно быть особо торжественным. Предполагалось, что спектакли, народные гулянья и другие увеселительные мероприятия будут проведены 28 и 29 июня. А поездка на пароходах в Новодвинскую крепость, её осмотр, совершение там панихиды по Петру I потребуют из-за большого количества участвующих в ней не менее 6 часов времени. Поэтому совещание пришло к мнению о необходимости проведения праздника с 27 по 29 июня, чтобы в нём приняло участие как можно больше людей. Также решили спросить разрешение на то, чтобы для Архангельска день 27 июня был установлен табельным[4].

После обсуждения совещание рассмотрело проект программы празднования, которая состояла из 23 пунктов. Было решено образовать особую распорядительную комиссию в составе не менее 10 человек с предоставлением ей права приглашать лиц, полезных в её осуществлении. В программу вошли духовные и светские мероприятия. Это торжественный акт в Городской думе, богослужения и крестные ходы, выставки петровских реликвий, украшение улиц и домов транспарантами, вензелями, флагами, устройство народных гуляний, спектаклей и чтений, поездка в Новодвинскую крепость, выпуск печатных изданий, посвящённых деятельности Петра I на Севере и прочее. Также необходимо было определить источники финансирования для ремонта домика Петра I и футляра над ним.

Присутствующие на совещании высказали пожелание, чтобы заблаговременно было получено разрешение на открытие всероссийской подписки для возведения в Архангельске памятника Петру I, чтобы была возможность начать её 27 июня, в день годовщины Полтавского боя. Копия протокола этого совещания была направлена губернатором И.В. Сосновским в адрес Бильдерлинга 31 декабря 1908 г.

В течение 1909 г. состоялось ещё несколько совещаний, в том числе и городских, на которых говорилось о значении и роли Петра I и о подготовке к предстоящему юбилею. Так, 6 марта в губернаторском доме прошло особое совещание под председательством губернатора И.В. Сосновского, вице-губернатора А.Ф. Шидловского и городского головы Я.И. Лейцингера, представителей местного купечества, лесопромышленников, заводчиков и домовладельцев[5]. Открыл заседание И.В. Сосновский. В частности, им была высказана мысль о создании Народного дома имени Петра Великого. Впервые это предложение появилось ещё в 1905 году при губернаторе Н.Г. Бюнтинге. Выбором места для постройки предлагалась Соломбала, где Петром I была основана первая русская верфь для постройки морских торговых судов, спущен на воду первый русский корабль. Предполагалось, что здесь может быть устроена дешёвая столовая, чайная, читальня, библиотека, зал для народных чтений, танцев, спектаклей, детский сад, в зимнее время каток и ледяные горы и т.д. Было предложено открыть сбор пожертвований на сооружение Народного дома имени Петра Великого в Соломбале с горячим

[4] Табельный день – праздничный день, отмечаемый государством.

[5] Описание торжественного празднования в г. Архангельске 200-летия Полтавской победы 27–29 июня 1909 года. Архангельск, 1909. С. 4.

призывом «не отказать, посодействовать, по мере средств и желания каждого, осуществлению этого благого и национального дела».

1 апреля на имя губернатора И.В. Сосновского поступило письмо из канцелярии Полтавского губернатора, от председателя Комитета, вице-губернатора Бибикова: «К 15 мая просим почтить своим уведомлением, какие депутации и в каком количестве намерены прибыть в Полтаву на торжество. Это необходимо для приискания достаточных квартир за известную плату»[6]. Ответным письмом от 15 апреля сообщалось, что из Архангельской губернии депутаций в Полтаву не назначалось[7].

21 апреля состоялось очередное заседание особой Архангельской губернской комиссии[8]. Оно проходило в помещении Архангельской городской Думы. Началось в 19 часов 30 минут под председательством А.Ф. Шидловского. Присутствующих ознакомили с предварительной программой празднования, и было предложено высказаться по её изменениям и дополнениям.

Прежде всего, волновали вопросы по благоустройству территории вокруг домика Петра I и ремонта футляра. Была обсуждена программа участия в праздновании 200-летия Полтавской победы учебных заведений, подведомственных дирекции народных училищ. Также решали вопросы иллюминации, дополнительного изготовления флагов и других украшений, маршруты движения духовных процессий и праздничных колонн. Особое внимание было уделено украшению на дни праздников прилегающего к домику Петра I сквера, здания самого домика и его футляра, а также площадки, которая будет выбрана для совершения всенародного молебствия и на которой на особом постаменте будет поставлен Петровский крест.

Для всенародного молебствия был выбран мыс Пур-Наволок, так называемая пристань дальнего плаванья. Комиссия решила просить портовое управление и управляющего Архангельской таможней о предоставлении пристани 27 июня для торжественного богослужения. В этой процессии должны были принять участие лишь духовенство, воспитанники и воспитанницы учебных заведений и приютов, со своими преподавателями и начальствующими, войска гарнизона в особом порядке, установленном военными правилами, начальствующие лица и представители всех ведомств и учреждений, также городских и сословных установлений, иностранные консулы и вице-консулы.

Войскам на торжестве отводилась особая роль. Во время духовной процессии они должны передвигаться в соответствии с движением крестного хода до Собора, после чего ими производится парад. Охрана порядка на улицах, площадях, набережных и в особенности у спусков и подъёмов во рвах возлагалась на полицейскую стражу.

Для подготовки города к торжествам было создано несколько специальных подкомиссий: по устройству торжественного акта, по организации поездки в Новодвинскую крепость, по устройству обеда по подписке, по устройству спектаклей и выставочный комитет. Организация народных гуляний поручалась губернскому и уездному комитетам попечительства о народной трезвости[9].

В целях приобщения людей к предстоящему празднеству было принято решение напечатать особый юбилейный сборник под редакцией вице-губернатора в количестве 700 экземпляров. Кроме того, для бесплатной раздачи народу, войскам, учащимся, питомцам приютов было предположено отпечатать

[6] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 624. Л. 20.

[7] ам же. Л. 21.

[8] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 636. Л. 1.

[9] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 624. Л. 51.

небольшую брошюрку, посвящённую деятельности Петра I в количестве 5000–6000 экземпляров[10]. Также решили ходатайствовать перед междуведомственной комиссией под председательством Бильдерлинга о выделении на организацию юбилейных празднеств в г. Архангельске не менее 5000 рублей.

Что касается празднования в уездах, то Комиссия постановила придерживаться установленной 4 декабря программы, опубликовав её, с принятыми поправками и дополнениями, в Губернских ведомостях. А отдельные её экземпляры разослать, в том числе, настоятелям Соловецкого и Пертоминского монастырей. В г. Холмогорах учредить уездную комиссию – для разработки и выполнения программы в самом городе и в Вавчуге.

На заседании Городской думы 27 апреля был заслушан доклад городского головы Я.И. Лейцингера. Он внёс предложение об участии Архангельского городского общественного управления в праздновании юбилея и об увековечивании памяти Петра I. Также было рассмотрено письмо директора народных училищ о выделении 150 рублей на приобретение портретов Петра I и юбилейных изданий, посвящённых ему для раздачи учащимся городских и приходских училищ г. Архангельска. В результате постановили:

1. Домик Петра I перенести на береговую площадь, находящуюся против собора;

2. ассигновать на переноску и переустройство футляра, 5000 рублей, отнеся половину этих расходов на сверхсметные поступления 1909 г., а остальные 2500 рублей внести в смету расходов на 1910 г.;

3. ассигновать на угощение войск и декоративные украшения города в день празднества до 500 рублей, предоставив распределение этой суммы избранной в этом заседании особой комиссии;

4. присвоить, с надлежащего разрешения, предполагаемого к открытию в Соломбале четвёртому приходскому одноклассному мужскому училищу наименование «Петровского»[11].

На заседании Городской думы 12 июня от губернатора И.В. Сосновского поступило предложение рассмотреть вопрос о заказе и о приобретении бронзовой статуи Петра I в натуральную величину по модели скульптора М.М. Антокольского. В результате решили ассигновать 5000 рублей на её покупку при условии рассрочки платежа равными частями на два года[12].

30 апреля на просьбу о выделении денежных средств на издании брошюр, относящихся к царствованию Петра I, департамент общих дел ответил отказом в связи с тем, что эти документы не имеют отношения к Полтавской битве[13].

Накануне праздника газета «Архангельск» пестрела самыми различными объявлениями. В них рассказывалось о предстоящих событиях, запланированных и проведённых мероприятиях. К примеру, сообщалось, что 26 июня в зале городской Думы предполагается устроить выставку портретов, планов, гравюр и других предметов, связанных с посещениями Петром Великим г. Архангельска.

Городской голова Я.И. Лейцингер известил гласных особыми повестками о том, что в зале городской Думы 27 июня в 13 часов состоится торжественный акт по случаю юбилея и что их присутствие желательно. Купеческим старостой

[10] Описание торжественного празднования в г. Архангельске 200-летия Полтавской победы 27–29 июня 1909 года. Архангельск, 1909. Л. 8.

[11] ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1186. Л. 2об., 3.

[12] Описание торжественного празднования в г. Архангельске 200-летия Полтавской победы 27–29 июня 1909 года. Архангельск, 1909. С. 9.

[13] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 624. Л. 32.

Х.Н. Манаковым были разосланы местным купцам приглашения с просьбой украсить на время торжеств свои дома флагами, зеленью, транспарантами и т.п.[14].

27 июня – первый официальный день праздника. В соответствии с «Высочайше утверждённым» порядком во всех церквях были совершены литургии по поминовению императора Петра I и павших в Полтавском бою воинов. Особенной торжественностью отличалось праздничное богослужение в кафедральном соборе. Уже с 8 часов горожане стали собираться вокруг домика Петра I. К 9 часам воинские колонны с оркестром были построены в сквере на Соборной площади. В параде участвовали архангелогородский батальон, его учебная команда, пограничная стража, части Омского полка, писарские и флотские команды. Командовал парадом начальник местного гарнизона генерал-майор Н.И. Филипповский. В 10 часов 55 минут прибыл член Государственного совета, бывший морской министр, адмирал Алексей Алексеевич Бирилёв и викарный епископ Ярославской епархии, епископ Рыбинский Евсевий. Вместе с губернатором и другими приглашёнными они присутствовали при торжественном богослужении. На молебне во главе духовенства предстоятельствовал Амфиан, настоятель Михайло-Архангельского монастыря. Богослужение в соборе было завершено благодарственным молебствием, во время которого «с подобающим благоговением» был вынесен и установлен на особые носилки хранящийся под балдахином Петровский крест[15].

После его окончания крестный ход двинулся с зажжёнными свечами, церковными фонарями к расположенному на набережной Северной Двины домику Петра I. Во главе процессии почётные граждане г. Архангельска несли на носилках петровский крест. А далее – запрестольные кресты, святые иконы, хоругви городских церквей, стрелецкие знамена. Затем шли хоры певчих, 6 дьяконов, 24 священника и протоиерея, архимандрит Амфиан, губернатор, начальник гарнизона, городской голова, гласные Городской думы, представители различных ведомств и т.д.

Здание Петровского домика и платформа были украшены флагами и материей трёх цветов (белого, синего, красного). Помост платформы для совершения молебна был устлан коврами, а вокруг неё – высокие флагштоки с развевающимися флагами. По всей линии движения крестного хода были расставлены шпалерами войска местного гарнизона, а военный оркестр играл гимн «Коль славен наш господь». Как только Петровский крест был установлен к аналою, началось всенародное благодарственное молебствование с коленопреклонением. На рейде Северной Двины были поставлены военный транспорт «Пахтусов», портовое судно «Соломбала», а также другие суда, украшенные флагами. Молебен закончился провозглашением «многолетия» государю императору, всему царствующему Дому, всероссийскому воинству, Петру I и павшим в Полтавской битве. В этот момент с судов морского ведомства был произведён салют из орудий в 31 выстрел. Архимандрит Амфиан поздравил всех с высоким торжеством, благословил святым крестом присутствующих и домик Петра I. После этого крестный ход двинулся обратно. Войскам, участвовавшим в этом празднестве, было предложено от городского общественного самоуправления праздничное угощение, а членам пожарной дружины были розданы на память юбилейные платки с изящными рисунками.

В честь праздника многие общественные здания и частные дома были украшены разноцветными флагами, гирляндами, венками, вензелями на щитах с инициалами Петра I и Николая II, выставлялись портреты Петра Великого. Украшения не снимались до 29 июня. В эти же дни разрешалось расцветиться флагами всем русским и торговым судам. До 13 часов все торговые заведения были закрыты[16].

[14] Архангельск. 1909 г. № 139. 26 июня. С. 3.

[15] Архангельск. 1909. № 141. 28 июня. С. 3.

В 13 часов в общегражданском зале городской Думы состоялся торжественный акт. Подъём и вестибюль думского здания были красиво декорированы флагами национальных цветов, разноцветными материями и зеленью. Зал был переполнен избранной публикой. Присутствовали: губернатор И.В. Сосновский, вице-губернатор А.Ф. Шидловский, духовенство, всё городское начальство, многочисленные представители всех ведомств, купеческого и мещанского управлений и другие. Почётными гостями на торжестве были адмирал Бирилёв и епископ Рыбинский Евсевий[17]. Открыл заседание губернатор И.В. Сосновский. Он зачитал текст телеграммы на имя государя императора «с выражением всеподданнейших поздравлений и верноподданнических чувств по случаю настоящего празднества», которую и предложил послать от имени собрания[18]. Это сообщение было принято восторженно и сопровождалось дружными, единодушными криками «Ура!» и исполнением народного гимна «Боже, царя, храни!», повторенным несколько раз.

Затем инспектор Архангельской губернской гимназии А.П. Ерохин произнёс речь, посвящённую истории Полтавского боя и всей Северной войны (1700–1721). Объединёнными оркестрами общества любителей музыки, вольно-пожарной дружины и Архангелогородского батальона были исполнены разные музыкальные произведения. Участниками культурной программы были также хор дисциплинарного полуэкипажа и хор любителей. В антракте гостям была предоставлена возможность ознакомиться с историко-археологической выставкой предметов, документов и картин, относящихся к петровской эпохе. Также на ней были представлены выставленные на конкурс проекты Народного дома имени Петра I в Соломбале. Выставка посещалась и в последующие дни. Торжественное собрание закончилось в 17 часов[19].

В Гагаринском сквере с 13 часов открылось бесплатное народное гулянье с большим разнохарактерным дивертисментом на открытой сцене, продолжавшееся до 19 часов. А в чайных столовых Архангельского общества трезвости – на средства, собранные губернатором для бедных, были устроены поминальные обеды. Вечером, в 20 часов, на сцене Летнего театра шло представление исторической хроники В. Крылова «Пётр Великий» в 5 действиях и 7 картинах. Для пьесы были специально сшиты новые костюмы и изготовлена новая бутафория. Спектакль, закончившийся апофеозом, прошёл «с выдающимся успехом»[20].

В саду была сооружена модель памятника императору Петру I скульптора М.М. Антокольского в натуральную величину, что вызвало большой интерес у жителей города. Дело в том, что точную копию предполагалось изготовить и установить в городе.

По случаю Полтавских торжеств городским управлением в Полтаву была послана телеграмма: «Архангельская городская дума, получившая впервые права самоуправления от Императора Петра Великого, приветствует город Полтаву в день двухсотлетия юбилея знаменательной и блестящей Полтавской победы, поднявшей Россию на небывалую дотоле высоту, и чтит вместе с Полтавой память Виновника этой победы Гениального Петра I, положившего начало знакомству с Европой из архангельского порта и тем самым приобщившего Русь к европейской цивилизации»[21].

[16] Архангельск. 1909. № 140. 27 июня. С. 3.

[17] Архангельск. 1909. 28 июня. № 141. С. 4.

[18] Там же. С. 3.

[19] Там же. С. 4.

[20] Архангельск. 1909. 27 июня. № 140. С. 1.

[21] Там же. С. 3.

28 июня – второй день празднеств. В этот день губернатором И.В. Сосновским была получена ответная телеграмма от государя императора следующего содержания: «От души благодарю всех собравшихся во главе с архимандритом Амфианом у домика Великого Петра для прославления подвигов Великого Преобразователя Российского за молитвы и выраженные мне чувства. Да пребудут в сердцах всех слоёв северной русской окраины могучей России неизгладимы и впредь память и заветы императора Петра. Николай»[22].

Затем состоялась закладка Народного дома в Соломбале. Утром в городском соборе была совершена торжественная литургия, после которой в 12 часов собрались в Соломбале у места закладки: строительная комиссия во главе с её председателем губернатором И.В. Сосновским, жертвователи, представители ведомств и другие приглашённые лица. Состоялся торжественный молебен и церемония закладки. Первый камень заложили председатель строительной комиссии губернатор И.В. Сосновский, городской голова Я.И. Лейцингер и другие приглашённые лица[23].

Затем все желающие отправились на речном пароходе «Пётр Великий» в Новодвинскую крепость. На пристани пароход встречали местные жители, а также прибывшие сюда на мелких пароходиках из Архангельска и Соломбалы. Вся набережная перед крепостными воротами была украшена разноцветными флагами. У креста, поставленного на месте бывшей церкви, построенной Петром I, местным священником Василием Ивановским был проведён крестный ход и благодарственный молебен с провозглашением «многолетия» всему царствующему Дому, «вечной памяти» императору Петру I и воинам, павшим в Полтавском бою. По его окончании к присутствующим обратился губернатор И.В. Сосновский с торжественной речью. Общее настроение собравшихся отражалось в «радостных, громовых, отдающимися эхом в крепостных стенах раскатистых криках «Ура!» и звуках гимна «Боже царя храни», повторенного несколько раз.

Под звуки военного оркестра прибывшее начальство обошло крепость, «любуясь её прочным устройством, не заросшим каналом и весёлыми чудными окрестностями». Так как необходимо было возвращаться в город, то внутрь крепости не заходили и подземные ходы не осматривали. В 17 часов 30 минут путешественники сфотографировались перед посадкой в пароход и отбыли обратно.

В Гагаринском сквере было организовано народное гулянье, устроенное губернским попечительством о народной трезвости. В Летнем театре были показаны сцены из «Полтавы» А.С. Пушкина и живая картина из жизни Петра Великого «Царь плотник» по самым низким ценам, начиная от 5 до 75 копеек за одно место. В Летнем саду для бедных была организована бесплатная раздача чая. Играл военный оркестр. На пруду был представлен спуск потешного ботика Петра I. В саду также побывал губернатор и многие из тех, кто ездил в Новодвинскую крепость[24].

29 июня. В этот день прошёл традиционный праздник Архангелогородского резервного батальона, но, с учетом юбилейных мероприятий, он был наполнен «необыкновенным подъёмом патриотических чувств». Лагерь, где располагался батальон, был празднично разукрашен флагами, гирляндами, материей трёх национальных цветов, портретами Петра I. На поле перед лагерем был проведён благодарственный молебен, а далее парад. На молебне и параде присутствовали губернатор, адмирал Бирилёв, высокие чины разных ведомств и многочисленные

[22] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 97. Л. 46.

[23] Архангельск. 1909. 1 июля. № 142. С. 3.

[24] Архангельск. 1909. 28 июня. № 141. С. 3.

приглашённые. Войска прошли церемониальным маршем. Затем начальствующие лица были приглашены в офицерское собрание на завтрак, а войска по случаю праздника получили улучшенное довольствие. Традиционной чарки не было, как говорят, по случаю холерной эпидемиии[25]. Перед присутствующими на празднике выступили нижние чины батальона с «лихими гимнастическими упражнениями».

В 16 часов большинство гостей поехали на закладку спасательной станции в Кегосторове. Далеко до назначенного времени на Кегостровском мысу собралось много местных жителей и проживавших здесь дачников в праздничных одеждах. У берега для приставания пароходов была поставлена особая баржа, разукрашенная вензелями и флагами. Также был украшен весь путь до места, отведённого для постройки здания спасательной станции. На двух уже положенных венцах был устроен помост для совершения молебствия. На вооруженной мачте высился деревянный крест и под ним развевался флаг Общества спасения на водах.

Из Соломбалы на частном пароходе «Лебедь» прибыли директор маяков полковник Н.Ф. Лемяков и командир Архангельского дисциплинарного полуэкипажа капитан 2 ранга Ю.П. Пекарский – основной организатор данного торжества. Вскоре из города пароход «Лебедин» привёз остальных участников торжества во главе с вице-губернатором А.Ф. Шидловским. На 16 часов 30 минут было назначено освящение станции. По традиции был проведён крестный ход и совершён водосвятный молебен. Настоятель местной церкви протоиерей Шилов ознакомил собравшихся с историей её возникновения и о планах постройки новой станции.

По окончании мероприятия приглашённым было предложено шампанское, звучали многочисленные тосты за здравие государя императора и за многих присутствующих на нём. Играл оркестр вольно-пожарного общества и звучал хор певчих полуэкипажа. Торжество закончилось, и пароходы отбыли обратно в город, но ещё долго местные жители продолжали гулять на мыске, находясь под большим впечатлением от столь редкого и значительного события, а также от «чудного пения певчих»[26].

В 19 часов Архангельским обществом трезвости были устроены бесплатные народные чтения в трёх пунктах города: в Соломбале, в помещении городского училища, в городской чайной на рынке и в рыбопромышленном музее. Предметом чтений были путешествия Петра I на Севере и его пребывания на Архангельской земле. Лекторы использовали статьи из сборника «Пётр Великий на Севере», изданном губернской типографией под редакцией А.Ф. Шидловского. Кроме того, в школах, училищах, войсковых частях, на общественных собраниях было распространо 2000 экземпляров брошюр.

В дни празднования в адрес губернатора И.В. Сосновского пришло большое количество благодарностей от различных министерств и ведомств, а также губернаторов[27] за «любезное доставление» печатных экземпляров изданий, вышедших в Архангельске по случаю празднования 200-летия Полтавской победы, а также юбилейных изданий, посвящённых деятельности императора Петра I на Севере.

17 июня 1909 г. по указу Николая II была учреждена юбилейная медаль «В память 200-летия Полтавской битвы» для награждения военнослужащих и лиц, принимавших участие в подготовке торжеств. Медаль чеканилась из светлой бронзы и носилась на Андреевской ленте. Награждённым выдавали свидетельства

[25] Архангельск. 1909. 2 июля. № 143. С. 3.

[26] Описание торжественного празднования в г. Архангельске 200-летия Полтавской победы 27–29 июня 1909 г. Архангельск. 1909. С. 22, 23.

[27] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 624. Л. 75-77, 83, 86-87, 89, 90, 92-104, 106-109, 111.

Рис. 2-3. Медаль юбилейная «В память 200-летия Полтавской битвы». 1909 год (лицевая и оборотная сторона). Из фондов МБУК «СГКМ»

на право ношения медалей[28]. 30 декабря 1909 г. губернатором И.В. Сосновским в Департамент общих дел был подготовлен список лиц для награждения[29].

10 мая 1910 г. начальник Санкт-Петербургского монетного двора уведомил губернатора И.В. Сосновского, что приготовленные по заказу канцелярии титулярного советника Садовского бронзовые медали в память Полтавской победы обошлись: 20 нагрудных – 8 рублей 80 копеек, одна настольная – 3 рубля 80 копеек. За пересылку 88 копеек. Всего на сумму 13 рублей 48 копеек[30].

Исследованные документы красноречиво показывают, что на всех проводимых мероприятиях в Архангельске, прежде всего, славилось имя и деятельность Петра Великого на Севере. Также убедительным фактом является хорошо продуманная организационная работа местных властей, которая и позволила обеспечить высокий уровень проведения юбилейных мероприятий в честь 200-летия Полтавской битвы. Этот праздник был воспринят всеми его участниками с большим энтузиазмом и благодарностью.

Приложение № 1

Список лиц, награждённых светло-бронзовыми медалями в память юбилея 200-летия Полтавской победы[31]

1. А.Ф. Шидловский за № 644, вице-губернатор,
2. Н.И. Филипповский за № 636, начальник Архангельской местной бригады, генерал-майор,
3. И.В. Петрович за № 645, полковник, командир Архангелогородского резервного пехотного батальона,

[28] Там же. Л. 119.
[29] Там же. Л. 116.
[30] Там же. Л. 125.
[31] Там же. Л. 121.

4. Н.Ф. Лемяков за № 646, директор маяков и лоции Белого моря полковник,
5. Ю.П. Пекарский за № 647, командир Архангельского дисциплинарного полуэкипажа, капитан 2 ранга,
6. М.А. Гирш за № 648, начальник Архангельского торгового порта,
7. Архимандрит Архангельский и Холмогорский Амфиан за № 649,
8. Я.И. Лейцингер за № 650, Архангельский городской голова,
9. Б.И. Садовский за № 651, правитель канцелярии Архангельского губернатора,
10. М.П. Бырдин за № 652, старший чиновник особых поручений,
11. Н. Н. Кириченко за № 653, Архангельский полицмейстер,
12. Ф.Г. Волыхин за № 654, Архангельский уездный исправник,
13. С.С. Александров за № 655, секретарь Архангельского Губернского акцизного управления,
14. Н.А. Голубцов за № 656, член-секретарь Губернского статистического комитета,
15. А.В. Ивановский за № 657, действительный член Губернского статистического комитета
16. П.Г. Минейко за № 658, старший производитель работ порта, инженер путей сообщения, инженер-технолог,
17. Священник Владимир Купленский за № 659, настоятель Кладбищенской церкви,
18. В.П. Манаков за № 660, архивариус губернского правления,
19. А.Н. Грандилевский, священник[32],
20. А.П. Ерюхин, инспектор Архангельской мужской гимназии, статский советник[33].

[32] Там же. Л. 126.
[33] Там же. Л. 127.

А.В. Вертяшкина

МЕСТА ПАМЯТИ ПЕТРА ПЕРВОГО В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В наше стремительно меняющееся время культурная память места является одним из факторов сохранения и трансляции последующим поколениям культурного наследия. В год празднования 350-летнего юбилея со дня рождения Петра Великого именно к его наследию приковано особое внимание. Начать следует с Великого посольства в Европу 1697 года. С тех пор прошло 325 лет. Тогда места, которые посетил Пётр I, находились в Восточной Пруссии. Сейчас часть из них располагается в Калининградской области Российской Федерации. Восточная Пруссия явилась для Петра I одним из первых государств на пути в Западную Европу. Впоследствии, он несколько раз сюда возвращался, и каждый раз находил здесь что-то новое. Речь пойдет о знаковых местах Калининградской области, связанных с биографией царя.

В Либаве (ныне город Лиепая, Латвия) 2 мая 1697 г. Пётр I оставил слишком медленно, по его мнению, движущееся Великое посольство и с доверенными лицами отправился на корабле «Святой Георгий» в Пиллау. «Отъ города Либоу, вынувъ якорь, пошли въ путь» – можно прочесть в «Походных журналах»[1]. Так знакомство с Восточной Пруссией царь во время Великого посольства начал с города Пиллау и впоследствии несколько раз сюда возвращался[2]. Ныне это город-порт Балтийск Калининградской области – самая западная точка Российской Федерации и самые западные морские ворота страны.

Сейчас именно здесь на Морском бульваре находится самый западный памятник Петру I в России, который встречает и провожает корабли (Илл. 1.). Памятник государю был воздвигнут в 1998 году. Идея создания памятника Петру I возникла у жителей города. В конкурсе на лучший проект монумента победили скульпторы из Курска Игорь Анатольевич Минин и Владимир Иванович Бартенев. Государь в одной руке держит подзорную трубу, другой же опирается на лежащий на пюпитре свиток. На торжественной церемонии открытия присутствовали делегации из Голландии, Польши и Германии. Вид памятника на фоне маяка является визитной карточкой города[3].

Посещал Пётр и крепость Пиллау (нем. Festung Pillau). Она находится на берегу Балтийского пролива. Её постройка началась в 1626 году, но модернизация продолжалась ещё три столетия. И вот совсем недавно в феврале 2022 года на стене этой крепости была открыта памятная доска. «Здесь в крепости Пиллау в 1697 году во время Великого посольства царь Пётр I обучался бомбардирскому делу» – гласит надпись на табличке[4].

В Восточной Пруссии государь изучал не только бомбардирское дело, но и искусство фейерверков. Это было новое для России занятие. Так, празднуя свои именины в один из приездов в Пиллау, царь организовал в фейерверк. «Празднество было Петра и Павла и разговелись; и стреляли из пушек в городе Пилоу был фейерверк» – можно прочесть в «Походных журналах»[5].

[1] Походные журналы Петра Великого. 1697 год. С. 11

[2] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. Калининград: Янтарный сказ, 1996. С.155–158.

[3] Свод петровских памятников России и Европы https://petersmonuments.ru/russia/memorials/pamyatnik-petru-i-baltiysk-kaliningradskaya-obl-/ (Доступ 11.04.2022 г.)

[4] В честь Петра Великого // Музеи 39. 2022. 30 марта. №1(1). С. 7.

[5] Походный журнал 1711 года. СПб. 1854 г. С. 37.

Илл 1. Самый западный памятник Петра I в России, г. Балтийск.

Илл. 2. Памятный знак императору Петру Великому на фасаде Кафедрального собора, г. Калининград

Когда же государь посетил Пиллау в 1711 году, возвращаясь из Карлсбада (ныне Карловы Вары, Чехия) в «Походных журналах» была сделана следующая запись: «Его Величество в том городе по всей фортеции изволил гулять и смотреть фортеции, которая хотя не велика, однако зело крепко и регулярно сделана»[6].

Главный же город Восточной Пруссии – Кёнигсберг – Пётр I посещал шесть раз: в 1697 году в составе Великого посольства, 1711, 1712, 1713, 1716 и 1717 годах. В «Походных журналах» город именуется и как «Кюнусберхъ»[7] и как «Кениксберх»[8]. Следует уточнить, что в то время существовали три отдельных города Кнайпхоф, Альтштадт и Лёбенихт и только в 1724 году они были объединены в единый город Кёнигсберг. Государь несколько раз останавливался именно в Кнайпхофе, расположенном на одноименном острове. Первый раз Пётр I здесь оказался в 1697 году. В «Походных журналах» можем прочесть: «…Приехали в город Кёнигсберг, и стали в городе у берега со всею компаниею перебираться и, перебрався, ночевали»[9]. Когда корабль с дипломатической миссией причалил к берегу острова Кнайпхоф, необходимо было расположиться на постой. Так как Пётр I прибыл в Кёнигсберг инкогнито, поселился он в частном доме на Кнайпхофской Длинной улице (нем. Kneiphöfische Langgasse). Она была главной деловой улицей города-острова Кнайпхоф. Тянулась от тогдашнего Зеленого моста до Лавочного моста. Оба моста не сохранились. (Сейчас их заменяет эстакадный мост). Знатные и богатейшие люди Кнайпхофа и всего Кёнигсберга жили именно здесь. Во время своих визитов в Кёнигсберг Пётр I останавливался у Христофора Негеляйна, ставшего позже бургомистром г. Кнайпхофа. Подробно город-остров можно изучить по проекту «Фотоархеология Кнайпхофа»,

[6] Там же.

[7] Походные журналы Петра Великого. 1697 год. С. 12.

[8] Там же. С. 13.

[9] Там же. С. 12.

реализованному благодаря Музею города Кёнигсберг и благотворительному фонду В. Потанина[10]. Воссоздана буквально каждая улица города, которого нет.

Единственным историческим зданием, уцелевшим после Второй мировой войны на острове, является Кафедральный собор. Именно он является свидетелем пребывания здесь Петра I. Поэтому у входа в собор можно увидеть установленный в 2003 году в рамках программы «Прусские маршруты Петра Великого» памятный знак из бронзы, на котором расположен профиль Пётра I. По краю надпись, которая гласит: «Императоръ Пётръ Великій былъ здесь». (Илл. 2) Увековечены и годы визитов царя в Кёнигсберге. Автор – Андрей Николаевич Шевцов[11].

Вблизи Кафедрального собора установлена и скульптурная композиция «У колыбели русского флота. Пётр I», изваянная московским скульптором Владимиром Петровичем Мокроусовым. Мы видим государя, опирающегося на руль корабля. Интересно, что эта деталь памятника скопирована с подлинного экспоната, хранящегося в музее-усадьбе «Ботик Петра I»[12].

Второй памятник Петру I в Калининграде был установлен возле штаба Балтийского флота в 2003 году во время празднования 300-летия Балтийского флота. Это – копия работы московского скульптора Льва Ефимовича Кербеля. Здесь государь, облачённый в рабочую одежду, опирается уже на якорь. На пьедестале монумента размещена надпись: «Петру I основателю флота России». Копия выполнена калининградским скульптором Фёдором Алексеевичем Морозом.

Пётр I в ожидании остальной части Великого посольства не сидел без дела: «Он осмотрел в городе все достойные любопытства, и не оставил в городе никаких ремесленников без посещения и без осмотра работ их; он познакомился с лучшими профессорами, и требовал у них наставления, как бы удобнее завести науки в народе непросвященном и предрассудками зараженном»[13].

Тем временем, той части Великого посольства, которая следовала сухопутным путем в Кёнигсберг, пришлось остановиться в местечке Вальдау (нем. Waldau, ныне пос. Низовье). В тот же день сюда прибыл из Кёнигсберга Пётр I[14]. Торжественный въезд в Кёнигсберг был назначен на 18 мая, и требовалось уточнить детали. Таким образом, именно здесь Пётр обговорил церемонию торжественного въезда в город.

Сегодня Низовье – это небольшой поселок в 17 километрах от Калининграда. Главной достопримечательностью является замок Вальдау, в котором теперь расположен музей. Здесь можно увидеть портреты Петра I и всех участников той встречи, представлена карта с маршрутом посольства, экспонируются копии наград, учреждённых Петром I. Интерактивным экспонатом является «шляпа-ростомер», подвешенная на высоте 2,04 м., чтобы экскурсанты могли сравнить свой рост с ростом Петра I.

В 1997 году, к 300-летию со дня пребывания здесь Петра I и Великого посольства, у дороги, ведущей в замок, был торжественно открыт камень с памятной плитой. Надпись гласит: «В замке Валдау 27 мая 1697 года останавливался Государь Петр I и Великие Московские Послы». А в 2013 году, благодаря деятельности работников музея и помощи администрации поселка, на фасаде замка, у входа в музей, появилась памятная плита с портретом царя и гравировкой: «27 мая 1697 года под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова для встречи с Великим посольством в замок Вальдау прибыл Царь российский Пётр I».

[10] Официальный сайт проекта «Фотоархеология Кнайпхофа» www.kneiphof.ru (Доступ 11.04.2022 г.)

[11] Мастерская скульптуры и художественного литья Андрея Шевцова www.balticsculpture.com

[12] Российская академия художеств www.rah.ru Доступ 11.04.2022 г.

[13] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. С. 50.

[14] *Минакова Р.* Земландия: путешествие во времени. Калининград: Живём, 2011. С. 41.

Ещё одно место в современном Калининграде, связанное с Петром I и Великим посольством – это Закхаймские ворота (нем. Sackheimer Tor). Именно здесь Пётр I выезжал из Кёнигсберга в Вальдау, чтобы встретиться с Великим посольством и здесь же торжественно въезжало в город Великое посольство в 1697 году.

Вот как это описал церемониймейстер: «Придворный штат одет был в совершенно новые ливреи, которые были особенно пышны и красивы по богатству золота, а также по красоте пурпура, пропущенного в них полосами. В городе по улицам от внешних Закгеймовых (т.е. Закхаймских — Авт.) ворот до квартиры, отведенной послам на Кнейпгофе, поставлены были по обеим сторонам бюргеры с оружием. По одну сторону Закгеймовых ворот стояло несколько рот полка графа Дона, а по другую сторону 24 драбанта с их золочеными алебардами, которые затем при въезде в город шли вокруг курфюршеской кареты. Все окна домов до крыш были полны зрителей и, так как его курфюршеская светлость своею высокою особой милостиво соблаговолил смотреть на въезд, то было предписано, чтобы весь поезд направлялся… через здешние три города. …Хотя с утра шел дождь, но затем к полудню небо опять прояснилось, чтобы придать больше блеску въезду»[15]. Далее подробно описан церемониал процессии, состоящий из 17 отделений.

За этим действом Пётр I наблюдал совместно с курфюрстом Бранденбурга и герцогом Пруссии Фридрихом III из окна Кёнигсбергского замка. Интересно описывает визит Великого посольства в Кёнигсберг Алексей Толстой в романе «Пётр Первый»: «Великие послы въехали в Кёнигсберг столь пышно, как никогда и нигде того не случалось»[16].

Сегодняшние Закхаймские ворота – одни из семи сохранившихся городских ворот города-крепости Кёнигсберга. Первые ворота на этом месте были возведены как часть Первого вального укрепления Кёнигсберга в начале XVII в. Проект Первых вальных укреплений разработал профессор математики Кёнигсбергского университета «Альбертина» Иоганн Штраус (нем. Johann Strauß, 1590–1630) – полный тезка австрийского композитора. Профессор Штраус также читал лекции по архитектуре, уделяя особое внимание фортификации[17]. В середине XIX устаревшее Первое вальное укрепление было реконструировано. Тогда же были построены нынешние Закхаймские ворота по проекту немецкого военного инженера генерала от инфантерии Эрнста Людвига фон Астера (нем. Ernst Ludwig von Aster) и входили в состав Второго вального укрепления, которое в целом повторяет очертание своего предшественника. До конца XIX в. ворота являлись контрольно-пропускным пунктом при въезде в Кёнигсберг. Позднее ворота утратили оборонительную функцию и стали украшением города.

После Второй мировой войны Закхаймские ворота, как и некоторые другие оборонительные сооружения, использовались под склады. В 2013 году ворота были переданы под управление «Калининградского союза фотохудожников», благодаря чему появилось арт-пространство «Ворота». Теперь здесь проходят выставки. Фортификационный объект стал объектом культуры.

Рядом с Закхаймскими воротами сохранилось ещё одно здание, которое Пётр I посетил во время очередного своего визита в Кёнигсберг в 1711 г. Тогда он изучил оборонительный вал и находящийся сбоку от ворот Королевский сиротский дом (нем. Königliches Waisenhaus). Сейчас это одно из старейших уцелевших гражданских

[15] *Богословский М.М.* Пётр Первый. Материалы для биографии. Под ред. В.И. Лебедева. Москва: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ. 1941. Т.2. Первое заграничное путешествие. 9 марта 1697 – 25 августа 1698. С. 67–68.

[16] *Толстой А.Н.* Пётр Первый. М.: Эксмо, 2020. С. 6.

[17] *Лавринович К.К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета: К 450-летию со времени основания. Калининград: Кн. изд-во, 1995. С. 86.

зданий города. Здание построено в 1703 году[18] по проекту придворного архитектора Йоханна Людвига Шультхайса фон Унфрида (нем. Joachim Ludwig Schultheiß von Unfriedt). Это единственная уцелевшая работа данного архитектора. Здание после войны было сильно перестроено, его современный вид существенно отличается от первоначального. Теперь его с трудом можно узнать[19]. Сейчас в этом доме находятся офисы всевозможных организаций[20].

Пётр I несколько раз посещал и главную достопримечательность города – Кёнигсбергский замок. Первый раз – когда курфюрст Фридрих III гостеприимно принял здесь, прибывшего в составе Великого посольства, царя. Тогда обсуждалась торжественная церемония встречи русских послов. Далее Пётр I и Фридрих III из окна замка наблюдали торжественный въезд Великого посольства в Кёнигсберг. «Царь… пожелал смотреть въезд (послов) из замка с его высочеством и, прибыв туда заблаговременно, обошёл с его высочеством замок, внимательно осматривая каждую вещь. Посмотрев затем въезд, выказал удовольствие»[21] – сообщил тайный венецианский агент. Позже здесь состоялся и приём послов.

Посетил государь Королевский замок и в 1711 году, возвращаясь из Карлсбада после лечения на курорте. Тогда государь осмотрел в замке канцелярию, архивы и Королевскую библиотеку[22]. Возможно, именно тогда особое внимание уделил так называемой Радзивиловской (Кёнигсбергской) летописи и распорядился снять с неё копию[23].

Во время Второй мировой войны замок был сильно повреждён. Его стены постепенно обрушались[24]. В 1955 году была взорвана повреждённая башня замка, а в 1968 – западный фасад. В 2001 году начались раскопки руин замка, которые проводились Балтийской экспедицией ИА РАН при участии Калининградского областного историко-художественного музея и при финансовой поддержке журнала Der Spiegel[25]. Найденные экспонаты пополнили фонды Калининградского областного историко-художественного музея. В настоящее время планируется консервация руин замка.

Важную роль для Петра I сыграло и посещение крепости Фридрихсбург (нем. Festung Friedrichsburg). Она была основана в 1657 г. по приказу великого курфюрста Фридриха Вильгельма для защиты города со стороны реки Прегель. Фортификационное сооружение было построено по проекту придворного математика Христиана Оттера (нем. Christian Otter)[26]. Царь посетил данный объект во время своего первого визита в Кёнигсберг в 1697 г. После возвращения в Россию по приказу государя на острове Котлин было построено несколько фортов (Кроншлот, Цитадель и Александр-шанец), образцом для которых считается именно кёнигсбергская крепость Фридрихсбург. Тут же царь познакомился с главным инженером прусских крепостей – подполковником Генрихом Штернером фон Штернфельдом. Именно он стал учить государя артиллерийскому делу. После обучения был выдан аттестат, присланный в Москву в 1698 году, в котором утверждалось: «…Господина Петра Михайлова признавать и почитать за совершенного в метании бомб, и в теории науки и в практике, осторож-

[18] *Кёстер Б.* Кёнигсберг - сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени. 2000. С. 109.

[19] Более подробную информацию можно найти на сайте, посвящённом Королевскому сиротскому дому www.k-wh.ru (Доступ 11.04.2022 г.)

[20] *Кропоткин А.М.* Легенды Янтарного края. Калининград: Живём, 2018. С. 55.

[21] *Богословский М.М.* Пётр Первый. Материалы для биографии. Москва: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ. 1941. Т.2. С. 70.

[22] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. С. 128.

[23] Существуют разные предположения о времени изготовления копии. Подробнее Лебедева И.Н. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг, СПб., 2003. С. 195; Кретинин Г.В. Прусские маршруты Петра I. С. 128.

[24] *Кулаков В.И.* История замка Кёнигсберг. Калининград: Живём, 2008. С. 94–98.

[25] Там же. С. 78.

[26] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. С. 45.

ного и искусного огнестрельного художника, и ему, во отличным сведениям, оказывать всевозможное вспоможение и приятную благосклонность...»[27]. Подполковник в Кёнигсберге и в Пиллау, «ежедневно благоупомянутого господина Петра Михайлова не только в теории науки, но и в практике, частыми работами собственных рук его обучал и упражнял»[28].

К сожалению, единственным сохранившимся до наших дней элементом крепости являются Фридрихсбургские ворота. В сегодняшнем Калининграде это единственные исторические ворота, которые вели не в город, а в одноименную крепость. Их не стоит путать с городскими воротами, которые служили для въезда и выезда из города. (Интересно, что ключи именно от Фридрихсбургских ворот хранились в музее Казанского собора в Санкт-Петербурге – как символ сдачи города русским войскам в 1758 году.)

В 2007 году ворота были переданы Музею Мирового океана сильно разрушенными[29]. Была произведена реставрация и музеефикация объекта. В 2011 году в здании ворот открылась экспозиция «Корабельное воскресенье»[30]. Сейчас в самом здании ворот и возле представлены музейные экспозиции, среди которых и «Кабинет Петра I»[31]. В 2011 году в честь пребывания здесь Петра I была открыта и памятная доска с изображением фигуры царя на фоне Санкт-Петербурга и парусных судов с надписью «Флоту быть!». Автором является калининградский скульптор Людмила Богатова.

По предложению Музея Мирового океана в 1996 году, в честь 300-летия Великого посольства, противоположная от Фридрихсбургских ворот набережная реки Преголи получила название «Набережная Петра Великого».

Ещё одним фортификационным объектом, рассказывающем о дипломатической миссии, является Историко-культурный центр «Великое Посольство», открывшийся в 2005 году. Он находится в Королевских воротах (нем. Königstor), которые тоже входили в состав Второго вального кольца Кёнигсберга. Центр является филиалом Музея Мирового океана. Здесь представлены экспозиции и выставки, посвященные дипломатии и известным личностям, посетившим город. Рядом в воротами установлен Памятный знак в честь 300-летия Великого посольства. На валуне расположена доска с начертанными словами: «В память о пребывании в Кёнигсберге в 1697 году Великого посольства Петра I». Здесь же можно проследить путь дипломатической миссии.

В черте города Калининграда находится и посёлок Прегольское, чья главная достопримечательность также связана с именем Петра I. Это – замок Фридрихсхоф (нем. Friedrichshof). Замок на берегу реки был возведен в 1690-х годах по заказу курфюрста Фридриха III, поэтому получил название Фридрихсхоф («усадьба Фридриха»). Здание строилось по проекту архитектора Иоганна Арнольда Неринга (нем. Johann Arnold Nering). Интересно, что этому же архитектору принадлежит и дворц Шарлоттенбург под Берлином.

Первый раз Пётр I прошёл мимо замка в 1697 году, направляясь водным путём в Кёнигсберг. Позднее Фридрих III принимал здесь царя. Государи вместе охотились. Далее на борту яхты состоялись переговоры, завершившиеся договорённостями об оборонительном союзе против Швеции. После Пётр подарил Фридриху рубин

[27] *Толстой А.Н.* Пётр Первый. М.: Эксмо, 2020. С. 6.

[28] *Богословский М.М.* Пётр Первый. Материалы для биографии. Москва: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ. 1941. Т.2. С. 58.

[29] *Рябкова Е.Г.* Хранитель морского наследия. Музей Мирового океана в Калининграде //Культура и время. №2 (44). 2012: Общественно-научный и художественный журнал. С. 157.

[30] Историко-культурный центр «Корабельное воскресенье». Калининград: Калининградский Печатный Двор, 2015. С. 17.

[31] Подробнее в книге «Кабинет Петра I от А до Я. Калининград: Страж Балтики, 2018».

«очень большой цены»[32]. По преданию, именно этот камень украсил скипетр, с которым Фридрих III в 1701 году короновался как первый король Пруссии Фридрих I. Следующий раз царь сделал остановку в замке в 1711 году, возвращаясь из Карлсбада.

В 1719 году прусский король Фридрих Вильгельм I подарил замок своему двоюродному брату Фридриху Вильгельму II, герцогу Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Бекскому. Поэтому до 1945 года замок и близлежащий посёлок называли «Гольштейн».[33] Замок уцелел. Сегодня в нем располагается организация «Калининградгеофизика», филиал Федерального агентства «Росгеология»[34].

Путь по Восточной Пруссии пролегал и через ряд населенных пунктов, среди которых был Инстербург (нем. Insterburg, ныне г. Черняховск). Сначала в городе побывала та часть Великого посольства, которая следовала в Кёнигсберг сухопутной дорогой: «…Оно вступило с обычной встречей в город Инстербург: встречали городские власти с поздравлениями и приветствиями, по улице стояли вооруженные бюргеры, били в барабаны и играли на флейтах»[35].

Пётр I же оказался в Инстербурге в 1709 году. (Та поездка по Пруссии и Польше пришлась на период триумфа государя после блестящей Полтавской победы. Он встретился с коронованными особами и дипломатами нескольких стран). Тогда царь остановился на ночлег у почтмейстера Девица.[36] В память о визитах Великого посольства и Петра I в 2004 году, в рамках программы «Прусские маршруты Петра Великого», установлен камень с барельефом царя. Надпись гласит: «Императоръ Петръ Великіи былъ здесь. 1697, 1709».

Одной из главных достопримечательностью посёлка Некрасово является средневековый замок Шаакен (нем. Schaaken), тоже связанный с именем Петра I. Впервые замок упоминается в XIII веке. Он был построен Тевтонским орденом на месте прусской крепости. Сначала по пути в Кёнигсберг в 1697 году в замке побывало Великое посольство. Сам же Пётр I трижды останавливался в Шаакене: в 1711, 1712 и 1717 годах[37].

После Второй мировой войны и до 1948 года в помещениях замка располагался детский дом для немецких сирот, затем его передали колхозу, просуществовавшему до 1960-х годов, позже в замке поселили людей. Ныне замок сохранился лишь частично. На площадке возле замка проводятся фестивали, реконструкции рыцарских турниров, в подвале размещена экспозиция, повествующая об инквизиции. Часть экспозиции посвящена быту первых послевоенных переселенцев. Благодаря самобытной атмосфере это место активно посещается туристами и ценителями истории. Каминный зал и замковые башни с аистовыми гнёздами – это визитные карточки Шаакена.

Маршрут царя проходил и через «маленький прусский городок Рагнит, на границе с Литвой, с замком на реке».[38] Так населенный пункт описан в «Письмах и бумагах Петра Великаго». Царь побывал в местечке Рагнит (нем. Ragnit, ныне г. Неман) в 1709 году. Пётр I ознакомился с городом и со средневековым замком,[39] основанным Тевтонским орденом. Сейчас величественные руины того замка расположены в центре города, который после Второй мировой войны стал носить название «Неман». В

[32] *Богословский М.М.* Пётр Первый. Материалы для биографии: [в 5 томах]. Москва: Центрполиграф, 2007. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. С. 106.

[33] *Губин А.О.* Петре Великом и семействе Гольштейнов // Гражданин. Калининград, 1996. № 40 (265). 10–16 октября. С. 6.

[34] Официальный сайт АО «Калининградгеофизика» https://rusgeology.ru/subdivision/ao-kaliningradgeofizika/ (Доступ 11.04.2022 г.)

[35] *Богословский М.М.* Пётр Первый. Материалы для биографии. Москва: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ. 1941. Т.2. С. 64.

[36] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. С. 157.

[37] Даты указаны по старому стилю.

[38] Письма и бумаги императора Петра Великаго. Вып. 1. 1952 г. С. 1329.

[39] *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра I. С. 121–122.

память о пребывании здесь Петра I на стене замка в рамках программы «Прусские маршруты Петра Великого» в 2004 году был открыт барельеф с изображением государя и текстом: «Императоръ Петръ Великій былъ здесь». Указан и год визита государя – 1709. В данный момент в замке ведутся восстановительные работы.

Отрадно, что одним из финалистов Национальной премии «Маршруты России» в 2021 году стал маршрут «Пётр Первый в Пруссии». Это экскурсия лишь по некоторым местам пребывания Петра I и Великого посольства в Восточной Пруссии[40]. Но и протяженность этого маршрута составляет свыше двухсот километров, что свидетельствует о том, что у данных памятных мест огромный, к сожалению, ещё не полностью раскрытый, туристический потенциал. Исторические достопримечательности, связанные с пребыванием Петра I и Великого посольства на территории Калининградской области, собранные в единый экскурсионный маршрут, призваны обогащать знаниями местных жителей и путешественников, рассказывать о связях нашей истории с историей Восточной Пруссии.

Все вышеперечисленные объекты входят в «Свод петровских памятников России и Европы». Данный проект создается в рамках комплексной программы «Путь Петра Великого», начатой в 2009 году Фондом имени Д. С. Лихачева и продолженной Институтом Петра Великого[41].

К сожалению, пока что ещё не во всех населенных пунктах, встречавших Петра I и Великое посольство, есть об этом упоминание. Надеемся, что в скором времени это изменится, ведь события тех лет достойны быть увековеченными. В данных памятниках и памятных местах запечатлены исторические события, призванные в наше время побуждать людей к воспоминаниям о великой истории.

[40] Подробнее: https://2r.ru/rtta/2018/route/view/1553 (Доступ 11.04.2022 г.)

[41] Подробнее на официальном сайте проекта «Свод петровских памятников России и Европы» https://petersmonuments.ru/ (Доступ 11.04.2022 г.)

М. Ю. Данков, Д. А. Проц

ОЛОНЕЦКИЕ ХОРОМЫ ЦАРЯ ПЕТРА НА «СВЕЙСКОМ РУБЕЖЕ»

В годы Северной войны (1700–1721) царские услужники на пограничных землях Шуйского погоста почти единовременно заложили семь государевых усадеб. Это зимний дворец Петра I и дом А.Д. Меншикова в Петровском заводском посаде[1], попутные хоромы в Половинном стане[2], зимний дворец государя, дом Екатерины Алексеевны и усадьба царицы Прасковьи Федоровны вблизи «марциальных источников»[3], а также дворец царя на Олонцкой верфи.

Государь с домочадцами и любителями марсовых потех провел в Олонецком уезде не менее 225 календарных дней[4]. На «свейском рубеже» была локализована политическая власть в стране, а архитектура дворцов, отражая эстетику и идеологические пристрастия монарха, превратилась в символ российской государственности (Илл. 4. Парадный портрет Петра I).

Совершая наезды «в Олонец»[5], Петр Алексеевич на линии Москва-Дмитров-Кашин «гостил» также в других путевых дворцах, а воеводы Тихвина и Ладоги «в пристойных местах» подыскивали избы где «бы тараканов не было»[6]. В таких путевых домах, по замечанию датчанина Ю. Юля, для государя обязательно держали «в погребе пиво»[7].

В отличие от хором, включая вологодские палаты голландца И. Гутмана, дом И. Луде в Нарве, усадьбу шведского дворянина Э.Б. фон Коноу, дом шведского рыбака М. Лейя в д. Койвусаари на месте будущего «Санкт-Питербурха», дворцы в Шуйском погосте возводились специально для царя и его окружения.

Однако, дефицит сведений о резиденциях «на Олонце» сохраняет много загадок. Мы не можем точно определить время возведения дворцов, назвать их архитекторов, выявить плотницкие артели, установить документы подрядов на строительные «отпускные припасы». Исследователям неизвестны проектные чертежи Олонецких дворцов, отсутствуют фасадные виды и поэтажные схемы зданий. Исключение составляет набросок плана 1718 г., царских строений «у колодезя», включая чертеж государева дома, выполненный В.И. де Геннином. Нам недоступны архаическая иконография зданий, эскизы интерьеров, неизвестен поименный список персон, гостивших в царских хоромах.

К почти неизвестным усадьбам государя стоит отнести дворец, возведенный

[1] Шуйский (через год Петровский) оружейный завод основан осенью 1703 г. См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 243. Л. 67; см. также: История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 39. В июне 1712 г. Петровский, Повенецкий, Алексеевский и Кончезерский заводы, получают название «Олонецкие заводы». Одновременно они переходят «под надзор» адмирала Ф.М. Апраксина в Военно-Морской и Адмиралтейский приказ. См. также: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2, кн. 2. С. 465.

[2] «Половинный стан», современная д. Половина (фин. Puoliväli) Прионежского района Республики Карелии

[3] С 1718 г., деревня называется «Дворцы, в 1965 г. село переименовано в курортный поселок Марциальные Воды.

[4] Некоторые исследователи называют «не менее 5 месяцев». См.: *Капуста Л.И.* Марциальные воды: страницы истории первого русского курорта. СПб., 2006. С. 46.

[5] Олонецкий уезд государь посещал в 1702 г. преодолевая «Осудареву дорогу», в 1703-1705 гг. когда работал на «Олонецком верфу», в 1719, 1720, 1722 и 1724 гг. в момент лечения водой из марциальных источников.

[6] Цит. по кн.: *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 48.

[7] *[Юль Ю].* Записки Юста Юля (с датского неизданного подлинника) // Русский архив. 1892. Кн. 2, вып. 5. С. 48

в 1703-1704 гг. к рабочим визитам Шаутбенахта к «Ладейной пристани» на р. Свирь (Илл. 17). Однако наиболее колоритным считается особняк царя на береговой террассе «Онег езера» в устье р. Лососиницы[8], возведенный в 1719–1720 гг. во времена «генерал-майора Геннингса»[9]. Впервые местонахождение усадьбы локализовал саксонец «сговоренный в Европе» М. М. Витвер на ландкарте «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит под цыфирным словам» относящейся к нач. 1720-х гг.[10].

Фиксационная работа в «саженях 3 аршина» в последние годы вызывает немалый исследовательский интерес[11] и заставляет задуматься – почему царский дворец указан два раза, под номерами «3» и «32»[12]. Это мистификация или досадная небрежность, которую совершил «artillery oberster M. Wittwer»? (Илл. 1. Чертеж Петровских заводов строению). А может, маркировка усадьбы у переправы к доменной площадке завода с номером «32» в устье р. Лососиницы[13] продуманная дезинформация на случай шведского «разора»?

Сегодня, сохранилось единственное изображение дворца, опубликованное в 1849 г. архиепископом Игнатием[14], которое позволяет представить колоритный царский дом в два света с «окончинами слюдвяными»[15] и четырехскатной шатровой крышей. Автор, время создания гравюры и местонахождение протографа неизвестны.

Над входным порталом дворца размещалось гульбище с «точеными балясинами», выше – обходная галерея с резным парапетом. Макушку здания венчала мансарда с балюстрадой и, вероятно, флагшток с медным флюгером. Можно вообразить, как царь взбирался на галереи своего «карельского» дома и совершал обзорные экскурсии, наслаждаясь красотой Онежского озера и округи. Фронтальный фасад усадьбы в «примерном плане… премало-значущихся развалин… снятым в 1810 г. в Петрозаводске» Т.В. Баландиным, достигал 15 саж. с глубиной около 8 саж. (30×17 м)[16] и высотой «соразмерной препорции». Интересно, что размеры, превышали характеристики (26,6×15,5×13,5 м) Летнего дворца на мысе между Невой и Безымянным ериком (Фонтанкой) по проекту Д. Трезини в Петербурге[17].

Бревенчатые стены резиденции были «вытесаны и выскоблены начисто», а

[8] Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. впервые упоминает гидроним р. Лососиница. См.: Писцовые книги Обонежской пятины в 1496 и 1563 гг. Л., 1930. В XVIII столетии река стала называться Лососинка, а порой «р. Лосена». См.: Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 4. Л. 195.

[9] *Вебер Ф.Х.* Записки Брауншвейгскаго резидента Вебера о Петре Великом … // Русский архив. 1872. Вып. 7. Стб. 1440.

[10] РГАДА. Ф. 192 (Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел). Карты Олонецкой губернии. Оп. 1. Д. 2. Ч. III. Ф.В. Берхгольц 7 марта 1722 г. уточняет время пребывания М.М. Витвера на «заводах», который «день перед тем» вернулся в Петербург «курьером из Олонца». См.: [*Берхгольц Ф.В.*] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721– 1725. 1902. Ч. 2 : 1722-й год. С. 96

[11] *Мулло И.М.* Петровская слобода. Петрозаводск, 1981. С. 45–68; *Жульников А.М., Спиридонов А.М.* Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 72; *Карма Ю.Ю.* Петрозаводск трех веков. Становление структуры города на фоне его планирования // Краевед : сб. ст. Петрозаводск, 2007. С. 32–33; Историко-картографический атлас Петрозаводска / гл. ред. В.Ю. Ландграф. Петрозаводск, 2010. С. 4; Данков М.Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII в.// Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г./ВИМАИВ и ВС. СПб., 2013. Ч. 2. С. 3–24.

[12] *Данков М.Ю.* «Попутный» дворец государя на берегу Онежского озер //ТГЭ. [Т.] 78 : Петровское время в лицах – 2015 : материалы науч. конф. СПб., 2015. С. 152–162.

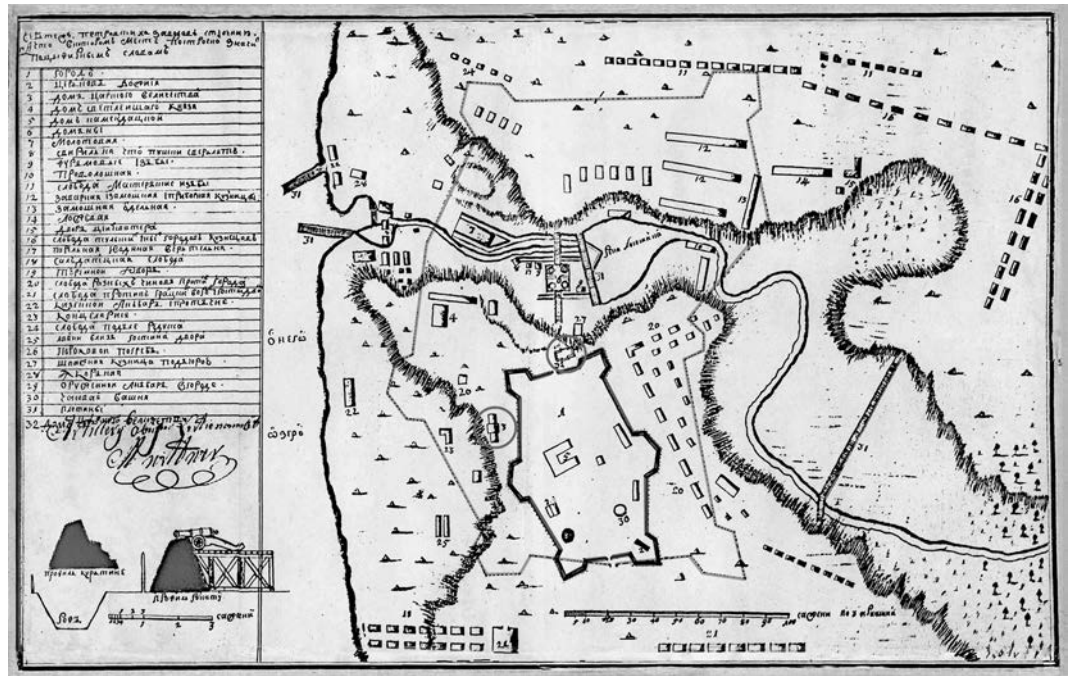
[13] Гидроним р. Лососиница известен с XVI в. (Писцовые книги Обонежской пятины в 1496 и 1563 гг. Л., 1930). Позже возникло название Лосена (Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 4. Л. 195), ныне р. Лососинка

[14] *Игнатий [в миру Семенов М.А.]*, архиеп. бывший Олонецкий ныне Воронежский. Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. 2-е изд. СПб., 1849. С. 141–142.

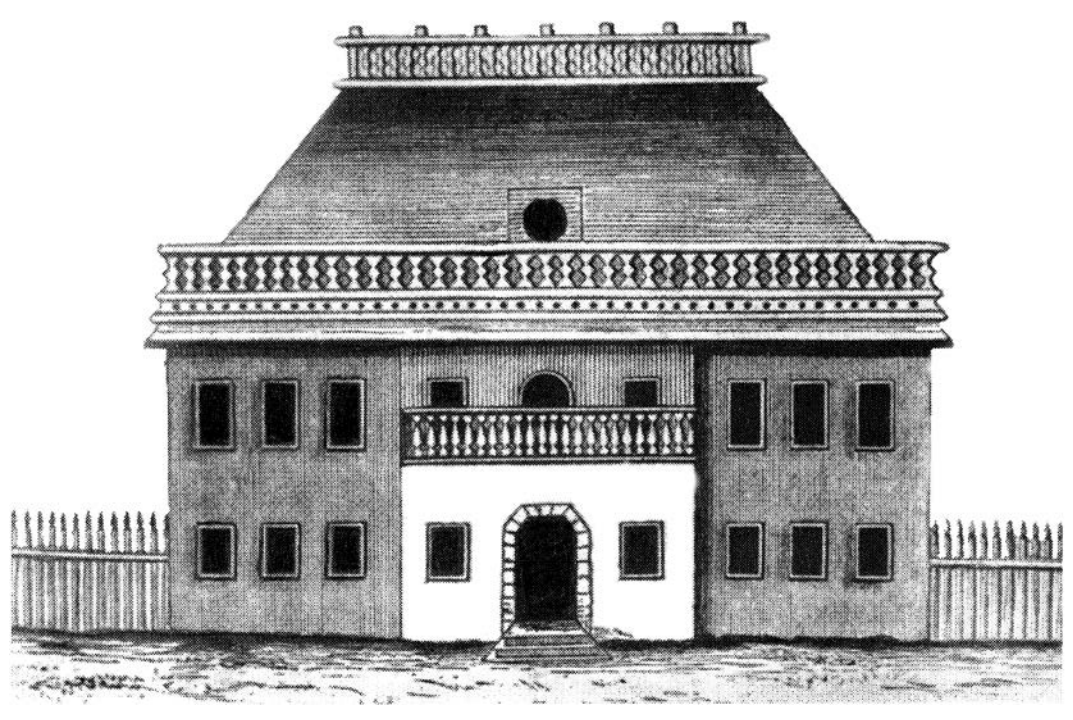
[15] *Баландин Т.В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб., 2016. С. 100.

[16] Архив СПбИИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 66. Л. 1 «Примерной план: снятой 1810 года в Петрозаводске…» Т. В. Баландин. См. также: Жульников А. М., Спиридонов А. М. Указ. соч. С. 89.

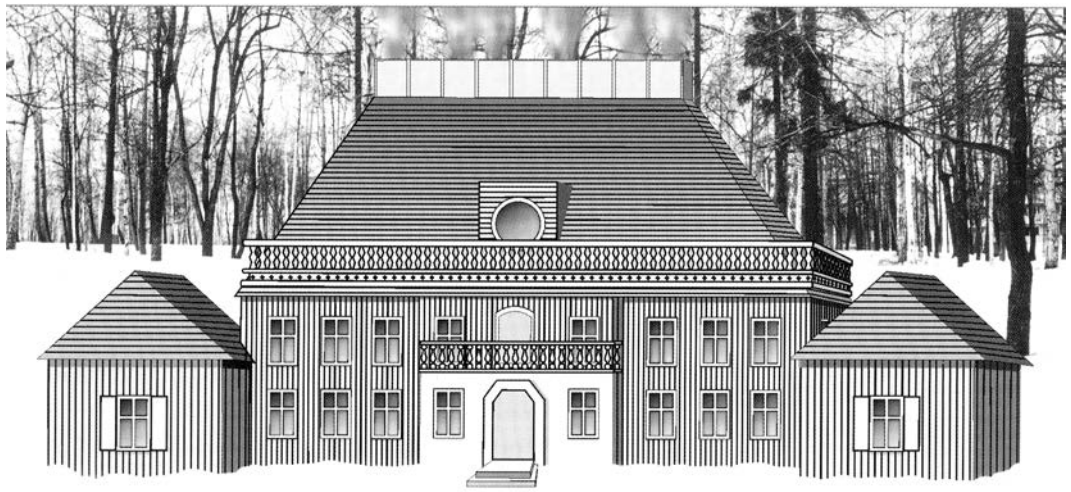
[17] *Голубева Е.А.* Летний дворец Петра I//Петровские памятники России: свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. Ч. 1. С. 38–39.



Илл. 1. «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит под цыфирным словам» М.М. Витвер (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Ч. III). 1722 г.



Илл. 2. Дворец Петра I на берегу Онежского озера. Неизвестный художник



Илл. 3. Визуальная реконструкция Дворца Петра I на берегу Онежского озера

затем покрыты «приличною краской»[18], имитирующей кирпичную кладку. (Илл. 2. Дворец Петра I на берегу Онежского озера). Скорее всего, как и особняки столицы, Онежскую усадьбу украшали резные фризы и барельефы. Учитывая слабость источниковедческой базы, безусловно, можно выделить «Опись имущества дворцов», Канцелярии Олонецких Петровских заводов, представленную 17 августа 1730 г. в Берг-коллегию. Фрагменты утерянного документа[19] в 1858 г. опубликовал петрозаводский краевед И.К. Чудинов[20].

Опись указывает, что во дворце императора, расположенном в «городском саду выше пруда», сохранились покои с «токарною и прихожею», «спальня императрицы с уборною», «две залы… с двумя каморами», «крестовая» комната с киотом, «хлебная и скатертная» со шкафами для серебряной и оловянной посуды и «мыльная с тремя уборными». На верхнем этаже уцелела «подключная», где «под замком» хранили провизию и «два винных погреба», в которых обер-кухенмейстер И. Фельтен держал анисовую водку, слободское пиво и любимые государем венгерские вина.

Наши представления об онежском дворце расширяет рисованная вставка[21] «больших хором»[22] 1662 г. морского офицера Э. Б. фон Коноу[23], с «Карты Петербурга и его окрестностей составленной по показаниям дезертиров и пленных» 1708 г. ныне хранящейся в Государственном архиве Швеции»[24] (Илл. 6. Карта Петербурга 1708).

Усадьба шведского дворянина летом 1703 г., была реквизирована, названа «Zarens huus» («Царский дом») и превращена в первый государев дворец столицы[25].

[18] *Баландин Т. В.* Указ. соч. С. 100.

[19] Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы: в 3 кн./сост. Д.З. Генделев. Петрозаводск, 2001. Кн. 1 : 1703–1802. С. 386.

[20] *Чудинов И.К.* Олонецкие марциальные воды // ОГВ. 1858. 1 февраля. С. 130–159.

[21] *Bagrow L.,Köhlin H.* Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö, 1953. No. IX.

[22] *Кузнецова О.А., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. СПб., 1988. С. 62–63.

[23] В 1706–1708 гг. по приказу Петра I дом Эриха Берндта фон Коноу перемещен к р. Фонтанке, на место современного Летнего дворца. См.: *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Екатерингофского дворца, или Неизвестное об известном//Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А. Екатерингоф. СПб., 2004. С. 96; *Андреева Е.А.* Первые дворцы Петра I в Петербурге и окрестностях// Дворцы Романовых как памятники истории и культуры: материалы междунар. конф., Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 120–127.

[24] *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 65, 67.

[25] *Сорокин П.Е., Новоселов Н.В.* Археологическое изучение Дворца Петра I в Летнем саду//Дворцы Романовых как памятники истории и культуры: материалы междунар. конф., Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 148–150.

Илл. 4. Парадный портрет Петра I.
Худ. И.П. Рефусицкий, И.В. Погорельский (ГИМ). 1702 г.

В 1708 г. хоромы царя перенесли с Адмиралтейского острова к мызе у Безымянного Ерика При анализе изображений выявляются поразительные аналогии. Оказывается, дворцы имели два этажа, схожую обходную галерею, шатровую крышу с четырехскатной кровлей и идентичную мансардную обзорную площадку[26]. С 1711 г. на месте невской деревянной усадьбы, по проекту Д. Трезини строится каменный дворец, который сохраняет изначальный шведский архитектурный стиль чем свидетельствует художественный лист из альбома Ф.-В. Берхгольца «Дворец Петра I в Летнем саду»[27].

Можно допустить, что Онежский особняк на территории Шуйского погоста в заводской слободе, как и перестроенный дом фон Коноу, превратившийся в первый дворец царя на Неве, возводились пленными шведскими солдатами по скандинавскому образцу[28].

Что касается Онежской резиденции, то ее «каморы» располагались на анфиладной оси здания, что отвечало рациональным вкусам государя и гарантировало комфорт для жильцов. Денщики выходили сначала в коридор к «топочным», кирпичным и чугунным печам «с короною и вензелем»[29] и лишь затем в комнаты постояльцев. В покоях царя Петра, вероятно, растягивался фальшпотолок из саксонского полотна[30] и они совмещались с прихожей и мастерской, где стоял «токарный стол с железными тисками»[31].

После кончины монарха судьба дворца оказалась незавидной. До 1732 г. строение не ремонтировалось, а «надсмотрщик» завода Е. Дейхман утверждал, что «за гнилостию» дом «починить…невозможно» с оговоркой «разве оный дворец вновь перестроить и с покоями»[32]. Тогда же Сенат обязал КОПЗ содержать петровскую усадьбу с «починкою». При императрице Елизавете Петровне подготовлен очередной рапорт в Берг-коллегию «за тою гнилостию и весьма ветхостию» дворец Петра нуждается в перестройке иначе, не имея «жительства», он может «принять наибольшую гнилость»[33].

[26] *Сорокин П.Е., Новоселов Н.В.* Указ. соч. С. 150; Сорокин П.Е. Указ. соч. 2004. С. 9

[27] *Hallström B.H.* Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum//Nationalmusei skriftserie 9. Stockholm, 1963. Nr THC-146; см. также: *Гусарова Е.В.* К вопросу о происхождении русских чертежей «коллекции Берхгольца»//ТГЭ. [Т.] 78 : Петровское время в лицах – 2015 : материалы науч. конф. СПб., 2015. С. 140–151.

[28] *Марголис А.Д.*, Пирютко Ю.М. Домик Петра I // Петровские памятники России : свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. Ч. 1. С. 30.

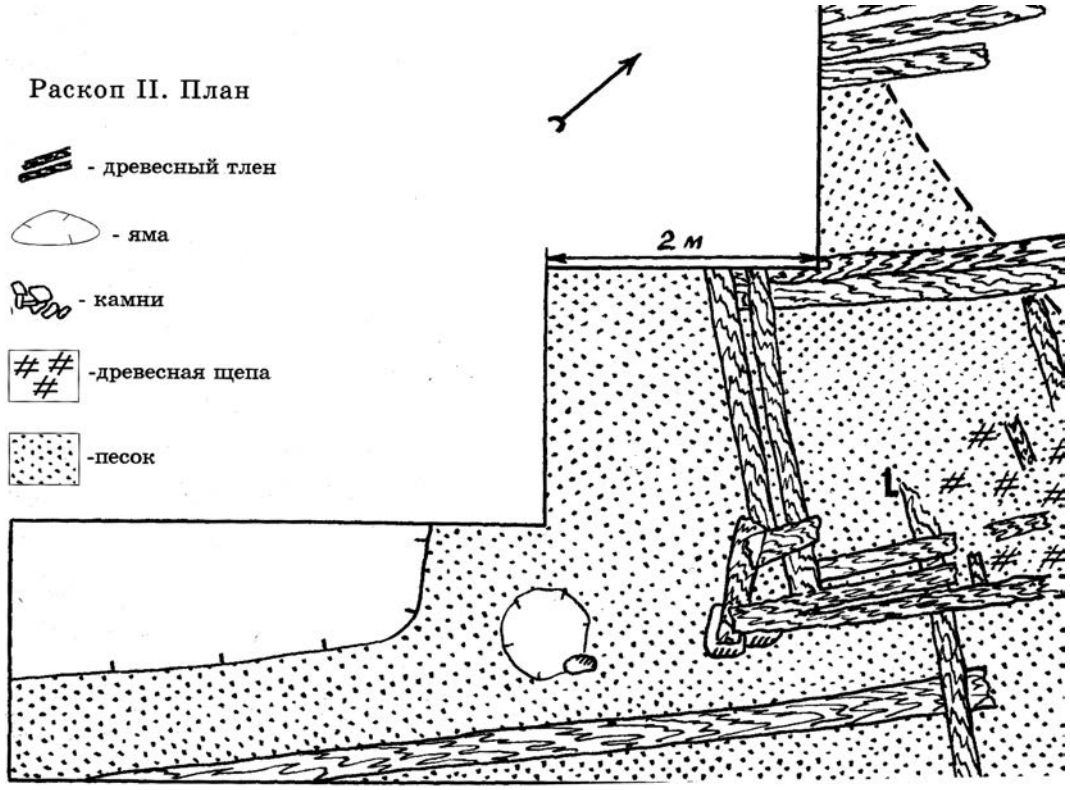
[29] *Баландин Т. В.* Указ. соч. С. 100.

[30] *Ключевский В.О.* О русской истории / под ред. проф. В.И. Буганова. М., 1993. С. 431.

[31] Цит. по: *Чудинов И.К.* Указ. соч. С. 152.

[32] НАРК. Ф. 445 (Канцелярия Олонецких Петровских заводов). Оп. 1. Д. 157. Л. 244–247. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории… Кн. 1. С. 39.

[33] НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 157. Л. 244–247. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 39



Илл. 5. Чертеж с выявленным в ходе археологических работ, углом фундамента дворца Петра I на берегу Онежского озера. 2003 г. Автор А.М. Спиридонов.

С согласия обер-прокурора Сената М.Ф. Соймонова, «главный командир» Олонецких заводов А.С. Ярцов весной 1772 г. отважился «раскатать» петровский дом[34]. Во всяком случае, на «примерном плане» 1810 г.[35], Т.В. Баландин «из развалин…срисовал»[36] лишь часть фундамента «бывшего дворца» (Илл. 10. Чертеж Примерный план Т. Баландина).

К современным источникам, уточняющим представления о локации усадьбы Петра Алексеевича на территории Посада, относятся материалы археологических исследований 1996 и 1998 гг.[37]. На глубине 30 см исследователи натолкнулись на «следы деревянных конструкций» в виде «истлевших бревен и плах», лежащих под прямым углом на двух валунах и крепкое шестиметровое бревно. Находка позволила предположить, что «остатки бревен и настила из досок» напоминают угол срубной постройки «дома царского величества» (Илл. 5. Чертеж с выявленным в ходе археологических работ). Здесь же были обнаружены «окончины слюдяные», обломки фарфоровой, керамической и винной посуды, медная копейка 1711 г., железный наконечник кайла и кованые гвозди.

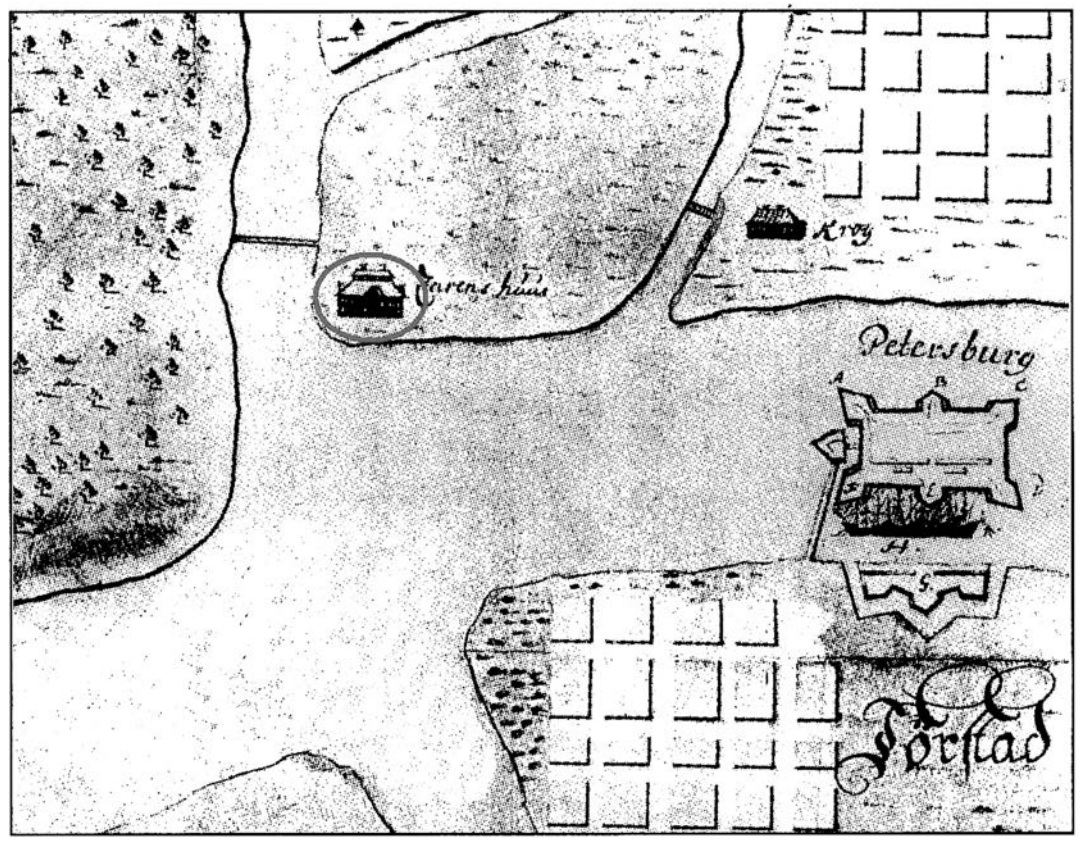
Недалеко от фундамента резиденции Петра археологи натолкнулись на фраг-

[34] Некоторые специалисты считают, что дворец был разобран в 1773 г. См.: Жульников А.М., Спиридонов А.М Указ. соч. С. 74, 89.

[35] Архив СПбИИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 66. Л. 1; «План бывшему расположению Дворца и чугуно–литейного завода Государя императора Петра Великого в городке Петрозаводске. Оз. Онего» в 1826 г. опубликован А.А. Фуллоном, см.: Горный журнал. 1826. Кн. 6. Прил. С. 145–149; и с «объяснительными примечаниями» А.И. Иванова. См.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858.

[36] *Баландин Т.В.* Указ. соч. С. 99.

[37] Археологические работы проводились студентами ПетрГУ под руководством А.М. Спиридонова. Материалы находятся в фондах Национального музея Республики Карелия (КГМ 36707/1–230, 37888/1–459).



Илл. 6. Фрагмент «Карта Петербурга и его окрестностей по показаниям дезертиров и пленных» (Государственный архив Швеции). 1708 г.

мент непонятного гидротехнического устройства в виде шестиметрового контура траншеи, углубленной в материк, на дне которой находилась мощная «полоса древесного тлена» шириной до 30 см[38]. Скорее всего, речь идет об остатках подземного водопровода от ключевых колодцев в «поварню» и «мыльную» царского дома. При этом генерал-архитектор Ж.-Б. Леблон зимой 1718 г., принимавший на Петровском заводе чугунные трубы для фонтанов столицы[39], утверждал, что «самое большое удобство…о чем можно мечтать – это иметь текущую» по трубам воду[40]. Знаменитый француз, по мнению исследовательницы Л.И. Капуста, мог «предложить план… или стать консультантом»[41] строительства петровских хором, о внутреннем убранстве которых, сведений почти не сохранилось. Очевидно, в царских апартаментах находились ореховые шкафы, ширмы «аглинской» работы, немецкие столики «о трех ношках», столы, комоды, плетеные стулья и с позолоченной резьбой и изображениями раковин или птиц, а также кресла и диваны, драпированные зеленым или красным сафьяном, по этикету выставлялись вдоль стен на «выструженных, досчатых»[42] полах. Часть недорогой и прочной мебели местные мастера «рубили» из березы или сосны. Так, в Национальном музее Республики Карелия сохранились

[38] *Жульников А.М.,* Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 89, 90.

[39] *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 60.

[40] Цит. по: *Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719)//От Средневековья к Новому времени : материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1984. С. 122.

[41] *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 71, 76.

[42] *Баландин Т.В.* Указ. соч. С. 100.

Илл.7. В.И. Геннин, начальник Олонецких Петровскиз заводов. Г. Гейтман по рис. В. Флорова. 1826 г.

три стула с балясинами[43], которые, по преданию, в мастерской дворца, «точил» сам Петр Алексеевич[44]. Однако дефицит мебели приводил к ее перемещению из одной попутной усадьбы в другую. Тем временем отметим, что утраченная «Опись» 1730 г. детализирует обстановку спальни императрицы. В ней сохранилась «ореховая кровать государыни» с бархатом и широким позументом[45]. Любопытно, что в корреспонденциях от 12 и 15 марта 1717 г., сенатору Ф.М. Апраксину, царь требует закупить в Лондоне четыре кровати[46]. Может быть одна из них оказалась в олонецких хоромах?

Вторым дворцом на территории заводского посада, расположенного у заводских цехов ближе к берегу Онежского озера, был «дом светлейшего князя» А.Д. Меншикова, однажды названного царем «фундатором» Петровского завода[47]. Считается, что строительство дворца генерал-губернатора Ижории связано с планировавшейся в 1704–1705 гг. инспекцией оружейного завода[48].

Сведений о внешнем виде, внутренней планировке и этажности хором фаворита, отмеченных М.М. Витвером номером «4», не сохранилось. Однако, исходя из масштаба «Чертежа», площадь дома Шлиссельбургского и Шлотбургского губернатора была в форме вытянутого прямоугольника и в два раза превышала размеры устроенного вблизи дворца государя.

Дефицит данных об особняке главы «новозавоеванного края» связан тем, что дом бесхозно простоял около пятнадцати лет. Впервые порог своих апартаментов в заводском Посаде А.Д. Меншиков переступил 22 июля 1719 г. когда, завершив дело царевича Алексея, отправлялся к источнику (Илл. 12. Портрет А. Меншикова. Неизв. худ.). Тогда, приняв «кушанье» у ландрата Г.Ф. Муравьева, президент Военной коллегии решил осмотреть шпажные и «проволошные» работы и, «прибыв во дворец… начевал»[49]. На следующий день, изучив «оружейной анбар», он вернулся «во

[43] КГМ 10734, 46276, 52649.

[44] *Михайлова И.К.* Мебель XVII–XVIII вв. в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Вестник Карельского государственного краеведческого музея: сб. науч. трудов. Петрозаводск, 2006. Вып. 5. С. 136.

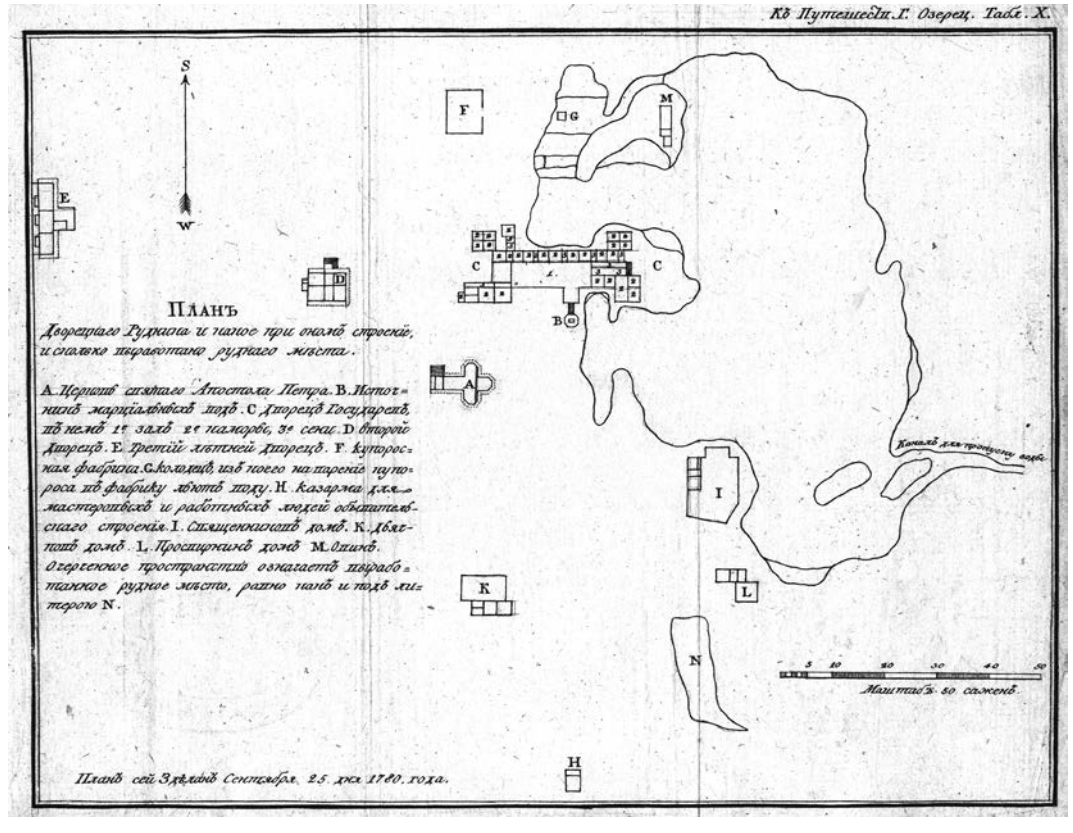
[45] Цит. по: Чудинов И.К. Указ. соч. С. 152.

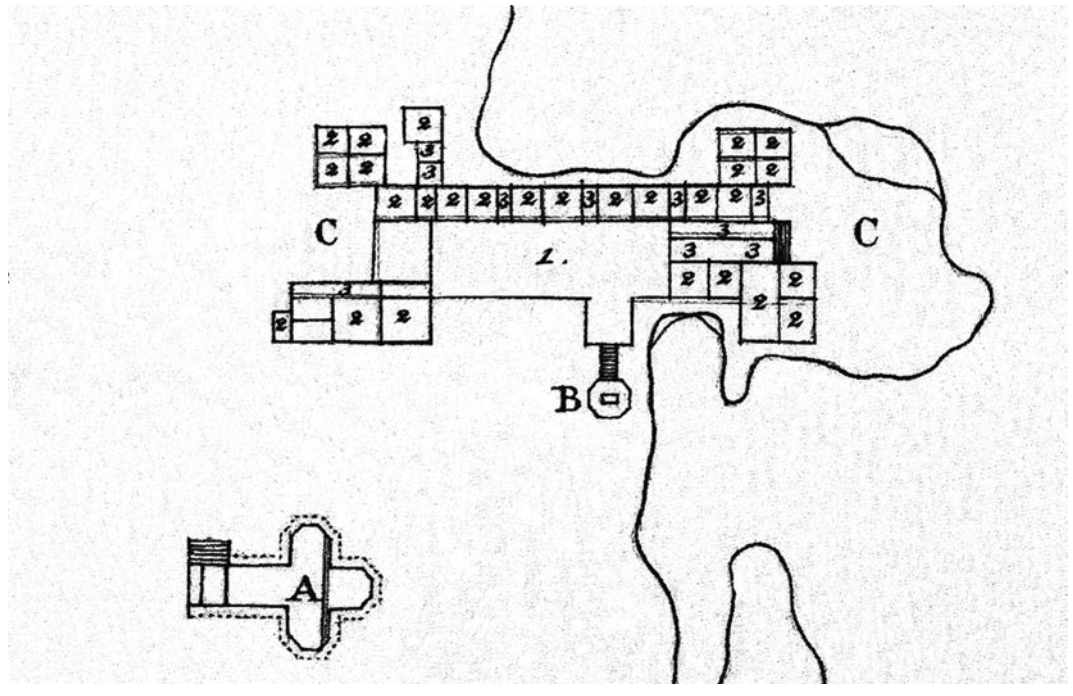
[46] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 1. Кн. 11; см. также: *Кареева Н.Д.* Летний дворец Петра I: вкусы царя и западноевропейские образцы//Дворцы Романовых как памятники истории и культуры : материалы междунар. конф., Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 166.

[47] РГАДА. Ф. 5 (Переписка высочайших особ с частными лицами). Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 319–320 об. Подлинник. См. также: *Кротов П.А.* А.Д. Меншиков-основатель Петрозаводска//Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Май, № 3. Т. 1. 2015. С. 7–9.

[48] РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Оп. 1. Портфель 243. Ч. II. Л. 137. См. также: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 63.

[49] НАРК. Ф. 2 (Олонецкое губернское правление). Оп. 47. Д. 3/76. Л. 76–79. См. также: Труды и Дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / публикация С.Р. Долговой





Илл. 8. План дворца государева в с. Дворцы (Марциальные воды). 1780 г.

Илл. 9. Памятная чугунная плита «Строено радением и трудами артиллерии полковника Олонецкого коменданта Георгия Вильгельма Геннина/1718 году». О постройке дворца в Марциальных водах (КГМ 39202)

дворец», собрался и «отъехал» по воде к «Конч-озеру», где «начевал в доме коменданта Генина». После лечения, возвращаясь в Петербург «губернатор и кавалер» 5 августа 1719 г. вновь «прибыл на Петровские заводы» и, «став на дворце… в 10-м часу лег опочивать». На следующее утро «его светлость» последний раз в жизни посетил свой «дворец» и, «убрався…отшел на судно» и отбыл в имперскую столицу[50].

До 1728 г. онежская усадьба А.Д. Меншикова называлась «дом ландрата» и находилась в ведении Г.Ф Муравьева, который переселился в этот дом с семьей. О печальном состоянии дворца, свидетельствует «Доношение» М. Чебышова в Берг-коллегию от «августа 14-го дня 745 г.» который сообщал, все «дворцы» и «командирские домы», включая усадьбу А. Меншикова, «огнили», и без перестройки «примут» «наибольшую… ветхость»[51].

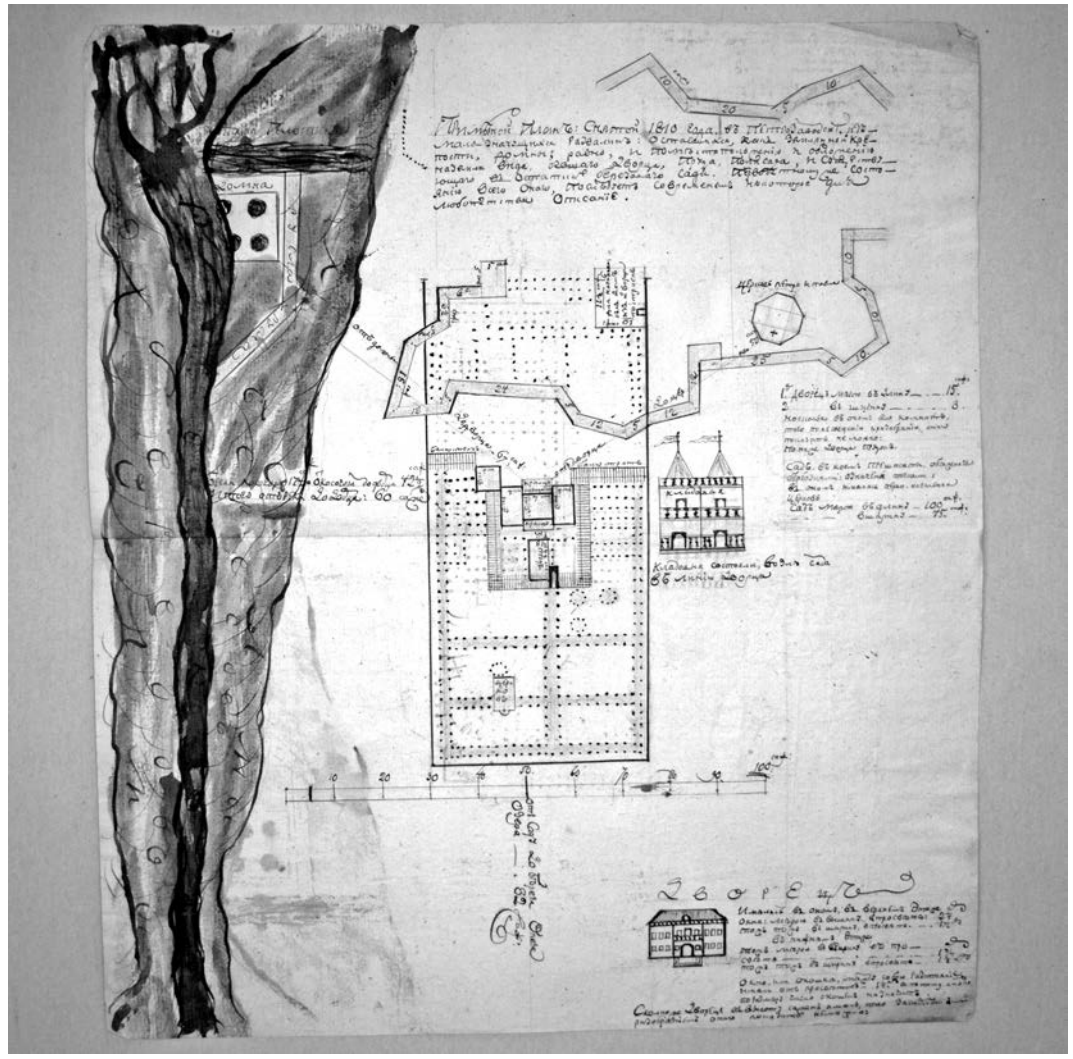
В 1997–1999 гг. у предполагаемого дома Меншикова археологи выявили каменные кладки двух построек. Фундамент одной из них, ориентированный по розе ветров, был сложен из валунов и «колотых каменных плит», сцепленных известковым раствором. Находка, соотносимая со временем пуска оружейного завода, вероятно, имеет отношение к усадьбе «его светлости». Здесь были обнаружены фрагменты парадной фарфоровой и фаянсовой посуды, обломки белоглиняных голландских курительных трубок с пяточным клеймом «Gouda», металлические пуговицы от мундиров и фрагменты печных изразцов с зеленой глазурью[52], но доказать, что обнаружен именно А.Д. Меншикова, исследователи не смогли.

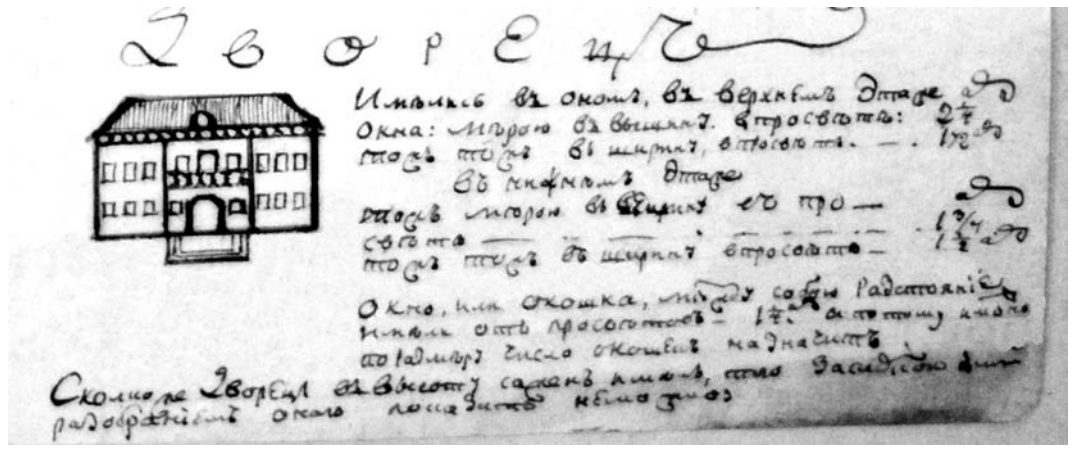
и Т.А. Лаптевой. М., 2004. С. 321.

[50] Труды и Дни Александра Даниловича Меншикова…С. 323.

[51] НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 157. Л. 247. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 40.

[52] *Жульников А.М., Спиридонов А.М.* Указ. соч. С. 96–98.





Илл. 10. Чертеж и фрагмент «Примерного плана» заводского Посада Т.В. Баландин (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 266. Оп.1. Д.66. Л.1). 1810 г.

Илл. 11.Портрет Екатерины I Алексеевны с работы Ж.М. Натье. Кон. XVIII в.

О государевых хоромах в «Половинном стане», между карельским с. Пряжа и пушечным заводом, архивных документов почти не сохранилось. Нам не известна точная локация третьего дворца, его внешний вид и время постройки. Более того затруднительно ответить сколько раз государь мог «гостевать» в попутной обители. Возможно, усадьба располагались у тракта, и походила на обычный одноэтажный терем с резными наличниками. Скорее всего, возведение дома было связано с царской рекомендацией «кавалеру» посетить олонецкие воды. Известно, что А. Меншиков на пути «к заводам» 21 июля 1719 г. отъехал из Пряжи во дворец «зовомый Половина». Здесь «кушанье кушав» он отказался от ночевки в доме. Зато по традиции, рожденной на Осударевой дороге, отправился во двор и с удовольствием «в полатке начевал»[53].

Через четверть века дворец «при Половинном стану» уже походил на руины, что подтверждает «Доношение» шихтмейстера шведа П. Бейера, который с 1735 г. надзирал за техникой и припасами медеплавильного завода в с. Кончезеро. В 1743 г., он увидел, что «крышка» дома «огнила», а «в покоях печи осели», поэтому государев дворец требовал скорейшего вмешательства.

Тогда смотритель предупредил, что если «в новое лето» ремонт не начнется, то фундамент и стены царского дома «от верхней течи» сгниют, а «печи развалятся», и, главное: «от кровельной починки пользы никакой быть не может»[54]. Однако реконструкция царского дома в Половинном стане была отложена и хоромы вскоре действительно пришли в негодность.

О четвертой государевой усадьбе у «источника Олонецкого»[55] в с. Дворцы, сведений сохранилось больше, во всяком случае известно, что 5 января 1718 г. комендант Олонецких заводов В.И. Геннин «родом из Ганова»[56] известил Ф.М. Апраксина, что «заложил» у «колодезя дворец, как… его царское величество изволил приказать». Саксонец отписал Петру о сборе «к строению дворца» на «кончезерские железные пожни» тамошних «пачкунов» плотников[57].

Вскоре «услужник» сообщил, что дворец, поименованный на «карта схеме водного пути» в превосходной степени «творец»[58], будет в «готовности февраля в первых числах». Уже 26 января 1718 г. «артиллерии полковник» вновь отписал Петру Алексеевичу «дворец при минеральном колодезе совсем в готовности», а «горницы высушены и угару в них не будет»[59] (Илл. 14. Карта схема водного пути).

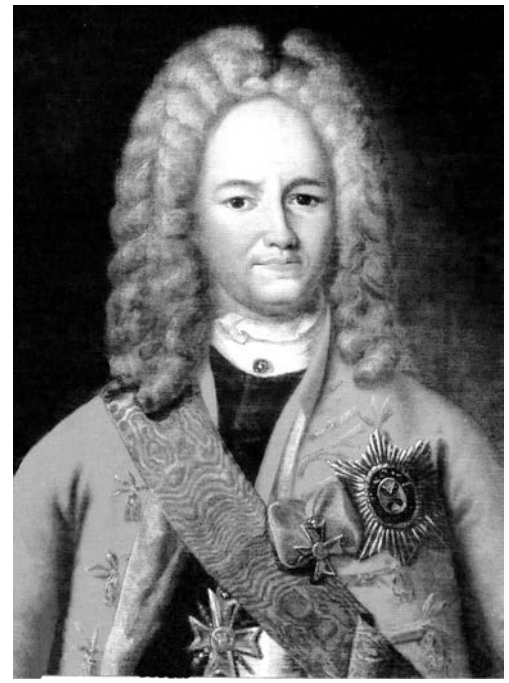
Скоростное строительство одноэтажной усадьбы[60] «по линии от высокой горы к болоту»[61] для уменьшения влажности грунта потребовалось вбить вдоль здания сваи, остатки которых, «березовые и ольховые круглые поленья», в 1785 г. увидел академик Н.Я. Озерецковский[62] (Илл. 8. План дворца государева в с. Дворцы).

Охранные музейные археологические работы 2019 г. под руководством М.М. Шахновича, на глубине 60 см от дневной поверхности выявили настил из стволов молодых деревьев, хвороста, коры и досок, ниже которого оказался «черный слой болотной жижи», что позволило назвать находку дворцовым «тротуаром».

Представление о царском строении с двумя ризалитами и ажурной балюстрадой может дать план здания «у колодезя», выполненный в 1718 г. комендантом «ди Генаном». Считается, что этот план государевой усадьбы в Марциальных водах, близок к чертежам дворца Петра I, отстроенного в 1703 г. на верфи в Лодейном Поле на р. Свирь (Илл. 17 План Адмиралтейской верфи в Лодейном Поле 1750 г.)[63]. При этом линейные «розмерения» хором у источника 32,0×11,5 саж. в два раза превышали площадь петровской обители у Онежского озера. Через год к петровскому дворцу пристроили центральный ризалит с крытой галереей. Пристройка позволяла царю пить воду из источника и «из избы не выходить»[64]. В последний визит к источнику в 1724 г. царь попытался «против старой (галереи?) где пьем воду» пристроить к дворцу манеж, «чтобы на лошади проезжаться было зимой мочно»[65].

После кончины монарха элита перестала «наезжать на воды», дворцовая мебель и бытовые предметы перекочевали в имперскую столицу, а царские строения в июне 1730 г. перешли под контроль КОПЗ.

Тогда же «Опись» отметила внутреннее расположение и убранство дворца. Кроме «уборной Его величества» в хоромах уцелела «камора, где хранились чертежи и книги», а также «спальная» с «токарной», в которой стояли 2 станка с колеса-



Илл.12. Портрет А.Д. Меншикова. Неизвестный художник. XVIII в.

[53] Труды и Дни Александра Даниловича Меншикова…С. 321.

[54] НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 157. Л. 244–247. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории…Кн. 1. С. 39.

[55] *Вебер Ф.Х.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1439.

[56] *Гамель И.Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении с планами и изображениями оружия и машин на 42 листах. М., 1826. С. 66.

[57] Доношения, рапорты и письма Виллима Ивановича Геннина к императору Петру I, императрице Екатерине I и разным лицам// Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 151–152.

[58] *Агапитов В.А.* Историческая топонимия курорта Марциальные Воды//Марциальные Воды в истории Карелии и России: мат. науч. конф., Петрозаводск, 12–13 сентября 2019 г. Петрозаводск, 2019. С. 4.

[59] Цит. по: *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 68.

[60] В фондах НМРК хранится чугунная плита (КГМ 39202) с текстом: «Строено радением и трудами артиллерии полковника Олонецкого коменданта Георгия Вильгельма Геннина/1718 году».

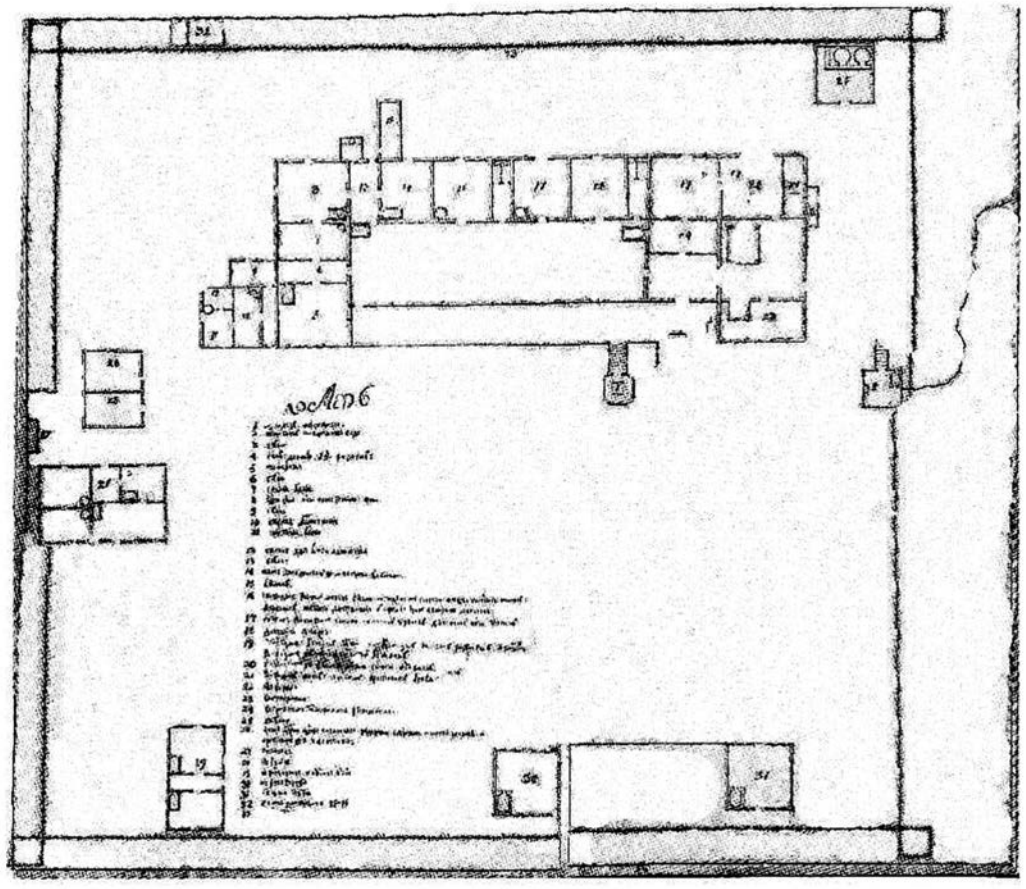
[61] Цит. по: *Чудинов И.К.* Указ. соч. С. 152–153.

[62] Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 145.

[63] *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 68.

[64] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 5. № 3338. С. 686.

[65] Цит. по: *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 71.



Илл. 13. План дворца в Марциальных водах. В.И. Геннин 1718 г.

ми из дуба. Оказалось, что механизмы «на шурупах» соединялись с креслом, драпированным зеленым сукном, а к железным и деревянным тискам был пристроен слюдяной фонарь. Любопытно, что в «токарне» государь предпочитал работать с местными мастерами М. Дубаковым и К. Филипповым, под «приглядом» А. Нартова и А. Коровина, по просьбе которого на Петровском заводе изготовили сани и «ключ к ящику с токарным инструментом».

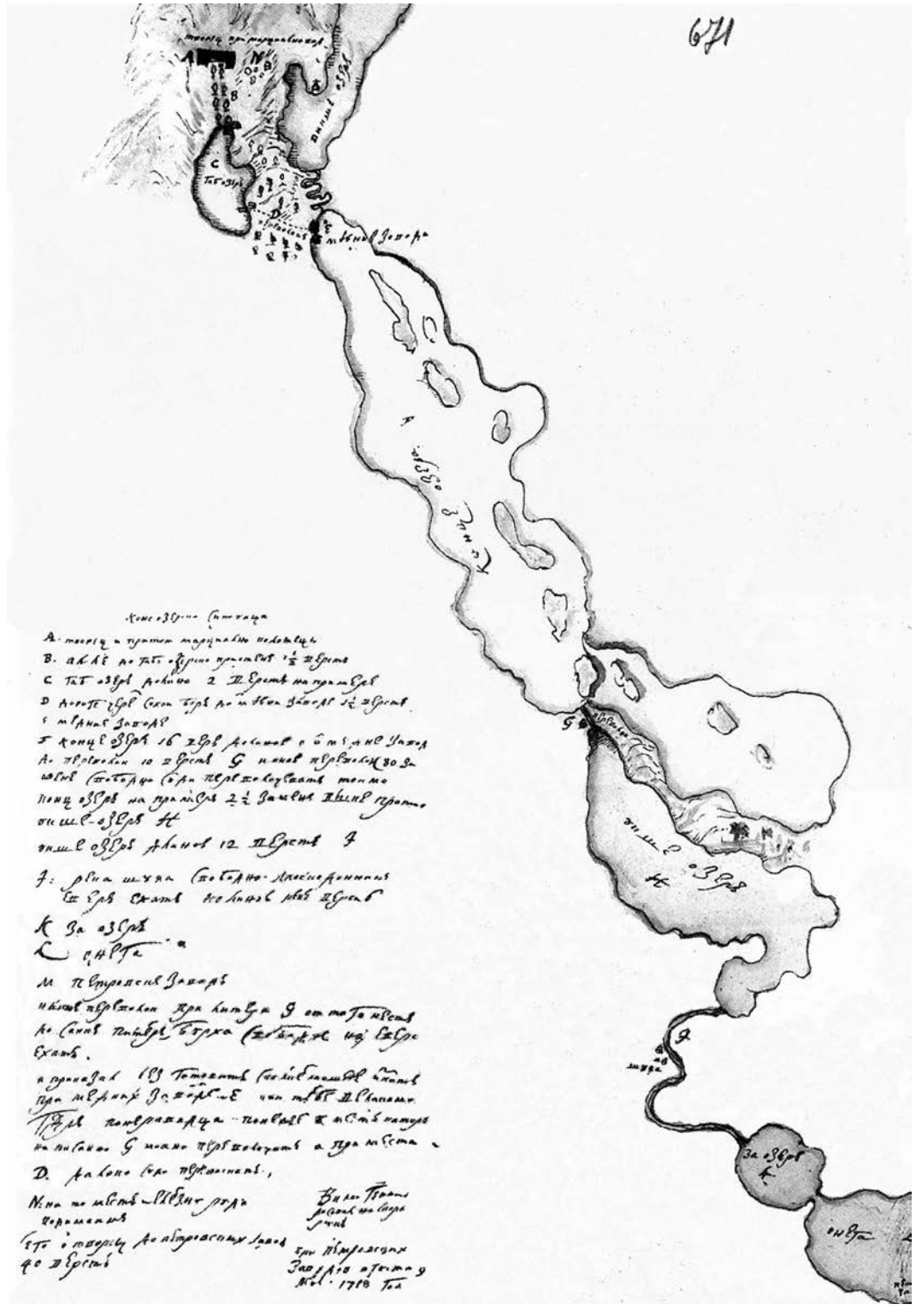
Из своих апартаментов царь имел возможность выходить в зал, где было 32 окна, 4 стола, 6 скамей, бильярд, изготовленный по инициативе В.И. Геннина и шкаф с замком. Помещение в 90 кв. саж. предназначалось для прогулок гостей, которые через тамбур добирались к колодцу с «крытым шатром» в виде часовни[66]. «Походный журнал 1720 года» уточняет, что в зале «при их Величестве…кушали…за одним столом всех чинов 60 персон»[67].

Через «каморку и сени», «скатерную», пирожную и поварню Петр Алексеевич часто наведывался в 4-комнатные «адмиральские покои», первого президента Адмиралтейств-коллегии Ф.М. Апраксина.

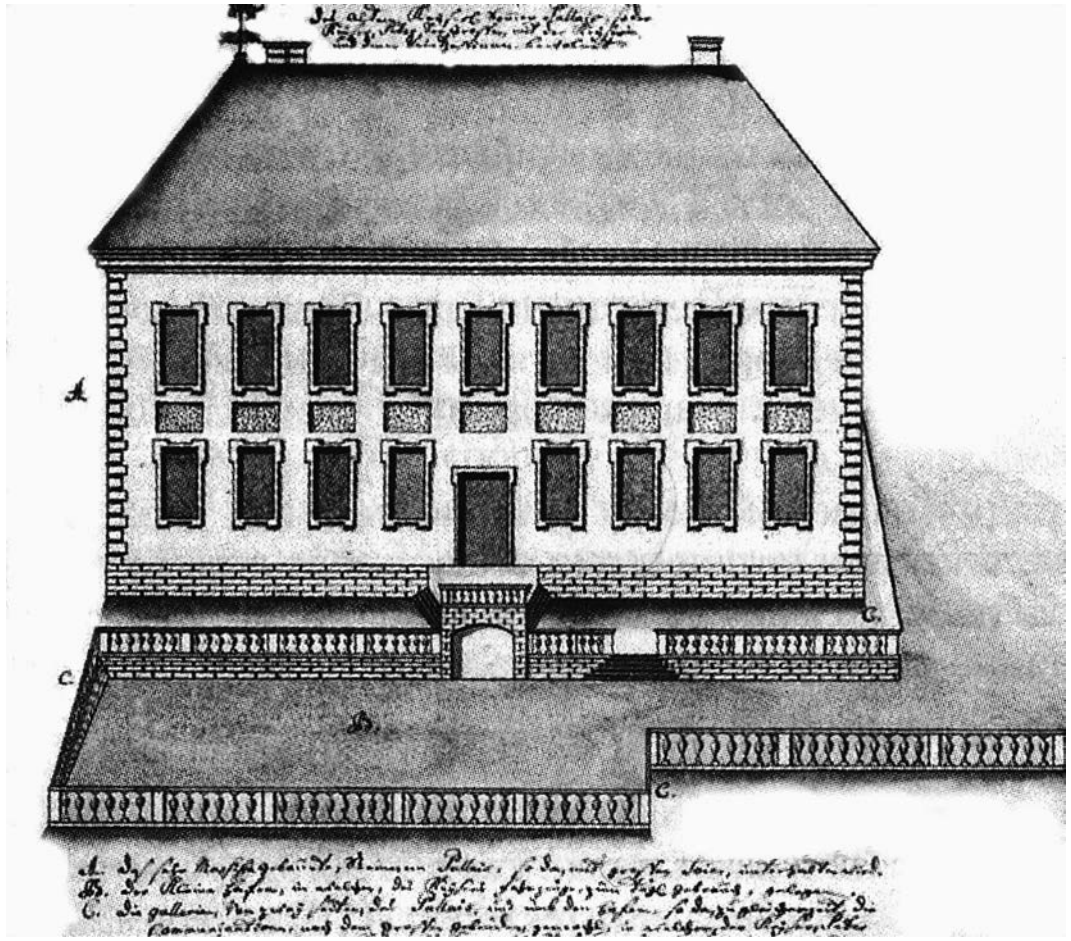
Кстати, напротив «земляного зала» было обустроено 8 «каморок» на 2–3 пер-

[66] В фондах НМРК хранится чугунная плита (КГМ 4928) из дворцового шатра с надписью: «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы его Царского Величества Петра Первого императора всея российского дела протчей всенародной пользы тчанием его искусством его Величества всенижайшего его раба артиллерии полковника и команданта алонецкого господина Георга Вильгельма Генина 1716».

[67] Походный журнал 1720 года. 2-е изд. СПб., 1913. С. 203–204.



Илл. 14. Схема водного пути от петровских заводов к с. Дворцы. В.И. Геннин 1718 г.



Илл. 15. Летний дворец Петра на месте дома фон Коноу. Постройка 1710-1711 Д. Трезини. Коллекция Ф.-В. Берхгольца

соны и «мыльная с каморою». К 1725 г. во дворце насчитывалось 60 кроватей и 20 деревянных столов. При этом на «половине государыни» располагались «четыре камеры и один чулан для платьев»[68]. Ординарцы дворцового комплекса топили печи, стирали и убирали, а крестьяне «повседневно выливали марциальную воду» за «что получали по рублю»[69].

В 1718 г. в с. Дворцы для царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана V «на полугоре на запад»[70] была отстроена вторая усадьба на водах, очевидно напоминающая русский терем. По «Описи» 1730 г., хоромы состояли из четырех комнат, поварни и мыльни, а ниже дворца «под горою» было устроено два погреба. В доме царицы в 1719 г. жили ее дочери герцогиня Анна Курляндская, будущая Всероссийская императрица и царевна Прасковья Иоанновна. Однако еще в кон. XVIII в. академик Н.Я. Озерецковский считал что «дворец о четырех покоях с одними сеньми», расположенный в 40 саженях от царского, предназначался для «государыни Екатерины I»[71].

[68] Цит. по: *Чудинов И.К.* Указ. соч. С. 152–153.

[69] Цит. по: *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 56.

[70] Походный журнал 1719 года. 2-е изд. СПб., 1913. С. 113.

[71] *Озерецковский Н.Я.* Указ. соч. С. 142.

Илл. 16. Аверс монеты Копейка 1710 г. Из раскопок А.М. Спиридонова

К последнему приезду царской свиты на «целебный источник или колодезь»[72] на вершине «высокой горы» для «Ея величества» появился третий, а в Шуйском погосте уже шестой «тесаный» дворец.

Отметим, что эти апартаменты напоминали недостроенный летний домик, в котором Екатерина Алексеевна уединялась от бражных компаний государя (Илл. 11. Портрет Екатерины I Алексеевны). Скромная усадьба с теплицей была настолько непритязательна, что в ней «не было устроено ни дверей, ни окон, ни печей»[73] и она походила более на «анбар».

Об интерьерах дворцов «у колодезя» системных сведений не существует. Хочется допустить, что в гостевых домах были популярны зеркала[74] и десюдепорты, создававшие иллюзию расширенного пространства. В залах на «позолоченных гвоздиках»[75] могли висеть картины из Европы, при этом часть покоев, возможно, украшалась деревянными «расписными панелями» и обивалась бархатом или драпировалась коврами.

Не исключено, что штофы[76] заказывались в шпалерной мастерской Екатерингофа, созданной в 1717 г.[77] усилиями мастеров Королевской гобеленовой мануфактуры Парижа[78]. Однако, похоже, обои в Онежских дворцах более связаны с именем иеродиакона Иринарха, которого царица Прасковья Федоровна в 1720 г. вывезла из Свято-Троицкого монастыря на Свири для шпалерной работы «ея величества»[79].

В хоромах на «свейском рубеже» Петр Алексеевич обожал «до ночи…слушать часы», с родными играл в старинную русскую настольную игру бирюльки, с генералитетом в «билиарт»[80], а с дворцовым попом И.Х. Биткой, одним из инициаторов «Всепьянейшего собора», за штофом анисовой водки предпочитал игру в шахматы. С ним «Иваном Хрисанфиевым…священником от Петра и Павла, что у хором Великого государя»[81] государь подружился в 1702 г. на Осударевой дороге. Свободное время государь часто отдавал азартной игре французских королей «трукт-тафель» (druktafel), смысл которой заключался в успешном броске отшлифованного кругло-

[72] *Вебер Ф.Х.* Указ. соч. Вып. 7. Стб. 1439.

[73] Цит. по: *Чудинов И.К.* Указ. соч. С. 152–153.

[74] *Баландин Т.В.* Указ. соч. С.100.

[75] РГИА. Ф. 467 (Контора от строений его императорского величества домов и садов). Кн. 6в. Д. 210. 1720 г. 21 окт. См. также: *Кареева Н.Л.* Указ. соч. С. 166

[76] *Агеева О.Г.* Боровицкий дворец светлейшего князя А.Д. Меншикова – царевны Екатерины Иоанновны: по описи 1734 года//ТГЭ. [Т.] 51: Петровское время в лицах – 2019: материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 6–7.

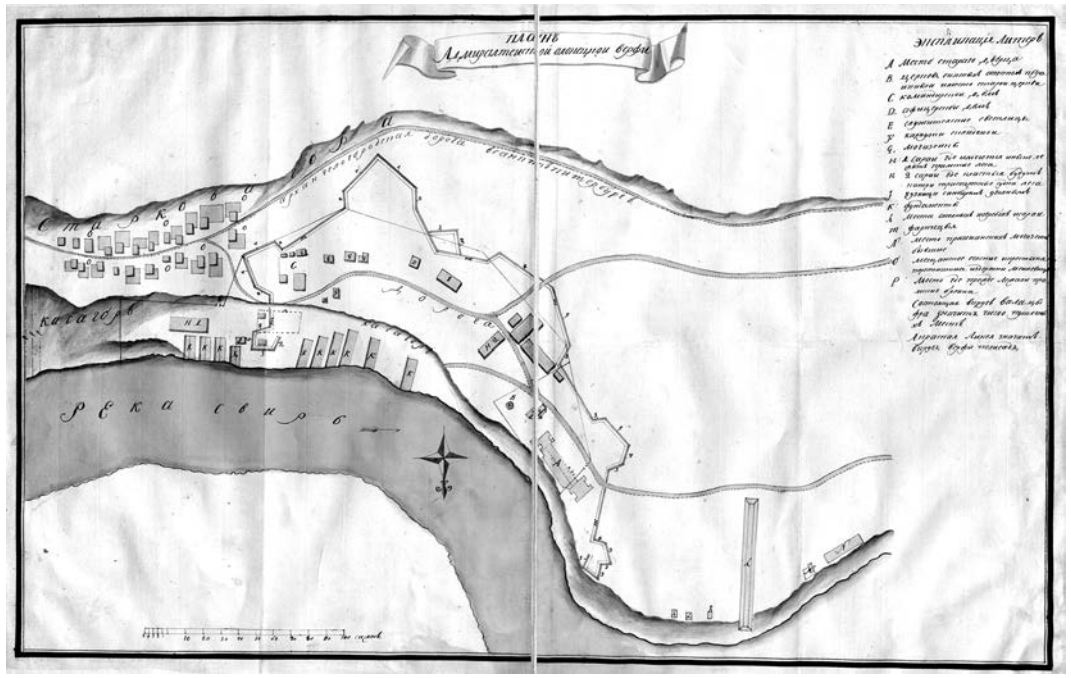
[77] *Гейман В.Г.* Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // Петр Великий: сб. ст. / под ред. А.И. Андреева. М. ; Л., 1947. С. 267–276.

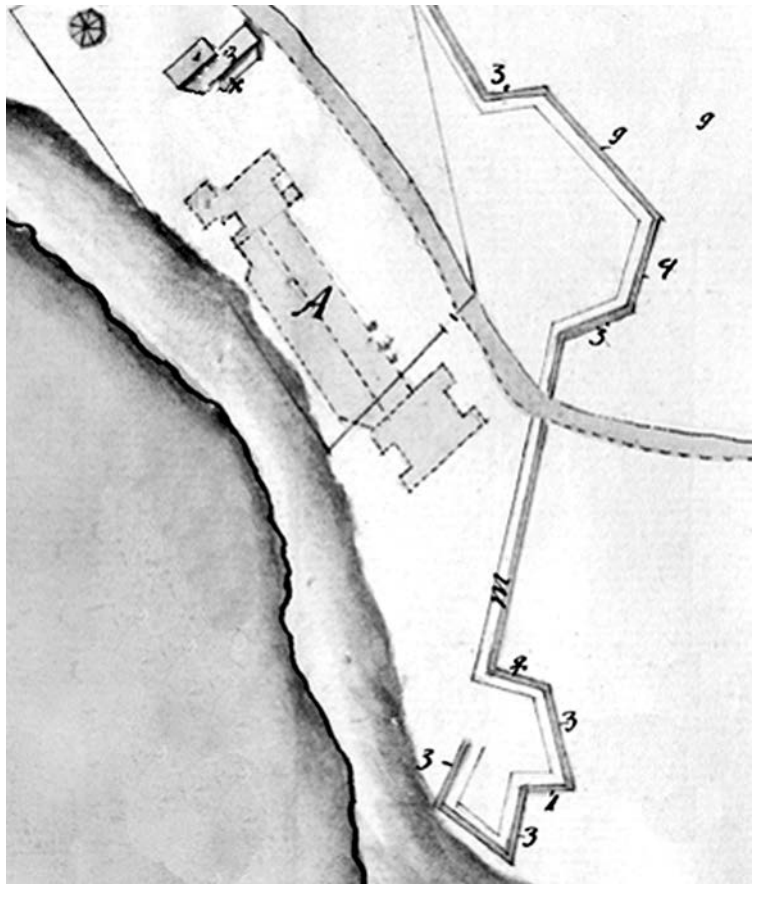
[78] *Коршунова Т.Т.* Французские шпалерные мастера и их роль в создании Петербургской шпалерной мануфактуры//Россия – Франция. Век просвещения: краткие тез. докл. науч. конф. Л., 1987. С. 39–40.

[79] *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 54–56.

[80] Походный журнал 1720 года. ..С. 203–204.

[81] ОРК НБРК инв. № 45614 р. Л. 26 об. Соловецкий летописец. Второе пришествие великого государя 1790. Рукопись. Подг. к печати Е.Н. Кутькова; См. также: *Новиков Н.И.* О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича. М., 1783. С. 105–111.





Илл. 17. План Адмиралтейской верфи в Лодейном Поле 1750 г. Фрагмент чертежа с местом раположения дворца Петра I. РГАДА

го каменного шара в выдолбленный желоб на длинном столе. При этом он с наслаждением пел с «певчими концерты», не чурался «партесного» музицирования, хотя сам умел слушать чужие голоса, а когда нездоровилось, «гулял по всем каморам в доме и принимал лекарство» (Илл. 3. Визуальная реконструкция Дворца Петра I).

В с. Дворцы Петр I искал свободную минуту, чтобы подняться в гору к усадьбам Прасковьи Федоровны и Екатерины Алексеевны, с охотой выходил на лед Габозеро[82]. Между тем, царя никогда не видели на лыжах, но возможно, именно «на Олонце» он попытался их освоить, как и езду на оленьих упряжках. Сохранилось известие, что по его воле с Канина полуострова старообрядцы Выга в 1722 г. привели к олонецким дворцам стадо оленей[83].

Хочется отметить, что перед визитами на север, челядь специально «про капитана» готовила зимний гардероб. Царь предпочитал «епаничи суконные теплые на волчьем меху», кафтаны «на собольем меху», лисьи шапки, свареги и пимы «из оленьей шкуры, шерстью вверх», однажды удивившие голштинского камер-юнкера Ф. фон Берхгольца[84].

Провизию в петровские особняки поставляли черносошные крестьяне Шуйского погоста, г. Олонца, старообрядцы Выга и монахи Александро-Свирского монастыря. В 1722 г. «про обиход царя», монахи доставили 13 телят малых, 3 быка и 3 теленка, а выговцы, признательные «за негонение», гостинцы со «стреляными оленями и со птицами»[85]. Известно, как бургомистр Олонца Т. Балашев отправил 10 молодых телят и барашков, обязав держать их «под матерями» и «поить молоком»[86]. Местные жители «тащили» на царский двор овец, кур, свежие яйца, топленое масло, творог и сметану, живых тетеревов, зайцев, моченые ягоды и сушеные грибы, а также брусничный лист. И хотя государь «рыбы никогда не кушал», а предпочитал «кислые щи, студени, кашу, жареное с огурцами», ветчину и «лимбургский сыр»[87], на столах в Олонецких дворцах для свиты, конечно, выставлялись свежий лосось, сиг, да соленая онежская или «кедрозерская ряпуха»[88].

Что касается алкогольных пристрастий царя Петра, отметим в его поведении смешение русских традиций и западной «бахусной» культуры.

Пятый параграф созданных в Дворцах «Правил дохтурских…» из именного указа от 20 марта 1719 г. «О целительных водах, отысканных на Олонце…»[89] обязывал всех, кто «обыкли» выпивать «чарку водки» перед обедом, «особливо анисовой», а во время трапезы «рюмки три вина бургунского, или рейнвейну или легкого вина французского». А если у кого «жажда», то свежего «полпива или легкого самого пива» из пивоварни Петровского посада, устроенной в январе 1718 г. комендантом В. Геннином (Илл. 7. В.И. Геннин начальник заводов).

К анисовой водке царь пристрастился еще в 1702 г. на Осударевой дороге[90], где часто в критических ситуациях повторял «видно, моя анисовка ныне отдуваться бу-

---

[82] Походный журнал 1720 года… С. 203–204.

[83] *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 52, 61.

[84] [Берхгольц Ф.-В.] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725//Неистовый реформатор. М., 2000. С. 279–280

[85] *Филиппов И.Ф.* История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выгов. муж. и жен. общежительных монастырей. СПб., 1862. 480 с.

[86] Цит. по: *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 50.

[87] *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого//Петр Великий: воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб.; Париж ; Москва ; Нью-Йорк, 1993. С. 287.

[88] НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 265. Л. 543–550. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 146.

[89] ПСЗ. 1830. Т. 5. № 3338. С. 684–686.

[90] *Данков М.Ю.* Что и как пилось в кабаках заводской Петровской слободы?//История в подробностях. М., 2014. № 4 (46). С. 26.

дет»[91]. Петр Алексеевич действительно любил «выкушать анисовой водки»[92], заесть кренделем[93] или пирогом из моркови, при этом приговаривая «закуси, это родная, не итальянская пища»[94].

После кончины императора, заводская администрация на протяжении десятилетий пыталась строения приводить «в причинный вид». Однако уже в августе 1743 г. швед П. Бейер сообщал в берг-контору КОПЗ, что «в солдатской караульне» и «у марциальных вод дворцы огнили и у мыльни крышки тесовые…распались», а «кровли… дворцов и потолки обветшали». При этом фундамент хором у источника «огнил и осел к земле», двери «скосились», а печи «расседались»[95]. Окончательно императорский дворец и усадьбы Прасковьи Федоровны и Екатерины Алексеевны, снесли только в 1782 г.[96]

Завершая исследование отметим, что попутные хоромы на Олонецкой линии у «свейского рубежа» обладали стандартами провинциальной дворцовой жизни петровского времени и были основаны на западных традициях и образцах архитектуры имперской столицы.

[91] Цит. по: *Майнов В.Н.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 238.

[92] *Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого//Петр Великий: воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб.; Париж ; Москва ; Нью-Йорк, 1993. С. 127.

[93] *Нартов А.К.* Указ. соч. С. 288.

[94] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 433.

[95] НАРК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 157. Л. 244–247. Подлинник. См. также: Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 39.

[96] *Пашков А.М.* Резиденции Петра I на Марциальных водах и Олонецких петровских заводах//Дворцы Романовых как памятники истории и культуры : мат. межд. конф., Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 244; *Капуста Л.И.* Указ. соч. С. 76.

С.П. Колесников

ВОЛОГОДСКИЕ КОНТРАСТЫ ПЕТРОВСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII ВЕКА

(ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ОЧЕРК)

Конец XVII – начало XVIII в. – время неумолимое, сложное в русской истории. Оказавшись под пристальным взором Петра Великого, оно явилось чрезвычайно важным эпохальным периодом. Преобразования, проведенные российским императором, доказали свою состоятельность. Проверенные временем, они устояли в течение предстоящих двух столетий. Молодая Империя вступила в полосу военных конфликтов, все силы она направила на укрепление своего положения на международной арене. Один за другим страну захлестывали экономические и политические кризисы. Правительство, на первых порах организованное по старому принципу распределения должностей, не могло справиться с нарастающими трудностями. Время потребовало коренных преобразований всех сторон жизни государства. И, государь, внимательно следивший за событиями в стране и за ее пределами, направил все свои усилия на проведении целого ряда реформ. Они в конечном итоге привели к росту могущества державы и росту благосостояния ее подданных. Однако преобразования петровского царствования стоили многого… И, в первую очередь, они затронули жизнь людей, не облеченных властью, – простого русского крестьянина, горожанина-ремесленника, или, выражаясь языком того времени, – «человека податного сословия»[1].

Вологодская земля, видавшая многое в своей исторической ретроспективе, впитавшая минувшие перипетии государственной многовековости, вновь оказалась на пути вовлечения в изнурительные последствия будущей исторической поступи столетий. Обширный край, граничащий на севере с поморскими уездами, на юге – с костромскими землями, на западе – с древними новгородскими владениями, а на востоке его граница походила к Уральским горам, постепенно терял, по утверждению многих историков, былую свою значимость. Некогда богатейшая земля теперь не могла соперничать с богатствами богатого рудоносного пути за «Камень» (так именовали в древности Уральские горы); рыбные запасы Пошехонья отныне не выдерживали сравнения с поволжскими и каспийскими богатствами; тотемское усолье уступало нижегородским соляным запасам. Именно с петровскими преобразованиями закладывался нынешний ритм европейской жизни, на который с реформами молодого российского государя вступала будущая великая держава[2].

Европеизация всех сторон повседневной жизни ждала укоренный традициями русский народ…

Сколько горестей и взлетов претерпел вологодский крестьянин…

[1] Власть и реформы: От самодержав. к совет. России / [В.М. Панеях, Е.В. Анисимов, А.Н. Цамутали и др.; Редкол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.; *Назарова А.Ш.* Российская цивилизация в эпоху Петра I: модернизационные процессы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №2–3. С. 17–20; *Павленко Н.Н.* Петр Великий. М.: Мысль, 1998. –736 с.

[2] Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города / [А.В. Суворов и др. ; редкол.: А.С. Якуничев (пред.) и др. 2-е изд. Вологда: Древности Севера, 2006. – 239 с. : ил.; Вологодская область: от древности до наших дней / [С.А. Тихомиров и др. ; редкол.: И.А. Поздняков (пред.) и др.]. Вологда: Фест, 2006. – 224 с. : ил.

Неизвестный художник. Картина «Портрет Петра Первого». Холст, масло. XVIII век. 89,8 х 71,2 см.
Из собрания МАУК «Череповецкое музейное объединение».

Неизвестный художник. Картина «Портрет Петра Первого». Вторая половина XVIII века.
Холст, сшитый из двух фрагментов разной фактуры, масло. 97,5 х 82,5 см.
На оборотной стороне холста указана дата – 1764 год.
Возникает вопрос: это помещено время написания этого полотна? Или, время его поновления?
Из собрания ГУК Архангельской области «Вельский краеведческий музей».
Экспонат происходит из коллекции В.Ф. Кулакова, зачинателя музейной коллекции.
Он поступил в фонды после национализации при создании музея.

В сознании людей начала XVIII столетия молодой российский реформатор воспринимался чуждым традиционному мышлению. Населявшие вологодские земли старообрядцы его воспринимали «антихристом». Горожане, воспитанные на многовековых традициях новгородской демократии, видели в нем человека необузданных нововведений. И как можно было им противиться новой власти? Одетые по европейской моде, говорившие и писавшие в соответствии с правилами новой азбуки, чиновники, пытавшиеся вести летоисчисление по новым узаконениям, требовали от вологодского народа, впитавшего старинные постулаты обыденной жизни, восприятия грядущих преобразований[3].

Сегодня, вслед за мнениями многих поколений отечественных историков, можно говорить о причинах и сущности, возникших в петровское царствование реформ[4].

Последнее двадцатилетие XVII столетия для вологодского обывателя оказалось сравнительно спокойным. Предшествовавшие ему катаклизмы – пожары, неурожаи, эпидемии – забылись в памяти жителей севернорусских городов и деревень. Казалось бы, поводы, нарушавшие привычный темп окружавшей обыденности, скрылись за горизонтом недавней повседневности. И, действительно, городское

[3] *Панченко А.М.* Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 503–518; *Судаков Г.В.* Как начиналась языковая реформа Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. № 5. Т. 42. С. 38–44.

[4] *Молчанов Н.Н.* Петр I. М.: Эксмо, 2003. – 480 с; Павленко Н.Н. Петр Великий. М.: Мысль, 1998. –736 с.

Худ. А.И. Брягин (1888–1949). Картина «Петр I в Вологде на пути к Кубенскому озеру».
Холст, масло. 1946 год. 78 х 99,5 см. Из собрания БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

и сельское население множилось, богатело вологодское купечество, возрастали обороты внутренней и внешней торговли, стабильностью отличались государевы налоги и повинности, осваивались новые хозяйственные территории, развивались крестьянские промыслы. Вологодские крестьяне, оправившись после страшного бремени Смуты начала XVII века, жили без особых потрясений. Однако в условиях ведения Северной войны (1700–1721) налоговое бремя русского правительства жесточайшим образом аукнулось представителям северного крестьянства. Ощущались упадок хозяйства, бегство крестьян от подушного налога, заменившего подворный, стремление обывателей скрыться от гнета назойливых властей. Страна жила в очевидном политическом, экономическом и духовном кризисе…

Вологодская земля, находившаяся в относительном отдалении от действительного центра исторических событий, воспринимала происходившее со свойственным провинциальным территориям спокойствием. Однако волей-неволей она оказалась втянутой в орбиту политических и экономических преобразований молодого реформатора. Вологодские пределы сохраняли свое экономическое значение: здесь издавна развивалась металлургия, судостроение, многообразные промыслы и ремесла. Строилась новая столица… На возведение крепостей и различных инженерных сооружений требовались людские ресурсы… Создание новой системы рекрутирования в армию внесло заметные изменения в демографическую ситуацию…

Худ. А.Н. Семёнов (1911–1992). Акварель «Строительство Петербурга». Бумага, акварель, тушь. 1941–1942 год. 29,6 х 45 см; 21,4 х 37,2 см. Из собрания ГБУК Архангельской области «Государственное музейное объединение "Художественная культура Русского Севера"».

Оказалось, что первоначальная попытка московских властей в конце XVII века осуществить попутку создания стабильного металлургического производства невдалеке от столицы потерпела неудачу. Поэтому взамен привозного железа из Швеции требовалось наладить выпуск металла где-то внутри государства, поближе к новой столице и театру военных действий. Наличие металла для пушек, ружей и снарядов, а, равно как и собственного военного и торгового флота, считалось главным показателем могущества среди мировых держав. Осуществление торговли способствовало развитию импорта и экспорта. Однако выход к морским границам отсутствовал, а беломорская торговля и судостроение, близкие вологодскому купечеству, находились в печальном состоянии. Государь огромным трудом, волей и юридическими мерами повернул торговые потоки в западном направлении — от Архангельска к Петербургу. Одним словом, вологодский обыватель был вынужден, хотел он того или нет, включиться в непривычные его повседневности, задуманные царем целенаправленные изменения… Вероятно, с этим связаны отдельные приезды государя в границы вологодских пределов в 1692, 1693, 1694, 1702, 1724 годах.

Отечественные историки, говоря о причинах петровских преобразований, обычно отстаивают точку зрения о влиянии военной ситуации, возникшей российских пределах в конце XVII — начале XVIII века. Справедливо, что Северная война, продолжавшаяся четверть столетия, явилась несомненным стимулом реформирования государства, благодаря военной потребности увеличились темпы экономического строительства, русская промышленность работала на оборонные заказы. Кроме того, военная ситуация первой четверти XVIII века благоприятным образом сказалось на изменении мыслительных процессов городских и сельских обывате-

Худ. М.А. Ильин (1981–). Картина «Петр Первый на пути в Архангельск. Город Тотьма». Холст, масло. 2003 год. 100 х 150 см. Из частного собрания.

Худ. В.Н. Латынцев. Картина «Петр Первый на Севере». Холст, масло. 2002 год. 100 х 150 см. Из частного собрания.

лей, совсем по-другому ими воспринималась окружавшая действительность, допетровские традиции сменились имперскими новациями…[5].

По мнению историка, профессора П.А. Колесникова, вологодская земля являлась одной из тех русских территорий, чья роль в осуществлении петровских реформ, особенно на начальной их стадии, была наиболее значима[6].

С 1704 года Вологда не раз упоминалась в царских указах как центр речного судостроения и город умелых мастеров. Для работы на Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге и на верфи в Лодейном Поле из Вологды постоянно направлялись опытные плотники. Так, в 1705 году губернатор Санкт-Петербурга повелел «бессрочно» «выбрать плотников самых добрых, и не малолетних, и не старых, и плотничьего дела умеющих людей 500 человек со всякими плотничьими снастями». В 1713 году последовал царский указ о наборе тысячи «самых добрых и лучших» плотников «с Вологды, с Устюга, с Тотьмы и из прочих уездов, живущих по рекам и где делают суды». Жители Вологды, Великого Устюга, других городов участвовали в строительстве первых боевых галер в селе Преображенском под Москвой. Среди корабельных мастеров из Вологды особенно славился опытный плотник Осип Щека. Именно он возглавлял плотничные работы на судне, которое впоследствии получило название «Принципиум». Вологодские плотники, строившие эту образцовую «галейку», вместе с Петром Первым участвовали в первом азовском походе и после него в декабре 1695 года остались зимовать в Воронеже. Строительство галер – достаточно крупных парусно-гребных судов – требовало от плотников мастерства и «поспешания». Любопытно, что строителей галер в конце XVII века называли «работниками у каторжного дела» (древнерусским словом «каторга», еще не имевшим известного нам переносного значения, в старину именовали именно галеры, а «каторжными работами» – тяжкий труд подневольных гребцов). Каждому мастеровому, как сообщает «Роспись вологодским, преображенским и нижегородским плотникам, которые работают у государевой каторги», полагалось ежедневно по два гроша кормовых денег. Вместе с вологжанином Оськой Щекой на строительстве первой царской галеры «Принципиум» трудились еще 23 «сотоварища»[7].

Экстремальность ситуации в условиях Северной войны на Архангельском побережье требовала от Петра Первого незамедлительной реакции в отражении нападения шведов на северных рубежах своего государства. Понимая важность сбора необходимых судов, царь 31 декабря 1701 г. обратился в Преосвященному Гавриилу, епископу Вологодскому и Белозерскому, с указом о необходимости срочного строительства в Вологде к весне 1702 . «ста дощаников на двадцать барок с парусы и с якори, и с канаты, и с веревки, и со всякими судовыми припасы». Строительство военных судов в Вологде предполагалось осуществлять под присмотром стольника Афонасья Борисова сына Брянчанинова. Одновременно государь требовал от Преосвященного приготовить «к тому делу лесные припасы и привозить для поспешания в прибавок к вологжаном посацким людем вологоцкого всего уезду дворцовыми и патриаршими, и митрополичьими, и архиепископлими, и епископлими, и монастырскими, и помещиковыми, и вотчинниковыми крестьяны». Повторным указом от 9 января 1702 г. Петр Первый Преосвященному Гавриилу повелевал: «для нынешнего военного с Свейским (Шведским) королем случая и неприятельских людей внезапному приходу к Архангельскому городу водяным путем, пушек и всяких тягостей и полковых припасов и под ратных людей на Вологде к прежнему сту дощаников да к двадцати баркам, зделать городами, с которых к Архангельскому городу, и к строению новой крепости, работным людям наряду нет, вологоцким посадом, с пятидесяти дворов по барке, да Вологоцким и Белозерским уезды, патриаршими и властелинскими и монастырскими и всяких чинов людей помещиковыми и вотчинниковыми и устьянских волостей крестьяны, с двух сот крестьянских и бобыльских дворов по барке, которая подняла груз четыре тысячи пуд; и зделати те барки в марте месяце нынешнего 1702 г. неотложно, а именно: Вологоцким посадом с тысячи с четырех сот с двенадцати дворов, с пятидесяти дворов по барке, итого: двадцать восм барок; Белозерским уездом двенадцатью тысячами шесть стами шестнадцатью дворами, с двух сот дворов по барке, итого: шестьдесят три барки; Вологоцким уездом – двадцатью четырью тысячами семью сот восмьюдесят тремя дворами; с дву сот по барке, итого: сто двадцать четыре барки; устьянскими волостями, тысячу девятью сот восмьюдесят семью дворами, с дву сот дворов по барке, итого: десять барок; всего с посаду и с вышеупомянутых уездов с сорока тысячей с восьми сот со шти дворов зделать двести двадцать пять барок со всякими судовые припасы». Требовал Петр этим же указом сыскать на Вологодском посаде опытных плотников и кузнецов, которые смогли бы в конечном итоге возвести так необходимые для Архангельска военные суда[8].

Жители Вологды, а также других северных городов, одними из первых взвалили на свои плечи бремя мобилизаций.

Сохранившиеся источники разделяют несколько видов рекрутирования севернорусского населения: посошное – для отбывания трудовой повинности, на «вечное житье» мастеровых и работных людей, воинские мобилизации.

Неоднократно, по первому же правительственному призыву, отправлялись все новые партии вологжан на строительство северной столицы – Санкт-Петербурга. Историками отмечался первоначально сезонный характер мобилизаций. Источники начала XVIII века именовали их «нарядами». Отбывая повинность в северной столице по два месяца, петровские подданные три раза в году, начиная с марта и заканчивая сентябрем, менялись. Столичная повинность впоследствии имела трехмесячное продолжение. Исторические источники говорят, что в 1707 г. из Вологды, Галича, Кинешмы столичными властями предписано мобилизовать 6234 человека. Полностью, однако, выполнить правительственное указание выполнить не удалось: отправлено всего 5813 человек. В 1708 г. вологодским чиновникам дополнительно требовалось направить к невским берегам 5766 человек, хотя незадолго до этого уже было послано 4015 вологжан. Кроме того, с Двины, Великого Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, Кеврольского и Мезенского уездов приказано выслать от каждых 15 дворов по одному человеку, что составляло более полутора тысячи человек. Из Архангелогородской губернии (куда некоторое время входила Вологда) в 1709 г. предписывалось, например, послать к балтийским пределам 6508 человек. К строительству северной столицы, а точнее — «к городовому строению», как писалось в государевом указе 31 декабря 1709 года, привлекалось население «с

[5] *Зубков К.И.* Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. 1995. №2. С. 15–26; *Зубков К.И.* Петровская модернизация как рецепция рационализма (методологический анализ) // Модернизация в социокультурном контексте: традиция и трансформация: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрО РАН: УрГИ, 1998. С. 64–77; *Зубков К.И.* У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: Матер. Междун. науч. конф. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2006. С. 22–30; *Зубков К.И.* Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. 2017. №1 (16). С. 72–84; *Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. №6 (9). С. 157–170; *Назарова А.Ш.* Российская цивилизация в эпоху Петра I: модернизационные процессы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №2–3. С. 17–20.

[6] Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города / [А.В. Суворов и др. ; редкол.: А.С. Якуничев (пред.) и др. 2-е изд. Вологда: Древности Севера, 2006. – 239 с. : ил.; Вологодская область: от древности до наших дней / [С.А. Тихомиров и др. ; редкол.: И.А. Поздняков (пред.) и др.]. Вологда: Фест, 2006. – 224 с. : ил.; Колесников П.А. Сказы о граде Вологде: [очерки-фрагменты из истории города] // Вологда: Ист.-краев. альм. Вологда: ВГПУ, Русь, 1994. Вып. 1. С. 7–28.

[7] *Колесников П.А.* Сказы о граде Вологде… С. 7–28.

[8] *Колесников П.А.* Сказы о граде Вологде… С. 7–28.

Худ. В.А. Серов (1910–1968), Н.М. Корчагин (1897–1974). Картина «Закладка Петербурга». Холст, масло. 1946–1947 годы. 155 х 940 см.Из собрания Санкт-Петербургского ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга».

городов, с посадов и с уездов своих великого государя дворцовых волостей и конюшенных слобод, с патриарших, и архиерейских, и церковных вотчин, и помещиковых, и вотчинниковых, крестьянских, и бобыльских, и задворных, и деловых дворов». Государь потребовал прислать «на две перемены по 20000. Итого 40000 человек, опричь каменщиков и кирпичников». Позднее вологодские власти каждые полгода поставляли на строительство северной столицы несколько тысяч работоспособных мужчин. На языке официальной переписки начала XVIII века эти мероприятия назывались сбором «посошных» мастеровых (от слова «соха» как мера налогообложения). Особенно востребованы были мастеровые и работные люди: столяры, токари, кузнецы, котельники, медники, слесари, плотники, каменщики, живописцы, гончары, портные… Одним словом, в 1707–1709 годах на строительство Санкт-Петербурга вологодская земля с ближайшими территориями фактически отправила более десяти тысяч городских жителей и крестьян.

Впоследствии, вероятно, наряду с сезонными мобилизациям населения, Петром Первым вводиться переселение российских подданных на «вечное житье» в Санкт-Петербург. Перелистывая архивные документы, понимаешь, что правительство в обеспечении квалифицированными работниками строительных специальностей при возведении северной столицы придерживалось насильственной тактики, «немалая нужда» в мастеровых людях «у Адмиралтейства и у городовых дел», потребовала в 1710 г. выслать к невским берегам «на вечное житье с посадов и уездов» 4720 человек. Государев указ предписывал от Архангелогородской губернии рекрутировать на возведение северной столицы 555 человек: 496 плотников, 19 каменщиков, 10 кузнецов, 6 столяров и учеников, 6 мастеров парусного дела, 4 токарей с учениками, 4 рещиков по дереву и камню, 2 кандидатов в целовальники, 2 гончаров, 1 котельника, 1 фонарника, 1 медника, 1 живописца, 1 колесника, 1 слесаря. Из Вологды надлежало отправить 167 семей, из Великого Устюга – 50, из важских и устьянских волостей – 63, из Архангельска – 23 семьи.

Мобилизации проводились вплоть до конца первой четверти XVIII столетия. Например, в 1720 г. из северных уездов на постоянное жительство в Санкт-Петербург переведено 824 семьи плотников: из Вологды и Шуйского городка – 184, из Холмогор

Худ. Г.А. Песис (1929–1980). Картина «Петр Первый на строительстве Петербурга». Холст, масло. 1953 год. 302 х 148 см. Из собрания ФГБУК «Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств».

Худ. А.К. Вёдров (1898–1970). Картина «Приезд Петра Первого в Вологду». Картон, масло. 1954 год. 29 х 50 см. Из собрания БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

– 90, из Белозерска – 91, из Тотьмы – 56, из Каргополя – 40, из Великого Устюга – 37, из Чаронды – 35, из Сольвычегодска – 24 семьи… Этот перечень можно продолжать.

Из-за трудностей найма рабочей силы в Санкт-Петербурге создавались поселения «вольных плотников». Одно из них находилось неподалеку от Адмиралтейской верфи на Охте. Вологодские мастеровые, отправляемые в новую столицу по мобилизации, именно там нашли временное пристанище. По государеву указу для каждых двух семей «переведенцев» на деньги, собранные в губерниях, возводилось отдельное, предназначенное для жилья строение. Сохранившиеся источники позволяют говорить, что с каждого человека вологодским властям погодно требовалось собрать 12 рублей денежного довольствия, а также хлебные деньги –

Худ. Н.М. Ширякин (1885–1952). Картина «Петр Первый в Вологде». Холст, масло. 1945 год. 100 х 150 см. Из собрания МАУК «Череповецкое музейное объединение».

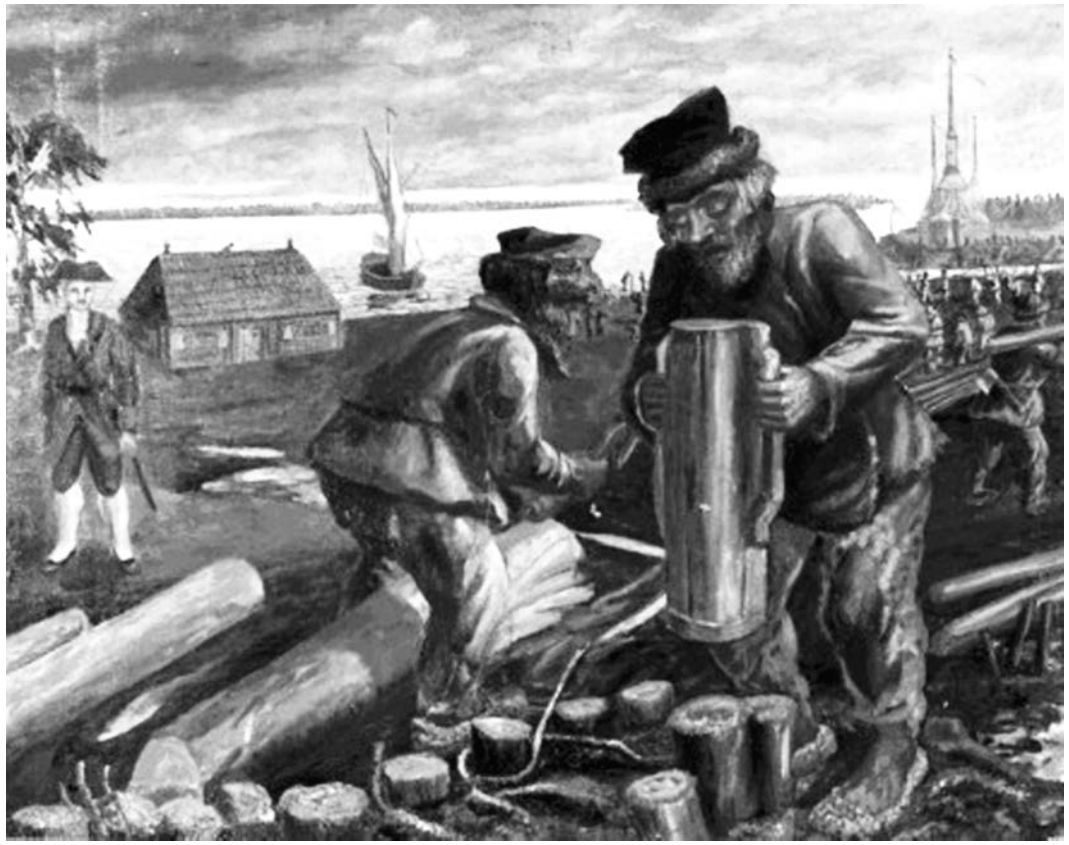
10 рублей. В соответствии с властными предписаниями, каждой семье в 1720 г. выдалось на «домовое строение» по 2 рубля, а также «провианта по 3 четверти на семью». Какими были дома первых жителей северной столицы сегодня предстоит догадываться… Вероятно, они мало чем отличались от традиционных городских и деревенских срубов… Однако временное постояльство постепенно превратилось в постоянное место пребывания первых зодчих и строителей северной столицы. Одним словом, многие из «переведенцев» так и остались там жить. Переселение на «вечное житье» осуществлялось целыми семьями: с женами, детьми… Поэтому со временем потомки мастеровых и работных людей — основателей града Петра – стали городскими обывателями — старожилами Санкт-Петербурга. Император в 1722 году повелел строителям северной столицы «дать … волю и право повольно работать, где похотят, из найму…».

Мобилизации мастеровых и работных людей в новостроящуюся столицу проводились одновременно со сбором денежного довольствия: «на хлеб и на дачу мучного жалования, прибавочные рубль, на приказные расходы, на недочет, на перемену плохих». Несение повинности считалось обязательным условием для каждого российского подданного. Вологодская земля к невским берегам, кроме того, поставляла лошадей, подводы, сено, фураж, соль, хлеб. Согласно петровским указам, в 1708 г., например, для пропитания вологодских мастеровых собрано 7293 рубля 20 алтын. Следующий после этого денежный сбор принес в государеву казну на содержание мобилизованных 23665 рублей 26 алтын 4 деньги. Повинности на отправляемых в Санкт-Петербург в 1710 г. составили 12210 рублей. Нередко городские и сельские общины от рекрутирования своих людей в Санкт-Петербург откупалась деньгами, собирая их с каждого двора и отправляя в столицу для уплаты в казну причитавшиеся за каждого человека довольствие. Впоследствии полученные

Худ. В.П. Яркин (1939–). Картина «Основание Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. 1704 год». Холст, масло. 1999 год. 100 х 150 см. Из собрания ФГБУК «Центральный военно-морской музей имени Императора Петра Великого».

средства использовались для найма на работу свободных мастеровых, проживающих неподалеку от грандиозной стройки начала XVIII века. Кроме того, сохранились сведения, что собранные средства нередко не доходили до адресата. Переселив в столицу множество людей, власти забывали о своих обещаниях… Отсутствие денег приводило к нищенству и бродяжничеству. По данным переписей 1705–1717 гг., на территории северных уездов в период мобилизаций из 9080 «выбывших навсегда» людей умерло на работах 2903 человека (32 процента), не вернулось обратно в ходе мобилизационных действий 1635 человек (18 процентов), отправлено на «вечное житье» в Санкт-Петербург 150 человек (1,6 процента).

Сохранившиеся источники позволять говорить, что всеобщие мобилизации людских ресурсов с неохотой воспринимались севернорусским населением. Существовавшая практика показала, с какой осторожностью относились российские подданные к проводимой политике будущего императора. Случалось, что до конечного пункта доходило не более половины мобилизованных. По условиям мобилизаций, «выбылых» горожан и крестьян – умерших или сбежавших – заменяли новыми людьми. Сколько из мобилизованных добралось до места назначения? Ответа на этот вопрос также не последует, однако известно, что из столицы неустанно отсылались депеши, где грозно предписывалось «работников в Санкт-Петербургскую губернию к городовому делу выслать на указанные сроки сполна без задержания, перепоруча круглою порукою, дабы дорогой не разбежались, и приставить над ними тех вотчин или деревень приказчиков… и приказать им накрепко, чтобы они за работниками смотрели, и над ними добрых отставных дворян или воевод, которые дорогою за приказчиком смотрели ж, и здесь сполна отдавали…». Исторические источники еще и сегодня хранят таинственные последствия петровских мо-



Худ. М.П. Цыбасов (1904–1967). Картина «Забивка свай на строительстве Петропавловской крепости». Холст, фанера, масло. 1930-е годы. 650х800; 550х705 мм. Из собрания Санкт-Петербургского ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга».

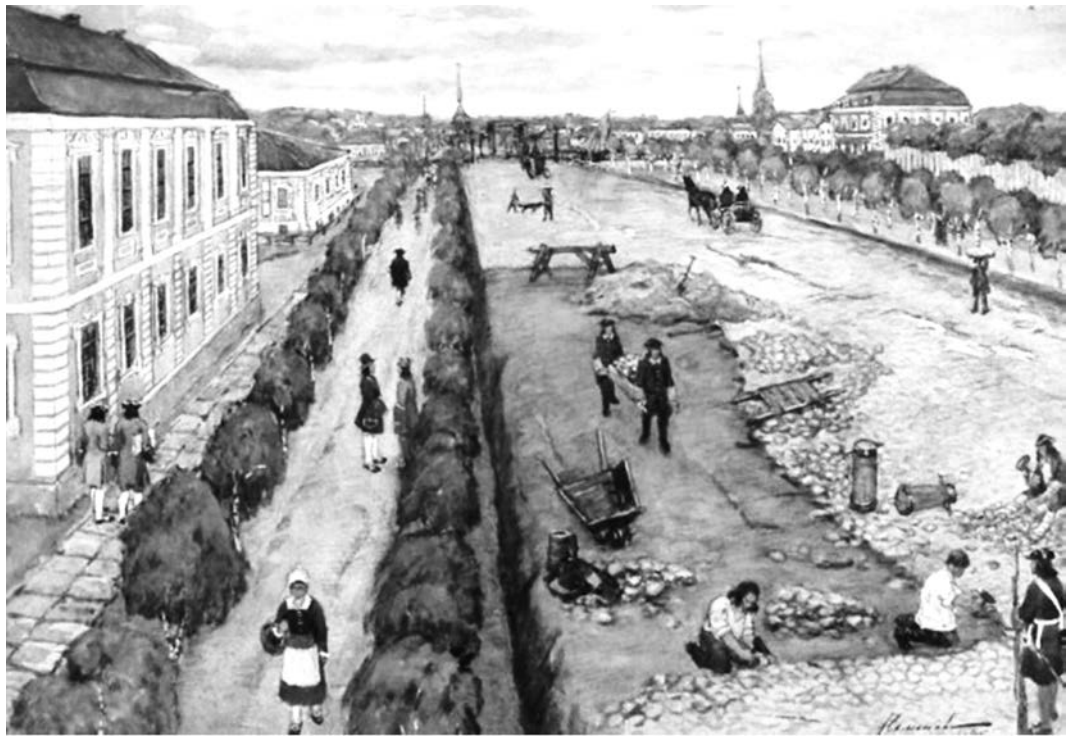
билизаций… По мнению вологодского историка П.А. Колесникова, «к месту работы обычно прибывало 50–60 процентов общего числа мобилизованных… От сельского хозяйства и промыслов отрывалось по 20–30 тысяч человек в год». Созревала кризисная ситуация… Поэтому Петр Первый в целях выяснения реального положения в государстве приходит к выводу о необходимости проведения в 1710 г. всеобщей переписи населения… Известный историк начала XX века П.Н. Милюков, изучив ее документы, считал, что в российском государстве под влиянием петровских мобилизаций запущено 20,4 процента крестьянских дворов, а от побегов крестьян – 37,2 процента. Остальное население – 29 процентов – «умерли в своих домах». Нередки были случаи блуждания крестьян… Известны примеры самовольного переселения крестьян в Сибирь из-за нежелания подчиниться правительственным нововведениям. Одним словом, русская деревня приходила к запустению и вымирала как по естественным, так и вынужденным причинам[9].

Кроме Санкт-Петербурга, вологжан отправляли в Воронеж и Азов. Они принимали участие в строительстве крепостей на острове Котлин (Кронштадт) и на Дви-

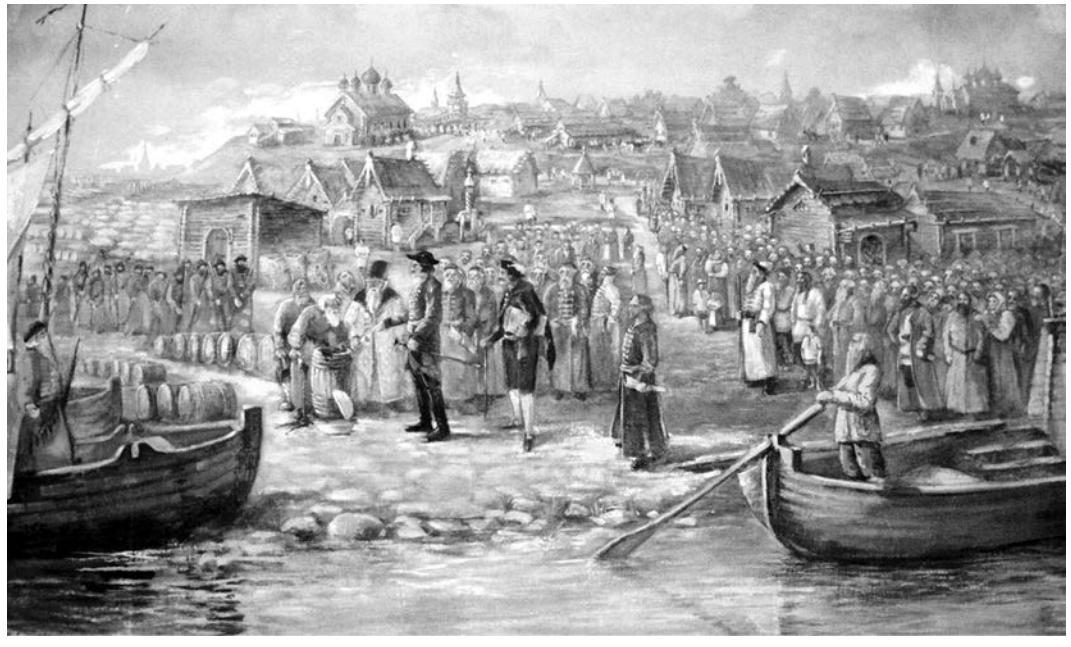
[9] *Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России… С. 157–170; *Колесников П.А.* Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции поморского населения в XVI – начале XVIII века // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда: ВГПИ, 1970. С. 182–196; *Колесников П.А.* Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII века // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда: ВГПИ, 1970. С. 353–374.

Худ. С.Н. Ерошкин (1960–). Картина «На Набережной Невы. XVIII век». Холст, масло. Конец 1990-х годов. Из частной коллекции.

не под Архангельском, в возведении Ладожского канала. Увеличились рекрутские наборы. По подсчетам историков, в 1700—1709 гг. в российских пределах рекрутским наборам подверглось не менее 200 тысяч человек (4–5 процентов мужского населения страны). Соотнося эти показатели со статистикой по северным уездам, П.А. Колесников писал, что «отсюда было взято в рекруты не менее 20 тысяч человек…». Население Санкт-Петербурга в 1710 г. составило 8000 человек. По подсчетам историков, к 1725 г. в северной столице проживало от 30 до 40 тысяч человек. При этом от голода и болезней в период освоения столичного пространства погибли около 200 тысяч человек. Сколько всего вологжан оказалось в городе на Неве – сегодня остается только догадываться. Правление Петра Первого впервые после литовского разорения в вологодских пределах наметило людское и земельное запустение. По данным источников за первую четверть XVIII столетия в процессе мобилизаций на строительные работы и в армию, переселения на «вечное житье» в Санкт-Петербург, а также в связи с бегством и смертью глав семейств в вологодской городской и близлежащей сельской округе пострадало и обнищало около 10 процентов живущих дворов. В связи с этим столичные власти наметили ряд мер по укреплению Вологды. В частности, было принято решение выслать в Вологду на «вечное житье» 700 душ шведских семейств, а также 1700 человек из Нарвы. Кроме того, вспомним еще одну цифру: в эпоху петровского правления население Вологды не превышало более десяти тысяч человек… Поэтому вряд ли историк Н.М. Костомаров был прав, когда писал, что «Петр Первый на костях украинцев построил столицу». Ошибался в



Худ. А.Н. Семёнов (1911–1992). Акварель «Петербург строится». Бумага, акварель, гуашь. 1941 год. 30,5 х 46 см. Из собрания БУК Вологодской области «Вологодская областная картинная галерея».



Худ. Ф.И. Лашин (1876–1960). Картина «Приезд Петра Первого в город Тотьму в 1693 году». 1949 год. Картон, масло. 130 х 90 см. Из собрания МУК «Тотемское музейное объединение».

своих мыслях советский историк В.В. Мавродин, говоривший, что «Петербург строила “миром” чуть ли не вся Россия. Только Поморский Север, Сибирь и самые южные области не участвовали в строительстве…»[10].

Правительственные изменения затронули систему местного управления.

Последовала административная реформа, разделившая страну на шесть, а затем десять губерний, которые делились на провинции. Возглавляли губернии губернаторы, провинции – воеводы. Вологодские земли вошли в состав Санкт-Петербургской и Архангелогородской губерний.

И это было одним из явлений петровской модернизации…

[10] *Мавродин В.В.* Основание Петербурга. 2-е изд. Л.: Лениздат, 1983. – 208 с.

А.Ю. Андреева

ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ЦЕРКОВЬ БОЖИЕЙ МАТЕРИ МИЛУЮЩЕЙ» (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПАМЯТНИК ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, ХРАНЯЩИЙ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ ПЕТРА I

Рассматриваемый объект культурного наследия федерального значения церковь Божией Матери Милующей 1888–1898 гг., находится в г. Санкт-Петербурге, в западной части Васильевского острова, и неразрывно исторически связан с Галерной гаванью.

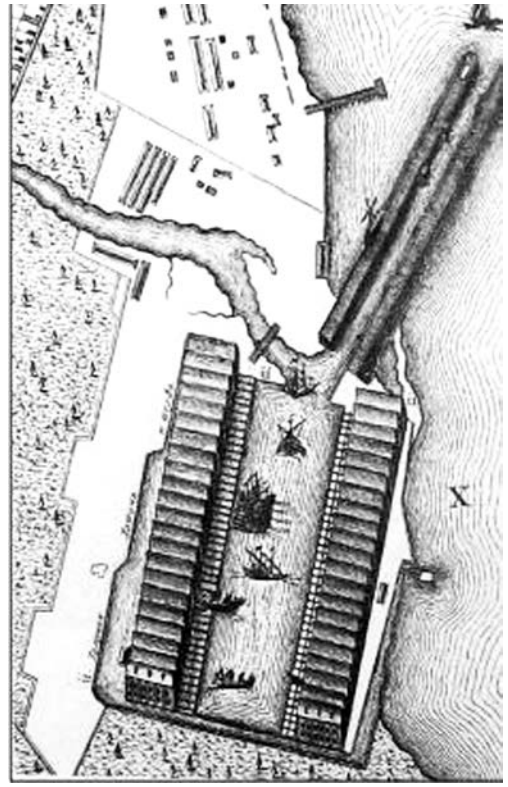
Церковь является мемориальным объектом – преемником прежних сакральных объектов российского воинского православия на территории Галерной гавани. История церкви Божией Матери Милующей уходит к истокам основания Санкт-Петербурга. 16 (27) мая 1703 г. волею государя Петра I на отвоеванных у шведов землях была заложена крепость Санкт-Петербург, давшая имя северной столице Российской империи.

Из записи в походном журнале Петра I: «…Между тем временем господин капитан бомбардирской изволил осматривать близ к морю удобного места для здания новой фортеции и потом в скором времени изволил обыскать единой остров, зело удобной положением место, на котором в скором времени, а имянно маия в 16 день, в неделю Пятидесятницы, фартецию заложили и нарекли имя оной Санкт Питербурх»[1].

История формирования градостроительного и фортификационного ансамбля Галерной гавани началась в XVIII в. 21 сентября 1721 г., когда вышел именной указ Петра I о начале строительства в устье Чёрного (Глухого) протока на Васильевском острове «фортеции» – Галерной гавани Гребного порта.

Вдали от главных мест застройки города на юго-западе Васильевского острова по повелению Петра I в. 1721–1722 гг. архитектор и инженер Доменико Трезини построил Галерную гавань (бассейн 500×200 метров и канал 400×12 метров, выходивший в Финский залив). Это грандиозное сооружение, строившееся на пустынном морском берегу более десяти лет, служило базой для военных гребных судов. В 1725–1726 гг. Д. Трезини возвел на берегах канала, при

[1] Походный журнал Петра I с записью о закладке «на едином острове» в устье реки Невы фортеции и названии ее «Санкт-Питербурх». 16 мая 1703 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 26. Л. 19об.–20.



Фрагмент плана Санкт-Петербурга с изображением Галерной Гавани,1753 г.

его впадении в залив, два кроншпица — деревянные башни с высокими флагштоками, служившие для судов навигационными знаками. Воспоминания современников донесли до нас изначальный облик Галерной гавани – уникального инженерного и фортификационного сооружения:

«Слева от входного фарватера реки находится Галерная гавань, – писал в 1733 году англичанин Ф. Дэшвуд, – девяносто галер (большинство их на Средиземном море назвали бы полугалерами), как сказал мне адмирал Т. Сандерс (главный командир Кронштадтского порта), укомплектованы личным составом и оснащены, и есть ещё 40 неоснащенных. Эти галеры широко используются на Балтике, в частности на Ботническом заливе и у шведского побережья, в чем шведы с ужасом убедились в последнюю войну»[2].

Одновременно со строительством Галерной гавани к востоку от нее возникло Галерное село, где сначала жили строители, а затем семьи матросов. В 1740-е годы вблизи Галерной гавани появилась Галерная верфь, переведенная сюда с берега Мойки при её впадении в Неву. Оставшиеся от нее сооружения использовали при основании другой верфи – Нового Адмиралтейства. Рядом с Галерной верфью выросли склады, мастерские, казармы для морских служащих, Гребной (Галерный) порт, откуда открываются просторы Финского залива.

В 1739 г. встал вопрос о переносе Галерного двора с Адмиралтейского острова на Васильевский, что потребовало увеличения территории Галерной гавани и количества ее построек. Данный замысел был реализован по проектам И.К. Коробова и С.И. Чевакинского до 1754 г.

Каменное строительство с 1730–1740-х гг. велось по типовым проектам. Расположенные по обеим сторонам Большого бассейна одинаковые галерные сараи, образующие ядро военно-промышленного ансамбля, были сугубо утилитарными постройками.

Во второй половине XVIII в. к проектированию и строительству производственных и складских зданий привлекались архитекторы: Ф.И. Волков, В.И. Баженов, И. Кребер, Я. Перрен.

В 1794 г. гавань получила название Главного Гребного порта. В 1796 г. построенные Петром I сараи и мастерские были уничтожены пожаром вместе с хранившимися там судами.

По мере развития Гребного порта разрасталась Матросская слобода, населе-

[2] *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году / Пер. Ю.Н. Беспятых // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997

Походная церковь на берегу Каспийского моря, XIX в. (в качестве примера походной церкви российской армии).

ние которой увеличивалось в основном за счет семей отставных матросов и в начале XIX в. составляло около 3000 человек. Участок между Матросской слободой и существовавшими в ту пору шестнадцатью линиями не был заселен, а к северу от Большого проспекта простирались леса и болота.

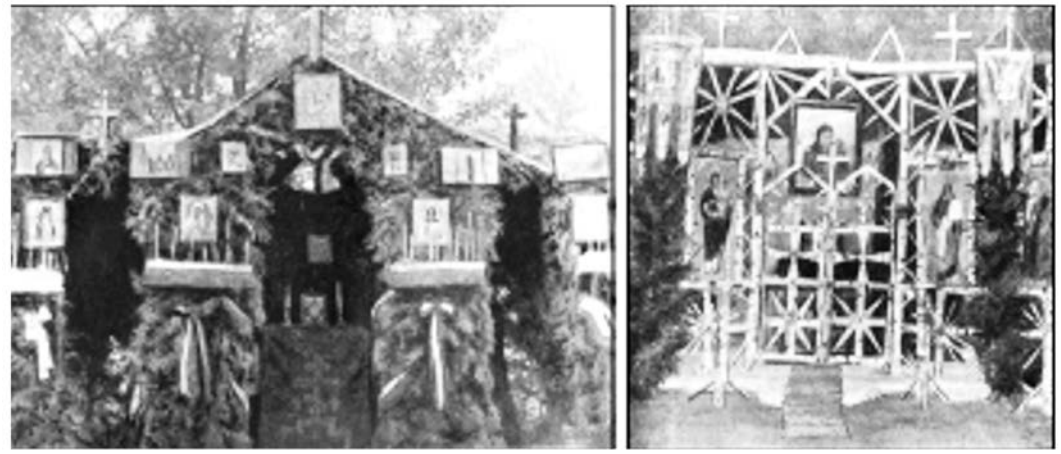
Территория Гавани была самым низким местом на Васильевском острове и при наводнениях сильно затапливалась.

Бытописатель Петербурга И.И. Панаев писал о Гавани: «Надежный приют самого бедного петербургского народонаселения... замирает от страха при малейшем повышении воды и рискует быть потопленным всякий раз, когда в серый день воет ветер...» Улицы Матросской слободы представляли собой канавы со стоячей водой, в которых плескались утки. По обеим их сторонам в качестве тротуаров были настланы деревянные мостки, предохраняющие пешеходов от воды и грязи.

С конца XVIII в., когда стало ясно, что гребные корабли утрачивают боевую эффективность, их постройку начали свертывать, в связи с чем утрачивал значение и Гребной порт. За период его функционирования в качестве верфи кроме галер там было построено много кораблей, являвшихся переходным типом от гребного к парусному, как, например, канонерские лодки, дубель-шлюпки, иолы, а также несколько придворных гребных судов и яхт.

Территорию Гребного порта все в большей степени использовали для складирования топлива, припасов и имущества морского ведомства. Это сказывалось и на составе населения Матросской слободы. В XIX в. здесь уже начали селиться купцы и мещане.

В 1859 г. Глухой проток переименовали в Шкиперский, что вполне объяснимо, поскольку среди моряков, селившихся поблизости, были и капитаны коммерческих судов, называемые в ту пору шкиперами. Позже со стороны левого берега протока разместился основанный в 1892 г. «Высочайше утвержденный» Невский яхт-клуб, чему благоприятствовало соседство с обширным бассейном и близость к заливу.



Иконостасы походных церквей, начало XX в. (в качестве примера походной церкви российской армии).

В связи с развертыванием в России в 70-х годах XIX века строительства миноносок Гребной порт приспособили для их хранения в зимнее время и ремонта. Для этой цели бассейн удлинили до 527 м и расширили до 150 м, а по обеим его сторонам возвели сараи-укрытия для миноносок, мелких судов, в том числе царских яхт, а также слесарную, медницкую и котельную мастерские. К этому времени площадь территории Гребного порта составляла около 75 га.

После упразднения на Канонерском острове в 1878 г. складов пороха и артиллерийских припасов морского ведомства их было решено разместить в Гребном порту, а через несколько лет здесь же возвели пироксилиновый завод. Эти сооружения, представляющие для города повышенную опасность, просуществовали на территории Гребного порта до 1906 г. и были перебазированы на Охтинский артиллерийский полигон.

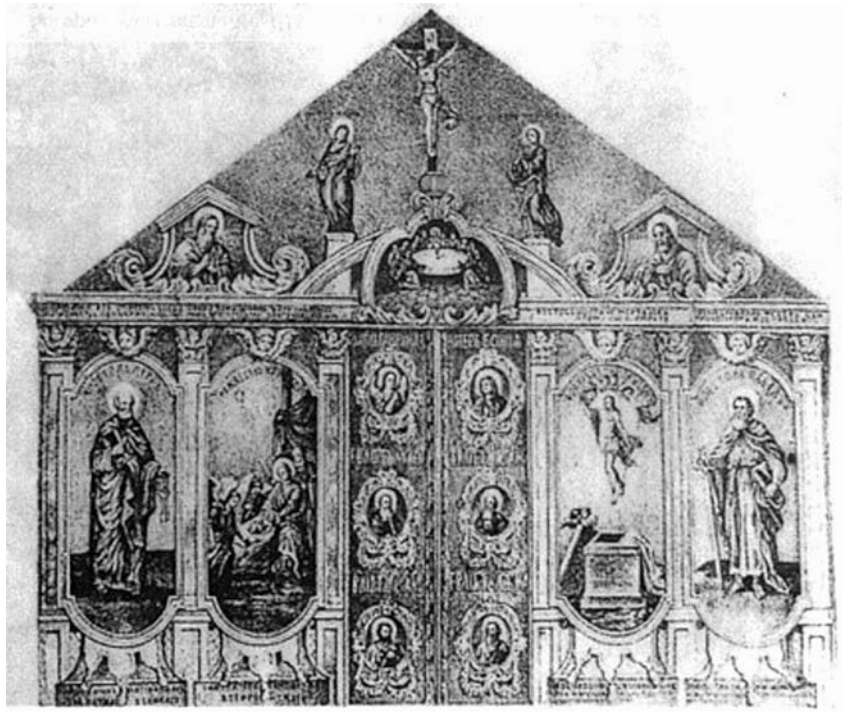
Постепенно Гребной порт потерял свое первоначальное значение, а так как Петербургу требовались все новые площади, годные под застройку, то по инициативе морского ведомства был разработан проект использования части Гребного порта (около 30 га) для сооружения судостроительного завода. Однако проект не был реализован, главным образом из-за чрезмерной затапливаемости во время наводнений этой части Васильевского острова, а также из-за сложности прокладки сюда железнодорожных путей от вокзалов, без чего завод не смог бы функционировать.

Возвращаясь к теме мигрирующей, перемещающейся и перевоплощающейся мемории культового объекта церковь Божией Матери Милующей 1888–1898 гг., немаловажно упомянуть, что и первоначальное местообретение этой мемории изначально находилось даже не в Галерной гавани, а переместилось в гавань позже. Изначально место ее было на палубе боевой галеры петровского военного флота.

Но, также важно первоначально разъяснить традицию полотняных (походных) церквей Российской армии и флота, чтобы обосновать логику повествования.

Мемория культового памятника истории Церкви Божией Матери Милующей произошла от Церкви во имя Святой Живоначальной Троицы в Галерной гавани.

Построение Троицкой Гаванской церкви современно основанию Галерной гавани. Император Пётр I для чинов галерного морского флота повелел устроить церковь полотняную в таком виде, чтобы её можно было брать с собою в плавание и переносить с места на место. В 1721 г. по просьбе чинов и офицеров галерного



Иконостас походной церкви Воскресения Христова, которую Петр I в 1724 г. подарил внуку Хана Аюки Бакдасаю Доржи, литография 1879 г. (вероятный аналог иконостаса походной (полотняной) церкви в Галерной гавани).

флота последовало разрешение соорудить полотняную церковь, которая была изготовлена в Москве, а затем перевезена в Санкт-Петербург.

В 1722 г. вице-адмирал М.Х. Змеевич просил Святейший Синод «предписать кому надлежит освятить новоустроенную для галерной эшквадры служителей церковь и определить к ней священника».

По указу Синода протопопом Троицкого собора Иоанном Симеоновым, церковь была наречена во имя Святой Живоначальной Троицы и поставлена на адмиралтейской стороне, за адмиралтейским госпиталем около Калинкина моста. Полотняная Св. Троицкая церковь стояла на адмиралтейской стороне с 5 июля 1722 г. до 24 февраля 1725 г., т. е. два года и восемь месяцев, а затем была перенесена на Васильевский остров к Галерной гавани.

1 Декабря 1724 г. командир морского галерного флота Л. Демьянов обратился в святейший синод со следующим ходатайством: «При новопостроенной гавани на Васильевском острове служителей галерного флота обретается близко 2000 душ, а церкви там не имеется, а понеже толикому числу служителей без церкви быть не можно, то он просит Св. Синод полотняную св. Живоначальныя Троицы церковь и с обретающимся при ней священником для исправления службы Божией и треб церковных перенести с Адмиралтейской стороны на Васильевский остров к ново-устроенной гавани».

Вследствие этого ходатайства Св. Синод от 25 февраля 1725 г. приказал: «Снять свою полотняную церковь Троицкую с прежняго места и со всею принадлежащею утварью перенести на Васильевский остров к новопостроенной гавани».[3] Полотняная Троицкая церковь просуществовала около восьми лет, т. е. до 1733 года.

В 1733 году был выстроен для Троицкой церкви отдельный деревянный флигель, куда из прежней походной церкви перенесено все церковное имущество. Со

[3] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии» Выпуск 5, СПб., 1876. С. 46.

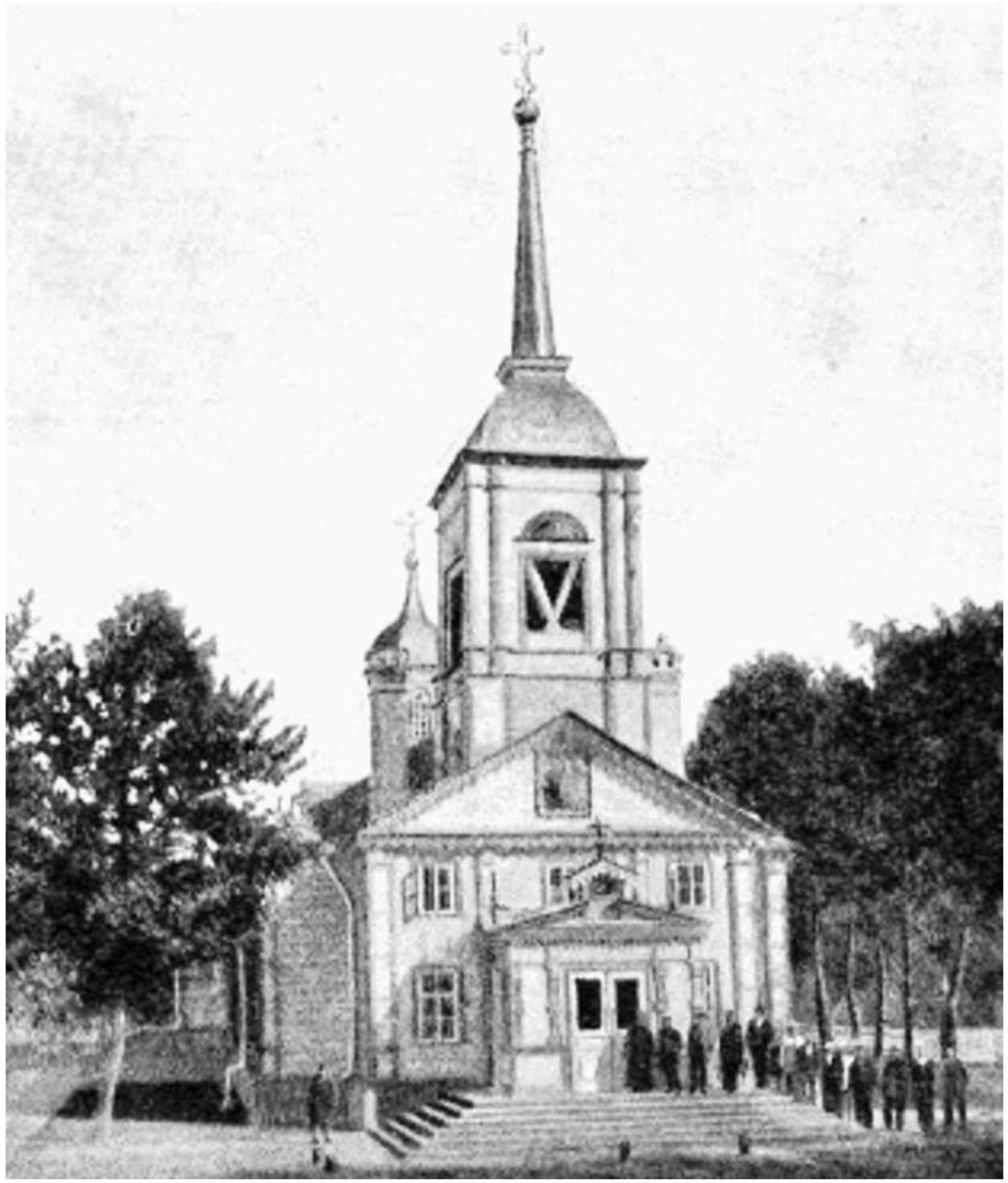
Церковь Живоначальной Троицы в Галерной гавани, литография XIX в.

времен от полотняной церкви к XIX веку уцелело несколько икон: «Св. Живоначальной Троицы», «Тихвинской Божьей Матери» и «Преподобного Сергия Радонежского».

Чрезвычайно интересна и сама традиция полотняных церквей, существовавшая с момента христианизации русской армии и частично возобновленная в конце XX века. Под определенным углом зрения такую церковь можно воспринимать как неотъемлемую часть русского воинского походного снаряжения.

Само себе существование поселения Галерной (Матросской) слободы, не имеющего собственного храма первые несколько лет – это ситуация высокой социальной напряженности. В тяжелых условиях проживания и в обстановке, когда основное население было занято на постройке фортификационных и иных сооружений и на морской службе, в поселении была повышена смертность. Как следствие, некрополь, который потом стал называться Гаванское кладбище при церкви Св. Троицы в Галерной гавани, XVIII в. (находится по адресу: Наличная улица, севернее Большого пр. В.О., считается утраченным) возник до того, как к нему перевезли полотняную церковь. По какой причине он возник именно там, в настоящее время неизвестно, в силу того, что целенаправленные исследования на эту тему не проводились. Для уравновешивания сложившейся ситуации в июне 1792 г. государыней императрицей Екатериной II главнокомандующему гребным портом приказано было на имевшуюся церковную сумму около 4000 руб. построить новую церковь. В ноябре 1792 г. была воздвигнута деревянная церковь Св. Троицы. Внутри церкви первоначально был один престол;

В 1886 г. с южной стороны его по средине храма устроен придел во имя Трех Святителей и св. Николая, древнейший образ которого (времени 1766 г.) был поставлен здесь.



Церковь Живоначальной Троицы в Галерной гавани, фото нач. XX в.

В 1887–1888 гг. во исполнение высочайшей воли государя императора Александра III, чтобы церковь эта, как памятник старины глубокой, как вековая царская (петровская) святыня сохранялась и поддерживалась, был произведен капитальный ремонт церкви.

Описание церкви приведено в книге «Святыни Петербургской епархии», Санкт-Петербург, 1915 г.: «...Снаружи церковь представляла собою простой двухэтажный продолговатый деревянный дом, обитый тесом, с возвышающеюся на западной стороне его небольшого деревянного одноярусною колокольнею с ма-

Проект деревянной часовни, возведенной на месте строительства Церкви Божией Матери Милующей, 1888 г.

леньким куполом и главою на восточной стороне. Окна расположены вокруг всей церкви в два ряда, кроме западной стены. Внутри храма в западной его части были устроены хоры, поддерживаемые простыми деревянными колоннами. Иконостас в церкви деревянный, вызолоченный; иконы в нем в один ряд. По правую сторону царских врат икона Спасителя, а по левую Божией Матери с Предвечным Младенцем, без риз, с серебряными вызолоченными венцами. На северных и южных дверях изображения архангелов Михаила и Гавриила; ближе к боковым стенам с правой стороны образ Св. Троицы, с левой – Николая Чудотворца. В алтаре престол и жертвенник деревянные; над престолом устроен плафон с изображением Всевидящаго Ока и вокруг него Св. ангелов, поддерживаемый шестью деревянными колоннами...».

Святыни и достопримечательности, бывшие в церкви Св. Троицы: «Образ Спасителя», пожертвованный князем Суворовым; он помещен в особо устроенном ки-

оте. Из икон с драгоценными украшениями находится одна икона «Св. Троицы», в золоченой киоте, помещенная за правым клиросом. К более древним иконам принадлежат два образа, без риз, «Спасителя» и «Богоматери», перенесенные из иконостаса старой церкви.

Из церковных вещей замечательны: Святое Евангелие большого размера в золоченом серебряном окладе, печатано при императрице Анне Иоанновне в Москве 1737 г. На нем надпись: «1742 г. июля в первое лето счастливаго царствования всеиресветлейшия державнейшия великой государыни императрицы Елизаветы Петровны сие евангелие сделано по обещанию иждивением галернаго флота боцмана Филипа Борисова сына Курыгина в церковь Живоначальныя Троицы, что в Галерной гавани, через старание онаго же флота капитана Артемия Ильина сына Толбугина». Другое евангелие, в серебряном вызолоченном оклад, пожертвовано в I860 г. вместе с полным облачением и ковчегом для хранения святых даров. Животворящих крестов два: большой восьмиконечный; на нем надпись: «Сей крест построен в церковь Живоначальныя Троицы галернаго флота при священнике Иоанне Козмине и при маиоре Иоанне Терентьевиче Пасынкове 1727 г. марта 20 дня». Крест этот весит 1,5 фунта; другой крест меньший, четырехконечный, вызолоченный, весом в 45 золотников».[4]

Небольшая деревянная Троицкая гаванская церковь, вследствие быстрого роста народонаселения Галерной гавани, оказалась тесною для помещения в ней всех молящихся. В виду чего, Петр Великий повелел рядом с деревянною церковью соорудить каменный пятиглавый храм, но преждевременная кончина Петра I помешала осуществить это намерение. В 1745 г. императрица Елизавета Петровна указом разрешила построить каменный храм, выразив при этом желание, чтобы «для лучшаго дальняго виду» церковь была пятиглавая;

В книге Г.А. Цитовича «Храмы Армии и Флота. Историко-статистическое описание» церковь Св. Троицы описывается так:

«Престольный праздник – день Святой Троицы. Церковь основана в царствование императора Петра I в 1721 г. и пережила за свое время существования три периода. Первоначально она, в течении 10 лет, помещалась в палатке и служила военно-походною церковью (1722–1732). Затем перенесена была из палатки в казенный корпус, в деревянные светлицы, где и была 60 лет в качестве домовой военной церкви. Далее в 1792 г., построена была деревянная церковь, которая по освящении ее в декабре месяце, была открыта для всех молящихся. По своему внешнему устройству Троицкий храм имел вид невысокого, продолговатого 4-х угольника, с примыкающей к нему одноярусной колокольней. Над алтарем и средней частью храма возвышались два небольших купола. С 1879 г. храм был обнесен железной оградой, которая стояла на каменном фундаменте. По своему внутреннему устройству церковь разделялась на три части: алтарь, среднюю часть и притвор. В алтаре по бокам имелось две комнатки: одна для ризницы, а другая пономарская. В средней части храма (справа от входа в церковь) имелся небольшой придел во имя Святителей Николая Чудотворца, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Наверху были устроены хоры, вход на которые вел из притвора. Церковь вмещала 900 человек. Из икон особого внимания заслуживали следующие древние иконы: икона Святой Троицы, в серебряной вызолоченной ризе, с 6-ю венцами, украшенная жемчугом и камнями; икона Тихвинской Божией Матери, в серебряной вызолоченной ризе, украшенная жемчугом; икона преподобного Сергия Радонежского Чудотворца в серебряной вызолоченной ризе, но без жемчуга. По

[4] Святыни Петербургской епархии. СПб., 1915. С. 45.

всей вероятности, эти три иконы перешли в деревянную церковь через прежнюю домовую, из первоначальной полотняной, бывшей при Петре I, Троицкой церкви, а в нее (по преданию) принесены были из домовой церкви самого государя императора Петра I. По достоинству художественного письма обращали на себя внимание три образа Спасителя: помещенный на горнем месте, большого размера (3 арш. х 2, 5 арш); образ Спасителя, пожертвованный в церковь А.А. Суворовым-Рымникским 19 мая 1866 года; образ Спасителя, несущего на себе крест на Голгофу. Из древних напрестольных священных предметов храма достойны внимания: серебряный вызолоченный крест, весом 1 фунт. 71,5 зол., на оборотной стороне его внизу была надпись: «Сей крест построен в церковь Живоначальной Троицы галерного флота при священнике Иоанне Козьмине и при майоре Иоанне Терентьевиче Пасынкове в 1727 году, марта во 2-й день»; такого же достоинства крест напрестольный 1767 г.; Святое Евангелие – печати 1749 г. Церковь со времени первоначального основания в 1721 году, в течение почти 90 лет, непрерывно состояла в ведении Государственной Адмиралтейств-Коллегии, с 1808 года по 1826 год была в ведении Санкт-Петербургской Духовной консистории (Епархиальное ведомство), а с этого (1826) года времени и до 1917 г. Троицкая церковь состояла в военно-морском ведомстве, находилась в ведении и управлении Протопресвитера военного и морского духовенства. Приход при церкви отличался большой пестротою всякого сословия: в нем значительное число военных (в том числе и потомки прежних моряков), частью вновь поселившихся, не менее значительное число служащих или служивших в различных учреждениях чиновников, были так же купцы, мещане, рабочие и крестьяне. По штату при церкви были положены: настоятель-протоиерей, священник, диакон и два псаломщика. Все они получали жалование от Морского министерства. Причт помещался в церковном доме, устроенном на средства Морского министерства, и размещался на углу Малого проспекта и Наличной улицы в доме №15. При церкви существовало «Общество вспоможения бедным в приходе Троицкой церкви», которое было открыто 18 ноября 1879 г. В каменном трехэтажном здании, принадлежавшем Обществу, располагались: церковно-приходская школа и сиротский приют. К Троицкой церкви была приписана санкт-петербургская гаванская во имя Милующей Божией Матери церковь (Большой пр. Васильевского Острова, дом № 100)».[5]

В октябре 1927 г. церковь Святой Живоначальной Троицы была закрыта и затем снесена в 1932 г. В 2004 г. был найден фундамент этой церкви, причем найден не при археологических работах, а непосредственно при строительных работах. В настоящее время местоположение церкви Святой Живоначальной Троицы никак не обозначено и не мемориализовано.

Непосредственным преемником мемории церкви Святой Живоначальной Троицы в Галерной гавани является церковь Милующей Божией Матери в Галерной гавани.

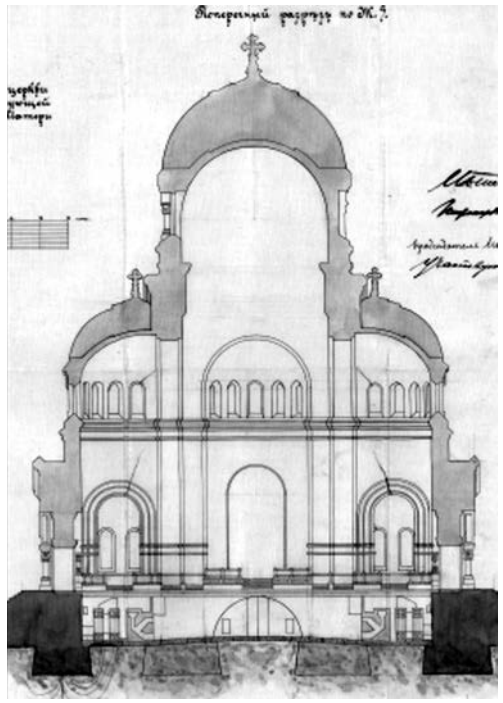
В книге «Святыни Петербургской епархии» упомянуто:

«В 1887 г. священник церкви Святой Живоначальной Троицы в Галерной гавани В. Альбицкий с причтом и прихожанами обратился с ходатайством о разрешении им приступить к сооружению нового каменного приходского храма во имя иконы Милующей Божией Матери на уступленном морским министерством участке земли по Большому пр. Васильевского острова, близ берега Финского залива. В этом же году последовало разрешение Св. Синода, и был составлен проект на построй-

[5] *Цитович Г.А.* Храмы Армии и Флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Историко-статистическое описание. Типолитография А. П. Нагорова. Пятигорск, 1913 г. С. 121.

Проект Церкви Божией Матери Милующей, 1887 г., авторы В.А. Косяков и В.А. Пруссак.

ку трёхпридельного храма, вместимостью на 1800 человек, в византийском стиле. Храм имеет один главный купол и четыре малых. Высота храма от поверхности земли до подножия креста на главном купол 20 сажень (сажéнь равная 2,16 м, и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков), длина около 30 саж. и ширина 15 саж. Храм освещается 18 большими окнами в стенах и 57 окнами в купольных барабанах. Главный придел церкви освящен во имя Милующей Божией Матери 25 октября 1898 г. преосвященным Вениамином, епископом ямбургским в сослужении протоиерея И. Сергиева и других протоиереев. Правый придел освящен во имя пр. Сергия Радонежского Чудотворца и Св. Феодосия Черниговского Чудотворца 28 марта 1900 года митрополитом Антонием; левый придел посвящён имени Св. Андрея Критского, память которого празднуется 17 октября, в воспоминание о чудесном спасении Государя Императора и Его Семейства при крушении железнодорожного поезда у станции Борки 1888 г.; придел освящен 15 декабря 1896 г. преосвященным Назарием, епископом гдовским. В новоосвящённом храме внимание всех богомольцев привлекает на себя художественные работы – живопись по чеканному фону иконы и особенно Нерукотворный образ Спасителя, бросающийся в глаза каждому входящему в храм».[6]



Фиксационный чертеж с обозначением дефектов конструкций, инженер Дуткин Н.П., 1903 г.

Хотя храм во имя Милующей Божией Матери с большим куполом был значительно крупнее и величественнее Троицкой Гаванской церкви, тем не менее, он до 1923 г. подчинялся ей и не имел собственного причта, а после сноса церкви Святой Живоначальной Троицы в Галерной гавани фактически стал её полноправным преемником.

Важно понимать, что и церковь Св. Троицы, и церковь Божьей Матери Милующая были неотделимы друг от друга, и представляли собой единый сакральный симбиоз до момента сноса церкви Св. Троицы. Церковь Св. Троицы являлась особо почитаемой деревянной Гаванской церковью бывшего Петровского Галерного флота и поэтому именно к ней был приписан освященный в 1898 г. храм во имя иконы Божьей Матери «Милующая», а не наоборот.

Поскольку строительство новой церкви требовало больших средств и усилий, а в тоже время требовалось вести духовную жизнь прихода, то была возведена деревянная часовня при месте строительства церкви, о чем указано в издании «Исторический очерк. Церковь Святыя Живоначальныя Троицы въ Галерной гавани въ С.-Петербургъ. Составитель священникъ Д. Боголюбовъ. 1892 г.»:

«В означенном году, на месте сооружаемого храма воздвигнута была часовня, в коей помещается принесенная с Афона о. иеромонахом Арсением в дар сооружае-

[6] Святыни Петербургской епархии… С. 47.

П.С. Броневицкий. Командир и комиссар Учебного отряда подводного плавания ВМС РККА имени С.М. Кирова, фото, 1940-е гг.

мому храму икона Милующей Божией Матери, пред которою совершаются по воскресным дням торжественныя с акафистами молебствия».[7]

Как следует из надписи на листах чертежей часовни, ее сооружение оплачивал купец Д.В. Заикин.

То, что строительство такого крупного храма, как церковь Божией Матери Милующей было не только и не столько в память важнейших событий, происходивших в императорской фамилии, но и продолжением дел Петра I и его заветов, очевидно из пояснительного текста автора проекта В.А. Косякова, указывающего, что: «Инициатива, по осуществлению мысли императора Петра I построить в Гавани каменную церковь, всецело принадлежит настоятелю Троицкой Гаванской церкви, о. Василию Альбицкому…»; и далее: «постройка будет производиться под надзором составителей проекта, гражданских инженеров В.А. Косякова и Д.К. Пруссака. Храм, проектированный в Византийском стиле, между прочим, интересен в том отношении, что будет представлять один из весьма немногих приведенных в исполнение образцов этого стиля, ныне богато разработанного и составляющего достояние чисто русского новейшего зодчества. Нет сомнений, что самое назначение храма – увековечить день Священного Коронования Их Императорских Величеств и осуществить мысль Великого Преобразователя России – вызовет горячий отклик не только обывателей Галерной Гавани и жителей Петербурга вообще, но и во всей России. Храм предполагаем окончить постройкой в течение трех лет. Председателем комитета по сооружению храма утвержден действ. стат. сов. В.К. Саблер; товарищем его – управляющий Балтийским заводом М.И. Кази».[8]

В 1888 г. в связи с «заболоченностью территории в зоне строительства храма» под руководством Ф.С. Харламова (прим.: русский архитектор, академик архитектуры ИАХ) была устроена насыпь и «произведены другие работы по укреплению грунта под фундаментом».

После окончания строительных работ 25 октября 1989 г. главный алтарь церкви был освящен святым отцом Иоанном Кронштадским, и православным епископом Вениамином Ямбургским вместе с отцом Иоанном Кронштадтским. С 1899 по 1900 г. в храме в качестве проповедника выступал Г.А. Гапон.

Проповеди Гапона были очень популярны и собирали множество людей, число которых достигало двух-трех тысяч. Нередко церковь не вмещала в себя всех пришедших на его проповедь. Старостой этой церкви в то время был Владимир Саблер. Также свое благословение на верную службу народу дал и митрополит Антоний. В самой церкви действовало благотворительное братство, организовавшее приют и школу для детей-сирот. Приходской церковью Божьей Матери Милующая прослужила тридцать четыре года.

[7] Церковь Святыя Живоначальныя Троицы в Галерной гавани в С.-Петербурге: Исторический очерк. Составитель священник Д. Боголюбов. СПб., 1892. С 97.

[8] *Косяков В.А.* Новый храм в С.-Петербургской Галерной гавани. СПб., 1887. 1 л.

С 1897 г. церковь взяло под полное покровительство Морское Министерство, что позволило довести строительные работы до конца. Перед торжественным открытием храма, ознаменовавшимся водружением на колокольню золотой Императорской короны, здание обследуют специалисты инженеры Морского ведомства, а также Косяков В.А., ставший к этому моменту профессором. В 1902 г., перед торжественным открытием храма в 1903 г., специальной комиссией на основании приказа Командира С-Петербургского порта от 19.09.1902 г. № 518 был произведен осмотр здания с составлением акта и рекомендаций. В частности, в акте зафиксировано следующее:

«1) в кирпичных сводах, соединяющих пилоны, имеются более или менее значимые трещины; каменный пол церкви, лежащий на сводах, в некоторых частях имеет также трещины, каковые заметны и снаружи на цоколях здания; особенно характерной является трещина, разделяющая перемычку над входной дверью в подвальное помещение, трещина эта продолжается и выше, пересекая подоконник и арку церковного окна, причем каменный подоконник также дал трещину; своды подвального помещения дали в некоторых местах трещины.

2) в подвале замечается сильная сырость… иногда весь пол подвала покрывается сплошь водою;

3) имеющиеся в подвале калориферы все имеют значительные трещины, угрожающие даже их целостности.

По рассмотрению указанных повреждений комиссия пришла к следующим выводам:

а) трещины в арках, сводах, полу и в цоколе происходят от значительной и неравномерной осадки строения, каковая объясняется свойствами грунта и недостаточною глубиною заложения фундаментов; …глубина фундаментов была принята равной 4 ½ арш. или 10,5 фут. (3,2 метра), при допущении давления на подошву фундамента в 0,72 пуда на 1 кв. дюйм или 103 ½ пуда на один кв. фут, при песчано-глинистом грунте, насыщенном водою; хотя такое давление для этого грунта и допустимо, но …зависящее от илистых условий и удаленное от других зданий место расположения строения, по-видимому следовало бы особенно обратить внимание на глубину заложения фундаментов, дабы не могло происходить выдавливание грунта из-под фундаментов; вычисляя глубину заложения по формуле:

$$h=\frac{mlg^4\ (45°-1/2ф)x\ q2}{\gamma}$$

где h – глубина заложения,

м = коэффициент устойчивости, каковой в данном случае не может быть принят меньше 2,

ф = угол естественного уклона грунта = 26°-34` (для слабого грунта, насыщенного водою),

q2 = 103 ½ пуда (как допущено по заявлению строителя),

γ = вес куб. фута грунта = 2 ½ пуда,

получаем: $h = \frac{2кг^4\ (45 - (26°-34`)/2) x\ 103,5}{2,5}$ = 12 фут

в действительности же глубина заложения взята 10,5 фута, что недостаточно.

<…>

… для прекращения дальнейшей осадки здания, из таких мер самою действенную было бы уширение и углубление фундаментов, каковые работы могли бы быть

исполнены по частям; но имея в виду, что таковые работы обошлись бы очень дорого, комиссия полагает, что забивка сплошного бревенчатого шпунтового ряда во круг строения на некотором от него расстоянии (саженей 2,5–3), принесла бы в данном случае несомненную пользу, так как при осадке грунт не выдавливался бы в стороны, а уплотнялся бы, уменьшая тем осадку, и кроме того при постоянном в этом месте колебании уровня грунтовых вод не могло бы быть вымывания грунта из-под здания; (прим.: Составитель части текста Акта Инженер Полковник Дуткин Н.П. Инженер Дуткин был ведущим проектировщиком Военно-Морского ведомства, специализировался на берегоукреплениях, устройство специальных технических сооружениях по водоотводу, дренажу, сложным обводным системам, возведении молов, доков, в том числе фортов и пр., являлся специалистом в инженерной геологии, разработал проект усыпальницы во Владимирском соборе г. Севастополя).

<…>

… комиссия полагает, что наиболее радикальным средством является устройство надлежащего дренажа вокруг церкви и в подвальном помещении, каковой, понизив уровень грунтовых вод, тем самым уничтожит возможность появления воды в подвале… но при этом дренаж должен быть устроен соответственной конструкции из керамиковых труб и вертикальных всасывающих керамиковых колодцев с отводом воды в море и устройством самодействующих затворов, препятствующих обратному подъему воды в сточных трубах при наводнениях».[9]

Исходя из натурных исследований 2019–2022 гг. подтверждается, что рекомендации комиссии в том или ином объеме были выполнены. В частности, произведена докладка фундаментов с расширением подошвы фундаментов за счет формирования бутовой кладки в виде контрфорсов. Насколько можно судить, углубление фундаментов выполнено не было. Исходя из указанной в акте глубине в 3,2 м, и полученным в ходе выполненных в рамках разработки согласованной проектной документации шурфов данным, дающим заглубление фундаментов в 3,8–4 м., можно предположить, что заглубление могло быть устроено только за счет понижения уровня непосредственно перевязок существовавшего фундамента, выполненных бутовыми обоймами. Также, выявленные в ходе шурфов керамические трубы в переходе между объемом колокольни и храма, и выявленная в ходе работ вертикальная керамическая трубка в алтарной зоне подвала говорят о выполненном специальном дренаже с вертикальными и горизонтально уложенными керамическими трубами, выводящими воду из здания, а также осуществлявшими сбор воды вкруг здания. В настоящий момент отсутствуют данные, был ли выполнен круговой шпунт или другие мероприятия, нацеленные на стабилизацию динамики конструкций и обводненного грунта.

В 1930-е годы у объекта церковь во имя иконы Божией Матери Милующая началась новая веха его истории, появилась новая уникальная функция и новое имя – Учебная Спасательная Башня или просто Башня Спасения. Сейчас не сразу осознается тот факт, что, наиболее вероятно, церковь во имя иконы Божией Матери Милующая была бы снесена, если бы не возникла идея ее приспособления под ранее невиданный учебно-испытательный комплекс военно-морского флота СССР. Точных сведений об авторе этой идеи до настоящего момента не обнаружено, но, наиболее вероятно, что автором был последующий руководитель Башни Спасения – командир и комиссар Учебного отряда подводного плавания ВМС РККА имени

[9] РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 5–2. Д. 1522А. По рассмотрению проектов здания для школы при церкви Милующей Божией матери и дома для прихода гаванской Церкви на Васильевском Острове (Тут же чертежи и переписка по ремонту церкви). Л. 14–52.

Учебная Спасательная Башня, интерьер, до 2013 г., фотографии с сайта www.urban3p.ru

С.М. Кирова – Пётр Семёнович Броневицкий. Об этом выдающемся военно-морском деятеле, его роли в судьбе объекта и его пересечениях с памятными местами эпохи свершений Петра Великого хотелось бы упомянуть отдельно.

Пётр Семёнович Броневиицкий родился 16 января 1891 г. в городе Слуцке, предместье Острова, Минской губернии. Отец его происходил из (безземельной) польско-белорусской шляхты рода Броновицких.

В официальных советских биографиях П.С. Броневицкого указывалось рабочее происхождение и то, что его отец был рабочим, работавшим затем на заводе, а также то, что Петр Семёнович окончил 3 класса церковно-приходской школы. Возможно, этот факт, как и факты о работе на фабрике, упомянутые в официальной биографии, являются частью обязательной мифологии самосохранения отдельных военных специалистов периода 1930-х гг. Достигнув 21-летнего возраста, Броневицкий был призван на основе всеобщей воинской повинности. Имел знания в английском языке, что впоследствии пригодилось ему при аресте в Ливерпуле, что не очень укладывается в парадигму – «рабочий, сын рабочего». С 1918–1920 гг. Броневицкий – комиссар Учебного отряда подводного плавания. Далее, после событий Гражданской войны, в 1931 г. он становится командиром и комиссаром Учебного отряда подводного плавания ВМС РККА имени С.М. Кирова и приступает к реализации идеи создания и запуска Башни Спасения, а также к набору т.н. «слушателей», они же личный состав, они же учащиеся – которые официально не были военнослужащими ВМФ СССР. Возможно, такая форма работы с придирчиво отбираемыми для обучения молодыми людьми была выбрана Броневицким ради достижения беспрекословного подчинения и снижения интереса со стороны надзорных органов в случае травм и летальных исходов слушателей при обучении и испытаниях. Также вероятно, что Башня Спасения была первой частью эксперимента, затем продолжившегося на Соловецких островах уже с несовершеннолетними «слушателями»-подростками , когда Броневицкий в период 1940–1945 гг. становится командиром Учебного отряда Северного флота и комендантом Соловецких островов. Так или иначе, но весь этот этап от превращения памятного храма, ведущего свою историю от полотняной галерной церкви в тренажерный комплекс, имитирующий в большей части, оборудование подводных лодок, и дальнейшее развитие сюжета на Соловецком архипелаге с возрождением на советском военно-морском флоте самого понятия «юнга» – это абсолютно петровская по смыслам и результатам история.

В 1932 г. здание церкви приспособлено под учебную станцию легкой водолазной подготовки. Под главным куполом на специальном фундаменте сооружена металлическая башенная конструкция круглого сечения, которая использовалась как барокамера. В алтаре и боковых приделах устроены приспособления для испытаний и тренировок.

В документах архива ВМС РФ обозначены два основных строительных периода при реконструкции здания:

- 1932 г., когда в центральном объеме была установлена башня высотой порядка 29 м (без высоты фундамента), в боковых объемах выполнены дополнительные бутовые фундаменты под оборудование комплекса, а в алтарной апсиде устроен бассейн;
- 1935–1936 гг., когда в здании в северном нефе по центральной (поперечной) оси здания устроена вторая металлическая труба высотой порядка 17,3 м (без высоты фундамента).

В архивах не выявлен проект реконструкции, однако имеется подробная запи-

Учебная Спасательная Башня, западный фасад, до 2013 г., фото с сайта www.urban3p.ru

ска к устраиваемому оборудованию по первому этапу – 1932 г., а также информация о ремонте отделки в период 1933–1934 гг. В частности, обозначено следующее:

«…имеются следующие установки:

а) Башня с аван-камерой. Башня имеет вид цилиндра, диаметром 4 метра и высотой 26,5 метра, к ней присоединена аван-камера диаметром 2,6 метра и высотой 2 метра.

… Бассейн имеет размеры: длина 7 м, ширина 5 м, глубина в одном конце 3 м, в другом – 1,5 м…

… В центре размещена башня, верхним концом своим упирается в купол. Бассейн размещен в бывшем большом алтаре. В малых алтарях размещены 2 компрессионные установки. Сбоку размещен душ и уборные. За бассейном размещены: кладовая имущества башни и ремонтная мастерская.

… В подвале размещены: водонагревательная система водяной паровой магистрали…»

«…Комиссия считает желательным произвести внутреннюю окраску всех стен здания и сводчатых перекрытий в 1934 году, равно и настил полов метлахскими плитками для поддержания необходимой чистоты…».[10]

[10] РГАВМФ. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 90. Переписка с УВМС РККА, управлением Ленинградского порта, строительными организациями и другими о постройке, усовершенствованиях учебно-спасательной башни для отряда. 1933 г. Л. 1–4.

Следующим этапом строительства было устройство второй башни, задуманной в 1935 г. и реализованной, по всей вероятности, в 1936 г. Авторами обоих проектов стал инженер Белецкий. В архивным материалах выявлены его разъяснения ко второму проекту, где поясняется, что вторая труба не только не нарушит баланс работы конструкций здания, но и поможет уравновесить введенные ранее фундаменты оборудования 1932 г.

В 1932 году здание церкви было передано в распоряжение отряда подводного плавания при Галерной гавани. Здание приспособили под испытательную камеру, которая была оборудована в церкви. Именно здесь проходили учения водолазы-спасатели. Так или иначе, но церковь вновь служила российскому флоту.

Приспособление церкви под оборудование камеры велось без единого проекта приспособления. Специальная справка в 1935 г. фиксирует изначальные характеристики оборудования на момент его установки:

«1. Целеустановка кабинета.

Учебно-Испытательная лаборатория имеет своей целью обучать подводников индивидуально-спасательным средствам как теоретически, а также и практически и для ведения экспериментальных научных опытов…

Для разрешения вышеозначенных вопросов имеются следующие установки:

а) Башня с аван-камерой. Башня имеет вид цилиндра, диаметром 4 метра и высотой 26,5 метра, к ней присоединена аван-камера диаметром 2,6 метра и высотой 2 метра.

Башня служит для обучения практическим выходам с различных глубин и экспериментальных выходов, для чего башня имеет четыре ступени соответственно для обучения на 4 этапа:

1 этап – выходы с глубины 7,5 м.

2 этап – выходы с глубины 13,5 м.

3 этап – выходы с глубины 18, 5 м.

4 этап – выходы с глубины 26,5 м.

Аван-камера служит для производства научных опытов и для предупреждения кессонных и кессонно-подобных заболеваний, вызываемых в связи с работой в повышенном давлении…

Бассейн служит предварительным звеном обучения… Бассейн имеет размеры: длина 7 м, ширина 5 м, глубина в одном конце 3 м, в другом – 1,5 м…

2. Размещение башни.

Башня размещена в бывшем Морском Соборе и заняла своими механизмами следующие помещения:

В центре размещена башня, верхним концом своим упирается в купол. Бассейн размещен в бывшем большом алтаре. В малых алтарях размещены 2 компрессионные установки. Сбоку размещен душ и уборные. За бассейном размещены: кладовая имущества башни и ремонтная мастерская. При входе сразу же находится шинельная, за шинельной аудитория для теоретических занятий. Слева при входе в аудиторию размещен кабинет Начальника Башни, а справа физиолаборатория и лазарет Башни. В подвале размещены: водонагревательная система водяной паровой магистрали…»[11]

Интересны свидетельства о том, как происходило приспособление:

[11] Там же. Д. 106. Переписка с УМС РККА, научно-исследовательскими институтами, заводами и другими учреждениями и сведения об оборудовании кабинетов и лабораторий отряда учебными пособиями. Справка по Учебно-Спасательной лаборатории Учебного Отряда Подводного Плавания МС РККА им. С.М. Кирова. Л. 1.

«Комиссия, назначенная приказом Командира Ленинградского военного Порта от 10 октября 1933 г. № 158 для приемки работ по Учебно-Спасательной башне Учебного Отряда Подводного Плавания, под председательством начальника Технического отдела Ленинградвоенпорта Чудакова П.Д. …

На основании испытаний, проведенных отдельным механизмам, устройствам и системам, а также осмотром строительных работ Учебно-Спасательной башни УОПП в период с 13 октября по 31 октября с.г. Комиссия устанавливает:

1. Разработанного и утвержденного проекта в целом строительства башни со всеми устройствами и системами в Комиссию не представлено. В процессе стройки было внесено так много изменений и дополнений, что Комиссия не имеет возможности сличить готового сооружения с первоначальным проектом, а потому приемка производилась путем осмотра и испытаний в том виде, в каком она выполнена…

16. Строительные работы – выполнены согласно прилагаемого перечня работ удовлетворительно. Комиссия считает желательным произвести внутреннюю окраску всех стен здания и сводчатых перекрытий в 1934 году, равно и настил полов метлахскими плитками для поддержания необходимой чистоты…»[12].

В истории приспособления здания под испытательную камеру церкви важно два момента – это, так или иначе – сохранение самого здания. И, второе – отношение к данному объекту как к исключительно важному, пусть по иным причинам, но, тем не менее, что ясно и из письма комиссара Броневицкого:

«Помощнику начальник Военно-морских сил РККА по политчасти т. Окуневу.

Учебно-Спасательная Башня по выныриванию с больших глубин закончена строительством и оборудованием, и личным составом успешно освоена на полную глубину. В настоящее время производятся нормальные занятия с переменным составом. Желательно, чтобы это весьма редкое и ценное в Союзе сооружение открыть в торжественной обстановке с приглашением из центра членов Правительства, РВС СССР и ЦК ВЛКСМ. При Вашем посещении Вы подтвердили это мероприятие и приказали доложить, когда все будет готово.

Докладываю о готовности, прошу Ваших указаний о дне официального открытия УСБ, и кто именно будет приглашен.

Командир и Комиссар УОПП Броневицкий, 4 января 1933 г.»[13]

Во внутренних документах Учебно-спасательной башни Броневицкий именуется не иначе как «Начальник Башни».

Башня Спасения имела свою уникальную программу обучения, не имеющую аналогов научно-техническую библиотеку и в довоенный период ее коллектив работал над изучением и развитием у «слушателей» навыков «идеальных военно-морских боевых человеческих единиц».

Учебную подготовку на Башне спасения в период с 1932 г. по 1934 г. прошел отец Президента Российской Федерации – В.С. Путин, что неудивительно, т.к. набор «слушателей» по каким-то причинам преимущественно производился из Тверской и Ярославской областей («слушателей» на Соловецкий архипелаг в период 1940–1945 гг. Броневицкий также набирал из этих областей).

После перевода Начальника Башни П.С. Броневицкого на Соловецкий архипелаг Башня спасения перестает быть полем эксперимента по изучению и стимуляции возможностей человека и становится только лишь комплексом для обучения со-

[12] Там же. Д. 90. Переписка с УВМС РККА, управлением Ленинградского порта, строительными организациями и другими о постройке, усовершенствованиях учебно-спасательной башни для отряда. 1933 г. Л. 9–10.

[13] Там же. Л. 5–8.

ветских моряков. Эксперимент продолжится и расширится на архипелаге, но мало кому известно, что начало этому героическому, новаторскому и жестокому, неотрывно связанному с традициями петровского флота, эксперименту было положено именно в здании церкви Божией Матери Милующей.

Учебный комплекс ВМФ работал вплоть до 2012 г., когда здание храма было передано Русской Православной церкви. С 2018 г. начались и по настоящее время продолжаются попытки ведения реставрационных работ на объекте культурного наследия федерального значения церковь Божией Матери Милующей. Попытки эти ведутся без желания осознать принадлежность этого памятника истории к наследию эпохи Петра Великого.

На протяжении всего периода своего существования, начиная с 1896 г. и до 2012 г. (передача храма в пользование Русской Православной церкви) храм находился в ведении Морского ведомства и так или иначе, служил российскому военному флоту.

Размещенный в здании храма с 1932 г. лабораторный корпус был подготовлен для особой школы подводного плавания, основанного как часть подводного флота при участии императора Николая II в 1906 г. Сам отряд несколько изменил статус, приняв аббревиатуру УОПП – Учебного отряда подводного плавания, а с 13.01.1935 г. учебному отряду было присвоено имя С.М. Кирова.

Подготовка к отдельной учебной программе и особому специализированному оборудованию начала вестись, как следует из архивных документов, с 1930 г. Задачей работы отряда была разработка способов безопасного подъема подводников с глубин, спасение подводников и обеспечение моряков возможностью покидать или проникать в подводный корабль, для безопасного нахождения и работы в открытом море на больших глубинах.

Вся работа командного и учебного состава, а также «слушателей», отобранных в Учебный отряд ПП, была связана с отвагой и жертвенностью, так как работы велись с большим процентом риска при испытаниях для создания передовых технологий и техник, повышающих безопасность и сохранность жизней подводников.

Следует отметить, что уже к 1935 г. Отрядом были получены совершенно новые показатели по времени выхода из затонувших подлодок, значительно превысившие данные, полученные за границей при испытании подобных разработок. А к 1936 г. целью Отряда стала непомерная задача подъема с 100-метровой глубины, с которой моряки также справились, предоставив результаты уже в том же году.

Наряду с отвагой и доблестью краснофлотцев-первопроходцев науки подводного плавания (не берем сейчас этап зарождения подводного флота в царской России), совершенно уникальным и единственным в мире стало оборудование, сконструированное и смонтированное в здании церкви для занятия подводников. Из открытых источников по истории испытательной техники в зарубежных странах, проводивших в тот же период схожие учения и испытание оборудования, можно заключить, что у них подобного оборудования в виде Башни Спасения подводников, не встречается.

Казалось бы, очевидная информация, однако стоит ее повторять и повторять чаще с освещением для широкой общественности: отвага, ум и инженерный гений специалистов, составлявших Отряд, в плотном взаимодействии с передовыми заводами и научными институтами того времени, спасли жизни многим подводникам и сделали неоценимый вклад во всю работу Подводного флота и Военно-морских сил России. Сейчас данные рассекречены, и информация о жизни и работе школы

стала доступной. Здание церкви Божией Матери Милующей стало для подводников фактически сердцем и душой их «альма-матер» – Учебного отряда, о чем во множестве в сети «Интернет» фигурируют записи в группах подводников.

Именно важность, подлинность и ценность Церкви Божией Матери Милующей как выдающегося объекта культурного наследия памятника архитектуры и не менее выдающегося и многогранного памятника российской воинской морской славы, памятника, хранящего традиции эпохи Петра I, является тем достоянием, которое требуется сохранить в процессе комплексных исследований и научной реставрации.

Библиография:

Источники:
1. РГИА. Ф. 796. Оп. 168. Д. 1051
2. РГИА. Ф. 797. Оп. 57. Д. 123
3. РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 669
4. РГА ВМФ .Ф. 421, Оп. 5-2, Д.1522А.
5. РГА ВМФ. Ф. р-117. Оп. 1. Д. 98
6. РГА ВМФ. Ф. р-117. Оп. 1. Д. 90
7. РГА ВМФ. Ф. р-117. Оп. 1. Д. 106

Литература:

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., Лики России, Спас, 2010. С. 127–129, 247, 386, 489–490, 492–493, 495, 498, 503.
2. Гинзбург А.М., Кириков Б.М. Архитекторы - строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб., «Пилигрим», 1996. С. 171, 256, 314–315.
3. Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Православные храмы С.-Петербурга. 1917–1945: Справочник. СПб., 1999. С. 26–27.
4. Семенова Г.В. Церковь Милующей Божией Матери // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район. Под редакцией Б.М. Кирикова. СПб.: КОЛО, 2008. С. 361–365.
5. Религиозный Петербург. Альманах. Вып. 106. - СПб : 2004. С. 360
6. Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков. М. : БуксМАрт, 2016.
7. Косяков В. А. Новый храм в С.-Петербургской Галерной гавани. СПб., 1887. 1 л.
8. Боголюбов Д. Э. Церковь св. Живоначальной Троицы в Галерной гавани. СПб., 1892. С. 103–114.
9. Краткая записка о сооружении храма во имя Милующей Божией Матери в память Священного Коронования Их Императорских Величеств. СПб., 1894. 4 л.
10. Алексеев А. И. Памятники царской милости в Галерной гавани. СПб., 1902. С. 20–26.
11. Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства) : Ист.-стат. описание : В 2 ч / Сост. свящ. Церкви 84-го пехот. Ширван. ... полка Григорий Цитович. - Пятигорск : Типо-лит. А.П. Нагорова, 1913. С. 10–12.

Периодика:
1. Церковный вестник, журн. СПб., 1887. № 25–26. С. 432–433; 1888. № 52. С. 988; 1898. № 45. Стб. 1536–1537.
2.Ведомости С.-Петербургского градоначальства, газета. СПб., 1888. № 290; 1889. № 138; 1896. № 284; 1898. № 230; 1899. № 70; 1903. № 190, 210.
3. Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание. СПб., 1889. № 22. С. 633; № 23. С. 658–659; 1891. № 24. С. 778–781; 1896. № 51–52. С. 1944–1945.
4. Русский паломник: Еженед. СПб., 1893. № 27. С. 423–426.
5. Санкт-Петербургский духовный вестник. СПб., 1898. № 44. С. 798; 1899. № 14. С. 169–170.

Интернет-источники:
1. А.Беляков «Роль флотского духовенства в воспитании военных моряков дореволюционной России» // Русская линия: Библиотека периодической печати. https://rusk.ru/st.php?idar=40000

С.С. Карпова, Т.С. Минаева, М.А. Михеева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА I НА РУССКОМ СЕВЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКА

История Архангельска первой четверти XVIII в. неразрывно связана с Петром I. У каждого человека, не являющегося историком-профессионалом, имя Петра I вызывает в памяти факты и события, о которых он узнал на уроках истории, из кинофильмов, литературных произведений. Вероятнее всего, эти знания будут содержать следующее: основал Санкт- Петербург, «прорубил окно в Европу», изменил дату празднования Нового года и т.д. Но хорошо ли живущие в Архангельске люди осведомлены о визитах Петра Алексеевича в наш город? В поисках ответа на данный вопрос мы решили провести анкетирование среди студенческой молодежи Архангельска. При составлении анкеты, проведении опроса и анализа результатов были использованы методы прикладной социологии[1]. 103 студента из Технологического колледжа Императора Петра I, САФУ и СГМУ ответили на 20 вопросов разного типа, которые можно разбить по исторической тематике на 3 блока:

— Общие сведения о Петре I и его визитах на Русский Север;
— Экономическая и внешнеполитическая роль Архангельска;
— Увековечивание памяти о Петре I.

Подробнее остановимся на каждом из них и результатах ответов опрошенных.

Первый блок был представлен вопросами:

1) Укажите годы правления Петра I (с вариантами ответов); 2) В какой период город Санкт-Петербург получил это имя? (с вариантами ответов); 3) Какой из городов – Мурманск, Архангельск, Санкт-Петербург – был основан раньше? 4) Сколько раз Петр I посетил Архангельск и по каким причинам? 6) Какие места, кроме Архангельска, посетил Петр I на Русском Севере? (с вариантами ответов); 7) Выберите губернии, образованные при Петре I (с вариантами ответов).

Большинство опрошенных – 79.6% (82 чел.) – смогли правильно указать годы правления Петра I. 57.3% (59 чел.) студентов знают, что Санкт-Петербург получил свое название еще при жизни царя, примерно половина остальных считают, что название города появилось после смерти императора. На третий вопрос верно ответило 74.8% (77 чел.), на четвертый – 83% (85 чел.). Среди правильных вариантов ответов о причинах визитов царя в Архангельск было 3 пункта: «Петр хотел присутствовать при спуске первого российского судна» – его выбрали 90 человек, «Царь был обеспокоен угрозой нападения на Архангельск) – 42 человека, «Петр хотел увидеть море и морской порт» – 73 человека. Таким образом большинство опрошенных связывают визиты Петра со строительством флота и внешней торговлей Архангельска. Значительная часть студентов помнит, что император кроме Архангельска

[1] *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Прикладная социология: методология и методы. М. , 2011. 372 с.

посетил также Соловецкие острова и Карелию – 70.9 % (73 чел.), но остальные думают, что он мог бывать в Мурманске и Нарьян-Маре. Примерно половина опрошенных знают, что Архангельская губерния была образована в годы правления Петра I.

Ко второму блоку относятся следующие вопросы:

1) Укажите товары, активно экспортируемые Россией в XVIII веке (с вариантами ответов); 2) Какое предприятие было основано Петром I в Архангельске? 3) В связи с каким событием Петр I принудительными мерами ограничивает внешнюю торговлю Архангельска? 4) Со стороны какого иностранного государства была угроза нападения на Архангельск в годы правления Петра I? (с вариантами ответов); 5–7) Инициатором строительства какой оборонительной крепости вблизи Архангельска стал Петр I. Во время какой войны у стен этой крепости были разбиты военные суда, направлявшиеся для нападения на Архангельск? Существует ли крепость в настоящее время?

Анкетирование показало, что только 45% опрошенных знают, что среди основных российских экспортных товаров в XVIII в. находилась пенька, а не медь или лес. Студенты, к сожалению, не представляют, что при Петре I в Архангельске появилась государственная верфь. На вопрос о создании предприятия – 83 человека ответили – «не знаю», и только 12 человек ответили верно. Сложным оказался вопрос и об ограничении внешней торговли Архангельска, только 30 % опрошенных связали это с основанием и развитием Санкт-Петербурга. Несколько лучше знают студенты события Северной войны на Русском Севере. 60.2% (62 чел.) опрошенных связали угрозу нападения на Архангельск в начале XVIII в. со Швецией. Около 50% участников опроса осведомлены о строительстве в указанный период для защиты города Новодвинской крепости и существовании ее в настоящее время.

В последний, третий блок, были включены вопросы о количестве памятников Петру I в Архангельске, датах и надписях на памятнике. Все эти вопросы вызвали затруднения в ответах. Только немногим более 50% опрошенных знают, что в городе есть один памятник Петру I, более 80% никогда не обращали внимание на надпись на памятнике и 56.3% догадались, что на постаменте указаны даты визитов царя в Архангельск.

В целом при прохождении анкеты респонденты показали неплохой уровень знаний. Однако, отвечая на вопросы по общей истории, они показали лучше результат, чем по вопросам, касающихся местной истории. Такие пробелы в знаниях могут зависеть от того, что многие студенты приехали из сел, деревень и городов Архангельской области и других регионов, где темы по истории Архангельска подробно не освещаются, поэтому опрашиваемые слабо знакомы с историей города. Больше всего трудностей у них возникло с вопросами об увековечивании памяти Петра I: студенты не знакомы с внешним видом памятника. Возможно, данный факт объясним тем, что молодые люди, гуляя по городу, редко обращают внимание на достопримечательности города. Кроме того, в анкету были внесены вопросы, связанные с более детальным изучением истории, например, «Укажите губернии, образованные при Петре I», «Выберете товары, экспортируемые Россией в XVIII в.», с ними студенты не справились, из-за чего можно сделать вывод о поверхностных знаниях общей истории.

Для проведения более глубокого анализа представим сравнения ответов студентов-историков 1 курса САФУ, которые еще не изучали эпоху Петра I в курсе истории России, студентов САФУ других направлений обучения, СГМУ и колледжа в диаграммах.

1 блок (рис. 1.1-1.4):

Историки 1 курса справились с данным блоком лучше всех, студенты СГМУ и колледжа получили одинаковые результаты, а остальные студенты САФУ выполнили задания не так успешно, как другие группы.

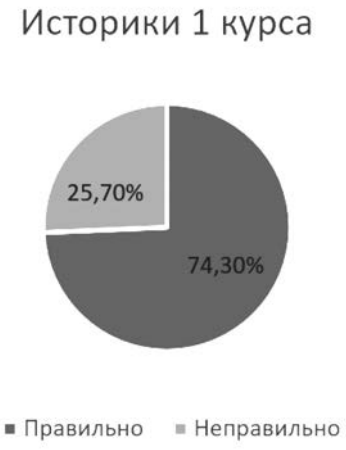


Рисунок 1.1 Ответы историков 1 курса

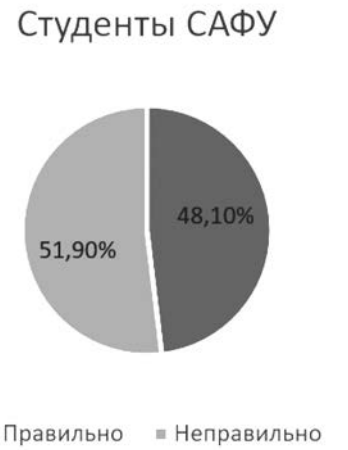


Рисунок 1.2 Ответы других студентов САФУ

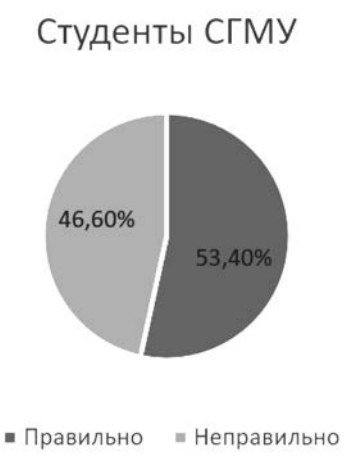


Рисунок 1.3 Ответы студентов СГМУ

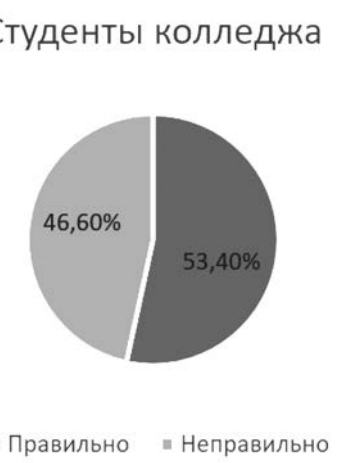


Рисунок 1.4 Ответы студентов колледжа

2 блок (рис. 2.1-2.4):

В целом студенты всех учебных заведений показали относительно невысокие результаты в данном блоке (особенно по вопросам из истории экономики). Однако студенты-историки 1 курса и студенты колледжа справились с заданиями лучше, чем другие обучающиеся.

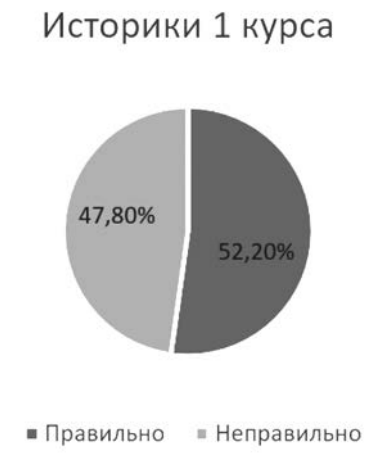


Рисунок 2.1 Ответы историков 1 курса

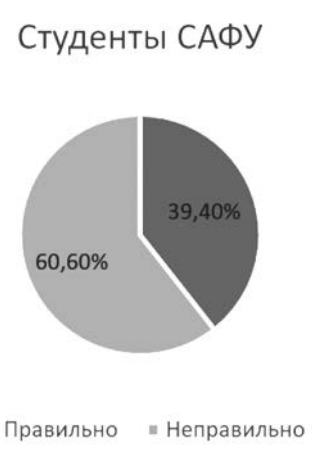


Рисунок 2.1 Ответы историков 1 курса

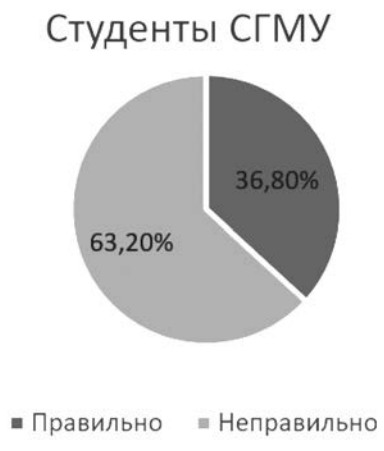


Рисунок 2.3 Ответы студентов СГМУ

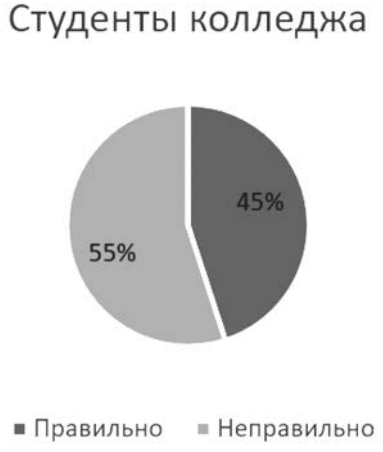


Рисунок 2.4 Ответы студентов колледжа

3 блок (рис. 3.1-3.4):

Рисунок 3.1 Ответы историков 1 курса

Рисунок 3.2 Ответы других студентов САФУ

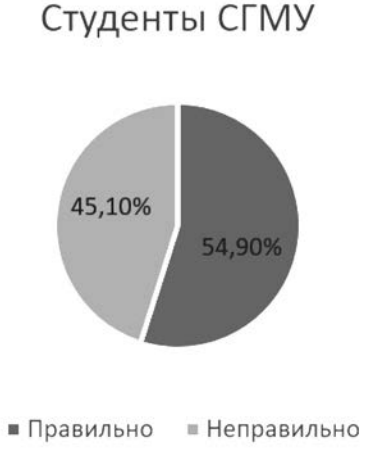


Рисунок 3.3 Ответы студентов СГМУ

Рисунок 3.4 Ответы студентов колледжа

В третьем блоке студенты СГМУ показали лучший результат, студенты САФУ неисторических направлений обучения и историки 1 курса находятся примерно на одинаковом уровне, а студенты колледжа с вопросами справились не так хорошо, как остальные.

Изучив и сравнив диаграммы, можно сделать вывод, что в знаниях студентов-историков 1 курса и студентов колледжа, САФУ, СГМУ есть отличия. У историков 1 курса знания как по местной, так и по общей истории более углубленные, чем у других респондентов. Мы предполагаем, что историки 1 курса получили такое преимущество благодаря подготовке к ЕГЭ в школе и общей заинтересованности историей. Анкетирование также показало, что в целом чуть более 50% студентов Архангельска знакомы с историей города эпохи Петра Великого, хотя значение Архангельска для России в то время было очень велико, что подтверждают визиты

Петра I в Архангельск. С учетом результатов опроса хотелось бы порекомендовать, чтобы в учебных заведениях города и области уделялось бы больше внимания этому периоду в истории региона и организовывались бы экскурсии для студентов по истории города для расширения и закрепления знаний и исторических представлений.

Уже после завершения данного этапа исследования, проведенного студентами-историками, оно было продолжено преподавателем кафедры отечественной истории САФУ Т.С. Минаевой, с более широким охватом аудитории до 230 человек, результаты анкетирования по группам студентов вузов разных категорий показали расхождение с результатами студенческого исследования в 1–2%, несколько большей оказалась разница по знаниям студентов колледжей – до 7% в связи с включением в анкетирование обучающихся еще двух колледжей. Таким образом, данные студенческого исследования являются достаточно репрезентативными в отношении знаний, обучающихся в вузах, а в отношении представлений обучающихся в колледжах расширенное исследование подтвердило основные результаты анализа С.С. Карповой и М.А. Михеевой в том, что эта группа студенческой молодежи Архангельска лучше осведомлена об общих событиях истории России, чем локальной истории и плохо знакома с достопримечательностями города.

ОБРАЗ ПЕТРА I В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

О.Е. Горшков

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ПЕТРА I НА ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОСЕЛЕНИЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

(НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕТНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ И ОСТРОВОВ ДЕЛЬТЫ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ)

Говоря о роли образа Петра I на территории Русского Севера, важно понимать, что мы имеем дело как с фактическими деяниями царя-реформатора, так и с его «проекцией» – мифологически-фольклорным «двойником».

Философ Н.М. Теребихин говорит о семиотической революции Петра I, ориентацию на «знаковое преображение России, на “новизну”, на установление нового символического порядка, на достижение эсхатологического “нового неба и новой земли”…»[1] Она предполагала трансформацию и инверсию географического, исторического, социального и иных пространств. К семиотическим трансформациям философ относит календарную реформу, изменение царского титула, превращение обыденной одежды в форменную, которая стала знаком сословной, конфессиональной и профессиональной принадлежности[2].

Наряду с этим отмечаются:

общий инверсионно-карнавальный стиль «выворачивание наизнанку»;

личное преодоление Петром водной стихии;

понимание царя как «динамического центра», формирование и новой динамической модели «российского космоса» (в противовес «статике» допетровского времени: «неподвижному сидению-восседанию на престоле»)[3].

Одним из показательных взаимодействий фигуры Петра I и геокультурного пространства Русского Севера является вынужденная остановка государя в Пертоминском монастыре (Летний берег Белого моря) в связи с бурей в Унской губе во время его путешествия на Соловки.

Это взаимодействие представляется глубоко символическим и носит более длительный характер, чем события 1694 г.

Говоря о времени, предшествующем вынужденному посещению Петром Пертоминска, стоит остановится на личности настоятеля монастыря, иеромонаха Михаила Харзеева, который, по мнению автора, стал своеобразным «гением места»[4]. К нему был расположен Новгородский митрополит Корнилий, что, вероятно, способствовало взаимодействию настоятеля с Москвой, которую он посещал почти каждый год с ходатайствами по хозяйственным делам монастыря: Пертоминск получает жалованные деньги, земли, угодья, подтверждена его независимость и даны гарантии. Михаил Харзеев мог беспрепятственно передвигаться по стране, в Вологде у него было право получить в собственность крытый дощаник или купить его беспошлинно. Именно по его челобитью в 1685 году за монастырём жалованной грамотой закрепляют все его владения. Монастырь процветал. Началом упадка, по мнению исследователя Приклонского, стала передача Пертоминского монастыря вновь образованной Холмогорской архиепископии. Однако позиции монастыря достаточно крепки: исследователь Приклонский отмечает, что ещё в 1684 г. подчёркивалось, что «великие государи и их сестра – царевна Софья Алексеевна имеют к Пертоминскому монастырю особое призрение»[5].

Известно, что в 1689 году, вероятно, в поисках влиятельной поддержки, Михаил Харзеев и архиепископ Афанасий отправляются в Москву. Но в этой борьбе Харзеев проиграл и «пертоминский строитель», чернец Михайло Харзеев оказался в кандалах. Дальнейшая его судьба оказалась весьма незавидной[6].

Возвращаясь к началу царствия Петра I, важно отметить, что с социально-политической точки зрения, лишившись своего «гения места», монастырь постепенно сходил с арены. Однако вмешиваются иные обстоятельства. Как сдержанно в 1927 году сообщает Приклонский, «при настоятеле Лаврентии летом 1694 года проездом на Соловки здесь побывал Пётр I, с ним был и Архиепископ Афанасий. Их занесла и задержала буря на море. В эти дни произошло свидетельствование мощей Вассиана и Ионы, причём найдены останки только одного из них /…/ Пётр был верен себе и всё время думал о флоте»[7].

Обращаясь к документу Епископа Макария, мы обнаруживаем Петра, предоставившим себя воле высших сил: «Как раб и поклонник Бога Вышняго, думая уже о последнем часе /…/ с упованием на милосердие Божие, стал ожидать свое, стал ожидать того конца, который укажет ему Господь. Смирение, упование на Бога, а может быть, и молитвы Пертоминских угодников, спасли его драгоценную жизнь /…/»[8]. В документе Добровольского сделаны несколько иные акценты: «Архиепископ Афанасий отслужил молебен, после которого государь исповедался /…/ приготовившись как подобает истинному христианину встретить смерть, но не потерял присутствия духа или, как выражается Голиков, «не потерял резолюции»[9].

Также Н.М. Теребихиным, вслед за Н.А. Криничной, отмечается некий «неканонический эпизод», когда во время вышеуказанной бури Пётр даёт обет побывать в Риме и поклониться мощам святого апостола Петра[10]. Также необходимо помнить и о зримой двойной инверсии, произведённой в Пертоминске: в память о своём спасении самодержец ставит крест с голландской надписью, подписываясь «капитаном Петром»[11].

---

[1] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2020. С. 159

[2] Там же. С. 159.

[3] Там же. С. 160.

[4] *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря [Электронный ресурс] / [Иван Добровольский]. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1896. http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2012/10kp079.pdf

[5] *Приклонский А.П.* Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря 1620–1796 гг. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. С. XIII. (Материалы Соловецкого общества краеведения; вып. 15).

[6] Там же. С. XXVI–XXVII.

[7] Там же. С. XXXII

[8] *Макарий.* Историко-статистическое описание Пертоминского мужского монастыря / д. чл. Епископа Архангельского (ныне Новгородского) [Электронный ресурс]. Москва: Изд. Имп. О-ва истории и Древностей Российских при Моск. ун-те, 1882. С.7.

[9] *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. С. 24.

[10] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера: монография. С. 171.

[11] Там же. С. 171.

Примечательно, что знаменитый позднесоветский художественный вариант интерпретации этой истории полностью лишает как молодого самодержца, так и само событие какого бы то ни было сакрального статуса: «Царь Пётр струхнул, и напрасно историки былых времён утверждали, что в эту ужасную бурю одно лишь лицо Петра, смотрящего на яростное море, казалось спокойным»[12]. Автор решал совершенно иную задачу, нежели его предшественники: показать царя Петра и спасшего его «монастырского крестьянина»[13] Антипу в контексте их взаимодействия со стихией. И в данных обстоятельствах мореход Пётр признал мастерство морехода Антипы. По нашему мнению, смена парадигмы восприятия здесь является не искажением действительности, а результатом проявления полисемичного образа Петра I в XX в., подобным же образом отражающегося в различных народных преданиях. Также автор лишает морскую стихию, традиционно имеющую в описаниях Пертоминска, Соловков и всего Русского Севера сакральный христианский статус своего привычного «места», сохраняя за ней «бытийный» уровень: «Наконец морской бог Нептун успокоил студёное Белое море»[14].

Осмысляя произошедшее в русле сакральной географии Русского Севера, можно отметить, что потеря пути, потеря «кормчей опоры» в путешествии к духовному центру региона-хранителя ценностей всей России носит бытийный статус[15]. Как отметил В.Н. Матонин, «чудесное спасение от гибели в разбушевавшемся море стало для царя положительным ответом на вопрос /… / Угодно ли господу начало нового царствования /…/»[16]. Таким образом, фигура Антипы (Антипа) и вопросы ее интерпретации становятся важнейшим фактором восприятия визита в Пертоминск. Царь доверился крестьянину Соловецкого монастыря, назначив его кормчим, увидев в его «дерзновенном предложении» путь к спасению. В предельной ситуации нарушается привычный социальный порядок в пользу некоего высшего замысла, находится «кормчая опора», которая выводит к Пертоминскому монастырю[17], как к важнейшему элементу Пути к Соловкам: изначальная модель воссоздаётся вопреки социальным тенденциям. Примечательно и симптоматично, что в художественном тексте К.И. Коничева опора сакральная и «соловецкая» тонко заменяется на опору «народную» и «трудовую»[18].

Вслед за Н.М. Теребихиным хотелось бы отметить и двойственный характер «петровых даров»: «Царь в награду за своё спасение подарил искусному поморскому кормщику Антипу Панову свою шапку с особым царским «заклятием-приговором»[19]. Согласно ему, в каждом питейном заведении кормщика должны были угощать бесплатно. Закончилось это печально: «… волшебная шапка-“самопоилка” обернулась для славного северного морехода Антипа Панова своей изнаночной, языческой /…/ подкладкой…»[20].

[12] *Коничев К.И.* Пётр Первый на Севере: Повествование о Петре Первом, о делах его и сподвижниках на Севере, по документам и преданиям написано. Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1984. С.72.

[13] В тексте Епископа Макария Антипа также является крестьянином, а в тексте И. Добровольского Антипа – стрелец Соловецкого монастыря.

[14] *Коничев К.И.* Пётр Первый на Севере. С.75.

[15] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. С.82.

[16] *Матонин В.Н.* «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013. С. 65.

[17] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. С.82.

[18] *Коничев К.И.* Пётр Первый на Севере. С.72, 73.

[19] *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. С. 182.

[20] Там же. С. 182.

Возможно, посещение Петром I не явилось для Пертоминска значимым, но не поворотным в его хозяйстве, однако преобразующая сила культурного героя, «поэта-ономатета», воздействующая как на материальном, так и на сакрально-символическом уровнях действительности, коснулась этого пространства, подтвердив самый высокий порядок, генетическую связь Пертоминска с Соловками, его осмысления как важного элемента Пути между Городом и сакральным центром Русского Севера.

С течением времени пребывание Петра I в Пертоминске и на Соловках трансформировалось в общую мифологему взаимодействия Петра и Летнего берега Белого моря. Например, современный турист К. Бартон записала от местных жителей следующее: «Существует альтернативная версия возникновения названия деревни. Многие знают, что во время своего второго приезда в Архангельск в 1694 г. Пётр Великий отправился на Соловки, но попал в шторм и оказался в Пертоминске – недалеко от Лопшеньги. По этому поводу в деревне родилась легенда, будто в ней побывал сам государь.

Согласно ей, Пётр Великий зашёл в одну избушку, где увидел, как старушка пекла пироги. Указывая на лопату в её руках, император спросил:

– Что это?

– Это лопата, – ответила хозяйка.

Затем петровский взор упал на горку пирогов:

– А это что?

Пирогами оказались шаньги – такие круглые открытые пирожки с картошкой. После этого государь сказал:

– Ну зваться теперь вашей деревне Лопшеньга!»[21]

Образ Петра Первого продолжает влиять и на самосознание жителей группы поселений островов дельты Северной Двины, именуемых Пустошью, по сей день. Поселение позиционируется как родина лоцманов, у чего есть фактические основания. В общественном сознании в связи с празднованием в настоящее время юбилея императора актуализировалась мысль о том, что документ «Грамота на вожение», данный Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем корабельным вожам Ивашке Олтуфьеву и Козёмке Котцову (последний был родом из Пустоши) в 1690 г.[22], был обусловлен чудесным спасением Петра I в его походе на Соловки 1694 г. Таким образом, мы становимся современниками появления новой обобщающей мифологемы о северорусском лоцмане (воже), спасшем Петра, и ставшем причиной дальнейших лоцманских реформ. Это само по себе не мыслится автором работы в категории «ироничное», а является современной иллюстрацией работы описанных ранее механизмов.

Также представляется интересной следующая интерпретация «именующей» функции Петра I. Так, в интервью работникам Музея народных промыслов и ремёсел Приморья 2020 г. жительница д. Залохотье (Пустошь) Диана Фёдоровна Ткачук (Котцова) отмечает, что их предка Козёмку Котцова всегда звали Коземякой и только волей самодержца он стан Козёмкой.

[21] *Бартон К.* Лопата + Шаньга = Лопшеньга. Как туда добраться? // Моя планета [электронный ресурс]: https://moya-planeta.ru/reports/view/lopata_shanga_lopshenga_30815. Дата обращения 11.07.2022.

[22] См., например: *Попов Г.П.* Ногою твердой стать при море...: Штрихи к портрету Архангельского порта. – Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1992. С. 20.

Не обойден «Петровским мифом» и сам топоним «Пустошь». В альбомах по истории поселения (конволютах), составленных работниками культуры поселения и объединённых в сборник сотрудниками Центральной библиотеки Приморского района находим следующее: «Существует легенда, что когда Петр I проезжал реками Северной Двины, (когда ехал на молебен в Кегостровскую церковь), он проезжал мимо пустынного острова.

Петр спросил, как он называется, оказалось, что никак. “Наречем Пустошь” – сказал царь. Вот с того времени и зовется наша деревня этим именем, а фамилия Пустошных стала тоже родовая… Есть еще одна версия: раньше основной административно-территориальной единицей для Северной территории являлась волость, которая делилась на сотки, погосты, починки, пустоши, может и отсюда пошло название.

Но есть и другое мнение о названии деревни. В те далекие времена, когда шла боярская и монастырская колонизация, все земли по берегам Двины и многие другие принадлежали Михайло-Архангельскому монастырю. Старинные переселенцы из Великого Новгорода были людьми вольными, в поисках свободных земель от боярщины и другой неволи…»[23].

В заключение необходимо отметить, что петровская «мифологизация» иных поселений Русского Севера происходила, по нашему мнению, подобно представленным в настоящей работе примерам. Выделяя типичное, стоит отметить, что пространства, пройдя «горнило» петровских семиотических преобразований, будто бы назывались впервые, а не переименовывались. Происходила либо инверсия, либо трансформация исходных смыслов. Результаты деяний Петра в этом смысле носят двойственный характер, вместе с тем, исходя из нашего опыта полевых исследований, их легитимность не встречает жёсткого отрицания. Говоря здесь о Петре I, мы имеем в виду как реальную историческую личность, так и комплекс преобразований, произведённый его мифологическим коррелятом, «двойником», порождающим смыслы по сей день. И в этом плане образ-символ «Пётр I» демонстрирует нам свою устойчивую жизнеспособность в настоящем времени.

[23] Малая моя родина [Электронный ресурс] / Муниципальное учреждение межпоселенческая «Центральная библиотека Приморского района». п. Уемский, 2010. 1 CD-ROM.

А.М. Пашков

ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КАРЕЛИИ В ВОСПРИЯТИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ

В эпоху правления Екатерины II интерес к личности и деятельности Петра I необычайно вырос. Императрица Екатерина всячески подчеркивала, что является продолжательницей дел Петра. Об этом свидетельствует надпись: «Петру Первому Екатерина Вторая» на открытом в 1783 году памятнике царю-реформатору, известному как «Медный всадник». В этот же период возникает интерес к источникам по истории петровской эпохи и петровским артефактам. В 1770 году М.М. Щербатов издал «Журнал или поденную записку… императора Петра Великого с 1698 года…»[1]. В 1793 году появилось первое на русском языке описания личных вещей Петра I – каталог-путеводитель «Кабинет Петра Великого», составленный библиотекарем Кунсткамеры О.П. Беляевым[2]. В эти же годы издается первое историописание петровского царствования, созданное купцом И.И. Голиковым «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России»[3] (Изд. 1-е. Т. 1–12. М., 1788–1789) и его продолжение «Дополнения к “Деяниям Петра Великого”»[4] (Изд. 1-е. Т. 1–18. М., 1790–1797). В это же время начинают создаваться сочинения о пребывании Петра I в отдельных регионах. Здесь в первую очередь нужно отметить анонимное сочинение «О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича… из …Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших…»[5] Большое значение для сохранения памяти о Петре I имел указ Екатерины II «О переименовании Петрозаводской слободы городом Петрозаводском»[6]. Необходимо отметить и влияние на русское общество сочинения Ф.-М.А. Вольтера «Histoire de l’Empire de Russie sous Pierre le Grand»[7] («История Российской империи при Петре Великом») (русский перевод книги вышел только в 1809 году[8]).

Такой общероссийский интерес к личности и деятельности Петра I не мог не найти отклика на территории современной Карелии, где царь Петр неоднократно бывал и где его деятельность имела большое значение. В докладе будут проанали

[1] Журнал или поденная записка… императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира… / Изд. М. М. Щербатов. СПб., 1770-1772. Ч. 1. [8], 460 с.; Ч. 1. Отд. 1. [2], 192 с.; Отд. 2 [Приложения или оправдательные письма]. [6], 193–438, а-е, 439–763, [1].

[2] *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1793. Ч. 1 [6], 170 с; Ч. 2. [2], 154, [4] с.

[3] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России Т. 1-12. М., 1788–1789.

[4] *Голиков И.И.* Дополнения к «Деяниям Петра Великого». Т. 1–18. М., 1790–1797.

[5] О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича… из …Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших… М., 1782. 111 с.

[6] О переименовании Петрозаводской слободы городом Петрозаводском. Именной [указ], данный Сенату [1777 г., 21 марта] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 20. № 14602. С. 514.

[7] *Voltaire F.-M. A. de.* Histoire de l’Empire de Russie sous Pierre le Grand. V. 1-2. [Genève], 1759-1763.

[8] *Вольтер Ф.М.* История Российской империи в царствование Петра Великого. [М.], 1809. Ч. 1. Кн. 1. [4], XLIII, 49–176, [2] с.; Кн. 2. 1–166, 177–201, 2–3–227; Ч. 2. Кн. 1. 156, [2]; Ч. 2. 190 с.

Рис. 1. Академик Иван Иванович Лепехин (1740–1802).

зированы впечатления людей, посетивших петровские памятные места Карелии в годы правления Екатерины II.

Мощным стимулом к изучению петровского наследия в регионах России стали Академические экспедиции – комплексные научные экспедиции по изучению главным образом природных ресурсов и экономики различных регионов России.

В 1771 году участник одной из таких экспедиций Иван Иванович Лепехин (Рис. 1) предложил Академии наук изучить силам своей экспедиции Поморье и, получив согласие, направил экспедицию в Архангельск. В конце августа 1771 года экспедиция добралась до Архангельска. Летом 1772 года И.И. Лепехин покинул Архангельск и по Белому морю добрался на парусно-гребной шняке через Соловки до Кеми, затем вдоль Карельского берега прошел до Кандалакши, оттуда вдоль Кандалакшского и Терского берега до Поноя, а затем, переправившись на Канин полуостров и в сентябре вернулся в Архангельск.

Находясь с 27 по 30 июня в Соловецком монастыре, И.И. Лепехин составил на основе рукописей монастырского архива его подробную историю, в частности, изложив обстоятельства посещения монастыря Петром I в 1694 и в 1702 годах. Для истории Карелии большой интерес имеет сделанное академиком описание похода Петра I в августе 1703 года по Осударевой дороге: «В летописце Соловецкого монастыря присовокуплено, что Государь из Нюхотской пристани отпустил корабли к городу Архангельскому, а сам лесами, мхами и болотами отправился к Повенецкой пристани, отстоящей от Нюхчи в 160 верстах, через которые сделаны были мосты крестьянами Сумского острога и Кемского городка, которые по мостам оным тянули две яхты до Повенецкой пристани оттуда Онежским озером прибыл Государь в Новгород, из коего с войсками пошел на Орешек Шлиссельбург, преславную одержал победу и взял город»[9]. Таким образом, внимание И.И. Лепехина привлекала информация о походе войск во главе с царем Петром по Осударевой дороге. Кроме того, в этом отрывке, вероятно, впервые в научной литературе содержится известие о том, что в походе по Осударевой дороге действительно тащили две яхты (Рис. 2).

В 1772 году на Олонецкие Петровские заводы прибыл президент Берг-коллегии Михаил Федорович Соймонов[10] (Рис. 3). Его отцом был сподвижник Петра I, моряк и картограф Ф.И. Соймонов (1692–1780). В 1771 году М.Ф. Соймонов был назначен президентом Берг-коллегии и вскоре после этого совершил поездку на Олонецкие Петровские заводы.

Целью визита М.Ф. Соймонова было создание здесь нового пушечного завода.

[9] *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 4. В 1772 году. СПб., 1805. С. 32.

[10] Биографические сведения о нем см.: *Соймонов М.Ф.* Автобиография / Публикация М. В. Соймонова // Горный журнал. 1887. № 10. С. 147–180; Горных дел мастер Михаил Соймонов. URL: https://histrf.ru/read/articles/gornykh-diel-mastier-mikhail-soimonov (дата обращения 06.03.2022).

Рис 2. Суриков В. И. Петр I перетаскивает яхты из Онежского залива в Онежское озеро. 1872.

В автобиографии он сообщает краткие, но уникальные сведения об истории Олонецких Петровских заводов и констатирует их упадок: «из пяти бывших при Петре Великом… <заводов> остались только два… а из семи сот приисканных тогда железных и медных рудников остались: …Пергубский и Воецкой». Свою миссию по открытию нового пушечного завода М.Ф. Соймонов рассматривл как продолжение политики Петра I по созданию новых металлургических заводов. Посетил М.Ф. Соймонов и основанный в 1719 году, но заброшенный после смерти царя Петра курорт Марциальные воды и тоже констатировал его упадок: «устроенные для больных гостильницы, …как и дворцы… …погнили и почти совсем разрушились, источник же марциальных вод… засорен». Показательно, что М.Ф. Соймонов приказал расчистить этот источник и расчистив, «нашел ничем не хуже Спасской воды (Вероятно, имеются в виду воды Спа в Бельгии – *А.П.*), исцеляющей обструкции скорым и чудным образом».

В октябре 1779 года в ходе большого путешествия по Карелии и Поморью Петрозаводск посетил этнический швед, академик С.-Петербургской академии наук Э. Г. Лаксман[11] (Рис. 4). В 1769 году он совершил поездку по Южной Карелии и изложил собранные материалы в статье «Экономические ответы, касающиеся до хлебопашества в лежащих около реки Свири и южной части Олонца местах»[12].

Новое путешествие Э. Лаксмана по Карелии состоялось осенью 1779 года. Через Тихвин и Олонец он добрался до Петрозаводска 4 октября и провел здесь

[11] Биографические сведения о нем см.: *Лагус В.Я.* И. Эрик Лаксман: его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890; *Раскин Н.М., Шафрановский И.И.* Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII века. Л., 1971. О путешествиях Э. Лаксмана по Карелии см.: *Пименов В.В, Эпштейн Е.М.* Русские исследователи Карелии (XVIII век). С. 43–51; Петрозаводск *Пименов В.В, Эпштейн Е.М.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII–XIX веков. С. 34–42.

[12] Труды Вольного экономического общества. Ч. 13. СПб., 1769. С. 7–43.

Рис 3. Кинель Ф. Ф. Президент Берг-коллегии Михаил Федорович Соймонов (1730–1804).

12 дней. Находясь в Петрозаводске, Э.Г. Лаксман потребовал от канцелярии Олонецких Петровских заводов информацию «о заводах, рудниках, так по прежних касающихся до заведения заводов достопамятностях», т.е. достопримечательностей (мест, зданий, предметов, достойных особого внимания, замечательных чем-либо)[13]. В подготовленном для академика «объяснении» были даны сведения об основанном в 1707 году Кончезерском заводе и о целебном источнике Марциальные воды. Особенно большой интерес представляют данные о Марциальных водах. Горнозаводские чиновники не могли найти архивных документов об открытии этого петровского курорта, но установили, что его открыл приписной крестьянин Иван Ребоев (Рис 5). В марте 1720 года, во время очередного приезда Петра I на Марциальные воды, И. Ребоев обратился к царю с челобитной, в которой изложил обстоятельства открытия им целебного источника и попросил наградить его за это. Интересно, что сам И. Ребоев был неграмотным, и челобитную за него написал другой крестьянин Петр Кондратьев («к челобитной рука приложена вместо Ивана Ребоева Петра Кондратьева»). Рассмотрев челобитную, Петр I сделал И. Ребоева обельным крестьянином, т. е. освободил его и все его потомство он податей и повинностей и наложил на челобитную свою резолюцию: «За объявление сего, что первой знак лечения на нем означилось, освобождается он и дом его с землею, чем владеет от всех работ и податей. На медных заводах в 22 марта 1720. Петр».

Горнозаводские чиновники выяснили, что оригинал этой челобитной был возвращен И. Ребоеву, затем перешел к его сыну Ефрему Иванову, а от него к внуку Кондрею Ефремову, проживавшему в деревне Половинской (вероятно, это современное село Половина). В эту деревню был отправлен нарочный, который привез К. Ефремова вместе с царской грамотой в Петрозаводск и там с нее была снята копия для Э.Г. Лаксмана.

Остальные «достопамятности», о которых упоминается в «объяснении» канцелярии Олонецких Петровских заводов достаточно хорошо известны. Это чугунная доска, отлитая начальником Олонецких Петровских заводов В.И. Генниным перед его отъездом на Урал с изложением обстоятельств открытия Марциальных вод: «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы его царского величества Петра Первого императора всероссийского и для протчей всенародной пользы тщанием и искусством его величества всенижайшаго раба артиллерии полковника и коменданта олонецкого господина Георгиа Вильгельма Геннина[14],

[13] Современный толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. 2000 г. [Электронный ресурс] URL: https://translate.academic.ru/достопамятность/ru/ (дата обращения 23.02.2022).

[14] Геннин Вилим Иванович (Георг Вильгельм де Геннин) (1676-1750) – горный инженер и управленец, в 1713–1722 годах – начальник Олонецких Петровских заводов.

рождение его в Насосиген[15], и помянутой источник объявлен в прошлом 1716-ом году» (Рис. 6).

Другой источник, на который ссылается «объяснение» – это книга указов Петра I, изданные с 1714 по 1725 годы[16], в которой опубликованы «Подлинные дознания о действе Марциальныя Кончезерския воды, разными человеки изыскано, херургием Равелиным, в 1718 году, в месяце генваре»[17]. Там хирург Антоний Равинель (Равелин) приводит примеры успешного лечения больных водой из Марциальноводского источника. Относительно царского дворца в Марциальных водах в «объяснении» отмечалось, что он нуждается в ремонте («поправлении»), об этом еще в ноябре 1773 года было направлено представление, но «на то в резолюции ничего не последовало»[18].

Рис 4. Академик Эрик Густавович Лаксман (1737–1796).

Известно, что, находясь в Петрозаводске, Э. Лаксман сам совершил поездку на простаивавший тогда Кончезерский завод и заодно, вероятно, осмотрел Марциальные воды.

Хотя Э.Г. Лаксман не опубликовал результаты своей экспедиции на Север, но его материалы вошли в вышедшую на немецком языке книгу академика П.С. Палласа «Новый северный вклад в физико-географическое описание Земли и народов, естественную историю и экономику»[19].

Летом 1785 года путешествие по побережью Ладожского и Онежского озер совершил академик Николай Яковлевич Озерецковский[20] (Рис. 7). В 1768 году 18-летний Николай попал в Оренбургский отряд И.И. Лепехина. Зимой 1771 года Н.Я. Озерецковский был послан в самостоятельную поездку для изучения Поморья. Он прибыл в Архангельск, а оттуда морским путем добрался до Колы, где прожил целый год. По итогам этой поездки он создал работы «Кольский уезд»[21], «Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого носа»[22] и «Описание Колы»[23]. В Архангельск ученый вернулся по зимнему пути через Кандалакшу и Онегу. В С.-Петербург

[15] Насосиген – Нассау-Зиген, княжество на северо-западе Германии.

[16] Указы блаженныя и вечнодостоиныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссиискаго, состоявшияся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число, 1725 году. СПб., 1739.

[17] Там же. Паг. 1-я С. 80–82.

[18] Данная чугунная доска хранится сейчас в музее «Марциальные воды» (филиал Национального музея Республики Карелия).

[19] *Pallas P. S.* Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. Bd. 1–4. St. Petersburg, Leipzig, 1781–1783.

[20] Биографические сведения о нем см.: *Биржакова Е.Э.* Озерецковский Николай Яковлевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К – П. СПб., 1999. С. 377–379.

[21] <*Озерецковский Н.Я.* Кольский уезд> // *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. В 1771 году. СПб., 1780. Паг. 2-я. С. 372–374.

[22] *Озерецковский Н.Я.* Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого носа // Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 4. В 1772 году. СПб., 1805. С. 83–122.

[23] *Озерецковский Н.Я.* Описание Колы // Месяцеслов исторический и географический на 1796 год. СПб., [1796]. С. 37–69; Он же. Описание города Колы, что в Российской Лапландии // Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С. 1–82.

Рис 5. Поморцев Б. Н. (род в 1932 г.). Иван Ребоев у открытого им источника.

экспедиция вернулась в 1774 году. К тому времени Н.Я. Озерецковский сформировался как ученый.

Летом 1785 года Академия наук направила Н.Я. Озерецковского в экспедицию по Ладожскому и Онежскому озерам[24]. На небольшой парусно-гребной лодке – сойме, длиной около 7 метров, академик прошел по Неве в Ладожское озеро, обошел его вдоль берега по часовой стрелке, посетив Кексгольм (ныне Приозерск), Валаам, Сердоболь (ныне Сортавала) и Олонец. Затем через Свирь он вышел в Онежское озеро, прошел вдоль его западного берега, побывав в Петрозаводске, Кончезеро, Марциальных водах, затем вдоль Заонежья добрался до Повенца, совершил оттуда сухопутную поездку в старообрядческие монастыри Данилово и Лексу, а затем вдоль восточного и южного берега Онежского озера, через Свирь, вдоль южного берега Ладожское озера и Неву вернулся в С.-Петербург. Итого этого путешествия Н.Я. Озерецковский изложил в статье «Обозрение Онежского озера»[25] и сочинении «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому»[26].

Петровская тема присутствует в путевых очерках Н.Я. Озерецковского постоянно. Академик подчеркнул роль царя Петра в основании Петрозаводска: «Основание положил сему городу государь Петр I в 1703 году построением тут двух заводов, медиплавиленного и железного, для литья военных орудий, почему до 1777 года и назывался он Петровским заводом». Эта информация не вполне точная, медеплавильный завод возник только в 1755 году, Петровский железоделательный завод был закрыт в 1734, а медеплавильный – в 1783 году. Из достопримечательностей Петрозаводска Н.Я. Озерецковский отмечает Петропавловскую церковь: «…Соборная во имя апостолов Петра и Павла построена государем Петром I. В ней иконостас писан чужестранными живописцами в бытность государя на Петровских заводах, и на образе Иоанна Богослова подпись латинская «Iohannes». Видом церковь сия круглая, осьмиугольная, с четырьмя вокруг перилами, в некоторых окнах оконницы в них слюдяные» (Рис. 8). Здесь опять допущена неточность: Петропавловская церковь была сооружена не позднее 1706 года, а Петр впервые приехал сюда только в 1719 году.

Упоминается в «путешественных записках» и путевой дворец царя с разбитым вокруг парком: «Наместнический дом есть ветхое деревянное здание, лежащее возле соборной церкви у березовой рощи, насаженной государем Петром I при дворце, для пребывания его на Петровских заводах построенном, которого ныне видно только основание».

В своем сочинении Н.Я. Озерецковский дает характеристику городам Олонецкой губернии. Причем в описании Повенца он упоминает о пребывании там царя Петра: «Император Петр Первый после путешествия своего в 1702 году на судах в Соловецкий монастырь, вышед на берег у Нюхотской при Белом море лежащей волости, продолжал оттуда путешествие сухим путем до Повенецкой пристани и, отправясь с оной по Онежскому озеру водою, избрал для устроения Петровского и других заводов речку Лососинку, при которой находится ныне губернский город Петрозаводск». Здесь Н.Я. Озерецковский опять допускает неточность: во время похода 1702 года Петр I не мог выбирать место для закладки завода на реке Лососинке.

Посетил Н.Я. Озерецковский также Кончезерский завод и Марциальные воды. Подробное описание истории Кончезерского завода он начал с фразы: «Завод сей построен в 1707 году по указу государя Петра I». Из всех петровских «достопамятностей» наибольшее внимание академик уделил Марциальным водам. Он подробно описывает три дворца, находившихся у источника: «…от деревянных дворцов, которые при государе Петре были там построены. Всех дворцов было три, из коих один стоял на равнине между двумя горами у Марциальных вод, который в 1782 году сломан советником Ярцовым[27]… По правую руку сего дворца, в 40 от него саженях, на средине горы стоит другой дворец о четырех покоях с одними сеньми, в котором жила государыня Екатерина I в бытность свою на Марциальных водах. Наверху горы есть третий дворец без окон, в котором никто не жил». Внимание Н. Я. Озерецковского привлекла и построенная в 1721 году церковь: «В 50 саженях от сломанного дворца стоит деревянная церковь Петра и Павла, в которой образа Спасителев, Богоматери, апостола Петра, чудотворца Николая, Иоанна Златоуста и Александра Невского написаны хорошею живописью еще при государе Петре I» (Рис. 9). Кроме дворцов и церкви у источника имелись и другие постройки: «У вышеобъявленного сломанного дворца была мыльня, которой больше нет, и токарня, которая совсем обвалилась, а осталась пятиугольная с крышкою беседка, в которой находился марциальный колодезь, вода в нем весьма мутная и на вкус

[24] Подробнее об этой экспедиции см.: *Пименов В.В, Эпштейн Е.М.* Русские исследователи Карелии (XVIII век). С. 52–74; *Пименов В.В, Эпштейн Е.М.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII–XIX веков. С. 42–58; *Кошечкин Б.И.* Академик Н. Я. Озерецковский и его путешествие по великим озерам северо-запада России // Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 5–31.

[25] *Озерецковский Н.Я.* Обозрение Онежского озера // Месяцеслов исторический и географический на 1791 год. СПб., [1796]. С. 41–122.

[26] *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. 335 с., 13 л. илл.; Он же. Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812. 561 с., 16 с. илл. См. также новейшее издание: Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. 206, [2] с. (все цитаты далее даны по этому изданию).

[27] Ярцов Аникита Сергеевич (1736-1819) – горный инженер и управленец, в 1774–1782 годах был начальником Олонецких горных заводов.

Рис 6. Чугунная доска, отлитая по распоряжению начальника Олонецких Петровских заводов В. И. Геннина перед его отъездом на Урал с изложением обстоятельств открытия Марциальных вод. Фото Я.А. Пекарского. 1881 г.

землистая».

В сочинении Н.Я. Озерецковского приведены сведения об открытии этого целебного источника. Он также осмотрел чугунную доску, отлитую В.И. Генниным («В упомянутой беседке, окружающей марциальный колодезь, висит на стене чугунная доска с такою надписью…»), но вместе с тем признает, что «воды сии открыты не полковником Геннином, а молотовым работником Иваном Ребоевым». В доказательство этого Н.Я. Озерецковский привел текст челобитной Ивана Ребоева на имя царя Петра, поданной в 1720 году и собственноручную резолюцию на ней Петра I: «За объявление сего, что первой знак лечения на нем означился, освобождается он, и дом его землею, чем владеет, от всех работ и податей на медных заводах, в 22 марта 1720. Петр». И, наконец, у Н.Я. Озерецковского приведен текст еще одной чугунной доски: «Другая чугунная доска, поменее первой, находится в токарне и содержит такую надпись: “Строено радением и трудами артиллерии Полковника и Олонецкого Коменданта господина Георгия Вильгельма Геннина в 1718 году”».

Сведения Н.Я. Озерецковского о петровских достопримечательностях и памятных местах нужно оценивать с учетом того, что их автор был в первую очередь естествоиспытателем, а главной задачей его экспедиции было изучение природных ресурсов, полезных ископаемых и экономики побережья Ладожского и Онежского озер (промышленности, сельского хозяйства, торговли, промыслов и т. д.) для улучшения снабжения С-Петербурга произведенной там продукцией по наиболее удобным и дешевым водным путям. Изучение истории края не было приоритетом, поэтому привлекаемые им исторические материалы зачастую носят неточный и приблизительный характер. Исключением может быть только раздел, посвященный Марциальным водам, поскольку Н.Я. Озерецковскому были близки сюжеты на стыке химии, геологии и истории и в то же время напрямую связанные с личностью Петра I. В то же время постоянные упоминания о Петре и его деятельности на территории этого региона говорят о том вкладе, который этот царь внес в его развитие и о том, что деятельность царя Петра была жива в исторической памяти местного населения.

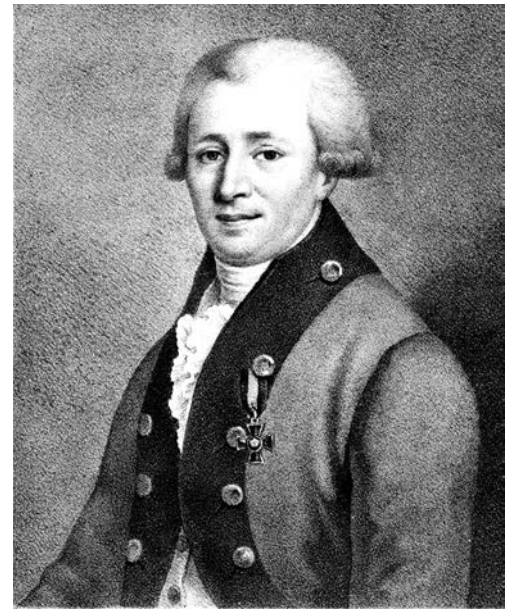


Рис 7. Академик Николай Яковлевич Озерецковский (1737–1796).

Практически в одно время с Н.Я. Озерецковским путешествие по Олонецкому краю совершил правитель Олонецкого наместничества и известный поэт Гаврила Романович Державин[28] (Рис. 10). 20 мая 1784 года Екатерина II подписала указ о назначении Г.Р. Державина правителем только что образованного Олонецкого наместничества (в литературе часто эту должность называют «губернатор Олонецкой губернии»)[29].

Поэт прибыл в Петрозаводск в сентябре 1784 года и сразу приступил к своим обязанностям. 19 июля 1785 года Г.Р. Державин отправился в большое путешествие по Олонецкой губернии[30], в ходе которого посетил места, связанные с деятельностью Петра I. В «Поденной записке» (дневник путешествия, который вели помощники Г.Р. Державина А.М. Грибовский и Н.Ф. Эмин, но редактировал, а иногда и диктовал текст сам Г.Р. Державин) подробно изложена история петровского курорта Марциальные воды:

«В оном же самом месте были и врачебные железистые воды, открытые во времена Петра Великого, как сказывают, заводским крестьянином, донесшим об оных командовавшему Петровскими заводам полковнику Геннингу. Здесь видны еще остатки как двух дворцов, так и целебного колодезя…

Целебный колодезь построен наподобие башни, в коей в середине вырыт ларь, хранивший в себе воду. На левой стороне оного находится железная доска с следующей надписью: “Сей источник исцелительной марциальной воды…”

Помянутый источник объявлен в прошлом 1716 году; при врачебных водах сих воздвигнута церковь в 1721 году, которая и освящена в присутствии Петра Великого. Иконостас и местные образа привезены из Лодейного поля, кои все хорошей живописи. В алтаре же имеется в два аршина эстамп, представляющий распятие Спасителя, в коем как искусство, так и размер везде видны. Других строений, кроме ветхих двух дворцов, домов священника и дьячка, хижины рабочих[31] и анбара для

[28] Биографические сведения о нем см.: *Западов В.А.* Державин Гаврила Романович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. СПб., 1988. С. 249–259; *Грот Я.К.* Жизнь Державина. М., 1997. 685 с. (1-е изд.: Грот Я.К. Биография поэта // Державин Г.Р. Сочинения в 9 томах. Т. 8. СПб., 1883. [4], VIII, 1044 с.)

[29] О деятельности Г. Р. Державина на территории Карелии см.: *Грот Я.К.* Жизнь Державина. С. 238–267; *Эпштейн Е.М.* Г.Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 1–88.

[30] Подробнее см.: Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // *Эпштейн Е.М.* Г.Р. Державин в Карелии. С. 89–133.

[31] В то время в Марциальных водах существовал купоросный завод – прим. автора.

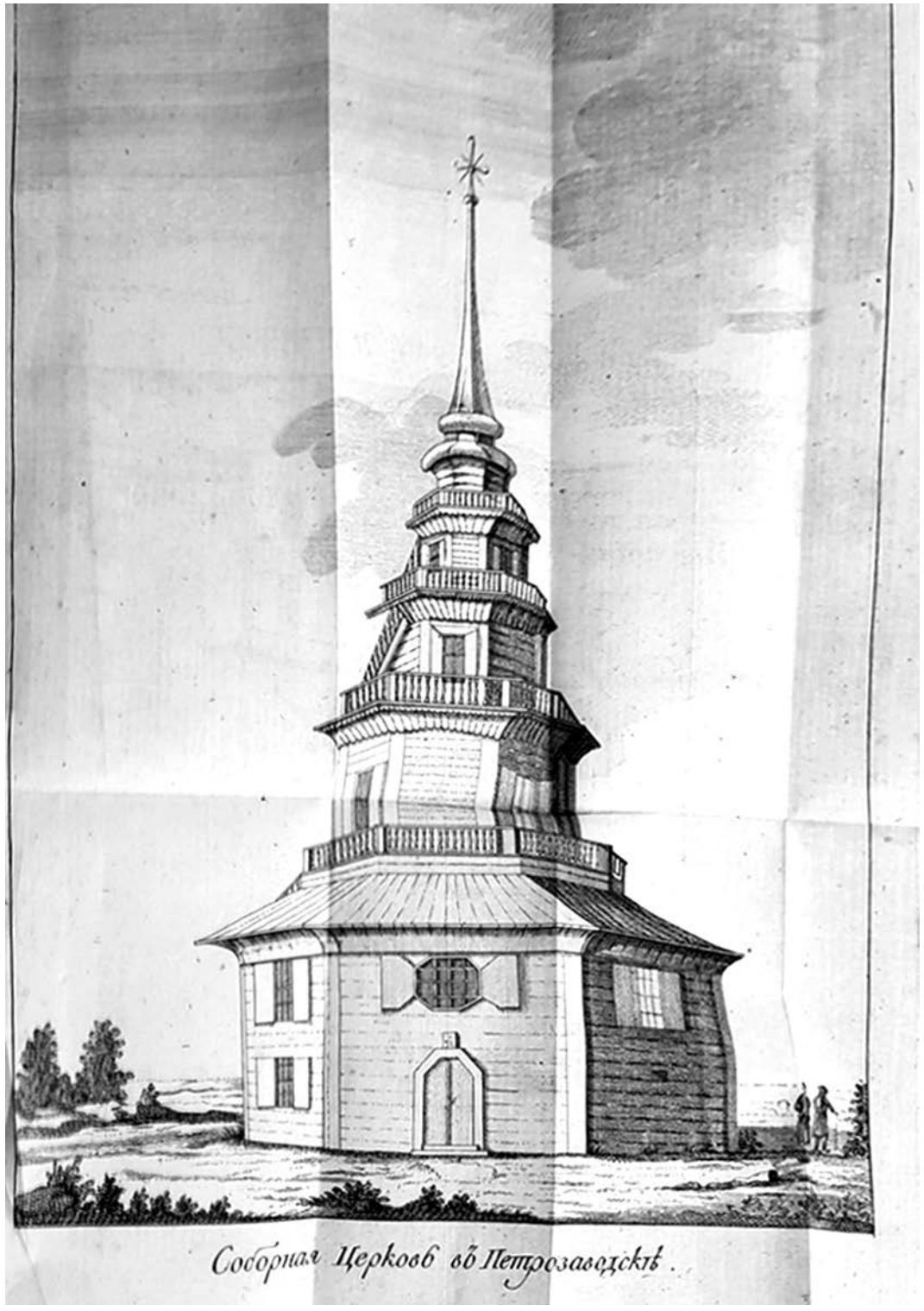


Рис 8. Петропавловская соборная церковь в Петрозаводске (из книги Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому». СПб., 1792).

Рис. 9. Петровская церковь в Марциальных водах. Построена в 1721 году. Современное фото.

материалов, никаких не находится».

Второй раз Г.Р. Державин упоминает Петра I в описании города Повенца: «Повествуют, что Петр Великий в 1701 году, возвращаясь из города Архангельска, назначил место сие быть городом, и по его повелению построены были чугунные и железные заводы, где и литы были чугунные пушки и другие военные припасы. Заводы сии состояли казенными по 1727 год, потом были отданы на откуп Вытегорского погоста государственному крестьянину Трофиму Колчеву, а в 1734 году действие остановилось и теперь видны только одни знаки».

В «Поденной записке» имеются отголоски многочисленных преданий о посещении царем Петром Петропавловской церкви Повенца[32]: «Сведав о храме, ревностный в вере монарх сей, что несет имя ангела, хранителя его, повелел служить благодарственный молебен, и в знак чистосердечной радости поселяне, увидев на берегах своих мудрого из царей царя, увенчали место пристани построением на оной часовни».

Таким образом, все упоминания о Петре I «Поденной записке» носят весьма поверхностный, приблизительный и даже неточный характер, основаны только на устной традиции и относятся только к Марциальным водам и Повенцу. О Кончезерском заводе говорится без всякой связи его с Петровской эпохой, а об Осударевой дороге не сообщается вообще ничего. Г.Р. Державина интересовали в первую очередь демография, статистика, экономика и иногда этнография разных местностей,

[32] См. «Воротный остров» в «Указателе географических названий» (*Урванцева Н.Г.* Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера. СПб., 2021. С. 157).

Рис. 10. Гаврила Романович Державин (1743–1816).

а исторические сведения касаются, в основном, допетровского времени.

Летом 1791 года поездку по Олонецкой губернии совершил Петр Иванович Челищев[33]. Он был человеком глубоко верующим, часто ездил на богомолье и делал большие пожертвования монастырям. После того, как его отец принял монашеский постриг, П.И. Челищев, не имевший опыта управления имением, разорился и оказался в долгах.

В 1791 году П.И. Челищев совершил большое путешествие по северу Европейской России и посетил Олонецкую губернию. Целью этой поездки было, вероятно, паломничество по северным монастырям. В ходе этого путешествия он вел дневник, в котором подробно характеризовал природные ресурсы, занятия населения, достопримечательности, быт и нравы местного населения[34].

В «Дневнике» П.И. Челищева почти ничего нет о петровских памятных местах на территории Карелии. Это объясняется, во-первых, тем, что маршрут его поездки пролегал мимо основных петровских памятных мест. От истока Свири П.И. Челищев прошел по маршруту Рыбрека – Брусенский остров – Климецкий монастырь – Кузаранда – Палеостровский монастырь – Пигматка – Воицкий рудник – река Выг – Сорока – Кемь – Соловецкий монастырь. Основные петровские места (Петрозаводск, Кончезерский завод, Марциальные воды, Повенец) оказались в стороне. Во-вторых, внимание П.И. Челищева приковано к изучению населения, действующих предприятий и подробнее всего к монастырям. Поэтому о заросшей кустарником и лесом Осударевой дороге он даже не упоминает, хотя и пересекал ее.

Впрочем, в «Дневнике» есть отдельные упоминания о петровских памятниках. Так, в описании города Лодейное поле П.И. Челищев замечает: «Во оном вновь строящемся городе одна деревянная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Оная церковь построена была первым российским императором Петром Великим. Но как она за древностию к отправлению службы не способна, то на самом же том месте точно такая ж и с таковым же внутри и снаружи украшением недавно построена новая. Здесь Петром Великим для строения на берегу реки Свири военных кораблей, фрегатов и прочих судов [основано] адмиралтейство и доки, в которых и теперь строят всякие военные суда, кроме кораблей». Таким образом, в соответствии с целями путешествия, внимание П. И. Челищева привлекают только культовые сооружения и действующие предприятия.

Весьма любопытно его замечание в описании Палеостровского монастыря в Заонежье: «…между оных церквей деревянная часовня, в которой препочивают

[33] Биографические сведения о нем см.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Челищев Петр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. СПб., 2010. С. 397–401.

[34] *Челищев П.И.* Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1886. XII, 315 с. Новейшее издание: Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. М., 2009. 304 с. (все цитаты далее даны по изданию 1886 года).

под спудом мощи преподобного Корнилия, уроженца псковского, начальника и строителя из своего имения оного монастыря, кои хранятся в запечатанной Петром Велики гробнице». Такие же факты П. И. Челищев сообщает и о мощах Иоанна и Логгина Яренских, хранившихся в упраздненной Яренской пустыньки Соловецкого монастыря на побережье Белого моря на полпути из Соловков в Архангельск: «Мощи же Иоанновы открываются, а Логгиновы Петром Великим запечатаны». Здесь речь идет о проходившей при Петре I с марта 1722 года борьбе с ложными мощами, в ходе которой было прекращено почитание многих местночтимых святых[35].

Подробный рассказ посвящен пребыванию в Пертоминском монастыре Петра I, который укрывался там от бури со 2 по 6 июня 1694 года. Сначала П.И. Челищев пишет об освидетельствовании царем мощей Вассиана и Ионы Пертоминских: «…по некоторым же чудесным явлениям государь Петр Великий в проезд свой в 1694 году из города Архангельского в Соловецкий монастырь со всем своим флотом от чрезвычайной, вдруг сделавшейся бури, был забежавши в Унскую губу, и оные мощи с бывшим при нем архиереем и синклитом свидетельствовал. Во время же оного свидетельства нашли кости на одного преподобного, кои сим великим государем запечатаны, однако ж велено оным преподобным издать и отправлять службу обоим». Действительно, Петр I посчитал причиной своего спасения в бурю заступничество Вассиана и Ионы и приказал канонизировать обоих, хотя при освидетельствовании были найдены мощи только одного из них. Вскоре было написано «Сказание о явлении и чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских»[36] (единственный источник, в котором сообщалось об их канонизации), и в память о них составлена служба. Но уже на протяжении большей части XVII века они почитались как чудотворцы[37], то есть представляли собой так называемых «народных святых»[38]. Вассиан и Иона были канонизированы в чине преподобных. Это был единственный случай, когда причисление к лику святых состоялось по инициативе и при непосредственном участии Петра I.

П.И. Челищев не мог обойти своим вниманием знаменитый Пертоминский крест и историю его появления: «В память же того своего пришествия и от той морской опасной бури спасения, изволил сделать своими руками большой деревянный четвероконечный крест, и сам же нес и поставил возле оной часовни. А как тот крест за погнитием в земле с того места вынут и поставлен в Успенской каменной церкви, то я, будучи теперь во оном монастыре, на самом же том месте поставил небольшой деревянный крест с вырезанною на нем следующе. Надписью: “На сем месте водружен крест Петром Великим, деланный им, а обновлен его подданным и почитателем Петром Челищевым. 1791. VII”. Его величество проехал было мимо сего монастыря в проезд свой в Соловки, но по преданию жителей известно, что восставшая нечаянно чрезвычайная буря подвергла жизнь его опасности, и того, по совету будто кормчего, изволил он решиться с своим флотом забежать в помянутый залив или губу и отдохновение взять в сей обители. И в ту свою бытность на достроение означенной Успенской каменной церкви пожаловал 2880 золотых гривен, для оборонительства от набегов иноземцев несколько медных пушек, пороху и на содержание живших там тогда монахов определил годовое жалованье, довольное

[35] *Крашенинникова О.А.* Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (часть 2) // Культурное наследие России. 2016. № 1. С. 50–51.

[36] *Белоброва О.А., Симонов А.Н.* Сказание о явлении и чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3. П–С. СПб., 1998. С. 454–457.

[37] Книга глаголемая. Описание о российских святых: С прибавлением полного списка русских. святых / Публ. и доп. М. В. Толстого. [Репринт. воспроизведение изд. 1888 г.] М., 1995. С. 161.

[38] *Симонов А.Н.* История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. СПб., 2011. С. 9–13.

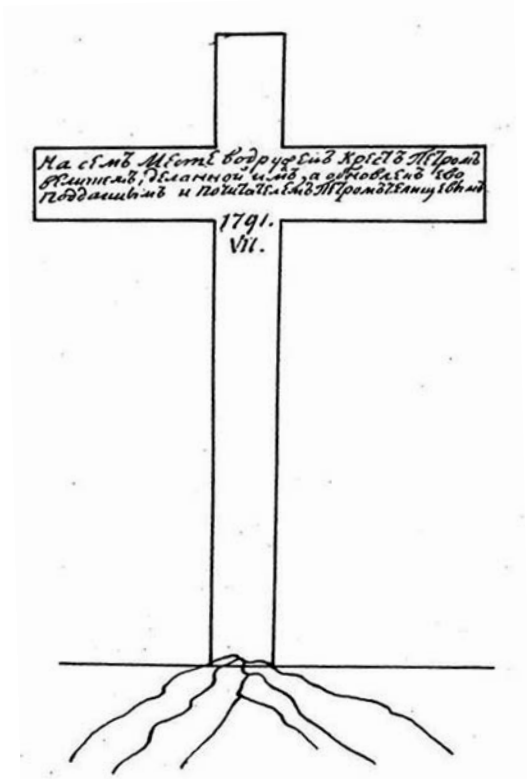


Рис. 11. Крест, поставленный П. И. Челищевым в Пертоминском монастыре в июле 1791 года (из книги П. И. Челищева «Дневник путешествия по северу России в 1791 году». СПб., 1886).

число рыбных ловель и для содержания скота сенных покосов» (Рис. 11).

Эта информация П.И. Челищева, хотя и носит неконкретный характер, в целом подтверждается другими данными[39].

В целом приведенные в «Дневнике» П.И. Челищева сведения о пребывании и деятельности Петра I на Севере обусловлены паломническим характером его поездки и основаны, главным образом, на преданиях и артефактах.

Анализируя свидетельства путешественников и исследователей, оказавшихся на территории Карелии в екатерининскую эпоху, можно сделать вывод, что их, конечно, привлекали места, связанные с пребыванием там Петра I. Во второй половине XVIII века петровская эпоха уже окончательно стала достоянием истории, ушли из жизни ее последние представители, но интерес к ней не проходил. Уже тогда были сделаны первые шаги по ее научному изучению, стали публиковаться источники и исследования, но основными источниками петровского дискурса оставались предания и артефакты. Письменные свидетельства использовали только И.И. Лепехин и Э. Лаксман.

Путешественники и исследователи, побывавшие на территории Карелии во второй половине XVIII века, решали здесь свои задачи (изучение природных ресурсов, сбор статистических сведений, паломничество и т. д.). Их привлекали те петровские места памяти, которые они посещали в процессе решения своих собственных задач. Чаще всего авторы писали о Марциальных водах, Кончезерском заводе, Петровских заводах (Петрозаводске) и Повенце, об Осударевой дороге упомянул только И.И. Лепехин. Особняком стоит «Дневник» П.И. Челищева, который интересовался только ролью и местом Петра I в истории православных обителей Русского Севера.

Свидетельства путешественников и исследователей о местах памяти Петра I на территории Карелии позволяют понять в связи с какими событиями и в какой форме историческая память о личности и деятельности этого царя бытовала среди местного населения.

[39] См.. подробнее: *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. Изд. 2-е. СПб., 1896. С. 24–26; *Гостев И.М.* Обетный крест Петра Великого // Мир музея. 2016. № 7. С. 30–33; *Пашков А.М.* Помор Антип Панов в исторической памяти российского общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Т. 21. № 3. Архангельск, 2021. С. 15–26.

З.Г. Андреева

«Я ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ЗНАТЬ». ПЕТРОВСКИЕ РЕАЛИИ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ – КВАРТИРЫ А.Н. ТОЛСТОГО.

В центре Москвы, недалеко от площади Никитских ворот, расположен красивый архитектурный ансамбль, построенный Ф. Шехтелем для Сергея Рябушинского в 1902–1903 годах. После революции, по возвращении М. Горького с Капри в Москву, ему был предоставлен сам особняк Рябушинских, а во флигеле, когда-то предназначенном для проживания прислуги, в 1938 г. поселился Алексей Николаевич Толстой. Так дом 2/6 по улице Спиридоновка стал последним пристанищем писателя. Выбор именно этого дома был не случаен. Он как будто был предначертан самой судьбой. Великий предок Алексея Толстого – сподвижник Петра Великого, известный дипломат, первый граф Толстой – Петр Андреевич, сидя в темнице Семибашенного замка Константинополя в ожидании казни, всю ночь обращался с молитвами к святому Спиридонию, прося его о спасении. И спасение пришло: после дипломатических переговоров на утро его освободили, и, благополучно, избежав снесения головы, он и другие представители графского рода Толстых, стали считать святого Спиридония своим покровителем.

В этом доме на Спиридоновке А.Н. Толстым было написано много произведений, но главным из них, конечно же, стал исторический роман «Петр Первый». Ведь именно петровской теме – изучению самой эпохи, языка петровского времени, портретов сподвижников императора, биографическим коллизиям царя Петра Алексеевича писатель Алексей Толстой посвятил почти 30 лет своей творческой жизни. Известный историк и историк литературы Владимир Владимирович Каллаш, поднеся в дар Алексею Николаевичу в 1916 году книгу «Слово и дело государевы» Н.Я. Новомбергского, не предполагал даже какой драгоценный дар он сделал писателю. А суть в том, что молодого Алексея Толстого давно привлекали реформы Петра, да и сама петровская эпоха в целом. У Новомбергского же (в этих пыточных записках тайной канцелярии Петра) писатель мог почерпнуть весь спектр русского языка петровской эпохи: от боярина до простолюдина. Более того, к этому времени у Толстого практически настольными книгами были труды Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России» И.И. Голикова и др. О том, что петровское время и реформы императора привлекали Алексея Толстого, можно судить по тому, как при посещении букинистических лавок и магазинчиков Толстой особенно интересовался картинами, гравюрами и лубками на тему петровских деяний.

В доме на Спиридоновке: в кабинете, в других комнатах и даже в коридорах можно увидеть множество петровских реалий. Особенно изобилует ими кабинет писателя. Над конторкой, за которой, как правило, стоя работал Алексей Николаевич, висит парадный портрет Петра Первого, как будто напоминая писателю: «Вот он я! Твори!». «Мне надо видеть, чтобы знать», – писал Алексей Толстой. И он действительно видел своих героев, с ясностью галлюцинаций. «Если я пишу, что в залу

Кабинет А.Н. Толстого

ворвались стрелки, я вижу лицо каждого из них и знаю какой жест последует», – утверждал Толстой. Более того своим юным почитателям он прямо говорил, что все его герои приходят к нему в кабинет: говорят, спорят, ссорятся, а ему только остается все за ними записывать. Ему нужен был этот указующий взгляд Петра, висевший над его рабочим местом (конторкой) всякий раз настойчиво напоминающий о себе. Этот портрет считается одним из лучших портретов петровской иконографии. Рука не поднимается написать: «Неизвестный художник». Предположительно, портрет был написан то ли Луи Караваком, то ли И.Г. Таннауэром. Оба они, по приглашению Петра I, работали в России придворными художниками. Именно их пригласил Петр для портретирования при дворе и обучения (что не маловажно) русских художников объемному изображению. Светские портреты уже писались, но их скорее можно было бы назвать парсунами, так как изображения на них были чрезвычайно плоскостными (скорее лики, нежели портреты). Мы, по ряду деталей, манере, мазкам и пр., все же больше склоняемся к авторству И.Г. Таннауэра.

На противоположной стене, прямо напротив портрета Петра расположен парадный портрет императрицы Екатерины Первой (Россия, первая половина XVIII века, неизвестный художник, холст, масло). Мы полагаем, что портрет принадлежит кисти известного французского художника Жана Марка Натье. На то, что это портрет Екатерины, уже в статусе императрицы, указывают определенные атрибуты: королевский мех (горностай), королевские каменья (жемчуга и гранаты), голубая орденская лента Андрея Первозванного. Отсутствует лишь один из важный атрибутов парадного портрета – пышный парик. Практически на той же стене висит парадный портрет еще одной императрицы – Марии Федоровны, супруги императора Павла I. Вот он как раз выполнен в классическом каноне парадного портрета: и королевские каменья, и королевский мех, и голубая лента Андрея Первозванного и, конечно же, пышный парик. Алексей Толстой, глядя на парадный портрет Екатерины (без парика) в разговоре с друзьями всегда шутил: «Вот, и здесь проявила свой характер!».

Парадный портрет Петра I. И.Г. Таннауэр, XVIII век. Холст, масло

Прижизненная маска Петра Первого, висящая рядом с известной посмертной маской Пушкина была подарена Алексею Николаевичу Александром Бенуа, который, как известно, перед своим отъездом в эмиграцию разбирал запасники Эрмитажа. Зная о толстовской приверженности к петровской эпохе, Александр Николаевич Бенуа преподнес ему в подарок одну из четырех эрмитажных масок (Б.К. Растрелли, 1717 год, гипс). Скульптор Бартоломео Карло Растрелли по приглашению Петра I работал в России. Отец выдающегося архитектора Бартоломео Франческо Растрелли, автора знаменитой конной статуи Петра I, целого ряда прекрасных барельефов, хранящихся в Эрмитаже и восковой персоны Петра I (Эрмитаж).

Парадный портрет императрицы Екатерины I. Ж.Натье, Франция, XVIII век. Холст, масло

В кабинете стену над камином украшает большая картина «Петровские корабли» голландской школы живописи (неизвестный художник, первая четверть XVII века, холст, масло). Конечно же, на картине изображены голландские корабли, так как в начале XVII века российского флота еще не существовало. Появился он позже, и именно благодаря Петру I. Но Алексей Толстой упорно называл картину «Петровскими кораблями». Более того, он утверждал, что без них не сможет закончить свой роман. В сущности, А.Н. Толстой был не так уж и неправ. Вспомним пушкинский «Пир Петра» – «...Брантов утлый бот…»! Именно этот самый «утлый бот» был «дедушкой

Прижизненная маска Петра I. Б.К.Растрелли, 1717 г. Гипс

русского флота» – первым судном Петра I, спущенным на воду голландским плотником-корабелом Карштеном Брандтом. Этот и построенные наряду с ним первые петровские корабли были почти копией голландских. Поэтому, эта картина по сей день носит название «Петровские корабли», как того хотел А.Н. Толстой.

Слева от «Петровских кораблей» расположен портрет украинского гетмана Даниилы Апостола, соратника Петра (предка знаменитых братьев Муравьёвых-Апостолов). С этой картиной произошла интересная история. В 1943 году, когда Алексей Николаевич был по делам Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний в Ленинграде, его посетили знакомые ленинградские антиквары. В подарок писателю они принесли портрет гетмана Даниила Апостола (неизвестный художник, вторая половина XVIII века), героя его романа «Петр Первый». А.Н. Толстой был чрезвычайно обрадован, так как нигде, ни в каких источниках не мог найти портретного описания гетмана. Но вскоре радость сменилась огорчением. «Теперь весь роман придется переписывать», – ворчал Толстой. Он-то представлял гетмана чернобровым, черноглазым, статным брюнетом, а получил портрет какого-то невыразительного, на его взгляд, человека – с плешинкой, с усами-мочалкой, безжизненным веком и крючковатым носом. Как же теперь поступить с очередными главами, уже сданными в журнал «Новый мир», где печатался роман. Ведь там Даниил Апостол был описан таким, каким он представлял его себе ранее. Однако многочасовые мучительные поиски решения закончились весьма просто: если в первоначальном варианте было: «В черных глазах его…», то в окончательном варианте написано: «В едином глазу – ночь, озаряемая пожарами гайдамацких набегов…». Недоумений, огорчений и мучений было много, а заменены в итоге лишь два слова.

Мы уже отмечали, что Алексею Николаевичу было чрезвычайно важно «видеть» своих героев. «Мне надо видеть, чтобы знать!» (Вс. Рождественский); «Пока не вижу жеста – не слышу слова» (И. Андроников). В процессе съемок кинофильма «Петр Первый» Алексей Толстой говорил Льву Когану: «…А вдруг рожа не та?.. Я не умею писать портреты, портрет – это застывшее, я вижу человека через жест, движение». Для того чтобы понять эпоху Петра, вжиться в нее, «увидеть» и «услышать» его героев, Алексей Толстой искал, приобретал и выпрашивал у друзей и знакомых предметы, относящиеся к петровскому времени или каким-либо образом связанные с ним. Отсюда в его доме множество портретов Петра I и исторических деятелей той эпохи.

В 1936 году, будучи с культурной и писательской миссией в Чехословакии, Алексей Николаевич имел целый ряд интереснейших встреч и бесед с президентом страны Эдвардом Бенешем. Судя по всему, в одной из бесед Алексей Толстой затро-

Петровские корабли. Голландская школа живописи, XVII век. Холст, масло

нул тему его работы над романом «Петр Первый». Видимо, речи его в адрес Петра и петровской эпохи были настолько вдохновенны, что в итоге Бенеш решил подарить ему живописный портрет архитектора петровских времен за работой (Неизвестный художник, Голландия, XVIII век, холст, масло). На столе у изображенного художника лежат часы, архитектурный инструментарий, небольшая табакерка с выгравированным портретом Петра Первого. Сейчас этот портрет расположен на почетном месте, рядом с «иконостасом» предков А.Н. Толстого по отцовской и материнской линии – Толстых-Тургеневых.

Прямо напротив двери в кабинет, над комодом, висит большая объемная картина – парадный портрет Петра I (неизвестный художник, мозаика, Россия, середина XIX века, спичечные головки, смальта). Это мозаичная копия с живописного портрета художника Поля Деларош. Совершенно уникальная работа, впрочем, как и техника. Работа большая по объему и очень тяжелая, так как на обратной стороне ее можно видеть, что каждый спичечный черенок соединен с последующим тонкой проволокой, дабы спички со временем не расходились. Алексей Толстой очень гордился тем, что является обладателем этого шедевра прикладного искусства.

Гордился он еще одной уникальнейшей вещью – корабельными часами (Голландия, начало XVIII века, бронза, инкрустация). По легенде эти часы кочевали в петровское время с одного флагманского корабля на другой. А вот то, что уж совсем

Даниил Апостол. Россия, XVIII век. Холст, масло

не легенда: эти часы попали к Алексею Толстому в весьма плачевном состоянии. Их часовой механизм практически полностью отсутствовал. Восстановил механизм и придал им соответствующий вид друг Алексея Толстого, ученый, лауреат Нобелевской премии, академик Петр Леонидович Капица.

П.Л. Капица коллекционировал часы, прекрасно зная все знаменитые мировые часовые фирмы. Он был необычным коллекционером: любил чинить часы, разбирался в механизмах любой из фирм, мог выточить недостающие детали, угадать формы поврежденных корпусов и проч. В данном случае Петр Леонидович полностью восстановил утраченный механизм, подарив часам вторую жизнь, вернув их бою уникальный звук множества разбившихся в один миг стёкол.

В доме писателя тема Петра I и его эпохи сопровождала Алексея Николаевича повсюду. Так, выходя из кабинета и проходя в гостиную, он постоянно видел перед собой две живописные жанровые картины с Петром I Вильгельма Августа Голике (Россия, первая половина XIX века, холст, масло). Одну из них он особенно выделял – ту на которой шведский король Карл преклонил знамена своих полков перед Петром I.

Под батальными картинами В.А. Голике стоит уникальный корабельный сундук (Рундук, Франция, первая четверть XVI века, дерево (дуб), резьба, ковка). По легенде этот рундук был привезен в Россию кем-то из «птенцов гнезда Петрова» после первого посольства Петра в Европу.

Здесь же в коридорах, обращают на себя внимание две большие вышивки, обрамленные в тяжелые рамы. На одной из них изображена коронация Екатерины I, которую, как известно, короновал сам Петр, за год до своей смерти (Вышивка, Россия, конец XVIII века, болгарский крестик, бисер). На другой изображен Петр I, ругающий купца за то, что тот привёз гнилые полотна для парусов (Гобелен, Россия, конец XVIII века). Как правило, Алексей Толстой особенно полюбившиеся ему сюжеты вносил в канву своих повествований. Вот и этот гобелен ждала такая участь. В романе «Петр Первый» царь, при том же гобеленном антураже, также ругает за привезенные негодные полотна для парусов, но уже не купца, а самого Алексашку Меньшикова.

В этом году, в год юбилея Петра Великого, фонды музея пополнились новыми экспонатами современных художников, имеющими непосредственное отношение к петровской теме. Это и иллюстрации Аллы Высотской к роману «Петр Первый», и живописные картины Анастасии Гороховой и Анны Сарычевой, а также графика Алисы Бошко.

Приведем здесь лишь несколько из вновь поступивших работ. На картине Анастасии Гороховой изображено озеро Неро (Ростов Великий, 2022г., картон, масло), с которым у Петра связано несколько неприятных часов и ощущений. История была

Архитектор петровских времен за работой. Голландия, XVIII век. Холст, масло

такова. Возмечтал Петр Первый найти подходящее место для строительства кораблей. Приближенные ему указали на старинное озеро Неро, что в Ростове Великом. Озеро, мол, большое, широкое, и выход в Волгу имеется. В нетерпении, по бездорожью Петр тотчас же устремился в Ростов. Промчавшись мимо главных ворот Ростовского кремля, Петр выбежал прямо к озеру. Вот тут-то его и ждало великое разочарование. Никто не поведал Государю, что вода в озере, в самом глубоком его месте едва ли чуть выше царевой головы, а всю остальную глубину водоема составляет ил (сапропель). Увязнув по колено в этом самом сапропеле и обозвав Неро – грязной ростовской лужей – Петр, громко ругаясь, направился искать более подходящие места. Так и не стал Ростов Великий родиной российского флота. А в Ростове и по

Парадный портрет Петра I. Неизвестный художник. Россия. Сер. XIX в. Мозайка

сей день бытует легенда, что разъяренный Петр, увязнув в озёрном иле, потерял свой левый ботфорт. Так и умчался, вон из Ростова, в одном ботфорте.

К сожалению, никто не знает своей участи. Алексей Толстой то хотел довести роман до Полтавской битвы, то вдруг передумывал: «Что я с ним, со старым буду

Корабельные Часы. Голландия, XVIII век. Бронза

делать?». Однако же, что-то еще было бы написано Толстым, но к несчастью тяжелая болезнь и последующий уход прервали как его творческие планы, так и саму жизнь.

Его дом на Спиридоновке продолжает жить такой же динамичной и деятельной жизнью, как и сам Толстой и один из любимых его героев.

Вот и новая работа Аллы Высотской «Страшный сон Алексея Толстого» (Россия, 2021г., пастель), шаржированная картина, на которой Петр журит Алексея Николаевича за незаконченный роман, продолжает музейную жизнь. Алексей Толстой в задумчивости стоит перед тем самым мозаичным парадным портретом Императора и вдруг появляется Петр Первый: «Где второй том романа? Пошто не дописал?!». А на письменном столе, как напоминание о незаконченной работе, лежит страница рукописи романа Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый». Весьма характерный лист. Почти на каждой странице рукописи романа на полях изображены мужские профили, много исправлений и добавлений.

Вначале 2022 года в доме А.Н.Толстого с успехом прошла необычная выставка «Зубы съел и поседел над врачебным искусством». Конечно же, это цитата не из Петра и даже не из писаний Алексея Толстого – она принадлежит Владимиру Ивановичу Далю, именем которого назван Государственный музей истории российской литературы, в состав которого входит Музей-квартира А.Н. Толстого. Однако же это, как будто бы, странное название можно вполне соотнести и с историей Петра Великого. Кроме всего прочего, Петр любил и умел врачевать. Уже к восемнадцати годам император прекрасно владел ланцетом, пускал всем, кто попадался ему на пути, кровь, до изнеможения промывал мыльными клистирами кишки бесконечному количеству стольников, легко и ловко ставил пиявки. Делал он это весьма профессионально, прослушав расширенный, сопровождавшийся хирургической практикой, курс лекций по врачебному искусству в Лейденском университете. С особенной прытью и охотой Петр рвал зубы. Доказательством того, насколько ловко и профессионально у него это получалось, может служить сохранившаяся коллекция вырванных императором зубов.

В Санкт-Петербургском музее антропологии и этнографии хранится «Реестр зубам, дерганным императором Петром Первым». Коллекция состоит из зубов, удаленных царем, и, что особенно примечательно – сломанных среди них нет ни одного. Об этом Алексей Толстой, конечно, в своем романе не писал, но, безусловно,

Петр I. А. Голике. Россия, XIX век. Холст, масло

знал о «многожанровости» петровских устремлений и деяний. Да и информация, на наш взгляд, занимательнейшая.

Представляем здесь две из работ выше названной выставки художника Алисы Бошко: «Петр Первый за любимым занятием – вырыванием зубов», «Петр Первый на фоне кораблей» (Ростов Великий, 2021, графика, сепия).

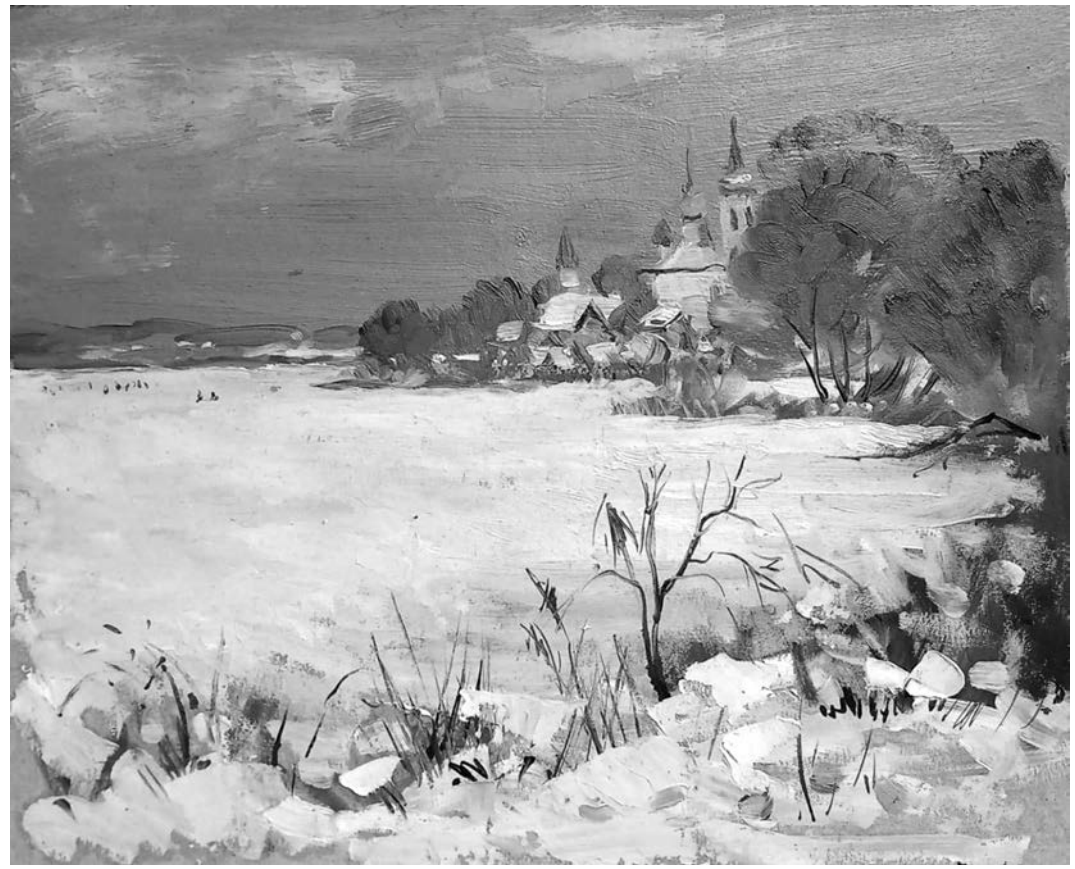
В заключении хотелось бы упомянуть о целом ряде интересных исторических находок, в разные годы принесенных и подаренных нам друзьями дома А.Н. Толстого. Их также можно отнести к петровским реалиям, так как все они были найдены при раскопках в Лефортово и сейчас уже находятся в нашем арсенале. Они еще ждут своей атрибуции, но уже и сейчас помогают нам, как когда-то Алексею Николаевичу, визуализировать эпоху.

Благодаря любимым вещам А.Н. Толстого, находящимся в музее на Спиридоновке, все приходящие в его дом ощущают живое присутствие писателя. И это главное, ради чего бережно сохраняются, изучаются и публикуются все эти интереснейшие, красивые, забавные, иногда парадоксальные раритеты, которые он так любил и берег.

Сундук (Рундук). Франция. XVI век. Дерево(дуб), резьба, ковка

Вышивка Коронация Екатерины. Россия. XVIII век. болгарский крестик. Бисер.

Вышивка Петр I ругает купца за то, что тот привез гнилые полотна для парусов. Россия. XVIII век. Гобелен.

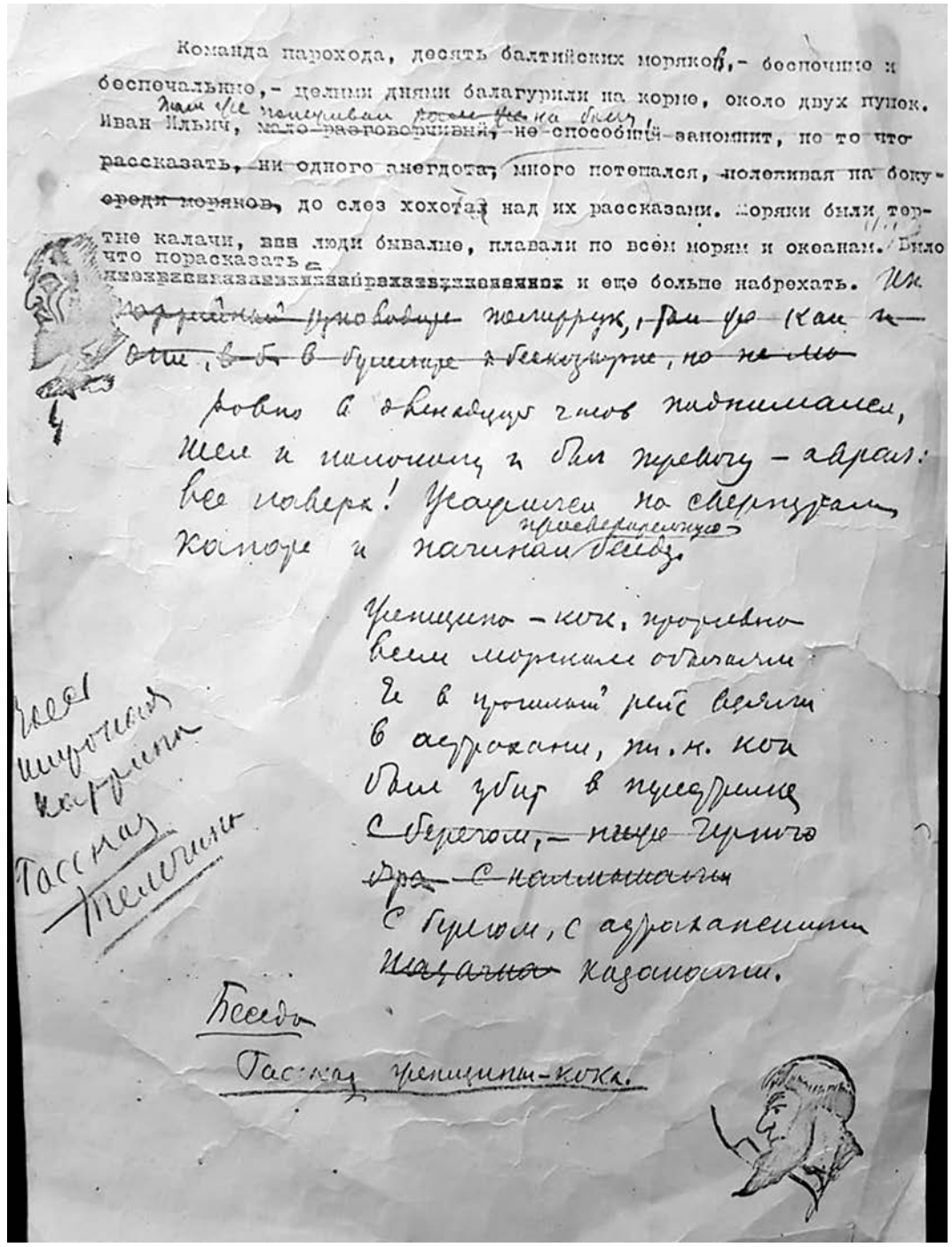


Озеро Неро. А. Горохова. Ростов Великий, 2022 г. Картон, масло

Озеро Неро

Сон Алексея Толстого «Где второй том романа? Пошто не дописал?». А. Высотская. Россия. 2021 г. Пастель.

Сон Петра



Команда парохода, десять балтийских моряков, - беспечные и беспечальные, - целыми днями балагурили на корме, около двух пушек. Иван Ильич, ~~мало разговорчивый, не способный запомнит, но то что рассказать, ни одного анегдота,~~ много потешался, ~~полеживая на боку среди моряков,~~ до слез хохотал над их рассказами. Моряки были тертые калачи, ~~все~~ люди бывалые, плавали по всем морям и океанам. Было что порасказать и еще больше набрехать. Их ~~[illegible]~~ шкиррук, ~~[illegible]~~ ровно в двенадцать часов поднимался, шел к колоколу и бил тревогу - аврал: все наверх! Усаживался на свернутом капоре и начинал ~~беседу~~ просвещенную.

Женщина - кок, прозвана всем морским обычаем. Я в прошлый рейс взяли в астрахани, т.к. кок был убит в перестрелке ~~с берегом, - ниже Черного [illegible] с калмыками~~ с берегом, с астраханскими ~~[illegible]~~ казаками.

Беседа

Рассказ женщины-кока.

Чтец широкая картина

Рассказ Телочина

Страница рукописи «Петр I»

Вырывание зубов. А. Бошко. Ростов Великий. 2021 г. Графика.

Петр I на корабле. А. Бошко. Ростов Великий. 2021 г. Графика.

Конторка в кабинете А.Н.Толстого

А.В. Петров

ОБРАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО В ПОЭЗИИ АНАТОЛИЯ ЛЁВУШКИНА

В 2022 году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося поэта, классика северной поэзии Анатолия Ильича Лёвушкина (13 августа 1922 – 22 августа 2001). В зрелом возрасте, будучи уже известным поэтом, он переселяется из Рязани в Архангельск. И хотя до конца дней своих он оставался верен своей малой родине, дорогой сердцу Рязанщине, посвящая ей немало вдохновенных строк, все-таки главной темой творчества поэта становится Север и суровое северное море.

Анатолий Лёвушкин не понаслышке знал о тяжёлых моряцких буднях, о крутом нраве полярных морей, поскольку вдохновение для своих стихов и поэм, сделавших его признанным поэтом-маринистом, он черпал не в кабинетной тиши, а во время плавания на судах Северного морского пароходства в Заполярье и в Арктику.

В автобиографической «Балладе о сломанной мачте», опубликованной в последнем прижизненном сборнике стихов, поэт пишет: «Средь вольных полей, / среди ласковых рек, / средь тихих берёз / и приветливых клёнов / не юноша - / взрослый уже человек / стал бредить вдруг / морем / и ветром солёным. / И юность / вернулась годам вопреки. / И с отческим кровом / простясь не без грусти, / ушёл человек / от излучин Оки / на север, / к двинскому холодному устью».

Сами названия поэтических сборников или их разделов красноречиво свидетельствуют о творческих привязанностях Анатолия Лёвушкина: сборники «Открытое море» (1967), «Зимний берег» (1973), «Остойчивость» (1978), «Паруса» (1980), «Лоция» (1985). Разделы в сборнике «Неведомый праздник» (1969) – «Отплытие», в сборнике «Венец» – «Взводень» (1970), в сборнике «Час двадцать пятый» – «Студёные мили» (1975), в сборнике «Эхо» (1982) – «Законы моря».

Знаковым для автора является заглавие «Остойчивость», обозначающее морской термин – способность держаться на плаву, поскольку главными героями его произведений становились люди мужественные и стойкие, чьи характеры и души закалены и выстроены морем: Остойчивость - / моряцкая настойчивость: / всему назло / держаться на плаву! («Остойчивость»).

А.И. Лёвушкин – автор ряда поэм, содержание которых напрямую связано с Русским Севером и с его героями: «Михайло Ломоносов», «Георгий Седов», «Снежная исповедь» (о полярном исследователе Владимире Русанове), «Соловецкое чудо», «Север в огне» (об освобождении Севера от интервентов в годы Гражданской войны)[1].

Образ Петра Великого он создает в поэме «Корабельные люди» (о строителях российского флота) и в стихотворении «Кормщик Антипа».

По поводу поэмы литературовед Святослав Педенко пишет: «И очень ценно, что поэт сумел показать не только внешность, поступки, но и глубинные движения души Петра (художественный вымысел здесь вполне оправдан: мы не знаем что думал Петр, но он мог думать так, как это показывает Левушкин)»[2].

Поэма «Корабельные люди» небольшая по объему, она состоит из 12 глав. Про-

[1] Подробнее об образе Севера в поэзии Анатолия Лёвушкина см. в нашей книге: *Петров А.В.* Север в северной поэзии: лингвистический аспект: монография. Архангельск: КИРА, 2018. С. 59–81.

[2] *Педенко С.Ф.* Лед и пламень: Заметки о поэзии Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981. С. 69–70.

следим развитие сюжета поэмы, а вместе с ним и образа Петра Первого по главам[3].

1 глава. Плывет Петр Первый на Север, «край, / что отныне державною милостью избран», он велит: «Ладить здесь корабельные верфи!». Однако «Осуждают бояре царя суету», в стране и без того много проблем. Непреклонен царь: «Коли надо, на дыбе вся Русь захрустит», ради того, чтоб «Развеваться морскому российскому флагу!»

Подчеркивается жесткость нрава Петра: «не жалея гребцов, в струге плыл государь», его неприхотливость в одежде, его беспокойный характер: «Царь чуть свет на ногах / с табакурною трубкой во рту, / в грубой куртке, в заляпанных глиной ботфортах»; его стремление всё и вся изведать, проверить самому: «…поглядит и, ленивых зело матеря, / сам полезет на мачту ботфорты отбросив»; его страсть к разгулу: «В куцей своей одежонке / прет помазанник божий в кабацкий вертеп, / на колени берет непотребную женку. / Запускает охальник свою пятерню / в оголенные бухлые белые груди»; его самодурство: «Да очами сверкнет: / – Трезвых здесь не терплю!». Ропщут бояре свиты: «От него, лиходея, не ведать добра»; желают ему зла: «Хоть бы Бахус разнес государя утробу!».

Как видим, принципиально сталкиваются разные стили – торжественный и вульгарный: «прет помазанник божий в кабацкий вертеп». Для характеристики царя используются слова, с почитанием царской особы не совместимые: «лиходей», «охальник».

Яркая деталь внешнего вида подчеркивает целеустремленность, решительность царя: «Космы жестких волос царь откинул со лба, / дышит свежестью моря соленой и волглой». Ему по душе свежесть студеного моря, он уверен в правильности избранного им пути.

2 глава. Братья Баженины – «холмогорские богачи», что «на замыслы горячи» – понимают выгоду выполнения царских поручений: «Лишь бы пожаловал царь подряды – / деньги бы валом купцам в карман!»; «Царь лихоимцам ни в чем не спустит – / а на фрегаты не жаль казны!» Тут не зазорно подольститься к царю, называя его: «надёжа», «всемилостивый», чтоб выпросить разрешение «беглых приютить холопов» и «прочий гулящий сброд» на верфях.

Баженины здесь характеризуются не иначе, как: «пронырливые козлы в огороде с капустой», «пройдохи», «кровопивцы», «паскудники», «купцы-иуды», поскольку «Быть корабельщикам взаперти!»; «И трударей лихорадка мает / да на погостах сжирает червь», однако жестокость, притеснение корабельщиков приносит плоды: «На стапелях корабли вздымая, / разрастается чудо-верфь».

В 3 главе появляется еще один персонаж – талантливый могучий помор Пахом, мастер корабельного дела, которому предстоит встреча с самими царем: «У Пахома руки быстрые – / искусны и сильны: / не едину лодью выставил / для северной волны». Пусть вокруг царит жестокость, поскольку «Государя слово веское. / Карает государь!», делай свое дело да помалкивай, тем более, что Пахом на особом счету: «А Пахом – особа важная / у батюшки царя», тем не менее к нему приставлены дюжие стражники, чтоб он не мог сбежать: «У Пахома – бас простуженный / поморские глаза: / глянет он – и стража дюжая шарахнется назад».

Глава 4. Пирует царь: «Государь-благодетель сам Петр Алексеич / бражный кубок могучею дланью берет». «Широко распростерлись российские земли!» Но какой ценой? «Сотни тощих крестов. Сотни робких могил». Ненасытен аппетит императора: «И туда, где в метелях не видно ни зги, / где звенят полуночные мерзлые дали, / каменеет земля подо льдом до нутра, – / и туда доберутся державные длани, / загребущие, цепкие руки Петра». Еще не раз в поэме появится образ могучей, державной, но и загребущей длани царя, именно длани, а не ладони, чтоб подчеркнуть и торжественность стиля, и историзм содержания поэмы.

Петр желает пресечь разграбление чужеземцами богатств Севера: «Нет, чужак, тех мехов за полушку не купишь, / не ухватишь тайком, аки алчущий тать. / И слагается царский сиятельный кукиш / из ручищи, что доброй ковриге под стать». И опять столкновение разностильных средств: «сиятельный кукиш», и снова акцентируется внимание на могуществе царской руки в прямом и в переносном смыслах. На месте здесь и лексические архаизмы: «аки алчущий тать». Подчеркивается обоснование избранного государем пути: «Да не будет без моря Петрова держава! / Без могучего флота России нельзя!» И не важно, сколько для этого потребуется жертв, тем не менее в финале главы появляется пронзительное сравнение: «…На погостах – трава зелена и шершава. / И синеют цветы, словно мертвых глаза».

В 5 главе передается ночной разговор корабелов, которые тревожатся о том, что «вздумал царь русских немцами сделать», «корабельное вольное дело / повернуть норовят на антихристов лад», русские легкие поморские суда – кочи хотят заменить заморскими судами, на которых обязательно «позастрянешь во льду». Ощущается «большая обида в словах мастеров»: «…Над рассветной Двиною – тревожное небо, / Закипает шелоник, горяч и суров» – яркий образ использует поэт, шелоник – теплый, мягкий юго-западный ветер, и вдруг закипает суров.

6 глава. Еще один персонаж – беглый холоп Ивашка, оказавшийся на Севере, на царском флоте: «Быть матросом государевым – / маета». Да угораздило его стать соперником самого государя на любовном фронте: «Царь-то Петр свет Алексеевич / стал “свояк”»! – отмечает он с горькой иронией, однако это обстоятельство не останавливает решительного любовника: «Нож матрос от крови вычистил / навострен! / Час-то, царское величество, / не ровен!»

В 7 главе мы знакомимся с чужеземцем Генрихом Вейсом, который «всей Европы блюдет интересы: / неусыпно следит за российским царем», ведь эти самые интересы идут в разрез с планами русского царя: «Возлюбила Фортуна на Севере Вейса. / У туземцев меха он скупал, словно крал». В глазах Вейса Петр – «дикий варвар», который «как равный, встает на морские пути». «Великан московит в пораженье не верит. / Только с Генрихом Вейсом и царь не шути!» Он спаивает матроса-голодранца Ивашку, предсказывает ему «большую удачу». Можно предположить, на что подстрекает чужеземец ревнивого матроса.

В 8 главе показано любовное соперничество Петра и Ивашки за внимание девы Олисавы: «Два пришельца ночных / к девке в ставню стучатся. / Слава богу, вдвоем им сойтись не пришлось!..». Похотливое соперничество сопоставляется с брачными играми животных: «Два сохатых спешат за лосихой сквозь чащу / Никуда ни свернуть, ни укрыться нельзя! <…> Каждый в гневе ослеп. Каждый – ярая злость».

И тут по-особому раскрывается образ царя Петра, мы становимся свидетелями проявлений его самодурной необузданной страсти, ради которой его ничего не остановит: «Ты попробуй-ка, девка, такого не встреть: / он не только тебя, блажь придет – всю Россию, / не жалея, пошлет на жестокую смерть». При описании царской страсти и бахвальства удачно используется показательная гипербола: «И, ручищами девичьи плечи давя, / шутит: / – Так-то все Белое море облаплю, / а не токмо, строптивая дура, тебя!..» И здесь появляется еще одна яркая деталь, характеризующая внешний облик Петра: «И, смеясь, сатанинскими жалит очами, / жалит так, ровно душу пронзает насквозь…».

Ему противопоставлен соперник – «молодой, и красив, и отчаян», хотя Петра в

[3] Поэма цитируется по изданию: *Лёвушкин А.И.* Эхо: Стихи и поэмы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. С. 41–53.

ту пору старым тоже не назовешь, у соперника другой настрой: «Только ты бы меня, Олисава, любила! / Только б ты на меня посмотрела светло! / Для тебя, Олисава, что хочешь добуду! / Ты – отрада одна в бесталанной судьбе». Однако романтические грезы Ивашки не отрицают его ревнивой решительности: «Мне б царя повстречать у тебя на пороге, / даром что государь – быть ему мертвецом!»

Глава 9. «Сам великий монарх, всей России надёжа, / соизволил гостить в беломорском краю». Петр осматривает верфь, корабли, братья Баженины «так вот и лезут из кожи – / Напоказ выдают добродетель свою».

«Встал сиятельный гость пред помором Пахомом: / – Вот он, / истинный сын корабельной земли! / Ой хорош корабел! Мастер дела морского!..» Царь в восторге, он в азарте срывает камзол, хватает топор, и начинается трудовое соперничество помора и царя, как двух братьев, как ровни: «А видать, государь на работу радетель – / так и ходит топор блещут щепки в траве… / Да, слыхать, испытал свой топор благодетель / на людских головах, на стрелецкой Москве». Никуда не деться и от такого соперничества, и потому звучат дерзкие справедливые слова Пахома в ответ на царскую похвалу, не сробел он, «стоит пред царем богатырски высок»: « – Ты бы в плотники шел, государь, в корабелы! / Ты бы лодьи снастил!.. А не головы сёк…»

Какова же реакция Петра? И вот новые штрихи к обрисовке его образа в поэме: «Вспыхнул Петр, пышет весь, передернулся даже» – конечно, задели его за живое дерзкие слова, однако, хоть грозен, но справедлив государь: «Обступила Пахома свирепая стража. / – Нет! Не трогать его! – прохрипел государь».

Глава 10. Любуется Ивашка красавцами морскими – фрегатами: «Он никак не поймет, что так радует, греет / хоть сейчас на всю верфь громко песню запой». Однако появляется «нехристь купец» Вейс, подзуживает он Ивашку подпалить корабли. И сдает Ивашка Вейса, сдает сам себя: «– Эй, дозор! Государево слово и дело! / Вы хватайте купца! Да вяжите меня!» Признается он в убийстве боярина Колыча, в бегстве на Север, в том, что улещал его чужеземный купец загубить корабли, да заодно и в том, что: «А зазноба царя… Тут одна, из поморок… / И меня, что Петра, целовала в уста…».

В 11 главе описывается молебствие Петра на Соловках: «В Соловецкой обители в сумрачном храме / на молитве стоит повелитель Руси». Это для него час истины, час откровения, нравственное испытание, суд совести. Вот как об этом пишет Святослав Педенко:

«Одна из сильнейших сцен в поэме – молебствие царя в Соловецкой обители, где с темных икон глянули на него лица простых мужиков, сотнями и тысячами гибнувших и под топором палача, и от непосильной работы на строительстве новой столицы, и на Архангельских верфях, где в муках рождался русский флот… Так ли правишь, не понапрасну ли загублен народ? – как бы спрашивают они, и под этим вопрошающим взглядом Петру становится зябко, страшно: “Кто же он для Руси? Венценосный ли пастырь? Созидатель ее? Али лютый палач?”

Научный, исторический ответ на вопрос о роли Петра, искоренявшего остатки средневековья на Руси средневековыми методами, известен, но поэт находит свое, художественное решение: на пути к Соловкам буря сильно потрепала, но не потопила ладью царя, а раз так, “значит, править Петру всей великой державой, всей мятежною Русью, и быть по сему!”»[4].

[4] Педенко С.Ф. Указ. Соч. С. 70.

В главе употребляется показательный эпитет, характеризующий царя: «Отвечай, божий раб, / Возгордившийся Петр!» Ему как будто является сама Богородица в облике босой стрельчихи с младенцем, которая рыдала, просила за мужа: «Богородица ль это? / Нет, это Россия! / Это та же стрельчиха с дитем на руках!»

И, действительно, как божий знак воспринимает Петр свое чудесное спасение в морскую бурю, поэтому: «Время – снова творить тяжкий дерзостный путь» – очень точные использованы здесь эпитеты, характеризующие царскую долю. «Пусть рассудят потомки. / Пусть взыщут потомки. / Пусть грядущая Русь не забудет Петра!» – не скрывая пафоса, восклицает поэт.

И вот финальная 12 глава. «В день святого Петра по цареву веленью / вышел в дальний поход Русский воинский флот». Торжествует Архангельск, любуются горожане кораблями, что «величавы по-царски, по-птичьи легки», гордятся трудами корабельных людей, как будто бы сам владыка морей привередливый Нептун одобряет содеянное, во всяком случае: «На форштевнях фрегатов – русалки резные, / да осклабил Нептун свой загадочный лик». Врагу несдобровать, поскольку «У Российской державы – могучие плечи, / их не зря омывает морская волна!» – интересная метафора создана поэтом.

У поэмы величественный, выразительный финал: «Распахнулась, кипит беломорская кипень, / гневно грохает в борт несмирившийся вал. /Зорким оком взирает властительный шкипер, / тяжкой дланью зажав корабельный штурвал».

У С.Ф. Педенко читаем: «Поэт нашел точные слова, рисующие символичный образ: да, длань Петра была необычайно тяжка для народа, но она же твердо держала штурвал, направивший Россию к морскому могуществу»[5]. Эта самая длань – самая характерная деталь, с помощью которой А. Левушкин создает яркий, колоритный, живой образ Петра Первого в поэме «Корабельные люди».

С этой поэмой перекликается стихотворение «Кормщик Антипа»[6], оно напрямую связано с поэмой и по форме, и по содержанию, в нем рассказывается о том самом чудесном спасении Петра на пути к Соловкам. Действие происходит в Пертоминском монастыре на берегу Унской губы Белого моря, именно туда сумел привести царский корабль кормщик Антипа, проведя его сквозь коварные Унские рога во время шторма (правда, топонимы в стихотворении не упоминаются).

В решительный момент кормщик обматерил царя, отогнав того от штурвала. Стихотворение представляет собой диалог царя и кормщика как раз по этому поводу на фоне роптания царевой свиты, требующей строгого наказания «дерзкого смерда» за непочтение к царской особе.

«И вот пред царскими очами / поставлен схваченный помор. / Петр супит бровь. / – Изрядно правил! / В Поморье родился не зря!.. / Пошто же ты, соленый дьявол, / обматерил меня, царя?!» Пересилив страх, кормщик молвил: «– Тут, государь, такое дело – / чуть что – и судно в щепки, в прах! / На море, вишь, какая встряска? / На море ныне – сущий ад! / Тут, государь, твоя указка / вот, истый бог, была не в лад!»

Петр, поборник справедливости, проявляет великодушие: «Смеется Петр. Светлеет взором. / – С колен, Антипа, поднимись!.. / А мы, бояре, пред помором / навек в долгу за нашу жизнь» Чем же царь отблагодарил спасителя? Вручил ему шапку со своей головы, чтоб тот носил ее и в ней задаром во всех кружалах пил водку: «Пируй во здравье! С чувством, с толком! / На то теперь – твои права. / Да пусть цареву треуголку / достойно держит голова!..»

Память о славном кормщике и царевом подарке жива в поморских селах, за-

[5] Там же.

[6] Стихотворение цитируется по изданию: *Лёвушкин А.И.* Лоция: Стихи и поэмы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 26–27.

вершается стихотворение таким гордым заявлением от лица современных поморов: «– Мы в море плаваем не мелко. / А пьем, как требует душа. / Еще Антипина похмелка / в поморских правнуках свежа».

В Архангельском краеведческом музее хранится подлинный памятный крест, который установил Петр Первый на берегу Унской губы в честь своего чудесного спасения[7], а в современном Пертоминске в 1993 году была торжественно установлена его реплика[8]. Чтят поморы память о царе-мореплавателе, который стоял у истоков российского флота.

Итак, в поэзии Анатолия Лёвушкина Петр Первый представлен как непреклонный, целеустремленный, решительный властитель жесткого нрава, грозный, но справедливый, характер его беспокойный, слово его веское. Он стремится всё и все изведать, проверить самому, он неприхотлив в одежде и в быту, трудолюбив, не чурается грязной работы, склонен к разгулу, к необузданным страстям, нередко проявляет самодурство, упрямство.

В поэтическом контексте разных точек зрения Петр характеризуется следующими номинациями: «государь-благодетель», «батюшка царь», «царское величество», «повелитель Руси», «государь-самодержец», «помазанник божий», «великий монарх», «всей России надежа», «властительный шкипер» и в то же время «лиходей», «охальник», «дикий варвар». Показательны эпитеты, характеризующие царя: «всемилостивый», «сиятельный», «строгий», «возгордившийся». Его жизненный и государственный путь оценивается не иначе, как «тяжкий» «дерзостный».

[7] См. *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. С. 172–183.

[8] См. *Шаляпин С., Петров А.* Крест надежды. Заметки по поводу поморского праздника в Пертоминске // Волна. 17 июля 1993. С. 3.

А.С. Акимова

«ВЕРКА, ПОДАЙ КОРОНУ…»: ОБРАЗ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

В композиции литературного произведения, как и в архитектуре, по мнению А.Н. Толстого, главное – «установление цели, центральной фигуры и затем установление основных персонажей, которые по нисходящей лестнице вокруг этой фигуры располагаются»[1]. «Петр Первый» (1929–1945) – роман не только исторический, но и роман воспитания, так как автор показал становление личности центральной фигуры – Петра I – его окружение и условия формирования героя: от испуганного десятилетнего мальчика Петр проходит сложный путь через тревоги и опасения за свою жизнь и жизнь родных, приступы отчаяния во время бегства в Троицу и сомнения в осуществимости перемен после свержения Софьи. Во второй и третьей книгах перед нами уже непреклонный, резкий и властный правитель, решительно влияющий на жизнь страны и определяющий мировую политику.

Толстой начал работу над романом в феврале 1929 г., о чем он сообщал в письме редактору журнала «Новый мир» В.П. Полонскому[2]. Первая книга охватила события с 1682 г. (смерть царя Федора Алексеевича) до 1698 г. (второй бунт стрельцов и последовавшие за ним казни), т.е. шестнадцать лет, содержание второй составляют четыре года: с конца февраля – начала марта 1699 (смерть Лефорта) до мая 1703 (взятие крепости Ниеншанц и начало строительства Петербурга). Работа над третьей книгой началась в феврале 1944 г., но была прервана на шестой главе взятием Нарвы (1704). 23 февраля 1945 г. писателя не стало. Толстой планировал показать в последней книге романа законодательную деятельность Петра, картины жизни России, Франции, Польши, Голландии.

«Оживление» истории – одно из несомненных достоинств романа «Петр Первый», высоко оцененное современниками и критиками. «Читаю, восхищаюсь, – завидую, – писал М. Горький. – Как серебряно звучит книга, какое изумительное обилие тонких и мудрых деталей и – ни единой лишней!»[3]. Р. Роллана поражало умение Толстого создавать образы в окружающей их обстановке: «Ваши персонажи составляют неотъемлемую часть воздуха, земли, света, среды своего времени. Вы умеете выражать тончайшие оттенки этой среды одним взмахом кисти»[4]. Созданию образов этой «гигантской замечательной эпопеи» (Р. Роллан) предшествовала кропотливая и порой мучительная работа с историческими источниками, мемуарными и архивными, из которых, по признанию писателя, «выуживаешь по зернышку»[5].

Историческими источниками для создания образа правительницы, царевны Софьи, регента при малолетних братьях Иоанне и Петре, послужили не только воспоминания иностранцев (де Невилль), исторические труды (С.М. Соловье-

[1] *Толстой А.Н.* Собр. соч. В 10 т. М.: Гос. изд. худож. литературы, 1958–1961. Т. 10. 1961. С. 243.

[2] Переписка А.Н. Толстого. В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 2. С. 70.

[3] Там же. С. 204.

[4] Там же. С. 263.

[5] Там же. С. 85.

ва, Н.Г. Устрялова, А.Г. Брикнера, Н.И. Костомарова и др.), мемуары русских людей (Б.Ф. Куракина, А.А. Матвеева, И.А. Желябужского), гравированные портреты (см.: Д.А. Ровинский, М.И. Семевский), но и работы рубежа XIX–XX вв., в частности, исследования Е.Ф. Шмурло, беллетристические романы Е.П. Карновича и А.И. Красницкого (псевд. А. Лавинцев) и, безусловно, образы царевны, созданные художниками: И.Е. Репиным («Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году», 1879), В.Г. Перовым в его незавершенной картине «Никита Пустосвят. Спор о вере» (1880–1881) и К.Е. Маковским («Портрет царевны Софьи», 1900-е гг.). Толстой, создавший в первой книге романа «Петр Первый» образ решительной и жестокой царевны, мог знать статью М.А. Волошина «Суриков» (1916), в которой он писал об авторе картины «Посещение царевной женского монастыря» (1912): «В 1913 году он говорил мне однажды: "Женские лица, русские, я очень любил, не попорченные ничем, нетронутые… Вот посмотрите-ка на этот этюд. (Он указывал голову девушки с сильно скуластым лицом.) Вот ведь какой царевна Софья должна быть, а совсем не такой, как у Репина. Стрельцы разве могли за такой рыхлой бабой пойти? Их вот такая красота могла волновать, взмах бровей, может быть…"»[6].

Сюжетная конструкция противостояния Петра и Софьи, два смысловых и композиционных центра заявлена уже в начале романа: «Час был решительный, – надо сказывать нового царя. Кого? Петра или Ивана? Сына Нарышкиной или сына Милославской? Оба еще несмышленые мальчишки, за обоими сила – в родне. Петр – горяч умом, крепок телесно, Иван – слабоумный, больной, вей из него веревки... Что предпочесть? Кого?»[7]. Наследниками престола после смерти бездетного царя Федора Алексеевича были два его брата: Иван, сын царя Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской, и Петр, сын от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Структура фразы свидетельствует о том, что Толстой заимствовал в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева не только общую канву исторических событий, описанных в первом томе, но и интонацию: «После Феодора, наследниками останутся два брата: Иоанн – больной, слепой, слабоумный и Петр – здоровый, живой, даровитый десятилетний мальчик. Стать за Иоанна – какое будущее? Много нацарствовал Феодор? Но Феодор еще не всегда нуждался в опеке, а за Иоанна постоянно должны управлять другие; кто же будет управлять: царевна Софья с Милославскими?»[8]. Как писал Е.Ф. Шмурло, «за царскую корону ухватились обе женщины, одна для сына, другая для брата, с тем лишь разве различием, что одна по чувству материнскому желала видеть эту корону на голове сына ради интересов сына же; другая – в брате видела орудие интересов личных»[9]. И в этот решительный час в палату к умирающему брату входит царевна Софья Алексеевна: «Он (В.В. Голицын. – *А.А.*) глядел на вошедшую царевну, шестую сестру царя, Софью. Не плавно, лебедем, как подобало бы девице, – она вошла стремительно, распахнулись полы ее пестрого летника, не застегнутого на полной груди, разлетелись красные ленты рогатого венца. Под белилами и румянами на некрасивом лице ее проступали пятна. Царевна была широка в кости, коренастая, крепкая, с большой головой. Выпуклый лоб, зеленоватые глаза, сжатый рот казались не девичьими, – мужскими… Ноздри ее презрительно задрожали. Она повернулась к постели умирающего, всплеснула руками, стиснула их и опустилась на

[6] *Волошин М.А.* Лики творчества. Л.: Наука, 1989. С. 344.

[7] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 20.

[8] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 889.

[9] *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // Журнал Министерства народного просвещения.1896. Январь. С. 50.

ковер, прижала лоб к постели. Патриарх поднял голову, тусклый взгляд его уставился на затылок Софьи, на ее упавшие косы»[10]. Предваряя публикацию первой книги романа в журнале «Новый мир», писатель разместил ряд отрывков из нее в периодической печати, в частности, в журнале «Красная нива» он опубликовал фрагмент под названием «Смерть Федора Алексеевича»[11], который содержит ранний вариант описания царевны Софьи, входящей к умирающему брату царю Федору Алексеевичу. В «Красной ниве» напечатано: «Не плавно, лебедем, как подобало бы девице, — она вошла стремительно, распахнулась на полной груди парчевая ватная ее душегрейка, разлетелись ленты высокого кокошника». В дальнейшем «душегрейка» была заменена на «летник», а «кокошник» – на «рогатый венец».

Внешний облик царевны Софьи создавался, вероятно, с опорой на «Историю царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова. Несмотря на то, что в книге из библиотеки Толстого, хранящейся в Книжных фондах Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Государственный литературный музей, Москва)[12] нет помет, в описании внешности и характера царевны в романе писатель близок историку: «Вопреки общему мнению, не красавица, нестройная станом от излишней тучности, с лицом суровым, она казалась несколькими годами старее, чем была действительно, и в 25 лет смотрела пожилою женщиной. Грудь ее пылала властолюбием и сладострастием; в голове таились отважные замыслы; ей душно было в скромном тереме… Бойкая на словах, хитрая, вкрадчивая, с смиренным благочестием на лице, с неукротимыми страстями в сердце, она умела более всех сестер своих заслужить любовь и доверенность Феодора…»[13]. Французский посланник Фуа де ла Невилль, автор «Любопытных и новых известий о Московии» (1689), которые не только опосредованно, через упоминания и цитирования в тексте Соловьева[14], мог использовать Толстой, писал о том, что Софья была «очень безобразна, необыкновенно толста, с головою огромною, как подушка; на лице у нее волосы, на ногах наросты, и ей теперь, по крайней мере, сорок лет; но насколько стан ее толст, короток и груб, настолько, напротив, тонок и проницателен ум…»[15]. «Великаго ума и великой политик», – писал о ней Б.А. Куракин в «Гистории о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг.»[16]. Н.М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» упоминал о занятиях Софьи литературой: «Софья занималась и Литературою; писала трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. Мы читали в рукописи одну из ее драм и думаем, что царевна могла бы сравняться с лучшими писателями всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением»[17]. В романе Толстого Софья говорит Голицыну: «...я Мольерову комедию недавно перевела»[18]. О переводе комедии Мольера «Лекарь поневоле» (1666), выполненного Софьей, упо

[10] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 21.

[11] Красная нива. 1929. № 15. 7 апреля. С. 2–3.

[12] Подробнее о работе Толстого с историческими источниками см. в: *Акимова А.С., Беликова Е.А.* Роль исторических источников в изображении строящегося Петербурга в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 30–36.

[13] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6 кн. с атласом. Т. 1–4. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858, 1859, 1863. Т. 1. С. 27.

[14] Например, в описании убранства палат Голицына в Охотном ряду. См.: *Акимова А.С.* «В усадьбах на Москве»: роман А.Н. Толстого «Петр Первый» как усадебный текст // Вестник славянских культур. Т. 58. № 4. Декабрь. 2020. С. 235–244.

[15] Русская старина. 1891. Т. 72. № 10. Октябрь. С. 258.

[16] Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Октябрь. С. 239.

[17] *Карамзин Н.М.* Пантеон российских авторов. М.: Издание Платона Бекетова, 1801–1802. Ч. 1. Тетрадь 1. 1801. «Царевна София». Б/с.

[18] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 79.

минал английский путешественник Уильям Кокс[19], однако установить факт обращения писателя к его труду пока не удалось.

Устрялов называл Софью злым гением, демонической личностью, соперницей Петра, которая не покорилась безропотно судьбе: «...между тем, имея перед глазами пример теток и сестер живых и усопших, едва ли надеялись на иную участь и безропотно покорялись судьбе, за исключением, однако ж, одной царевны Софьи Алексеевны»[20]. (См. в романе «Петр Первый»: «Обречена девка, царская дочь, на вечное девство, черную скуфью…»[21]).

Соловьев показал сложность и неоднозначность ее натуры. Софья, по его мнению, не просто соблазненная «Евиным яблоком сластолюбия и любочестия» (А.А. Матвеев), она – «пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе... богатырь-царевна...»[22]. Попытка удержать власть объяснялась не только властолюбием, но, прежде всего, стремлением женщины, обреченной на безбрачие и монастырь, вырваться из терема: «Положение Софьи было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор с злым духом – пользоваться до известного времени всевозможными наслаждениями жизни, но по прошествии срока сделаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствах, как бы упрочить свою власть...»[23]. Эта точка зрения нашла отражение в романе Толстого: «Не раз, бывало, металась Софья между этих стен… Кричи, изгрызи руки, — все равно, уходят годы, отцветает молодость… Обречена девка, царская дочь, на вечное девство, черную скуфью… Из светлицы одна дверь – в монастырь. В могилу… Одной выпало счастье, – вырвалась, как шалая птица, из девичьей тюрьмы. Разрешила сердцу – люби… Разве можно назад загнать в терем такую? Легче убить… Через все перешагнет она – через стыд и через кровь…»[24].

Любовная линия романа – взаимоотношения Софьи и князя Василия Васильевича Голицына – выстраивается на основе нескольких источников. «...Тогда начала план свой делать, чтоб ей самой корону получить и выйти б замуж за князя Василия Васильевича Голицына... Во-вторых, что принажит (принадлежит) до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма голант <sic.>; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено»[25], – писал Куракин. Вслед за Куракиным Толстой пишет: «Правительница Софья спит (В издании «сидит». – Исправлено мной – *А.А.*) и видит обвенчаться с Голицыным и царствовать. Уж и корону заказала для себя немецким мастерам»[26]. Это наименование возлюбленного («галант») встречаем и в романе: «...вместо грешного и стыдного названия – любовник – нашлось иноземное приличное слово – галант...»[27].

Заметим, что, вероятно, опираясь на свидетельство Кукарина, писатель допустил неточность в описании монеты периода правления царевны Софьи в сцене знакомства Петра с мальчиками, Алексашкой Меншиковым и Алешкой Бровкиным: «Рубль был новенький, – на одной стороне – двуглавый орел, на другой – правительница Софья»[28]. (См. у Куракина: «Также она, царевна Софья, начала делать червонные под своею персоною, и в короне, и имя свое внесла титула государственнаго»[29]). Имя царевны Софьи появилось на золотых монетах из серии жалованных только после Троицкого похода 1682 г., а ее изображение на оборотной стороне (с портретами царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича на лицевой) – на золотой монете, жалованной за первый Крымский поход 1687 г.[30].

На основании опубликованных Устряловым писем Соловьев заключал: «Ослепленная страстию, Софья была в восторге что “свет ее” избег страшной опасности, возвратился по-здорову из степного похода, где мог погибнуть со всем войском. Голицын казался ей вторым Моисеем, проведшим людей своих по дну морскому…»[31]. В издании «Истории России с древнейших времен» Соловьева, хранящемся в библиотеке Толстого, писателем выделены приведенные историком письма Софьи к Голицыну: «Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя Свое Святое, также и Матери Своея, Пресвятые Богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такого милосердия Божия. Не хуже израильских людей вас Бог извел из Земли Египетския; тогда чрез Моисея, угодника Своего, а ныне чрез тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка ты мой, чем платить за такие твои труды неисчетные? Радость моя, свет очей моих! мне <sic.> не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученныя Богу, к нам все дошли в целости. Из-под Перекопи пришли отписки в пяток 11 числа. Я брела пеша из-под Воздвиженского; только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым Святым воротам, а от ворот отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла, идучи! Не ведаю, чем Его, Света, благодарить за такую милость Его и Матерь Его, и Преподобного Сергия, чудотворца милостивого! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила; по всем монастырям бродила сама, пеша. А раденье твое, душа моя, делом оказуется. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась; Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюся на милосердие Божие; велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и все мы здоровы»[32]. В тексте романа это письмо используется в ряде сцен. В описании тайной встречи Софьи с Голицыным, во время которой царевна убеждает возлюбленного отправиться в поход на Крым, а она в свою очередь обещает – «все монастыри обойду пешая, сударь мой»[33]. В другом эпизоде – чтения грамоты – Толстой использует фразы из приведенного выше письма («не хуже Моисея, изведшего израильских людей из земли Египетской, возвратился в целости»[34]) и цитирует саму грамоту, написанную «от имени царей» («Мы, великие государи, тебя, ближнего боярина и оберегателя,

[19] *Coxe W.* Travels into Poland, Russia and Denmark. London, 1784. Vol. 1. P. 418.

[20] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6 кн. с атласом. Т. 1–4. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858, 1859, 1863. Т. 1. С. 27.

[21] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 41.

[22] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 1059.

[23] Там же. Стб. 1065.

[24] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 41–42.

[25] Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Октябрь. С. 239–240.

[26] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 65.

[27] Там же. С. 78

[28] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 61.

[29] Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Октябрь. С. 239.

[30] Подробнее см.: Золотые монеты в истории династии Романовых: выставка (Москва, февраль–декабрь 2017 г.) / Музей Междунар. нумизмат. клуба. М.: Лингва-Ф, 2017. С. 10–11.

[31] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 1023.

[32] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен см. также: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6 кн. с атласом. Т. 1–4. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858, 1859, 1863. Т. 1. С. 237–239.

[33] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 79.

[34] Там же. С. 145.

нязя Василия Васильевича Голицына, за твою к нам многую и радетельную службу... татары сами себе и жилищам своим явились разорителями»[35]).

Толстой всегда тщательно готовил свои издания к печати и вносил исправления в уже опубликованные тексты («Сколько изданий – столько и текстов»[36]). Он несколько раз возвращался к роману «Петр Первый», не раз его правил. Изменения были связаны не только с устранением ошибок, опечаток и повторов, но и с уточнением формулировок и образов и, прежде всего, образа главного героя[37]. Характеризуя Софью в сцене ее встречи с Василием Голицыным, вернувшимся из неудачного Крымского похода, в издании 1931 года впервые заменил «холодную» руку царевны на «горячую»: «Софья едва сдержала слезы. Оторвала от подлокотника полную, туго схваченную у запястья горячую руку. Став на колено, князь поцеловал, – прикоснулся к ней шершавыми губами. Она ждала не того и содрогнулась, будто чувствуя беду...»[38].

Речевая характеристика правительницы Софьи в романе «Петр Первый» также выстраивалась на основе трудов Соловьева: высказывания, приписываемые историком Голицыну и И.А. Хованскому, резкое выражение неприятия Н.К. Нарышкиной и ее сына, Петра, Толстой вкладывает в уста Софьи, создавая образ властолюбивой, решительной и отважной правительницы, которая не остановится ни перед чем, чтобы удержать власть. В качестве примера приведем диалог между Софьей и Ф.Л. Шакловитым, сообщающем о бегстве Петра из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру:

– Царя Петра из Преображенского согнали, ушел бос (В издании «бес». – Исправлено мной – *А.А.*), в одной сорочке неведомо куда...

Софья подобрала губы, проговорила постно:

– Вольно ж ему, взбесяся, бегать...

Важного будто бы ничего не случилось[39].

Слова, которые в романе произносит Софья («Вольно ж ему, взбесяся, бегать...»), по мнению Соловьева, мог произнести Шакловитый: «Шакловитый, узнавши об нем, сказал: “Вольно ему, взбесяся, бегать”»[40]. Вся сцена с известием о бегстве Петра Устряловым прописана со ссылкой на показания очевидца событий и с большим количеством деталей, которые Толстой мог использовать в романе: «Первую весть принесли денщики Шакловитаго к нему на двор, объявив, что “Царя Петра из Преображенского согнали: ушел он бос (Курсив мой. – *А.А.*), только в одной сорочке, неведомо куда”. “Вольно же ему, взбесяся, бегать” отвечал с притворным равнодушием Шакловитый»[41]. Начиная с издания первой книги романа в 1932 г. (московским издательством «Федерация») и во всех последующих прижизненных и посмертных изданиях в словах Шакловитого о Петре была допущена опечатка, которая без знакомства с историческими источниками (см. выше) и контекстом романа не воспринимается как ошибка: вместо «ушел бес, в одной сорочке неведомо куда» нужно печатать «ушел бос, в одной сорочке неведомо куда», ведь убегая впопыхах из Преображенского «Петр озирался, вздрагивая, бил лошадь пятками, чтобы опять скакать»[42]. При жизни Толстого первая книга романа издавалась достаточно большое количество раз, сначала как роман «Петр Первый», а затем вместе со второй книгой, поэтому при переиздании накапливались многочисленные ошибки и опечатки, нуждающиеся в исправлении.

Сюжетная конструкция противостояния Петра и Софьи, два смысловых и композиционных центра заявлены в начале романа, ее трансформацию мы находим на протяжении первых четырех глав первой книги, кульминации она достигает в четвертой главе первой книги: «На Казанскую в Успенском соборе отходила обедня»[43]. Кремль в «Петре Первом» – не только географический центр, место действия исторических событий, но и кульминационный в развитии повествования, символический центр – символ государственной власти: от законного, но еще слабого правителя, Петра, забавляющегося в Преображенском потешными полками, бояре перебегают «поближе к солнцу», к Кремлю, к правительнице Софье. Неслучайно, в день празднования Казанской иконы Божьей Матери 8 июля 1689 г. в Успенском соборе Кремля на царском месте – Софья, справа от нее царевич Иван, слева – Петр. Конфликт Софьи и Петра, определивший развитие сюжета первой книги, достигает в сцене крестного хода, в котором принимали участие Петр и царевна Софья, своей кульминации, который становится переломным моментом в их взаимоотношениях и в борьбе за власть. Принимая из рук патриарха икону, «руки ее, тяжелые от перстней, разнялись и взяли образ плотно, хищно»[44]. Вдруг раздалось: «Отдай... (Все услышали, – сказал кто-то невнятно и глухо)... Отдай... (Уже громче, ненавистнее.) – И, когда стали глядеть на Петра, поняли, что – он... Лицо – багровое, взором крутит, как филин, схватился за витой золотой столбик шатра, и шатер ходил ходуном...»[45]. Конфликт между Петром и Софьей, пошедшей вместе со всеми крестным ходом, описан в «Записках Андрея Артамоновича графа Матвеева»: «Государь же, царь Петр Алексеевич увидя то, сказал ей: “что не прилично при той церемонии зазорному лицу по необыкновению быть”; но она в том исполнила по своей воле»[46] (См. также: Куракин со ссылкой на Матвеева: «И единожды так публично вражда случилося <sic.>, что был ход к Казанской Богородице, и сперва, по обыкновению, пришли оба государи <sic.> и она, царевна Софья Алексеевна, в соборную церковь, откуль <sic.> пошли в ход. И вышед из соборной церкви, царь Петр Алексеевич просил сестру свою, чтоб она в ход не ходила. И между ими происходило в словах многое»[47]). В качестве источника этой сцены исследователь творчества Толстого А.В. Алпатов указывает «Историю царствования Петра Великого» Устрялова: «Когда кончилась служба и подняли иконы, Петр сказал Софии, чтобы она в ход не ходила. Она не послушалась, взяла образ... сама понесла его...»[48]. Однако помимо свидетельств Матвеева и Куракина, труда Устрялова, он использовал и описание Соловьева. В издании из личной библиотеки писателя есть многочисленные пометы на полях и выделения синим и красным карандашом. Толстой подчеркнул синим карандашом

[35] Там же. С. 144–145 Ср. у Соловьева: ««Официально, от имени царей, была послана Голицыну грамота: “Мы, великие государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетельную службу, что такие свирепые и исконные Креста Святого и всего христианства неприятеля твоею службою не нечаянно и никогда неслыхано от наших царских ратей в жилищах их ногайских поражены и побеждены и прогнаны, и что объявились они сами своим жилищам разорителями» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 1023).

[36] *Толстой А.Н.* Собр. соч. В 10 т. М.: Гос. изд. худож. литературы, 1958–1961. Т. 10. 1961. С. 146.

[37] Подробнее см.: *Акимова А.С.* Текстологический аспект формирования образа Петра I в романе А.Н. Толстого // Образ Петра Великого в мировой культуре. Материалы XII Международного петровского конгресса. СПб, 31 мая–1 июня 2019 г. СПб.: Европейский дом, 2020. С. 153–160.

[38] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 114–115.

[39] Там же. С. 166.

[40] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 1071.

[41] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6 кн. с атласом. Т. 1–4. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858, 1859, 1863. Т. 2. С. 60.

[42] *Толстой А.Н.* Петр Первый. Л.: Гос. изд. «Худож. литература», 1938. С. 165.

[43] Там же. С. 149.

[44] Там же. С. 150.

[45] Там же. С. 150.

[46] Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Ч. 1. С. 52.

[47] Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Октябрь. С. 239.

[48] *Алпатов А.В.* Алексей Толстой – мастер исторического романа. М.: Советский писатель, 1958. С. 150.

следующие слова: «8 июля, в Казанскую, Петр в соборе сказал сестре, чтоб она не ходила в крестный ход; Софья не послушалась, взяла образ и пошла; Петр рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. С его стороны все и кончилось этою вспышкою»[49].

Противостояние Софьи и Петра заканчивается казнью стрельцов и заточением Софьи в Новодевичий монастырь, однако и будущее Петра будет омрачено приступами страха и ненависти к «зазорному лицу», а также конвульсий. Так, в книге Я.Я. Штелина Толстой выделил абзац с описанием спазматических припадков: «Признаком этих припадков было чрезвычайное искривление шеи на левую сторону и кривлянье лица. Поскольку эти припадки примечены были в Государе не с самого детства, но уже через несколько лет по вступлении его на престол, то вообще думали, что причиной оных был либо жестокий страх, претерпенный им в Троицком монастыре, либо яд, данный ему тайно, по приказанию сестры его, властолюбивой царевны Софьи Алексеевны. Особенно часто бывали эти конвульсии, когда он был чем-нибудь раздражен, или когда случалось ему вдруг рассердиться, что тотчас можно было приметить по внезапным его содроганиям, кривлянью лица и по тому, что он начинал искривлять шею»[50].

В романе «Петр Первый» на основании многочисленных исторических источников Толстой создал сложный объемный образ героя – «антогониста» Петра, царевны-правительницы, Софьи Алексеевны. Заявленное в начале как конфликт двух родов, Милославских и Нарышкиных, противостояние становится основной сюжетной конструкцией всей первой книги, образуя один из центральных смысловых и композиционных центров – борьбу за власть Софьи и Петра.

[49] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 7 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», б/г. Кн. 3. Стб. 1069.
[50] Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. М.: Тип. Решетникова, 1820. Ч. 1. С. 99–100.

О.М. Булыгин, О.В. Чуракова

ПЕТРОВСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА СИДОРОВА

Политическая канонизация и мифологизация образа Петра I достигла своего апогея в XIX столетии, в период, предшествовавший 200-летнему юбилею первого российского императора. В книгах, журнальных статьях и на плакатах того времени Петр I именовался не иначе, как «Великий», «Преобразователь», «Великий Монарх». Юбилей первого российского императора прошел в России с большим размахом. Можно сказать, что градус эмоций по отношение к Петру достиг своего максимума в 1872 г.

В год юбилея Петра I в стране была разработана программа официальных мероприятий: это были выставки, концерты, спортивные состязания, которые были организованы в Санкт-Петербурге, Москве, Архангельске и во всех других крупных городах страны. В Москве центральным событием юбилейных торжеств было открытие Политехнической выставки, экспонаты которой затем стали основой экспозиций Исторического и Политехнического (тогда – Музей прикладных знаний) музеев. Организатором выставки выступило Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшее при Московском университете. Со всех концов России и из-за границы на выставку везли все, что могло бы составить славу российского и зарубежного производства. В центре Москвы внутри и вокруг Кремля были размещены 86 выставочных павильонов: в трех Кремлевских (ныне – Александровский) садах, в Манеже (Экзерцирхаузе), на Кремлевской набережной и Варварской площади. Общая площадь выставки составила 20 гектаров. В проектировании павильонов приняли участие именитые архитекторы: Д.Н. Чичагов (главный архитектор выставки), В.А. Гартман, И.А. Монигетти, Н.В. Никитин, П.С. Каминский, Н.А. Шохин, К.О. Шульц[1]. Посетителей выставки приводило в восхищении разнообразие архитектурных стилей, а Морской павильон, возведенный из стекла и металла, просто поражал воображение. Однако, были и другие мнения. Например, Илья Ефимович Репин писал летом 1872 г. Владимиру Васильевичу Стасову (музыкальному критику, радетелю национального искусства): «Неприятнее всего поразило меня в Москве … противно, гадко выстроенная Политехническая выставка … слепили «курам на смех» клетушки для выставки — должно быть, немец задался опошлить пресловутый мотив русской избы — хуже выдумать нельзя»[2]. Пощадил Репин лишь Морской павильон: «Впрочем, Морской отдел очень хорош, по крайней мере общеевропейская вещь»[3].

[1] *Никитин Ю.А.* Архитектура выставочных комплексов Москвы // Архитектура и строительство России. 2008. № 11. С. 4.
[2] *Аширова Э.* Юбилейный поход ботика Петра: от Петропавловской крепости до Кремлевской набережной // Родина. 2022. № 5. С. 131.
[3] *Репин И.* Письменная переписка с В. Праховым // Илья Репин (1844–1930). [Электронный ресурс] http:// ilyarepin.ru/pisma72/ (дата обращения 22.04.22).

К открытию выставки была проложена специальная линия «конки» – конно-железной дороги (она шла от Смоленского (ныне Белорусского) вокзала до Иверских ворот Кремля). Освещение павильонов обеспечивал газовый завод, специальная типография печатала брошюры и альбомы об экспонатах выставки. Для церемонии открытия выставки композитор Петр Ильич Чайковский написал кантату «В память 200-летия рождения Петра Великого» на слова Якова Полонского. Исполнили кантату первый раз 31 мая 1872 г. на Троицком мосту у Кремля, а затем повторяли на сцене Большого театра. Соло исполнял артист Большого театра А.М. Додонов. Помимо осмотра экспонатов на выставке зрители могли посетить театр, вмещавший 1800 зрителей, позаниматься в гимнастическом городке или в «народной школе», где проводились диспуты и читались лекции по физике, химии, минералогии, садоводству и пр. Причем, преподавателями школы на время выставки стали ведущие ученые России. Они же курировали различные отделы выставки. Например, ректор Московского университета Сергей Михайлович Соловьев был куратором Исторического павильона, посвященного личности Петра Великого и петровской эпохе. Могли посетители выставки и пообщаться к экпонентами – так называли тех, кто предоставил экспонаты для демонстрации их в павильонах или на территории выставки.

Одним из самых активных экспонентов был сибирский золотопромышленник, купец 1 гильдии Михаил Константинович Сидоров. Родом купец Сидоров был из Архангельска, где к царю Петру относились с особенным благоговением, так как именно Петр I перенес в город на Двине столицу северного края, повелел строить здесь государственные суда, поддерживал местных предпринимателей. И северяне – купцы, заводчики, промышленники считали себя продолжателями дел Петра, например, ратовали за выход страны на моря Арктики, активные коммерческие контакты с Европой и миром. Борьба за освоение Северного морского пути была главным делом жизни Михаила Константиновича Сидорова. И он действительно доказал возможность морского «Северного хода»: в 1877 году корабль «Утренняя заря», отправленный Сидоровым из Енисейска, стал первым из российских судов, который прошел за 100 дней северным морским путем из Восточной Сибири в Санкт-Петербург. Морские коммуникации нужны были российским купцам для торговли с Европой и Америкой, но прежде всего, необходимо было, как полагал М.К. Сидоров, познакомить россиян и иностранцев с богатствами Севера, и Сибири. Для демонстрации этих ресурсов Сидоров использовал участие в выставках. Выставочная деятельность сибирского предпринимателя достаточно хорошо изучена, однако, менее всего оценен его вклад в подготовку московской Политехнической выставки в честь 200-летнего юбилея Петра I[4].

Понимая, что выставка в Москве привлечет внимание российских и иностранных предпринимателей и купцов, «экспонент Сидоров» воспользовался возможностью продемонстрировать ресурсы и товары российского севера и Сибири. О масштабах готовящейся выставки можно было судить по её высоким покровителям: кураторами Политехнической выставки от императорской семьи были великие князья Алексей Александрович и Константин Николаевич, от правительства – министр просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой, в комитет по подготовке выставки входили московский генерал-губернатор В.А Долгоруков, ректоры университетов и т.п. Комитет по подготовке выставки обратился к Михаилу Константиновичу

[4] *Макеев А.В.* М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подільський науковий вісник № 1 (13) 2020. С. 40–48.

«с покорнейшей просьбой не отказать в просвещенном и опытном содействии» в подготовке экспозиции[5]. Михаил Константинович вспоминал: «получив такое предложение, я употребил все зависящие от меня средства обогатить выставку памяти обожаемого мной Монарха всеми естественными произведениями Севера, особенно теми, которые он, бывши сам там три раза, удостоил своего внимания»[6]. М.К. Сидоров посчитал необходимым обратить внимание организаторов выставки, прежде всего, «на первых русских строителей судов Баженинных, которым покровительствовал гениальный Монарх и которые имели в Вавчуге верфь и лесопильные заводы», а кроме того, «на лиственничные мачтовые и корабельные леса, которые Великий Монарх под смертной казнью запретил рубить и вывозить за границу, … на морских зверей и в особенности китов». Для осуществления последнего замысла, Сидоров обязался доставить на выставку «скелет 17 саженного кита того сорта, лов которого Петр I производил у Мурманских берегов …»[7].

М.К. Сидоров писал: «меня одушевляла надежда, что русские капиталисты, ознакомившись с богатствами Севера, употребят свои капиталы на развитие там промыслов». И потому он предоставил экспонаты в различные павильоны выставки, там, где они были бы замечены предпринимателями: «лес лиственничный для кораблестроения и портовых работ», «красильные и лекарственные травы и губки», шкуры морских животных, китовый жир и мясо, коллекции птиц и рыб, морских млекопитающих, раковины и жемчуг. Были представлены на выставку и археологические находки – «окаменелости и древности»[8].

Экспонент Сидоров не только нашел необходимые материалы, но и организовал их доставку в Москву. Особенно хлопотной оказалась транспортировка кита. Михаил Константинович договорился о предоставлении скелета кита с норвежским китоловом Фойну, которого норвежские газеты называли «царем над морскими животными». Когда кит необходимого размера был выловлен (причем, у российских берегов!), его очистили от мяса и приготовили к отправке на выставку. В Москве такой особенный экспонат уже ждали и писали Сидорову, что комитет благодарит его за «заботы о надлежайшем приеме в России такой знаменитой особы, как норвежский кит» и готовы ему «отвести особое помещение»[9]. Однако, как свидетельствует переписка Сидорова с ведомствами и частными лицами, ему пришлось немало похлопотать, чтобы отправить экспонат в Россию[10]. И все же доставка кита была осуществлена: вначале «китовый скелет в 102 кусках» «приплыл» на пароходе «Великий князь Алексей» в Ревель, а оттуда «остов кита со всеми к нему принадлежностями, был погружен на платформу Балтийской дороги, укрыт брезентом и … отправлен в Москву»[11]. Экспонат поместили в павильон с морскими животными. Старания Сидорова были не напрасны: громадный скелет кита вызывал особое восхищение у публики. Обратил на него внимание и император Александр II при посещении Политехнической выставки. К сожалению, демонстрация уникального экспоната, хотя вызвала интерес у «власть предержащих», однако не решила главной проблемы – развития отечественного китоловства на севере России.

[5] *Сидоров М.К.* Труды для ознакомления с Севером России. Санкт-Петербург. 1882. С. 76.
[6] Там же. С. 76.
[7] Там же. С. 76 -77.
[8] Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1872. С. IV–V.
[9] *Сидоров М.К.* Труды для ознакомления с Севером России. С. 89.
[10] Там же. С. 89–92.
[11] Там же. С. 92.

Не менее значимо для экономического развития Севера было и экспонирование природных ресурсов с окраин страны, например, полезных ископаемых. Важной частью коллекции Сидорова были минералы, включая «минералы с острова Новая Земля», а также «минералы, служащие для освещения: нефть с берегов Печоры и Ухты и приготовленные из неё парафин и свечи», «минералы или камни, употребляемые для художественных произведений» («доманик, в естественном состоянии и изделиях», «графит с берега Тунгузки в Енисейской губернии»)[12].

Поскольку выставка была посвящена юбилею Петра I, то главные экспонаты должны были находится в историческом павильоне. М.К. Сидоров и здесь проявил активность, – он предлагал поместить в исторический отдел выставки портреты судостроителя Баженина – «любимого Петром Великим первого в России строителя китобойных, торговых и военных судов» и его потомков в память о том, что Петр I даровал Баженинской верфи привилегии на постройку кораблей и использование лесов. Следует отметить, что М.К. Сидоров был женат на внучке последнего носителя фамилии Баженины по мужской линии – Никифора Степановича Баженина (1790–1862) Ольге Васильевне Латкиной. Тёща Сидорова Еликонида Никифоровна Латкина, урожденная Баженина (1814-1897) не только была хранительницей памяти о славных предках своего рода, но и пыталась продолжить семейные традиции судостроения. От её имени о разрешении строить суда в Архангельске хлопотал Михаил Константинович Сидоров. В их планах было построить суда к 200-летнему юбилею Петра Великого или открыть для этого верфь. М.К. Сидоров пытался получить и в аренду или купить часть территории на берегу Северной Двины – в районе так называемого «среднего Адмиралтейства» в городе Архангельск. Городские власти предлагали ему другое место – «нижнее Адмиралтейство». Сидоров специально приезжал в Архангельск в августе 1870 г., осмотрел предлагаемый участок и написал об этом подробный отчет. Территорию он нашел непригодной для строительства судов, так как «весь берег нижнего адмиралтейства напором льда разрушило; … в кузнице полы от гниения обваливаются и никаких принадлежностей нет…; литейное заведение … представляет только одни голые стены…; из всех эллингов нет ни одного, который бы не пострадал от окончательно от размывки; не уцелело ни одного амбара», а потому «для возобновления всех этих устройств потребуется большой капитал»[13]. М.К. Сидоров подал в Морское Министерство и начальнику Архангельского порта записки о мерах спасения берегов Двины, поскольку эти места были связанны с памятью о Петре Великом и первом судостроительном предприятии России. Промышленник предлагал свою помощь в восстановлении Соломбальской верфи, но просил уступить ему для строительства коммерческого флота «среднее Адмиралтейство» на берегу Северной Двины. Приурочить возобновление работы верфи М.К. Сидоров намеревался к юбилею Петра I – открыть ее «в день памяти Великого Преобразователя России и основателя Соломбальской верфи 30 мая 1872 года»[14]. О том, что предполагал сделать Михаил Сидоров, он сам очень красочно рассказал в записке Управляющему государственными имуществами Архангельской губернии Карлу Ивановичу Радлову: «Главною заботою царя…был коммерческий флот, а по этому предмету мы скорее попятились, чем продвинулись и потому мне пришла мысль … заложить в день юбилея в Архангельске лиственничный купеческий корабль, а еще лучше – построить к тому дню и спустить его на воду». Увы, ответов ни от Морского министерства, ни от К.И. Радлова Сидоров не получил. Тогда предприниматель подключает к предприятию тёщу и представляет дело так, будто бы Еликонида Баженина сама «вздумала заложить корабль в Вавчуге, в …гавани, где Баженин строил корабли … для Петра Великого»[15]. Еликонида (вероятнее всего, под диктовку Михаила Константиновича) пишет в апреле 1871 г. «Государю Императору», что «желала бы положить основание русскому торговому флоту на Севере и содействовать его развитию всеми средствами». В письме – прошении она приводит историю своего рода, цитирует «милостивые грамоты» царя Петра Алексеевича Баженину и объявляет, что хотела бы «сама заняться, по примеру … предков, кораблестроением и отпуском лесов и сделать заклад корабля ко дню празднования памяти 200-летия Великого Монарха»[16]. Однако, поскольку корабельный лес на том участке, который был «назначен Петром I-м Баженину» «оказался вырубленным иностранными агентами … и сплавлен заграницу», Еликонида просит разрешения на вырубку леса для корабля в другом месте. На всеподданнейшее прошение Еликониды Латкой «было объявлено, что оно «оставлено без ходатайства по неимению ввиду основания к удовлетворению сего ходатайства»[17].

Не удалось Михаилу Константиновичу и привести на выставку родовые реликвии Баженины. В период подготовки выставки между М.К. Сидоровым и Президентом комиссии по организации Политехнической выставки Г.Е. Шуровским шла переписка, в которой фигурировали «модели построенных Баженины на их верфях судов, особенно тех, какие были заложены и спущены при Великом Монархе»[18]. Организаторы сообщали, что «исторический отдел выставки чрезвычайно дорожит памятью о Баженине, усерднейше просит … доставить все предметы, к нему относящихся и сохраняющиеся у родственников» и что «по мнению профессора С.М. Соловьева, эти предметы составили бы украшение исторического Петровского отдела». Однако те, у кого хранились вещи, принадлежавшие Баженину, не решились с ними расстаться даже на период юбилейных мероприятий. Сидоров с сожалением сообщает организаторам московской экспозиций: «Я просил Архангельского купца Дмитрия Ивановича Фомина, у которого находились вещи Баженины, доставить их на выставку в Москву, но на Фомина, как на отсталого человека, никакие убеждения не подействовали и он на выставку их не выдал»[19]. Справедливости ради, следует заметить, что, несмотря на заверения Щуровского, что организаторы выставки «вовсе не думают завладеть» экспонатами родственников «столь близких их сердцу», не все вещи были возвращены хозяевам. Так, например, пропали после выставки бесследно портреты семьи Баженины, предоставленные М.К. Сидоровым (Осипа и его жены, Никифора и дочери его Еликониды)[20].

Много усилий приложил Михаил Сидоров и для комплектования экспозиции Морского отдела. Именно он предложил адмиралу К.Н. Посьету, который заведовал подготовкой экспозиции Морского отдела, обратиться через Архангельского губернатора к северянам и «просить преподавателей шкиперских курсов в Архангельске, Суме и Кеми доставить модели всех беломорских судов: карбаса, тройника,

[12] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 20.
[13] *Сидоров М.К.* Труды для ознакомления с Севером России. С. 114.
[14] Там же. С. 106.
[15] Там же. С. 107.
[16] Там же. С. 110.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 81.
[19] Там же. С. 83.
[20] Там же.

шняки, кочмары, раншимы и прочее, а также промысловые, которые посылаются на Новую Землю, с принадлежностями». С Кольского полуострова предполагалось «доставить модели судов, какие имеют лопари, и снарядов, употребляемых ими для речного и морского звероловства». Подобные же экспонаты Сидоров хотел привезти из Сибири, причем, хлопотал, чтобы «вместе с инородческими судами доставлены были … манекены и самих инородцев в национальных костюмах во время промысла с самими орудиями промыслов»[21].

Кроме того, поскольку часть экспонатов Политехнической выставки была быть посвящена образам Петра Великого, сибирского мецената попросили содействовать и в этой сфере. Так, президент комиссии по подготовке выставки Г.Е. Щуровский просил Михаила Константиновича «добыть большую и цельную массу … Сибирского графита с тем, чтобы можно было кому либо из художников петербургских сделать из него монумент Петра Великого, как он представлен в Петербурге, то есть скалу и всадника на ней»[22]. Сидоров смог выполнить просьбу оргкомитета и из Туруханского графита был сделан памятник Петру Великому «вышиной в 1 аршин 10 вершков». Он был водружен «на тумбе, которая была обставлена графитовыми глыбами от 3 до 7 пудов, тиглями, двухаршинными карандашами» и графитовыми изделиями «в воспоминание того, что Петр Великий первый обратил внимание на графит по течению реки Нижняя Тунгузка» и отправил туда ученого геолога Мессершмидта»[23]. Интересно, что статуй, бюстов и портретов Петра I на выставке было множество. Даже на платформе у главного входа в железнодорожный павильон был поставлена статуя Петра Великого на пьедестале. Вероятно, там он был воздвигнут как радетель развития всех видов коммуникаций в России.

В лестном отделе демонстрировался портрет императора Петра Великого, как основателя лесного дела в России. Кроме того, в этом же отделе были размещены: «Картина, изображающая собственноручную посадку вязовых деревьев в Рижском городском саду в 1721 года» Петром I, «фотографический снимок с дуба, посаженного Петром Великим на почтовой дороге», фотографии (на тот момент снимки были достижением технического прогресса) «лесонасаждений искусственно возращенные по повелению Петра»[24]. Экспонатами данного отдела выставки были и выполненные по заказу Михаила Константиновича Сидорова «Картины из деяний Петра Великого на Севере». Авторами картин были студенты Академии художеств П.И. Ивачев и В.И. Суриков[25]. Михаил Константинович задумал подготовить для экспонирования серию картин о жизни Петра I Алексеевича и его деятельности на Севере России за несколько лет до юбилея Петра. Впервые эту идею Сидоров высказал в работе «Север России» в 1870 г., затем поделился ею с одним из главных организаторов юбилейной выставки Г.Е. Щуровским. Проект написания картин комиссия приняла не сразу. В декабре 1871 г. Щуровский замечает, что «присутствие картин, относящихся к разным случаям жизни Петра Великого, было бы нежелательно» и лишь когда картины получили одобрение главы Академии художеств, мнение комиссии изменилось. Председатель комиссии пишет Сидорову: «Как я рад, что картины ваши, относящиеся к эпизодам жизни Петра Великого, заслужили одобрение знатоков, художников»[26].

Получил отзыв от ректора Академии художеств Ф.И. Иордана и сам Сидоров. С одной стороны, отзыв был вполне положительным и Федор Иванович сообщает, что «удивился премилым композициям г. Ивачева». Однако, с другой стороны, отзыв не обошёлся без замечаний: «Одно только меня удивило, что Архангельский мужичок Баженин, стоя на рисунке рядом с Петром, представлен обритый, безбородый и пахнет чем-то голландским… Ради бога, избавьте художника от будущей критики и дайте Баженину вид Архангельского православного хозяина кораблестроителей». Между адресатами началась полемика по поводу того, как могли выглядеть Баженины. Михаил Сидоров отстаивал свое мнение: «Что же касается до Осипа и Федора Баженинных, которых ласкал и жаловал гениальный Монарх, то я за костюм и за бритую бороду могу принять на себя ответственность. Друзья Монарха, изгоняющего бороды, не могли быть его друзьями в бородах и тем более состоя бургомистрами и президентами уездного и губернского городов»[27]. Сидоров свое мнение отстоял, но интересно, у самого Михаила Сидорова была вполне окладистая «купеческая борода», а Ф.И. Иордан, как и полагалось должностным лицам, имел «лицо босым».

Из переписки М.К. Сидорова с оргкомитетом выставки видно, что до января 1872 г. эскизами картин занимались П.И. Ивачев и некто Лавров (пейзажист, в прошлом моряк), а затем к работе над образами Петра был привлечен Василий Иванович Суриков, будущий знаменитый живописец, а в то время – студент Академии художеств. С рисунков этих художников, выполненных на бумаге графитовыми карандашами и углем, были сделаны литографии для юбилейных торжеств в Москве и Санкт-Петербурге. 22 мая 1872 г. картины были уже отправлены в Москву, а литографские копии с них изданы отдельной книжкой, в предисловии к которой Сидоров писал: «Желая по мере сил своих почтить память великого преобразователя России, я представляю на Политехническую выставку двенадцать рисунков, которые, по мысли моей, исполнены П.А. Ивачевым и В. Суриковым»[28].

Сюжеты для картин были составлены самим Сидоровым, точнее, по его признанию, большей частью были заимствованы им из работы И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». Эта книга – первый хронологический свод фактов жизни Петра I – была составлена купцом Иваном Ивановичем Голиковым в период царствования Екатерины Великой, в XIX столетии была весьма популярна в России и не раз переиздавалась. Одним из изданий этой книги и воспользовался М.К. Сидоров для составления сюжетов к картинам. Будучи инициатором развития на Севере России мореплавания, Сидоров специально подобрал для картин сюжеты с целью напомнить, как действовал Петр Великий, дабы «ногою твердой стать при море». Вне сомнения, для архангелогородца Сидорова были очень важны сюжеты, связанные с приездами Петра I на Север России. А потому он заказывает художникам изобразить следующие события: Первое, второе и третье прибытия Петра I в Архангельск, «Плавание молодого царя на яхте к Терскому берегу и в Соловецкий монастырь», «Лоцман Антипа просит прощения у Петра I-го», «Нападения шведов на Новодвинскую крепость», «Петр Первый перетаскивает суда из Онежского зали-

[21] Там же. С. 82.

[22] Там же. С. 83.

[23] Общее обозрение Московской политехнической выставки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1872. С. 10.

[24] Там же. С. 30.

[25] Ивачёв Павел Андреевич был студеном Академии Художеств с 1867 по 1872 гг., трижды получал серебряные медали за свои работы. Установлено, что П.И. Ивачев был автором двух рисунков из заказанных М.К. Сидоровым серии картин: «Петр Великий и Витсен рассуждают о постройке крепости на Новой земле» и «Петр Великий в гостях у матроса».

[26] *Сидоров М.К.* Труды для ознакомления с Севером России. С. 84.

[27] Там же. С.85–86.

[28] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 1.

ва в Онежское озеро», «Петр Великий жалует Баженина, первого кораблестроителя в России», «Петр Великий на Архангельской бирже», «Петр Первый и Витсен отыскивают место на Новой Земле для постройки крепости».

Следует отметить, что, несмотря на то, что в книге М.К. Сидорова «Картины из деяний Петра Великого на Севере», изданной им в мае 1872 г. сообщается, что рисунки выставлены в историческом отделе (куда они и были отправлены), их удалось экспонировать только в павильоне лесного отдела. Вероятно, исторический отдел был уже «перегружен» изображениями Петра и его эпохи. И потому в период работы выставки они не привлекли внимания художественной критики. А между тем, художники Василий Суриков и Павел Ивачев привнесли свое видение эпохи Петра и современным историкам важно знать отношение молодых художников к российскому прошлому, в частности, к личности Петра I. Думается, искусствоведам и историкам русского искусства также интересно увидеть образы Петровской эпохи в раннем творчестве Виктора Сурикова, так как художник и в дальнейшем продолжил работу над сюжетами истории России конца XVII – первой трети XVIII вв., создав знаменитые полотна «Утро стрелецкой казни» и «Меньшиков в Березове». В середине XX века анализ картин студентов Академии художеств для юбилейных торжеств 1782 г. частично был сделан советскими искусствоведами. Так, атрибуцию иллюстраций В. Сурикова к изданию М.К. Сидорова дал в 1950-е годы Владимир Семенович Кеменов, историк искусства, доктор искусствоведения, директор Государственной Третьяковской галереи[29] .

Показательно, что в картинах, созданных Василием Суриковым и пояснительных текстах, данных Михаилом Сидоровым к изданию книги «Картины из деяний Петра …» есть существенная разница в трактовках Петровской темы. Для Сидорова важен образ самого Петра – «Преобразователя», «гениального Монарха», а на полотнах Сурикова показана роль простого народа в исторических событиях. Искусствоведы отмечают, что в картинах Сурикова для выставки 1782 года «чисто жанровый эпизод поднят до уровня подлинно исторической живописи»[30].

Интересно и впечатление самого Василия Сурикова о Политехнической выставке и юбилейных торжествах в Москве. Летом 1872 года он сообщает в письме родителям: «Вчера приехал в Москву царь и некоторые великие князья. Город был довольно хорошо иллюминирован. Мы ходили с знакомыми моего товарища смотреть всю эту церемонию. Меня то это мало интересовало, потому что в Петербурге я видел все гораздо лучше, а простых и добродушных москвитян это страшно занимает»[31].

Для Михаила Константиновича Сидорова участие в юбилейной выставке, которую почтили вниманием венценосные персоны, было очень важно. В указанном издании Сидоров помещает не только сами картины и комментарии к ним, но и свои труды, посвященные насущным проблемам развития Севера России. Так, М.К. Сидоров публикует в книге несколько очерков в разделе «Памяти Петра Великого». Начинается раздел статьей «Несколько слов о заботах Петра Великого о русском торговом флоте», а затем идут публикации «на злобу дня»: о необходимости устройства Печерско-Обской (Петровской) дороги, строительстве кораблей для

[29] *Черкасов И.А.* Документальное наследие искусствоведа В.С. Кеменова в архиве Музея-усадьбы В.И. Сурикова в Красноярске // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 67–74.

[30] Рисунки Сурикова из жизни Петра I // Товарищество передвижных художественных выставок. Электронный ресурс. http://www.tphv-history.ru/books/istoricheskaya-zhivopis-surikova5.html (дата обращения 23.04.22).

[31] *Суриков В.И.* Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. Электронный ресурс. http://az.lib.ru/s/ surikow_w_i/text_0010. Shtml (дата обращения 22.04.22).

русского торгового флота на Севере России и пр. Очень показательным является его очерк «О благосостоянии жителей губерний, близких к северу России». Издание, в котором содержались очень нелицеприятные отзывы в отношении некоторых ведомств и министерских чиновников, Михаил Константинович Сидоров не побоялся вручить императору Александру II (и получил через министра двора «высочайшую благодарность Его Величества»), наследнику трона цесаревичу Александру Александровичу, Великому князю Константину Николаевичу, военному министру графу Д.А. Милютину и другим министрам (Путей сообщения, Морскому), а также ученым, промышленникам и пр.

За участие в Политехнической выставке экспонент М.К. Сидоров был удостоен двух дипломов первой категории и двух больших золотых медалей. Но ещё более важно для защитника интересов Севера было то, что юбилей Петра I дал возможность продемонстрировать ресурсы северных окраин страны и проекты по развитию Сибири и Севера России. Сам Михаил Константинович видел в этом «намерение послужить памяти Величайшего… Монарха»[32].

Петровские мотивы в творчестве Михаила Константиновича Сидорова не исчерпываются лишь подготовкой картин из жизни Петра I и экспонатов к выставкам. Можно сказать, что вся подвижническая деятельность М.К. Сидорова – воплощение в жизнь замыслов его кумира – императора Петра Великого.

[32] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВГО – Всероссийское географическое общество
ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт, ныне – Вологодский государственный педагогический университет (Вологда)
ВГПУ – Вологодский государственный педагогический университет (Вологда)
ВИМАИВ и ВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
ВМФ – Военно-морской флот
ГААО – Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
ГАПК – Государственный архив Пермского края (Пермь).
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).
ГМЗ «Петергоф» – Государственный музей-заповедник «Петергоф» (Санкт-Петербург)
ГМЗ «Царское Село» – Государственный музей-заповедник «Царское Село» (Санкт-Петербург)
ГМИИ им. А.С. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
КГМ – Карельский государственный музей, ныне Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск)
МАГУ – Мурманский арктический государственный университет (Мурманск)
МГГУ – Мурманский государственный гуманитарный университет (2010–2015), ныне Мурманский арктический государственный университет (Мурманск)
МГУ – Московской государственный университет им М.В. Ломоносова (Москва)
МИРФ – Материалы для истории русского флота
НАРК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НМРК – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск)
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР БАН – Отдел рукописей Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ОРК НБРК – Отдел редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия (Петрозаводск)
ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГО – Русское географической общество
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СИРИО – Сборник императорского Русского исторического общества
СМП – Северное морское пароходство (Архангельск)
СПбИИРАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
СПбССЕ – Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции
СПбФАРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЦВММ – Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого (Санкт-Петербург).
ЧОИДР – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамовский Василий Николаевич – заведующий отделом научно-образовательной и просветительной работы Северного морского музея (Архангельск).
Аваков Петр Ашотович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону).
Акимова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, доцент кафедры русской литературы XIX-XX вв. Института филологии МПГУ (Москва).
Андреева Александра Юрьевна – художник-скульптор, архитектор, магистр музеологии и охраны объектов культурного и природного наследия, член ИКОМОС РФ, член ВООПИиК, старший научный сотрудник Архангельского краеведческого музея (Архангельск).
Андреева Зинаида Георгиевна – сотрудник Музея Алексея Николаевича Толстого Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва).
Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и Группой источниковедения Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург).
Бахарева Наталья Юрьевна – старший научный сотрудник, хранитель фонда живописи XVIII века Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).
Белов Александр Олегович – научный сотрудник отдела научно-образовательной и просветительной работы Северного морского музея (Архангельск).
Богомазова Анастасия Александровна – заведующий архивохранилищем личных и монастырских фондов РГАДА, преподаватель кафедры истории и исторического архивоведения факультета государственной культурной политики МГИК, сотрудник Соловецкого морского музея (Москва).
Болотина Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, главный специалист РГАДА (Москва).
Булыгин Олег Максимович – студент исторического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Бурменский Артем Игоревич – археолог, старший научный сотрудник Архангельского краеведческого музея (Архангельск).
Вертяшкина Анастасия Валентиновна – научный сотрудник Музея «Фридландские ворота» (Калининград).
Виноградова Ольга Леонидовна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела природы Музея мирового океана (Калининград).
Горшков Олег Евгеньевич – заместитель директора по научной работе Музея народных промыслов и ремёсел Приморья (п. Уйма Приморского района Архангельской области).
Гостев Игорь Михайлович – заведующий отделом военной истории Архангельского краеведческого музея (Архангельск).

Давыдов Руслан Александрович – кандидат исторических наук, заведующий сектором Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова (Архангельск).
Данков Михаил Юрьевич – действительный член РГО; Заслуженный работник культуры Республики Карелия (Петрозаводск).
Едовин Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Архангельского краеведческого музея (Архангельск).
Емелин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург).
Емельянова Лариса Леонидовна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела истории Музея мирового океана (Калининград).
Заозерский Даниил Сергеевич – младший научный сотрудник лаборатории биоресурсов и этнографии Института биогеографии и генетических ресурсов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова (Архангельск).
Захаров Виктор Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).
Зотова Олеся Александровна – начальник отдела научно-справочного аппарата РГАВМФ (Санкт-Петербург).
Иванюк Сергей Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» (Волгоград).
Илизаров Симон Семенович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва).
Карпова София Сергеевна – студентка исторического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Колесников Сергей Петрович – председатель правления Научно-исследовательского и издательского центра археографии, локальной истории и краеведения; член союза писателей России (Череповец Вологодской области).
Комолов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, главный специалист управления культуры администрации г. Воронеж.
Копелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.А. Герцена (Санкт-Петербург).
Кощцельняк Кароль (Kościelniak Karol) – кандидат исторических наук (Познань, Республика Польша).
Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).
Курапов Андрей Алексеевич – доктор исторических наук, заместитель директора по науке и экспозициям Астраханского музея-заповедника, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН (Астрахань).

Курбатов Олег Александрович – кандидат исторических наук, заведующий архивохранилищем микрофотокопий РГАДА (Москва).
Лобанов Дмитрий Алексеевич – начальник научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края (Пермь).
Луцковская Елена Федоровна – историк (Северодвинск Архангельской области).
Малов Александр Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва).
Манвелов Николай Владимирович – историк флота, консультант Российского военно-исторического общества, преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президента Российской Федерации (Москва).
Мегорский Борис Вадимович – кандидат политических наук (Санкт-Петербург).
Минаева Татьяна Станиславовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Михеева Мария Алексеевна – студентка исторического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Муратбакиева Анастасия Дмитриевна – исследователь-стажёр Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ (Санкт-Петербург).
Накишова Марина Тазабаевна – младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии; ассистент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).
Николаева Мария Валентиновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, главный специалист РГАДА (Москва).
Никонов Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета (Мурманск).
Пашков Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).
Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Полуэктова Елена Геровна – научный сотрудник Научно-исследовательского Арктического центра Министерства обороны РФ (Северодвинск Архангельской области).
Попова Людмила Дмитриевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск).
Проскурякова Мария Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург).

Проц Диана Анатольевна – научный сотрудник Национального музея Республики Карелия, хранитель музейных коллекций (Петрозаводск).
Рагозин Герман Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск).
Санакина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, главный архивист Государственного архива Архангельской области (Архангельск).
Славнитский Николай Равильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).
Сорокин Петр Егорович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).
Стромов Павел Анатольевич – председатель совета Челябинского регионального отделения Российского военно-исторического общества, аспирант исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск).
Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Институт археологии и этнографии Сибирского отрелления РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск).
Татаурова Лариса Вениаминовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, доцент кафедры первобытной истории и кафедры этнографии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета (Омск).
Третьякова Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра Министерства обороны РФ (Северодвинск Архангельской области).
Трофименко Василий Георгиевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного архива Архангельской области (Архангельск).
Федулин Никита Сергеевич – студент исторического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Хацкевич Максим Валерьевич – заведующий архивохранилищем РГАДА (Москва).
Хребтов Никита Андреевич – магистрант кафедры Отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Шаляпин Сергей Олегович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Высшей школы экономики управления и права Северного (Арктического) федерального университета им М.В. Ломоносова (Архангельск).
Шмелев Кирилл Владимирович – научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева СПбГУ (Санкт-Петербург).
Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина 3

Приветствие губернатора Архангельской области А.В. Цыбульского 5

ИСТОРИЯ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Гостев И.М. 8
Архангельск Петра Великого

Захаров В.Н. 18
Утрата Архангельском статуса ведущего внешнеторгового порта России при Петре I: объективные предпосылки и субъективные факторы

Базарова Т.А. 27
Шлотбург–Ниеншанц в истории России эпохи Петра Великого

Болотина Н.Ю. 40
Династические проекты Петра Великого: замыслы и реализация

Попова Л.Д. 52
Архиепископ Афанасий – сторонник Петра I в государственных делах и помощник царя в деле строительства на Русском Севере

Курапов А.А. 63
Роль Петра I в модернизации Астраханского края

Лобанов Д.А. 67
Инструкция Петра I Василию Татищеву перед поездкой на Урал, 1720 г

Комолов Н.А. 73
«Мой дорогой архангельский губернатор»: к биографии Ф.М. Апраксина в 1690-е гг.

Юркин И.Н. 81
Петр I, А.А. Виниус и Архангельск как регулятор межличностных коммуникаций

Накишова М.Т. 90
А.Д. Меншиков и А.М. Девиер: роль семейных связей в системе государственного управления первой трети XVIII в.

Илизаров С.С. 98
Последний проект Петра Великого: создание Императорской академии наук в Санкт-Петербурге

Богомазова А.А. 109
Морской флот Соловецкого монастыря последней четверти XVII – начала XVIII в.

Емельянова Л.Л., Виноградова О.Л. 120
Прусские маршруты Петра Первого: история с географией

Татаурова Л.В. 126
Русское население Западной Сибири в сфере торговых отношений петровской эпохи

Татауров С.Ф. 131
Эпоха Петра I в археологических исследованиях Тары

Едовин А.Г. 138
Указ о престолонаследии 1722 года и проблема легитимности российской власти в XVIII веке на примере судьбы «Брауншвейгского семейства»

Копелев Д.Н. 145
Джеймс Вейт и неизвестный колониальный проект Петровской эпохи

Полуэктова Е.Г., Третьякова С.Н. 153
Северный морской путь в проектах сподвижников и современников Петра I

Федулин Н.С. 161
Личность и деятельность Петра I в оценке Павла Николаевича Милюкова

Шмелев К.В., Муратбакиева А.Д. 167
Пограничные знаки Ништадского мира на Карельском перешейке. К вопросу о локализации участков границы

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Рагозин Г.С. 176
Борьба с шведским господством на Балтике в XVII-XVIII вв.: взгляд из Германии

Малов А.В. 185
Представители рода Кровковых в составе офицерского корпуса московских выборных полков в 1690-е годы

Курбатов О.А. 198
К истории людей «старых служб» в петровскую эпоху: поселенные и выборные солдаты северных уездов в начале XVIII века

Шаляпин С.О. 212
«Прикажи ты своим стрельцам, добрым молодцам, чтобы с топорами шли, все со плахами» (Мятежные стрельцы в монастырских темницах в конце XVII в)

Аваков П.А. 224
«Первая морская победа» Петра I

Николаева М.В. 237
К вопросу о создании по указу Петра I крепости «у города Архангельского на Малой Двинке»: участие в строительстве каменных дел подмастерьев Приказа Большого дворца и московских каменщиков (по материалам РГАДА)

Кощцельняк К. 251
Сражение при Якобштадте 25 июля (5 августа) 1704 г.

Сорокин П.Е. 258
Невский рубеж в начале Северной войны

Славнитский Н.Р. 272
Планирование Петром I осадных операций в первые годы Северной войны: замыслы и реализация

Кочегаров К.А. 281
Строительство Киевской крепости в 1707 г.: по материалам переписки И.С. Мазепы и Г.И. Головкина

Иванюк С.А. 298
Принуждение к миру: диверсионные операции русской армии на побережье Швеции (1719–1720)

Мегорский Б.В. 315
«Матрозы не шуми»: к вопросу о нравах в петровском флоте

Хацкевич М.В.
Рекрутская повинность в Архангелогородской губернии в 1710-х гг.: механизмы раскладки повинности и проведения наборов 323

Проскурякова М.Е.
Солдатские сыновья и подготовка военных кадров в Выборгском и Кексгольмском гарнизонах в 1710–1740-е гг. 331

Бурменский А.И.
Сбор подушных денег в Архангелогородской губернии в рамках реализации петровской реформы армии 338

Хребтов Н.А.
Гарнизонная служба в XVIII веке: создание и развитие 345

СОХРАНЕНИЕ ПЕТРОВСКОГО НАСЛЕДИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАМЫСЛОВ ПЕТРА

Санакина Т.А.
Документы петровского времени в Государственном архиве Архангельской области 356

Трофименко В.Г.
«Книга в малиновом бархате»: подлинные письма Петра Великого и его сподвижников в Государственном архиве Архангельской области 359

Емелин А.Ю.
Значение рукописей Петра Великого в истории Российского государственного архива Военно-Морского Флота 365

Зотова О.А.
Шканечные журналы кораблей и судов эпохи Петра Великого как исторический источник 371

Бахарева Н.Ю.
Баталии Северной войны в произведениях живописи из коллекции Государственного Эрмитажа 378

Абрамовский В.Н., Белов А.О.
«Устав Морской» Петра Великого, как инструмент организации русского флота 389

Стромов П.А.
Устойчивость Оренбургского проекта, как продолжения «юго-восточных» замыслов Петра I 395

Никонов С.А.
Описание рыбных промыслов Кольского уезда в начале XVIII в. в контексте эпохи петровских преобразований 402

Заозерский Д.С.
Реализация идеи Петра I об организации и ведении китобойного промысла на Севере России (на примере деятельности Беломорской компании в 1803–1813 гг.) 408

Манвелов Н.В.
Начало конца Архангельского главного порта во второй половине XIX века 413

Давыдов Р.А.
«Прививание» норвежских судов в Поморье в 1860-х гг., его результаты и последствия: единственная со времен Петра I попытка стимулирования российскими властями строительства судов иностранных типов частными судостроителями 420

Луцковская Е.Ф.
Торжества в Архангельске, посвящённые 200-летию Полтавской битвы 437

Вертяшкина А.В.
Места памяти Петра Первого в Калининградской области 448

Данков М.Ю., Проц Д.А.
Олонецкие хоромы царя Петра на «свейском рубеже» 457

Колесников С.П.
Вологодские контрасты Петровской модернизации: конец XVII – первая четверть XVIII столетия 477

Андреева А.Ю.
Объект культурного наследия федерального значения «Церковь Божией Матери Милующей» (г. Санкт-Петербург) – памятник воинской славы Российского военно-морского флота, хранящий традиции эпохи Петра I 492

Карпова С.С., Минаева Т.С., Михеева М.А.
Представления о деятельности Петра I на Русском Севере студенческой молодежи Архангельска 515

ОБРАЗ ПЕТРА I В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

Горшков О.Е.
Влияние образа Петра I на геокультурный ландшафт поселений Архангельской области 522

Пашков А.М.
Петровские памятные места Карелии в восприятии людей екатерининской эпохи 527

Андреева З.Г.
«Гнездо Петрово», Петровские реалии в Московском Музее А.Н. Толстого 541

Петров А.В.
Образ Петра I в поэзии Анатолия Лёвушкина 559

Акимова А.С.
«Верка, подай корону…»: Образ царевны Софьи в истории и литературе первой половины XX века 565

Булыгин О.М., Чуракова О.В.
Петровская тематика в творческом наследии Михаила Константиновича Сидорова 573

Список сокращений 582

Список авторов 584

Организаторы Малого Северного Петровского конгресса:
Правительство Архангельской области
Архангельский краеведческий музей
Институт Петра Великого
Российское историческое общество
Фонд «История Отечества»
Российское военно-историческое общество

Научное издание

ПЕТР I У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Материалы Малого Северного Петровского конгресса
Архангельск, 20–23 апреля 2022 г.

Составитель: И.М. Гостев
Дизайн, верстка: А.М. Буторин
Тексты статей публикуются в авторской редакции

Подписано в печать: 28.12.2022. Формат: 70 x 100/16
Гарнитура Calibri 11 pt . Печать офсетная.
Объем 37 п.л. Уч.-изд. л. 48,1. Тираж 150 экз.

Издательство: Государственное бюджетное учреждение культуры
Архангельской области «Архангельский краеведческий музей»
163000, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 85/86
www.kraeved29.ru